

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlaw 176.25

Harvard College Library

FROM THE

PRICE GREENLEAF FUND

Residuary legacy of \$711,563 from E. Price Greenleaf,
of Boston, nearly one half of the income from
which is applied to the expenses of the
College Library.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXIX. — 1/14 МАЯ 1907.

$$\frac{1286}{53} = 2$$

$$1286 - \frac{50}{2}$$

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ПЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій-Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Петербургская-Сторона,
Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

P Slav 176.25

$\frac{1284}{47.2}$ ~~Slav 30.2~~

3624

ВЪСТАНЪЕ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5.

МАЙ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я. — МАЙ 1907.

стр.

I.—ПАВЛИКИ С. М. СОЛОВЬЕВА.—Мои записки для детей моих, а также моих, и для других.—XI-XVI.	5
II.—«КУРСОВЫЕ».—Письма.—Часть первая I-X.—Юл. Левяцкой-Павленки.	10
III.—ПУТЬ ПЕРЕКЛИКОГО.—Г. ПЕТЕРБУРГ.—В. Обручева.	122
IV.—ПЕРЕКЛИКОГО.—Сток. Алексея Жемчужникова.	156
V.—П. МОНАСТЫРЕ.—Павловск Павлово-Полховский.—I-XII.—А. Гу- сакана.	187
VI.—АДАМЪ МИНЦЕВИЧЪ И ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ.—Влад. Каренина.	192
VII.—ПВРАТЬ.—Роман.—Gottfried Forban, roman, par Andre Lichtenberg.—VI-X. —С. Франц. О. Ч.	220
VIII.—ПАНИ «МОНАХИСТЫ» И ИХЪ ПРОГРАММЫ.—Очерк.—Л. З. Сав- винского.	265
IX.—ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ Н. П. ОГАРЕВА.—Слово Г. П. Гребеншица.	278
X.—ВЕЧЕРНИЙ ТЫН.—Эскиз из роману Э. Роза.—«L'homme attend sur la montagne».—Часть первая: I-IV.—Часть вторая: I-IV.—Часть третья: I-VII.—С. Франц. З. В.	277
XI.—СТИХОТВОРЕНИЯ.—Г. Кутин, И. Гейне.—II. Къ началу 1849 года. Изъ Панафи.—III. Изъ Михайлова: Могилы гарема.—IV. Ай-Тодоровъ и Кавказ. Изъ Крымского Альбома.—Анат. Доброхотова.	332
XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ.—Государственный Совет и Се- наторы.—Высшее дисциплинарное присутствие и шрифт.—Письмо проф. Маркова къ газету «Times», съ угрозами по адресу Государственной Думы.—Душевный состав Думы.—Опасные случаи.—Собудные люди и душевные комитеты.—Временное устройство членов Государственной Думы.—Пол- ный журнал.—Э. В. Франц. З.	356
XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—I. Полное собрание писемъ М. П. Ганина, т. I.—II. П. А. Лейкинъ, въ его воспоминанияхъ и перепискѣ.—III. П. Ходяковский, Олиэ Кери, съ чешского Ю. Анненкова.—IV. Галерея изпе- савиатурныхъ улик.—М. Г.—V. Литературно-художественные Азана- шки, под. «Школьникъ», кн. I-я.—З. В.—VI. Т. Шеняева, «Кобальдъ», русск. языкъ, п. р. И. Визулова.—Ж. Кн.—VII. Н. Озеровъ, Какъ распе- дается въ Россіи народная донья.—VIII. Рене Штурма, Водяной, перек. А. Шеняева.—IX. М. Заграйковъ, Социальная деятельность торговца, околоуража, въ Закавказьи, кн. I.—X. А. Кафодъ, Борьба съ торговлею въ Россіи и в-границахъ.—XI.—Статистическій ежегодникъ. Москва, губ. за 1906. Часть I.—З. В.—Новиза книги и брошюры.	356
XIV.—ВНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ.—Заграничные отзывы о русскихъ дѣлахъ.— Видать Государственный Думы въ лондонскомъ «Times».—Новиза между- народныхъ комитетовъ.—Тройственный союзъ и Италия.—Вопросъ о сокра- щении вооружений.—Политическая дѣла въ Австріи и Германии.	403
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Maurice Maeterlinck. L'Intel- ligence des Beaux.—З. В.	415
XVI.—ИЗЪ ОФИЦІАЛЬНОЙ ХРОНИКИ.—Два мѣсяца подъ угрозой «разгона».— Условия работы Думы.—Сужденія въ законодательствѣ о конституціи инди- видуальности.—Инцидентъ, связанный г. Зубовичемъ.—Положеніе предсе- дателя Думы.—Два слова о срѣзной шкѣ.—Новиза приказъ тов. Дума баже.—П. Ю. Славовъ. Т.	420
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Положеніе и время имени почетнаго академика Император- ской Академіи Павелъ Александровичъ Федоровичъ Кони.	469
XVIII.—НИЗЛОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОЕЦЪ.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣ- тій. Изд. Великаго Князя Николая Михайловича, т. III, кн. I.—Ал. Пе- селенский, Этюды и характеристики.—Письма членовъ дѣловъ, перек. М. Кута, п. р. Д. Кирова.—Морозовъ, Н. Очерки о г. Зубовѣ и Зубѣ.— Митрофановъ, П. Политическая деятельность Ивана II, въ исторіи и въ краѣ.—Денисовъ, П. Начала политической жизни.	

ЗАПИСКИ С. М. СОЛОВЬЕВА

МОИ ЗАПИСКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ МОИХЪ,

А ЕСЛИ МОЖНО, И ДЛЯ ДРУГИХЪ.

XI *).

Пришла весна (1843 г.); надобно было думать о будущемъ годѣ; Строгановы объявили, что пробудутъ и эту зиму въ Парижѣ, а лѣто—на богемскихъ водахъ, въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, потомъ въ Ахенѣ. Я свылся съ парижскою жизнью; изъ Россіи не приходило никакихъ вѣстей, которыя бы заставили меня спѣшить туда, и я рѣшился остаться еще зиму въ Парижѣ. Изъ Парижа въ Богемію я долженъ былъ отправиться одинъ, ибо, какъ выше сказано, въ Строгановскихъ каретахъ мнѣ не было мѣста; времени мнѣ было дано много на проѣздъ, потому что рано прекращалось ученье въ Парижѣ за сборами и поздно начиналось въ Карлсбадѣ, пока еще жизнь не приводилась въ порядокъ. Я воспользовался этимъ, чтобъ объѣхать южную Германію; поѣхалъ въ дилижансѣ изъ Парижа въ Страсбургъ, гдѣ пробылъ недолго, чтобъ только посмотреть знаменитый соборъ, показался мнѣ меньше, чѣмъ недостроенный вѣльнскій. Изъ Страсбурга я пріѣхалъ въ Карлсруэ, гдѣ, разумѣется, незадолго было долго оставаться; изъ Карлсруэ поѣхалъ въ Баденъ, куда пріѣхалъ вечеромъ, взялъ лондинера и велѣлъ

выше: апрѣль, стр. 437.

вести себя по достопримѣчательностямъ города.—Куда вы меня прежде всего поведете?—спросилъ я у него.—„Въ королевскія конюшни“,—былъ отвѣтъ.—Я не хочу въ конюшни, я не знаю толку въ лошадахъ.—„Ну, такъ пойдемте къ памятнику Шиллера“. Посмотрѣлъ я памятникъ Шиллера.—Ну, теперь куда же вы меня поведете?—„Въ королевскія конюшни“.—Но я уже вамъ сказалъ, что не хочу въ конюшни!—„Ну, пойдемте въ паркъ: тамъ есть великолѣпныя колоссальныя нимфы“. Пошли въ паркъ, посмотрѣлъ я на великолѣпныхъ колоссальныхъ нимфъ.—Теперь куда же вы меня поведете?—„Въ королевскія конюшни“.—Но, Боже мой! я уже вамъ сказалъ два раза, что не пойду въ конюшни!—„Ну, такъ идти болѣе некуда, у насъ нѣтъ больше никакихъ достопримѣчательностей!“—У васъ есть русская церковь?—„Есть, вонъ она на горѣ за городомъ; тамъ живетъ и священникъ; но теперь уже поздно идти туда; переночуйте, и завтра поутру пойдемъ“. Но я не рѣшился для свиданія съ русскимъ священникомъ ночевать въ Штутгартѣ, и въ ночь отправился чрезъ Аугсбургъ въ Мюнхенъ. Въ Мюнхенѣ ждалъ меня окладной дождь; вслѣдствіе этой непріятности я рѣшился весь первый день просидѣть дома, и чтобъ провести время съ пользою, написалъ статью о парижскомъ университетѣ, которую потомъ переписалъ въ Прагѣ и отправилъ къ Погодину, для напечатанія въ „Москвитянинѣ“, что и было исполнено. Это была вторая моя печатная статья, если не считать гимназической рѣчи; первая же статья, которую я написалъ по требованію Погодина и оставилъ ему, уѣзжая за границу, была критика на Венелинскую „Скандинавоманію“; я не зналъ, что Погодинъ ее напечаталъ и подписалъ подъ нею мое имя,—какъ, по возвращеніи изъ-за-границы, попался мнѣ въ руки „Славянскій Сборникъ“ Савельева-Ростиславича, гдѣ разругана, между прочимъ, и моя статья, а авторъ оной названъ *ниимеемъ*: это былъ мнѣ первый подарокъ отъ русской критики.

Окончивши статью о парижскомъ университетѣ, я сошелъ внизъ, въ общую залу, поужинать, и, перебирая извѣстія объ иностранцахъ, нашелъ, къ величайшему удовольствію, имя Александра Попова. На другой день я отправился къ нему и введенъ былъ имъ въ кругъ русскихъ художниковъ, изъ которыхъ самый замѣчательный и пріятный, какъ человекъ, былъ Моллеръ; замѣчателенъ былъ также граверъ Степановъ, который въ загородныхъ прогулкахъ потѣшалъ насъ своими штукаами съ нѣмцами и нѣмками. Степановъ былъ руссофилъ, презиралъ нѣмцевъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на трусовъ, и уважалъ свой русскій

кулакѣ, какѣ персональный признакъ превосходства. Проведши весело время въ Мюнхенѣ, въ посѣщеніи глиптотеки, пинакотечи, дворца, церквей, проводивши съ *эгоистическимъ* вздохомъ Попова, — потому что мнѣ жаль было собственно не Попова, а досадно было, что онъ отправился пѣшкомъ въ Тироль, а оттуда въ Италію, которую судьба заперла для меня, по крайней мѣрѣ въ молодости, — я выѣхалъ въ Регенсбургъ, чтобъ посмотреть Валгаллу. Погода преслѣдовала меня въ Баваріи: въ Мюнхенѣ почти не было ни одного свѣтлаго дня: меня утѣшали, что здѣсь это обыкновенная погода. Въ Регенсбургъ я пріѣхалъ также въ дождь; но дѣлать было нечего: долго оставаться мнѣ было нельзя здѣсь, и въ окладной дождь я отправился въ Валгаллу, по мокрымъ дорожкамъ, покрытымъ улитками, взобрался къ знаменитому зданію; оно не поразило меня очень ни формою, ни внутреннимъ содержаніемъ; больше прельстило меня мѣстоположеніе, хотя половина красоты его уничтожалась дурною погодою. Въ Регенсбургъ съ любопытствомъ и тоскою смотрѣлъ я на зеленый Дунай: онъ текъ къ счастливымъ странамъ юга, а я долженъ былъ двигаться все на сѣверъ да на западъ! Видѣлъ древній соборъ, гдѣ мнѣ показывали дорогіе сосуды, — но этого добра у насъ много и въ Россіи; водили меня и къ тюремнымъ погребамъ, для показанія глубины которыхъ чечероне зажигалъ бумагу и бросалъ внизъ; показывали гнусную машину, на которой видны были еще остатки крови послѣ пытокъ. Вечеромъ, насмотрѣвшись всѣхъ этихъ диковинокъ, выѣхалъ я въ почтовой каретѣ изъ Регенсбурга въ Карлсбадъ; со мною помѣстилась дама пожилая, но очень пріятная, съ сыномъ, красивымъ молодымъ человекомъ лѣтъ двадцати. По языку я узналъ, что это — поляки; по сѣрой студенческой шинели они узнали, что я — русскій; завязался разговоръ на французскомъ языкѣ; оказалось, что дама была литовская графиня Довьялло, разумѣется, патриотка, живая, умная, образованная, пріятная, вкрадчивая. Она жаловалась на несчастное состояніе своего отечества, вспоминала славную старину литовскую, которую знала изъ исторіи Нарбута; съ ужасомъ говорила о впечатлѣніи, какое произвела на нее регенсбургская тюрьма и орудія пытки, причемъ прибавила: „Меня ужасаетъ, что нашъ вѣкъ стремится все къ старинѣ, къ этимъ среднимъ вѣкамъ, отъ которыхъ остались намъ такіе страшные остатки“. Я отвѣчалъ ей на это: „Зачѣмъ же вы сейчасъ такъ горячо заступались за католицизмъ: вѣдь возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ дѣлается во имя послѣдняго, и тюрьмы инквизиціи были самыя страшныя, а католицизмъ можетъ ли быть безъ инквизиціи?“ Она замолчала.

Пріѣхавши въ Карлсбадъ, я пробылъ здѣсь недолгое время: Строгановы еще не пріѣзжали, и не было надежды, чтобы пріѣхали скоро, а потому я отправился въ Прагу. Теперь я отправлялся въ Прагу уже во второй разъ; прошлаго года я ѣздилъ туда на короткое время изъ Теплица, встрѣтилъ тамъ Попова, познакомился съ Ганкою, Палацкимъ, и только; Шафарика тогда не было въ городѣ; теперь, взявши еще въ Мюнхенѣ отъ русскихъ письма къ „властенцамъ“ (патріотамъ), я рѣшился пробыть въ Прагѣ съ недѣлю и ближе присмотрѣться къ славянскому движенію. Прежде всего, по письму я близко познакомился съ молодымъ человѣкомъ, Лиманомъ, горячимъ властенцемъ; онъ познакомилъ меня съ другими себѣ подобными, ввелъ въ трактиръ, гдѣ они обыкновенно собирались. Что касается до властенцевъ, то это были люди превосходные, чистые, добродушные; не на одного меня, но на всѣхъ русскихъ производили они самое пріятное впечатлѣніе, такъ что каждый, сблизившись съ ними, уѣзжалъ изъ Праги съ тоскою. Какъ люди партіи, они жили одною мыслью, одною мечтою; горизонтъ ихъ вслѣдствіе этого сужился; они не видали своего положенія, не видали, что ихъ очень мало, что народъ равнодушенъ. Кромѣ трактира, они ввели меня въ свои дома; я увидалъ ихъ простую жизнь, ибо все это были люди недостаточные; познакомился съ нравами ихъ женщинъ, которыя меня удивили: чешки—настоящія польки, живыя, нецеремонныя; въ отношеніяхъ между двумя полами господствуетъ полная свобода; во время загородныхъ прогулокъ, напримѣръ, каждый мужчина беретъ себѣ даму (т.-е. дѣвушку), идутъ подъ руку и говорятъ сладости. Въ одинъ прекрасный день, въ воскресенье, сговорившись, толпа властенцевъ и властенокъ, въ томъ числѣ и я, вышла тѣмъ свѣтъ на загородную прогулку къ св. Прокопу, въ монастырѣ котораго отправлялось нѣкогда славянское богослуженіе, почему память его и стала священною для властенцевъ. Прогулка была восхитительная, по горамъ; возвратились поздно вечеромъ; пѣснямъ, властенскаго, разумѣется, содержанія, танцамъ—не было конца. Танцевалъ и я,—это было въ послѣдній разъ въ моей жизни. Возвратившись домой, я нашелъ въ карманѣ нѣсколько бѣлыхъ пряниковъ съ изображеніемъ льва: бѣлый левъ—гербъ Богеміи, котораго властенцы противопоставляютъ австрійскому орлу. Однажды я зашелъ къ одному властенцу-рытцу, т.-е. граверу; съ восторгомъ на лицѣ показалъ онъ мнѣ только-что оконченную работу свою: вырѣзанъ былъ орелъ, котораго зубами за шею ухватилъ левъ. Что касается до знаменитостей чешскихъ, то Ганка имѣетъ чисто русскую фizioномію, напоминаетъ нашихъ

плутоватыхъ управителей или ходатаевъ по дѣламъ; властенцы—либералы, и потому не любятъ Ганку за его пресмыканіе предъ русскимъ правительствомъ, за это благоговѣніе къ владимірскому ордену, который онъ имѣетъ. Дѣйствительно, Ганка вовсе не отличается безкорыстіемъ, какое я замѣтилъ въ властенцахъ. Видѣвшись со мною не болѣе трехъ, четырехъ разъ, онъ уже обратился ко мнѣ съ просьбою, не могу ли я черезъ министра Уварова (!!) выхлопотать ему мѣсто русскаго консула въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, гдѣ лѣтомъ бываетъ всегда такъ много русскихъ! Палацкій—очень ловкій, учтивый, пріятный человекъ въ обращеніи, съ пріятною наружностью—вотъ все, что я могъ замѣтить, посѣтивши его разъ. Шафарикъ—высокая, серьезная, протестантская фигура; онъ мнѣ напомнилъ схимниковъ въ нашихъ монастыряхъ, которые, какъ къ нимъ придетъ кто-нибудь, начинаютъ заушечную душеспасительную бесѣду; такъ и Шафарикъ, узнавши, что я русскій, не далъ мнѣ ни слова сказать, а началъ говорить длинную іереміаду о плачевномъ состояніи, въ какомъ находятся они, западные славяне, и окончилъ тѣмъ, что единственное сокровище, оставшееся у нихъ, это—языкъ: „Я твержу своимъ постоянно: сохраняйте языкъ—и съ нимъ все сохраните“. Тѣмъ оканчивалась рѣчь, или лекція.

Подобно всѣмъ русскимъ, и я выѣхалъ изъ Праги съ тоскою. На дорогѣ развлекъ меня одинъ забавный случай. Ъхалъ со мною вмѣстѣ какой-то французъ, началъ толковать о политикѣ и, узнавши, что я русскій, толковать о стремленіи къ панславизму: „Вѣдь это сліяніе довольно трудно,—говорилъ онъ,—потому что славянскіе народы не могутъ понимать другъ друга,—напримѣръ, вы, русскіе, не можете понимать чеха?“ Мнѣ захотѣлось подшутить надъ французомъ: „Какъ? — отвѣчалъ я:—русскій можетъ понимать чеха, и наоборотъ; вотъ вамъ доказательство: кучеръ у насъ чехъ; я буду говорить съ нимъ по-русски, а онъ будетъ мнѣ отвѣчать по-чешски“, и, обратившись къ кучеру, я сказалъ ему что-то по-чешски, и тотъ мнѣ отвѣчалъ. Французъ, не понявши моей шутки, пришелъ въ ужасъ: „Когда такъ, то Австрія, разумѣется, погибнетъ!“—сказалъ онъ.

XII.

Жизнь въ Карлсбадѣ и Теплицѣ (1844 г.) не представляла для меня ничего замѣчательнаго: днемъ—уроки, собственныя занятія; вечеромъ—одинокія прогулки по красивымъ окрестностямъ. По окон-

чаніи водъ богемскихъ, Строгановы рѣшили, что графиня съ семействомъ поѣдетъ еще въ Ахенъ, на тамошнія воды, а графъ изъ Дрездена отправится въ Петербургъ, гдѣ возьметъ старшаго сына Григорія, выходящаго изъ пажескаго корпуса, и привезетъ его въ Ахенъ, на короткое свиданье съ матерью, послѣ чего опять—въ Парижъ. Отъѣздъ графа опросталъ для меня мѣсто въ каретѣ, и я отправился въ Ахенъ вмѣстѣ съ Строгановыми. Вся дорога была мнѣ хорошо извѣстна; Ахенъ я также подробно разсмотрѣлъ прошлаго года. Здѣсь жизнь моя была одинакова съ жизнью на богемскихъ водахъ; большой городъ представилъ мнѣ только то удобство, что я могъ записаться въ библіотеку для чтенія. Вздумалъ—было я забраться въ театръ ахенскій, будучи прельщенъ его красотой. Давали комическую оперу—*„Постильонъ де Лонгжюмо“*, которая такъ прекрасно шла въ Парижѣ; явилась на сцену рыжая нѣмка; какъ она пѣла—я уже не помню; помню одно, что, пропѣвши что-то, она преспокойно предъ всею публикою тяжеловѣсно плюнула на полъ. Я бѣжалъ изъ театра и больше уже туда—ни ногой. Пріѣхалъ графъ съ сыномъ; послѣдній, очень похожій на мать, не имѣлъ въ себѣ ничего Строгановскаго: живой, болтунъ, шумиха, крѣпко пусть съ кадетскимъ образованіемъ; красивъ, строенъ, но глаза ужасные, свинцовые большіе: послѣ онъ сдѣлался знаменитымъ (это онъ былъ фаворитомъ, а послѣ негласнымъ мужемъ в. княгини Маріи Николаевны). Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ назадъ въ Россію, а мы поднялись въ Парижъ, я—особо. Жизнь моя эту зиму въ Парижѣ была совершенно сходна съ прошлогоднею, только скучнѣе, ибо по воскресеньямъ не было моего постоянного спутника, Сажина. Въ самый Свѣтлый день пріѣхалъ Поповъ и пробылъ нѣсколько недѣль. Весною (1845 г.) Строгановы начали толковать опять, что и слѣдующую зиму проведутъ въ Парижѣ; но я уже рѣшилъ возвратиться въ Россію: въ Парижѣ мнѣ рѣшительно нечего было болѣе дѣлать. Я написалъ два письма—одно къ московскому Строганову, гдѣ объяснялъ ему невозможность оставаться долѣе въ семействѣ его брата; другое—къ Погдину, въ которомъ объяснялъ ему мое положеніе и просилъ совѣта, думая, что онъ лучше другихъ можетъ сообщить мнѣ извѣстія о дѣлахъ университетскихъ. Строгановъ отвѣчалъ мнѣ, что нисколько не удерживаетъ меня въ Парижѣ, но желалъ бы, чтобъ я провелъ нѣсколько времени въ славянскихъ странахъ, сблизился съ главными представителями славянской науки. Ясно было, что Строгановъ хотѣлъ, чтобъ я занялъ катедру русской исторіи въ московскомъ университетѣ и зна-

комствомъ съ славянщиною на мѣстѣ прибрѣлъ къ тому больше средствъ и правъ. Но я считалъ вовсе излишнимъ для русской исторіи оставаться долѣе въ славянскихъ странахъ и, вмѣсто чтенія ея источниковъ, услаждаться патріотическими жалобами Шафарика и Гавки и возгласами молодыхъ властенцевъ; мнѣ нужно было спѣшить готовиться къ магистерскому экзамену, притомъ же у меня не было денежныхъ средствъ оставаться долѣе заграницею. — Письмо Погодина поразило меня своею странностью: оно начиналось и оканчивалось сильными выраженіями благодарности за довѣріе, которое я ему оказывалъ; чудакъ, непривыкшій, чтобъ ему оказывали довѣріе, счелъ за нужное благодарить молодого человѣка, который, по неопытности своей, никакъ не могъ понять, за что благодарятъ его. И тутъ же, двусмысленностью отвѣта, неумѣньемъ отплатить довѣренностью за довѣренность, Погодинъ давалъ мнѣ знать, что я дѣйствительно сдѣлалъ глупость, обратившись къ нему. Онъ писалъ, что оставилъ каведру, что хочетъ ѣхать въ Швецію—заниматься варяжскимъ періодомъ, въ южную Сибирь—для занятій монгольскимъ періодомъ; что мнѣ нужно было бы возвратиться въ Россію для занятій русскою исторіею, но и пожить подольше заграницею было бы также очень полезно; что во всякомъ случаѣ мѣсто адъюнкта будетъ мнѣ готово. Если онъ вышелъ изъ университета, если каведра опросталась, и я долженъ занять ее, то я долженъ спѣшить для этого въ Россію, но какая же мнѣ польза оставаться заграницею, когда я уже пробылъ здѣсь два года? и что значить, что мнѣ будетъ мѣсто адъюнкта?—Послѣ все объяснилось.

Понятно, что такое письмо только усилило во мнѣ желаніе выйти изъ темноты поспѣшнымъ возвращеніемъ въ Россію. Лѣто я хотѣлъ употребить на путешествіе по тѣмъ частямъ Германіи, гдѣ еще не былъ. Изъ Парижа отправился я въ дилижансѣ въ Мецъ, отсюда на пароходѣ по Мозелю и потомъ по Рейну въ Мангеймъ, изъ Мангейма по желѣзной дорогѣ въ Гейдельбергъ. Приѣхавши сюда ночью, на другой день отправился въ университетъ—узнать, когда и гдѣ читаютъ три профессора, которыхъ мнѣ хотѣлось слышать—Крейцеръ, Рау и Шлоссеръ. Крейцеръ, по старости, читалъ у себя на дому; я отправился туда и отрекомендовался автору „Символики“, дряхлому, очень невзрачному старику въ рыжемъ парикѣ; начали приходить студенты; Крейцеръ сталъ читать, и я сначала пораженъ былъ очень непріятно неуваженіемъ студентовъ къ профессору и къ своему дѣлу: они шумѣли, смѣялись подъ носомъ у Крейцера. Старикъ читалъ о

развитіи чувства изящнаго у грековъ — „tritum per tritum“; но когда дѣло дошло до знаменитаго мѣста въ Иліадѣ, гдѣ троянскіе старцы изумляются красотѣ Елены, старикъ Крейцеръ самъ превратился въ троянскаго старца, какъ будто бы увидалъ предъ собою Елену и прочелъ мѣсто съ большимъ чувствомъ. Что касается до двухъ другихъ гейдельбергскихъ знаменитостей, Рау и Шлоссера, то первый читаетъ очень сухо и скучно, а второй, напротивъ, очень живо, смѣшитъ студентовъ анекдотами; онъ мнѣ показался еще очень свѣжимъ старичкомъ. На лекціи у Крейцера познакомился я съ русскимъ студентомъ Благовѣщенскимъ, воспитанникомъ педагогическаго института, бывшимъ потомъ профессоромъ въ Казани и Петербургѣ. Это былъ еще молоденькій, красивенькій мальчикъ, не общавшій многого. Благовѣщенскій познакомилъ меня съ своимъ товарищемъ Мейеромъ, который и тутъ былъ тѣмъ же, чѣмъ послѣ, работалъ страшно много — и только; наконецъ, третій русскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь, былъ Вернадскій, присланный отъ кіевскаго университета. И этотъ явился предо мною здѣсь точно такимъ же, какимъ я зналъ его послѣ въ Москвѣ: человекъ живой, не безъ дарованій, безъ крѣпкихъ убѣжденій и невыносимо дерзкій; не имѣя способности крѣпко вдумываться во что бы то ни было, не находя большого интереса въ самихъ явленіяхъ безъ отношенія къ себѣ, онъ позволялъ себѣ очень часто высказывать нелѣпости, и если кто осмѣлится замѣтить, что это нелѣпость, и вступить въ споръ, то Вернадскій выходитъ изъ себя, кричитъ, громоздитъ нелѣпость на нелѣпость и, чтобъ поддержать первую нелѣпость, говорить дерзости противнику. Вообще, это былъ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ, самыхъ отталкивающихъ людей, какихъ только я встрѣчалъ.

Вторую половину лѣта провелъ я съ Строгановыми на ботемскихъ водахъ, въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, въ Дрезденѣ протисился съ ними и черезъ Берлинъ, гдѣ провелъ только одну ночь, отправился по желѣзной дорогѣ въ Свинемюнде, гдѣ сѣлъ на пароходъ и въ началѣ сентября приѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь провелъ нѣсколько дней, чтобъ исполнить нѣкоторыя порученія Строгановыхъ, и въ дилижансѣ отправился въ Москву. Сергѣй Строгановъ встрѣтилъ меня какъ нельзя лучше, сказалъ, что мѣсто для меня очищено выходомъ Погодина, чтобъ я приготавлился къ магистерскому экзамену, успѣшное выдержаніе котораго дастъ мнѣ право на каеэдру, объявилъ мнѣ, что братъ его Александръ остался мною чрезвычайно доволенъ. Но это удовольствіе скоро прекратилось — вотъ по какому случаю. Однажды,

сидя со мною наединѣ въ комнатѣ, графъ вдругъ спросилъ меня: „Скажите, пожалуйста, справедливы ли слухи, которые носятъ здѣсь, что графиня Наталья Викторовна приняла католицизмъ?“ Застигнутый врасплохъ, я началъ обходить рѣшительный отвѣтъ;—Строгановъ настаивалъ; что мнѣ было дѣлать? я видѣлъ передъ собою человѣка, котораго уже считалъ своимъ благодѣтелемъ, не имѣлъ никакой причины не желать добра и Александру, и рѣшился сказать все, что зналъ, именно все то, что изложено мною выше. Строгановъ все это написалъ брату, съ извѣщеніемъ быть осторожнѣе. Александръ, получивши это письмо, сильно разсердился на меня, какъ на человѣка, наядбничавшаго брату на него и на жену его; изъ его отвѣтнаго письма Сергѣй сказалъ мнѣ одно: „Братъ пишетъ, что вы ихъ не поняли“.— „Чего же тутъ не понять,—отвѣчалъ я ему:—развѣ я сказалъ вамъ больше того, что говорятъ другіе русскіе?“ Сергѣй-то очень хорошо зналъ, что я въ своемъ разсказѣ очень уменьшилъ разсказы, въ которыхъ ходили слухи относительно поведенія графини—религіознаго и нравственнаго, и потому принялъ мою сторону и сердился на брата, который не умѣлъ понять дѣла; но тотъ не переставалъ сердиться на меня, и, возвратившись въ Петербургъ не упускалъ случая срывать свое сердце; вооружился противъ моей ученой репутаціи, кричалъ, что я человѣкъ недаровитый, и потому не могу оказать большихъ услугъ наукѣ; что я, находясь въ Парижѣ, занимался вовсе не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало; когда начала выходить моя „Исторія“,—находилъ удовольствіе писать брату длинныя письма, въ которыхъ ругалъ сочиненіе. Сергѣй обыкновенно объявлялъ мнѣ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Вонъ какое длинное письмо написалъ братъ о вашей книгѣ! онъ до васъ не охотникъ, но онъ не знаетъ настоящаго положенія науки, судить по старому“. Только послѣ выхода пятаго тома, Сергѣй сказалъ мнѣ: „Братъ пишетъ, что прочелъ вашъ пятый томъ, но не прибавляетъ никакого объ немъ сужденія“. Я началъ готовиться къ экзамену, т.-е. сталъ писать диссертацию. Выбралъ тему: княженіе Іоанна III-го; прежде всего началъ заниматься Новгородомъ и увидалъ, что для пониманія послѣднихъ судебъ Новгорода, послѣднихъ отношеній его къ московскому государю необходимо представить полную исторію его отношеній къ великимъ князьямъ, и такимъ образомъ, вмѣсто диссертациі объ Іоаниѣ III-мъ, вышла диссертациа объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Что касается до экзамена, то я перечитывалъ выписки, сдѣланныя мною прежде изъ всего прочтеннаго.

и этого было достаточно; изъ пароднаго права приготовиться было легко по одной книжкѣ, по Клюбери, изъ древней географіи—также по Энциклопедіи Древностей Гофмана; изъ новой безпокоиться было нечего: экзаменовать долженъ былъ Ефремовъ, мой берлинскій знакомецъ, который получилъ въ это время званіе приватъ-доцента географіи при университетѣ; оставались политическая экономія и статистика; я рѣшился изъ этихъ предметовъ ограничиться старыми лекціями Чивилева и исторіею политической экономіи Бланки, а между тѣмъ отправился къ Чивилеву съ цѣлю представить ему, что мой магистерскій экзаменъ не можетъ быть обыкновеннымъ экзаменомъ, что моя цѣль показать способность свою занять каѳедру русской исторіи, для чего будетъ служить хорошая диссертация; а чтобы написать хорошую диссертацию, нужно употребить для нея все время, а не тратить его на предметы чуждые. Мнѣ хотѣлось побудить Чивилева опредѣлить мнѣ, изъ какихъ предметовъ именно онъ предложить мнѣ вопросы. Но Чивилевъ встрѣтилъ меня очень сухо, и когда я спросилъ, что мнѣ нужно приготовить для экзамена, то онъ отвѣчалъ, что если я прочту всѣ книги по политической экономіи и статистикѣ, которыя онъ рекомендовалъ намъ на лекціяхъ, то этого будетъ достаточно. Я зналъ и безъ него, что такъ должно было сдѣлать, но зналъ, что это невозможно, и потому не прибавилъ ничего къ его лекціямъ по Бланки и продолжалъ попрежнему употреблять большую часть дня на диссертацию.

Причина нелюбезности Чивилева, не хотѣвшаго оказать ни малѣйшаго вниманія къ моему положенію, заключалась въ томъ, что всѣ профессора такъ-называемой западной партіи были противъ меня: они были очень рады, что избавились отъ Погодина, и, считая меня его кліентомъ, вовсе не хотѣли обуваться изъ сапоговъ въ лапти, пускать къ себѣ другого, молодого славянофила; а что я не былъ славянофиломъ, они этого не знали, потому что я ни къ кому изъ нихъ не ходилъ, а статья моя о парижскомъ университетѣ, напечатанная въ „Москвитинѣ“, была въ славянофильскомъ духѣ: я уже, кажется, говорилъ, что въ университетѣ и заграницею я былъ дѣйствительно жаркій славянофилъ, и только пристальное занятіе русскою исторіею спасло меня отъ славянофильства и ввело мой патріотизмъ въ должные предѣлы.

Итакъ, противъ меня готовилось сильное сопротивленіе; на кого же я могъ опереться, въ комъ искать защиты противъ профессоровъ западной стороны, могущественныхъ своимъ един-

ствомъ, достоинствами, силою у попечителя? На славянофиловъ? —но и съ ними я не былъ знакомъ, они меня вовсе не знали; притомъ въ университетѣ у нихъ былъ одинъ представитель—Шевыревъ, безсильный по одиночеству и по неуваженію начальства и товарищей.

XIII.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1845 года начались мои экзамены. Первый былъ изъ всеобщей исторіи. Передъ началомъ экзамена, Грановскій подошелъ ко мнѣ съ упрекомъ, затѣмъ я не пріѣхалъ къ нему и не переговорилъ насчетъ вопросовъ, и просилъ меня указать ему предметы, о которыхъ я желаю получить вопросы. Я отвѣчалъ, что выбралъ бы вопросъ о реформаціи; на это Грановскій замѣтилъ, что предметъ—щекотливый, особенно неловко будетъ трактовать о немъ въ присутствіи Строганова; тогда я отвѣчалъ, что если нельзя отвѣчать о реформаціи, которою я въ недавнее время занимался, то пусть самъ назначить вопросы, ибо мнѣ все равно. Онъ мнѣ назначилъ первый вопросъ изъ исторіи Франціи о первыхъ Капетингахъ; второй—изъ исторіи Испаніи, — позабылъ уже, что именно; касательно же третьяго, Грановскій предложилъ вопросъ о развитіи русской и западной лѣтописи; я замѣтилъ, что вопросъ мнѣ не нравился; но Грановскій настаивалъ—и я согласился. Причина такого настаиванія со стороны Грановскаго была та, что славянофилы, органомъ которыхъ въ это время былъ Шевыревъ, провозглашали, что русская лѣтопись выше западной, ибо въ послѣдней выходитъ наружу личность лѣтописца, тогда какъ въ русской этого вовсе нѣтъ; поэтому западнымъ очень хотѣлось знать, какъ я рѣшу этотъ вопросъ.

Моя начитанность въ исторіи, особенно во французской, дала мнѣ возможность и не приготовившись отвѣчать вполне удовлетворительно; Грановскій не могъ не признать этого, и въ отвѣтѣ написалъ, что я обнаружилъ обширную начитанность, но прибавилъ, что я затрудняюсь въ изложеніи—намекъ, что у меня нѣтъ способности къ занятію профессорской кафедрой. Вторымъ экзаменъ былъ изъ русской исторіи; положено было пригласить стараго профессора, Погодина; Погодинъ явился и, не сказавши мнѣ ни слова, задалъ вопросъ:—изложить исторію отношеній Россіи къ Польшѣ съ древнѣйшихъ до послѣднихъ временъ. Я не хочу думать, чтобъ вопросъ этотъ былъ заданъ злонамѣренно; гораздо вѣроятнѣе для меня, что вопросъ такой былъ

выбранъ просто по научной безтактности, которою отличался Погодинъ. Прежде всего, разумѣется, я долженъ былъ отвѣтить кратко, ибо говорить подробно—для этого недостало бы цѣлаго дня, не только вечера; но, съ другой стороны, я долженъ былъ показать свои знанія въ подробностяхъ русской исторіи. Неприготовленный, не имѣя возможности, времени обдумать, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, я началъ бросаться въ сторону, чтобъ показывать свое знаніе собственно въ русской исторіи, но Погодинъ не давалъ мнѣ этого дѣлать, сейчасъ же замѣчалъ, что я вдаюсь въ ненужныя подробности, не идущія прямо къ дѣлу; и такимъ образомъ я проболталъ цѣлый вечеръ, протягивая чрезъ девять вѣковъ отношенія Россіи къ Польшѣ. Да не забудется, что для сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса тогда не сдѣлано было ничего, что для этого сдѣлалъ я же вслѣдствіе почти двадцатилѣтнихъ трудовъ по неизвѣстнымъ архивскимъ источникамъ. Погодинъ объявилъ, что я отвѣчалъ удовлетворительно; но западники провозгласили,—разумѣется, не въ засѣданіи,—что вопросъ и отвѣтъ были гимназическіе, а не магистерскіе, и изъ отвѣта моего вовсе нельзя заключить о моей способности къ занятію профессорской катедры: заключеніе совершенно справедливое! Третій экзаменъ, особенно экзаменъ изъ статистики, былъ совершенно неудачный: Чивилевъ предложилъ мнѣ вопросъ, которымъ подробно я именно не успѣлъ заняться передъ этимъ—вопросъ о русской торговлѣ.

Эти неудачи мои заставили Погодина и Шевырева дѣйствовать рѣшительнѣе для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ, т.-е. для введенія Погодина опять въ университетъ. Съ самаго пріѣзда моего изъ-за-границы, видясь съ Погодинымъ, я замѣчалъ, что онъ сильно жалѣетъ о своемъ выходѣ изъ университета, и сильно злѣ на университетское начальство, зачѣмъ оно не просило его остаться: „Вотъ и Шафарикъ пишетъ, зачѣмъ я такъ рано оставилъ университетъ; вонъ и Антонскій говоритъ: „Рано, рано въ отставку!“—пѣлъ онъ мнѣ по вечерамъ, когда я къ нему пріѣзжалъ. Когда я ему сказалъ, что уже началъ писать диссертацию, именно объ Иванѣ III, то онъ мнѣ сказалъ на это: „А почему бы вамъ не заняться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о варягахъ?“ Я отвѣчалъ, что считаю вопросъ рѣшеннымъ, и нахожу болѣе интереса въ позднѣйшихъ явленіяхъ. Потомъ онъ мнѣ однажды замѣтилъ: „Что же вы пишете диссертацию, и со мной объ ней никогда не поговорите, не посоветуетесь?“ Я отвѣчалъ: „Я не нахожу приличнымъ совѣтоваться, потому что хорошо ли, дурно ли напишу я

диссертацию—она будетъ моя, а стану совѣтоваться съ вами и слѣдовать вашимъ совѣтамъ, то она не будетъ уже вполнѣ моя“. — „Что же за бѣда!—отвѣчалъ Погодинъ:—мы такъ и скажемъ, что диссертация написана подъ моимъ руководствомъ“. Я ничего не отвѣчалъ на это, но всякій пойметъ, что затаялось въ душѣ моей послѣ этого разговора. Передъ началомъ экзаменовъ я какъ-то зашелъ къ Давыдову, какъ декану. Давыдовъ съ нахмуреннымъ лицомъ вдругъ спросилъ меня: „Что же это значитъ? Михаилъ Петровичъ Погодинъ хочетъ опять войти въ университетъ: вѣдь мы имѣемъ васъ въ виду“. Озадаченный этими словами, я отвѣчалъ, что ничего не знаю, что это—дѣло университета: какъ онъ рѣшитъ, такъ и будетъ. Давыдовъ, по природѣ своей, заподозрилъ слова мои въ неискренности, заподозрилъ, что у меня съ Погодинимъ стачка, и такъ какъ онъ не любилъ Погодина по соперничеству въ милостяхъ Уварова, и какъ не любилъ всѣхъ, кто былъ покрупнѣе, былъ очень доволенъ выходомъ его изъ университета, то началъ смотрѣть на меня какъ на Погодинскаго клиента, съ которымъ вмѣстѣ хочетъ войти и Погодинъ опять въ университетъ. Послѣ неудачнаго экзамена я пришелъ къ Строганову, не помню, самъ ли, или онъ меня позвалъ. Онъ встрѣтилъ меня жалобами на мой неудачный экзаменъ. Я разсказалъ ему прямо причины моей неудачи, прямо объявилъ, что, имѣя въ виду катедру русской исторіи, я счелъ нелѣпнымъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить главнымъ, диссертацией, которая должна показать мои права на катедру предъ всею ученою Россіею, заниматься статистическими подробностями; что же касается до нелѣпаго вопроса по русской исторіи, то, конечно, я въ немъ не виноватъ. „Экзаменъ прошелъ,—продолжалъ я,—остается диссертация, которую я подамъ немедленно,—она рѣшитъ все, а противъ интригъ я дѣйствовать не умѣю“. — „Противъ какихъ интригъ?“ — возразилъ Строгановъ. „Считаю неприличнымъ,—отвѣчалъ я,—распространяться теперь объ этомъ; если ваше сіятельство еще ничего не знаете, то скоро все узнаете: у меня есть соперникъ—кто—объ этомъ я вамъ теперь не скажу“. Строгановъ, какъ видно, зналъ объ интригахъ Погодина и Шевырева, и очень былъ радъ услышать отъ меня, что я смотрю на это дѣло, какъ на интригу, противъ меня направленную; изъ тона негодованія, досады, съ которыми я говорилъ ему объ этомъ, онъ понялъ, что я въ этой интригѣ участвовать не могу, не подставляю своихъ плечъ, чтобъ внести Погодина въ университетъ. Строгановъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ, сталъ меня ободрять, повторялъ, что главное—диссертация, а не экзаменъ, и мы разстались очень хорошо.

Я, дѣйствительно, скоро, какъ мнѣ помнится, въ началѣ великаго поста, подалъ диссертацию; Давыдовъ переслалъ ее къ Погодину, у котораго она и оставалась въ продолженіе всего поста и послѣ Святой недѣли. Въ это время я попрежнему ни съ кѣмъ не видался. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ пошелъ я гулять, и на Арбатѣ встрѣтился съ Грановскимъ и Кавелинымъ, которые шли куда-то вмѣстѣ. Грановскій съ насмѣшливою улыбкою спросилъ у меня: „Что же ваша диссертациа?“ — „Давно подава“, — отвѣчалъ я, удивленный такимъ вопросомъ отъ секретаря факультета, которымъ былъ тогда Грановскій. „Какъ подана?“ — возразилъ Грановскій, не измѣняя насмѣшливой улыбки: — „Никто въ факультетѣ объ ней не знаетъ“. Я отвѣчалъ, что Давыдовъ обѣщалъ отправить ее къ Погодину. „А! это дѣло другое“, — сказалъ Грановскій, и мы съ нимъ расстались.

Не помню, на какой недѣлѣ послѣ Пасхи я отправился къ Погодину и рѣшилъ сказать ему, чтобъ онъ возвратилъ, наконецъ, диссертацию. На эту просьбу мою Погодинъ отвѣчалъ такою рѣчью: „Я долго думалъ, какъ объявить вамъ мое мнѣніе о вашей диссертации, ибо я чувствую, какъ тяжело должно быть для васъ на первый разъ при первомъ опытѣ выслушать отзывъ неслестный: диссертациа ваша, какъ магистерская диссертациа, очень хороша, но какъ *профессорская* — вполнѣ неудовлетворительна; приступъ блестящій, правда, есть новое, чѣмъ я и самъ воспользуюсь, но въ изложеніи нѣтъ перспективы, точно такъ, какъ въ сочиненіяхъ Бѣляева; повторяю: трудъ прекрасный, какъ магистерская диссертациа, но какъ профессорская — не годится“. — „Михайло Петровичъ, — отвѣчалъ я, — о профессорской диссертации тутъ и рѣчи быть не можетъ; моя цѣль — кончить поскорѣй съ магистровствомъ и ѣхать въ Петербургъ, искать мѣста. Если вы находите, что диссертациа, какъ магистерская, удовлетворительна, то, сдѣлайте одолженіе, напишите это, чтобъ послѣ факультета васъ уже болѣе не беспокоили“. Погодинъ сталъ отнѣкиваться, говорилъ, что подпишетъ просто — *читалъ*; но дѣло было для меня слишкомъ важно, и видѣлъ я очень ясно, съ какимъ человѣкомъ имѣю дѣло, а потому я настаивалъ: „Если вы говорите прямо, что диссертациа удовлетворительна, то почему вы не хотите этого написать?“ Погодинъ уступилъ и написалъ на диссертации: „Читалъ и одобряю“. Чувство радости, что вручилъ наконецъ диссертацию, боролось во мнѣ съ чувствомъ негодованія, когда я вырвался отъ Погодина и шелъ по Дѣвичьему-Полю домой (жилъ я тогда попрежнему у отца на Стоженкѣ, въ коммерческомъ училищѣ). Но гораздо болѣе должно было

удивляться глупости этого человека, который не умѣлъ скрыть своей мысли, своего желанія: „Диссертация, какъ магистерская, хороша, а какъ профессорская—не годится“; это значило уже слишкомъ ясно: „магистромъ-то ты будь, пожалуй, а профессоромъ-то погоди,—я хочу самъ быть на этомъ мѣстѣ; а ты, если пойдешь ко мнѣ въ мальчики, то будешь адъюнктомъ“. Повторять въ мысляхъ послѣднее я имѣлъ право: прежде какъ-то зашелъ у насъ разговоръ съ Погодинымъ объ адъюнктствѣ, и онъ прямо высказалъ мнѣ, что подъ этимъ разумѣть: „Вотъ, еслибы я былъ опять профессоромъ, а вы у меня—адъюнктомъ, то мы бы устроили такъ: когда бы мнѣ не поздоровилось или такъ почему-нибудь я не былъ бы расположенъ читать, то я бы далъ вамъ знать, о чемъ слѣдуетъ читать, и вы бы эту лекцію прочли за меня“. Зная характеръ Погодина, его громадное высокомеріе, властолюбіе и отсутствіе деликатности въ обращеніи съ низшими, зависимыми людьми, я видѣлъ, какое страшное рабство предстояло мнѣ, и, разумѣется, никакъ не могъ согласиться на подобныя отношенія.

На другой день поутру я отвезъ диссертацию опять къ Давыдову, который передалъ ее Грановскому. Грановскій, не считая себя судьей въ дѣлѣ, передалъ ее Кавелину, чтобы тотъ сказалъ о ней свое мнѣніе. Кавелинъ прочелъ и, по впечатлительности своей, воспласалъ отъ радости, найдя въ ней совершенно противное славянофильскому образу мыслей. Онъ объявилъ Грановскому и всѣмъ своимъ то, что послѣ объявилъ печатно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а именно то, что диссертация моя составляетъ эпоху въ наукѣ, вслѣдствіе чего вся западная партія обратилась ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Когда я пріѣхалъ къ Грановскому за диссертациею, то онъ встрѣтилъ меня комплиментами и прямо объявилъ, что свое сужденіе основываетъ на сужденіи Кавелина. „Ну, а что Погодинъ говоритъ о диссертации?“—спросилъ меня Грановскій. Я передалъ ему знаменитыя слова объ отношеніи диссертации къ магистерству и профессорству.

Но если былъ радъ я такому обороту дѣла, то чуть ли не больше былъ радъ ему Строгановъ; съ восторгомъ слушалъ онъ похвалы моему труду отъ тѣхъ людей, которые прежде отзывались обо мнѣ не очень привлекательно. Еще пріятнѣе было слышать ему, что диссертация моя не славянофильская и даже антиславянофильская, что Погодинъ интриговалъ, что можно дать щелчокъ этому антипатичному господину и замѣнить его въ университетѣ человекомъ достойнымъ. Когда я пришелъ къ нему,

то онъ сказалъ, чтобъ я готовился къ лекціямъ, что я, разумѣется, не преминулъ исполнить. Но при такомъ пріятномъ видѣ на будущее, которое мнѣ открывалось, отношенія къ Погодину меня страшно тяготили: я еще не успѣлъ на него тогда озлиться; успѣхъ дѣла, пріятное чувство, которое наполняло мою душу, выгоняло изъ нея злость; я не считалъ себя вправѣ вдругъ порвать всѣ сношенія съ человѣкомъ за то только, что онъ объявилъ мою диссертацию недостойною профессорской кафедры. Но если не порвать, то тяжело съ нимъ видѣться: дѣло было ясно, что онъ хотѣлъ самъ получить обратно кафедру, но что Строгановъ и западные противопоставляютъ меня ему, что я дѣлаюсь орудіемъ въ рукахъ его враговъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ смотрѣть на меня такъ. Чтобъ выйти, по крайней мѣрѣ на время, изъ такого непріятнаго положенія, я рѣшился дѣйствовать прямо и открыто: пошелъ къ Погодину и сказалъ ему, что я знаю, что онъ хочетъ занять опять кафедру русской исторіи, но что Строгановъ велѣлъ мнѣ приготовляться къ лекціямъ, и потому пусть онъ, Погодинъ, принимаетъ свои мѣры. Погодинъ отвѣчалъ мнѣ: „Не знаю, чего хочетъ Строгановъ? хочетъ ли онъ, чтобъ вы были при мнѣ адъюнктомъ, или при комъ-нибудь другомъ? Слышалъ я, что онъ думалъ о переводѣ сюда Иванова изъ Казани; можетъ быть, онъ хочетъ, чтобы вы при Ивановѣ были адъюнктомъ“. Это была новая гадость со стороны Погодина, которому хотѣлось колоть меня тѣмъ, что, во всякомъ случаѣ, съ нимъ ли, съ другимъ ли, но я могу быть только адъюнктомъ. Вообще, свиданіе было очень сухо; я видѣлъ ясно, что моя открытость не помогла, что добромъ не кончилось съ этимъ человѣкомъ. Зашелъ я къ нему еще разъ—пріемъ еще суше. Между тѣмъ, іюль мѣсяцъ подходилъ къ концу: 29 іюля, въ пятницу, Давыдовъ собралъ факультетъ и объявилъ, что въ немъ находятся двѣ вакантныя кафедры, кафедра философіи и кафедра русской исторіи, и что попечитель предлагаетъ двоихъ кандидатовъ: для первой—Каткова, а для второй—Соловьева; какъ думаетъ факультетъ объ этихъ лицахъ? Относительно Каткова выборъ былъ единогласенъ; но когда дѣло дошло до меня, то Шевыревъ объявилъ, что странно будетъ факультету выбирать на такую важную кафедру молодого, ничѣмъ неизвѣстнаго человѣка, когда знаменитый ученый М. П. Погодинъ, чувствуя, что его здоровье поправилось, желаетъ опять занять прежнюю кафедру. Начался споръ; всѣ остальные члены факультета были за меня, и наконецъ порѣшили на томъ, что меня выбрать, а декану Давыдову поручить снестись съ Погодинымъ, на какихъ

условіяхъ онъ хотеть опять читать въ университетѣ. Давыдовъ, которому такъ не хотѣлось впустить Погодина опять въ университетъ, опираясь на несогласіе попечителя и факультета, предложилъ Погодину, что онъ можетъ читать въ университетѣ безъ всякаго вознагражденія и безъ всякаго officialнаго значенія, какъ приватъ-доцентъ, — для желающихъ. Погодинъ отвѣчалъ на это предложеніе грубымъ письмомъ въ факультетъ, и тѣмъ дѣло кончилось.

Въ сентябрѣ 1845 года, я началъ лекціи. Читалъ я по три часа на третьемъ курсѣ словеснаго факультета, и еще три часа на первомъ курсѣ юридическаго, повторяя тѣ же самыя лекціи. Первые двѣ лекціи, заключавшія въ себѣ обзоръ всей русской исторіи, произвели благопріятное впечатлѣніе. Грановскій, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, сказалъ: „Мы всѣ вступили на кафедры учениками, а Соловьевъ вступилъ уже мастеромъ своей науки“. Понятно, какое значеніе имѣли для меня на первыхъ порахъ эти слова; ими Грановскій привязалъ меня къ себѣ навсегда, на всю жизнь считъ я себя ему обязаннымъ. Строгановъ, слыша одобренія, сказалъ: „Дай Богъ, чтобъ Погодинъ кончилъ такъ, какъ этотъ началъ“. Въ октябрѣ былъ мой диспутъ. Пріѣхалъ Погодинъ и учинилъ неслыханное дѣло: предложивши возраженія, онъ объявилъ, что отвѣтовъ моихъ на свои возраженія онъ не хотеть и не обратитъ на нихъ никакого вниманія, что онъ пріѣхалъ не затѣмъ, чтобъ спорить со мной, а только изложить свое мнѣніе насчетъ диссертациі: приступъ блестящій, но главное положеніе о новомъ порядкѣ вещей на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія новыхъ городовъ надъ старыми — невѣрно. Давыдовъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ, что хотя Михайлъ Петровичъ и не хотеть слушать моихъ отвѣтовъ, но, по порядку, введенному на диспутахъ, я долженъ защищаться, и я началъ опровергать возраженіе Погодина, что было мнѣ очень неудобно, ибо возраженіе это было предложено голословно; говоря, я обращался не къ Погодину, но ко всѣмъ присутствующимъ. Потомъ возражали: Грановскій, Бодянский, Кавелинъ, Калачовъ, Давыдовъ, Шевыревъ. Грановскій возразилъ не помню что, что-то пустое, ибо онъ, несчастный, вовсе не зная русской исторіи, обязанъ былъ возражать какъ officialный оппонентъ. Бодянский, чтобъ насолить Погодину, съ которымъ онъ передъ тѣмъ поругался, превознесъ мою диссертацию до небесъ; Кавелинъ замѣтилъ что-то насчетъ судебного значенія вѣча; что возражалъ Калачовъ — я не понималъ: это уже мое несчастье — никогда не понимать Калачова; Давыдовъ спросилъ, зачѣмъ я не распростра-

нился о значеніи владыки въ Новгородѣ? Шёвыревъ—зачѣмъ я не упомянулъ о Карамзинѣ, ибо сей великій историкъ, какъ выразился риторъ, усѣялъ свою исторію плодотворными мыслями, которыя намъ стоитъ только подбирать и развивать. Наконецъ, диспутъ кончился со славою для меня.

Въ академическій годъ 1845—1846 я успѣлъ прочесть только до смерти Ивана Грознаго; изъ этихъ лекцій я составилъ другую докторскую диссертацию подъ названіемъ: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, которую на вакаціи 1846 года приготовилъ къ печати. Между тѣмъ, первая диссертациа о Новгородѣ доставила мнѣ ученую извѣстность, оправдала выборъ университета; Кавелинъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ объявилъ, что она составляетъ эпоху въ русской исторической литературѣ. Были недовольные моимъ успѣхомъ, но еще молчали; молчалъ Погодинъ печатно, но дѣйствовалъ министр Уваровъ: ему досадно было, что его кліентъ Погодинъ обойденъ, и Строгановъ помѣстилъ своего, да что еще хуже—порядочнаго человѣка, который дѣлаетъ честь его выбору. Мелкодушіе Уварова обнаружилось тотчасъ же: по окончаніи моего диспута, Строгановъ представилъ меня и Каткова въ адъюнкты, какъ магистровъ: Уваровъ утвердилъ Каткова адъюнктомъ, а меня—исправляющимъ должность адъюнкта, ибо Катковъ не былъ Строгановскій, подобно мнѣ, и вступалъ въ университетъ, не отстраняя никого Уваровскаго. Мнѣ было очень досадно; такъ же досадно, какъ неполученіе перваго кандидатства: это была первая неудача по службѣ, начало держанія меня въ черномъ тѣлѣ, непризнаніе моихъ трудовъ, что преслѣдуетъ меня до сихъ поръ. Но, „Господи, Ты сохраниши мя и соблюдеши отъ рода сего и до вѣка“! Въ моей досадѣ я много утѣшился, когда, вслѣдствіе утвержденія моего, въ декабрѣ мѣсяцѣ я получилъ жалованье за четыре мѣсяца съ начала курса,—первое жалованье, и какъ оно было мнѣ нужно! Изъ-за границы я привезъ съ собою нѣсколько денегъ, которыя употребилъ на заведеніе маленькой, необходимой для меня библіотеки по русской исторіи; но надобно было жить цѣлый годъ безъ жалованья; я взялъ одинъ урокъ, только одинъ, чтобъ не развлекаться; но къ осени, именно, когда нужно было начинать лекціи, печатать диссертацию, шить мундирный фракъ, денегъ у меня не было, ибо урокъ прекратился вступленіемъ моего воспитанника въ университетъ. Я принужденъ былъ идти къ Строганову и занять у него 300 рублей ассигнаціями, на что и была напечатана диссертациа. Строгановъ, увидѣвъ изъ этого, что я нуждаюсь, предложилъ мнѣ давать уроки изъ рус-

ской исторіи его сыну, приготовлявшемуся въ университетъ. Этимъ я жилъ до декабря, то-есть, на это я покупалъ книги, имѣя квартиру и столъ даромъ у отца; полученіе жалованья въ декабрѣ особенно обрадовало меня, потому что я могъ отдать долгъ Строганову.

Въ концѣ года (1845) я отправился къ Погодину, у котораго не былъ съ сентября, когда отвезъ ему два экземпляра моей диссертациі. И самому мнѣ было тяжело ѣхать къ нему послѣ поступка его на диспутѣ, да и ему хотѣлъ я дать время уходить. Приѣхалъ, былъ принять ласково, сидѣлъ довольно долго; потомъ приѣхалъ въ другой разъ, былъ принять почти такъ же; въ это самое время принесли ему съ почты пакетъ, заключавшій его похвальное слово Карамзину, допущенное наконецъ, послѣ долгаго разсматриванія и вычеркиванія въ Петербургѣ, къ печати. Погодинъ очень обрадовался и вдругъ обратился ко мнѣ съ такими словами: „Ну, теперь сердце мое полно, и я пользуюсь случаемъ объясниться съ вами. Ваши два приѣзда ко мнѣ произвели на меня пріятное впечатлѣніе; я подумалъ: молодой человѣкъ еще не огрубѣлъ, но, скажите, развѣ хорошо вы со мною поступили?“ — „Вы прежде скажите мнѣ, что дурного сдѣлалъ я въ отношеніи къ вамъ?“ — отвѣчалъ я, и думалъ, что онъ войдетъ въ объясненія относительно своего отстраненія отъ каѳедры; но какія же обвиненія я вдругъ услышалъ: „Вы мнѣ привезли экземпляръ своей диссертациі безъ всякой надписи, тогда какъ я видѣлъ, что другимъ вы подписали, — какому-нибудь Ефремову, и тому подписали“. — „Но видѣли ли вы экземпляры моей диссертациі у членовъ факультета?“ — спросилъ я: — ни у одного изъ нихъ вы не найдете съ надписью, ибо надписывать я имѣлъ право только тѣмъ, кому дарилъ, кому могъ и не дать, тогда какъ лицамъ официальнымъ, каковы члены факультета, я обязанъ былъ дать экземпляръ; они получили экземпляры, такъ сказать, казенные, а не отъ меня въ даръ; васъ я причисляю также къ лицамъ официальнымъ, ибо вы были экзаменаторомъ; но скажу прямо: конечно, вы получили бы экземпляръ съ надписью очень для васъ лестною, еслибы не такъ поступили со мной, еслибы черная кошка между насъ не пробѣжала“. — „А это хорошо съ вашей стороны, — продолжалъ Погодинъ: — начать первую лекцію и не сказать ни слова обо мнѣ, вашемъ предшественникѣ?“ — „Рѣшительно въ голову не пришло“, отвѣчалъ я. Дѣйствительно, въ голову не пришло, а еслибы пришло, то я очутился бы въ крайнемъ затрудненіи: что я могъ сказать хорошаго о Погодинѣ какъ о профессорѣ? Такіе пустяки выставилъ

противъ меня Погодинъ; относительно же перваго дѣла, именно столкновѣнія по каедрѣ, онъ не вдавался въ подробности, сказавъ только: „Отецъ у васъ священникъ: онъ долженъ былъ бы показать вамъ, какъ дурно вы со мною поступили“.— „О, что касается до моего отца, — отвѣчалъ я, — то, конечно, онъ сердился на васъ гораздо больше, чѣмъ я самъ: старикъ дождался единственнаго сына изъ-за-границы, открылась возможность, чтобы этотъ сынъ остался при немъ въ Москвѣ, на почетномъ и обезпечивающемъ мѣстѣ, и вдругъ онъ слышитъ — вы, старый и не нуждающійся больше ни въ какомъ мѣстѣ человекъ, перебиваете мѣсто у его сына!“.. Покричавши такимъ образомъ нѣсколько времени, мы разстались, впрочемъ безъ гѣречи, и я продолжалъ иногда бывать у него.

Лѣтомъ я нанялъ дачу въ Давыдовѣ, чтобы быть поближе къ Кунцову, гдѣ жилъ Строгановъ, сыну котораго я продолжалъ давать уроки. Лѣто провелъ я тихо, хорошо, обрабатывалъ окончательно докторскую диссертацию, будущее улыбалось, но въ концѣ дачной жизни, въ августѣ, непріятно поразила меня знаменитая Крыловская исторія.

XIV.

Я упоминалъ о Крыловѣ. Это былъ человекъ съ большими способностями, съ головою необыкновенно свѣтлою, съ блестящимъ даромъ изложенія, художественнаго, пластичнаго, съ оригинальностью, странностью въ рѣчи, которая нисколько не вредила, однако, благопріятному впечатлѣнію, ею производимому. Но Крыловъ служилъ яснымъ доказательствомъ тому, какъ мало значать, какъ бесплодны умственные способности безъ основы нравственной. Это былъ человекъ чистый отъ всякихъ убѣжденій, нравственныхъ и научныхъ, ибо способность имѣть послѣднія показываетъ также нравственные требованія въ человекѣ, вступившемъ въ ученое сословіе. Какъ человеку съ блестящими способностями — школьная наука, разумѣется, далась ему; какъ отличный ученикъ духовной академіи, онъ былъ отправленъ къ Сперанскому во II-е отдѣленіе, потомъ за границу, помѣщенъ профессоромъ въ Москву совершенно безъ спроса съ внутреннимъ призваніемъ; да еслибъ спросъ и былъ сдѣланъ, то отвѣта не послѣдовало бы, ибо ни къ чему призванія не было. Крыловъ былъ сдѣланъ профессоромъ римскаго права, очаровалъ слушателей блестящимъ изложеніемъ писаннаго разума, но, не имѣя никакого влеченія къ наукѣ, онъ за нею не слѣдилъ, чѣмъ объ-

ясняются тѣ грубыя ошибки, которыя онъ позволилъ себѣ позже, въ 1857 г., когда ученая Немезида устремила его на литературное поприще. Странно было слушать этого человѣка: какая-то великолѣпная логическая машина, мысль съ мыслью цѣпляются, излагаются въ блестящей формѣ, но жизни, духа, внутренней, теплой связи нѣтъ,—цѣпляются мысли другъ съ другомъ чисто внѣшнимъ образомъ; впечатлѣніе, производимое разговаривающимъ Крыловымъ, было совершенно тождественно съ впечатлѣніемъ, производимымъ музыкальною машиною, разыгрывающею произведенія великихъ мастеровъ: хорошо, а жизни нѣтъ; неодушевленные существа играютъ. Но, разумѣется, подмѣтитъ скоро этотъ характеръ рѣчи Крылова было нелегко, и потому Крыловъ очаровалъ своихъ товарищей, которые вмѣстѣ съ нимъ помѣстились въ московскомъ университетѣ, очаровалъ Строганова. Когда я пріѣхалъ въ университетъ и опредѣлился въ немъ, Крыловъ былъ деканомъ юридическаго факультета, слылъ за самаго умнаго, распорядительнаго профессора, былъ вмѣстѣ съ Грановскимъ столпомъ западной партіи въ университетѣ, особенно по смерти Крюкова, послѣдовавшей весною 1845 года. Не имѣя никакой нравственной основы, Крыловъ, разумѣется, способенъ былъ на всякое безнравственное дѣло. Такъ, сдѣлавшись деканомъ, пользуясь огромнымъ авторитетомъ, Крыловъ началъ брать взятки, о чемъ понесся слухъ по Москвѣ; пріятели его, члены одного кружка, были такъ пристрастны, что не повѣрили или притворились неповѣрившими. Такъ, когда я пріѣхалъ въ Москву изъ-за-границы и свидѣлся съ госпожею Благовою, у которой я прежде училъ сына и, по пріѣздѣ, сталъ доканчивать приготовленіе его въ университетъ, то она прямо сказала мнѣ, что для безпрепятственнаго помѣщенія ея сына въ студенты надобно дать взятку, именно, декану Крылову; я началъ возражать ей съ сердцемъ, что этого быть не можетъ въ университетѣ, но она отвѣчала мнѣ, что дѣло слишкомъ хорошо извѣстно. Вступивши въ университетъ, я пришелъ какъ-то къ Грановскому, посоветоваться съ нимъ о разныхъ дѣлахъ. Грановскій сказалъ мнѣ: „Я бы посоветовалъ вамъ сѣздить къ Крылову“. — „Тимоѣей Николаевичъ, — отвѣчалъ я, — объ немъ идутъ дурныя слухи: говорятъ, что онъ взяточникъ“. — „Это вздоръ“, сказалъ мнѣ Грановскій, и я обрадовался этому возраженію, и поѣхалъ къ Крылову, и ѣздилъ къ нему въ продолженіе зимы довольно часто; кажется, по средамъ каждую недѣлю у него бывали вечера, на которыхъ было довольно весело. Крыловъ, года два передъ тѣмъ, женился на прехорошенькой женщинѣ, одной изъ многихъ дѣ-

вицъ Коршъ. Семейство это было еврейскаго происхожденія, что сильно отражалось въ чертахъ лица мужчинъ и женщинъ; на младшей сестрѣ женился Кавелинъ, на третьей ловили меня, но на мое счастье эта третья была хуже всѣхъ сестеръ, глупа, съ претензіями и заика, — очаровать, слѣдовательно, меня было нечѣмъ. Изъ многихъ братьевъ этихъ многихъ сестрицъ Коршъ самый замѣчательный былъ Евгений: редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ описываемое время, человѣкъ необыкновенно остроумный, съ громадною начитанностью, пресимпатичная натура, хотя лѣнивая, черезъ-чуръ мягкая, какъ улитка, скрывающаяся въ свою раковину при всякомъ столкновеніи, требующемъ хотя сколько-нибудь энергіи, твердости; онъ былъ пріятель Грановскому, одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ въ западномъ кружкѣ. И вотъ Крыловъ женился на его сестрѣ; между Вулканомъ и Венерой, конечно, не было большей противоположности, чѣмъ у Крылова съ его супругою: она, какъ я уже сказалъ, прехорошенькая, даже красавица, съ глазами восхитительными, онъ — маленькій человѣкъ, съ самыми неприятными, отталкивающими чертами лица, съ глазами, обыкновенно имѣющими какое-то ядовитое, хищное выраженіе. Но одно наружное безобразіе — это бы еще ничего, иногда женщины не обращаютъ на него вниманія; но Крыловъ, опять вслѣдствіе отсутствія всякаго нравственнаго начала, несмотря на свой умъ и на то гуманное общество, въ которомъ находился, не умѣлъ стереть съ себя нѣсколько деревенской и семинарской грязи, являлся олицетворенною грубостью, грязью, особенно тамъ, гдѣ ему не нужно было себя сдерживать внѣшними отношеніями, т.-е. дома, когда онъ былъ въ халатѣ, — внутренняго же стыда передъ женою, какъ передъ женщиною, онъ не зналъ; ласки его были возмутительны, а когда онъ былъ не въ духѣ, то цинизмъ въ присутствіи жены доходилъ до невообразимой степени, — онъ не удерживался отъ площадной брани, отъ самыхъ не деликатныхъ упрековъ. Молодая женщина долго терпѣла; наконецъ, въ августѣ 1846 года, на дачѣ въ Ивановкѣ произошла сцена, которая переполнила чашу: при содѣйствіи младшаго брата своего, студента Валентина Корша, она бѣжала отъ мужа къ сестрѣ своей, Кавелиной, и объявила родственникамъ и пріятелямъ о поведеніи Крылова относительно нея, представила несомнѣнные доказательства его взяточничества. Кавелинъ, Коршъ, Грановскій, Рѣдкинъ и весь западный кружокъ вооружились и объявили, что если Крыловъ останется въ университетѣ, то они выйдутъ изъ службы, ибо со взяточникомъ, позорящимъ профессорское званіе, они служить не хотятъ.

Попечителя Строганова въ это время не было въ Москвѣ; прїѣхавши въ Москву и узнавши дѣло, онъ сильно разсердился: скандалъ въ московскомъ университетѣ, гадкая исторія между людьми, которыхъ онъ уважалъ, которыми онъ гордился, хвастался, торжество ненавидимыхъ славянофиловъ, которые возликовали отъ скандала между западниками,—все это его очень раздосадовало, и онъ прежде всего высказалъ свою досаду противъ Кавелина съ товарищи, приписывая имъ, по крайней мѣрѣ, необдуманность, ребячество, ибо самолюбіе заставляло его сначала не вѣрить тому, что они говорили противъ Крылова, котораго онъ облекъ полною своею довѣренностью. Но потомъ, благодаря особенно помощнику своему Голохвастову, который, зная все очень хорошо, онъ убѣдился въ справедливости обвиненій на Крылова во взяточничествѣ, и повернулся къ нему спиною; но все это дѣло продолжалось цѣлый годъ, до самаго выхода Строганова въ ноябрѣ 1847 года. Что же дѣлалъ въ это время Крыловъ? Онъ выказалъ всю мелочность и грязность своей души: сначала былъ ошеломленъ, впалъ въ отчаяніе, пересталъ ходить на лекціи; потомъ началъ подличать, доносить на своихъ товарищей, что они безбожники, развратники и проч., рассказывать то же самое про свою жену и ея братьевъ; ѣздилъ съ этими доносами къ Филарету, перекинулся къ Погодину, притворился православнымъ русскимъ человѣкомъ; здѣсь уже было положено начало его славянофильству, т.-е. сближенію съ славянофилами, хотя въ это время онъ сблизился собственно только съ Погодинымъ, ибо другіе славянофилы, ходившіе тогда еще въ бѣлыхъ перчаткахъ, отворачивались отъ него вслѣдствіе обвиненій во взяточничествѣ; тутъ же повернулъ къ востоку и Лешковъ. Лешковъ, воспитанныкъ педагогическаго института и посланный за границу, назначенъ былъ въ московскій университетъ по кафедрѣ народнаго права и прїѣхалъ поздно, чѣмъ первая партія заграничныхъ, т.-е. Крыловъ, Рѣдкинъ, Крюковъ и другіе. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, но бездарный и тупой. Онъ пріцѣпился къ кругу заграничниковъ, западниковъ, отдался въ услуженіе Крылову, который за вѣрную службу сталъ двигать его впередъ, смѣясь, впрочемъ, въ глаза и за глаза надъ его тупоуміемъ; онъ, благодаря могуществу своей партіи и Строганову, очень скоро выдвинулъ его въ ординарные профессора, съ нарушеніемъ права другихъ. Лешковъ остался ему за это благодаренъ, и когда случилась описанная исторія, то онъ одинъ изъ профессоровъ юридическаго факультета принялъ явно его сторону; изъ другихъ факультетовъ сторону Крылова взяли: изъ ма-

тематическаго Спасскій, изъ медицинскаго—Иноземцевъ, Варвинскій, Глѣбовъ, всѣ, кромѣ послѣдняго, люди ограниченныя, хотя Иноземцевъ и Варвинскій, не знаю какъ, были звѣздами первой величины на медицинскомъ небѣ.

Такъ знаменовался 1846—1847 академическій годъ для университета распаденіемъ западной партіи профессоровъ. Мнѣ и Чивилеву, съ которымъ я въ это время очень сблизился, было это крайне непріятно. До сихъ поръ западная партія въ университетѣ, т.-е. партія профессоровъ, получившихъ воспитаніе въ западныхъ университетахъ, была господствующею. Партія была обширна, въ ней было много отщѣнковъ, поэтому въ ней было широко и привольно; я, Чивилевъ, Грановскій, Кавелинъ—принадлежали къ одной партіи, несмотря на то, что между нами была большая разница: я, напримѣръ, былъ человѣкъ религіозный, съ христіанскими убѣжденіями; Грановскій остановился въ раздумьи относительно религіознаго вопроса; Чивилевъ былъ очень остороженъ,—только послѣ я узналъ, что онъ не вѣрилъ ни во что; Кавелинъ—также, и не скрывалъ этого; по политическимъ убѣжденіямъ Грановскій былъ очень близокъ ко мнѣ, т.-е. очень умѣренъ, такъ что пріятели менѣе умѣренные называли его приверженцемъ прусской ученой монархіи; Кавелинъ же, какъ человѣкъ страшно увлекающійся, не робѣлъ ни передъ какою крайностью въ социальныхъ преобразованіяхъ, ни передъ самымъ даже коммунизмомъ, подобно пріятелю ихъ общему, знаменитому Герцену. Съ послѣднимъ я не былъ знакомъ по домамъ, но видался съ нимъ у Грановскаго и въ другихъ собраніяхъ; я любилъ его слушать, ибо остроуміе у этого человѣка было блестящее и неистощимое; но меня постоянно отталкивала отъ него эта рѣзкость въ высказываніи собственныхъ убѣжденій, не деликатность относительно чужихъ убѣжденій; такъ, напримѣръ, онъ очень хорошо зналъ о моихъ религіозно-христіанскихъ убѣжденіяхъ и, несмотря на то, не только не удерживался при мнѣ отъ кощунствъ, но иногда и прямо обращался съ ними ко мнѣ; нетерпимость была страшная въ этомъ человѣкѣ. Противоположность въ этомъ отношеніи представлялъ Грановскій, въ высшей степени деликатный относительно религіозныхъ убѣжденій: онъ не только никогда не отзывался рѣзко при мнѣ о христіанствѣ, но, оставаясь со мною наединѣ, особенно впослѣдствіи, любилъ заводить со мною разговоры о христіанствѣ, высказывая къ нему самую сильную симпатію, проговаривался о зависти, которую чувствовалъ къ людямъ вѣрующимъ. Кавелинъ также не церемонился со мною относительно выходокъ противъ религіи;

но у Кавелина это меня не оскорбляло по короткости нашихъ отношеній; мы съ нимъ спорили въ потасовку и потомъ упивались развитіемъ нашихъ сходныхъ научныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ, въ такъ называемой западной профессорской партіи было много оттѣнковъ, но эти оттѣнки уживались въ ней мирно, единство преобладало, всѣ стояли другъ за друга горой. Но послѣ Крыловской исторіи отношенія перемѣнились; вражда, нарушивъ единство, вывела наружу оттѣнки, рѣзко опредѣлила ихъ внутри и внѣ. Если, какъ я уже сказалъ, Кавелинъ, Грановскій, Рѣдкинъ, Коршъ называли Крылова взяточникомъ, то Крыловъ съ товарищи не щадили для нихъ названій безбожниковъ, коммунистовъ. Наше положеніе было крайне затруднительное.

Между тѣмъ, въ концѣ 1846 года, я сблизился съ славянофилами. Я уже упоминалъ, что во время моего студенчества и въ первый годъ пребыванія за границею я былъ жаркимъ славянофиломъ; но потомъ все больше и больше занятія исторіею, и особенно русскою, дали мнѣ возможность пріобрѣсти правильный взглядъ на отношенія между древнею и новою Россіею; благодаря наукѣ и умѣренности моего характера, я не увлекся: признавъ необходимость Петровскаго періода, признавъ его законность, правильность истеченія его изъ предшествовавшихъ условій русскаго общества, я сохранилъ отъ прежнихъ моихъ любимыхъ занятій древнею русскою исторіею, отъ прежняго славянофильства, всю теплую симпатію къ древней Руси, къ ея лучшимъ людямъ. Эта теплота высказывалась въ моихъ лекціяхъ, въ моихъ статьяхъ, чего славянофилы не могли не замѣтить, особенно въ противоположность съ выходками Кавелина и другихъ западниковъ противъ древней Россіи. По пріѣздѣ моемъ изъ-за-границы, я видался съ тремя славянофилами — Александромъ Поповымъ, Пановымъ и Валуевымъ. Съ первымъ, какъ уже было сказано, я познакомился въ Берлинѣ, потомъ встрѣчалъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ. По возвращеніи, я нашелъ его въ Москвѣ въ одинаковомъ со мною положеніи, т.-е. добывающимся каедрой въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету. Это былъ человекъ съ большими способностями, преимущественно на словахъ, бойкій, смѣлый, иногда дерзкій говорить, мало способный къ труду; отсюда, блестящій на словахъ, онъ оказывался чрезвычайно слабымъ на дѣлѣ: слушая его, всякій долженъ былъ сказать: какія блестящія способности у этого человека! а прочтя его статью, всякій долженъ былъ пожать плечами. Юридическій факультетъ, сплошно составленный тогда изъ западниковъ, никакъ

не хотѣлъ пускать къ себѣ Попова — и имѣлъ на то полное основаніе, хотя славянофилы и провозглашали, что это — великій философъ. По выслушаніи его пробной лекціи, факультетъ объявилъ, что лекція слаба; Поповъ напечаталъ ее въ „Москвитинѣхъ“; критика согласилась съ факультетомъ. Тогда Хомяковъ чрезъ Вневитинова рекомендовалъ его Блудову, который и помѣстилъ его во II-мъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. И здѣсь Поповъ оказался такимъ же, какимъ былъ извѣстенъ и въ Москвѣ.

Пановъ былъ совершенная противоположность Попову. Это былъ человѣкъ умный, распорядительный, нисколько не даровитый, до крайности неказистый, вялый, насылу вытаскивающий слова изъ рта, но святой человѣкъ: окруженный самолюбцами, онъ отличался отсутствіемъ самолюбія, скромностью необыкновенною, но гдѣ приходилось работать, работалъ за всѣхъ.

Валуева я зналъ еще во время студенчества: онъ былъ курсомъ старше меня: живой, красивенькій мальчикъ, безъ усталости бѣгавшій по лекціямъ не только своего, но юридическаго факультета, нахватывающій отовсюду знаній, съ подозрительнымъ румянцемъ на щекахъ; потомъ я встрѣтился съ нимъ мелькомъ въ Парижѣ; когда же я возвратился въ Москву, то чухотка уже разрушала его; несмотря на то, онъ работалъ надъ изданіемъ памятниковъ древней русской исторіи и особенно надъ разработкою мѣстничества; плодомъ этого труда былъ „Симбирскій Сборникъ“; вскорѣ отправили его вторично за границу, но онъ въ Новгородѣ умеръ. Валуевъ и Пановъ (который также скоро умеръ въ 1849 или 1850-мъ году) были лучшіе изъ славянофиловъ въ нравственномъ отношеніи. Обращусь къ другимъ, которые остались жить и дѣйствовать. Хомяковъ — низенькій, сутуловатый, черныи человѣчекъ, съ длинными черными косматыми волосами, съ цыганскою фізіономіею; съ дарованіями блестящими, самоучка, способный говорить безъ умолку съ утра до вечера и въ спорѣ не робѣвшій ни передъ какою уверткою, ни передъ какою ложью: выдумать фактъ, процитовать мѣсто писателя, котораго никогда не бывало — Хомяковъ и на это былъ готовъ; скалзубъ прежде всего по природѣ, онъ готовъ былъ всегда подшутить надъ собственными убѣжденіями, надъ убѣжденіями пріятелей. Понятно, что въ нашемъ зеленомъ обществѣ, не имѣвшемъ средствъ оцѣнить истиннаго знанія, добросовѣстности и скромности, съ послѣднимъ неразлучныхъ, Хомяковъ прослылъ геніемъ; это вздуло его самолюбіе, сдѣлало раздражительнымъ, неуступчивымъ, завистливымъ, злымъ. Послѣ Хомякова самое видное

мѣсто въ славянофильскомъ кружкѣ занимали Аксаковы. Старикъ Сергій Тимоѣевичъ—въ молодости театраль, игрокъ, клубистъ, легонькій литераторъ, переводчикъ, стихоплетъ; въ старости, когда я съ нимъ познакомился, человекъ больной, никуда уже не выѣзжавшій, умный, практическій, хитрый, съ убѣжденіями ультра-западными, чего при случаѣ и не скрывалъ, а между тѣмъ очень легко прилаживался къ славянофильскому кружку, гдѣ ему было очищено почетное мѣсто, первый готовый подтрунить надъ сыновьями, надъ ихъ славянофильствомъ, и въ то же время считавшій славянофильство своимъ роднымъ, фамилнымъ дѣломъ, дѣломъ священнымъ и неприкосновеннымъ. Жена его, Ольга Семеновна, старуха добрая до тѣхъ поръ, пока дѣло не шло о ея сыновьяхъ, о ихъ мнѣніяхъ, о ихъ кружкѣ: но еслибы кто вздумалъ задѣть ихъ, Ольга Семеновна превращалась въ фурію, и только окрикъ мужа, наслѣдника „Багровщины“, заставлялъ ее умѣрять свои неумѣстные порывы. Старшій сынъ этой четы, Константинъ, достойный прозвища Багрова, человекъ, могущій играть большую роль при народныхъ движеніяхъ и въ гостиныхъ зеленого русскаго общества, со львиною фізіономією, силачъ, горланъ, открытый, добродушный, не безъ дарованій, но тупоумный; послѣднее можно было бы легко сносить за открытость, добродушіе, паявность, но чтò дѣлало его нестерпимымъ, такъ это крайнее самолюбіе и упорство въ мнѣніяхъ, для поддержанія которыхъ онъ средствъ не разбиралъ. Въ Хомяковѣ эта неразборчивость смягчалась шутливостью, которая мѣшала противнику его раздражаться; но спорить съ Аксаковымъ было глупо и вредно для здоровья; правда, Аксаковъ не позволялъ себѣ выдумывать фактовъ, но зато никакая самая чудовищная натяжка его не останавливала, и это, разумѣется, раздражало гораздо больше, чѣмъ всякая выдумка, ибо противъ послѣдней легкое средство—сказать и доказать, что нѣтъ ничего подобнаго, но противъ способности перевернуть всякое слово и событіе въ свою пользу—гдѣ средство? К. Аксаковъ когда-то хорошо учился въ московскомъ университетѣ, когда именно нечему было въ немъ учиться, и ученикъ, т.-е. студентъ, кончилъ курсъ университетскій лѣтъ шестнадцати; онъ считалъ себя знатокомъ русской исторіи, потому что прочелъ Румянцевское собраніе грамотъ и нѣсколько томовъ изданій Археографической Коммисіи; для подкрѣпленія своихъ любимыхъ мыслей онъ бралъ наскокомъ въ древней русской исторіи нѣсколько явленій, но у него никогда не доставало ни времени, ни духу прослѣдить русскую исторію хотя бы и не по источникамъ; Карамзина онъ не читалъ, изъ моей исторіи

прочелъ первый томъ, когда писалъ свою статью противъ родового быта, а потомъ началъ читать съ VI-го тома, когда въ славянскомъ совѣтѣ ему поручено было написать разборъ моей исторіи для „Русской Бесѣды“: это онъ мнѣ самъ сказалъ откровенно; о новой русской исторіи, съ XVIII-го вѣка, не имѣлъ никакого понятія, объ исторіи западныхъ и славянскихъ народовъ—также. Считалъ онъ себя и филологомъ, но филологи отзывались объ его знаніяхъ очень неудовлетворительно. Что же дѣлалъ этотъ человекъ всю свою жизнь? Лѣтомъ въ деревнѣ сидѣлъ у пруда съ удочкой; зимой въ Москвѣ съ утра до вечера развѣзжалъ по гостямъ или принималъ у себя гостей: Аксаковъ жилъ очень открыто, хлѣбосольно, всегда можно было у нихъ застать кого-нибудь, всегда кто-нибудь обѣдалъ. Второй сынъ Аксаковыхъ, Григорій, служилъ въ губерніи, не былъ ничѣмъ замѣчательнъ; третій, Иванъ, воспитанникъ училища правовѣдѣнія—человекъ съ поэтическимъ дарованіемъ, умнѣе брата, но никакъ не ученѣе. Сначала могло казаться, что изъ него будетъ путь, что онъ успѣетъ избѣжать крайностей своей партіи. Но онъ скоро бросилъ службу, и отсутствіе крѣпкаго научнаго образованія, съ одной стороны, и практической дѣятельности, съ другой, выставили и его на жертву этимъ крайностямъ.

Товарищъ К. Аксакова по университету и пріятель его, Юрій Самаринъ, человекъ замѣчательно умный, но холодный, несимпатичный господинъ, сдѣлался сначала славянофиломъ, по недостатку ученаго образованія, особенно въ исторіи, потомъ укрѣпился въ славянофильствѣ по самолюбію; онъ имѣлъ на это нѣкоторое право: въ началѣ службы своей у лифляндскаго г.-губернатора Суворова онъ перенесъ свои убѣжденія на практическую почву, сталъ держать оппозицію Суворову за преданность послѣдняго нѣмецкимъ интересамъ, написалъ и распустилъ противъ Суворова письмо, за что былъ посаженъ въ крѣпость, потомъ посланъ въ Кіевъ на службу и тутъ окончилъ свое служебное поприще; понятно, что онъ озлобился, и когда послѣ другіе члены его кружка освѣжались надеждою на лучшее будущее, Самаринъ оставался пессимистомъ. Наконецъ, въ славянофильскомъ кружкѣ изрѣдка появлялись два человека, которые считались также коноводами: это два брата Кирѣевскіе—Петръ и Иванъ. Петръ—доброе, кроткое, симпатичное существо—напоминалъ мнѣ добродушныхъ чешскихъ властенцевъ; онъ былъ очень трудолюбивъ, много читалъ, но не былъ даровитъ, не былъ уменъ, не имѣлъ никакого характера; нравственная слабость, неспособность двинуться, сдѣлать что-нибудь,—порокъ, которымъ

страдали всѣ эти люди вообще, — въ Петрѣ Кирѣевскомъ доходило до немовѣрныхъ размѣровъ; вобрать въ себя, начитаться, послушаться, наглядѣться — это было его дѣло; но самому что-нибудь написать, сдѣлать — для этого нужны были усилія необычайныя.

Братъ его, Иванъ Кирѣевскій — человекъ даровитый, крайній западникъ вначалѣ, потомъ круто повернувшій въ противную сторону, вслѣдствіе переменъ религіозныхъ убѣждений. Его славянофильство ограничивалось сферою философскою и религіозною. Какъ прозелить относительно христіанскихъ убѣждений, онъ враждебно сталъ смотрѣть на нерелигіозное движеніе мысли въ просвѣщенномъ человѣчествѣ, вывелъ, что такое движеніе коренится въ свойствахъ западныхъ народовъ, въ ихъ церковныхъ условіяхъ, и что соглашеніе мысли съ чувствомъ должно произойти у народовъ, къ восточной церкви принадлежащихъ; какъ это должно произойти, этого уяснить для себя онъ не могъ, и потому долженъ былъ ограничиться одною скудною отрицательною дѣятельностью, вооружаться противъ западной философіи, толковать о возможности православной философіи.

Къ этимъ — не скажу мыслителямъ, но мечтателямъ, поэтамъ и дилеттантамъ науки, изъ которыхъ по большей части слагался славянофильскій кружокъ, — присоединялся человекъ съ противоположною натурою, человекъ практическій, мастеръ обсуживать предметы осязательныя, но становившійся совершеннымъ дуракомъ, когда предметъ поднимался въ высшую сферу: то былъ К — въ. К — въ благою часть избра въ мірскомъ земномъ смыслѣ: отказался отъ служебнаго движенія, отъ служебныхъ почестей, чтобъ пріобрѣсти состояніе, и пріобрѣлъ большое посредствомъ откуповъ и еще кое-какихъ сдѣлокъ, какъ говорятъ, вовсе нечистыхъ; рассказывали, что въ одну прекрасную ночь онъ подбѣгалъ безпрестанно къ зеркалу, чтобъ смотрѣть, не посѣдѣлъ ли онъ отъ мучительнаго безпокойства, ибо дѣла по откупамъ пошли такъ дурно, что грозило разореніе круглое; наконецъ, онъ рѣшился на дѣло нечистое, на смѣшеніе воды съ виномъ, что-ли, и этимъ спасъ себя; рассказывали также, что онъ выгодно купилъ большое имѣніе, подкупивши управителя, который доносилъ барину, что имѣніе нигде не годится, что его слѣдуетъ продать, хотя и за безцѣнокъ. Разумѣется, все это рассказывалось не въ славянофильскомъ кружкѣ. Наживши большое состояніе, надворный совѣтникъ К — въ, полный еще силъ, мужикъ и горланъ, захотѣлъ играть роль передового человека въ обществѣ; онъ бросился въ оппозицію, примкнулъ къ славянофиламъ и сталъ для нихъ чрезвы-

чайно полезень денежными средствами. Обращеніе его въ славянофилы происходило постепенно на моихъ глазахъ. Сначала онъ хотѣлъ играть роль примирителя, срединнаго человѣка, приглашалъ къ себѣ на богатые обѣды и ужины людей изъ обѣихъ партій—Грановскаго и Аксакова—и разсаживалъ ихъ по концамъ стола, самъ садился по срединѣ и подлѣ себя сажалъ меня и другихъ среднихъ, умѣренныхъ, къ которымъ думалъ принадлежать; но недолго продержался онъ на срединѣ и хватилъ въ самую сильную крайность,—началъ строго соблюдать посты, съ одной стороны, съ другой отростилъ бороду и надѣлъ армякъ, нарядилъ въ какой-то шутовской, будто бы старинный русскій, костюмъ и жену свою.

XV.

Вотъ и всѣ дѣйствующіе или дѣйствительные славянофилы, не перечисляя страдательныхъ, которыхъ обязанность состояла—сѣзжаться въ собранія кружка, слушать и восхищаться Хомяковымъ съ товарищи. Я въ этомъ кругу не бывалъ, какъ сказано уже, до конца 1846 года, несмотря на знакомство съ отдѣльными его членами, Поповымъ, Валугевымъ, Пановымъ. Впервые я увидѣлъ кругъ въ сборѣ на вечерахъ у Свербеевыхъ. Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ, служившій когда-то по дипломатической части, но давно въ отставкѣ, человѣкъ богатый, очень неглупый и образованный, любившій оригинальничать тѣмъ, что становился въ оппозицію противъ порывовъ нашего зеленого общества, такъ склоннаго къ порывамъ и способнаго доходить въ нихъ до смѣшного,—оппозицію, со стороны Свербеева законную и почтенную, еслибъ онъ счумѣлъ не пересаливать; такъ, напримѣръ, оппозиція была законна и почтенна, когда она направлялась дѣйствительно противъ смѣшныхъ и болѣе чѣмъ смѣшныхъ порывовъ; но Свербеевъ позволялъ себѣ вооружаться и противъ такихъ порывовъ, которые были вполне законны. Вообще, Свербеевъ былъ человѣкъ почтенный, очень мнѣ нравившійся по умѣренности, сдержанности, столь рѣдкой въ нашемъ обществѣ, хотя, какъ сказано, онъ изъ этой умѣренности любилъ дѣлать парадъ. Жена его—въ молодости очень привлекательная лицомъ, женщина крайнѣ самолюбивая, любившая играть роль, окружать себя избраннымъ обществомъ, особенно мужскимъ; вотъ почему всякій сколько-нибудь замѣчательный человѣкъ приглашался къ Свербеевымъ на вечера, которые поѣтому въ описываемое время были очень оживленны и пріятны,—это была ней-

тральная почва для западниковъ и славянофиловъ. Тутъ увидалъ я послѣднихъ во всей ихъ красѣ, и выводилъ ихъ изъ терпѣнія тѣмъ, что упорно молчалъ, когда они задирали меня, начиная споры о предметахъ близкихъ мнѣ по занятіямъ. Я слылъ сначала западникомъ. Сближеніе мое съ славянофилами произошло такимъ образомъ: К. Аксаковъ писалъ тогда драму „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“; по обычаю, господствовавшему у славянофиловъ, она передъ окончаніемъ и напечатаніемъ читалась въ разныхъ кружкахъ; автору очень хотѣлось узнать мнѣніе специалиста, и онъ затащилъ меня къ себѣ; сочиненіе его, не удавшееся на сценѣ, было очень эффектно въ чтеніи; я не могъ не выразить сочувствія къ сценамъ драмы,—это, разумѣется, очень понравилось. Нѣсколько дней спустя, по какому-то, не помню, случаю, я долженъ былъ писать къ Аксакову, и, для шутки, написалъ записку старымъ русскимъ языкомъ XVII вѣка, никакъ не предполагая, чтобы шутка эта произвела такое впечатлѣніе: Аксаковъ просто сошелъ съ ума отъ восторга, перенесшись моею запискою въ древнюю Русь, и привязался ко мнѣ страстно; не хотѣлъ слушать, когда ему замѣчали, что я—западникъ; познакомилъ меня съ своимъ семействомъ. Умный старикъ мнѣ понравился, и я сталъ бывать у нихъ очень часто, ибо у нихъ всегда было очень весело. Константинъ началъ ходить ко мнѣ на лекціи, а я, какъ нарочно, читалъ тогда специальный курсъ исторіи смутнаго времени; самая живая эпоха въ древней Руси читалась живо, съ сочувствіемъ, и это еще болѣе воспламенило Аксакова. Весною 1847 года, въ великій постъ, Аксаковъ защищалъ диссертацию свою о Ломоносовѣ; много было смѣху, когда я, возражая ему, началъ его упрекать въ нелюбви къ древней Руси; много было смѣху, когда въ тотъ же день, послѣ пира, данного новымъ магистромъ, я прочелъ написанное мною языкомъ лѣтописи сказаніе о томъ, какъ славяне, т.-е. славянофилы, вѣдали жениться, по поводу помолвки Панова; чрезъ нѣсколько дней явился новый источникъ смѣха: я написалъ также языкомъ лѣтописи сказаніе о томъ, какъ Аксаковъ писалъ и защищалъ свою диссертацию. Жилось мнѣ тогда весело; съ обѣихъ сторонъ, и съ востока, и съ запада, меня уважали, ласкали; оміамъ, который мнѣ воскурiali со всѣхъ сторонъ, мнѣ очень нравился. Въ это время, именно великимъ же постомъ, я окончилъ печатаніе моей докторской диссертации — „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, и съ субботы Ѳоминой недѣли начались мои экзамены, которые были совсѣмъ непохожи на магистерскіе; они были форменные; мнѣ стоило только сказать экза-

менаторамъ, близкимъ теперь людямъ, пріятелямъ, на какіе вопросы я хочу отвѣчать. Строгановъ былъ опять въ восторгѣ, ибо Голохвастовъ сказалъ ему о моей книгѣ: „Это такая книга, что, по прочтеніи каждой страницы, я мысленно съ почтеніемъ кланяюсь автору“. Въ это же время Погодинъ вдругъ разослалъ повѣстки по своимъ многочисленнымъ знакомымъ, мужчинамъ и дамамъ, что онъ хочетъ прочесть предъ публикою первыя главы своей „Русской исторіи“; я получилъ также приглашеніе и нашелъ огромное стеченіе народа; авторъ прочелъ предъ внимательнымъ собраніемъ напечатанныя послѣ въ „Москвитянинѣ“ статьи объ Олгѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Владимірѣ. Публика встала съ своихъ мѣстъ, какъ говорится, „несолоно хлебавши“; самые преданные автору люди едва выпускали изо рта обычные комплименты. Нѣкоторые имѣли неделикатность подходить ко мнѣ и спрашивать моего мнѣнія; я имъ ничего не отвѣчалъ и былъ въ крайне затруднительномъ положеніи: ни хвалить, ни бранить я не могъ. Погодинъ раза два подходилъ ко мнѣ съ странными словами: „Пожалуйста, будьте хозяиномъ, распорядитесь насчетъ гостей!“ Это еще болѣе меня затруднило, и я ему не нашелъ ничего отвѣчать, — должно быть, представлялъ въ его глазахъ странную фигуру, ибо онъ смотрѣлъ на меня внимательно, подозрительно и угрюмо. Я скоро уѣхалъ. Понятно, что Погодинъ былъ раздраженъ, не могъ не замѣтить холодности публики, былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи, ибо ждалъ взрывовъ восторга. Мое смущеніе и скорый отъѣздъ должны были раздражать его; мое молчаніе, нежеланіе сказать ему ничего пріятнаго, могло показаться ему крайне недоброжелательнымъ; можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ поступилъ невеликодушно; можетъ быть, мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно было переломить себя и сказать ему что-нибудь утѣшительное, быть съ нимъ помягче, потеплѣе...

Не оправдываю себя, ибо не могу скрыть, что въ душѣ моей было недоброжелательство къ этому человѣку. Никакъ не припомню, когда прежде или послѣ этого несчастнаго чтенія былъ я у Погодина и отвезъ ему свою докторскую диссертацию, взглянувъ на которую, онъ сказалъ: „Вишь, какой блинъ испекъ!“ По окончаніи студенческихъ экзаменовъ, въ началѣ іюня 1847 года я защищалъ докторскую диссертацию такъ же славно и съ честью, какъ прежнюю, магистерскую. Погодинъ не былъ на диспутѣ; Кавелинъ опять прогремѣлъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ хвалу моей книгѣ, а подробный разборъ помѣстилъ послѣ въ „Современникѣ“. Но это были уже послѣднія улыбки людскаго расположенія ко мнѣ; начинались времена испытаній. Я жилъ

тогда на дачѣ, на дорогѣ, ведущей изъ Петровскаго-Парка въ Петровское-Разумовское. 1-го іюля, съ праздника, который обыкновенно бывалъ въ этотъ день въ паркѣ, заѣхалъ ко мнѣ Аполлонъ Григорьевъ и объявилъ, что въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Ксенофонтъ Полевой написалъ бранный разборъ моей книги: это была первая журнальная мнѣ брань (если не считать бранчивой выходки Савельева-Ростиславича за мою рецензію Венелинской „Скандинавоманіи“, напечатанной въ „Москвитянинѣ“ Погодинымъ въ мое отсутствіе за границу); Савельевъ назвалъ меня тутъ *нимеемъ* въ сравненіи съ Венелинымъ. Я не читалъ статейки Полевого, не изъ презрѣнія, ибо я еще тогда не былъ такъ равнодушенъ къ журнальной брани, какъ послѣ, когда она сыпалась на меня въ презрѣдномъ количествѣ, но потому что все вниманіе мое было поглощено выходкою Погодина, о которой я узналъ 6-го іюля вечеромъ отъ Ефремова. Я немедленно поѣхалъ съ дачи въ Москву, подписался на „Москвитянинъ“ и написалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отвѣтъ Погодину. Что заставило послѣдняго сдѣлать противъ меня выходку—пусть это онъ самъ объяснитъ въ своихъ запискахъ; я не хочу здѣсь (т.-е. въ запискахъ моихъ) съ нимъ судиться, тѣмъ болѣе, что публика произнесла свой судъ, конечно, не въ его пользу, хотя сначала и напались люди, которые взяли его сторону противъ меня: вдругъ выросшій изъ земли авторитетъ мой, хвалебные взгляды журналовъ—возбудили неудовольствіе въ нѣкоторыхъ господахъ, менѣе счастливыхъ въ своей ученой карьерѣ; знаменитый Мстиславскій (см. „Москвитянинъ“, 1847 года) выступилъ противъ меня печатно; были и другіе Мстиславскіе, которые не печатались, но сильно голосили противъ меня, минуя правду моихъ научныхъ мнѣній, толковали, что не годилось мнѣ вооружаться противъ *учителя*, что это неблагодарно съ моей стороны; самъ Погодинъ голосилъ на всѣ стороны о моей неблагодарности!!

Такимъ образомъ, я началъ новый академическій годъ съ новымъ до тѣхъ поръ для меня чувствомъ,—чувствомъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія. Въ октябрѣ я былъ обрадованъ утвержденіемъ меня экстраординарнымъ профессоромъ, но эта радость была непродолжительна. 24-го ноября, въ Екатерининъ день, я провелъ вечеръ въ домѣ будущей моей жены, мать которой была именинница; это было въ понедѣльникъ,—на другой день, во вторникъ, послѣ лекцій подошелъ ко мнѣ молодой графъ Строгановъ, студентъ (Григорій) и сказалъ мнѣ, что отецъ его проситъ меня зайти къ нему. Старикъ-графъ встрѣтилъ меня словами: „Вы укоренились въ университетѣ, больше не нуждае-

тесъ въ моей помощи; я вышелъ въ отставку“. Ударъ былъ такъ неожиданъ, что отнялъ у меня способность почувствовать всю его силу. Вошелъ Поповъ, инспекторъ 1-й гимназіи (извѣстный читателямъ записокъ какъ мой учитель): „Какъ, ваше сіятельство! неужели правда, что вы оставляете насъ?“ — „Правда, правда, — отвѣчалъ Строгановъ. — Теперь я уже вамъ не начальникъ, — продолжалъ онъ, — но не могу не замѣтить, что вы сдѣлали нехорошо, введши золотую медаль и давши ее В.: что это за различія, отличія?“ Поповъ сталъ оправдываться, но Строгановъ съ нимъ не согласился, и былъ вполне правъ: золотая медаль сдѣлана была для аристократа В., котораго всѣми средствами тащили за уши и дотащили до перваго мѣста. — Выпроводивши Попова, Строгановъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Оффиціальныя отношенія теперь между нами кончились, должны начаться болѣе тѣсныя отношенія“. Сердце у меня начинало разрываться...

Служебныя испытанія мои начались: я лишился начальника, котораго любилъ, въ привязанности котораго ко мнѣ былъ увѣренъ, слѣдовательно, былъ вполне обезпеченъ съ этой стороны. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что былъ первый, падалъ на меня, неопытнаго, довѣрчиваго въ жизни молодого человѣка; это было сиротство, горькое сиротство. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неожиданнѣе; хотя давно уже носились слухи объ усилившейся борьбѣ между Уваровымъ и Строгановымъ, которая легко можетъ повести къ отставкѣ послѣдняго, но это были только слухи; неопытный, непривыкшій еще ждать отъ жизни больше дурного, чѣмъ хорошаго, я не вѣрилъ имъ, ибо не вѣришь тому, чему не хочется вѣрить. Усиленію борьбы между министромъ и попечителемъ способствовалъ Давыдовъ, который окончилъ свою службу въ университетѣ и былъ переведенъ Уваровымъ въ Петербургъ, на мѣсто директора педагогическаго института. Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ угодничествъ, какое могъ оказать Давыдовъ Уварову, это — ругать Строганова, и Давыдовъ не щадилъ этого угодничества тѣмъ болѣе, что ненавидѣлъ Строганова; послѣдній, получая изъ министерства непріятности въ усиленномъ пріемѣ, не выдержалъ, послалъ требованіе — или дать ему возможность дѣйствовать независимо отъ Уварова, чтобъ принести всю пользу, или отпустить въ отставку. Царь не соглашался ни на то, ни на другое, Строгановъ настоялъ на второмъ. Уваровъ и Давыдовъ торжествовали; въ Москвѣ все, что при Строгановѣ было въ черномъ тѣлѣ, т.-е. все черное, подняло головы; поднялъ голову Погодинъ, Перовщиковъ, Крыловъ съ толпою своихъ бездарныхъ сателлитовъ, Лешковымъ, Спасскимъ. Перовщиковъ,

узнавъ объ отставкѣ Строганова, напился пьянъ и перепоилъ своихъ сыновей; потомъ всѣ эти господа на пиру у Иноземцова, съ бокалами въ рукахъ, кричали „regeat“ Строганову: они прежде этого не кричали, когда Строгановъ былъ въ силѣ. Рѣдкинъ, Кавелинъ, Грановскій и Коршъ—подали въ отставку. Рѣдкинъ, Кавелинъ и Коршъ получили ее и перебрались въ Петербургъ. Грановскій былъ задержанъ на томъ основаніи, что еще не выслужилъ срока за свою заграничную поѣзду на казенный счетъ. Попечителемъ былъ назначенъ Голохвастовъ, скоро оказавшійся вполне неспособнымъ по мнительности, медленности: онъ только и дѣлалъ, что разсуждалъ и ничего не разрѣшалъ; дѣла самыя необходимыя по хозяйству останавливались. Приближались и ректорскіе выборы, ибо Альфонскій, заступившій мѣсто Каченовскаго въ 1842 году, оканчивалъ срокъ профессорской, а слѣдовательно и ректорской службы. Что касается лично до меня, то вначалѣ назначеніе Голохвастова меня успокоивало, ибо я зналъ, что Голохвастовъ имѣетъ ко мнѣ слабость за мои сочиненія; къ тому же Строгановъ сохранилъ надъ нимъ сильное вліяніе. Съ другой стороны, въ концѣ 1847 и началѣ 1848 года я имѣлъ сильное развлеченіе: 11 февраля 1848 года я женился. Но и медовый мѣсяцъ былъ потревоженъ: не помню, котораго числа послѣ обѣда, тесть мой, въ домѣ котораго я жилъ послѣ свадьбы, принесъ журналъ съ извѣстіями о февральской революціи; прочитавши извѣстія, я сказалъ: „Намъ, русскимъ ученымъ, достанется за эту революцію!“—Сердце мое сжалось чернымъ предчувствіемъ.

XVI.

Пророчество мое слишкомъ оправдалось. Чтобы показать, почему оно оправдалось, нужно мнѣ разсказать состояніе русскаго общества подъ державою Николая I-го и характеръ сего державца. Извѣстно, что добрый и благонамѣренный Александръ I-й подписалъ самодержавное: „*Быть по сему*“ подъ манифестомъ, въ которомъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ приказывалось всѣмъ народамъ, кромѣ русскаго, быть свободными и счастливыми. Благословенный ждалъ благословеній за свой подвигъ и сильно оскорбился, когда увидалъ, что народы, вмѣсто того, чтобы довольствоваться манифестомъ, начали хлопотать объ опредѣленіи формъ, подъ которыми они должны быть свободны и счастливы, и начали хлопотать объ этомъ, не спросясь манифестодателей. Извѣстно, въ какомъ колеблющемся положеніи находилась Европа

во время смерти Александровой; извѣстно, какимъ несчастнымъ событіемъ въ Россіи сопровождалось восшествіе на престолъ преемника Александра. Это событіе — великой важности, ибо оно объясняетъ многое въ жизни русскаго общества. Крайне небольшое число образованныхъ, и то большею частью поверхностно, съ постояннымъ обращеніемъ вниманія на Западъ, на чужое; все сочувствіе — туда, къ Западу, ибо тамъ — жизнь, тамъ — движеніе, тамъ — дѣятельность; но это сочувствіе и должно было оставаться сочувствіемъ только, единственнымъ выраженіемъ котораго было слово, и то не публичное, а домашнее, кабинетная или гостинная болтовня; у себя въ Россіи нѣтъ ничего, гдѣ бы можно было дѣйствовать тою дѣйствительностью, которую привыкли видѣть на Западѣ, о которой привыкли читать и разсуждать. Отсюда — отрицательное отношеніе къ своему, привычка къ безплодному порицанію, къ безплодному протесту, къ безплодной насмѣшкѣ. Вотъ откуда насмѣшливость, сатирическое направленіе русскаго человѣка, — жалкое, страшное настроеніе! Отсюда же этимъ образованнымъ, мыслящимъ русскимъ людямъ Россія представляла „*tabulam rasam*“, на которой можно было начертать все, что угодно, начертать обдуманное или даже еще необдуманное въ кабинетѣ, въ кружкѣ, послѣ обѣда или ужина. Движеніе въ пользу народностей, происшедшее вслѣдствіе высокаго развитія западно-европейскихъ обществъ и вызванное внѣшнимъ матеріальнымъ сжатіемъ Наполеоновской системы, — это движеніе не могло не отозваться и у насъ, русскихъ, и у славянъ вообще, и обнаружилось сначала, разумѣется, младенческимъ лепетомъ еще и у декабристовъ; но это былъ именно только младенческій лепетъ; славянскаго у декабристовъ было только незрѣлость, распушенность, рознь. Да не считать кто-либо словъ моихъ словами укора: сохрани Боже! Грустный опытъ, грустный взглядъ на настоящее не позволяетъ мнѣ укорять моихъ несчастныхъ предшественниковъ; прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ ихъ попытки, и мы находимся (въ 1856 г.) въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и они. Ихъ участь поразительно сходна съ участію послѣднихъ изъ римлянъ; еслибъ имъ удалось ихъ начальное дѣло, какъ удалось оно Бруту и Кассію, то слѣдствія были бы одни и тѣ же; будемъ утѣшать себя только тою мыслью, что дѣло римскихъ заговорщиковъ было произведеніемъ обветшалости римскаго общества, дѣло же нашихъ декабристовъ было произведеніемъ незрѣлости русскаго общества. Попытки не удались въ самомъ началѣ; Цезарь восторжествовалъ, Бруты и Кассіи погибли позорною смертію. Но кто же былъ этотъ Цезарь? Это была во-

площениая реакція всему, что шевелилось въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка: на лицѣ Николая всякій легко могъ прочесть страшныя „мани, факелъ, фаресъ“: „остановись, мысли, разрушайся!“ Эта колоссальная фигура Николая олицетворяла въ себѣ ту бездну матеріализма, которая нынѣ давитъ духовное развитіе Россіи въ его царствованіе. Деспотъ по природѣ, имѣя инстинктивное отвращеніе отъ всякаго движенія, отъ всякаго выраженія индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любилъ только бездушное движеніе войсковыхъ массъ по командѣ. Это былъ страшный нивелировщикъ: всѣ люди были передъ нимъ равны, и онъ одинъ имѣлъ право раздавать имъ по произволу способности, умъ, все, что мы называемъ дарами Божиими; нужды нѣтъ, что въ этомъ нечестивомъ посягновеніи на права Бога онъ безпрестанно ошибался: онъ не отставалъ до конца отъ своего взгляда и направленія, до конца не переставалъ ненавидѣть и гнать людей, выдававшихся изъ общаго уровня по милости Божіей, до конца не переставалъ окружать себя посредственностями и совершенными бездарностями, произведенными въ великіе люди по волѣ начальства, по милости императора. Не знаю, у какого другого деспота въ такой степени выражалась ненависть къ личнымъ достоинствамъ, природнымъ и трудомъ приобрѣтеннымъ, какъ у Николая; онъ не желалъ, подобно извѣстному безумному императору, чтобы народъ имѣлъ одну голову, которую можно было бы отрубить однимъ ударомъ; онъ хотѣлъ бы другого — возможности однимъ ударомъ отрубить всѣ головы, которыя поднимались надъ общимъ уровнемъ. — Пріѣзжаетъ онъ въ одну губернію, кажется, рязанскую; на представленіи всѣхъ губернскихъ властей предсѣдатель казенной палаты (Княжевичъ, если не ошибаюсь), выполняя инструкцію, выдвигается и подаетъ рапортъ о финансахъ губерніи; въ отвѣтъ получаетъ гнѣвный, громовой взглядъ и выговоръ: какъ смѣлъ это сдѣлать! какъ смѣлъ выдвигаться, выказаться, нарушить порядокъ, т. е. безжизненность, молчаніе! Несчастный предсѣдатель, за точное исполненіе инструкціи, ссылается въ одну изъ отдаленнѣйшихъ губерній. Посылаетъ императоръ одно военное училище; директоръ представляетъ ему воспитанника, оказывающаго необыкновенныя способности, слѣдующаго за современною войною, по своимъ соображеніямъ вѣрно предсказывающаго исходъ событій; что же отвѣчаетъ императоръ? — радуется, осыпаетъ ласками даровитаго молодого человѣка, будущаго слугу отечества? Нисколько: нахмурившись, отвѣчаетъ Николай: „Мнѣ такихъ не нужно, безъ него есть кому думать и заниматься этимъ; мнѣ нужны вотъ какіе!“ Съ этими словами

онъ беретъ за руку и выдвигаетъ изъ толпы дюжого малаго, огромный кусъ мяса, безъ всякой жизни и мысли на лицѣ и послѣдняго по успѣхамъ. С.-Симонъ, мастерски изображая въ своихъ запискахъ Людовика XIV, напоминаетъ намъ нашего Николая. С.-Симонъ рассказываетъ, между прочимъ, какъ Людовикъ XIV питалъ отвращеніе къ вельможамъ и умнымъ людямъ, за то, что они не отъ него получили свои права на отличія, но дѣлалъ исключеніе для одного герцога и умнаго свѣдущаго человека выѣстъ; почему же дѣлалось такое исключеніе? потому что король замѣчалъ въ герцогѣ, когда тотъ подходилъ къ нему, трепетъ; этотъ страхъ нравился деспоту и заслужилъ его расположеніе. Подобное же можно рассказать и о нашемъ Николаѣ. Однажды передъ дверями его кабинета собрались министры съ портфелями, военный министр Чернышевъ и министр финансовъ Вронченко. Никакъ не думая, чтобъ императоръ самъ вышелъ изъ дверей кабинета, и дожидаясь, пока ихъ позовутъ, министры разговаривали, и Вронченко вынулъ табакерку; вдругъ открывается дверь кабинета, и *Самъ* является предъ изумленными взорами вѣрныхъ слугъ своихъ; Вронченко въ испугъ роняетъ изъ рукъ табакерку и представляетъ пресмѣшную фигуру; Чернышевъ, какъ слуга болѣе близкій и знатный, осмѣливается улыбнуться при видѣ, какъ испугался слуга болѣе мелкій; но господинъ замѣчаетъ эту улыбку и обращаетъ къ Чернышеву грозную рѣчь: „Чему тутъ улыбаться; это очень естественно! — Графъ Вронченко, войдите въ кабинетъ!“ Послѣднія слова были знакомъ милости къ Вронченку и опалы на Чернышева, потому что послѣдній, по своей службѣ, какъ военный министр, всегда входилъ первый.

Въ такомъ-то господинѣ воплотилась реакція тому движенію, которое знаменуетъ русскую исторію во все продолженіе XVIII и въ первую четверть XIX вѣка. Начиная съ Петра до Николая, *просвѣщеніе* народа было цѣлью правительства, всѣ государи сознательно и безсознательно высказывали это; вѣкъ съ четвертью толковали только о благодѣтельныхъ плодахъ просвѣщенія, указывали на вредныя слѣдствія невѣжества въ суевѣріяхъ. Самодержцы и самодержицы, разумѣется, смотрѣли одно-сторонне на дѣло, именно смотрѣли на него съ одной матеріальной стороны: имъ нужно было просвѣщеніе для матеріальныхъ успѣховъ, для матеріальной силы; они покровительствовали просвѣщенію, заводили академіи и университеты, ласкали ученыхъ и поэтовъ, давали права образованнымъ молодымъ людямъ, преслѣдовали невѣжество, ибо представителями послѣдняго былъ для

нихъ буйный, строптивый раскольникъ, смотрящій на ихъ гербъ какъ на печать антихристову; представителемъ же просвѣщенія былъ профессоръ, говорящій на актахъ похвальные слова имъ, или поэтъ, подносящій торжественную оду. Такъ, нѣкоторые родители очень довольны просвѣщеніемъ и не жалѣютъ денегъ для образованія дѣтей своихъ, когда эти дѣти ловко танцуютъ и возбуждаютъ удивленіе родныхъ и знакомыхъ, лепечутъ на иностранныхъ языкахъ и въ день именинъ подносятъ папашѣ и мамашѣ сочиненіе въ стихахъ и прозѣ, гдѣ величаютъ ихъ виновниками своего блаженства и проч. Но, вотъ, эти милыя дѣти вырастаютъ, и для пожилыхъ родителей начинается горькое разочарованіе: милыя дѣти начинаютъ считать себя образованнѣе, умнѣе родителей, не хотятъ сообразоваться съ ихъ желаніями и обычаями, которые называютъ дикими, устарѣлыми, требуютъ себѣ самостоятельности, средствъ къ свободной жизни: тутъ-то папаша и мамаша начинаютъ горькія жалобы на просвѣщеніе, на молодыхъ учителей-развратителей: воспитали, выучили дѣтushекъ на свою голову, а теперь яйца и начали учить куръ! То же самое случилось и съ русскими благочестивѣйшими и самодержавнѣйшими папашами и мамашами. Уже мудрая мамаша Екатерина II, которая писала такія прекрасныя правила для воспитанія *враждебныхъ*, на старости лѣтъ замѣтила вредныя слѣдствія своихъ уроковъ и сильно гнѣвалась на непокорныхъ дѣтей, заразившихся правилами такъ любимыхъ ею прежде учителей. Благодушный Александръ I-й всю свою жизнь тосковалъ и жаловался на непокорность и неблагодарность дѣтей, о благѣ которыхъ онъ такъ заботился и даже хотѣлъ ихъ выпустить на волю — подъ надзоромъ Аракчеева. Но Николай I-й не имѣлъ такого благодушія. Онъ инстинктивно ненавидѣлъ просвѣщеніе, какъ поднимающее голову людямъ, дающее имъ возможность думать и судить, тогда какъ онъ былъ воплощенное: „не разсуждать!“ При самомъ вступленіи его на престолъ враждебно встрѣтили его на площади люди, и эти люди принадлежали къ самымъ просвѣщеннымъ и даровитымъ, они всѣ думали, разсуждали, критиковали, и слѣдствіемъ этого было 14-ое декабря.

По воцареніи Николая, просвѣщеніе перестало быть заслугою, стало преступленіемъ въ глазахъ правительства; университеты подверглись опалѣ; Россія предана была въ жертву преторіанцамъ; военный человекъ, какъ палка, какъ привыкшій не разсуждать, но исполнять и способный приучить другихъ къ исполненію безъ разсужденій, считался лучшимъ, самымъ способнымъ зачальникомъ вездѣ; имѣлъ ли онъ какія-нибудь способности,

знанія, опытность въ дѣлахъ — на это не обращалось никакого вниманія. Фрунтовики возсѣли на всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, и съ ними воцарилось невѣжество, произволъ, грабительство, всевозможные безпорядки. Смотръ сталъ цѣлью общественной и государственной жизни. Все дѣлалось на показъ, для того, чтобъ державный пріѣхалъ, взглянулъ и сказалъ:—Хорошо! все въ порядкѣ!— Отсюда все потянулось на показъ, во внѣшность, и внутреннее развитіе остановилось. Начальники выставляли Россію передъ императоромъ на смотръ на большихъ дорогахъ—и здѣсь было все хорошо, все въ порядкѣ; а что было дальше, туда никто не заглядывалъ, тамъ былъ черный дворъ. Учебныя заведенія также смотрѣлись, все было чисто, выложено, опрятно, воспитанники стояли по росту и дружно кричали: „Здравія желаемъ В. И. В.“ Больше ничего не спрашивалось. Терпѣлись эти заведенія скрѣпя сердце, для формы, на показъ, чтобъ-де иностранцы видѣли, что и у насъ есть училища, что и мы—народъ образованный. Впрочемъ, до послѣдняго времени, до 1848 года, явнаго гоненія на просвѣщеніе не было. Тяжелая рука лежала на немъ, враждебное начало проводилось въ системѣ государственнаго управленія, всѣ чувствовали, понимали, что государь до просвѣщенія не охотникъ, но онъ ограничивался еще только отрицательными дѣйствіями. Николай Павловичъ даже покровительство изволилъ оказывать просвѣщенію: но какою цѣною было куплено это покровительство! Министръ Уваровъ имѣлъ способность увѣрять его, что воспитывается новое поколѣніе монархически мыслящихъ людей, которые посредствомъ науки доходятъ до убѣжденія въ необходимости и превосходствѣ порядка вещей, желаемого Его Величествомъ; что великое царствованіе Его служить новою эпохою въ исторіи человѣческаго и русскаго просвѣщенія, въ основаніи котораго легли православіе, самодержавіе и народность. Лестъ ловкаго, умнаго слуги нравилась барину: отчего же къ славѣ великаго законодателя, политика, правителя не присоединить и славу покровителя просвѣщенія, просвѣщенія истиннаго, могущаго упрочить *спокойствіе* народа! И вотъ слуга ловкою лестью выманивалъ отъ времени до времени разныя льготы и хорошія вещи,—какъ, напр., археографическую комиссію. Къ этому же времени принадлежитъ и попечительство Строганова въ московскомъ округѣ съ сильнымъ развитіемъ серьезнаго, научнаго движенія. Но свистнулъ свистокъ на Западѣ, и декорация перемѣнилась на Востокѣ: февральская революція отозвалась совсѣмъ печальнымъ образомъ на Россію. Петербургское правительство перепугалось, перепугалось самымъ глупымъ обра-

зомъ, какъ только оно одно могло перепугаться. Думали, что и у насъ сейчасъ же вспыхнетъ революція. Рассказывали, что императрица, возвратившись съ прогулки по петербургскимъ улицамъ, съ удовольствіемъ говорила: „Кланяются! кланяются!“ Она думала, что петербургскіе чиновники, вслѣдствіе изгнанія Людовика-Филиппа, перестанутъ снимать шляпы предъ особами императорской фамиліи. Но Петербурга еще не такъ боялись, боялись особенно Москвы; съ часу на часъ ждали извѣстій о московской революціи. Но все было тихо; опомнились, посмѣялись надъ своимъ страхомъ и поблагодарили русскій народъ довѣренностью за преданность и усердіе? Ничуть не бывало! Тутъ-то Николай и его креатуры показали всю мелочность и гадость своей натуры; они озабочились, начали мстить за свой страхъ, обрадовались, что въ событіяхъ Запада нашли предлогъ явно преслѣдовать ненавистное имъ просвѣщеніе, ненавистное духовное развитіе, духовное превосходство, которое кололо имъ глаза. Николай не сталъ скрывать своей ненависти къ профессорамъ, этимъ товарищамъ-соумышленникамъ членовъ французскаго собранія: „А эти—хорошо себя ведутъ?“ спрашивалъ онъ у харьковскаго попечителя, указывая на профессоровъ, при представленіи университета in corpore. Братъ его, Михаилъ, воспользовался случаемъ, чтобъ излить всю свою ненависть къ просвѣщенію; редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскій былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ корпусѣ, слѣдовательно подъ начальствомъ Михаила; Краевскій былъ смѣненъ, но этого мало: Михаилъ призвалъ его къ себѣ, чтобъ объявить, что онъ его выгоняетъ, выгоняетъ какъ литератора, какъ редактора журнала, и сказалъ ему, что онъ глубоко презираетъ литературу и литераторовъ. Это былъ стрѣлецкій бунтъ своего рода; грубое солдатство упивалось своимъ торжествомъ и не щадило противниковъ, слабыхъ, безоружныхъ. Время съ 48-го по 55-ый годъ было похоже на первыя времена римской имперіи, когда безумные цезари, опираясь на преторіанцевъ и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое въ Римѣ. Начали прямо развращать молодыхъ людей, отвлекать ихъ отъ серьезныхъ занятій, внушать, чтобъ они поменьше думали, побольше развлекались, побольше наслаждались жизнью: такія внушенія дѣлались воспитанникамъ училища правовѣдѣнія; то же толковалось въ университетахъ. Принялись за литературу; начались цензурныя оргіи, рассказы о которыхъ не повѣрятъ не пережившіе это постыдное время; говорю — постыдное, ибо оно „показало вполнѣ, какіе слабые результаты имѣла дѣйствительность XVIII-го и

первой четверти XIX-го вѣка, какъ слабо было просвѣщеніе въ Россіи; стоило только Николаю съ товарищи немножко потерять лоскъ съ русскихъ людей — и сейчасъ же оказались татары. Цензуру отняли у профессоровъ и отдали въ руки шайки людей, занявшихся направлениемъ литературы изъ-за хорошаго жалованья, котораго они лишались, если пропускали что-нибудь могущее быть заподозреннымъ, и оставались покойны, если марали. И вотъ на судъ невѣжды поступаетъ книга или статья, въ которой онъ ничего не смыслить; читаетъ онъ, спѣша на обѣдъ или на карты, и все, что кажется ему подозрительнымъ, мараетъ безотвѣтственно; кажутся ему подозрительными, недо-зволёнными факты, давно уже извѣстные изъ учебниковъ, и онъ мараетъ ихъ, ибо давно уже позабылъ учебникъ, если когда-либо и держалъ его въ рукахъ, — мараетъ или даже еще передѣ-лываетъ самъ, выдумываетъ небывальщину; въ романахъ и по-вѣстьяхъ нельзя было выставять лицъ такъ называемыхъ выс-шихъ сословій. Что же было слѣдствиемъ? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвѣщеніе, которое еще надобно было продолжать возвращать въ теплицахъ, вынесенное на мо-розъ, свернулось. Лѣнь, стремленіе получать какъ можно больше, дѣлать какъ можно меньше, стремленіе дѣлать все кое-какъ, на шерамыгу, — всѣ эти стремленія, такъ свойственныя нашему на-роду вслѣдствіе неразвитости его, начали усвоиваться, поощряе-мая развращающимъ правительствомъ; гимназіи упали; универ-ситеты упали вслѣдствіе паденія гимназій, ибо въ нихъ начали поступать вмѣсто студентовъ всѣ недоученные школьники, оту-ченные въ гимназіяхъ отъ серьезнаго труда, стремящіеся хват-тать вершки и заноситься, ищущіе на профессорской лекціи легкаго развлечения, а не умственной пищи, для переваренія которой нужно собственное большое усиліе. Такимъ образомъ, невѣжественное правительство, считая просвѣщеніе опаснымъ и сжимая его, испортило цѣлое поколѣніе, сдѣлало изъ него не покорныхъ слугъ себѣ, но вздорную толпу лѣнливцевъ, неспособ-ныхъ къ серьезному, усиленному занятію ничѣмъ, совершенно неспособныхъ къ зиждительной дѣятельности и, слѣдовательно, способныхъ къ дѣятельности отрицательной, какъ самой легкой. Мальчикъ, отученный еще въ гимназіи отъ серьезнаго труда, чрезъ это вовсе не становился на точку зрѣнія правительства; онъ сохранилъ и развилъ въ себѣ всѣ либеральныя замашки; онъ только привыкъ отрицательно относиться ко всему и, прежде всего, разумѣется, къ правительству. Развратъ состоялъ въ томъ, что всякая правительственная дисциплина исчезла; мальчикъ,

повинуясь внѣшнимъ образомъ, привыкалъ презирать и смѣяться надъ начальниками своими, въ которыхъ не могъ не видѣть людей, совершенно неспособныхъ быть начальниками учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, уваженіе къ лучшимъ, просвѣщеннѣйшимъ людямъ не могло исчезнуть, а эти люди, вслѣдствіе обращенія правительства къ нимъ спиною, естественно стали въ оппозицію, начали роптать,—и вотъ во всѣхъ кругахъ, въ которыхъ еще оставался интересъ къ общественнымъ вопросамъ, только и слышались съ утра до вечера жалобы, порицанія, насмѣшки надъ мѣрами, дѣйствіями правительства; а молодое поколѣніе, прикосновенное къ этимъ кружкамъ, привыкало къ такому прекрасному занятію; образовались люди—не думая, ругать все правительственное. Правительство, по безумію и невѣжеству своему, сдѣлало страшную ошибку: если оно считало себя вправѣ заподозрить профессоровъ, то оно должно было прогнать ихъ всѣхъ и набрать новыхъ, которымъ вѣрило, или, если не могло этого сдѣлать, то должно было оказывать профессорамъ полное довѣріе, поддерживать ихъ, осыпать милостями; вмѣсто того, что же оно сдѣлало?—оно наложило на нихъ опалу, подвергло глупому, ни къ чему не ведущему полицейскому надзору, сжало ихъ литературную дѣятельность, раздражило, сдѣлало ихъ заклятыми своими врагами и оставило ихъ на мѣстахъ, на которыхъ они, несмотря на всѣ глупыя, мелкія полицейскія мѣры, могли вполне высказывать свою враждебность къ правительству и воспитывать въ ней молодое поколѣніе:—„Вотъ тебѣ наставникъ!—говорило правительство молодому человѣку:—записывай и заучивай его уроки, но это человѣкъ опасный и мнѣ противный, я ему не вѣрю, за нимъ наблюдаютъ ректоръ и деканъ, чтобъ онъ не сказалъ тебѣ чего-нибудь дурного про меня“. Какъ будто бы ректоръ или деканъ могли усмотрѣть за мастеромъ науки, чтобъ онъ не провелъ передъ слушателями своего взгляда; и еслибы даже они могли воспрепятствовать ему въ этомъ на лекціи, то какъ могли воспрепятствовать ему, дома, въ кабинетной бесѣдѣ съ студентами? Между молодыми людьми укоренилось мнѣніе, что университетъ пропитанъ либеральнымъ духомъ, что надобно либеральничать, чтобы понравиться профессорамъ; молодежь съ любопытствомъ, ей врожденнымъ, стремилась въ университетъ, чтобы вкусить запрещеннаго плода, послушать свободныхъ мнѣній; умъ ихъ былъ такъ настроенъ, что они въ самой обыкновенной фразѣ профессора старались видѣть какой-нибудь намекъ. „Какое множество у васъ слушателей!—сказалъ я однажды Каткову, выходявшему съ

лекціи.—Пріятно видѣть такое сочувствіе къ философскимъ лекціямъ“. — „Что тутъ пріятнаго? — отвѣчалъ мнѣ съ сердцемъ Катковъ:—вся эта толпа ничего не понимаетъ изъ моихъ лекцій, а ждетъ, не ругну ли я Бога“.

Таковы были общія явленія въ народной нравственной жизни въ несчастную эпоху отъ 1848 до 1855 года. Обращусь къ явленіямъ частнымъ, мнѣ близкимъ.

„КУРСОВЫЕ“

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ I.

I.

„... Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Прекрасенъ ты, суровый край свободы
И вы, престолы вѣчные природы...“

М. Лермонтовъ.

На станціи Минеральныя-Воды поднялась страшная суета..

Ксенія Владиміровна Чудновская и ея молоденькая племянница, Ида Борисовна Флорина, съ трудомъ отыскали въ вагонѣ второго класса лишь одно свободное мѣсто. Кое-какъ размѣстивъ свои вещи, Ида Борисовна стала у открытаго окна вагона, а Ксенія Владиміровна устало опустилась на мягкій запыленный диванъ... Это была немолодая женщина, съ строго правильными, красивыми чертами лица, съ большими черными задумчивыми глазами; но въ этихъ глазахъ, равно какъ и во всей ея граціозно-худощавой фигурѣ, въ манерахъ и въ голосѣ—было что-то обаятельное, симпатичное, нѣжное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страдальческое и кроткое... Посмотрѣвъ на нее, можно было подумать, что она много страдала, много разочаровывалась, но сохранила внутреннее величіе и симпатію къ людямъ... Въ данный моментъ ея глубокій вдумчивый взоръ съ щедрой заботой и лаской оставался на раскраснѣвшемся, взволнованномъ личикѣ молодой

дѣвушки, все еще стоявшей подлѣ нея у окна вагона и жадно вдыхавшей свѣжій воздухъ...

— Да присядь, наконецъ, хотя немного, Идочка! Право, ты очень устала! — тихо, ласково произнесла Ксенія Владиміровна, обращаясь къ своей спутницѣ.

— Нѣтъ, тетя, не беспокойся, мнѣ такъ хорошо!.. У окна я дышу свѣжимъ воздухомъ, и мнѣ кажется, что этотъ воздухъ уже какой-то особенный, кавказскій!.. — отвѣтила восторженно дѣвушка.

Но Ксенія Владиміровна этого не испытывала: въ вагонѣ было очень душно, жарко и тѣсно. Особенно много было дамъ и дѣтей, подымавшихъ по временамъ неимоверный шумъ и плачь, чѣмъ они приводили въ крайне нервное состояніе своихъ „маменекъ“ и нарушали покой всѣхъ остальныхъ пассажировъ... Даже два молодыхъ апатичныхъ офицера, утратившихъ не только свѣжесть, но и всякую бодрость, молодцеватость, такъ присущую военному мундиру, приходили отъ этого дѣтскаго концерта въ непріятное „оживленіе“...

Поездъ приближался къ станціи Бештау. Ксенію Владиміровну волновала предстоящая новая пересадка: въ Бештау поездъ стоялъ всего три минуты, а у нихъ — такая масса вещей!..

— Тетя, смотри, — между тѣмъ говорила Ида Борисовна, ежеминутно высовывая въ окно вагона свою красивую головку: — какія причудливыя, своеобразныя горы!.. Смотри, вершинъ ихъ не видно изъ-за тумана!.. Какъ странно: туманъ, какъ бѣлый дымъ, скользитъ по горамъ такъ низко, низко...

— Это только такъ кажется: туманъ — обманъ; онъ теперь и высоко, и далеко, — отозвался какой-то молодой грузинъ въ бѣлой папахѣ и темномъ бешметѣ: — этотъ горъ у насъ не въ счетъ; у насъ горъ получше есть!... Вотъ поѣдешь, барышня, по военно-грузинской, тогда балшой горъ увидишь, красивъ, высокъ горъ!.. А это у насъ — холмъ! Не въ счетъ онъ у насъ, барышня!

Грузинъ говорилъ, улыбаясь, и съ видимымъ удовольствіемъ разсматривалъ оживленное хорошенькое личико Иды Борисовны, обрамленное курчавыми, свѣтлыми волосами.

— Нѣтъ, нѣтъ, и эти горы очень красивы и высоки! — восторженно произнесла молодая дѣвушка! — Тетя, а какъ тебѣ правится дубовый кавказскій лѣсъ? Не правда ли, онъ поэтичнѣе нашего артиховскаго лѣса въ полтавской губерніи?

— Да развѣ его можно сравнивать съ нашимъ лѣсомъ?.. Ну, что это за дубы?.. Высокіе и тонкіе, точно хворостина, а

защипать дубъ — и втроемъ не обнимешь!.. — медленно, вдумчиво прислушалась Ксенія Владиміровна.

— Ахъ, тетя, ты забываешь, что это — горный лѣсъ!.. Я и то удивляюсь, какъ деревья растутъ на такихъ скалахъ... Иное дерево такъ и кажется, что вотъ-вотъ... полетитъ внизъ!.. Мѣстами даже видны корни... Толстые, сплетенные, они, какъ змѣи, ползутъ по голымъ скаламъ, точно сковываютъ и поддерживаютъ ихъ... Удивительно, чѣмъ они питаются, чѣмъ существуютъ и... какъ не сохнуть!..

Ида Борисовна много еще говорила въ этомъ духѣ, но Ксенія Владиміровна не могла больше поддерживать разговоръ и предоставила это словоохотливому грузину: подѣзжая къ Бештау, она была очень озабочена и поглощена собираніемъ безчисленныхъ узелковъ, корзинокъ и картонокъ, безпокойно думая, какъ онѣ успѣютъ перейти въ другой поѣздъ, идущій по короткой пятиверстной линіи прямо въ Желѣзноводскъ?..

Съ протяжно-рѣзкимъ, непріятнымъ стономъ, колыхаясь и вздрагивая, поѣздъ медленно, точно обезсиленный, подошелъ къ небольшому новому вокзалу... И снова поднялась невообразимая суета: одни пассажиры переходили въ вагоны желѣзноводской линіи, другіе — наполняли вагоны пятигорскаго поѣзда, того, съ которымъ Чудновская и Ида Борисовна только-что разстались... Теперь онѣ кое-какъ устранивались въ новомъ вагонѣ. Ксенія Владиміровна изнывала отъ жары, духоты и усталости, а Ида Борисовна попрежнему не отходила отъ окна, восхищаясь ущельями, провалами и горами...

И дѣйствительно, передъ глазами путешественницъ открывался видъ чудной красоты. Мѣстами виднѣлись глубокіе овраги, обрывы съ отвѣсными каменными стѣнами, доходящими чуть не до самыхъ рельсовъ... То, вдругъ, мелькнетъ зеленая степь, уходящая причудливымъ красивымъ ковромъ куда-то въ синѣющую даль... То снова, какъ на ладони, покажется цѣлая группа горъ съ неизмѣннымъ Бештау, поднимающимся все выше и выше, точно желая уйти, укрыться отъ человѣческихъ взоровъ въ голубое безжонечное небо...

Поѣздъ медленно пробирался среди густого дубоваго лѣса, узкой просѣлкой подымаясь вверхъ по очень крутой вышинѣ...

— Отчего такъ медленно двигается поѣздъ? — спросила обезпокоенная Ида Борисовна, обращаясь къ Ксеніи Владиміровнѣ: — какъ ты думаешь?

— Право не знаю... — устало отвѣтила она: — должно быть, потому, что подъемъ здѣсь очень крутой.

— Да, да, крутой! — отозвалась какая-то молодая блѣдная дама, сидѣвшая рядомъ съ Ксеніей Владиміровной. — Путь здѣсь страшно опасный... Замѣтите: по обѣимъ сторонамъ — провалы, а насыпь высокая... чуть пройдетъ сильный дождь, такъ она и сползаетъ внизъ, щебенъ такъ и осыпается... А дожди здѣсь бываютъ частые и просто настоящіе ливни, такъ что иногда они не только смываютъ насыпь, но и цѣлые камни, вмѣстѣ съ деревьями, летятъ внизъ...

— Какой опасный путь!.. Мнѣ кажется, что и теперь рельсы какъ будто дрожать!.. — тревожно воскликнула Ида Борисовна.

— Да, немного... Но ничего, пройдемъ!.. — улыбаясь, сказала дама. — Я вотъ каждый день аккуратно ѣзжу изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ по этой самой насыпи — и ничего, проносить!.. Впрочемъ, сама желѣзнодорожная администрація съ особенной озабоченностью и вниманіемъ относится къ этой маленькой пятиверстной линіи отъ Бештау до Желѣзноводска: прежде всего она озаботилась на большихъ уклонахъ, надъ обрывами и провалами, задерживать поѣздъ паровыми и ручными тормозами, а затѣмъ вообще поѣздъ идетъ особенно тихо, черепашинымъ шагомъ; эти пять верстъ мы будемъ ѣхать болѣе двадцати минутъ...

— Страшно! — произнесла, вздрогнувъ, Ида Борисовна. — Какъ жутко смотрѣть изъ окна внизъ!.. А что, если мы слетимъ туда, въ эту зіяющую пропасть?...

— Э, не бойтесь! — сказала прежнимъ успокаивающимъ тономъ дама. — Когда необходимо ѣздить по этой рѣдкой въ своемъ родѣ линіи, то забываешь о возможности печальной катастрофы. Вотъ я, напримѣръ, лечусь въ Желѣзноводскѣ, а живу въ Пятигорскѣ: мнѣ и приходится каждый день подвергать себя опасности... Но, право, о ней-то я меньше всего думаю...

— Отчего же вы такъ устроились? — полюбопытствовала Ксенія Владиміровна.

— Да очень просто: квартиръ свободныхъ въ Желѣзноводскѣ нѣтъ. „Курсовыхъ“ наѣхало — тѣмъ, сезонъ въ самомъ разгарѣ... вотъ и устраивайтесь иначе!

У Ксеніи Владиміровны и молодой дѣвушки невольно лица вытянулись и поблѣднѣли.

— Тетя, а какъ же мы теперь поселимся въ Желѣзноводскѣ, когда нѣтъ квартиръ? — спросила Ида Борисовна упавшимъ голосомъ.

— Попытаемся! — отвѣтила Ксенія Владиміровна какъ-то нерѣшительно.

— Напрасны будутъ ваши попытки! Ни одной свободной квартиры вы не найдете!—съ непоколебимой увѣренностью заявила дама.

— Ну, можетъ быть, въ гостинницѣ какъ-нибудь можно будетъ устроиться, пока найдемъ квартиру...—сказала Ксенія Владиміровна.

— Да въ Желѣзноводскѣ гостинницъ совсѣмъ нѣтъ!—снова замѣтила дама:—вотъ прїѣдете на вокзалъ и ждите „у моря погоды“... Развѣ, вотъ, въ Пятигорскѣ поселитесь, какъ я: тамъ и квартиру найдете, и гостинницъ много есть... только, конечно, неудобно... да и воздухъ не тотъ: сѣрый, нездоровый...

Тѣмъ не менѣе, онѣ все же рѣшили „попытать счастья“ въ Желѣзноводскѣ, смутно надѣясь отыскать хотя какую-нибудь квартиру.

Пробѣжавъ полустанокъ Развалку, поѣздъ медленно приближался къ желѣзноводскому вокзалу. Ксенія Владиміровна и Ида Борисовна вышли на перронъ, защищенный отъ южнаго солнца металлическимъ навѣсомъ, и молча, съ возрастающимъ безнокойствомъ, направились къ новому зданію вокзала.

Желѣзноводскъ весь имъ былъ виденъ, какъ на ладони: небольшой, раскинутый между двухъ горъ, Желѣзной и Бештау, онъ казался усталымъ путешественницамъ такимъ непривлекательнымъ, такимъ непривѣтливымъ, что онѣ молча и грустно переглянулись, точно спрашивали другъ друга:—„И для чего это мы сюда заѣхали?.. Стоило ради этого неказистаго маленькаго поселка тащиться болѣе четырехъ сутокъ изъ нашихъ черноземныхъ полей!.. Развѣ у насъ въ деревнѣ Артиховкѣ не лучше?.. И тамъ у насъ тѣнистые лѣса и столѣтніе дубы, но... тамъ—все знакомое, родное, улыбающееся намъ такъ привѣтливо, радушно и гостепріимно, а здѣсь...“

— Сударыня, ваши вещи?—прервалъ ихъ безотрадные мысли артельщикъ:—прикажете свести ихъ на вокзалъ, или извозчика занять?..

— Нѣтъ, на вокзалъ...—заторопившись, взволнованно отвѣтила Чудновская.—Идочка, идемъ, а тамъ... обдумаемъ, какъ намъ быть...

Выбравъ укромный уединенный уголокъ во вновь отстроенномъ вокзалѣ, онѣ сложили свои вещи въ какую-то причудливо-некрасивую пирамиду и стали молча, сосредоточенно пить чай...

Было около одиннадцати часовъ утра. Въ вокзалѣ, еще не вполне устроенномъ, сильно несло угаромъ и сыростью отъ вновь оштукатуренныхъ стѣнъ, но не было такъ жарко и душно,

какъ въ вагонѣ. Въ одно только окно назовѣливо заглядывало палящее солнце, но лучи его не касались ихъ... Кое-гдѣ за столиками сидѣли небольшими группами такіе же безпріютные путешественники, какъ онѣ, и тоже уныло пили чай... Ихъ усталыя лица краснорѣчиво говорили о перенесенныхъ дорожныхъ неудобствахъ и о бессонныхъ ночахъ въ пыльных, грязныхъ и душныхъ вагонахъ...

— Что же теперь намъ дальше дѣлать, дорогая тета?.. — спросила озабоченно и серьезно Ида Борисовна, отодвигая отъ себя пустой стаканъ.

— А вотъ что, Идочка: ты пока оставайся съ вещами на вокзалѣ, а я... отправлюсь разыскивать квартиру! — съ нервнымъ оживленіемъ и торопливостью отвѣтила Ксенія Владиміровна.

— Но какъ же, тета, ты будешь искать квартиру, когда ты такъ устала?.. Да и Желѣзноводска ты, вѣдь, совсѣмъ не знаешь!.. — тревожно говорила Ида Борисовна. — Нельзя ли здѣсь, на вокзалѣ обратиться къ кому-нибудь за помощью или, крайней мѣрѣ, за какими-нибудь указаніями?..

— Пожалуй, попробуемъ...

И Чудновская подошла къ первому попавшемуся лакею, но онъ наотрѣвъ отказался дать ей какія-либо свѣдѣнія; тогда Ксенія Владиміровна попробовала обратиться къ очень полному отставному генералу, сидѣвшему недалеко отъ нихъ. Онъ оживленно и громко разговаривалъ съ блѣднымъ молодымъ человекомъ, обладателемъ прекраснаго сачка и значительной живоколекціи крупныхъ оранжевыхъ бабочекъ, помѣщенныхъ въ одной стеклянной банкѣ, и различной величины жуковъ, черныхъ и синихъ — въ другой... Собесѣдники были такъ симпатичны и ихъ лица были такъ добродушно-пріятны, что Ксенія Владиміровна смѣло, съ достаточной развязностью, спросила:

Скажите, пожалуйста, генералъ, вы постоянно живете въ Желѣзноводскѣ?

— Что-съ? — громко спросилъ онъ, повернувшись къ ней всѣмъ своимъ тучнымъ корпусомъ: — извините великодушно, я немного тугъ на одно ухо: — не разслыхалъ-съ!

Чудновская болѣе громко повторила ему свой вопросъ.

— Нѣтъ-съ, Богъ миловалъ. Я пью эссенчуки и живу поэтому въ Эссенчукахъ, въ прекрасномъ помѣстительномъ домикѣ, со всѣми удобствами, недалеко отъ парка-съ... такъ что № 17 эссенчуковъ отъ моей квартиры — рукой подать... И плачу — удивительно дешево: всего 25 рублей въ мѣсяцъ за три комнаты. *Parole d'honneur!*.. А вотъ мой сынъ, — онъ указалъ на

блѣднаго молодого человѣка, всецѣло погруженнаго въ созерца-
ніе своей коллекціи:—дѣйствительно живетъ въ Желѣзноводскѣ...
И, представьте, за маленькій клоповникъ—платить сто цѣлю-
выхъ-съ въ мѣсяцъ!.. Да я, въ былое время, въ Кіевѣ, своего
деньщика помѣщалъ въ болѣе комфортабельной комнатѣ!.. Да-съ!..
Страшная здѣсь дороговизна и никакой благоустроенности въ
квартирахъ... А вы, мадамъ, тоже живете въ Желѣзноводскѣ?

— Нѣтъ, но хочу...

— Напрасно, напрасно-съ!.. Не совѣтую, развѣ ужъ крайняя
необходимость, какъ вотъ ему, моему сыну, а то—никакихъ
удобствъ!..—перебилъ онъ ее громко, и съ большимъ оживле-
ніемъ снова началъ расхваливать Ессентуки, превознося „оче-
видную пользу“ отъ „милыхъ ессентучковъ“, которыми онъ поль-
зовался уже болѣе десяти лѣтъ...

Не найдя для себя ничего отраднаго въ оживленной рѣчи
словоохотливаго генерала, Ксенія Владиміровна, при первой
удобной минутѣ, раскланялась съ нимъ и съ прежней озабо-
ченностью подошла къ Идѣ Борисовнѣ.

— Ничего новаго,—сказала она ей:—но ничего не подѣ-
лаешь! Не сидѣть же намъ здѣсь безцѣльно цѣлый день...
Столько ѣхали, да вдругъ и сложить руки,—надо сейчасъ же
отправиться на поиски...

— Но, тетя,—хватить ли у тебя силъ? Ты такъ утомлена
дорогой!

— Ничего, Идочка, не беспокойся... Еще отдохнемъ...—
улыбаясь, сказала Ксенія Владиміровна и, къ великому огор-
ченію Иды Борисовны, торопливо вышла изъ вокзала.

День былъ очень жаркій. То на извозникѣ, то пѣшкомъ,
Чудновская настойчиво заглядывала во всѣ уголки пыльнаго и
грязнаго Желѣзноводска. Послѣ долгихъ еще странствованій,
теряя всякое терпѣніе и надежду поселиться въ Желѣзноводскѣ,
Ксенія Владиміровна, обливаясь десятимъ потомъ, остановилась
противъ красивой площади парка у подъѣзда какого-то камен-
наго двухъ-этажнаго дома, украшеннаго желанными „билети-
ками“:—„Отдается въ наемъ“... Здѣсь, во дворѣ, въ старомъ
деревянномъ домѣ, на третьемъ этажѣ, подъ самой желѣзной
крышей,—ей показали свободную „меблированную комнату“...
за 90 рублей въ мѣсяцъ!.. Эту комнату можно было съ успѣ-
хомъ назвать „чердачной конурой“... Маленькая, низенькая, съ
грязными обоями и небольшими окнами, обставленная деше-
венькой мебелью — она показалась Ксеніи Владиміровнѣ очень не-
привлекательной... Но она остановилась на этой „конурѣ“ прежде

всего потому, что была страшно утомлена, а затѣмъ— „конурка“ имѣла свои неоспоримыя достоинства, такъ какъ одна изъ ея маленькихъ дверей выходила на балконъ, висящій надъ роскошными акаціями и нѣсколькими фруктовыми деревьями, составляющими небольшой садикъ,—и открывала чарующій видъ на Желѣзную гору, Острую и Бештау... Поэтому Ксенія Владиміровна вступила въ надлежащіе переговоры съ хозяйкой дома и, послѣ продолжительныхъ разговоровъ и „торговъ“, наконецъ, наняла „конурку“ за семьдесятъ-пять рублей въ мѣсяцъ „съ самоварами“. Вручивъ хозяйкѣ задатокъ, Ксенія Владиміровна, успокоенная и довольная,—поспѣшила на вокзалъ...

— Тетя, бѣдная, какой у тебя невозможно-измученный видъ!.. Ну, что, какъ дѣла?—спросила Ида Борисовна, увиди ея черезъ окно, еле идущую по паррону...

— Хорошо! наняла цѣлое palazzo!.. Собирайся скорѣе, Идочка!.. — довольно громко отвѣтила Ксенія Владиміровна, изнывая отъ усталости, но все же съ веселой и довольной улыбкой входя въ зданіе вокзала.

— Три часа слишкомъ я здѣсь томилась ожиданіемъ и чего-чего я только не передумала!—съ глубокимъ вздохомъ проговорила Ида Борисовна, чуть не обнимая Чудновскую.—Но зато теперь—все хорошо!.. Посмотри, кто меня здѣсь развлекалъ!—узнаешь?..

Молодая дѣвушка улыбнулась и перевела свои блестящіе красивые глаза на молодого, симпатичнаго, но совершенно лысого корнета.

— Да какъ же не узнать!.. Жоржъ!.. Какъ это вы сюда попали?.. Вотъ пріятная неожиданность!—привѣтливо произнесла Ксенія Владиміровна, подавая руку корнету.

— Нашъ пострѣлъ—вездѣ поспѣлъ!—весело отвѣтилъ онъ.—Здравствуйте, почтеннѣйшая Ксенія Владиміровна!.. Я, вотъ, здѣсь лечусь отъ нервовъ и... думаю, что кавказскій воздухъ благотворно подѣйствуетъ на мою...

— Душу?—перебила его Ида Борисовна.

— Охъ, нѣтъ, Ида Борисовна! Душа—своимъ чередомъ, а это для меня будетъ немного поважнѣе:—на мою... лысину...

— А и въ самомъ дѣлѣ! Куда дѣвалась ваша шевелюра, Жоржъ?—улыбаясь, спросила его Ксенія Владиміровна.

Жоржъ съ притворной стыдливостью прикрылъ свою голову фуражкой и тихо, но отчеканивая каждое слово, комично произнесъ:

— Съ честью потерялъ я ее на житейскомъ полѣ сраженія и борьбы... въ погонѣ за прекраснымъ поломъ...

— Ну и балагуръ вы, Жоржъ! Всегда и вездѣ одинъ и тотъ же! — снисходительно замѣтила Ксенія Владиміровна.

— А гдѣ же и какъ, тетя, ты нашла квартиру? — полюбопытствовала Ида Борисовна.

— Э, долго рассказывать! А нашла я ее какъ разъ противъ парка, возлѣ „Конторы группъ“, въ домѣ Наивной... — отвѣтила Чудновская.

— Да?.. Прекрасно!.. Въ самомъ хорошемъ и возвышенномъ мѣстѣ Желѣзноводска. Тамъ вы будете слушать музыку, играющую въ паркѣ два раза въ день, и будете дышать чуднымъ воздухомъ! — замѣтилъ Жоржъ.

Собравъ съ помощью Жоржа всѣ свои вещи, онѣ скоро очутились въ „конуркѣ“ и стали кое-какъ устроиваться на новомъ мѣстѣ.

— Хотя вмѣсто „палаццо“ мы поселились въ маленькой „галеркѣ“, по здѣсь прекрасно! — восторженно твердила Ида Борисовна, любясь съ балкона паркомъ и зеленѣющими горами. — Ну и забрались мы „на вышку“! Смотрите, Жоржъ: верхушки акацій чуть-чуть доходятъ до нашего балкона... Деревья — у нашихъ ногъ!..

II.

— А что, Жоржъ, здѣсь все тихо?.. Безопасно?..

— Вы это насчетъ чего, Ксенія Владиміровна?

— Да насчетъ разныхъ тамъ... убійствъ... воровства?..

— Нѣтъ, ничего такого не слышно... Вотъ только, на дняхъ, осетинъ-музыкантъ, пріѣхавшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, одну прекрасную дѣвицу повѣсилъ въ паркѣ, у самага „Смирновскаго“ источника... у верхней, значить, „Грязнушки“, — за ноги, внизъ головой! — шутливо, быстро проговорилъ Жоржъ.

— Что вы, Жоржъ! За что?.. — спросила удивленно Ида Борисовна.

— Гм... объ этомъ исторія умалчивается!.. Одно могу сказать, что осетины — народъ дикій, мстительный, жестокий и, должно быть, ревнивый...

— И что же, эта дѣвица умерла? — полюбопытствовала Ксенія Владиміровна.

— Нѣтъ, ничего, опять гуляетъ въ паркѣ, пока не повѣсятъ уже вверхъ головой!.. Это случается здѣсь часто съ разными осторожными и вѣтренными дѣвицами... Охъ, чего только здѣсь

не бывает! Вотъ и со мной недавно было маленькое происшествіе... довольно курьезное!

— А ну, расскажите, Жоржъ!.. Интересно!—улыбаясь, сказала Ида Борисовна, игриво подбрасывая въ воздухъ необыкновенно крупный и красивый абрикосъ.

— Съ удовольствіемъ, но... не взъщите: чѣмъ богать, тѣмъ и радъ съ вами подѣлиться!.. Здѣсь, въ „Муравьевскихъ“ ваннахъ, есть прехорошенькая фельдшерица и массажистка... пермячка... Я познакомился съ ней какъ-то въ скорости послѣ моего приѣзда въ Желѣзноводскъ и сталъ къ ней частенько хаживать. Моя пермячка—ничего, веселая такая, оживленно такъ болтаетъ, а я—такъ и таю!.. Какъ-то, недавно, пригласила она меня на чай, а день былъ праздничный; прислуга ванная, освободившись отъ занятій, вся разошлась, такъ что и самовара некому было поставить... Недолго думавши, я самолично принялся за эту работу; но самоваръ что-то долго не закипалъ... Я и сапогами своими его раздувалъ, по очереди снимая ихъ то съ правой ноги, то съ лѣвой... я угольковъ подбрасывалъ—ничего не беретъ!.. Наконецъ, кое-какъ самоваръ закипѣлъ, и мы съ пермячкой принялись за веселое и пріятное чаепитіе... Вдругъ... съ ней дурно!.. Задрожала вся... поблѣднѣла... и... бухъ въ обморокъ!.. Я испугался, растерялся, но все же помню, что въ этихъ случаяхъ очень помогаетъ холодная вода... Поблѣжалъ я съ кружкой по корридору, но нигдѣ нѣтъ воды! Вдругъ вижу—стоитъ полное ведро какой-то жидкости... обрадовался я, зачерпнулъ быстро кружкой, поблѣжалъ и давай поить мою пермячку... Ничего не помогаетъ! Еще, какъ будто, больше поблѣднѣла... Чтѣ за оказія!—думаю:—а ну, попробую!.. И чтѣ же! это—солено-грязная вода изъ Тамбуканскаго озера!.. Тогда я опять отправился на поиски... Заблѣжалъ въ одну изъ ванныхъ комнатъ, открылъ кранъ, наточилъ воды и опять бѣгу къ пермячкѣ... Ну, и привелъ, наконецъ, въ чувство... Только, слышу, что-то въ корридорѣ журчитъ, какъ ручей... Отворяю дверь и—о, ужасъ!—вижу, что весь чистенькій корридоръ превратился въ быстрый грязный ручей, а изъ ванной комнаты такъ и бѣгутъ, такъ и пѣнятся „бурные потоки“, вродѣ кисловодскаго водопада на рѣкѣ Ольховкѣ... Я—туда, а тамъ изъ крана, оставленнаго мною впопыхахъ незакрытымъ, течетъ-себѣ и бурлитъ кисловодскій водопадъ...

— И чтѣ же вы сдѣлали со всей этой массой воды?—смѣясь, спросила Ксенія Владиміровна.

— Да я-то больше ничего не дѣлалъ!.. Къ счастью, подо-

шла одна изъ ванщицъ и съ помощью сторожа живо привела все въ порядокъ...

— Ну, а хорошенькая пермячка что? — съ большимъ интересомъ спросила Ида Борисовна.

— Да... ничего... Она совсѣмъ оправилась.

— Вотъ мнѣ только непонятно, отчего съ ней сдѣлалось дурно... Фельдшерица, массажистка... значить, не изъ такихъ ужъ изнѣженныхъ... нервныхъ, да вдругъ—въ обморокъ! — задумчиво произнесла молодая дѣвушка, медленно обмахивая вѣеромъ свое красивое лицо съ застывшей наивной улыбкой юнаго, неспорченного созданія.

Жоржъ сильно покраснѣлъ и негромко проговорилъ:

— Этого я объяснить... не съумѣю... Впрочемъ, винюсь... пересолить немного, ухаживая за пермячкой...

Ида Борисовна съ прежнимъ выраженіемъ лица смотрѣла на Жоржа, а Чудновская неодобрительно покачала головой и укоризненно произнесла:

— Не могу похвалить васъ за ваши вѣтренные поступки, нашъ лихой корнетъ!.. Вспомнили бы, по крайней мѣрѣ, что у васъ въ полтавской губерніи невѣста есть...

— Невѣста — это скучная статья, Ксенія Владиміровна! — беззаботно и весело сказалъ Жоржъ:—а хорошенькая пермячка — это пріятный флиртъ!.. Не могу отъ него отказаться, а особенно здѣсь, на Кавказѣ, гдѣ все влечетъ „къ нѣгѣ и любви“!.. Здѣсь всѣ ухаживаютъ, увѣряю васъ, Ксенія Владиміровна! Вотъ, сами увидите! Впрочемъ, Желѣзноводскъ — это самый скучный курортъ; здѣсь — одиѣ монотонныя и суровыя авемичныя дамы! Какъ муміи, бродятъ онѣ по аллеямъ парка, бросая мрачные взгляды на все и на всѣхъ, — съ блѣдными, злыми лицами, да еще съ какими-то зеленымъ оттѣнкомъ!.. Можетъ быть, это послѣднее происходитъ въ силу отраженія обильной флоры парка — не знаю, только я не выношу ихъ! Онѣ наводятъ на меня тоску, съ ними просто можно съ ума сойти!.. Ну, какъ же здѣсь не развлекаться невиннымъ флиртомъ?.. Да это то все неважно, а вотъ... кто здѣсь поселится, въ вашемъ сердечкѣ, — вотъ что меня интересуетъ! Что вы на это скажете, Ида Борисовна?

— Здѣсь?.. Никто!.. Это — вопросъ далекаго будущаго! — смѣясь, отвѣтила дѣвушка.

— Ну, нѣтъ! Берегитесь, Ида Борисовна: здѣсь, на водахъ, какъ-разъ какой-нибудь джигитъ, съ жгучими миндалевидными глазами, съ наклонностями и манерами отчаяннаго „азіата“, блестящій серебромъ и кинжалами, — такъ и пронзитъ ваше сердце!..

— Это—героя не моего романа! Я не признаю случайныхъ „флиртовъ“!..—коротко отвѣтила Ида Борисовна и задумалась.

— Посмотримъ!.. Однако, я и засидѣлся у васъ!.. Завтра я зайду утромъ къ вамъ, если позволите, и пойдемъ вмѣстѣ въ паркъ слушать музыку...

— Непремѣнно заходите!—съ особеннымъ оживленіемъ сказала Ида Борисовна:—скупать и сидѣть безвыходно мы можемъ въ Артиховкѣ, въ деревнѣ, а не здѣсь!.. Правда, тетя?..

— Конечно, Идочка...

Послѣ ухода Жоржа, Ксенія Владиміровна, крайне утомленная дорогой, отдыхала, а Ида Борисовна, удобно усѣвшись на балконѣ, съ любопытствомъ наблюдала за всѣмъ, что происходило вокругъ нея.

И ей все было такъ ново и такъ чуждо!..

На улицѣ, такъ близко отъ балкона, какой-то тощій армянинъ, въ полинявшемъ кафтанѣ неопредѣленного цвѣта, съ трудомъ тащилъ за собой повозченку съ фруктами и дребезжащимъ плачевно-ноющимъ голосомъ однообразно выкрикивалъ:

— Абрикозы!.. Абрикозы!..

Онъ часто останавливался, вытиралъ потный лобъ рукавомъ своего жалкаго кафтана и то выжидательно, то боязливо поглядывалъ по сторонамъ... И его боязнь, какъ оказалось, была не безпричинная: завидя еще издали рослаго, статнаго офицера, въ сѣрой папахѣ и малиновой черкескѣ, блестящей на солнцѣ серебряными украшениями и кинжалами различной величины,—онъ весь съѣжился и присѣлъ на землю, подлѣ своей повозки...

— Ты опять здѣсь?..—крикнулъ офицеръ громовымъ голосомъ.—Кто тебѣ позволилъ развозить по улицамъ фрукты?..

— О, только абрикозы, господинъ полицмастеръ!..—плачевнымъ голосомъ взмолился армянинъ.

— Не разговаривать!..—тѣмъ же грозно-крикливымъ тономъ произнесъ офицеръ.—Это не мороженое!.. Слышишь?.. Одно мороженое я разрѣшилъ возить по городу, а фрукты—сейчасъ мнѣ отвезти на мѣсто, въ лавку!.. Чтобы не было мнѣ этого безпорядка!..

Армянинъ, молча, еще ниже пригнулся къ землѣ и терпѣливо ждалъ, пока пролетитъ мимо него буря въ лицѣ грознаго блюстителя порядка. И какъ только офицеръ скрылся въ густой зелени парка, армянинъ снова затянулъ дребезжащее, ноющее: „абрикозы“...

Теперь онъ подвезъ фрукты къ самому забору дачи Наивной,

и здѣсь, присѣвъ подлѣ своей повозченки, спокойно и сосредоточенно сортировалъ свои „абырбозы“...

Мало-по-малу, весь заборъ дачи, со стороны улицы, украсился персидскими коврами различной величины, паласами, скатертями, расшитыми золотомъ и серебромъ, полковыми подушками, платками и бурками... Назойливо потряхивая какой-нибудь пестрой вышитой вещацей или блестящей полковой тканью передъ глазами многочисленныхъ прохожихъ, персы, грузины, татары и армяне, беспощадно коверкая русскій языкъ, умѣло заманивали покупателей. Торговля на улицѣ шла шумно и оживленно. Особенно громко выкрикивалъ молодой татаринъ въ національномъ костюмѣ и увѣшанный восточными тканями и платками:

— Разны полковы та-варъ!..

И „курсовые“, эти временные обитатели Желѣзноводска, возвращаясь изъ ваннхъ заведеній, съ простынями въ рукахъ, или направляясь къ источникамъ въ паркѣ, цѣлыми группами оставались у забора, любясь произведеніями Востока и дѣлая неизбѣжныя покупки, какъ воспоминаніе о поѣздѣ на Кавказъ...

Ида Борисовна попрежнему сидѣла на балконѣ и наблюдала за оживленнымъ движеніемъ на улицѣ. Но съ послѣднимъ звукомъ марша, долетѣвшимъ такъ ясно до ея слуха изъ парка, „курсовые“ стали быстро расходиться во всѣ стороны; торговцы со своими „та-варами“ спѣшили закончить удачный торговый день, а злополучный армянинъ съ фруктами давно куда-то исчезъ...

И на улицѣ, мало-по-малу, стало совсѣмъ пусто и тихо...

Наступали сумерки; въ воздухѣ, сыромъ и прохладномъ, слышались неуловимый шорохъ и какое-то движеніе, невольно заставлявшее молодую дѣвушку боязливо оглядываться по сторонамъ...

У самого балкона ярко-зеленныя, жизнерадостныя стрекозы весело кружились въ воздухѣ, задѣвая другъ друга... И Богъ вѣсть, откуда и зачѣмъ слетались онѣ сюда въ безчисленномъ множествѣ!..

Солнце медленно пряталось за каменный холодильникъ „Островскихъ ваннъ“, и горы, красующіяся передъ глазами Иды Борисовны, незамѣтно стали исчезать подъ молочно-бѣлой пеленой умана...

Гдѣ-то надъ головой молодой дѣвушки запищали летучія мыши: должно быть, подъ крышей, надъ ихъ балкономъ онѣ строили себѣ гнѣздо...

Съ неумолкаемымъ пискомъ мыши стремительно пролетали передъ самыми ея глазами во всѣ стороны, а затѣмъ долго и упрямо кружились надъ верхушками акацій и дикахъ грушъ, въ какой-то бѣшеной плясѣ.

Ида Борисовна со всѣхъ сторонъ балкона была окружена этими черными, противными и пискливыми плясуньями... И хлопанье ихъ крыльевъ, громкій неумолкаемый писекъ и брезгливость къ этимъ животнымъ, переходящая въ безотчетную боязнь, заставили ее уйти въ комнату и послѣдовать примѣру Ксеніи Владиміровны.

III.

— О, Жоржъ, какъ вы аккуратны! — весело сказала Ида Борисовна, здороваясь съ Жоржемъ. — А тетя предполагала, что вы гдѣ-нибудь закружитесь и забудете о насъ и о нашемъ желаніи побывать сегодня непременно въ паркѣ!..

— Я всегда къ вашимъ услугамъ и буду радъ быть вашимъ постояннымъ чичероне...

Они вышли на довольно большую „Конторскую площадку“, расположенную лишь черезъ дорогу отъ дачи Наивной. Съ лѣвой стороны площадки виднѣлся бѣлый одноэтажный домъ съ небольшою выѣзкой: — „Контора группъ“, а съ правой, отъ парка, возвышалась красивая узорчатая бесѣдка... Она особенно рельефно обрисовывалась на зеленомъ фонѣ Желѣзной горы, высоко, высоко поднимающейся конусообразно къ синему безоблачному небу... Передъ бесѣдкой пестрѣли душистые цвѣты, а справа и слѣва возвышались искусственныя скалы изъ рыхлаго желтаго песчаника, украшенныя роскошнымъ зеленымъ мхомъ и фантастично выходящимъ плющомъ съ крупными листьями и ароматными яркими звѣздочками... Къ бесѣдкѣ можно было подняться по двумъ широкимъ каменнымъ лѣстницамъ, расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ возвышенности... Отсюда, изъ бесѣдки, виднѣлись: вся дачка Наивной, „Конторская площадка“ и многочисленныя дорожки, усыпанныя краснымъ пескомъ... Онѣ, какъ змѣйки, вились по всѣмъ направленіямъ и вокругъ цвѣтниковъ, газоновъ и красиваго фонтана, бьющаго причудливо, точно въ воздухѣ, передъ восхищеннымъ взоромъ зрителя, — высоко обрисовывалась водяная большая цифра 8, — то продолговатая, то круглая, но всегда неуловимо капризная, игривая и чистая, прозрачная, какъ слеза... Налѣво отъ фонтана шла довольно широкая тѣнистая аллея, ведущая вверхъ, къ зданію „Кумыскі“... Отсюда, со

скамейки, приютившейся надъ самымъ обрывомъ, большимъ, скалистымъ, — видѣлась часть Желѣзноводска, примыкающая къ вокзалу: простенькая бѣлая церковь, почти деревенскаго вида, возвышалась надъ небольшими домами, а вдали, среди зелени деревъ, рѣзко, красиво выдѣлялось, построенное въ мавританскомъ стилѣ, новое зданіе „Островскихъ ваннъ“, ослѣпительно блистая своими круглыми серебристыми куполами и хорошенькими башенками... Движенія по улицамъ — никакого, ѣзды — тоже. Изрѣдка пронесется лихая тройка съ бубенчиками, послышится то веселый взрывъ хохота, то шутливая громкая болтовня — и снова все тихо и пусто!.. Но не то происходитъ за „Конторской площадкой“, въ паркѣ: здѣсь сосредоточено все общество, здѣсь жизнь кипитъ и бьетъ ключомъ!.. Всѣ аллеи парка, примыкающія къ павильону, гдѣ играютъ казаки-осетины, въ папахъ, бешметахъ, съ круглыми лицами, плоскими носами и какимъ-то безразличнымъ выраженіемъ свѣтлыхъ глазъ, — переполнены нарядной, пестрой и разнообразной публикой... Густой, почти непроницаемой стѣной двигалась эта пестрая, шумная толпа отъ курзала къ тому заманчивому уголку, откуда неумолкаемо раздавались звуки военного оркестра... Но чѣмъ дальше отъ павильона, тѣмъ жизни и движенія — меньше, говоръ — тише, лица — сосредоточеннѣе... Мѣрной, неторопливой походкой, со стаканами и „трубочками“ въ рукахъ, точно „на службу“, — идутъ „курсовые“ къ цѣлебнымъ желѣзнымъ источникамъ... Со всѣхъ боковыхъ аллеекъ сходятся они на широкой тѣнистой аллеѣ и, почти не отдыхая на попутныхъ скамейкахъ и въ бесѣдкахъ, — идутъ всѣ по одному направленію съ однимъ желаніемъ: напиться желѣзной воды. Первый источникъ встрѣчается имъ на пути „Смирновскій“, — прежде — „Нижняя Грязнушка“. Здѣсь изъ мѣднаго крана, въ небольшомъ гротѣ, струится вода немного газированная, чуть-чуть соленая и очень теплая... Блѣдныя лица „страдающихъ“ — оживляются, потухшіе взоры — вспыхиваютъ надеждой и вѣрой въ этотъ цѣлебный источникъ, и безкровные молчаливые больные съ удовольствіемъ „тянутъ“ черезъ трубочки изъ стакановъ свои налѣченные „унціи“ воды... Что-то таинственное, даже торжественное поражаетъ взоръ при видѣ этого несложнаго процесса!.. Затѣмъ идетъ усиленная чистка зубовъ и непремѣнное полосканіе рта теплой прѣсной водой. Молоденькая „источница“, съ орошенькими черными глазками, въ ситцевомъ розовомъ „фор-ленномъ“ платьѣ, въ бѣломъ передникѣ, — торопливо моетъ стаканы, то грѣетъ на керосиновой лампѣ воду для полосканія горъ, то подноситъ больнымъ стаканы съ „грязнушкой“... Не-

много ниже „грязнушки“, однимъ лишь уступомъ, виднѣется обширная крыша навѣса „Маріинскаго источника“. Тамъ—та же картина, то же „водопитіе“, то же полосканіе и чистка зубовъ... Въ общемъ у всѣхъ видна какая-то вялость, безжизненность... Каждый молча, сосредоточенно напившись воды, медленно, терпѣливо прогуливается на площадкѣ передъ источникомъ, или въ ближайшей аллеѣ, взадъ и впередъ, какъ то ему „предписано“ докторомъ, и безразличнымъ утомленнымъ взоромъ окидываетъ все окружающее... Общая тишина и монотонность здѣсь нарушаются лишь веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ и болтовней у „гигантовъ“ и у высокаго деревяннаго зданія „гимнастики“. У этого зданія „курсовые“—расходятся во всѣ стороны; кто отправляется обратно къ курзалу, кто спѣшитъ домой, а кто подымается по довольно крутой тѣнистой аллеѣ къ „Верхней Грязнушкѣ“. Здѣсь къ источнику ведетъ длинная деревянная галерея, уставленная по обѣимъ сторонамъ скамейками и густо заросшая дикимъ виноградомъ... „Полосканіе“ рта у этого источника идетъ еще энергичнѣе, потому—составъ самой воды сложнѣе: въ ней больше желѣза, больше газовъ, а температура много выше, чѣмъ въ предыдущихъ источникахъ... Площадка передъ источникомъ, прозваннымъ „Верхней Грязнушкой“—очень обширная, красивая, съ оригинальнымъ фонтаномъ, многочисленными цвѣтниками и скамейками... Это—самое любимое мѣсто „курсовыхъ“, и здѣсь всегда сосредоточивается, послѣ окончанія „водопитія“, большое, разнообразное общество. Красивый сквозной павильонъ и длинный рядъ скамеекъ, надъ самымъ обрывомъ, заняты больными и туристами, изучающими природу Кавказа, или просто наслаждающимися его красотами... На этотъ разъ Чудновская, Ида Борисовна и Жоржъ примкнули къ общей массѣ гуляющихъ и восхищенными взорами смотрѣли въ безпредѣльную даль... Видъ съ этой площадки открывается волшебный, рѣдкой красоты и полный оригинальности!.. Внизу, у ногъ зрителей, то террасами, то обрывами,—заканчивается Желѣзная гора, густо поросшая лѣсомъ. Верхушки деревьевъ, отъ площадки до подошвы горы, систематически слѣдуя одна за другими, кажутся зеленой волнистой вивой, совершенно скрывая свои стволы. Трудно на первый взглядъ опредѣлить, что это видны большія, высокія деревья... Чѣмъ-то мелкимъ, какъ кустарники или зеленые пышныя вѣточки, кажется этотъ сплошной лѣсъ, оканчивающійся гдѣ-то далеко... А тамъ, еще дальше,—та же иллюзія... То уже виднѣется пятиглавый гордый Бештау и скромный Машукъ... Эта сплошная масса зелени, неподвижная, молчаливая, чуть-чуть колышется

у полустанціи Развалки, пропуская изъ Пятигорска медленно и боязливо ползущій небольшой поѣздъ...

Ида Борисовна узнала этотъ стонущій поѣздъ, пробирающійся по едва замѣтной, вьющейся узкой лентой, желѣзной дорогѣ, теряющейся гдѣ-то недалеко отъ Бештау, и ея сердце забилося какъ-то особенно радостно: два дня тому назадъ она съ Ксеніей Владиміровной съ такимъ страхомъ и возрастающей тревогой слѣдила за ходомъ этого самаго поѣзда, боясь неминуемой катастрофы!..

...„И ничего, пронесло!“.. улыбнувшись, подумала она.

И молодая дѣвушка близко наклонилась къ Чудновской и произнесла:

— Тетя, узнаешь?.. Нашъ поѣздъ!..

— Да, вашъ!—оживленно отозвался Жоржъ:—онъ нѣсколько разъ въ день фланируетъ между станціей Бештау и Желѣзноводскомъ... Хотите, прокатаемся сегодня на этомъ поѣздѣ?..

— Хорошо, право хорошо!.. Вѣдь, пройдемъ? Тетя, хочешь?..

Но Чудновская ничего не отвѣчала: она слишкомъ была поражена, очарована и занята, всматриваясь въ темнѣющую даль... Бинобль невольно дрожалъ въ ея рукѣ, и она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила, какъ въ данный моментъ мрачный „великанъ“ Бештау спѣшилъ надѣть темную шапку облаковъ, точно желалъ скрыть отъ взоровъ всѣхъ присутствующихъ на площадкѣ, а особенно отъ привѣтливо-зеленѣющаго, расплывчатаго Машука большой флагъ, мелькающій въ смѣлой рукѣ настойчиваго туриста... Этотъ флагъ, побѣдный трофей усталаго, но отважнаго человѣка, казался на крутой обнаженной вершинѣ горы какимъ-то поворнымъ пятномъ для гордаго, трудно-доступнаго Бештау... И вотъ, съ каждымъ моментомъ оскорбленный „великанъ“ все больше и больше старался надвинуть темную, громадную шапку, коварно скрывая настойчиво мелькающій, дразнящій флагъ... Но все же многіе изъ наблюдательныхъ гуляющихъ замѣтили этотъ флагъ, и онъ сдѣлался теперь предметомъ общихъ оживленныхъ бесѣдъ.

— Смотрите, смотрите, какой-то флагъ мелькаетъ на Бештау!—громко, удивленно говорила Ида Борисовна, увлеченная общимъ настроеніемъ окружающей публики.—Вотъ, какой смѣльчакъ, — пробрался на самую вершину!.. Это, вѣрно, очень трудно?..

— А вы какъ думали! Вотъ вы бы не пробрались туда!—смѣясь, отвѣтилъ ей Жоржъ.—Но Бештау—хитрый старикъ! Ишь, какъ онъ спѣшитъ надѣть шапку-невидимку! Вотъ, и не видно уже флага!..

— Какой тамъ... на вершинѣ горы... туманъ! И такъ вдругъ, сразу!—удивилась Ида Борисовна.

— Ну, быть непогодѣ!—проговорилъ кто-то громко за спиной молодой дѣвушки.

— Что это значить, Жоржъ?.. Почему „быть непогодѣ“?—тихо спросила она его, не отрывая глазъ отъ поразившей ее чудной, своеобразной картины.

— Спросите объ этомъ Бештау: это своего рода барометръ... Кавказцы говорятъ: „Бештау надѣваетъ шапку—значить быть дождю“... Такова ужъ ихъ примѣта!—пояснилъ Жоржъ.

На этотъ разъ Бештау всѣхъ обманулъ: облака быстро скользили по вершинѣ горы, и „хитрый великанъ“ охотно сбрасывалъ теперь мохнатую шапку... Солнце снова привѣтливо освѣтило его вѣковыя скалы, но оно болѣе не нашло на прежнемъ мѣстѣ побѣднаго флага: смѣльчакъ такъ же быстро скрылся отъ любопытныхъ взоровъ восхищенныхъ людей, какъ быстро разсѣялся густой туманъ на вершинѣ Бештау...

— Удивительно, какая быстрая перемена погоды и какая чудная игра южныхъ яркихъ красокъ!—чуть слышно произнесла Чудновская и глубоко задумалась.

Она стояла теперь на большомъ, почти плоскомъ камнѣ, надъ безконечнымъ обрывомъ, жадно вдыхая прохладный, ароматный и опьяняющій воздухъ... Свѣжій вѣтерокъ бодрилъ ее члены и заставлялъ забывать о томительной жарѣ іюльскаго кавказскаго дня... И казалось ей, что тамъ, на вершинѣ горы, среди легкихъ, прозрачныхъ облаковъ, граціозно-скользящихъ по скаламъ, все не такъ, какъ здѣсь, въ паркѣ, и тамъ, внизу, на пыльных и узкихъ улицахъ Желѣзноводска... Ея воображеніе работало быстро, и она, мало-по-малу, совершенно забывала о назойливыхъ мысляхъ, такъ часто беспокоившихъ ее... Здѣсь, среди чарующей богатой природы, картины зависти, злобы, оскорбленій, коварства—блѣднѣли и казались такимъ ничтожествомъ!.. Здѣсь какъ-то невольно забывалось обо всемъ земномъ, мелкомъ, пошломъ—и дышалось такъ легко и покойно!.. И эти нѣмыя горы были неизмѣнно-покойны, величественны и прекрасны своей своеобразной дикой красотой, своимъ неуязвимымъ безчувствіемъ!.. Воздухъ не опьянялъ ихъ чуднымъ ароматомъ, просторъ не манилъ ихъ въ даль, свободный полетъ орловъ не порождалъ въ нихъ зависти, а мелодичные звуки оркестра, долетающіе откуда-то снизу, не будили ихъ къ жизни... томительно-сладкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мучительной избыткомъ страстей и безграничныхъ желаній...

— Вот если бы было совершенно безоблачное небо, то въ бинокль мы отсюда увидали бы съ вами, Ида Борисовна, даже „кусочек“ Эльбурса! — говорилъ, между тѣмъ, Жоржъ, обращаясь къ умоленной, очарованной молодой дѣвушкѣ.

— Что вы?.. Жаль!.. Впрочемъ, это еще отъ насъ не уйдетъ!.. Право, сколько здѣсь, на Кавказѣ, интереснаго! — восторженно произнесла Ида Борисовна. — Тетя, ты не жалѣешь, что отпра-
вилась сегодня въ паркъ?

Но и теперь Чудновская ничего не отвѣтила молодой дѣвушкѣ и, продолжая задумчиво смотрѣть вдаль, улыбнулась только какой-то загадочно-неопредѣленной улыбкой.

— У Ксеніи Владиміровны отъ избытка чувствъ даже языкъ прилипъ къ гортани! — весело шутилъ Жоржъ: — онѣ не желаютъ съ нами разговаривать...

— Да что вы, Жоржъ, болтаете! Не смѣйте обижать тетю!..

— Не сердитесь, Ида Борисовна! Ваша „тѣтя“ такъ увлеклась кавказскими красотами, что все равно — ничего не слышитъ...

Но Чудновская, безразлично слушая непринужденно-веселую болтовню молодыхъ людей, продолжала задумчиво смотрѣть вдаль... Теперь она невольно засмотрѣлась на Змѣиную гору, поднимающуюся налѣво отъ Бештау... Эта гора поразила ее своимъ страннымъ видомъ: отъ вершины до подошвы, она вся, полуобнаженная, довольно острая, была покрыта, точно змѣями, какими-то желтоватыми, глубокими и длинными рытвинами... И это безчисленное множество змѣй ползло по ней во всѣ стороны и въ различныхъ направленіяхъ... Поразительно-странный картина!..

— Помилуй, Петръ Петровичъ! Это чортъ знаетъ что такое! — вдругъ заговорилъ кто-то подлѣ Чудновской очень громко и возбужденно, отчего она вся вздрогнула и быстро оглянулась.

Какой-то худощавый, высокій и немолодой господинъ, сильно жестикулируя, разговаривалъ съ полнымъ добродушнымъ старикомъ:

— И что это такое, скажи мнѣ на милость... ради Бога!.. Чѣмъ здѣсь только люди восхищаются?.. Кавказъ, Кавказъ!.. Экая, подумаешь, прелесть! Высочайшія горы, безконечная и безтолковая кругомъ зелень и туманъ!.. Невозможный туманъ!.. Помилуй, Петръ Петровичъ, да это чистое безобразіе!.. Зелень, зелень — и туманъ!.. Или — горы, горы... и туманъ!.. Или — туманъ, туманъ и... горы!.. И эти противныя горы всюду торчатъ передъ самымъ твоимъ носомъ!.. Даже неба не видно!.. Ни поля, ни луговъ, ни коровки, ни бѣлой хатки, ни вишневаго садочка, ни

млиночка!.. Тьфу, ты пропасть!.. Да этакъ съ тоски можно съ ума сойти!..

Высокій, худой господинъ былъ въ ажитациі, а полный старикъ молча, добродушно улыбался и спокойно поглаживалъ свою сѣдую бородку.

Чудновская тихо разсмѣялась и молча сѣла на скамейку подлѣ Иды Борисовны. Рядомъ съ ними, на сосѣдней скамейкѣ, расположилось небольшое общество, сразу обратившее на себя ея вниманіе: пожилая, очень полная и румяная дама, одѣтая чрезвычайно пестро, безъ соблюденія тонкостей „последней моды“; молоденькая, тщедушная дѣвушка съ блѣднымъ миловиднымъ лицомъ и мечтательнымъ взоромъ—и студентъ въ бѣломъ кителѣ и форменной фуражкѣ, „австрійскаго покроя“,—съ быстрыми жгучими глазами и черными, тонкими, какъ у таракана, усиками.

Дѣвушка и студентъ оживленно разговаривали, а „пестрая дама“, молча, съ блуждающей неопредѣленной улыбкой, слушала разговаривающихъ; ея расплывчатое лицо носило отпечатокъ какого-то недоумѣнія, растерянности и крайней напряженности мысли; можно было думать, что разговоръ молодыхъ людей казался ей такимъ замысловатымъ диспутомъ, отъ котораго въ ея головѣ подымался цѣлый хаосъ...

— О, вѣтъ, я не сторонница декадентства!—горячо говорила молодая дѣвушка:—да вообще, я не увлекаюсь слѣпо новыми художественными теоріями Запада... Что же касается философіи Ницше, о которой вы только-что говорили, то его характернымъ, но уродливымъ умозаключеніемъ: „стать по ту сторону добра и зла“ для того, чтобы найти тамъ—именно тамъ!—проблему самосовершенствованія, выработать себѣ кодексъ нравственности и стать „сверхчеловѣкомъ“—я возмущена до глубины души!.. Ну, и представьте себѣ, что было бы, еслибы эти „сверхчеловѣки“, эти въ сущности люди-животныя, безнравственные и чувственные... стали бы подчинять себѣ, по теоріи Ницше, всю остальную массу людей?.. Это было бы какое-то... паденіе нравственности... настоящее декадентство, отъ котораго не излечилъ бы насъ никакой, самый разумный, энергичный и сильный піонеръ!.. Нужно было бы тогда совсѣмъ пересоздать людей... и весь міръ!..

Она замолчала и, раскраснѣвшаяся, взволнованная, перевела свои лучистые глаза на студента.

— Строго говоря, дѣло не въ философіи и не въ какихъ-нибудь вообще западныхъ эстетическихъ или... экономическихъ

теоріяхъ, часто очень даже симпатичныхъ и разумныхъ!..—заговори́лъ студентъ съ особенной экспрессіей и съ такой самоуверенностью, солидностью и серьезностью, точно онъ чувствовалъ себя уже тѣмъ „сильнымъ піонеромъ“, способнымъ пересоздать „весь міръ“, о которомъ только-что упоминала дѣвушка:—а дѣло—въ самомъ настроеніи нашего общества, не умѣющего найти ни умственного, ни нравственного устоя въ самихъ себѣ и во всемъ окружающемъ, и не понимающего смысла собственной жизни!.. Вотъ почему является безсознательное исканіе чего-то особеннаго, посторонняго, неизвѣстнаго... неопредѣленнаго... является недовольство, злоба и пустота... Все это—печальный результатъ бесплодныхъ поисковъ „чего-то“, непониманіе настоящей цѣли жизни, граничащее съ отчаяніемъ, полнѣйшей неудовлетворенностью, скукой и тоской... Вспомните слова нашего писателя Горькаго, вложенныя имъ въ уста чорта,—въ одномъ изъ его дивныхъ разсказовъ, —призывающаго на помощь... нимфу Эгерію въ трудныя минуты всецѣло охватившаго его декадентства:—„Бодрый холодъ объятій твоихъ освѣжаетъ усталую душу мою“!.. А затѣмъ... „И ты—о, тоска!—увлажашь одинокое сердце мое“... Холодъ и тоска—вотъ содержимое нашего „сердца“, въ которомъ дѣйствительно „расцвѣтають цвѣты ненависти“... Къ чему? —спросите вы... Ко всему!.. къ нашей собственной жизни, неумѣло нами обставленной, къ людямъ, насъ окружающимъ, къ полезному труду, къ природѣ... ко всему!.. Вотъ вамъ самый крѣпкій корень декадентства!..

— Да, но...—дѣвушка замаялась, вдумчиво взглянула на студента и тихо произнесла:—но идею легче проповѣдывать, чѣмъ жить по избранной и излюбленной идеѣ... Много ли у насъ такихъ, какъ Левъ Толстой или... Джонъ Рёскинъ?..

Студентъ неопредѣленно улыбнулся и, покопавъ молча палькой въ песокъ подлѣ своего сапога, процѣдилъ сквозь зубы:

— Гм... А вы читали отзывъ о Львѣ Толстомъ нѣмецкаго пессимиста Макса Нордау, высказанный въ его „Вырожденіи“?..

— Да, читала. И нахожу, что Нордау не правъ! —горячо возразила дѣвушка:—Толстой—не большой философъ, а великій убѣжденный піонеръ... Да, піонеръ, за которымъ въ послѣдствіи пойдутъ многіе!.. Теперь же человѣчеству нужно пережить и декадентство, и безумную роскошь, и бесплодныя исканія „чего-то“... нужно пережить этотъ уродливо-культурный фазисъ нашего развитія, какъ пережили мы рыцарство, инквизицію и рабство людей... Нѣтъ, Левъ Толстой—сила, и не умалить, не сокрушить его никто!.. Приходится только удивляться, какъ Нордау, умный

человѣкъ, не могъ сказать чего-нибудь болѣе... остроумнаго о нашемъ великомъ мыслителѣ...

Дѣвушка замолчала и нервно, недовольно сдвинула плечами.

— О, да вы такъ вооружены противъ Нордау, что, пожалуй, не захотите больше читать его? — полусмѣливо замѣтилъ студентъ, небрежно вертя въ рукѣ небольшую тросточку.

— Нѣтъ, отчего-же: Нордау пріятно читать, если онъ не пускается въ излишнее философствованіе; онъ обладаетъ большою способностью, какъ талантливый беллетристъ, подмѣчать у своихъ героевъ все характерное, интересное и даже болѣе или менѣе... новое...

— Не правда ли? — громко, оживленно, точно обрадовавшись, спросилъ студентъ молодую дѣвушку: — А какая во всѣхъ его произведеніяхъ красота стиля, какое остроуміе!.. Я вамъ принесу еще одинъ его маленький очеркъ, въ которомъ говорится о міровоззрѣніи восточнаго человѣка на нашу западную цивилизацію... Этотъ очеркъ здѣсь, на Кавказѣ, читается еще съ большимъ интересомъ, а главное — съ полнымъ пониманіемъ... Здѣсь во-очію убѣждаешься въ постоянной борьбѣ двухъ направленій... Восточникъ — противъ новизны, онъ любитъ неподвижность и обращается къ новому, когда старое его тяготитъ; но это такъ рѣдко съ нимъ бываетъ!.. Западникъ — не то: онъ лихорадочно стремится къ прогрессу, онъ живетъ надеждами и не цѣнитъ воспоминаній о прошедшемъ, тогда какъ для восточника его прошедшее — святыня... Онъ чувствуетъ, онъ знаетъ, что будущее его создается рукой европейца на развалинахъ его дорогого прошлаго... А онъ такъ любитъ эти причудливыя дикія развалины!..

— Да, да, эти воззрѣнія мнѣ знакомы! — задумчиво и протяжно произнесла дѣвушка: — недавно въ какомъ-то романѣ я наталкивалась на такую же мысль: „Востокъ — колыбель человечества... Подъ вліяніемъ западной культуры народъ горитъ, какъ фейерверкъ, а на Востокѣ — онъ тихо теплится цѣлыя тысячелѣтія...“ Что-то въ этомъ родѣ... Идея одна и та же... Пожалуй, принесите мнѣ этотъ очеркъ, но я бы васъ просила — непременно захватить съ собой и Бокля.

Дѣвушка замолчала и мечтательно устремила свой взоръ на вершину Бештау. И въ то время, какъ ею овладѣвали новыя „мечты“ и новыя „идеи“, — „пестрая дама“ вся трепетала, улыбка исчезла съ ея расплывчатаго лица, и она, вопросительно уставившись на блѣдное личико дѣвушки, наконецъ, съ большимъ безпокойствомъ спросила ее:

— Нюточка, развѣ у тебя опять того... желудокъ не въ по-

рядѣ?.. Неужели „грязнушка“ тебѣ не идетъ въ прокъ?.. Ужъ если случилось съ тобой, однимъ словомъ, такое несчастье, то зачѣмъ же беспокоить Льва Ивановича: за Боклемъ мы и сами пошлемъ въ аптеку... Превосходныя это капли!

Щеки дѣвушки покрылись яркимъ румянцемъ, а тараканьи усики студента какъ-то сами собой заходили во всѣ стороны...

— Нѣтъ, мама, я здорова, но ты... ты смѣшала... То—капли Боткина, а не Бокля... Бокль—это англійскій историкъ... ученый...

— А кто ихъ тамъ разберетъ!.. Вы столько перебрали какихъ-то докторовъ, что-ли... что у меня, слушая васъ, просто, голова заболѣла! Ей Богу!.. Ну ихъ! я съ учеными не люблю водить знакомства и ученыхъ книгъ не читаю...—полу-обиженнымъ тономъ замѣтила „пестрая дама“:—мнѣ подавай, однимъ словомъ, партитулярныя книги!..

— Популярныя...—еще больше краснѣя и смущаясь, чуть слышно поправила ее дѣвушка.

— Это все равно, Нюточка!.. Вотъ мой мужъ, такъ тотъ однимъ словомъ—ученый! — обратилась она къ студенту, торопливо захлебываясь, точно спѣшила наградить себя за долгое молчаніе:—Вотъ мой мужъ, такъ онъ въ Черниговѣ засѣдаетъ въ важныхъ департаментахъ, да сочиняетъ разныя „ходательства“... А если у него, однимъ словомъ, возникаетъ важный вопросъ, то онъ сейчасъ внашиваетъ его „въ пенціонную комиссію“... О, онъ очень ученый, а я—этимъ не занимаюсь: я сижу себѣ все дома, въ своемъ „бидуарѣ“, шью что-нибудь, или на кухнѣ. У насъ, знаете, кухарки—большія мошенницы! Не досмотришь, такъ, однимъ словомъ, все стащатъ, что попало... даже сырое мясо!.. О, дѣловъ и у меня, однимъ словомъ, страсть какъ много, но все... хозяйственные... Гдѣ ужъ мнѣ гнаться за ученостью!.. Вотъ моя Нюточка, такъ та—вся въ отца... Ученая!..

— Ха-ха-ха!—слышалось со стороны Жоржа:—я, вотъ, какъ женюсь на своей полтавской невѣстѣ, то непременно устрою ей „бидуаръ“...

— Тихе, еще нарветесь на какую-нибудь непріятность!—уговаривала его Ида Борисовна.

— Не собираетесь ли, Анна Павловна, въ Кисловодскъ, послушать завтра „Евгенія Онегина“?—спрашивалъ, между тѣмъ, студентъ смущенную и раскраснѣвшуюся дѣвушку, какъ бы стараясь своимъ вопросомъ прервать краснорѣчіе „пестрой дамы“:—составъ, кажется, очень порядочный...

— Я еще не рѣшила...

— Отчего же, Нюточка, намъ и не поѣхать на эту драму?.. Ты такъ любишь театръ, пѣніе!— снова прежнимъ тономъ заговорила дама:— помнишь, какъ тебѣ понравился тотъ дуэтъ, что пѣли здѣсь, въ Желѣзноводскѣ, какія-то три любительки?.. Ахъ, какъ хорошо пѣла та дама, что была одѣта въ зеленое платье изъ сюсюры!... Помнишь, Нюточка?..

— Помню...— чуть слышно уронила дѣвушка и, низко опустивъ голову, быстро, нервно обрывала лепестки завявшей розы...

Въ это время мимо нихъ проходилъ съ дамой очень стройный и красивый драгунъ.

— Какой красавецъ! — тихо произнесла Ида Борисовна: — замѣчательно стройный! Посмотри, тетя...

„Пестрая дама“ насмѣшливо и надменно улыбнулась, махнула рукой и, совершенно неожиданно наклонившись къ Ксеніи Владиміровнѣ, какъ къ ея ближайшей сосѣдкѣ, скороговоркой произнесла:

— Вотъ онѣ,—она указала пальцемъ на Иду Борисовну,— считаютъ этого драгуна стройнымъ... Совсѣмъ нѣтъ! Я знаю, эти драгуны всегда носятъ подъ синими... того... еще однѣ, трикотановыя!.. Вотъ въ этомъ, однимъ словомъ, и вся штука!..

— Ха-ха-ха!.. Ну и дама... „трикотановая“!..—чуть слышно пролетѣло со стороны Жоржа.

— А этотъ драгунъ и не стройный, и не красивый, а только большой надсмѣшникъ—и больше ничего!.. Одинъ разъ, какъ-то, въ вагонѣ, когда я ѣхала въ Ессентуки... я встрѣтилась съ этимъ драгуномъ... Ну, вотъ, разговорились мы съ нимъ, однимъ словомъ, какъ это всегда бываетъ въ вагонахъ... И ничего, разговоръ шелъ такой живительный, веселый, такъ, что онъ даже сказалъ мнѣ:— „Какая вы хорошая бесѣдница!“ — Потомъ, знаете, спрашиваетъ, люблю ли я лошадей?.. Нѣтъ, отвѣчаю, не люблю, потому что я ихъ, однимъ словомъ, боюсь!.. Какъ забыть лошадь этакъ... абстрактно ногами о землю, такъ я вся, однимъ словомъ, содрігаюсь!.. „Напрасно, говорить,—а я дорого бы далъ, чтобы васъ посадить верхомъ на любого коня!“ — Съ какой, говорю, встати?.. А онъ здѣсь какъ пошелъ, какъ пошелъ, какъ пошелъ говорить мнѣ, однимъ словомъ, разныя глупости, такъ что я, значить, даже скраснѣла вся и говорю ему:— „Не нужно мнѣ этого!..“ Сказала этакъ ему съ сердцемъ и съ обидой—и замолчала... А онъ смотритъ все на меня, смотритъ и говорить мнѣ:— „Что же вы еще что-нибудь не расскажете?.. Умозрительно, право, васъ слушать!..“ А я ему какъ крикну:— Отвяжитесь! чтѣ я вамъ — бочка съ матеріаломъ, что-ли?.. Не

чего мнѣ съ вами разговаривать! — Встала, знаете, съ мѣста, пересѣла въ другой конецъ вагона и отъ большого волненія — начала нюхать дыколонъ... Ну его совсѣмъ съ такимъ неприличнымъ надсмѣшникомъ!..

— Помини, Господи, царя Давида и всю кротость его!.. Ида Борисовна, не выдержу, умру отъ смѣха!.. Дайте „дыколонъ“!.. Охъ, уморила меня эта „черниговская пампушка“!.. — прижавъ носовой платокъ къ раскраснѣвшемуся лицу, восклицалъ Жоржъ...

— Ну васъ! Я сама еще жива!.. Разсмѣшила... Воображаю, какъ этой бѣдной дѣвушкѣ неприятно, что у ней такая... такая мать!.. Эта дама мнѣ очень напоминаетъ нашу няню, Шпачиху... Помните, Жоржъ?.. — полушопотомъ говорила Ида Борисовна.

— Далеко ей до вашей Шпачихи!.. Та — просто полевой цвѣтокъ и очень даже милый, а эта — какой-то колючій полевой „будякъ“!.. Нѣтъ, она даже не похожа на няню „изъ порядочнаго дома“!.. Она... Но, Ида Борисовна, скажите мнѣ, ради Бога, гдѣ мы: на Кавказѣ, или въ нашей родной Малороссіи?.. Ну и „дама“!

Во время всего этого разговора, „пестрая дама“ все еще испытывала терпѣніе Ксеніи Владиміровны, а „Нюточка“ со студентомъ, уловивъ минутку, незамѣтно встали со скамейки и направились къ бьющему освѣжающему фонтану.

— Нюточка, Нюточка, гдѣ же ты?.. Опять ушла!.. Вотъ божеское наказаніе!.. — вдругъ, безпокойно оглядываясь и подергивая полными плечами, громко произнесла „пестрая дама“: — Не угоняться же мнѣ здѣсь за нею!.. Здѣсь паркъ, такъ мое поштеніе, не то, что нашъ черниговскій садъ!.. — говорила она взволнованно, ни къ кому болѣе не обращаясь; но, замѣтивъ, наконецъ, „Нюточку“, — радостно всплеснула руками и, быстро вставъ со скамейки, торопливо направилась къ гуляющей парочкѣ.

IV.

Часть былъ обѣденный; публика на площадкѣ у „Верхней Грязнушки“ значительно рѣдѣла...

— Пора, Идочка, и намъ уже двинуться въ обратный путь! — устало проговорила Чудновская: — пока-то мы доберемся домой!.. Какъ вы думаете, Жоржъ?..

— Я къ вашимъ услугамъ. Ида Борисовна, идемте... На кого вы такъ засмотрѣлись?..

— Да все на эту „черниговскую пампушку“... Она мнѣ здѣсь кажется такимъ непріятнымъ контрастомъ со всѣмъ насъ окружающимъ!

— Ты забываешь, душа моя, что мы на курортѣ, а здѣсь, вѣдь, кого-кого только не встрѣтишь!..—задумчиво проговорила Ксенія Владиміровна.

Они, оживленно разговаривая, стали спускаться внизъ, по узкой тропинкѣ и совершенно случайно очутились въ уединенномъ, укромномъ уголкѣ... Здѣсь, на очень маленькой площадкѣ, обросшей кругомъ дикимъ виноградомъ, густо обвивающимъ старые дубы, покоился громадный булыжникъ, какъ памятникъ чего-то таинственнаго и неизвѣстнаго... Противъ камня, у развѣсистаго тѣнистаго дуба, ютилась маленькая бѣлая скамеечка, отъ которой вилась очень узенькая тропинка, пробираясь черезъ лѣсную просѣку—высоко, высоко...

— Этотъ булыжникъ въ 1892 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, ночью, отдѣлился вотъ отъ той грандіозной скалы и, стремительно убѣгая отъ своей „мамаши“ черезъ лѣсъ, изволилъ изломать всѣ попутныя ему деревья...—оживленно-шутливо говорилъ Жоржъ, когда вся маленькая компанія взошла на площадку:—А тѣ деревья, которыя подозрительно смотрѣли на этотъ побѣгъ и не желали его пропустить, — вырвалъ съ корнями, злобно изломалъ, уничтожилъ ихъ и пробрался вотъ сюда на площадку... Здѣсь ему почему-то очень понравилось, и вотъ онъ, поглядывая однимъ глазомъ на свою „мамашу-скалу“, — другимъ высматриваетъ себѣ подходящаго товарища... Мелюзги онъ не признаетъ, — это ему не рѣдкость, и онъ на нее не обращаетъ никакого вниманія. И гордый булыжникъ все пребываетъ въ скучномъ одиночествѣ... Вотъ съ этой стороны, гдѣ скамеечка, — тропинка; она ясно теперь обрисовываетъ путь, отъ самой скалы до площадки, по которому пробирался этотъ здоровенный дѣтина... Видите?.. Вѣдь это онъ, убѣгая, сдѣлалъ настоящую просѣку... А вотъ здѣсь на немъ же сдѣлана золотыми буквами надпись... годъ, мѣсяцъ и вѣсъ его, опредѣленный, приблизительно, въ 1.700 пудовъ... Хорошо еще, что булыжникъ, какъ говорятъ, пропутешествовалъ-то всю дорогу безъ человѣческихъ жертвъ...

— Да, не дай Богъ попасться ему на пути: такая страшная тяжесть!—серьезно произнесла Чудновская, осматривая со всѣхъ сторонъ громадный своеобразно-красивый камень.

Отсюда Жоржъ провелъ своихъ спутницъ по очень крутой и неудобной аллеѣ къ площадкѣ „Семи дорогъ“, откуда

дѣйствительно „дороги“ расходились во всѣ стороны: одна аллея вела на самую вершину Желѣзной горы, другая — въ центрѣ парка, третья — къ „Архіерейской бесѣдѣ“ и т. д.

— Теперь — отдыхать, отдыхать!.. — говорила раскраснѣвшаяся Ида Борисовна, опускаясь на скамейку и обмахиваясь вѣеромъ. — Ты, тетя, крѣпче меня: ты, повидимому, не такъ устала...

— Тѣмъ не менѣе, и я съ удовольствіемъ отдохну. А вы, Жоржъ?

— Я хотя и не пѣхотинецъ, но могу много ходить пѣшкомъ и легко переношу даже горныя прогулки... Подняться на вершину какой угодно кавказской горы — для меня ничего не значить!

— Хвастунишка вы... „трикотановый“!.. — разсмѣялась Ида Борисовна.

— Серьезно, Ида Борисовна. Взойти на вершину Желѣзной горы или Машука — очень легко; вотъ на Бештау — много труднѣе... Мнѣ, вѣдь, предписаны моимъ докторомъ, Буяновымъ, горныя прогулки, чтобы немного... „вытренироваться“!..

— Это еще что за выраженіе? — сквозь смѣхъ, спросила молодая дѣвушка.

— Кавалерійское, Ида Борисовна! Попросту значить — похудѣть...

Vis-à-vis съ ними сидѣла армянка-няня, съ невозможно-длиннымъ носомъ и блестящими красивыми глазами, и разговаривала по-русски съ прехорошенькимъ рѣзвымъ ребенкомъ лѣтъ трехъ-четырехъ, одѣтымъ въ бѣлое легкое платье.

Ида Борисовна ничего не возразила Жоржу и, любуясь черноокой крошкой, съ улыбкой вслушивалась въ ея дѣтскій лепетъ.

— Какъ тебя зовутъ, дѣточка? — наконецъ, восторженно спросила Ида Борисовна.

— Бебе! — смѣло отвѣтилъ ребенокъ.

— „Бебе“ — это очень неопредѣленно! Кто же ты: дѣвочка или мальчикъ?

— Я не знаю... Няня, кто я? — лепетала малютка.

Няня засмѣялась, показавъ рядъ ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ, и ласково сказала:

— Кто ты?.. Конечно, мальчикъ!..

— Няня говоритъ, что я — конечно, майчикъ...

„Бебе“, улыбаясь чудной наивной улыбкой и беззаботно прыгая, повнесся вдоль аллеи съ такой быстротой, что няня съ трудомъ нагоняла его.

— Ха-ха-ха!.. Забавное „бебе“! — воскликнулъ Жоржъ. — Однако, не желаете ли двинуться дальше, медамы? — Кстати, осмотримъ еще „Архіерейскую бесѣдку“, или „Храмъ любви“... Закончивъ этимъ сегодня прогулку, мы будемъ имѣть полное право хорошенько пообѣдать въ курзалѣ...

— Вотъ странно: „Храмъ любви“, она же — „Архіерейская бесѣдка“! — произнесла задумчиво Ида Борисовна: — при чемъ же здѣсь архіерей, я не понимаю?..

— А вотъ „при чемъ“, — весело заговорилъ Жоржъ: — преданіе гласитъ, что въ этой бесѣдкѣ миѳическій архіерей первый разъ въ жизни созналъ, что онъ — „конечно, мальчикъ“, и... влюбился!

— Пользуясь тѣмъ, что мы „новички“ на Кавказѣ, вы намъ Богъ знаетъ чего наговорите! — замѣтила, улыбаясь, Чудновская.

— Нѣтъ, право, Ксенія Владиміровна! И съ тѣхъ поръ, кто только посидитъ немного въ этой бесѣдкѣ — сейчасъ влюбится! Я на себѣ это испыталъ: посидѣлъ тамъ немного съ хорошенькой пермячкой и... влюбился. Увѣрю васъ!..

— Однако, эта бесѣдка ничего особеннаго не представляетъ, — сказала Ксенія Владиміровна, когда все общество поднялось къ деревянной шестиугольной, когда-то окрашенной въ красно-коричневый цвѣтъ, бесѣдкѣ, съ расшатанными и поломанными перилами: — она носитъ характеръ какого-то опустошенія, запущенности... Ни скамеекъ, ни цвѣтовъ, ни даже дикаго винограда, такъ обильно растущаго здѣсь въ паркѣ. А площадка! Какая грязная, заросшая одной сорной травой!..

— Курорты кавказскіе еще очень „юные“. Черезъ нѣсколько лѣтъ вы ихъ не узнаете, — увѣрю васъ! — горячо возразилъ Жоржъ.

— Дай-то Богъ! — протяжно сказала Чудновская и медленно направилась по аллеѣ, ведущей прямо къ казенному ресторану, или, какъ здѣсь многіе его называютъ, къ курзалу, устроенному какъ-разъ противъ павильона, гдѣ играетъ обыкновенно музыка.

Здѣсь они всѣ трое заняли очень уютное мѣстечко на террасѣ курзала и потребовали обѣдъ.

Залъ ресторана былъ совершенно пустъ, но зато на всѣхъ террасахъ зданія и подъ тѣнистыми деревьями, „на чистомъ воздухѣ“, — видѣлось безчисленное множество столиковъ... Здѣсь теперь публики была такая масса, что глаза разбѣгались! Несмотря на это, съ каждой минутой „курсовыхъ“ прибывало со всѣхъ сторонъ парка все больше и больше.

— А дамъ-то, дамъ сколько!—прошептала Ида Борисовна, крѣпко сжавъ руку Чудновской:—Поразительно!..

Она всецѣло увлеклась своими наблюденіями особенно надъ „восточными“ красавицами, и не замѣтила, что подлѣ нихъ, такъ близко—тоже на террасѣ, за отдѣльнымъ столикомъ—расположилось небольшое семейство армянъ и молча, сосредоточенно, съ большимъ аппетитомъ принялось за свои любимыя блюда.

— Этимъ, видно, не предписана діета,—тихо замѣтила Ксенія Владиміровна, наклоняясь къ Жоржу и указывая на обѣдающихъ армянъ.

— Н-да, съ большимъ аппетитомъ уплетаютъ за десятерыхъ!—процѣдилъ онъ.

— Потихе, пожалуйста!—улыбаясь, замѣтила Чудновская:—не дурачьтесь....

Но Жоржъ не унимался: нагнувшись въ сторону хохочущей Иды Борисовны, онъ началъ декламацію какихъ-то невозможно-нескладныхъ стиховъ... А старая полная армянка, съ ослѣпительнымъ большимъ брилліантомъ на круглой, какъ обручъ, черной шапочкѣ на головѣ, съ бѣлымъ прозрачнымъ вышитымъ покрываломъ, спускавшимся на волосы и плечи, — строго, недружелюбно взглянула на Жоржа и его спутницъ и что-то скороговоркой сказала своему сосѣду, сѣдому господину, съ густыми сросшимися бровями и длиннымъ носомъ.

— Право, съ вами, Жоржъ, еще парвешся на какой-нибудь скандалъ: на насъ уже обратили вниманіе...

— Простите, Ксенія Владиміровна: я люблю немного поплить того, кто мнѣ несимпатиченъ!

И Жоржъ, поправивъ усы и фуражку, съ дѣланной серьезностью и степенностью, не глядя на обиженныхъ имъ сосѣдей, — заговорилъ со своими дамами о недавнемъ концертѣ въ курзалѣ „Трубадура“, — Іессе Брандани...

Старая армянка, очевидно, тоже успокоилась и теперь молча посматривала на сѣдого господина, заказывавшаго лакею еще нѣсколько порцій „чихиртмы“ (супа) и шашлыка, очевидно, для двухъ только-что присѣвшихъ къ нимъ армянъ.

Толпа подлѣ курзала росла, колыхалась, суетилась и шумѣла... Какъ въ калейдоскопѣ, мѣнялись лица, костюмы, туалеты, позы, говоръ... Пестрота и разнообразіе!.. Бравый, красивый джигитъ, искатель легкаго флирта, затемнялъ блѣдное, задумчивое лицо больного... Веселый смѣхъ жизнерадостной нарядной кокетки заглушалъ тихій голосъ анемичной дамы... Жизнь была ключомъ,

захватывая всѣхъ здоровыхъ и довольныхъ людей, проявлялась у однихъ шумно, переходя границы, — у другихъ сдержанно, какъ того требуетъ „общественное приличіе“... У больныхъ жизнь текла медленно, монотонно, чуть-чуть вспыхивая въ потушающихся взорахъ, въ неподвижныхъ страдальческихъ лицахъ, въ вялыхъ, апатичныхъ движеніяхъ...

— Я—опасная! Берегитесь!.. — заодно говорила веселая, пикантная блондинка, сверкая глазами и граціозно грозя своимъ „посохомъ“, съ серебрянымъ, „подъ чернъ“, набалдашникомъ, — черноокому джигиту съ необыкновенно, какъ у женщины, тонкой таліей, въ красномъ бешметѣ и черной черкескѣ, блестящей на солнцѣ массой серебра...

— Гм... а я—храбрый! Почему знать — чья возьметъ!.. — отвѣчалъ ей въ тонъ черноокаго красавецъ, „восточнаго типа“, съ умнымъ, хитрымъ лицомъ, смѣло и нахально смотря на свою даму жгучими прищуренными глазами.

Что ему!.. Не съ такими еще велъ знакомство!.. Не утрапишь, не проведешь, не побѣдишь!..

Молодой саперъ, сидя на скамеечкѣ подъ развѣсистой, трепещущей отъ легкаго вѣтерка липой, съ надменной улыбкой срывалъ запоздалые цвѣты розъ съ притаившагося за его спиной небольшого куста и довольно громко говорилъ своей сосѣдкѣ, совсѣмъ неинтересной, поблѣвшей дамѣ:

— Вы — какъ эта запоздалая роза!.. Смотрите, съ какою легкостью я обрываю лепестки...

— О, сравненіе неподходящее! — обиженно возразила дама: — вамъ не сразу далась побѣда надъ моимъ пылкимъ сердцемъ!.. Вы—такой еще неопытный!.. Я думаю, что это—первая побѣда въ вашей жизни...

— Гм... вы такъ думаете?.. Ошибаетесь: въ моей жизни было уже много встрѣчъ и много побѣдъ, но такой... такой побѣды, признаюсь, — дѣйствительно еще не было!..

Дама смущенно подбирала дрожащей рукой осыпавшіеся лепестки алой розы, брошенной саперомъ на ея колѣни, а онъ, чуть-чуть улыбаясь, молча, безглаголиво посматривалъ на ея очень немолодое и некрасивое лицо...

Высокій старый генералъ велъ подъ-руку расфранченную увядающую брюнетку, съ развязными манерами и смѣлымъ, кокетливымъ взоромъ...

— Это прекрасно!.. Это прекрасно!.. — автоматически твердилъ генералъ, а дама, какъ трещотка, захлебываясь, все говорила и говорила...

— Помогать ближнему, входить въ положеніе нуждающихся, отдавать имъ свои силы, здоровье, деньги, время, все, все — вотъ настоящее назначеніе человѣка въ широкомъ христіанскомъ смыслѣ!.. Я все, что имѣю — все раздаю бѣднымъ, немущимъ и оставляю для себя лишь самое необходимое... Я не отступаю ни на одну іоту отъ своихъ принциповъ!.. Мои убѣжденія — непоколебимы, мои дѣйствія — обдуманны, искренни... Я ихъ выстрадала, я свою душу вложила въ живое дѣло... Я... я...

— Это прекрасно!.. Это прекрасно...

— Ты бы не сбрасывалъ пальто: простудиться можно... вѣтерокъ есть. Фуражки тоже не снимай... А калоши?.. Ты, вѣдь, надѣлъ калоши?.. Нѣтъ?.. Ахъ, Боже мой!.. Ты безъ калошъ!.. Да ты простудись... — заботливо и довольно суетливо, говорила высокая, худощавая и нервная дама, обращаясь къ очень блѣдному офицеру.

Когда же она умоляла и совершенно успокаивалась, то наступала очередь его заботъ и разспросовъ; но онъ вообще говорилъ мало, коротко и много спокойнѣе своей спутницы... Наружность ихъ имѣла поразительное сходство, а потому нетрудно было признать въ нихъ сразу брата и сестру: оба — высокіе, оба — худощавые, сѣдые, съ поблекшими свѣтлыми глазами, съ отжившими, блѣдными и длинными, но все же симпатичными лицами. Не всматриваясь же въ эти лица, издали, можно было предположить, что это — любящіе, заботливые супруги, прожившіе душа въ душу всю жизнь, истратившіе всѣ свои жизненные запасы, и вотъ теперь, подъ лучами кавказскаго солнца, все еще съ надеждой и вѣрой въ лучшее будущее, ищутъ цѣлительнаго бальзама своему разслабленному тѣлу... Онъ несъ ея теплый платокъ и вязаную сумочку съ простыней, а она бережно держала коробку съ табакомъ и бутылку „эссенуковъ“ № 18. Эта „любящая“ и заботливая парочка была такъ характерна, что невольно привлекала взоры проходящихъ, разсматривавшихъ ихъ съ нескрываемымъ любопытствомъ и даже симпатіей.

По ровной тѣнистой аллеѣ молодая блѣдная дѣвушка сопутствовала неподвижно лежащему въ покойномъ креслѣ на низкихъ колесахъ безногому старику. Она медленно шла за кресломъ, серьезная, безмолвная, съ сжатыми губами, съ застывшими грустными выраженіемъ поразительно-красиваго лица и большихъ темныхъ глазъ.

Человѣкъ, катившій кресло, довезъ больного старика до „Конторской площади“ и вопросительно взглянулъ на дѣвушку. Она

молча кивнула ему головой и устало опустила на скамью подтѣнную зеленого кипариса.

— Какой несчастный! — сочувственно произнесла Чудновская, проходя въ это время съ Идой Борисовной и Жоржемъ мимо кресла съ больнымъ старикомъ. — Въ Желѣзноводскѣ такого больного... безъ ногъ... я вижу впервые!...

Она прислонилась всѣмъ корпусомъ къ тѣнистой липѣ и то всматривалась въ страдальческое лицо больного, то восхищалась невольно красотой его блѣдной молодой спутницы.

— Папа, солнце тебя не беспокоитъ?.. Не распустишь ли зонтикъ?.. — заботливо и негромко спрашивала между тѣмъ молодая дѣвушка больного старика.

— Нѣтъ, Муся... мнѣ хорошо, не беспокойся... А ты, голубка, посиди немного... отдохни... Ты очень устала?..

— Нѣтъ, папа... нисколько!..

— Потерпи, Муся, — скоро на смѣну тебѣ придутъ Валеріанъ и тетя... Тогда ты совсѣмъ будешь свободна...

— Чтò ты, папа! И теперь ты меня не стѣсняешь: я рада услужить тебѣ, помочь!.. — горячо говорила молодая дѣвушка, съ необыкновенной лаской глядя на страдальческое лицо отца.

— Спасибо, дочка... — коротко отвѣтилъ больной старикъ и глубоко задумался...

Ксенія Владиміровна напряженно вслушивалась въ этотъ недлинный разговоръ и, сильно блѣднѣя, крѣпко прижалась всѣмъ своимъ корпусомъ къ тѣнистому дереву... Чтò-то далекое, знакомое и мучительно-тяжелое почудилось ей въ этомъ тихомъ голосѣ, въ этомъ почти безжизненномъ застывшемъ лицѣ...

Съ возрастающей тревогой она еще пристальнѣе стала всматриваться въ лицо больного, а затѣмъ, съ сильно-бьющимся сердцемъ, перевела глаза на неподвижно-сидящую задумчивую дѣвушку... И ея красивое лицо, чудные черные глаза, характерно-сдвинутыя брови и почти классически-правильный тонкій профиль — показались ей живымъ поразительно-вѣрнымъ портретомъ... отца, но... не теперь, а когда-то, давно, давно...

Чудновская болѣе не сомнѣвалась: сходство дочери съ отцомъ было поразительное...

И давно пережитое, давно отошедшее въ міръ тяжелыхъ, мучительныхъ воспоминаній, мало-по-малу, какъ набѣгающая неизбежно-грозная волна, охватило ее всю и отзывалось въ ея встревоженной душѣ ледянымъ холодомъ и непобѣдимымъ ужасомъ...

V.

— Тетя, ты не спишь?.. Ты плачешь?.. — тревожно спрашивала Ида Борисовна, безпокойно ворочаясь въ своей теплой постелькѣ.

Ксенія Владиміровна молчала и, затаявъ дыханіе, спрятала мокрое отъ слезъ лицо въ мягкую подушку...

....Не стыдно ли?.. Не смѣшно ли оплакивать теперь то, что такъ долго и тяжело переживалось, что оплакивалось уже много лѣтъ?.. Да и къ лицу ли ей эти слезы?...

Чудновская уговаривала себя, корила, но сердце, безпокойное, больное сердце, — не молчало... И здѣсь, среди волшебной гордой красы величаво-суроваго Кавказа, оно снова забилося тревожно, не слушая призывовъ разума и не умолкая ни на одну минуту... билось и билось... точно воспоминанія мучительно-пережитыхъ событій превращались снова въ неотразимую дѣйствительность...

....Черноземныя поля предъ нею снова зеленѣли, солнце жгло беспощадно, а пришлые рабочіе, какъ муравьи, копошились у самой рѣки, воздвигая громаднѣйшій цѣпной мостъ для строящейся желѣзной дороги... Въ имѣніи Артиховеѣ, — гдѣ обыкновенно проводили лѣто родители Ксеніи Владиміровны съ ея младшей сестрой, Соней, — съ самой ранней весны жизнь теперь бѣжала шумнымъ, лихорадочнымъ потокомъ, — точно чудный и поэтический уголокъ Малороссіи превращался во что-то небывалое, городское... Въ то время, когда рабочіе цѣлыми массами суетились, то закладывая каменный фундаментъ вокзала, то дѣлая неимоверно-высокую насыпь на землѣ владѣльца-помѣщика, въ стѣнахъ его дома многочисленное общество „chemin de fer'овъ“ находило радушный пріемъ хозяевъ-хлѣбосоловъ, людей такихъ интеллигентныхъ и образованныхъ: отецъ семейства — профессоръ университета... мать — талантливая писательница... Но не одни „высокія“ качества „интеллигентныхъ“ хозяевъ привлекали въ ихъ домъ сучающихъ, въ минуты досуга, строителей-инженеровъ: болѣе сильнымъ магнитомъ для нихъ была молоденькая дочь Чудновскихъ — Ксенія, только-что окончившая курсъ въ институтѣ... Полная юной прелести, наивности и красоты, — она производила самое пріятное впечатлѣніе на окружающую ее молодежь... За ней ухаживали наперерывъ, но она относилась ко всѣмъ этимъ ухаживаніямъ ляднокровно, съ беззаботностью рѣзваго, наивнаго ребенка, не знающаго жизненныхъ „бурь и волненій“... Такъ же беззаботно

она веселилась, охотно принимая участіе въ кавалькадахъ, катаньяхъ на лодкѣ, прогулкахъ въ лѣсу, въ домашнихъ концертахъ и живыхъ картинахъ... Но, вотъ, на ея свѣтломъ и чистомъ горизонтѣ появилась, сначала смутно, едва замѣтная яркая искорка... Затѣмъ эта искорка становилась все больше и больше, все свѣтлѣе, пока не превратилась въ лучезарную, пламенную звѣзду, овладѣвшую всецѣло ея вниманіемъ, приводящую ее въ какой-то лихорадочный трепетъ и измѣняющую ея душевное настроеніе, ея мысли, ея желанія. И этой властной звѣздой для нея былъ статный, красивый и умный инженеръ, Романъ Валеріановичъ Примовъ...

Чудновская съ подавленнымъ вздохомъ еще крѣпче прижалась блѣднымъ лицомъ къ подушкѣ, стараясь отогнать мучительныя воспоминанія, но они новой волной охватили ея отяжелѣвшую голову, заставляя трепетно биться встревоженное сердце...

...Работа въ Артиховкѣ кипѣла еще больше, рабочіе прибывали новыми партіями, подрядчики выбивались изъ силъ, доставляя строительный матеріалъ, а главный инженеръ—руководитель всего „большого предпріятія“, Примовъ,—заявлялъ себя вполне знающимъ, энергичнымъ и толковымъ дѣльцомъ... Гордый, серьезный этотъ инженеръ!.. Время у него — деньги; онъ все занятъ... до развлеченій ли ему!.. Но не все же смѣты, счета, планы и провѣрка работъ... Главное уже исполнено, теперь пойдутъ занятія легче, свободнаго времени будетъ у него гораздо больше... Можно, наконецъ, спокойно отдохнуть вечеромъ „у добрыхъ сосѣдей“... Можно спокойно уснуть „въ недолгую лѣтнюю ночь“... Да, тяжелая, сложная работа—вся миновала... Наконецъ-то!.. И Романъ Валеріановичъ скоро сталъ въ домѣ Чудновскихъ „своимъ человѣкомъ“... Онъ такъ уменъ, такъ веселъ и остроуменъ... Но что бы ни говорилъ онъ, что бы ни рассказывалъ — его глаза всегда ищутъ Ксенію, его рѣчь всегда обращается лишь къ ней одной... Ласково, тепло и загадочно смотреть онъ прямо въ ея смущенное, раскраснѣвшееся личико, и его рѣчь вливается въ ея очарованную душу какимъ-то „волшебнымъ рокотомъ невидимой небесной струны“... О, какія чудныя минуты неосознанной первой любви,—еще невысказанной, но такой сильной, всеобъемлющей любви,—переживала она!..

И помнить она такъ живо ихъ первую встрѣчу въ саду, наединѣ... Эта случайная, неожиданная встрѣча была для нея началомъ дальнѣйшихъ неотразимо-роковыхъ событій, совершенно измѣнившихъ весь строй ея жизни... Она часто любила гулять

въ саду одна, подолгу просиживая тамъ, гдѣ надъ обрывомъ росла молодая березка, низко опустивъ свою юную головку, точно роняла отъ избытка силъ сладкую слезу на душистый полевой цвѣтокъ, на сочную зеленую траву и доверчиво отдавалась ласково-нѣжнымъ объятіямъ вѣтерка. Отсюда открывался чудный видъ на нхъ Артиховку, окруженную рѣкой, лѣсомъ и необозримыми лугами... Здѣсь было такъ тихо, покойно, а тамъ, за рѣкой — столько жизни, разнообразія, движенія!.. И она любила слѣдить за этой кипучей жизнью отсюда, сидя надъ обрывомъ подъ ласкающей тѣнью березки; любила, не участвуя въ этомъ раздражающемъ переверотѣ, водворившемся тамъ, за рѣкой, предаваться своимъ юнымъ мыслямъ, часто переходящимъ въ несбыточные грѣзы... Такъ было и теперь... Она помнитъ ясно, подробно, какъ она встрѣтилась здѣсь, надъ обрывомъ, съ Романомъ Валеріановичемъ... Вечеръ былъ чудный... Луна осыпала серебромъ верхушки деревъ и молодые вѣтки кустарниковъ, конфузливо притаившихся въ ночной тиши... Весь прудъ и широкая лента рѣки отливали изумруднымъ блескомъ, купая въ своихъ волнахъ заснувшія головки водяныхъ лилій и цѣлыя группы водорослей... Въ лѣтнемъ ароматномъ воздухѣ тихо неслись звуки отдаленной пастушеской свирѣли, разливалась плѣнительная трелью пѣсня соловья, и все, все звало къ нѣгѣ, къ любви, все говорило о безконечномъ счастьи... И она сидѣла на травѣ, неподвижно, съ застывшими мыслями, съ неопредѣленно-безпокойными желаніями...

— Ксенія... Вы одна здѣсь — и такъ поздно!.. — вдругъ услышала она голосъ, заставившій ее всю встрепенуться и быстро подняться съ травы...

— Вы испугали меня! — чуть слышно сказала Ксенія, приклонившись всѣмъ своимъ корпусомъ къ березкѣ... Ей казалось, что яркій лунный свѣтъ какъ будто померкъ въ ея глазахъ, пастушеская свирѣль умолкла, спугнутый соловей улетѣлъ далеко, далеко, куда-то въ глубину сада, и кругомъ нея стало тихо, такъ тихо, что она слышала собственное тревожное бѣненіе сердца... И кругомъ — никого, ни души... Только одинъ онъ... онъ — и больше никого... Никого во всемъ саду... въ цѣломъ мірѣ...

— Я вездѣ васъ искалъ, и вотъ, почти случайно, нашелъ въ этомъ поэтическомъ уголкѣ...

Она стояла, молча, пристально всматриваясь въ его взволнованное лицо, слушала его пѣвучій, красиво-вибрировавшій въ воздухѣ голосъ, но ничего не понимала, ничего не ощущала, кромѣ присутствія того челоѣка, образъ котораго спутывалъ ея мысли, затемнялъ разсудокъ, волновалъ ея сердце...

— Я хотѣлъ васъ видѣть, Ксенія... и поговорить съ вами по душѣ... Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ мы видимся съ вами каждый день, и... вы не можете не замѣчать, не чувствовать, что вы стали мнѣ дороги, что я... я полюбилъ васъ... горячо... А вы, вы... Ксенія?..

Онъ такъ близко стоялъ подлѣ нея, ласкалъ ее своими жгучими глазами и нѣжно сжималъ ее дрожащія, холодющія руки... Облитая серебристымъ свѣтомъ луны, она все еще стояла, прислонившись къ плакучей березкѣ, неподвижно, какъ мраморное изваяніе, и слушала его съ возрастающимъ волненіемъ, ничего ему не отвѣчая...

— Что же вы... молчите?..

— Ахъ, не спрашивайте!.. Я сама не знаю... Не знаю... что вамъ отвѣчать...

— Если въ вашемъ чувствѣ я не ошибаюсь, то... мы любимъ другъ друга, и... это даетъ намъ право на счастье, на наше сближеніе, но... Въ жизни бываютъ иногда такіа обстоятельство, которыя требуютъ отъ людей большихъ жертвъ, непоколебимой силы воли и—полнаго презрѣнія къ предразсудкамъ... въ сущности, только къ пустымъ формальностямъ, и больше ничего... Вы понимаете меня, Ксенія?..

— Нѣтъ... вы говорите какими-то... загадками!..

— Какъ вамъ сказать?.. Сразу всего не выскажешь!.. Видите ли, вы такая еще юная, быть можетъ, вы еще не вдумывались, что такое жизнь со всѣми ея запросами... Не вдумывались въ то, что почти всегда, рука объ руку, счастье идетъ съ несчастьемъ, любовь—съ ненавистью, веселье—съ горемъ, смѣхъ—съ плачемъ... и такъ безъ конца... Да, иногда обстоятельства складываются совсѣмъ не такъ, какъ хочешь, какъ къ тому стремишься всей душой... Я много уже испыталъ въ жизни, но зато закалилъ себя въ жизненномъ бою, и теперь прямо, безъ колебаній смотрю на свое будущее... Ничто не испугаетъ меня, не остановитъ ни при какихъ затрудненіяхъ!.. Но вы—не то... Вы, какъ нѣжный цвѣтокъ, не выдержите жизненной бури: она сломитъ васъ... За васъ, Ксенія, за васъ я боюсь... И мнѣ васъ... жалъ...

Она широко открытыми глазами смотрѣла на него недоумѣвающимъ, встревоженнымъ взоромъ.

— Зачѣмъ же предполагать въ жизни... непременно какіе-то ужасы, неудачи, бури?..—взволнованно спросила она.—Развѣ безъ этого у людей обыкновенныхъ... такихъ, какъ я... не можетъ сложиться будничная жизнь?.. Да, Романъ Валеріановичъ,

я не готовила себя къ подвигамъ, моя жизнь рисовалась мнѣ всегда, въ стѣнахъ нашего института, совсѣмъ... совсѣмъ въ скромныхъ рамкахъ!

Съ подавленнымъ вздохомъ онъ сжалъ свою голову обѣими руками и произнесъ глухимъ, надорваннымъ голосомъ:

— О, какой вы еще юный, неопытный ребенокъ! Нѣтъ, я долженъ уйти съ вашей дороги навсегда, или... Или я разорву, разрушу эти скромныя рамки, изуродовавъ ихъ до послѣдней возможности!..

— Что вы, Романъ Валеріановичъ!..—блѣднѣя, произнесла она, съ испугомъ смотря на его измѣнившееся, взволнованное лицо...

Онъ бессильно опустился на траву и сдавленнымъ шопотомъ произнесъ чуть слышно:

— Ахъ, Ксенія... вы еще не знаете, что такое... страсть! Безумная, непобѣдимая страсть!..

Сильно взволнованная, не проронивъ больше ни слова, она медленно, въ глубокой задумчивости пошла, сама не зная куда, беззвучно ступая по мягкой, росистой травѣ... А онъ все сидѣлъ надъ обрывомъ неподвижно, точно не замѣчая ея удаляющейся стройной фигуры...

— Ксенія, правда, что ты невѣста?—спрашивала ее тайно-ственно младшая сестра, Соня, затянувъ ее „въ дѣтскую“ и плотно притворивъ за ней дверь.—Нашъ докторъ, нашъ милый Кронидъ Ивановичъ, говорилъ нянѣ Шпачихѣ и мнѣ, что ты хотя еще очень, очень молоденькая, но можешь уже выйти замужъ... Да, можешь?.. Это правда?..

Неопредѣленная, загадочная улыбка, какъ тѣнь, скользнула по ея поблѣднѣвшему лицу, и она ничего не отвѣтила Сонѣ...

„Или я уйду съ вашей дороги... или разорву, разрушу скромныя рамки“...—промелькнуло въ ея головѣ, и она силилась вспомнить весь разговоръ Романа Валеріановича съ нею...

Весь день щеки ея горятъ, грудь что-то давить, голова кружится, мысли путаются... точно она стала на какую-то зыбкую почву и теряетъ равновѣсіе...

— Что жъ ты молчишь?.. Какая нехорошая, скрытная!..—капризно-недовольно произнесла Соня, выпуская изъ своихъ ручонокъ похолодѣвшую, дрожащую руку сестры.—Ну, скажи, ты невѣста?..—Она замолчала и выжидательно-пытливо смотрѣла на смущенную, взволнованную Ксенію...

— Можетъ быть... не знаю...—тихо сказала она и, замолчавъ, низко опустила голову... Сердце ея сжалось такъ больно,

а глаза затуманились слезой... Отчего?.. Чтò такое случилось?.. Чтò съ ней?.. Она сама не знаетъ, чтò ее тревожитъ!.. Чтò-то какъ будто измѣнилось внутри ея самой... какая-то тоска... предчувствіе чего-то... безпричинная тревога... Нѣтъ, нѣтъ!.. не надо, не надо падать духомъ!..

— Ну, скорѣе одѣваться!—вдругъ громко проговорила она, глотая слезы.—Развѣ ты, Соня, забыла, что сегодня у насъ маленький концертъ: я пою дуэтъ съ Романомъ Валеріановичемъ „Горныя вершины“, а потомъ... живыя картины... танцы... балъ!.. Настоящій балъ!..—Она задыхалась, дрожала и говорила точно въ какомъ-то изступленіи.

— Ахъ, да, да! Ты права,—чего зѣвать!..—радостно всплеснувъ въ ладоши, произнесла сквозь смѣхъ Соня и, расцѣловавъ неподвижно стоявшую сестру, шумно, суетливо стала одѣваться...

Какая чудная картина!.. Ксенія—пастушка, Романъ Валеріановичъ—демонъ, а Соня—ангелъ... Ксенія, такая хорошенькая, розовая, въ большомъ брилѣ на головѣ, въ коротенькой, воздушной юбочкѣ и блестящемъ корсажѣ, полулежала на свѣже-сжатомъ снопѣ, и грѣзы юности, счастья затуманивали ея глазки... Она уснула, а демонъ устремилъ неподвижно свой пронизывающій взоръ на пастушку, и въ его головѣ созрѣлъ уже коварный планъ... Ангелъ бѣлыми, прозрачными крыльями ограждаетъ невинную жертву, но... уже поздно: пастушка почувствовала все-сильный взоръ демона, устремленный на нее, восторженно и, пораженная, восхищенная, въ нѣмомъ оцѣпенѣніи ждетъ его... Ангелъ не охранилъ пастушки...

— Безподобно!.. Прекрасно!.. Одна картина лучше другой!..—восхищались кругомъ нея многочисленные гости, но Ксенія какъ-то разсѣянно, безразлично слушала ихъ, какъ будто находилась еще всецѣло подъ вліяніемъ жгучаго взгляда демона, и тревожно, съ сильно бьющимся сердцемъ, искала глазами Романа Валеріановича... Чтò стало сегодня съ нею?.. То, чтò вчера ее поразило своей новизной, чтò казалось ей непонятнымъ,—сегодня все сильнѣе и сильнѣе зарождалось въ ней само собою, безъ спроса, безъ побужденій... То, чтò вчера еще инстинктивно пугало ее—сегодня влекло и манило такъ властно своей неизвѣданной таинственностью... Чтò стало съ нею?.. Еще, еще одно слово, одинъ взглядъ, одно движеніе—и она будетъ вся, вся во власти этого новаго, неиспытаннаго чувства, но такого непобѣдимаго, сильнаго и всеобъемлющаго...

— О чемъ же это замечталась моя милая пастушка? И „среди

шумного бала“ она, какъ будто, ищетъ уединенія... Забралась-себѣ на террасу, спряталась въ тѣни винограда и притаялась тамъ!.. Еле-еле замѣтилъ ее! — раздался позади нея негромкій, ласкающій голосъ Романа Валеріановича, когда она, улучивъ минутку, выбѣжала изъ душевой залы на террасу и, жадно вдыхая свѣжій воздухъ, всецѣло погрузилась въ свои беспокойныя мысли...

Она вся вздрогнула и съ особенной грустью и серьезностью медленно сказала ему:

— Романъ Валеріановичъ, я думала о томъ, что значать ваши слова: „или я уйду съ вашей дороги, или“... помните?.. „или разорву, разрушу скромныя рамки“? Этихъ словъ я совсѣмъ не понимаю!

Онъ молча провелъ рукою по волнистымъ чернымъ волосамъ, сдвинулъ свои совсѣмъ сросшіяся брови и, взглянувъ куда-то въ пространство долгимъ, серьезнымъ взглядомъ, глухо, взволнованно проговорилъ:

— Вы придали особенное значеніе моимъ словамъ, а я только хотѣлъ образнѣе выразить всю глубину моего чувства... хотѣлъ обрисовать характернѣ мою натуру... — Онъ на мгновеніе замолчалъ, а потомъ голосомъ, въ которомъ слышались ласка и участіе, тихо произнесъ: — Но вы, родная моя, опять смотрите на меня испуганно... Вы содрогаетесь отъ моихъ словъ!.. Вы боитесь меня!.. — Онъ близко подошелъ къ ней и, сжимая ея руки, смотрѣлъ на нее тревожными, ласкающими глазами...

— Нѣтъ, не то... Я васъ не могу понять... Вы все говорите такъ... загадочно!

— Настанетъ время—все поймете!..

— Можетъ быть. Сегодня, дѣйствительно, я неспособна ничего толкомъ понимать!.. — Она смотрѣла на него съ полнымъ довѣріемъ, пытливостью и, не отнимая своихъ рукъ, заговорила прерывающимся, неровнымъ голосомъ: — Сегодня я переживаю... ну, какъ вамъ понятнѣе выразиться?.. переживаю свое перерожденіе... Вчера я была еще безпечною... безсодержательною, а сегодня—я сама не узнаю себя! Я вся—какой-то нравственный хаосъ... какое-то броженіе новыхъ ощущеній, желаній!.. Я волнуюсь весь день, я чувствую всѣми фибрами своего существа, я мучительно думаю... Я хочу узнать самое себя, хочу анализировать свои дѣйствія, мысли, чувства, но—не могу... не могу!.. Я—не понимаю себя, ничего не понимаю... Одно мнѣ ясно: я люблю, Романъ Валеріановичъ...

...Она замолчала и, тяжело дыша, вздрагивала отъ новаго

прилива сильнаго чувства, отъ котораго щеки ея совсѣмъ поблѣднѣли, а глаза заволакивало какой-то темной пеленой...

— Милая, хорошая... моя...—чуть слышно прозвучало ей въ отвѣтъ и замерло въ воздухѣ неуловимо-нѣжной, дрожащей нотой...

...Она чувствовала его жгучіе поцѣлуи, ощущала его горячія объятія и, положивъ на его мощныя плечи свои нѣжныя дрожащія руки, съ полузакрытыми глазами и застывшей улыбкой счастья, почти теряла сознание и волю...

— Уйдемъ отсюда... подальше... къ обрыву!.. Мнѣ такъ хочется быть съ тобой подальше отъ всѣхъ... наединѣ... не видя этой всей... толпы, не слыша ихъ безтолковыхъ сужденій и предположеній!.. — говорилъ прерывающимся, взволнованнымъ шопотомъ Романъ Валеріановичъ, увлекая ее за собой...

...Она покорно, довѣрчиво и молча, съ той же застывшей улыбкой счастья на лицѣ,—шла рука объ руку съ любимымъ человекомъ, ни о чемъ не думая, не разсуждая, а только чувствуя всѣмъ своимъ существомъ его близость, отъ которой ея сердце усиленно билось, а голова кружилась, точно отъ легкаго чада...

Чудновская, продолжая вспоминать свое прошедшее, отбросила одѣло и тихо сѣла на кровать. Утренній свѣтъ пробивался сквозь легкую занавѣску окна, освѣщая тихо и покойно спящую Иду Борисовну... Съ низко опущенной головой, съ распустившейся по обнаженнымъ плечамъ еще роскошной черной косой, съ удрученнымъ взоромъ и страдальческимъ блѣднымъ лицомъ—Ксенія Владиміровна напоминала собой какую-то статую „сворби“... Яркая утренняя заря медленно выплывала изъ-за вершины горы Машука, а она все еще сидѣла неподвижно, съ судорожно сжатыми руками и безцѣльно машинально смотрѣла на узкій бусокъ полинявшаго паласа, лежавшаго на полу у ея кровати,—по которому медленно пробирался черный большой тараканъ...

...Оркестръ шумно игралъ тогда какой-то вальсъ, танцы были еще въ полномъ разгарѣ, когда она, безмолвная, безчувственная, какъ-то вся съѣжившись, дрожа съ ногъ до головы и шатаясь, какъ опьянѣлая вошла, въ свою комнату и, не дойдя до кровати, лишилась сознания... Чтѣ было дальше—она не помнить... Когда она пришла въ себя, то ее сразу поразила окружающая обстановка: она лежала у себя на кровати... Ея мать, неподвижная и блѣдная, молчаливо сидѣла у ея изголовья, а отецъ, съ озабоченнымъ и серьезнымъ лицомъ, приготовлялъ съ помощью ихъ

домашняго доктора, Кронида Ивановича, какое-то лекарство... Кругомъ царило печально-тревожное безмолвіе, говорившее о какомъ-то важномъ, небываломъ въ ихъ домѣ событіи... Она силилась припомнить, что такое произошло съ ней, но не могла ничего припомнить, осмыслить... Какъ пласть, лежала она неподвижно, со свинцово-тяжелой головой, съ полуоткрытыми глазами, и чувствовала, что все ея тѣло какъ-то болѣло, лихорадило, а затѣмъ, мало-по-малу, стало горѣть, какъ въ огнѣ... Отецъ что-то тихо и энергично говорилъ Крониду Ивановичу, отъ чего тотъ такъ странно и смѣшно сѣменилъ своими короткими ножками, а мать, сидѣвшая до сихъ поръ неподвижно, теперь какъ будто „низко, низко наклонялась вся къ ея пылавшему лицу... И снова все затихло кругомъ нея, умокло, исчезло, точно она сама ушла въ какую-то непроницаемую, безпредѣльную тьму...

...Затѣмъ, она смутно и теперь помнить, какъ ее очень, очень еще слабую, въ креслѣ, выносили въ какой-то незнакомый садъ... То было не въ ихъ Артиховеѣ, а гдѣ-то далеко... въ какой-то гористой мѣстности, съ роскошной зеленью, душистыми цвѣтами и большимъ бьющимъ фонтаномъ... Тамъ она была, какъ ей казалось, очень долго... И всегда, всегда съ нею неразлучно была ея мать... такая добрая, озабоченная, печальная и сильно измѣнившаяся, даже постарѣвшая... Отецъ бывалъ съ нею рѣже, но всегда озабоченный, серьезный и занятый какими-то лекарственными снадобьями, предназначавшимися, какъ ей почему-то мерещилось, всецѣло для нея... Кронидъ Ивановичъ, какъ вѣрная сидѣлка, смѣняя мать, просиживалъ при ней подолгу... Съ осунувшимся, морщинистымъ лицомъ, съ сжатыми губами и съ невыразимой скорбью онъ всегда молча смотрѣлъ на нее,—и это ей иногда казалось совсѣмъ страннымъ: ихъ добрый Кронидъ Ивановичъ такъ любилъ забавлять ее и Соню своими веселыми рассказами, болтая съ ними безъ умолку цѣлыя часы!.. А теперь?.. Сестру она въ этотъ періодъ совсѣмъ не помнить... Что случилось съ ней?.. Гдѣ она?.. И по мѣрѣ того, какъ возвращались къ ней ея силы и здоровье, она все чаще и чаще стала вдумываться и припоминать смутно что-то ужасное, потрясающее и невѣроятное, происшедшее съ нею, какъ будто очень, очень давно...

VI.

...Время бѣжало быстро, но медленно испѣляло ее... И вотъ, когда она настолько окрѣпла, что могла уже ходить безъ по-

сторонней помощи, она стала понемногу заговаривать съ матерью о томъ, что постепенно воскресало въ ея памяти съ неотступнымъ образомъ Романа Валеріановича... Но каждый разъ ея мать отвѣчала уклончиво, коротко, неохотно и всегда какъ будто случайно переводила рѣчь совершенно на посторонній предметъ... Въ такія минуты она не могла не замѣтить, какъ лицо матери то покрывалось красными пятнами, то блѣднѣло, а въ голосѣ, какъ будто спокойномъ, слышались явныя слезы... Что переживала она за всю ея тяжкую болѣзнь и что теперь еще переживаетъ!.. Ея больныя раны были еще очень свѣжи и глубоки!.. Говорить съ ней обо всемъ пережитомъ было эгоистично, жестоко, а между тѣмъ образъ Романа Валеріановича все настойчивѣе рисовался въ ея воображеніи и все чаще въ ея ушахъ звучала его взволнованныя рѣчь и его отдѣльныя фразы... Но она не могла вспомнить, не могла рѣшить, говорилъ ли онъ ей что-нибудь подобное въ дѣйствительности, или это былъ лишь тяжкій сонъ, горячечный бредъ во время ея продолжительной болѣзни?.. И она припоминала, мучилась, но никакъ не могла отдѣлится дѣйствительности отъ бреда, не могла еще ясно, точно опредѣлить границы реальной жизни отъ болѣзненной фантазіи. И чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ мыслей, чтобы пополнить въ ея воспоминаніяхъ явные пробѣлы, она обратилась къ Кронида Ивановичу... Старикъ за послѣднее время ея выздоровленія много повеселѣлъ, оживился, но она все же не замѣчала въ немъ прежней болтливости добродушнаго чловека. Только послѣ долгихъ и настойчивыхъ ея просьбъ, Кронидъ Ивановичъ, наконецъ, развернулся... И какъ много знакомаго, перечувствованнаго, пережитого уже—она вновь мучительно переживала, слушая добраго Крониду Ивановича!..

...Отсутствіе Ксеніи во время самаго разгара бала многіе тогда замѣтили... Ее то искали, то, увлекаясь танцами и общимъ беззаботнымъ настроеніемъ, на время забывали о ней, то снова искали... У него на душѣ было какъ-то не по себѣ... Онъ замѣтилъ, что не одной Ксеніи не стало въ залѣ; у него даже явилось смутное подозрѣніе... Онъ самъ уже хотѣлъ отправиться на поиски, какъ вдругъ кто-то изъ подругъ Ксеніи, гостившихъ въ Артиховеѣ, нашелъ ее, лежащую безъ чувствъ, въ ея комнатѣ... Произошелъ общій переполохъ, удивленіе, разспросы...

— Ахъ, Кронидъ Ивановичъ, это все мнѣ неинтересно, а вотъ скажите, что дѣлалъ въ это время... Романъ Валеріановичъ?.. Гдѣ онъ былъ?..

— А ну его, Ксенюшка!.. Стоитъ его, „ирода“ поганого,

вспоминать!.. Онъ все слонялся по усадьбѣ, спрашивая каждаго встрѣчнаго-поперечнаго, что съ тобой?.. Ну, а въ домъ не смѣлъ войти. Да мы его и не пустили бы!.. Экая подлость у человѣка: погубилъ тебя, голубку нашу, да еще и спрашиваетъ: „Что съ ней?“...— Не переносу я такихъ людей!..

— Ну, ну, что же дальше?.. Что же онъ?..

— Да что дальше! Какъ узналъ, что у тебя нервная горячка и что ты при смерти, то вздумалъ въ нашемъ саду, надъ обрывомъ—пулю себѣ пустить...

— Какъ?.. Онъ застрѣлился?.. Онъ... умеръ?..

— Да кой ему чортъ сдѣлался!.. Не умеръ, не застрѣлился, а живѣхонекъ остался! Такъ только—поцарапалъ себя порядкомъ... Отецъ твой, Владиміръ Иларіоновичъ, ѣздилъ къ нему...

— Какъ... ѣздилъ?.. Зачѣмъ ѣздилъ?..

— Да чтобы ему, нѣхристю, плюнуть въ его поганую рожу!.. Вотъ зачѣмъ ѣздилъ...

— Ахъ, нѣтъ, Кронидъ Ивановичъ... что вы говорите!.. Папа не такой... Зачѣмъ же, зачѣмъ отецъ ѣздилъ къ нему?..

— Навѣститъ да полечить! Вотъ зачѣмъ ѣздилъ!.. Развѣ не знаешь, какой твой отецъ?.. Жертвуя собой, своимъ самолюбіемъ, забывая обиды,—онъ станетъ и врага лечить такъ же, какъ и пріятеля... Вотъ самъ—помощь ему первый оказалъ, а зачѣмъ... еще лечилъ его... Тьфу ты, прости Господи!.. Эге-ге, голубушка!.. будешь плакать, такъ я рассказывать больше ничего не буду!.. Довольно!.. До свиданія-съ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, Кронидъ Ивановичъ, не буду... Говорите... говорите... Что же... Романъ Валеріановичъ... скоро выздоровѣлъ?..

— Да скоро—что ему! Выздоровѣлъ и уѣхалъ... къ своимъ, что-ли... Кто его знаетъ!..

— Да, да... вѣдь онъ... женатый... у него есть дѣти... Помню... это онъ мнѣ самъ говорилъ... Да, да, говорилъ—тамъ... въ саду...

— Этимъ-то вотъ, родная, онъ тебя чуть и не доконалъ-то: ты, въ продолженіе всей своей болѣзни, этимъ бредила!.. Боже святой, женатый—и такое вотъ... дѣло затѣялъ!..

— Ахъ, Кронидъ Ивановичъ, не вините его!.. Жена его—совсѣмъ простая... мѣщанка... Онъ женился—не по любви... еще студентомъ, такъ... изъ-за принципа... Жену онъ не любитъ...

— Не говори, Ксенюшка, не говори!.. Откуда у такого человѣка возьмутся „принципы“?.. У него—одинъ принципъ: „жить во всю“!.. А еще какимъ прикинулся!.. Я думалъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ порядочный человѣкъ,—настоящій женихъ моей Ксе-

нюшкѣ... даже намекалъ уже объ этомъ кое-кому... Радовался какъ!.. А онъ поступилъ такъ... подло!..

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ... хорошій!.. Онъ думалъ... хлопотать о разводѣ... Это я хорошо помню... Да, да, онъ говорилъ мнѣ объ этомъ... тамъ, надъ обрывомъ...

— Охъ, Ксенюшка, прости, не сердись!.. Но хорошіе, порядочные люди сначала съ этого, съ развода, начинаютъ, а онъ—какъ разъ поступилъ наоборотъ!..

— Это вы такъ судите его... потому что вы... уже старикъ... Въ молодости вы, можетъ быть... иначе бы разсуждали...

— Да что ты, Ксенія! Все равно! Человѣкъ не долженъ быть... скотомъ! Теперь молодежь иная можетъ учить насъ, стариковъ, нравственности и воздержности!.. Нѣтъ, молодость его не оправдываетъ!.. Не думай ты о немъ, родная!.. Хотя отецъ твой и простилъ его, но при прощаніи съ нимъ сказалъ, что въ семью свою принять его—никогда, ни за что, ни при какихъ условіяхъ—не приметъ!.. Это его послѣднее, безповоротное, прощальное слово этому... этому животному! А вѣдь отецъ твой—никогда не беретъ своего слова назадъ. А потому—плюнь ты на него!.. Не плачь, родная, а лучше—не вспоминай ты о немъ... Поправляйся, здоровѣй на радость намъ... И такъ ты проболѣла Богъ знаетъ сколько! Довольно!.. Да и мать свою бѣдную пожалѣй... Очень она изстрадалась за все это время... Посмотри на нее: на что она стала похожа! А давно ли была еще такая красавица...

— Ну, а что сестра?.. знала ли она что-нибудь о случившемся?...

— Да что ей знать! Вѣдь она у насъ была еще ребенкомъ... Жалѣла свою „больную Ксенюшку“,—да съ тѣмъ и поѣхала въ институтъ...

— Кронидъ Ивановичъ, значить... одинъ только отецъ... презиралъ меня?..

— Да что ты, родная, выдумала!.. За что же презирать тебя?... Поплатилась же ты сама жестоко за свое довѣріе и любовь!.. Да и отецъ твой—не такой человѣкъ. Страдалъ-то онъ очень за тебя, самъ лечилъ, просиживая надъ тобою дни и ночи, и часто, не довѣряя себѣ, какъ врачу, мучился, обращался къ знаменитостямъ... Понимаешь: самъ-то извѣстный профессоръ, а сомнѣвался въ своихъ знаніяхъ, въ своей опытности... Все дрожало надъ тобою, дрожало за твою жизнь. Въ Крымъ тебя возилъ, гдѣ прожили мы очень долго... А затѣмъ, ради тебя же, купилъ это вотъ имѣніе, „Карпатовку“, и изъ Крыма перевезъ

тебя прямо сюда... Отецъ все боялся, чтобы ты не вспомнила какъ-нибудь Артиховку: тогда нужно было для твоего полного выздоровленія, чтобы ты совсѣмъ забыла о ней, не вспоминала. Да и теперь не для чего, Ксенюшка, тебѣ вспоминать о ней! Пропали она совсѣмъ!

— Нѣтъ, Кронидъ Ивановичъ, Артиховку я помню и люблю ее, потому... потому что я... люблю еще Романа Валеріановича...

— Молчи, молчи! Бога ты не боишься! Вотъ и жалѣю, что здѣсь болталъ съ тобою, какъ съ умной. А ты вотъ какая!.. Богъ знаетъ, чтѣ говоришь мнѣ... Э, не люблю я этихъ... слезъ твоихъ!.. Это уже совсѣмъ нехорошо... Нехорошо съ твоей стороны... Не могу я ихъ видѣть!.. Ну, перестань же, Ксенюшка, перестань... Мать встревожишь.. Ну, довольно!.. Пойдемъ лучше на чистый воздухъ, въ садикъ... Ну и подольская губернія!.. Смотри, чѣмъ не Швейцарія!.. Ай, да какой же прекрасный уголокъ это имѣннице „Карпатовка“!.. Видишь, какъ здѣсь хорошо:—скалы, рѣка Бугъ, лѣса... А вотъ тамъ... на горѣ, смотри, какой-то развалившійся замокъ... съ башенками... А воздухъ-то, воздухъ!.. Право, не нужно намъ и Швейцаріи!..

...Прошло еще два-три года серьезнаго леченія, и Ксенія Владиміровна, наконецъ, совсѣмъ поздоровѣла, успокоилась и вполне овладѣла собой. Здоровье возвратилось къ ней, и воскресшія силы искали примѣненія. Вопросы:—чтѣ дѣлать? какъ жить?—не созрѣвшіе въ свое время, по окончаніи курса въ институтѣ, теперь только рѣшались ею сознательно, безъ колебаній. Чтѣ и кто помогли ей разобраться въ ея нравственномъ хаосѣ?.. Чтѣ развивало зародышъ добраго начала, лежащаго въ глубинѣ ея чуткой, отзывчивой души?.. Она внимательно стала присматриваться ко всему и ко всѣмъ окружающимъ ее. Мать, отецъ и сестра... Какъ жили они? Чѣмъ наполнялся ихъ день?.. Отецъ работалъ съ утра до вечера: лекціи въ университетѣ, осмотръ больныхъ въ собственной лечебницѣ для „бѣдныхъ дѣтей“ и усидчивыя, настойчивыя занятія у себя въ кабинетѣ... Мать—всецѣло посвятила себя литературной дѣятельности... Сестра Соня, вышедшая замужъ за сына Крониды Ивановича, судейскаго чиновника,—была счастливой женой, матерью и хозяйкой... Она моложе ея всего на три года, но—она знаетъ жизнь, понимаетъ ея потребности и, какъ муравей, неуспынно трудится въ своемъ гнѣздышкѣ безъ упрековъ, безъ усталости и безъ стремленій къ чему-нибудь постороннему, находящемуся за предѣлами ея домашняго, теплаго и мирнаго очага... Кромѣ этихъ трехъ близкихъ лицъ, Ксенія Владиміровна случайно познакомилась и очень сошлась съ Лидіей

Степановной Дуброво, учительницей небольшой частной школы. Эта незамѣтная въ обществѣ скромная труженица производила глубокое впечатлѣніе на Чудновскую, и знакомство съ нею имѣло рѣшающее значеніе на складъ ея воззрѣній и на выборъ дѣятельности... Послѣ долгихъ размышленій, колебаній и назойливо-мучительныхъ вопросовъ:—гдѣ ея настоящее мѣсто среди всѣхъ людей, живущихъ въ мірѣ? чему посвятить себя? для кого трудиться и жить?—Ксенія Владиміровна, прежде всего, взялась „за книгу“. А затѣмъ она рѣшила уѣхать въ Артиховку, забытую и покинутую всѣми ея родными,—и посвятить всю себя той горсти крестьянъ, темныхъ и безпомощныхъ людей, которые населяли обширное родовое имѣніе ея матери. Артиховка ей была мучительно-дорога, а потому, въ силу неуволимо-непонятной ей самой „психологіи чувствъ“, — ее тянуло именно туда постоянно и неотразимо!.. И здѣсь она, не спѣша, не набрасываясь и не кидаясь изъ стороны въ сторону, но не жалѣя собственныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, мало-по-малу, привела въ порядокъ заброшенную школу, больницу, основала маленькую сберегательную кассу „для крестьянъ“ и „народную бібліотеку“... И во всѣхъ ея начинаніяхъ, „реформахъ“ и „учрежденіяхъ“ — не только принимала горячее участіе Лидія Степановна, переселившаяся съ ней въ Артиховку, но была во всемъ и всегда ея разумной и опытной руководительницей, совѣтчицей и другомъ. Обѣ онѣ составляли тѣсный „женскій союзъ“, какъ часто шутила Лидія Степановна... Это была веселая, энергичная и добрая дѣвушка, не пережившая никакой „жизненной драмы“ и не искавшая „личнаго счастья“ въ замужествѣ, а сознательно, „по призванію“, посвятившая себя скромной дѣятельности народной учительницы. Она незамѣтно бодрила и поддерживала Ксенію Владиміровну въ трудную минуту ихъ общей дѣятельности, и отъ этого ихъ „дѣло“ много выигрывало. Прочный „женскій союзъ“, по мѣрѣ силъ и умѣнья, вносилъ въ среду артиховскихъ крестьянъ матеріальное благосостояніе и свѣтлый лучъ просвѣщенія, а измученная душа Чудновской находила отраду въ живомъ дѣлѣ, и ея личное горе, ея погибшее счастье — затмевалось общей радостью и достаткомъ небольшой массы людей...

VII.

Чудновская, не спавши такимъ образомъ всю ночь, встала съ страшной головной болью. Ея блѣдное лицо и красные глаза

очень обезпокоили Иду Борисовну, но она больше не спрашивала ее о причинѣ слезъ, объясняя ихъ крайней нервностью и усталостью Ксеніи Владиміровны, послѣ продолжительной прогулки въ паркѣ. Стараясь какъ-нибудь развлечь Чудновскую, молодая дѣвушка, расчесывая свои непослушные въющіеся волосы, дѣлилась съ ней впечатлѣніями всего вчерашняго дня.

— А знаешь, Жоржу очень понравилась та блѣдная дѣвушка, которая сопровождала калѣку-отца! Онъ говорить, что она хороша, какъ „мадонна“, только, по его мнѣнію, ее портятъ сросшіяся брови... Это—признакъ энергіи, а онъ не любитъ энергичныхъ женщинъ. Смѣшной, право, этотъ Жоржъ! Представь, вчера, когда ты ушла изъ парка, онъ заговорилъ съ этой дѣвушкой...

— Чтò ты?.. — тревожно спросила Ксенія Владиміровна, низко опустивъ голову надъ чашкой чаю: — Какъ же это случилось?..

— Да такъ: человекъ ихъ куда-то ушелъ, солнце начало беспокоить больного, а эта дѣвушка никакъ не могла одна сдвинуть съ мѣста кресло, чтобы подкатить его подъ тѣнь ближайшей липы. Тогда Жоржъ—со словами: „Позвольте мнѣ вамъ помочь!“—въ одинъ мигъ очутился подлѣ дѣвушки, и красный, какъ ракъ, усердно перекатилъ кресло подъ дерево. Больной и его дочь очень благодарили Жоржа за любезность, и еслибы не я, то онъ, навѣрное, вступилъ бы съ ними въ продолжительную бесѣду! Вотъ только неловко ему было меня оставить... Онъ даже откуда-то уже узналъ, что эта „блѣдная мадонна“ называется: „Марія Романовна“...

— Да-а?..—какимъ-то глухимъ вздохомъ вырвалось у Ксеніи Владиміровны, и она, сжавъ обѣими руками голову, сильно пошатнулась и прислонилась къ стѣнѣ...

— Чтò съ тобой, тетя? — тревожно спросила Ида Борисовна, поддерживая Чудновскую.

— Ничего... немного голова... закружилась...

— Ну, прилягъ, тетя... У тебя такой усталый видъ!..

Ида Борисовна довела Чудновскую до кровати, закрыла окно занавѣской и, безшумно опустившись на стулъ, подлѣ отвореннаго балкона,—грустно смотрѣла на неподвижно лежащую Ксенію Владиміровну... Теперь на ея блѣдномъ, застывшемъ лицѣ трудно было уловить слѣды нравственныхъ страданій; она лежала съ закрытыми глазами и такъ тихо, спокойно, что Ида Борисовна скоро пришла къ убѣжденію, что „тетя спитъ“...

Утро было прохладное, туманное. Изъ парка чуть слышно

доносились звуки марша изъ оперетки „Донъ-Цезарь“. Ида Борисовна вышла на балконъ и съ изумленіемъ слѣдила за низко скользящими облаками... Казалось, весь балконъ наполнился легкимъ молочно-бѣлымъ туманомъ, окутывая ее съ ногъ до головы прозрачной пеленой... Точно тонкія струйки дыма, скользили мимо нея прозрачныя змѣйки облаковъ и, ударившись объ колонку балкона, расползлись во всѣ стороны... Дѣвушка улыбнулась и протянула руку въ простраство, желая схватить игриво ползущее облачко, задрѣвавшее ее своей прохладой, своей влажностью... Эта игра очень ее забавляла, и она, съ наивностью ребенка, силилась ловить облака, уходящія отъ нея къ верхушкамъ деревьевъ и дальше, дальше... скрывая очертанія горъ Бештау, Машука и Желѣзной, большую часть парка и весь бѣленькій посѣлокъ... Туманъ все больше и больше сгущался, и Ида Борисовна съ трудомъ уже могла разсмотрѣть фигуры номерныхъ, непрерывно бѣгающихъ взадъ и впередъ подъ ихъ балкономъ... И отъ этого сгущавшагося непроницаемаго тумана ей снова стало на душѣ тревожно, непріятно и жутко...

Гдѣ-то внизу, подъ самымъ балкономъ, громко хлопнула дверь и послышался крикливый, непріятный голосъ владѣлицы дачки, Наивной...

„И почему у нея такая неподходящая фамилія?... Я бы ей дала совсѣмъ какую-нибудь другую!..“ — подумала Ида Борисовна, вслушиваясь въ ея несимпатичный голосъ.

Въ дѣйствительности вотъ какова была госпожа Наивная: прежде всего она старалась смотрѣть въ глаза всѣхъ нанимателей и нанимательницъ ея „меблированныхъ комнатъ“ очень кротко, умиленно и, въ то же время, пріятно улыбаясь, говорила имъ:

— Право, не могу вамъ уступить ничего больше!.. Я и такъ потерпѣла страшные убытки въ этотъ сезонъ: погода все время была невозможная, холода, дожди. Никто изъ „курсовыхъ“ не пріѣзжалъ даже до сихъ поръ... Лечебный сезонъ въ этомъ году начался такъ поздно!.. Рада бы душой что-нибудь уступить, но не могу, повѣрьте, никакъ не могу!..

Но эта кротость во взорѣ и слащавость въ голосѣ мало помалу исчезали, когда она чувствовала уже въ своей рукѣ плату за мѣсяцъ впередъ. А это происходило очень быстро, по разъ заведенному ея порядку: чуть появлялся квартирантъ со своими вещами у нея во дворѣ, какъ она, съ жадностью голоднаго коршуна, налетала на него и увлекала, безъ всякихъ отговорокъ и задержекъ, въ свои апартаменты... Здѣсь совершалось таинство

уплаты денегъ непременно „сполна“ за мѣсяцъ впередъ. Получивъ деньги, Наивная пересчитывала ихъ, прятала въ конторку, съ трескомъ запирая замокъ, а затѣмъ спѣшила въ тяжеловѣсной и объемистой книгѣ сдѣлать запись: имя, фамилію, мѣсяцъ, число и часть найма квартиры... Послѣ окончанія этой процедуры, лицо ея принимало чрезвычайно озабоченное, сухое и даже злое выраженіе, а слащавая улыбка совершенно незамѣтно превращалась въ неопредѣленно-кислую гримасу.

— У меня столько дѣлъ, столько дѣлъ!.. Вы меня извините!.. Я спѣшу!—торопливо говорила она, умѣло выпроваживая неуспѣвшаго очнуться квартиранта изъ своего обиталища.

Затѣмъ—новая ловля. Съ прежней слащавой улыбкой и томно-наивнымъ выраженіемъ глазъ она высматривала и ловила новаго „курсовика“... И наловивъ должное количество квартирантовъ и размѣстивъ ихъ за безбожно-высокую плату по всѣмъ своимъ „конурамъ“,—а ихъ у нея во всей дачѣ было цѣлыхъ сорокъ!—она энергично принималась за другую отрасль своей профессіи: за немедленное выселеніе „нахальныхъ жильцовъ“, осмѣлившихся прожить у нея въ меблированныхъ комнатахъ лишній „неоплаченный часъ“...

Такъ было и въ данный моментъ: госпожа Наивная не можетъ ждать ни одной минуты! Это не пустякъ, не прихоть, а ея насущный хлѣбъ!.. Жертва ея — молодая блѣдная дѣвушка изъ Кіева, совершенно одинокая,—взволнованно просила подождать „до завтра“...

— Сегодня я не могу, у меня мигрень... я совсѣмъ больна... Да и погода ужасная... холодъ, туманъ... Завтра я уѣду, завтра же заплачу вамъ деньги за этотъ лишній день... сегодня не могу... у меня теперь нѣтъ ни копѣйки... Деньги на почтѣ... вотъ повѣстка... Подождите, ради Бога, до завтра!..

— Чтò вы, чтò вы, какъ можно! Знаю я ваши „завтра“: уѣдете, не заплативши... Много васъ такихъ здѣсь найдется! У меня не богадельня, сударыня, а „меблированныя комнаты“. Да, платныя „меблированныя комнаты“,—понимаете? Я васъ честью прошу очистить мнѣ комнату,—она уже занята однимъ полковникомъ! Онъ скоро вещи свои сюда привезетъ... Сегодня, вѣдь, вамъ кончился уже срокъ въ восемь часовъ утра, а теперь уже ровно десять! И такъ я вамъ подарила цѣлыхъ два часа! Уѣзжайте, сударыня!.. А если не хотите уйти честью, по доброй волѣ, то я полицію позову! И васъ, сударыня, выселятъ! Да-съ, выселятъ!..

— Но куда же я, куда... уѣду... безъ денегъ?—со слезами

въ голосѣ говорила дѣвушка:—гостиницы здѣсь переполнены, знакомыхъ—я не имѣю... больная, одинокая, безъ денегъ... Боже мой, что же мнѣ дѣлать?.. Подождите, ради Бога, до завтра!.. Я вамъ уплачу за каждый лишній часъ, вѣрьте мнѣ!..

— А! такъ вы, сударыня, все еще упрямитесь? Не желаете очистить мнѣ квартиры? Не желаете?.. Такъ я сейчасъ пошлю за полиціей! Сейчасъ!.. Это безсовѣстно!.. Это...

— Но я больна... совсѣмъ больна!.. Я не могу даже подняться съ кровати! Боже мой!..—Дѣвушка истерически рыдаетъ, а госпожа Наивная громкимъ, хриплымъ голосомъ зоветъ номерного:

— Андрей, Андрей!.. Сходи за полиціей! Сейчасъ мнѣ сходи за полиціей!.. Болѣзнь ваша, сударыня, одинъ предлогъ, одна уловка! Вы здоровы, совершенно здоровы! Вы обманываете меня, мошенничаете! Не хотите честью уйти, такъ полиція васъ, сударыня, проучитъ!..

Съ дѣвучкой начинается настоящій истерическій припадокъ, номерной стоитъ въ нерѣшительно-неподвижной позѣ, а госпожа Наивная, сразу умолкнувъ, возбужденно быстро, выжидательно бѣгаетъ подъ балкономъ...

Туманъ настолько разсѣялся, что Ида Борисовна можетъ теперь ясно наблюдать за всѣмъ, что происходитъ на дачѣ Наивной. Возмущенная, взволнованная, она перегнулась почти всѣмъ корпусомъ черезъ балконъ и съ безгливостью разсматриваетъ худую, сутуловатую фигуру растрепанной, неряшливой владѣлицы „меблированныхъ комнатъ“ курорта...

Изъ всѣхъ оконъ „конуръ“ — тоже высовываются головы жильцовъ, виднѣются удивленные, сочувственные и несочувственные лица, слышатся отрывочныя фразы, многозначительныя восклицанія и мѣткія замѣчанія по адресу Наивной или ея „жертвы“...

— За полиціей, за полиціей, мерзавецъ! Чего стоишь, какъ столбъ! — вдругъ, какъ бы опомнившись, вскрикиваетъ госпожа Наивная и снова быстро, съ сжатыми кулаками, направляется къ дверямъ больной дѣвочки. Но въ этотъ моментъ оттуда раздались такіе душу раздирающіе вопли и стоны, что она невольно остановилась у самаго порога и, завидя десятки глазъ изъ оконъ „конуръ“, какъ бы растерялась отъ неожиданности и чужого сочувствія... А затѣмъ, дѣланнымъ, дрожащимъ и сдавленнымъ голосомъ трагически воскликнула:

— Доктора зовите!.. Зовите доктора!..

Номерной опрометью бросается къ калиткѣ, количество го-

ловъ въ окнахъ „конуръ“ еще больше увеличивается, „сердобольная генеральша“,—сосѣдка Чудновской „по корридору“,—сидитъ на помощь больной, держа въ рукахъ цѣлую серію разныхъ стекляночекъ и баночекъ, а какой-то молодой громкій голосъ, заглушая истерическія рыданія дѣвушки, раздается изъ ближайшаго къ балкону отвореннаго окна такъ отчетливо, звучно, какъ металлическій звонъ колокола:

— Ахъ она этакая живодерка желѣзноводская! За цѣловый повѣсила бы человѣка! Больную, да вдругъ вздумала выпроваживать въ такую погоду!..

Госпожа Наивная начинаетъ громко охать и ахать, нетерпѣливо двигаетъ худыми плечами и что-то скороговоркой шепчетъ себѣ подъ носъ... А затѣмъ, заткнувъ уши, какъ-то „бочкомъ“, крадучись, пробирается между деревьевъ садика къ себѣ въ квартиру и, быстро захлопнувъ дверь, запирается на замокъ.

— То-то же, струсила!.. А стоило бы тебя свиснуть по банѣ дубиной, хоть одинъ разъ, да гораздъ!..

— Пафнутій Спиридоничъ, оставь, прошу тебя! Охота вмѣшиваться...—слышится женскій контральтовый густой голосъ.

— Какъ не вмѣшиваться! Что ты, Варвара Семеновна! Душа-то у меня окаянная! Вотъ такъ руки мои и чешутся!.. А стоило бы ей хорошую запечатлѣть печать на память о нынѣшнемъ сезонѣ!..

— Не стоитъ пачкаться, Пафнутій Спиридоничъ!..

Ида Борисовна хорошо можетъ разсмотрѣть со своего балкона фигуры говорящихъ: онъ — красивый, молодой, атлетическаго сложенія, харьвовскій купчикъ, „торговецъ скотомъ“, а она — прехорошенькая, изящная дѣвушка, „капитанская дочь“... На плечѣ ея сидитъ зеленый попугай и, зараженный общимъ волненіемъ, безпокойно путается ножками въ кружевахъ кофточки своей хозяйки и старается перекричать Пафнутія Спиридонича, картавя, очевидно, свою любимую фразу: — „Судъ разбереть!.. Судъ разбереть!..“ Объ этой парочкѣ Ида Борисовна слыхала уже отъ своей номерной, Мареуши: три года подрядъ пріѣзжаютъ они вмѣстѣ въ Желѣзноводскъ... Онъ — здоровъ, „какъ быкъ“, а она — „хворенькая“... Очень ужъ „деликатная“ и образованная эта „капитанская дочь“!.. Такъ „про нихъ“ прописано „въ паспортѣ“... И каждый годъ они живутъ у „нашей“, потому — она всегда отыщетъ для нихъ „помѣщеніе“; и каждый годъ онъ ссорится съ „нашей“, чуть не колотить ее!.. А потомъ — ничего! Помирится, — и опять пріѣзжаютъ сюда же и живутъ у „нашей“

цѣлый сезонъ!.. Нравится имъ ужъ очень эта дача, „особливо ея мѣстонахождение“...

Рыданія и вопли больной дѣвушки, успокоенной „сердобольною генеральшей“, становились все тише и тише, любопытныя головы изъ оконъ „конуръ“ почти всѣ исчезли, а молодой харьковский купчикъ, любовно поглаживая красной рукой „попку“, удобно помѣстившагося теперь на его полномъ плечѣ, весело, съ сознаніемъ собственного достоинства, разговариваетъ со своимъ сосѣдомъ „по окну“, передавая ему цѣлую „любопытную исторію“ о госпожѣ Наивной...

— Любопытная эта исторія была недавно... Сломался у меня въ квартирѣ замокъ. А замокъ, замѣтьте, былъ совсѣмъ дряхлый, заржавѣлый, негодящій. Посылаю номерного нашего, Андрея, доложить объ этомъ важномъ событіи хозяйкѣ...

— И подлинно — важное событіе! И подлинно: потому, какъ же здѣсь, между тамъ... разныхъ кавказскихъ дикарей, воровъ и разбойниковъ, да ночевать безъ запора? Боже упаси! — перебиваетъ его сосѣдъ „по окну“, худощавый, нервный субъектъ съ клинообразной рыженькой бородекой.

— Н-да... и прошу, значить, починить замокъ. Правда, очень скоро она прислала ко мнѣ слесаря, но, замѣтьте, какая бестія!.. Починилъ это слесарь замокъ и требуетъ съ меня денегъ: — „Хозяйка, говоритъ, такъ приказала“... Съ какой стати! говорю: — 90 рублей беретъ съ меня за...

Онъ повернулся всей своей мощной фигурой черезъ окно и, понизивъ голосъ до шопота, кинулъ сосѣду какое-то словцо...

— Ха-ха-ха! Мѣтко сказано!.. И подлинно, и подлинно!..

— Извините за выраженіе!.. Да вдругъ я еще долженъ ей и ремонтъ производить! Нѣтъ, шалишь!.. Я тебѣ, братецъ, говорю, не только пять гривенъ заплачу за замокъ, — хотя я его не ломалъ, — самъ же ты мнѣ сказалъ, что замокъ былъ совсѣмъ негодящій, старый!.. Н-да, такъ заплачу тебѣ не только пять гривенъ, а дамъ тебѣ цѣлый рупь, только поди, парень, кнѣй на квартиру, да при свидѣтеляхъ скажи ей, что она, молъ, живодерка поганая, душа окаянная, свинья іоркширская! Что она...

— Ха-ха-ха! Да почему же непременно іоркширская? — перебиваетъ его сосѣдъ „по окну“.

— Да потому, значить, что она нантончайшей породы свинья! Ловкая, бестія, настоящая породистая свинья! А еще величаетъ себя вдовой сибирскаго инженера!..

— Ха-ха-ха! Сибирячка, значить — азиатка!.. Что-же, это кнѣй подходит!.. Ну, и что же онъ ей сказалъ?..

— Да ужъ не знаю, чтѣ онъ тамъ говорилъ ей, но, вѣрно, фунъ отъ меня не даромъ получилъ, потому... слышу, кричить моя баба:— „Ахъ, онъ скандалистъ!.. Скандалистъ!.. Отъ квартиры откажу!.. Ахъ, онъ скандалистъ!..“—Нѣтъ, думаю, не откажешь, а еще сама просить станешь! Погоди только!.. Кончается, это, значитъ, мнѣ мѣсяцъ, я и посылаю ей записку,—согласна ли мнѣ еще отдать комнату на одинъ мѣсяцъ? Очень, молъ, мнѣ у васъ нравится, такъ что готовъ даже заплатить вамъ за мѣсяцъ цѣльныхъ 100 рублей, но, полагая, что вы хотѣли мнѣ отказать отъ квартиры... и прочее такое, я теперь жду вашего окончательнаго рѣшенія. Скандалистъ, Пафнутій Спиридонычъ, такой-то... Отвѣтъ: „Пожалуйста, Пафнутій Спиридонычъ, оставайтесь! Очень буду рада и очень даже желаю имѣть такого любезнаго человѣка своимъ квартирантомъ!..“

— Ну, и чтѣ же, вы потому и остались?

— Нѣтъ-съ, не потому! На ея же запискѣ я написалъ карандашомъ: „Вы желаете, чтобы я у васъ жилъ за 100 рублей въ мѣсяцъ, а я не желаю! Вы, окаанная душа, рады драть съ ~~каждого~~ встречнаго-поперечнаго бѣшеннаго деньга, а я радъ буду пожить у васъ сколько захочу, не заплативши вамъ за квартиру ни гроша! А если вы только мнѣ пикнете, такъ получите“... Вотъ и живу уже почти цѣльный мѣсяцъ!

— А денегъ неужели не заплатили еще за второй мѣсяцъ?

— Вотъ еще! Чего торопиться? Подождетъ маленько!.. А люблю я эту бабу, какъ вы извоили называть, „азиатку“,—продержать въ страхѣ да въ повиновеніи этакъ добрый русскій мѣсяцъ!

— И она не напоминаетъ вамъ объ уплатѣ?

— Куда ей! Она знаетъ, чувствуетъ, съ кѣмъ дѣло имѣеть! Баба съ головой! Наскочила, значитъ, коса на камень, а потому бьется меня, какъ огня! Какъ только завидитъ меня, или услышитъ мой голосъ,—такъ сейчасъ наутѣкъ!..

— И живете себѣ?

— И живу! И буду жить, сколько захочу! Безъ начальства съ этакой азиаткой-бабой, съ юркширской свиньей,—нельзя! Поживу до конца мѣсяца и въ зубы ей 75 рублей!.. Получай, довольно съ тебѣ! А на будущій „сезонъ“—опять „мое поштеніе-съ“! Опять начнемъ сначала!.. Нужно же хоть немного ее проучить кому-нибудь изъ насъ, а то, вѣдь, пользуется какъ! Деретъ съ насъ, сколько влѣзетъ!.. Знаетъ, что на улицѣ не будешь ночевать, или въ паркѣ, подъ фонарчикомъ, на чистомъ воздухѣ!..

— А ужъ и правда, что деретъ она страшно! Да и всѣ

здѣсь не отстаютъ отъ нея! Вотъ теперь я плачу ей въ мѣсяцъ-пятьдесятъ рублей за голубятникъ въ одну сажень длины! Еле-еле можно помѣстить одну кровать! Да и та поприжалась, изогнулась отъ тѣсноты!..

VIII.

Туманъ совершенно разсѣялся, и солнышко радостно выглядывало изъ-за мрачныхъ горъ. На дачѣ Наивной было тихо и покойно...

Чудновская крѣпко уснула... Сонъ освѣжилъ ее и успокоилъ расходившіеся нервы; теперь она относилась даже довольно спокойно къ неожиданной встрѣчѣ съ Романомъ Валеріановичемъ и охотно согласилась послѣ обѣда пойти съ Идой Борисовной въ паркъ.

— Хорошо бы сегодня намъ отыскать подходящаго доктора, а то мы съ тобой, Идочка, что-то очень лѣниво принимаемся за леченіе! — съ улыбкой, спокойно произнесла Ксенія Владиміровна, выходя на балконъ.

— Пожалуй... Но, тетя, лечиться мнѣ совсѣмъ не хочется... Кавказъ, съ его чудной природой, мнѣ кажется, лечить лучше всѣхъ докторовъ!

— Тѣмъ не менѣе, безъ нихъ и здѣсь, Идочка, не обойдешься... Сегодня непременно нужно рѣшить, къ кому намъ обратиться...

Кто-то тихо постучалъ къ нимъ въ дверь, и, не ожидая приглашенія, въ комнату вошелъ очень высокій, худой и сутуловатый блондинъ, съ чрезвычайно длинными ногами и очень некрасивымъ, покрытымъ оспинами, лицомъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ фуражку съ чиновничьей кокардой, а въ другой — цѣлую пачку бумагъ различной величины.

— А я къ вамъ-съ! — довольно развязно началъ чиновникъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, но, посмотрѣвъ пристально на Чудновскую и Иду Борисовну, остановился въ неподвижной позѣ и медленно проговорилъ: — Извините-съ, не туда попалъ... Должно быть, ошибся номеромъ...

— Вамъ собственно кого же угодно? — съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на лицѣ, спросила Ксенія Владиміровна.

— Мнѣ-съ? Генеральшу Двинскую, Магдалину Алексѣевну... Несомнѣнно, не въ тѣ двери попалъ... она, кажется, въ слѣдующемъ номерѣ, но... какой у васъ здѣсь прекрасный видъ!

Желѣзная, Бештау... Машукъ!.. Чудная вещь эти балкончики!.. Страсть, какъ я люблю ихъ... Можно-съ закурить папиросуку?

— Сдѣлайте одолженіе! — съ сдержанной улыбкой, сказала Чудновская.

— Я, видите ли, въ генеральшѣ по дѣлу: вотъ ей бумаги принесъ... Она желаетъ купить у моего патрона имѣніе-съ...

— Имѣніе? Здѣсь, на Кавказѣ? — удивилась Чудновская.

— Нѣтъ-съ, въ волынской губерніи... Видите ли, какъ-то случайно я разговорился съ генеральшей Двинской въ паркѣ и узналъ, что она желаетъ купить хорошее имѣніе-съ. Вотъ я и предложилъ ей ознакомиться поближе съ планомъ имѣнія моего патрона, которое онъ могъ бы ей продать по очень сходной цѣнѣ. Вотъ сегодня я и рѣшилъ посѣтить генеральшу съ этой цѣлью... А у васъ и самоварчикъ на балконѣ мурлыкается... Право, очень, очень хорошо здѣсь у васъ...

Съ этими словами чиновникъ, какъ бы невзначай, опустился на стулъ и восхищеннымъ взоромъ, съ блаженной улыбкой, озирался кругомъ...

Ида Борисовна тихо разсмѣялась и, наливъ стаканъ чаю, со словами: „не угодно ли?“ — поставила его передъ чиновникомъ.

— Благодаримъ-съ покорно... Разодолжили, а то въ горлѣ сухо, — какъ въ Сахарѣ!..

— А имѣніе это большое, хорошее? — съ нескрываемой улыбкой, спросила Чудновская.

— Гм... какъ вамъ сказать?... А вы съ генеральшей Двинской знакомы-съ?..

— Нѣтъ, мы ее совсѣмъ не знаемъ, — сухо замѣтила Ксенія Владиміровна, съ недоумѣніемъ разсматривая хитрое и плутоватое лицо чиновника.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте-съ вамъ доложить: имѣніе это — одна грусть... Охъ, одна грусть!.. Песокъ и болота... Правда, есть и рѣчонка, и лѣсокъ, такъ что „въ минуту жизни трудную“ можно на древѣ повѣситься, или въ водѣ утопиться; это смотря по вкусу и настроенію...

Чиновникъ говорилъ медленно, съ разстановкой и съ особенно комичнымъ выраженіемъ лица и хитрыхъ умныхъ глазъ поглядывалъ на улыбающихся дамъ.

— А зачѣмъ же вашъ патронъ продаетъ это имѣніе? — спросила, все еще улыбаясь, Ида Борисовна.

— Да потому и продаетъ, что оно, съ позволенія сказать, никуда-съ не годится... А въ карманѣ у него пусто... Охъ, пусто! — несмотря на то, что онъ занимаетъ высшую должность

съ большимъ окладомъ жалованья, но... интересный еще вдовецъ, и, вообще, безшабашная голова! Вотъ, еслибы не я—ему совсѣмъ было бы плохо!..

— А вы его родственникъ?—полюбопытствовала Ида Борисовна.

— Не имѣлъ-съ этой чести съ самаго дня рожденія своего... Я такъ себѣ, маленькій человѣчекъ, и состою при его управленіи маленькимъ чиновникомъ, не получающимъ чиновъ, но пишущимъ разныя предписанія, донесенія и отношенія... собственно говоря, я не пишу ихъ, а только переписываю...

— Что же такъ? Чинъ, вѣдь, можно получить за выслугу извѣстнаго числа лѣтъ...—замѣтила Ксенія Владиміровна.

— Да-съ, на коронной службѣ; а я состою при управленіи по вольному-съ найму... Совсѣмъ, значитъ, маленькій чиновничекъ...

— Вы женаты?.. семейный?.. — съ нѣкоторымъ участіемъ спросила его Ида Борисовна.

— Нѣтъ-съ, Господь наградилъ меня такой образиной, что не нашлось даже охотницъ... а потому холостъ! — съ горькимъ юморомъ произнесъ чиновникъ и, со вздохомъ отпивъ глотокъ чаю, протяжно процѣдилъ:—одинъ, какъ перстъ, одинъ...

При этихъ словахъ онъ весь съёжился, какъ бы уменьшился, а затѣмъ, на подобіе оперившагося уже гуса, вытянувъ шею и даже выправивъ свою сутуловатую спину, довольно громко сказалъ:—Тѣмъ не менѣе, хотя я и не казистъ... собой, и совсѣмъ, совсѣмъ маленькій чиновничекъ, но мой патронъ безъ меня—ни-ни!.. Давно уже я при немъ состою и въ домѣ у него я—свой человѣкъ: дѣтки называютъ меня „дядя - горѣла“, находя большое сходство моей фізіономіи съ обезьяной-горилой... Что-же, дѣти!.. изъ любви ко мнѣ балуются... Знакомится въ натурѣ съ теоріей Дарвина... Самъ же патронъ называетъ меня различно: обыкновенно онъ зоветъ меня у себя дома „Стефаномъ“... Когда же ему нужно достать денегъ, или прочее такое... то я превращаюсь въ „Стефанушку“... Въ самый же моментъ исполненія его желаній—я достигаю до „милѣйшаго Стефанушки“... Ну, а въ управленіи онъ просто называетъ меня „Стефановъ“, безъ прилагательныхъ и безъ ласкательныхъ... Нельзя-съ! Дружба—дружбой, а служба—службой...

Чиновникъ допилъ чай, скромно перевернулъ стаканъ вверхъ дномъ и прикрылъ его сверху ложечкой...

— Позвольте еще стаканчикъ?—поддѣлываясь подъ его тонъ, улыбаясь, спросила Ида Борисовна.

— Благодаримъ покорно-съ, не откажусь, потому что еще

что-то першить въ горлѣ... только въ прикусочку... Пріятно здѣсь на балкончикѣ побаловаться чайкомъ... изъ блюда, въ прикусочку!.. Вы меня извините великодушно, заболтался я, а вамъ, можетъ быть, нужно къ источнику или ванночки принимать?..

— Нѣтъ, пожалуйста... — снисходительно отвѣтила Ксенія Владиміровна.

— Хорошо здѣсь на Кавказѣ! И всё-то „группы“ мнѣ нравятся, особенно Кисловодскъ, гдѣ мой патронъ живетъ постоянно и прохлаждается нарзанчикомъ; а я — разъѣзжаю по всѣмъ курортамъ, потому—дѣла-сь! Вотъ теперь засѣлъ какъ-то въ Желѣзноводскѣ: все хлопочу насчетъ продажи этого имѣнія, да никакъ что-то оно не продается... Надоѣло!.. Только вы этой генеральшѣ, даже при случаѣ,—ни-ни!.. Имѣніе, право, ничего; очень даже порядочное.. Особенно народъ тамъ хорошій, обстоятельный, даже французскія слова знаютъ! Такой, доложу вамъ, народъ—разбойникъ! А дамскій полъ,—разбойницы, такъ тѣ даже танцы модные изучаютъ-сь: миніоны и шакони—имъ ни по чемъ-сь!.. Вотъ у насъ подлѣ имѣнія есть лавка, крестьянинъ Потапка открылъ... Хорошая лавка, полезная! Тамъ вы найдете: чай—и деготь; ваниль—и скипидаръ; ваксу—и халву; духи—и селедки... Чтѣ угодно отыщете, и все товаръ свѣжій и по самой сходной цѣнѣ... Такъ, вотъ, Потапкина дочь, Горпынка, такъ та даже маскарады посѣщаетъ! Совсѣмъ народъ цивилизованный, такъ что даже душа радуется: пріятно съ ними дѣло имѣть!.. Теперь мировой судья, слѣдователь и вся полиція—въ постояннѣйшемъ общеніи съ ними!.. Расшевелили всю администрацію, разбойники, потому—народъ передовой, дѣятельный, зѣвать не даетъ!..

— Быть можетъ, еще не откажетесь отъ стакана чаю?—спросила Ида Борисовна чиновника, принимая отъ него пустой стаканъ.

— Нѣтъ, не могу! Спѣшу къ генеральшѣ! Благодаримъ за гостепріимство и просимъ извинить за беспокойство! Всему виной—дѣла-сь! Благодаря имъ, я здѣсь познакомился со многими курсовыми, такъ что кругомъ, на всѣхъ курортахъ,—все лица знакомыя. Просто, чувствуешь себя на Кавказѣ, какъ у себя въ Житомирѣ!.. А насчетъ имѣнія, прошу васъ, генеральшѣ—ни-ни...

— Не беспокойтесь... Зачѣмъ же намъ вмѣшиваться?.. Да мы, какъ я уже говорила, незнакомы съ ней! — замѣтила сухо Чудновская.

— Имѣніе, право, превосходное! Даже заболѣванія лихорад-

ками,—маляріей этой пакостной,—стали гораздо рѣже, потому что я уже второй годъ болѣе двадцати десятинъ,—у самаго гнѣзда болотъ,—засаживаю одними подсолнечниками! Удивительно радикальное средство для осушенія болотъ и уничтоженія лихорадокъ! А насчетъ колтуновъ — тоже стало совсѣмъ безопасно...

— Вы не безпокойтесь... Мы не будемъ вмѣшиваться въ ваши дѣла...—брезгливо произнесла Чудновская.

Чиновникъ усердно вытеръ потное лицо и лобъ цвѣтнымъ платкомъ и, изогнувшись въ дугу, почтительно расшаркался.

— Простите за безпокойство! Сынъ - Стефановъ, безъ чиновъ и орденовъ, но со спокойной совѣстью! Прощайте-съ...

— Ну, по всему видно, что этотъ „сынъ-Стефановъ“, — поднадуетъ „сердобольную генеральшу“, какъ называетъ ее Мар-фуша... — замѣтила Чудновская, когда сутуловатая спина чиновника скрылась за дверью.—Однако, онъ насъ порядкомъ задержалъ...

— А знаешь, тетя, я этого чиновника уже нѣсколько разъ встрѣчала въ паркѣ: все бѣгаетъ со своими „бумагами“ въ рукахъ и, вѣрно, ловить покупателей... Только онъ все же остороженъ: болтаетъ много!

— А мнѣ кажется, что онъ разболтался у насъ потому, что увидѣлъ „самоварчикъ“ и очень ужъ хотѣлъ выпить чаю. Вотъ я старался какъ-нибудь поудобнѣе обставить это чаепитіе,—говорила Чудновская, выходя съ Идой Борисовной на улицу, пестрѣвшую національными костюмами джигитовъ, грузинокъ и модными туалетами дамъ.

IX.

Музыка въ паркѣ играла почти безъ интерваловъ одну пьесу за другой: попури изъ оперъ „Карменъ“, „Демонъ“ и „Евгеній Онѣгинъ“, а въ заключеніе—„Дагестанскій маршъ“. Странно было слышать и видѣть этихъ казаковъ-осетинъ, этихъ необузданныхъ полу-дикарей, въ большихъ мохнатыхъ папахъ и бешметахъ, разыгрывающихъ чудныя аріи европейскихъ извѣстныхъ композиторовъ. Играли очень стройно, выполняя всѣ нюансы музыкальныхъ идей, точно и въ самомъ дѣлѣ они понимали и чувствовали такъ сильно, такъ сознательно.

— Честь и слава капельмейстеру! Умѣло, знатно выдрессировалъ дикарей! У него, какъ видно, большое знаніе оркестровки, а слухъ богатый! — цѣдилъ сквозь щетинистые усы ху-

дошавый генералъ блѣднолицому кадету съ необыкновенно толстой шеей, на которой небольшая голова его помѣщалась какъ-то неестати, наклонившись болѣзненно-некрасиво въ одну лишь сторону.

— Этотъ маршъ можно бы сугубо повторить, можно!.. Повышеніе и пониженіе звуковъ — значительное! — умиленно произносилъ добродушный старикъ-священникъ, обращаясь къ другому, худосочному, апатичному священнику, державшему въ рукѣ большую кружку съ какой-то надписью.

— Какъ здѣсь много, въ этотъ сезонъ, поповъ! Желѣзноводскъ — положительно курортъ блѣднолицыхъ, но неинтересныхъ дамъ и худосочныхъ поповъ! — съ кислой гримасой, протяжно говорилъ молодой, блестящій гвардеецъ. — То ли дѣло въ Кисловодскѣ: „шикъ, блескъ и туалетъ“! Здѣсь же, просто, сонное царство какихъ-то монахинь! А дѣтей какая тьма, — цѣлое полчище! И, вѣрно, это все... filles de „попы“ и fils de „попы“! Право, всѣ они мнѣ надоѣли!.. Поѣдемъ сегодня непременно въ Кисловодскъ! Чтò здѣсь дѣлать?..

И гвардеецъ, насвистывая арію изъ „Прекрасной Елены“, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, такимъ же блестящимъ и такимъ же скучающимъ, какъ онъ, — медленно направился къ курзалу...

Прослушавъ „Дагестанскій маршъ“, Чудновская и Ида Борисовна прошли къ „Конторѣ группъ“, испещренной печатными крупными объявленіями.

— Точно „Бюро для справокъ“, — замѣтила Ксенія Владиміровна, прочитывая нѣкоторые объявленія.

Передъ ея глазами мелькали фамиліи профессоровъ, знаменитостей петербургскихъ, одесскихъ, харьковскихъ, кievскихъ, московскихъ... мелькали фамиліи извѣстныхъ и неизвѣстныхъ докторовъ, специалистовъ и не-специалистовъ.

— Выборъ громадный! А кого выбирать? Къ кому изъ нихъ обратиться? Чѣмъ ориентироваться? — не знаю! — задумчиво произнесла она, продолжая прочитывать объявленія.

— Не поможетъ ли намъ „Сезонный Листокъ“? — спросила Ида Борисовна, держа въ рукѣ номеръ небольшой мѣстной газеты: — не вычитаемъ ли тамъ чего-нибудь подходящаго для насъ?..

— Пожалуй, посмотримъ...

Онѣ усѣлись на скамейку, подлѣ роскошнаго цвѣтника, и стали читать газету:

— „Консультація врачей“... Тетя, не обратиться ли намъ туда?.. У тебя — нервы, у меня...

— Боже васъ сохрани туда обращаться!—вдругъ перебилъ Иду Борисовну пожилой господинъ, съ черной повязкой на щекѣ, сидѣвшій на сосѣдней съ ними скамейкѣ:—вы, вѣрно, не имѣете ни малѣйшаго представленія, что это такое „Консультация“!... Да?..

И, не ожидая отвѣта отъ своихъ сосѣдокъ, онъ торопливо, прерывающимся голосомъ и сильно жестикующи, продолжалъ дальше:

— Ну, такъ послушайте, что это за штука: собираются въ Пятигорскѣ три специалиста-врача: *tres collegium faciunt*... Предположимъ, хирургъ, психіатръ и... ну, акушеръ!.. И всѣ они, не понимая другъ друга, заговорятъ о своей спеціальности... И заговорятъ они точно на различныхъ языкахъ... Одинъ предлагаетъ вопросы, справляясь, все ли обстоитъ благополучно въ построении вашего организма? Другой — не страдаете ли вы „навязчивыми мыслями“? А третій, ну... спрашиваетъ, сколько у васъ дѣтей?.. и т. п. Больной теряется, отвѣчаетъ сбивчиво, часто невпопадъ... Болѣзнь чуть-чуть подходитъ къ спеціальности одного, — остальные два врача остаются лишь пѣвыми зрителями... И этотъ одинъ рѣшаетъ вопросъ о болѣзни и о леченіи на извѣстной „группѣ“... Пролетѣло десять — пятнадцать минутъ, этотъ больной смѣняется другимъ злополучнымъ больнымъ и т. д. Ну, а тотъ первый?.. Что вынесъ онъ, послѣ консультации, полезнаго для себя?.. Ему предписано ѣхать въ Ессентуки, или въ Пятигорскъ, или... Ну, а дальше что?.. Кто же будетъ его лечить?.. Кто опредѣлитъ каждодневный режимъ его леченія?.. И сознаетъ онъ, что консультация для него лишь бесполезная процедура, пустой звукъ, трата дорогого дня и денегъ... Такъ-то-съ!..

— А что такое „группный“ врачъ? — спросила Ида Борисовна, смущенно вертя въ рукахъ „Сезонный Листокъ“:—Не обратиться ли къ нему?.. Это ужъ, навѣрное, человѣкъ знающій, солидный, изучившій основательно хотя одну изъ „группъ“ кавказскихъ курортовъ... На такого врача, вѣдь, можно же положиться?..

— Совершенно вѣрно!—съ прежней нервностью и торопливостью отвѣтилъ господинъ:—Но... здѣсь являются обстоятельства довольно серьезныя для того, чтобы именно къ нему-то больные не обращались!.. Видите ли что: въ инструкціи „О взаимныхъ отношеніяхъ Терскаго Областного начальства къ Управленію Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ“—что ни параграфъ, то и новая обязанность „группнаго“ врача... Его дѣятельность должна начинаться въ 5 — 6 часовъ утра, а кончаться еле-еле

въ 7 часовъ вечера! Онъ посѣщаетъ ванны, души, казенный ресторанъ, кумысные заведенія, осматриваетъ кумысный табунъ, паркъ, конторы... онъ слѣдитъ за санитарными порядками всей „группы“... Когда же, когда ему лечить?.. Къ нему вовсе не слѣдуетъ обращаться больнымъ, потому что онъ — полезный и нужный администраторъ „группы“: отнимать отъ него время, значить лишить курортъ извѣстнаго благоустройства, надлежащаго порядка, надзора...

— Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ „группные“ врачи заминаваютъ больныхъ, дѣлая объявленія о своихъ приемныхъ часахъ?—спросила съ особеннымъ интересомъ Чудновская.

— Зачѣмъ? А зачѣмъ, что люди, вообще, такъ жаждутъ жизни, что забываютъ часто сущность своихъ прямыхъ обязанностей!.. Этого зла—никто не искоренить... Вотъ и „группные“ врачи, игнорируя свои дѣла, изображаютъ собой на курортахъ гастролирующихъ знаменитостей, щедро развѣшиваютъ по стѣнкамъ „конторы“ громкія рекламы, а время свое, за приличный гонораръ, отдаютъ больнымъ, не имѣя на то никакого правственнаго права!..

— Къ кому же, послѣ всего сказаннаго вами, должны обращаться больные?—серьезно спросила Ксенія Владиміровна.

— Господи Боже мой!.. Да развѣ здѣсь мало эскулаповъ? Нѣсть имъ числа!.. Выбирайте любого.

— Легко сказать „выбирайте“! — улыбаясь, замѣтила Ида Борисовна. — Вотъ мы поставлены въ большое затрудненіе, къ кому обратиться... У тети, вотъ, нервы, у меня — малокровіе...

— Да все равно!.. Къ кому бы вы ни обратились изъ докторовъ,—рано или поздно, а непремѣнно отправятъ васъ на тотъ свѣтъ!—какимъ-то безнадежнымъ тономъ негромко произнесъ господинъ, отчаянно махнувъ рукой.

Ида Борисовна съ недоумѣніемъ, молча, покосилась на своего нервнаго сосѣда, такъ неожиданно перешедшаго въ патетическій тонъ, а Чудновская, снисходительно улыбаясь, спокойно замѣтила:

— Какой вы, однако, скептикъ! Вы требуете отъ докторовъ невозможнаго: чтобы они сдѣлали насъ бессмертными!

— Нѣтъ, не то... Но что доктора залечиваютъ—это не новость!.. Вотъ у меня, напримѣръ... была жена, была семья и... всѣхъ ихъ не стало... Эхъ, долго рассказывать!.. И всѣхъ ихъ не стало потому, что доктора залечили... Да, по неволѣ будешь скептикомъ, когда въ одинъ годъ лишился семьи!.. Нѣтъ, докторъ только отправляютъ на тотъ свѣтъ... А вотъ природа Кавказа,

его горный воздухъ, источники, ванны—вотъ это настоящіе цѣлители человѣчества...

Господинъ говорилъ теперь совсѣмъ упавшимъ голосомъ, задумчиво и медленно, точно вся его энергія ушла на длинные монологи о „консультаціи“ и о „группныхъ“ врачахъ...

Обѣ дамы молча переглянулись и сдѣлали движеніе уходить...

— Впрочемъ...—тихо произнесъ господинъ, взглянувъ кротко, задумчиво на поднявшихся со скамейки дамъ:—если вы вѣрите въ помощь докторовъ, то попробуйте обратиться къ Буянову: его леченіе здѣсь многіе хвалятъ... Адресъ его вы найдете въ „Контортъ группъ“... Тамъ вамъ выдадутъ и „сезонный билетъ“, если вы его еще не имѣете... Безъ него здѣсь нельзя пользоваться леченіемъ...

— Очень вамъ благодарны! — любезно, почти въ одинъ голосъ сказали дамы и направились къ „Контортъ группъ“...

— Съ васъ, для двухъ лицъ, слѣдуетъ получить шесть рублей... Извольте...—скороговоркой прокартавилъ кассиръ, красивый „восточный“ человѣкъ, вручая Чудновской билеты и „Правила Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ“, и, обращаясь къ полной дамѣ, окруженной тремя краснощеками гимназистами, сказалъ:—А вамъ получить десять билетовъ въ „Ново-Барятинскія“...

— Неужели вы будете принимать „Барятинскія“ ванны?—съ видимымъ кокетствомъ покручивая усы, спрашивалъ даму жизнерадостный молодой человѣкъ:—Не лучше ли „Ново-Островскія“?... Эти ванны прекрасныя и устроенныя по послѣднему слову науки! Разныя бальнеологическія приспособленія, строго выдержанный стиль зданія, оригинально-красивая внутренняя отделка кабинетовъ,—право, все это не поблѣднѣетъ въ сравненіи съ лучшими ванными заведеніями иностранныхъ курортовъ! А „Барятинскія“... ѣ donс!.. Да и кто ихъ теперь принимаетъ? Одни дѣти, подлѣтки, подростки, да священники, сѣденьіе, дряхлые, переходящіе уже въ дѣтскій возрастъ! Нѣтъ, посѣщайте лучше „Островскія“ ванны...

— Да что вы! Развѣ я могу самовольно измѣнять ванны? Докторъ предписалъ мнѣ „Барятинскія“, ну и хожу въ „Барятинскія“, а предпишетъ „Островскія“ — пойду и въ „Островскія“! Господи, и куда только человѣкъ не пойдетъ, лишь бы быть здоровымъ! Ужъ когда лечиться, такъ здѣсь разсужденія—въ сторону...

— Ну, нѣтъ, я всегда разсуждаю! Мнѣ, вотъ, докторъ назначилъ „Калмыцкія“ ванны, а я хожу въ „Островскія“... По-

милюте, какія-то „Калмыцкія“! При одномъ названіи тебя коробить!.. Нѣтъ, я разсуждаю...

— Это доказываетъ, что вы—человѣкъ здоровый и вовсе не нуждаетесь въ леченіи; а я такъ серьезнѣе отношусь къ этому вопросу! Ну, и докторъ, у котораго я лечусь, такой, что у него много не поговоришь...

— Кто такой?—лѣниво спросилъ молодой человѣкъ.

— Докторъ Буяновъ; очень знающій врачъ. Одиннадцать лѣтъ подъ-рядъ онъ пріѣзжаетъ изъ Питера въ Желѣзноводскъ, изучилъ этотъ курортъ детально и удивительно какъ удачно назначаетъ леченіе! Кавказъ, со своими многочисленными источниками, разнообразными горами, прекраснымъ воздухомъ—просто чудеса дѣлаетъ! Умѣй только разумно, удачно пользоваться всѣмъ, что сама природа здѣсь даетъ такъ щедро! И, по моему, Буяновъ—какъ-разъ подходящій для этого врачъ; я много знаю примѣровъ его чрезвычайно удачнаго леченія... Да и на себѣ я это испытала: я была очень нервная, раздражительная, тщедушная, а дѣти до того были блѣдны и малокровны, что напоминали собой восковыхъ куколъ!.. А теперь—смотрите!—атлеты, кровь съ молокомъ!.. Я тоже много, много стала здоровѣе! Мы теперь пріѣзжаемъ въ Желѣзноводскъ больше по привычкѣ, какъ на хорошую дачу...

— Должно быть, и намъ суждено свести знакомство съ докторомъ Буяновымъ!—тихо произнесла Чудновская, съ большимъ интересомъ выслушавъ о немъ похвалу дамы.

— Ахъ, тетя, мы совсѣмъ съ тобой забыли!.. Вѣдь Жоржъ тоже лечится у Буянова! Помнишь, онъ намъ какъ-то объ этомъ говорилъ?.. Жаль, что онъ укатилъ въ Кисловодскъ, а то сопутствовалъ бы намъ...

— Отыщемъ и безъ него! А кажется, дѣйствительно, этотъ докторъ пользуется здѣсь большой популярностью... Что-жъ, отправимся къ нему...

Въ пріемной Буянова, обставленной очень скромно, не профессорски, больныхъ было много, такъ что новымъ пациентамъ приходилось долго ожидать своей очереди...

Самъ Буяновъ произвелъ на Чудновскую и Иду Борисовну впечатлѣніе дѣльнаго, серьезнаго и знающаго врача, но очень нервнаго человѣка: движенія—очень порывистыя, рѣчь—торопливая, громкая и отрывистая, наружность—довольно суровая, глаза—проницательные, съ серьезнымъ и какъ бы недовольнымъ выраженіемъ...

Визитъ близился уже къ концу и леченіе было уже назна-

чено; какъ Чудновской, такъ и Идѣ Борисовнѣ почти одно и то же: обѣимъ — „Островскія“ ванны, и каждой въ отдѣльности — по одному источнику „Грязнушки“: Чудновской — „Нижнюю“, Идѣ Борисовнѣ — „Верхнюю“... Все шло какъ нельзя лучше, но финалъ визита оказался довольно неожиданнымъ...

— Вы лечились когда-нибудь электричествомъ? — спросилъ вдругъ Буяновъ Иду Борисовну.

— Электричествомъ?.. Нѣтъ, докторъ, Боже сохрани!.. Мы ни за что не согласились бы лечиться электричествомъ! — горячо и взволнованно произнесла Ксенія Владиміровна и боязливо покосилась на большую электрическую машину, грозно высматривавшую изъ угла докторскаго кабинета...

Въ ея воображеніи рисовались уже картины чуть не самой тайной инквизиціи: вывороченныя руки, поломанныя кости, растянутыя жилы... и она, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, даже закрыла глаза, чтобы не видѣть этой страшной... гильотины!..

А докторъ Буяновъ, быстро поднявшись съ мѣста, съ шумомъ отодвинулъ кресло, досадливо запустилъ въ густые сѣдѣющіе волосы всю пятерню бѣлой руки, нервно забилъ свою шевелюру, напоминавшую теперь цѣлую копну сѣна, и громко, скороговоркой произнесъ:

Еслибы я рѣшилъ лечить электричествомъ свою пациентку, то я не позволилъ бы ей противорѣчить и разсуждать!.. Понимаете?.. Иначе я не лечилъ бы ее...

Чудновская обиженно негромко замѣтила:

— А я къ такому доктору и не пошла бы больше!.. Электричествомъ я могу лечиться гдѣ угодно, а приѣхавши на Кавказъ, я желаю пользоваться имъ, какъ курортомъ. Дайте мнѣ здѣсь то, чего я не могу имѣть у себя, такъ сказать, дома...

— Тетя, что ты? Развѣ можно... такъ! — взволнованно шепнула Ида Борисовна, близко наклонившись къ поблѣднѣвшему лицу Ксеніи Владиміровны.

— Нѣтъ, это абсурдъ — бояться электричества!.. Возмутительно!.. Понаѣзжаютъ на Кавказъ какіе-то профаны, отсталые провинціалы изъ какихъ-нибудь захолустныхъ уголковъ „всей Россіи“ и... понимаете? разсуждаютъ!.. Разсуждаютъ!.. А между тѣмъ, вотъ что дѣлаетъ электричество при естественныхъ условіяхъ кавказскихъ курортовъ... Три года тому назадъ, является ко мнѣ такой блѣдный, худосочный полковникъ, — онъ и теперь здѣсь, и лечится у меня... Ходитъ онъ всегда со своей сестрой... неразлучные друзья такіе!.. видѣли въ паркѣ?.. Такъ онъ тоже: „Электричествомъ? — ни за что!“... Но я, конечно, настоялъ на

своемъ, и что же?.. Раньше совсѣмъ ходить не могъ: пройти нѣсколько шаговъ въ паркѣ, отъ скамейки до скамейки,—и сидеть... Усталъ, изнемогъ!.. Дышать—точно мѣхъ раздуваетъ!.. Живой мертвецъ—да и только!.. Еле-еле доползеть до „Нижней Грязнушки“!.. А теперь? Вотъ спросите его!.. Такой молодецъ: по горамъ ходить съ легкостью, какъ... какъ быстроногій Ахиллесъ!.. Онъ уже побывалъ на вершинахъ Машука и Бештау... Даже къ Кисловодскѣ на скалу „Коварство и любовь“ карабкался!.. Ну, а о вершинѣ Желѣзной горы говорить нечего!.. „Чѣмъ здѣсь хвастаться? — говорить: — на Желѣзную и малыя дѣти восходить съ легкостью, а я, вѣдь, не маленькій, шестой десятокъ пошелъ!“ Еще и шутить; совсѣмъ воскресъ человѣкъ!.. Вотъ онъ какой сталъ!.. Да такихъ примѣровъ я вамъ приведу цѣлыя сотни!.. А здѣсь вотъ: „Электричествомъ?... Нѣтъ, докторъ!.. Боже сохрани!“... Какая накипь провинциализма!.. Какая косность... китанизмъ!.. Какая тьма!.. Умственный застой!.. Просто возмутительно!..

— Сами же вы, докторъ, придаете большое значеніе благотворному дѣйствию естественныхъ условій курорта: воздуху, горнымъ восхожденіямъ, источникамъ... Быть можетъ, безъ этого леченіе электричествомъ было бы совершенно безсильно!.. — серьезно, безъ раздраженія замѣтила Чудновская.

— Я не спору, не спору! Потому-то больнымъ и нужно пользоваться случаемъ, нужно безпрекословно вѣрить врачу! Онъ здѣсь господинъ, хозяинъ, а больные—гости и при томъ совершенно люди несвѣдущіе, некомпетентные!.. Нужно прожить на „группѣ“, какъ я, лѣтъ десять—двѣнадцать, изучить ее всесторонне, тогда только смѣлой рукой и со спокойной совѣстью можно приниматься за трудное дѣло—леченіе больного!..

И докторъ Буяновъ съ новымъ увлеченіемъ и жаромъ началъ говорить о благотворномъ дѣйстви на больныхъ электричества, о преимуществѣ леченія на Кавказѣ заграничнымъ курортамъ и, безпощадно браня невѣжество своихъ новыхъ пациентовъ, снова рассказывалъ имъ цѣлыя исторіи о своихъ больныхъ. Точно въ одно и то же время передъ его глазами были: двѣ интеллигентныя собесѣдницы и двѣ невозможно отсталыя провинціалки! Последнее часто затемняло въ его глазахъ первое, и онъ приходилъ тогда въ такое негодованіе, что обѣ дамы боязливо, исподлобья посматривали на возбужденное лицо человѣка съ всклокоченными волосами, съ суровымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, чуть не съ пѣной у рта, и думали, что ему прежде всего самому хорошо было бы испытать благотворное дѣйствіе лече-

нія электричествомъ „въ связи съ естественными благами Кавказа“...

Тѣмъ не менѣе, когда смущенныя дамы стали раскланиваться, докторъ Буяновъ какъ-то сразу пришелъ въ себя и съ самой „отеческой“ заботой и толковыми наставленіями о леченіи на водахъ своихъ новыхъ пациентовъ, весьма любезно проводилъ ихъ изъ своего кабинета до самыхъ выходныхъ дверей...

Х.

Дни стояли очень жаркіе, но въ общемъ не ощущалось большого томленія отъ жары и духоты, благодаря частымъ дождямъ; особенно было всегда хорошо и прохладно въ паркѣ. Дожди въ Желѣзноводскѣ являлись какъ-то сразу, совершенно неожиданно. Вдругъ набѣгутъ быстро тучи, польеть, точно торопясь, цѣлый ливень, выкупаетъ усердно весь паркъ и пыльные, почти немощенныя улицы посѣлка, и снова засвѣтитъ солнце...

Ксенія Владиміровна предпочитала жаркіе дни — туманнымъ, холоднымъ и мрачнымъ. Въ такіе дни непроницаемыхъ, ужасныхъ тумановъ дышалось невыносимо тяжело и невольно на нее находила безотчетная тоска и апатія. Тогда она неподвижно, какъ автоматъ, просиживала на балконѣ по цѣлымъ часамъ, не имѣя силы воли заставить себя даже выйти изъ дому. Такъ было и теперь: Ида Борисовна ушла къ источнику, а она, сидя на балконѣ, какъ-то безразлично слѣдила за быстро-несущимися облаками, безъ мысли и желаній...

— Тетя, тетя! Еслибы ты знала, кого я встрѣтила въ „Островскихъ“ ваннахъ! — вдругъ громко, оживленно произнесла Ида Борисовна, быстро входя въ комнату.

— Ну, кого? — апатично-тихо спросила Чудновская.

— Рисковца! Сажу въ корридоръ, ожидаю своей очереди, какъ вдругъ, у самой кассы, раздается громовой голосъ: „Да примите меня хотя здѣсь, въ дамское отдѣленіе! Дайте мнѣ свободный номеръ! Не могу никакъ добиться удобнаго для себя часа для „душъ“ въ мужскомъ отдѣленіи!.. Я хотя не дама; не женщина, но считайте меня субъектомъ женскаго пола, или, наконецъ, считайте меня совершенно безполымъ созданіемъ, — мнѣ это безразлично! — но только дайте мнѣ удобный часъ... По крайней мѣрѣ, до обѣда...“

— Ну, и что же? — немного оживившись, спросила, улыбаясь, Ксенія Владиміровна.

— И представь, — добился своего! Смотрительница ваннъ предложила ему свободный номеръ кабина, оказавшійся, на его счастье, до сихъ поръ никѣмъ незанятымъ.

— Въ женскомъ отдѣленіи? Да развѣ это возможно?...

— Смотрительница говоритъ, что иногда, до перваго требованія дамы, она разрѣшаетъ занять кому-нибудь изъ желающихъ мужчинъ свободный кабинетъ. Но это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ, въ мужскомъ отдѣленіи, все переполнено, — какъ оказалось теперь. Рисковецъ сейчасъ, послѣ ванны, придетъ къ намъ...

— Вотъ и хорошо! Давно его не видала... Интересно...

Не успѣли дамы привести комнату въ надлежащій видъ и порядокъ, для пріема гостя, какъ Ксенія Владиміровна замѣтила высокую фигуру близорукаго Рисковца, въ бѣломъ кителѣ, съ палкой въ рукѣ, пробирающагося подъ балкономъ между деревьевъ осторожно, точно ощупью...

— Вотъ не ожидали васъ здѣсь встрѣтить! — совсѣмъ оживившись, говорила Чудновская, здороваясь съ Рисковцомъ и разсматривая его помысѣвшую голову и нервное, красивое лицо. — А вы немного перемѣнились за эти пять лѣтъ!... Ну, рассказывайте, гдѣ вы пропадали все это время?.. Куда ѣздили?.. Гдѣ служили?.. Какъ сюда попали?..

— Рассказывать обо всемъ — долго будетъ! Скажу коротко: изъ Древняго вскорѣ послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись послѣдній разъ, я поѣхалъ въ Питеръ; затѣмъ побывалъ въ Москвѣ, въ Одессѣ... Ну, да мало ли, гдѣ я не былъ!.. Всюду рыскалъ и опять возвратился въ этотъ проклятый Древній, опять началъ „производить слѣдствія“, составлять „протоколы“, допрашивать, выпытывать, выслѣживать и... дошелъ до того, что чуть не началъ драться...

— Какъ такъ? — улыбаясь, съ удивленіемъ спросила Чудновская.

— Ну, вотъ, видать всѣ, мои судейскіе товарищи и „начальство“, что бѣда, и, вмѣсто того, чтобы посадить меня на цѣпь — отправили лечиться на казенный счетъ на Кавказъ... Жилъ я уже здѣсь въ Желѣзноводскѣ, въ Пятигорскѣ, въ Ессентукахъ, въ Кисловодскѣ, а теперь опять пріѣхалъ сюда: начинаю снова...

— Что же, вамъ такъ предписано докторомъ? — спросила Ида Борисовна.

— Кой чортъ! Стану я ихъ слушать... Самъ себѣ такъ „предписалъ“, потому — не могу сидѣть на одномъ мѣстѣ!..

— И что же, поправляетесь? Не деретесь больше?—полюбопытствовала Чудновская.

— Дерусь, но рѣдко; а потому предполагаю, что—„поправляюсь“...

Въ это время во дворѣ дачи Наивной вѣзжала небольшая повозочка, запряженная худой лошадей, съ цѣлымъ ворохомъ вещей и сундуковъ. Лошадь никакъ не могла взобраться на крутую горку, подлѣ сарая, а возница, выбиваясь изъ силъ, то-и-дѣло подталкивалъ повозку и, немилосердно стегая кнутомъ животное, во все горло кричалъ: „Н-но!.. Н-но!.. Н-но!..“

Рисковецъ молча стоялъ на балконѣ и, не спуская глазъ съ возницы, нервно теребилъ длинные усы...

— Да чего ты нокаешь? — вдругъ крикнулъ онъ громко: — Не бей лошадей! не мучь животное! Чего ты нокаешь?.. Что она, думаешь, понимаетъ тебя, что-ли?.. И нокаешь, каналья!.. Вотъ бы самого тебя запречь, да хорошенько плетью стегнуть, такъ зналъ бы, какъ нокать!.. Сними сундукъ!.. Сними, говорить тебѣ, а не бей!..

Возница оторопѣло поглядывалъ по сторонамъ, не зная, откуда раздастся грозный голосъ, а Наивная изъ своего окна, злобно сверкая глазами, вопросительно уставилась на балконъ...

— Да ну васъ, молчите! Только людей во дворѣ испугаете! — сказала, волнуясь, Чудновская, взявъ Рисковца за руку и безъ церемоніи увлекая его въ „конуру“, гдѣ Ида Борисовна торопливо готовила кофе.

— Нѣтъ, что за негодяй такой!.. Вы подумайте только!.. И все здѣсь, на этихъ курортахъ, сидитъ подлецъ на подлецѣ и подлецомъ погоняетъ!.. Казенный курортъ, а эксплуатація кругомъ—страшная. Но цѣны-то на все, цѣны какія,—и хотя бы было, за что платить, а то гниль, грязь и падаль... Живу я здѣсь, недалеко отъ васъ, на Курсовой улицѣ, и плачу шестьдесятъ рублей за комнату—и всю ночь то ловлю мышей, то душу прусаковъ и клоповъ!.. Потомъ — обѣды: на-дняхъ номерной принесъ мнѣ обѣдъ отъ какого-то Кирпатаго, что-ли... Такъ все отдаетъ жиромъ, все гнилое, вонючее, такъ что даже голодная собака не ѣла бы! И за это удовольствіе—плати рубль... Да развѣ это обѣдъ? Какая-то похлебка, вмѣсто супа, кусокъ рыбы, или несвѣжее филе и сухое пирожное, привезенное изъ Пятигорска мѣсяцъ тому назадъ!.. Затѣмъ—номерные... Это страшные канальи! Какую-то устроили монополію на молоко, на прачекъ и на все прочее. Хочешь выпить одинъ стаканъ молока, такъ — нѣтъ, нельзя! Бери цѣлый кувшинъ! Не продается иначе!.. А

цѣлый кувшинъ стоитъ пятнадцать копѣекъ; это какъ будто— норма! — „Иначе не продается!“ Такъ приведи, каналья, ко мнѣ эту молочницу, я ее спрошу, почему „иначе не продается“?.. Затѣмъ — прачки: отдавай бѣлье мыть только той прачкѣ, какую онъ тебѣ укажетъ!.. А если, сохрани Богъ, появится во дворѣ другая прачка, такъ онъ ее исколотить!.. Не смѣй отбивать у людей хлѣбъ!.. И изволь платить въ три-дорога... Зато номерные имѣютъ прекрасное молоко и чистое бѣлье — даромъ, безплатно, за усердную рекомендацію!..

Дамы молча, съ нахмуренными лицами, пили кофе, а Рисковецъ, оставивъ свою нетронутую чашку безъ всякаго вниманія, все говорилъ громко, торопливо, не умолкая ни на минуту, и постоянно выбѣгалъ на балконъ, вдыхая полной грудью свѣжій воздухъ.

— Не удивительно послѣ этого, что мы, русскіе, предпочитаемъ Кавказу заграничные курорты! — прежнимъ тономъ, возбужденно и громко, говорилъ Рисковецъ. — Имѣя у себя въ Россіи прекрасное, мы ищемъ чужого — хорошаго... Вѣдь, это — на первый взглядъ — преступленіе!.. Природа сдѣлала для кавказскихъ минеральныхъ водъ — все: богатство и разнообразіе источниковъ, красота мѣста, очаровательная кругомъ игра южныхъ красокъ, здоровый климатъ, величественныя дикія горы, снѣжная цѣпь съ холоднымъ красавцемъ Эльборусомъ, „богатырь“ Нарзанъ... А затѣмъ — водопады, провалы, каскады, рѣки, скалы... все, все — одно очарованіе, восторгъ, удивленіе, а между тѣмъ бѣжишь за границу... отъ грязныхъ, душныхъ, клоповниковъ, или отъ крайне сырыхъ клѣтушекъ, отъ темныхъ, пыльныхъ улицъ, отъ зловоннаго обѣда, отъ монополій подлецовъ, кулаковъ, пауковъ и... разныхъ гадовъ!.. Да, поневолѣ припоминается мудрое изреченіе Кузьмы Пруtkова: „Удивляйся, но не подражай“!.. Не устроено здѣсь все еще какъ слѣдуетъ, не устроено!.. Да и устраивается все какъ-то неумѣло, несистематично... Фонари на улицахъ почти совсѣмъ отсутствуютъ, такъ что, возвращаясь домой вечеромъ, рискуешь въ темнотѣ ногу себѣ сломать, или шею свернуть! А въ паркахъ заводятъ электрическое освѣщеніе... Затѣмъ? Къ чему? Это намъ, больнымъ, совсѣмъ не нужно!.. Или вотъ еще: заботятся о красивой оградѣ парка, устраиваютъ фонтаны, газоны, искусственныя скалы, когда здѣсь такое богатство и разнообразіе природное!.. Безъ всякаго искусства есть чѣмъ любоваться, и это жалкое украшеніе человѣческой рукой курорта профанируетъ только даръ Божій, искажаетъ природу Кавказа! На эти пустыя тратятъ деньги,

а въ зданіи „Островскихъ“ ваннъ, напримѣръ, — всѣ стѣнки, выходящія во внутренній дворикъ, представляютъ собою сплошную дыру!.. Сидишь въ теплой ваннѣ, а у тебя по спинѣ вѣтеръ такъ и ходитъ, такъ и ходитъ! — А почему въ такомъ роскошномъ зданіи, съ разными башенками, вестибюлемъ, фонтанами, спрашиваю, не застеклили всей этой стѣны? — „Право, не знаю, говорятъ: смѣту какъ будто и составили, и послали въ Петербургъ на утвержденіе, да что-то того... медлятъ... денегъ, что-ли, на это не хватило...“ А на фонтанъ вотъ этотъ, во дворикѣ, и на прочую ненужную дрянь — хватило? А что важнѣе: фонтанъ или дырявая стѣнка? Освѣщеніе улицъ или парка?.. А затѣмъ, подумайте, въ Желѣзноводскѣ — ни одной порядочной гостиницы! Страшное повсюду неудобство!.. Да оттого и домовладѣльцы дерутъ съ насъ сколько вздумается, потому все равно — заплатимъ! Заплатимъ за первый попавшійся хлѣвъ — сколько захотятъ, потому мы отъ нихъ зависимъ! Вотъ оно, какіе порядки!..

— Какъ вы привыкли все хулить и громить! — недовольно произнесла Чудновская, выведенная изъ терпѣнія обличительными тирадами Рисковца, воспользовалась его минутнымъ молчаніемъ и возразила:

— Вѣдь всего сразу невозможно сдѣлать!.. Будьте справедливы и сознайтесь, что многое устроено для больныхъ: имъ предоставлено, напримѣръ, пользованіе всѣми благами „Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ“ или совсѣмъ бесплатно, или за ничтожную плату. Вы берете трехрублевый „сезонный билетъ“ и пьете на всѣхъ „группахъ“ всевозможные источники, гуляете въ паркѣ, слушаете музыку!.. Даже за ванны вы платите очень немного: 20 копѣекъ за...

Рисковецъ, все время порывавшійся перебить Ксенію Владиміровну, наконецъ, размахивая руками, крикнулъ такъ громко, что обѣ дамы вздрогнули и одновременно взглянули на него растерянно-испуганнымъ, недовольнымъ взоромъ:

— Извините, извините-съ! За ванны, за души — не 20 копѣекъ, а рубль!.. Да, одинъ рубль!..

— Позвольте! — въ свою очередь громко произнесла Чудновская: — рубль — за грязевыя ванны и за души Шарко... только! А вы хотѣли бы и за это ничего не платить?..

Но Рисковецъ, не слушая ея возраженій, говорилъ еще много и громко, пока не вошелъ въ комнату Жоржъ, настойчиво упрямившая всю компанію немедленно отправиться въ паркъ, смотрѣть представленіе пріѣзжихъ акробатовъ...

— Да за туманомъ теперь и сатаны здѣсь не увидишь, а не то, что акробатовъ!—замѣтилъ Рисковецъ, когда всѣ вышли на улицу и направились въ паркъ.

— Вельзевулъ совсѣмъ не нуждается въ леченіи на водахъ, а потому вы его дѣйствительно здѣсь не увидите, но зато увидите много хорошенькихъ армянокъ!—шутилъ Жоржъ.

Рисковецъ ничего не отвѣтилъ и, неуклюже ступая впереди всѣхъ, близорукими, подслѣповатыми глазами присматривался къ проходящимъ дамамъ.

Несмотря на плохую погоду, въ паркѣ было много гуляющихъ; музыка уже играла, а акробаты, дрожа отъ холода и вѣтра, ходили по канату и продѣлывали отчаянно-рискованные сальто-мортале... Густая толпа здоровыхъ и больныхъ, двигаясь по одному направленію, жаждала развлеченій и зрѣлищъ и, казалось, съ одинаковымъ любопытствомъ разсматривала блѣдныхъ, голодныхъ акробатовъ-нищихъ.

— Вы не знаете, Жоржъ, кто эта красивая и нарядная дама?—спросила Ида Борисовна, любуясь рослой, статной блондинкой.

Красавица весело разговаривала съ цѣлой толпой окружавшихъ ее поклонниковъ, поворачивая неторопливо-граціозно свою блондиную голову то вправо, то влѣво, и заливалась серебристымъ, негромкимъ смѣхомъ.

— Баронесса Шельмингъ!..—тихо замѣтилъ Жоржъ:—кисловодская львица настоящаго сезона... И что ей за охота въ такую погоду пріѣзжать въ Желѣзноводскъ!..

— Знаю я эту баронессу: тоже штучка!—бывалъ даже у нея, да меня оттуда высадили!—довольно громко сказалъ Рисковецъ.—Вотъ эта вся гниль, что ее окружаетъ,—захудалые князьки и мелютравчатые барончики, у которыхъ въ карманѣ пустота!.. Такъ себѣ, шатающіеся „капюльщики“: взбитый чубъ, пестрый галстукъ, тросточка... А въ сущности—голь перекатная!.. Такъ себѣ, грошевый шикъ, донъ-жуанчики!..

— Нѣтъ, вы, Михаилъ Андреевичъ, право, невозможный человѣкъ!—замѣтила Чудновская, самымъ недружелюбнымъ образомъ посматривая на красное, возбужденное лицо Рисковца...

Но онъ на ея замѣчаніе безразлично махнулъ рукой и продолжалъ дальше тѣмъ же тономъ, ни къ кому собственно не обращаясь, точно въ пространство:

— Нѣтъ, мнѣ вовсе не интересно было вести съ ней знакомство, а просто разбираетъ досада, что вотъ всякіе „арапы“, всякая голь-шмоль-ноль и компанія—имѣютъ успѣхъ, а тебя, съ академическимъ значкомъ, человѣка съ положеніемъ и съ опре-

дѣленными взглядами, — выперли за одно какое-нибудь, якобы „неприличное“, слово... А какими меня осетрами угощала эта старая жаба, „тамап“!.. Вотъ какими! — значительно понизивъ тонъ, — проговорилъ Рисковецъ и широко развелъ руками въ воздухъ, задѣвъ какого-то господина; но, не смущаясь и не извиняясь, онъ продолжалъ дальше: — Нѣтъ, не буду я больше ѣсть саженныхъ осетровъ!.. Ну, да чортъ съ ними! Не велика потеря!..

Чудновская въ душѣ очень жалѣла, что они отправились въ паркъ съ Рисковцомъ, и, шепнувъ что-то тихо Идѣ Борисовнѣ, подѣ предлогомъ холода, хотѣла отправиться съ ней домой. Но въ это время небольшая, худощавая дѣвочка, одѣтая въ какія-то пестрыя лохмотья, обходя съ тарелкой зѣвающую публику, остановилась подлѣ ихъ скамьи... И со всѣхъ сторонъ щедро посыпались на ея тарелку мелкія монеты.

— Брось ей мѣдякъ! тамъ, въ моемъ пальто, въ карманѣ! — сказала за спиной Ксеніи Владиміровны какой-то субъектъ, съ нафабренными усами и одѣтый довольно щеголевато, — другому, очевидно, облеченному въ его пальто. Оба они имѣли видъ прифранченныхъ лакеевъ или мелкихъ торговцевъ.

Рисковецъ быстро и молча оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы и что-то негромко, невнятно, но возбужденно пробормоталъ...

— Нѣту, не нашелъ мѣдяка...

— Да въ пальто, поищи лучше... въ карманѣ! Я знаю, есть въ пальто мѣдякъ непременно...

Рисковецъ порывисто поднялся со скамьи и повернулся всѣмъ корпусомъ къ разговаривающимъ...

Жоржъ быстро, во избѣжаніе скандала, подхватилъ Рисковца подъ-руку и, какъ старый знакомый и знающій всѣ его странности, умѣло уговаривалъ его успокоиться; а дамы, торопливо поднявшись со скамейки, сконфуженныя, взволнованныя, направились къ выходнымъ воротамъ парка...

— Какой онъ невозможный... несдержанный... больной! — шептала Ида Борисовна, сильно поблѣднѣвъ: — его, дѣйствительно, слѣдовало бы посадить на цѣпь...

— Теперь онъ сталъ еще хуже прежняго!.. Переутомленный, нервный, вѣчно недовольный, все-громащій и рыскающій по бѣлу свѣту... не находя себѣ покоя... Что это за человѣкъ? Неужели это естественный продуктъ нашего больного вѣка, или... такъ, случайность?.. Очень онъ... жалкій!.. А все же, хотя онъ и старый нашъ знакомый, но я желала бы лучше не встрѣчать его больше!..

— Да, но мнѣ его, тетя, очень жалъ! И мнѣ все кажется, что онъ кончить... нехорошо...

Чудновская ничего не отвѣтила и съ прежней торопливостью шла вперед; ей было очень не по себѣ и она снова пожалѣла въ душѣ, зачѣмъ онѣ согласились на просьбы Жоржа и пошли въ паркъ вмѣстѣ съ Рисковцомъ... Въ довершеніе ея непріятно-тревожнаго душевнаго состоянія, на самомъ поворотѣ къ дачѣ Навивной, онѣ встрѣтили медленно катящееся кресло съ безногимъ больнымъ...

Смертельная блѣдность покрыла задумчивое лицо Ксеніи Владиміровны, и она, крѣпко сжавъ руку Иды Борисовны, загадочно, взволнованно проговорила:

— А этого... Идочка, тебѣ не жаль?..

— Нѣтъ, тетя, и этого жаль, — просто отвѣтила дѣвушка. Но этотъ, можетъ быть, уже доживаетъ свой вѣкъ, покончивъ счеты съ прошедшимъ; а Рисковецъ, вѣдь, еще молодой, но... что ему можетъ дать будущее, съ такими нервами, и что онъ можетъ дать полезнаго обществу?.. А сколько онъ учился, сколько потратилъ на свое образованіе времени и здоровья!.. Жаль его! — съ большой прочувствованностью говорила Ида Борисовна...

А Чудновская въ это время съ сильно бьющимся сердцемъ смотрѣла на блѣдное, изможденное лицо Романа Валеріановича и чуть слышно, съ глубокимъ вздохомъ, задумчиво произнесла:

— Ты права... онъ давно покончилъ счеты — со своимъ прошлымъ...

— Кто, тетя?..

— Этотъ бѣдный... калѣка...

Медленно, плавно катилось невысокое кресло мимо Ксеніи Владиміровны, оставляя за собой на рыхломъ желтомъ пескѣ глубокіе слѣды... Это кресло катилъ теперь высокій, стройный молодой брюнетъ, а Муся, веселѣе прежняго, съ блестящими чудными глазами, шла рядомъ съ отцомъ и оживленно разговаривала съ молодымъ человѣкомъ.

— Знаешь, мнѣ кажется, что этотъ красавецъ — братъ Маріи Романовны: очень похожъ на нее! — измѣнивъ тонъ, съ явнымъ интересомъ проговорила Ида Борисовна: — Жоржъ, навѣрное, уже знаетъ, кто этотъ молодой человѣкъ...

Сердце Ксеніи Владиміровны больно и тревожно сжалось, и она, пристально всматриваясь въ лицо молодого человѣка, медленно, отрывисто проговорила:

— Да... я не сомнѣваюсь больше: это дѣти... Романа Валеріановича...

Юл. Левицкая-Пашенко.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТОГО

„...права веселаго и добраго, поведенія хорошаго, способности отличныя; по излишней самонадѣянности онъ дѣлается небреженъ; но несмотря на то по успѣхамъ стоитъ наряду съ отличнѣйшими воспитанниками. Ласковъ и любезенъ“.

Корпусный аттестатъ 13-лѣтняго мальчика.

Четвертаго октября 1906-го года исполнилось сорокъ-пять лѣтъ со дня моего заарестованія въ 1861 году. По всей вѣроятности, я старше всѣхъ, къ кому въ разное время примѣнялось наименованіе „государственнаго преступника“; но читатель увидитъ, что едва-ли оно ко мнѣ примѣнялось правильно. Къ движенію, которое воодушевило русское общество послѣ крымской войны, я приобщился съ увлеченіемъ, но тогда едва только началъ осваиваться съ болѣе серьезными его сторонами; а на „нелегальный“ путь вступилъ совершенно случайно, шутя, и затѣмъ тотчасъ же — и навсегда — возвратился на путь законности. Въ отступничествѣ я неповиновенъ, лжи не училъ, Христа не продавалъ. Но знамени мнѣ ввѣрено не было, и я исповѣдникомъ не былъ; не „металъ бисера“, не „дразнилъ гусей“, проявлялъ, какъ умѣлъ, кротость и мудрость и выслушивалъ спокойно — часто съ улыбкой — много возмутительнаго. Я понималъ, что иначе нельзя возвратиться на свободу, а этого я хотѣлъ страстно. Мнѣ кажется, что въ моемъ маленькомъ кругу добрые люди, которые стояли ко мнѣ поближе, не научались отъ меня дурному, не принижались, и что за нихъ я не дамъ отвѣта. Съ другой стороны, мнѣ пришлось подвергнуться процедурѣ государственнаго преступничества въ такое

время, когда на людяхъ еще былъ крестъ, существовалъ еще нѣкоторый стыдъ,—и потому сумма претерпѣннаго мною не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что пошло въ ходъ позднѣе, по мѣрѣ ожесточенія борьбы и умноженія числа до-саждающихъ.

Я вернулся домой черезъ тринадцать лѣтъ; въ Петербургъ—черезъ семнадцать. Въ самый день, когда передана была въ Одессу рѣчь Государя въ Москвѣ, 30-го октября 1876 года, я подалъ докладную записку о возвращеніи на службу рядовымъ. Ей не дали хода; быть можетъ потому, что мнѣ уже стукнуло сорокъ. Затѣмъ, въ маѣ, я просилъ, „какъ о величайшей милости“, о разрѣшеніи идти волонтеромъ къ Сулину на миноносекъ Рождественскаго,—за что мнѣ возвращенъ былъ чинъ. На службу по морскому вѣдомству въ 1884 году я поступилъ съ огромнымъ подъемомъ чувствъ, любя флотъ съ дѣтскихъ лѣтъ, уважая въ моряхъ облагораживающее вліяніе постоянной опасности и дружнаго содѣйствія для борьбы съ нею и горячо сочувствуя намѣченныя тогда реформамъ...

I.—Петербургъ.

Дѣло „Великоруссцевъ“, при всей его незначительности, естественно должно было найти мѣсто на страницахъ „Былого“, и хотя оглашеніе моего имени въ связи съ этимъ дѣломъ было неприятно для меня, какъ состоявшаго еще въ военной службѣ, я, конечно, не имѣлъ не только возможности, но и нравственнаго права домогаться отсрочки этой публикаціи. Теперь, находясь на покой, я имѣю возможность сказать то, о чемъ до сихъ поръ не позволялъ себѣ говорить.

Своему участию въ дѣлѣ я не придаю никакого значенія и отнюдь не думаю, чтобы оно представляло какой-либо общественный интересъ; но на мнѣ лежитъ обязанность выяснить мои отношенія къ Н. Г. Чернышевскому, въ надеждѣ, что это положитъ предѣлъ странной настойчивости, съ которой архивные искатели стараются связать ничтожное мое имя и листокъ, прежде всего школьнический, повторявшій давно сказанное другими, съ звѣтлымъ именемъ глубокаго мыслителя, руководителя современнаго ему общественнаго движенія. Даже слѣдственная и сенатская прокуратуры не нашли возможнымъ вести атаку съ этой стороны: у нихъ были въ виду наглядныя обстоятельства, отношенія, живыя рѣчи, явно обличавшія несообразность подобнаго обви-

ненія. А теперь, когда все это умерло, не оставивъ слѣда ни въ одной бумажонкѣ, добрые люди считаютъ удобнымъ предаваться произвольнымъ, ни на чемъ не основаннымъ догадкамъ. Поразительнѣ всего то, что обвиненіе, отъ котораго отказалась прокуратура, не отступившая передъ лжесвидѣтельствомъ и подлогомъ, предъявляется доброжелателями не для униженія, а какъ бы въ похвалу личности. Какъ будто прикосновенность къ ничтожному нелегальному дѣлу могла прибавить желательную черту къ облику безвинно подвергнутаго двадцатилѣтнему жесточайшему заточенію и вынесшему это испытаніе съ такимъ поразительнымъ достоинствомъ, съ такой неослабной добротой и участливостью къ бѣднымъ темнымъ людямъ, которымъ ему представлялся случай помочь. Я не позволю себѣ судить о томъ, имѣлъ ли Николай Гавриловичъ вообще какія-либо нелегальные связи и отношенія, простиралось ли его воздѣйствіе на эту область. Я ничего объ этомъ не знаю, и тѣмъ менѣе могу противъ этого возражать, что онъ былъ арестованъ почти годомъ позднѣе меня, и что за это время его значеніе очень возросло и освободительное движеніе у насъ и въ Польшѣ значительно развилось. Но я считаю своею обязанностью энергически возразить противъ намековъ на что-либо подобное, насколько оно касается лично меня. Въ мартовской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ встрѣчается (стр. 96), напримѣръ, такое выраженіе: „Посмотрите на его знакомства: В. А. Обручевъ, Сигизмундъ Сѣраковский, Юсафатъ Огризко, Николай Серно-Соловьевичъ и многіе другіе дѣятели революціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ“. Въ той же книжкѣ, на стр. 109, изъ записки Потапова: „Онъ составилъ себѣ отдѣльный кругъ знакомства, по преимуществу изъ молодыхъ людей, и при томъ недовольныхъ правительствомъ, лжепрогрессистовъ и лицъ, сдѣлавшихся государственными преступниками“¹⁾. Къ послѣднимъ словамъ—примѣчаніе редакціи: „Очевидно, имѣлись въ виду В. А. Обручевъ и М. И. Михайловъ“. Другихъ лицъ не касаюсь, но относительно себя скажу, что мнѣ представляется прямо смѣшнымъ—къ личности Николая Гавриловича, въ качествѣ улики или отягчающаго вину обстоятельства, приплетать меня, незадолго предъ тѣмъ со-

¹⁾ Въ запискѣ А. Л. Потапова далѣе сказано: „...собранія у него постоянно отличались какой-то таинственностью и большею частью происходили въ ночное время“. Привожу эти слова, чтобы сказать, что хотя меня въ домѣ Чернышевскихъ принимали дружески и Н. Г. разговаривалъ со мной довѣрчиво, мнѣ ни разу не пришлось услышать ни малѣйшаго намека на подобныя таинственныя, ночныя собранія.

равшагося съ кадетской скамьи и едва начинавшаго знакомиться съ иными порядками мыслей. Пронзвольнымъ я нахожу также слѣдующее заявленіе, помѣщенное въ іюльской книжкѣ „Былого“ (стр. 92): „Есть серьезное основаніе предполагать, что „Великоруссъ“ былъ отчасти дѣломъ рукъ Чернышевскаго. Основаніе это дается свидѣтельствомъ г. Стахевича, пострадавшаго въ тѣ годы по другому дѣлу и много лѣтъ проведеннаго съ Чернышевскимъ въ Сибири“. „Я замѣтилъ, — говоритъ г. Стахевичъ — что Чернышевскій съ явственнымъ сочувствіемъ относится къ листкамъ, выходившимъ въ неопредѣленные сроки подъ заглавіемъ „Великоруссъ“; вышло, помнится, три нумера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замѣчалъ, что и содержаніе мыслей, и способъ ихъ выраженія сильнѣйшимъ образомъ напоминаютъ мнѣ листокъ „Великоруссъ“, и я про себя рѣшилъ, что онъ былъ или авторомъ, или, по меньшей мѣрѣ, соавторомъ этихъ листовъ, проповѣдывавшихъ необходимость конституціонныхъ преобразованій“. Мнѣ не удалось прочесть статью г. Стахевича, такъ какъ указываемый въ іюльской книжкѣ „Былого“ 143-й № „Закасп. Обзор.“ 1905 г. не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ телеграммы, — но все-таки скажу, что памятьливость автора представляется мнѣ въ данномъ случаѣ чрезвычайною.

Выяснивъ такимъ образомъ побужденія, заставляющія меня заговорить о моемъ участіи въ дѣлѣ „Великоруссцевъ“, представляю затѣмъ на судъ общества исторію моихъ дѣйствительныхъ отношеній къ этому дѣлу и тѣхъ послѣдствій, которыми оно для меня разыгралось.

Въ ряды интеллигентнаго пролетаріата, а затѣмъ и на стезю, которая привела меня къ ссылкѣ, я былъ направленъ сдѣланной мнѣ грубой служебной несправедливостію.

Я кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба въ 1858 году, имѣя отъ роду всего двадцать-два года. Шелъ я изъ первыхъ, надѣялся кончить первымъ; но пришлось уступить въ одномъ-другомъ балликѣ лейбъ-гренадеру Полторацкому; а первымъ, воплотивъ неожиданно, оказался у насъ конный піонеръ Анненковъ, сынъ государственнаго контролера, подручный великаго князя Николая Николаевича при дирижированіи на придворныхъ балахъ, завѣдомо работавшій наемными руками. Едва-ли можно сомнѣваться, что впослѣдствіи онъ проявилъ, рядомъ съ весьма тѣневыми сторонами личности, недюжинную энергію, полезную для службы; но въ то время онъ въ товарищеской средѣ уваженіемъ не пользовался. На вопіющее дѣло его превознесенія махнули рукой, и такъ какъ меня все равно обогналъ

Полторацкій, то и я отнесся къ этой начальственной продѣлкѣ довольно равнодушно, и устремилъ всѣ свои помыслы къ тому, чтобы попасть въ гвардейскій генеральный штабъ.

Этому штабу присвоено было въ то время мундирное отличие, и туда попадали не иначе, какъ на вакансіи, съ согласія различныхъ офицеровъ. Въ числѣ ихъ состоялъ пользовавшійся большимъ уваженіемъ двоюродный братъ мой, Н. Н. Обручевъ, и, благодаря ему, моя кандидатура прошла. Меня прельщала именно штабная служба при строевыхъ гвардейскихъ частяхъ, и я воображалъ, что проникну этимъ путемъ въ свѣтъ, знакомый мнѣ до тѣхъ поръ только издали и по разговорамъ академическихъ пріятелей, съ которыми я довольно близко сошелся во время лѣтнихъ выѣздовъ на съѣмку. Насколько все это было умно и практично—другой вопросъ; но мнѣ было двадцать-два года, и я желалъ этого страстно. Родители понатужились и дали мнѣ средства на приличную обстановку. Я зналъ, какъ это было имъ тяжело; но они, также какъ и я, считали эту жертву необходимой.

Насталъ, наконецъ, день представленія нашего выпуска Государю. Сѣѣхались мы во дворецъ, построились—не помню, въ какой залѣ; Я. И. Ростовцевъ, какъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, обошелъ насъ съ привѣтливой улыбкой и роздалъ кому слѣдовало медали, а затѣмъ—стоимъ и ждемъ. Какъ третій съ фланга, я былъ близко къ двери и явственно слышалъ быструю поступь, два-три шага бѣга и скольженіе по паркету. Въ то же мгновеніе два арапа распахнули дверь—и появился Государь, молодой, стройный, въ семеновскомъ вицъ-мундирѣ и, видимо, въ отличномъ расположеніи духа. Послѣ представленія мы окружили Государя, и тутъ онъ спросилъ: „А кто идетъ въ гвардейскій штабъ?“ Я. И. Ростовцевъ назвалъ насъ по порядку, и я уже успѣлъ поклониться въ отвѣтъ на взглядъ Государя, какъ вдругъ генералъ-квартирмейстеръ, баронъ В. К. Ливень—высокій, тощій, нафабренный и подлизанный, какъ тогда водилось, очень дурно говорившій по-русски—выступилъ и сказалъ: „Извините, ваше императорское величество, я не могу отдать Обручева, мнѣ самому нужны хорошіе офицеры“... Государь промолчалъ, какъ будто недовольный; Ростовцевъ опѣшилъ, и мнѣ странно, что, при его всегдашней особой благосклонности ко мнѣ, онъ за меня не заступился, а главное, при его тогдашней силѣ, допустилъ безъ отпора такое противорѣчіе себѣ предъ лицомъ Государя.

Вмѣсто меня былъ назначенъ кіевскій гусарь, кн. Б. Н. Го-

лицы, стройный, высокій, чернокудрый парень, отлично носившій свой красивый мундиръ. За него просватали воспитанницу богатой графини Куселевой, и онъ показывалъ въ классѣ желающимъ подаренный ему золотой хронометръ, а впослѣдствіи сталъ кататься въ коляскахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ несравненно лучше меня подходилъ къ показной службѣ и кругу, о которыхъ я мечталъ; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ была нанесена тяжелая обида, болѣзненно отразившаяся на моей семьѣ, и я тогда же рѣшилъ, что я этой обиды не снесу.

Я зналъ, однако, что мнѣ не легко будетъ оставить службу, и что отецъ, хотя и глубоко уязвленный, ни за что на это не согласится. Я принадлежалъ къ скромной служилой семьѣ, которая уже четвертое поколѣніе ретиво тянула военную лямку, не умѣя нажиться и подчиняя службѣ всякія личныя соображенія. Еслибы меня послали въ провинцію, къ путному начальнику, въ обстановку новыхъ знакомствъ, пріятельствъ, увлеченій, то дѣло, по всей вѣроятности, обошлось бы; но меня засадили въ инспекторскій департаментъ, за чисто писарское, въ то время, дѣло расквартированія войскъ, подъ началъ къ самымъ тусклымъ, непригляднымъ личностямъ. Это продолжалось недолго: товарищескія протекціи перетянули меня въ азіатское отдѣленіе, къ Романовскому, гдѣ я дѣлалъ выписки изъ донесеній, причемъ помню только поразительную подробность о порокахъ эмира бухарскаго, сообщенную гр. Н. П. Игнатьевымъ. На Рождество я поѣхалъ домой, и тутъ имѣлъ объясненіе съ отцомъ; послѣдствіемъ этого были тяжелыя домашнія сцены, разрывъ и отказъ отъ денежной помощи изъ дому.

Вотъ что и привело къ началу моихъ отношеній къ Н. Г. Чернышевскому. Братъ отставку я предполагалъ не раньше осени, использовавъ предварительно четырехмѣсячный отпускъ съ содержаніемъ, на который имѣлъ право. Но одного жалованья было слишкомъ недостаточно для жизни, и потому я пошелъ просить работы у старшаго изъ редакторовъ „Современника“, И. И. Панаева. Увидалъ тамъ комфортабельную обстановку, приготовленія къ завтраку въ столовой и, наконецъ, художественно растрепанный парикъ и доброе лицо съ франтоватыми усами и эспаньолкой, знакомое по французскому театру и тоскливымъ маскарадамъ въ Царявскомъ Собраніи. „Я ничего не могу вамъ предложить, — казалъ Иванъ Ивановичъ, по выслушаніи просьбы; — но я вамъ дамъ записку къ Н. Г. Чернышевскому. Можетъ быть, у него то-нибудъ найдется“.

Имя Николая Гавриловича было мнѣ, конечно, извѣстно; но

его статьи были для меня трудны и меня не занимали; а о положеніи, занятомъ имъ въ редакціи „Современника“, я имѣлъ лишь смутное понятіе. Тутъ ужъ обстановка была не-барская: самая простая мебель, поставленная рѣденько, тамбурное вызанье на жидкихъ столикахъ, кисей или тюль на окнахъ, неизбѣжные бѣлые обои. Принять я былъ въ гостиной. Ко мнѣ вышелъ худенькій человѣкъ средняго роста, въ сѣромъ пиджачкѣ, съ серьезнымъ, блѣднымъ лицомъ и утомленнымъ взглядомъ нѣсколько выпуклыхъ, близорукихъ глазъ въ сильныхъ очкахъ, съ юношески-красивыми, довольно длинными русыми волосами. Онъ говорилъ со мной довольно долго, участливо, причемъ извѣстная доля этого участія могла быть вызвана его отношеніями къ Н. Н. Обручеву, съ которымъ вмѣстѣ онъ редактировалъ „Военный Сборникъ“. Со времени постигшей меня служебной катастрофы прошло не много мѣсяцевъ; но подъ влияніемъ новыхъ чтеній (между прочимъ, сильнѣйшее на меня впечатлѣніе произвели два томика Консидерана, заглавіе которыхъ забылъ) въ направленіи моихъ мыслей произошла большая перемѣна; такъ что я уже не ссылаясь на обиду, а говорилъ о нежеланіи служить изъ опасенія, что придется сдѣлаться убійцей, стрѣлять въ своихъ, и притомъ въ тѣхъ, кто будетъ стоять за добро противъ зла. Я не былъ тупымъ, тусклымъ юношей; смѣю думать, что во мнѣ видѣлась жизнь и не могла не чувствоваться горячая искренность. Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе было въ мою пользу, такъ какъ я тогда же получилъ работу и совѣтъ непременно выучиться по-англійски, безъ чего трудно имѣть постоянную журнальную работу. Въ качествѣ практическаго приѣма при изученіи языка, Николай Гавриловичъ рекомендовалъ считываніе книгъ съ хорошо знакомымъ текстомъ, всего лучше евангелія. Къ этому приему я не прибѣгалъ, но приобрѣлъ „Методу Робертсона“ и лексиконъ Спирса, и лѣтомъ, мѣсяца въ два или даже меньше, овладѣлъ языкомъ настолько, что свободно читалъ романы, и съ осени сталъ переводить. Я перебрался тогда на собственную квартиру, въ узенькую, заднюю комнатку, къ особѣ среднихъ лѣтъ, къ которой ходили ночные посѣтители, черезъ кухню, гдѣ ютилась несчастная старушка-мать, больная, вслѣдствіе чего постоянно жгли можжевельникъ и воздухъ былъ очень тяжелый. На этой квартирѣ меня однажды посѣтилъ Добролюбовъ, который привезъ мнѣ работу и денегъ и, между прочимъ, нашелъ, что мнѣ бы слѣдовало переѣхать. Я, однако, и перезимовалъ тутъ; помню, что шелъ однажды отсюда къ брату, въ гвардейскій штабъ, вмѣстѣ съ Н. Г. Чернышевскимъ, бывшимъ въ шубѣ. Я былъ веселъ на этомъ пути

и разглагольствоваль на ту тему, что я совсѣмъ не могу говорить съ солидными людьми, что всѣ они представляются мнѣ мертвецами и что, по-моему, можно разговаривать только съ дѣвushками и молодыми людьми. Въ то же время я признался, что никакъ не могу себя представить, чтобы я когда-нибудь сдѣлался старикомъ.

„Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой“, такъ какъ опровергать болтовню и впадать въ серьезность было бы, очевидно, некстати. О чемъ шла бесѣда у брата—не помню; но, кажется, что туда же явился К. Д. Кавелинъ, который влетѣлъ съ объятіями и поздравленіями по поводу какого-то рѣшительнаго шага въ крестьянскомъ вопросѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ, какъ недавно читалъ лекцію въ университетѣ, спокойно, свободно, и какъ его вдругъ всего передернуло, когда онъ увидѣлъ устремленные на него глаза Добролюбова—глаза василиска. Глаза были опасные, безъ сомнѣнія, но лишь въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ болѣе кроткаго взгляда, чѣмъ у Добролюбова, ни у кого не могло быть. Кстати о немъ, припоминаю, что когда я былъ у него въ первый разъ, чтобы сдать работу въ отсутствіе Н. Г. Чернышевскаго, и говорилъ о необходимости оставить службу, онъ ничего не возражалъ, и только въ заключеніе, какъ бы вскользь сказалъ: „Хорошіе люди вездѣ нужны“.

Въ концѣ августа 1859 г., вышла моя отставка, и я отѣлялся барону Ливену, который принялъ меня согбенный, запахивая поношенный свѣтло-сѣрый суконный халатъ на бѣлой мерлушкѣ, и какъ бы съ оттѣнкомъ сконфуженности пожалѣлъ о моемъ уходѣ.

Заработокъ въ „Современникѣ“ былъ недостаточенъ для моего пропитанія, тѣмъ болѣе, что оставались еще кое-какіе долги. Меня поддержалъ тогда, какъ и неоднократно въ позднѣйшіе годы, товарищъ по академіи, семеновецъ Пленъ, нѣсколько остзейскій человекъ изъ псковской губерніи, плотный, съ всегда улыбающимся широкимъ лицомъ, кровь съ молокомъ и густой шапкой волнистыхъ свѣтлорусыхъ волосъ, умный, очень добрый и непостижимо упорный въ полезныхъ совѣтахъ и стараніи практически помогать людямъ. Случалось ему не разъ входить для этого, съ неизмѣнной свѣтлой улыбкой, въ клѣтки разныхъ львовъ и иногда достигать цѣли. Онъ успѣлъ переоблечься въ форму генеральнаго штаба, погарцовалъ на крестьянскомъ усмиреніи подъ начальствомъ Гурко (тогда полковника, о спокойной распорядительности котораго, направленной къ предупрежденію и уменьшенію числа жертвъ, онъ отзывался съ похвалою), а за-

тѣмъ пошелъ въ новые банки и акцизъ, гдѣ достигъ званія товарища директора департамента неокладныхъ сборовъ, когда директоромъ былъ А. С. Ермоловъ, и лѣтъ двадцать тому назадъ умеръ отъ солнечнаго удара въ Ростовѣ-на-Дону (или Новочеркасскѣ).

Въ первый разъ я услышалъ фамилію будущаго друга при слѣдующихъ анекдотическихъ обстоятельствахъ. Происходилъ публичный экзаменъ въ Сборномъ залѣ 1-го кадетскаго корпуса, и предсѣдательствовавшій Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, воспитанный, какъ извѣстно, Жуковскимъ и не успѣвшій еще извѣдать на опытѣ ложность внушенныхъ ему взглядовъ, позволилъ себѣ маленькую рѣзвость и, взявъ списокъ Павловскаго корпуса, произнесъ фамилію: „Свобода!“ Произошло замѣшательство, а затѣмъ Я. И. Ростовцевъ съ улыбкой доложилъ, что „Свобода нездоровъ“, а вотъ есть Пленъ... И такъ же легко, какъ и въ позднѣйшіе годы, Цесаревичъ согласился, и вмѣсто Свободы былъ вызванъ Пленъ.

Въ зиму 1860—61 года, Пленъ, не знаю ужъ, какими ходами, добылъ мнѣ уроки въ домѣ министра двора, гр. А. В. Адлерберга. Очень хорошо пахло въ гостиной, гдѣ я дожидался графини (причемъ изъ внутреннихъ апартаментовъ прослѣдовалъ графъ и на-ходу привѣтливо мнѣ поклонился). Графиня, рожденная Полтавцева, тогда еще на правахъ почти молодой женщины, высокая, очень стройная, съ гладко причесанными черными волосами, въ темной собольей душегрѣйкѣ, крытой малиновымъ бархатомъ, была привѣтлива и объяснила мнѣ, что ея младшій сынъ—ребенокъ болѣзненный, вслѣдствіе этого нѣсколько отсталый, требующій отъ преподавателя большого къ себѣ вниманія и настойчивости. Условія, очень выгодныя, по три рубля за часовой урокъ, были выговорены заранѣе, и тутъ ихъ не коснулись. Послѣ тяжелыхъ драпировокъ, ковровъ и благоуханій гостиной, учебныя комнаты пріятно поражали свѣтомъ и щеголеватой чистотой. Бѣлыя стѣны, ясень. Сыновей было двое: старшій—нормальный, здоровый юноша, пажъ-экстернъ, готовился въ тѣ кратковременныя либеральнѣйшіе дни въ университетъ, и къ нему ходили настоящіе профессора.

Мой ученикъ—жалкій голубоглазый блондинчикъ, въ пажеской курточкѣ съ отложнымъ крахмаленнымъ воротничкомъ; лицо немного перекошено, съ плутоватою идиотскою улыбкой, видимый дегенератъ, обреченный гибели и, конечно, крайне несчастный, замученный усиліями его выправить. Смѣю сказать, что я къ его страданіямъ ничего не прибавилъ, въ преподавательскую ярость

не входилъ и ни подъ какую непріятность его не подвелъ. За урокомъ всегда присутствовалъ гувернеръ, энергическій франконіемецъ, г-н Michel. Во время одного изъ первыхъ уроковъ насъ посѣтила графиня, слушала меня довольно долго и ушла, сказавъ въ дверяхъ гувернеру: „Il parle bien“.

Въ швейцарской министерскаго дома мнѣ приходилось встрѣчать довольно многихъ. Упомяну о фельдъегерѣ, который привезъ извѣстіе о смерти князя Орлова. Жалостно кончилъ вѣкъ этотъ богатырь, красавецъ, герой 14 декабря, шефъ жандармовъ послѣ Бенкендорфа и неизмѣнный другъ Николая Павловича во все время его царствованія. На панихидахъ по этому Государѣ я еще его видѣлъ въ полной силѣ, замѣчательно стройнымъ и бодрымъ. Такимъ онъ и изображенъ на картинѣ подписанія Парижскаго мира; а вскорѣ затѣмъ сталъ фабриковать порѣдѣвшіе усы и въ послѣднее время, по слухамъ, ходилъ на четверенькахъ и хрюкалъ.

Въ другой разъ мнѣ встрѣтился старикъ Щепкинъ, пріѣзжавшій благодарить за какое-то пожалованіе, а впереди него шла Ф. Н. Сибѣкова, столь же прелестная въ сбромъ городскомъ туалетѣ, какъ и на сценѣ, трогательнѣйшая изъ всѣхъ Катеринъ, вдохновительница статьи Добролюбова: „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, вскорѣ потомъ оставившая сцену для замужества.

Съ отбытіемъ двора изъ города, уроки прекратились, и тогда Плевъ нашелъ мнѣ мѣсто гувернера въ родственномъ ему домѣ Зарембы. Фелиціанъ Ивановичъ Заремба былъ семеновскій капитанъ, братъ консерваторскаго профессора той же фамиліи и весьма блестящей Анжелики Ив. Случевской, матери поэта, сенатора и недавно умершаго генерала. Онъ былъ женатъ на довольно миловидной купеческой барышнѣ Глазуновой, вслѣдствіе чего держалъ экипажъ и лошадей, изъ которыхъ одна, довольно плохой вороной рысакъ, при мнѣ разбила дрожки, искалѣчила навѣски молодого кучера, конечно солдата, и самому капитану сломала руку. Дѣтей въ семьѣ не было; но г-жа Заремба была опекуней брата, которому и требовался гувернеръ. Мы жили въ семеновскихъ казармахъ, потомъ въ Петергофѣ (откуда я совершилъ съ моимъ воспитанникомъ и В. К. Случевскимъ, тогда правовѣдомъ, довольно пріятную контрабандную экскурсію въ Финляндію) и съ осени опять въ казармахъ. Тутъ-то мнѣ и пришлось занять у Ф. И. Зарембы деньги (500 р.), о которыхъ упомянуто въ дѣлѣ „Великоруссцевъ“, и которые были уплачены лишь годъ спустя, уже послѣ моего заарестованія, изъ гонорара, слѣдовавшаго мнѣ за переводъ тома исторіи Шлоссера.

Я получилъ изъ дому письмо о серьезной болѣзни сестры, требовавшей продолжительнаго леченія и прежде всего полной перемѣны обстановки. Посоветовавшись съ ближайшими родными и Николаемъ Гавриловичемъ, я рѣшился ѣхать домой и просить отца отпустить сестру съ матерью въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи матушки въ деревню, сестра осталась здѣсь жить до весны со мной. Для осуществленія этого плана мнѣ требовались деньги, и я пошелъ просить ихъ у Зарембы—почти безъ всякой надежды на успѣхъ. Онъ, однако, согласился сразу, пожалѣлъ, что я ихъ оставляю, и пожелалъ мнѣ успѣха. Я уходилъ внезапно, безъ всякаго предупрежденія, ставилъ патроновъ въ затруднительное положеніе, гарантій не представлялъ никакихъ, былъ дурно одѣтымъ юношей, видимо обреченнымъ на случайности преимущественно бѣдственныя,—и потому выдача столь крупной ссуды при такихъ условіяхъ кажется мнѣ чрезвычайно замѣчательной, чуть ли не безпримѣрной.

Вскорѣ послѣ пріѣзда матушки и сестры въ Петербургъ, Николай Гавриловичъ пріѣхалъ къ намъ вечеромъ и своимъ простымъ, участливымъ разговоромъ чрезвычайно понравился обѣимъ. Чуткая душа матушки тотчасъ оцѣнила нѣжность, евангельскую чистоту, одухотворявшую его личность, и въ этомъ идеальномъ образѣ онъ навсегда сохранился въ ея воспоминаніи. Сестрѣ онъ привезъ книгъ, ободрялъ ее, что она скоро поправится, звалъ къ себѣ, пояснивъ, что у него, кромѣ жены и дѣтей, есть и взрослые племянницы. О. С. Чернышевская также потомъ къ намъ пріѣзжала. Они жили тогда во 2-й линіи Васильевского-Острова, а мы съ сестрой поселились въ 4-й, и отношенія вскорѣ сдѣлались настолько дружескими, что обѣ племянницы приходили къ намъ практиковаться по-французски, одна съ сестрой, другая со мной,—причемъ я долженъ покаяться, что выдержка, которую я умѣлъ соблюсти въ Адлерберговскомъ домѣ, тутъ мнѣ иногда измѣняла, и стремленіе къ идеалу въ произношеніи „le“ порой вызывало слезинки.

Собранія у Чернышевскихъ происходили, кажется, по субботамъ, и я склоненъ думать, что организовала ихъ скорѣе О. С., чѣмъ Н. Г. Сходилось человѣкъ десять—двѣнадцать, сидѣли въ гостиной, получали въ свое время чай и попозже телятину или блюдо котлетъ и всѣ вообще какъ будто отбывали повинность. Болѣе другихъ говорилъ редакторъ „Основы“, Бѣлозерскій, гладко выбритый, довольный собой, съ польскимъ акцентомъ и нѣсколько пренебрежительнымъ тономъ. Чаше другихъ спорилъ самъ Н. Г., съ своимъ дѣланымъ, непріятнымъ смѣхомъ. Помню, конечно, Пы-

пина, Антоновича, затѣмъ Костомарова, Помяловскаго, проф. П. В. Павлова—прекраснодушнаго до невмѣняемости, котораго начальство преслѣдовало по непостижимому недоразумѣнію. Само собою разумѣется, что я всегда молчалъ, какъ приличествовало моему возрасту и малограмотности; а если и говорилъ когда, то только въ кабинетѣ, куда двое-трое иногда укрывались для болѣе оживленнаго обмѣна чувствъ и мыслей. Въ гостиной не помню ни одного слова, которое бы привлекало вниманіе, залегло въ памяти,—быть можетъ потому, что я чаще и охотнѣе оставался у чайнаго стола, гдѣ была сестра. Вообще, во мнѣ сохранилось такое впечатлѣніе — отнюдь не ручаюсь, чтобы оно не было ложно,—будто бы тамъ были гости, а я будто бы былъ свой, которому могло быть мало дѣла до этихъ гостей. Совсѣмъ иначе вспоминается мнѣ первая встрѣча съ Костомаровымъ, когда я его засталъ въ кабинетѣ Николая Гавриловича и они при мнѣ продолжали свой дружескій веселый разговоръ. Костомаровъ былъ въ новенькомъ синемъ вицмундирѣ, который мало шелъ къ его старообразному, съ глубокими морщинами лицу и прическѣ, оставившей желать многого. Онъ съ большимъ оживленіемъ рассказывалъ о порядкахъ и обычаяхъ молоканъ и очень ихъ хвалилъ, —что все мнѣ было совершенно ново и очень меня увлекло. Въ другой разъ я присутствовалъ при томъ, какъ Н. Г. его дразнилъ за покупку дорогихъ часовъ въ 400 р. Меня ужасно занимала вступительная лекція Костомарова въ университетѣ, и я таки успѣлъ протолкаться и занять удобное мѣсто въ биткомъ набитомъ актовомъ залѣ. Тамъ стоялъ невообразимый, когда на кафедрѣ появился Плетневъ и безмолвными поклонами кое-какъ успокоилъ публику. Потомъ выступилъ Костомаровъ: громъ бурныхъ, страстныхъ аплодисментовъ, долго не прекращавшихся, и наконецъ онъ заговорилъ. Голосъ былъ слышенъ хорошо. Кажется, онъ говорилъ о Новгородѣ, о новгородскихъ церквахъ, о древнихъ низкихъ иконостасахъ. Послѣ лекціи—тѣ же бурныя оваціи, подъ громъ которыхъ его и вынесли изъ аудиторіи.

Разъ, идя за чѣмъ-то въ кабинетъ къ Николаю Гавриловичу, я увидалъ незнакомаго молодого человѣка въ акуратномъ вицмундирѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (или финансовъ)—рубашка съ стоячимъ воротомъ, узенькій галстукъ, все такое, какъ рѣдко приходилось видѣть въ нашихъ сферахъ. Волосы темные, довольно длинныя, лицо моложавое, бритое, немного мальчишеское, скорѣе незначительное, кромѣ большого, открытаго лба и упорнаго взгляда. Онъ стоялъ лицомъ къ окну, держась за спинку стула и поставивъ ногу на стулъ (опять-таки какъ у насъ не

водилось). Я тотчасъ отшатнулся и въ кабинетъ не входилъ, видѣлъ, значить, это лицо только одинъ мигъ, а между тѣмъ оно до сихъ поръ какъ живое передо мной; потому что когда мы потомъ увидѣлись съ Николаемъ Гавриловичемъ, онъ мнѣ сказаль съ веселымъ возбужденіемъ:—Знаете, кто это былъ? Вѣдь это Щедринъ!

Кто бы угадалъ тогда, что изъ этого лица мысль и страданіе выработаютъ образъ, написанный Крамскимъ!

Николай Гавриловичъ работалъ такъ много, что ходить къ нему въ кабинетъ безъ особенной надобности или вести съ нимъ разговоры не полагалось; но я помню одну встрѣчу съ нимъ на улицѣ лѣтомъ 1861 г., незадолго до его отъѣзда. Погода была чудесная, располагавшая къ жизнерадостному настроенію. Оно, видимо, имъ овладѣло, и онъ шелъ молодой, веселый, вродѣ студента немного сутулаго, причемъ иллюзіи, особенно способствовали сѣрый люстриновый пиджакъ и прекрасные волосы. Ему нужно было въ типографію, потомъ въ Гостинный-Дворъ „за дарами Цереры“—по-просту, за сайкой—и наконецъ домой, и онъ предложилъ мнѣ сопутствовать ему, причемъ все время весело разговаривалъ и шутилъ. Это была послѣдняя наша бесѣда; а потомъ я его видѣлъ только въ самый день его отъѣзда, добродушно участвующимъ въ суетѣ послѣднихъ сборовъ въ тѣ немногія минуты, когда онъ могъ оторваться отъ корректуры и посѣтителей. Говорить съ нимъ тогда не пришлось.

Значительную часть этого лѣта 1861 года я провелъ дома, въ небольшомъ материнскомъ имѣніи близъ Ржева. Работа у меня была, а именно, переводъ цѣлаго тома исторіи Шлоссера; но подвигалось мое писаніе плохо, вслѣдствіе суеты по случаю предстоявшей свадьбы сестры. Покупки, пріисканіе и устройство квартиры лежали на мнѣ; я ѣздилъ за этимъ въ Петербургъ, и успѣшно работать при этихъ условіяхъ было, конечно, трудно. Только послѣ свадьбы, во второй половинѣ августа, я окончательно водворился въ Петербургъ и принялся наверстывать потерянное время. Помню, что именно на пути въ Петербургъ, я раскрылъ бывшую при мнѣ книжку „Современника“, и сталъ читать вторую часть „Полемическихъ Красотъ“. Выше я уже калялся, что статьи Николая Гавриловича были вообще для меня трудноваты, а нѣкоторые изъ нихъ я даже не покушался читать. Но тутъ я прямо восхитился блескомъ изложенія, уничтожающимъ сарказмомъ и сознаниемъ силы, которымъ проникнуты эти замѣчательныя страницы, и мнѣ было ужасно жаль, что я не могъ тогда же высказать Николаю Гавриловичу моего восхищенія.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого послѣдняго моего прїѣзда въ Петербургъ, я услышалъ — не помню, отъ кого перваго, — что разбрасываются воззванія, что М. И. Михайловъ привезъ изъ-за-границы воззваніе „Къ молодому поколѣнію“ и что вышелъ первый нумеръ листка „Великоруссъ“. Говорили объ этомъ съ отгѣнкомъ шутливости, рассказывали разные школьническіе способы распространенія и бывшія попытки задерживать разносчиковъ. Это уже была осень, сентябрь. Мнѣ тогда поручено было составить для „Современника“ политическое обозрѣніе, и по этому случаю мнѣ пришлось быть два или три раза у Добролюбова, незадолго передъ тѣмъ вернушагося изъ-за-границы, больного, уже не надѣявшагося жить. Въ одно изъ этихъ посѣщеній, когда кромѣ меня былъ еще кто-то изъ сотрудниковъ, неожиданно вошелъ Некрасовъ, только-что прїѣхавшій изъ деревни. Онъ радостно привѣтствовалъ Добролюбова, они облобызались, а мы сочли долгомъ моментально ступеваться. При слѣдующемъ свиданіи, Добролюбовъ мнѣ сказалъ, что по впечатлѣнію, вынесенному Некрасовымъ за время бытности въ деревнѣ, „ничего не будетъ“.

Эти слова должны бы были послужить мнѣ предостереженіемъ въ моемъ стремленіи „быть полезнымъ“; но я недостаточно ими проникся, и совершенно о нихъ не вспомнилъ, когда, нѣсколько дней спустя, мнѣ было предложено участвовать въ разсылкѣ листка „Великоруссъ“ (№ 2). Даже теперь, по прошествіи сорока-пяти лѣтъ, я не назову лицо, черезъ которое это предложеніе послѣдовало. Я очень мало зналъ его и его имя заглохло въ полной безызнѣстности. По крайней мѣрѣ, я лично никогда и ничего о немъ не слыхалъ. Но я живъ — стало быть онъ можетъ еще здравствовать. Затѣмъ возможны дѣти, внуки — и разоблаченіе имени было бы, безъ сомнѣнія, непріятно имъ всѣмъ. Итакъ, воздержусь. Листокъ былъ отпечатанъ на дрянной бумагѣ, неопрятнымъ, неровнымъ шрифтомъ. Всего было четыре страницы въ осьмушку. Содержанія не помню совсѣмъ. На мое заявленіе, что я еще не видалъ перваго нумера, гость отвѣчалъ, что „постарается мнѣ его доставить“, — хотя онъ очень коротенькій и неинтересный. — „А вотъ, — прибавилъ онъ, — скоро выйдетъ третій нумеръ, такъ тотъ написанъ чрезвычайно сильно“.

Эти слова я считаю одною изъ причинъ, по которымъ мое дѣло получило такой неблагоприятный оборотъ, — быть можетъ, главною причиною.

Неожиданный посѣтитель передалъ мнѣ довольно толстую пачку листовъ и конверты, которые мнѣ предлагалось заadre-

совать по списку, гдѣ значилось, сколько экземпляровъ, куда класть — въ большинствѣ случаевъ, по одному или по два. Долженъ признаться, что ко всему этому дѣлу я отнесся съ совершенно непростительнымъ легкомысліемъ. Я не колебался ни сколько; напротивъ, даже гордился даннымъ мнѣ порученіемъ, и ни на одну минуту не подумалъ о послѣдствіяхъ, которыя оно могло имѣть для меня и другихъ лицъ. Приступивъ къ дѣлу, я не позаботился выработать себѣ какой-нибудь искусственный почеркъ, а писалъ настоящимъ своимъ — тогда, впрочемъ, не установившимся и довольно прихотливымъ, — и вечеромъ пошелъ въ разность въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ, который былъ примѣтенъ, такъ какъ, по случаю частыхъ приступовъ зубной боли, я закрывалъ въ холодное время нижнюю часть лица вѣстчатымъ шарфомъ, конецъ котораго закидывалъ за спину. Не сомнѣваюсь, что именно по этому шарфу я былъ впоследствии опознанъ. Наконецъ, я учинилъ еще слѣдующую капитальную глупость.

Проходя мимо угла Невского и Литейной, я всегда смотрѣлъ на стоявшихъ тутъ лихачей, и въ особенности на одного изъ нихъ, молодого, очень красиваго парня; такъ что, при всей массѣ проходящаго тутъ народа, онъ могъ замѣтить мое лицо и тѣмъ болѣе шарфъ. Никогда, разумѣется, не могъ я мечтать о томъ, чтобы прокатиться на такомъ извозчикѣ; но тутъ, такъ сказать, по казенной надобности и въ видахъ пользы дѣла, — я счелъ остроумнымъ его взять, въ томъ расчетѣ, чтобы въ случаѣ непріятныхъ усложненій мгновенно сбѣжать съ лѣстницы и исчезнуть.

Развозка совершилась вполне благополучно. Разъ только мнѣ показалось, что за мной побѣжали, но я тогда могъ слетать съ лѣстницъ какъ немногіе: я практиковался въ этомъ въ корпусѣ и находилъ наслажденіе. Впослѣдствіи слѣдователь сообщилъ мнѣ, что извозчикъ, виновникъ моего заарестованія, заинтересовался мной потому, что я много писемъ опускалъ въ разные почтовые ящики.

„Преступленіе“ отвлекло меня отъ работы всего на одинъ день. Со слѣдующаго же утра я опять засѣлъ за свой переводъ, въ которомъ наторѣлъ настолько, что могъ нѣсколько дней сряду переводить по двадцати страницъ въ осьмушку, а однажды дошелъ даже до двадцати-шести. Въ самомъ концѣ сентября произошли студенческіе безпорядки. Въ процессіи по Невскому я не участвовалъ, но былъ на сходѣ, кажется, 2-го октября. Уваженіе мое къ университету было большое, но ничего близ-

каго душѣ, кровнаго, возбуждающаго не ощутилъ. Масса публики слонялась по нижней галерей; — изъ числа извѣстныхъ лицъ помню Майкова. На дровахъ видѣлъ черноволосыхъ студентовъ и одну даму. Не проталкивался къ нимъ, ничего не слышалъ; отбывалъ повинность, при общемъ впечатлѣніи безтолочи и ненужности. Кажется, что ушелъ безъ борьбы и безъ содѣйствія власти. Потомъ долго стоялъ на набережной. Жандармы въ нѣсколько разомнутыхъ шеренгъ на пятнадцати-двадцати шагахъ дистанціи тихо проѣзжали взадъ и впередъ. Командиръ финляндскаго полка Ганецкій — давно мнѣ знакомый, по кадетскимъ воспоминаніямъ, когда финляндцы учились у насъ на плацу, — озабоченно носился на рыскахъ, сильно встряхиваемый лошадыю, потный, съ космами рѣдкихъ волосъ, торчавшихъ изъ-подъ каски. Министръ народнаго просвѣщенія, адмиралъ графъ Путятинъ, вполне безстрашный въ морѣ, тутъ, въ несвойственной роли, некрасиво отступалъ, удлинняя шагъ, въ шляпѣ и шинели, подгоняемый сильнымъ вѣтромъ. Начальникъ штаба шефа жандармовъ, графъ Шуваловъ, подѣхалъ въ каретѣ, высунулся, посмотрѣлъ недолго и опять уѣхалъ. Рассказывали, будто бы онъ заявлялъ, что все это дѣло его не касается, и должна имъ вѣдать одна общая полиція.

4-го октября я кончилъ свой переводъ и сдалъ его, какъ мнѣ было назначено, А. А. Серно-Соловьевичу. Отъ него, чтобы не опоздать къ обѣду у сестры, я поѣхалъ на извозчикѣ, очень веселый. Пересѣкая Невскій, съ Владимірской на Литейную, я по обыкновенію взглянулъ въ сторону своего лихача, и мнѣ показалось, что тамъ произошло какое-то движеніе, будто вдругъ на кого-то указали. Мнѣ не пришло въ голову, чтобы могли поинтересоваться мной, и я пообѣдалъ вполне безмятежно, въ благодушнѣйшемъ настроеніи духа. Часу въ девятомъ я пошелъ домой, и вотъ тутъ-то, въ Басковомъ переулкѣ или Басковой улицѣ, на меня вдругъ набросился крупный мужчина съ скверной кабацкой рожей и окрикомъ: „Постой-ка, голубчикъ, тебя-то намъ и надо!“ Я тоже на него закричалъ: „Какъ вы смѣете меня трогать! Я — гвардейскій офицеръ! Оставьте меня!“ Но онъ не оставилъ, и когда я сказалъ, что я съ нимъ не поѣду, и что онъ отвѣтитъ за свою дерзость, то онъ повелительно подозвалъ городского, послѣ чего я заявилъ, что разъ его слушаются городовые, то мнѣ остается только покориться. Сѣлъ я съ нимъ на извозчика и на пути еще разъ ему сказалъ, что онъ непременно будетъ наказанъ. Отвезъ онъ меня, должно быть, въ московскую часть, гдѣ мнѣ предложили присѣсть въ неказистой, дурно освѣщенной комнатѣ передъ канцеляріей. Разный народъ

все время шмыгалъ мимо. Просидѣлъ я такъ довольно долго, причемъ никто ко мнѣ не подходилъ и со мной не заговаривалъ. Наконецъ, пріѣхалъ извѣстный въ то время слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, Путилинъ, быстро сбросилъ шубу и подлетѣлъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы господинъ Покровскій?

Я себя назвалъ.

— Ахъ, какъ же это! Напишите, пожалуйста, ваше имя и адресъ...

Это требовалось, какъ я узналъ впоследствии, для сличенія почерка, а я воображалъ, что себя освобождаю. Еще нѣсколько словъ, не помню какихъ, потомъ исчезновеніе и новые пріѣзды, то въ шубѣ, то въ пальто, и въ разныхъ головныхъ уборахъ. Помню все это какъ во снѣ, а разговоровъ совсѣмъ не помню. Въ послѣдній разъ, очень ужъ поздно, онъ пріѣхалъ съ жандармскимъ полковникомъ, и меня повезли на квартиру. Ничтожную мою комнату осмотрѣть было недолго, съ разрытіемъ постели включительно, причемъ я въ послѣдній разъ увидѣлъ любимое мое кавказское одѣяло, на шолковой подкладкѣ изъ стараго матушкина капота, ея руками стеганное. Крайне озаботилъ меня захватъ одного портфеля съ нумернымъ замкомъ, сдѣланнаго еще въ офицерскіе годы. Тамъ былъ портретъ французской актрисы, которою я на астрономическомъ разстояніи восхищался, а главное—дневникъ на французскомъ языкѣ, съ разнымъ, болѣе или менѣе скандальнымъ или во всякомъ случаѣ неудобнымъ юношескимъ бредомъ. Я просилъ потомъ графа Шувалова взять этотъ портфель въ свои руки и отослать сестрѣ или уничтожить, но не знаю, была ли моя просьба исполнена. Полковникъ заинтересовался одной разорванной запиской и довольно долго собиралъ ее; но, прочитавъ, успокоился и смахнулъ со стола. Запретнаго, сколько-нибудь компрометирующаго у меня не было—и не могло быть—ничего, такъ что по результатамъ осмотра меня бы непременно слѣдовало отпустить; но меня не отпустили, а передъ разсвѣтомъ отвезли въ зданіе у Цѣпнаго моста, въ одну изъ комнатъ нижняго этажа, съ квадратнымъ окномъ, снабженнымъ толстѣйшими рѣшетками. Я пробылъ тамъ недолго: дня черезъ два или три, или болѣе, меня перевели въ другое помѣщеніе, въ четвертомъ этажѣ, въ хорошую комнату съ двумя большими окнами и видомъ на Зимній дворецъ—т.-е. собственно на крышу дворца, въ томъ мѣстѣ, гдѣ флагштокъ, на который я часто смотрѣлъ, въ надеждѣ, что когда увижу флагъ, т.-е. когда Государь пріѣдетъ, все наладится—и я буду отпущенъ.

Содержали меня хорошо, въ опрятности; давали чай съ булкой и обѣдъ въ четыре блюда изъ гостинницы.

Не помню, о чемъ меня спрашивали и что я отвѣчалъ, хотя я давалъ не только словесныя, но и письменныя показанія. И это не удивительно, такъ какъ спрашивать было не о чемъ и ничего я сообщить не могъ. Одинъ только былъ вопросъ дѣльный: — „Отъ кого получили листки?“ — и на этотъ вопросъ я не считалъ возможнымъ отвѣчать. Въ первые дни меня однажды водили къ гр. Шувалову, въ кабинетъ, весь обставленный шкапами краснаго дерева, съ надписями по карнизу, золотыми буквами по голубому полю. Бесѣда продолжалась десять-пятнадцать минутъ, но я ея не помню (кромѣ упомянутаго выше инцидента съ портфелемъ). Онъ все время стоялъ за своимъ столомъ, передвигался къ окну и обратно и смотрѣлъ въ окно. Я въ первый разъ видѣлъ его въ общегенеральскомъ сюртукѣ и нашелъ его гораздо менѣе элегантнымъ, чѣмъ въ свитскомъ мундирѣ. Галстукъ некрасиво высунулся изъ-подъ воротника. Какъ нелѣпо прихотлива память! Сохраняеть ничтожныя мелочи, а несравненно важнѣйшее, крупное, безслѣдно упускаеть! Между прочимъ, смотря въ окно, графъ пренебрежительнымъ тономъ замѣтилъ, что вѣдь у меня есть братъ, или двоюродный братъ, который участвовалъ въ „Военномъ Сборникѣ“ съ Чернышевскимъ. Гдѣ онъ теперь?

Этотъ вопросъ меня оскорбилъ, — оттого, конечно, я его и помню. Не забылъ бы, вѣроятно, и остального, еслибы оно было сколько-нибудь интересно, такъ какъ графъ Шуваловъ былъ моею давнишней симпатіей. Въ юные офицерскіе годы, когда я такъ увлекался театромъ, мнѣ нравились рассказы о театральныя школьничествахъ кружка блестящихъ великосвѣтскихъ офицеровъ, которые забавлялись ими въ суровые Николаевскіе дни. Въ продолжительности его связи съ простой русской дѣвушкой, хотя и балериной, я видѣлъ доказательство его порядочности, и потому сочувствовалъ ему. Даже теперь, не дальше какъ въ 1905 году, мнѣ было пріятно увидѣть на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ его молодой портретъ съ волнистыми русыми волосами и нѣсколько вызывающимъ взглядомъ и поворотомъ головы. Бѣдный „Петръ IV“! возносился такъ высоко — и затѣмъ: Лондонъ, Берлинъ, тоскливые старческіе годы и мучительная предсмертная болѣзнь.

Но я очень отвлекся. Перехожу къ главному инциденту предварительнаго слѣдствія, который произошелъ въ самомъ началѣ — на второй или на третій день. Я твердо рѣшился не признаваться, и отзывался полнымъ невѣдѣніемъ. Тогда меня подвели

къ небольшому желѣзному ящику и, открывъ его, показали мнѣ массу заадресованных мною писемъ. Впечатлѣніе было огромное. Я пересталъ заператься и былъ чрезвычайно взволнованъ. Мнѣ не пришло въ голову, что эти письма могли быть задержаны на почтѣ, и я вообразилъ, что они всѣ доставлены въ III-е Отдѣленіе получателями. Мнѣ вспомнились слова, сказанныя мнѣ при передачѣ листка, что третій номеръ „Великорусса“ уже готовъ и что онъ написанъ весьма сильно, и мнѣ показалось возмутительнымъ, что люди рискуютъ собой изъ-за такого результата. Когда я вернулся съ допроса, во мнѣ все влохотало. Я метался по комнатѣ и все думалъ, какъ бы предупредить людей, какъ бы огласить этотъ подлый фактъ. Наконецъ, я рѣшился попросить свиданія съ сестрой и зятемъ, которые знали довольно многихъ въ журнальномъ мірѣ и вообще въ публикѣ, благодаря бойко шедшей въ гору практикѣ зятя. Быть можетъ, это было глупо, неосторожно, даже дурно, такъ какъ я рисковалъ вовлечь своихъ ближайшихъ въ большія непріятности; но другого способа я не могъ выдумать, и мы съ сестрой были настолько дружны, что я не сомнѣвался въ ея готовности помочь мнѣ. Не помню, къ кому я обращался, словесно или письменно (вѣроятно, къ Путилину), и не пообщалъ ли при этомъ чего-нибудь ¹⁾. Смутно вспоминается мнѣ въ этомъ дѣлѣ какая-то недоброкачественность и возможность помарки. Винюсь въ этомъ передъ добрыми людьми и прошу ихъ снизить къ моему состоянію крайней возбужденности и убѣжденію въ необходимости достигнуть цѣли.

Свиданіе было разрѣшено. Вечеромъ меня привели въ пріемную комнату передъ кабинетомъ начальника штаба и оставили одного со своими. Тамъ былъ большой, полукруглый диванъ, приставленный къ стѣнѣ, и пустое пространство между оконечностями дивана и стѣной было забрано деревомъ. Зять тотчасъ приложилъ палецъ къ губамъ и указалъ мнѣ на этотъ необыкновенный фасонъ мебели, гдѣ дѣйствительно легко можно было спрятать двухъ человѣкъ. Обстановка вообще не допускала разговора иначе, какъ вполголоса, а указаніе зятя побудило говорить еще тише. Послѣ самыхъ искреннихъ извиненій, на которыя мнѣ отвѣчали, что, напротивъ, сердечно рады видѣть меня

¹⁾ По документамъ, оглашеннымъ въ „Быломъ“, оказывается, что я, будто бы, обѣщалъ представить весь типографскій скарбъ листка. Надо полагать, что я вѣрилъ въ возможность достиженія такого поразительнаго результата. Не могу ни отрицать, ни подтвердить показанія, потому что не помню; но во всякомъ случаѣ не хочу измѣнять своего текста, написаннаго ранѣе появленія іюльской книжки „Былого“ за 1906 г.

и отъ меня самого услышать все меня касающееся,—я рассказал инцидентъ съ письмами и просилъ дать ему возможно широкую огласку, чтобы люди не губили себя ради публики до такой степени безучастной. Затѣмъ были только разспросы о родителяхъ, которымъ еще ничего сообщено не было, и мы на этомъ разстались. Со стороны властей проявлена была абсолютная корректность.

Я провелъ въ III-мъ Отдѣленіи ровно мѣсяцъ. Слѣдователь Путилинъ былъ у меня за это время раза три—или больше; сидѣлъ довольно долго, заговаривая и о постороннихъ предметахъ, быть можетъ, чтобы предрасположить меня къ безпечности, а быть можетъ просто со скуки. Прощаясь въ послѣдній разъ, онъ сказалъ:—„Ну, прощайте, больше не увидимся. Теперь сохрани васъ Богъ сказать еще что-нибудь“.—Тогда я объяснилъ себѣ эти слова его нежеланіемъ, чтобы кто-либо успѣлъ тамъ, гдѣ онъ встрѣтилъ неудачу; но впослѣдствіи я сталъ допускать и ту мысль, что въ нихъ заключался дружескій совѣтъ не усложнять своего дѣла лишней болтовней. Дѣйствительно, я всего болѣе самъ себѣ вредилъ неумѣстнымъ важничаніемъ. Я не сумѣлъ понять, что личина скромности и прямого ничтожества для меня—самая выгодная. А я, напротивъ, все время старался не уронить своего достоинства, пускался въ общія соображенія, не прочь былъ поучать. Оттого, конечно, и возникло предположеніе о близости моей къ первоисточнику, вслѣдствіе чего за меня принялись такъ вплотную. Меня хорошо содержали и обращались со мной вѣжливо (хотя однажды не утерпѣли и угрозили-таки Алексѣевскимъ равелиномъ „со всѣми ужасами“); но такъ какъ цѣли не достигли, то и выместили потомъ на мнѣ свою досаду. Не подлежитъ вѣдъ сомнѣнію, что листки распространялись многими, и трудно предположить, что изловленъ былъ одинъ только единственный я. Почему же одному только единственному мнѣ такъ серьезно досталось, а другіе отдѣлялись пустяками? Очевидно, вслѣдствіе неумѣстной болтовни, которую нашли особенно возмутительной въ бывшемъ офицерѣ, принадлежавшемъ къ довольно извѣстной военной семьѣ.

Меня перевезли въ крѣпость вечеромъ 3-го ноября. Смутно помню передачу въ комендантской канцеляріи, тускло освѣщенной, шествіе по крѣпостному двору, ворота, корридоръ, солдаты, жандармы, смотритель и, наконецъ, вступленіе въ комнату, гдѣ меня облекли въ казенное бѣлье, туфли и байковый халатъ, причемъ сняли съ меня крестъ, которымъ меня благословила матушка и которымъ я очень дорожилъ.

Скажу сразу, что никакихъ ужасовъ я въ Алексѣевскомъ равелинѣ не испыталъ,—кромѣ развѣ семимѣсячнаго одиночества, которое, по милости Господней, выдержалъ благополучно. Комната довольно большая, выкрашенная въ казенный желтый цвѣтъ, съ красной полоской по карнизу, хорошее окно съ незакрашенными верхними стеклами, изразцовая печь въ углу, топившаяся съ коридора, и по части мебели—кровать, столъ, табуретъ и зеленый кубъ. Не помню освѣщенія, сальная или стеариновая свѣча, имѣлъ ли я спички, или свѣчу приносили утромъ и вечеромъ уносили (замѣняя ночникомъ). Порядокъ жизни былъ такой. Утромъ, вѣроятно въ восьмомъ часу, слышались шаги и щелканіе замковъ, и когда очередь доходила до моей двери, то появлялись четыре солдата: фельдфебель съ ключами, щеголеватый ефрейторъ и два рядовыхъ. Фельдфебель стоялъ у двери, ефрейторъ подавалъ мыться, одинъ изъ рядовыхъ протиралъ полъ шваброй, а другой опрастывалъ кубъ. Умывальная процедура была, конечно, самая упрощенная, и вскорѣ послѣ нея приносили чай въ оловянномъ стаканѣ и булку. Обѣдъ приносили на деревянной доскѣ: кажется, только два блюда, супъ или щи и наръзанное мясо на оловянной тарелкѣ. При этомъ только деревянная ложка. Вечеромъ—опять чай. Смотритель заходилъ не слишкомъ часто и, очевидно, не имѣлъ права входить одинъ, потому что фельдфебель всегда оставался у двери и впивался въ насъ глазами. Такой ужъ у него былъ взглядъ, что онъ впивался. Излишне пояснять, что въ коридорѣ всегда былъ часовой, который беззвучно передвигался по смолистому веревочному мату, останавливаясь противъ дверей и заглядывая въ окошечко изъ-подъ приподнятой зеленой занавѣски. Смотритель,—старикъ въ подполковничьемъ чинѣ, вѣроятно раненый, во всякомъ случаѣ съ искривленнымъ тазомъ,—былъ, повидимому, добрый человекъ. Никакихъ непріятностей у меня съ нимъ не было. Правда, что я былъ образцовый арестантъ, безъ малѣйшей склонности къ проявленіямъ, которыя могли бы быть неугодны начальству. Онъ плохо говорилъ по-русски, и потому иногда разговаривалъ по-нѣмецки, чѣмъ, очевидно, нарушалъ свои обязанности. Разъ онъ ихъ нарушилъ болѣе серьезно, упомянувъ о смерти принца Альберта. Я удивился и пожалѣлъ.—„Какъ! развѣ вы этого не знали?“—Онъ очень сконфузился, такъ какъ, по основному тюремному правилу, никакой отзвукъ внѣшняго міра не долженъ доноситься до заключенныхъ. По мѣрѣ того какъ мѣсяцы проходили и онъ убѣждался въ моей безобидности, его добродушіе становилось видимѣе, и мы разстались дружески.

Закончу описаніе режима сообщеніемъ, что, по прошествіи нѣкотораго времени, меня стали иногда водить гулять въ маленькій треугольный дворикъ равелина. Давали для этого валенки, тулупъ и старую фуражку смотрителя. Это было тѣмъ болѣе пріятно, что мое окно было обращено на сѣверъ, и первый косенькій лучъ солнца на минутку заглянулъ ко мнѣ и отгбнилъ на закрашенныхъ стеклахъ рѣшетку только въ Срѣтеніе, 2-го февраля, вслѣдствіе чего я съ тѣхъ поръ сталъ любить этотъ день.

Вскорѣ послѣ моего водворенія въ равелинѣ, въ корридорѣ, въ неурочное время, послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ (это всегда очень волнуетъ), моя дверь отворилась и вошелъ комендантъ, инженерный генералъ Сорокинъ, темноволосый старикъ съ просьбою, высокій, прямой. Дверь за нимъ затворилась. Онъ спросилъ меня о моемъ дѣлѣ, не имѣю ли я къ нему какой-нибудь просьбы; а потомъ вспомнилъ о моемъ отцѣ, съ которымъ вмѣстѣ былъ при штурмѣ Праги. — „Я хорошо его помню, — сказалъ онъ съ добродушной улыбкой, — такой суетливый“. — Онъ, конечно, былъ правъ: отецъ, дѣйствительно, былъ не изъ тѣхъ, которые могутъ распоряжаться сдержанно; онъ горѣлъ видимымъ пламенемъ.

Это посѣщеніе и видимое сочувствіе ко мнѣ заслуженнаго старика ободрили меня. Черезъ нѣсколько дней — опять шаги многихъ людей въ неурочное время, опять отворилась моя дверь и ко мнѣ вошелъ, тоже одинъ, вновь назначенный на мѣсто гр. Шувалова, свитскій генералъ Потаповъ. Маленькій, худенькій, лысъющій темноволосый мужчина, съ поклономъ набокъ и гримасоподобной улыбкой тоже на-сторону, очень любезный. Онъ мнѣ сказалъ, что принимаетъ во мнѣ живѣйшее участіе, очень заинтересованъ моимъ дѣломъ. — „Вы видите, я еще не былъ у великихъ княгинь, а пріѣхалъ къ вамъ. Гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ о васъ, и я надѣюсь, что вы отнесетесь ко мнѣ съ тѣмъ же довѣріемъ“. — Дальнѣйшей бесѣды не помню, но она была весьма непродолжительна. Черезъ нѣсколько дней, — кажется, 17 ноября, — онъ опять пріѣхалъ, и сразу спросилъ: — „Вы знали Добролюбова?“ — „Зналъ, по журнальной работѣ“. — „Умеръ онъ-съ“. — „Ахъ, Господи, какое несчастіе!“ — Сталъ спрашивать объ отношеніяхъ, и я ему разсказалъ все, какъ оно было, про его доброту и вниманіе ко мнѣ, когда я оставилъ службу; причемъ онъ старался удержать меня отъ этого шага, говоря, что хорошіе люди вездѣ нужны, какъ старался найти для меня работу, самъ привозилъ мнѣ деньги. Разсказалъ, наконецъ, какъ мнѣ было больно увидѣть его теперь, по возвращеніи изъ-за

границы, больнымъ, потерявшимъ надежду на дальнѣйшую дѣятельность и жизнь. Должно быть, моя взволнованная чистосердечная рѣчь, съ набѣгавшими на глаза слезами, разсѣяла подозрѣнія не успѣвшаго еще окаменѣть въ жандармской практикѣ генерала, потому что въ дальнѣйшихъ допросахъ имя Добролюбова больше не упоминалось.

Но я не зналъ, какъ была принята эта рѣчь, и остался огорченнымъ и взволнованнымъ до глубины души. Весь день ходилъ по комнатѣ и не могъ уснуть. Глубокой ночью, не слыша никакого звука въ корридорѣ, я осторожно сползъ съ постели, сталъ на колѣни и долго, страстно молился и плакалъ, чтобы Господь оградилъ меня отъ безчестія, не допустилъ, чтобы необдуманное, вздорное мое слово могло запятнать свѣтлый образъ человѣка, котораго я такъ горячо любилъ, послужить поводомъ къ издѣвательству темныхъ силъ надъ его могилой.

Больше я не видалъ Потапова; но много лѣтъ спустя (1876), смотря изъ толпы на выходъ царской яхты „Ливадія“ изъ одесской гавани, я замѣтилъ на яхтѣ необычайную суету и потомъ узналъ, что она была вызвана внезапнымъ помѣшательствомъ Потапова.

6-го декабря смотритель мнѣ передалъ письмо отъ моихъ родителей, которое, конечно, очень меня растрогало; а на слѣдующій день, 7-го, меня повезли въ сенатъ. Я тогда же подумалъ, что письмомъ воспользовались, какъ средствомъ привести меня въ ненормально-чувствительное состояніе и вызвать усиленный порывъ къ свободѣ и утѣшенію моихъ стариковъ. Повезъ меня въ каретѣ бойкій плацъ-адъютантъ, который бесѣдовалъ очень оживленно и либерально, но, повидимому, не прочь былъ и отъ меня что-нибудь услышать. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ о замѣнѣ гр. Путятина Головиннымъ.

Изъ засѣдавшихъ пяти сенаторовъ помню первоприсутствовавшаго Митусова, состоятельнаго человѣка въ поношенномъ вицъ-мундирѣ, не безъ достоинства въ осянѣхъ, Карніолина-Пинскаго, личность прямо изъ альбома Гоголевскихъ уѣздныхъ типовъ, человѣка весьма уже древняго, но, по слухамъ, еще князнаго, съ сомнительной репутаціей, и генерала Венцеля, бывшаго иркутскаго губернатора, о которомъ тамъ вспоминали словами пѣсни: „Венцель старая рогожа“...

Мнѣ указано было стоять у стола, по узкой сторонѣ, противъ первоприсутствующаго.

Рѣшительно не помню, о чемъ меня спрашивали, ни въ этотъ разъ, ни въ слѣдующій, — кажется, во второй половинѣ

января. И еслибы даже помнить,—не стоило бы говорить, такъ какъ вся эта процедура, какъ и все мое дѣло, выѣденнаго яйца не стоитъ, и оберъ-секретарь, не постыдившійся изобразить докладъ, по которому меня приговорили къ пяти годамъ каторги, безъ сомнѣнія, обладалъ совѣстью, уже вполне замѣненной—начальствомъ. Со старцевъ съ помраченнымъ сознаниемъ взыскивать, конечно, нельзя; но оберъ-секретарь достоинъ клейма тѣмъ болѣе, что, какъ всѣ знали, въ главную вину мнѣ, бывшему офицеру, вѣнчался не самый мой проступокъ, школьнический и къ тому же неудавшійся, а лишь мое несогласіе быть предателемъ.

Послѣ вторичной поѣздки въ сенатъ обо мнѣ точно забыли на пѣлыхъ три мѣсяца. Все, чему подвергаются заключенные въ равелинѣ, происходитъ безъ малѣйшаго предупрежденія. Всѣхъ событія, до выпуска на волю включительно, возможны въ каждую данную минуту. Послышатся шаги, ключи загремятъ, замокъ щелкнетъ, дверь откроется и что-нибудь произойдетъ. Не ждать, не напрягать слуха невозможно,—и это очень мучительно, въ особенности когда пароксизмъ ожиданія вдругъ обрывается остановкой шаговъ и щелканьемъ ключа въ дверяхъ другого узника. Соображаешь всякаго рода сроки, обсуждаешь возможное вліяніе того или другого праздника,—и, конечно, тоскуешь, когда всѣ эти расчеты оказываются вздорными. Да, мучительно это душевное состояніе: упорная неизвѣстность участи, полная оторванность отъ міра и напряженное постоянно обманываемое ожиданіе.

Ни до какихъ патологическихъ проявленій я, однако, не дошелъ: не затосковалъ, не ожесточился. Внутренній міръ помогъ устоять противъ перерыва вѣшной жизни. Прежде всего, конечно, книги. Въ первые дни послѣ водворенія въ равелинѣ—не было никакихъ; потомъ, когда я попросилъ, дали черную библію на церковно-славянскомъ языкѣ. Долженъ сказать, что, съ полицейской точки зрѣнія, выдача этой книги въ чтеніе простодушнымъ людямъ составляетъ большую ошибку, и что давно бы пора усвоить себѣ взглядъ католическаго духовенства, не дозволяющаго пасомымъ знакомиться съ этой книгой иначе какъ чрезъ посредство пастыря, способнаго „защитить“ ее и ихъ самихъ оградить отъ соблазна. Предлагается въ назиданіе лѣтопись возмутительнѣйшихъ преступленій, начиная съ перваго, основнаго, обрекшаго безсчетныя поколѣнія злу и страданію, при возможности однимъ изволеніемъ своимъ всѣхъ осчастливить. Не поучительна нисколько исторія Каина и Авеля; нѣтъ спра-

ведливости въ општрафованіи жены Лота и въ удержаніи его самого въ спискѣ праведниковъ послѣ исторіи съ двумя дочерьми; не похвальна трагедія съ Агарью, какую величественную бороду ни рисуи Аврааму; нельзя съ прежней строгостью относиться къ нечестію Ахава и Іезавели, когда прочтешь, что они пострадали за то, что не захотѣли истребить младенцевъ есущихъ; нельзя не пожалѣть о младенцахъ болѣе крупныхъ, которыхъ пожрали двѣ медвѣдицы за то, что они бѣжали за лысымъ, перепрыгивавшимъ незнакомцемъ и кричали: „плѣшивый, плѣшивый!“

Эти и многія другія подобныя мысли постоянно обуревали меня при чтеніи этой страшной книги, и я поразился тогда особенностью склада ума протестантовъ, которые, при неограниченной свободѣ критики, могутъ въ каждой строкѣ Ветхаго Завѣта, едва ли даже не предпочтительно передъ Новымъ,—находить для себя назиданіе, утвержденіе въ вѣрѣ, утѣшеніе въ скорбяхъ, разрѣшеніе всяческихъ сомнѣній. Вышколенный въ англиканскомъ лицѣмъри, епископъ Колензо заявилъ въ предисловіи своей книги, что его вѣра въ откровеніе пошатнулась не подъ гнетомъ разныхъ ужасовъ (не помню, къ сожалѣнію, приводимаго имъ примѣра, „даже не поэтому“, говоритъ онъ), а потому, что цифровыя данныя бібліи оказались въ противорѣчіи съ ариметикой. Я прочелъ все, отъ доски до доски, но потомъ повинился зрителю, что книга произвела на меня дурное впечатлѣніе, измучила меня, и что я прошу обыкновеннаго, свѣтскаго чтенія. Стали давать разныя книги, русскія и иностранныя, но только все старая, никакого отношенія къ современному не имѣющія. Всего болѣе повліялъ на мою душу Гумбольдтъ, его книжка „Ansichten der Natur“ и одинъ томъ „Космоса“. Я прямо полюбилъ его тогда, привязался къ нему, какъ къ великому учителю. Съ удовольствіемъ и пользою читалъ я также „Вѣстникъ“ или журналъ естествознанія, издававшійся въ Москвѣ профессоромъ Рулье. Дали томикъ Гёте, гдѣ, между прочимъ, былъ „Эгмонтъ“, кое-что изъ Жанъ-Поля,—гдѣ мнѣ, поклоннику Руссо, пріятно было прочесть, что уже одинъ видъ буквъ J. J. оживляетъ и просвѣтляетъ душу,—разные, довольно пріятныя нѣмецкіе рассказы, романы Бульвера въ нѣмецкомъ переводѣ. Французскія книги были, но забылъ—какія; и помню только, что въ одной изъ нихъ была подчеркнута фраза о преступности измѣны. Зритель однажды сказалъ мнѣ, что еслибы я зналъ, отъ кого получаю книги, то это меня очень бы заинтересовало. Я его, однако, не попросилъ проговориться.

Весьма зозможно, что мнѣ бы не отказали въ письменныхъ

принадлежностяхъ; но я объ нихъ не просилъ, чувствуя, по всей вѣроятности, что это можетъ оказаться для меня пагубнымъ. Тѣмъ не менѣе, бродя по цѣлымъ часамъ мѣрными шагами по комнатамъ и имѣя отличную память, я сочинилъ, за время бытности въ равелинѣ, цѣлый романъ въ трехъ частяхъ. Глава за главой, фраза за фразой сочинялись, исправлялись, затверживались страницы, и эта работа была настолько прочна, что я впоследствии дѣйствительно изобразилъ первыя двѣ части на листахъ тончайшей почтовой бумаги, самымъ мелкимъ почеркомъ, и отправилъ ихъ въ Петербургъ. Независимо отъ содержанія рукописи, одно уже прочтеніе ея было истязаніемъ, и потому я склоненъ думать, что она осталась нечитанной; но мнѣ передали отъ имени редакціи вѣжливый отвѣтъ, что для напечатанія необходимо имѣть въ рукахъ послѣднюю часть, которую я не удосужился написать. Съ тѣхъ поръ какъ это сочинялось, прошло болѣе года, образы померкли, рѣчи забылись; взяли верхъ чинныя впечатлѣнія и сочувствія. Портреты героя и героини я и теперь помню, но содержаніе романа давно и безслѣдно забылъ. Въ виду постоянной неудачи позднѣйшихъ моихъ беллетристическихъ попытокъ, слѣдуетъ полагать, что русская литература тутъ потеряла немного.

21-го апрѣля однообразіе жизни было, наконецъ, прервано весьма необыкновеннымъ образомъ. Въ третьемъ часу мнѣ привели платье и повели меня къ коменданту. Генералъ Сорокинъ встрѣтилъ меня и сообщилъ, что сейчасъ была панихида по императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и что послѣ панихиды Государь поручилъ принцу П. Г. Ольденбургскому переговорить со мной. Затѣмъ онъ оставилъ меня одного въ гостиной, и черезъ минуту вошелъ принцъ, какъ всегда, въ преображенскомъ мундирѣ, но въ состояніи гораздо большей наэлектризованности, чѣмъ бы можно было ожидать по его репутаціи первостатейнаго добряка. Разговоръ пошелъ такъ:

- Вы меня знаете?
- Такъ точно, в. и. в.
- Гдѣ вы меня видѣли?
- На улицѣ, на выходахъ, на балѣ у насъ въ корпусѣ.
- Ну, вы понимаете, что я сюда пріѣхалъ не для того, чтобы погубить васъ, а для того, чтобы васъ спасти. Чтѣ вы можете мнѣ сказать?

Тутъ онъ сѣлъ, и мнѣ приказалъ сѣсть.

Я объяснилъ, что чистосердечно отвѣчалъ на все, о чемъ меня спрашивали, сказалъ все, чтѣ могъ сказать, кромѣ одного

только; чего сказать нельзя. Принцъ, съ большимъ оживленіемъ, которое продолжало удивлять меня, заговорилъ о моихъ родителяхъ и родныхъ, объ отчаяніи, въ которое я ихъ повергну, о пятнѣ на имени, о неблагодарности къ Государю, который облагодѣтельствовалъ Россію; спросилъ меня, къ чему же собственно я стремился, чего хотѣлъ, когда такъ многое уже дано и впредь предполагается дать. — „Печать свободна, пишутъ что хотятъ, вонъ г. Чернышевскій не стѣсняется. Что-жъ вы, конституціи хотите?“ — Я на это возразилъ, что я нисколько къ конституціи не стремлюсь, понимаю, что она немыслима при совершенно безграмотномъ народѣ, и, напротивъ, твердо вѣрю, что только самодержавная власть можетъ осуществить у насъ тѣ громадныя перемѣны, въ которыхъ Россія нуждается. Надо полагать, что я какъ-нибудь упомянулъ о „Современникѣ“, потому что услышалъ отъ принца о смерти Панаева. Смутно мнѣ припоминается потомъ, — но не ручаюсь, что принцъ сказалъ: — „Вотъ бумага и перо, напишите Государю; я ему передамъ“. — Если это было, то, вѣроятно, я отвѣчалъ, что ничего не могу написать, развѣ только обратиться къ милосердію Государя. Затѣмъ опять слѣдуютъ достовѣрныя слова: — „Послушайте, неужели вы не понимаете, что ваше упорство составляетъ новое преступленіе, гораздо хуже прежняго“.

— Лучше преступленіе, чѣмъ позоръ.

— „А преступленіе не позоръ!? преступленіе не позоръ!?“

Разговоръ еще продолжался сидя; потомъ принцъ всталъ и еще немного поговорилъ; но я этого конца бесѣды совсѣмъ не помню. Онъ вышелъ въ большомъ негодованіи, и я слышалъ, какъ онъ чрезвычайно возбужденнымъ тономъ говорилъ съ комендантомъ, повторивъ, между прочимъ, слова: „Преступленіе не позоръ!“ — При его служебной ретивости и личной преданности Государю, ему, конечно, было обидно, что ему не удалось исполнить возложеннаго на него порученія, въ особенности при вѣроятномъ сознаніи, что не совсѣмъ онъ подходилъ къ этой роли и, пожалуй, неловко взялся... Все это, конечно, должно было отразиться на моей участи самымъ роковымъ образомъ; но я съ своей стороны не имѣю никакого повода негодовать, и съ удовольствіемъ свидѣтельствую, что добрякъ-принцъ исполнилъ царское порученіе прекрасно, и никто бы не достигъ большаго, чѣмъ онъ. Замѣчу здѣсь, что видѣлъ его въ послѣдній разъ 2-го марта 1881 года, когда онъ ѣхалъ въ саняхъ одиночкой, присягать Государю Александру III-му.

Проводивъ принца, комендантъ вернулся ко мнѣ, подошелъ

— Близко и тихимъ голосомъ сказалъ: — Послушайте, что вы дѣлаете? Вѣдь вы себя губите.

— Что дѣлать, нельзя иначе.

— Знаете, сколько времени принцъ съ вами говорилъ?

— Не знаю; минуту двадцать...

— Полтора часа.

Онъ простился со мною съ видимымъ доброжелательствомъ и ласковостью.

Это случилось 21-го апрѣля; а 8-го мая Государь утвердилъ мнѣніе государственнаго совѣта о лишеніи меня всѣхъ правъ и ссылкѣ на работы на заводахъ, съ сокращеніемъ лишь срока съ пяти лѣтъ на три года. Вскорѣ затѣмъ, кажется, 14-го, меня повезли въ сенатъ, для объявленія приговора. Въ предприсутственной комнатѣ ко мнѣ бросилась сестра, не стѣсняясь довольно многими свидѣтелями, и горячо обняла меня съ разными нѣжными словами. Въ первое мгновеніе я не узналъ ее, потому что она была въ круглой гарибальдійкѣ и вообще одѣта щеголеватѣе, чѣмъ я привыкъ ее видѣть въ деревнѣ. Оказалось, что приговоръ будетъ объявляться еще двумъ или тремъ лицамъ, отдѣлавшимся пустяками, которыхъ поставили гуськомъ, позади меня, а меня передъ самой дверью присутствія и по обѣ стороны по жандарму съ саблей на-голо.

Прочитали приговоръ; двери закрылись, господа сенаторы могли съ спокойной совѣстью обратиться къ очереднымъ дѣламъ.

Я не проявилъ никакой внѣшней слабости, даже улыбался въ разговорѣ съ сестрой, которая меня ободряла, увѣряя, что я не уѣду далеко, что это не можетъ протянуться долго, что меня вернуть... но въ душѣ я былъ пораженъ до крайности. Я зналъ, что на меня сердиты; но никогда, въ самые мрачные приступы упадка духа, мнѣ не приходило въ голову, чтобы со мной могли поступить такъ жестоко. Вопіющая, злая несправедливость возмущала до глубины души. Это прошло потомъ, и читатель увидитъ, что я не только не ропщу на свою участь, а, напротивъ, почитаю ее счастливой; но тутъ я говорю о томъ, что чувствовалъ тогда.

Разговоръ съ сестрой продолжался немногія минуты, и меня увезли. При возвращеніи въ равелинѣ, смотритель, по обыкновенію, любезно меня встрѣтилъ, а я на его привѣтствіе отвѣчалъ: — „Ich bin kein Edelmann mehr“. — Онъ какъ будто съ этимъ не согласился.

Въ концѣ второй недѣли послѣ объявленія приговора, мнѣ предложили говѣть, на что я, конечно, изъявилъ согласіе. Послѣ-

щаль меня крѣпостной протоіерей Полисадовъ, бывшій ранѣе священникомъ посольской церкви въ Берлинѣ, гдѣ онъ привыкъ къ порядкамъ, послѣ которыхъ жизнь на родинѣ была ему тягостна. Это былъ мужчина эффектной наружности, пользовавшійся, какъ говорили, успѣхомъ у дамъ. Онъ бесѣдовалъ со мной дружественно, не смущался моими сомнѣніями, дѣлалъ мнѣ даже довольно существенныя уступки, порицалъ устраненіе блага духовенства отъ высшихъ степеней и возмущался унижительными обрядностями предъ лицомъ епископовъ. — „Взять въ лавру, такъ это на весь день разстроишься; заболѣть можно!“ — Онъ очень хорошо читалъ мнѣ молитвы передъ исповѣдью и причащеніемъ, не торопясь, выразительно. Обстановка располагала къ уразумѣнію этихъ страстныхъ покаянныхъ призывовъ, и могу сказать, что я тутъ въ первый разъ ихъ прослушалъ и понялъ какъ слѣдуетъ.

Къ причастію меня повели въ домовую комендантскую церковь. Комендантъ присутствовалъ и поздравлялъ. Потомъ, сколько помню, я уже не возвращался въ равелинъ, а былъ отведенъ на крѣпостную гауптвахту, гдѣ провелъ весь этотъ день въ тягостномъ, тревожномъ состояніи. Помимо того, что я уже зналъ, что меня на слѣдующее утро повезутъ на площадь, для совершенія обряда публичной казни, мнѣ было здѣсь не по себѣ: слишкомъ суетливо, шумно, даже слишкомъ свѣтло. Я привыкъ къ одиночеству и тишинѣ равелина, гдѣ не слышно трескотни экипажей, ни покрикиваній, ни суетни людей въ сапогахъ со шпорами, а мѣрно доносился только знакомый бой часовъ. Привыкъ я и къ забѣленному окну, въ которое лишь ненадолго заглядывало солнце. Ночью я почти не могъ уснуть, тѣмъ болѣе, что окно безъ шторы приходилось прямо противъ постели.

Утромъ 31-го мая подняли рано. Повезли не на установленной закономъ колесницѣ, а въ каретѣ, гдѣ рядомъ со мной помѣстился протоіерей Полисадовъ, а противъ насъ — два жандарма. Вѣхали шагомъ, окруженные сплошной стѣной жандармовъ, изъ-за которыхъ мнѣ совсѣмъ не было видно улицъ и публики. Мнѣ объяснили, что это было необходимо въ виду враждебнаго настроенія народа, раздраженнаго пожаромъ Апраксина и Щукина двора (28-го мая) и считавшаго меня поджигателемъ, о чемъ и сохранилась, кажется, строчка въ Катковской „Современной Лѣтописи“. Не помню, какъ шелъ у насъ разговоръ съ о. Полисадовымъ, но во всякомъ случаѣ мы расстались вполне дружелюбно, и у меня до сихъ поръ цѣла подаренная имъ мнѣ въ этотъ день брошюра на французскомъ языкѣ: „Miséricorde divine

pour le pécheur repentant" (Берлинъ, 1858) съ надписью: „A mon fils spirituel, M-г (имя рекъ) le 31 mai 1862.

Бѣхали томительно долго. Наконецъ, вотъ площадь, войска, начальство, масса народа вокругъ. Вступаю въ карѣ безъ шапки, которую оставилъ въ каретѣ, поднимаюсь на эшафотъ, довольно высокій, ставятъ къ столбу, не помню—привязали или нѣтъ. Погода чудесная, легкій вѣтерокъ пріятно освѣжаетъ голову. Стою неподвижно, пока читаютъ приговоръ. Публика близко. Вижу одно знакомое лицо, академическаго профессора Лебедева, тихо опускаю вѣки, глядя на него. Въ первомъ ряду—будущій оберъ-полиціймейстеръ Паткуль, простымъ дилеттантомъ (быть можетъ, для доклада), въ сюртукѣ, улавливаетъ этотъ взглядъ и быстро оборачивается въ ту сторону. Сломали шпагу, бросили ее на помость, надѣли халатъ съ бубновымъ тузомъ, напялили арестантскую шапку и повели къ каретѣ. Теперь было шумнѣе на улицахъ, жандармы жались къ каретѣ еще ближе, и кажется, что, гдѣ было можно, мы переходили въ рысь. Въ халатѣ было ужасно жарко, шапку я снялъ.

По возвращеніи на гауптвахту, едва я успѣлъ сбросить халатъ и вздохнуть немного свободнѣе, какъ появился генералъ-губернаторъ князь Суворовъ,—тогда въ большой силѣ, крупный, очень внушительный, въ армейскомъ мундирѣ, вѣроятно, дѣдушкина полка, легкая шинель наброшена на плечи, въ рукахъ—кепи, которое я видѣлъ въ первый разъ. Склонный къ пустымъ мыслямъ, я задался вопросомъ, откуда у внука Александра Васильевича получилась такая внѣшность, и успокоился, когда вспомнилъ о бабушкѣ, княжнѣ Прозоровской. Подойдя ко мнѣ, князь пожалѣлъ, что видитъ меня въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что мой дядя пріѣзжалъ къ нему и рассказывалъ, что я былъ на такой отличной дорогѣ, хотя давно сталъ сбиваться, бросилъ службу, пересталъ бывать у него... Узнавъ дядюшкины примѣты, я попытка былъ дать нѣкоторый родственныи отпоръ, но князь меня перебилъ:—„Я очень хорошо знаю Владимира Аѳанасьевича, онъ бывшій мой начальникъ, котораго я очень уважаю и люблю“. Потомъ онъ отвелъ меня къ окну, подальше отъ свиты, и заговорилъ по французски:

— „Voyons, dites-moi, qu'est-ce que vous êtes allés faire dans cette galère? Tenez, il me semble que l'on pourrait encore tout réparer...“ — Я отвѣчалъ, что уже сказалъ все, что могъ, и что мнѣ остается только покориться моей печальной участи. Тогда князь отошелъ отъ окна и, обратившись къ свитѣ, сказалъ:—„Теперь, господа, правосудіе надъ нимъ исполнено, и наше дѣло—облег-

чить, насколько мы можемъ, его положеніе. Видите, каковъ!“ — прибавилъ онъ, указавъ на меня рукою и, конечно, разумѣя мой жалкій видъ. Затѣмъ онъ спросилъ меня, опять по-французски:

— Qui est-ce que vous auriez voulu voir?

— Seulement ma soeur et mon cousin.

— Votre cousin?!

— Non, non, mon beau-frère, ma soeur est mariée depuis si peu de temps que je n'ai pas encore pris l'habitude de cette parenté.

Привожу этотъ ничтожный разговоръ только какъ доказательство особаго тогдашняго начальственнаго вниманія къ Н. Н. Обручеву. Оно существовало еще много лѣтъ спустя, какъ о томъ свидѣлствуютъ напечатанные въ „Вѣстникъ Европы“ дневники генерала Газенкампа.

Въ теченіе дня, плацъ-адъютантъ сообщилъ мнѣ, что князь приказалъ выбрать для меня самые легкіе кандалы, самъ ихъ взвѣшивалъ и велѣлъ обшить кольца замшей.

Вскорѣ потомъ явилась сестра съ мужемъ. Комендантъ принялъ ихъ у себя въ гостиной, куда привели меня и принесли потомъ привезенныя для меня вещи: чемоданъ, большой дорожный мѣшокъ, сумку, прелестный пледъ, непромокаемый плащъ и подушку. Изъ чемодана и мѣшка все было выложено и пересмотрѣно плацъ-адъютантомъ, послѣ чего пришелъ комендантъ и мягко посоветовалъ оставить романъ В. Гюго: „Les Misérables“.

— Я лично ничего бы не имѣлъ противъ, но вамъ предстоятъ еще другіе осмотры; и я боюсь, какъ бы это не послужило поводомъ къ неприятностямъ.

Замѣтивъ книжку „La cuisinière bourgeoise“, онъ съ добродушной улыбкой сказалъ:

— На что это вамъ?

И въ этомъ онъ ошибался: книжка оказалась полезна и пріятна.

При обратной укладкѣ вещей въ чемоданъ, уже безъ свидѣтелей, я не могъ налюбоваться на свои сокровища. Ничѣмъ подобнымъ я никогда не владѣлъ. Бѣлье было все новое, красивое, переложенное шолковыми душистыми мѣшочками. Сестра не пожалѣла отдать мнѣ одну изъ своихъ свадебныхъ подушекъ, что живо мнѣ напомнило, какъ наши дѣвушки перебивали для нихъ пухъ, веселясь, смѣющіяся, съ платками на головахъ и бѣлыми рѣсницами. Въ мѣшкѣ сестра мнѣ показала искусно скрытое помѣщеніе, вродѣ двойного дна, куда можно было прятать деньги и бумаги. Изъ книгъ я всего больше восхитился тремя

большими томами Шекспира, въ красномъ переплетѣ—настолько, что, при первой остановкѣ въ пути, я открылъ чемоданъ и полюбовался своимъ сокровищемъ. Меня спросили, не желаю ли я имѣть еще что-нибудь, и, подъ влияніемъ равелинныхъ чтеній, я попросилъ Жанъ-Поля и Свифта. Зять поѣхалъ за этими книгами, и я ужаснулся, когда ихъ увидѣлъ,—т.-е. собственно Жанъ-Поля: 45 томовъ!—небольшихъ, правда, но плотныхъ. Свифтъ былъ въ большихъ двухъ томахъ убористой печати, въ два столбца. Все это, однако, помѣстилось въ мой багажъ и долго сопровождало мнѣ въ моихъ странствіяхъ, долго утѣшало меня въ часы одиночества.

Зять потомъ уѣзжалъ вторично и привезъ лекарства, которыя считалъ необходимыми, такъ какъ усмотрѣлъ во мнѣ признаки цынги. А мы съ сестрой тихо коротали время, перебирая наше домашнее завѣтное и создавая планы будущаго. Что касается послѣдняго, то сестра говорила, конечно, со словъ юристовъ, и увѣряла, что меня, какъ приговореннаго къ работамъ на три года, не пошлютъ дальше Тобольска, и что я долженъ проситься на Успенскій винокуренный заводъ,—что въ восточную Сибирь меня не имѣютъ права послать. Упомянула она также, что въ Тобольскѣ во мнѣ приметъ участіе тамошній старшій врачъ Соколовъ.

Разлука послѣдовала въ восьмомъ часу. Потомъ я возвратился на гауптвахту и начались приготовленія къ отъѣзду. Остригли меня съ умысленной некрасивостью, точь въ точь какъ изображено на картинкѣ въ январской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ, причемъ и плацъ-адъютантъ (Пинкарнелли) былъ тотъ же; надѣли кандалы (по этому случаю плацъ-адъютантъ пожертвовалъ мнѣ старые, просторные сапоги, вродѣ спальныхъ), заковали. Конечно, кузнецы привыкли бить въ точку, но все-таки удары молотка въ такой страшной близости отъ ноги производятъ тяжелое, жуткое впечатлѣніе. Я зналъ, что на меня смотрятъ, и выдержалъ операцію съ улыбкой, все время былъ благодушенъ, общителенъ, старался нравиться. Успѣлъ въ этомъ настолько, что добрый плацъ-адъютантъ прослезился. Я не роль игралъ, я все дѣлалъ отъ души, я чувствовалъ, что такимъ надобно быть. Въ страшномъ будущемъ, которое передо мной открывалось, я долженъ былъ отстаивать свое прошлое, душу свою. Во время этихъ послѣднихъ сборовъ, незнакомый офицеръ привезъ мнѣ, съ разрѣшенія князя Суворова, 75 рублей отъ близкаго, любимаго корпуснаго товарища. Не помню, остались ли они у меня, или были сданы жандармамъ; во всякомъ случаѣ, они не

пропали. Вся денежная часть исчезла изъ моей памяти. Ссылъные должны слѣдовать по этапу, а когда имъ разрѣшаютъ ѣхать, то они должны внести весь расходъ на свое путешествіе и содержаніе жандармовъ, а также на ихъ обратный путь; но кажется, что меня везли на казенный счетъ. Полагаю также, что при мнѣ были кое-какія личныя деньги. Не помню, чтобы мнѣ приходилось выпрашивать ихъ у жандармовъ. Когда все было готово и явились мои спутники, жандармъ, унтеръ-офицеръ и рядовой, меня опять облекли въ халатъ съ желтымъ бубновымъ тузомъ и шапку и вывели на платформу. Появился комендантъ, генералъ Сорокинъ, дошелъ со мной до кареты и тутъ, въ виду караула, обнялъ меня и поцѣловалъ.

Если у него есть потомство, дѣти или внуки, то я надѣюсь, что мой рассказъ напомнитъ имъ, что ихъ отецъ или дѣдъ былъ воплощеніемъ честнаго солдата, умѣющаго сохранить свою личность чистою и свѣтлою при исполненіи самыхъ суровыхъ обязанностей.

Въ каретѣ я разоблачился и больше этихъ доспѣховъ не надѣвалъ.

Меня повезли по Троицкому мосту, мимо Царицына-Луга, и послѣднее петербургское зданіе, сохранившееся въ моей памяти, былъ павильонъ Михайловскаго дворца, красивый на фонѣ деревьевъ. Много разъ, въ страстномъ моемъ стремленіи къ свободѣ и Петербургу, воскресалъ онъ потомъ въ моемъ воображеніи; а вновь его увидѣть мнѣ суждено было лишь черезъ шестнадцать слѣшкомъ лѣтъ.

На первой станціи мы пересѣли въ перекладную и продолжали путь до Шлиссельбурга. Когда я узналъ, куда меня везутъ, то, признаюсь, сильно взволновался. Меня ужаснула мысль, что, можетъ быть, меня тамъ оставятъ. Отъ пристани въ крѣпость пришлось идти довольно далеко, что мнѣ по грязной, каменистой дорогѣ, въ чужихъ мягкихъ сапогахъ и при непривычкѣ къ кандаламъ было очень неудобно. Не знаю, зачѣмъ понадобилось продѣлать все это, но во всякомъ случаѣ меня въ Шлиссельбургъ не оставили, а продержали тамъ часа-два-три, въ комнаткѣ чистой, но гораздо меньше помѣщенія въ рavelинѣ. Перепачкавшись въ грязи, я попросилъ позволенія переобуться и вымыть ноги. Разрѣшили очень любезно, но солдатикъ, который принесъ тазъ, пришлось и помочь мнѣ, такъ какъ у меня, отъ большого переутомленія, сводило ноги до невозможности исполнить дѣло самому.

Я вздохнулъ свободнѣе, когда опять очутился на перекладной.

Еще на первой станціи отъ Петербурга я замѣтилъ подъѣхавшую вслѣдъ за нами фельдъегерскую повозку, и мнѣ потомъ показалось страннымъ, что фельдъегеръ не обгоняетъ насъ, а постоянно ѣдетъ за нами. Въ Шлиссельбургѣ или на слѣдующей за нимъ станціи онъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ—представьте, на французскомъ языкѣ,—что ему приказано было княземъ Суворовымъ сопровождать меня до этого мѣста и затѣмъ спросить, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь и не желаю ли чего передать роднымъ. Я отвѣчалъ только выраженіемъ живѣйшей благодарности за доброту и вниманіе ко мнѣ. Отъ предложенныхъ конфетъ фельдъегеръ отказался, но чарочку коньяку изъ дорожной фляги не отклонилъ.

Довольно неожиданно для меня самого я оказался очень выносливымъ относительно ѣзды. Кочевать-то я, пожалуй, немножко кочевалъ, такъ что вылѣзалъ изъ повозки на станціяхъ не особенно ловко, но мнѣ не расколачивало ни головы, ни груди, ни спины, и я отлично могъ дремать сидя, причемъ иногда бралъ жандарма подъ-руку. Часто я садился на облучокъ, предоставляя обоимъ жандармамъ выспаться въ повозкѣ. Въ особенности по утрамъ ѣзда меня возбуждала, и я, любуясь красотой молодого лѣта при утреннемъ освѣщеніи, повторялъ про себя массу любимыхъ стиховъ. Кажется, мы ни разу не ночевали, такъ что я формально замучилъ жандармовъ, которые просили меня остановиться для отдыха. Но мнѣ такъ хотѣлось скорѣе узнать свою участь, что я не внялъ ихъ просьбамъ. Инцидентовъ никакихъ не было,—кромѣ развѣ того, что на одной изъ станцій недалеко отъ Петербурга у меня украли мою знаменитую подушку, и я былъ вынужденъ купить взаменъ простую лавочную. Убѣжденъ, впрочемъ, что подушка была не украдена, а продана жандармами за полуштофъ. Довольно часто, во время перепряжекъ, у крыльца собирались кучки крестьянъ, которые снимали шапки и участливо смотрѣли на мои кандалы. Изъ городовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, мнѣ очень понравился Ярославль. За Ураломъ рѣки еще не вступили въ межень, и нѣсколько станцій мы ѣхали водой, причемъ гребцы пѣли „Дубинушку“ и другія пѣсни, что мнѣ очень нравилось. Наконецъ, 16-го юня, днемъ, мы пріѣхали въ Тобольскъ.

В. ОВРУЧЕВЪ.

ПЕРЕДЪ ОКНОМЪ.

Солнцемъ мартовскимъ пригрѣтый, таетъ
Старый снѣгъ, укрывшій мерзлый долъ;
А надъ нимъ снѣжокъ опять порхаетъ;
Это внукъ за дѣдушкой пришелъ.

Безморознымъ днемъ, теперь ужъ длиннымъ,
У панели ширится ручей;
Въ городѣ, по улицамъ пустыннымъ,
Видѣли гуляющихъ грачей.

Съ горъ потоки побѣгутъ къ оврагамъ;
Оголятся талыя поля;
Но съ весной, грядущей быстрымъ шагомъ,
Пріодѣта встрѣтится земля.

Нѣжнаго цвѣтенія растеній
Чудная настанетъ череда;
Ландыша, черёмухи, сирени
Понесутся запахи тогда.

До такого праздника природы
Только мнѣ дожить бы довелось!
Насладиться и въ мои бы годы
Можно вдоволь... Доживу авось.

АЛЕКСѢЙ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Мартъ 1907 г.
Тамбовъ.

ВЪ МОНАСТЫРѢ

НАБРОСКИ БЫВШАГО ПОСЛУШНИКА.

I.

Громадные тополи монастырской аллеи сверкали листьями, позолоченными заходящимъ солнцемъ. Въ ароматномъ весеннемъ воздухѣ одиноко плакалъ вечерній колоколъ. Монахи и послушники шли въ церковь. Наконецъ, звонарь сдѣлалъ короткій будничный трезвонъ—и вечерня началась.

Стройно и грустно поетъ монастырскій хоръ. Нѣжные рыдающіе звуки льются въ полусумракѣ высокой церкви и выбѣгаютъ наружу. Строго стоятъ молчаливыя черныя фигуры монаховъ. Еще строже смотрятъ на нихъ изъ дорогихъ рамъ лики святыхъ, и отблескъ горящихъ восковыхъ свѣчей играетъ на стеклахъ и золотѣ.

Старый, какъ Авраамъ, священникъ дрожащимъ голосомъ читаетъ свои молитвы. За нимъ стройно повторяетъ хоръ. Вьется дымокъ изъ серебрянаго кадила и вмѣстѣ съ трепещущими звуками пѣнія поднимается къ куполу, къ изображенію Бога-Отца.

„О мирѣ всего міра!“ — молится священникъ, и безшумно кланяется черная толпа монаховъ. И кажется, что, дѣйствительно, въ „мірѣ“, за монастырской стѣной, нѣтъ никогда мира. Вѣчно волнуется громадное житейское море, и разбитыя жизни безпрестанно опускаются на дно. Въ немъ нѣтъ покоя утомленной душѣ, и рѣдкая сирень сохраняетъ свои цвѣты нетронутыми. На прекраснѣйшія созданія ложится пыль улицы и въ душу, полную божественныхъ мелодій, проникаютъ звуки суетныхъ пѣсень.

Темнѣе и темнѣе дѣлается по угламъ, ярче и ярче горять огоньки свѣчей и лампадъ, и святое спокойствіе обители чувствуется въ каждомъ вздохѣ монаха, въ каждой трепетной тѣни подсвѣчника.

„Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице-Дѣво“ — пропѣли клирики среди церкви заключительную молитву. Мирный монастырскій день прошелъ подъ божественнымъ покровомъ Богоматери, — пусть и теперь хранить она святую обитель и безмятежность сна ея смиренныхъ обитателей.

Когда братія выходила изъ церкви, темные тополи аллеи стояли какъ зачарованные и поднимали свои вѣтви къ темному небу. Какъ хрустальныя лампы горѣли звѣзды. Въ воздухѣ, казалось, носились тѣни и невидимо кадили на засыпающую землю.

Молодой послушникъ, лѣтъ девятнадцати, своротилъ съ аллеи и побѣжалъ по небольшой дорожкѣ въ садъ, расположенный за церковью и монастырскими зданіями. Выбѣжавъ на прямую садовую тропинку, онъ началъ бѣгать по ней, отъ одной стѣны до другой. У стѣны онъ останавливался, слушалъ рукой бьющееся сердце и снова принимался бѣгать.

— Стой! стой! Куда чортъ несетъ? Именемъ Божиимъ заклиная тебя остановиться! — заявила вдругъ басомъ выросшая на дорогѣ приземистая монашеская фигура. Тотъ остановился. Фигура схватила его за шею и порывисто поцѣловала, обдавая слегка молодого человѣка запахомъ водки.

— Петя, я тебя люблю, какъ родного брата, даже больше того! Я тебя съ перваго взгляда полюбилъ, потому что ты человекъ, а не сволочь, какъ всѣ прочіе!

Это былъ послушникъ Иванъ. Онъ взялъ Петра подъ-руку и зашагалъ съ нимъ по тропинкѣ.

— Прощай, братъ! — сказалъ Иванъ и вдругъ запѣлъ старинную малороссійскую пѣсню о чумахъ, умирающемъ на чужбинѣ. Роскошная пѣсня поплыла въ дремлющемъ воздухѣ, и между деревьями легли новыя чуткія тѣни. Иванъ былъ природный пѣвецъ-артистъ, но лучшія его пѣсни были спѣты передъ двумя-тремя друзьями, наединѣ съ природой, съ которой онъ больше всего жилъ въ мирѣ, согласіи и любви.

Голосъ Ивана задрожалъ, и пѣсня не была кончена.

— Завтра ухожу. Пойду на Нижній — тамъ я еще не былъ. Теперь по лѣсамъ недѣльки двѣ походить — благодать! А вечеромъ, подъ праздникъ, приходишь въ село, станешь на клиросѣ: „Го-о-споди, возвахъ къ Тебѣ, у-слы-ы-ши мя!“... Псаломщикъ

спрашиваетъ: „Откуда?“ — Такъ и такъ, странствую; бывшій псаломщикъ, посохъ странническій пріяхъ и не имѣю, гдѣ главы приклонити. Зоветь въ себѣ. На столѣ—водочка, закуска... Закусишь этакъ, разговорись съ инымъ, какъ будто тысячелѣтіе пріятелями были, а иногда и попъ заглянетъ. Тары-бары-раста-бары, смотришь—и до понедѣльника проживешь, а потомъ опять въ дорожку. Въ котомкѣ — лепешки, пирогъ съ начинкой, полбутылочка. Дойдешь до озера какаго-нибудь, искупаешься, чаю вскипятишь... На душѣ спокойно, чистота внутренняя... Все кругомъ родное: и камышъ, и вода, и солнышко. Нѣтъ, братъ, словомъ не выразишь... „Странствія-я-а влады-ы-чня“...—снова запѣлъ Иванъ, и все погрузилось въ какую-то скорбную думу.

— И ты, братъ, Петруша, изъ монастыря уходи: ты тутъ не ко двору. Я, братъ, въ монастыряхъ двадцати жилъ,—какъ знаа, такъ и въ монастырь, и все въ какой-нибудь новенькій, и братію монастырскую, какъ сатана чертей, знаю... Темный народъ. Стой! у меня папиросы есть! Закуримъ.

Заженная спичка освѣтила скуластое лицо Ивана съ рыжеватой бородкой и блѣдное юношеское лицо Петра съ черными бровями и съ мечтательными темными глазами. Петръ не докурилъ папиросы и бросилъ ее въ траву.

— Нѣтъ, не могу—тошнить.

— Эхъ, ты, философъ! Папиросы выкурить не можешь! А я такъ вотъ съ пятнадцати лѣтъ курю. „Отъ юности моя мнози борють мя страсти“... А первая моя страсть—вино. Вино я люблю, цѣню и уважаю и буду пить до скончанія вѣка. Оно, братъ, мудрѣйшая вещь. Напримѣръ. Въ одномъ городѣ я такъ архіерею повравился, а паче всего купцамъ, что собрались меня женить и хотѣли сдѣлать изъ меня соборнаго дьякона. Я былъ все время трезвый и размышлялъ какъ и всѣ, по обыкновенному. Ну, думаю, возложу на главу свою вѣнецъ и прилѣплюсь къ женѣ своей, умножу житницы своя и буду ѣсть и пить, дондеже есмь. Но чѣмъ ближе было къ дѣлу, тѣмъ на душѣ становилось грустнѣе. Вспомнились мнѣ всѣ тѣ деревеньки, черезъ которыя я проходилъ. Идешь, особенно вечеромъ, а солнце закатывается, и избушки стоятъ маленькія, красненькія отъ солнца. „Богъ въ помощь, старички!“—присядешь на завалинѣ, поговоришь, а потомъ переночуешь и въ путь. Ну, такъ вотъ: какъ все вспомнилось мнѣ и такъ меня и дразнить, и дразнить... я не вытерпѣлъ, напился и наскандалил... Утромъ я опохмелился, взялъ свою котомку и посохъ странническій, отряса прахъ отъ ногъ своихъ, и отправился прямо на встрѣчу солнца, на востокъ, во страну Гада-

ринскую. И другой примѣръ. Найдешь на тебя въ пути тяжелая дума; раздумаешься о своей жизни съ заботливой стороны. Вся жизнь ровно тяжелой тучей покроется, и грустно тебѣ станетъ, что ты только „странникъ и пришлецъ на земли сей“; „нѣтъ у молодца *никакой* жены, нѣтъ у молодца коня-пахаря“, а больше всего нѣтъ родины, нѣтъ отечества — тутъ необходимо выпить. Расположусь вечеркомъ на зелененькой травѣ и передъ лицомъ небеснымъ и тяпну. И говорю въ сердцѣ своемъ: вотъ мой домъ, мой храмъ, мое отечество; вся земля моя: „отъ востока и юга, и сѣвера, и моря“... „Посмотрите на птицъ!“... „На полевыхъ лиліи“... Все наше! все мое!..

— Заворотный Иванъ! — закричалъ въ саду кто-то.

— Здѣсь! — гулимъ басомъ отделинулся Иванъ и прибавилъ, обращаясь къ Петру: — это, не иначе, — къ казначею; кто-то ужъ донесъ; сейчасъ допросъ будетъ — почему я въ вечернѣ не былъ.

— А тебѣ-то что? — сказалъ Петръ: — вѣдь, ты завтра уходишь.

— О, милый человѣкъ! *Это* мнѣ — тѣфу! И не только теперь, но и всегда. Ну, отправляюсь.

Петръ остался одинъ и снова сталъ бѣгать по тропинкѣ. Пробѣжавши раза три, онъ остановился и зашѣлъ басомъ одну изъ церковныхъ стихиръ. Но голосъ его былъ слабый и далеко не охватывалъ всей басовой гаммы. Петру хотѣлось большого голоса, который вывелъ бы его изъ стѣнъ монастыря на широкій, вольный просторъ мірской жизни. Онъ бѣгалъ по дорожкѣ съ цѣлю развить свою узкую грудь, и ежедневно убѣждался, что цѣль его страшно далека.

Нѣжные высокіе звуки колокола призывали братію на вечернюю трапезу. Петръ пробѣжалъ еще разъ и отправился въ трапезную.

II.

Послѣ ужина, Петръ въ кельѣ о. казначея читалъ вслухъ какой-то бульварный романъ, переполненный удивительными интригами, миллионами, мошенниками высшей пробы, а главное, такимъ множествомъ замысловатыхъ словъ, что казалось — вся книга написана на какомъ-то новомъ, еще не открытомъ языкѣ, родственномъ русскому. Пожилой представительный хозяинъ кельи, о. Мартирій, сидѣлъ въ мягкомъ глубокомъ креслѣ и лѣниво перебиралъ бѣлыми пухлыми пальцами концы своей длинной красивой бороды. Въ углу, уставленномъ дорогами небольшими нео-

нами, горѣла изящная красная лампада въ серебряной оправѣ. На полу былъ разостланъ дорогой пушистый коверъ. Комнату обливалъ мягкій свѣтъ покрытой голубымъ абажуромъ лампы. Слегка пахло ладаномъ и репейнымъ масломъ. Съ одной стороны была приотворена дверь въ другую комнату, въ сумракѣ которой видѣлись узорчатый съ колоннами буфетъ и блестящая пищечка кровати. Все носило печать необыкновенной уютиности, комфорта, матеріальной и нравственной сытости.

Въ углу, прислонившись къ стѣнѣ, сидѣлъ на табуретѣ незнакомый Петру старичокъ въ старомъ подрясникѣ и деревенскихъ сапогахъ. Онъ внимательно слушалъ и отъ времени до времени добродушно улыбался.

Въ романѣ особенно интересенъ былъ одинъ чиновникъ, мошенникъ изъ мошенниковъ, какихъ, въ буквальный смыслъ, свѣтъ не производилъ. Когда ему удавалось выполнять какую-нибудь особенно замысловатую комбинацію, о Мартирій не выдерживалъ и замѣчалъ:

— Ахъ, бездѣльникъ! Скажите на милость!

А старичокъ въ углу прибавлялъ:—Разговорецъ-то, разговорецъ-то какой! Спеціальный народъ!

Когда романъ былъ оконченъ, Петръ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Охота вамъ, о. казначей, такую дрянъ читать!

— Вотъ это мило!—удивился казначей:—это отцу-то духовному и начальнику такіа замѣчанія! Въ недѣлю разъ соберешься почитать свѣтскую книжку—и то попрекъ!

— А-я-яй! молодой человекъ, а-я-яй!—качалъ головой старичокъ.

Петръ покраснѣлъ, откинулъ назадъ нависшіе на лобъ волосы и началъ было возражать.

— Я не потому, что она свѣтская...

— Иди-ка, братъ, поставь-ка намъ за провинность самоварчикъ, — мы съ Григоріемъ Ивановичемъ немного посидимъ... А замѣчанія свои можешь оставить про себя.

Петръ взялъ самоваръ и вынесъ его въ корридоръ.

— Какой паренекъ вострый! — замѣтилъ старичокъ: — изъ духовныхъ?

— Да; изъ семинаріи исключенъ. Способный, начитанный, ѣжливый, а вотъ подите—исключенъ и исключенъ съ тройкой а поведеніе. У отца-старика семья на рукахъ, приходецъ маленкій, псаломщическій доходъ ничтожный... а вѣдь это старшій ѡнъ. Куда дѣваться? Въ монастырь! Вотъ въ наше время по акимъ побужденіямъ идутъ въ монастырь!

Старичокъ закашлялся и безпомощно заморгаль. Онъ тоже поступалъ въ монастырь и зналъ, что поступалъ не для послушанія и иноческаго подвига, а ради спокойствія и удобства, которыя могла дать ему монастырская жизнь. Въ монахи ему посоветовалъ идти архіерей, которому понравился этотъ одинокій добродушный сельскій дьячокъ, воспитавшій въ свое время цѣлое гнѣздо дьяконовъ и псаломщиковъ и похоронившій цѣлыя сотни большихъ и маленькихъ прихожанъ. Благодаря сочувствію архіерея, Григорій Ивановичъ помышлялъ даже о священствѣ, которое могло принести ему монашество, и теперь замѣчаніе казначея по поводу Петра кольнуло въ сердце и его, почувствовавшего въ своемъ поступленіи въ монахи суетныя побужденія. „Мужикъ!“ — вдругъ невольно всплыло въ душѣ Григорія Ивановича грубое слово, и онъ почувствовалъ къ о. Мартирію нѣкоторую враждебность, какъ къ бывшему мужику, о которомъ въ монастырѣ ходили слухи самаго грѣховнаго свойства. Говорили, что о. Мартирій „хохолъ“, жилъ въ молодости въ ямщикахъ, былъ распутникъ и пьяница, отправилъ жену на тотъ свѣтъ, послѣ чего поступилъ въ монастырь и сразу зарекомендовалъ себя съ самой лучшей стороны. За голосъ и большой ростъ его сдѣлали іеродіакономъ; за тонкое пониманіе людей, за умѣнье обходиться, во всему прилаживаться и въ то же время сохранять скромную солидность — его сдѣлали іеромонахомъ. Монастырь, конечно, могъ только гордиться такимъ человѣкомъ, который былъ другъ, пріятель и духовный отецъ всѣхъ богомольныхъ купчихъ въ городѣ, не оставлявшихъ своими благодѣяніями монастыря. Но „врагъ силенъ“, и монахи любили иногда пошептаться о бывшихъ приключеніяхъ о. Мартирія. Эти приключенія вспомнились Григорію Ивановичу прежде всего еще и потому, что онъ зналъ о. Мартирія еще тогда, когда тотъ еще былъ ямщикомъ Макаромъ и ходилъ по ночамъ съ гармоникой мимо церковныхъ домовъ, въ одномъ изъ которыхъ жилъ Григорій Ивановичъ. Поэтому-то Григорій Ивановичъ и появился прежде всего въ кельѣ о. Мартирія, котораго онъ считалъ землякомъ и у котораго и прежде не разъ останавливался во время наѣздовъ въ городъ.

— Чтò задумались, Григорій Ивановичъ? — спросилъ о. Мартирій, вставая съ кресла и направляясь въ другую комнату.

— Такъ...

Отецъ Мартирій отворилъ буфетъ и застучалъ посудой. Потянуло чѣмъ-то вкуснымъ и успокаивающимъ.

— Искушеніе! — добавилъ добродушно, улыбаясь про себя, Григорій Ивановичъ.

— Да,—заговорилъ о. Мартирій, вынося на тарелкахъ булку, кусокъ балыка и вилки;—приходится иногда задумываться! Не молодость... „Аще въ силахъ — восемьдесятъ лѣтъ“... А какія силы!—видимость одна.

Онъ нарѣзалъ тонкими ломтями сочнаго балыку, досталъ изъ буфета бутылку мадеры, налилъ вина въ двѣ тонкія объемистыя рюмки и снова спряталъ бутылку въ буфетъ. Григорій Ивановичъ смотрѣлъ на чистую, словно новую, посуду, на осанистую благочинническую фигуру о. Мартирія, приглашавшаго „передъ чайкомъ закусить“, и воспоминаніе о „мужикѣ“ снова потонуло въ чувствахъ уваженія и нѣкоторой доли страха.

Петръ принесъ самоваръ и собирался идти къ себѣ. О. Мартирій остановилъ его и сказалъ:

— Въ вашей кельѣ творятся всякія безобразія. Тутъ пріѣхалъ одинъ послушникъ съ Новаго-Авона, ты его видѣлъ, — онъ былъ архіерейскимъ келейникомъ; такъ какъ онъ будетъ жить въ особой кельѣ, а келья-то іеромонашеская, пожалуй, что и много для него, такъ, видишь, я говорилъ съ настоятелемъ, чтобы и ты тамъ поселился... Этакъ-то лучше будетъ. Поэтому ты завтра можешь, такъ сказать, въ новую квартиру...

— Благодарю васъ...

— Петръ, какой же ты послѣ этого монахъ? Развѣ это монашеское выраженіе: „благодарю васъ“? Ну, иди.

Послѣ чаю о. Мартирій сталъ убирать со стола, а Григорій Ивановичъ присѣлъ на прежнее мѣсто къ стѣнѣ и сталъ о чемъ-то думать, закрывая и открывая глаза и поклевывая носомъ.

— Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! — прозвѣнѣлъ за дверью тенорокъ.

— Аминь!—отвѣтилъ о. Мартирій.

Въ келью вошелъ монашекъ лѣтъ тридцати, тонкій и прямой, съ длиннымъ и острымъ носомъ, съ острымъ бѣгающимъ взглядомъ и длинными, прямыми волосами. Въ его небольшой гибкой фигурѣ было вообще что-то острое, гибкое и льстивое. Онъ низко поклонился о. Мартирію и еще ниже Григорію Ивановичу.

— Простите Христа ради, о. Мартирій: я сегодня запоздалъ немного. Пріѣхалъ изъ города во время вечерни. Пока складывалъ покупки, пока ходилъ въ кладовую, умылся — вечерня, на мое горе, кончилась... Такъ и не успѣлъ побывать сегодня въ церкви... Чтѣ вы мнѣ приказывали, то я, съ Божьей помощью, исполнилъ.

Монашекъ вынулъ изъ кармана какіе-то клочки бумажекъ, замасленные книжечки и бережно началъ раскладывать ихъ на столѣ.

— Свѣчей и ладану взято столько, сколько вы и приказали... Дарья Ивановна вамъ кланяется и за обѣ четверти кагоры, спаси ее, Господи, ничего не взяла... Взято рису для пироговъ 20 фунтовъ, лаку флаконъ, колесной мази 5 фунтовъ и воблы для утренней кашицы двѣ сотни. Все это — по книжкѣ у Петра Андреича. Супруга ихъ хвораетъ поясницей и просить помолиться о ней; прислала отцу Моисею медку... Лопать 5 штукъ и пару простыхъ оглобелъ купилъ безъ счетовъ, потому что мужикъ неграмотный и бумаги не имѣетъ, по истину говорю: боголюбивый человѣкъ... — Послѣднія слова монашекъ произнесъ съ особымъ чувствомъ, осторожно поднявъ глаза отъ стола и посмотрѣлъ на о. Мартирія.

При словахъ „безъ счетовъ“ о. Мартирій началъ быстро расчесывать пальцами бороду и, не обративъ вниманія, что мужичокъ былъ неграмотный и боголюбивый человѣкъ, сказалъ:

— Пожалуста, не покупай безъ счетовъ ничего. Въ такихъ случаяхъ я самъ буду покупать.

Монашекъ слегка поклонился и, опустивъ глаза, съ трогательною покорностью произнесъ:

— Слушаюсь, о. казначей. Благословите уйти?

— Иди.

Монашекъ принялъ благословеніе отъ о. Мартирія, низко поклонился ему и еще ниже Григорію Ивановичу и тихонько, на цыпочкахъ вышелъ.

— Ключникъ, должно быть?—спросилъ Григорій Ивановичъ.

— Да.

Черезъ нѣсколько минутъ о. Мартирій и Григорій Ивановичъ стояли на молитвѣ. О. Мартирій читалъ передъ аналоемъ по старой, закапанной воскомъ книгѣ вечернія молитвы и истово крестился въ установленныхъ мѣстахъ. Григорій Ивановичъ стоялъ позади и дремалъ. Задушевный низкій голосъ о. Мартирія, знакомыя, ежедневно повторяющіяся передъ пріятнымъ отходомъ ко сну, слова, чувство исполняемаго долга ложились на душу обоихъ молящихся мирнымъ гармоническимъ аккордомъ, примирали и успокаивали душу и готовили ее къ спокойному, крѣпкому сну.

III.

Сторожъ ходилъ по корридорамъ монастыря и оглушительными звуками ручного колокола будилъ братію. Въ темныхъ и вонючихъ корридорахъ чернѣли по обѣимъ сторонамъ обшарпан-

ныя двери келій. Передъ двумя кельями, въ которыхъ жили послушники-пѣвчіе, сторожъ не только старался усилить звонъ, но еще стучалъ кулакомъ въ дверь, приговаривая: — Господи помилуй! просыпайтесь, просыпайтесь, братцы!

— Убирайся къ чорту! — кто-то крикнулъ ему густымъ басомъ изъ одной кельи: — И такъ слышимъ!

— Спаси васъ, Господи! — смиренно проговорилъ сторожъ.

— Слышимъ, слышимъ, не бойсь! Будеть! — крикнули ему тоноромъ изъ другой кельи.

— Спаси васъ, Господи! — снова повторилъ сторожъ. И снова его колоколъ загремѣлъ по корридорамъ, по двору и замеръ на церковной площади.

— Востаните-е, Господеви благослови-и-те-е! — закричалъ басомъ Павловскій, вставая съ постели и бросивъ подушку въ лежавшаго напротивъ Петра.

— Оставь!

— Егорка, вставай! — тормошилъ Павловскій закутавшагося въ одѣяло подростка.

— Ну тебя! Дайте хоть согрѣться! — Это была обычная первая утренняя фраза Егора.

— Кто же будетъ утреню начинать? Черти! — сказалъ Павловскій, навидывая полотенце на плечо.

— Чтецы и помимо насъ есть! — сказалъ Петръ, поднимаясь.

— Егоръ, вставай, будетъ!

— Фу ты! не дадутъ согрѣться!

— Поспали и будетъ! — хладнокровно проговорилъ Пашинъ, до сихъ поръ спокойно лежавшій. — Не дали, черти, сонъ досмотрѣть...

Несмотря на всѣ препирательства, минутъ черезъ десять всѣ сожителы кельи утирались, одѣвались, причесывались и убирали постели. Егорка, уже одѣтый, не вытерпѣлъ и снова легъ на убранныю постель.

— Господи, какъ спать хочется! — проговорилъ онъ, сладко позѣвывая.

— А я, братцы, сегодня отъ васъ уйду въ другую келью, — сказалъ Петръ, застегивая старенькое полукафтанье.

— Куда это? — спросилъ Павловскій: — самъ навязался, или зельли?

— Нѣтъ, не навязывался, а о. Мартирій сказалъ. Буду жить съ этимъ, новенькимъ, съ Новаго-Аѳона, въ іеромонашеской кельѣ.

— Ишь ты! какъ тебѣ повезло — какъ утопленнику! — замѣтилъ Пашинъ, причесывая свои длинные курчавые, красивые волосы.

— Не нравится мнѣ этотъ новенькій! — сказалъ Павловскій: — должно быть, важный проныра. Что-то онъ ужъ очень скоро всѣхъ обработалъ. Лебезить... улыбается...

Всѣ четверо собратьевъ кельи не считали себя ни монахами, ни кандидатами въ монахи. Всѣ они готовились для „міра“, въ которомъ намѣревались стать дьяконами, псаломщиками или хористами. Ихъ юношескія надежды были воплощены въ этой ожидаемой ихъ мірской жизни, и оттого она имъ казалась привлекательной и *настоящей*. Они понимали „честь“ только мірскую и между собой относились съ презрѣніемъ къ кореннымъ монастырскимъ обитателямъ, которыми была почти вся остальная братія. Павловскій и Петръ, бывшіе воспитанники семинаріи, больше всего проводили товарищескія традиціи. За ними тянулся и Егоръ, исключенный изъ перваго класса духовнаго училища. Пашинъ былъ изъ крестьянъ, но получилъ образованіе въ уѣздномъ училищѣ, имѣлъ роскошнѣйшую шевелюру, свободолюбивый, предпримчивый нравъ и прекрасный голосъ. Даже келья не носила въ себѣ ничего монастырскаго. На столѣ лежали потныя книги и коробки съ табакомъ и гильзами, въ углу висѣлъ только одинъ небольшой образъ, на стѣнахъ — три олеографіи: „Водопадъ Иматра“, „Тарасъ Бульба“ и „Мельникъ и чортъ“.

Въ церкви было холодно и неудобно. Въ полусумракѣ разсвѣта двигались и стояли черныя фигуры монаховъ и казались призраками еще не исчезнущаго сна. Егорка, съѣжившись, сидѣлъ на клиросѣ и дремалъ. Пашинъ небрежно облокотился на аналой и высокимъ теноромъ отбарабанивалъ положенные на началъ утрени псалмы и молитвы. По церкви бродилъ рыхлый ктитореъ въ засаленномъ подрясникѣ и зажигалъ передъ иконами лампы и огарки. Недалеко отъ клироса Петръ раздувалъ угли въ котелѣ на треножникѣ, надувая щеки и любуясь, какъ пепелъ съ шумомъ вылеталъ изъ котелка и плавалъ въ воздухѣ. Широко шагая и небрежно крестясь, на клиросѣ вошелъ Иванъ Заворотный и сталъ рядомъ съ Павловскимъ, какъ будто подчеркивая своей сѣренькой простоватой и приземистой фигурой греческое изящество и красоту сосѣда. Немного погодя, онъ оглянулся и сказалъ: „Новенькій-то прямо къ намъ, на правый клиросъ, прѣтъ!“ На клиросѣ входилъ тонкій, средняго роста, бѣлокурый молодой человѣкъ въ новенькомъ репсовомъ полукафтанѣ, подпоясанномъ вышитымъ бисеромъ, широкимъ поясомъ. Длинные прямые волосы были намѣренно распущены и увеличивали маленькую подвижную головку съ острымъ улыбающимся лицомъ и маленькими блестящими глазами. Было что-то веселое,

проворное въ этомъ чистенькомъ монашеѣ, съ блестящими лакированными сапогами. Онъ весело поклонился клирикамъ и сталъ противъ сидящаго въ углу Егорки.

— Съ кѣмъ я буду жить?—спросилъ онъ Павловскаго.

— Вонъ съ тѣмъ,—проговорилъ Павловскій, указывая носомъ на Петра:—съ Остапьевымъ.—И не дожидаясь, когда Пашинъ кончитъ чтеніе, запѣлъ:

— „Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй! Слава Отцу и Сыну и Свято-ому Ду-у-ху!“

Егорка отъ неожиданности вскочилъ, но успѣлъ присоединиться только къ „Святому Духу“, послѣ чего снова сѣлъ и задремалъ. Началось чтеніе каѳизмъ, и вся братія сѣла на скамейки, поднимаясь только тогда, когда тотъ или другой клиросъ прерывалъ чтеніе пѣніемъ „Славы“.

По церкви тихой и важной походкой прошелъ о. Мартирій и, мелькомъ осмотрѣвъ всѣ закоулки, присоединился къ правому клиросу.

Стало свѣтло, и когда пѣлся канонъ съ ирмосами 8-го гласа, громкими и веселыми, сонливость прошла, и въ церкви стало какъ будто теплѣе и уютнѣе.

„Первый часъ“ читалъ Егорка съ такимъ „шикомъ“, какъ онъ любилъ выражаться, что всѣ слова сливались въ одну звенящую и прерывающуюся отъ времени до времени альтовую струю. По церкви снова бродилъ о. ктиторъ и тушилъ свѣчи и лампы. О. Мартирій вошелъ въ алтарь и сталъ тихо разговаривать съ служившимъ утрени старенькимъ іеромонахомъ.

— О. Елпидифоръ, вы опять надѣваете мои поручи и подризникъ.

— Тогда мнѣ служить не въ чемъ!—недовольно проворчалъ старикъ.

— Какъ не въ чемъ? Служите въ своихъ!

— Что я буду срамиться—въ рваньѣ служить! Или я облаченья не выслужилъ?

— Спросите у отца настоятеля. Пусть онъ позволитъ вамъ изъ новыхъ подризниковъ выбрать.

Старикъ промолчалъ.

— Знаемъ мы, подъ чью дудку пляшетъ настоятель!—ворчалъ онъ, по уходѣ казначея: спроси-ка изъ новенькихъ — онъ дастъ тебѣ „новенькій“ изъ самыхъ старенькихъ... Охъ, Господи!.. Кулакъ! Забралъ силу... К-хе! к-хе!.. „Помолимся!“—возгласилъ онъ, выходя изъ алтаря на амвонъ и слѣдя глазами за стоявшимъ у свѣчнаго ящика о. Мартиріемъ.

Утрени кончалась.

IV.

У воротъ монастыря расположились на травѣ нѣсколько странницъ и двое странниковъ. Утреннее солнце весело освѣщало пеструю группу съ загорѣлыми лицами, котомками и лаптями. Двѣ-три женщины разговаривали, одна спала, а двѣ сидѣли молча и тупо смотрѣли на разстилавшійся вдали, окутанный утренней дымкой, городъ. Пожилой, невысокій странникъ, съ невеселымъ одутловатымъ лицомъ и окладистой бородой, снявъ сапоги и просушивалъ на солнцѣ портянки. Другой—молодой человѣкъ, богатырскаго сложенія, угрюмый и непріятный, какъ-то странно смотрѣлъ на спящую молодую женщину, положивъ руку въ глубокій карманъ ветхаго полукафтаныя.

— Я къ отцу Моисею, матушка, къ о. Моисею!—говорила старушка съ морщинистымъ лицомъ:—триста верстъ шла—все его хотѣлось повидать, родименькаго! Мы вотъ съ этой молодой,—указала она на спящую женщину,—виѣстѣ изъ одного села, изъ Малой-Ивановки; може, знашь Малую-Ивановку?

— Нѣтъ, не приводилось слышать. Мы—карамышски.

— Онъ, баютъ, о. Моисей, большой подвижникъ. Идите, баютъ, къ нему: окромя его, помѣги трудно найти, сама Владычица, слышь, къ нему хаживаетъ.

— Къ о. Ивану Кронштадтскому еще хорошо...

— Далеко, милая моя, далеко! Мы и сюда-то кое-какъ собрались, все время хлѣбушкомъ однимъ питались, а то, вѣдь, не на што и свѣчечку поставить, панихидку заказать... Безъ копѣчки не пойдешь...

— Вы што: по обѣщанью или нѣтъ?

— Нѣтъ, милая моя, не по обѣщанью... Сынъ у меня, милая моя, ужъ больно неудачливый, — голосъ старушки дрогнулъ: — горе мое, наказаніе мое!.. Кабы Владычица надумила батюшку, о. Моисея!.. Противъ Бога пошелъ! противъ Создателя пошелъ! — старушка заплакала. — Я ему говорю: Мишанька, анцихристову печать принять собираешься! Дьявола тѣшишь, готовишь свою душевню на вѣчную пагубу!.. „Не боюсь, баеть, вашей вѣчной пагубы и самъ-то Богъ-то, баеть, есть ли, нѣтъ ли—еще неизвѣстно“. Э-хъ, Мишанька, говорю я ему: не сносить тебѣ головы своей!.. Чтѣ же, милая моя, матернее-то слово оправдалось, оправдалось, милая моя: сидитъ теперь онъ въ острогѣ.

— Значить, онъ по политическому дѣлу?—грубоватымъ голосомъ спросилъ пожилой странникъ.

— По какому, баешь?

— По политическому.

— Не знаю, батюшка, не знаю. Може, и по нему. Я, вѣдь, батюшка, мало знаю. Мишанька-то, вѣдь, шустрый: на всѣ дѣла смекалистъ.

Въ монастырѣ зазвонили въ обѣднѣ. Гулкіе звуки колокола мощно понеслись въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Они оживляли каменные грязнобѣлые стѣны монастыря, бѣлые каменные зданія, въ которыхъ жили монахи, и монастырскія службы. Много напоминающіе, звуки колокола убѣждали въ высшемъ смыслѣ пріютившейся здѣсь жизни, въ ея цѣльности, святости и силѣ.

Странники вставали, крестились, доставали изъ сохранныхъ мѣсть деньги и побрели черезъ ворота въ церковь. У воротъ стоялъ старый монахъ и, низко кланяясь, позванивалъ старымъ церковнымъ кошелькомъ. Женщины прошли дальше, а мужчины остановились и вступили съ монахомъ въ разговоръ.

— Отецъ,—заговорилъ пожилой:—у васъ страннопріимная открыта?

— Не знаю, рабъ Божій, ничего не знаю; ступайте дальше,—отвѣтилъ монахъ.

— Ну, будетъ пустое-то... Ты правду сказывай, отецъ; грѣхъ такъ-то...

— Идите, рабы Божіи, отъ меня!.. Христосъ съ вами... Не мое это дѣло. Тамъ вамъ скажутъ.

— Ишь, старый шутъ!—ворчалъ, идя дальше, молодой странникъ:—жалко ему мѣста.

— Выжиги, братецъ! Спереди—блаженъ мужъ, а сзади—вскую шаташася. Ну, съ нами не скоро раздѣлаешься... Не пустятъ—свистнемъ чего-нибудь: въ такихъ случаяхъ—Господь проститъ.

— А чего тутъ найдешь,—дѣловито и тихо сказалъ молодой:—монастырекъ худородный.

— Приманки, главное, мало. Посмотри въ другихъ: мощи, чудотворныя иконы али какой-нибудь источникъ... А здѣсь что—Моисей одинъ, да и то въ немъ силы мало. Отецъ Варнава есиманскій ему двадцать-пять очковъ впередъ дастъ.

Странники вошли въ церковь. Литургія еще не начиналась. свѣчнаго ящика странники покупали свѣчи, просфоры и зазывали молебны.

— Богородицѣ „Утоли моя печали“ за три копѣечки... Цѣ-

лителю Пантелимону... Угоднику Божію Сарафиму Саровскому... Да ты не забудешь, батюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, не забуду—громко говорилъ ктиторъ, откладывая намѣченные свѣчи въ сторону.

— Сколько стоитъ на ектеньѣ помянуть?

— Четвертачекъ, раба Божія... А можетъ, вы панихиду закажете—тогда за панихиду рубль, а поминанье на литургіи прочтется за гривенникъ... Для Бога, рабы Божіи, не скупитесь! Рука дающаго не оскудѣетъ!

— Свѣчечку Скоропослушницѣ!.. Другому кому не поставь! Скоропослушницѣ поставь... Она матушка наша... она помощница наша,—залепетала плаксиво старушка, отходя отъ ящика:— всѣхъ скорбящихъ радости... умильная наша заступница...

Въ церковь быстро вошло нѣсколько монаховъ. Слышно было, какъ подъѣхалъ къ церкви легкій экипажъ, запряженный парой. Вошла небольшая, толстая барыня въ темномъ шолковомъ платьѣ и въ черной дорогой шляпкѣ, завѣшанной стеклярусомъ. Литургія началась.

Послѣ обѣдни странники подошли къ крыльцу монастырскаго корпуса и стали ждать выхода о. Моисея. У него была барыня. Странники робко прятались въ тѣнь и безмолвно ожидали уважаемаго подвижника. О. Моисей вышелъ, слегка поддерживаемый подъ-руки барыней и о. Мартиріемъ. Это былъ высокій, слегка согорбившійся, плотный старецъ, довольно тепло одѣтый въ ватное полукафтанье. Одутловатое лицо съ бѣлой широкой бородой носило слѣды тупого равнодушія и умственной дряхлости.

— Вотъ ваши духовныя овцы,—тараторила барыня,—благословите ихъ, батюшка!

Кучеръ, стоявшій съ экипажемъ недалеко, увидя, что барыня выходитъ, лихо подкатилъ къ крыльцу и чуть не задавилъ одну изъ странницъ.

— Степанъ! Ты не могъ осторожнѣй? Невѣжа! Ну, до свиданья, батюшка, до свиданья, мой дорогой! Не забудьте малину на ночь пить. Вы его, о. Мартирій, берегите: онъ у насъ единственный!

О. Мартирій, непринужденно улыбаясь, деликатно поклонился.

— Будьте покойны, Варвара Петровна: онъ для меня такъ же дорогъ, какъ и для васъ.

— Благословите, батюшка, на дорожку! Ну, до свиданья! До свиданья, о. Мартирій!

Барыня уѣхала. От. Мартирій ушелъ.

— Родименькій нашъ! — бросились къ о. Моисею бабы:—

голубчикъ батюшка! Къ твоей, батюшка, помощи! Не оставь насъ, сирыхъ!—О. Моисей дрожащей и пухлой рукой медленно благословлялъ ихъ и молча всматривался въ изнуренныя, загорѣлыя лица. Онъ схватывали его пухлую руку и вѣрѣко цѣловали; нѣкоторые прикладывали края его одежды къ глазамъ и ко лбу.

— Помолитесь Богу пришли, рабы Божьи?—спросилъ о. Моисей старческимъ хриповатымъ голосомъ:—хорошо, хорошо. Богъ васъ не оставитъ.

— Батюшка, о. Моисей!—обратилась къ нему старушка изъ Малой-Ивановки:—помоги, родимый, матернему горю!—и она начала утирать рукавомъ слезы и рассказывать о сынѣ.

— Богу надо молиться, матушка!—необычно суровымъ тономъ заговорилъ старецъ.—Все простится, все простится, а хула на Святаго Духа не простится. „Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ: вѣсть Богъ“... Ну, а ты, раба Божья, чтѣ скажешь?—обратился онъ ласково къ другой женщинѣ. Старушка, заливаясь слезами, отошла въ сторону и начала усиленно креститься.

— Свекровь меня, батюшка, сживаетъ со свѣту... Каждый кусочкомъ коритъ, на каждомъ словѣ срываетъ: и такая ты, и сякая ты... Работаетъ, работаетъ...

— Терпѣть надо, раба Божья. „Претерпѣвый до конца, не погибнетъ во вѣки“... Не ропщи, раба Божья: Господь увидитъ твое смиреніе и вознаградитъ тебя; Онъ милосердный!

— Спаси тебя, Господи, батюшка!—заговорила обрадованная „вознагражденіемъ“ женщина:—спаси тебя Христось, Царь небесный! Возьми вотъ, батюшка, полтинничекъ—пригодится.

Глядя на нее, и другія начали совать приготовленныя уже деньги о. Моисею, который невозмутимо клалъ ихъ въ карманъ и говорилъ:—Спаси васъ, Господи!

Вскорѣ странники простились съ о. Моисеемъ и медленно побрели въ городъ.

V.

— Петруша, идемъ! Проводи... всей компаніей, лѣсомъ... Взявъ благословеніе у настоятеля и паспортъ у казначея. Какъ же! угаривали тоже: „останься, говорятъ,—такой сякой, немазанный“. И, говорю, ваше высокопреподобіе,—пьяница.—„Чтѣ же, говорить, всѣ мы не безъ грѣховъ; другихъ въ соблазнъ не вводи!“—„Богъ, молъ?“—„Богъ милостивъ, Иванъ! Богъ милостивъ!“—Ну, приходи...

Затѣмъ Иванъ пошелъ „укладываться“.

Компанію составляли: Петръ, Павловскій, Пашинъ, Егорка и Благолѣповъ, высокій молодой басъ, молчаливый и равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ воды. Хотя шли чернымъ ходомъ, черезъ задній дворъ, но Пашинъ взялъ тросточку и франтовито ею помахивалъ. Благолѣповъ бережно несъ подъ полой подрясника двѣ бутылки воды и строго посматривалъ на Егорку, который несъ рюмки и закуску. Иванъ шелъ по-дорожному: съ ватомкой за плечами и съ подошкой, но настроеніе его, бодрое и веселое, скорѣе шло бы къ свиданью съ друзьями, чѣмъ къ проводамъ.

Пошли лѣсомъ.

— Стопъ! — крикнулъ Павловскій: — лучше этого мѣста не найти. Сядемъ здѣсь.

Пріятели расположились на травѣ подъ громаднымъ старымъ дубомъ, свозъ молодые листья котораго пробивало яркое солнце и набрасывало на компанію золотистую сѣть. По „единой“ выпили и приступили къ прощальному канону. Павловскій задалъ тонъ и по напѣву перваго гласа запѣли „стихиру“:

Во Саратовѣ во городѣ
За Лысой горой стоялъ монастырь.
Въ томъ монастырѣ монахи взбунтовались:
Не хотятъ они пить вино красное,
А хотятъ они пить вино бѣлое.
Не пошли они къ заутренѣ,
Сѣли всѣ на паперти,
Затянули ярославскій стихъ:
„Выду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю“... и т. д.

Затѣмъ „повторили“, а Егоркѣ вмѣсто вина дали булку и колбасы. Пропѣли сугубую ектенію, возгласы которой дѣлалъ Павловскій, причемъ къ словамъ: „о еже избавити его отъ труса, потопа, огня, меча и нашествія иноплемениковъ“ прибавилъ: „старыхъ бабъ и строгихъ дѣвокъ“. „Господи помилуй“ пѣли нотную: „соловей“; соло исполнялъ Пашинъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ, что Иванъ прослезился и объялъ солиста. Послѣ канона, Павловскій произнесъ рѣчь.

— Милостивые государи! Въ сегодняшній высокаторжественный день... Егорка, брось!.. на проводахъ нашего товарища Ивана Прокофьевича Заворотнаго въ „путь узкій, прискорбный“, вдоль по дорожкѣ столбовой, мы скромно собрались подъ сѣнью дубоваго дерева, дабы отдать ему послѣднее цѣлованіе... Откуда онъ идетъ? — Изъ монастыря. Куда онъ идетъ? — Въ другой мо-

настырь. Что онъ будетъ дѣлать дорогой?—Идти. Что онъ будетъ дѣлать въ монастырѣ?—Собираться уходить. Итакъ, братіе, т.-е. мм. гг., какова жизнь нашего товарища Ивана Прокофьевича Заворотнаго?—Путешествіе. Путешествіе не на конѣхъ, ни на колесницахъ, ни на ослицахъ Балаамовыхъ, а на парѣ собственныхъ рысаковъ, именуемыхъ ногами. Выпьемъ, товарищи, за новаго путешественника вокругъ свѣта!

Поднялся Петръ и попросилъ слова.

— Товарищи! Иванъ уходить, и мы уйдемъ! Лучше всего уйти отъ грѣха... Каждый день вляузы и всякая всячина... Одинъ только обманъ!—Блѣдныя щеки Петра покраснѣли, и всѣ поняли, что онъ говоритъ серьезно, а не смѣшить публику, какъ Павловскій.

— Говори ровнѣй, чего путаешь!—сказалъ Благолѣповъ.

— Надо жить по-человѣчески!.. Чтò тутъ? Вы думаете, что это теперь монастыри испортились, а что все это—чудеса, мощи и всякая штука—правда? Неправда это!

— Ну, братъ, ты далеко заѣхалъ!.. Все это—книжное...—замѣтилъ Павловскій.

— Нужна новая вѣра! Тутъ—обманъ, развратъ, пьянство; въ новой вѣрѣ ничего этого не будетъ и быть не должно.

— Къ чорту новую вѣру! Намъ и по старой не спастись!

— Въ новые Христы захотѣлъ!

— Петруша! угомонись! Выпьемъ за правду! Ура-а!

— Урра-а!

Петръ легъ на землю и вдругъ, въ припадкѣ какой-то безотчетной тоски, громко зарыдалъ.

— Вотъ чортъ!—пробормоталъ Благолѣповъ и вдругъ вдохновенно воскликнулъ:—Качать его!—Всѣ бросились къ Петру, подняли его и начали качать подъ пѣнье игривой, нецензурной пѣсенки. Вскорѣ Петръ успокоился. Иванъ также держалъ рѣчь.

— Братцы, послушайте и меня. Я васъ, бѣсовыхъ дѣтей, всѣхъ старше, не считая того, что ухожу. Во-первыхъ, нужно понимать: убилъ тебя Богъ, или нѣтъ. Если тебя Богъ убилъ и ты до человѣка не допрыгнешь — чортъ съ тобой: живи въ монастырѣ. Ежели ты человѣкъ, то—утекай. Вотъ вамъ и весь мой прощальный сказъ.

Мы пить будемъ
И гулять будемъ,
А смерть придетъ—
Помирать будемъ!

— Играйте, черти, на губахъ „Барыню“!

И Иванъ, сбивши скуфейку на-бекрень, пустился въ плясъ подъ импровизированную, но довольно стройную музыку. Къ нему присталъ Павловскій и, наконецъ — Пашинъ. Послѣдній представлялъ изъ себя молодую бабу, встряхивая своими роскошными курчавыми волосами и помахивая платочкомъ.

Наконецъ, Иванъ остановился и сталъ надѣвать свою котомку. Затѣмъ взялъ палку и, запѣвши: „Послѣдній день бесѣдовахъ съ вами“, началъ со всѣми цѣловаться и прощаться. Черезъ нѣсколько минутъ его фигура одиноко мелькала между старыми толстыми дубами.

VI.

Петръ бродилъ у маленькаго заросшаго зеленю пруда и думалъ. Только-что погасли золотыя пятна на вершинахъ деревьевъ и вѣковые, окружающіе прудъ дубы задумались и загрустили. Сквозь потемнѣвшія вершины деревьевъ было видно далекое голубое небо, на которомъ, какъ вечерняя мечта, плыло розоватое облако. И прудъ, и старые дубы, и лежавшія между ними тѣни, казалось, уже собирались рассказывать свою долгую, много напоминающую вечернюю сказку о какой-то далекой родинѣ, гдѣ рождаются золотыя надежды человѣка и куда убѣгаютъ изъ міра лучшія его воспоминанія.

Петръ страстно любилъ природу. Съ глубокою нѣжностью онъ прислушивался къ шопоту вечера, къ отдаленнымъ раскатамъ грома и къ лепету весенняго ручья. Въ безконечно грустныхъ завываніяхъ вѣтра за окномъ онъ улавливалъ старыя, какъ міръ, слова матери-природы, пропитанныя запахомъ давно-давно увядшихъ цвѣтовъ и возрождающія тоны отжившихъ настроеній. Природа вложила въ его душу любовь къ чистому, прекрасному, безыскусственному, и душа безсознательно требовала отъ его личныхъ убѣжденій и поступковъ гармоніи съ заложенными въ нее изъ самой природы мотивами и образами.

Скрытый деревьями монастырь казался Петру теперь, въ этомъ мѣстѣ безконечной правды и чистаго спокойствія, какимъ-то грязнымъ мѣстомъ, которое присосалось къ землѣ и полно зловопія и пошлой искусственности.

Лучшія воспоминанія дѣтства, проведеннаго въ небольшомъ селѣ, были переплетены у Петра съ воспоминаніями о старой маленькой церкви на горѣ, окруженной березками и полуразва-

лившейся оградой. Вечерній звонъ, церковное пѣніе поселянъ, сельскіе патріархальныя праздники переплелись съ воспомина- ніями дѣтскихъ игръ, далекихъ рождественскихъ звѣздъ въ небѣ и бѣлыхъ водяныхъ лилій на глубокомъ, таинственномъ озерѣ. Многія суевѣрія уже умерли въ Петрѣ, но онъ еще признавалъ божественность и красоту христіанства, и, поступая въ мона- стырь, онъ надѣялся, что найдетъ въ немъ тѣхъ серьезныхъ, род- ныхъ старцевъ съ бѣлыми длинными бородами, которые были написаны на старыхъ, потрескавшихся стѣнахъ родной церкви. Открывая наединѣ евангеліе, онъ читалъ въ немъ и о лиліяхъ, и о большомъ красивомъ озерѣ, а слова Христа, такія чистыя, прекрасныя, напоминали шумъ и запахъ зрѣлыхъ колосьевъ вол- нующагося поля. Но то же евангеліе гораздо чаще читалось пе- редъ нимъ вслухъ старымъ, развратнымъ монахомъ, отъ кото- раго шелъ запахъ виннаго перегара и ладана. Тѣ чистыя, поэти- ческія преданія, которыя Петръ изучилъ отъ вѣрующаго по-дѣтски отца, здѣсь явно служили цѣлямъ надувательства и ихъ пропо- вѣдывали люди съ опухшими отъ пьянства лицами и неприя- тными глазами. Эта монашеская и юродствующая ради Хри- ста, воды, лѣни и разврата братія была, какъ увидѣлъ Петръ, глупа и невѣжественна. Петръ любилъ читать, горячо любилъ русскихъ поэтовъ, былъ знакомъ съ нѣкоторыми научными тео- ріями, признавалъ научное положеніе о происхожденіи земли, величественномъ и поражающемъ строеніи вселенной, исключалъ важность церковной обрядности, но въ душѣ былъ горячій хри- стіанинъ, мягкое и чуткое сердце котораго привлекала къ себѣ эта родная религія безконечной любви и человѣческаго братства. Но когда онъ, въ компаніи монаховъ, началъ разъ рассказывать о вращеніи земли вокругъ солнца, то богоспасаемая братія под- няла такой гомерическій хохотъ, какого Петръ никогда надъ со- бой не слышалъ. Съ той поры онъ рѣшилъ ни въ какія ученыя разсужденія съ братіей не вступать,—иначе его, пожалуй, объ- явили бы еретикомъ, и тогда пришлось бы уйти преждевременно изъ монастыря и тѣмъ нанести старикамъ, отцу и матери, еще одно крупное огорченіе. Первымъ огорченіемъ для родителей было исключеніе Петра изъ семинаріи, которое было слѣдствіемъ пощечины, данной одному учителю. Петръ, отъ природы мягкій, податливый, добродушно улыбающійся, былъ, кажется, неспособенъ на дѣятельную борьбу и на рѣшительный поступокъ. То- варищи любили его за открытый, честный характеръ, за при- родную интеллигентность, но онъ не былъ въ ряду любимыхъ „сорви-головъ“, умѣющихъ постоять за себя, подложить на стулъ

учителю смолы и подраться съ честью въ „любовномъ“ бою. Но нѣкоторыя вещи Петръ долго не могъ выносить. Какая-нибудь несправедливость, особенно некрасивая по отношенію къ нему или по отношенію къ товарищамъ, глубоко возмущала его. Правду и неправду онъ понималъ какъ-то органически, и всякая неправда вносила въ его жизнерадостную зоологическую душу чувство разлада, нарушенной гармоніи. Часто, не отдавая себѣ отчета, онъ чувствовалъ охлажденіе къ какому-нибудь изъ товарищей, какую-нибудь скорбь, и это было слѣдствіемъ сквернаго, можетъ быть, необыкновенно маленькаго впечатлѣнія. Большая неправда, особенно если она была на виду, представлялась какъ-нибудь особенно образно или характерно, была для него слишкомъ мучительна. Пощечина была дана учителю тогда, когда Петръ *своими глазами* увидѣлъ, какъ прославленный на свой образецъ учитель билъ маленькаго ученика, дергая его за волоса „противъ шерсти“... За исключеніемъ изъ семинаріи послѣдовалъ монастырь, въ который Петръ поступилъ, чтобы подготовиться къ должности дьякона или псаломщика.

Петру хотѣлось „настоящей“ жизни. Онъ представлялъ себѣ настоящую жизнь, и она оказывалась либо въ деревнѣ, либо въ городѣ, среди непосредственно живущихъ людей. Когда рубишь дрова, то знаешь, что это полезно и хорошо, это — настоящее дѣло; такъ и Петру хотѣлось жизни несомнѣнно плодотворной. Монастырь не только оскорблялъ въ немъ чувство красоты, но и мучилъ его своей неестественностью, отсутствіемъ настоящаго, несомнѣннаго содержанія. Петръ съ ужасомъ замѣчалъ, что здѣсь въ немъ подрывается вѣра вообще въ церковность, что его собственные мечты все менѣе и менѣе способны воплотиться въ той жизни, которую онъ себѣ намѣтилъ. Онъ съ тоской замѣчалъ, какъ падаетъ его вѣра и онъ идетъ куда-то въ сторону, гдѣ не видно никакого просвѣта.

Со всѣмъ пыломъ свѣжей юности Петръ хотѣлъ разрѣшить всѣ относящіяся къ жизни вопросы и ему хотѣлось намѣтить себѣ самый правильный жизненный путь, хотѣлось красиваго подвига и, нерѣдко, любви, такой, какую создавала ему его мечтательная, пылкая фантазія. Въ представленіе любви онъ вложилъ много чарующихъ полусновъ и намековъ; много серебряныхъ нитей лунной майской ночи и золотыхъ нитей лѣтняго заката было вплетено въ узоры юношескихъ мечтаній. Привыкая постепенно къ дѣйствительности и наблюдая животный развратъ товарищей и монаховъ, Петръ зналъ, что это не его „міръ“, что это не „настоящая“ любовь, полнозвучная, музыкально-красивая, и тѣмъ

тельно таилъ въ себѣ свои образы, любоваться которыми ходилъ между цвѣтами сада. Но въ минуты душевнаго подъема Петру больше всего хотѣлось подвига. Въ такія минуты ему особенно противна была жизнь монаховъ, товарищей и другихъ знакомыхъ ему людей. Скучной и сѣрой представлялась ему и жизнь городскихъ обывателей, сѣрыхъ какъ мыши, изо дня въ день однообразно и терпѣливо зарабатывающихъ средства къ собственному существованію. Крестьянское населеніе, подневольное и невѣжественное, казалось въ это время слѣпыми дѣтьми солнца, прикованными въ роскошномъ храмѣ природы къ жертвеннику; они дѣлали настоящее дѣло, но ихъ жизнь не захватывала во всей полнотѣ и не развивала всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей. Петра тянуло къ блестящей, славной жизни, но онъ не зналъ, гдѣ таковая есть. Иногда ему хотѣлось пострадать и умереть за какую-нибудь собственную, высказанную передъ всѣми, правду. Но больше всего ему хотѣлось *жить*... Однажды ночью онъ проснулся съ чувствомъ какого-то необыкновенно серьезнаго проясненія души. Теченіе мысли какъ будто остановилось. Онъ понималъ всѣмъ существомъ, что *жизнь* есть, что это что-то близкое, но чѣмъ-то отдѣлено отъ него. Ему стало необыкновенно ясно, что онъ живетъ не своей жизнью, что съ самымъ важнымъ, существеннымъ онъ живетъ въ разлукѣ. Съ чувствомъ глубокаго и пріятно-скорбнаго вниманія онъ пережилъ эту минуту проясненія. Она прошла, и окружающая дѣйствительность снова захватила его.

На землю тихо спустилась ночная темнота. Заблестѣли звѣзды въ далекомъ неразгаданномъ небѣ. Петръ ходилъ по тропинкѣ и думалъ...

VII.

Два іеродіакона—о. Геронтій и о. Пименъ—только-что возвратились изъ города и пили виѣстѣ, въ кельѣ о. Геронтія, чай. О. Геронтій, толстенькій и холеный, съ загнутыми рукавами бѣлаго щегольского подрясника, опустилъ на овнахъ занавѣски, и въ уютной, заботливо и комфортабельно обставленной кельѣ получилъ мягкій полусвѣтъ. На упитанномъ лицѣ о. Геронтія, съ черной окладистой бородой, лежало выраженіе пріятнаго покоя, и только въ сѣрыхъ глазахъ горѣлъ огонекъ чего-то подстерегающаго, кошачьяго. О. Пименъ разнился отъ о. Геронтія мало: былъ немного повыше, добродушнѣе, тоньше. Обоиъ было лѣтъ по тридцати-пяти и оба вышли изъ одной деревни. Оба соста-

вили карьеру смиреніемъ, послушаніемъ и воздержаніемъ. У обоихъ были одни и тѣ же благія пристанища въ городѣ, куда они ходили съ поздравленіями, просфорами, съ именами Спасителя и Богоматери на устахъ, и откуда приходили сытые, какъ генеральскіе коты, съ возбужденными, искрящимися отъ вина глазами и съ узелками всякой всячины.

— А Марья Стратилатовна опять беременна—сказалъ о. Геронтій послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Иванъ Маварычъ, вонъ, спаси его Господи, какой бычокъ...—замѣтилъ о. Пименъ.

— А онъ, грѣшнымъ дѣломъ и на сторонѣ схватывается...

— Міръ!..—сокрушенно подтвердилъ о. Пименъ и вздохнулъ.

— А сегодня въ церкви была Агаша Ухова въ новой шляпѣ и въ новомъ платьѣ,—проговорилъ о. Пименъ.

— Чтò ей! Подмигнула и заработала...

Помолчали.

— Боже нашъ, помилуй насъ!—проговорилъ за дверью чей-то голосъ.

— Аминь.

Въ келью вошелъ высокій пожилой мужикъ въ старой поддѣвкѣ и запыленныхъ сапогахъ.

— А! Капитонъ!—въ одинъ голосъ проговорили отцы.

— Здравствуйте!—несмѣло сказалъ Капитонъ.

— Ну, садись чай пить. Какъ дѣла?—разсказывай.

— Дѣла—вѣшайся: вотъ какія дѣла! Одно слово—камень на шею и въ воду. Вы не повѣрите: прошлый годъ совсѣмъ насъ подорвалъ! Овесъ не уродился, сѣнокошу почитай-что и не было, ржи не уродилось и двадцати мѣръ на десятину... Теперь ни самимъ ѣсть, ни скотину кормить... Вотъ теперь привелъ телку на базаръ, продать... Дадутъ двадцать цѣлевыхъ—и то хорошо. Ну, а вы какъ тутъ?

— Ничего, спаси Господи...—сказалъ о. Геронтій.

— Посылаетъ Богъ урожаю?—улыбнулся Капитонъ.

О. Геронтій строго взглянулъ на него и сказалъ:—Мы не сѣмъ, не жнемъ и не собираемъ въ житницы.

Капитонъ былъ землякъ и товарищъ юности о.о. Геронтія и Пимена и по старинѣ разъ въ годъ или въ два заглядывалъ въ монастырь, навѣстить своихъ бывшихъ друзей, поддерживая отношенія деревенскими яйцами, сливочнымъ масломъ и яблоками. Иная связь давно уже была порвана, такъ какъ монахи вообще не интересуются той средой, откуда они бѣжали, и ихъ обыкновенно тяготитъ наѣздъ какого-либо родственника, знакомаго,

чаще всего — захудалаго, жалующагося на плохія времена, на невозможность жить по-божески. Да и родственники къ нимъ заглядываютъ рѣдко, такъ какъ отъ почтенныхъ отцовъ, кромѣ самаго неопредѣленнаго сочувствія и общанія помолиться, не только получить ничего нельзя, но надо еще имъ самимъ привезти. Теперь Капитонъ ничего не привезъ, и о. Геронтій, напившись чаю, безъ всякихъ разсужденій потянулся и сказалъ:

— Теперь необходимо отдохнуть, а то скоро вечерня. Ты, Капитонъ, можетъ быть, отдохнешь съ дороги? я тебѣ дамъ подушку.

— Нѣтъ, мнѣ некогда, — торопливо сказалъ Капитонъ, и глаза его беспомощно заморгали: — мнѣ нужно въ городъ. — Онъ понялъ, почему его такъ быстро выпроваживали, и ему было нестерпимо грустно. Онъ поднялся, взялъ картузъ и, вопросительно посмотрѣвъ на о. Геронтія, проговорилъ:

— Счастливо оставаться!

— Спаси Господи!

Капитонъ ушелъ.

VIII.

Полдень. Братія „отдыхала“ по своимъ кельямъ, и только иногда проходилъ по монастырю какой-нибудь молодой послушникъ или наемный рабочій. Братія не любила сама исполнять черныхъ работъ и нанимала для этого рабочихъ со стороны. Во время сѣнокоса или какихъ-либо экстренныхъ работъ число этихъ рабочихъ увеличивалось; въ обыкновенное же время ихъ было человека три-четыре. Они пилили дрова, пасли скотъ, плотничали и чистили дворы. Жили они на скотномъ дворѣ въ „рабочей“, вмѣстѣ съ тараканами, двумя кошками и тремя монастырскими собаками. Собаки въ ненастное и въ жаркое время ютились подъ крыльцомъ, а въ хорошее — слонялись по двору, по саду и по лѣсу. На церковную площадь, куда стояли лицомъ монастырскія общежитія, входъ собакамъ былъ воспрещенъ и ихъ съ особымъ усердіемъ гоняли оттуда камнями, палками и пинками. Вообще, въ монастырѣ высоко цѣнятся умѣнье стоять къ „міру“ съ показной стороны. „Согрѣшай, но не вводи въ соблазнъ“, — говорилъ архимандритъ Мелетій, любившій пышность, торжественность, интересныхъ монаховъ, но смотрѣвшій сквозь пальцы на то, что дѣлаетъ братія въ глубинѣ своихъ келій.

Съ черной стороны монастыря къ „рабочей“ подходила женщина лѣтъ тридцати-пяти, въ синей цвѣтной юбкѣ, красненькой старой кофтѣ и бѣленькомъ платочкѣ. Ея сильно загорѣлое лицо

носило слѣды бывшей миловидности, но еще больше было на немъ слѣдовъ пережитыхъ заботъ, бѣдности и разочарованій. Собака, грызшая посреди двора кость, не обратила на женщину никакого вниманія, какъ на явленіе въ высшей степени знакомое и обычное. Женщина вошла въ „рабочую“, перекрестилась на темные образа въ углу и, видя, что въ избѣ никого нѣтъ, кромѣ молодого парня, спавшаго на лавкѣ, сѣла къ столу и задумалась.

Парень проснулся и поднялся.

— Фу, и жаркій день сегодня! — сказалъ онъ, вытирая рукавомъ вспотѣвшую шею. — Ты што — къ отцу Емельяну?

— Да. Сходилъ бы ты, голубчикъ, къ нему!

— Что-жъ, схожу. Ну, и кутили они тутъ на-дняхъ! Четверти двѣ втроемъ выпили. Значить: Емельянъ, отецъ Макарій да Благолѣповъ.

— А на чьи деньги?

— Чтобы не соврать — не скажу; не знаю.

Парень напился изъ ведра воды и вышелъ.

— Фу, какъ жарко! — заговорилъ о. Емельянъ, войдя въ комнату и усердно утираясь: — Вотъ оно, лѣто настоящее!

Женщина молчала и грустно смотрѣла въ окно. О. Емельянъ робко посмотрѣлъ на нее, сѣлъ на лавку и спросилъ: — Ты что, Катя? — Катя продолжала молчать. Блѣдное добродушное лицо о. Емельяна выражало безпомощность и страданіе. Онъ согнулся и началъ нервно почесывать въ своей окладистой рыжеватой бородѣ.

— Ну, что-жъ молчишь? Надо когда-нибудь и говорить начать! — не вытерпѣлъ онъ.

— Много было говорено, а все безъ толку! — твердо сказала Катя. — За пятнадцать лѣтъ, кажется, все переговорили, а ума ни капельки не прибавилось. Тебя, кажется, выгонять собираются? — вдругъ рѣзко обратилась она къ нему.

— Что ты! Господи помилуй! — испуганно залепеталъ о. Емельянъ: — что за брехня такая! Откуда ты слышала?

— Откуда — тебѣ нечего говорить.

— Какъ такъ прогнать! Меня скоро не прогонишь: я тутъ свой человѣкъ, двадцать лѣтъ, благодаря Создателю, живу... всю молодость тутъ провелъ...

— Сколько водки выпилъ, любовницу и пятерыхъ дѣтей имѣешь, — ехидно прибавила Катя. — Эхъ, ты... пьяница!

— Что-же... Единъ Богъ безъ грѣховъ! Всѣ люди, всѣ человѣки... дьяволъ силенъ.

— Что-же: для тебя дьяволъ есть, а для другихъ нѣтъ? а? Чѣмъ ты такой славы удостоился, что вокругъ тебя всѣ демоны собрались? Отчего о. Макарія какъ демоны ни искушаютъ, а онъ *своей* и домъ построилъ, и ребятъ своихъ къ дѣлу представилъ? И нѣтъ той недѣли, чтобы онъ ей чего-нибудь не принесъ... Что-жъ, онъ не пьетъ, что-ль, скажешь? Тоже пьетъ, но что нужно—не забываетъ!

— О. Макарій—іеродіаконъ, а я только въ рясофорѣ. Онъ въ кружку, небось, сорокъ-пять рублей получилъ, а я—пятнадцать...

— И тѣ пропилъ... Твои товарищи давно ермонахами, еродьяконами сдѣлались, а ты какъ былъ послушникъ, такъ и есть... Третьяго дня связался ты съ Благолѣповымъ; что онъ тебѣ за товарищъ?

— Да ты что пристала? Скажи, какъ дома-то? Ребятишки какъ?

— Какъ?.. Голодные сидятъ. Вотъ какъ.

— Отчего жъ голодные?

— Да все отъ того.

— Фу, Боже ты мой! говори, пожалуйста, по-человѣчески! Ну, что ты на меня напала? Ну, будь ты мало-мальски задушевной! Денегъ, можетъ быть, нужно?

— Чего спрашиваешь... Конечно, нужно. Два дня безъ чаю сидѣли. Теперь чаю, сахару нужно; картошки.

— Ну, посади. Сейчасъ схожу.

О. Емельянъ вышелъ изъ избы. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и принесъ три рубля.

— Вотъ и деньги!—весело заговорилъ онъ:—Богъ не безъ милости, мужикъ не безъ счастья.

Катя медленно взяла деньги и концомъ платка начала вытирать капавшія слезы.

— Ну, будетъ надрываться, Катя! Чай, не смертный часъ пришелъ!.. Ну, будетъ! — О. Емельянъ чуть не заплакалъ самъ и началъ сморкаться въ грязный ситцевый платокъ.

— Не думала я, что мы до этого дойдемъ,—сказала она тихо.— Иди... проводи...

Они вышли изъ избы и повернули къ лѣсу.

IX.

Всей братіи въ монастырѣ было не болѣе сорока человѣкъ. Изъ нихъ собственно монаховъ, принявшихъ постриженіе, было

не болѣе двадцати, — остальные были послушники, кандидаты на монашество. Монахи раздѣлялись на іеромонаховъ, т.-е., монаховъ-священниковъ, іеродіаконовъ — монаховъ-діаконовъ и просто монаховъ. Было два іеросхимонаха, т.-е. два монаха-священника, облеченные въ схиму — высшій иноческій подвигъ. Во главѣ стоялъ архимандритъ Мелетій, который пользовался почти неограниченной властью въ монастырѣ и былъ господиномъ всего учрежденія. Онъ жилъ въ восьми комнатахъ, имѣлъ особую кухню, повара, келейника, кучера, ѣздилъ въ каретѣ на парѣ гвѣдыхъ „настоятельскихъ“; въ церковь ходилъ изрѣдка и вообще былъ скрытъ въ своихъ просторныхъ, свѣтлыхъ комнатахъ, въ тѣни кипарисовъ и громадныхъ фикусовъ.

Большинство братія вышло изъ крестьянъ, оставившихъ „преlestи міра“ для тихой и сытной иноческой жизни. Другая, меньшая часть вышла изъ среды бѣлаго духовенства. Одинокіе, овдовѣвшіе священники, дьякона и дьячки иногда идутъ въ монастырь, гдѣ вѣрующимъ предлагается не только ближайшій путь въ царство небесное, но и непривосновенный послѣобѣденный отдыхъ, и братскій уходъ.

Доходъ монастыря получается изъ нѣсколькихъ источниковъ: изъ двухъ участковъ земли и лѣса, изъ продажи земли подъ могилы мірянъ, изъ вкладовъ, изъ платы за поминаловіе умершихъ и молебны, изъ продажи свѣчей, просфоръ и изъ добротныхъ подаваній. Непосредственно братія пользуется только частью всего дохода, а именно „кружечнымъ сборомъ“; остальная часть идетъ на благоустройство монастыря и увеличеніе капитала. Кружечный сборъ распредѣляется далеко не равномерно. Львиную долю получаетъ настоятель; за нимъ по величинѣ получки слѣдуютъ іеромонахи, іеродіаконы, монахи и послушники. Обезпеченные всѣмъ необходимымъ, братія распоряжаются получаемыми деньгами сообразно своимъ личнымъ вкусамъ и потребностямъ. Послушники ихъ, обыкновенно, пропиваютъ „съ трескомъ“ и раздаютъ дѣвицамъ изъ сосѣдней слободки; монахи пропиваютъ „тайно“ и содержатъ постоянныхъ любовницъ; іеромонахи и настоятель расходуютъ ихъ какъ-то особенно по секрету. Нѣкоторые изъ братіи устраиваютъ комфортабельно свои кельи, шьютъ дорогія рясы, любятъ хорошо поѣсть, попить хорошаго чайку съ рѣдкимъ вареньемъ или дорогимъ виномъ.

Съ поступленіемъ Григорія Ивановича, въ монастырѣ завелся скопидомъ, откладывающій свои доходы въ шкатулку, припрятанную на днѣ стараго, вывезеннаго изъ деревни сундучка. Григорій Ивановичъ при постриженіи получилъ имя Гермогена и

вскорѣ былъ возведенъ въ санъ іеромонаха. Это былъ смиренный, застѣнчивый человѣкъ, подъ старой раской котораго чувствовалось худое, мускулистое тѣло бывшаго труженика. Онъ жилъ чистенько и скромно и сначала по утрамъ ходилъ пить чай въ келью къ Петру, такъ какъ не имѣлъ своего самовара. Заваривалъ щепотку чаю въ чайничекъ и пилъ долго, не торопясь, наслаждаясь достигнутымъ покоемъ и обеспеченностью. Будучи самъ человѣкомъ ограниченнымъ, онъ страстно любилъ рассказывать о даровитыхъ людяхъ, причемъ слово „даровитый“ принимало въ его разговорѣ особый внушительный смыслъ. „Даровитый человѣкъ!“—съ глубокою серьезностью произносилъ онъ и поднималъ костлявый палецъ вверхъ. Онъ весь былъ въ воспоминаніяхъ своей долгой нехитрой жизни, политой потомъ и обвѣянной свѣжимъ степнымъ вѣтромъ. Но почему-то онъ съ особенной любовью возвращался къ воспоминанію о бурсѣ, гдѣ его сѣкли, мучили латынью и откуда, наконецъ, изгнали за неуспѣшность.

— ...Мы съ нимъ пошли купаться. Купаемся себѣ, какъ водится, барахтаемся, плаваемъ; извѣстно — Волга велика: мѣста много. Смотримъ—подходятъ дѣвочки, смотрительскія дочки: „Что вы, говорятъ, на нашемъ мѣстѣ купаетесь! прочь отсюда!“ А онъ оборотился, посмотрѣлъ на нихъ этакъ,—здѣсь о. Гермогенъ бросалъ повелительный взглядъ въ сторону,—и говорить: „На водѣ не было написано, что это—ваше мѣсто; если, говорить, вамъ не нравится съ нами купаться, то ищите себѣ другого мѣста“.. Кхе... кхе... Даровитый человѣкъ!

— У! Даровитый человѣкъ! Однажды его исключили изъ шестого класса семинаріи. Сами понимаете, это—зарѣзъ: при окончаніи курса—и вдругъ исключеніе! Владыкой тогда былъ Иннокентій: духовенство держалъ въ трепетѣ. И вотъ къ такому-то архерею Добропорядочновъ и напиши прошеніе, да какъ?!—въ стихахъ! Что же вы думаете—революція: „Принять немедленно“!

О. Гермогенъ съ любовью переживалъ въ воспоминаніяхъ суровыя времена, которыя выступали теперь въ грустной дымѣ прошедшаго, подъ призрачнымъ свѣтомъ уже угасшаго солнца. Онъ не замѣчалъ, что они выступаютъ теперь иные, и что между ними такая же громадная разниа, какъ между молодымъ, полнымъ силъ бурсакомъ Григоріемъ—и о. Гермогеномъ, старичкомъ съ маленькими выпѣвшими глазами, сморщеннымъ лицомъ и маленькою клочковатою бородкой.

Копилъ о. Гермогенъ потому, что привыкъ беречь „копѣчку“, которая если теперь не пригодится, то пригодится кому-либо изъ

его многочисленныхъ сыновей, дочерей, внучатъ. Складывая рубликъ за рубликомъ въ шкатулку, онъ видѣлъ, что и деньги такъ же спокойно теперь укладываются, какъ улеглось все имъ пережитое, трудное, безпокойное. Братію о. Гермогенъ любилъ и недостатки приписывалъ вообще слабости рода человѣческаго, въ монастырѣ усиленно поддерживаемой діаволомъ. Въ діавола онъ вѣрилъ больше, чѣмъ въ Богородицу, и считалъ, что благодаря діаволу и спасется міръ. Богъ прощаетъ потому, что человѣкъ согрѣшаетъ не по своей инициативѣ, а по хитрѣйшему внушенію діавола, который, какъ извѣстно, очень даровитъ. Дѣло въ сущности не въ количествѣ грѣховъ, а въ частотѣ покаянія и искренней, хотя бы и безсильной, борьбѣ со грѣхомъ. Грѣхъ виденъ, а борьба съ нимъ не видна, ибо она, преимущественно, внутренняя и скрыта отъ глазъ постороннихъ. До такихъ заключеній о. Гермогенъ пришелъ незамѣтно, безсознательно, потому что не любилъ и не могъ думать о высокихъ предметахъ, которые преподаются въ семинаріи. Сама жизнь научила его смотрѣть снисходительно и, прежде всего, прощать. Въ монастырѣ ему было просто пріятно постепенно умирать подъ ежедневное церковное пѣніе, съ которымъ онъ сроднился, въ запахъ ладана, подъ печальный звонъ церковныхъ колоколовъ. И онъ умеръ еще незамѣтнѣе и проще, чѣмъ жилъ.

Онъ нѣсколько дней чувствовалъ недомоганіе. Въ послѣдній день онъ вышелъ въ садъ, сѣлъ въ лучахъ солнца на зеленомъ пригорѣхъ, задумался и умеръ.

Х.

Павелъ Мутузовъ, бывшій послушникъ Новаго-Аѳона, рѣзко выдѣлялся на общемъ фонѣ распущенности, равнодушія и лѣни. Его келья походила на будуаръ кокотки. На чистыхъ окнахъ висѣли разрисованныя сторы и стояли цвѣты; кровать огораживалась матерчатой подвижной стѣной; на столѣ, покрытомъ большой съ кистями скатертью, стояла музыкальная машинка и лежали серебряные часы. Мелкія изящныя бездѣлушки украшали стѣны и лежали въ переднемъ углу на треугольнике. Полъ былъ натертъ воскомъ. Въ свою очередь, за Павломъ поднянулся и Петръ, занимавшій другую комнату кельи. Онъ уже не валялся съ книгой на неубранной кровати, а присаживался къ столу, если не уходилъ въ садъ.

Павелъ быстро завелъ себѣ знакомства въ городѣ, куда от-

правился въ полушолоковомъ голубомъ полукафтаниѣ, напудренный и надушенный. Слегка напудренное лицо съ искусственнымъ румянцемъ и начерченными бровями неизмѣнно сіяло добродушнымъ лукавствомъ и располагало къ себѣ толстыхъ богомольныхъ бабъ и мечтательныхъ дѣвицъ, вѣчныхъ спутницъ монастырскихъ послушниковъ. Это—особый родъ дѣвицъ, истерически любящихъ запахъ ладана и шелестъ полукафтаниа... Въ полутемной церкви съ разноцвѣтными огоньками лампадъ, подъ стройное пѣніе молодыхъ монаховъ рѣтеъ много прекрасныхъ мечтаній. Ихъ рождаютъ изъ таинственной глубины Богъ и діаволъ.

Павелъ кое-гдѣ распустилъ слухъ, что архіерей обѣщалъ ему мѣсто свѣтскаго дьякона, и сталъ, между прочимъ, искать себѣ невѣсту. Онъ заказалъ себѣ печатку, и всѣ его письма стали носить помѣтку: „Псаломщикъ Павелъ Мутузовъ“. Уже одно то, что онъ *печатно* заявлялъ о себѣ какъ о псаломщикѣ, заставляло думать, что онъ не вретъ о дьяконствѣ, и посѣщенія невѣсты слѣдовали одно за другимъ. Одна невѣста смѣнялась другой. Вездѣ кормили обѣдами, дѣлали подарки, иногда давали взаймы денегъ. Житіе было прекрасное, и вскорѣ къ походамъ Павла на городъ присоединился и Петръ.

Павелъ какимъ-то чудеснымъ образомъ познакомился съ семействомъ одного нѣмца, у котораго было четыре дѣвочки. Старшей едва минуло шестнадцать лѣтъ. Всѣ онѣ были необыкновенно миленькія, черненькія, игривыя. Мамахенъ вѣчно торчала въ кухнѣ; фатера, обыкновенно, дома не было. Павелъ оставался съ дѣвочками одинъ, и болтовнѣ, хохоту и играмъ не было конца. Однажды къ этимъ нѣмочкамъ отправился съ Павломъ и Петръ. Входя въ первый разъ въ маленькій чистенькій домикъ, откуда несли серебристый смѣхъ, Петръ страшно стѣснялся, но Павелъ хихикалъ и подталкивалъ пріятеля, отчего, при входѣ въ комнату, послѣдній уже совершенно сконфузился и покраснѣлъ, какъ дѣвушка. Дѣвочки съ радостью обступили Павла; откуда-то появился добродушный папахенъ, поздоровался и ушелъ; выползла мать и ушла въ кухню готовить кофе. Петръ сѣлъ на диванѣ, а Павелъ уже вертѣлся по комнатахъ съ зайченкомъ, сдѣланнымъ изъ носового платка. Павелъ прыгалъ, смѣялся и говорилъ глупости; прыгали, смѣялись и болтали дѣвочки. Петръ сидѣлъ на диванѣ и застѣнчиво улыбался. Съ тѣмъ на первый разъ и шелъ. Проходила недѣля за недѣлей. Петръ медленно завоевывалъ себѣ симпатіи семейства, а Павелъ былъ душой дѣвочекъ особенно старшей, красивой спокойной брюнетки съ черными глазами. Петръ вполне сознавалъ пошлость, невѣжество и са-

мозванство пріятеля, и его мучило, что дѣвочки этого не замѣчаютъ. Петръ рассказывалъ сестрамъ сказки Андерсена, десятки исторій, которыя онъ когда-либо вычиталъ. Дѣвочки замолкали, усаживались вокругъ рассказчика, внимательно слушали и дѣлались умненькими. Приходилъ Павелъ и начиналъ кривляться, хрюкать свиньей, кричать пѣтухомъ и, играя, тормозилъ дѣвочекъ. Онѣ смѣялись, кричали и забывали Петра на диванѣ. А ему хотѣлось много рассказать имъ! Ему хотѣлось, чтобы онѣ безъ конца сидѣли вокругъ него, смиренныя, умненькія, и смотрѣли бы на него своими веселыми черненькими глазами, а онъ рассказывалъ бы, рассказывалъ безъ конца. Онъ рассказалъ бы имъ о путешествіяхъ вокругъ свѣта и на луну, о мрачныхъ долинахъ Африки и дикихъ народахъ Великаго Океана. Передъ ними выступили бы сильные, мощные люди, братья бури и тропическаго солнца. Онъ познакомилъ бы ихъ съ великими завоевателями странъ и народовъ и съ безстрашными мучениками за правду. Рассказывалъ бы до вечера, а вечеромъ шелъ бы домой, полный глубокой нѣжности къ своимъ милымъ слушательницамъ.

— Кума, гдѣ ты была?—нарочно гнусилъ Павелъ:—На гумно ходила!

Дѣвочки хохотали...

Подъ одинъ изъ большихъ праздниковъ въ монастырь пріѣхало и пришло много народа изъ города, въ томъ числѣ и двѣ старшія сестры, пріятельницы Петра и Павла. Всенощную служилъ архимандритъ съ большой торжественностью, лучшими дьяконами и съ лучшими пѣсами. Петръ забился въ уголъ кнѣзю и усердно думалъ. Въ послѣднее время онъ пришелъ къ твердому и ясному убѣжденію, что онъ стоитъ на границѣ двухъ міровъ. Лучшія юношескія стремленія духа, внутренняя правда зовутъ въ новый міръ. Прошлое, родное, глубоко запавшее въ душу и вызывающее въ ней воспоминанія, принадлежитъ старому міру. Церковная пѣснь, грустная и несложная, уже слышалась у его колыбели, и на ея фонѣ рождаются образы далекаго дѣтства и возрождаются первыя мечтанія. Хоры ангеловъ и святыхъ съ невыразимой печалью блекнутъ и исчезаютъ съ переходомъ въ новый міръ съ его еще неопредѣлившимися и чуждыми образами. Все понятное, простое и легкое должно смѣниться на новое, сложное, требующее напряженныхъ разгадокъ и продолжительныхъ изученій. И Петръ чувствовалъ, какъ исчезаетъ почва изъ-подъ его ногъ и какъ рыдаютъ въ немъ, прощаясь, церковныя напѣвы, какъ ярко горятъ золотыя лампы.

Петръ пришёлъ въ свою комнату разстроенный и усталый и, не зажигая лампы, сѣлъ у стола. Въ немъ еще продолжалась душевная борьба и поставленные вопросы требовали опредѣленнаго отвѣта. Въ это время отворилась дверь, и Павелъ, а съ нимъ еще кто-то, вошелъ въ свою комнату.

— Вотъ и мы тутъ...—заговорилъ Павелъ, и видя, что комната Петра неосвѣщена, прибавилъ:—А Петруха уже удралъ ужинать!

— Какъ у васъ тутъ хорошо! — прозвѣлъ женскій голосъ. Это была старшая изъ знакомыхъ сестеръ. Въ комнатѣ Павла горѣла красная лампада, и все тонуло въ фантастическомъ аломъ полусумракѣ.

— А вотъ тутъ еще лучше,—проговорилъ Павелъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ и захихикалъ.

— Что вы? что вы? — умоляюще заговорила девочка, и въ комнату послышалась борьба.

Петръ вскочилъ на ноги и услышалъ, какъ у него ровно и сильно бьется сердце. Онъ не разобралъ, что говорилъ Павелъ и только отчетливо донесся до него задуманный умоляющій въ дѣвочки: „Павелъ Ивановичъ!..“ Какъ звѣрь рванулъ его кулакомъ по комнату Павла и съ дикимъ визгомъ улетѣлъ въ коридоръ. Павелъ ткнулся головой о перекладку и испуганно вскрикнулъ. Петръ поворотилъ къ двери блѣдную какъ смерть дѣвочку и вытолкнулъ ее въ коридоръ...

XI.

Золотая осень. Мучительно грустно шуметь садъ и, какъ слезы, роняетъ на землю свои золотые листья. По небу бѣгутъ осеннія облака и поминутно скрываютъ низкое солнце. Мягкій солнечный свѣтъ и мягкія облачныя тѣни борются и сгоняютъ съ лица земли другъ друга. Одинокая бабочка носится надъ ними и рассказываетъ о погибшемъ лѣтѣ, объ исчезнувшемъ на- вѣки счастьи.

О. 3. Псалмы. Моисей бродилъ по саду и дрожащимъ басомъ напѣвалъ
осень. Пятьдесятъ лѣтъ онъ живетъ въ монастырѣ и не одну
заболѣнь считалъ послѣднею. Сильнымъ и бодрымъ явился онъ изъ
сброси бусиныхъ степенъ въ монастырь, и немало мірской тяготы
и бродилъ онъ тогда съ своихъ могучихъ плечъ. „Иго мое благо
справоты мое легко есть“, — а монастырская жизнь подтвердила
вѣдливость словъ писанія. Господь утѣшалъ его въ дни испы-

танія, и однообразные годы тянулись одинъ за другимъ и приближали къ великому освобожденію, къ послѣднему „прости“ съ юдолей скорби и плача.

— „Кому повѣдаю печаль мою? кого призову ко рыданію?“ — поетъ о. Моисей и смотритъ въ голубое небо, по которому, какъ темныя силы, бѣгутъ облака, чтобы гдѣ-нибудь собраться въ могучую тучу и надолго закрыть солнце.

Бывшій дикарь безграничныхъ полей, трудолюбивый и открытый, онъ никогда не испытывалъ религиозныхъ сомнѣній и глубоко вѣрилъ въ существованіе невидимыхъ силъ, вѣчно борющихся, вѣчно дѣйствующихъ на человѣка. Діаволы, они же эѳіопы и мѣрины, немало насолить ему въ жизни, но онъ успѣшно боролся съ ними при помощи Богородицы, ангела-хранителя и многочисленныхъ святыхъ. Онъ не разъ видѣлъ діавола въ противное лицо, но при помощи креста отгонялъ его и не только отъ себя, но и отъ другихъ, болѣе слабыхъ, людей. Было время, когда о. Моисей косилъ на монастырскихъ лугахъ, пекъ хлѣбъ, рубилъ дрова. Въ монастырѣ онъ былъ тѣмъ же простодушнымъ крестьяниномъ, какъ и въ мірѣ, съ тою только разницею, что былъ неженатъ, чаще молился и находился подъ непрерывнымъ наблюденіемъ Богородицы и чертей. Кромѣ того, въ монастырѣ у него было больше досуга читать божественныя книги, благодаря чему онъ и получилъ священство. Все было для него просто, ясно и полно особаго познающаго спокойствія.

— „И возвратится въ землю свою; въ той день погибнуть вся помышленія его“, — поетъ о. Моисей, и вѣтеръ развѣваетъ его сѣдые локоны и сѣдую бороду.

Необыкновенно старъ о. Моисей, и весь міръ ему кажется сильно постарѣвшимъ. Развѣ тогда такія были травы? Тогда небо было глубже и синѣе, воздухъ прозрачнѣе, звѣрей и птицъ больше, и только людей было меньше; и несмотря на то, что на долю каждаго человѣка приходилось больше нечистой силы, люди были богобоязливѣе и проще. Весь міръ какъ-то одряхлѣлъ и уже подходитъ къ близкому и неизбежному концу. „Яко молнія проходитъ съ запада на востокъ, таково будетъ и пришествіе Сына Человѣческаго“.

О. Моисей добрелъ до пчельника, у котораго возился о. Иванъ, добродушное, безобидное существо съ безграничнымъ смиреніемъ, чистой дѣтской вѣрой и съ дѣтскимъ умомъ. Мордвинъ по происхожденію, угольщикъ по профессіи, безграмотный и беззащитный, онъ случайно попалъ въ монастырь и остался въ немъ около пчелъ, лѣса и огорода.

О. Иванъ подошелъ къ о. Моисею, чуть не до земли поклонился ему и подошелъ подъ благословеніе.

— Работашь, Иване?—спросилъ о. Моисей.

— Спаси васъ Господи! Работаю, о. Моисей, — отвѣчалъ Иванъ мягкимъ, почти женскимъ голосомъ.

— Святое дѣло, угодное Богу дѣло!

О. Иванъ, съ длинными, прямыми волосами, маленькой бородкой и кроткимъ взглядомъ, напоминалъ молодого подвижника добрыхъ старыхъ временъ, заброшеннаго въ глубину дѣвственныхъ лѣсовъ и суровой природы. О. Моисей, высокій, грузный, съ длинной сѣдой бородой и сѣдыми локонами, стоялъ передъ нимъ, какъ старый патріархальный авва, свидѣтель великой борьбы человѣка съ діаволомъ, съ суровыми силами природы.

— Скоро пчелкамъ на покой?—спросилъ о. Моисей.

— Подержу еще денька два, а потомъ и въ мшанникъ.

— Холодно становится, Иване.

— Холодно, о. Моисей.

О. Моисей замолчалъ и сталъ смотрѣть, какъ о. Иванъ замазывалъ глиной улы. Попрежнему печально шумѣлъ вѣтеръ и быстрыя тѣни облаковъ перебѣгали черезъ полянку пчельника. Такъ бѣгутъ день за днемъ въ нашей жизни, пока не наступитъ безконечная ночь и не сольется всѣ тѣни въ одну, безшумную, безпросвѣтную тьму.

— Когда я былъ молодымъ, Иване, у насъ, у покойника отца, тоже былъ пчельникъ, — заговорилъ о. Моисей: — колоды тридцать было. Медъ ровно кулагу ѣли. Бывало, придешь на пчельникъ, пчелки это вьются, медокъ собираютъ, а ты сидишь и сидишь подъ деревомъ... Что же у тебя, Иване, лошадиной головы нѣтъ?

— А на что она, о. Моисей?

— Какъ на что? Пчелка лошадиную голову любить. У насъ безъ лошадиного черепа ни одинъ пчельникъ не стоялъ. А еще нужно метлу... Безъ этого нельзя.

— Я не зналъ, о. Моисей, — кротко замѣтилъ о. Иванъ.

О. Моисей засмѣялся: — То-то не зналъ! Нынѣшніе люди многого не знаютъ. Тогда совсѣмъ другое время было. Бывало, лѣхъ Охримъ посмотреть на небо, посмотреть на траву, понюхать заболотникъ и говорить, примѣрно: „на Спаса будетъ дождь“ — и сбывалось... потому что Господь вездѣ невидимой рукой указываетъ будущее, а люди жили въ страхѣ Божиѣмъ... Что значить звѣзда для нынѣшняго человѣка? Ничего. Онъ на звѣзды не смотритъ, потому что онъ у него безъ всякаго толку, вы-

ходить, сотворены. А прежде звѣзда была путеводителемъ и вродѣ часовъ. Бывало, посмотришь на звѣзды, узнаешь, и время и въ случаѣ ѣзды—дорогу... „Волсви же со звѣздою путешествуютъ“... Такъ-то, Иване!—потомъ о. Моисей помолчалъ и тихо прибавилъ:—Было и бывшемъ поросло...

Сталъ накрапывать дождь.

— Прости ради Бога, Иване, пойду... погулялъ и пойду.

— Благословите, батюшка!

О. Моисей благословилъ о. Ивана и побрелъ домой.

XII.

Петръ взялъ свою походную палку, посмотрѣлъ на невеселое окно своей покидаемой кельи и подумалъ, что ему надо пойти къ кому-нибудь и проститься. Но его не тянуло ни къ кому: всѣмъ онъ былъ чуждъ и всѣ ему были чужды. Онъ вышелъ въ полутемный корридоръ и дорогой зашелъ въ келью къ товарищамъ-послушникамъ. Въ кельѣ было тихо и, кромѣ Павловскаго, валявшагося на кровати, никого не было. Знакомый непріятный запахъ виннаго перегара, неметенный, съ окурками полъ, остатки хлѣба и соленыхъ огурцовъ на столѣ свидѣтельствовали о недавнемъ пирѣ, устроенномъ по случаю вчерашней полочки изъ „вружки“. Павловскій мучился съ похмелья и ждалъ Егорки, который отправился за водкой. Петръ присѣлъ къ нему на койку и сказалъ:—„Ѳеда, я ухожу“.—„Куда?“—„Изъ монастыря совсемъ ухожу!“—„То-то у тебя такой благочестивый видъ!.. Тогда съ тебя проводы спать нужно“.—„Тогда мнѣ не на что будетъ ѣхать домой“.—„Ну, чортъ съ тобой...“—„Ну, прощай“,—сказалъ Петръ, подавая руку. — „Прощай“,—холодно сказалъ Павловскій и вдругъ, поднявшись, схватилъ Петра за шею, горячо поцѣловалъ и, крѣпко пожимая руку, взволнованно проговорилъ:—„Понимаешь,—желаю тебѣ самаго лучшаго! Молодецъ ты! Не забывай старыхъ товарищей; можетъ быть, когда-нибудь и увидимся“—и снова упалъ на подушку. Петръ посмотрѣлъ на необыкновенно красивое и симпатичное лицо товарища, опухшее теперь отъ пьянства, вздохнулъ и медленно вышелъ.

На дворѣ стоялъ бодрящій морозный воздухъ. Вчерашняя грязь и вода замерзли и блестяли подъ низкимъ солнцемъ. Петръ не пошелъ черезъ площадь и главные ворота монастыря, а отправился черезъ лѣсъ, по знакомой лѣсной тропинкѣ. На оголенныхъ вѣткахъ деревьевъ блестяли, какъ брилліанты, замерзшія

капельки воды, и Петръ сразу почувствовалъ, какъ вливаются въ его душу благоуханіе и музыка настоящей жизни. Въ лѣсу стояла необыкновенная тишина, только гдѣ-то въ кустахъ слышался пискъ одинокой синички, предвѣстницы наступающей зимы. Груды осеннихъ листьевъ блестѣли мѣстами отъ солнца, какъ вѣками накопленное золото. Прозрачный, легкій и чуткій воздухъ пронизывался спускающимися между вѣтвями теплыми лучами солнца. Голубыя далекія небеса говорили о нѣжныхъ и чистыхъ красотахъ вѣчной жизни и правды.

Петръ услышалъ, какъ подъ блескъ брилліантовыхъ капель, подъ шорохъ желтыхъ листьевъ подъ ногами, подъ пискъ одинокой птички въ кустахъ въ немъ заплѣла радость существованія. Въ восторгѣ онъ снялъ шапку, чтобы еще сильнѣе чувствовать вѣяніе свободного солнечнаго воздуха, чтобы изъ его головы скорѣе вывѣяло только-что повинное прошлое...

Петръ вышелъ на склонъ горы, и передъ нимъ открылся видъ—съ одной стороны на покинутый монастырь, съ другой—на плавающій въ прозрачной дымкѣ городъ; а между ними открывалась безконечная даль съ извивающейся блестящей рѣкой и тремя маленькими черными фигурками вѣтряныхъ мельницъ. Петръ остановился, взглянулъ въ послѣдній разъ на монастырь, заплѣлъ пѣсню и началъ спускаться со склона дальше въ лѣсъ...

А. Гусаковъ.

А Д А МЪ М И Ц К Е В И ЧЪ

И

Ж О Р ЖЪ-З А Н ДЪ

П А М Я Т И В. Д. С П А С О В И Ч А.

Два великихъ поэта, подъ однимъ плащомъ стоявшіе у памятника Петра Великаго, какъ два генія-хранителя, простершіе свои крылья надъ русской и польской литературой, завѣщали свою братскую дружбу двумъ народамъ. Самая временная размолвка поэтовъ, отразившаяся въ извѣстныхъ стихотвореніяхъ того и другого, кажется только облачкомъ, исчезающимъ въ лучахъ пророчески воспѣтаго Пушкинымъ „святого солнца“, при свѣтѣ котораго „скроется тьма“. При свѣтѣ этого „солнца“ мы наконецъ получили возможность читать: оду Пушкина „Вольность“, спустя 89 лѣтъ послѣ ея написанія, „Посланія къ Чаадаеву“, „Деревню“ и обращеніе Мицкевича „Къ русскимъ друзьямъ“, нынѣ впервые появляющееся по-русски. Еслибы судьба не заставила одного противъ воли „уйти отъ насъ на Западъ“, а другого, по его выраженію, не „дернуло съ душою и талантомъ въ Россію родиться“ и жить въ самое глухое, темное время, затаясь въ самомъ себѣ и, благодаря попеченіямъ цензуры, укрываясь даже „отъ истинной оцѣнки современниковъ“, — то оба великіе пророка-поэта явились бы членами одного и того же священнаго братства, главами двухъ братски идущихъ къ свободѣ народовъ.

Недавно намъ пришлось прочесть одновременно — вышедшій второй томъ академическаго изданія Пушкина и два тома „Посмертныхъ

произведеній“ Мицкевича ¹⁾, въ семидесятихъ годахъ изданныхъ сыномъ поэта съ безчисленными комментаріями, вступленіями, введеніями, предисловіями, послѣсловіями и приложениями; но всѣ они занимаютъ въ этихъ двухъ томикахъ лишь весьма немного мѣста, и тонутъ въ массѣ объяснительнаго матеріала. Если же разсматривать всѣ эти прибавленія, какъ самостоятельныя литературныя произведенія, то слѣдуетъ признать ихъ драгоцѣннѣйшимъ литературнымъ матеріаломъ, въ которомъ заключаются чрезвычайно полныя и точныя біографическія свѣдѣнія о Мицкевичѣ, критическія замѣчанія на всѣ его вышедшія до тѣхъ поръ біографіи ²⁾, интереснѣйшія данныя о его произведеніяхъ, о массѣ польскихъ писателей, дѣятелей и произведеній искусства, всевозможныя историческія справки, параллели и указанія и, наконецъ, цѣлый рядъ страницъ, посвященныхъ русско-польскимъ отношеніямъ; а потому можно сказать, что эти два тома, это—исторія русско-польскаго вопроса въ изложеніи Мицкевичей—отца и сына. И въ наши дни, когда русское освободительное движеніе сдѣлало польскій вопросъ вновь близкимъ намъ, чрезвычайно интересно отмѣтить, что и такой ярый патріотъ, какимъ въ этихъ двухъ томахъ является Владиславъ Мицкевичъ, высказывающій немало горькаго по адресу Россіи и русскихъ, —и онъ заканчиваетъ свое изданіе „Посвященіемъ памяти пяти декабристовъ“, пострадавшихъ за тѣ самые идеалы, которые неразрывно связываютъ исторію русскаго освободительнаго движенія съ польской борьбой за свободу, и при этомъ выражаетъ надежду и вѣру въ наступленіе свѣтлаго дня, когда сбудется то, о чемъ мечтали мученики обоихъ братскихъ народовъ.

Покойный Владиміръ Даниловичъ Спасовичъ, какъ извѣстно, поставилъ одной изъ главныхъ, если не самой главной цѣлью всей своей дѣятельности—содѣйствіе такому братскому сближенію. Мы имѣли уже случай убѣдиться, насколько безпристрастное слово и сочувственная оцѣнка литературнаго произведенія одного изъ польскихъ талантливыхъ писателей съ нашей стороны встрѣтила сочувствіе со стороны польскихъ интеллигентныхъ кружковъ. В. Д. былъ, повидимому, также очень доволенъ тѣмъ особымъ интересомъ, который мы проявили къ польскому писателю Сенкевичу; особенно памятенъ намъ вечеръ, когда, по случаю перепечатаннаго нами ему содержанія одной страницы дневника Жоржъ-

¹⁾ „Mélanges posthumes d'Adam Mickiewicz“, publiés avec Introduction, préface et notes par Ladislas Mickiewicz. Paris, 1872—79.

²⁾ Написанная имъ „Біографія Адама Мицкевича“ вышла много лѣтъ спустя, т. е. 1890 (I томъ)—1895 (IV томъ) гг.

Зандъ, посвященной разсказу о столкновеніи Мицкевича со Словацкимъ, онъ увлекся этимъ эпизодомъ и въ теченіе цѣлаго вечера разсказывалъ намъ романическую и бурную жизнь Словацкаго; никогда не забудемъ этой увлекательной импровизированной лекціи Спасовича по исторіи польской литературы. Мы рассчитывали тогда прочесть ему въ рукописи и этотъ нашъ очеркъ объ отношеніяхъ Мицкевича къ Жоржъ-Зандъ, но этому не суждено было осуществиться. Пусть же этотъ очеркъ, тѣмъ не менѣе, появится въ печати подъ покровомъ имени Владимира Даниловича, памяти котораго мы и посвящаемъ его.

I.

Принадлежа къ польской націи, Шопенъ первый ввелъ и Жоржъ-Зандъ въ новый кругъ интересовъ, до тѣхъ поръ совершенно ей неизвѣстный—въ міръ славянства. Самъ Шопенъ, Мицкевичъ, Нѣмцевичъ ¹⁾, Витвицкій, Словацкій ²⁾, Красинскій ³⁾,

¹⁾ *Юліанъ-Урсинъ Нѣмцевичъ*, писатель и политическій дѣятель, род. 1754 г., ум. 1841 г., былъ адъютантомъ Костюшки, съ которымъ вмѣстѣ былъ заключенъ въ крѣпости въ Петербургѣ; потомъ былъ секретаремъ сената и умеръ эмигрантомъ въ Парижѣ.

²⁾ *Юлій Словацкій*, младшій современникъ, соперникъ Мицкевича и другъ Красинскаго; авторъ „Кордіана“, „Ангелли“, „Баллады“, „Мазепы“, „Беніовскаго“, „Серебрянаго Сна“, „Саламена“, „Рѣцисса Дуба“ и нѣсколькихъ томовъ лирическихъ стихотвореній. Родился въ Кременцѣ 1809 г., съ 1831 г. жилъ въ Парижѣ, въ изгнаніи путешествовалъ по Швейцаріи и Италіи, Греціи, Палестинѣ, былъ сначала ярлымъ романтикомъ и байронистомъ, а подъ конецъ жизни—мистикомъ и товянистомъ, и въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ проповѣдывалъ возрожденіе на землѣ и метемпсихозу, вродѣ Пьера Леру, и воплощеніе идей въ народахъ и личностяхъ послѣ цѣлаго ряда существованій въ видѣ низшихъ организмовъ—отъ минерала до человѣка; ум. въ 1849 г.

³⁾ *Симизмундъ Красинскій*, третій послѣ Мицкевича и Словацкаго великій поэтъ польскій, симпатичнѣйшая, свѣтлая душа, род. въ 1812 г., въ аристократической семьѣ, преданной русскому правительству; послѣ повстанія былъ одно время увезенъ въ Петербургъ и долженъ былъ поступить на русскую службу, но, по болѣзни, уѣхалъ за границу, жилъ въ Римѣ, Вѣнѣ и Парижѣ, въ Ниццѣ и Германіи; при жизни всѣ его сочиненія, по соображеніямъ родственниковъ, вышли безъ имени автора, и онъ долго былъ извѣстенъ подъ именемъ Анонимнаго поэта польскаго; въ нихъ онъ въ прекрасной формѣ выражалъ глубокія философскія мысли. Таковы: „Небожественная Комедія“, „Иридіанъ“, „Лѣтняя ночь“, „Разсвѣтъ“, „Беатриче“ и знаменитый „Псаломъ доброй воли“, не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ поэмъ и лирическихъ стихотвореній. Подъ конецъ жизни онъ разошелся со Словацкимъ, главнымъ образомъ, изъ-за религіозныхъ и политическихъ убѣжденій (чему свидѣтельствомъ остались произведенія обоихъ поэтовъ, вылившихъ въ нихъ горечь разочарованія другъ въ другѣ). Умеръ онъ въ 1859 г.

братья Ходзько, два Гржималы, друзья Шопена—Матушинскій и Фонтана и вся эмиграціонная польская аристократія въ Парижѣ, были цѣлою, впервые открывшейся писательницѣ сферой мыслей, чувствъ и характеровъ. Не забудемъ, что Мицкевичъ былъ въ то время въ апогеѣ своей славы; что вокругъ него, какъ ореолъ, разливалась увѣренность въ его чуть не сверхъ-естественномъ призваніи; что среди его друзей только и говорили, что о мессіанизмѣ польскаго народа и объ особомъ призваніи славянства вообще; что эти идеи находили себѣ горячаго приверженца въ лицѣ Пьера Леру, который проповѣдывалъ, что вѣчная правда въ своемъ „непрерывномъ прогрессѣ“, въ таинственной преемственности переходитъ отъ одного народа къ другому, воплощаясь послѣдовательно то въ одномъ, то въ другомъ изъ нихъ. Поэтому Леру легко увѣровалъ и сталъ увѣрять другихъ въ будущей миссіи польскаго и вообще славянскихъ народовъ—стать окончательными производителями и насадителями на землѣ идеи христіанской любви, равенства и братства. Понятно, что и Жоржъ-Зандъ прониклась глубочайшей симпатіей къ Мицкевичу, къ полякамъ вообще и вѣрой въ славянскій мессіаниззмъ.

Познакомившись съ Мицкевичемъ зимою 1836 г., когда она жила, послѣ поѣздки въ Швейцарію, въ „Hôtel de France“, въ Парижѣ, Ж.-Зандъ уже въ 1837 г. приложила много стараній къ тому, чтобы помочь постановкѣ на сценѣ театра „Porte-St.-Martin“ неудачной драмы Мицкевича, на французскомъ языкѣ, „Барскіе Конфедераты“. Драма эта побывала въ рукахъ многихъ писателей, и всѣ они, искренно и изъ любезности, расточали ей похвалы, но всѣ болѣе или менѣе единогласно отмѣчали непригодность ея для французской сцены ¹⁾.

Такъ, еще зимою, въ „Hôtel de France“, графиня д'Агу, жившая тамъ вмѣстѣ съ Жоржъ-Зандъ, передала драму Фелисьену Мальфилю, молодому драматургу, начинавшему въ тѣ годы свою карьеру, близкому пріятелю Жоржъ-Зандъ, гостившему въ Ноганѣ въ

¹⁾ В. Д. Спасовичъ („Исторія славянскихъ литературъ. Польская литература“ стр. 668) называетъ эту драму „слабой“, а Балдиковский говоритъ, что она „лишена всякой драматичности“ (см. „Биографію Адама Мицкевича“, написанную его сыномъ, стр. 392, т. II). Но тотъ же сынъ Мицкевича приводитъ въ „Приложеніи“ къ 5-й серіи „Посмертныхъ сочиненій“ отца рядъ статей польскихъ журналовъ 1872 г., въ которыхъ яствуетъ, что когда въ столѣтнюю годовщину барской конфедераціи въ Краковѣ были поставлены два акта этой драмы, то они имѣли большой успѣхъ. Мы полагаемъ, что этотъ успѣхъ былъ скорѣе патріотическій, чѣмъ артистическій.

1837—38 годахъ ¹⁾. Въ мартѣ ее читалъ Альфредъ де-Виньи ²⁾. Затѣмъ она увезла ее съ собою въ Ноганъ и даже, какъ она выражается, „похитила“, чтобы дать ее прочесть Жоржъ-Зандъ, а послѣдняя, по прочтеніи, сдѣлала на поляхъ свои замѣчанія, о чемъ онѣ обѣ и сообщили Мицкевичу въ слѣдующихъ письмахъ, напечатанныхъ Мицкевичемъ-сыномъ въ тѣхъ же „Посмертныхъ сочиненіяхъ Адама Мицкевича“:

„М. Г.—Я позволила себѣ написать нѣсколько словъ *перомъ* рядомъ со словами *карандашомъ*, которыя я нашла на поляхъ вашей рукописи. Я не знаю, кѣмъ сдѣланы эти исправленія, но не могу не признать ихъ по большей части плохими, и думаю, что вы гораздо лучше знакомы съ силой и энергіей нашего языка, чѣмъ то лицо, которому вы поручили сдѣлать эти исправленія. Я не позволю себѣ выразить сужденія о всей совокупности вашего произведенія; по части драмы я не компетентный судья. Кромѣ того, я питаю такое восхищеніе и такую симпатію ко всему написанному вами, что если и слѣдовало бы что-нибудь измѣнить въ новомъ вашемъ произведеніи,—я не могла бы этого замѣтить. Итакъ, буду говорить лишь о стилѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стиль господствуетъ надъ дѣйствіемъ, онъ показался мнѣ столь же прекраснымъ, какъ стиль самыхъ высшихъ писателей на нашемъ языкѣ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по необходимости дѣйствіе господствуетъ надъ стилемъ (за исключеніемъ кое-какихъ неправильностей, о которыхъ смѣшно и упоминать, до того вамъ легко ихъ исправить), стиль показался мнѣ такимъ, каковымъ онъ долженъ быть—только слишкомъ отрывистымъ (*trou brisé*), особенно вслѣдствіе особаго характера роли палатина, сила выразительности котораго именно въ умолчаніяхъ. Можетъ быть, именно поэтому самому всѣ остальные дѣйствующія лица должны были бы быть болѣе скупы на умолчанія и остановки. Духъ нашего языка не допускаетъ ихъ такъ много, и хотя наши новѣйшіе писатели щедры на нихъ, но наши старые знаменитые мастера, которые являются предками *по свойству* (*par alliance*) вашего генія, очень скупы на нихъ.

Я очень смущена тѣмъ, что позволяю себѣ подобныя замѣчанія относительно такой величины, какъ вы. Я не рискнула бы

¹⁾ См. „Mélanges Posthumes“ d'Adam Mickiewicz, 1-ère série: „Dramas Polonais, Préface“, p. 15—16. Lettre de Félicien Mallefille à M-r Ladislas Mickiewicz du 2 Août 1867.

²⁾ Ibidem, p. 12. Lettre d'Alfred de Vigny à Adam Mickiewicz du 1 Avril 1837.

сдѣлать ихъ, еслибы вы, по своей добротѣ, не попросили о томъ меня, недостойную, но искреннюю поклонницу вашей мощи (puissance). Что касается до успѣха драмы, то мнѣ невозможно что бы то ни было предвидѣть на этотъ счетъ. Французская публика до того нынче низменно глупа (ignoblement stupide), она аплодируетъ такимъ глупымъ успѣхамъ, что я ее считаю способной на все, даже на то, чтобы освищать пьесу Шекспира, еслибы ее поставили подъ новымъ именемъ. Могу лишь сказать, что если прекрасное, великое и сильное должно увѣнчаться успѣхомъ, то ваше произведеніе и будетъ увѣнчано. Примите, М. Г., увѣреніе въ моей искренней и совершенной преданности. — Жоржъ”.

Приведемъ и письмо гр. д’Агу, повидимому, посланное въ томъ же конвертѣ, какъ и письмо Жоржъ-Зандъ:

„Ноганъ, близъ Ла-Шаotra.
(Безъ числа.)

„Вотъ, М. Г., драгоценная рукопись, которую я у васъ похитила. Госпожа Зандъ, вѣроятно, написала вамъ то, что она о ней думаетъ. Мнѣ нечего прибавить, развѣ только, что она — самый искренний человѣкъ, котораго я когда-либо встрѣчала. Мальфилъ всегда будетъ къ вашимъ услугамъ для передѣлки сценъ и для прочтенія пьесы въ театрѣ, если вы найдете нужнымъ воспользоваться имъ. Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть васъ здѣсь до моего отъѣзда. Я рассчитываю пробить здѣсь еще около мѣсяца. Пусть мой добрый геній внушитъ вамъ мысль пріѣхать сюда ¹⁾. Прощайте, М. Г. Никто на свѣтѣ не восхищается вами болѣе, чѣмъ я. Я увожу съ собою ²⁾ неизгладимое воспоминаніе благосклонности, съ которою вы ко мнѣ относились. — Марія”.

Мицкевичъ отвѣтилъ Жоржъ-Зандъ слѣдующимъ неизданнымъ письмомъ, оригиналъ котораго лежитъ передъ нами:

„Мысль о томъ, что я вамъ далъ прочитатъ эту драму, продолжаетъ тяготить меня. Я не скажу самъ, отчего происходитъ

¹⁾ Еще 5 апрѣля 1837 г., Ж.-Зандъ писала графинѣ д’Агу въ Парижъ:... „Скажите Миц... (способъ, удобный безошибочно писать польскія имена), что мое перо и мой умъ — къ его услугамъ, и они слишкомъ счастливы, если могутъ быть таковыми. rrr... (т.-е. Гржималъ) скажите, что я его обожаю; Шопену — что я его боготворю; сѣмъ, кого вы любите, что и я ихъ люблю, и что разъ вы ихъ привезете, всѣ они — желанные гости“. См. также „Жоржъ-Зандъ, ея жизнь и произведенія“, т. 12, стр. 568—562.

²⁾ Гр. д’Агу собиралась тогда въ продолжительное путешествіе по Италіи, вмѣстѣ съ Листомъ.

эта тягота, ибо мнѣ пришлось бы много и долго говорить о своемъ произведеніи и о моихъ чувствахъ къ вамъ. А говоря обо всемъ этомъ, я, пожалуй, впалъ бы изъ мелодрамы въ мело-комплименты. Къ тому же ваше любезное, и слишкомъ любезное, письмо отняло у меня смѣлость состязаться съ вами въ поэтической любезности. Я ограничусь тѣмъ, что прозаично, но очень сердечно поблагодарю васъ за ваше доброе дѣло. Тѣ немногія замѣчанія, которыя вы мнѣ сообщаете, кажутся мнѣ справедливыми, я ихъ предчувствовалъ, я даже какъ будто прочелъ ваши недомолвки.

„Общее обозрѣніе вашихъ примѣчаній произвело на меня впечатлѣніе смотря національнымъ гвардейцамъ, между которыми замѣчается масса отсутствующихъ. Что касается до нѣкоторыхъ преступленій противъ стиля, про которыя вы говорите, что я ихъ совершилъ, подстрекаемый къ тому примѣромъ французскихъ авторовъ, то я, къ несчастію, долженъ взять на себя самого отвѣтственность за это. Я не знакомъ ни съ однимъ изъ парижскихъ театровъ, кромѣ оперы, я не читалъ новыхъ пьесъ до тѣхъ поръ, пока не сочинилъ свою, но такъ какъ въ пылу сочиненія я часто гулялъ по бульварамъ, призывая генія *loci*, то кажется, что это высокое божество облагодѣтельствовало меня своими вдохновеніями. Я знаю, что вы не созданы на то, чтобы опѣивать красоты подобнаго рода. Какъ бы то ни было, мое произведеніе, или, лучше сказать, моя рукопись сдѣлалась теперь драгоценной для меня, благодаря нѣсколькимъ вашимъ примѣчаніямъ. Вы говорите, что надо преподнести эти примѣчанія директору *Porte-St.-Martin*. Пусть онъ увидитъ, пусть дотронется перстомъ на моемъ авторскомъ лицѣ до этихъ автографныхъ знаковъ, которые классиками были бы названы въ стилѣ Овидія „почетными слѣдами очаровательныхъ поетей“. Вы не разрѣшали мнѣ совершить эту нескромность, но я надѣюсь, что вы не будете на это въ претензіи. Милости „Высокой Порты“ ¹⁾ покупаются этой цѣной.

„Жена моя ²⁾ поручаетъ мнѣ передать вамъ тысячу всякихъ вещей, или, вѣрнѣе сказать, одну единственную, а именно, что она никогда не забудетъ вашей доброты къ намъ. Гржимала ³⁾

¹⁾ Непереводимая игра словъ по поводу названія театра *Porte-St.-Martin* (Воротъ Св. Мартина) и *Sublime Porte* (Высокая Порта).

²⁾ Мицкевичъ былъ женатъ на Селинѣ Шимановской, дочери извѣстной піанистки Маріи Шимановской.

³⁾ Пріятель Шопена, графъ Войцѣхъ (или Альбертъ) Гржимала, род. въ 1793 г. въ Дунаевцахъ, въ Подоліи, сначала былъ военнымъ, былъ адъютантомъ у Зайончкѣ.

просить напомнить вамъ о немъ; онъ двадцать разъ перечиталъ ваше письмо и комментировалъ всякую фразу, и всякій разъ въ самомъ благопріятномъ для автора смыслѣ. Онъ гордится этимъ письмомъ, онъ счастливъ имъ столько же, сколько я самъ. Вы видите, что вы осчастливили у насъ многихъ. Если М-ше д'Агу еще у васъ, я попрошу васъ передать ей прилагаемую записку. Она была такъ добра, что приглашала меня къ вамъ. Одному Богу извѣстно, какъ я хотѣлъ бы пріѣхать. Но это не легко въ настоящую минуту. Тѣмъ не менѣе, „занову въ протоколъ“ (je prends acte) это приглашеніе и позволю себѣ воспользоваться имъ, какъ только будетъ возможно.

„Благоволите вѣрить искренней благодарности преданнаго вамъ Адама Мицкевича.

„Парижъ, Улица Валь-де-Грасъ № 1 и 3.—8 іюня“ (1837).

Вскорѣ Мицкевичъ уѣхалъ въ Швейцарію; Жоржъ-Зандъ въ слѣдующіе годы тоже мало бывала въ Парижѣ, и вопросъ о постановкѣ „Барскихъ Конфедератовъ“ заглохъ. Но, находясь на Майоркѣ, Жоржъ-Зандъ написала цѣлую статью о „Дзядзахъ“ Мицкевича (т.-е. о такъ называемой третьей части ихъ), которая подъ заглавіемъ: „Essai sur le drame phantastique: Goethe, Byron et Mickewicz“, вышла уже по возвращеніи ея въ Парижъ въ декабрѣ 1839 г., въ „Revue des deux Mondes“¹⁾. Въ этой статьѣ Жоржъ-Зандъ сравнивала „Дзядовъ“, „Фауста“ и „Манфреда“,

и у Іосифа Понятовскаго, участвовалъ въ войнѣ двѣнадцатаго года, былъ взятъ въ плѣнъ, прожилъ три года въ Полтавѣ вмѣстѣ съ Зайончкомъ, отношенія къ семьѣ котораго впоследствии очень повредили ему въ общественномъ мнѣніи. Затѣмъ онъ былъ депутатомъ и секретаремъ сейма; послѣ того, сдѣлавшись членомъ такъ наз. „Патріотическаго Общества“, онъ попалъ вмѣстѣ съ другими подъ судъ, предъ которымъ держалъ себя весьма жалко. Судъ сначала приговорилъ его къ трехмѣсячному заключенію, но затѣмъ, по приказанію императора Николая, всѣ обвиненные были задержаны, перевезены въ Петербургъ и заключены въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ Гржимала и отсидѣлъ до 1829 г. Его несчастья примирили съ нимъ общество, онъ былъ впоследствии директоромъ Польскаго банка, выступалъ и въ качествѣ писателя (онъ написалъ: „Myśli Polaka konstytucyjnego“), а домъ его, благодаря его женѣ, поразительной, „миеологической“ красавицѣ, былъ любимымъ центромъ художниковъ и писателей, въ томъ числѣ Козьмына и Шопена. Впоследствии Гржимала былъ эмигрантомъ и умеръ въ Парижѣ въ 1855 г. Какъ человекъ, онъ былъ, по мнѣнію многихъ, не Богъ-вѣсть какой, но обязательный и милый. О немъ см.: Hossick, „Chopin“, стр. 451 — 454, гдѣ приводятся также выдержки о немъ изъ книги Симона Аскенази: „Zabiegi dyplomatyczne polski“ и изъ воспоминаній Козьмына—довольно суровыя и тѣ, и другія.

¹⁾ Въ полномъ „Собраніи сочиненій Жоржъ-Зандъ“, изданномъ Леви, вошла въ томъ: „Autour d'une Table“:

причемъ первымъ отдавала пальму первенства, какъ за глубину ихъ основной идеи, такъ и за силу чувства и яркость образовъ, воплотившихъ въ себѣ эту идею. Между прочимъ, она ставила Гёте въ вину даже то, что до сихъ поръ критиками всего міра всегда признавалось за высочайшее доказательство художественнаго таланта: правдивость и реальность человѣческихъ характеровъ.

„Гёте — говорить она — рабъ *правдивости* ¹⁾, т.-е. обыденной истины, заклятой врагъ романическаго героизма, какъ и абсолютной испорченности, не могъ рѣшиться сдѣлать человѣка вполне добрымъ, ни чорта вполне злымъ. Прикованный къ настоящему, онъ изобразилъ вещи такими, какъ онѣ есть, а не такими, какими онѣ должны бы быть. Вся мораль его произведений заключалась въ томъ, чтобы никогда не оправдать и не осудить ни одну изъ добродѣтелей или пороковъ, олицетворяемыхъ его дѣйствующими лицами. Точнѣе сказать, его дѣйствующія лица никогда не олицетворяютъ вполне ни добродѣтели, ни порока. Самые великіе имѣютъ свои слабости, самые виновные — свои добродѣтели. Самый честный изъ его героевъ, благородный Берлихингенъ, дозволяетъ увлечь себя предательству, которое пятнаетъ конецъ его жизни, а негодный Вейслингенъ умираетъ въ раскаяніи, за которое его грѣхи простятся ему. Гёте какъ будто съ отвращеніемъ смотрѣлъ на какой бы то ни было моральный выводъ, на какую бы то ни было увѣренность“ ²⁾.

Полагаемъ, что самый восторженный поклонникъ гениальнаго нѣмецкаго поэта можетъ согласиться повторить эти слова Жоржъ-Зандъ, но, конечно, они заключаютъ въ себѣ гораздо сильнѣйшую критику самого критика, но не великаго творца „Гёца“.

Вообще, хотя статья Жоржъ-Зандъ о „Дзядяхъ“ надѣлала въ свое время много шума, сослужила громадную службу Мицкевичу, въ смыслѣ ознакомленія съ нимъ европейской публики и признанія за нимъ права считаться равнымъ величайшимъ поэтамъ міра, и до сихъ поръ она часто цитируется и поляками, и французами, — но мы имѣемъ смѣлость признать ее весьма неважною; написана она съ туманностью и расплывчатостью, совершенно похожей на стиль Леру, и мало доказательна. Статья развѣ только доказываетъ восхищеніе и безграничное преклоненіе автора „Спиридіона“ предъ авторомъ „Валленрода“, разумѣется, прежде всего навѣянное Шопеномъ; будучи на Майоркѣ, онъ выписалъ французское изданіе „Дзядовъ“ ³⁾ для

¹⁾ Курсивъ Жоржъ-Зандъ.

²⁾ См. „Autour de la Table“, стр. 136.

³⁾ „Dziady“ ou la „Fête des Morts“, poème traduit du polonais d'Adam Mic-

совмѣстнаго чтенія, а также нерѣдко.—то à livre ouvert переводилъ для Жоржъ-Зандъ польскихъ авторовъ, напр. Витвицкаго, то знакомилъ ее съ ними въ переводахъ другихъ. Такъ напр., еще когда Жоржъ-Зандъ писала свои „Семь струнъ лиры“, вышедшія весною 1839 г., то эпиграфомъ взяла какую-то переведенную другимъ Гржималой ¹⁾ славянскую пѣснь „Les Coeurs désignés“.

Когда въ 1840 г. Мицкевичъ вернулся въ Парижъ, то засталъ и Жоржъ-Зандъ съ Шопеномъ въ rue Pigalle, и они стали опять часто видѣться. Жоржъ-Зандъ возобновила или вновь завела знакомство со многими изъ общихъ друзей; другихъ Мицкевичъ самъ познакомилъ съ нею. Вотъ маленькая, также неизданная, записочка Мицкевича, помѣченная лишь: „Вторникъ, 8-ю марта“, безъ обозначенія года, но такъ какъ она адресована въ „улицу Пиналь, 16“, гдѣ Жоржъ-Зандъ жила лишь до осени 1842 г., и такъ какъ именно въ этомъ году 8-е марта приходилось на вторникъ, то мы ее и относимъ категорически къ этому году:

„Если у васъ есть нѣсколько свободныхъ минутъ сегодня послѣ четырехъ часовъ, то позвольте мнѣ явиться къ вамъ и представить вамъ М-ше Оливье. — Преданный вамъ Мицкевичъ.“

„Вторникъ, 8-го марта“ (1842 г.).

Что этотъ „вторникъ 8-го марта“ былъ именно въ 1842 году, подтверждается, кромѣ календаря, еще слѣдующими строками изъ дневника этой самой пріятельницы Мицкевича и Сентъ-Бѣва, швейцарской поэтессы М-ше Juste Olivier, записавшей въ своемъ дневникѣ сначала подъ 5 марта 1842:

„Мицкевичъ принесъ мнѣ очень любезное письмо отъ Жоржъ-Зандъ, и полагаетъ, что Шопенъ—ея злой геній, ея нравственный вампиръ, ея крестъ,—что онъ ее мучаетъ и, можетъ быть, кончить тѣмъ, что убьетъ ее“.

А затѣмъ, уже подъ 8 марта, она описываетъ такъ свой первый визитъ къ Жоржъ-Зандъ:

„Вторникъ 8 марта.—Визитъ къ М-ше Зандъ. Она скорѣе

kiewicz, 2-me et 3-me parties, 1 vol. in 16°. Paris, Clétienne. 1834. Переводъ слѣланъ г. Бюрго де Марэ (Burgaud des Marets) подъ руководствомъ самого Мицкевича.

¹⁾ Это былъ не Войцѣхъ Гржимала, а писатель Францишекъ Гржимала, критикъ, издатель „Астрон“ и „Сивиллы“, тотъ самый, которому Мицкевичъ посвятилъ немало стихотвореній.

хорошенькая женщина, чѣмъ дама; но минутами и болѣе дама, чѣмъ я воображала. Въ сущности—простая и добродушная. Сильная (*forte*) тѣломъ и духомъ, а пальцы крошечные и красиво, съ безпритязательной граціей держащіе сигаретку. Простой нарядъ; чудные глаза и много индивидуальнаго даже въ простой прическѣ ея черныхъ волосъ. Въ глубинѣ большого двора, передъ маленькой дверью—экипажъ съ гербами и мизерная лѣстница. Служанка, которой видимо помѣшали, довольно грязная; маленькія комнатки, цвѣты, рѣдкости; въ общемъ, видъ нѣкоторой безпорядочности среди роскоши. Она ненавидитъ Парижъ и считаетъ себя несчастной¹⁾.

Мужу своему М-ше Оливье пишетъ про этотъ визитъ такимъ образомъ: „Во вторникъ я видѣла М-ше Зандъ, которая меня очень хорошо приняла и которую я нашла гораздо болѣе хорошенькой женщиной, чѣмъ ожидала, но также по виду гораздо болѣе полной¹⁾ и гениальной, чѣмъ я полагала, и все это съ прибавкой сигаретки и „кончика уха“, выдающаго то Пьера Леру, то Раблэ. Она была очень добра, проста и привѣтлива, и сегодня мы у нея обѣдаемъ,—Мицкевичъ и я,—чтобы послушать Шопена. Не правда ли,—я храбрая?“²⁾

Мы откладываемъ пока описаніе этого обѣда 11-го марта³⁾, также занесеннаго госпожей Оливье въ свой дневникъ, отмѣчая лишь, что она вторично и, разумѣется, опять подъ влияніемъ мнѣнія Мицкевича говорить о томъ, что Шопенъ врядъ-ли можетъ составить счастье Жоржъ-Зандъ, ибо, говорить она, это „человѣкъ умный, талантливый“, но не думаю, чтобы онъ былъ сердечнымъ⁴⁾...

Шопенъ врядъ-ли зналъ о такомъ мнѣніи Мицкевича и относился къ нему попрежнему съ искреннимъ уваженіемъ и горячей симпатіей. Съ не менѣе горячей симпатіей относилась къ нему и Жоржъ-Зандъ, и такъ какъ прежде всего всегда старалась сдѣлать своимъ друзьямъ что-нибудь доброе, помочь, оказать услугу, то и подумала вновь о томъ, нельзя ли поставить „Барскихъ Конфедератовъ“ на сцену или хотя напечатать ихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая, также приводимая Влад. Мицкевичемъ, записочка ея, по-

¹⁾ Трудно рѣшить, означаетъ ли въ данномъ случаѣ французское двусмысленное прилагательное *forte* — полноту начавшей тогда уже сильно полнѣть писательницы, или же силу ея мнѣній и ума.

²⁾ См. Léon Séché: „Sainte-Beuve“, 2 vol. Paris, 1904, t. II, pp. 109—111.

³⁾ Эта пятница была въ посту, и Витвицкій, также присутствовавшій на обѣдѣ, но не обѣдавшій по религиознымъ соображеніямъ, ужасался, что Мицкевичъ не соблюдалъ поста и обрядовъ. (См. „Біографію Мицкевича“, т. III, стр. 148).

мѣченная тоже лишь „вторникомъ“ и относимая имъ къ слѣдующему, 1843 году. Въ „Біографіи“ отца онъ относитъ это письмо къ 1840 г., но отвѣтъ Мицкевича, адресованный въ „Cour d'Orléans“, куда Жоржъ-Зандъ переехала лишь осенью 1842 г., и послѣдующія неизданныя письма Мицкевича тѣсно связаны по содержанию съ этимъ письмомъ; поэтому мы всѣ ихъ относимъ къ веснѣ 1843 г.

„Не хотите ли вы, чтобы въ тѣ немногіе дни, которые я еще пробуду здѣсь, я бы перечла вашу драму? Если она непригодна для сцены, то почему бы вамъ ее не напечатать? Я припоминаю, — она прекрасна. Довѣрьте ее мнѣ. Зачѣмъ же оставлять ее почивать? Ничто изъ всего того, что вы написали, не можетъ быть бесполезнымъ или индифферентнымъ. — Всѣмъ сердцемъ ваша — Ж.-Зандъ“.

Мицкевичъ отвѣтилъ слѣдующимъ, опять-таки имѣющимся у насъ, неизданнымъ письмомъ:

„Госпожѣ Жоржъ-Зандъ. Cour d'Orléans, 5.

„Я привесу вамъ мою драму. Дайте прочесть ее Бокажу. Но мнѣ надо переговорить съ вами о болѣе важномъ предметѣ. Я думаю, что можно было бы обработать для сцены „Адскую Комедию“, и что Бокажъ, съ помощью всего двухъ актеровъ, былъ бы въ состояніи сыграть ее. Это требуетъ поясненій. Я не знаю, что изъ этого можетъ выйти, но такъ какъ вы для меня личность, всегда предвѣщающая счастье (de bonne augure), то я предчувствую, что изъ этого что-нибудь да выйдетъ, разъ вы первая объ этомъ заговорили. — Вашъ вѣрный — Мицкевичъ“.

Жоржъ-Зандъ тотчасъ же исполнила его желаніе и извѣстила его о томъ коротенькой запиской, приводимой сыномъ Мицкевича: „Я передала драму Бокажу. Я жду его отвѣта“.

„Барскіе Конфедераты“, несмотря на всѣ хлопоты Жоржъ-Зандъ и ея друзей, такъ и не попали на сцену, а самая рукопись, ходя по рукамъ, растерялась; остались лишь первыя два дѣйствія, которыя сынъ Мицкевича напечаталъ въ его „Посмертныхъ Сочиненіяхъ“, приложивъ къ нимъ, по поводу утраты рукописи, переписку Ж.-Зандъ (которая говоритъ, что больше въ ея руки эта рукопись уже не возвращалась) съ граф. д'Агу, Мальфилемъ, Гржималой и т. д., — словомъ, со всѣми, кто между 1837 и 1843 гг. принималъ участіе въ попыткахъ поставить на французскую сцену эту драму.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Мицкевичъ упоминаетъ о „Небожественной Комедіи“ Красинскаго, названной имъ по-французски, какъ здѣсь, такъ и въ читавшихся имъ въ тѣ годы въ „Collège de France“ лекціяхъ по славянскимъ литературамъ, „Адской Комедіей“ (la Comédie Infernale); и вотъ, съ одной стороны, именно къ этимъ лекціямъ Мицкевича и къ желанію его содѣйствовать всѣми способами распространенію славы Красинскаго и, въ частности, его „Адской Комедіи“, а съ другой стороны, къ горячей поддержкѣ словомъ и дѣломъ, оказанной ему въ этомъ Жоржъ-Зандъ, — и относится, главнѣйше, цѣлый рядъ неизданныхъ писемъ Мицкевича и общихъ друзей, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, а также и одно, никогда никѣмъ неупоминаемое и въ наши дни даже *зандистамъ* неизвѣстное произведеніе Жоржъ-Зандъ, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ и на которое въ печати дважды указывалъ Владиславъ Мицкевичъ — разъ по-французски и разъ по-польски.

II.

Еще 22-го декабря 1840 г., Мицкевичъ началъ въ „Collège de France“ свои лекціи по кафедрѣ славянскихъ литературъ. Слава этихъ лекцій скорѣ распространилась далеко за предѣлы университетскихъ круговъ и стала привлекать въ его аудиторію не только массу молодежи, но и многихъ изъ самыхъ выдающихся въ тѣ годы ученыхъ и писателей.

Христіанъ Островскій, переведшій въ сороковыхъ годахъ произведенія Мицкевича на французскій языкъ, приложилъ къ предисловію второго изданія своего перевода статью извѣстнаго публициста Ипполита Люкаса, который, рассказывая въ одной парижской газетѣ о лекціяхъ Мицкевича зимою 1842 г., говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Гг. Амперъ, де-Монталамберъ, де-Сальванди, Мишлѣ, Сентъ-Бѣвъ, Жоржъ-Зандъ, — вотъ тѣ особы, которыя во имя цивилизаціи приходятъ, чтобы овладѣть той новой половиной сферы мысли, которую польскій ученый взялся открыть предъ нею“...

Сентъ-Бѣвъ также сообщалъ своей пріятельницѣ, М-ше Жюсть Оливье (въ январѣ 1841 г. еще не пріѣхавшей въ Парижъ), о посѣщеніи имъ самимъ и Жоржъ-Зандъ лекцій Мицкевича въ такихъ выраженіяхъ:

„Съ тѣхъ поръ, что я вамъ писалъ, я слышалъ Мицкевича (не поздоровавшись еще съ нимъ, такъ какъ мы все

еще ищемъ другъ друга),—слышалъ его на разстояніи и остался очень доволенъ. Есть краснорѣчіе въ самыхъ его запискахъ, а глубокое выраженіе еще подчеркивается усилями. М-ме Зандъ очень аккуратно посѣщаетъ эти лекціи, и на дняхъ ей тамъ аплодировали*... ¹⁾

Наконецъ, и Дюмениль (Dumesnil) ²⁾ сообщаетъ своимъ роднымъ, что когда бываетъ на лекціяхъ Мицкевича и устаетъ записывать, то подымаетъ голову и поочередно смотритъ то на лектора, то на М-ме Зандъ ³⁾.

Очевидно, слушательница эта обращала на себя всеобщее вниманіе на лекціяхъ славянскаго поэта.

Самая точка отправленія Мицкевича, его проповѣдь великаго призванія польскаго народа и славянства, вообще вполне отвѣчали идеямъ Леру, а слѣдовательно и тогдашнимъ вѣрованіямъ Жоржъ-Зандъ. И вотъ прежде всего Жоржъ-Зандъ успѣшила добыть текстъ лекцій Мицкевича для помѣщенія въ издававшейся ею сначала въ сообществѣ съ Леру и Віардо, а потомъ Фердинандомъ Франсуа, „Revue Indépendante“, и для того обратилась къ другу, послѣдователю и французскому издателю Мицкевича, слависту и ориенталисту, Александру Ходзько ⁴⁾. Съ Ходзько у Жоржъ-Зандъ незадолго передъ тѣмъ завязались особенно дружескія отношенія, благодаря тому, что, заинтересовав-

¹⁾ „Correspondance inédite de Sainte-Beuve avec M. et M-me Juste Olivier, publiée par M-me Bertrand; Introduction et notes de Léon Séché“. Paris, 1904.

²⁾ Альфредъ Дюмениль, впоследствии явля Мишлэ и его преемникъ по кафедрѣ.

³⁾ См. „Żywot Adama Mickiewicza podług zebranych przez siebie materiałów oraz z własnych wspomnień opowiedział Władysław Mickiewicz. (Poznań. 1890—5 гг., четыре тома), том III, стр. 55.

⁴⁾ Изъ братьевъ Ходзько классикъ *Иматій* (см. Спасовичъ, „Польская Литература“, стр. 742) былъ беллетристомъ и написалъ рядъ рассказовъ изъ литовскаго быта (род. 1794, ум. 1861 г.), *Леонардъ* (см. Влад. Мицкевичъ, „Посмертныя Сочиненія Адама Мицкевича“, 2-ая серія: „Къ благосклонному читателю“, стр. X—XV)—былъ первымъ по времени биографомъ Мицкевича, помѣстившимъ статью о немъ въ „Biographie universelle et portative des contemporains, ou Dictionnaire historique des hommes vivants et des hommes morts depuis 1788 jusqu'à nos jours“, издававшейся Альф. Раббе. Наконецъ — Александръ Ходзько, другъ Мицкевича и Шопена, род. въ 1804 г. въ минской губ., учился въ виленскомъ университетѣ, часто бывалъ въ домѣ матери и отчима Словацкаго, д-ра Бекю, и уже тогда изучалъ белорусскія пѣсни. Въ 1823 г. поступилъ, въ Петербургъ, въ Институтъ восточныхъ языковъ и около этого времени написалъ поэму въ восточномъ духѣ, „Дераръ“. Затѣмъ издалъ въ Петербургѣ, въ 1829 г., Сборникъ балладъ, легендъ, элегій, новогреческихъ пѣсней, переводовъ изъ Пушкина и Байрона. Въ 1830 г. онъ слѣдовалъ путешеству по Персіи, гдѣ специально изучалъ персидскую поэзію. Послѣ 1831 г. переселился въ Парижъ, написалъ по-англійски и французски рядъ изслѣдованій о восточной поэзіи, славянскихъ народныхъ произведеніяхъ, пѣсняхъ литовскихъ, чеш-

пись сочиненіемъ его о персидской поэмѣ „Курроглу“¹⁾, она помѣстила въ своей „Revue Indépendante“, вслѣдъ за нѣсколькими сочувственными строками объ авторѣ изслѣдованія, цѣлый краткій пересказъ самой поэмы²⁾.

Хотя о книгѣ Ходзько уже лестно отзывались англійскіе журналы, „Атэнеумъ“ и „Азіатская Газета“, но Ходзько хорошо оцѣнилъ ту громадную услугу, которую Жоржъ-Зандъ оказывала ему своей статьей: „Быть введеннымъ въ извѣстность среди европейской публики посредствомъ такого могущественнаго орудія, какъ ваше золотое и шолковое перо“, — писалъ онъ ей на своемъ нѣсколько вычурномъ французскомъ языкѣ, 17-го декабря 1842 г., въ отвѣтъ на ея письмо отъ 15-го, въ которомъ она просила его прислать ей отрывки изъ его книги для своей статьи, — „это такое преимущество и такой почетъ, что, какъ вы и сами хорошо знаете, никакое самолюбіе не смѣетъ ни разсчитывать на нихъ, ни заслужить ихъ“...

И вотъ когда, посѣщая лекціи Мицкевича зимою 1842—43 г., Жоржъ-Зандъ захотѣла это „золотое и шолковое перо“ вновь заставить послужить славѣ великаго польскаго поэта, она обратилась прежде всего къ тому же самому другу Мицкевича, Александру Ходзько, прося его доставить на этотъ разъ уже не собственное его сочиненіе, а стенографическій отчетъ лекцій Мицкевича. Къ этому новому литературному замыслу ея относятся слѣдующія строки Ходзько:

„М. Г. Тетради, которыя я при семъ прилагаю, выѣстъ съ тѣми, которыя уже находятся у васъ, — составляютъ все, что до сихъ поръ появилось изъ лекцій г. Мицкевича нынѣшняго года. Какъ только будутъ напечатаны новые стенографическіе отчеты, я не премину вамъ прислать ихъ. Онъ подосадовалъ бы на меня, еслибъ узналъ, что вы ознакомились съ ними, прежде чѣмъ онъ просмотрѣлъ и исправилъ ошибки переписчика. Потому я и прошу васъ не говорить, что вы получили ихъ отъ меня. Печатное произведеніе становится общою собственностью, а слѣ-

скихъ, украинскихъ, латышскихъ; былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ и знатоковъ такъ называемыхъ „восточныхъ“ языковъ, каедру которыхъ и занималъ въ Collège de France послѣ Мицкевича и Робера. Умеръ въ 1891 году.

¹⁾ *Alexander Chodzko*. „Specimens of the popular poetry of Persia“ as found in the adventures and improvisations of Kurroglu, the bandit minstrel of Northern Persia“. London, I vol., 1842, gr. in 8°.

²⁾ Въ полномъ „Собраніи сочиненій Ж.-Зандъ“, изд. Леви, вошелъ въ тотъ же томъ, гдѣ „Ниччинино“.

довательно можетъ попасть также и въ ваши руки. Для насъ слишкомъ важно ваше мнѣніе, М. Г., и мы смотримъ на идею, изъ которой нашъ профессоръ почерпаетъ свои самыя прекрасныя вдохновенія, не только какъ на вопросъ литературный, но какъ на фактъ, какъ на неоспоримую истину, на которой основывается спасеніе нашей отчизны и нашихъ душъ.

„Итакъ, никакая предосторожность не кажется мнѣ излишней, когда дѣло идетъ, съ одной стороны, о такихъ жизненныхъ интересахъ, а съ другой—о голосѣ столь могущественно вліятельномъ, какимъ можетъ сдѣлаться органъ, подобный вашему. М. Г., примите при семъ случаѣ, прошу васъ, увѣреніе въ искреннѣйшемъ уваженіи, съ которымъ я, М. Г., имѣю честь быть преданнымъ вамъ.—Ал. Ходзько“.

„Сего 25 марта 1848 г.—Парижъ. Улица д'Анжу Сентъ-Онора № 60“.

И вотъ, благодаря переданнымъ Ходзькой стенографическимъ запискамъ и указанію самого Адама Мицкевича, въ „Revue Indépendante“ появился рядъ отчетовъ и извлеченій изъ лекцій Мицкевича, а затѣмъ и собственная статья Жоржъ-Зандъ „О славянской литературѣ“, подписанная лишь буквами „G. S.“. Отмѣтимъ прежде всего лекцію о „Небожественной Комедіи“ Красинскаго, напечатанную въ № отъ 10 мая 1843 г. „Независимаго Обзорѣнія“, лекцію его же объ украинскихъ и чешскихъ поэтахъ, Заѣвскому, Гоцинскому и Янѣ Колларѣ, и, наконецъ, изложеніе мессіанизма. Вотъ по поводу этого послѣдняго и тѣхъ нападокъ на Мицкевича, которыя посыпались со стороны и польской эмиграціи, и французскихъ, власть имѣющихъ, круговъ, Жоржъ-Зандъ и написала свою статью, въ которой, съ величайшимъ восхищеніемъ и уваженіемъ она относится къ идеямъ Мицкевича и даже мессіанизму, но высказываетъ, однако, нѣкоторое несогласіе съ его мыслью о возможности ожидать спасенія Польши отъ одного какого-то мистически воплощающаго въ себѣ „идею Польши“ (въ противоположность „русской идеѣ“, въ силу исторической необходимости, тоже воплотившейся въ одномъ человѣкѣ) грядущаго спасителя, „имя котораго будетъ 44“ (понять и объяснить сего послѣдняго „она не бралась“). Въ особенности она была противъ его преклоненія предъ Наполеономъ и наполеонидами. Жоржъ-Зандъ въ это время уже далеко отошла отъ бонапартистскихъ симпатій своего дѣтства и какъ разъ въ послѣдней своей, напечатанной въ „Revue des deux Mondes“, передъ основаніемъ „Revue Indépendante“, статьѣ о „Ж. Ж. Руссо“, излагала свою теорію о великихъ людяхъ, при чемъ, какъ

она выражалась, за Наполеономъ I-мъ, „вопреки всѣмъ правиламъ грамматики“ ¹⁾, признавала лишь имя *человѣка сильнаго* (homme fort), а не великаго (grand homme). Вотъ почему прославленію Мицкевичемъ Наполеона и надеждамъ на то, что подобный же ему „провиденціальный“ полководецъ спасетъ души и отечество поляковъ, она не сочувствовала: онѣ казались ей мало-вѣроятными, ибо, не говоря уже объ апокалиптической мистичности и туманности этого пункта мессіанизма Товянскаго и Мицкевича, которыхъ Жоржъ-Зандъ, повидимому, искренно считала боговдохновенными вѣщателями откровенія,—она, тѣмъ не менѣе, въ качествѣ ученицы Руссо, ждала спасенія и „новаго слова“ не отъ отдѣльных личностей, а отъ цѣлаго народа, отъ народа въ широкомъ смыслѣ слова — какъ класса, и отъ какого-либо изъ народовъ-націй, являющихся факторами „*непрерывнаго прогресса Человѣчества*“ —этой коренной теоріи Леру. Однако, несмотря на эти оговорки и несогласія, статья „О славянской литературѣ“, какъ и прежняя статья „О Дзядяхъ“, на которую Жоржъ-Зандъ, между прочимъ, тутъ ссылается, преисполнена преклоненія предъ Мицкевичемъ и желанія по мѣрѣ силъ способствовать распространенію его ученія и славы среди французской публики. Мицкевичъ особенно былъ благодаренъ ей за то, что она уловила общій „духъ“ его лекцій, и потому предоставилъ ей полное право, какъ выбирать и печатать въ „Revue Indépendante“, по ея усмотрѣнію, какіе угодно отрывки изъ образцовъ польской поэзіи, преподававшихся имъ слушателямъ, такъ и изъ собственныхъ его лекцій о нихъ. Доказательствомъ этого являются слѣдующія три *неизданныя* письма Мицкевича, всѣ относящіеся къ 1843 году:

1) „М. Г. Миѣ невозможно въ настоящую минуту принести вамъ свой отвѣтъ; я повторяю, какъ сказалъ и г. Франсуа ²⁾, что вы можете со спокойной совѣстью напечатать объ „Адской Комедіи“ все, что вамъ будетъ угодно, съ правомъ требовать или урѣзать все, что вы найдете нужнымъ. Я продержу корректуру, чтобы исправить правописаніе собственныхъ именъ. Словомъ, дѣлайте съ этой рукописью что хотите.—Преданный вамъ Мицкевичъ“.

„P.-S. Я уже объявилъ пріятелю, пишущему статью обо мнѣ,

¹⁾ Намекъ на извѣстный всѣмъ ученикамъ примѣръ, что Наполеонъ былъ „un grand homme, et non un homme grand“.

²⁾ Редакторъ и издатель „Revue Indépendante“ съ 1843 года.

что ему нечего касаться „Адской Комедіи“. — Ад. Мицк. — (Безъ числа.)

2) „Madame. Послѣ-завтра я приду къ вамъ перечитать рукопись „Адской Комедіи“, если вы намѣреваетесь напечатать ее въ „Обозрѣніи“. Вы укажете выбранныя вами мѣста и позволите мнѣ пересмотрѣть ихъ. Это избавитъ васъ отъ труда перечитывать. Ходзько сказалъ мнѣ, что вы уѣзжаете въ деревню. Если вамъ некогда заниматься рукописью, оставьте ее покамѣстъ. Но я все-таки зайду послѣ-завтра проститься съ вами. — Вамъ преданный А. Мицкевичъ“. — (Безъ числа.)

3) „Ваши замѣчанія совершенно справедливы, и я уполномочиваю васъ дѣлать всѣ измѣненія, какія вы найдете полезными. Я избавляю васъ отъ труда объяснять ихъ. Отрывокъ изъ Гоцинскаго красивъ по-польски, но неузнаваемъ по-французски, и я не въ силахъ перевести его. Лучше пропустить его. Я не гоняюсь за анекдотами, ни за цитатами, ни за какими бы то ни было подробностями. Вы схватили духъ этого отрывка, вы оцѣнили его, разъ вы его печатаете — и довольно. Вы властны относительно формы. Если нѣтъ враждебности въ духѣ, нѣтъ споровъ о буквѣ; тогда буква — общее достояніе, и остается лишь поблагодарить того, кто умѣетъ пользоваться ею для общей выгоды. Дѣлайте же съ этой статьей все, что вамъ угодно, и будьте увѣрены, что все, что вы сдѣлаете, будетъ хорошо, по моему. — Вашъ вѣрный Ад. Мицкевичъ“.

Сынъ Мицкевича рассказываетъ со словъ Александра Бергеля, что, будто бы, одно время Адамъ Мицкевичъ пересталъ бывать у Жоржъ-Зандъ, такъ какъ опасался, какъ бы она не воспользовалась для какого-нибудь романа его сообщеніемъ о товянизмѣ, — а это казалось ему „святотатствомъ“, или, по его словамъ, было бы подобно тому, какъ „еслибы тотчасъ послѣ объясненія въ любви возлюбленная попросила у меня денегъ“.

Но если въ „Консюэло“ и „Графинѣ Рудольштатской“ романистка проявила чрезвычайный интересъ и симпатію къ славянскимъ сектамъ, религіознымъ гуситскимъ войнамъ, съ одной стороны, и съ другой — къ мистическимъ сектамъ XVIII-го вѣка и явленіямъ религіознаго экстаза и ясновидѣнія, то во всякомъ случаѣ она прямо нигдѣ не воспользовалась разсказами Мицкевича, и если и говорила о мессіанизмѣ и товянизмѣ, то лишь только одинъ разъ, когда въ статьѣ „О славянской литературѣ“ выступила на защиту Мицкевича.

III.

Отнесясь съ особой симпатіей къ Ходзько и оказавъ ему дружескую услугу своимъ перомъ лишь потому, что онъ былъ другомъ Мицкевича, Жоржъ-Зандъ уже съ чисто личной симпатіей и дружбой относилась къ общему пріятелю Шопена и Мицкевича, графу Войцѣху Гржималѣ. Въ отношеніяхъ Жоржъ-Зандъ и Шопена Гржимала игралъ роль наперсника: въ самыя рѣшительныя и трагическія минуты ихъ общей исторіи Жоржъ-Зандъ не разъ обращалась за совѣтомъ и помощью къ Гржималѣ. Имя его почти не сходило со страницъ ея корреспонденціи между 1838 и 1848 гг.

Поэтому, не останавливаясь здѣсь на отдѣльныхъ эпизодахъ этой дружбы, повторимъ теперь, что, благодаря все тѣмъ же, Мицкевичу и Шопену, вращаясь постоянно въ кругу польскихъ интересовъ и сойдясь близко со многими изъ польскихъ друзей поэта и музыканта, Жоржъ-Зандъ отнеслась со вниманіемъ и къ разнымъ другимъ польскимъ дѣятелямъ, писателямъ и художникамъ. Такъ, еще въ 1839 г., она посвятила очень сочувственную маленькую статью или *воззваніе* — молодой княгинѣ Аниѣ Чарторижской, призывая всѣхъ добрыхъ и благомыслящихъ людей придти на помощь ея благотворительному базару, ежегодно устраиваемому ею изъ собственноручно-сработанныхъ, удивительно художественныхъ, оригинальныхъ и творчески-необыкновенныхъ „старинныхъ вышивокъ“ и другихъ подобныхъ вещей, которыя она продавала въ пользу несчастныхъ, обездоленныхъ земляковъ.

При этомъ Жоржъ-Зандъ посвятила прочувствованныя строки героическимъ благороднымъ женщинамъ-полькамъ, Эмилиі Платель и др., и передавала много трогательныхъ подробностей о жизни княгини Анны Чарторижской, этой молодой, нѣкогда страшно богатой, привыкшей къ царственной роскоши, женщины, и обо всей ея семьѣ, жившей въ Парижѣ болѣе чѣмъ скромно, но зато всегда гостепріимно принимавшей всякаго бѣдняка и никого не отпускавшей безъ помощи ¹⁾.

Въ одномъ неизданномъ письмѣ — отъ января 1843 г. — къ Теофілю Торе ²⁾, впоследствии революціонеру, а тогда директору

¹⁾ Была напечатана въ № 26 декабря 1839 г. въ „Siècle“. Вошла въ „Полное Собраніе“, въ томъ: „Nouvelles Lettres d'un Voyageur“.

²⁾ Théophile Thoré род. въ 1807 г., ум. въ 1869 г.

академіи художествъ и художественному критику, хлопоча о какомъ-то протекѣ стараго князя А. Чарторижскаго, Жоржъ-Зандъ передалъ свою просьбу въ выраженіяхъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ тѣхъ превосходныхъ отношеніяхъ, которыя существовали между нею и семьею этого польскаго эмигранта:

„Не позволите ли вы мнѣ, Милостивый Государь, попросить васъ о маленькомъ одолженіи? Старый и уважаемый князь Чарторижскій написалъ мнѣ письмо, которое я прошу васъ прочесть; вы тогда увидите лучше, чѣмъ я счумѣла бы это сказать, въ чемъ дѣло, и почему маленькое вниманіе съ вашей стороны къ г. Стотлеру ¹⁾ было бы добрымъ дѣломъ. Нѣсколько одобрительныхъ строкъ въ вашемъ фельетонѣ принесли бы ему много пользы, а князь Чарторижскій и я были бы вамъ за это очень признательны. Скажите намъ: возможно ли это, и простите, если это нескромность съ моей стороны. — Жоржъ-Зандъ“.

Словомъ, польскій міръ, польскіе интересы были тогда очень близки сердцу Ж.-Зандъ, а самъ Мицкевичъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ частый гость квартиры Шопена и Ж.-Зандъ, чрезвычайно привлекалъ ее всей своей личностью и не разъ служилъ темой и поводомъ къ написанію чрезвычайно интересныхъ страницъ, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ.

Вотъ, напр., *неизданныя* страницы изъ „Дневника Пиффеля“, относящіяся къ знаменитому состязанію между Мицкевичемъ и Словацкимъ, которое произошло въ рождественскій вечеръ 1840 г. и о которомъ не разъ уже было говорено въ печати ²⁾:

¹⁾ Адамъбертъ (Войцѣхъ) Стотлеръ, польскій живописецъ, долгое время проведенный въ Италіи, гдѣ познакомился съ Мицкевичемъ, чудный портретъ котораго написалъ впоследствии, особенно прославился своей большой картиной, изображающей Мицкевича, на паперти краковскаго собора Богоматери, читающаго свою „Книгу народа польскаго“ предъ лицомъ тысячной толпы.

²⁾ Напомнимъ въ краткихъ словахъ это происшествіе: когда польскіе эмигранты, справляя на чужбинѣ трогательный отечественный обычай, собрались 25-го декабря 1840 г. на „кутью“ къ Янушкевичу, то молодой Словацкій, къ которому Мицкевичъ относился всегда холодно и пренебрежительно, но которому тотъ, какъ говорятъ, прощалъ это пренебреженіе за „Пана Тадеуша“, хотя всегда держалъ себя заносчиво и высокомерно, обратился къ Мицкевичу съ привѣтствіемъ въ стихахъ; въ нихъ, отдавая должное Янушкевичу, Словацкій, въ справедливомъ чувствѣ гордости и сознанія собственнаго достоинства, высказалъ, что и онъ, Словацкій, заслужилъ свое мѣсто въ странѣ поэзіи и любви отчизны за свои страданія и творенія. — Мицкевичъ отвѣтилъ ему горячею импровизаціей. Всѣ присутствовавшіе расплакались, а поэты обнялись и долго дружески бесѣдовали, ходя взадъ и впередъ по комнатамъ. (См. Мицкевичъ: „Корр.“, т. I, стр. 175, Словацкій: „Письма къ матери“ стр. 97, а въ особенности „Біографію“, написанную сыномъ Мицкевича, гдѣ приводится много разсказовъ очевидцевъ). Но прочнаго примиренія не состоялось, несмотря на эти излія-

„Декабрь, 1840 г. Париж—улица Пигаль, 16.

„На этихъ дняхъ случилось событіе, странное для нашего времени. На собраніи польскихъ эмигрантовъ, одинъ, какъ говорятъ, довольно посредственный и слегка завистливый поэтъ ¹⁾ продекламировалъ стихотвореніе, обращенное къ Мицкевичу, въ которомъ, среди расточаемыхъ ему похвалъ, онъ жаловался съ искреннимъ, но неумѣстнымъ огорченіемъ на первенство этого великаго поэта. Это были, какъ видно, и упрекъ, и хвала (*hoštage*) въ одно и то же время. Но мрачный Мицкевичъ; безчувственный какъ въ первому, такъ и во второй, встаетъ и импровизируетъ отвѣтъ въ стихахъ или, скорѣе, рѣчь, впечатлѣніе отъ которой было необычайно. Никто не можетъ передать въ точности то, что произошло. Изъ всѣхъ, кто тамъ былъ, каждый вспоминаетъ это различно: одни говорятъ, что онъ говорилъ пять минутъ; другіе—что часъ. Одно несомнѣнно—это что онъ такъ хорошо и такіа прекрасныя вещи сказалъ имъ, что они всѣ какъ бы обезумѣли. Только и было слышно, что крики и рыданія; со многими сдѣлались нервныя припадки; другіе не могли заснуть во всю ночь. Графъ Платеръ, вернувшись домой, былъ въ такомъ странномъ возбужденіи, что его жена сочла его сумасшедшимъ, и очень испугалась. Но по мѣрѣ того, какъ онъ ей передавалъ не импровизацію Мицкевича (никто не могъ повторить изъ нея ни слова), но впечатлѣніе его словъ на слушателей,—графиня Платеръ впала въ такое же состояніе, какъ и ея мужъ, и принялась плакать и молиться, и произносить нѣчто несвязное (*divaguer*). И вотъ, всѣ они убѣждены, что въ этомъ великомъ человѣкѣ есть что-то сверхъестественное, что онъ вдохновленъ, какъ пророки, и суетвѣріе ихъ такъ сильно, что они способны признать его даже и Богомъ. Мнѣ удалось узнать, на какую тему онъ импровизировалъ. Она была такова:—Вы жа-

нія и сердечныя тосты, а скорѣе, благодаря холодности и пренебреженію Мицкевича, гордости и подозрительности Словацкаго и участію какъ искренно цѣнившихъ Словацкаго, такъ и предательски раздувавшихъ его обиду друзей, дѣло дошло и до открытой вражды.

¹⁾ Очевидно, это „говорять“ значить: „Шопень говорить“. Какъ извѣстно, и Словацкій въ письмахъ, напр., къ своей матери („Listy Juliusza Słowackiego do Matki“, 1830—1848. Lwow 1875), отдавая должное великому поэтическому гению знаменитаго музыкальнаго соотечественника и почти всегда восхищаясь его игрою, подъ-часъ дѣлалъ и кое-какія колкія замѣчанія на его счетъ. Эта легкая тѣнь недоброжелательства съ обѣихъ сторонъ объясняется, какъ намъ кажется, ихъ соперничествомъ въ любви къ Маріи Водзинской. О Ж.-Зандѣ въ этихъ же „Письмахъ“ Словацкій выражается восторженно.

думаетъ, что вы не великій поэтъ, — вы сами виноваты. Никто не можетъ быть поэтомъ, если въ немъ нѣтъ любви и вѣры. — По поводу этой мысли, которая довольно прекрасна, Мицкевичъ могъ сказать и, вѣроятно, говорилъ превосходно. Онъ самъ не можетъ вспомнить ни слова изъ своей импровизаціи, а друзья его говорятъ, что онъ скорѣе испуганъ, чѣмъ польщенъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на нихъ. Онъ сознается имъ также, что въ немъ произошло что-то таинственное, неожиданное, что изъ очень спокойнаго, какимъ онъ былъ, начиная говорить, онъ почувствовалъ себя вдругъ вознесеннымъ отъ энтузіазма выше самого себя, и одинъ изъ этихъ друзей, который видѣлъ его на другой день, нашелъ его какъ бы въ угнетенномъ состояніи, какъ то бываетъ послѣ сильнаго припадка.

„Слыша все это и получая со всѣхъ сторонъ тѣ же показанія, я точно слушала рассказъ о какомъ-нибудь стародавнемъ событіи, потому что нынче не случается ничего подобнаго, и что бы ни говорили Листъ и М-ше д'Агу, развѣ лишь дилеттантизмъ въ искусствахъ еще способенъ на подобные восторги. Я не вѣрю въ импровизаціи нашихъ шарлатановъ, — философовъ и литераторовъ. Поэты и профессора — всѣ актѣры! Аплодируя имъ, публика ничуть не находится въ заблужденіи, а что касается нашихъ политическихъ ораторовъ, — въ ихъ душахъ такъ мало высьи и поэзіи, что ихъ рѣчи всегда не что иное, какъ болѣе или менѣе хорошо произнесенная декламація.

„То, что случилось съ Мицкевичемъ, принадлежитъ тому роду фактовъ, которые въ старину назывались чудесами, и которые нынѣ можно было бы назвать экстазами. Леру́ даетъ всей этой чудодѣйственной части философской и религіозной исторіи человечества лучшее и, можетъ быть, единственно поэтическое и благочестивое объясненіе, которое разумъ можетъ допустить. Онъ опредѣляетъ, что такое экстазъ, и причисляетъ его къ высшимъ способностямъ человеческого духа. Это — великая теорія, и онъ защищаетъ ее. А пока вотъ какъ я ее себѣ представляю изъ всего того, что имъ уже до сихъ поръ написано, и изъ того, что я могла понять изъ нашихъ разговоровъ.

„Экстазъ есть выходящая изъ рамокъ обыкновеннаго сила, которая проявляется у людей, преданныхъ отвлеченнымъ идеямъ, и которая, быть можетъ, знаменуетъ тотъ предѣлъ, до котораго душа можетъ доходить въ возвышеннѣйшихъ сферахъ, но за которыми всякій лишній шагъ повергъ бы ее въ бредъ и безуміе. Между разумомъ и безуміемъ есть состояніе духа, которое никогда не было ни хорошо изслѣдовано, ни хорошо опредѣлено,

и которое вѣрованія всѣхъ временъ и народовъ принимали за непосредственное общеніе человѣка съ духомъ Божьимъ. Это называлось вдохновеніемъ, пророчествомъ, прорицаніемъ оракула, откровеніемъ, видѣніемъ, сошествіемъ св. Духа, заклинаніемъ, иллюминизмомъ, конвульсіонизмомъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что всѣ эти явленія сводятся всего къ одному—именно, къ экстазу; а Леру думаетъ, что магнетизмъ есть проявленіе, данное нашимъ матеріалистическимъ и атеистическимъ вѣкомъ экстатической способности. То вѣчное чудо, которое принадлежитъ къ преданіямъ человѣческимъ, не могло устроиться съ религіей. Оно пережило ее, но вмѣсто того, чтобы совершаться метафизически—отъ Бога къ человѣку, оно передавалось отъ человѣка къ человѣку посредствомъ нервныхъ токовъ,—объясненіе гораздо болѣе чудесное и менѣе допустимое въ философіи, чѣмъ всѣ прежнія.

„Экстазъ заразителенъ; это вполне доказано исторіей въ сферѣ психологической, и наблюденіемъ—въ сферѣ физиологической. Отъ чудеснаго сошествія Утѣшителя на апостоловъ и до явленій эпилепсіи на гробницѣ св. Медарда, отъ восточныхъ факировъ до пассіонистовъ прошлаго столѣтія, отъ божественнаго Іисуса и поэтическаго Аполлонія Тіанскаго до самыхъ жалкихъ объектовъ сомнамбулическихъ опытовъ, отъ древнихъ пней и до лурдскихъ монахинь, отъ Моисея и до Сведенборга—можно прослѣдить разные виды экстаза и видѣть, какъ онъ внезапно передается даже субъектамъ, которые, повидимому, не были къ нему подготовлены. Но тутъ является нѣкоторое затрудненіе. Какимъ образомъ это состояніе восхищенія, которое проявлялось у людей самаго высокаго ума и составляетъ неотъемлемую часть организаціи всѣхъ великихъ людей, философовъ и поэтовъ, проявляется тоже,—правда, другимъ способомъ, но такъ же сильно—у самыхъ низменныхъ людей и подъ вліяніемъ самаго грубаго матеріализма. Такъ, значитъ, экстазъ—болѣзнь?—У обыденныхъ людей—несомнѣнно это не что иное. Но точно такъ же, какъ лихорадка или опьяненіе вызываютъ у обыденныхъ людей отупѣніе или бѣшенство, а у возвышенныхъ умовъ религіозный восторгъ, поэтическое вдохновеніе, точно такъ же экстазъ развиваетъ во всякомъ индивидуумѣ качества ему свойственныя и производитъ снисхожденія благодати, чудеса суевѣрія или явленія перераздраженной животной силы, согласно тому, какія существа испытываютъ его прикосновеніе. Во всѣхъ случаяхъ, это въ одно и то же время естественная и божественная сила, способная вызвать и самыя

благородныя явленія, какъ только ихъ вызываетъ какая-нибудь великая умственная или нравственная причина.

„Мицкевичъ—единственный великій экстатикъ, котораго я знаю. Я знала много мелкихъ, а что его касается, то я не желала бы сказать во всеуслышаніе, что онъ, по моему мнѣнію, одержимъ той духовной великой болѣзнью (*haut mal intellectuel*), которая сродняетъ его со столькими знаменитыми аскетами,—съ Сократомъ, Иисусомъ, св. Іоанномъ, Дантомъ и Іоанной д'Аркъ. Той мысли, которую я въ это влагаю, другіе не поняли бы или же ложно поняли бы ее. Друзья его были бы возмущены. Между тѣмъ, тѣхъ, кто неясно представляетъ себѣ, что такое экстазъ, многія мѣста „Дѣдовъ“ заставили бы смотрѣть на Мицкевича, какъ на сумасшедшаго, а тѣхъ, кто слышитъ, какъ онъ ясно и логично читаетъ лекціи въ Коллежъ-де-Франсъ, чтеніе этихъ мѣстъ заставить принять Мицкевича за шарлатана. Онъ—ни то, ни другое. Онъ—очень великій человекъ, сердечный, гениальный, полный энтузіазма, совершенно владѣющій собою въ обыденной жизни и разсуждающій *съ своей точки зрѣнія* очень возвышенно, но склонный къ экзальтаціи, именно благодаря самой природѣ своихъ вѣрованій, благодаря могуществу своихъ немного дикихъ инстинктовъ, благодаря сознанію несчастій своей родины и благодаря тѣмъ необычнымъ порывамъ поэтической души, которая не знаетъ преградъ своимъ силамъ и уносится иногда къ той грани конечнаго и безконечнаго, гдѣ начинается экстазъ. Никогда еще ужасная трагедія, разыгрывавшаяся тогда въ душѣ поэта, не была изображена никѣмъ изъ поэтовъ съ той правдой и силой, которая дѣлаютъ „Конрада“ капитальнымъ произведеніемъ. Никто, прочитавъ его, не можетъ отрицать, что Мицкевичъ экстатиченъ“...

Не менѣе интересныя страницы мы находимъ въ „*Impressions et Souvenirs*“¹⁾, напечатанныя въ 1873 году, на-ряду съ другими, позднѣйшими статьями этого цикла, но написанныя еще въ 1841 году; въ нихъ разомъ отразились личности Шопена, Делакруа и Мицкевича, ихъ взаимныя отношенія, та атмосфера интенсивныхъ художественныхъ интересовъ, среди которыхъ въ сороковыхъ годахъ жили Шопенъ и Жоржъ-Зандъ, тот таинственный ореолъ, который носился вокругъ головы Мицкевича, какъ для Шопена, такъ и для Жоржъ-Зандъ. Наконецъ, на этихъ страницахъ отразилось и прямое вліяніе на писательницу музыкальных теорій и убѣжденій Шопена, во многомъ диаметрально противоположныхъ тѣмъ взглядамъ, которые она,

¹⁾ „*Impressions et Souvenirs*“, № V.

подъ вліяніемъ Листа, высказывала въ своемъ дневникѣ лѣтомъ 1837 года ¹⁾.

IV.

Мы опускаемъ здѣсь почти всѣ теоретическія разсужденія Делакруа о живописи, а Жоржъ-Зандъ—о музыкѣ, и частью своими словами, частью цитатами изъ „Воспоминаній и впечатлѣній“ Жоржъ-Зандъ, передадимъ лишь рассказъ объ одномъ изъ тѣхъ дней, когда въ маленькой квартиркѣ Жоржъ-Зандъ, въ улицѣ Пигаль, сошлись великій музыкантъ, знаменитый живописецъ и безсмертный творецъ „Дзядовъ“.

„Я провела полъ-дня съ Эженомъ Делакруа“,—такъ начинается Жоржъ-Зандъ свой рассказъ, и повѣствуетъ затѣмъ, какъ она застала Делакруа больнымъ (у него болѣло горло), но, тѣмъ не менѣе, онъ сначала сталъ горячо развивать свои теоріи по поводу художника Энгра и его картины *Стратониса*, причемъ нападалъ на идеи Энгра, раздѣлявшаго въ картинахъ рисунокъ и краски и ставившаго на первое мѣсто одинъ рисунокъ, безколоритность (*teinte plate*), а потомъ, увлекшись споромъ, несмотря на болѣзнь, рѣшился даже проводить Жоржъ-Зандъ до дому. Вся сцена этого спора, постоянно прерываемаго то наставленіями Жоржъ-Зандъ, чтобъ онъ лучше молчалъ и не натруждалъ горла, то его собственными самому себѣ наставленіями на этотъ счетъ, потомъ его переодѣванье въ сосѣдней комнатѣ, причемъ онъ продолжаетъ съвозъ закрытую дверь кричать свои доводы, — все это написано замѣчательно характеристично и живо.

Наконецъ, они идутъ, все говоря о томъ же, въ rue Pigale и у самыхъ дверей павильона сталкиваются съ Шопеномъ.

И вотъ они поднимаются по лѣстницѣ, споря о *Стратонистѣ*.

¹⁾ См. „Жоржъ-Зандъ, ея жизнь“ и т. д. Т. I, стр. 564—65. Изъ приведенныхъ въ „*Impressions et Souvenirs*“ разсужденій Жоржъ-Зандъ объ описательной музыкѣ, смѣшиваемой со звукоподражаніями, теперешнему читателю совершенно очевидно, что Шопенъ, какъ великій субъективистъ, отрицалъ программную музыку и не понималъ того, что музыка можетъ передавать и тѣ обыкновенныя настроенія природы, которыя выражаются программно-описательными сочиненіями. Удивительно тонко эту разницу между программной и абсолютной музыкой понималъ и опредѣлялъ Чайковский (См. „Жизнь П. И. Чайковского“, т. II, стр. 237) въ письмѣ къ г-жѣ фонъ-Мекъ отъ 5-го декабря 1878 г.

...„Шопенъ не любитъ ее, потому что дѣйствующія лица на ней манерны и лишены истиннаго чувства, но законченность живописи нравится ему, а что касается красокъ, то онъ изъ вѣжливости говоритъ, что онъ въ этомъ ничего не понимаетъ,—и, кажется, не подозреваетъ, что говоритъ правду. Шопенъ и Делакруа любятъ другъ друга, можно сказать, нѣжно. У нихъ много сходства въ характерѣ и одинаковыя великія стороны ума и сердца. Но что касается искусства, то Делакруа понимаетъ Шопена и обожаетъ его; Шопенъ же не понимаетъ Делакруа. Онъ уважаетъ, цѣнитъ, почитаетъ человѣка,—онъ терпѣть не можетъ живописца. Делакруа, болѣе разносторонній по своимъ способностямъ, умѣетъ цѣнить музыку, онъ знаетъ и понимаетъ ее, у него опредѣленный и утонченный вкусъ. Онъ безъ усталости слушаетъ Шопена и наслаждается имъ, онъ знаетъ его наизусть. Шопенъ это обожаніе принимаетъ и тронуть имъ, но когда самъ смотреть на картины своего друга, то страдаетъ и не можетъ найти для него ни слова. Онъ музыкантъ, только музыкантъ. Мысль его можетъ выразиться только музыкой. У него бездна тонкости, остроумія и веселаго лукавства, но онъ ничего не можетъ понять ни въ живописи, ни въ скульптурѣ. Микель-Анджело устрашаетъ его, Рубенсъ ужасаетъ его. Все, что ему кажется эксцентричнымъ, скандализируетъ его. Онъ замыкается въ самую что ни есть узкую условность. Странная аномалія! Его талантъ—самый оригинальный и индивидуальный, какой есть на свѣтѣ. Но онъ не хочетъ, чтобъ это ему говорили. Правда, что въ литературѣ Эжену Делакруа нравится все, что только есть самаго классическаго и формальнаго“...

Садятся обѣдать, и за обѣдомъ Морисъ Зандъ, ученикъ Делакруа, опять поднимаетъ споръ и хочетъ добиться, чтобы Делакруа изложилъ ему *теорію рефлексовъ*.

...„Шопенъ слушаетъ, расширивъ глаза отъ изумленія“...

Делакруа дѣлаетъ сравненіе между тонами живописи и звуками музыки; онъ сравниваетъ гармонію, сродство музыкальных тоновъ и модуляціи—съ рефлексами и гармоніей красокъ. Разговоръ доходитъ наконецъ до вопроса о „*рефлексахъ рефлексовъ*“.

...„Шопенъ вертится на стулѣ.—Дайте мнѣ вздохнуть,—говоритъ онъ,—прежде чѣмъ вы перейдете къ *ремьефу*. Довольно юка и рефлекса! Это остроумно, это ново для меня, но это слишкомъ алхимія!

— Нѣтъ, — говоритъ Делакруа, — это чистая химія. Тонко можно слагать и разлагать“...

...„Но Шопенъ уже не слушаетъ Делакруа. Онъ сидитъ у

фортепьяно и не замѣчаетъ, что его слушаютъ. Онъ импровизируетъ, точно по волѣ случая. Онъ останавливается. — Ну же, ну же! — восклицаетъ Делакруа: — вѣдь это не кончено!

— Это и не начато еще. У меня ничего не выходитъ. Ничего — лишь отблески, тѣни, абрисы, которые не хотятъ опредѣлиться. Я ищу колорита и не нахожу даже рисунка.

— Вы не найдете одного безъ другого, — возражаетъ Делакруа, — и вы найдете оба вмѣстѣ.

— А если я найду лишь лунный свѣтъ?

— Тогда вы найдете рефлексъ рефлекса! — говоритъ Морисъ. Эта мысль нравится божественному художнику. Онъ опять принимается играть, какъ будто и не начиная вновь, до того рисункъ его неясенъ и какъ бы туманенъ. Наши глаза мало-по-малу наполняются мягкими оттѣнками, соответствующими нѣжнымъ модуляциямъ, воспринимаемымъ ухомъ. А потомъ звучитъ и голубой тонъ, и вотъ — мы въ лазури прозрачной ночи. Легкія облака принимаютъ самыя фантастическія очертанія, они занимаютъ все небо, они сгущаются вокругъ луны, которая бросаетъ на нихъ опаловые круги и пробуждаетъ заснувшія краски. Мы грезимъ о лѣтней ночи и ждемъ соловья "...

„Раздается дивная пѣснь. Маэстро знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ смѣется надъ нами, кто хочетъ заставить и людей, и вещи говорить посредствомъ звукоподражанія. Онъ чуждъ этому ребячеству. Онъ знаетъ, что музыку воспринимаетъ человекъ, и человекъ же въ ней выражается. Человѣческая душа думаетъ и человѣческій голосъ высказывается. Это человекъ лицомъ къ лицу съ испытываемыми имъ впечатлѣніями, передающій ихъ посредствомъ чувства, получаемого отъ нихъ, но не старающійся воспроизвести ихъ причины посредствомъ извѣстныхъ звучностей. Музыка не сумѣла бы опредѣлить эти причины, она не должна и пытаться дѣлать этого. Въ томъ ея величіе, — она не сумѣетъ говорить прозой. Когда соловей поетъ въ звѣздную ночь, маэстро не заставляетъ васъ ни угадывать, ни воображать въ смѣшномъ родѣ нотъ пѣнія этой птички. Онъ заставитъ человѣческій голосъ пѣть отъ особаго чувства: такого, какое испытываешь, слушая соловья; и если вы даже не подумаете о соловѣ, слушая человека, — что неважно, — вы, тѣмъ не менѣе, ощутите восхищеніе, которое погрузитъ вашу душу въ то состояніе, въ какомъ она была бы, еслибы чудной лѣтней ночью, убаюканные всѣми звуками счастливой и погруженной въ созерцанье природы, вы впали въ тихій восторгъ "...

..., Звонятъ. Шопенъ вздрагиваетъ и останавливается. Я

кричу прислугѣ, что меня ни для кого нѣтъ дома.—Нѣтъ,—говоритъ Шопенъ,—для *него* вы дома.—Кто это?—Мицкевичъ!—О! вотъ ужъ, конечно, да! Но какъ же вы знаете, что это онъ?—Я не знаю, почему, но я увѣренъ въ томъ: я думалъ о немъ.

Въ самомъ дѣлѣ это онъ. Онъ дружески жметъ всѣмъ руки и поскорѣе усаживается въ уголокъ, прося Шопена продолжать. Шопенъ продолжаетъ; онъ играетъ вдохновенно, божественно! Но маленькій слуга прибѣгаетъ совершенно растерянный: въ домѣ пожаръ! Мы бѣжимъ посмотрѣть. Въ самомъ дѣлѣ, загорѣлось въ моей спальнѣ, но время еще не потеряно, мы скоро тушимъ. Тѣмъ не менѣе, это отнимаетъ у насъ слишкомъ часъ, и тогда мы спрашиваемъ:—А Мицкевичъ, гдѣ же онъ?

Его зовутъ. Онъ не отвѣчаетъ. Мы возвращаемся въ гостиную, — его тамъ нѣтъ. Да нѣтъ же! онъ тутъ, въ томъ самомъ уголкѣ, гдѣ мы его оставили. Лампа потухла,—онъ этого не замѣтилъ; мы очень шумѣли и возились въ двухъ шагахъ отъ него,—онъ ничего не слышалъ и не спросилъ себя, зачѣмъ мы его оставили одного; онъ даже не зналъ, что былъ одинъ. Онъ слушалъ Шопена и... продолжалъ его слышать.

Со стороны всякаго другого это походило бы на аффектацію, но скромный и кроткій великій поэтъ наивенъ, какъ ребенокъ, и видя, что я смѣюсь, спрашиваетъ, чтѣ со мною.—Со мной-то ничего, но въ первый же разъ, какъ случится пожаръ въ домѣ, гдѣ я буду вмѣстѣ съ вами, я начну съ того, что отведу васъ въ безопасное мѣсто, потому что вы сгорите, какъ простая щепочка, не подозревая о томъ.

— Право? — говоритъ онъ: — я и не зналъ.—И онъ уходитъ, такъ ни о чемъ и не сказавъ ни слова. Шопенъ провожаетъ Делакруа, который, спустившись въ міръ дѣйствительности, толкуетъ съ нимъ о его англійскомъ портномъ и точно не знаетъ никакой иной на свѣтѣ заботы, какъ получить очень теплый костюмъ, который, въ то же время, не былъ бы тяжелымъ "...

Влад. Каренинъ.

ПИРАТЪ

РОМАНЪ.

„Gorri le Forban“. Roman, par *André Lichtenberger*. Paris. Calmann-Lévy. 1906.

VI *).

Придя въ себя, m-lle Коризанда прежде всего подумала, что она находится въ чистилищѣ.

Ее окружала полнѣйшая темнота; надъ ея головою еле-еле пробивался блѣдный лучъ свѣта. Она была въ состояніи полного изнеможенія и такъ ослабѣла, что ея внѣшняя оболочка, казалась, уже утратила свою матеріальную субстанцію и превратилась въ нѣчто почти невѣсомое. M-lle Коризанда отдавалась во власть какому-то однообразному указиванію; ей слышался смутный шумъ, къ которому примѣшивались вздохи, стоны и бряцанье цѣпей. По кожѣ у нея пробѣжали мурашки,—тутъ она впервые почувствовала, что она еще не безплотна, и мысленно осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, поручивъ душу свою Богу. Ей стало грустно при мысли, что она умерла.

Однако, мало-по-малу, мысли ея прояснились; она вспомнила посѣщеніе колдуньи, покровъ, наброшенный на нее въ темнотѣ, а легкая боль въ рукѣ окончательно убѣдила ее въ томъ, что она еще жива. Но если она не умерла,—гдѣ же она находится?

M-lle Коризанда, сдѣлавъ усиліе, попробовала встать, но почва вдругъ ускользнула изъ-подъ ея ногъ; она пошатнулась, упала и, ища точку опоры, ухватилась за нѣчто, оказавшееся человѣческимъ носомъ. Чей-то голосъ жалобно воскликнулъ:

*) См. выше: апрѣль, стр. 619.

— Сжальтесь! Сжальтесь, не убивайте меня! Дѣлайте со мною, что хотите!

— Это ты, Нанонъ?—спросила актриса, разжавъ пальцы. Въ темнотѣ раздался вопль радости.

— Сударыня! Вы ли это?..

— Полагаю, что это мы съ тобою. И если судить по твоему носу и другимъ признакамъ,—мы еще не въ чистилищѣ, но...

Въ этотъ мигъ ихъ страшно встряхнуло, и тотчасъ же раздался зловѣщій трескъ; актрисѣ показалось, что она погружается въ бездну; полъ снова ушелъ изъ-подъ ея ногъ, и ноги Нанонъ очутились у нея на животѣ. Актриса не была трусихой, но, въ виду подобныхъ явленій, она не сумѣла побороть своего ужаса.

— Ради Бога, гдѣ мы? Говори, Нанонъ, имѣешь ли ты объ этомъ какое-нибудь понятие? На землѣ мы или въ чистилищѣ?

— Увы!—хотя я полагаю, что мы не въ чистилищѣ, но не смѣю также думать, что мы на землѣ.

— Что ты хочешь сказать?

— По моему, сударыня, мы находимся въ каютѣ какого-нибудь пляшущаго по волнамъ судна, и вотъ почему мнѣ такъ нехорошо...

— Какъ? Мы на морскомъ суднѣ?

Новый толчокъ и ясно различаемые ею теперь шумъ волнъ и свистъ вѣтра въ снастяхъ убѣдили ее въ справедливости этой догадки. Значить, онѣ сдѣлались жертвами пиратовъ? Ей вспомнился нечеловѣческій крикъ доктора. Что будетъ съ ними?

— Сударыня, — заговорила субретка, — если они не покончили съ нами сразу, — можетъ быть, они не посягнуть на нашу жизнь.

— А наша честь? — съ горькою насмѣшкою сказала актриса.

— Ну, это уже менѣе страшно, — легкомысленно замѣтила Нанонъ.

— Это ужасно! — мрачно проговорила ея госпожа.

Онѣ погрузились въ тревожное молчаніе. Попрежнему слышались шумъ и плескъ волнъ, трескъ мачтъ, скрипѣніе снастей; ихъ тюрьма то приподнималась, то осѣдала. Раздавались голоса и свистки. Онѣ прислушались; въ этихъ голосахъ имъ почудилось нѣчто знакомое. Нанонъ предложила выйти и посмотрѣть. Она проползла на-четверенькахъ до стѣны, и черезъ нѣкоторое время нащупала ручку двери. Въ темницу ворвался лучъ свѣта. Тогда ослѣпленная имъ актриса открыла глаза, она увидѣла, что Нанонъ охорашивается, стоя передъ лѣсенкой, снабженной же-

лѣзными перилами. Какъ можетъ она думать въ подобную минуту о такихъ глупостяхъ?

— Сударыня, и пираты — тоже люди, а наша жизнь — въ ихъ рукахъ, — серьезно замѣтила Нанонъ.

Убѣжденная этимъ доводомъ, м-лле Коризанда оправила свои юбки и прическу, и затѣмъ, цѣпляясь изо всѣхъ силъ за перила, рискуя быть опрокинутыми дувшимъ въ лицо вѣтромъ, онѣ стали подниматься.

— Смотрите, сударыни, смотрите!

М-лле Коризанда, зажмурившая на секунду глаза, не удержалась отъ восклицанія.

Она стояла на палубѣ корабля возлѣ пушки. Передъ нею со всѣхъ сторонъ разстилалось сѣрое, безконечное море. По снастямъ, съ ловкостью кошекъ, карабкались матросы.

— Благодаренье Богу, насъ соединившему! — раздался знакомый голосъ.

Докторъ Кидоржъ, у котораго одна нога была въ башмакѣ, а другая — босая, приближался къ ней, разставивъ ноги, какъ учащійся ходить ребенокъ, но онъ шелъ нетвердо, и порывъ вѣтра заставилъ его стать на-четвереньки. Въ такомъ видѣ онъ достигъ цѣли своего пути.

— Монсieur Кидоржъ! Какъ? Васъ не убили?

— Нѣтъ, только пристуевнули и чѣмъ-то опоили, такъ что я опаматовался всего часа два тому назадъ.

— А наши друзья? Шевалье? Отецъ Менисье?

Раздался нечеловѣческій звукъ; это было подобіе вопля, исходявшаго изъ устъ капуцина. У борта темнѣла черная масса, цѣплявшаяся за снасти.

— Злодѣи! Онъ испускаетъ духъ! — воскликнула актриса.

— Это не духъ, — замѣтилъ докторъ: — нашъ достойный товарищъ плохо переноситъ море, но я желалъ бы быть настолько же спокойнымъ за участь шевалье де-Тремиссана. Боюсь, не заплатилъ ли онъ жизнью за сопротивленіе нашему тирану?..

— Нашему тирану? У кого же мы въ плѣну? — воскликнула актриса, забывая, подъ вліяніемъ жгучаго любопытства, объ участи шевалье.

— Какъ! Развѣ вы не знаете?

Онъ указалъ на подвѣшенный къ снастямъ буюръ съ надписью: „Депак-Ват“.

— Такъ это онъ!.. — воскликнула актриса, и не докончила.

На палубѣ появился человѣкъ, который, прислонясь къ борту,

принялся, словно не замѣчал ихъ, разглядывать въ подозрную трубу горизонтъ.

Она узнала ненавистныя черты Манека Горри.

Неужели они во власти этого человѣка?

— Не понимаю только, чтѣ за причины заставили его на это рѣшиться?—сказалъ докторъ.

М-ле Коризанда не сводила глазъ со своего врага. Къ нему присоединился Ларральдъ; они обмѣнялись нѣсколькими словами, послѣ чего боцманъ проревѣлъ какое-то приказаніе въ рупоръ. Матросы кинулись къ мачтамъ, а капитанъ съ помощникомъ поднялись на вышку.

М-ле Коризанда нахмурила брови, трагически простерла руки, и съ устъ ея сорвался возгласъ:

— Никогда!

Со скромно опущенными глазами она сообщила недоумѣвавшему доктору свое предположеніе. Этотъ дикарь скрываетъ подъ личиною равнодушія безумную страсть. Онъ желаетъ не только овладѣть ею, но и сломить ея гордость. Можетъ быть, онъ думаетъ, что она пожертвуетъ собою ради спасенія ихъ всѣхъ?

Къ разговаривавшимъ медленно приблизился человѣкъ, судя по одеждѣ—матросъ-баскъ. Онъ безсильно опустилсѣ на связку канатовъ и отеръ потъ со лба.

— Вы ли это, шевалье, или это ваша тѣнь? Рассказывайте скорѣе ваши приключенія.

Увы! Чтѣ тутъ рассказывать? Его бросили въ трюмъ, въ какую-то лужу. Этою сухою одеждою онъ обязанъ состраданію ихъ тюремщика.

— Какъ! Вы имѣли честь бесѣдовать съ monsieur Горри? Надѣюсь, вы дали ему понять всю гнусность его поведенія?

Шевалье меланхолически покачалъ головою.

— Mademoiselle, человѣкъ, вооруженный съ ногъ до головы, въ распоряженіи котораго находится сотня висѣльниковъ, не очень доступенъ краснорѣчивѣйшимъ убѣжденіямъ.

— Но вы разспросили его о его намѣреніяхъ на нашъ счетъ?—воскликнулъ докторъ.

— Господинъ докторъ, этотъ чортовъ капитанъ не очень любитъ разспросы. Нашъ разговоръ свелся, въ сущности, къ его логу, и вотъ результаты. По извѣстнымъ ему одному принамъ, онъ захватилъ насъ и будетъ держать, сколько ему загоразсудится. Если мы попробуемъ взбунтоваться, онъ посадитъ насъ въ трюмъ и велитъ привязать намъ ядро къ ногѣ.

Если мы покоримся, онъ предоставитъ намъ свободу и удобства, возможные при данныхъ обстоятельствахъ.

— И вы согласились?— презрительно спросила m-lle Коризанда.

— Mademoiselle, это было не предложеніе, а предостереженіе. Я долженъ прибавить, что онъ не былъ грубъ, и время нашего плѣна могло бы стать счастливѣйшимъ временемъ моей жизни, еслибы вы оказались не болѣе жестокою, чѣмъ этотъ пиратъ.

— Я васъ не понимаю,—отрѣзала m-lle Коризанда.

Шевалье пояснилъ. Monsieur Горри далъ ему понять, что доктору съ отцомъ Мениссѣ отведена каюта, m-lle Нанонъ—чуланчикъ, а вторая каюта предоставлена въ распоряженіе m-lle Коризанды и ея покорнаго обожателя.

М-лле Коризанда вспыхнула и смѣрила негодующимъ взглядомъ шевалье, имѣвшаго весьма жалкій видъ въ своемъ матросскомъ одѣяніи. Она отвѣтила тономъ оскорбленной театральной королевы:

— Удивляюсь, какъ вы не заставили этого грубіяна взять его слова обратно! Потрудитесь не забывать, что вы займете чуланчикъ Нанонъ, которая раздѣлитъ со мною мою каюту. Надѣюсь, что мнѣ не придется просить командира судна о защитѣ.

Шевалье съ мольбою сложилъ руки, но уста его раскрылись не для словъ, и онъ перегнулся черезъ бортъ. Актриса съ докторомъ, пошатываясь, удалились.

Отецъ Мениссѣ спалъ сномъ праведника, а m-lle Нанонъ сидѣла между двумя матросами.

Дни проходили. „Denak-Bat“ лѣнливо крейсировалъ подъ лазурнымъ небомъ, въ двухъ-стахъ миляхъ на юго-западъ отъ англійскихъ береговъ. Это—путь возвращающихся съ богатымъ грузомъ изъ Индіи кораблей. Нѣкоторые изъ нихъ шли подъ конвоемъ военныхъ кораблей, другіе полагались исключительно на быстроту своего хода. Дни проходили въ наблюденіи за горизонтомъ. Два англійскихъ корвета гнались за шкуною, но она опередила ихъ, и теперь несла попрежнему сторожевую службу. Въ свободное время моряки спали, курили, ловили рыбу, пѣли и плясали подъ музыку флейтъ и тамбуриновъ.

М-лле Коризандѣ и ея спутникамъ пришлось покориться силѣ необходимости. Докторъ первый примирился съ нею и приобрѣлъ

довѣріе матросовъ, перевязавъ кому-то раненый палець. Онъ пробовалъ изучать на практикѣ языкъ басковъ. Къ отцу Мениссе вернулся черезъ три дня его необыкновенный аппетитъ, а его благодушіе и священный санъ приобрѣли ему симпатіи моряковъ. М-лле Нанонъ приобрѣла ихъ, благодаря другимъ качествамъ. Хуже всего пришлось шевадье; его желудокъ отказывался примириться съ моремъ, и въ глазахъ его появилось кроткое выраженіе телянка, ведомаго на закланіе.

Всѣ его попытки смягчить м-лле Коризанду навлекали на него сарказмы и рѣзкости съ ея стороны. Характеръ актрисы страннымъ образомъ испортился, движенія и слова ея сдѣлались нервны и неровны, она часто хмурила свои прекрасныя брови. Опасаясь преслѣдованій пирата, она приказывала вначалѣ м-лле Нанонъ ложиться у порога, готовая умереть или уступить, но предварительно уничтоживъ дерзкаго своимъ презрѣніемъ. Ея мужеству не пришлось, однако, подвергнуться такому испытанію. Показное его равнодушіе было не менѣ оскорбительнымъ, чѣмъ его гнусныя намѣренія. Въ концѣ концовъ, она почувствовала, что имъ необходимо объясниться.

Развязно, но съ сильно бьющимся сердцемъ она постучалась однажды въ дверь его каюты и обрадовалась изумленію, выразившемуся на его каменномъ лицѣ. И она тутъ же однимъ духомъ проговорила приготовленную ею рѣчь.

Пусть онъ не думаетъ, что она является въ качествѣ просительницы. Съ нею онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно, но пусть онъ вернетъ свободу неповиннымъ ея друзьямъ.

— Свободу разговаривать съ рыбами?

Корсаръ пожалъ плечами и расхохотался; но м-лле Коризанда вспыхнула и, потерявъ самообладаніе, излила на него потокъ оскорбленій, грубо примѣшивая къ нимъ имя барона д'Армандарикса и крестьянки, на которой тотъ долженъ былъ жениться. Она попала въ цѣль. Тонкія губы дрогнули и глаза загорѣлись гнѣвомъ. Горри поднялся съ мѣста, подошелъ къ ней, — она ожидала, что онъ ударитъ ее, быть можетъ, нанесетъ ей худшія оскорбленія. Она испугалась, радуясь однако, что пробила броню его неуязвимости, но онъ только вытолкнулъ ее за порогъ, и она неожиданно очутилась по другую сторону двери.

Послѣ этого случая настроеніе актрисы сдѣлалось убійственнымъ, и всю его тяжесть испытывалъ на себѣ злополучный шевадье. Одному доктору удавалось по временамъ развлекать ее своими философскими разговорами о сущности вещей и природы человѣческой. Не будь здѣсь Горри, актриса, можетъ быть, нашла

бы извѣстную прелесть и оригинальность въ этомъ столь новомъ для нея образѣ жизни. Свѣжій морской воздухъ благотворно дѣйствовалъ на ея нервную систему; она съ аппетитомъ купала простую пищу и, будучи очень чувствительна къ красотамъ природы, восхищалась глубокимъ очарованіемъ моря, сверкавшаго попеременно синими, зелеными, сѣрыми оттѣнками, — попеременно грознаго и улыбающагося, безконечно разнообразнаго въ своемъ однообразіи.

Когда въ лунныя ночи „Denak-Bat“ скользилъ по серебрянымъ волнамъ, душа актрисы, упоенная неземными чарами, уносила на крыльяхъ мечты къ невѣдомому, скрытому въ воздушныхъ пространствахъ, острову Цитеры. Но присутствіе Горри портило все дѣло. Какъ ни отворачивалась она отъ него, она не могла не замѣчать его высокой фигуры, его неподвижнаго профиля, стального взгляда сѣрыхъ глазъ, скрещивавшагося иногда съ ея взглядомъ.

По утрамъ и по вечерамъ ее неотступно преслѣдовалъ вопросъ: о чемъ думаетъ Горри?

VII.

Что такое происходитъ на кораблѣ?

Шкуна, шедшая подъ всѣми парусами, такъ подпрыгивала на волнахъ, что m-lle Коризанда, уцѣпившаяся за вантъ, еле-еле могла держаться на ногахъ. Матросы суетились, раздавались боцманскіе свистки. На палубу вбѣгивали бочки съ порохомъ, слышался лязгъ оружія. На всѣхъ лицахъ замѣчалось лихорадочное возбужденіе.

Актриса подозвала Арріага, на лицѣ котораго выразилось удовольствіе при видѣ хорошенькой, раздушенной женщины. Онъ подвелъ ее къ баббортъ; пѣна летѣла имъ въ лицо, но въ утреннемъ туманѣ она замѣтила абрисъ корабля. Что это? Опасный врагъ или добыча? Но морской воронъ радостно прокаркалъ:

— Трехмачтовый... Проклятые англичане! Шокозъ, пряности, индиго... Хорошъ! Догнать бы! — Слова его были краснорѣчивы. Взоры людей загорѣлись алчностью. Горри, съ подозрною трубкою въ рукѣ, не сходя съ вышки, отдавалъ боцманамъ приказанія, повторяемые ими въ рупоръ. Онъ — та голова, которая распоряжается быстроходнымъ хищникомъ, носящимъ имя: „Denak Bat“.

По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше, вѣтеръ падалъ. Вокругъ актрисы собрались ея спутники, обсуждая шансы

шкуну и англійскаго судна. Нанонъ жаждала пораженія еретиковъ. Жоречъ общалъ ей кусокъ шолоковой ткани; отецъ Мениссье получить чотки изъ слоновой кости.

Г. де-Тремиссанъ принялся критиковать маневры шкуну. Конечно, онъ не изучалъ морскаго дѣла, но, держась ближе, „Denak-Bat“ нагналъ бы корабль часа черезъ два. Възбѣшенная Коризанда посовѣтовала ему подѣлиться его соображеніями съ капитаномъ, на что онъ отвѣчалъ укоризненнымъ взоромъ.

— Кто подумалъ бы,—началъ докторъ,—что мнѣ, прославляющему науки, искусства и мирное преусугбание, доведется не только присутствовать при подобномъ зрѣлищѣ, но и ощутить въ себѣ доисторическіе хищные инстинкты? Безъ сомнѣнія, мы черезчуръ близки къ первоначальному варварству, если и человѣкъ съ философскимъ складомъ ума бываетъ доступнымъ для такихъ ощущеній. Прибавлю къ этому...

Оглушительный грохотъ потрясъ воздухъ. Докторъ присѣлъ и ухватился за гардель.

— Что это такое?—обратилась актриса къ матросу, хохотавшему при видѣ испуга доктора. Онъ указалъ ей на поднятый имъ на бизань-мачтѣ красный флагъ. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ холостымъ зарядомъ—въ видѣ предупрежденія врагу, какъ мудро замѣтилъ оправившійся докторъ. Онъ выразилъ надежду, что эти неосторожные люди сдадутся немедленно, „повинуясь нашему приказанію, и не подвергнуть опасности свою жизнь, прибѣгнувъ къ напрасному сопротивленію“.

Но англійскій корабль не послѣдовалъ мудрому совѣту и, уменьшивъ паруса, повернулся къ „Denak-Bat“ вмѣсто кормы—бортомъ.

— Несчастные, мы перешибемъ вамъ крыло!—воскликнулъ Кидоржъ.

И онъ съ угрожающимъ видомъ простеръ руку.

Но вдругъ лицо его покрылось землистою блѣдностью. Съ палубы вражескаго судна брызнулъ огонь, поднялось облако дыма и въ то же время надъ головами что-то глухо прогудѣло.

— Негодяи, они стрѣляютъ въ насъ!—вырвалось у доктора, и онъ присѣлъ на палубѣ подъ прикрытіемъ борта. Зубы его щелкали, когда онъ заговорилъ о своемъ вновь возродившемся отвращеніи къ войнѣ и къ ея ужасамъ. Новый залпъ заставилъ его смолкнуть. Теперь это уже отвѣчалъ „Denak-Bat“. Среди басковъ раздался крикъ торжества.

M-lle Коризанда, вся блѣдная, но съ искрившимися глазами, кричала, хлопая въ ладоши:

— Попало! Попало!

Мачта англійскаго корабля упала, какъ подрубленная, со всѣми своими парусами, и видно было, какъ люди засуетились, забѣгали, подобно муравьямъ, снѣсь освободить палубу отъ ненужнаго груза. Но „Denak-Bat“ вздрагивалъ до основанія отъ новыхъ залповъ: корсаръ открылъ огонь изъ всѣхъ своихъ орудій.

Поднявшись на ноги, докторъ сталъ умолять m-lle Коризанду спуститься въ каюту, но та, уцѣпившись за вантъ, ничего не слышала. Ноздри ея раздувались, она вся была поглощена зрѣлищемъ боя. Въ отвѣтъ на вторичное обращеніе доктора, она, презрительно вздернувъ губу, обозвала его трусомъ.

— Что-жь? Я этимъ горжусь,—обидчиво отвѣтилъ врачъ:—инстинктъ самосохраненія заложенъ въ насъ природою, одни лишь глупцы и выродки—не трусы. Храбрость—такое же ненормальное явленіе, какъ и геній, а я—человѣкъ разсудительный...

— Но ядро можетъ залетѣть къ вамъ и въ каюту. Вы похожи на страуса...

— Напрасно оскорбляютъ это животное, сударыня. Гибнуть—скверно, но глядѣть гибели въ глаза—еще хуже. Закрывая глаза, страусъ уподобляется Цезарю, завернувшемуся въ плащъ для того, чтобы умереть...

Въ воздухѣ бушевалъ огненный ураганъ. Англичанинъ отвѣчалъ всею своею артиллеріей, и градъ осколковъ сыпался на палубу. Кидоржъ кинулъ умоляющій взоръ на актрису, и затѣмъ, не глядя, слѣдуетъ ли она за нимъ, съ необычайною быстротою поползъ на-четверенькахъ къ спуску въ каюту, поглотившему его, какъ море—водолаза.

Тѣмъ временемъ m-lle Коризанда, оставаясь свидѣтельницей битвы, удивлялась тому, что этотъ грохотъ вызываетъ въ ней не большее волненіе, чѣмъ разыгравшаяся въ театрѣ буря, вызванная интригами соперницы. Первый пушечный залпъ повергъ ее въ состояніе какого-то возбужденія, похожаго на опьяненіе, и чувство физическаго страха оставалось ей совершенно чуждо. Самая битва казалась ей подобіемъ благородной, увлекательной пьесы, за всѣми перипетіями которой она напряженно слѣдила, подчеркивая успѣхи „Denak-Bat“.

Кромѣ того, ея самолюбіе было польщено: матросы указывали на нее одобрительными кивками головы, и она чувствовала, что нравственно вырастаетъ при видѣ восхищенія этихъ отважныхъ людей. Сладостное волненіе охватило ее: она словно играла роль въ своей лучшей трагедіи.

Еще одно обстоятельство взволновало ее. Чей-то пристальный

взглядъ заставилъ ее обернуться. Горри съ дружелюбной усмѣшкой смотрѣлъ на нее, и волна радости поднялась въ сердцѣ актрисы. Онъ отвернулся, наведя трубку на корабль, и лишь маленькій, стоявшій съ нимъ рядомъ, юнга продолжалъ таращить восхищенные глаза, улыбаясь ей широкою дѣтскою улыбкой... Но вдругъ онъ вскрикнулъ и упалъ, — изо рта у него хлынула кровь...

Съ крикомъ состраданія актриса кинулась къ мальчику, опустилась рядомъ съ нимъ на колѣни, положивъ голову его къ себѣ на грудь, и принялась звать врача.

Надъ нею склонилась чья-то фигура, и голосъ Горри проговорилъ:

— Не беспокойте *monsieur* Кидоржа. Ганикъ Эчегойенъ уже не нуждается во врачѣ. Прочитайте надъ нимъ молитву и дайте ему спокойно умереть у васъ на колѣняхъ.

M-lle Коризанда наклонила голову. Она тихо отерла платкомъ и оторванною ею отъ платья полоскою легкой матеріи кровь, струившуюся съ губъ раненаго, повторяя вполголоса обрывки приходившихъ ей на память молитвъ. И когда она окончила, на лицѣ умирающаго выразилось успокоеніе, но глаза его словно молили ее о чемъ-то. Тогда *m-lle* Коризанда вспомнила развязку извѣстныхъ ей драмъ, когда раненый герой умираетъ въ объятіяхъ возлюбленной. Она наклонилась къ маленькому баску, и ея нѣжныя душистыя губы коснулись его лба легкимъ поцѣлуемъ. Драматическая традиція восторжествовала. Въ темныхъ зрачкахъ появилось радостное сіяніе, губы раскрылись милою улыбкой, и Ганикъ Эчегойенъ безболѣзненно испустилъ духъ. Тонкіе пальцы *m-lle* Коризанды закрыли ему глаза. Она осторожно опустила его, прикрыла ему лицо своимъ платкомъ и, вставъ на ноги, осмотрѣлась.

Корабли со спущенными парусами покачивались на волнахъ въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. На палубѣ „Короля Джорджа“ уцѣлѣлъ обломокъ средней мачты, палуба его была усыяна осколками, корпусъ былъ во многихъ мѣстахъ продырявленъ. Побѣда!

Отъ корабля отплылъ ботъ. Онъ быстро приближался къ „*Denak-Bat*“; на кормѣ его сидѣлъ рыжій, краснолицый гигантъ съ рукою на перевязи. Ему кинули лѣстницу, и черезъ нѣсколько минутъ онъ появился на кубрикѣ „*Denak-Bat*“. Сопровождаемый Ларралдомъ, онъ подходилъ со спокойнымъ и неподвижнымъ лицомъ къ Горри. Когда *m-lle* Коризанда увидѣла, какъ онъ, униженный и побѣжденный, склонилъ голову передъ корсаромъ, она, несмотря на свою ненависть къ Горри, испытала величайшее удовлетвореніе. Громадный обезоруженный корабль качался по

волѣ волнѣ подъ угрозою выстрѣловъ „Denak-Bat“. М-лле Коризандѣ показалось, что эта побѣда была отчасти ея дѣломъ, и она за-одно съ басками испытывала чувство торжества.

Послѣ трехдневной работы дѣло было окончено. На „Королѣ Джорджѣ“ задѣлали пробоины, прибрали, почистили его и подъ командою Ларральда, получившаго подъ свое начало пятнадцать матросовъ-басковъ, отправили его съ грузомъ и плѣнниками въ Сень-Жанъ-де-Люцъ. „Denak-Bat“, получивъ подрѣзание по части боевыхъ припасовъ, но съ уменьшившимся экипажемъ, былъ снова готовъ къ охотѣ за непріателемъ.

На кораблѣ все шло попрежнему; только м-лле Коризанда повеселѣла. Ея храбрость и сердечность, съ какою она отнеслась къ маленькому Ганику, — завоевали ей признательность моряковъ; вмѣсто равнодушныхъ, непріязненныхъ или насмѣшливыхъ лицъ, она видѣла теперь улыбки и предупредительность, нѣсколько неуклюжую, но искреннюю. Они устраивали ей удобныя сидѣнья съ помощью тюковъ и парусины, старались не беспокоить ее дымомъ отъ своихъ трубокъ. Она уже не была для нихъ чужою. Грубое равнодушіе капитана также смѣнилось доброжелательствомъ. Въ дружбѣ его она, конечно, не нуждалась, но она радовалась тому, что заставила себя уважать. На другой день послѣ сраженія, Пейрутонъ привнесъ ей по его приказанію цѣлый тюкъ драгоценныхъ матерій. Сначала она надменно отказалась и приказала беарнцу передать капитану, что она ничего отъ него не приметъ, но тотъ отвѣтилъ:

— Капитанъ такъ сказалъ: „ты передашь, что это — отъ Ганика“.

М-лле Коризанда приняла подарокъ и, встрѣтивъ корсара на палубѣ, поблагодарила его. Онъ отвѣтилъ ей нѣсколькими словами, и въ голосъ его уже не было жесткости. Съ тѣхъ поръ, при встрѣчѣ съ нею, онъ всегда приподнималъ свой беретъ. Соблюдая свое достоинство, актриса также удостоивала порою обращаться къ нему съ вопросомъ; она не забыла его коварства и грубости, но плѣннику пристойнѣе затаить въ себѣ чувство негодованія; притомъ м-лле Коризанда была достаточно благородна для того, чтобы стать выше личныхъ счетовъ. Въ Горри было какое-то дикое величіе; онъ представлялся ей въ дыму и въ огнѣ, смѣло ведущимъ корабль къ побѣдѣ. Черезъ недѣлю ей пришлось убѣдиться въ томъ, что онъ обладаетъ еще и другими суровыми достоинствами первобытнаго человѣка.

Имъ пришлось выдержать жестокую бурю. Уже съ вечера небо заволоклось тучами и желтое солнце закатилось въ море, казавшееся почти чернымъ; среди матросовъ не было замѣтно обычнаго оживленія; Арріагъ съ недовольнымъ видомъ указывалъ капитану на горизонтъ. Вдругъ что-то подобное могучему дуновенію пронеслось надъ кораблемъ, и „Depak-Bat“ нырнулъ въ волны.

— Будетъ качка, капитанъ?—спросила m-lle Коризанда, сидѣвшая на палубѣ.

Горри коротко отвѣтилъ:

— Это буря. Ступайте въ каюту. Сейчасъ закроютъ люки.

Ночью страшный ревъ бури разбудилъ актрису. Въ теченіе трехъ сутокъ шла борьба на жизнь и на смерть между бурей и кораблемъ. Измученные матросы вваливались поочередно въ каюту, иззябшіе, оборванные, окровавленные, и тутъ же засыпали мертвымъ сномъ на нѣсколько часовъ. Только одинъ человѣкъ ни разу не спускался въ каюту.

Манекъ Горри, привязанный къ перекладинѣ канатомъ, не отнимая рукъ отъ руля, три дня бился со слѣпою силою стихій и на четвертый день побѣдилъ.

Измученная усталостью, m-lle Коризанда поднялась утромъ четвертаго дня на палубу. Волненіе утихало, сквозь разорванныя облака улыбалась лазурь. Арріагъ, ухмыляясь во весь ротъ, подмигнулъ актрисѣ. Съ губъ ея невольно сорвалось:

— Горри?

Старикъ кивнулъ головою и, схвативъ ее за руку, повелъ къ кормѣ. Рулевой уже занялъ свое мѣсто, а у ногъ его спалъ тяжелымъ сномъ человѣкъ съ полуоткрытымъ ртомъ, распростертый на спинѣ. M-lle Коризанда глядѣла со страннымъ волненіемъ на Горри. Онъ былъ грязенъ, обросъ бородою, одежда его висѣла лохмотьями, сквозь которыя просвѣчивали багровые рубцы отъ веревокъ, которыми онъ былъ привязанъ къ мачтѣ. Видъ его внушалъ ужасъ. M-lle Коризанда нагнулась къ корсару и, снявъ съ себя свой суконный плащъ, прикрыла имъ спящаго.

Вечеромъ m-lle Коризанда собрала вокругъ себя дворъ. Синее море было спокойно; солнце закатывалось въ ослѣпительномъ сіяніи. Горри совершалъ свой обычный обходъ, осматривая поврежденія, отдавая приказанія. Поровнявшись съ актрисою, онъ не ограничился поклономъ, но дружелюбно осведомился о томъ, какъ она и ея спутники перенесли бурю. Еще впервые онъ указывалъ участіе людямъ, которыхъ осудилъ, по непонятному капризу, дѣлить съ нимъ опасности. M-lle Коризанда сочла благо-

разумнымъ отнестись къ его вниманію благосклонно, и послѣ обычныхъ увѣреній прибавила:

— Мы обязаны вамъ жизнью, капитанъ, и должны поблагодарить васъ.

Неожиданная, нѣсколько смущенная, почти дѣтская улыбка обнажила неровные хищные зубы корсара; онъ покачалъ головою, поглядѣлъ на свои ободранные руки и вдругъ серьезно проговорилъ, указывая на небо:

— Вотъ кто насъ спасъ.

Онъ задумался. Актриса, желая задержать его, проговорила, указывая на горизонтъ:

— Какое чудное зрѣлище!

Солнце закатывалось, подобно пурпуровому шару. Внезапно поднимавшаяся волна закрыла его, но оно пронизало ее своими лучами.

— Кровавая волна! — сказалъ Горри.

— Что это значить? — спросила актриса.

— Это одно изъ нашихъ народныхъ сказаній. Вы не знаете его?

Облокотясь на бортъ, Горри, глядя передъ собою, разсказалъ старинную легенду о волнѣ крови, едва не поглотившей лодку храбреца Юрри. Онъ ударилъ по ней освященною острогою, но, вернувшись домой, нашелъ свою жену пригвожденною къ постели. Ударъ остриемъ пришелся ей прямо въ сердце: она была злою колдуньей, наславшей на него гибель.

Арриатъ приблизился къ нимъ, и когда Горри кончилъ, онъ съ гордостью сказалъ:

— Капитанъ — мастеръ разсказывать.

— Благодарю васъ, вы доставили намъ большое удовольствіе, капитанъ, — сказала актриса.

Горри пробормоталъ какъ бы про себя:

— У насъ есть идущія отъ отцовъ преданія, и мы повторяемъ ихъ въ тѣхъ словахъ, въ какихъ мы сами слышали ихъ. Вы хорошо дѣлаете, что не смѣтаете надъ ними.

Въ слѣдующіе дни бесѣды между корсаромъ и актрисою возобновились, и m-lle Коризанда должна была сознаться, что ея отвращеніе къ нему уменьшилось. Этотъ человѣкъ не походилъ на другихъ, и его слѣдовало судить не по общему мѣрилу. Душа у него была робкая и пылкая, наивная и суровая, съ внезапными порывами, уклоненіями, возвратами къ прежнимъ настроеніямъ. То онъ садился рядомъ съ актрисою и съ простотою почти дѣтскою говорилъ ей о родномъ краѣ, о своемъ ремеслѣ,

о своихъ приключеніяхъ, то онъ избѣгалъ ее и проходилъ мимо нея съ надменнымъ и безучастнымъ видомъ, но никогда съ губъ у него не срывалось ни одного слова, похожаго на любезность. Однажды, когда онъ съ необычнымъ оживленіемъ описывалъ ей дѣтскія игры басковъ, она спросила его:

— Такъ какъ мы перестали быть врагами, капитанъ, — объясните мнѣ, почему вы меня похитили?

Онъ улыбнулся наполовину удивленно, наполовину лукаво.

— Развѣ вы этого не знаете? Я не хотѣлъ, чтобы г. д'Армандарикъ измѣнялъ своей невѣстѣ, а вы отказались повиноваться мнѣ. Баски упрямы.

Актриса настаивала:

— Хорошо. Но почему вы такъ сильно интересуетесь бракомъ г. д'Армандарикса?

— Потому что въ немъ — счастье Хуаны Мендіондо.

Сердце актрисы сжалось, хотя она сама не знала — почему.

— Простите... Но не могу ли я узнать, почему вы такъ настойчиво желали счастья этой молодой дѣвушкѣ?

— Она единственная женщина, какую я любилъ въ моей жизни.

И такъ какъ m-lle Коризанда молчала, Горри продолжалъ, словно говоря съ собою:

— Звѣрь, сидящій въ чловѣкѣ, желаетъ всѣхъ женщинъ, но чловѣкъ любить только одну. Я обладалъ многими, но любилъ одну. Ея любовь погибла для меня. Сердце мое мертво.

Съ минуту длилось молчаніе. Онъ провелъ рукою по лбу и всталъ. Въ глазахъ его вспыхнула искра гнѣва. Какъ онъ могъ выдать себя передъ подобною женщиной? Эти уста не смѣли произносить имени Хуаны Мендіондо, эти уши не должны были слышать его признаній. Онъ грубо сказалъ:

— Впрочемъ, это мое дѣло. Не будемъ объ этомъ говорить.

Послѣ этого онъ цѣлыхъ три дня не подходилъ къ актрисѣ. Вечеромъ четвертаго дня, когда Нанонъ уже засыпала, ее разбудили рыданія. Спрятавъ лицо въ подушку, m-lle Коризанда плакала, какъ Магдалина, и, въ отвѣтъ на утѣшеніе вѣрной служанки, повторяла, ломая руки:

— О, что за жизнь! Что за жизнь! Долго ли мы будемъ въ плѣну у этого чловѣка?

VIII.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней густой, тяжелый туманъ окуталъ дремавшее море. Не чувствовалось ни малѣйшаго вѣ-

терка, не слышалось ропота волнъ. Такое затишье всегда тревожитъ моряковъ. Послѣ четырехъ-мѣсячной кампаніи пора было „Denak-Bat“ вернуться въ гавань. Судно нуждалось въ просушкѣ и починкѣ, да и боевой составъ его очень уменьшился. Кромѣ „Короля Джорджа“, было взято еще три приза; одинъ пришлось потопить, а два другихъ были отправлены въ Сень-Жанъ-де-Люцъ. Ни одинъ изъ королевскихъ линейныхъ кораблей не былъ способенъ на такіе подвиги, и еслибы у короля была сотня такихъ корсаровъ, какъ Горри, англійской торговлѣ скоро пришелъ бы конецъ. Послѣ удачной кампаніи, всѣ жаждали отдыха, хотѣлось повеселиться, отдохнуть — благо добыча попалась изрядная. Но паруса безсильно висѣли вдоль рей, въ туманѣ рискованно было двинуться впередъ, такъ какъ вражескій корабль могъ пройти въ двадцати-пяти саженьяхъ отъ шкуны, не замѣтивъ ее. И въ ожиданіи вѣтра, матросы дремали, завернувшись въ плащи.

Тревога! Послышался звукъ капитанскаго рупора:

— Всѣ наверхъ!

Подгоняемые свистками боцмановъ, матросы взобрались на мачты. Пронесся рѣзкій порывъ вѣтра, — сейчасъ горизонтъ прояснится.

Дѣйствительно, въ воздухѣ и по водѣ пробѣжалъ какой-то ропотъ пробужденія. Туманъ зашевелился, разползся, разсѣялся, повисъ клочьями, закружился, какъ дымъ. Появились яркіе просвѣты. „Denak-Bat“ покачивался на ожившихъ волнахъ; тяжелый сонъ кончился, и всѣ порадовались. Но марсовой испустилъ предостерегающій крикъ, и люди тревожно кинулись къ бакборту. Что случилось?

Въ нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ шкуны виднѣлся большой фрегатъ; онъ уже замѣтилъ корсара и пушечнымъ выстрѣломъ подаль ему сигналъ остаться. Матросы вопросительно глядѣли на Горри, но тотъ покачалъ головою. На фрегатѣ развѣвался бѣлый съ лиліями флагъ.

Тревога не вполне разсѣялась. Между королевскими судами и корсарами не было особенныхъ симпатій. Гг. офицеры слишкомъ придирались къ донесеніямъ, оцѣняли по-своему призы, вмѣшивались въ то, что происходитъ на палубѣ свободныхъ кораблей.

Горри предпочелъ бы уйти, даже съ рискомъ — получить въ догонку нѣсколько ядеръ. Но на такомъ разстояніи шкуна неминуемо была бы потоплена. Приходилось покориться. Согласно приказанію, капитанъ, захвативъ бумаги, сѣлъ въ лодку, быстро понесшую его къ фрегату. Матросы провожали его глазами; они

не любили регулярныхъ войскъ и, въ качествѣ басковъ, презирали французовъ. Люди хмурились и ворчали, но ихъ недовольство смѣнилось тревогою, когда, вмѣсто лодки капитана, отъ фрегата отчалила шлюпка. Будь Горри съ ними—они бы отвѣтили, да еще какъ! Арріагъ, бывший теперь за старшаго, велѣлъ имъ молчать.

На палубу поднялся человѣкъ величественной наружности; на немъ былъ пудренный парикъ, золотые галуны, и шпага его звенѣла при каждомъ его шагѣ. За нимъ слѣдовали четыре фузилера съ мушкетами. Оборванные матросы недружелюбно глядѣли на нихъ. Но офицеръ, съ церемоннымъ поклономъ, подаль бумагу Арріагу, и тотъ, узнавъ почеркъ Горри, принялся по складамъ разбирать ее подъ насмѣшливыми взглядами пришельцевъ. Горри приказывалъ вручить г. де Вильморону всѣ документы и показать ему корабль. Оставалось повиноваться. Арріагъ хмуро поглядывалъ на г. де-Вильморона, рывшагося въ бумагахъ капитана; отъ этого щеголя слишкомъ хорошо пахло, руки его были чересчуръ бѣлы; Арріагу хотѣлось взять за шиворотъ и выкупать въ морѣ этого золотомъ шитаго соглядатая...

Но осмотръ, видимо, удовлетворилъ офицера; чело его прояснилось. Все оказалось въ полномъ порядкѣ, и ему оставалось только—принести поздравленіе г. Арріагу и этимъ молодцамъ, состоящимъ подъ его командою. Онъ выразить капитану Горри свое полнѣйшее удовольствіе.

Г. де-Вильморонъ уже готовился спуститься, когда, расталкивая задерживавшихъ его матросовъ, къ нему кинулся какой-то человѣкъ.

— Г. де-Вильморонъ, во имя вашего воинскаго долга, я требую, чтобы вы задержали, до преданія его суду, командира этого судна, Манека Горри, виновнаго въ мятежѣ и насиліи, учиненномъ надъ особами офицера, состоящаго на службѣ его величества, и другихъ королевскихъ подданныхъ.

Г. де-Вильморонъ обернулся, удивленно разглядывая странно одѣтаго человѣка, но вдругъ воскликнулъ:

— Г. де-Тремиссанъ? Жакъ-Анри? Въ такомъ костюмѣ? Что за встрѣча!

Они заговорили вполголоса; изумленіе, а затѣмъ негодованіе—отразились на лицѣ г. де-Вильморона.

Они пошли къ шлюпкѣ; Арріагъ, ссылаясь на приказаніе капитана, попробовалъ—было виѣшаться, но г. де-Вильморонъ приказалъ фузилерамъ взять его. Матросы схватились за топоры, и тогда г. де-Вильморонъ обратился къ Арріагу:

— Если вы дорожите жизнью этихъ людей, объясните имъ, что въ случаѣ мятежа, ихъ вздернуть черезъ полчаса на реи.

Арриагъ плохо понималъ по-французски, но тутъ онъ понялъ и съ яростью въ сердцѣ принужденъ былъ отпустить шеваляе, который собирался лично доложить о своемъ дѣлѣ г. де-Буабертело, командиру фрегата „Беллона“.

Два часа спустя, все было устроено.

Подъ наблюдениемъ взвода фузилеровъ, матросы съ „Денак-Ват“ были перевезены на „Беллону“ и четверо неповоротливыхъ — закованы. Королевскому лейтенанту и двадцати матросамъ было поручено проводить шкуну въ Брестъ. Что же касается Манека Горри, обвиненнаго въ военное время въ насилие, учиненномъ имъ надъ особою офицера, то ему предстояло находиться подъ стражею до момента суда.

Когда m-lle Коризанда, любезно сопровождаемая г. де-Сентъ-Ивъ, ступила на палубу „Беллоны“, къ ней подошелъ торжествующій шеваляе.

— Mademoiselle, вы порою весьма рѣзко упрекали меня за то, что я не освободилъ васъ изъ рукъ нашего тирана. Могу ли я надѣяться, что я заслужилъ теперь ваше прощенье?

Актриса отвѣчала ледянымъ тономъ:

— Г. де-Тремиссанъ, я знала, что вы — глупецъ, но не считала васъ сикофантомъ. Потрудитесь на будущее время избавить меня отъ вашего присутствія.

Въ сопровожденіи Нанонъ, она надменно прошла въ свою каюту. Пораженный неожиданнымъ ударомъ, шеваляе замеръ на мѣстѣ и, наконецъ, обратился къ Кидоржу:

— Понимаете ли вы тутъ что-нибудь, докторъ?

— Monsieur, — сказалъ врачъ, — еслибы вы были философомъ, вы менѣе бы удивлялись.

„Беллона“ подъ всѣми парусами неслась къ берегамъ Франціи. Капитанъ ея, маркизъ де-Буабертело, долженъ былъ выполнить важную миссію: онъ везъ отъ г. де-Водрѣйля, губернатора Канады, важныя бумаги: планы ея защиты, перечень морскихъ и сухопутныхъ силъ, просьбы о снабженіи колоніи боевыми припасами и оружіемъ, адресованныя на имя государственнаго секретаря по дѣламъ флота. Судьба французскихъ колоній зави-

шла отъ счастливаго исхода этой мисси; а море кишѣло между тѣмъ англійскими кораблями.

Но важность задачи не заставила забыть гг. офицеровъ о вниманіи къ прекрасному и слабому полу. Появленіе m-lle Коризанды, вышедшей, подобно сиренѣ, изъ лона водъ, было для нихъ желанною счастливой случайностью. На кораблѣ она сразу сдѣлалась царицей; ей отвели лучшую каюту, и каждый ея выходъ привлекалъ взоры молодежи, соперничавшей въ стараніяхъ угодить ей. Вокругъ ея кресла немедленно составлялся кружокъ обожателей, ловившихъ ея взглядъ и улыбку. Даже отсутствующая—она служила постоянною темою ихъ разговоровъ.

И въ это утро г. де-Селиньи и г. де-Фольней-Маренкуръ, конечно, говорили о ней. Второму изъ нихъ было восемнадцать лѣтъ; проведя въ Парижѣ цѣлый семестръ въ домѣ дяди своего, каноника, онъ успѣлъ побывать четыре раза въ оперѣ, присутствовать при обѣдѣ короля и даже познакомился съ двумя очаровательными дѣвицами, вслѣдствіе чего слылъ человекомъ свѣтскимъ, и г. де-Селиньи, бывшій на два года его моложе, питалъ большое уваженіе къ его опытности по части любовныхъ дѣлъ.

Итакъ, г. де-Фольней-Маренкуръ, хотя онъ видѣлъ актрису не иначе какъ на подмосткахъ, посвятилъ своего друга въ тайну жизни этихъ театральныхъ звѣздъ, милостей которыхъ добиваются принцы и губернаторы колоній. Любуясь издали m-lle Коризандою, юноши давали полную свободу своему языку и воображенію, но, встрѣчаясь съ нею, юные побѣдители могли только, почтительно снявъ шляпу, отвѣсить ей низкій поклонъ и вспыхнуть до корней волосъ, прикрытыхъ париемъ. Ея улыбка возносила ихъ на высоту блаженства, приближеніе приводило въ трепетъ, а отсутствіе ея казалось имъ смертию. Впрочемъ, эта заразная любовная лихорадка вскорѣ передалась остальнымъ офицерамъ; всѣ они были одинаково влюблены и одинаково несчастны. Несмотря на свою профессію, она оказалась воплощеніемъ неприступной добродѣтели, и потому, хотя всѣ и каждый клалъ жестокую красавицу, она пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. Изъ всего экипажа „Беллоны“ лишь одному г. де-Тремиссану было запрещено показываться ей на глаза. Холодно любезная, m-lle Коризанда погружалась по временамъ въ меланхолическую задумчивость, словно душа ея парила гдѣ-то далеко отъ фрегата. Лишь появленіе босыхъ матросовъ-басковъ неизмѣнно вызывало на уста ея улыбку. Она ежедневно обмѣнивалась нѣмными словами съ Арріагомъ и двумя-тремя моряками, говорившими по-французски; ихъ инстинктъ подсказалъ имъ, что они

нашли въ ней защитницу, и они не ошиблись. Она упростила г. де-Буабертело отгнѣвить наказаніе, къ которому былъ присужденъ Ирріаръ, не исполнившій приказанія, отданнаго на непонятномъ ему языкѣ. Ея успѣхъ подалъ ей мысль, которую она привела въ исполненіе, испросивъ аудіенцію у командира фрегата.

Маркизь де-Буабертело принялъ молодую женщину съ удовольствіемъ, и его острое, угловатое лицо озарилось улыбкою, когда онъ увидѣлъ ее скромно сидящую въ его каютѣ, увѣшанной священными изображеніями христіанскихъ мучениковъ. Офицеры пылали къ ней плотской любовью, командиръ — духовною. Онъ мечталъ спасти ея душу, заставивъ ее отказаться отъ ея нечестивой профессіи, и потому поразился ея приходу. Но лицо его омрачилось, когда она изложила ему свою просьбу о свиданіи съ Манекомъ Горри.

— Сударыня, онъ — въ секретной, и выйдетъ оттуда лишь для того, чтобы предстать передъ судомъ. Пусть онъ обдумаетъ въ одиночествѣ всю тяжесть своего преступленія. Удивляюсь, что онъ внушаетъ вамъ интересъ, котораго онъ недостоинъ.

Но m-lle Коризанда продолжала настаивать съ нѣжной вкрадчивостью. Горри хорошо обращался съ ними, онъ выказалъ себя истиннымъ храбрецомъ. Душа у него дикая, но не испорченная. Религія предписываетъ намъ посѣщать страждущихъ. Рѣшившись на такой шагъ, она повиновалась чувству, пробужденному въ ней самимъ маркизомъ. Онъ столько разъ указывалъ ей на соблазны ея профессіи, желая спасти ее отъ вѣчной гибели; теперь она въ свою очередь желаетъ внушить плѣннику мысли, клонящіяся къ спасенію его души...

M-lle Коризанда слегка склонилась къ командиру; отъ кружевъ ея корсажа распространялось нѣжное благоуханіе. Пріятно содѣйствовать просвѣтлѣнію души, заключенной въ столь прекрасномъ тѣлѣ. И командиръ, подписавъ пропускъ, былъ вознагражденъ улыбкою прелестнаго рта, декламировавшаго гармоничные стихи Расина и столь непохожаго на ротъ его супруги — маркизы Арсеніи.

Въ тюрьмѣ, скудно освѣщенной фонаремъ, Горри съ ядромъ, привязаннымъ къ ногѣ, лежалъ на спинѣ, заложивъ руки за голову. Въ минуту ареста его охватилъ припадокъ бѣшенства, но затѣмъ онъ смирился и призналъ свою неправоту. Конечно, онъ не согрѣшилъ, захвативъ двухъ женщинъ легкаго поведенія, цирюльника и монаха, но онъ измѣнилъ долгу и присягѣ, взявъ

въ плѣнъ чловѣка, состоящаго на службѣ короля, да еще—въ военное время. Король держитъ свои обязательства относительно басковъ,—они не должны нарушать своихъ. Второй его проступокъ состоитъ въ томъ, что онъ оказалъ вооруженное сопротивление въ минуту ареста, на что не имѣлъ никакого права.

Горри зналъ, какое наказаніе ожидаетъ его, но онъ не заботился о своей головѣ. Земная жизнь—ничто передъ жизнью загробною, а онъ загубилъ свою душу; не говоря уже о богохульствахъ, срывавшихся съ его губъ, онъ нѣсколько разъ испытывалъ грѣховное волненіе подъ вызывающими взглядами актрисы—его плѣнницы. Конечно, хорошая исповѣдь и сердечное покаяніе должны искупить эти грѣхи; у него имѣются въ прошломъ заслуги передъ Господомъ, заступничество Пресвятой Дѣвы и святыхъ; не даромъ за него молятся въ двухъ церквахъ. Нужно только очиститься передъ смертью.

И онъ пламенно молился Всевышнему, Дѣвѣ-Маріи, звѣздѣ моряковъ, царицѣ милосердія, кроткому Іисусу, сыну Давидову. Путемъ покаянія онъ очищалъ свою душу отъ пятенъ земной грязи, путемъ просвѣтлѣнія онъ открывалъ ее для неизреченнаго свѣта, путемъ единенія онъ достигалъ общенія съ Богомъ. Потоки небеснаго огня изливались въ его душу, превращая ее въ жертвенный храмъ.

Вслѣдъ за минутами экстаза—все земное утрачивало смыслъ; даже среди дорогихъ воспоминаній о родинѣ онъ останавливался лишь на тѣхъ, которыя имѣли отношеніе къ спасенію его души. Хуана счастлива, она въ немъ не нуждается; Граціанна утѣшится, узнавъ, что онъ умеръ, какъ подобаетъ христіанину. Ему вспомнились церкви съ деревянными галереями, безконечныя церковныя процессіи, тишина монастырей и кладбищъ, слова заупокойныхъ службъ...

Въ дверь тихо постучали, она отворилась; показался женскій силуэтъ. Не лукавый ли искушаетъ его? Корсаръ перекрестился. Но сторожъ внесъ фонарь, подвѣсилъ его къ потолку и удалился. Горри съ досадою узналъ актрису. Онъ машинально приподнялся, откинулъ со лба спутанные волосы. Она опустилась на единственную скамью и въ какомъ-то оцѣпенѣніи глядѣла на него.

Онъ заговорилъ спокойно, но съ оттѣнкомъ недовѣрія, въ оторомъ просвѣчивала рѣзкость.

— Что вамъ надо? Зачѣмъ вы пришли?

Зачѣмъ? Она не была подготовлена къ этому вопросу. Что сказать? Она хотѣла его видѣть. Ей казалось естественнымъ,

что онъ приметъ ее какъ вѣстницу, принесшую ему слово дружбы и ободренія; она не ожидала этого ледяного тона, образовавшаго между ними бездну. Слезы подступили къ ея глазамъ, но она ихъ подавила.

— Я получила отъ командира разрѣшеніе передать вамъ вѣсточку отъ товарищей.

Черты корсара просвѣтлѣли. Онъ съ удовольствіемъ выслушалъ ее и улынулся разсказу о случаѣ съ Ирріаромъ; раза два онъ даже задалъ ей вопросы. Она жадно смотрѣла на него.

Какъ онъ исхудалъ! Лицо его казалось восковымъ, онъ обросъ бородою, впалые глаза сверкали, при каждомъ его движеніи слышалось звяканье цѣпи. Глубокое волненіе охватило актрису; голосъ ея оборвался, она смокла.

— Благодарю васъ,—сказалъ Горри;—передайте отъ меня привѣтъ товарищамъ.

Онъ, очевидно, хотѣлъ прекратить разговоръ; слезы снова подступили къ горлу актрисы, она прошептала:

— За мною придутъ только черезъ пять минутъ. Могу я сказать имъ, что вы хорошо переносите плѣнъ и надѣетесь на добрый исходъ?

Горри серьезно отвѣтилъ:

— Скажите имъ, что я мысленно съ ними, и денно и ночью прошу Господа отпустить имъ ихъ грѣхи. Самъ же я готовъ предстать передъ престоломъ Всевышняго и уповаю на Его милосердіе.

Губы актрисы задрожали.

— Вы не хотите сказать, что... что...

Въ голосъ ея было такое страданіе, что оно тронуло даже Горри. Онъ объяснилъ ей всю неумолимость закона. Она испустила крикъ ужаса, отталкивая руками возникшее передъ нею страшное видѣніе... Повѣшеніе?

— Нѣтъ. Баска не вѣшаютъ, ему рубятъ голову.

Вся его расовая гордость вылилась въ этихъ словахъ. Актриса глядѣла на него расширенными отъ ужаса и восхищенія глазами. Это—сверхъ-человѣкъ. Неужели мысль о смерти не страшитъ его?

— Нѣтъ, я радостно промѣняю эту жизнь на жизнь вѣчную.

Утѣшенія—излишни. M-lle Коризанда, разбитая, побѣжденная, встала, понуривъ голову.

— И вы ни о чемъ не пожалѣете?

— Ни о чемъ,—отвѣтилъ Горри, и послѣ краткаго молчанія прибавилъ:

— Ни о чемъ.

Дверь закрылась за актрисою. Горри, опустясь на колѣни, принялся молиться, но онъ былъ разсѣянъ. Образъ этой женщины преслѣдовалъ его, въ сгустившейся атмосферѣ ощущалась чувственная струя; онъ видѣлъ передъ собою глаза грѣшницы, горѣвшіе страннымъ огнемъ, и въ немъ пробуждались земныя мысли.

Горри зарычалъ отъ гнѣва. Онъ сумѣетъ укротить въ себѣ звѣря. Въ стѣнѣ торчалъ гвоздь; онъ нѣсколько разъ ударился объ него. Потекла кровь; онъ ощутилъ вмѣстѣ съ болью успокоеніе и снова сталъ молиться.

IX.

Г. де Фрэнъ, опустивъ лорнетку, обратился къ г. де Блуны:
— Не стану спорить. Вы выиграли шесть бутылокъ венгерскаго вина.

Со вчерашняго утра на горизонтѣ показалось два паруса. Къ полудню уже нельзя было сомнѣваться въ томъ, что два англійскихъ корабля гнались за фрегатомъ. Командиръ приказалъ распустить всѣ паруса. Въ теченіе вечера преслѣдователи то нагоняли фрегатъ, то отставали; онъ надѣялся опередить ихъ за ночь, но съ утра они замѣтно приблизились, и г-ну де Фрэну пришлось угостить офицеровъ за завтракомъ проиграннымъ имъ г-ну де Блуны венгерскимъ виномъ.

Командиръ, серьезно встревоженный, отказался принять участіе въ угощеніи; ранѣе заката они нагонятъ фрегатъ, утомленный долгимъ плаваніемъ, а исходъ сраженія—очевиденъ. Онъ не дорожилъ ни жизнью, ни фрегатомъ, но уничтоженіе важныхъ бумагъ—было бы непоправимою утратою.

У него была надежда на то, что корабль можетъ ускользнуть во время ночной темноты. Для этого нужно повернуть галсъ на югъ; продолжая идти по вѣтру, корабль встрѣтитъ на пути опасные пороги и водовороты, хорошо извѣстные мореходамъ. Онъ уже отдалъ приказаніе.

Стаканы чокнулись.—За гибель англичанъ!

Но марсовый подалъ сигналъ:

— Парусъ со стороны штирборта!

И почти сейчасъ послѣдовалъ другой сигналъ:

— Второй парусъ со стороны штирборта!

Сомнѣнія не было. Всѣ кинулись къ борту, навели трубки. Командиръ принялъ рѣшеніе.

— Команда наверхъ! Повернуть на другой галсъ!

Послушный рулю, корабль описалъ дугу и понесся на сѣверъ; спасеніе было возможно лишь съ этой стороны, но оно казалось сомнительнымъ, вѣтеръ былъ неблагопріятный. Къ четыремъ часамъ передовые корабли подошли уже на пушечный выстрѣлъ.

Офицеры сыпали проклятіями. Бѣжать предъ этими негодьями! У юнаго Фольней-Маренкура отъ стыда слезы выступили на глазахъ. Все равно, дѣло кончится боемъ.—А депеши?—Къ чорту депеши!

М-ле Коризанда, сидя въ креслѣ, съ интересомъ слѣдила за погоней. „Беллона“ казалась ей ланью, преслѣдуемой псами, но сама она безъ страха ожидала катастрофы. Для нея въ двадцать пять лѣтъ жизнь была кончена. Мипурные сценическіе успѣхи, мужскія ухаживанія, ложь, лесть, интриги... И это—жизнь?

Вотъ г. де-Селины. Бѣдняжка! Актриса улыбнулась его шестнадцати годамъ; онъ вспыхнулъ.

— Мы спасемся, увѣряю васъ, сударыня, мы спасемся! Хотите на пари?

Онъ сконфуженно смолкъ, но она грустно проговорила:

— Нѣтъ, я принесла бы вамъ несчастье.

Докторъ Кидоржъ также былъ настроенъ оптимистически. Бойся ли онъ смерти? Онъ не увѣренъ въ существованіи будущей жизни, и потому не желаетъ мѣнять кривого коня на слѣпого...

— Парусъ со стороны бакборта!

Этотъ сигналъ марсоваго повергъ всѣхъ въ уныніе. Преслѣдуемый съ трехъ сторонъ врагами, несущійся прямо на страшные пороги „Rosaire“, фрегатъ, казалось, былъ безвозвратно осужденъ. Лица нѣкоторыхъ поблѣднѣли; докторъ, забывъ всякое самолюбіе, заревѣлъ бѣлугою.

Даже m-ле Коризанда ощутила холодную дрожь при мысли о загнанной собаками лани, и при видѣ Арріага, подошедшаго къ ней, она проговорила:

— Ну, вотъ и конецъ нашему плаванію, мой храбрый Арріагъ.

Но онъ упрямо покачалъ головою и, схвативъ ее за руку, принялся усиленно и настойчиво что-то ей объяснять, стараясь, чтобы она поняла его.

Офицеры собрались на совѣтъ. Кто предлагалъ — взорвать корабль, кто — идти впередъ и разбиться на утесахъ, но большинство было того мнѣнія, что надо принять бой и нанести англичанамъ возможно большій уронъ... Маркизь де-Буабертело, выслушавъ всѣ мнѣнія, проговорилъ:

— Для меня одно ясно: фрегатъ, которымъ я имѣю честь командовать, осужденъ на гибель...

— Нѣтъ!

Среди офицеровъ неожиданно появилась М-лле Коризанда, ведшая за собою смущеннаго Арриага. Несмотря на свою галантность, командиръ нахмурился.

— Mademoiselle, извините меня, но въ подобную минуту...

М-лле Коризанда взволнованно воскликнула:

— Я приношу вамъ спасеніе. Выслушайте этого человѣка.

Глубокій пафосъ, звучавшій въ ея голосѣ, былъ достоинъ Химены, заклинающей Сиду вернуться побѣдителемъ. Офицеры, хорошо знакомые съ Корнелемъ, смолкли. М-лле Коризанда приказала Арриагу:

— Говорите!

Стѣсняемый своимъ незнакомствомъ съ французскимъ языкомъ и присутствіемъ столькихъ важныхъ господъ, старикъ искалъ словъ, путался. Тогда актриса заговорила вмѣсто него, а онъ, внимательно слѣдя за ея рѣчью, время отъ времени утвердительно кивалъ головою, подтверждая кабую-нибудь подробность.

— Года четыре тому назадъ, страшная буря загнала сюда „Denak-Bat“. Оставалось одно—идти впередъ туда прямо къ мелямъ,—актриса указала пальцемъ на носъ корабля, несшагося на пороги.—Капитанъ взялся за руль. Каждую минуту они опасались съesty на мель, разбиться. Но шквона прошла, хотя въ то время былъ отливъ. Теперь приливъ, а потому, быть можетъ, пройдетъ и фрегатъ.

Послышался ропотъ недовѣрія.

— Вы хотите сказать, что Горри миновалъ утесы Rosaire?

— Да,—отвѣтилъ Арриагъ.

И слыша возрастающій ропотъ, онъ торжественно прибавилъ, вытянувъ свою сухую руку:

— Клянусь Пресвятою Дѣвою и спасеніемъ моей души!

Наступило молчаніе. Это казалось неправдоподобнымъ, но въ туть—единственная надежда на спасеніе.

— Приведите плѣнника!—приказалъ командиръ.

Солнце садилось, сѣрые туманы выше поднимались въ небѣ. Вида, что добыча отъ нихъ не ускользнетъ, англійскія суда свернули часть парусовъ. Арриагъ что-то бормоталъ про себя.

Ряды офицеровъ раздались на обѣ стороны. Показался Мажестъ Горри, шедшій между двухъ фузилеровъ. Лицо у него было оловянное, его длинный сухой носъ напоминалъ орлиный клювъ; глаза его мигали, подобно глазамъ ночной птицы; одежда на немъ

висѣла лохмотьями, на ногахъ видѣлись рубцы отъ кандаловъ. Отъ него распространялся тяжелый запахъ. Онъ стоялъ неподвижный и безстрастный.

— На васъ тяготѣетъ серьезное обвиненіе, — началъ командиръ, — но вы могли бы искупить хотя отчасти вашу вину передъ королемъ. Согласны ли вы отвѣтить по совѣсти на предложенные вамъ вопросы?

— Клянусь Богомъ и моею честью, я готовъ отвѣчать.

— Правда ли, что четыре года тому назадъ вы провели вашу шкуну „Denak-Bat“ черезъ пороги Rosaire?

— Правда.

— Вы благополучно прошли среди множества мелей?

— Да. Тутъ есть проходъ.

— Достаточно ли здѣсь глубоко для того, чтобы провести фрегатъ?

— При такомъ приливѣ и въ такую погоду — быть можетъ.

— Вы сумѣли бы править „Беллоною“?

— Да, еслибы Господь былъ со мной.

Послышались вздохи. Напряженіе было слишкомъ сильно. Юный Селиньи подумалъ о матери, у m-lle Коризанды грудь была какъ въ тискахъ.

— Monsieur Горри, — сказалъ командиръ, — поглядите туда. Шесть англійскихъ линейныхъ кораблей гонятъ нашъ фрегатъ на скалы Rosaire. Единственная для насъ возможность спастись и передать его величеству донесеніе губернатора Канады, это — миновать пороги, считавшіеся непроходимыми. Возьмитесь за руль, и если вы спасете насъ, я самъ буду за васъ ходатайствовать передъ королемъ.

Мало-по-малу глаза Горри открылись; онъ обвелъ взоромъ горизонтъ, вражескіе корабли, и затѣмъ, помолчавъ, спокойно сказалъ:

— Я предпочитаю, чтобы меня увели обратно въ тюрьму.

Всѣ были поражены. Не повредился ли онъ въ умъ? Командиръ продолжалъ настаивать.

— Подумайте, Горри. Черезъ часъ вы погибнете вмѣстѣ съ нами. Этотъ фрегатъ имѣетъ громадную цѣну для его величества. Онъ будетъ вамъ признателенъ.

Но Горри, скрестивъ руки, покачалъ головою.

— Я испрошу для васъ пенсію... крестъ св. Людовика... командорство...

Корсаръ презрительно повелъ губами. Вокругъ него послышался ропотъ гнѣва. Приведенный въ отчаяніе его безумнымъ сопротивленіемъ, г. Буабертело воскликнулъ:

— Чего же вы хотите?

Глубокимъ искреннимъ голосомъ пламенно вѣрующаго фанатика Горри отвѣтилъ:

— Того, чего люди не могутъ мнѣ дать: спасенія моей души. Пусть король спасаетъ свой корабль, я спасаю свою душу. Онъ дозволилъ, чтобы она въ одиночествѣ и страданіяхъ очистилась, освободилась отъ своей нечистоты, вознеслась къ Нему, освобожденная отъ соблазновъ міра, и я не хочу поступиться ея спасеніемъ, вернувшись въ этотъ міръ. Тотъ, кто можетъ сказать по совѣсти: „душа моя готова предстать во Господу“, былъ бы безумцемъ, еслибы рискнулъ утратить жизнь вѣчную. Пусть Господь умиосердится надъ вами, также какъ надо мною. Между царемъ небеснымъ и земнымъ—я не могу колебаться въ выборѣ. Отведите меня обратно въ тюрьму.

Крики ярости раздались вокругъ него; люди сжимали кулаки. Но тутъ послышался восторженный голосъ:

— Манекъ Горри, какъ я ни недостойна, выслушайте меня! Подумали ли вы, что вашимъ упорствомъ вы губите всѣхъ этихъ людей, которые по вашей винѣ предстанутъ неприготовленными на судъ Всевышняго? Неужели, имѣя на совѣсти смерть столькихъ неповинныхъ людей, вы можете ждать милости отъ Того, Кто сказалъ: „Не убій“? Берегитесь, Горри, въ вашемъ суровомъ себялюбіи не принимаете ли вы голосъ лукаваго за голосъ правды, и не губите ли вашу душу, желая спасти ее?

Кто вложилъ эти слова въ уста актрисы? Какое вдохновеніе дало ей этотъ единственный ключъ къ его сердцу? Онъ съ ненавистью взглянулъ на нее. Это она удерживаетъ его на порогѣ, ведущемъ къ блаженству жизни вѣчной... Онъ заскрежеталъ зубами. Но онъ переступить порогъ.

Горри сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и затѣмъ остановился, почувствовалъ, что-то удерживало его... Откуда этотъ голосъ? Не исходитъ ли онъ изъ самой глубины его существа? Почему онъ такъ потрясъ его каменное сердце? Легкія его расширились, когда онъ вдохнулъ въ себя морской воздухъ.

Глаза его снова увидѣли свѣтъ. Англичане стерегутъ свою добычу. Захочетъ онъ,—и она ускользнетъ отъ нихъ. Въ его власти даровать окружающимъ его людямъ жизнь на долгіе годы. Сознаніе своей силы, расовая гордость — заговорили въ Горри. Онъ увидитъ родную землю... Радость жизни затрепетала въ немъ. Къ нему достигла страстная мольба женщины—недостойной, конечно, но прекрасной. И быть можетъ, ея устами говорилъ съ нимъ Господь? А можетъ быть это—бѣсовское навожденіе?

И вдругъ, забывъ о томъ, что сотни людей томятся неизвестностью, что каждая минута драгоценна, Горри преклонилъ колѣна и сталъ молиться. Его блѣдное, измощенное лицо было лицомъ мученика или отшельника. Отъ мыслей, зарождавшихся подъ этими впалыми висками, зависить жизнь трехсотъ человѣкъ.

Горри молился. Бушевавшая въ немъ буря, долгій постъ, истощившій его тѣло на-ряду съ мистическими восторгамъ,—все это смутило его, предало на жертву колебаніямъ. Онъ не видѣть пути, онъ ищетъ его ощупью, онъ блуждаетъ во мракѣ... Пусть Господь просвѣтитъ его. Онъ ждетъ знака, указанія свыше... Вдругъ Горри вздрогнулъ, открылъ глаза. Что-то прогудѣло, прогремѣлъ залпъ. Англійскія пушки!

На красномъ небѣ, залитомъ огнями заката, паруса казались черными, но далеко надъ ними восторженный взглядъ фанатика увидѣлъ нѣчто другое: гигантскій крестъ Спасителя, кроткаго Иисуса, не признаваемаго еретиками, покровителя басковъ... Одна изъ Его рукъ отдѣлилась отъ креста и указываетъ на что-то...

Горри перекрестился, вскочилъ на ноги и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я попытаюсь.

Офицеры молчали, командиръ подошелъ къ нему.

— Общаю вамъ...

— Мнѣ ничего не нужно. Я попытаюсь. Все въ рукахъ Божіихъ. Пусть мнѣ дадутъ руль. Я принимаю командованіе кораблемъ.

Г. де-Буабертело поклонился. Корсаръ неуверенными шагами подошелъ къ рулю, взялся за него и скомандовалъ:

— Всѣ наверхъ! Поднять бомъ-брамсель! Отдать верхніе и нижніе лиселя!

Фрегатъ подъ всѣми парусами повесся по волнамъ, подобно лави, преслѣдуемой гончими.

Х.

Настала ночь, похожая, несмотря на позднее время, на чудную теплую весеннюю ночь, ночь любви. Въ прозрачномъ небѣ сверкали звѣзды, луна взошла и серебрила воды. Пониже ея начались и мерцали шесть подвижныхъ звѣздъ—огни англійскихъ кораблей, которые обмѣнивались по временамъ свѣтящимися сигналами. Изрѣдка они посылали въ догонку „Беллонъ“ ядра, не достигавшія до нея.

Фрегатъ не отвѣчалъ. Всѣ были на мѣстахъ, часть матросовъ разстѣлалась среди снастей; царило мертвое молчаніе. Горри взялся за руль; въ его застывшемъ блѣдномъ лицѣ было что-то зловѣщее, оно походило на трупъ мученика. Жизнь сосредоточилась въ его сверкающихъ глазахъ, словно пронизывавшихъ мракъ; у ногъ его прикурнулъ Арріагъ, какъ вѣрная собака; время отъ времени они обмѣнивались непонятными словами, и затѣмъ голосъ командира отдавалъ приказанія. Стоявшіе по близости офицеры, подхватывая ихъ на лету, повторяли ихъ въ рупоръ. По всему судну проносился гулъ. На палубѣ внезапно вспыхивала жизнь; она перебѣгала по снастямъ, наполняла паруса, слышалось звяканье цѣпей, скрипъ дерева и канатовъ... И затѣмъ снова доносился лишь однообразный гулъ волнъ, покуда голосъ Горри вновь не призывалъ судно къ жизни, словно оно было его собственнымъ организмомъ, оживляемымъ могучимъ, непреклоннымъ духомъ, духомъ борьбы, пробудившимся въ корсарѣ.

Въ теченіе цѣлыхъ недѣль онъ всецѣло былъ поглощенъ покаяніемъ, отреченіемъ, молитвою. Его занимала лишь мысль о жизни вѣчной. Но этотъ духъ, порожденный вѣками вѣры, и самообузданія цѣлыхъ поколѣній, отлеталъ отъ него среди борьбы разнородныхъ силъ, оспаривающихъ другъ у друга душу человека. Въ немъ воскресъ первобытный духъ, жестокой и суровой, вооружавшій людей каменнаго вѣка палицами, высылавшій противъ арьергарда Карла Великаго страшныхъ горцевъ, подвиги которыхъ воспѣваются въ преданіяхъ. Въ Горри жила напряженная, острая, упорная воля, жаждавшая схватиться съ врагомъ грудъ съ грудью и—побѣдить.

Какимъ образомъ велъ онъ фрегатъ по темной волнующейся равнинѣ среди окружавшихъ его опасностей? Ни компасъ, ни лотъ, ни карты, ни вычисленія—ничто не могло дать ему указаній. Несмотря на струившійся съ неба тусклый свѣтъ, на огни, зажженные на кораблѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ ничего не было видно. Кое-гдѣ можно было угадать, судя по пѣнѣ на волнахъ, о присутствіи отмелей. Но какъ угадать тѣ, что скрыты глубоко подъ водою? Чѣмъ онъ руководствуется? Какое таинственное предостереженіе заставляетъ его внезапно поворачивать руль, то вправо, то влево, перемѣнять галсъ, придержи-ваться къ вѣтру? Сумѣлъ ли бы онъ самъ это объяснить, опредѣлить совокупность смутныхъ ощущеній, составляющихъ безошибочный инстинктъ, который подсказываетъ ему каждое движеніе руки, каждое приказаніе?

Глаза его пронизывают сумракъ ночи, углубляются въ бездну, слѣдятъ за измѣненіемъ цвѣта воды, ноздри его вбираютъ въ себя морскіе запахи. Особое бульканье воды — указываетъ ему на измѣненіе дна. Всѣми силами своего существа, всѣми своими пѣрами онъ воспринимаетъ, вдыхаетъ эти неопредѣленные атомы, эти бѣглыя впечатлѣнія, эти непередаваемые ощущенія, составляющія животный инстинктъ, присущій и людямъ, стоящимъ близко къ природѣ.

И природа—за-одно съ нимъ. Она обостряетъ его инстинктъ, развиваетъ въ немъ странное проникновеніе—необычайно острое и столь же чудесное, какъ еслибы сами отмели устранились и открывали свободный проходъ днищу корабля.

Дѣйствительно, возможно ли, чтобы безъ помощи колдовства фрегатъ продолжалъ пробираться невредимымъ въ этихъ зловѣщихъ мѣстахъ? вмѣсто гладкаго зеркала вода, по которымъ онъ только-что скользилъ, теперь со всѣхъ сторонъ поднимались буруны, и вода словно кипѣла, обнаруживая присутствіе острыхъ камней. Офицеры съ ужасомъ глядѣли вокругъ себя, ожидая каждую минуту рокового толчка. Фрегатъ словно извивался, прокладывая себѣ путь среди подстерегавшихъ его утесовъ.

Англійскіе корабли обмѣнялись сигналами, предостерегая другъ друга. Они перестали стрѣлять, видя, что жертва ихъ сама мчится навстрѣчу гибели.

Вдругъ Арріагъ потянулъ въ себя воздухъ, прищурился и что-то сказалъ Горри. Съ секунду корсаръ глядѣлъ на указанное ему облако, онъ хмурился и, казалось, колебался. Вѣтеръ крѣпчалъ. Онъ велѣлъ прибавить парусовъ; фрегатъ понесся со скоростью десяти узловъ въ часъ. Г. де-Буабертело съ тревогою слѣдилъ за ходомъ драмы, въ которой онъ оказывался теперь лишь зрителемъ. Онъ не могъ сдержаться. Фрегатъ почти задѣлъ грунтъ заднею частью килы, и мачты вздрогнули до самыхъ кильсоновъ. Сильнымъ поворотомъ руля Горри заставилъ корабль выпрямиться. Но командиръ подошелъ къ нему.

— Капитанъ, — сказалъ онъ, — вѣтеръ крѣпчаетъ, не лучше ли убавить парусовъ?

Не отвѣчая ему, Горри крикнулъ:

— Отдать всѣ паруса!

Фрегатъ подпрыгнулъ на волнахъ, какъ кровный конь подъ ударомъ хлыста. Это казалось безуміемъ. Черезъ нѣсколько минутъ „Беллона“ разобьется объ утесы. Г. де-Буабертело не можетъ удержаться отъ вторичнаго вмѣшательства, но Горри, судорожно стиснувъ зубы, устремивъ глаза вдаль, даже не слушаетъ его,

вдѣпившись обѣими руками въ руль. Арріагъ старается по-своему объяснить маркизу маневръ, указывая на тучу.

— Буря... Очень сильная... Надо пройти раньше... Не то—бѣда...

Маркизь понялъ. Корабль рискуетъ всѣмъ ради всего. Нужно, чтобы онъ миновалъ пороги раньше, чѣмъ разразится буря. Все смолкаетъ. Секунды кажутся каплями, падающими въ вѣчность.

Черезъ минуту Арріагъ снова говоритъ, прицеливая языкомъ:

— Хорошо... Очень хорошо... Еще миновать „Близнецовъ“, тогда—спасены.

Г. де-Буабертело качаетъ головою. „Близнецы“—это два гигантскихъ утеса, раздѣленные узкимъ проходомъ и видимые даже во время сильныхъ приливовъ. Они указываютъ выспій пунктъ и границу пороговъ „Rosaire“ рыбакамъ, которые избѣгаютъ ихъ, опасаясь окружающихъ ихъ бурнуновъ.

И вотъ въ эту лунную ночь офицеры „Беллоны“, при видѣ черной, словно надвигающейся на нихъ массы, не могутъ удержаться отъ испуганнаго шопота. Въмѣсто того, чтобы переменить галсъ, Горри несся прямо къ утесамъ. Теперь и Арріагъ сталъ рядомъ съ нимъ у руля.

Остается лишь два кабельтова... одинъ... пятьдесятъ сажень. Утесы похожи на притаившихся, подстерегающихъ свою жертву чудовищъ. Неужели для того, чтобы удовлетворить дикое чувство мести—корсаръ ведетъ судно прямо на пороги?

Но его громовый голосъ вдругъ покрылъ собою шумъ волнъ и свистъ вѣтра.

— На колѣни! Всѣ молитесь! Наше спасеніе—въ рукахъ Пресвятой Дѣвы!

Люди обнажаютъ головы, падаютъ ницъ. Подобно бѣшеному коню, фрегатъ кидается на темную массу, отчаянныя мольбы трехсотъ человѣкъ сливаются съ усиліями рулевого. Надо пройти—во что бы то ни стало...

— Молитесь, молитесь!

Корабль—на утесъ... Вотъ она—катастрофа. Всѣ закрываютъ глаза, раздается нѣсколько возгласовъ. И затѣмъ Горри налегаетъ на руль. Фрегатъ рѣзко поворачивается на шпиль, скрипитъ, страшно накренивается... Реи мачтъ, задѣвшія утесъ, ломаются какъ соломенки. Толчокъ такъ силенъ, что на бабборть носить всѣ лодки...

И затѣмъ корабль, выпрямившись, устремляется, какъ обезумѣвшій, по бурному каналу между двухъ высокихъ каменныхъ тѣнъ. Шумъ воды дѣлается оглушительнымъ, онъ похожъ на

хоръ адскихъ голосовъ. И вдругъ вздохъ облегченія вырывается у всѣхъ изъ груди—препятствіе пройдено.

Позади фрегата „Близнецы“ исчезаютъ во мракѣ, и Горри снова отдаетъ приказъ:

— Воздайте хвалу Господу въ вышнихъ!

И прежде чѣмъ люди успѣли подняться съ коленъ, повелительный голосъ приказываетъ:

— Убратъ паруса!

Въ нѣсколько секундъ все убрано, и это сдѣлано во-время: съ запада доносится съ долгимъ завываніемъ порывъ вѣтра, ураганъ усиливается, скрипятъ снасти и канаты. Буря обрушивается на корабль; онъ со стономъ ныряетъ въ волны и снова подбрасывается ими вверхъ. Но Горри говорятъ просто:

— Слишкомъ поздно! Мы спасены.

Не взирая на трескъ снастей и рыданія волнъ, люди пробуждаются отъ кошмара и понимаютъ, что они еще живы. Но волненіе, сжимающее ихъ сердца, такъ велико, что никто не въ силахъ заговорить.

Вдругъ какой-то пронзительный возгласъ привлекаетъ общее вниманіе. У Арріага глаза выходятъ изъ орбитъ, безумная улыбка торжества искажаетъ его лицо, его указательный палецъ на что-то указываетъ; а другая рука его машетъ берѣгомъ. Съ губъ срываются непонятныя слова. Чтò такое произошло? Не сошелъ ли старикъ съ ума? Горри оборачивается, глядитъ, и улыбка полуоткрываетъ его губы. Арріагъ, приплясывая отъ радости, считаетъ по пальцамъ:

— Одинъ, два, три, четыре, пять... Сейчасъ было шесть... Будетъ четыре... Всѣ тамъ будутъ... Буря—наша, изъ страны басковъ...

Собравшіеся на вышкѣ, офицеры взглянули и поняли. Съ минуты тому назадъ, позади виднѣлось шесть красныхъ огней, теперь ихъ осталось лишь пять. То, чтò постигло шестой корабль—постигнетъ и остальные пять. Ожесточась въ преслѣдованіи, видя, что фрегатъ отъ нихъ уходитъ, англійскіе корабли слишкомъ близко подошли къ мелямъ. Когда разразился ураганъ, повернуть было уже поздно. Тотъ же вѣтеръ, который подгоняетъ уходящую отъ нихъ „Беллону“, гонитъ ихъ къ гибели... Напрасно сигналы на корабляхъ учащаются, вскорѣ свѣтящіяся точки угасаютъ; одна за другою шесть красныхъ звѣздъ исчезаютъ, и на небѣ остаются лишь свѣтила.

Несмотря на избавленіе отъ опасности и уничтоженіе враговъ, у офицеровъ невольно сжимаются сердца при мысли о гибели столькихъ жертвъ суроваго рока и войны.

Но лицо Горри озаряется суевѣрной радостью, смягчающею рѣзкость его застывшихъ чертъ; морщины на лбу его разглаживаются... Господь вооружилъ его руку на спасеніе избранныхъ и на уничтоженіе нечестивыхъ! Дарованная ему побѣда—знакъ благоволенія, знакъ того, что онъ долженъ жить! Свѣтлая радость возрожденія вмѣстѣ съ мистическимъ восторгомъ — заливаетъ душу Горри. Когда послѣдній вражескій корабль исчезъ въ безднѣ, онъ озарилъ себя крестнымъ знаменемъ.

Послѣ двухчасового урагана море стихло. Корабль вышелъ въ открытое море, и Горри, передавъ руль Арріагу, заснулъ тутъ же близъ него. Старикъ разбудить его, когда понадобится. Измученные тревогою люди тоже заснули.

Но не надолго! Пушечный выстрѣлъ всѣхъ поставилъ на ноги. Чтò случилось? Горри уже вскочилъ, онъ жадно всматривается въ темноту. Заря бросаетъ первый блѣдный отблескъ на лоно водъ. Луна зашла. На разстояніи двухъ кабельтовыхъ ничего не видно. Не вышелъ ли изъ бездны одинъ изъ затонувшихъ кораблей? Матросы блѣднѣютъ отъ суевѣрнаго страха. Но Арріагъ качаетъ головою. Выстрѣлъ раздался впереди. Чтò дѣлать?

Отвѣчать ли врагу или попытаться уйти? Но колебаться некогда. На разстояніи выстрѣла изъ мушкета рядъ огней прорѣзалъ темноту, и съ громовымъ раскатомъ стая вѣстниковъ смерти опустилась на фрегатъ. Раздались крики и вопли. У г-на де-Фрэна снесло ядромъ голову... Съ ужасающимъ трескомъ упала гротъ-мачта, раздавивъ четверыхъ матросовъ... Не желая долѣе скрываться, англійскій линейный корабль освѣщается огнями, онъ медленно поворачивается, осыпая противника пушечными выстрѣлами со стороны бакборта. Но „Беллона“ не позволить себя сокрушить превосходной артиллеріи противника. Съ одного конца палубы до другого перекачивается крикъ:— „На абордажъ!“

Фрегатъ нападаетъ на врага. Если только есть возможность сцѣпиться, у него остается нѣкоторая надежда на побѣду. Если придется погибнуть, „Беллона“ взорвется, и они вмѣстѣ пойдутъ въ бездну.

Новый градъ картечи производитъ опустошеніе среди людей. Но пушки со стороны бушприта отвѣчаютъ.

Фузилеры и гренадеры карабкаются на реи; матросами приготавливаются крючья и абордажныя сѣтки. Вооруженные топорами, пиками, шпагами и кинжалами, матросы лѣзутъ на снасти. Баски столпились вокругъ Горри. Засучивъ рукава и вооружась большимъ топоромъ, онъ отдаетъ имъ приказанія.

Захваченный врасплохъ англійскій корабль напоминаетъ альбатроса, на который напала чайка. Происходитъ страшное столкновеніе; кузовъ обоихъ кораблей такъ трещать и качаются, словно они должны вмѣстѣ пойти ко дну. Крючья закинута, корабли стоятъ бокъ-о-бокъ, и послѣдніе снаряды выпускаются почти въ упоръ. Имъ отвѣчаетъ залпъ изъ мушкетовъ. Среди дыма и остраго запаха пороха, сѣры и пламени, матросы „Беллоны“, вооруженные кинжалами и пистолетами, кидаются на линейный корабль. Нѣкоторые спрыгиваютъ съ марселей и выбленокъ, другіе взбираются вдоль борта, подобно обезьянамъ. Многіе падаютъ подъ ударами топоровъ, тонутъ въ морѣ, или гибнутъ—раздавленные, но остальные вступаютъ въ отчаянный рукопашный бой. Вскорѣ на „Беллонѣ“ остаются лишь раненые, убитые и m-lle Коризанда, которая, забывшая объ опасности, какъ прикованная, слѣдитъ съ вышки за битвою.

Въ завязавшейся схваткѣ невозможно въ первую минуту что-либо разобрать. Среди утренняго тумана, затемненнаго столбами дыма, двигаются какіе-то призраки, стремящіеся уничтожить другъ друга. По временамъ сверкаетъ дуло пистолета, слышно звяканье оружія, крики торжества, хрипѣніе раненыхъ, громкія приказанія... Жажда убійства оживляетъ всѣ эти существа, натравляетъ ихъ другъ на друга. Грудюю труповъ завалена вся палуба, люди перелѣзаютъ черезъ нихъ, бьются и падаютъ на ту же грудю...

Вдругъ яркое пламя озаряетъ поле сраженія. Загорѣлась вуча конопли. Теперь уже можно различить цвѣта мундировъ. Англичане испускаютъ крики торжества, увидѣвъ малое число непріятеля. Французы въ безпорядкѣ отступаютъ къ баку. Актриса различаетъ силуэтъ шевалье, который, отступая шагъ за шагомъ, парируетъ осколкомъ шпаги удары, наносимые ему колоссомъ съ мѣднокрасною бородою. Онъ зацѣпляется за веревку ногою, теряетъ равновѣсіе, и мечъ колосса разрубаетъ ему плечо... Онъ падаетъ, и рыжій человѣкъ снова заноситъ оружіе для удара, но самъ онъ валится, какъ быкъ на бойнѣ. Ударившій его отецъ Мениссье, не выпуская топора, оттаскиваетъ раненаго шевалье за воротъ его камзола въ сторону.

Внезапно, отъ порыва вѣтра, пламя ярко вспыхиваетъ, охватываетъ людей, раздаются ужасающіе крики, дымъ ѣстъ глаза, щекочетъ ноздри. Среди черныхъ облаковъ дыма слышны взрывы. Не взлетятъ ли оба корабля на воздухъ?.. У m-lle Коризанды сознание затуманивается. Свѣжій воздухъ приводитъ ее въ чувство. Вѣтеръ повернулъ сцѣпившіеся корабли другою стороною и отнесъ

клубы дыма, открывая взорамъ бакъ, усѣянный обуглившимися трупами. Кучка французовъ приперта къ самой кормѣ. Англійскіе офицеры уже готовятся къ послѣднему нападенію.

Страшный взрывъ потрясаетъ неожиданно оба корабля: подъ ногами англичанъ проваливается палуба, черная бездна поглощаетъ ихъ среди облаковъ пламени и дыма, вода вливается въ портовые отверстія. Оставшіеся въ живыхъ тѣсняются на кормѣ.

Рѣзкіе крики раздаются въ воздухѣ—это кричатъ баски. Выскочивъ изъ-подъ дѣковъ, гдѣ они подожгли двѣ бочки пороху, они кидаются на смятеннаго врага. Г. де-Буабертело, съ возгласомъ: „За Бога и короля!“ — собравъ остатки своихъ людей, спѣшитъ на выручку къ баскамъ.

Снова завязывается бой, раздаются залпы. Арріагъ, Гойечъ и пятеро другихъ повернули противъ англичанъ три пушки. На шканцахъ слышны дикіе вопли. Красные и синіе мундиры перемѣшались...

Сжимаемая самымъ острымъ, захватывающимъ волненіемъ, какое ей когда-либо случилось испытывать, m-lle Коризанда до крови кусаетъ губы, боясь, что сердце ея не выдержитъ. Ни выстрѣловъ, ни шума болѣе не слышать. И вдругъ, словно по командѣ, черный и бѣлый дымъ разсѣивается. На горизонтѣ восходитъ пурпуровое солнце.

Г. де-Буабертело неподвижно стоитъ, окруженный оставшимися въ живыхъ офицерами и солдатами. Англичане по-двое въ рядъ дефилируютъ передъ нимъ, складывая оружіе. M-lle Коризанда простираетъ руки; у нея вырывается рѣзкій крикъ, и она замираетъ на мѣстѣ—съ широко раскрытыми глазами... Она не въ силахъ убѣжать, не въ силахъ произнести ни слова; она глядитъ, изнемогающая, опьяненная, на эту бойню, на эту картину догорающей агоніи...

И вдругъ передъ нею является Манекъ Горри. Онъ—ужасенъ, онъ—внѣ дѣйствительности. Онъ черенъ съ головы до ногъ отъ пороху и красенъ отъ крови. Она струится съ его рукъ и ногъ, какъ у мясника. У него поперекъ лица рубецъ. Отъ него несетъ убійствомъ, порокомъ, дымомъ; ротъ его полуоткрытъ улыбкою хищнаго звѣря, и надъ впалыми щеками его обезумѣвшіе, горящіе дикимъ блескомъ глаза—выходятъ изъ орбитъ. На немъ лежитъ отпечатокъ всѣхъ дикихъ страстей, пожирающихъ чело-вѣка. Въ блескѣ восходящаго солнца это—дикарь, побѣдитель, ужасный и могучій, залитый кровью и славою.

Онъ говоритъ съ нею; она не слышитъ его, но всѣмъ существомъ, всею душою она ощущаетъ его присутствіе, она про-

никается имъ. Это онъ, и кромѣ него — нѣтъ никого другого. Что такое передъ нимъ всѣ другіе? Люди умираютъ? Да, вотъ истекающій кровью шевалье. Все равно!

Горри касается ея руки. Хорошо, пусть онъ отведетъ ее. Ей нужно отдохнуть? Хорошо, если онъ этого хочетъ. Куда? Она не знаетъ, забыла.

Онъ грубо беретъ ее за руку, чтобы отвести ее въ ея комнату. Эта рука, до боли сжимающая ея руку, только-что наносила смертельные удары. Она содрогается и покорно слѣдуетъ за нимъ.

Да, это ея каюта. Какъ? Онъ уходитъ? Уже? Это невозможно. Пусть онъ побудетъ, пусть онъ еще побудетъ съ нею.

Стоя передъ нимъ съ полуткрытыми губами, съ простертыми руками, она пожираетъ его взоромъ, она умоляетъ его всею силой сжигающей ее страсти.

Взоры ихъ встрѣчаются, онъ дѣлаетъ къ ней шагъ. Съ судорожнымъ смѣхомъ она обвиняетъ его руками и падаетъ къ нему на грудь.

Съ франц. О. Ч.

НАШИ „МОНАРХИСТЫ“

■

ИХЪ ПРОГРАММЫ

ОЧЕРКЪ.

I.

Недавно еще, при первых шагахъ къ осуществленію у насъ идеи народнаго представительства, многіе высказывали увѣренность, что темныя массы крестьянства послужатъ надежнымъ оплотомъ существующаго государственнаго порядка и обезпечатъ прочное консервативное большинство въ русскомъ парламентѣ. Этого серьезно опасались передовыя либеральныя группы; на это твердо надѣялись всѣ реакціонные элементы нашего общества. Казалось несомнѣннымъ, что у насъ при рѣшительной постановкѣ вопроса: за сохраненіе самодержавія или противъ него—огромное большинство нашего народа выскажется въ пользу традиціонныхъ взглядовъ на верховную власть и отвергнетъ всякую мысль объ ограниченіи ея народнымъ представительствомъ. Дѣятели такъ-называемаго черносотеннаго или патріотическаго движенія утверждали, что за ними стоятъ миллионы русскихъ людей, прониженныхъ непоколебимой вѣрою въ историческія основы русской государственности и въ спасительность у насъ самодержавія,—и этому охотно вѣрили высшія правящія сферы, мечтавшія объ уничтоженіи или умаленіи конституціонныхъ уступокъ 17-го октября при помощи всенародныхъ вѣрнопоподанниче-

скихъ ходатайствъ. Министерство, очевидно, раздѣлило эту вѣру и давало соотвѣтственныя инструкціи своимъ исполнительнымъ органамъ; все было пущено въ ходъ для того, чтобы растолковать народу истинное значеніе выборовъ въ Государственную Думу и внушить ему надлежащія благонамѣренныя чувства и понятія. Торжество оппозиціи на первыхъ выборахъ объяснялось разными случайными причинами и прежде всего недостатками организаціи консервативныхъ партій и слишкомъ слабымъ участіемъ властей въ избирательной кампаніи; эти грѣхи были вполне устранены при послѣднихъ выборахъ, которые готовились заблаговременно и проводились систематично въ духѣ желаній и интересовъ бюрократіи. Тѣмъ не менѣе, въ Государственную Думу выбрано было только ничтожное число „монархистовъ“, приверженцевъ самодержавія и противниковъ конституціи.

Что же означаетъ этотъ поразительный провалъ монархическихъ партій въ странѣ, которая до сихъ поръ считалась самою монархическою въ Европѣ? Онъ показываетъ прежде всего, что нашъ народъ далеко не такъ простъ, какъ его изображали охранители, и что нельзя заставить его забыть жгучія реальныя нужды страны подъ предлогомъ уваженія къ извѣстнымъ отвѣченнымъ формуламъ. Но, конечно, отсюда не слѣдуетъ еще заключить, что большинство населенія, отрекшееся отъ „монархистовъ“, выразило тѣмъ самымъ свое отрицательное отношеніе къ монархическому принципу и обнаружило склонность къ республиканскимъ идеямъ. Народная масса не пошла за тѣми, которые желали подмѣнить вопросъ о необходимыхъ коренныхъ реформахъ постороннимъ вопросомъ объ авторитетѣ царской власти. „Монархисты“ выступали усердными защитниками стараго государственнаго строя именно въ такое время, когда несостоятельность его раскрылась предъ всѣми съ полной очевидностью, и потому они не могли имѣть успѣха. Отстаивая непривосновенность самодержавія, они выдвигали аргументы, лишенные всякой связи съ условіями и потребностями современнаго положенія, и находили сочувствіе только среди лицъ, для которыхъ былъ выгоденъ прежній порядокъ вещей. Бѣдность умственнаго и нравственнаго содержанія нашего російскаго консерватизма сказалась при этомъ во всей своей наготѣ, и разоблаченіе этого внутренняго убожества охранителей было однимъ изъ любопытнѣйшихъ результатовъ возникшей у насъ партійно-политической и парламентской жизни. Однако, многое изъ того, что составляетъ символъ вѣры нашихъ консерваторовъ и реакціонеровъ,

находить себѣ опору въ ложно понятомъ національномъ чувствѣ, въ историческихъ преданіяхъ и предразсудкахъ темныхъ русскихъ людей, и съ этой точки зрѣнія консервативныя программы и воззванія представляютъ несравненно большій практическій интересъ, чѣмъ принято думать въ лагерѣ передовой оппозиціи.

Наши „монархисты“ опираются, съ одной стороны, на національное чувство, а съ другой — на патріотизмъ. Располагая по своему усмотрѣнію этими двумя дѣйствительными основами всякой государственности, они строятъ на нихъ весьма несложную политическую систему, приспособленную, будто бы, къ понятіямъ средняго русскаго обывателя. Предполагается, что всѣ наши бѣдствія происходятъ отъ вредныхъ козней внутреннихъ враговъ, преимущественно инородцевъ, стремящихся превратить святую православленную Русь въ космополитическую страну съ западно-европейскимъ парламентаризмомъ, съ анархіею автономныхъ окраинъ и съ господствомъ чужихъ племенъ надъ русскимъ населеніемъ. Разрисовывая эту страшную опасность болѣе или менѣе краснорѣчиво и обстоятельно, націоналисты-патріоты горячо призываютъ къ беспощадной борьбѣ съ крамолой, во имя спасенія государственнаго единства и могущества Россіи. Они не отрицаютъ необходимости внутреннихъ преобразованій, но откладываютъ ихъ до полнаго подавленія или истребленія всѣхъ активныхъ сторонниковъ и проповѣдниковъ серьезныхъ реформъ.

Съ наибольшою послѣдовательностью и съ особеннымъ цинизмомъ проводить эту идею „монархическая партія“, основанная редакціею „Московскихъ Вѣдомостей“ въ періодъ тяжелыхъ поражений на Дальнемъ Востокѣ. „Когда верховная власть восторжествуетъ надъ внутреннею смутою и доведетъ войну съ внѣшними врагами до желаннаго, славнаго конца, — заявляли учредители этой партіи, — тогда лишь настанетъ время для основательныхъ, зрѣло обдуманныхъ государственныхъ реформъ“, главною цѣлью которыхъ должно быть „еще большее укрѣпленіе неограниченной самодержавной власти на Руси“; — но довести войну „до желаннаго, славнаго конца“ не пришлось, и партія поневолѣ ограничила свою задачу побѣдой самодержавія надъ собственнымъ народомъ. „Самодержавной власти русскаго монарха — какъ сказано въ партійной программѣ — грозитъ въ настоящее время великая опасность. Враги этой власти хотятъ ограничить ее посредствомъ Государственной Думы, превративъ Думу въ конституціонный парламентъ, рѣшеніямъ котораго Государь долженъ будетъ безпрекословно повиноваться. Монархическая партія будетъ отстаивать самодержавную власть въ томъ неприкосновен-

номъ ея видѣ, въ какомъ Государь получилъ ее отъ своихъ царственныхъ предковъ, создавшихъ, съ помощью Божіей и самоотверженнымъ трудомъ русскаго народа, все величіе Россіи, благодаря именно этой власти, безъ которой Россія существовать не можетъ“.

Но неограниченная власть, осуществляемая военно-придворной бюрократіею, вовлекла Россію въ пагубную и разорительную войну, возбудившую естественное неудовольствіе и раздраженіе въ народѣ; а вслѣдствіе этого многіе стали предлагать установленіе у насъ такого порядка вещей, при которомъ небольшая кучка придворныхъ сановниковъ не могла бы по произволу распоряжаться судьбою Россіи, и правительство должно было бы въ своихъ дѣйствіяхъ руководствоваться желаніями и потребностями всего народа, выражаемыми черезъ посредство выборной Государственной Думы; между тѣмъ, по мнѣнію „монархистовъ“, нужно непременно сохранить неограниченную безотвѣтственную власть, чтобы и на будущее время возможно было распоряжаться жизнью и достоинствомъ народа противъ воли самого народа, и это нужно только потому, что такъ было и въ прошломъ — при Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ, при Елисаветѣ Петровнѣ и ея фаворитахъ, при Павлѣ I и Аракчеевѣ, безъ которыхъ Россія, будто бы, не могла бы существовать. Съ гораздо большимъ правомъ разсуждали въ такомъ духѣ приверженцы абсолютизма въ западно-европейскихъ странахъ: Франція, какъ единая и могущественная держава, создана, можно сказать, королевскою властью, которой она обязана всѣмъ своимъ прошлымъ величіемъ и своей военной славой; поэтому и Людовикъ XV, и Людовикъ XVI съ Маріей-Антуанетой имѣли право по своему усмотрѣнію располагать французскимъ государствомъ, какъ своимъ законнымъ наслѣдіемъ, и преступно было думать объ ограниченіи ихъ власти во имя общихъ интересовъ страны и всей ея будущности; нельзя было мѣшать имъ довести народъ до полного истощенія и безсилія, и, противодѣйствовать этому могли только „враги родины“. Пруссія также всецѣло — созданіе династіи Гогенцоллерновъ, и однако короли ея связали себя конституціей и парламентомъ во вниманіе къ насущнымъ интересамъ народа, вмѣсто того, чтобы оберегать свою неограниченную власть, унаслѣдованную отъ царственныхъ предковъ. Такъ же точно австрійская имперія обязана своимъ самостоятельнымъ политическимъ существованіемъ цѣлому ряду монарховъ, и изъ этого никто не выводитъ того заключенія, что она должна теперь управляться по той же системѣ неограниченнаго

самовластія, которая считалась вполне законною и цѣлесообразною при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II.

Такимъ образомъ, историческій мотивъ, приводимый въ программѣ русской монархической партіи, не имѣетъ разумнаго смысла, ибо онъ отрицаетъ безспорный фактъ послѣдовательнаго прогрессивнаго развитія всѣхъ вообще культурныхъ государствъ, а не одной только Россіи, къ которой онъ даже наименѣе примѣнимъ. Династія, избранная на земскомъ соборѣ въ началѣ XVII вѣка, не могла смотрѣть на Россію, какъ на свою наслѣдственную фамилію собственную, и этимъ она поставлена была въ совершенно другія отношенія къ странѣ и народу, чѣмъ западно-европейскіе Бурбоны, Габсбурги или Гогенцоллерны. Отсутствіе правильнаго народнаго представительства, которымъ ограничивалась бы власть государей, давало себя сильно чувствовать въ эпохи женскихъ царствованій послѣ Петра Великаго, а затѣмъ при Павлѣ I и Александрѣ I: еслибы послѣдній остался вѣренъ либеральнымъ идеямъ и создалъ отвѣтственное конституціонное управленіе подъ руководствомъ Сперанскаго, то Россія избавлена была бы отъ злостнаго и невѣжественнаго владычества Аракчеева и его подражателей, не впутывалась бы въ чужія европейскія дѣла, не проливала бы русской крови въ угоду иностраннымъ монархамъ, не подверглась бы севастопольскому погрому, не дожила бы до позора Цусимы и Мукдена, и не была бы въ культурномъ отношеніи самою отсталою изъ великихъ державъ. Русскій народъ находился бы теперь въ цвѣтущемъ состояніи и пользовался бы прочнымъ внутреннимъ миромъ и спокойствіемъ, подъ властью твердыхъ и справедливыхъ законовъ, одобренныхъ народными представителями; не было бы тогда и поводовъ къ революціонному движенію, такъ какъ правительство всегда состояло бы изъ лицъ, заслужившихъ общее довѣріе и доказавшихъ на дѣлѣ свою преданность народнымъ интересамъ. Самъ монархъ былъ бы свободенъ отъ тревожныхъ заботъ и пребывалъ бы въ дѣйствительномъ общеніи съ народомъ, наслаждаясь всѣми преимуществами своего ранга, подобно Эдуарду VII англійскому. Развѣ это было бы худо для Россіи и ея государей, съ точки зрѣнія самихъ „монархистовъ“?

„Монархическая партія“ допускаетъ только такое совершенствованіе государственной жизни, которое достигается хорошими официальными словами, изреченіями прописной казенной морали и цитатами изъ священнаго Писанія: основы политическаго быта должны остаться неприкосновенными, учрежденія и люди будутъ тѣ же, но намѣренія и поступки ихъ должны кореннымъ обра-

зомъ измѣниться и приводить всегда къ желаннымъ результатамъ, подъ вліяніемъ чудотворной силы хорошихъ словъ. Партія „считаетъ необходимымъ, чтобы сильная, разумная и справедливая государственная власть, сосредоточенная въ рукахъ самодержавнаго монарха, твердой рукой возстановила нарушенные жизненные условія Россійской Имперіи, всюду водворяя законный порядокъ и обеспечивая мирную и безопасную жизнь гражданъ, а затѣмъ энергично охраняла ихъ отъ возобновленія смуты, улучшая ихъ гражданское благополучіе строго согласованными полезными реформами“. Это значитъ, что до сихъ поръ, по мнѣнію „монархистовъ“, сильная государственная власть, снабженная всѣми возможными полномочіями, не была ни разумною, ни справедливою, или оказалась недостаточно умѣлой, чтобы твердой рукой повсюду водворять законный порядокъ, предупреждать возникновеніе смуты, улучшать благополучіе гражданъ и обеспечить мирную и безопасную жизнь страны; а какъ достигнуть того, чтобы сильная и даже всемогущая власть была въ то же время разумною, справедливою и умѣлою, чтобы она дѣйствовала въ интересахъ всего населенія, а не одного правящаго класса, и чтобы ея „строго согласованныя полезныя реформы“ возвышали, а не подрывали благополучіе гражданъ,—объ этомъ ничего не сказано въ „монархической“ программѣ. Партія признаетъ недостатки нашей бюрократіи и рѣзко осуждаетъ ихъ, но не указываетъ никакихъ реальныхъ средствъ для ихъ устраненія. „Государственная служба, какъ показали послѣднія событія,—говорится далѣе,—не стоитъ у насъ на должной высотѣ. Во всѣхъ ея сферахъ встрѣчаются лица, нарушающія законы государства или потакающія ихъ нарушителямъ изъ малодушія или своекорыстія; содѣйствуя этимъ пониженію правительственнаго авторитета и развращенію общества, они сверхъ того причиняютъ неисчислимый вредъ государству. „Монархическая“ партія съ негодованіемъ отвергаетъ этихъ невѣрныхъ и лукавыхъ слугъ царя, полагая, что на царской службѣ не могутъ быть терпимы лица, считающія служеніе свое за выпавшую на ихъ долю привилегію, а не за долгъ и обязанность, исполняемые не за страхъ, а за совѣсть передъ царемъ-самодержцемъ и родиной“. Очевидно, словесное осужденіе „невѣрныхъ и лукавыхъ слугъ царя“, хотя бы выраженное съ негодованіемъ, вполне безразлично для савошниковъ, пользующихся Высочайшимъ довѣріемъ; оно не предрѣшаетъ также вопроса о томъ, кого считать „невѣрными и лукавыми слугами“—тѣхъ ли, которые неизмѣнно нашептываютъ совѣты суровой репрессіи противъ народа и общества, съ цѣлью упрочить или возвысить свое

личное положеніе, или тѣхъ, которые желали бы удовлетворить назрѣвшія потребности страны добросовѣстнымъ и послѣдовательнымъ проведеніемъ необходимыхъ реформъ.

Программа высказывается и противъ злоупотребленій бюрократизма, но разумѣетъ подъ послѣднимъ только неизбѣжныя слабыя стороны простыхъ исполнительныхъ органовъ: „Наши либералы стараются отождествить самодержавіе съ дурною бюрократіею и увѣряютъ, что лишь одинъ конституціонный парламентъ можетъ дать Россіи хорошее чиновничество. Они намѣренно скрываютъ отъ русскаго народа, что парламентаризмъ самъ по себѣ устранить язву бюрократизма не можетъ, чему служатъ примѣромъ, съ одной стороны, парламентарныя Франція и Сѣверная Америка, прославившіяся на весь свѣтъ своимъ дурнымъ чиновничествомъ, и даже Англія съ проворовавшеюся бюрократіею во время бурской войны,—а съ другой—Германія, въ которой чиновники стояли на болѣе высокой степени дѣловитости и честности до введенія парламентаризма, нежели въ настоящее время. Монархическая партія полагаетъ, что освободить Россію отъ дурного бюрократизма можетъ лишь неограниченный въ своей власти монархъ, который однимъ почеркомъ пера можетъ замѣнить плохого чиновника хорошимъ,—а также строгій и справедливый судъ, къ которому должны быть привлекаемы всѣ безъ изыятія неисправные и въ особенности корыстолюбивые чиновники, хотя бы и занимающіе высшія служебныя мѣста въ государствахъ. Право почина въ дѣлѣ такого привлеченія должно быть обезпечено за каждымъ вѣрноподданнымъ“...

Все это разсужденіе основано на сознательномъ смѣшеніи совершенно разнородныхъ понятій. Когда говорятъ у насъ о бюрократическомъ режимѣ, то, конечно, имѣютъ въ виду не вопросъ о хорошемъ или дурномъ чиновничествѣ, а нѣчто совсѣмъ другое. Русское чиновничество въ среднемъ уровнѣ, быть можетъ, нисколько не хуже французскаго или англійскаго; но каково бы оно ни было, оно во всякомъ случаѣ не можетъ считаться отвѣтственнымъ за тѣхъ полновластныхъ распорядителей, которымъ оно подчинено и отъ которыхъ зависитъ судьба Россійской Имперіи. Качества и недостатки чиновничества могутъ быть одинаковы у насъ и въ Западной Европѣ; но нигдѣ въ культурномъ мірѣ немислимо было бы предоставленіе руководящей правительственной власти такимъ дѣателямъ, какъ покойный С. Сипягинъ, пріобрѣвшій извѣстность лишь въ качествѣ знаока кулинарнаго искусства, или какъ преемники его по министерству, специалисты полицейскаго сыска, которыхъ нѣтъ на-

добности называть. Въ парламентарныхъ государствахъ выдвигаются на первыя роли въ управленіи и политикѣ—Гладстоны и Биконсфильды, Гамбетты и Клемансо, а у насъ—Сипягины и Плеве, Треповы и Дурново. Какихъ государственныхъ людей противопоставили мы западно-европейскимъ парламентскимъ министрамъ въ долгій періодъ реакціи, съ конца шестидесятыхъ годовъ? Наши кандидаты въ Гладстоны и Гамбетты, въ Лассали и Клемансо попадали съ юныхъ лѣтъ въ тюрьмы, гибли въ каторгѣ и ссылки; даже скромные либералы и прогрессисты, приверженцы реформъ въ духъ позднѣйшаго мирнаго обновленія, вытѣснялись отовсюду, а государственнымъ дѣлами завѣдывали придворныя ничтожества, неустанно придумывавшія способы подавленія народной жизни и возводившія въ принципъ непреклонную борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ. Самодержавіе не можетъ проявлять себя иначе, какъ черезъ посредство довѣренныхъ лицъ, поставленныхъ во главѣ бюрократіи, и фактически всѣ функціи неограниченной власти неминуемо переходятъ въ руки министровъ, случайныхъ фаворитовъ или „вѣрныхъ слугъ“, имѣющихъ возможность испрашивать Высочайшія повелѣнія и прикрываться ими въ своей дѣятельности. Кто обладаетъ доступомъ къ источнику всякой власти, тотъ можетъ добывать какіе угодно указы и отмѣнять ими всѣ существующіе законы, и такимъ образомъ самодержавіе монарха неизбежно превращается въ самовластіе высшей бюрократіи и ея органовъ. Эту именно язву самовластнаго бюрократизма устраняетъ парламентская система управленія, а вопросъ о дурномъ или хорошемъ чиновничествѣ тутъ абсолютно ни при чемъ.

Если японская война могла быть навязана намъ нѣсколькими закулисными дѣятелями—гг. Абазой, Безобразовымъ и Алексѣевымъ,—безъ вѣдома и участія русскаго общества и вопреки жизненнымъ интересамъ народа и государства, то это объясняется, конечно, не существованіемъ у насъ „дурной бюрократіи“, а отсутствіемъ у насъ конституціоннаго правительства, отвѣтственнаго предъ страной или парламентомъ. „Однимъ почеркомъ пера замѣнить плохого чиновника хорошимъ“ можетъ не только самодержецъ, но и конституціонный правитель, и даже министръ; но при самодержавіи, обыкновенно наоборотъ, хорошіе и добросовѣстные чиновники замѣняются плохими и угодливыми, имѣющими за собою вліятельную протекцію, и оттого у насъ прочно утвердились тѣ недостатки управленія, которыхъ не отрицаютъ и „монархисты“. Что касается „строгаго и справедливаго суда“, къ которому слѣдовало бы привлекать неисправныхъ и корыстолю-

бывших чиновниковъ даже высшаго ранга, то по „монархической“ программѣ судъ вообще долженъ сообразоваться въ своихъ рѣшеніяхъ съ желаніями и взглядами высшаго начальства, и слѣдовательно онъ вовсе не призванъ судить преступленія или злоупотребленія должностныхъ лицъ, заручившихся одобреніемъ министровъ, которые въ случаѣ надобности могутъ всегда закрыть дорогу къ правосудію при помощи особаго Высочайшаго повелѣнія. Такъ это было и прежде, напримѣръ, относительно погромовъ, организаторы которыхъ не только не привлекались къ отвѣтственности, но еще удостоивались награды и повышенія по службѣ. Нашъ современный судъ, уже потерявшій свою независимость и достаточно, казалось бы, подчиненный разнымъ правительственнымъ вліяніямъ, стремится, будто бы, „занять въ русскомъ государствѣ положеніе особаго самостоятельнаго государства (?), ставя свои рѣшенія выше царской справедливости и ограничивая этимъ самодержавную власть Государя“; поэтому при новомъ монархическомъ строѣ судебныя дѣла будутъ рѣшаться не по точному закону и не по судейской совѣсти, а по специальнымъ царскимъ указамъ, исходатайствованнымъ отдѣльными вліятельными тяжущимися или подсудимыми, — ибо „единственнымъ источникомъ земного правосудія“ является монархъ, котораго поэтому „никто, а тѣмъ менѣе установленный имъ судъ, ограничивать не можетъ“.

II.

Защищая неограниченность верховной власти, „монархическая“ партія должна поневолѣ мириться съ обычными спутниками самодержавія — расточительностью въ расходованіи финансовыхъ средствъ и истощеніемъ платежныхъ силъ населенія. „Между тѣмъ—разсуждаютъ, однако, составители партійной программы—многіе и притомъ очень крупныя расходы не вызывались неотложными потребностями времени, не имѣли производительнаго характера. Такъ, напримѣръ, сотни милліоновъ рублей были затрачены на рискованныя предпріятія Дальняго Востока... Эти предпріятія не могли имѣть практическаго значенія для интересовъ русской промышленности..., но вызвали тревогу въ средѣ соперничающихъ съ Россіей государствъ и привели къ тяжелой войнѣ, которая завершилась уничтоженіемъ этихъ полурусскихъ предпріятій на Дальнемъ Востока. Непроизводительныя затраты потерпѣли полное крушеніе и вызвали массу потерь и новыхъ

расходовъ, надолго обременившихъ нашъ государственный бюджетъ. Монархическая партія считаетъ своею обязанностью заботиться (!) объ устраненіи подобныхъ непронизводительныхъ затратъ, не отвѣчающихъ потребностямъ мѣста и времени, и о введеніи возможной экономіи въ расходы бюджета, въ интересахъ благоустройства какъ государственнаго, такъ и частнаго хозяйства Россіи“...

Какимъ же способомъ могутъ частныя лица заботиться объ экономіи въ государственныхъ расходахъ, когда эти расходы зависятъ исключительно отъ самодержавной власти? Имѣютъ ли право „монархисты“ толковать о напрасной затратѣ многихъ сотенъ милліоновъ народныхъ рублей на предпріятія, которыя устраивались безспорно въ силу надлежащихъ Высочайшихъ повелѣній? Никто, а всего менѣе сторонники безусловнаго самодержавія, „ограничивать монарха не можетъ“; никто, помимо призванныхъ къ тому довѣренныхъ лицъ, не смѣетъ вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія всецѣло вѣдѣнію и рѣшенію Государя. Въ этомъ щекотливомъ и важномъ вопросѣ о государственныхъ финансахъ монархическая партія забываетъ свой собственный основной принципъ, безъ ущерба, впрочемъ, для его неуклоннаго практическаго примѣненія и господства.

Русскій народъ, по теоріи „монархистовъ“, не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ самостоятельныхъ политическихъ и гражданскихъ правъ; во всемъ своемъ существованіи, общественномъ и частномъ, онъ подчиненъ властной опеѣ правительства, которое можетъ поступать съ нимъ какъ заблагоразсудится, не справляясь съ народными желаніями. Мѣстная администрація должна быть избавлена отъ чрезмѣрнаго петербургскаго контроля; общественная самодѣятельность могла бы развиваться свободно только подъ тѣмъ условіемъ, „чтобы она не противорѣчила общей государственной политикѣ правительственной власти, а являлась доброю и вѣрною помощницею въ ея трудной задачѣ, — хотя эта задача часто заключается лишь въ успѣшномъ выколачиваніи податей и въ запрещеніи и преслѣдованіи всякихъ признаковъ общественной самодѣятельности. Всѣ обязаны раздѣлять взгляды и намѣренія каждаго даннаго министерства и смиренно способствовать ихъ осуществленію, даже когда дѣло идетъ объ опасныхъ политическихъ предпріятіяхъ на Дальнемъ Востокѣ или о допущеніи устрашительныхъ погромовъ и военныхъ экспедицій внутри страны, противъ недовольной части населенія;—всѣ отвѣтственны передъ властью, которая сама ни предъ кѣмъ не отвѣтственна, или отвѣтственна только предъ собою и предъ бу-

душимъ судомъ благонамѣренныхъ историковъ. Выборное земство, „самовольно вырвавшееся изъ опеки“ и потому „безотвѣтственное“ предъ начальствомъ, должно быть неукоснительно возвращено въ предѣлы, положенные ему закономъ и администраціей. Для того, чтобы облегчить господство надъ народными массами, настоятельно требуется сохраненіе отдѣльныхъ сословій, а „въ особенности духовнаго, дворянскаго и крестьянскаго, которымъ нынѣ грозитъ наибольшая опасность. При сословной организаціи небольшая горсть дворянъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ сто милліоновъ крестьянъ, а когда сословія растворяются въ народной массѣ, то дворянская Россія рискуетъ превратиться въ мужицкое царство, — что было бы опасно для привилегированныхъ монархистовъ, — и потому нужно сохранить старинныя сословныя перегородки на вѣчныя времена. Народъ долженъ всегда помнить, что онъ безправенъ, что онъ живетъ только милостью господъ и начальства, что „неуставное попеченіе о матеріальномъ и духовномъ благѣ“ его входитъ въ кругъ обязательныхъ занятій различныхъ и многочисленныхъ властей; къ этому же должны быть направлены заботы „о добромъ воспитаніи его въ правилахъ религіозной нравственности“. Къ государственнымъ дѣламъ своего отечества и къ политикѣ своего правительства народъ никакого касательства не имѣетъ; будетъ ли война или миръ, затрачиваются ли сотни милліоновъ на Манчжурію или на поддержаніе крестьянскаго хозяйства, устраиваются ли, или, напротивъ, упраздняются народныя школы, — объ этомъ предоставлено узнавать народу и обществу только изъ правительственныхъ сообщеній. Никакіе выборные люди не должны имѣть доступа къ священнымъ закулиснымъ мѣстамъ, гдѣ рѣшаются судьбы народа; даже государственный совѣтъ слѣдовало бы преобразовать въ учрежденіе, пополняемое исключительно по назначенію, причемъ члены его могли бы только высказывать свои взгляды, а не постановлять какія-либо рѣшенія; окончательно же всѣ вопросы рѣшались бы монархомъ по собственному его усмотрѣнію, согласно докладамъ министровъ или случайныхъ довѣренныхъ лицъ. Таковъ идеалъ московскихъ „монархистовъ“: кто иначе смотритъ на задачи власти и стремится возвысить, а не принизить положеніе народа въ государствѣ, тотъ — крамольникъ, врагъ отечества и родины. Съ превращеніемъ всей російской націи въ послушное, безотвѣтное стадо, Россія, конечно, сдѣлается самою могущественною, богатою и просвѣщенною изъ великихъ культурныхъ державъ!

III.

Въ одномъ только отношеніи этотъ безправный русскій народъ предполагается не рабомъ, а господиномъ: иноплеменные народности, населяющія Россію, должны быть поставлены еще ниже его, въ качествѣ подчиненныхъ ему элементовъ населенія. „Измѣнники“ задумали предоставить нашимъ окраинамъ мѣстную автономію, а внутри имперіи дать „инородцамъ и иновѣрцамъ, особенно евреямъ, тѣ же права, какъ и коренному русскому народу“. Какія это права очутились вдругъ у коренного русскаго народа, при обязательномъ его безправіи? Оказывается, что, кромѣ права платить подати, отбывать повинности и подчиняться распоряженіямъ начальства, русскіе люди пользуются еще правомъ или, вѣрнѣе, обязанностью чувствовать себя „хозяевами“ въ русской землѣ. Русскій народъ—какъ неожиданно заявляетъ „монархическая“ программа,—„долженъ какъ въ центрѣ своего отечества, такъ и на его окраинахъ, чувствовать себя хозяиномъ того дома, въ которомъ онъ гостепріимно пріютилъ, какъ мирныхъ инородцевъ, такъ и бывшихъ враговъ Россіи, обезпечивъ имъ условія безопасной, трудолюбивой жизни. Гдѣ бы ни находился русскій человѣкъ въ Россіи, всюду онъ долженъ имѣть возможность молиться въ благолѣпномъ русскомъ православномъ храмѣ, подчиняться только русскимъ законамъ, изданнымъ самодержавнымъ русскимъ царемъ, говорить на русскомъ языкѣ, понимаемомъ всѣмъ окружающимъ его населеніемъ, которое должно обучать своихъ дѣтей въ государственной русской школѣ, воспитывающей вѣрноподданныхъ русскихъ гражданъ. Нигдѣ и ни въ чемъ русскій человѣкъ не долженъ испытывать какихъ-либо стѣсненій отъ инородцевъ и иновѣрцев“.

Странно, конечно, утверждать, что русскій народъ „гостепріимно пріютилъ“ поляковъ въ Царствѣ Польскомъ, финляндцевъ—въ Финляндіи, грузинъ—въ Грузіи, и т. д.; но, разумѣется, ни одна изъ этихъ народностей ничего не имѣла бы противъ того, чтобы русскими повсюду построены были благолѣпные православные храмы, чтобы заведены были хорошія русскія школы и чтобы русскій языкъ сталъ понятенъ всѣмъ иноплеменникамъ,—если только мѣстному населенію предоставлено будетъ безпрепятственно строить свои особые храмы, основывать для себя свои школы, говорить и печатать на своемъ родномъ языкѣ. Выговоривъ извѣстныя права и законную свободу дѣйствій для русскихъ жителей, мы не

имѣли бы уже основанія возражать противъ мѣстнаго самоуправленія окраинъ, такъ какъ ссылка на опасность подобной ограниченной автономіи для „единства и цѣлости“ имперіи не можетъ считаться серьезною, и ее не пытается даже мотивировать „монархическая“ программа. Очевидно, русскій человѣкъ не можетъ испытывать стѣсненіе отъ того, что поляки или финны будутъ жить спокойно у себя дома и устраивать свои мѣстные дѣла по-своему; какъ гостепріимный хозяинъ, онъ несомнѣнно долженъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ домашнюю жизнь своихъ жильцовъ; его не можетъ также задѣвать и то, что инородцы и инновѣрцы, „особенно евреи“, отбывающіе, подобно ему, разныя государственныя повинности, будутъ имѣть право повсемѣстно заниматься своей торговлей или другими законными промыслами. Великій русскій народъ не пострадаетъ отъ мирнаго равноправнаго сожителства съ чужими племенами и народностями, и свое положеніе „хозяина“ онъ обратитъ не противъ инородцевъ, а противъ лукавыхъ и невѣрныхъ холоповъ, старающихся покрѣпче затянуть петлю на его шею, подъ предлогомъ поддержанія авторитета власти. Почему хозяинъ русской земли, великій русскій народъ, превращенъ въ безправнаго раба и обязанъ пресмыкаться предъ собственными своими приказчиками и управляющими? Кто связалъ этого хозяина по рукамъ и ногамъ и поставилъ надъ нимъ мнимыхъ благодѣтелей-опекуновъ, беззастѣнчиво распоряжающихся всѣмъ его достояніемъ? Если въ государствѣ нужна твердая власть, то почему она должна быть направлена противъ хозяина страны—народа? Почему этотъ хозяинъ лишается права голоса въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и долженъ безропотно терпѣть надъ собою безконтрольное самодурство своихъ слугъ? Какъ можетъ русскій народъ чувствовать себя хозяиномъ въ своемъ отечествѣ, при современныхъ условіяхъ своего подневольнаго, подавленнаго существованія? „Нигдѣ и ни въ чемъ—говоритъ монархическая программа—русскій человѣкъ не долженъ испытывать какихъ-либо стѣсненій отъ инородцевъ и инновѣрцевъ“;—почему же долженъ онъ на каждомъ шагѣ испытывать мучительныя стѣсненія отъ своихъ же русскихъ людей, органовъ своего же національнаго правительства, какъ того настойчиво требуютъ „монархисты“? Называть русскій народъ хозяиномъ русскаго государства—это злая насмѣшка надъ народомъ со стороны партіи, занимающейся въ теченіе многихъ лѣтъ натравливаніемъ власти противъ народа и откровенно провозглашающей народное безправіе обязательнымъ для правительства исконнымъ началомъ русской государственности.

IV.

Злобная черствость по отношенію къ русскому народу и обществу, бездушный культъ власти, какъ внѣшней, чуждой и враждебной народу силы, прямолинейное отрицаніе всякихъ народныхъ правъ, льстивая, напыщенная, холодная фразеология по отношенію къ царю и самодержавію, — таковы отличительныя черты монархической партіи „Московскихъ Вѣдомостей“. Сравнительно съ ея сухою, нескладно сочиненною доктринерскою программою, воззванія „союза русскаго народа“ и „русскаго собранія“ производятъ впечатлѣніе живого, искренняго голоса убѣжденныхъ въ чемъ-то людей, но страдающихъ, къ сожалѣнію, маніей необузданнаго патріотическаго фантазерства. Идеи „союза русскаго народа“ не поддаются критическому разбору; большею частью это только вопли больной души, рядъ противорѣчивыхъ, несогласованныхъ между собою утвержденій и восклицаній, яростные призывы къ борьбѣ противъ воображаемыхъ враговъ. Но программа „союза“ все-таки стоитъ уже отчасти на почвѣ манифеста 17-го октября, безцеремонно отрицаемаго московскими монархистами, и признаетъ за русскимъ народомъ нѣкоторыя приобрѣтенныя права, хотя и урѣзываетъ ихъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Въ принципиальныхъ заявленіяхъ „союза“ и въ его уставѣ содержится много странностей, встрѣчаются недосказанныя, неясныя или неправильно изложенныя мысли, слишкомъ претенціозныя и самоувѣренныя обѣщанія, но есть и хорошія слова, которыми вообще охотно щеголяютъ охранители. „Въ основу нашего союза — говорится въ одномъ пунктѣ программы — положена братская любовь къ ближнему, и уже въ силу этого мы не допускаемъ никакихъ насилій, никакой лжи, клеветы, фальши, ничего подпольнаго, и вообще такихъ средствъ борьбы, какими не брезгаютъ наши враги, враги царя и родины“; а въ дѣйствительности, какъ извѣстно, „союзъ“ проповѣдуетъ беспощадную ненависть къ обширной массѣ „ближнихъ“ и нерѣдко вызываетъ къ прямому истребленію ихъ.

Въ сущности руководители „союза“ не опредѣляютъ своихъ точныхъ цѣлей и, повидимому, не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, куда они идутъ и за имя чего хотятъ бороться. Конституціонный актъ 17-го октября въ главномъ принимается и одобряется; коренная реформа управленія признается неизбѣжною и спасительною, — и въ то же время виновники и практическіе двига-

тели этихъ благотворныхъ переменъ объявляются врагами родины, крамольниками. По мнѣнію „союза“, современный министерскій бюрократическій строй, „присвоившій себѣ часть правъ, составляющихъ исконную принадлежность русской самодержавной власти, привелъ отечество наше къ тяжелымъ бѣдствіямъ и потому подлежитъ коренному измѣненію“; а рядомъ съ этимъ предлагается всѣмъ вѣрнымъ приверженцамъ „исконныхъ русскихъ началъ“ дружно сплотиться для совѣстной активной дѣятельности. Высказывается старая казенная мысль, что „благо родины—въ неизбѣломъ сохраненіи самодержавія, православія и народности“, съ неожиданнымъ присоединеніемъ новыхъ словъ: „въ учрежденіи Государственной Думы, порядка и законности“. Какъ мирится одно съ другимъ, неизбѣмость самодержавія—съ устраненіемъ министерской или придворной бюрократіи, исконныя начала—съ Государственною Думою и съ господствомъ законности,—это остается тайною „союза“. Думѣ приписывается только совѣщательное значеніе; она должна служить органомъ непосредственной связи и единенія между царемъ и народомъ. Полновластному, не ограниченному никакой конституціею правительству преподаются „союзомъ“ разныя благожелательныя сентенціи, которыя можно назвать по меньшей мѣрѣ наивными. „Всѣ учрежденія государства Россійскаго объединяются въ прочномъ стремленіи къ неуклонному поддержанію величія Россіи и преимущественно правъ русской народности, но на строгихъ началахъ законности, дабы множество инородцевъ, живущихъ въ нашемъ отечествѣ, считали за честь и за благо принадлежать къ составу Россійской Имперіи, и не тяготились бы своей зависимостью“... „Ближайшая дѣятельность правящихъ властей неуклонно направляется къ установленію строгаго порядка и законности на твердыхъ началахъ свободы слова, печати, собраний и союзовъ и неприкосновенности личности, съ установленіемъ правилъ, опредѣляющихъ границы указанной свободы, дабы не нарушался государственный правопорядокъ и не затрагивались бы права отдѣльныхъ лицъ, и дабы она сама была ограждена отъ произвола“... Словомъ, полная идиллія можетъ водвориться въ Россіи, если только усердные слуги самодержавія проникнутся высокими чувствами справедливости и не будутъ встрѣчать оппозиціи на своемъ добродѣтельномъ пути. Правда, „безнаказанность современныхъ чиновниковъ породила безпредѣльный произволъ“, который „является одной изъ причинъ тяжелаго положенія Россіи“,—но это зло еще не такъ большой руки: оно „легко можетъ быть прекращено отмѣною соотвѣт-

ствующихъ статей закона и установленіемъ для каждаго потерпѣвшаго частнаго лица права свободнаго обращенія съ жалобами на неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ непосредственно къ прокурорскому надзору и суду "... Подвластный правительству судъ быстро обуздаетъ безпредѣльный произволъ бюрократіи, такъ что и общанное союзомъ „коренное измѣненіе“ бюрократическаго строя окажется, быть можетъ, излишнимъ... Сбивчивая, простодушно-невѣжественная „патріотическая“ программа дополняется пунктомъ, касающимся евреевъ: послѣдніе допускаются въ Государственную Думу „въ числѣ не болѣе трехъ лицъ, выбранныхъ отъ всего еврейскаго населенія Россійской Имперіи, для доклада Думѣ о частныхъ нуждахъ еврейскаго народа“. Такое ограниченіе „необходимо въ виду того, что разрушительная, антигосударственная дѣятельность сплоченной еврейской массы, ея непримиримая ненависть ко всему русскому и неразборчивость въ средствахъ слишкомъ наглядно выразились особенно за время настоящаго революціоннаго движенія“. Логика въ этомъ мало: дѣятельное, нерѣдко самоотверженное участіе въ русскомъ освободительномъ движеніи, на равныхъ правахъ съ передовыми активными элементами русскаго общества, не могло выражать собою „ненависть ко всему русскому“, такъ какъ, даже съ точки зрѣнія „союза“, нѣкоторые положительные результаты этого движенія были полезны для государства; а „сплоченная еврейская масса“ темныхъ бѣдняковъ, ремесленниковъ, торговцевъ и банкировъ съ такимъ же основаніемъ можетъ быть обвиняема въ „разрушительной антигосударственной дѣятельности“, какъ и соотвѣтственные классы чисто русскаго населенія. Но антисемитизмъ есть единственное готовое и общедоступное средство національнаго возбужденія, направленнаго не противъ власти, и потому, давая безобидный для правящихъ выходъ накопившимся чувствамъ неудовольствія и вражды, онъ самъ собою пристегивается къ идеямъ и принципамъ всякой реакціонной партіи.

Съ „союзомъ русскаго народа“ вполне солидарно „русское собраніе“, которое такъ же точно неизмѣнно придерживается старыхъ охранительныхъ формулъ, излагаемыхъ болѣе или менѣе витіеватыми „патріотическими“ фразами. Грозные удары и разочарованія японской войны прошли безслѣдно для этихъ упорныхъ защитниковъ старины. Ничто не измѣнилось для „русскаго собранія“ и послѣ манифеста 17-го октября; для него самодержавіе „продолжаетъ существовать на Руси и при новыхъ порядкахъ“, и оно попрежнему, несмотря на Мукденъ и Цу-

симу, остается „совершеннѣйшею формою правленія“, основываясь на „постоянномъ единеніи царя съ народомъ“,—единеніи, все еще не выходящемъ изъ области безпредметныхъ и неосуществимыхъ мечтаній. Какъ понимать реально это единеніе помимо посредствующихъ сановниковъ и министровъ, пользующихся довѣріемъ монарха и вовсе не обязанныхъ заботиться о довѣріи общества и народа? Никто не знаетъ, какъ и въ какой формѣ устроить или обезпечить это единеніе, разрушаемое придворной бюрократіей, и тѣмъ не менѣе оно входитъ въ монархическія программы, въ видѣ чего-то реально существующаго и возможнаго. „Русское собраніе“ заявляетъ, что оно „всегда было непримиримымъ противникомъ бюрократическаго строя и неразрывно связаннаго съ нимъ расхищенія самодержавія какъ недостойными министрами, такъ и подчиненными имъ учрежденіями и лицами; столь же рѣшительно осуждаетъ оно всякое посягательство выборныхъ людей на единство, полноту и цѣлость царской власти“. Самодержавный царь, какъ и конституціонный, не можетъ, конечно, подлежать никакой отвѣтственности ни передъ кѣмъ; но, по мнѣнію „русскаго собранія“, „правительство царское всегда отвѣтственно за политику, которую проводить, и министры лишь отягчаютъ свою вину, пытаясь покрыть свои ошибки самодержавнымъ царскимъ повелѣніемъ, которое въ глазахъ народа никогда не снимаетъ законной отвѣтственности съ испросившаго такое повелѣніе сановника“.

Изъ этихъ замѣчаній можно видѣть, какъ беспомощно-жалки способы разсужденія нашихъ „монархистовъ“. „Русское собраніе“ даже не сознаетъ, что, говоря о расхищеніи самодержавія недостойными министрами и объ обычной практикѣ добыванія Высочайшихъ повелѣній, оно жесточайшимъ образомъ осуждаетъ самый принципъ неограниченной монархіи. Оно какъ будто забываетъ, отъ кого зависитъ выборъ министровъ и кто даетъ Высочайшія повелѣнія; оно изображаетъ самодержавіе въ видѣ какого-то предмета произвольныхъ расхищеній и вдобавокъ признаетъ отвѣтственность „царскаго правительства“, но только безъ указанія, предъ какимъ независимымъ учрежденіемъ отвѣтственно это царское правительство;—а въ то же самое время Государственная Дума низводится на степень безсильнаго совѣщательнаго собранія! Высказываясь рѣшительно противъ бюрократическаго строя и министерскаго самовластія, „русское собраніе“ ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, чѣмъ оно думаетъ замѣнить бюрократію и министровъ;—нельзя же предположить, что оно стоитъ за простую безпорядочную смѣну слу-

чайныхъ фаворитовъ или за установленіе тайственныхъ придворныхъ совѣтовъ или „звѣздныхъ палатъ“, отъ которыхъ Россія ежедневно съ трепетомъ ожидала бы какихъ-нибудь неожиданныхъ мѣропріятій.

Среди этого безнадежнаго сумбура несовмѣстимыхъ понятій и фантазій, невольно приходится заключить, что наши восторженные поклонники самодержавія—вовсе не монархисты въ точномъ смыслѣ этого слова: они отрицаютъ неограниченную монархію, какъ законно дѣйствующій постоянный институтъ, и требуютъ только самодержавной диктатуры съ обязательною реакціонною программю. Они не стѣсняются открыто отвергать безспорные торжественные акты верховной неограниченной власти, кажушіеся имъ почему-либо нежелательными, и даже просто игнорируютъ ихъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, московская мнимо-монархическая партія относительно манифеста 17-го октября. По ихъ воззрѣніямъ, самодержавный русскій монархъ не имѣетъ права быть либеральнымъ и послѣдовательно проводить крупныя прогрессивныя реформы для блага всего народа; онъ долженъ, будто бы, непремѣнно охранять интересы высшихъ классовъ и дѣйствовать всегда въ духѣ реакціи. Самодержецъ не можетъ, будто бы, дать странѣ дѣйствительную конституцію, предоставить Государственной Думѣ широкія законодательныя права и установить отвѣтственное парламентское министерство,—такъ какъ это было бы противно взглядамъ и желаніямъ тѣхъ, которые почему-то присвоили себѣ право ограничивать въ свою пользу самодержавную власть монарха. „Монархисты“ проповѣдуютъ самодержавіе не какъ монархическій принципъ, а какъ систему насильственнаго безотвѣтственнаго управленія, при которомъ государство становится орудіемъ и добычею въ рукахъ немногихъ... Не въ этомъ ли кроется разгадка непонятныхъ внутреннихъ противорѣчій и поразительнаго идейнаго ничтожества всѣхъ нашихъ консервативно-реакціонныхъ программъ?..

Л. Слонимскій.

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. П. О Г А Р Е В А

Шесть, помѣщаемыхъ ниже, стихотвореній Н. П. Огарева сохранились въ письмахъ его къ А. И. Герцену, переданныхъ А. А. Герценомъ-сыномъ Румянцовскому Музею въ Москвѣ.

Поводомъ къ написанію второго (II) стихотворенія было сообщеніе князя П. В. Долгорукаго о кончинѣ митрополита московскаго Филарета.

Третье (III) стихотвореніе написано на смерть Касаткина.

Въ четвертомъ (IV) стихотвореніи намекается на страданія Огарева отъ полома ноги.

Въ шестомъ (VI) стихотвореніи говорится объ отъѣздѣ Тхоржевскаго.

Хронологическія даты взяты изъ писемъ, въ которыхъ стихотворенія содержатся.

Г. П. ГЕОРГІЕВСКИЙ.

Москва.

I.

(XLI.)

Изъ Гейне.

Во снѣ мнѣ приснилась она
И робкій, встревоженный образъ имѣла;
Худое и дряхлое стало у ней
Когда-то роскошное тѣло.

Ребенка несла одного на рукахъ,
Другого вела за собою за руку;
Одежда и поступь, и взоръ у нея
Являли и бѣдность, и мѹку!

И такъ она шла, вся дрожа, черезъ рынокъ—
И тутъ повстрѣчалась со мной,
Взглянула... Тогда ей спокойно
Сказалъ я съ глубокой тоской:

— Пойдемъ ты со мною, ко мнѣ на квартиру—
Затѣмъ, что вѣдь ты и худа, и больна,
А я же работой моей и стараньемъ
Достану тебѣ и обѣдъ, и вина.

А также, увидишь, вскормлю, воспитаю
Вотъ этихъ двоихъ я дѣтенокъ,
А пуще всего я тебя успокою,
Мой бѣдный, несчастный ребенокъ.

Я даже тебѣ никогда не скажу,
Съ какою любилъ тебя страстною силой,
А если помрѣшь—то я плакать пойду
Надъ тихой твоею могилой.

9 ноября 1869 г.

II.

Я сижу въ раздуміи—
 Вотъ какой предметъ:
 Д(олгоруки)й сказываль—
 Умеръ Филаретъ.

Кто же будетъ нѣмече
 Нашъ митрополить?
 Кто на насъ туманное
 Слово повалить?

Онъ пошолъ ли къ Господу
 За души молить?
 Или, по природному,
 Въ сыру-землю гнить?

Я сижу въ раздуміи—
 Такъ-что руки врозь:
 Нѣтъ ему преемника!
 Всякій помысль брось.

Ухожу въ раздуміи—
 Умеръ Филаретъ!..
 Свѣтопреставленіе—
 Тутъ сомнѣнья нѣтъ!

13 декабря 1867 г.

III.

DE MORTUIS AUT NIHIL, AUT VENE!

Мы въ дружбѣ съ нимъ давно не жили,
 Разладъ возполъ межъ мной и имъ,
 Едва встрѣчаясь говорили,
 Почти не кланялися съ нимъ.
 Но мелочь ссоръ молчить мгновенно
 Предъ блѣднымъ тѣломъ мертвеца,
 И остаются незабвенно
 Черты знакомаго лица.

1 января 1867 г.

IV.

И дождь, и буря—день ужасный!
 Развеселиться—трудъ напрасный,
 Все приняло суровый взглядъ—
 Салевъ, и улица, и садъ;
 Не знаетъ Мери, томно струся,
 Какъ къ завтраму достать ей гуся;
 Тхоржевскій хмурится слегка
 И кажетъ пальцемъ сверхъ пупка;
 Я самъ, хотъ занять, но немножко
 Коснѣтъ мозгъ, хвораетъ ножка...

24 декабря 1868 г.

V.

Чудная страна—
 Городъ нашъ Женева!
 Свѣтитъ мнѣ луна
 Справа да и слѣва.
 И не въ трудъ нисколько
 Сладить штуку эту:
 Обращайся только
 Разнымъ бокомъ къ свѣту.

30 января 1869 г.

VI.

Въ день отъѣзда пана
 Для купанья въ морѣ,
 Утромъ, но не рано,
 Я пишу о вздорѣ...

13 апрѣля 1869 г.

ВЕЧЕРНІЯ ТѢНИ

Эскизъ по роману Э. Пода: „L'ombre s'étend sur la montagne“. Paris, 1907.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Каждый вечеръ на нашихъ глазахъ происходитъ въ природѣ борьба мрака и свѣта. Смотря по степени яркости дня, или по живописности окружающей природы, драма происходитъ или незамѣтно, или же трагично—такъ, точно небесный сводъ обогреть невидимымъ убійствомъ бога дня. Мы всегда знаемъ заранее, что свѣтъ долженъ погибнуть, что побѣдитъ мракъ. Мы видимъ, какъ онъ въ опредѣленный часъ надвигается со всѣхъ сторонъ, застигаетъ гору, долину и воды, какъ саванъ, въ который закутываютъ мертвецовъ. Эта каждодневная драма въ природѣ—зеркало нашей судьбы. Вечеръ наступаетъ для каждой жизни, если ее не пресѣкаетъ капризная воля судьбы какой-нибудь преждевременной катастрофой. Иныя жизни угасаютъ какъ блѣдный закатъ, другія кончаются въ яркомъ заревѣ, сіяніе котораго переживаетъ ихъ, подобно тому, какъ иногда горизонтъ долго еще горитъ золотомъ и багрянцемъ послѣ захода солнца.

Но это сіяніе—только отраженіе исчезнуваго свѣтила; оно тоже скоро исчезаетъ, и торжествуетъ ночь—нѣмая, глухая ночь. Наши взгляды тщетно пытаются проникнуть вглубь ея, намъ не дано понять и объяснить ея душу. Ночь, преисполненная тайны, является для насъ образомъ другой, вѣчной ночи, которая насъ подстерегаетъ, ужасаетъ и влечетъ къ себѣ. Драма заката будитъ въ насъ мысли о вѣчномъ мракѣ, ожидающемъ

насъ, и потому, можетъ быть, мы съ такимъ волненіемъ слѣдимъ за яркимъ или нѣжно грустнымъ умирانیемъ дня.

Такое настроеніе охватило, вѣроятно, въ этотъ теплый лѣтній вечеръ, и двухъ гуляющихъ, которые глядѣли на закатъ съ возвышенія среди альпійской природы. Это было вблизи Интерлакена, у подножья развалинъ стараго замка Умспуненъ. Они сидѣли на скамейкѣ, прямо противъ Юнгфрау. Мѣсто было уединенное; только издали доносились звуки изъ долины, колокольчики коровъ съ пастбища, звонъ копытъ съ большой дороги. Ничто не мѣшало имъ предаваться мечтамъ, искать тайныхъ соотношеній между закатомъ и теченіемъ ихъ собственной судьбы. Горы на переднемъ планѣ покрывались прозрачною тѣнью, которая медленно поднималась къ пастбищамъ на вершинахъ, еще освѣщенныхъ солнцемъ. Справа, на вершинѣ темной горы, „Чернаго Монаха“, сверкалъ бѣлый глетчеръ, на который надвигалось съ другой стороны причудливое сѣрое облако. Свѣтъ, сливаясь съ облакомъ, казался огромнымъ слиткомъ расплавленного серебра; его отблескъ озарялъ легкую дымку, носившуюся надъ горами, а мракъ сгущался тѣмъ временемъ въ долинѣ; тамъ, среди разбросанныхъ шале съ черепичными крышами, выдѣлялся тяжелымъ свѣтлымъ пятномъ новый отель у самой подшвы „Чернаго Монаха“.

Въ сѣрѣющемъ предвечернемъ свѣтѣ рѣзко вырисовывались фигуры сидѣвшихъ на скамейкѣ мужчины и женщины. У мужчины, одѣтаго въ легкое сѣрое пальто, было нервное, выразительное лицо съ подвижными чертами. Въ бородѣ и густыхъ, слегка вьющихся волосахъ, свѣтлыхъ въ молодости, пробивались серебряныя нити и получалось нѣкоторое сходство съ изображеніемъ Христа на картинахъ итальянскаго возрожденія—Христа очень человѣчнаго, въ которомъ спокойствіе смѣшивалось съ тревожностью, сила—съ слабостью. Въ свѣтло-карихъ глазахъ свѣтился углубленный взоръ, то изумленный, то печальный. Подъ маленькой соломенной шляпой скрывался энергичный лобъ, и рѣзкая линія носа подчеркивала энергичное выраженіе всего лица, хорошо извѣстнаго повсюду по множеству портретовъ; когда онъ проходилъ по улицамъ Интерлакена, его часто называли, указывая на него прохожимъ:

— Это Францъ Лизель, знаменитый скрипачъ.

И теперь тоже два швейцарскихъ студента, въ бѣлыхъ шапочкахъ, спускаясь съ Умспунена, толкнули другъ дружку локтемъ, говоря:

— Францъ Лизель. Съ кѣмъ это онъ?

Это и былъ знаменитый музыкантъ, котораго за его происхождение, игру, характеръ композицій, а также, быть можетъ, за болѣзненную блѣдность лица, прозвали „Шопеномъ скрипки“.

Женщина, сидѣвшая рядомъ съ нимъ, была высокаго роста, необычайно стройная, одѣтая въ мягкое пальто переливчатаго цвѣта. Всѣ линіи ея лица и фигуры производили впечатлѣніе благородства и чистоты. Прямая линія бровей придавала лицу нѣкоторую строгость, смягчаемую красотой нѣсколько большого рта. Нѣжный цвѣтъ лица сохранялъ юношескую свѣжесть, но въ волосахъ, съ каштановыми золотистыми отливами, серебрились бѣлыя нити. Въ свѣтлыхъ глазахъ, подъ длинными рѣсницами, отражалась страстная и страдающая душа. Она углубилась въ созерцаніе окружающей природы, но легкое дрожаніе прекрасныхъ губъ свидѣтельствовало о бурѣ подъ ясной поверхностью этой спящей воды. Лицо ея въ общемъ поражаемо такими же контрастами, какъ лицо Лизеля. Обыкновенно равнодушное, почти холодное, оно вдругъ оживлялось, выдавая, какъ бы въ блескѣ молніи, тайну тревожной души. Она была точно закрытой книгой, про которую знаютъ, что въ ней заключена вся поэзія, и что каждая ея страница—живое откровеніе. Ея темный взглядъ не отрывался отъ зрѣлища природы; но спутникъ ея, оглянувъ быстрымъ взглядомъ панораму, все время тревожно переводилъ глаза на нее, какъ бы стараясь уловить таинственныя соотношенія между нею и темнѣющей горой. Обѣ онѣ были прекрасны, обѣихъ озаряли лучи свѣта,—и обѣихъ подстерегала близкая ночь.

Тьма, спустившаяся въ долину, поднималась вверхъ по Юнгфрау. Облака сгустились, и глетчеры казались какимъ-то сверкающимъ пятномъ среди тумана, точно за его покровомъ загорался исполинскій пожаръ изъ серебристаго пламени.

Подобно умирающему дню, Лизель и его спутница приближались къ вечеру своей жизни. Лизель былъ ближе къ нему. Ея прошлое было наполнено пламенной жизнью сердца, которая сжигаетъ душу больше, чѣмъ трудъ и забота, а его жизнь прошла среди такихъ же страданій, хотя и уравновѣшенныхъ отчасти его артистической дѣятельностью. Годы наложили на нихъ обоихъ большую тяжесть, чѣмъ еслибы они протекали среди нормальныхъ условій. Они прошли, не соединивъ ихъ вполне, и теперь оба они спускались внизъ по теченію, какъ два путешественника, идущіе вдоль двухъ береговъ, раздѣленные и близкіе, глядя другъ другу въ глаза, останавливаясь, чтобы улыбнуться другъ другу или вмѣстѣ плакать. И потому, хотя возрастъ для любви прошелъ, чувство ихъ сохранило отчасти свою прежнюю свѣжесть.

Они молчали, читая каждый въ сердцѣ другого скрытыя мысли, понимая другъ друга безъ словъ. Внезапный порывъ вѣтра спугнулъ молчаніе и донесъ далекіе голоса запоздалыхъ путниковъ, крестьянъ, идущихъ съ работы. Солнце скрылось за невидимой вершиной. Но вдругъ вѣтеръ разсѣялъ облака, и свѣтъ озарилъ Юнгфрау, которая вся выступила съ рѣзкими очертаніями своихъ уступовъ, скалъ и глетчеровъ. Противъ нихъ, съ другой стороны долины, мракъ покрылъ лѣсистыя скаты Шиниге-Платте и поднимался медленно и неуклонно вверхъ по Юнгфрау. Огромное темное пятно правильнаго рисунка постепенно, со спокойствіемъ неотвратимости, побѣждало свѣтъ. Тогда Лизель, обернувшись къ своей спутницѣ, тихо прошептала, такъ, что слова его, по капризу вѣтра, могли дойти до ея слуха, или потеряться въ пространствѣ.

— Мракъ сгущается надъ горой...

Она повернулась къ нему и окинула его взглядомъ, который какъ бы переводилъ смыслъ его словъ отъ бездушнаго пейзажа на ихъ скорбныя души. Она протянула руку, точно указывая за драмой солнечнаго заката на другую, на то, что влечетъ всю природу къ роковой развязкѣ. Губы ея задрожали, придавая лицу ея страстное выраженіе. Тихо, тише, тѣмъ онъ, шопотомъ, который, однако, проникъ въ его сердце и вызвалъ въ немъ трепеть, она повторила:

— Да... сгущается мракъ.

II.

Францъ Лизель — артистическое имя, выкроенное изъ нѣсколькихъ буквъ его бесконечно длинной славянской фамиліи со множествомъ согласныхъ — пользовался очень громкой извѣстностью въ артистическомъ мірѣ. Его симфонія „Польша“, запрещенная въ Россіи и въ Пруссіи, вызывала бурные восторги: магическая сила звуковъ воскрешала въ ней на часъ душу побѣжденнаго народа, память объ утраченномъ отечествѣ. Другія его оркестровыя произведенія, „Молитва послѣ поражения“, „Литовскій маршъ“, вошли въ репертуаръ лучшихъ концертовъ; его „героическія мазурки“, прелюдіи и элегіи пользовались почти такой же популярностью, какъ вальсы и ноктюрны его знаменитаго соотечественника, Шопена. Въ настоящее время онъ приступилъ къ новому роду творчества: въ парижской оперѣ готовилась къ постановкѣ осенью его опера „Конрадъ Валленродъ“

на сюжетъ поэмы Мицкевича. Успѣхи Ливеля, какъ виртуоза, были еще болѣе блестящіе. Во многихъ столицахъ восторженные поклонники выпрягали лошадей изъ его коляски, и съ триумфомъ везли его сами въ отель послѣ концертовъ. Красивыя женщины брали у него на память кусочки лопнувшей струны, или разрывали на кусочки платокъ, которымъ онъ вытиралъ пальцы послѣ исполненія трудной вещи Баха. Въ Ниццѣ ему устилали путь розами. Но въ послѣдніе годы онъ почти совсѣмъ не концертировалъ—подъ предлогомъ усталости и лѣни, но на самомъ дѣлѣ потому, что шумная артистическая жизнь нарушала тишину, которой онъ хотѣлъ окружить сердечную привязанность, наполнявшую его жизнь. Но онъ все-таки собирался сдѣлать концертное турнѣ по Америкѣ — послѣднее, по его словамъ, — послѣ постановки оперы, такъ какъ хотѣлъ сразу вернуть состояніе, потерянное въ неудачной биржевой спекуляціи. Его побуждала къ этой поѣздкѣ, быть можетъ, еще и тайная надежда—онъ самъ себя въ ней не признавался, — что его мечта о спокойной и твердой связи съ любимой женщиной когда-нибудь осуществится; онъ хотѣлъ заранѣе устранить всякія матеріальныя заботы въ будущемъ. Теперь, по мѣрѣ приближенія отъѣзда, ему становилось все тяжелѣе; его мучила глухая ревность и боязнь одиночества среди чужихъ людей, но, съ другой стороны, въ немъ усиливалось желаніе испытать еще разъ свою власть надъ толпами слушателей и даже потребность пожить нѣсколько времени болѣе широкой и нервной жизнью, чѣмъ та, которая опредѣлялась его тихой и неизмѣнной любовью.

Тѣ, которые знали Ливеля только какъ артиста, имѣли о немъ превратное представленіе. Ихъ обманывала его крайняя сдержанность. Его считали безсердечнымъ, говорили, что онъ вложилъ всю душу въ скрипку и глухъ къ живой жизни: никто не подозрѣвалъ, что онъ весь поглощенъ глубокимъ чувствомъ, которому онъ беззавѣтно и радостно приносилъ въ жертву всѣ помыслы о карьерѣ. Думали также, судя по его прирожденному изяществу, что онъ съ дѣтства жилъ въ роскоши, а на самомъ дѣлѣ онъ выросъ въ бѣдной эмигрантской семьѣ. Никто изъ судившихъ о немъ не зналъ его прошлаго, въ которомъ играло большую роль довольно необычное для современнаго артиста чувство—романтическая любовь къ потерянному отечеству. Отецъ Ливеля былъ однимъ изъ героев польскаго возстанія 1830 года и едва спасся бѣгствомъ во Францію отъ грозившей ему смертной казни. Съ дѣтства Ливелю внушали принципы пламеннаго патріотизма, и эти дѣтскія впечатлѣнія оставили глубокій слѣдъ

въ его душѣ. Родители Лизеля были бѣдны — все ихъ прежнее состояніе осталось въ рукахъ побѣдителей. Мать его умерла рано, и онъ сохранилъ о ней самыя смутныя воспоминанія; онъ помнилъ только ея проповѣдь героизма. Отецъ его былъ очень непрактиченъ въ житейскихъ дѣлахъ, и когда онъ умеръ, Лизель остался совсѣмъ неподготовленнымъ къ житейской борьбѣ, и забота о заработкѣ мѣшала ему развивать свой выдающійся талантъ. Онъ вскорѣ очутился въ очень печальномъ положеніи, заболѣлъ отъ нервнаго напряженія и навѣрное погибъ бы гдѣ-нибудь въ парижскихъ трущобахъ, еслибы случай, providѣніе или рокъ не свелъ его съ четой Жафэ.

Оба они, мужъ и жена, страстно любили музыку. Мужъ, человѣкъ высоко-культурный и интеллигентный, занимался музыкой главнымъ образомъ теоретически, но вмѣстѣ съ тѣмъ недурно игралъ на роялѣ, разбиралъ самыя трудныя партитуры и былъ знаткомъ музыки. Жена хорошо знала и понимала музыку, слышала всѣхъ знаменитыхъ исполнителей, бывала на всѣхъ музыкальных торжествахъ во Франціи и Германіи, и музыка была для нея такой же необходимой потребностью, какъ свѣтъ и воздухъ. Эта общая страсть сближала супруговъ, какъ принадлежность къ одной вѣрѣ, къ одной сектѣ. Между ними, впрочемъ, было много роднящаго ихъ и помимо музыки, и еслибы не нѣкоторое несоотвѣтствіе въ характерахъ, ихъ семейная жизнь могла бы быть самой счастливой.

Антонинъ Жафэ былъ единственнымъ сыномъ богатаго эльзасскаго фабриканта, и ему пришлось много бороться въ молодости, чтобы слѣдовать своимъ интеллектуальнымъ наклонностямъ. Ему очень мѣшала его дѣдушка, упорный и энергичный буржуа, занятый дѣлами, жадный къ наживѣ, деспотъ въ семьѣ. Онъ противился вкусамъ внука, который выказывалъ блестящія способности къ занятіямъ философій. Онъ хотѣлъ съ молодости „взять его въ дѣло“, надѣясь больше на умнаго внука, чѣмъ на своего слабовольнаго сына, отца Антонина. Только послѣ краха фабрики въ 1870 году и послѣдовавшей за этимъ смертью дѣда, Антонинъ могъ продолжать прерванныя научныя занятія. Наслѣдство отъ дѣда было все-таки достаточно велико, чтобы избавить его отъ заботъ о карьерѣ. Онъ вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе своей блестящей докторской диссертацией „О генезисѣ чувствъ“, и за этимъ послѣдовалъ рядъ работъ, въ которыхъ Жафэ выступилъ защитникомъ очень смѣлыхъ идей, сильно дѣйствовавшихъ на умы молодежи. Таковы были его „Динамическая теорія страстей“, „Исторія отрица

тельныхъ учений“, „Теорія революцій“, „Теорія историческаго матеріализма“ и т. д.

Антонину Жафѣ было около сорока лѣтъ, когда онъ женился. Онъ познакомился съ своей будущей женой въ Стокгольмѣ, куда поѣхалъ по приглашенію читать рядъ лекцій о „теоріи революцій“. Въ этихъ лекціяхъ онъ излагалъ оригинальныя мысли о причинахъ и ходѣ социальныхъ переворотовъ, предсказывалъ близкое крушеніе современнаго социального строя и обнаруживалъ полное безстрашіе ума. Въ жизни онъ былъ очень смиреннымъ, почти пугливымъ человекомъ, но въ типичнаго своего кабинета, съ перомъ въ рукахъ, онъ неумолимо разрушалъ идею родины, семью, капитализмъ. Его смѣлость привлекала молодежь и производила тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на слушателей его лекцій, что онъ высказывалъ свои мысли необыкновенно просто, яснымъ, звучнымъ голосомъ, увлекающимъ, почти гипнотизировавшимъ аудиторію.

Съ первой же лекціи въ Стокгольмѣ онъ случайно остановилъ взглядъ на молодой дѣвушкѣ, которая слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ. Это была Ирэнъ Вильсонъ, дочь англичанина — своего отца она никогда въ жизни не видѣла — и шведки, м-мъ Штурмъ, женщины весьма сомнительной репутаціи. Ирэнъ много читала, много путешествовала, и слишкомъ раннее знакомство съ жизнью развило въ ней мятевный духъ. Она пришла въ восторгъ отъ спокойной смѣлости этого корректнаго разрушителя всѣхъ основъ. Ее поразила къ тому же и настойчивость, съ которой онъ постоянно останавливалъ на ней взглядъ, — она не подозрѣвала, что онъ дѣлалъ это совершенно машинально. Она искала случая познакомиться съ нимъ. Знакомство состоялось, дѣвушка понравилась Жафѣ, и онъ вскорѣ рѣшилъ жениться на ней. Ирэнъ приняла его предложеніе. Ее привлекали больше идеи философа, нежели онъ самъ; онъ же впервые почувствовалъ влеченіе къ женщинѣ и старался заглушить голосъ благоразумія, который указывалъ на разницу лѣтъ, національности, на непріятную перспективу имѣть тещей м-мъ Штурмъ. Напротивъ того, послѣднее обстоятельство еще укрѣпило его рѣшеніе: онъ считалъ своимъ долгомъ спасти молодую дѣвушку, такую чистую и честную, отъ вліянія такой матери, и забылъ о двадцати годахъ разницы, внимая доводамъ проснувшейся страсти.

Женихъ и невѣста были согласны во всемъ — и съ общаго согласія сдѣлали уступку буржуазнымъ предразсудкамъ м-мъ Штурмъ, которая настаивала на заключеніи законнаго брака —

гражданскаго и церковнаго, — что противорѣчило ихъ свободнымъ взглядамъ. Но, чтобы обезпечить свою свободу, они написали въ двухъ экземплярахъ бумагу, которую оба и подписали, слѣдующаго содержанія:

„Я обязуюсь возратить свободу моей женѣ (или: моему мужу) и содѣйствовать законному возстановленію ея, если она (или: онъ) этого пожелаетъ по какимъ бы то ни было причинамъ“.

Это письменное условіе придумала опять-таки м-мъ Штормъ, и они долго смѣялись по этому поводу.

Вскорѣ, однако, начали возникать легкія несогласія между супругами; они ихъ замѣчали, но не тревожились, стараясь каждый искупить свои недостатки другими, лучшими качествами. Погруженный въ свою работу, Антонинъ Жафэ былъ разсѣянъ, мелоченъ и придирчивъ въ домашнемъ быту, отказывался отъ обѣда, если его подавали на пять минутъ позже назначеннаго времени, отправлялся спать ровно въ десять часовъ, иногда прерывая разговоръ на полусловѣ. Множество мелкихъ чудачествъ принижали его въ глазахъ невольныхъ постоянныхъ свидѣтелей его жизни. Еще болѣе отталкивали противорѣчія между его словами и дѣйствіями. Въ противоположность своимъ смѣлымъ, почти анархическимъ теоріямъ, онъ былъ деспотомъ въ домѣ, а въ отношеніяхъ съ людьми проявлялъ аристократическіе предрасудки. Буржуазность его характера сказывалась въ мелочахъ, даже въ покроѣ скюртуковъ и формѣ воротниковъ. Этотъ разрушитель собственности очень тщательно оберегалъ свои личные интересы. Самъ онъ не замѣчалъ этихъ противорѣчій, такъ какъ мысли его были обращены только на отвлеченное, но на его жену это производило тяжелое впечатлѣніе. Выросшая въ свободѣ, граничащей съ безтолковостью, она чувствовала постоянную потребность согласовать внутреннюю жизнь съ внѣшними поступками и горѣла жаждой высокой духовной жизни. Интриги и ложь въ жизни ея матери внушили ей страстное влеченіе къ искренности и правдѣ. Мужу ея нечего было опасаться, что дочь унаслѣдовала инстинкты матери; напротивъ того, она была слишкомъ вѣрна теоріямъ, которыхъ онъ не проводилъ на практикѣ. Это ихъ нѣсколько развѣдило, и онъ только радовался, что они сходятся въ одномъ—въ строгой правдивости, для него главнымъ образомъ интеллектуальной. Ирэнъ знала, что, при всѣхъ своихъ житейскихъ слабостяхъ, мужъ ея сохраняетъ твердость убѣжденій, и съ перомъ въ рукахъ будетъ достоинъ своего прекраснаго девиза: *in veritate virtus*. Но и тутъ между ними была разница. Жафэ черпалъ свою любовь къ истинѣ изъ книгъ, а Ирэнъ про-

никлась любовью къ правдѣ въ самой жизни: ее такъ возмущало интриганство и ложь матери, отъ которыхъ часто страдала ее гордость, она такъ презирала пошлость и низость людей, окружавшихъ ее мать, что страстно жаждала чистоты и правды. Ей хотѣлось бы поэтому, чтобы и мужъ ее былъ искреннимъ и правдивымъ въ жизни. Эти различія вскорѣ вызвали легкія столкновения, не нарушая, однако, взаимнаго уваженія и привязанности супруговъ; они только убили въ самомъ началѣ всякій романтизмъ чувства, и въ пламенной молодой душѣ Ирэнъ образовалась мучительная пустота.

Таковы были ихъ отношенія, когда они познакомились съ Лизелемъ, года черезъ три послѣ свадьбы и полтора года послѣ рожденія ихъ дочери, Анны-Маріи. Знакомство состоялось черезъ Гуго Мейера, друга дѣтства Жафэ, основателя знаменитыхъ „Мейеровскихъ концертовъ“. Онъ „открылъ“ талантливаго молодого скрипача и хотѣлъ спасти его отъ нищеты и болѣзни. По его просьбѣ, супруги Жафэ пригласили Лизеля въ свое помѣстье, въ окрестностяхъ Триля. Они спасли его отъ нужды, пріютили у себя, вылечили и, главное, вернули ему вѣру въ себя восторженнымъ отношеніемъ къ его таланту. Они относились къ нему неодинаково: Жафэ сразу угадалъ въ немъ великаго артиста и заинтересовался имъ какъ психологъ; онъ извлекъ изъ наблюдений за нимъ матеріалъ для интереснаго очерка — „О ритмѣ въ изображеніи чувствъ“. Ему было, кромѣ того, пріятно сыграть роль провидѣнія въ судьбѣ артиста съ большимъ будущимъ. Ирэнъ же просто отдалась женскому чувству жалости. Ее увлекалъ талантъ Лизеля и привлекали его страданія, несчастія его юности. Въ немъ чувствовалась безконечная жажда нѣжности, отвѣчавшая душевной потребности Ирэнъ давать счастье другимъ. Она подружилась съ нимъ, пѣла его грустныя и страстныя пѣсни, и стала для него олицетвореніемъ всѣхъ надеждъ и всей красоты жизни, раскрывшейся передъ его взоромъ, уже близко увидавшимъ смерть. Онъ же воскресилъ въ ее душѣ мечту о нѣжности, убитую холоднымъ благоразуміемъ мужа. Жафэ вскорѣ догадался объ ихъ чувствахъ, еще неясныхъ вначалѣ для нихъ самихъ, но не хотѣлъ стѣснять свободу своей жены. Онъ, молча, страдалъ, и между ними тремя установились странныя отношенія, въ которыхъ смѣшивались нѣжность, благодарность, правдивость, гордость, удерживающая отъ паденій, ревность, способная толкнуть въ пропасть.

Жафэ оставался вѣрнымъ себѣ. Его свободомысліе часто отступало передъ мелкими житейскими интересами; но въ области

мысли онъ не зналъ границъ; онъ всегда возставалъ противъ общественныхъ условностей и предразсудковъ, и въ своей жадѣ истины проникалъ вглубь всякаго вопроса, не соображаясь съ личными чувствами. Онъ понималъ, что въ его ревности къ женѣ главную роль играетъ самолюбіе, и рѣшилъ побороть его. Онъ даже собирался дать женѣ бумагу, освобождающую ее, но у него не хватало рѣшимости для великодушнаго поступка, также какъ и ея эгоистическое чувство не было достаточно сильно, чтобы потребовать свободы. Къ тому же ихъ связывала больше, чѣмъ всякіе договоры и законы, ихъ маленькая дочь, улыбавшаяся съ одинаковой любовью обоимъ. Все это не ускользало отъ аналитическаго ума Жафэ, и онъ методично пришелъ къ заключенію, что люди готовы отказаться отъ всѣхъ преимуществъ свободы изъ любви къ чему-нибудь, связующему ихъ, и что столкновенія между мужемъ и женой въ большинствѣ случаевъ обусловливаются не строгостью законовъ, а самой природой. Этой мыслью, почерпнутой изъ личнаго опыта, онъ широко воспользовался потомъ въ своихъ книгахъ.

Прошли годы. Жафэ слѣдилъ за развитіемъ чувствъ жены и ея друга. Никакихъ объясненій между ними не происходило. Но проникательный философъ, доказывавшій въ своей динамической теоріи страсти всемогущество инстинктовъ, ясно почувствовалъ, что эти два существа защищены отъ слѣпой власти инстинктовъ: Лизель—своей строгой честностью, не позволявшей ему нарушить долгъ благодарности, Ирэнъ—своей правдивостью и гордостью, а также ужасомъ передъ уродствомъ жизни своей матери; оба же они—сознавіемъ, что нельзя купить счастье цѣной чужихъ страданій. Жафэ понималъ, что они не оскверняютъ красоту своей любви компромиссами; но онъ понималъ также, что добровольно поставленные преграды не ослабляютъ, а напротивъ того, усиливаютъ ихъ любовь, образуя гораздо болѣе сильную связь, чѣмъ удовлетворенная страсть. И у него хватило рѣшимости примириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ, совершенно яснымъ для него. Когда его соперникъ уѣхалъ изъ Триля, Жафэ понималъ, что онъ ищетъ опоры въ разлукѣ, и во время его отсутствія ясно читалъ въ душѣ жены мысли, обращенныя къ уѣхавшему другу. Онъ не видалъ ихъ писемъ, но зналъ, что, при всей своей сдержанности, они отражали прочность ихъ чувства и на разстояніи. И когда Лизель вернулся, Жафэ убѣдился, что не ошибся.

Съ теченіемъ времени, мудрое отношеніе Жафэ къ чувствамъ жены нѣсколько измѣнилось. Анна-Марія подростала и стала от-

носиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ другу своей матери, а также какъ бы догадываться о скрытыхъ страданіяхъ отца. Жафэ наблюдалъ зарождающуюся подозрительность дочери, но все-таки не жалѣлъ о своей терпимости. Онъ какъ-то надѣялся, что жизнь сама восстановитъ равновѣсіе въ его семьѣ, что его жена и ея другъ поймутъ, что идутъ по ложному пути, и вернутся на торную дорогу. Пока онъ одинъ былъ страдающимъ лицомъ, онъ ничего бы не сдѣлалъ, чтобы ускорить эту развязку, и только предвидѣлъ ее, какъ ученый, наблюдающій за движеніемъ звука и свѣта. Но теперь, думая о томъ, что зарождалось въ душѣ его дочери, и полагая, что романтическая страсть Ирэнъ уже нѣсколько остыла съ годами, онъ искалъ случая ускорить развязку сказанными въ должное время рѣшительными словами. И этого случая онъ ждалъ все болѣе нетерпѣливо. По своей привычкѣ, онъ извлекалъ изъ личнаго опыта общія мысли, и тяжелое испытаніе, пережитое имъ, измѣнило его основныя теоріи. Прежде, отвлеченно изучая человѣческую жизнь въ природѣ и въ исторіи, онъ ополчился противъ вѣковыхъ законовъ, управляющихъ міромъ; теперь же онъ на собственномъ опытѣ открылъ доводы, оправдывающіе традиціонную мораль, которую онъ прежде такъ критиковалъ. Такимъ образомъ, его сердечная драма усложнилась переворотомъ въ мысляхъ. Онъ никому не говорилъ объ этомъ, но въ теченіе пяти лѣтъ ничего не выпускалъ въ свѣтъ. Его давно объявленный трудъ — „Опытъ общественной нравственности“, который долженъ былъ быть довершеніемъ его прежнихъ работъ, мѣнялся подъ его перомъ и превратился почти въ полное опроверженіе прежнихъ теорій. И такъ велика была его искренность, что онъ почти не замѣчалъ этого преображенія. Искренность его не боялась результатовъ его изысканій, ему и въ голову не приходило измѣнять своему методу; не боясь противорѣчить себѣ, онъ былъ попрежнему вѣренъ своему девизу: *In veritate virtus*.

III.

Конечно, не только величественное зрѣлище заката на Юнгфрау взволновало Лизеля и Ирэнъ: они думали каждый о своей жизни, чувствуя въ этотъ тихій часъ тайныя нити, связующія судьбу человѣка съ жизнью природы. Когда ночная тѣнь, медленно, но неотступно поднимаясь, закутала всю гору до вершины, когда исчезли всѣ отблески свѣта и гора стала казаться остывшимъ трупомъ, Ирэнъ прошептала:

— Кончено!

Они продолжали молчать передъ зрѣлищемъ смерти, сохранившей слѣды красоты. Только у Ирэнъ дрожали губы и въ глазахъ застыло выраженіе скрытаго страданія.

— Вы вѣрите, что и самое прекрасное умираетъ,—сказала она.—Почему же вы мнѣ не вѣрите?

— Все воскресаетъ,—тихо сказалъ Лизель, возражая ей.

Жестомъ, полнымъ отчаянія, поднявъ на него глаза, въ которыхъ стояли слезы, Ирэнъ указала на блѣдный, умирающій свѣтъ надъ горой. Послѣднее усиліе свѣта ясно выражало агонию смерти. Завтрашній день уже будетъ инымъ. Его полдень и его закатъ будетъ другимъ, и онъ потомъ, въ свою очередь, присоединится къ безсчетному числу мертвыхъ дней, утопающихъ въ прошломъ.

Отвѣчая на невысказанную мысль Ирэнъ, которую онъ прочелъ въ ея жестѣ, Лизель отвѣтила:

— Я не испытываю того, о чемъ вы думаете. Противъ насъ теперь не больше, а даже меньше враждебныхъ силъ, чѣмъ прежде. Я не вижу ничего, что насъ должно было бы разлучить.

И она опять повторила съ тѣмъ же жестомъ:

— Мракъ сгущается...

— Не повторяйте этого!—порывисто воскликнулъ онъ.—Я понимаю, что вы хотите этимъ сказать, но вы ошибаетесь. Я все тотъ же. Если что-нибудь измѣнилось, то только въ васъ.

— Не мы мѣняемся,—тихо произнесла она,—а все вокругъ насъ... Не сразу, а незамѣтно, какъ незамѣтенъ ходъ минутъ, какъ мы не замѣчаемъ, что начинаемъ сѣдѣть; а потомъ вдругъ оказывается, что часъ прошелъ, и что волосы побѣлѣли.

Она грустно указала на свои серебристые волосы вокругъ все еще молодого, свѣжаго лица.

— Вы воектничаете своими сѣдыми волосами,—сказалъ онъ.—Зачѣмъ вы говорите о годахъ? Вы—любовь, которая не старится.

Она грустно улыбнулась:—Время любви проходитъ съ молодостью,—сказала она,—и даже если наше сердце не старится съ годами, если мы не мѣняемся, то нужно подумать о другихъ людяхъ, связанныхъ съ нами.

— О чемъ вы говорите?—съ тревогой спросилъ Лизель.—Развѣ явилась какая-нибудь опасность? Вашъ мужъ...

— Онъ часто болѣетъ и очень страдаетъ...

Они снова замолчали. Мысль объ этомъ человѣкѣ, столь великодушномъ и благородномъ, который молча страдалъ изъ-за нихъ, всегда ихъ мучила, какъ упрекъ совѣсти.

— Но вѣдь онъ все понялъ,—проговорилъ Лизель.

Ирэнъ подняла глаза къ небу, по которому неслись облака. Какъ знать, чтѣ бушуетъ или плачетъ въ страдающемъ сердцѣ? Потомъ выраженіе ея лица сдѣлалось еще болѣе скорбнымъ, и она съ трудомъ проговорила:

— Но я думаю теперь не о немъ, а о моей дочери. Анна-Марія уже не ребенокъ. Она видитъ и наблюдаетъ...

Она на минуту остановилась и потомъ продолжала:

— Нужно подумать о ея будущемъ. Наша близость можетъ повредить ей въ жизни. Нужно считаться съ обстоятельствами. Какъ уединенно ни жить, все же есть кругъ семьи, друзей, знакомыхъ. Всѣ они говорятъ, наблюдаютъ, судятъ.

Лизель гордо выпрямилась.—Какое имъ дѣло до нашихъ чувствъ!

— Еслибъ дѣло касалось только насъ, можно было бы не обращать вниманія на нихъ. Но вѣдь ихъ слова могутъ коснуться близкаго намъ существа.

Ирэнъ высказала только часть своихъ опасеній; она не говорила о томъ, что боится за свою дочь. Аннѣ-Маріи было шестнадцать лѣтъ. Выросшая въ атмосферѣ любви, она, быть можетъ, слишкомъ рано стала понимать ее, и мать ея боялась, что любовь откроется ей не какъ свѣтлое, открытое и радостное чувство, а какъ скрытое тяжелое страданіе. Отъ этого материнскій инстинктъ Ирэнъ хотѣлъ спасти дочь.

Обеспокоенный скрытымъ смысломъ ея словъ, Лизель сталъ добиваться точнаго отвѣта.

— Чего же вы требуете, Ирэнъ?—спросилъ онъ.

— Я хотѣла бы, чтобы въ будущемъ вы жили своей отдѣльной жизнью. Намъ нужно разстаться. Поймите, мы пришли къ перепутью: нужно избрать вѣрную дорогу.

— Увы, ваши желанія исполняетъ сама жизнь. Все равно намъ предстоитъ разлука. Мы проводимъ теперь послѣдніе дни виѣстѣ передъ моимъ отъѣздомъ. Я только въ сентябрѣ приѣду въ Триль,—надѣюсь, вы не запретите мнѣ приѣхать туда? Въ октябрѣ, когда вы вернетесь въ Парижъ, я буду поглощенъ репетиціями оперы. А теперь между нами будетъ океанъ. Чего же вамъ еще?

— Океанъ уже разъ былъ между нами, но это насъ еще болѣе сблизило,—возразила она нетвердымъ голосомъ.— Нужна мнѣ рѣшительная, намѣренная разлука.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ, я не уѣду, пока вы мнѣ не поклянетесь, что не думаете того, чтѣ говорите,—что я застаю васъ прежней, когда вернусь.

— Вы вѣрите клятвамъ женщины?

— Вы научили меня вѣрить вашимъ.

Ирэнъ ничего не отвѣтила, и обратила взоры на пейзажъ. Тѣмъ быстро сгущалась въ долинѣ и на небѣ, и ужъ едва замѣтны были бѣлыя пятна глетчеровъ и черный силуэтъ вершины. Мелькали только огни въ окнахъ шалэ и загорѣлся костеръ на вершинѣ Шиниге-Платте. Становилось холодно.

— Пойдемъ домой, — сказала Ирэнъ, вздрагивая послѣ долгого молчанія, и они стали медленно спускаться внизъ, по дорожкѣ, окаймленной соснами и вязами.

Говоря Лизелю о необходимости разлуки, Ирэнъ не рѣшалась сказать ему, до чего эта разлука была неотвратима. Она чувствовала въ душѣ какъ бы похоронный звонъ, возвѣщавшій о концѣ ихъ любви. Она не сказала ему, что ея рѣшимость разлучить ихъ еще болѣе, чѣмъ пространство, потому что хотѣла понекому приготовить его къ неизбежности разрыва. Но Лизель смутно понималъ ее безъ словъ, слышалъ глухой призывъ судьбы и только еще старался найти въ чемъ-нибудь опору, чтобы устоять.

Подойдя къ ярко озаренной террасѣ отеля, Ирэнъ и Лизель застали тамъ м-мъ Штормъ, Жафэ и Анну-Марію, сидѣвшихъ въ креслахъ среди дамъ въ нарядныхъ туалетахъ и мужчинъ въ смокингахъ.

При взглядѣ на этихъ трехъ женщинъ, трудно было бы сказать, что это — бабушка, мать и внучка. Не было почти никакого сходства между чистымъ и строгимъ лицомъ Ирэнъ и наруженнымъ и набѣленнымъ лицомъ старой дамы съ крашенными волосами; у дочери былъ открытый взглядъ, благородныя линіи лица, а увядшія черты матери свидѣтельствовали о бурномъ прошломъ, о жизни мелкой авантюристики. Вѣроятно, эта пустая женщина встрѣтила когда-то случайно человѣка совершенно другого рода, чѣмъ она, несчастный бракъ съ которымъ закончился драмой, — и дочь унаслѣдовала трагическую душу отца. Анна-Марія тоже не походила на Ирэнъ. Она была средняго роста, скорѣе полная, и ея рѣзкій профиль не напоминалъ нѣжныя черты матери. Только глубокій взглядъ ея темно-синихъ глазъ выдавалъ страстную, какъ у матери, душу.

Четыре швейцарца въ національных костюмахъ оглашали воздухъ своими іодларами, и рѣзкіе горловые звуки доставляли истинное мученіе бѣдному Лизелю. Жафэ, напротивъ того, слушалъ внимательно, пользуясь случаемъ изучать альпійскую музыку. При видѣ входящихъ на террасу Ирэнъ и Лизеля, онъ отвлекся отъ музыки, подозвалъ ихъ и спросилъ просто и спокойно, сдѣ-

лами ли они пріятную прогулку. Ирэнъ сказала, что они смотрѣли закатъ солнца въ Умспуненѣ, и м-мъ Штормъ томно поднимала и опустила руку на ручку кресла.

— Ахъ, закатъ!—сказала она.—Онъ всегда одинаковый.— Она не любила природы, и въ Интерлакенѣ ей нравился только казино, куда никто не хотѣлъ сопровождать ее. Ей скучно было съ ея дѣтьми, къ которымъ она все-таки пріѣхала, потому что еще болѣе скучала у себя дома въ Парижѣ.

— Сегодняшній закатъ былъ очень красивый, — сказалъ Жафэ, — не такой бурный, какъ обыкновенно въ Альпахъ, а болѣе интимный, —мирный конецъ пасмурнаго дня.

— И очень длиннаго, прибавьте, — сказала м-мъ Штормъ, зѣвая.—Какіе здѣсь дни длинные! Прямо не вѣрится, что сутки тутъ длятся не болѣе двадцати-четырехъ часовъ.

Ирэнъ подошла къ дочери и, слегка коснувшись губами ея лба, почувствовала, что та вздрогнула, какъ бы отталкивая ее. Она сейчасъ же отошла и сказала, скрывая волненіе:

— Иногда закатъ бываетъ такъ трагиченъ, точно солнце никогда больше не взойдетъ.

— И все-таки оно восходитъ каждый день, —сказалъ Лизель, подойдя въ свою очередь къ Аннѣ-Маріи и протягивая ей руку. Молодая дѣвушка слегка коснулась его руки, потомъ рѣзкимъ движеніемъ подошла къ отцу и взяла его за руку, какъ бы прося защиты. Жафэ спокойно сказалъ:

— Дни идутъ одни за другими, всегда одинаковые, съ едва замѣтными отличіями. Все возобновляется и все продолжается.

Онъ былъ небольшого роста, съ легкой кривизной праваго плеча, и его тонкое лицо съ острой сѣдой бородкой напоминало портреты вельможъ временъ Генриха III-го, только безъ ихъ широкаго, открытаго лба. Онъ уже замѣтно постарѣлъ, слегка согнулся, движенія стали медленными, худыя руки покрылись морщинами. Когда онъ произнесъ спокойныя, примирительныя слова, дочь подняла на него страстный, возбужденный взоръ.

— Для многого въ жизни, однако, наступаетъ иногда конецъ, —сказала Ирэнъ.

Никто ей не отвѣтилъ, и наступило долгое молчаніе. Всѣ они точно погрузились въ бессознательную жизнь души, какъ бы остановившись на порогѣ душевной трагедіи, которая происходить иногда, не прорываясь наружу, хотя въ душѣ сталкиваются вѣчно враждебныя силы—страсти и долга, любви и ненависти. Они всѣ понимали нѣмыя жалобы въ душѣ другъ друга, и все же, еслибы чей-нибудь взглядъ проникъ въ глубину ихъ душъ, опъ бы

не нашелъ тамъ ни горечи, ни злобы, ни ревности. Только въ душѣ Анны-Маріи, не умудренной опытомъ жизни, можно было бы найти тревожное чувство,—она одна инстинктивно чувствовала грозившую всѣмъ опасность. Она сама не могла бы дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, но въ ней росли какія-то подозрѣнія, и она чувствовала недовѣріе и глухую вражду къ Лизелю, увѣренная, что онъ—виновникъ всего. Она начинала ненавидѣть этого друга ея родителей, который баловалъ ее съ дѣтства, и съ грустью замѣчала, что враждебное чувство къ нему отражается и на ея отношеніи къ матери, и что, напротивъ того, пламенная нѣжность влечетъ ее къ отцу, котораго она до того скорѣе боялась.

Скрывая внутреннюю тревогу, всѣ они говорили о пустякахъ, о чужихъ людяхъ, окружавшихъ ихъ, о мелкихъ происшествіяхъ въ жизни отеля. Но въ этотъ вечеръ самыя незначительныя слова пріобрѣтали особый смыслъ.

— Невыносимые голоса!—воскликнулъ Лизель, когда швейцарцы снова начали пѣть.

Анна-Марія, продолжая держать за руку отца, откликнулась на его слова.

— Мнѣ всякая музыка теперь непріятна,—сказала она, выражая свою нелюбовь къ Лизелю осужденіемъ его искусства.

— Да вы, кажется, никогда ее не любили,—возразилъ Лизель.

— Прежде любила,—быстро отвѣтила дѣвушка вызывающимъ тономъ.—Но вкусы мѣняются.

— Вотъ какъ!—попытался пошутить Лизель.—Это въ шестнадцать-то лѣтъ мѣняются вкусы!

Послѣ послѣднихъ модуляцій, исполненныхъ рѣзкимъ горловымъ голосомъ, музыканты наконецъ ушли, и Лизель вздохнула съ облегченіемъ.

— Наконецъ-то!—воскликнулъ онъ.

— Ихъ пѣніе очень любопытно,—замѣтилъ Жафэ.—Какое можетъ быть происхожденіе ихъ пѣсенъ? Я слышалъ въ Сициліи народныя пѣсни, похожія на эти,—кажется, очень древнія.—Помните, милая?—спросилъ онъ, обращаясь къ Ирэнъ.—Это было во время нашего перваго путешествія по Италіи.

Множество другихъ воспоминаній пробудилось въ душѣ Ирэнъ, и она поспѣшила отстранить ихъ.

— Нѣтъ, не помню,—отвѣтила она;—у меня плохая память.

Послѣ окончанія концерта, на террасѣ стало шумно. Дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ и ихъ провожатые поднимались, выходили и входили.

— Какъ несносна эта жизнь въ отелѣ!—сказала Ирэнъ.— Всѣ эти чужіе, туристы... Что мы тутъ дѣлаемъ, Господи помилуй!

— Дѣйствительно, что мы тутъ дѣлаемъ?—повторилъ Жафѣ, и всѣ почувствовали, что эти слова заходятъ за предѣлы террасы и горизонта, ограниченного горами, и обращены въ пространство, какъ звукъ далекой бури.

— Да развѣ мы знаемъ когда-нибудь, что дѣлаемъ? — проговорилъ Лизель.

— Часто отлично знаемъ,—сухо отвѣтилъ Жафѣ.

Ничто такъ не сердило его строгій умъ, какъ непродуманный пессимизмъ, неточность разсужденій, то, что онъ называлъ менужными словами.

— Я отлично знаю, что я думаю, и вы знаете, что вы играете и хорошо ли вы играете.

— Конечно; но есть обширныя области, въ которыхъ нашъ умъ и наше сердце—какъ въ потьмахъ.

— Эти области все суживаются, — проговорилъ Жафѣ своимъ тонкимъ рѣзкимъ голосомъ. — Наука захватываетъ ихъ въ свои руки и воздѣлываетъ.

Лизель ничего не отвѣтилъ; ему не хотѣлось спорить. Становилось свѣжо, и Жафѣ предложилъ пойти въ комнаты. Лизель пробовалъ протестовать, говоря, что идти спать еще рано, а сидѣть въ салонѣ непріятно: слишкомъ много чужихъ. Онъ надеялся, что Ирэнъ останется съ нимъ, но она поднялась вмѣстѣ съ другими.

— Берегитесь, вы простудитесь!—сказала она ему на прощанье заботливымъ тономъ, и онъ взглянулъ на нее съ благодарностью.

— Я не боюсь простуды,—сказалъ онъ.

Они ушли, и вскорѣ ихъ три тѣни, поднимаясь по лѣстницѣ, ясно обозначились въ полосѣ свѣта. Тѣни отца и дочери какъ бы сливались, а тѣнь Ирэнъ стлалась отдѣльно.

Слѣдя за ними взглядомъ, Лизель думалъ: „Только я ихъ раздѣляю, только я. Я мѣшаю имъ жить согласной общей жизнью“. Онъ чувствовалъ свою вину передъ Жафѣ, котораго въ старости лишалъ опоры въ привязанности жены. — „Я причина несчастья ихъ всѣхъ,—думалъ онъ,—вѣдь и Ирэнъ несчастна. А что съ Анной-Маріей?.. Она положительно начинаетъ ненавидѣть меня. Неужели она подозрѣваетъ?“ — Онъ былъ близокъ къ отчаянію. — „Ирэнъ права,—подумалъ онъ.—Лучше кончить въ-время, по своей волѣ, если дѣйствительно это не можетъ длиться всегда“.

Но мысль о концѣ, о разрывѣ, наполнила его такимъ ужасомъ, что онъ возсталъ противъ нея всей своей энергіей. — „Нѣтъ, мы побороли столько препятствій, мы неразрывно связаны. Ничто, кромѣ смерти, не можетъ насъ разлучить... Мы никогда не разстанемся, никогда“.

Онъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что произнесъ громко слово „никогда“, испугавъ м-мъ Штормъ, которая слегка задремала въ своемъ креслѣ:

— Это вы о чемъ?—спросила она.

— Ничего. Я ничего не сказалъ,—отвѣтилъ онъ, устыдившись того, что выдалъ свое волненіе женщинѣ, которая подозрѣвала его тайну, но понимала ее пошло, по-своему. М-мъ Штормъ поглядѣла на него, потомъ опять полузакрѣла глаза и сказала:

— Когда человѣкъ говорить „никогда“ или говорить „всегда“, значить—онъ думаетъ о любви. Но вѣдь эти два слова не имѣютъ никакого смысла. Никакого! Что длится всегда? Что никогда не бываетъ?

IV.

На столѣ въ своей комнатѣ Лизель нашелъ слѣдующую телеграмму:

„У Гуго апоплексическій ударъ. Пріѣзжайте. Луиза“.

Еще одно горе—какъ разъ въ ту минуту, когда онъ терялъ самое дорогое въ жизни: его единственный другъ—въ опасности. Гуго Мейеръ, который былъ старше его лѣтъ на десять, былъ единственно близкимъ ему человѣкомъ. Сильный и добрый, высококультурный, преданный музыкѣ до самозабвенія, Гуго Мейеръ, основатель концертовъ, носившихъ его имя, велъ упорную борьбу за Берліоза, Вагнера, Цезаря Франка. Онъ былъ другомъ и защитникомъ всѣхъ начинающихъ музыкантовъ, и Лизель въ особенности былъ многимъ обязанъ его совѣтамъ и его помощи. Гуго Мейеръ не давалъ ему падать духомъ въ самыя тяжелыя минуты жизни, и Лизель былъ привязанъ къ нему всей душой. Телеграмма о его болѣзни вызвала въ немъ мучительное чувство одиночества. Онъ живо представилъ себѣ міръ, лишенный для него опоры двухъ единственно близкихъ ему существъ, Гуго Мейера и Ирэнъ: передъ нимъ разстилалась пустыня, ноги его увязали въ пескѣ, во рту пересохло и онъ какъ бы слышалъ вой шакаловъ въ тишинѣ безконечной равнины.

Потомъ это видѣніе исчезло, и онъ сталъ думать о Луизѣ.

Она не была артисткой, ничего не понимала въ музыкѣ, но своей преданностью освѣщала жизнь своего друга. Лизель часто не понималъ, какъ высокій духъ такого музыканта, какъ Гуго Мейеръ, мирился съ ея пустотой, но ему теперь было совѣстно этой мысли: они такъ слились сердцемъ, что одна смерть могла ихъ разлучить. И вотъ, смерть приблизилась. Лизелю сдѣлалось страшно: какъ можно думать о разлукѣ, зная, что все равно придетъ смерть! Какъ можно предупреждать ея удары! Чтобы сдержатъ волненіе, онъ сталъ думать о практическихъ рѣшеніяхъ, взявъ указатель желѣзныхъ дорогъ. Придется уѣхать около 11-ти часовъ. Онъ можетъ попрощаться съ Ирэнъ. Успѣетъ ли онъ еще вернуться къ ней до отъѣзда... Но все равно, ѣхать необходимо. Нельзя было не явиться на призывъ Луизы, нельзя было отложить поѣздку: смерть не ждетъ.

Лизель всталъ на слѣдующій день очень рано, бродилъ по городу и, какъ только открылась почта, послалъ телеграмму о томъ, что ѣдетъ.

Потомъ онъ пошелъ навстрѣчу Ирэнъ, которая всегда выходила гулять одна послѣ завтрака. Она удивилась его равному появленію, такъ какъ онъ всегда поздно спалъ по утрамъ, и въ глазахъ ея засвѣтилась нѣсколько лукавая радость.

— Я не могъ спать всю ночь, — сказалъ Лизель въ отвѣтъ на ея вопросъ, почему онъ такъ рано всталъ. Они пошли по аллеѣ подъ тѣнью вязовъ и сосенъ, и передъ ними вырисовывался нѣжный силуэтъ Юнгфрау, облитый лучами солнца.

— Смотрите, какъ она красива! — сказала Ирэнъ, останавливаясь.

Лизель ничего не отвѣтилъ. Прежде чѣмъ сообщить ей печальную вѣсть, онъ хотѣлъ потребовать у нея отказа отъ вчерашнихъ словъ, и сейчасъ же приступилъ къ тому, что его волновало.

— Утро вечера мудренѣе, говоритъ пословица, — сказалъ онъ. — Надѣюсь, что это оправдалось и относительно васъ, что ваши вчерашнія недобрыя мысли разсѣялись.

Ирэнъ отвѣтила ему серьезно и твердо:

— Мои вчерашнія слова не были произнесены въ необходимомъ порывѣ, — сказала она. — Я давно уже хотѣла вамъ сказать все это. И теперь я скажу все до конца, какъ это ни трудно. Вамъ тяжело будетъ слушать, какъ и мнѣ было тяжело думать и принять рѣшеніе. Но потомъ вы поймете, что я права.

Ему сдѣлалось страшно отъ ея рѣшительнаго тона, и хотѣлось только отдалить неизбѣжное.

— Вы думаете, что насталъ моментъ говорить объ этомъ?

— Вы сами это думаете, потому что начали первый разговоръ. А я совершенно увѣрена... Насталъ часъ въ силу рокового теченія жизни... какъ наступаетъ часъ смерти... Почему умираютъ въ этотъ день, а не въ другой? И я должна сказать вамъ, не откладывая, то, что скажу... Оно слишкомъ давить мнѣ душу.

Она прижала руки къ груди и продолжала, съ трудомъ сдерживая волненіе:

— Я вамъ ~~вчера~~ говорила о внѣшнихъ причинахъ, заставляющихъ насъ разстаться. Но есть еще болѣе глубокія, внутреннія причины, помимо возраста и мысли о близкихъ намъ людяхъ. Причины эти—въ насъ самихъ, въ природѣ нашего чувства.

Въ тѣни вязовъ она взглянула въ глаза своего друга глубокимъ взглядомъ и сказала, открывая ему муку многихъ лѣтъ, тайное страданіе, терзавшее ее съ самаго начала ихъ любви:

— Прекрасная любовь должна быть открытой.

Не въ первый разъ она въ интимной бесѣдѣ съ Лизелемъ взывала къ правдѣ, но никогда такъ торжественно, какъ на этотъ разъ. Лизель отвелъ глаза отъ ея сосредоточеннаго взгляда и нерѣшительно отвѣтилъ:

— Наша любовь почти открытая. Тѣ, которыхъ это касается, все понимаютъ.

— Нѣтъ, мы такъ думали, но это не вѣрно... Во всякомъ случаѣ, моя дочь смущена и не знаетъ, что думать... И, кромѣ того, мы вѣчно должны скрываться отъ постороннихъ, притворяться равнодушными другъ къ другу. Насъ окружаетъ ложь: она грязнитъ, отравляетъ нашу любовь. Это меня убиваетъ, и я не могу больше выносить этого... Вы не знаете, какая радость въ правдѣ. Нельзя ничего отнимать у нея, она преслѣдуетъ малѣйшую ложь и терзаетъ за нее душу... Неужели вы не знаете этой муки?

Она остановилась, охваченная острымъ воспоминаніемъ объ ихъ долголѣтней нѣжной любви, не омраченной за все время ни малѣйшей горечью, сильной и неизмѣнной среди жизненныхъ препятствій.

— Я никогда не буду жалѣть о томъ, что полюбила васъ,—сказала она мягкимъ, глубокимъ голосомъ.—Но нельзя основывать ничего прекраснаго и хорошаго на лжи.

Лизель обрадовался, думая, что она снова вернулась къ нему, и сказалъ съ подкупающей нѣжностью:

— Если вы не жалѣете о прошломъ, Ирэнъ, если вы меня попрежнему любите, если вы прежняя, то зачѣмъ говорить о разлукѣ?

Въ глазахъ Ирэнъ опять отразилось глубокое страданіе.

— Бываютъ рѣшительныя минуты, когда еще возможно побѣдить себя. Такая минута настала теперь. Мы еще можемъ вернуться на путь правды. Только помогите мнѣ, умоляю васъ, помогите!

Она умоляла, она слабѣла. Тронутый ея страданіемъ, готовый, быть можетъ, принести ей въ жертву свое сердце, а можетъ быть для того, чтобы какою бы то ни было цѣной удержать ее, онъ грустно взглянулъ на нее и сказалъ:

— Жизненные обстоятельства съ вами въ союзѣ, Ирэнъ... Я не могу отстаивать себя. У меня нѣтъ времени даже отвѣтить вамъ. Я сейчасъ уѣзжаю.

— Сейчасъ?—воскликнула она, блѣднѣя и выдавая всю силу своего чувства.

— Боже мой!—воскликнулъ Лизель, потрясенный своей побѣдой.—Если такъ, то зачѣмъ же вы пугали меня?

Онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ ей о болѣзни Гуго Мейера и о необходимости уѣхать. Она сразу забыла о своей печали, узнавъ о горѣ своего друга.

— Уѣзжайте,—сказала она.—Дружба имѣетъ такія же права, какъ любовь. Уѣзжайте. Не бойтесь. Когда вы страдаете, я не оставляю васъ.

— А потомъ?

— Никогда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Лизель къ Ирэнъ.

...Положеніе Гуго не такъ безнадежно, какъ я боялся. Мой старшій другъ живъ, и есть надежда на выздоровленіе. Не знаю, слѣдуетъ ли его желать, если оно будетъ неполное, если онъ останется калѣкой, и его придется возить въ креслѣ. Бѣдная Лиза хотѣла бы сохранить его хотя бы такимъ. Нельзя себѣ представить, до чего она потрясена. Она мнѣ безчисленное количество разъ разсказывала, какъ случилась катастрофа. Она

мнѣ рассказала также ихъ исторію, которой я не зналъ. Луиза на нѣсколько лѣтъ старше Гуго, хотя кажется моложе. Она была женой оркестрового музыканта въ Страсбургѣ, гдѣ Гуго дебютировалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Они сразу полюбили другъ друга, и она безъ малѣйшаго колебанія оставила мужа и уѣхала съ нимъ. Они не вѣнчаны, но при ихъ уединенной жизни это не имѣетъ значенія. Ихъ соединило на всю жизнь безгранично-глубокое чувство.

Когда бѣдная Луиза рассказывала мнѣ о своей жизни, я вспоминалъ ваши слова о необходимости правды въ жизни. Вотъ они допустили маленькую условную ложь,—ихъ всѣ считаютъ мужемъ и женой,—а между тѣмъ, какъ прекрасна въ своей простотѣ ихъ жизнь, полная любви! Сидя у постели Гуго, я думалъ также о томъ, что было бы, еслибы одинъ изъ насъ заболѣлъ? Будетъ ли другой неотступно при немъ? Почему мы не поступили какъ Гуго и Луиза? Когда любишь, нужно преодолѣть всѣ препятствія. Я не жалѣю, конечно, что насъ удержала благодарность и жалость къ страданіямъ другого человѣка, но я позавидовалъ Гуго и Луизѣ. И какъ вы можете требовать еще большаго отдаленія, окончательной разлуки? Мнѣ такъ тяжело, что вы теперь не со мной. А потомъ я еще проведу пять мѣсяцевъ вдали, среди чужихъ людей. Чего же вамъ еще? Вѣдь мы приближаемся къ старости, когда одиночество еще болѣе мучительно, когда любовь и дружба нужнѣе. Въ концѣ жизни любишь съ болѣею напряженностью, чѣмъ въ молодости, когда жизнь такъ полна. Нѣтъ, когда люди любятъ, какъ мы, ихъ можно разлучить только смертью.

Всѣ эти мысли такъ меня поглощаютъ, что я едва думаю о моей оперѣ, хотя репетиціи уже начались. Я полонъ тревоги о больномъ другѣ и мыслей о вашихъ грустныхъ словахъ. Я слушаю мою музыку, а душа моя далеко... Неужели бываютъ художники, до того испорченные работой или успѣхомъ, что ставить свое дѣло выше своихъ чувствъ? Я не хотѣлъ бы принадлежать къ ихъ числу, даже получивъ за это всю ихъ славу.

Ирэнъ къ Лизелю.

... Я преклоняюсь передъ Гуго Мейеромъ за всѣ его рѣдкія качества и люблю его за то, что онъ насъ познакомилъ. Но ваша Луиза казалась мнѣ всегда недостойной его. Я не понимаю любви безъ равенства,—а чѣмъ эта, можетъ быть, очень почтенная

особа могла быти для свого друга, кромѣ няньки и кухарки? Но если они, такіе разные, осуществили въ теченіе сорока лѣтъ чудо согласной любви, то чѣмъ могла бы стати наша жизнь, еслибы мы могли соединитиcя навсегда... Какъ больно думать объ этомъ!

Послѣ вашего отъѣзда, Анна - Марія стала довѣрчивѣе и нѣжнѣе ко мнѣ. Поймите, мой другъ: все, что я вамъ говорила, я прочла во взглядѣ моей дочери. Мысли, которыя я читаю въ ней, не даютъ мнѣ покоя. Для нея еще больше, чѣмъ для меня, необходима правда въ моей жизни. Но къ чему повторять это? Мы сами создали свою судьбу и, быть можетъ, уже не въ силахъ измѣнить ее. Вы даже увѣрены въ этомъ, а я терзаюсь въ сомнѣніяхъ.

Лизель къ Ирэнъ.

...Мой старый другъ начинаетъ поправляться, и докторъ очень обнадеживаетъ. Радость Луизы безконечно трогательна. Вы о ней невѣрно судите. Я самъ только теперь вижу, какая она. Въ ней есть удивительная изысканность души, — равная изысканности ума Гуго при всѣхъ его рѣзкихъ и грубыхъ манерахъ. Эти родственныя черты и соединили ихъ. Они дополняютъ другъ друга.

Я слѣдую вашему совѣту и сталъ съ большимъ интересомъ относиться къ своему „Валленроду“; я начинаю находить въ немъ несомнѣнныя качества при столь же несомнѣнныхъ большихъ недостаткахъ; въ нихъ, впрочемъ, виновата отчасти и самая поэма Мицкевича; въ ней слишкомъ мало дѣйствія. Первое представленіе назначено на 30-е октября. Такъ какъ я непремѣнно долженъ отплыть 6-го ноября, то надѣюсь, что ее не отложатъ. Я надѣюсь, что вы будете на моей „премьерѣ“, хотя самъ не знаю, хочу ли я этого. Въ случаѣ провала, я бы предпочелъ, чтобы вы не были—не изъ боязни уронить себя въ вашихъ глазахъ, а потому, что я боюсь причинять вамъ страданіе. Я не боюсь неудачъ; я ихъ легко переносу. Не противъ нихъ я ищу поддержки у васъ, а противъ внутренняго врага, противъ чувства одиночества. Неужели вы отдадите меня въ его когти? Я ихъ чувствую, какъ только побеждаю васъ...

Ирэнъ къ Лизелю.

... Не лишайте меня моей доли въ вашей печали, если вамъ угрожаетъ печаль. Полной радости мы не можемъ дать другъ другу, мы только можемъ поддерживать другъ друга въ тяжелыя минуты. Я, какъ всѣ женщины, тоже жажду счастья, только не могу купить его страданіями другихъ. Но скорбѣть вмѣстѣ—неотъемлемое право любящихъ; отъ него они не должны отказываться: отъ этого никто не страдаетъ. И какое бы горе у васъ ни случилось, я буду подлѣ васъ.

Но я вовсе не желаю вамъ неуспѣха, чтобы утѣшать васъ. Напротивъ того, я вѣрю въ „Валленрода“. Онъ принесетъ новый успѣхъ въ вашей блестящей карьерѣ.

Вы видите по заголовку письма, что мы въ Лугано: въ Интерлакенѣ стало холодно. Мой мужъ заявилъ мнѣ, что мы прямо ѣдемъ въ Парижъ, и не остановимся, какъ всегда, въ Тригѣ. Я согласна. А пока я люблюсь темными отливами озера и хожу любоваться фреской Луины; фигура Магдалины у креста—поразительно глубокое изображеніе вдохновенной любви...

Можетъ быть, я ошиблась относительно вашей Луизы. Простите меня; и у меня, какъ у всѣхъ, бываютъ предрассудки.

Лизель къ Ирэнъ.

... Ваши письма приносятъ мнѣ глубокую радость. Я читаю между строчками, что вы не измѣнились, и жду писемъ, какъ влюбленный двадцатилѣтній юноша. Я даже горжусь этой свѣжестью сердца. И теперь я вамъ долженъ сознаться въ чемъ-то очень скверномъ. Не судите меня слишкомъ строго. Вотъ что я долженъ сказать: мнѣ нужнѣ любовь, чѣмъ правда. Я знаю, что это ужасно, что меня бы презирали за это мужчины и женщины, но это то, что я чувствую все болѣе и болѣе определенно со времени нашего разговора въ Умспуненѣ. Мнѣ даже хочется повторить: мнѣ нужнѣ любовь, чѣмъ правда. Я не знаю, что такое правда;—такая, какой я ее видѣлъ, она не восхищаетъ меня. А любовь я знаю и не могу безъ нея обойтись. Я бы все письмо наполнилъ одной этой фразой, еслибы не боялся разсердить васъ. Я только клянусь вамъ, что, любя такъ, какъ мы, нельзя отказаться отъ любви до самой смерти. Нужно стараться

умереть вмѣстѣ, какъ любовники, которымъ это удавалось, — тѣ, которыхъ прославляли въ поэзіи, и тѣ, о которыхъ никто не знаетъ.

Ирэнъ къ Лизелю.

... Нѣтъ, другъ мой, нельзя предоставлять смерти устраивать наши сердечныя дѣла. Она — капризная и не соображается съ нашими желаніями. Едва-ли она одновременно сразить насъ. Будемъ сами устраивать свою судьбу. Мое несчастье — въ томъ, что мнѣ одинаково нужны любовь и правда, и я умираю оттого, что не могу ихъ соединить. Вы правы. У меня нѣтъ силы пожертвовать любовью ради правды. Меня такъ испугалъ вашъ внезапный отъѣздъ, я такъ страдаю отъ мысли о близкой разлукѣ! Я всего боюсь, боюсь тысячи опасностей, грозящихъ вамъ вдали отъ меня. Боюсь болѣзни, чего-нибудь непредвидѣннаго, крушенія поѣзда, несчастія на морѣ. Я даже положительно боюсь нападенія на васъ краснокожихъ. Больше уже никогда не уѣзжайте!

Вотъ видите, я признаюсь вамъ въ моей слабости. Наша связь создана сплетеніемъ случая и нашей воли, соткана изъ хорошаго и дурного, — увь, въ ней есть и ложь, отъ которой я такъ страдаю, но эта связь неразрывна; я это знаю и говорю вамъ.

Теперь я страдаю только оттого, что вы печальны, и что я не подлѣ васъ. Я вижу издали ваши грустные глаза и считаю дни, раздѣляющіе насъ. Ждите безъ страха, съ одной только радостью возвращенія. Я не буду васъ огорчать; мы останемся вѣрными и нѣжными любящими, которыхъ и смерть не можетъ разлучить... Но я становлюсь слишкомъ нѣжной. До свиданья!

II.

Узнавъ наканунѣ о возвращеніи Ирэнъ, Лизель явился къ ней на слѣдующій же день вскорѣ послѣ завтрака.

Жафе жили въ маленькомъ тихомъ домикѣ вблизи бульвара Ломморанси. Около дома былъ садъ, въ которомъ начинали теперь распускаться первыя хризантемы. Въ домѣ еще было неутроительство, на окнахъ не было занавѣсей, въ передней и коридорахъ стояли открытые сундуки, всѣ двери стояли настежь. Ирэнъ привела только въ порядокъ въ ожиданіи Лизеля ма-

ленькій салонъ въ первомъ этажѣ. Тамъ уже были развѣшаны картины и разставлены вазы и статуэтки, и Лизель стала разглядывать хорошо знакомые предметы и картины.

Вошла Ирэнъ. На ней было сѣро-зеленое бархатное платье, которое очень ей шло. Какъ всегда послѣ разлуки, они въ первую минуту не знали, что говорить, какъ бы боясь, не измѣнилось ли что-то, чувствуя странную смутную тревогу. Они начинали говорить какъ чужіе, ища темы для разговора. Ирэнъ спросила сначала о Гуго Мейерѣ, узнала, что ему лучше, и что онъ даже собирается быть на первомъ представленіи „Валленрода“. Затѣмъ она освѣдомилась о ходѣ репетицій, и потомъ только, послѣ короткой паузы, Лизель сказала:

— Какое хорошее было ваше послѣднее письмо! Какъ я счастлива, что вы оставили свои дурныя мысли въ Интерлакенѣ!

Ирэнъ подняла на него свои прекрасные глаза, потемнѣвшіе и грустные.

— Вы ошибаетесь,—сказала она. — Эти мысли будутъ еще возвращаться. А неужели вы не вспоминаете того, о чемъ мы говорили? Я бы хотѣла, чтобы и вы такъ же любили правду, какъ я.

Холодное дыханіе правды снова грозило любви, съ которой она боролась, тщетно сясь ея одолѣть. Лизель опять вспомнилъ закатъ на Юнгфрау. Ирэнъ говорила теперь такимъ голосомъ, въ которомъ звучало глубокое страданіе.

— Любовь и правда гонятся другъ за другомъ, какъ день и ночь,—сказалъ онъ, вспомнивъ закатъ, на который они глядѣли вмѣстѣ.

— И правда—день,—отвѣтила Ирэнъ.

— А развѣ день лучше ночи? Бываютъ ужасные дни — и бываютъ прекрасныя ночи.

Онъ сталъ нервно ходить по залѣ, раздраженный тѣмъ, что враждебная сила, которая казалась ему побѣжденной, снова ополчается на него. Остановившись передъ копіей „Вѣчной химеры“ Карлоса Швоба, висѣвшей на стѣнѣ, онъ воскликнулъ:

— Еслибъ я былъ художникомъ, я бы изобразилъ эту вашу правду—но не въ видѣ прекрасной женщины съ зеркаломъ въ рукѣ, какъ ее всегда изображаютъ, а такую, какой ее увидятъ неосторожные искатели ея,—отвратительной тощей старухой съ впалой грудью и съ висющими прядями сѣдыхъ волосъ, съ остановившимися глазами, въ которыхъ отразился ужасъ всего, что она видитъ; она бы сидѣла у края своего колодца и подстерегала путниковъ. И, чтобы предать ее позору, я бы изобразилъ влюбленную чету, отворачивающуюся отъ нея. Они были бы

прекрасны какъ ангелы. При одномъ видѣ ихъ было бы ясно, что права только любовь. Они бы даже вниманія не обратили на ужасную старуху, и ей оставалось бы только полѣзть обратно въ свой колодезь, проклятой колдунѣ!

Онъ отвернулся отъ картины Швоба и, мѣняя тонъ, сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Молю васъ, Ирэнъ, не возвращайтесь къ прежнему! Я скоро уѣду, и какъ знать, увидимся ли мы? Пусть же этотъ призракъ не отравляетъ нашихъ послѣднихъ дней...

Но призракъ не исполнилъ его желанія. Едва онъ кончилъ свое заклатіе, какъ открылась дверь и вошла Анна-Марія. Она была очень оживлена.

— Представь себѣ, мама, — начала она, и вдругъ, узнавъ гостя, остановилась, измѣняясь въ лицѣ.

— Простите, monsieur Лизель...

— Чтò тебѣ, милая? — спросила Ирэнъ, замѣтивъ перемѣну въ настроеніи дочери.

— Ничего, мама, я думала, что ты одна...

Она ушла, ничего не сказавъ въ объясненіе. Ирэнъ и Лизель обмѣнялись быстрымъ взглядомъ.

— Вотъ видите, — сказала Ирэнъ. — Не такъ легко прогнать призракъ. Онъ постоянно напоминаетъ о своемъ существованіи.

Лизель не могъ скрыть своего волненія. Разговоръ послѣ этого не вязался, и Лизель скорѣй ушелъ. Ирэнъ, противъ обыкновенія, не удерживала его.

На улицѣ, по близости отъ дома, Лизель встрѣтилъ Жафэ, который медленно возвращался съ прогулки. Лизелю показалось, что онъ не очень любезно съ нимъ поздоровался.

— Вы уже узнали, что мы вернулись? — спросилъ Жафэ.

Лизель сталъ неумѣло лгать, говоря, что онъ пришелъ на всякій случай узнать, пріѣхали ли они, и свелъ сейчасъ же разговоръ на свои репетиціи, на то, какъ онъ устаетъ отъ нихъ. Жафэ сталъ давать ему гигиеническіе совѣты такъ спокойно, просто и обстоятельно, что никакъ не производилъ впечатлѣнія чловѣка, котораго мучить ревность.

— Главное, гигиѣна при работѣ, — сказалъ онъ въ заключеніе. — Это важно и для ученыхъ, а тѣмъ болѣе для артиста съ тонкими нервами. До свиданія, monsieur Лизель.

— До скораго свиданія.

И Жафэ направился домой, слегка сгорбившись, осторожно обходя лѣса у строившагося на его улицѣ дома. У Лизеля осталось непріятное чувство отъ холоднаго обращенія съ нимъ

Жафэ, настолько сильное, что онъ на слѣдующій день не пошелъ къ Ирэнъ, и написалъ ей, что его задержало неподвижное дѣло. Такимъ образомъ ему пришлось два дня сряду прибѣгать ко лжи, неизбежной въ его положеніи. Прежде это не стѣсняло, но теперь, — быть можетъ, подъ вліяніемъ проникновенныхъ словъ Ирэнъ о правдѣ, — ему казалось, что онъ оскверняетъ ихъ большую любовь житейскими компромиссами.

Пропустивъ одинъ день, онъ опять сталъ ежедневно приходиться къ Ирэнъ, но ему было не по себѣ въ ея домѣ. Онъ страдалъ отъ холодно-учтиваго тона Жафэ, отъ возрастающей непріязни Анны-Маріи, отъ тысячи мелочей, напоминавшихъ ему, что онъ чужой для всѣхъ, что отношеніе къ нему измѣнилось; ему было даже непріятно, что глупая новая горничная каждый разъ просила у него карточку, чтобы доложить о его приходѣ. А между тѣмъ онъ даже не зналъ всего, не зналъ, что между Ирэнъ и ея мужемъ произошелъ рѣшительный разговоръ о немъ въ томъ же салонѣ, гдѣ она его всегда принимала. Она часто сидѣла тамъ одна, работая надъ вышиваньемъ и углубленная въ свои печальныя мысли. Иногда къ ней приходилъ мужъ среди работы, чтобы отдохнуть нѣсколько минутъ и поболтать съ ней. Разъ онъ вошелъ къ ней съ озабоченнымъ выраженіемъ лица. Ирэнъ думала, что онъ занятъ обдумываніемъ какого-нибудь теоретическаго вопроса.

— Ну что, не дается что-нибудь? — спросила она съ улыбкой.

Вмѣсто отвѣта, онъ сталъ нервно ходить по комнатѣ, поставилъ вазы на каминѣ, потомъ подсѣлъ къ женѣ, сталъ перебирать шелкъ въ рабочей корзинкѣ, а потомъ вдругъ спросилъ:

— Вы бы имѣли что-нибудь, Ирэнъ, противъ того, чтобы провести зиму въ Италиі?

Ирэнъ привыкла къ внезапнымъ планамъ мужа и всегда соглашалась на все, даже если ей это было неудобно. Къ тому же планы его рѣдко осуществлялись. Но на этотъ разъ онъ сталъ приводить разные доводы, сказалъ, что ему хочется изучить маленькіе флорентинскіе города и показать музеи Аннѣ-Маріи, прежде чѣмъ она начнетъ выѣзжать въ свѣтъ, когда уже нельзя будетъ увозить ее изъ Парижа среди зимняго сезона.

Ирэнъ тотчасъ же выразила свое согласіе, — тѣмъ болѣе, что въ отсутствіе Лизеля ей пріятнѣе было не быть въ Парижѣ. И его ревнивое чувство будетъ спокойнѣе, когда она будетъ вдали отъ всѣхъ своихъ парижскихъ друзей и знакомыхъ.

— Ну, такъ отлично, — сказалъ Жафэ. — Въ такомъ случаѣ мы можемъ сейчасъ же уѣхать.

Ирэнъ испугалась: оставалось еще двѣ недѣли до представленія „Конрада Валленрода“.

— Какъ сейчасъ? Что вы этимъ хотите сказать?

— Какъ можно скорѣе. Не позже чѣмъ черезъ недѣлю.

— Но вѣдь мы только-что пріѣхали. А корректуры вашей новой книги?..

— Не беспокойтесь, — сухо прервалъ онъ ее. — Книга готова, я подписалъ послѣдніе листы и совершенно свободенъ. И васъ, надѣюсь, ничто не удерживаетъ? — Онъ сказалъ это тономъ, не предвидящимъ возраженій.

— Мы съ Анной-Маріей еще не позаботились о зимнихъ туалетахъ, — сказала Ирэнъ, и почувствовала, что краснѣетъ. Ее удерживали не только туалеты, и она изъ гордости тотчасъ же назвала настоящую причину:

— Я не хотѣла бы уѣхать до премьеры „Конрада Валленрода“.

— Вотъ что! — сказалъ Жафэ, слегка измѣнившись въ лицѣ. — Это для васъ важно?

Ирэнъ часто желала въ прежнее время, чтобы вышло объясненіе съ мужемъ, и рѣшала не уклоняться отъ него. Но теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, возможность такого объясненія казалась навсегда устраненной, и она смутилась при неожиданныхъ словахъ мужа. Въ первую минуту она хотѣла даже уклониться отъ прямого объясненія, но тотчасъ же одумалась и рѣшительно сказала:

— Конечно. Вы сами это знаете. Я вамъ даже больше скажу: я не хотѣла бы уѣхать до отъѣзда Лизеля. Онъ уѣдетъ 6-го ноября, и тогда я могу ѣхать, куда хотите.

Жафэ всталъ, опять сталъ ходить по комнатѣ, потомъ, сѣвъ на прежнее мѣсто, сказалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— А я, напротивъ того, хотѣлъ бы увести васъ отсюда до этой „премьеры“ и до его отъѣзда.

Ирэнъ аккуратно сложила свое вышиванье, положила его въ корзинку и, обернувшись къ мужу, спросила спокойнымъ тономъ:

— Почему?

Ирэнъ и ея мужа соединяла самая могущественная связь — и раздѣляло самое непреодолимое препятствіе. Они прожили чирно долгіе года, благодаря молчаливому взаимному соглашенію, — и теперь вдругъ все сразу рушилось, какъ переливается отъ послѣдней капли переполненный сосудъ. Жафэ методично подготовилъ планъ дѣйствія, надѣясь на легкую побѣду, но сопротивленіе жены вызвало въ немъ раздраженіе; онъ сталъ го-

ворить очень рѣзко, возбуждая тѣмъ самымъ Ирэнъ къ упорной борьбѣ.

— Я думалъ, что вы поймете безъ словъ,—сказалъ Жафэ, стараясь не глядѣть на жену.—Я полагалъ, по нѣкоторымъ признакамъ, что вы пришли къ тому же, что и я,—хотя и другими путями. Неужели я ошибся? Конечно, я судилъ только по наблюденіямъ и, можетъ быть, недостаточно безпристрастно. Но мнѣ кажется, что въ нашемъ возрастѣ—простите, что я говорю о вашихъ годахъ—вы могли бы понять, что есть отношенія... которыя не могутъ длиться всю жизнь.

Онъ говорилъ то, что Ирэнъ не разъ говорила себѣ сама, но теперь слова, сказанныя мужемъ, вызывали въ ней чувство возмущенія. Опасность, угрожавшая ея любви, придавала ей силу, и она отвѣтила, отчеканивая слова:

— Я, напротивъ того, полагаю, что бываютъ отношенія—какъ вы говорите,—которыя приобрѣтаютъ законныя права самой своей длительностью.

— Я это отрицаю,—отвѣтилъ Жафэ.—Все въ жизни мѣняется съ годами. То, что простиительно въ молодости, недопустимо, когда молодость прошла.

Ирэнъ сама такъ думала, но теперь протестовала противъ словъ мужа.

— Вы полагаете? Странно. А мнѣ иногда кажется, что ничто не мѣняется, что красота души—въ неизбѣмости.

— Незыблемость противна законамъ природы. Вспомните прекрасный образъ у Гомера, который говоритъ о мертвыхъ листьяхъ, уступающихъ мѣсто молодымъ росткамъ. Мы тоже должны жить для тѣхъ, которые идутъ намъ на смѣну. И если ихъ будущее зависитъ отъ насъ, то мы не можемъ свободно располагать собой. Вы должны это понять. Судьба нашихъ дѣтей не должна отягчаться тѣмъ, что въ нашей жизни можетъ быть... темнаго.

Ирэнъ знала, что все это правда, но, слыша, какъ все это доказывалъ поучительнымъ тономъ, очень спокойно, человѣкъ, который имѣлъ право страстно и гнѣвно нападать на нее, она возмущалась. Ей все это казалось лицемѣрной ложью, тѣмъ, противъ чего такъ ополчался ея мужъ въ своихъ прежнихъ смѣлыхъ нападкахъ на общественные предрассудки.

— Въ моей жизни нѣтъ ничего темнаго,—отвѣтила она.—И первое доказательство—то, что возможенъ этотъ разговоръ безъ всякихъ предварительныхъ объясненій. Вы знаете мое прошлое. Я не знаю поэтому, какая опасность можетъ угрожать Аннѣ-Маріи,—если вы говорите о ней.

Лицо Жафэ сдѣлалось болѣе строгимъ.

— Конечно, у васъ нѣтъ тайнъ отъ меня, — сказалъ онъ. — Но вы отлично знаете, что должны скрывать многое отъ нашей дочери. Неужели же вы не хотите понять?

Взглянувъ на нее съ безграничнымъ удивленіемъ, какъ всегда, когда при немъ возражали противъ очевидности, онъ сталъ приводить другіе доводы:

— Поймите меня, — сказалъ онъ. — По мѣрѣ того, какъ человекъ живетъ, какъ увеличивается жизненный опытъ, сущность поступковъ и чувствъ все болѣе выясняется. То, что намъ казалось предразсудкомъ, постепенно приобретаетъ болѣе глубокое значеніе. Съ годами мы начинаемъ понимать смыслъ законовъ, которые въ молодости считали произвольными, съ которыми боролись, не понимая ихъ... Таковъ, по крайней мѣрѣ, путь, которымъ я прошелъ.

Ирэнъ поражена была метаморфозой во взглядахъ мужа, совершившейся безъ ея вѣдома, и только прошептала:

— Какъ вы измѣнились!

— Вы это еще яснѣе увидите, когда прочтете мою новую книгу... До сихъ поръ вы вѣдь ея мало интересовались. А между тѣмъ она многимъ обязана вамъ. Наблюдая за вашей жизнью, я большому научился, чѣмъ изъ книгъ, — я понялъ, что необходимо идти неуклонно путемъ правды.

Онъ сказалъ это очень торжественнымъ тономъ, и опять Ирэнъ вспомнила, какъ она почти тѣмъ же тономъ говорила это Лизелю. Машинально, голосомъ, полнымъ скорби и отчаянія, она повторила:

— Путемъ правды!

Жафэ пристально посмотрѣлъ на нее, потомъ сталъ приводить новыя доказательства своей правоты. Онъ вспоминалъ прошлое, говорилъ, что жалѣетъ объ ошибкахъ, о томъ, что онъ сразу не отстаивалъ свои права.

— Я считалъ, что ваша молодость имѣетъ тоже свои права, — говорилъ онъ. — Я вѣрилъ въ свой идеалъ свободы. Но теперь я понялъ значеніе твердыхъ законовъ, преграждающихъ путь легкомысленной свободѣ...

Они оба подумали о когда-то подписанной бумагѣ, но не заговорили о ней.

— Зачѣмъ спорить? — сказала Ирэнъ. — Вы прилагаете къ моей жизни новую мѣрку, не ту, которую мы оба признавали вѣрной вначалѣ. Зачѣмъ вспоминать о старомъ? Скажите, чего вы требуете?

— Вотъ чего: я рѣшилъ, что теперь, когда вашъ другъ уѣзжаетъ въ долгое путешествіе, — самая подходящая минута для того, чтобы возстановить равновѣсіе въ нашей семейной жизни. Я не требую полнаго разрыва... а только постепеннаго ограниченія правъ дружбы... Нашъ отъѣздъ именно теперь дастъ понять Лизелю, что ваши отношенія измѣнились — стали такими, какими должны стать, когда волосы начинаютъ сѣдѣть.

Ирэнъ говорила почти то же самое Лизелю, и чувствовала теперь, что все это правда. Но прошлое ея любви охватило ея душу, и ей сдѣлалось страшно. Она провела рукой по лбу, говоря — почти противъ воли:

— Да, да... Можетъ быть... Я объ этомъ иногда думала.

— Я знаю, — сказалъ Жафѣ.

Ее вдругъ возмутило это вторженіе въ ея душу, и она гнѣвно воскликнула, сразу находя тысячи доводовъ для протеста:

— Вы слишкомъ многого требуете. Я не могу бросить его, когда онъ измученъ репетиціями, тревогой о болѣзни своего друга, предстоящимъ отъѣздомъ. Я не могу причинить ему страданіе, именно въ тотъ моментъ, когда ему такъ нужны силы. Не требуйте этого. Если нужно нанести ему ударъ, дайте мнѣ выбрать часъ. Вы, такъ много понимающій, должны знать, что значить разбить такую связь.

Она не могла сдержатъ рыданій, и убѣжала, еще разъ взглянувъ на мужа съ укоризной и отчаяніемъ. Жафѣ долго сидѣлъ въ той же позѣ на диванѣ, и какъ всегда, къ его чувствамъ примѣшивались теперь отвлеченныя мысли. Умъ его обобщалъ жизненное переживаніе: его прежнія книги, разрушавшія все, что мудрость вѣковъ воздвигала противъ сердечныхъ бурь, казались ему сплетеніемъ софизмовъ, и онъ разрушалъ все это теперь съ той же силой, съ какой прежде создавалъ.

III.

Премьеру „Конрада Валленрода“ ожидали съ любопытствомъ и нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Лизеля всѣ признавали, какъ виртуоза и композитора, но его вторженіе въ новую область творчества — возбуждало ревность у его собратьевъ, и они заранѣе создавали непріязненную атмосферу. Лизель объ этомъ не подозревалъ и боялся только слабости своей оперы, въ особенности слишкомъ лирическаго либретто. Въ своей музыкѣ онъ хотѣлъ воплотить два великихъ чувства: патріотизмъ въ лицѣ своего

героя и, затѣмъ, трагизмъ несчастной любви въ судьбѣ Конрада и затворницы Альдоны; онъ надѣялся, что ему удалось передать въ звукахъ символизмъ своего замысла.

Всякая премьера на большой сценѣ—тоже своего рода драма, или, вѣрнѣе, комедія, охватывающая множество артистическихъ, свѣтскихъ и разныхъ житейскихъ интересовъ. Будетъ ли на спектаклѣ „весь Парижъ“? Будутъ ли въ ложахъ властительницы модъ? Что скажутъ критики, коллеги? Кто будетъ интриговать въ антрактахъ? Для большого круга заинтересованныхъ людей зала театра въ день перваго представленія пріобрѣтаетъ огромное значеніе, и никакія внѣшнія событія, которыя могутъ привести въ войнѣ или къ революціи, не имѣютъ для нихъ такой важности, какъ вопросъ: въ голосѣ ли будетъ теноръ, хорошъ ли будетъ оркестръ, понравится ли спектакль публикѣ, или она будетъ скучать?

Въ то время, какъ зала аплодируетъ или зѣваетъ, въ театрѣ разыгрываются свои жизненные драмы, для которыхъ музыка—только легкій аккомпаниментъ. Такъ въ день представленія „Конрада Валленрода“, передъ поднятіемъ занавѣса, въ залѣ шли оживленные разговоры о томъ, какъ сошла генеральная репетиція, предвидится ли успѣхъ, или провалъ и т. д. Лизеля самого волновало другое: взглянувъ на ложу Жафа, онъ увидѣлъ въ ней только Ирэнъ и ея мать. Ни мужа, ни дочери Ирэнъ не было. Онъ понялъ, что въ этомъ что-то таятся, и сильно встревожился.

Ирэнъ съ матерью занимала ложу бенуара, рядомъ съ ложей Гуго Мейера, который непременно захотѣлъ присутствовать на спектаклѣ, хотя еще не выздоровѣлъ и едва могъ говорить отяжелѣвшимъ языкомъ. Его лохматая голова обращена была къ публикѣ, а за нимъ выглядывало добродушное, полное лицо его подруги. Ирэнъ, отдѣленная отъ нихъ перегородкой ложи, была въ скромномъ свѣтло-сѣромъ шолковомъ платьѣ, и строгое изящество ея туалета составляло странный контрастъ съ крашеными волосами, палевымъ платьемъ, глубокимъ декольтѣ и бриллиантами ея матери. М-мъ Штормъ разглядывала залу и, нагибаясь къ дочери, называла ей разныхъ свѣтскихъ знаменитостей и говорила о своихъ встрѣчахъ съ ними. Ирэнъ не слухала ее. Ею волновала судьба оперы, и въ то же время мучили мысли о Лизелѣ, о дочери, о мужѣ. Почему именно теперь поднималась буря въ ея жизни? Почему именно теперь ей предстоялъ выборъ между чувствами, которыя боролись въ душѣ? Она уже не могла рѣшать свободно. Прежде она выбрала бы любовь, а теперь... теперь выбора нѣтъ. Не сумѣвъ въ-время отвоевать свое счастье,

они теперь должны покориться. Можетъ быть, Жафѣ это предвидѣль, и потому такъ долго выжидалъ, не предъявляя никакихъ требованій?

Шумъ апплодисментовъ заставилъ ее очнуться. Первый хоръ публики встрѣтила благосклонно, но когда за этимъ послѣдовала безконечно длинная сцена, — споры на собраніи рыцарей тевтонскаго ордена, — начались знаменательныя покашливанія въ партерѣ и въ ложахъ. Въ эту минуту Лизель вошелъ въ ложу Ирэнъ; м-мъ Штормъ стала дѣлать ему шумные комплименты, а Ирэнъ только сказала: — Мнѣ нѣсколько мѣстъ въ первой сценѣ очень понравились.

Лизель озабоченно взглянулъ на пустыя кресла въ ложѣ.

— А вашъ мужъ и Анна-Марія? — спросилъ онъ.

— Онъ придетъ на минутку; а у нея мигрень.

Занавѣсъ опустился при дружныхъ апплодисментахъ. Лизель ушелъ: ему нужно было вернуться на поле битвы. М-мъ Штормъ стала опять называть дипломатовъ и знатныхъ иностранцевъ, рассказывая обрывки ихъ исторіи. Ирэнъ никого не знала въ публикѣ, кромѣ Гуго Мейера. А его ложа была полна посѣтителей, пришедшихъ поздравить его съ выздоровленіемъ. Онъ шутилъ, говорилъ, что ему данъ только небольшой отпускъ, что пора сходить съ арены, и что это ничего, если оставлешь послѣ себя отважныхъ борцовъ. И онъ сталъ восхвалять оперу Лизеля. Посѣтители довольно холодно выслушивали его похвалы, а потомъ въ кулуарахъ шептались о томъ, что старикъ Мейеръ совсѣмъ плохъ: все ему нравится стало.

Начался второй актъ, и въ публикѣ сразу обнаружилось недовольство. Длинный дуэтъ между Альдоной, запертой въ башнѣ, и Валленродомъ на сценѣ, утомилъ слушателей своимъ туманнымъ романтизмомъ. Любовный дуэтъ наединѣ... Вотъ смѣшно! — сказала м-мъ Штормъ, выражая общее мнѣніе залы.

— Но музыка дивная! — нервно отвѣтила Ирэнъ, думая о томъ, какъ страдаетъ Лизель при явномъ недовольствѣ публики. — Когда занавѣсъ опустился, она поднялась и стала громко аплодировать.

— Можетъ быть, это слишкомъ возвышенно для публики, — ядовито сказала ей мать съ обычнымъ въ пошлыхъ людяхъ презрѣніемъ къ неудачникамъ.

Въ эту минуту въ ложу влетѣлъ Гуго Мейеръ, весь багровый отъ бѣшенства.

— Дураки! глухіе! — кричалъ онъ. — Они не поняли, они никогда не понимаютъ. Я имъ объясню... объясню!

Языкѣ его заплетался, Луиза тщетно его успокаивала и призывала на помощь Ирэнъ. Но Ирэнъ ее не слушала и возбуждала воинственный духъ старика, уговаривая его пойти поговорить съ критиками. Онъ выскочилъ изъ ложи, бросился къ группѣ, окружившей извѣстнаго своей строгостью критика. Но тамъ говорили о какомъ-то судейскомъ скандалѣ, и никто не хотѣлъ его слушать. Онъ обратился къ другимъ, громко восхваляя талантъ Лизеля и доказывая, что всѣ ошибаются.

Лизелю, съ своей стороны, пришлось выносить на себѣ раздраженіе исполнителей и директора, насмѣшливые взгляды всѣхъ участвующихъ. Онъ не могъ дольше оставаться за кулисами и прошелъ въ ложу Ирэнъ.

— Ко мнѣ никто изъ знакомыхъ не зашелъ въ антрактъ,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на ея взглядъ.—Развѣ это не доказательство провала?

Звонокъ возвѣстилъ о концѣ антракта, и публика вернулась на мѣста, укрѣпленная въ своихъ непріязненныхъ чувствахъ. Враги, соперники и завистники композитора усугубляли общее настроеніе, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что скрипачъ вдругъ вздумалъ писать оперу. Съ самаго начала третьяго акта начались враждебныя покашливанія. Сцена банкета усилила недовольство туманностью текста и сложностью музыки. Зала становилась явно враждебной.

— Это полная катастрофа,—сказалъ Лизель, который не могъ усидѣть на мѣстѣ.—Я долженъ вернуться за кулисы, чтобы не подумали, что я сбѣжалъ изъ трусости.

Послѣ его ухода, дверь ложи снова отворилась и вошелъ Жафѣ. Онъ рѣшилъ все-таки прійхать, хотя не думалъ оставаться до конца. Онъ сразу увидѣлъ, каково настроеніе залы, и какъ-то странно улыбнулся, хотя не способенъ былъ ни на какое злорадное чувство. Ирэнъ оскорбилась его улыбкой, и на его вопросъ:—Что это, какъ будто не ладится?—сухо отвѣтила:

— Вы сами видите.

Жафѣ сѣлъ и сталъ внимательно слѣдить за ходомъ представленія. Третій актъ былъ лишенъ всякаго драматическаго интереса, но въ немъ было много музыкальных красотъ, не ускользнувшихъ отъ тонкаго слуха Жафѣ.

— Да что съ ними?—спросилъ онъ, глядя на толпу.—Вѣдь это очень хорошо.

Ирэнъ показалось, что онъ говоритъ снисходительно, и она не обрадовалась его похвалѣ, а только сердито взглянула на него. Онъ продолжалъ слушать, ничего не говоря. Когда зана-

вѣсъ опустился, раздались свистки и поднялся гулъ недовольныхъ голосовъ. Жаффе взглянулъ на жену и сказалъ:

— Теперь я уѣду.

М-мъ Штормъ попросила его взять ее съ собой, и Ирэнъ осталась одна въ ложѣ въ ожиданіи Лизеля. Изъ сосѣдней ложи раздавался взбѣшенный голосъ Гуго Мейера, который, очевидно, урезонивалъ какого-нибудь критика техническимъ разборомъ красоты оперы. Но, очевидно, ему не удалось убѣдить своего собесѣдника, и онъ сталъ, по обыкновенію, громко ругаться, возбуждая смѣхъ молодыхъ людей, стоявшихъ въ оркестрѣ. Антрактъ затягивался, и враждебность публики все возрастала. Когда, наконецъ, раздались три удара передъ поднятіемъ занавѣса, Лизель появился въ ложѣ, блѣдный какъ смерть. Ему устроила сцену пѣвица, пѣвшая партію Альдоны, возмущенная тѣмъ, что ее освистали въ первый разъ въ жизни. Онъ искалъ спасенія у Ирэнъ, нуждаясь, какъ ребенокъ, въ утѣшеніи.

Героическое предательство Валленрода возмутило публику, не терпящую столь сложныхъ и странныхъ чувствъ. Поднялся настоящій скандалъ; крики, свистки остановили представленіе. Оставивъ Лизеля въ глубинѣ ложи, Ирэнъ подошла къ барьеру, чувствуя непреодолимое желаніе пойти навстрѣчу бурѣ. Она громко крикнула: „браво!“, и къ ней присоединился голосъ Гуго Мейера. Онъ почти вбѣжалъ въ ихъ ложу и, крѣпко пожимая руки Лизелю, кричалъ, что его произведеніе замѣчательное, что провалъ ничего не значить...

Шумъ въ залѣ продолжался. Сложная музыка такъ же возмущала слушателей, какъ и романтическое содержаніе оперы, и занавѣсъ опустился среди бури возгласовъ, хохота и свистовъ. Гуго Мейеръ высунулся изъ ложи, поднялъ кулаки по направленію къ группѣ свиставшихъ въ партерѣ и крикнулъ:

— Дикари! Негодяи!

Шумъ еще усилился. Гуго Мейеръ еще разъ выкрикнулъ тѣ же слова, а потомъ вдругъ безпомощно опустился на стулъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и размахивая руками въ воздухѣ. Въ ложу вбѣжали посторонніе, сейчасъ же привели врача. Луиза стонала и плакала.

Публика медленно выходила изъ залы, заглядывая въ ложу, гдѣ задыхался старый музыкантъ. Говорили все, что знали о немъ и чего не знали.

— Онъ былъ съ Лизелемъ?

— Нѣтъ, въ сосѣдней ложѣ. Лизель тутъ съ дамой.

— А кто она такая?

Нашлись люди, знающіе и это:

— М-мъ Жафэ. Жена извѣстнаго писателя.

IV.

Наканунѣ отъѣзда, Ирэнъ и Лизель пошли въ послѣдній разъ гулять вмѣстѣ и направились въ паркъ Сенъ-Клу. Тамъ они свернули съ главной аллеи вглубь парка.

— Мы ходимъ какъ тѣни подъ деревьями, — сказалъ Лизель, — какъ будто пространство уже раздѣлило насъ. Мы еще вмѣстѣ, я держу вашу руку. Но что будетъ завтра?

— Вы вернетесь, — слабо прошептала Ирэнъ, и Лизель почувствовалъ, что она сама не вѣритъ своимъ словамъ.

— Когда это еще будетъ! — сказалъ онъ. — Сколько переѣздитесь до тѣхъ поръ! Бѣднаго Гуго уже не будетъ въ живыхъ. А вы? Развѣ вы будете такой же?

Она только пожала ему руку, ничего не отвѣчая. Она знала, что жизнь играетъ всякими сердцами, какъ вѣтеръ опавшими листьями, но не хотѣла этого сказать.

— Все мѣняется, я знаю, — продолжалъ Лизель. — Почему же я все тотъ же и останусь такимъ же?

— У васъ вѣрное, доброе сердце, мой другъ. Но и вы измѣнитесь. Нельзя не подчиняться общему закону... Наша воля тутъ ни при чемъ.

Они опять пошли дальше, вспоминая прошлое, прогулки по Швейцаріи, охваченные одинаковымъ чувствомъ страха, что эти послѣдніе часы не вернутся и сгладятся въ ихъ памяти, какъ и все прежнее... Чувство душевной боли было такое острое, что у нихъ показались слезы на глазахъ, и они опять прибѣгли къ молчанію, которое все скрываетъ и все выражаетъ. Они молчали, зная, что безъ словъ понимаютъ другъ друга. Ирэнъ прижалась къ Лизелю, дрожа отъ волненія, страха и любви. Онъ сталъ опять утѣшать ее, напоминая о томъ, какъ часто они боялись разлуки, и все-таки снова возвращались другъ къ другу. Не нужно бояться будущаго.

— Не будемъ сомнѣваться въ будущемъ, — сказалъ онъ. — Мы не знаемъ, что насъ ждетъ, — такъ лучше надѣяться.

— Будемъ надѣяться, — сказала Ирэнъ, — и простимся со свѣтлой душой.

Они сѣли на скамейку и опять долго молчали. Потомъ Лизель сталъ опять просить Ирэнъ, чтобы она никогда въ немъ

не сомнѣвалась и писала ему обо всемъ, что она дѣлаетъ. Онъ былъ доволенъ предстоящимъ отъѣздомъ Ирэнъ въ Италію, и только убѣждалъ ее вернуться въ Парижъ одновременно съ нимъ.

По свойственной ему впечатлительности, Лизель сталъ уже заранѣе радоваться будущему свиданію весной, и грусть его смѣнилась надеждой. Его вѣра заразила и Ирэнъ, и конецъ прогулки по лѣсу прошелъ въ болѣе свѣтломъ настроеніи у обоихъ. Только когда нужно было возвращаться домой, такъ какъ началъ накрапывать дождь, они опять вспомнили, что это ихъ послѣдняя прогулка, и вся печаль разлуки снова охватила ихъ. Они остановились подъ деревьями, и Лизель обнялъ Ирэнъ и прошепталъ:—До свиданія!

Она хотѣла отвѣтить ему тѣмъ же словомъ, но не могла. Ее охватило какъ бы близкое дыханіе смерти; она почувствовала раздирающую боль вѣчной разлуки и проговорила тихимъ голосомъ:—Прощай!

Лизель точно понялъ роковое значеніе вырвавшегося у нея слова и ничего не сказалъ въ отвѣтъ. Они молча дошли до рѣки, гдѣ должны были разстаться. Ирэнъ сѣла на пароходъ, и вскорѣ ея фигура исчезла въ ночной темнотѣ. Лизель слѣдилъ за ней глазами, и когда ее не стало, ему казалось, что онъ навсегда одинокъ въ мірѣ, гдѣ осужденъ блуждать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ тотъ часъ, когда „Бретань“ отплывала изъ Гавра, въ салонъ Ирэнъ, гдѣ вся семья сидѣла послѣ завтрака и пила кофе, внесли пальму, принесенную для нея посыльнымъ. Неожиданный подарокъ не сопровождался никакой карточкой, но всѣ поняли, отъ кого онъ. Жафэ спокойно посмотрѣлъ на украшенный лентами горшокъ съ растеніемъ и сказалъ тономъ, какимъ сообщаютъ какое-нибудь библиографическое или статистическое свѣдѣніе:

— Это, вѣроятно, Лизель присылаетъ намъ прощальный привѣтъ въ часъ отъѣзда.

— Какъ это любезно!—прибавила м-мъ Штурмъ.

Наступило неловкое молчаніе, и чтобы нарушить его, м-мъ Штурмъ, по невольной ассоціаціи идей, стала говорить о пред-

ставленіи „Тристана“, на которомъ была наканунѣ, и рассказала по этому случаю о своей встрѣчѣ съ Вагнеромъ на Цюрихскомъ озерѣ; съ нимъ была „Матильда“.

— Я читала потомъ его письма къ ней, — продолжала она рассказывать, — и была очень разочарована. Какъ это великій человѣкъ могъ писать такіа ничтожныя любовныя письма!

Жафэ былъ недоволенъ, что затронули такую тему въ присутствіи Анны-Маріи. Но онъ такъ любилъ во всемъ правду, что не могъ молчать, когда при немъ высказывали невѣрныя сужденія.

— Я тоже читалъ эти письма, — сказалъ онъ, — и нахожу, напротивъ того, что они — замѣчательныя. И чувство, вызвавшее ихъ, тоже не уступаетъ силѣ и красотѣ писемъ. Это рѣдко бываетъ. Обыкновенно, самыя переживанія гораздо ниже художественныхъ произведеній, въ которыхъ они запечатлѣлись. — И онъ привелъ примѣры: Руссо и м-мъ Удето, Ламартина и Граціелла, Жоржъ-Зандъ и Альфредъ де-Мюссэ. М-мъ Штурмъ, которая всегда скучала, когда онъ начиналъ философствовать, прервала его, зѣвая:

— Право, милый мой, жить гораздо труднѣе, чѣмъ писать, — сказала она.

Никогда, за семьдесятъ-пять лѣтъ своей пустой жизни, она не сказала ничего столь глубокаго. Жафэ былъ пораженъ.

— Это глубокая правда, — сказалъ онъ.

Въ это время вошла дѣвушка и доложила о приходѣ учительницы музыки. Анна-Марія поднялась и ушла брать урокъ, а вслѣдъ за ней и м-мъ Штурмъ объявила, что ей пора ѣхать дѣлать визиты. Ирэнъ пошла провожать ее; вернувшись, она застала мужа стоящимъ въ раздумьи передъ пальмой Лизеля. Ирэнъ взяла свое вѣчное вышиванье и сѣла на привычное мѣсто на диванѣ. Жафэ нѣсколько времени молча глядѣлъ на нее, какъ бы стараясь прочесть на ея лицѣ слѣды внутренняго волненія, потомъ подошелъ къ ней и спросилъ твердымъ голосомъ:

— Лизель, очевидно, отплылъ именно сегодня, какъ разъ въ этотъ часъ... Эта пальма...

— Знакъ прощанья, — тихо проговорила Ирэнъ.

— Прощанья?

Она поняла, что онъ настаиваетъ на объясненіи этого слова, и сказала:

— Да. На пять мѣсяцевъ. Я надѣюсь, что онъ вернется всеной.

— Я тоже: я ничего противъ него не имѣю. Я полагаю

только, что вы сказали ему передъ отъѣздомъ все, что мы признали нужнымъ.

Ирэнъ показала знакомъ, что нѣтъ.

— Почему? Вы вѣдь согласились со мной, что это необходимо.

Ирэнъ пришла въ негодованіе отъ его безсердечія: какъ можно было мучить ее въ такую тяжелую минуту!

— Да развѣ я могла это сдѣлать? — воскликнула она съ отчаяніемъ. — Подумайте. Когда мы съ вами говорили о немъ, все ему въ жизни улыбалось, и можно было лишать его одной опоры въ жизни. А теперь? Его лучший другъ умираетъ. Опера его убита невѣжествомъ публики, завистью и несправедливостью критиковъ... Вы сами видѣли... Когда же мнѣ было говорить съ нимъ о разрывѣ? Когда онъ приходилъ ко мнѣ, отрываясь на короткое время отъ постели больного друга? Или когда его постигла неудача? Или при разставаніи? Вы видите—часъ для такого объясненія не насталъ.

— Если дожидаться часа, онъ никогда не придетъ, — сказалъ Жафъ, хмура лобъ. — Всегда найдется предлогъ, чтобы отложить его.

— А еслибы и такъ?

Жафъ опять растерялся отъ нелогичности разсужденій Ирэнъ, разрушавшей всѣ доводы его мудрости. Онъ пробормоталъ, какъ школьникъ, застигнутый врасплохъ затруднительнымъ вопросомъ:

— Что же будетъ теперь?

— Не знаю. Онъ уѣхалъ на много мѣсяцевъ. Чего же вамъ еще?

Всѣ его логическіе доводы и разсужденія разбивались о несвязность ея отвѣтовъ. Но все-таки онъ не чувствовалъ гнѣва, потому что дѣйствовалъ безъ страсти.

— Нужно, однако, — сказалъ онъ спокойно, — согласовать свои дѣйствія съ рѣшеніями, если не мѣняются самыя рѣшенія. Надѣюсь, что этого не случилось... потому что иначе наши отношенія мѣняются.

— Повторяю вамъ, что я не знаю, что дѣлать. Я жду, что будетъ. Вы потребовали отъ меня того, чего я не въ состояніи была исполнить... Я не могла... и никогда не смогу порвать съ нимъ.

Ирэнъ говорила, какъ человѣкъ, въ которомъ страсть уничтожила всякую волю. Ея мужъ, можетъ быть, жалѣлъ ее въ эту минуту, но въ немъ голосъ разсудка преобладалъ надъ чувствами.

— Вы какъ будто забыли нашъ разговоръ, — сказалъ онъ. — Я никогда не стѣсняю ничьей свободы, и потому не напоминалъ

вамъ вашего обѣщанія. Но я ждалъ, что вы сами придете и скажете: „Наше спокойствіе восстановлено“. Вы имѣли возможность объясниться съ Лизелемъ до провала его оперы. Ваша слабость меня удивляетъ... Но время еще не ушло, и вы еще можете вернуться на вѣрный путь. Это необходимо: вспомните возрастъ вашей дочери, если вы забыли о вашихъ годахъ. У васъ не хватило рѣшимости порвать съ Лизелемъ до его отъѣзда — это, въ концѣ концовъ, простительно. Но теперь воспользуйтесь его отъѣздомъ...

— Какая нивость наносить ударъ издалека! — воскликнула Ирэнъ.

— Я говорю только о возможности исполнить назрѣвшее рѣшеніе безъ бурныхъ сценъ, — поправилъ онъ. — На разстояніи ударъ будетъ менѣе чувствительнымъ. Нѣтъ ничего недостойнаго въ томъ, чтобы пользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, — если только вы дѣйствительно рѣшили такъ поступить, какъ я считаю нужнымъ... Если же нѣтъ, то я съ своей стороны рѣшилъ другое. Если вы отказываетесь порвать съ Лизелемъ до его возвращенія, то мы вернемъ другъ другу свободу — открыто, безъ лжи, какъ мы когда-то обязались вотъ этой бумагой, которую я вамъ вручаю.

Онъ вынулъ изъ кармана бумагу, которую они когда-то подписали, смѣясь, — и протянулъ ее женѣ. На пожелтѣвшей, сложенной аккуратно бумагѣ Ирэнъ узнала свой прежній почеркъ, твердый и тонкій. Онъ мало измѣнился съ тѣхъ поръ.

— Теперь вы даете мнѣ свободу! — воскликнула Ирэнъ, оттакая бумагу. — Теперь, когда я не могу уже располагать ею. Вѣдь вы это знаете.

— Я знаю, Ирэнъ, что до сихъ поръ васъ удерживала жалость ко мнѣ и, конечно, мысль о дочери. Мы оба были не въ силахъ порвать наши цѣпи. Я тоже былъ слабъ — боялся одиночества... Но теперь у меня явились силы: глядя на мою дочь, я чувствую необходимость дѣйствовать рѣшительно. Она теперь можетъ понимать и судить, и я не хочу, чтобы ее окружала ложь. Если вы не можете побѣдить свою страсть, идите до конца и скажите Аннѣ-Маріи: „Я ухожу отъ твоего отца, потому что люблю другого, — любила его всю жизнь“. Сдѣлайте это: я предоставляю вамъ полную свободу. Я же твердо рѣшилъ: если Лизель, по возвращеніи, опять появится здѣсь, то я желаю остаться въ своемъ домѣ одинъ съ моей дочерью. Подумайте и рѣшите.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, и Ирэнъ оста-

лась одна со своими мыслями. Она подошла къ пальмѣ, стала гладить ея листья и, какъ бы обращаясь къ ней, говорила про себя:

— Поздно... слишкомъ поздно! Для дѣйствительной правды слишкомъ поздно. Сбросивъ одну ложь, я бы впала въ другую, потому что не могу отказаться отъ прежнихъ привязанностей, не могу свободно отдаться любви. — Она приняла рѣшеніе не своей воли, а судьбы, подчиняясь теченію жизни, сглаживающему всѣ диссонансы. Всѣ желанія ея сердца, вся ея воля разбивалась о власть жизни. Она покорилась...

Чтобы побороть невыносимое страданіе, она снова сѣла на прежнее мѣсто и принялась за вышиванье. Пальцы ея сначала дрожали, когда она перебирала шелка, но постепенно движенія становились болѣе твердыми, лицо принимало спокойное выраженіе и она стала прилежно работать. Еслибы кто-нибудь вошелъ въ эту минуту, онъ бы не увидѣлъ на ея лицѣ слѣдовъ душевной бури.

II.

Лизель узналъ изъ газетъ о смерти Гуго Мейера, и хотя эта грустная вѣсть, далеко не была неожиданной, она все-таки очень его опечалила. Вскорѣ пришло первое письмо Ирэнъ съ подробностями о его смерти, и онъ почувствовалъ въ ея словахъ, съ какой преданностью она поддерживаетъ его во всѣ печальныя минуты. И въ слѣдующемъ письмѣ она больше всего писала объ его умершемъ другѣ. Потомъ наступило долгое молчаніе, и уже въ концѣ декабря онъ получилъ новую книгу Жафэ: „Основы общественной нравственности“, безъ надписи автора, при короткомъ письмѣ Ирэнъ, которая совѣтовала ему прочесть эту книгу.

Онъ не любилъ отвлеченныхъ разсужденій, и разсѣянно перелисталъ присланную ему книгу. Его вниманіе остановила только глава о семьѣ. Онъ считалъ Жафэ революціонеромъ въ области морали, и былъ пораженъ этой главой. Авторъ доказывалъ, что самыя, казалось бы, произвольныя требованія обычной морали покоятся на правильномъ пониманіи причинъ и слѣдствій. — „Неужели Жафэ сдѣлался реакціонеромъ?“ — подумалъ Лизель, и закрылъ книгу, о которой сейчасъ же забылъ. Послѣ того, письма Ирэнъ приходили все рѣже и рѣже. Наконецъ, въ короткомъ письмецѣ изъ Съенны она писала ему о старой то-сканской живописи, а въ припискѣ была странная фраза въ от-

вѣтъ на его жалобы: „Вы жалуетесь, — писала она, — на то, что я рѣдко пишу? Но я хочу отучить васъ отъ себя“.

Эта фраза обезпекнула Лизеля, но ему некогда было предаваться мыслямъ и чувствамъ. Самъ онъ тоже писалъ отрывочно, коротко сообщая о своихъ переѣздахъ изъ города въ городъ. — „Эти пять мѣсяцевъ будутъ вычеркнуты изъ нашей жизни“, — думалъ онъ, надѣясь, что все будетъ попрежнему, когда онъ вернется. Онъ велъ лихорадочную жизнь. Его перевозили, какъ фонографъ, изъ города въ городъ, и онъ часто не заѣзжалъ въ отель, а оставался спать въ спальномъ вагонѣ, предоставленномъ въ его распоряженіе и во время остановокъ. Иногда онъ пріѣзжалъ за четверть часа до концерта, и черезъ часъ опять уѣзжалъ, совершенно измученный условіями, въ которыхъ совершаются „американскія турнѣ“. У него были два импрессаріо, Максъ и Блэкманъ, и въ теченіе многихъ недѣль — если не считать толпу незнакомыхъ, приходившихъ позвать ему руку послѣ каждаго концерта, — его единственное общество составляли эти два человѣка и его аккомпаниаторъ, молодой саксонецъ, Вейскиндъ, мечтавшій только о томъ, чтобы заработать много денегъ и выписать свою невѣсту изъ Германіи. Одинъ изъ двухъ импрессаріо, Максъ, былъ прежде агентомъ по выборамъ, потомъ нажился на распространеніи какого-то мыла, затѣмъ пилюль противъ ожирѣнія, механической бритвы и т. д. Теперь онъ устраивалъ выставки, панорамы, концерты, лекціи, и возилъ изъ города въ городъ артистовъ, ораторовъ, картины, ученыхъ животныхъ. Успѣхи его предпріятій сдѣлали его очень самоувѣреннымъ, и онъ мечталъ объ „артистическомъ трѣствѣ“, чтобы захватить въ свои руки эксплуатацію всѣхъ талантовъ, какъ другіе захватывали производство желѣза, сахара. Онъ перепродалъ турнѣ Лизеля Блэкману, но, не довѣряя честности своего компаньона, сопровождалъ его, чтобы лично получать проценты съ доходовъ. Эти два человѣка обращались съ Лизелемъ какъ съ неодушевленной вещью, съ музыкальнымъ ящикомъ, который можно заводить безъ конца, пока, наконецъ, онъ не испортится. Они устанавливали программу концертовъ по своимъ соображеніямъ. Бетховенъ и Бахъ были исключены по контракту, и Лизеля заставили заполнять свой репертуаръ баркаролами, берсѣзами и разными фокусными виртуозными нумерами. Все это онъ исполнялъ въ огромныхъ залахъ большихъ американскихъ городовъ, передъ мало понимающей холодной публикой, бесконечно страдалъ отъ этой жизни, тосковалъ и взнемогалъ отъ переутомленія. Но все же онъ выполнялъ всѣ

свои обязательства, и только уже въ послѣднія двѣ недѣли сталъ замѣчать слабость въ лѣвой рукѣ, наступающую внезапно неподвижность пальцевъ при сильной боли. Онъ испугался было, вспомнивъ старость Вьетана и боясь паралича. Но боль проходила, и ему некогда было думать объ опасности.

Наконецъ, онъ далъ свой послѣдній—сотый—концертъ въ Карнеджи-Голлѣ, въ Нью-Йоркѣ, и уже радовался скорому возвращенію въ Европу; онъ ждалъ только письма и каблогранмы отъ Ирэнъ, чтобы сѣсть на пароходъ съ спокойнымъ сердцемъ.

Послѣ концерта въ его честь устроенъ былъ банкетъ въ роскошномъ „Метрополитэнъ-клубѣ“ однимъ изъ его восторженныхъ поклонниковъ, богачомъ Бикомъ. На банкетъ приглашено было блестящее общество: дипломаты, все высшее общество, пресса. Многіе пріѣхали спеціально для этого банкета изъ Бостона, изъ Филадельфіи. Для этихъ стальныхъ людей разстояніе не играло никакой роли.

Лизель вступилъ въ роскошное зданіе клуба съ чувствомъ глубокой скуки. Его тянуло домой, и всѣ эти чужіе люди оскорбляли его вульгарностью своихъ манеръ и вкусовъ. Но когда онъ прошелъ въ залу, гдѣ его ожидалъ устроитель банкета, онъ вдругъ увидѣлъ среди украшеній, цвѣтовъ и вѣнковъ щитъ, на которомъ американскій флагъ скрещивался съ польскимъ. Это вниманіе къ его національности такъ растрогало и взволновало его, что онъ сразу почувствовалъ благодарность и симпатію къ этимъ людямъ, умѣющимъ цѣнить во всѣхъ національное чувство. М-ръ Бикъ взялъ его подъ руку и провелъ въ столовую, гдѣ накрытъ былъ столъ, сказочно разукрашенный гирляндами японскихъ цвѣтовъ. Цвѣты доходили до потолка, обвивали люстры. На столѣ стояли цѣлыя горы фіалокъ и корзины съ розами. Меню обѣщало всѣ лакомства изысканной американской кухни, и на заголовкѣ его Лизель опять увидѣлъ двойную эмблему: скрещенные американскій и польскій флаги.

Волненіе, охватившее его при видѣ національнаго флага, послужило исходной темой для всѣхъ тостовъ. Когда рѣчи кончились, Лизелю захотѣлось, въ свою очередь, выразить благодарность растрогавшимъ его американцамъ, но онъ могъ выражать свои чувства только на языкѣ звуковъ; онъ подозревалъ аккомпаниатора, указывая ему знаками на рояль, и взялъ скрипку. Изъ чувства деликатности, онъ не рѣшился исполнить что-нибудь изъ своихъ собственныхъ композицій и сталъ играть старинную сонату Бибера, предшественника Баха. Онъ мастерски передалъ величіе начала, легко и виртуозно исполнилъ сложные варіаціи,

и затѣмъ, въ адажію, превзошелъ себя страстностью пламенной грусти, звучавшей въ его игрѣ. Но когда онъ перешелъ къ модуляциямъ въ слѣдующей части, онъ вдругъ почувствовалъ судорогу въ пальцахъ. Раздался рѣзкій, фальшивый звукъ. Онъ поблѣднѣлъ и выпустилъ скрипку изъ рукъ.

— Я не могу продолжать, — прошепталъ онъ и опустился на стулъ. Онъ сразу понялъ, что это — нервная судорога, превращающая артиста навсегда въ беззвучный инструментъ. Онъ не могъ скрыть передъ чужими своего отчаянія, и далъ волю своимъ нервамъ, къ изумленію всѣхъ этихъ сильныхъ, выдержанныхъ людей, не понимавшихъ его слабости. Сейчасъ же привели доктора, который осмотрѣлъ руку, далъ адресъ спеціалиста и успокаивалъ скрипача, говоря, что это пройдетъ. Но Лизель воскликнула съ отчаяніемъ въ голосъ:

— Нѣтъ, не пройдетъ!

Передъ нимъ промелькнула, какъ въ видѣніи, бѣлая гора, которую окутывали облака и ночной мракъ. Въ ушахъ его прозвучали слова Ирэнъ, и онъ тихо прошепталъ, проводя рукой по лбу:

— Мракъ сгущается... Мракъ сгущается надъ всей жизнью.

III.

На слѣдующій день, Максъ повелъ Лизеля къ спеціалисту, который предложилъ леченіе электричествомъ, требуя безусловнаго покоя, но, несмотря на всѣ настоянія паціента, отказывался отвѣтить на его вопросъ о томъ, возможно ли его исцѣленіе.

Лизель рѣшилъ отложить леченіе до возвращенія въ Европу. На обратномъ пути отъ доктора, Максъ весело смѣялся, громко радуясь тому, что несчастіе случилось только въ концѣ концертнаго турнэ:

— Вѣдь еслибы это случилось два мѣсяца тому назадъ, хороши бы мы были! — воскликнулъ онъ и сталъ утѣшать Лизеля надеждами на выздоровленіе. Потомъ, чтобы разсѣять его, онъ сталъ рассказывать о разныхъ неудачахъ въ своей антрепренерской карьерѣ: одинъ знаменитый теноръ вдругъ потерялъ голосъ во время пожара въ отелѣ; какой-то піанистъ заболѣлъ тифомъ и не могъ дать ни одного изъ пятидесяти назначенныхъ концертовъ. Но самой большой неудачей Максъ считалъ тѣ, что его знаменитая ученая обезьяна, „Панашъ“, которую онъ возилъ по

всей Америкѣ, умерла въ чахоткѣ. Онъ очень трогательно разсказалъ исторію ея болѣзни, но Лизель, занятый своими мыслями, не слушалъ его. Придя въ отель, онъ поднялся къ себѣ въ комнату, въ одиннадцатый этажъ, и увидѣлъ на столѣ письмо Ирэнъ, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ.

Онъ взволнованно открылъ его: оно должно было быть послѣднимъ передъ радостнымъ часомъ свиданья. И вотъ что онъ прочелъ:

Ассизи. Четвергъ.

„Я вамъ пишу въ послѣдній разъ, мой другъ. Письмо застанетъ васъ наканунѣ отъѣзда. Я не рѣшалась раньше писать, чтобы не прибавить новой тяжести къ вашимъ волненіямъ и усталости, которая чувствовалась въ вашихъ письмахъ. Я причала васъ къ неизбѣжному тѣмъ, что рѣдко писала. Но теперь не могу больше откладывать то, что должна сказать. Простите меня, мой добрый, вѣрный другъ! Я не буду васъ ждать въ Парижѣ, не пошлю вамъ телеграммы, которую вы ждете. Мы уѣзжаемъ надолго, и я не сообщаю вамъ — куда. Я вернусь только тогда, когда буду увѣрена, что вы примирились съ вашимъ общимъ горемъ, что мы можемъ свидѣться безъ волненія. Я дѣйствую согласно съ мужемъ, который помогаетъ мнѣ выполнить мое рѣшеніе. Мы вмѣстѣ признали необходимость измѣнить нашу жизнь, восстановить правду въ ней. Вы знаете всѣ мои мысли объ этомъ, и нечего ихъ повторять. Да будетъ для васъ, какъ и для меня, утѣшеніемъ сознаніе неизбѣжности нашего разрыва.

„Я знаю, что, читая эти строки, вы будете упрекать меня въ неблагодарности. Не осуждайте меня. Я долго боролась, но теперь свѣтъ правды окружилъ меня своимъ сіяніемъ, и вся моя любовь не можетъ заставить меня примириться съ жизнью во лжи. Поймите всю силу вѣднѣй правды изъ того, что я рѣшаюсь причинить вамъ такое страданіе.

„Я не жалѣю о нашемъ прошломъ, и вспоминаю съ нѣжностью о всемъ, что мы пережили вмѣстѣ. Я вижу въ прошломъ только свѣтъ и красоту. Но для того, чтобы оставаться на этомъ пути, нужна сила молодости. Теперь, когда моя дочь входитъ въ возрастъ любви, я должна быть только матерью, — и потому я исчезаю на время изъ вашей жизни. Можетъ быть, когда нибудь мы сможемъ опять видаться — когда вы поймете, что была права, и когда мы станемъ другъ для друга тѣмъ, тѣмъ, должны быть, когда наша дружба не будетъ имѣть ничего, требующаго тайны. О, другъ мой, полюбите истину, чтобы рад-

ваться тому, что мы ее нашли! Это будетъ вашимъ утѣшеніемъ.

„Рана, которую я вамъ наношу, во всякомъ случаѣ, не отравленная; любовь такъ часто кончается злобой, осужденіемъ, а наша кончится свѣтло. Мы наполнили жизнь другъ друга любовью и счастьемъ, и я скорблю только о томъ, что счастье любви не могло длиться до самой смерти. Простите, другъ мой, руку, которая наноситъ вамъ ударъ. Поймите всю безконечную нѣжность, которую я вкладываю въ мой прощальный привѣтъ!“

Лизель перечиталъ нѣсколько разъ письмо, не понимая всего его смысла, не принимая рѣшенія Ирэнъ. Ему только хотѣлось поскорѣе помчаться вслѣдъ за Ирэнъ; онъ проклиналъ раздѣляющее ихъ разстояніе, и былъ въ такомъ состояніи, что пропустилъ бы часъ отъѣзда, еслибы за нимъ не зашелъ его аккомпаниаторъ. Все послѣдующее прошло какъ во снѣ, и черезъ нѣсколько часовъ онъ отплылъ на огромномъ пароходѣ, не замѣчая ничего вокругъ себя. Онъ очнулся только тогда, когда услышалъ вокругъ себя привѣтственные крики пассажировъ, когда они проѣзжали мимо гигантской статуи Свободы, протягивающей навстрѣчу Европѣ свой факелъ. „Свобода! — подумалъ Лизель: — развѣ есть ей мѣсто въ мірѣ, гдѣ скованное сердце умираетъ или опустошается, прежде чѣмъ потухло его внутреннее пламя?“

IV.

„Я пишу вамъ въ моей каютѣ, Ирэнъ, не зная даже, прочтете ли вы мое письмо,—только для того, чтобы быть, хотя бы противъ вашей воли, подлѣ васъ, чтобы спастись отъ одиночества, изъ котораго меня вывела ваша нѣжность, и въ которую теперь погружаетъ ваша воля... Я вамъ пишу послѣ цѣлаго дня блужданія среди пассажировъ. Всѣ они кажутся мнѣ призраками; всѣ точно не живые, съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ сердцѣ нѣтъ любви.“

„Среди пассажировъ у меня оказались знакомые—молодая хорошенькая барышня, Модъ Везингаузъ, съ которой я встрѣчался въ Балтиморѣ, и вся ея семья, въ томъ числѣ очень красивая молодая женщина, тетя Модъ, окруженная поклонниками. Модъ очень мила. Она часто подходитъ ко мнѣ, когда я сижу грустный на палубѣ, и все говоритъ о значеніи воли, о томъ, что всѣ страданія можно излечить воздѣйствіемъ на волю—американцы помѣшаны на mind-cure. Она говоритъ, что излечила бы

и меня, еслибы у меня было какое-нибудь горе. Она, видимо, ждетъ признаній... Но что можетъ знать ея неопытное невинное сердце объ истинной скорби?

„Ея молодая тетка, м-ссъ Фрайэръ,—совсѣмъ въ другомъ родѣ. Ея единственное желаніе — возбуждать страсть во всѣхъ, что ей и удастся. Она пробовала кокетничать и со мной, желая причислить меня къ сонму своихъ обожателей, и видя, что это не удастся, относится теперь ко мнѣ нѣсколько враждебно.

„Я провелъ два дня у себя въ каютѣ, потому что слишкомъ тяжело быть на людяхъ. Въ это время я прочелъ, съ большимъ интересомъ на этотъ разъ, книгу вашего мужа. Вѣдь это ваши мысли, Ирэнъ,—или, можетъ быть, онъ вамъ внушилъ свои? Вы такъ близки къ нему, и такъ далеки отъ меня! Но какъ это случилось безъ моего вѣдома? Я не видѣлъ, какъ совершалась перемѣна въ васъ, также какъ не замѣчалъ переворота въ мысляхъ Жафэ. Прежде онъ былъ такимъ яркимъ защитникомъ правъ личности,—это отчасти вліяло и на васъ,—а теперь онъ вдругъ отстаиваетъ интересы „коллективнаго начала“. Почему, что это значитъ? Вамъ навѣрное нравится глава о семьѣ и общественномъ долгѣ. Мнѣ она кажется абсурдомъ. Прежде, кажется, въ своей „теоріи революцій“ Жафэ доказывалъ, что общественная мораль обусловлена низменными матеріальными интересами. А вдругъ она стала „оплотомъ человѣческаго достоинства“. Все это меня глубоко возмущаетъ. Я знаю только одну истину: все въ мірѣ держится законами любви, единственно вѣчными законами естества. Вотъ моя истина, и я все-таки надѣюсь, что вы когда-нибудь тоже придете къ ней.

„Сегодня послѣдній вечеръ, который всѣ пассажиры проводятъ вмѣстѣ. Милая Модъ хочетъ на прощанье убѣдить меня, что можетъ излечить мою душу и тѣло, если внушитъ мнѣ вѣру въ себя; она приглашаетъ меня навѣщать ее въ Парижѣ, въ американскомъ отелѣ. М-ссъ Фрайэръ тоже приглашаетъ къ себѣ. Обѣ эти женщины представляютъ собой все, что человѣкъ можетъ ждать отъ женской любви. Одна сулитъ радости тихаго очага, другая — бури страсти. Я, кажется, могъ бы избрать то или другое. Обѣ онѣ явно расположены ко мнѣ. Вы бы навѣрное посоветовали мнѣ выбрать одну изъ нихъ. Но онѣ для меня — призраки, которые разсѣются въ туманѣ... Только вы, Ирэнъ, дѣйствительная жизнь. И я тщетно простираю къ вамъ руки!“

„Я продолжаю это длинное письмо, Ирэнъ, не зная, пошлю ли его вамъ. Я расстался съ случайными дорожными спутниками, и теперь нахожусь среди старыхъ знакомыхъ. Я видѣлъ Луизу.

Бѣдная! Она теперь очутилась почти въ ничетѣ. Такъ какъ она не законная жена Гуго, то его наслѣдники забрали все, что осталось отъ него, и даже общество взаимопомощи, къ которому принадлежалъ Гуго, ничего ей не даетъ, потому что она, по закону, не вдова умершаго. Я лишній разъ убѣдился въ лицемеріи законовъ и учрежденій, въ которыхъ ложь внѣшнихъ формальностей убиваетъ правду чувствъ. А вы преклоняетесь передъ этими законами!.. О, еслибъ я могъ заразить васъ своимъ мятежнымъ чувствомъ, какъ бы мы отстояли счастье своей жизни!

„Я былъ у врача, который предписалъ всякія леченія,—но я понималъ одно: что болѣзнь неизлечима, что я больше не смогу играть. Я вернулся домой и съ грустью посмотрѣлъ на мои скрипки. И эти старые друзья покинули меня! Какъ страшно приближаться къ старости! И среди надвигающихся сумерекъ, вы покинули меня въ самую тяжелую минуту.

„Вы запретили мнѣ пріѣхать къ вамъ, и я повинуюсь. Я видѣлъ вашу мать, вернувшуюся изъ Ниццы, и понималъ по ея намекамъ, что вы—въ Равеннѣ. Оттуда пришли цвѣты—конечно, отъ васъ. Вы ихъ сорвали подъ старыми соснами, не правда ли? Что значить этотъ привѣтъ? Въ Равеннѣ у меня есть другъ, старый маркизъ Асмодеи. Онъ живетъ тамъ въ своемъ старинномъ домѣ. Онъ мнѣ рассказывалъ какъ-то прекрасную легенду о призракѣ рыцаря, который мучить отданную ему во власть молодую красавицу, изъ-за которой онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Она считала, что должна выказать жестокость, чтобы излечить его отъ любви, и божественная справедливость отдала ее въ жертву его мести. Понимаете ли вы, Ирэнъ, вѣчную истину этой легенды, болѣе человѣчную, чѣмъ ваши теоріи объ отреченіи и забвеніи? Можетъ быть, вы знакомы съ маркизомъ, и онъ вамъ рассказавъ эту легенду? Можетъ быть, вы поэтому и послали мнѣ цвѣты? Какъ бы я хотѣлъ это знать...

„Я отошлю вамъ, наконецъ, это письмо. Оно вамъ покажетъ, что нельзя уничтожить любовь, которая не хочетъ умирать. Я тотъ же. Неужели вы измѣнились?“

Едва Лизель успѣлъ отправить письмо, какъ получилъ телеграмму отъ Жафѣ: „Ирэнъ опасно больна. Хочетъ васъ видѣть. Пріѣзжайте въ Равенну, casa Бароніо, via Ромоло-Жессо“.

Лизель уѣхалъ въ тотъ же вечеръ.

V.

Ирэнъ употребила всю свою энергію, чтобы исполнить то, что считала неизбѣжнымъ. Но сердце ея не подчинилось волѣ, и жизнь какъ бы прекратилась для нея. Она сопровождала, какъ тѣнь, мужа и дочь по городамъ Италіи, но въ то время, какъ они вдвоемъ ходили по музеямъ и наслаждались природой, она оставалась одна у себя, поглощенная своей скорбью. Когда она послала письмо Лизелю изъ Ассизи, ей стало еще безнадежно-грустно. Она сначала надѣялась, что письмо не дошло, потомъ, помимо воли, ждала отвѣта, надѣялась, что Лизель образумится, находила, что онъ слишкомъ быстро примирился, и терзалась противорѣчивыми чувствами.

Они познакомились черезъ общихъ друзей съ маркизомъ Асмоден, который показывалъ Жафэ и его дочери красоты Равенны и устраивалъ разныя экскурсіи. Ирэнъ въ нихъ не участвовала. Однажды онъ предложилъ поѣздку въ Римини, и удивился, что Ирэнъ отказывается посѣтить городъ Паоло и Франчески. — Неужели вы не любите любовь? — спросилъ онъ. — Какъ можно не любить любовь?

Но она все-таки не поѣхала, и оставшись одна, долго сидѣла у себя въ комнатѣ; потомъ она вышла, и когда проѣзжающій возница предложилъ ей свои услуги, поѣхала одна въ знаменитый сосновый лѣсъ въ окрестности Равенны. Тамъ она долго гуляла и случайно попала на лужайку, заросшую фіалками и маленькими орхидеями. Ей вдругъ захотѣлось послать цвѣты Лизелю, чтобы позвать его этимъ нѣмымъ привѣтомъ, и, наклонившись къ землѣ, она стала срывать цвѣты, которые должны были быть вѣстниками ея неизмѣнной любви. Долго еще она блуждала по лѣсу до самаго вечера, и на обратномъ пути почувствовала сильный ознобъ. Цвѣты отправлены были въ тотъ же вечеръ. Вернувшись къ себѣ, Ирэнъ все не могла оправиться отъ озноба, вызваннаго долгой прогулкой по сырому лѣсу. Когда Жафэ и Анна-Марія вернулись домой, они застали ее въ жару, и въ ночь она тяжело заболѣла. Призванный врачъ нашелъ ея состояніе очень опаснымъ. Послѣ его ухода, Ирэнъ призывала мужа и, глядя на него печальными глазами, тихо прошептала:

— Неужели я должна умереть, не повидавъ его?

Жафэ тотчасъ же послалъ телеграмму.

VI.

Лизель мчался въ Равенну съ безумнымъ страхомъ не за-
стать Ирэнъ въ живыхъ; и только когда онъ вошелъ въ домъ
и понялъ изъ словъ служанки, что она еще жива, кошмаръ его
разсѣялся. Ему стало радостно, точно все еще можетъ быть спа-
сено. Къ нему сейчасъ же вышелъ Жафэ, и въ пожатіи его
руки Лизель почувствовалъ, что всѣ горькія чувства, раздѣлявшія
ихъ, разсѣялись. Не дожидаясь вопроса Лизеля, онъ сказалъ, что
у Ирэнъ воспаленіе легкихъ и что ея состояніе почти безнадежно.
Вслѣдъ за нимъ сейчасъ же вышла Анна-Марія, со словами:

— Мы васъ ждемъ, monsieur Лизель.

Непобѣдимая сила смерти сразу уничтожаетъ всѣ злобныя
чувства, вызванныя жизненными столкновеніями. При ея при-
ближеніи во всѣхъ сердцахъ остаются только чистыя, свободныя
чувства.

Лизеля сейчасъ же провели въ больной; Анна-Марія и отецъ
ея вышли изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ. Никто уже не
думалъ отнимать у любящихъ послѣднія минуты свиданья. Ирэнъ
тихо улыбнулась ему и долго молчала, глядя на него, когда онъ
сѣлъ подлѣ ея постели. Потомъ, какъ бы стараясь выразить все,
что хотѣла сказать, все, что тѣснилось у нея въ сердцѣ, она
выговорила только одно слово:

— Ложь...

— Ложь! — воскликнулъ Лизель, съ пламеннымъ желаніемъ
облегчить ея душу. Между нами нѣтъ больше лжи. Вы видите,
меня призвала ваша семья, и насъ уже ничто не раздѣлитъ. Я буду
ждать здѣсь вашего выздоровленія, я увезу васъ. Всѣ поймутъ,
что насъ нельзя разлучать.

Она хотѣла что-то отвѣтить, но не могла, и они замолчали,
опять, какъ прежде, понимая другъ друга безъ словъ... Черезъ
нѣсколько времени вошла Анна-Марія и отозвала Лизеля, по-
казавъ ему, что больная заснула. Онъ вышелъ за ней, и Жафэ,
ждавшій его въ салонѣ, предложилъ ему пойти въ отель, гдѣ
для него приготовлена была комната, чтобы отдохнуть и потомъ
вернуться, когда Ирэнъ позоветъ его. Онъ машинально вышелъ
изъ дому и пошелъ бродить по улицамъ. Вдругъ передъ нимъ
явилась фигура стараго маркиза Асмодеи, который удивился
его пріѣзду и сталъ подшучивать, намекая на возможность ро-
мантической тайны его пріѣзда. Услыхавъ въ отвѣтъ, что онъ

пріѣхалъ къ больному другу, Асмодеи выказалъ участіе и надежду, что другъ его поправится, что онъ не въ такомъ безнадежномъ состояніи, какъ, напримѣръ, одна бѣдная дама, которая умираетъ теперь въ Равеннѣ,—жена знаменитаго Жафэ.

Увидавъ испуганное лицо Лизеля, онъ сталъ говорить, что, можетъ быть, ошибается; онъ сразу понялъ чувство Лизеля, старался его утѣшить и предлагалъ свои услуги.

— Покажите мнѣ дорогу въ мой отель,—попросилъ Лизель, которому прежде всего хотѣлось остаться наединѣ.

VII.

Болѣзнь Ирэнъ затягивалась, и Лизель былъ неотступно при ней. Только изрѣдка Жафэ увлекалъ его на короткія прогулки, и разъ, когда они шли вдвоемъ, Жафэ вдругъ обратился къ нему со словами:

— Послушайте, Лизель,—сказалъ онъ,—мы, кажется, ошиблись. И въ этомъ виноватъ я. Я слишкомъ полагался на разумъ, а жизнь имѣетъ свои права.

„Зачѣмъ онъ все это говорить? — думалъ Лизель. — Ирэнъ умираетъ... Что мнѣ до всего остального?“

— Я долженъ былъ понять,—продолжалъ Жафэ,—что нельзя дѣлать того, что имѣешь... И если я не сумѣлъ сохранить ее для себя, для себя одного, я долженъ былъ ее дать вамъ, потому что она васъ любила. Меня ослѣплялъ эгоизмъ... А теперь она умираетъ отъ моей глубокой ошибки. Я во всемъ виноватъ, и, если можете, простите меня.

— Боже!—воскликнулъ Лизель, крѣпко сжимая руку Жафэ.— Еслибы она насъ слышала, она бы, по крайней мѣрѣ, знала, что мы ее поняли.

Придя домой, они застали Ирэнъ въ довольно хорошемъ состояніи. Она казалась менѣе слабой, и сказала:

— Расскажите мнѣ что-нибудь.

Въ глазахъ ея выражалась тревога, которую она не могла выразить словами. Жафэ и Лизель переглянулись, чувствуя, что нужны освобождающія слова для этой души, которая жаждетъ успокоенія. И Жафэ сказалъ торжественнымъ тономъ:

— Мы только что говорили съ Лизелемъ о томъ, что никакой законъ не имѣетъ силы надъ чувствомъ любви. Мы говорили, что любовь никогда не лжетъ передъ собой, что она—высшая правда. Мы оба въ этомъ согласны.

Ирэнъ поняла искупительное значеніе этихъ словъ. Глаза ея просвѣтлѣли, легкая улыбка мелькнула на губахъ. Она прошептала тихимъ дѣтскимъ голосомъ:

— Да, да!

Она стала пристально глядѣть на лица трехъ дорогихъ ей людей, какъ бы стараясь закрѣпить ихъ образы во взорѣ. Потомъ она устремила глаза на Лизеля съ нѣмой просьбой. Онъ наклонился къ ней, и она прошептала:

— Мнѣ хотѣлось бы послушать... вашу игру.

Онъ не сразу понялъ ее.

— Вы хотите... слушать музыку?

— Да, да.

Въ домѣ не было скрипки, и послали къ Асмодеи. Вскорѣ онъ самъ пришелъ и принесъ старинную великолѣпную Амати. Всѣ струны были порваны, и Лизель натянулъ новыя, радуясь желанію Ирэнъ, которое казалось признакомъ улучшенія.

Онъ сталъ играть, и никогда въ своей жизни онъ не извлекалъ ни изъ какой скрипки такихъ нѣжныхъ и такихъ скорбныхъ звуковъ. Анна-Марія и Жафэ отошли вглубь комнаты и слушали зачарованные. Асмодеи слушалъ изъ второй комнаты, гдѣ собрались всѣ слуги и слушали, едва сдерживая рыданія. Страдающее человѣческое сердце раскрывалось передъ слушателями, снявъ всѣ покровы, и изливало въ безгранично прекрасныхъ звукахъ всѣ тайны любви и душевной муки. Лизель вдругъ почувствовалъ, какъ пальцы его сводитъ судорога, но онъ напрягъ всю свою волю, чтобы побѣдить боль. — „Еще одно усиліе, — подумалъ онъ. — Я отдаю ей свои послѣднія пѣсни; больше ужъ никто меня не услышитъ; ей принадлежитъ послѣдній звукъ моего смычка, послѣдняя пѣснь моего сердца“. Эти мысли помогли ему побѣдить боль, и пальцы его продолжали играть, струны продолжали пѣть.

— Боже, какъ это прекрасно! — проговорилъ Жафэ.

Анна-Марія плакала, обнявъ отца, и проговорила среди рыданій:

— Мы не знали!.. Мы не знали!

— Мы такъ мало знаемъ! — тихо отвѣтилъ ей отецъ.

Три дня кряду Лизель игралъ по просьбѣ умирающей, обнявъ всѣхъ собравшихся у ея постели звуками, въ которые несъ всю глубину своего отчаянія. Быть можетъ, и Ирэнъ почувствовала въ эти часы, что тайна любви и тайна смерти освѣаютъ одна другую — только когда онѣ встрѣчаются. Тогда только онятно, что такое любовь и что такое смерть. Жизнь раздѣ-

ляетъ тысячью диссонансовъ даже наиболѣе тѣсно связанныя взаимной нѣжностью сердца. Смерть уничтожаетъ всѣ несогласія. Вокругъ постели, надъ которой она простираетъ крылья, остается мѣсто только для любви.

Еще одинъ разъ Аматіи пропѣла прощальную пѣсню — нѣжную, очищенную отъ отчаянія и мятежнаго чувства. Въ комнатѣ сидѣли обычные слушатели—Анна-Марія, не понимавшая всей бездонности звучащей въ пѣсни скорби, Жафэ, переводившій въ область мысли волновавшія его чувства, и Асмодеи, стоявшій на порогѣ комнаты, гдѣ умирала Ирэнъ. Лизель вспоминалъ, играя, все прошлое своей любви, ясно видѣлъ внутреннимъ взоромъ Ирэнъ въ разные моменты ихъ встрѣчъ, въ ея уютномъ салонѣ, въ горахъ, въ тотъ вечеръ, когда они смотрѣли на закатъ солнца въ Интерлакенѣ, въ незабвенный осенній вечеръ ихъ послѣдней прогулки въ Сень-Клу. И въ то время, какъ лились звуки, губы его беззвучно шептали:

— Прощай! Прощай!

Ирэнъ казалась спокойной. Она лежала съ закрытыми глазами и ровно дышала. При послѣднемъ звукѣ скрипки она открыла глаза и едва слышно прошептала:

— Помните... наши прогулки?

Она поняла, гдѣ были его мысли, когда онъ игралъ, и вспоминавшаго, о которыхъ пѣлъ его смычокъ, проникли въ ея ослабѣвающее сознаніе. Ее тоже окружали призраки минувшаго. Лизель выронилъ смычокъ изъ рукъ и подошелъ къ Ирэнъ, подзывавшей его умирающимъ взглядомъ.

— Бѣдный другъ! — прошептала она глухимъ, слабымъ голосомъ.

Всѣ въ комнатѣ переглянулись. Асмодеи тихо вышелъ; Жафэ подошелъ къ Аннѣ-Маріи, которая тихо плакала въ темномъ углу. Ирэнъ и Лизель остались опять одни. Казалось, что всѣ диссонансы ихъ прошлаго отзвучали, и вѣчная гармонія объединила ихъ души. Ихъ непримиримая съ дѣйствительностью мечта о любви, живущей только своими внутренними законами, вдругъ осуществлялась. Раздѣленные столькими препятствіями въ жизни, они теперь принадлежали только другъ другу—или казались какъ бы однимъ существомъ. На глазахъ Жафэ, въ присутствіи Анны-Маріи, Лизель наклонился къ Ирэнъ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Всѣ недобрыя чувства исчезли, осталось мѣсто только для любви и правды. Это слово, мучавшее Ирэнъ всѣ эти долгіе годы, было послѣднимъ, вышедшимъ изъ ея устъ. Она прошептала:

— Правда!

Лизель опустился на колѣни и взялъ ее за руку.

— Правда! — сказалъ онъ. — Она окружаетъ насъ своимъ сіяніемъ...

Анна-Марія и Жафѣ подошли вмѣстѣ къ постели Ирэнъ и стали за Лизелемъ. Жафѣ тихо положилъ ему руку на плечо. Ирэнъ еще разъ подняла глаза на нихъ, и увидавъ, какъ они сблизились, наконецъ, послѣ миновавшихъ жизненныхъ распрей, она снова тихо закрыла глаза. Когда они опять открылись, въ нихъ уже исчезъ свѣтъ сознанія и дыханіе остановилось. Смерть восторжествовала вмѣстѣ съ любовью и правдой, точно она одна могла ихъ примирить.

З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Китти.

Изъ Гейне.

1.

Ладья разсѣкаетъ волну,
Какъ грудь молодая газели—
Мы Тэмзу проѣхали всю
И въ паркѣ подѣхали успѣли.
Въ томъ паркѣ уютномъ живетъ
Моя несравненная Китти...
Красотки такой не найдешь
Въ кварталахъ Вестэндъ и Сити.
Она ожидаетъ меня
Съ любовью своей необъятной,
Разводитъ уютный каминъ
И чай кипятитъ ароматный.

2.

Умираетъ Китти! Щечки
Стали мрамора бѣлѣе...
Но частенько покидаю
Я бѣдняжку, не жалѣя.

И сама блѣдняжка знаетъ,
 Что ей жить осталось мало,
 Все жъ заботится о миломъ,
 Какъ здоровая, бывало.
 Умоляетъ, чтобъ носилъ я
 Только теплые чулочки —
 Ихъ сама она вязала...
 Все блѣдняють Китти щечки.

3.

Летятъ пожелтѣлые листья...
 Тоскующій лѣсъ умираетъ, —
 Что носить печать благородства,
 То рано всегда погибаетъ.
 Вершины деревъ озаряетъ
 Осенняго солнца сіянье —
 То лѣто листьѣ посылаетъ
 Послѣднее счастье лобзанья...
 И снова мнѣ хочется плакать,
 И сердце рыдаетъ отъ муки:
 Картина напомнила живо
 Печальное время разлуки —
 Меня покидала ты, Китти,
 Навѣки прощаясь со мною...
 Я былъ обездоленнымъ лѣсомъ,
 А ты — умиравшей листвою.

II.

Къ веснѣ 1849 года.

Изъ Петѣфи.

Прилетай, весна, скорѣе
 Изъ далекихъ странъ
 Лучезарной, свѣтлой феей,
 Разгони туманъ!
 Разукрась, весна, травкою
 Голыя поля —
 Заждалась тебя зимою
 Бѣдная земля.

Искѣли больной румянецъ
 Царственной зари,
 Дай ей радостный багрянецъ,
 Розы подари.
 Пусть зари въ сіяньи нѣжномъ
 Знаменуетъ намъ
 День побѣды неизбѣжной
 И грозу—врагамъ.
 Пусть и жаворонокъ въ поле
 Прилетитъ съ тобой,
 Запоетъ о свѣтлой волѣ,
 Волѣ золотой.
 Не забудь, весна-царица,
 Захватить цвѣты,
 Ароматныя кошницы
 Развѣвай намъ ты.
 Не хватаетъ ароматныхъ,
 Дѣвственныхъ цвѣтовъ
 На могилы невозвратныхъ,
 Пламенныхъ бойцовъ...

III.

Изъ Мицкевича.

Могилы гарема.

Мирза — путнику:

Розъ Востока назадъ въ этотъ міръ не зови!
 Сладко спать имъ въ глубокихъ могилахъ гарема.
 Самъ Аллахъ взялъ къ себѣ одалисокъ любви—
 Недозрѣвшія грозди земного Эдема.

Ихъ покрыла завѣса бѣгущихъ временъ;
 Лишь увѣнчаны плиты чалмою печальной,
 Да пестрѣетъ на нихъ много чуждыхъ именъ,
 Исцѣченныхъ рукою гнѣва нахальной.

Розы райскія! здѣсь ваши дни протекли
 Подъ таинственный лепетъ ключей говорливыхъ,

Далеко отъ людей и отъ глазъ нечестивыхъ...
 Вы, какъ розы въ осеннюю ночь, отцвѣли.
 Взоръ гаура сквернить прахъ жемчужинъ Востока—
 Я прощенья прошу за тебя у пророка.

IV.

Ай-Тодорскій маякъ.

ИЗЪ КРЫМСКАГО АЛЬБОМА.

Сквозь пучину и мракъ Ай-Тодорскій маякъ
 Насъ спасаетъ въ разгнѣванномъ морѣ...
 За волною волна, дикой злобой полна,
 Набѣгаетъ въ таинственномъ спорѣ.
 Я лечу на конѣ, на лихомъ скакунѣ,
 Изъ Алупки по „верхней дорогѣ“—
 Свѣтитъ мнѣ черезъ мракъ Ай-Тодорскій маякъ...
 Мое сердце—въ безумной тревогѣ.
 Тьма—заклятый мой врагъ... Ай-Тодорскій маякъ,
 Мы съ тобою товарищи оба:
 И тебя, и меня, какъ сіянія дня,
 Тьма страшится и деспотовъ злоба.
 Тамъ, гдѣ море шумитъ, гдѣ толпа нереидъ
 Разыгралась на гордомъ просторѣ,
 Гдѣ колонны дворцовъ—цитадели оковъ—
 Нагло смотрятъ въ лазурное море,
 Тамъ лучами атакъ, Ай-Тодорскій маякъ,
 Жги тирановъ средь сумрака ночи...
 Какъ горять у тебя, волю-птицу любя,
 Золотыя и гнѣвные очи!

Анатолій Доброхотовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1907.

Государственный Совѣтъ и Сенатъ.—Высшее дисциплинарное присутствіе и партія.—Письмо проф. Мартенса въ газету „Times“ съ упреками по адресу Государственной Думы.—Личный составъ Думы.—Опасные совѣты.—Свѣдущіе люди и думскія коммисіи.—Временное устраниenie членовъ Думы.—Большой вопросъ.—Э. В. Фришъ †.

Рѣдко, очень рѣдко напоминаетъ о себѣ Государственный Совѣтъ, въ новой для него роли „верхней палаты“. Единственный законопроектъ, выработанный до сихъ поръ въ его средѣ, касается преобразованія Сената. Нужно отдать справедливость инициатору этого проекта, А. А. Сабурову: онъ коснулся одного изъ больныхъ мѣстъ нашего государственнаго организма. Еще недавно первый департаментъ Сената—о которомъ пока только и идетъ рѣчь, въ виду особаго положенія, принадлежащаго ему въ правительственномъ мірѣ,—игралъ почетную роль, сдерживая произволъ администраціи, охраняя, по возможности, авторитетъ закона. Его дѣятельностью руководили такіе люди, какъ В. А. Арцимовичъ и А. Д. Шумахеръ, недаромъ подвергавшіеся систематической травлѣ въ реакціонной печати. Когда они сошли со сцены, традиціи ихъ времени быстро стали забываться; все меньше и меньше становилась сила сопротивленія, безъ которой немислима правильная дѣятельность высшаго административнаго суда. Рядомъ съ бывшими губернаторами среди сенаторовъ очутились бывшіе директора департамента полиціи. На стражѣ закона оказались его недавніе нарушители. Къ чему это привело—съ особенною ясностью показали сенатскія разъясненія избирательнаго закона, а также отказъ въ распубликованіи наказа Государственнаго Совѣта, пока въ немъ есть статья, разрѣшающая приглашеніе свѣдущихъ лицъ въ коммисіи Совѣта ¹⁾. Законопроектъ, составленный по почину

¹⁾ Въ прошломъ году Сенатъ не возражалъ противъ аналогичной статьи въ на-

А. А. Сабурова, возлагаетъ на сенатскую коллегію обязанность представлять Государю кандидатовъ, для замѣщенія открывающихся въ Сенатѣ вакансій, *изъ числа лицъ удовлетворяющихъ условіямъ, которыя должны быть указаны въ законѣ*. вмѣстѣ съ установленіемъ постоянного штата сенаторовъ, устраняющаго возможность массовыхъ новыхъ назначеній, это должно измѣнить къ лучшему личный составъ Сената. Его независимость проектъ ограждаетъ установленіемъ должности первоприсутствующаго (въ первомъ департаментѣ), съ передачей ему въ некоторыхъ функцій, теперь исполняемыхъ министромъ юстиціи,—а также отбѣною переноса дѣлъ въ общее собраніе и посылки ихъ на предварительное заключеніе министровъ. Въ видахъ тщательнаго и всесторонняго разбора дѣлъ, предполагается ввести устный докладъ ихъ самими сенаторами и допущеніе сторонъ и ихъ повѣренныхъ къ представленію словесныхъ объясненій... Понятно, что въ извѣстныхъ сферахъ все это должно было вызвать негодующую тревогу, отразившуюся, напримѣръ, въ „Дневникѣ“ кн. Мещерскаго. И раньше уже А. А. Сабуровъ былъ почтенъ нападками реакціонной печати, какъ одинъ изъ ораторовъ, выступившихъ на защиту нашей высшей школы. Теперь онъ доказалъ еще яснѣе свое право на вражду обскурантовъ.

Въ составѣ Сената первый департаментъ—не единственное учрежденіе, требующее радикальной реформы. Высшее дисциплинарное присутствіе, созданное въ одинъ изъ тѣхъ критическихъ моментовъ, которые такъ часто приходилось переживать судебнымъ уставамъ, вступило, въ послѣднее время, на крайне опасную дорогу. Призванное министромъ юстиціи къ участію въ „очищеніи“ судебного вѣдомства отъ неблагонадежныхъ элементовъ, оно ограничивалось сначала перемѣщеніемъ судей, „виновныхъ“ въ принадлежности къ какой-либо оппозиціонной партіи, на другую, равную должность. Основаніемъ для того служилъ пун. 3 ст. 295² учр. суд. установл. За силою этого пункта переводу, безъ прошенія, подлежитъ судья, „поставившій себя, своимъ образомъ дѣйствій въ мѣстѣ служенія, въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей“. Казалось бы, что для примѣненія этой мѣры необходимы *дѣйствія* судьи—дѣйствія уже совершившіяся, а не предполагаемыя; казалось бы, что принадлежность къ партіи не исключаетъ, сама по себѣ, ни спокойствія, ни безпристрастія; казалось бы, однимъ словомъ, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ держаться правила Щедрина-скаго становаго: „ожидать поступковъ“. Утѣшаться, однако, можно

казъ Государственной Думы — но тогда противъ приглашенія свѣдущихъ лицъ не возражало министерство.

было тѣмъ, что перемѣщеніе на другую должность—не настоящая кара, а нѣчто лишь отчасти на нее похожее. Иное дѣло—удаленіе отъ должности: въ карательномъ его характерѣ не можетъ быть никакого сомнѣнія. И вотъ, эту мѣру высшее дисциплинарное присутствіе примѣнило недавно къ члену виленьской судебной палаты Г. Д. Скарятину, за принадлежность къ партіи демократическихъ реформъ. Г. Д. Скарятинъ подведенъ Сенатомъ подъ дѣйствіе 2-го пункта ст. 295². По этому пункту можетъ быть уволенъ отъ должности судья, „дозволившій себѣ, внѣ службы, такіе противныя нравственности или предосудительныя поступки, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія“. И здѣсь, слѣдовательно, требуются опредѣленные *поступки*, къ разряду которыхъ нельзя отнести принадлежность къ партіи; но если это и поступокъ, то въ немъ, очевидно, нѣтъ ничего предосудительнаго, ничего противнаго нравственности, разъ-что не безнравственна партійная программа и не предосудительны партійныя цѣли. Никто, конечно, не рѣшится утверждать, что присоединеніе къ партіи демократическихъ реформъ несовмѣстно съ *достоинствомъ* судьи и лишаетъ его права на довѣріе и уваженіе. Для составителей закона 1885 года, изъ котораго заимствована ст. 295-я учр. суд. устан., слова *нравственность* и *предосудительность* имѣли, безъ сомнѣнія, тотъ самый смыслъ, въ какомъ они употребляются въ обществѣ. Рѣчь шла о томъ, чтобы освободить магистратуру отъ такихъ судей, которые навлекаютъ на себя справедливое осужденіе всякаго честнаго человѣка. Толкованіе Сената одинаково идетъ въ разрѣзъ и съ буквой, и съ смысломъ закона. Всею своею тяжестью оно падаетъ на людей прямолинейныхъ, искреннихъ, неспособныхъ идти на сдѣлку съ совѣстью—т.-е. именно на тѣхъ, кто особенно ясно сознаетъ и высоко цѣнитъ обязанности судьи. Если режимъ, нынѣ господствующій въ министерствѣ юстиціи и насаждаемый имъ въ Сенатѣ, продержится долго, можно опасаться серьезнаго упадка судейскихъ нравовъ: все чаще и чаще будутъ повторяться публичныя отреченія отъ взглядовъ, въ сущности остающихся прежними, все больше и больше подъ маской безпартійности будетъ скрываться враждебное отношеніе къ существующему строю. Лицемеріе—обычный отвѣтъ на властную регламентацію убѣжденій.

Что „Московскія Вѣдомости“ печатаютъ, съ нѣкоторыхъ поръ, во главѣ каждаго своего листа: „А прежде всего Дума должна быть распущена“—это неудивительно: ничего другого нельзя было и ожидать.

отъ неисправимыхъ приверженцевъ безправія и произвола, вздыхающихъ по потерянномъ раѣ стараго режима. Столь же естественно и то, что разные отдѣлы „союза русскаго народа“ обращаются къ Государю, по сигналу изъ Петербурга, съ просьбами о роспускѣ Думы. Весьма понятно, наконецъ, что съ роспускомъ Думы неразрывно связано, въ глазахъ подобныхъ агитаторовъ, измѣненіе избирательнаго закона: не стоило бы и хлопотать о „разгонѣ“ депутатовъ, еслибы выборъ ихъ преемниковъ долженъ былъ совершиться на той же почвѣ, при дѣйствіи тѣхъ же порядковъ. Неприкосновенность закона, святость даннаго слова—понятія, чуждыя реакціонной кликѣ: игнорируя ихъ, она остается вѣрною самой себѣ. Совершенно иное впечатлѣніе знакомые мотивы производятъ въ устахъ профессора-юриста, знатока государственнаго и международнаго права. Трудно было ожидать, что къ хору, управляемому гг. Грингмутомъ и Дубровинимъ, присоединится голосъ Ф. Ф. Мартенса. Письмо, адресованное имъ въ „Times“¹⁾, заслуживаетъ вниманія какъ признакъ времени, характерный и печальный. Остановиться на немъ подробно мы считаемъ нужнымъ и потому, что оно даетъ намъ удобный поводъ отозваться на многіе жгучіе вопросы настоящей минуты.

Въ началѣ своего письма г. Мартенсъ подчеркиваетъ его не-официальный характеръ: „я высказываю мою точку зрѣнія“—говоритъ онъ,—„какъ абсолютно частное и совершенно независимое лицо“. То же самое онъ утверждаетъ и въ письмѣ къ издателю „Новаго Времени“, стараясь опровергнуть неблагоприятныя для него толки въ русской печати. Для насъ важно не то, по собственной ли инициативѣ или по стороннему внушенію г. Мартенсъ обратился къ англійской газетѣ: важно то, какъ должно было быть понято это обращеніе. На Западѣ г. Мартенсъ извѣстенъ преимущественно какъ дипломатъ, неоднократно и еще недавно исполнявшій официальные порученія или дѣйствовавшій отъ имени русскаго правительства. Въ его словахъ европейское общественное мнѣніе не могло не усмотрѣть отголосокъ настроеній, господствующихъ въ русскихъ вліятельныхъ сферахъ. Г-нъ Мартенсъ долженъ былъ это предвидѣть—и воздержаться отъ шага, по меньшей мѣрѣ неосторожнаго. Хорошо еще, что взгляды, выраженные г. Мартенсомъ, немедленно нашли отпоръ въ той самой газетѣ, гдѣ напечатано его письмо: но не на то, конечно, рассчитывалъ авторъ письма, публично отвѣчая на интимные вопросы своихъ заграничныхъ друзей.

Посмотримъ теперь на самое содержаніе письма. Вторая Дума, по словамъ г. Мартенса, не можетъ успѣшно работать на благо русской

¹⁾ Полный переводъ письма г. Мартенса помѣщенъ въ № 417 газеты „Россія“.

націи. „Законодательное собраніе, не находящее ни одного слова для порицанія убійства, совершенно неспособно обсуждать законы, необходимые для порядка и спокойствія страны. Представительное собраніе, предающееся лишь рѣчамъ риторическаго недовольства и неограниченной ненависти, не можетъ создать въ государствѣ новый порядокъ. Оно, очевидно, неспособно даже прибавить нѣсколько новыхъ камней къ существующему государственному строенію... Дума не только ничего не сдѣлала — она не проявляетъ даже никакого желанія сдѣлать что-либо. Она неспособна даже обсуждать проекты, положенные на ея столъ правительствомъ... Рѣчи депутатовъ были до сихъ поръ непростительной тратой времени... Въ теченіе болѣе мѣсяца у большинства Думы была въ виду лишь одна цѣль — избавиться отъ правительства и, если возможно, ниспровергнуть его любыми средствами... Изумительно полное отсутствіе въ рѣчахъ депутатовъ сознанія общности со всею націей. Каждый депутатъ говоритъ лишь какъ представитель партіи, и никогда — какъ русскій гражданинъ нашей имперіи... Никто не задается вопросомъ, чего требуетъ благосостояніе всей страны и будущее всей націи... Ни у большинства, ни у меньшинства Думы нѣтъ вождей. Правительство также сдѣлало слишкомъ мало для руководства Думой“, — а между тѣмъ такое руководство „въ высшей степени необходимо для юнаго парламента“.

Такова картина, на которой авторъ письма строить свои дальнѣйшіе выводы. Можно сказать, не рискуя впасть въ преувеличеніе, что въ ней нѣтъ ни одного вѣрнаго штриха. Письмо г. Мартенса напечатано въ „Times“ 2 (15) апрѣля, т.-е. написано не позже 1-го апрѣля ст. ст., менѣе чѣмъ черезъ шесть недѣль послѣ открытія Думы. Если вычесть изъ этого промежутка времени дни, занятые организаціей президіума и потерянные вслѣдствіе паденія потолка въ залѣ засѣданій, то остается всего одинъ мѣсяць. Приведемъ, по этому поводу, нѣсколько историческихъ справокъ. Французскому учредительному собранію 1789-го года никто не откажетъ, конечно, въ крупной производительной силѣ. Тѣмъ не менѣе, если даже считать исходной его точкой не 5-ое мая — день открытія генеральныхъ штатовъ, а 25-ое іюня — день, закрѣпившій соединеніе сословій въ одно нераздѣльное цѣлое, то придется признать, что положительныхъ результатовъ первый періодъ дѣятельности собранія (до начала августа) далъ очень мало. А что успѣло создать, до іюньскаго мятежа, французское учредительное собраніе 1848-го года, открытое 4-го мая? Въ сущности — ничего. Франкфуртскому парламенту понадобилось, въ томъ же году, нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы только приступить къ исполненію своей задачи. Никакихъ яркихъ слѣдовъ не осталось отъ шестимѣсячной работы прусскаго національнаго собранія 1848-го года. Всѣ названныя

нами собранія засѣдали, правда, въ смутное время, встрѣчая на своемъ пути разныя внѣшнія препятствія; но кто же назоветъ нормальной обстановку, въ которой находится наша Дума? Возьмемъ, однако, періоды менѣ бурные. Французская палата депутатовъ — первая при дѣйствіи конституціи 1875-го года — собралась 8-го марта 1876-го года и до 11-го апрѣля (когда начались пасхальныя вакаціи) успѣла рассмотреть только одинъ, сравнительно неважный законопроектъ (о пособіи пострадавшимъ отъ наводненія). Даже и этого нельзя сказать о первомъ мѣсяцѣ засѣданій палаты, избранной въ 1881-мъ году. Слѣдующая за нею, собравшись 10-го ноября (1885-го года), успѣла рассмотреть въ теченіе пяти недѣль только три запроса министерству, а первый законопроектъ утвердила лишь 24-го декабря. Въ Пруссіи палата депутатовъ, избранная въ 1862-мъ году, не пошла, въ продолженіе мѣсяца, дальше обсужденія отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Первый парламентъ королевы Викторіи, въ первую свою сессію (съ 20-го ноября по 23-е декабря 1837-го года), ограничился утвержденіемъ новаго гражданского устава. Такихъ примѣровъ можно было бы привести сколько угодно, и мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что малая производительность первыхъ недѣль парламентской сессіи — не исключеніе, а общее правило.

Чтобы опѣнить по достоинству упреки, дѣлаемые нашей второй Думѣ за медленность ея работы, не мѣшаетъ бросить взглядъ на недавнее прошлое. Съ бѣльшею или меньшею скоростью нашъ старый законодательный механизмъ дѣйствовалъ только въ короткія и рѣдкія эпохи прогрессивныхъ правительственныхъ настроеній (припомнимъ, напримѣръ, что быстрота рассмотрѣнія Государственнымъ Совѣтомъ положеній о крестьянахъ была достигнута лишь благодаря вмѣшательству самого императора), а также тогда, когда признавалось нужнымъ принять какъ можно скорѣе ту или другую „охранительную“ мѣру (напримѣръ, законъ 9-го мая 1878-го года, вызванный состоявшимся 31-го марта вердиктомъ присяжныхъ по дѣлу Вѣры Засуличъ). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ послѣдовалъ медленно, иногда очень медленно, или останавливался на полѣ-дорогѣ. Проектъ уголовного уложенія, комиссіею Э. В. Фриша (также трудившейся не торопясь, въ теченіе цѣлыхъ тринадцати лѣтъ) законченный въ 1895-му году, сталъ закономъ лишь *восемь* лѣтъ спустя, въ 1903-мъ году. Пересмотръ положеній о крестьянахъ, предпринятый, въ половинѣ 90-хъ годовъ, при И. Н. Дурново, приостановившійся при И. Л. Горемыкинѣ, возобновленный при Д. С. Сипягинѣ и усиленно двинутый впередъ при В. К. Плеве, такъ и не пошелъ дальше министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ прошломъ году, по вѣнѣ кабинетовъ графа Битте и И. Л. Горемыкина, Государственной Думѣ долго пришлось

ждать первыхъ правительственныхъ законопроектовъ. Не странно ли, въ виду такихъ фактовъ, требовать отъ Думы чуть не лихорадочной дѣятельности и непрерывно слѣдующихъ одно за другимъ рѣшеній? И можно ли назвать обвиненія, вытекающія изъ этихъ требованій, иначе какъ легкомысленными—или лицемѣрными?

Дума — увѣряетъ г. Мартенсъ, вторя газетнымъ и сановнымъ обскурантамъ—не только ничего не сдѣлала, но и не проявляетъ желанія что-либо сдѣлать. А что же означаетъ избраніе многочисленныхъ комиссій, отчасти уже начавшихъ свои занятія? Развѣ въ немъ не отразилось съ достаточною ясностью намѣреніе широко развить законодательную работу, обнимающую собою какъ проекты, внесенные правительствомъ, такъ и проекты, исходящіе изъ среды самой Думы? Развѣ не тѣмъ же намѣреніемъ внушено рѣшеніе Думы приступить къ детальному обсужденію бюджета?.. Безспорно, нѣкоторыя изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Думѣ, можно назвать „непроизводительною тратой времени“; но опытность никому не дается сразу, умѣньемъ говорить сжато и дѣловито, не повторяясь и не уклоняясь въ сторону, обладаетъ не всякій, даже тамъ, гдѣ давно сложились парламентскіе нравы. Далеко не излишнимъ, притомъ, было многое изъ сказаннаго до сихъ поръ въ Думѣ. Только пренія, не стѣсненные слишкомъ узкими рамками, могли раскрыть характеръ группъ, на которыя распадается Дума, и приготовить, тѣмъ самымъ, избраніе комиссій. Если черезчуръ долго тянутся рѣчи по земельному вопросу, не прекращаясь даже послѣ выбора аграрной комиссій, то отнюдь нельзя сдѣлать того же упрека общимъ дебатамъ о бюджетѣ; сравнительно короткіе, они были необходимы уже потому, что крайнія лѣвыя партіи добивались немедленнаго отклоненія бюджета, т.-е. хотѣли вовлечь Думу въ ошибку, для предупрежденія которой требовались подробныя разъясненія.

Если Дума готова работать и дѣйствительно работаетъ—пока, по необходимости, главнымъ образомъ въ комиссіяхъ, — то само собою падаетъ обвиненіе ея въ томъ, что она не знаетъ другой цѣли, кромѣ ниспроверженія правительства, и въ стремленіи къ этой цѣли изливаетъ потоки „риторическаго недовольства и неограниченной ненависти“. Да, громадное большинство Государственной Думы убѣждено въ несостоятельности министерства П. А. Столыпина, въ невозможности достигнуть умиротворенія страны, пока оно находится у власти; но въ выраженіяхъ этого убѣжденія меньше всего слышится риторика, и недовольство рѣдко принимаетъ форму ненависти. Да, громадное большинство Думы желаетъ — и не можетъ не желать — перемѣны министерства; но *перемѣна министерства и ниспроверженіе правительства* (да еще, въ добавокъ, „любими средствами“) — далеко не одно

и то же, и смѣшеніе этихъ понятій слѣдовало бы предоставить всецѣло „союзникамъ“ въ Думѣ и внѣ Думы. Можно пожалѣть, что иногда бьетъ черезъ край раздраженіе, накопившееся десятилѣтіями и долго не находившее никакого выхода; но нужно смотрѣть сквозь очки особаго рода, чтобы не видѣть ничего другого въ рѣчахъ думской оппозиціи.

Неспособность Думы обсуждать даже правительственные законопроекты г. Мартенсъ выводитъ изъ ея состава. Интеллектуальный уровень второй Думы онъ называетъ крайне низкимъ. Изъ 500 ея членовъ только 120 получили университетское образованіе; изъ остальныхъ лишь немногіе учились въ гимназіи, нѣкоторые совершенно неграмотны, нѣкоторые могутъ лишь читать... Громадное значеніе образованія мы, конечно, отрицать не станемъ; но вѣдь о степени развитія даннаго лица, о количествѣ и качествѣ свѣдѣній, которыми оно обладаетъ, нельзя судить по одному формальному признаку аттестата или диплома. Учиться можно не только на школьной скамьѣ; уроки позднѣйшей жизни могутъ быть болѣе цѣнны, чѣмъ заученное въ годы отрочества и ранней молодости. Какъ эти годы отразились на депутатахъ, разсматриваемыхъ г. Мартенсомъ съ высоты его профессорскаго величія—мы пока не знаемъ; но намъ невольно приходится на память, что Бебель, первоклассный ораторъ и выдающійся глава партіи, окончилъ курсъ только въ городской школѣ и занимался, послѣ того, токарнымъ ремесломъ. Съ сѣдельной мастерской началъ свое поприще Ауэръ, также незаурядный членъ германскаго рейхстага. Очень немногимъ были обязаны школѣ Брайтъ, Кобденъ, Линкольнъ. Правда, наша русская дѣйствительность меньше, до сихъ поръ, благоприятствовала самообразованію, чѣмъ западно-европейская; но и у насъ оно было возможно, и у насъ, слѣдовательно, большой ошибкой было бы придавать преувеличенное значеніе образовательному цензу. Не слѣдуетъ, далѣе, упускать изъ виду, что во всякомъ законодательномъ собраніи тяжесть активной работы падаетъ, главнымъ образомъ, на немногихъ; они расчищаютъ дорогу для остальныхъ, предсѣдательствуя въ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ, составляя комиссіонные доклады, подготавливая или передѣлывая законопроекты, опредѣляя тонъ и характеръ преній. Если и предположить, что такая роль сильна только для лицъ, получившихъ высшее образованіе то вѣдь этому условію удовлетворяетъ почти четверть личнаго состава второй думы. Между 120 депутатами найдется, безъ сомнѣнія, достаточное число лицъ, способныхъ руководить партіями и направлять парламентскую дѣятельность. Чрезвычайно знаменателенъ, съ этой точки зрѣнія, тотъ фактъ, что значительное большинство предсѣдательствующихъ въ думскихъ комиссіяхъ принадлежитъ къ центру Думы, т.-е. къ тѣмъ группамъ, гдѣ всего выше

процентъ образованныхъ людей... Спросимъ себя, съ другой стороны, велика ли была работоспособность большинства въ нашемъ старомъ законосовѣщательномъ учрежденіи—въ до-реформенномъ Государственномъ Совѣтѣ, члены котораго почти всѣ прошли курсъ высшихъ учебныхъ заведеній (высшихъ, правда, иногда только по имени)? Не къ формальности ли, лишенной всякаго реального значенія, сводилось разсмотрѣніе дѣлъ въ общемъ собраніи Совѣта? Да и въ департаментахъ, гдѣ совершалась настоящая работа, всѣ ли члены принимали въ ней активное участіе? Не смѣшно ли предъявлять къ Думѣ требованія, о которыхъ — въ кружкахъ, мыслящихъ по тому же шаблону, какъ и г. Мартенсъ—никто тогда и не помышлялъ, хотя исполнить ихъ было сравнительно нетрудно?

Ученому юристу, „въ теченіе почти полустолѣтія наблюдавшему политическія учрежденія націй цивилизованнаго міра“, не слѣдовало бы изумляться тому, что каждый членъ Думы говоритъ какъ представитель партіи. Ему слѣдовало бы знать, что въ основѣ дѣленія на партіи вездѣ и всегда лежитъ различіе взглядовъ на сущность народнаго блага и на средства его осуществленія. Сквозь партійную призму, какова бы она ни была, искренній политическій дѣятель всегда видитъ интересы великаго цѣлаго, служить которому онъ призванъ. Русскимъ гражданиномъ чувствуетъ и сознаетъ себя не только тотъ, кто, бія себя въ грудь, кричитъ о любви своей къ Россіи... Г-ну Мартенсу кажется, что никто изъ членовъ Думы не заботится о благосостояніи всей страны и о будущемъ всей націи; мы убѣждены, наоборотъ, что эта забота чужда развѣ немногимъ—но способамъ пониманія обязанностей, которыя изъ нея вытекаютъ, по меньшей мѣрѣ столько, сколько существуетъ въ Думѣ партій. Авторъ разбираемаго нами письма сокрушается о томъ, что ни у большинства, ни у меньшинства Думы нѣтъ вождей. Такъ ли это—вопросъ сложный, котораго мы пока касаться не будемъ; но мы желали бы знать, какъ со-
 вѣстивъ сѣтованія г. Мартенса на отсутствіе вождей съ указаніями его на необходимость правительственнаго руководства Думою? Къ чему парламентскіе вожди, разъ что ихъ роль должна быть исполняема министерствомъ? Несмотря на „полувѣковыя наблюденія“, г. Мартенсу осталась неизвѣстна та простая истина, что между руководителемъ и руководимыми должна существовать внутренняя связь, для установленія которой достаточно властнаго слова. Она образуется сама собою, разъ-что кабинетъ солидаренъ съ большинствомъ палаты; она немыслима, пока ихъ разделяетъ цѣлая пропасть. Министерство П. А. Столыпина можно упрекать въ чемъ угодно, только не въ томъ, что ставитъ ему въ вину г. Мартенсъ: сколько бы оно ни старалось вліять на Думу, это было бы ему не по силамъ.

Считая роспускъ Думы „абсолютно неизбѣжнымъ“, г. Мартенсъ совѣтуетъ правительству „высказать, въ то же время, твердое намѣреніе управлять также и впредь согласно нашимъ законамъ“. „Наиболѣе успокаивающее дѣйствіе“ произведетъ, по его мнѣнію, „объявленіе въ самый день роспуска теперешней Думы дня открытія третьей Думы“. Такое объявленіе, прямо требуемое основными законами (ст. 105), было сдѣлано одновременно съ роспускомъ первой Думы—но рѣшительно никого не успокоило; болѣе чѣмъ наивно возлагать какія-либо надежды на его повтореніе... Только-что рекомендовавъ правительству соблюденіе законности, г. Мартенсъ съ легкимъ сердцемъ предлагаетъ прямо противоположный образъ дѣйствій. Онъ знаетъ, что измѣненіе, одностороннимъ правительственнымъ актомъ, избирательной системы было бы „нарушеніемъ конституціонныхъ законовъ“—и все-таки стоитъ за такое измѣненіе. „Выбора нѣтъ“,—воскликаетъ онъ;—„или правительство не измѣнитъ существующаго избирательнаго закона—и тогда третья Дума будетъ, можетъ быть, даже хуже, чѣмъ вторая; или оно разумно измѣнитъ его и соберетъ работоспособное и дѣйствительно законодательное собраніе. Въ послѣднемъ случаѣ правительство обезпечитъ спокойный и законный прогрессъ нашихъ политическихъ учреждений и нашей политической и соціальной жизни. Я увѣренъ, что искренніе сторонники порядка и спокойствія въ Россіи нисколько не поколеблются въ выборѣ. Ради спасенія Россіи для нормальной политической жизни и обезпеченнаго будущаго новый и лучшій избирательный законъ абсолютно необходимъ. Относительно этого пункта сомнѣніе недопустимо“... Напрасно г. Мартенсъ полагаетъ, что самоувѣренностью тона можно прикрыть несостоятельность мысли. Какую цѣнность можетъ имѣть обѣщаніе „управлять согласно законамъ“, идущее рука объ руку съ безцеремоннымъ ихъ игнорированіемъ? Какимъ образомъ „законный прогрессъ“ можетъ быть обезпеченъ явно незаконнымъ актомъ? Не ясно ли, наоборотъ, что началу неизбѣжно должно соответствовать и продолженіе, что первый фальшивый шагъ неминуемо влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ, такихъ же? Припомнимъ слова великаго поэта: „Das ist der Fluch der bösen That, dass sie fortwährend Böses muss erzeugen“¹⁾... Объ „искреннихъ сторонникахъ спокойствія и порядка“ мы лучшаго мнѣнія, чѣмъ г. Мартенсъ; мы увѣрены, что для нихъ ясна не только безнравственность, но и опасность скачковъ назадъ, въ только-что покинутую область произвола. Каковъ бы ни былъ составъ Думы, избранной на основаніи „лучшаго избирательнаго закона“, надъ нею

¹⁾ „Проклятіе злого дѣла состоитъ въ томъ, что оно постоянно должно порождать новое зло“.

тяготѣлъ бы первородный грѣхъ ея происхожденія. Ея естественными противниками явились бы всѣ классы, всѣ группы населенія, у которыхъ было бы отнято избирательное право. На ея сторонѣ была бы только матеріальная сила, неспособная сама по себѣ—какъ ясно показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ—создать что-нибудь прочное и дать странѣ столь необходимый для нея внутренній миръ. Что такое, наконецъ, *лучшій* избирательный законъ? Абсолютныхъ нормъ избирательнаго права не существуетъ; оно должно отвѣчать условіямъ времени и мѣста. Приемлемое вчера можетъ не быть цѣлесообразнымъ сегодня. Послѣ полнѣйшаго безправія цѣнными могутъ показаться и весьма ограниченные льготы; но когда сравнительно широкое право вступило въ жизнь, нелегко примириться съ его урѣзкой. Два мѣсяца тому назадъ мы старались показать, какъ быстро пускаетъ корни всеобщая подача голосовъ, какія препятствія встрѣчаетъ ея замѣна ценовой или вообще рестриктивной системой. Не повторяя сказаннаго нами тогда, замѣтимъ только, что проектъ г. Мартенса—какъ и всѣ другіе, направленные къ аналогичной цѣли,—идутъ прямо въ разрѣзъ съ уроками исторіи.

Въ письмѣ г. Мартенса, какъ мы видѣли, идетъ рѣчь объ „избавленіи“ отъ правительства, какъ о „единственной цѣли“, къ которой, будто бы, стремится большинство Государственной Думы. Съ гораздо большимъ правомъ можно было бы говорить о желаніи министерства, если не „избавиться“ отъ Думы, то, по крайней мѣрѣ, затруднить и стѣснить ея дѣятельность. Едва-ли, напримѣръ, можно назвать иначе министерское veto, наложенное на приглашеніе свѣдущихъ людей въ засѣданія думскихъ комиссій. По ст. 42-ой Учр. Гос. Думы въ засѣданія думскихъ отдѣловъ и комиссій не допускаются ни постороннія лица, ни представители печати. Слѣдующая, 43-я статья разрѣшаетъ присутствіе тѣхъ и другихъ въ засѣданіяхъ общаго собранія Думы. Сопоставленіе этихъ статей приводитъ къ убѣжденію, что и въ той, и въ другой идетъ рѣчь о *гласности* засѣданій: статья 42-ая ее устраняетъ, статья 43-я—допускаетъ. Съ гласностью, т.-е. съ открытіемъ дверей засѣданія для публики, не имѣетъ ничего общаго присутствіе въ засѣданіи отдѣльныхъ лицъ, особо къ тому приглашенныхъ. Въ пленарныхъ засѣданіяхъ Думы для такихъ лицъ нѣтъ мѣста: Дума обсуждаетъ и постановленія *рѣшенія*, въ ней можетъ, слѣдовательно, раздаваться голосъ только ея членовъ. Совсѣмъ инымъ является положеніе комиссій, гдѣ ничего не рѣшается, а происходитъ только подготовительная работа. Нѣтъ осн-
ванія устранять отъ участія въ ней всѣхъ тѣхъ, чье мнѣніе признаетъ нужнымъ выслушать сама комиссія. Общее собраніе Дум

можетъ происходить только въ ея официальномъ помѣщеніи; коммисіи могутъ засѣдать гдѣ имъ угодно. Собравшись вѣ Думы, коммиссія тѣмъ самымъ дѣлаетъ невозможнымъ правительственный контроль надъ ея составомъ. Къ чему же создавать препятствіе, которое такъ легко обойти? Не значить ли это искусственно увеличивать безъ того уже слишкомъ большую сумму взаимнаго раздраженія и недовѣрія?

Право парламентскихъ коммиссій приглашать въ свои засѣданія свѣдущихъ лицъ признано въ Западной Европѣ почти повсемѣстно ¹⁾. У насъ оно подверглось сомнѣнію и спору только благодаря ненормальнымъ условіямъ, при которыхъ развивается наша конституціонная жизнь. Чего, чего не наговорила по этому поводу „услужаящая“ печать! Подъ именемъ экспертовъ—таковъ, напримѣръ, одинъ изъ главныхъ ея аргументовъ,—въ составъ думскихъ коммиссій проникнетъ тотъ „третій элементъ“, который оказался столь зловреднымъ въ земской сферѣ. Входить въ существо вопроса о значеніи третьяго элемента мы, конечно, здѣсь не станемъ; для насъ достаточно указать, что между ролью, принадлежащею ему въ земствѣ, и ролью экспертовъ въ думскихъ коммиссіяхъ нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Земскіе статистики, агрономы, врачи, учителя, страховые агенты имѣли и имѣютъ опредѣленный кругъ *дѣятельности*: источникъ ихъ вліянія—все равно, полезнаго или вреднаго, — слѣдуетъ искать въ ихъ активной работѣ, а не въ участіи ихъ, съ совѣщательнымъ голосомъ, въ земскихъ коммиссіяхъ. На долю экспертовъ, приглашенныхъ думскими коммиссіями, такой работы не выпало бы вовсе: ничего другого, кромѣ словесныхъ объясненій, отъ нихъ бы не ожидалось, ихъ роль оканчивалась бы въ моментъ выхода изъ засѣданія коммиссіи. Говорить, далѣе, что приглашеніемъ свѣдущихъ лицъ думскія коммиссіи сами выдаютъ себя—а слѣдовательно и избравшей ихъ Думѣ—удостовереніе въ некомпетентности, въ неспособности собственными силами справиться съ своей задачей. Не говоря уже о томъ, что для правильной постановки специальныхъ вопросовъ необходимы спеціальныя свѣдѣнія, доступныя немногимъ,—приглашенные лица могутъ снабдить коммиссію фактическими данными, ознакомить ее съ мѣстными потребностями, раскрыть передъ нею настроенія, съ которыми придется считаться при исполненіи проектируемаго закона. Коммиссія, а вслѣдъ за нею и Дума, сохраняетъ, притомъ, полную свободу въ оцѣнкѣ матеріаловъ, получаемыхъ путемъ распроса свѣдущихъ лицъ. Объясненія, данныя этими лицами, облегчаютъ законодательную работу, нисколько не предпо-

¹⁾ См. обстоятельную статью М. Я. Осгродорскаго въ приложеніи къ „Рѣчи“ 4-го апрѣля.

дѣляя ея результаты, нисколько не уменьшая ответственность, связанную съ рѣшеніемъ... А если подъ видомъ свѣдущихъ лицъ комиссіи стануть приглашать, главнымъ образомъ, тѣхъ, кто почему-либо не попалъ въ Думу? Это совершенно невѣроятно, какъ потому, что въ каждой комиссіи засѣдаютъ члены всѣхъ или почти всѣхъ думскихъ партій, такъ и потому, что для совѣщанія съ единомышленниками нѣтъ никакой надобности призывать ихъ въ комиссію. Безспорно, въ средѣ каждой партіи вліятельную роль играютъ не одни только члены Думы; но для такого вліянія открыто множество путей, и его нельзя предупредить никакими запрещеніями, никакимъ надзоромъ. Для уменьшенія воздѣйствія извнѣ есть только одно средство: отказаться, на будущее время, отъ тѣхъ приемовъ, съ помощью которыхъ былъ закрываемъ, для выдающихся представителей оппозиціи, доступъ въ Думу.

Основываясь на неправильномъ толкованіи ст. 42-ой, министерство П. А. Столыпина возстаетъ не только противъ приглашенія экспертовъ въ думскія комиссіи, но и противъ приглашенія свидѣтелей въ думскіе отдѣлы, занимающіеся повѣркой выборовъ. На просьбу отдѣла, разсматривающаго выборное производство по гродненской губерніи, вызвать въ засѣданіе отдѣла, въ качествѣ свидѣтеля, бывшаго члена первой Государственной Думы М. Я. Острогорскаго, предсѣдатель совѣта министровъ отвѣчалъ отказомъ, присоединивъ къ нему слѣдующую оговорку: „если Государственной Думѣ угодно будетъ поставить меня въ извѣстность, какія именно обстоятельства имѣлось въ виду выяснить этимъ путемъ, то я не премину запросить необходимыя свѣдѣнія отъ г. Острогорскаго, а равно и отъ другихъ лицъ, въ показаніяхъ коихъ можетъ встрѣтиться надобность, и сообщить таковыя со всѣми относящимися къ нимъ документами“. По ст. 147-ой Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, повѣрка правъ избранныхъ членовъ Думы принадлежитъ самой Думѣ, которой и приносятся жалобы на неправильность производства выборовъ. Какимъ же образомъ учрежденіе, окончательно рѣшающее вопросъ о правильности или неправильности выборовъ, можетъ быть лишено права собирать и повѣрять, въ лицѣ своихъ представителей, данныя, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе? Не ясно ли, что къ числу такихъ данныхъ принадлежать, прежде всего, свидѣтельскія показанія? Не ясно ли, что безошибочное сужденіе о значеніи и достоинствѣ этихъ показаній возможно для Думы только тогда, когда они даны въ присутствіи членовъ Думы (т.-е. подлежащаго ея отдѣла)? Если въ глазахъ суда имѣютъ силу только свидѣтельскія показанія, отобранныя имъ самимъ или другимъ компетентнымъ органомъ судебной власти, то можно ли требовать отъ Думы, чтобы она довольствовалась пока-

заніями, которыя будутъ ей сообщены администраціей? Кто изъ административныхъ должностныхъ лицъ уполномоченъ, въ подобныхъ случаяхъ, спрашивать свидѣтелей, и какими гарантіями обставленъ ихъ допросъ? Въ какомъ отношеніи, наконецъ, было бы опасно или неудобно производство допроса отдѣломъ Государственной Думы?

Къ числу обстоятельствъ, безъ всякой надобности обостряющихъ отношенія между министерствомъ и Думой, слѣдуетъ отнести настойчивость, съ которою первое домогалось временнаго устраненія нѣсколькихъ членовъ Думы, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ. Буква статей 20-ой и 21-ой Учрежд. Государственной Думы допускаетъ различныя толкованія, но ихъ внутренній смыслъ совершенно ясенъ: *постановленіе* законодательнаго собранія не можетъ быть простымъ регистраціоннымъ актомъ, простымъ „принятіемъ къ свѣдѣнію и исполненію“. Болѣе чѣмъ странно было бы сдѣлать составъ Государственной Думы зависимымъ отъ усмотрѣнія слѣдственной власти. Слишкомъ довольно уже того, что самое возбужденіе слѣдствія противъ члена Думы не требуетъ у насъ согласія Думы; слишкомъ опасно было бы идти еще дальше и признавать распоряженіе слѣдователя достаточнымъ поводомъ къ пріостановкѣ дѣйствія депутатскихъ полномочій. Мы признаемъ, не обинуясь, что нападенія на судебное вѣдомство, раздававшіяся съ думской трибуны въ засѣданіи 30-го марта, били черезъ край, доходили иногда—напр. въ рѣчи депутата Наливкина—до чудовищныхъ преувеличеній; но нельзя, къ несчастію, отрицать, что дѣйствительность даетъ для нихъ немало основаній. Достаточно вспомнить, какъ совершенно однородныя дѣла, въ томъ же самомъ судѣ, при томъ же почти составѣ присутствія, оканчивались сегодня обвинительными, завтра—оправдательными приговорами; достаточно вспомнить, сколько разъ за временной, по судебному опредѣленію, пріостановкой періодическихъ изданій слѣдовало ихъ возобновленіе, вслѣдствіе непризнанія преступности инкриминированныхъ статей. Если русская юстиція не заслужила упрека въ продажности, то о самостоятельности ея во многихъ случаяхъ остались только одни воспоминанія, и отвѣтъ депутата Тесленко на апологетическую рѣчь министра юстиціи не даромъ вызвалъ въ Думѣ бурю рукоплесканій.

Мы говорили до сихъ поръ только о тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя создаются для Думы образомъ дѣйствій министерства. Справедливость требуетъ признать, что Думѣ приходится встрѣчаться и съ затрудненіями другого рода. Слишкомъ много времени тратится на предварительное обсужденіе запросовъ, не подкрѣпленныхъ, въ данную минуту, достовѣрными и точными фактами; слиш-

комъ часто нарушается, справа и слѣва, порядокъ засѣданія, слишкомъ легко пренія принимаютъ характеръ личныхъ пререканій; слишкомъ живо чувствуется иногда стремленіе сбить Думу съ настоящаго ея пути и обратить ее въ арену, гдѣ бесплодно сталкиваются страсти. Центръ Думы, не располагающій, къ сожалѣнію, прочнымъ большинствомъ, дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы предупредить или остановить уклоненія въ сторону, роняющія достоинство Думы или угрожающія самому ея существованію. Въ большинствѣ случаевъ это ему удастся; благодаря его усиліямъ, Дума воздержалась отъ рѣзкаго отвѣта на министерскую декларацію, отъ поспѣшнаго и необдуманнаго рѣшенія по продовольственному вопросу, отъ безусловно отрицательнаго отношенія къ бюджету 1907-го года, отъ принятія недостаточно мотивированныхъ запросовъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что степень плодотворности думской работы зависитъ не отъ однихъ народныхъ представителей. Достигнуть цѣли эта работа можетъ только тогда, когда установится согласіе между Думой и министерствомъ— другими словами, когда образуется истинно конституціонный кабинетъ, ничѣмъ не связанный съ печальнымъ прошлымъ.

Мы подошли теперь къ трудному и тяжелому вопросу, обсужденіе котораго предстоитъ, въ ближайшемъ будущемъ, Государственной Думѣ. Въ нашемъ предыдущемъ обзорѣниі приведенъ текстъ заявленія, въ которомъ депутаты крайней правой предложили Думѣ выразить осужденіе революціонныхъ убійствъ и насилій. Теперь это предложеніе замѣнено другимъ, не имѣющимъ, повидимому, рѣзко вызывающаго характера. Аналогичные не по формѣ, но по основной мысли проекты резолюціи изготовлены октябристами и безпартійными. День слушанія ихъ еще не назначенъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно состоится вскорѣ послѣ Пасхи. Откладывать его на неопредѣленное время нѣтъ основаній. Рано или поздно Дума должна сказать свое слово по вопросу, волнующему всю Россію. Совершенно понятно, что она не хотѣла сказать его подъ давленіемъ партіи, надѣявшейся этимъ путемъ „сорвать“ Думу; вымогательству, оскорбительному и грубому, можно было противопоставить только презрительное молчаніе. Теперь ничто не мѣшаетъ спокойному, всесторонне обдуманному отвѣту. Говорятъ, что нужно раньше разсмотрѣть готовые уже законопроекты; но развѣ Дума не посвящаетъ цѣлый рядъ дней общимъ преніямъ (напр., по аграрному вопросу), не приуроченнымъ ни къ какому опредѣленному законопроекту? Говорятъ, что Дума должна заниматься законодательною дѣятельностью, а не „моральною проповѣдью“; но развѣ значеніе мотивированныхъ переходовъ къ очереднымъ дѣ-

ламъ, одинаково допускаемыхъ всѣми партіями, не бываетъ, сплошь и рядомъ, именно и исключительно „моральнымъ“? Говорятъ, что нельзя въ одно и то же время отрицать или подрывать власть Думы — и ожидать отъ нея авторитетныхъ заявленій; но развѣ нравственный авторитетъ Думы зависитъ всецѣло отъ размѣровъ реальной ея власти? Всѣ подобныя возраженія можно сравнить съ „отводами“ — и притомъ отводами такого рода, которые не могутъ и не должны мѣшать разсмотрѣнію дѣла „по существу“.

Мы всегда были противниками террора, откуда бы онъ ни шелъ — сверху или снизу. Возставая противъ смертной казни, противъ „карательныхъ экспедицій“, противъ военно-полевыхъ судовъ, мы осуждали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и политическія убійства. И тамъ, и тутъ наша исходная точка была одна и та же: мы старались показать, что, расточая крайнія мѣры, правительство и революціонеры одинаково нарушаютъ не только велѣнія гуманности, но и требованія разума. Безцѣльной — писали мы лѣтомъ 1906-го года, послѣ покушенія на убійство генерала Неплюева, — „безцѣльной жестокая расправа оказывается не только тогда, когда она идетъ со стороны должностныхъ лицъ, но и тогда, когда она направлена противъ нихъ. Число убитыхъ и раненыхъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, полицейскихъ приставовъ, жандармскихъ офицеровъ, низшихъ чиновъ полиціи постоянно растетъ — а общій характеръ полицейской и судебной-полицейской дѣятельности измѣняется очень мало. Подъ вліяніемъ кровопролитія, отвѣчающаго на кровопролитіе, съ ужасающею быстротою падаетъ уваженіе къ человѣческой жизни. Этому способствуетъ и форма, въ которую облакаются, сплошь и рядомъ, политическія убійства. Чтобы уничтожить одного, признаваемаго достойнымъ смерти, рискуютъ убить или изувѣчить многихъ, ни въ чемъ неповинныхъ... Не пора ли сойти съ дороги, ведущей къ такимъ ужаснымъ результатамъ? Не измѣнились ли самыя условія, благопріятствовавшія, у насъ въ Россіи, политическимъ убійствамъ? Было время, когда они казались единственнымъ видомъ протеста; но это время прошло, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Государственная Дума, открыто выступающая въ защиту народа. Если прежде политическія убійства не достигали своей цѣли, то теперь они прямо идутъ въ разрѣзъ съ нею: они не облегчаютъ, а затрудняютъ борьбу, разъ что ее можно вести мирными средствами“... Ту же самую мысль мы развивали два мѣсяца тому назадъ, вслѣдъ за открытіемъ второй Государственной Думы. „Если — говорили мы — ни къ чему, кромѣ усиленія ненависти, не привели семьсотъ пятьдесятъ казней по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ, то гдѣ же, съ другой стороны, результаты многочисленныхъ политическихъ убійствъ, совершенныхъ въ продолженіе того же пе-

ріода времени? Чѣмъ измѣнилось вслѣдствіе *устраненія* тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, вслѣдствіе замѣны однихъ исполнителей другими?.. Не пора ли признать, что крови пролито уже слишкомъ много и цѣнность жизни упала уже слишкомъ низко? Россіи нужны не мстители за прошлое, а организаторы будущаго, работу которыхъ замедляютъ и затрудняютъ выстрѣлы и взрывы“.

Съ большою убѣдительностью и силой безцѣльность террора раскрыта въ превосходной статьѣ: „Проклятый вопросъ“, напечатанной въ № 14 „Московского Еженедѣльника“. Авторъ ея—г. Н. Езерскій, членъ первой Государственной Думы,—совершенно правъ, находя, что „пора сказать полностью у многихъ накопившееся на сердцѣ, сказать безъ всякихъ умолчаній, безъ полицейскихъ и партійныхъ оглядокъ“. Онъ совершенно правъ, утверждая, что съ возмущеніемъ противъ казней по судебнымъ приговорамъ несовмѣстимо равнодушное отношеніе къ казнямъ по приговорамъ революціонныхъ организацій. Терроръ—говоритъ г. Езерскій—„не оправдывается результатами. Причиняемыя имъ потери быстро возмѣщаются, въ особенности у насъ, при полномъ отсутствіи въ правительствѣ сколько-нибудь выдающихся лицъ. Какъ система запугиванья, терроръ скоро перестаетъ дѣйствовать: острота впечатлѣній притупляется, къ ужасу смерти и страха ежедневной опасности привыкають... Чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ ярче выступаетъ все отрицательное вліяніе террора и удовлетворяется его безсиліе: отпадаетъ то единственное, что приводится въ его оправданіе—политическая необходимость. Даже въ годы самой суровой реакціи терроръ былъ не въ силахъ побороть ее: не онъ, какъ это неправильно утверждаютъ террористы, а медленная культурная работа интеллигенціи послѣдняго поколѣнія и собственное разложеніе бюрократіи, вскрытое японской войной—вотъ чему обязана Россія той долей свободы, которую она временно получила. Съ тѣхъ поръ терроръ все усиливался, а область свободы все сокращалась. Террористамъ пора, наконецъ, бросить свою тактику. Если они не признають, что терроръ—преступленіе, то странно, какъ они не замѣчаютъ, что онъ теперь—политическая ошибка, ибо движеніе пошло въ глубь и не нуждается въ искусственной поддержкѣ, а позиція бюрократіи такъ ясно опредѣлилась, что никакія случайныя событія не заставятъ ее измѣнить... Борьба предстоитъ еще долгая и упорная, но тщетно было бы думать, что она можетъ быть сокращена удачнымъ выстрѣломъ“.

Подтвержденіе выводовъ г. Езерскаго можно найти на каждой страницѣ современной русской исторіи. Что политическія убійства конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ не только не достигли цѣли, но надолго задержали и значительно извратили развитіе нашей политической жизни—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ничего

другого нельзя сказать и о новой серіи террористическихъ актовъ, открывшейся, въ 1901-мъ году, выстрѣломъ въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Только одинъ изъ нихъ возымѣлъ, повидимому, желанное дѣйствіе: послѣ убійства Плеве наступилъ перерывъ въ реакціи, продолжавшейся почти четверть вѣка. Придавать этому убійству рѣшающее значеніе, не значитъ ли, однако, разсуждать по формулѣ: „post hoc, ergo propter hoc“? Гдѣ основаніе думать, что новый министръ провозгласилъ бы политику „довѣрія“, еслибы въ то время не шла война, приносившая намъ только неудачи—и еслибы, съ другой стороны, не былъ такъ ярко освѣщенъ, благодаря земскимъ собраніямъ и сельскохозяйственнымъ комитетамъ, ужасающій упадокъ народнаго благосостоянія? Ни одному изъ послѣдующихъ проявленій террора нельзя приписать даже того значенія, которое, путемъ рискованныхъ догадокъ, придается убійству Плеве. Шаги впередъ, сдѣланные Россіей за два послѣдніе года, были вызваны другими, болѣе глубокими причинами. Да и кто же могъ, кто можетъ ожидать какой-либо перемѣны отъ убійства солдатъ, околоточныхъ, городскихъ—убійства, за которымъ, вслѣдствіе „отстрѣливанья“ бѣгущихъ убійцъ, почти всегда слѣдуетъ паденіе еще нѣсколькихъ случайныхъ жертвъ? Не очевидна ли полнѣйшая бессмысленность подобныхъ преступленій? А между тѣмъ каждое изъ нихъ ухудшаетъ общее положеніе вещей, затрудняя восстановленіе внутренняго мира, приучая смотрѣть на человѣческую жизнь какъ на безконечно малую величину (*quantité négligeable*), подрывая вѣру въ торжество гуманности и разума. Еще болѣе деморализующее дѣйствіе производить „экспроприація“, также, во многихъ случаяхъ, влекущая за собой пролитіе крови и стирающая черту между „идейными преступленіями“ и обыкновеннымъ разбоемъ. Намъ приходится на память, по этому поводу, программа липецкаго съѣзда 1879-го года, оглашенная недавно однимъ изъ его участниковъ ¹⁾. Она признаетъ за революціонерами право „конфисковать въ пользу революціи средства, принадлежащія правительству“, но объявляетъ „неприкосновенными“ имущества частныхъ лицъ или обществъ, не принимающихъ участія въ борьбѣ правительства съ революціонерами. Въ той же программѣ сказано слѣдующее: „мы будемъ бороться по способу Вильгельма Телля до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ такихъ свободныхъ порядковъ, при которыхъ можно будетъ безпрепятственно обсуждать въ печати и на общественныхъ собраніяхъ всѣ политическіе и соціальные вопросы и рѣшать ихъ посредствомъ свободныхъ народныхъ представителей“. Та же самая мысль, съ большею еще ясностью, выражена въ извѣстномъ

¹⁾ См. „Былое“ за декабрь 1906 года, стр. 11.

письмѣ исполнительнаго комитета народной воли на имя императора Александра III-го, написанномъ вскорѣ послѣ 1-го марта 1881-го года. А вотъ слова, произнесенныя одною изъ подсудимыхъ по такъ называемому дѣлу семнадцати, рѣшенному въ 1883 г. особымъ присутствіемъ Сената ¹⁾: „партія (народной воли) не стоитъ непреодолимо за терроръ; рука, поднятая для нанесенія удара, опустится немедленно, какъ только правительство заявитъ намѣреніе измѣнить политическія условія жизни“. Не пора ли вступить на путь, намѣченный еще четверть вѣка тому назадъ? У насъ есть народное представительство, обладающее свободой рѣчи—и есть, слѣдовательно, возможность мирнаго прогресса. Чтобы осуществить его на самомъ дѣлѣ, нужно еще много усилій, но нѣтъ надобности въ „способѣ Вильгельма Телля“.

Государственной Думѣ, какъ носительницѣ судебъ Россіи, надо будетъ сказать слово, котораго ждутъ измученныя сердца. Нѣтъ повода опасаться, что это слово будетъ понято какъ отрицаніе одного только краснаго, революціоннаго террора. Свое отношеніе къ террору правительственному Дума выразила уже съ достаточною яркостью во время преній о военно-полевыхъ судахъ—и можетъ выразить еще разъ, соединивъ въ одномъ осужденіи всѣ виды кровавой расправы (въ томъ числѣ, конечно, и *чернаго* террора, организуемаго добровольцами изъ среды „истинно-русскихъ“ людей). Это можетъ быть сдѣлано, напримѣръ—какъ предлагаетъ кн. Е. Н. Трубецкой,—одно временно съ принятіемъ законопроекта объ отиѣнѣ смертной казни. Предложеніе правыхъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ, имѣло безспорно провокаціонный характеръ; но ничего подобнаго нельзя будетъ сказать о формулѣ, ни надъ кѣмъ не произносящей приговора, имѣющей въ виду не столько прошлое, сколько будущее, и обращающейся одинаково къ власти и къ ея противникамъ. Остріе резолюціи должно быть направлено не противъ террористовъ, а противъ террора, какъ системы, осужденной опытомъ, безцѣльной и безрезультатной. Будетъ ли услышанъ призывъ Государственной Думы, или прозвучитъ безслѣдно—во всякомъ случаѣ она исполнитъ свой долгъ и разорветъ ту сѣть, которою не столько искусно, сколько коварно стараются опутать ее неисправимые сторонники тьмы и произвола.

Скончавшійся въ минувшемъ мѣсяцѣ Э. В. Фришъ, занимавшій, послѣ гр. Д. М. Сольскаго, должность предсѣдателя Государственнаго Совѣта, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ государственныхъ людей, которые и въ эпоху полнаго торжества реакціи не совсѣмъ забыл

¹⁾ См. въ той же книжкѣ „Былого“, стр. 246, рѣчь А. П. Корба (Прибылево).

лучшія преданія шестидесятихъ годовъ. Первый, по времени, товарищъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента, второй его оберъ-прокуроръ, онъ много способствовалъ М. Е. Ковалевскому въ трудномъ дѣлѣ организаціи новаго у насъ кассационнаго суда. Какъ товарищъ министра юстиціи (при Д. Н. Набоковѣ), онъ старался смягчить удары, которые быстро усиливавшаяся реакція направляла противъ судебныхъ уставовъ 1864-го года. Съ начала 80-хъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго уголовного уложенія, въкоторыя части котораго скоро устарѣли и настоятельно требуютъ пересмотра, но которое все-таки можетъ быть названо большимъ шагомъ впередъ, въ сравненіи съ давно отжившимъ свое время уложеніемъ о наказаніяхъ. Во главѣ преобразованнаго Государственнаго Совѣта онъ сталъ въ то время, когда его здоровье клонилось къ упадку. Внести жизнь въ работу учрежденія, жизнеспособность котораго болѣе чѣмъ сомнительна, онъ не могъ; но въ его лицѣ оно имѣло безпристрастнаго охранителя свободы преній. Замѣнить ли его, въ этомъ отношеніи, его преемникъ, имя котораго—вмѣстѣ съ именемъ П. Н. Дурново—служило символомъ правонарушеній, ознаменовавшихъ собою послѣдній періодъ управленія кабинета графа Витте?..

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1907.

1.

— Полное собраніе писемъ М. И. Глинки. Томъ I (1822—1847).— Собралъ и издалъ Ник. Финдейзенъ.—С.-Петербургъ, 1907. Стр. V+276.

Коротенькое, фактическое предисловіе редактора и 139 писемъ Глинки, снабженныхъ немногими лаконическими примѣчаніями въ 1—2 строки, — таково содержаніе этой просто, но изящно-изданной книги. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Глинки, впервые появляется собраніе его писемъ, дѣйствительно заслуживающее названіе „полнаго“. Редакторъ сообщаетъ въ своемъ предисловіи, что все изданіе будетъ заключать въ себѣ около 350 писемъ, изъ которыхъ болѣе 220 появятся здѣсь впервые. Въ настоящій первый томъ вошло, какъ сказано, всего только 139 писемъ; они обнимаютъ всю среднюю часть жизни Глинки—отъ 18 до 43-лѣтняго возраста.

Нѣтъ надобности указывать на то, какое значеніе трудъ г. Финдейзена будетъ имѣть для спеціальной біографіи Глинки, для исторіи его музыкальнаго развитія и творчества. Но не менѣе интересенъ этотъ матеріалъ и въ психологическомъ отношеніи: уже вышедшій теперь первый томъ ближе знакомитъ насъ съ личностью Глинки, чѣмъ всѣ его біографіи, чѣмъ воспоминанія о немъ его друзей и даже его собственныя „Записки“. И если специалисты, можетъ быть, попеняютъ г. Финдейзену за скудость его примѣчаній, то историкъ-психологъ, напротивъ, будетъ ему благодаренъ за то, что онъ позаботился ничѣмъ не нарушить непосредственнаго впечатлѣнія, которое письма Глинки производятъ на читателя.

А это впечатлѣніе сложно и странно. Первое чувство, которое возбуждаютъ эти письма, — разочарованное недоумѣніе. Еслибы подѣ

каждымъ изъ нихъ не стояла обычная подпись: *Михайла Глинка*, невозможно было бы повѣрить, что эти строки писаны тою же рукой, которая начертала крючки и знаки „Руслана и Людмилы“. Ни яркой мысли, ни мѣткого слова, ни шутки, ни особенной задушевности; вялая, тягучая рѣчь, вмѣсто мыслей—нехитрыя соображенія, вмѣсто чувствованій—заурядныя жалобы, узкій и скучный кругозоръ, бѣдные интересы... Можно съ увѣренностью сказать, что такихъ сѣрыхъ, „мѣшанскихъ“ писемъ не писалъ у насъ ни одинъ изъ видныхъ дѣятелей литературы или искусства, и еслибы то былъ не Глинка, прочитавъ цѣлый томъ такихъ писемъ было бы очень скучно.

Но это—подлинный Глинка, — и оцѣнка сразу мѣняется: скучное становится характернымъ, психологически-интереснымъ; за строками этихъ неповоротливыхъ, безцвѣтныхъ писемъ вы ищете черты крупной личности, величайшаго музыкальнаго гения Россіи. И мало-помалу предъ внимательнымъ взоромъ эта личность вырисовывается очень выпукло со своей общечеловѣческой стороны, и попутно выступаютъ яркія черты быта и времени.

Для историка послѣднее, конечно, всего важнѣе. Историкъ русскаго общества, характеризуя нашу общественную атмосферу 30-хъ—40-хъ годовъ, безъ сомнѣнія, остановится и на Глинкѣ. Почему Пушкинъ задыхался въ этой атмосферѣ и былъ ею отравленъ, почему бѣжалъ изъ нея Гоголь? — Глинка также бѣжалъ изъ нея. Здѣсь виною былъ не гнетъ деспотизма, но нравственное состояніе общества, конечно, тѣсно связанное съ этимъ гнетомъ, въ итогѣ имъ и обусловленное. Кашперовъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Глинкѣ (въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 года) рассказываетъ, что Глинка не разъ говорилъ ему: „J'ai toujours été maltraité moralement“. Кашперовъ поясняетъ это горькое признаніе: за композиторомъ не хотѣли видѣть человѣка; Глинка самъ былъ изъ хорошаго общества, былъ пріятель Пушкина и Жуковскаго, а петербургскій „свѣтъ“ нисколько не цѣнилъ его нравственнаго достоинства и послѣ восторженной оваціи оскорблялъ его пренебрежительной любезностью свысока или прямой грубостью, — и, припоминая рассказы Глинка, пояснявшіе ту французскую фразу, Кашперовъ удивляется, какъ онъ выдержалъ такъ долго эту нравственную каторгу. О ней хотя только въ общихъ словахъ, но достаточно ясно говорятъ теперь письма Глинка. Пушкинъ съ бѣшенствомъ надѣвалъ (и почти не надѣвалъ) камеръ-юнкерскій мундиръ; Глинка вначалѣ силится „быть какъ всѣ“: онъ хочетъ завоевать себѣ приличное положеніе. „По воскресеньямъ и праздникамъ я ѣзжу въ Анничковскій дворецъ къ обѣднѣ, и хотя трудно быть затанцованнымъ въ мундиръ, зато лестно находиться въ присутствіи Императора и думать, что исправно исполняешь свою должность“.

И еще въ 1841 г., написавъ хоръ для выпуска дѣвицъ изъ Екатерининскаго института, онъ чрезвычайно доволенъ, что на публичномъ экзаменѣ, гдѣ исполнялся этотъ хоръ, ему отвели почетное мѣсто между инспекторомъ и инспектрисой, въ томъ самомъ ряду креселъ, гдѣ сидѣли герцогъ Ольденбургскій и герцогъ Дармштадтскій: „всѣ эти знаки расположенія Двора и публично оказанный почетъ меня радуютъ, и могу смѣло сказать вамъ, что я поставилъ теперь себя на такой ногѣ, какъ только можетъ гражданинъ и человѣкъ“.—Но это длится недолго; въ томъ же 1841 году онъ рѣшаетъ уѣхать за-границу, и одной изъ главныхъ причинъ этого рѣшенія онъ въ письмахъ неизмѣнно выставляетъ нравственную духоту, весь укладъ русской общественной жизни. „Для меня не можетъ быть счастья въ Россіи — вспомните судьбу мою и, вѣрно, сами съ этимъ согласитесь; за-границей надѣюсь найти спокойствіе, тамъ климатъ лучше и люди не такъ связаны предрассудками, какъ здѣсь“... „Благодарю судьбу, что могу улетѣть изъ Россіи, гдѣ съ моимъ характеромъ и въ моихъ обстоятельствахъ жить невозможно“. Онъ повторяетъ эту мысль неоднократно; особенно же онъ убѣжденъ, что Россія негодна для его творчества. Перечисляя въ письмѣ къ матери мотивы, побуждающіе его ѣхать, онъ пишетъ: „Наконецъ, искусство — эта данная мнѣ небомъ отрада — гибнетъ здѣсь отъ убійственнаго ко всему прекрасному равнодушія. Если бы я не провелъ нѣсколько лѣтъ за границей, я не написалъ бы *Жизни за Царя*, — теперь вполне убѣжденъ, что *Русланъ* можетъ быть оконченъ тою же въ Германіи или Франціи“. Сестрѣ и ея мужу онъ пишетъ: „...Пріѣзжайте, пріѣзжайте, мои друзья, увезите меня далеко отсюда — я достаточно терпѣлъ эту гнусную страну — довольно съ меня! У меня съумѣли отнять все, даже энтузіазмъ къ моему искусству — мое послѣднее приближеніе“.— Это, кажется, самыя взволнованныя строки на протяженіи 276 страницъ настоящаго тома писемъ; какъ не вспомнить здѣсь Пушкинское „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ“!— Этотъ ядъ не только отравлялъ личную жизнь, — онъ проникалъ въ самыя творческіе замыслы гения. Весною 1841 г., Глинка собирается надолго поселиться въ Малороссіи и не иначе вернуться въ Петербургъ, какъ съ оконченной оперой (онъ писалъ тогда „Руслана“), „чтобы тѣмъ заградить уста недоброжелательству и злобѣ“; онъ не хочетъ уѣхать изъ Парижа, „не сдѣлавшись извѣстнымъ“, — „не столько, — прибавляетъ онъ, — для себя, сколько для моихъ недоброжелателей“, — и добившись этой извѣстности въ Парижѣ, онъ доволенъ не столько ею самой, сколько тѣмъ, что теперь уже ему не смогутъ сказать, какъ говорили въ Петербургѣ, — что онъ не осмѣлится выступить со своей музыкой въ Парижѣ, что тамъ его охаютъ. Много горечи должно

было накопиться въ душѣ этого смирнаго, благодушнаго человѣка, чтобы изъ-подъ его пера могли выливаться такія признанія: „безъ ужаса о Петербургѣ не могу подумать“.

Не менѣе цѣнный матеріалъ даютъ письма и для личной характеристики Глинки. Они не вносятъ ничего существенно новаго въ его знакомый обликъ, но портретъ какъ бы оживаетъ, черты становятся пластичнѣе и глубже. Что-то косное, тяжеловѣсное, неодоухотворенное наполняетъ этого человѣка; онъ безпомощенъ физически, онъ шагу не можетъ ступить безъ няньки, и жизнь его складывается по волѣ людей и случая; даже тамъ, гдѣ ему удастся сдѣлать нѣсколько послѣдовательныхъ усилій, онъ потомъ, оглядываясь на нихъ, самъ простодушно удивляется, какъ это ему хорошо удалось. Смирнѣйшее простодушіе и наивность — вообще его отличительныя черты. Онъ, что называется, мухи не обидитъ, — совершенный ребенокъ, любящій игру и веселье и плаксиво жалующійся, когда что не по немъ. Онъ мало сознателенъ и не стремится осмыслить жизнь, но, какъ „рыба ищетъ, гдѣ глубже“, такъ онъ, по какому-то неотразимому инстинкту, ищетъ безпечальности, т.-е. такихъ внѣшнихъ условій, которыя давали бы ему ровное и благодушное настроеніе. Въ этомъ стремленіи уйти отъ жизненныхъ тревогъ и борьбы слились дворянская неприкосновенность къ жизни — и царственная безмятежность артистической натуры. Если вчитаться въ эти письма, артистичность натуры вообще выступаетъ множествомъ мелкихъ, но характерныхъ чертъ: общая мѣшковатость въ Глинкѣ удивительнымъ образомъ сочетается съ крайней нервной возбудимостью; онъ самъ пишетъ о себѣ: „я скоръ и пылокъ“, и говоритъ о своемъ „необузданномъ воображеніи“; онъ чрезвычайно легко поддается хандрѣ, унынію, мнительности и т. п. Его настроенія и оцѣнки очень неустойчивы; такъ, путешествуя лѣтомъ 1838 г. по Малороссіи (это была служебная командировка для набора голосовъ въ пѣвческую капеллу), онъ до половины путешествія наполняетъ свои письма жалобами на тоску, скуку, разстройство нервовъ; еще въ серединѣ іюня онъ пишетъ: „Малороссія, вопреки общему мнѣнію, грязна, вонюча, глупа и скучна“; а въ сентябрѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ сообщаетъ малороссійскимъ пріятелямъ, что принужденъ съ грустью оставить мысль о покупке имѣнія въ *милой* Малороссіи!

Его дворянско-артистическая безпомощность ни въ чемъ не сказывается такъ ярко, какъ въ денежныхъ дѣлахъ. Почти всю свою жизнь онъ жилъ, какъ извѣстно, на средства матери. Въ его почти-тельныхъ и любовныхъ письмахъ къ матери, составляющихъ, вѣроятно, три-четверти настоящаго тома, вопросъ о деньгахъ является неизмѣнно главной темой. Онъ тратитъ много и беспорядочно, вѣчно стра-

дасть отъ безденежья и не умѣетъ себѣ отказать: „ибо забота доставать деньги, — пишетъ онъ однажды, — принадлежитъ къ самымъ непріятнѣйшимъ въ жизни“; а въ другой разъ, сообщая, что присылка денегъ повергаетъ его въ тягостное раздраженіе, онъ просто-душно поясняетъ: „я совершенно неспособенъ отказаться отъ удовольствій, доставляемыхъ сезономъ“. Отсюда—безпрестанныя просьбы о присылкѣ столькихъ-то тысячъ *дополнительно*,—просьбы, сопровождаемыя обыкновенно либо словами душевнаго сокрушенія, либо выкладками и соображеніями неимоверной разсудительности; вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ: „...Поэтому, хотъ мнѣ это и крайне больно, принужденъ умолять васъ подослать мнѣ еще, не въ счетъ ассигнованнаго, тысячи двѣ или три,—иначе не выбраться мнѣ изъ Парижа“. Иногда онъ называетъ это *секурсомъ*; „...надѣюсь... что по добротѣ сердца вашего *подошлете мнѣ секурсу* къ концу вашего іюля...“ И такъ на протяженіи многихъ лѣтъ.

Всего занимательнѣе его письма изъ Испаніи, 1845 — 1846 гг.: здѣсь онъ предъ нами, какъ живой. Какъ извѣстно, онъ долго готовился къ своему испанскому путешествію и заранѣе изучилъ испанскій языкъ. Въ Парижѣ ему посчастливилось найти и лакея-испанца, на полное попеченіе котораго онъ и отдался во время этого путешествія. У этого лакея, Санть-Яго Эрнандеца, была сестра въ Вальядолидѣ, замужемъ за адвокатомъ; къ ней-то первымъ дѣломъ и направились путешественники, и подъ ея гостепріимнымъ кровомъ нашъ Михайла Ивановичъ прожилъ безмятежнѣйшимъ образомъ три мѣсяца слишкомъ. Недаромъ онъ съ четырнадцати лѣтъ мечталъ объ Испаніи: не будь онъ однимъ изъ величайшихъ композиторовъ XIX вѣка, для него положительно нельзя было бы найти болѣе подходящаго мѣста, чѣмъ домъ почтенной доньи Маріи въ Вальядолидѣ. Онъ сразу почувствовалъ себя здѣсь въ своей тарелкѣ; это какъ разъ его стихія: люди веселые и беззаботные, никто никого не стѣсняетъ и самъ не стѣсняется, живутъ безъ чванства и заботъ, встаютъ—когда случится, въ два часа обѣдаютъ, въ три ложатся спать до шестого часа, а вечеръ отдають веселію. Не прошло и недѣли — уже онъ здѣсь свой человекъ, а черезъ мѣсяць онъ знакомъ со всѣмъ мѣстнымъ обществомъ, начальникъ области дѣлаетъ ему пріятный визитъ,—и ужъ вотъ нашъ don Miguel на вечеринкѣ у своихъ хозяевъ, по поводу именинъ мужа доньи Маріи, сидитъ за фортепіано, двое студентовъ на гитарахъ ловко аккомпанируютъ ему, и танцы „съ неутомимой дѣятельностью“ идутъ до одиннадцати часовъ; дальше—больше, одинъ изъ студентовъ—отличный гитаристъ, „мы съ нимъ отличаемся почти каждый вечеръ“; почти каждый вечеръ проводится у знакомыхъ въ непритязательномъ веселіи, „а когда остаюсь дома, собираются у насъ и тан-

цуютъ",—да, онъ тоже танцуетъ, что давно съ нимъ не случалось,— „и мнѣ здѣсь вездѣ почетъ и ласковый пріемъ". Это было въ 1845 году, когда уже были написаны и „Жизнь за царя", и „Русланъ".

Возвращеніемъ Глинки въ Россію послѣ трехлѣтняго отсутствія кончаются письма, вошедшія въ первый томъ изданія г. Финдейзена. Надо съ интересомъ ждать появленія второго тома, который долженъ обнять послѣднія десять лѣтъ жизни Глинки. Мы не богаты изданіями писемъ нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей, а для внутренней біографіи человека—его письма, разумѣется, первоклассный матеріалъ, не говоря уже объ ихъ историко-бытовомъ значеніи.

II.

— Н. А. Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. С.-Петербургъ, 1907. Стр. 387.

Неоконченныя воспоминанія Н. А. Лейкина, перепечатанныя здѣсь изъ „Историческаго Вѣстника" за прошлый годъ, и дополняющая ихъ статья г. N. N., гдѣ на основаніи дневниковъ покойнаго, его переписки и личнаго знакомства сдѣлана попытка нарисовать его литературный обликъ, представляютъ скорѣе бытовой, чѣмъ историко-литературный интересъ. Любопытно живое изображеніе столичной мелко-купеческой среды, любопытны мелкія черты нравовъ литературной братіи въ 60-хъ и потомъ въ 80-хъ годахъ, немало характерныхъ подробностей изъ исторіи цензурныхъ мытарствъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Но все это—крохи; главную же цѣнность придають этой книгѣ напечатанныя въ приложеніи письма А. П. Чехова къ Лейкину, появляющіяся здѣсь впервые. Они наполняютъ 125 стр., изъ которыхъ около 100 заняты письмами 1883—1887 гг., т.-е. того времени, когда Чеховъ только начиналъ писать. Объ этомъ періодѣ его жизни мы знаемъ почти только то, что сообщилъ его братъ, М. П. Чеховъ, въ „Журналѣ для всѣхъ". Письма къ Лейкину непосредственно знакомятъ насъ съ личностью молодого Чехова.

Они тѣмъ цѣннѣе, что путь развитія Чеховскаго дарованія до сихъ поръ остается полной загадкой. Какимъ образомъ Чеховъ „Стрекозы", „Будильника", „Осколковъ" выработался въ одного изъ классиковъ русской поэзіи? Читая эти письма, вы видите передъ собой, конечно, очень милого, живого, остроумнаго,—но все же только фельетониста юмористическихъ журналовъ, профессиональнаго поставщика легкихъ рассказцевъ до ста строкъ величиною, подписей къ карриатурамъ, куплетовъ на темы изъ общественно-скандальной хроники, и т. п. Извѣстно, что Чеховъ смотрѣлъ на эту работу, прежде всего, какъ на заработокъ, который былъ ему нуженъ для поддержки семьи; его

письма къ Лейкину ярко рисуютъ матеріальное положеніе Чехова, принужденнаго вырабатывать не мѣнѣе полутора ста рублей въ мѣсяцъ статейками по гривеннику за строчку. Еще въ 1885 г. онъ пишетъ, что надо бы по литературнымъ дѣламъ сѣздить въ Петербургъ, да на поѣздку нужно рублей 50,—гдѣ же ихъ взять?... „выжимать изъ семьи я не умѣю, да и не нахожу это возможнымъ. Если я два блюда сокращу на одно, то я стану чахнуть отъ угрызений совѣсти... Аллаху только извѣстно, какъ трудно мнѣ балансировать и какъ легко мнѣ сорваться и потерять равновѣсіе. Заработай я въ будущемъ мѣсяцѣ 20 — 30-ю рублями меньше, и, мнѣ кажется, „балансъ пойдетъ къ чорту, я запутаюсь“... Но по качеству своему эта работа въ юмористическихъ журналахъ, повидимому, нисколько не тяготитъ его; напротивъ, она, кажется, вполне гармонируетъ съ его веселостью, талантомъ скорописанія, неусидчивостью, съ атмосферой кружка, въ которомъ онъ вращается, — безпечной богемы рисовальщиковъ, фельетонистовъ, актеровъ и пр. Онъ работаетъ не за страхъ, но за совѣсть, тонко соображая детали своего ремесла и съ полнымъ интересомъ обсуждая такіе, напр., вопросы, какъ „сухость“ стихотворнаго фельетона Ч. въ послѣднихъ нумерахъ „Осколковъ“, удачность послѣдняго нумера, превосходство „Будильника“ надъ „Осколками“ въ отношеніи исполненія рисунковъ, и пр. Онъ, видимо, съ головой ушелъ въ эту забубенную, мелкотравчатую литературу, превосходно освоился въ ней и чувствуетъ себя свободно, какъ человѣкъ, постигшій всѣ тайны своего ремесла; онъ пишетъ безчисленное множество сценокъ, куплетовъ, каламбуровъ, еженедѣльное „Московское обозрѣніе“ въ „Осколкахъ“, пишетъ въ „Будильникѣ“, „Развлеченіи“, „Новостяхъ Дня“; когда въ ноябрѣ 1884 года въ Москвѣ разбиралось громкое дѣло Рыкова, Чеховъ проситъ Лейкина устроить ему ангажементъ въ „Петерб. Газетѣ“, гдѣ Лейкинъ былъ свой человѣкъ, на писаніе фельетоновъ объ этомъ процессѣ: „Возьму дешево: по 50 р. за фельетонъ“, — и дѣйствительно становится московскимъ хроникеромъ „Петерб. Газеты“.

Какъ не увязъ онъ въ этой гущѣ литературныхъ низовъ? Онъ жилъ этой профессиональной жизнью съ 18-ти лѣтъ: уже въ январѣ 1884 г. онъ пишетъ Лейкину, что „работаетъ“ пять лѣтъ.

Письма къ Лейкину не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ, но въ соединеніи съ другими данными они кое-что уясняютъ въ этой загадкѣ. Не такъ давно было напечатано (въ сборникѣ „На памятникъ А. П. Чехову“, 1906) поразительное, вдохновенное, полное души письмо Чехова къ Д. В. Григоровичу, 1886 года. Здѣсь онъ говоритъ, между прочимъ: „Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то, каюсь передъ чистотою вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его.

Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ... Всѣ мои близкіе всегда относились снисходительно къ моему авторству и не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло (т.-е. медицину) на бумагомаранье. У меня въ Москвѣ сотни знакомыхъ, между ними десятка два пишущихъ, и я не могу припомнить ни одного, который читалъ бы меня, или видѣлъ во мнѣ художника... За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться этимъ общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость, скоро привыкъ снисходительно смотрѣть на свои работы и — пошла писать!.. Какъ репортеры пишутъ свои замѣтки о пожарахъ, такъ я писалъ свои рассказы: машинально, полубезсознательно, нисколько не заботясь ни о читателѣ, ни о себѣ самомъ". И онъ прибавляетъ, точно самъ дивясь своему признанію: „Писалъ я, и всячески старался не потратить на рассказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему, берегъ и тщательно пряталъ". И дальше онъ рассказываетъ, какъ лестныя письма — сначала Суворина, потомъ самого Григоровича — породили въ немъ стремленіе „выбраться отсюда, куда завязъ".

Въ письмахъ къ Лейкину немало черточекъ, которыя дорисовываютъ эту картину. У Чехова, оказывается, есть чемоданъ, куда онъ прячетъ часть написаннаго. Короткое и смѣшное у него редакторы берутъ охотно, ему бы совсѣмъ не нужно писать длинныхъ вещей, но онъ, нѣтъ-нѣтъ, да напишетъ. „Петровъ день" (рассказъ) вышелъ слишкомъ длиненъ. *Я его переписалъ начисто* и заперъ до будущаго года, а теперь нигуда не пошлю". Присланный имъ рассказецъ „Воръ" показался Лейкину слишкомъ серьезнымъ для „Осколковъ"; Чеховъ оправдывается: „Упаси Боже отъ суши, а теплое слово, сказанное на Пасху вору, который въ то же время и ссыльный, не зарѣжетъ номера", и тутъ же добавляетъ: „Да и, правду сказать, трудно за юморомъ угоняться! Иной разъ погонишься за юморомъ, да такую штуку сморозишь, что самому тошно станеть. *Поневоля въ область серьезна мѣнешь*". Это писано въ разгаръ „осколочной" дѣятельности Чехова, въ 1884 г.

Такихъ мелкихъ признаній и фактовъ въ письмахъ къ Лейкину множество, да и въ цѣломъ эти письма сослужатъ большую службу будущему біографу Чехова, введя его въ кругъ интересовъ и настроений автора „Сказокъ Мельпомены".

III.

— Петръ Хельчицкій, Сѣть вѣры. Съ чешскаго. Изложилъ Ю. С. Анненковъ. М. 1907. Стр. XXIX + 101.

Эта книга—мудрая книга, плодъ глубокаго, яснаго ума и чистаго сердца. Петра Хельчицкаго отдѣляютъ отъ насъ пять столѣтій, но трудно найти книгу современнѣе и увлекательнѣе, нежели его „Сѣть вѣры“, такъ недавно воскресшая изъ забвенія.

Хельчицкій—чешскій писатель XV вѣка (около 1390—1460 гг.). Въ свое время его ученіе дало толчокъ громадному религіозно-нравственному движенію въ Чехіи, но затѣмъ онъ былъ забытъ надолго, до послѣдней четверти прошлаго вѣка. Русская читающая публика впервые услышала о Хельчицкомъ, можно сказать, только вчера, отъ Л. Н. Толстого, который посвятилъ ему небольшую статью во второмъ томѣ своего „Круга чтенія“. Это, конечно, не случайность. Изъ всѣхъ мыслителей стараго и новаго времени, на которыхъ опирался Толстой или которыхъ съ нимъ сопоставляютъ, безъ сомнѣнія ни одинъ не былъ ему такъ родственъ, какъ Хельчицкій. Здѣсь больше, нежели сходство ученій: здѣсь глубокая однородность натуръ, міропониманія, самой манеры мышленія; и эта общая имъ обоимъ умственная складка какъ-разъ и является источникомъ силы и слабости cadaго изъ нихъ.

Внѣшнимъ образомъ ее можно опредѣлить, какъ врожденную атрофію историческаго чувства. Для Хельчицкаго, какъ и для Толстого, наличный укладъ жизни есть нѣчто абсолютное; законность факта, обусловленная всей цѣлью предшествующихъ явленій, для нихъ не существуетъ, имъ вообще чуждо понятіе непреодолимой силы причинности въ человѣческомъ мірѣ: они объявляютъ незаконнымъ все, что не можетъ оправдать себя передъ разумомъ, и, напротивъ, безусловно возможнымъ все, чего требуетъ разумъ. Отсюда обѣ черты, всего болѣе характеризующія того и другого: удивительная острота взгляда въ анализѣ существующаго, и совершенная утопичность въ предначертаніи будущаго. Это — философія чистаго здраваго смысла; ея источникъ—не что иное, какъ разумъ со своими вѣчными постулатами существенности, справедливости, равенства, — и даже любовь, занимающая въ ней такое видное мѣсто, утверждается у нихъ, по видимому, не на религіозномъ основаніи, а на томъ стремленіи къ гармоніи, которое неотъемлемо-присуще нашему разуму. И въ этомъ—послѣдняя, глубочайшая родственность Хельчицкаго и Толстого: они оба лишены мистическаго чувства и оба, основывая свои ученія на

христіанствѣ, заимствуютъ изъ него только его этическіе элементы, т.-е. именемъ Христа освящаютъ выводы своего разума.

Ученіе Хельчицкаго есть ученіе о чистомъ христіанствѣ. Его идеаль—проникновеніе жизни истиннымъ духомъ Христовымъ, подобно тому, какъ это было въ первыя времена христіанства, при апостолахъ и тотчасъ послѣ нихъ; въ первыхъ же строкахъ своей книги онъ заявляетъ: „Смыслъ всего, что нами будетъ сказано, тотъ: мы желаемъ возстановленія того состоянія вещей, которое было прежде, и держаться его, если только поможетъ Богъ“. Ибо подлинный законъ Христовъ, по которому жила евангельская община, исказился и пришелъ въ забвеніе, такъ что ищущій теперь лишь съ трудомъ можетъ добраться до него, какъ до основанія въ грудѣ развалинъ, когда эти развалины уже поросли лѣсомъ и сдѣлались обиталищемъ звѣрей: божественный законъ Христа вытѣснили изъ жизни два другихъ закона—созданныхъ людьми, двѣ земныя власти—гражданская и церковная. Съ трогательной вѣрою Хельчицкій высказываетъ свою задушевную мысль: „Поэтому мы, поздніе потомки, сидя какъ бы подтѣнью этихъ законовъ, неувѣренно говоримъ о законѣ Божіемъ и управленіи Божіемъ, ибо тѣмъ этихъ двухъ законовъ заслоняетъ очи. Поэтому, такъ сказать, ошупью и гадаю, я задаю вопросъ: достаточно ли закона Христова безъ приданныхъ къ нему законовъ человѣческихъ для того, чтобы основать и устроить здѣсь, на земномъ пути, вполне христіанскую религію? Я отвѣчаю, хотя и съ трепетомъ: да, достаточно и теперь, потому что и прежде его было достаточно для устройства христіанскаго общества“. И въ дальнѣйшемъ онъ выясняетъ законъ Христа и съ точки зрѣнія этого закона расцѣпываетъ весь общественно-политическій и церковный строй своего времени. Нравственная сторона христіанства понята Хельчицкимъ такъ глубоко и духовно, что въ его опредѣленіи и теперь ничего нельзя измѣнить. Рѣшающее значеніе имѣютъ для него не буква Евангелія и не примѣры апостольскихъ временъ, а лишь общій духъ ученія и жизни Христовой, которымъ все должно провѣряться, который одинъ является верховнымъ критеріемъ истины; и нельзя безъ удивленія читать тѣ мѣста его книги, гдѣ Хельчицкій, не колеблясь, проводитъ рѣзкую грань между вѣчными элементами въ ученіи и дѣятельности апостоловъ, т.-е. соотвѣтствующими *духу* христіанства, и элементами временными, обусловленными тогдашнимъ состояніемъ христіанской общины.

Уже изъ сказаннаго явствуетъ, что по существу своего міровоззрѣнія Хельчицкій долженъ быть причисленъ къ анархистамъ; признавая достаточнымъ руководителемъ для человѣка на всѣхъ путяхъ жизни законъ Христа, онъ, разумѣется,—врагъ всякой другой регламентаціи, государственной и церковной. Но, въ противоположность Толстому,

онъ не считаетъ возможнымъ обойтись безъ государства уже тотчасъ. Правда, онъ впадаетъ здѣсь въ двойственность: съ одной стороны, онъ признаетъ существованіе государства необходимымъ для сохраненія на землѣ рода человѣческаго, который погибъ бы вслѣдствіе своей грѣховности, еслибы власти не обуздывали его: „онъ нуженъ, какъ лекарство, какъ пластырь къ гнойной язвѣ“; съ другой стороны, онъ категорически и неоднократно заявляетъ, что осуществлять власть есть дѣло, противное Христу. Эту послѣднюю мысль онъ проводитъ чрезъ всѣ ступени государственной іерархіи, и надо признать, что даже у Толстого найдется немного страницъ, которыя могли бы сравниться съ этими страницами Хельчицкаго по геніальной проницательности и ясности логики; это, кажется, самъ здравый смыслъ говорить къ вамъ простыми словами. Какъ бы то ни было, Хельчицкій сохраняетъ государство,—но зато онъ чрезвычайно рѣзко очерчиваетъ его узкую компетенцію: задача свѣтской власти—устанавливать справедливость между людьми во всемъ, что касается тѣла и имущества человѣка. А если такъ, то какое же отношеніе, спрашиваетъ онъ, можетъ имѣть свѣтская власть „къ дѣламъ вѣры, духовнымъ и невидимымъ, которыя творятся по доброй и свободной волѣ и по благодати Божіей“?... „Для каждаго ремесла нужны свои снаряды: кузнецъ не можетъ держать желѣзо на огнѣ веретеномъ, а баба не можетъ прастъ на клещахъ; зато кузнецу вполнѣ пригодны клещи, а бабѣ—веретено. Такъ и свѣтская власть имѣетъ совсѣмъ иное назначеніе, чѣмъ устройство послѣдованія Христу“,—и съ очаровательной ироніей онъ прибавляетъ: цѣлямъ религіи свѣтская власть можетъ содѣйствовать только косвенно, именно притѣсняя или умерщвляя вѣрующихъ за ихъ вѣру, потому что тогда, невинно терпя отъ нея, они становятся достойными послѣдователями Христа. Соединеніе государства съ церковью, которое онъ ведетъ отъ Константина, и послужило, по его мнѣнію, къ гибели христіанства; это было все равно, какъ еслибы негодяи и прелюбодѣи вступили въ сообщество съ честными и стыдливými дѣвицами и предписали имъ свои прелюбодѣйные законы. На почвѣ этого безбожнаго союза, затмившаго истину до неузнаваемости, сложился весь нынѣшній строй жизни, политическій, общественный и церковный, въ которомъ грубо попораны святыя завѣты Христа—любовь къ ближнему, непротивленіе, равенство и пр. Хельчицкій тщательно разбираетъ всѣ евангельскіе тексты и примѣры, которыми оправдываютъ этотъ строй его защитники, и, неизмѣнно опираясь на общій духъ ученія Христова, доказываетъ ложность этой аргументаціи, или невѣрно толкующей слова, или выдающей временныя уступки апостоловъ за части вѣчной истины Христовой. Затѣмъ онъ переходитъ изъ обороны въ наступленіе и, съ точки зрѣнія чистаго хри-

ствѣнства, вскрываетъ грѣхъ всѣхъ общественныхъ классовъ, перебирая ихъ по порядку: всюду властвуетъ антихристъ, Христосъ же покинутъ и забытъ, „какъ помело за дверьми“.

Мы отмѣтили основныя положенія Хельчицаго, но надо самому прочитать „Сѣти вѣры“, чтобы оцѣнить удивительное богатство его мысли въ деталяхъ, ея остроту и тонкость, ставящія Хельчицаго на одинъ уровень съ современнымъ мышленіемъ, а главное—то прекрасное одушевленіе и ту сердечность, которыми проникнута его книга. Общій характеръ ея нельзя опредѣлить мѣтче, чѣмъ это сдѣлалъ Л. Толстой въ своей замѣткѣ о Хельчицкомъ; указавъ на полное почти отсутствіе свѣдѣній о Хельчицкомъ, онъ говоритъ: „Одни думаютъ, что онъ былъ дворянинъ, другіе, что онъ былъ крестьянинъ, сапожникъ или земледѣлецъ. Я думаю, что онъ былъ земледѣлецъ. О томъ, что онъ былъ земледѣлецъ, мужикъ, я заключаю, во-первыхъ, по сильному, простому, ясному языку книги; во-вторыхъ—по мудрости книги, свѣдѣствіе которой авторъ всегда знаетъ, что важно, что менѣе важно, и всегда на первое мѣсто ставитъ важное; въ третьихъ—по той сердечности и наивности, съ которой онъ, иногда по-мужицки, грубо и сильно, съ негодованіемъ, иногда съ горькой насмѣшкой говоритъ о томъ, о чемъ, очевидно, болѣетъ душою“. Надо прибавить, что одно изъ золъ, за которыя Хельчицкій всего глубже болѣетъ душою,—участь рабочаго люда; тѣло Христа,—говоритъ онъ,—безбожно разрѣзали на три части—на пановъ, клириковъ и сельскій народъ, и этотъ послѣдній „въ страданіяхъ несетъ на себѣ роскошь тѣхъ двухъ обжоръ“.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ изданіи „Сѣти вѣры“. Судьба этой книги удивительна. Несмотря на громадное вліяніе, которое послѣ смерти Хельчицаго приобрѣли его идеи (онъ легли въ основаніе общества „богемскихъ братьевъ“), его книга, написанная около 1440—1450 гг., оставалась неизданной до нашихъ дней. Только въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка русскій славистъ Ю. С. Анненковъ приготовилъ для печати копію „Сѣти вѣры“ по-чешски и составилъ русское изложеніе ея; и то, и другое было напечатано уже послѣ смерти Анненкова, въ 55-мъ „Сборникѣ“ словеснаго Отдѣленія нашей Академіи Наукъ, вмѣстѣ съ текстомъ и русскимъ изложеніемъ другого сочиненія Хельчицаго—„Реплики противъ Бискупца“,—подъ редакціей академика И. В. Ягича. Тамъ и оставалась похороненной эта живая „Сѣть вѣры“ до сихъ поръ; теперь книгоиздательство „Посредникъ“ выпустило отдѣльнымъ изданіемъ ея изложеніе, сдѣланное Анненковымъ, перепечатавъ впереди, съ нѣкоторыми сокращеніями, и статью акад. Ягича о Хельчицкомъ и Анненковѣ. Статья эта, къ сожалѣнію, суха, схематична, и мало дастъ читателю; жаль также,

что издатели сочли нужнымъ опустить ту прекрасную, серьезную страницу о Хельчицкомъ и его книгѣ („Предисловіе“), которая въ чешской рукописи предшествуетъ „Сѣти вѣры“ и которая есть и по-русски въ академическомъ изданіи.

IV.

— Галерея Шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ редакціей: Н. О. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Ч. I. Съ 29 портретами. С.-Петербургъ, 1907. Стр. 297.

Въ этой книгѣ двѣ статьи о Шлиссельбургской крѣпости и тридцать біографій шлиссельбургскихъ узниковъ (портретъ І. Поджіо не удалось найти), начиная съ декабристовъ и кончая тѣми, кто получилъ свободу въ октябрѣ 1905 года. По-истинѣ — и страшная, и радостная книга! Мірѣ не видѣлъ большаго самопожертвованія и не видѣлъ большей жестокости. Здѣсь все — предѣлы: предѣлъ человѣческаго идеализма, предѣлъ звѣрства въ человѣкѣ, предѣлъ страданій и скорби; высшее торжество нравственной силы и полное ея безсиліе, видимое ея умираніе и вѣчное безсмертіе. Тридцать человѣкъ — какъ тридцать живыхъ зеренъ, зарытыхъ въ Шлиссельбургѣ, какъ въ землю, чтобы дать плодъ сторицею. Но каково было своею судьбой олицетворять эту метафору!

Исторія Шлиссельбургской крѣпости начинается задолго до декабристовъ. Въ ея преддверіи стоитъ потрясающій образъ: 21 октября 1745 г. раскольникъ Круглый былъ посаженъ въ казематъ, двери и окна котораго были тутъ же заложены наглухо; оставлено было только отверстіе, куда ему подавали хлѣбъ и воду; онъ съ перваго же дня не сталъ брать хлѣба, видно, рѣшивъ умереть, а на 14-й день пересталъ брать и воду; часовой окликалъ его, но не получалъ отвѣта; 12 ноября комендантъ крѣпости испросилъ разрѣшеніе разобрать двери: Круглый оказался мертвъ. А черезъ сто лѣтъ этотъ „рекордъ“ мученій побилъ полякъ Лукасинскій, выжившій 37 *мѣтъ* въ темномъ подземельи Шлиссельбургской крѣпости въ одиночномъ заключеніи и здѣсь же умершій на 82-мъ году.

Среди шлиссельбургскихъ узниковъ были люди разнаго калибра и разной степени сознательности, но одна черта отличаетъ ихъ почти всѣхъ, — иначе и быть не могло, иначе они и не были бы здѣсь: это были люди дѣла по преимуществу, натуры активныя свѣше средней мѣры, не носильщики жизни и не изслѣдователи ея, а изъ тѣхъ, которыхъ неодолимо влечетъ творить жизнь, перестраивать, создавать новыя формы ея. И въ этомъ-то заключался главный ужасъ ихъ по-

ложенія въ тюрьмѣ; Оскаръ Уайльдъ говоритъ, что кто жилъ удесятѣренной жизнью, тотъ умираетъ десятью смертями. Какъ не изгладится изъ памяти народной воспоминаніе о страдальцахъ Шлиссельбурга, такъ вѣрно не забудутся въ русской поэзіи тѣ восемь стиховъ любимой пѣсни Минакова, въ которыхъ вылилась боль этихъ десяти смертей:

Я вынести могу разлукъ,
Грусть по родимой сторонѣ,
Я вынести могу и муку
Жить въ вѣчно праздной тишинѣ;
Но прозябать съ живой душою,
Колодой гнить, упавшей въ иль,
Имѣя умъ, расти травой, —
Нѣтъ, это выше моихъ силъ!

Егоръ Ивановичъ Минаковъ, кратковременный обитатель Шлиссельбурга, самъ своей смертью иллюстрировалъ эти стихи. Осужденный по предательству и потомъ вторично за побѣгъ, онъ, 1 августа 1884 г., былъ водворенъ въ Шлиссельбургъ, — и тотчасъ рѣшилъ либо добиться элементарныхъ правъ (свиданій съ товарищами, книгъ, переписки съ родными), либо умереть. Въ видѣ протеста, онъ началъ пѣть — у него былъ, говорятъ, прекрасный голосъ-баритонъ; его били, вязали, надѣвали на него смиренную рубашку, но онъ не покорялся. Потомъ онъ началъ голодовку, и когда, однажды, явился тюремный врачъ, чтобы кормить его искусственно, Минаковъ далъ ему пощечину, потребовавъ себѣ за это казни, согласно инструкціи; и онъ былъ разстрѣлянъ на большомъ дворѣ шлиссельбургской крѣпости, 6 сентября того же года, тридцати лѣтъ отъ рожденія, предпочтя одну смерть десяти.

Но другіе медленно умирали долгіе, долгіе годы; всѣ десять смертей заживо вкусила нѣжная, глубокая душа Поливанова, а между Минаковымъ и имъ, двумя полюсами шлиссельбургской муки, послѣдовательно располагаются остальные. Однихъ, какъ Морозова, поддерживала надежда; Бакунинъ жилъ даже не столько ненавистью къ деспотизму, сколько страхомъ утратить эту ненависть и жажду бунта, внутренне смириться: этотъ страхъ въ большей или меньшей степени былъ присущъ всѣмъ; В. Н. Фигнеръ жила, кажется, только любовью. И въ самой этой агоніи — сколько отдѣльныхъ чудовищныхъ казней и сколько подвиговъ удивительнаго самоотверженія, мужества, любви! Каждая страница „Галереи“ насыщена предѣльнымъ страданіемъ. Но что здѣсь значать трагическіе эпизоды! Цѣлое такъ грандіозно въ смыслѣ ужаса и героизма, что частности на разстояніи почти теряются. Шлиссельбургъ принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ кошмарамъ, жуткая память о которыхъ ложится тѣнью на многія столѣтія, —

какъ Сицилійская вечерня, Варооломеевская ночь, сожженіе вѣдьмъ и еретиковъ въ среднихъ вѣкахъ, и т. п. Въ „Галереѣ шлиссельбургскихъ узниковъ“ дѣйствительно недостаетъ одного портрета, — это портретъ Ирода-Соколова. Здѣсь есть лица, которыя самими своими чертами проповѣдуютъ нравственный героизмъ; по лицу В. Н. Фигнеръ, по застѣнчиво-скорбнымъ глазамъ Фроленки юноша можетъ непосредственно, помимо всякихъ разсужденій, полюбить навѣки красоту душевную превыше всего земного; пусть же рядомъ съ ними стоитъ и лицо Ирода, не какъ фокусъ ненависти, а какъ противоположность и грозное предостереженіе человѣку. — М. Г.

V.

— Литературно-Художественные Альманахи издательства „Шиповникъ“. Книга первая. Спб. 1907. Стр. 291.

„Книгоиздательство „Шиповникъ“ предприняло изданіе литературно-художественныхъ сборниковъ, напоминающихъ однородные сборники „Знанія“. Въ вышедшей первой книжкѣ участвуютъ всѣ авторы, имена которыхъ мы привыкли видѣть въ книжкахъ „Знанія“: Леонидъ Андреевъ, Купринъ, Серафимовичъ и др. Есть и новыя имена — Сергѣева-Ценскаго, Бориса Зайцева. Но отличіе новой серіи сборниковъ состоитъ въ тяготѣніи къ „модернизму“, что сказывается въ стихахъ Брюсова, помѣщенныхъ въ сборникъ, и въ художественномъ отдѣлѣ, въ интересныхъ иллюстраціяхъ, на тему города, такихъ художниковъ какъ Добужинскій, Бакстъ, Рерихъ.

Центральнымъ произведеніемъ первой книжки „Альманаховъ“, ея „гвоздемъ“, является новая драма или, какъ она называется, „представленіе“, Леонида Андреева, „Жизнь человѣка“. „Представленіе“ это успѣло уже очень на шумѣть на сценѣ и въ печати. „Жизнь человѣка“ собирала толпы слушателей въ театрѣ Коммисаржевской, гдѣ она шла въ оригинальной „стилизованной“ постановкѣ, привлекающей интересъ — и еще болѣе любопытство — публики. Въ провинціи постановка „Жизни человѣка“ вызываетъ политическія осложненія; появившись въ печати, она сдѣлалась самой популярной литературной новинкой. Словомъ, пьеса Леонида Андреева сразу приобрѣла своего рода знаменитость, — какъ все, что онъ пишетъ въ послѣдніе годы.

Въ такой сенсационности его творчества много чрезвычайно характернаго. Ни одинъ изъ новѣйшихъ писателей, — даже самъ Горькій, такъ быстро смытый захлеснувшюю его новой волной, — ни одинъ не пришелся такъ „въ точку“ современному настроенію русскаго

общества, какъ именно Леонидъ Андреевъ. И случилось это потому, что онъ избралъ самое дѣйствительное средство воздѣйствія на толпу: онъ сталъ кричать, кричать благимъ матомъ, часто замѣняя крикомъ простую членораздѣльную рѣчь, даже когда она и возможна, и умѣстна, и, главное, необходима для уясненія смысла явленій. Но онъ не уяснялъ, не вдумывался, — онъ только кричалъ. И всѣ, кому больно, и кто не хочетъ думать, принимали этотъ крикъ за философію жизни. Леонидъ Андреевъ прослылъ мыслителемъ, познавшимъ боль человѣка. Онъ такъ оглушилъ толпу своими воплями, что она принимаетъ за мысли—крики человѣка въ горячечномъ бреду, или крики младенца, не умѣющаго выражать свои чувства и желанія членораздѣльной рѣчью.

Леонидъ Андреевъ не былъ всегда такимъ. Въ началѣ своей литературной дѣятельности, онъ былъ чрезвычайно талантливымъ, вдумчивымъ художникомъ, чутко внимавшимъ литургіи духа, которая свершается въ храмѣ души подъ аккомпаниментъ нестройнаго гула жизни. Тогда онъ писалъ такіе благоуханные рассказы, какъ „Жили-были“ и „Тишина“. Въ нихъ отразилась и боль жизни, и беспомощность человѣка передъ непонятными физическими и нравственными страданіями. Но человѣкъ въ нихъ не былъ изображенъ безотвѣтной игрушкой стихій. Художникъ чувствовалъ и воссоздавалъ творчество духа, соучастіе человѣческаго начала въ трагической гармоніи міра, и видѣлъ путь единенія человѣческой жизни съ жизнью міровой, а не одинъ только разрывъ, въ которомъ человѣческая воля лишена всякаго стремленія къ цѣли, всякаго творческаго созиданія.

Потомъ что-то произошло съ Леонидомъ Андреевымъ. Это „что-то“ довольно ясно: произошелъ кошмаръ русской дѣйствительности, съ которымъ не можетъ справиться его мысль. Онъ увидѣлъ вокругъ себя уродливую власть событій, кошмаръ крови и насилій и задохнулся, забылъ о „погребенномъ храмѣ“ въ душѣ человѣка, и слышалъ только нестройный гулъ жизни; забылъ о творческомъ духѣ, который можетъ перевоплощать и даже пересоздавать жизнь и чувствовалъ только боль, только то, что наваливается кошмаромъ на грудь; забылъ, что человѣкъ—часть міра, причиняющаго ему боль, что, соучаствуя въ цѣляхъ міра, онъ превращается изъ жертвы въ творца. Все это Леонидъ Андреевъ забылъ среди кошмара и сталъ тупо и громко кричать.

И случилось еще нѣчто другое. Леонидъ Андреевъ услышалъ вокругъ себя голоса, говорящіе о смыслѣ жизни, услышалъ, что люди мысли ищутъ въ разумѣ, въ мистическомъ чувствѣ, источники гармоніи, углубляютъ смыслъ кажущихся противорѣчій, чтобы оправдать таинственное чувство цѣли, присущее духу человѣческому, состав-

вляющаго его творческое начало. Идеалистическая философія, смѣнившая позитивизмъ и на Западѣ, и у насъ, отразилась въ творчествѣ Леонида Андреева въ стремленіи создать свою философію. Онъ не проникся идеализмомъ—напротивъ того, онъ теперь дальше отъ него, чѣмъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, но онъ заразился приѣмами идеалистовъ, или, вѣрнѣе, однимъ изъ приѣмовъ: онъ сталъ вопрошать о цѣляхъ жизни.

Но тутъ и произошла роковая для него ошибка. Можно отражать явленія съ ихъ видимой стороны, оставаясь въ правдѣ, но нельзя вторгаться въ область исканія цѣлей, не мѣняя отношенія къ познаваемому: нельзя искать цѣлей міра и устанавливать сужденія о ней, нельзя отрицать этой цѣли, исходя только изъ человѣческой обособленности, изъ относительныхъ знаній человѣка, нельзя устанавливать сужденія о далекомъ—и, опять-таки, судить его,—находясь въ ослѣпленности близкимъ. А это дѣлаетъ Леонидъ Андреевъ. Онъ, будто бы, мыслить, а на самомъ дѣлѣ только кричитъ бессмысленнымъ, животнымъ крикомъ. Но русскіе читатели,—подавленные этимъ крикомъ и сами, увы, готовые непрерывно кричать отъ боли,—приняли этотъ крикъ за философію, за мысли о жизни и о мірѣ.

У Леонида Андреева эта „философія животнаго крика“ началась съ „Жизни Василия Өивейскаго“. Герой этой повѣсти жаждетъ чуда—это дань Л. Андреева современнымъ идеалистическимъ исканіямъ; но на него обрушивается съ кошмарной непрерывностью вся сумма вѣроятныхъ и невѣроятныхъ несчастій, которыя возможны—и даже почти невозможны—въ жизни, и онъ сходитъ съ ума. Вопросъ объ отношеніи человѣка къ судьбѣ, о трагизмѣ жизни, т.-е. то, что составляетъ основу всей міровой литературы, сведенъ къ крику о страданіи въ изображеніи этого современнаго Іова. „Жизнь Василия Өивейскаго“—одно изъ самыхъ яркихъ произведеній Леонида Андреева по сильному захвату душевныхъ мукъ, но и въ немъ уже склонность къ преувеличеннымъ бредовымъ картинамъ ужасовъ расколаживаетъ читателя. Когда у несчастнаго героя тонетъ жена, сынъ вырастаетъ идиотомъ и бѣдствія все еще продолжаются, читатель уже начинаетъ равнодушно относиться къ дальнѣйшему: жизнь превращена въ какой-то спортъ со стороны судьбы, преслѣдующей неповинную жертву. И этотъ спортъ ужасовъ лишаетъ повѣсть всякой художественной мѣры, а главное, того, что составляетъ душу всякаго художественнаго произведенія—освѣщенія жизни прозрѣніями разума или интуитивнаго чувства. Нагроможденіе ужасныхъ или уродливыхъ фактовъ превращаетъ повѣсть Л. Андреева въ крикъ противъ жизни, въ животный крикъ, ничего не объясняющій. Герой его ничего не привноситъ въ жизнь, не живетъ духовной жизнью, а только стоитъ подъ ударами,

сыплющимися на него неизвѣстно откуда, и стонетъ, — не думая о томъ, что и онъ—часть судьбы, а не извнѣ стоящая мишень для ударовъ.

Таковы и дальнѣйшія повѣсти Л. Андреева, чисто сенсаціонныя, очень прославившіяся именно своимъ крикомъ. Такова его знаменитая „Бездна“, съ ужасами юношескаго растлѣнія; таковъ его „Красный смѣхъ“, съ ужасами войны. Онѣ гипнотизировали своимъ бредовымъ изображеніемъ жизни, пугали читателей и дѣйствовали на воображеніе тѣмъ, что сливались съ кошмаромъ дѣйствительной жизни. Преломляясь въ искусствѣ, жизнь проливаетъ свѣтъ, создаетъ духовныя цѣнности: велики страданія Эдипа и неумолимы удары, поражающіе его; но трагизмъ Софокла—не крикъ, а проникновеніе въ мудрость, открывающуюся для человѣка на днѣ страданій. Греческая трагедія раскрываетъ ужасъ жизни, но вводитъ его какъ активную силу въ мировую гармонію. И то же самое можно сказать о всякомъ истинномъ трагическомъ искусствѣ всѣхъ временъ. А отъ криковъ Леонида Андреева душа не растетъ, потому что ея активная роль сведена на нѣтъ.

Въ послѣдніе годы Леонидъ Андреевъ сосредоточился на драматическомъ творествѣ. Оно составляетъ у него какъ бы поворотъ къ большей созерцательности, большей идейности, въ противоположность прежнему захлебыванію мрачными картинами и фактами. Въ драмахъ преобладаетъ идеологія, сталкиваются разныя міросозерцанія, борются разныя отношенія къ жизни. Но и тутъ перемѣна—только кажущаяся, и маска мыслителя оказывается неудобной для бреда Леонида Андреева. Она каждую минуту спадаетъ, и передъ нами—искаженное отъ животнаго крика лицо.

Въ драмѣ „Къ звѣздамъ“ мудрости „звѣздочета“, для котораго судьба отдѣльныхъ людей—безразличная подробность въ жизни міровъ, которую онъ изучаетъ въ своей обсерваторіи,—противопоставляется человѣкъ съ живой кровью, идущій отъ холодной науки къ живымъ страданіямъ людей. Въ пьесѣ,—очень разсудочной, наименѣе художественной изъ всѣхъ драмъ Л. Андреева,—наука, активная совѣсть революціонеровъ, и пассивное страданіе, „крикъ обиды“ (въ лицѣ еврея, свидѣтеля погромовъ)—какъ бы дѣлятъ міръ между собой. Но наука занимаетъ фальшивое положеніе, потому что она беретъ не за свое дѣло: вмѣсто того, чтобы только изучать познаваемое и увеличивать опытное знаніе, она хочетъ стать совѣстью міра, указывать пути духу—и потому оказывается безпомощной передъ страданіемъ человѣческимъ. Но и другихъ, въ томъ числѣ сраженного безуміемъ революціонера, побѣждаетъ жизнь,—и опять драма духа кончается нестройнымъ крикомъ. Позитивизмъ Л. Андреева, который не видитъ въ явленіяхъ ничего, кромѣ ихъ внѣшней правды, кромѣ надрыва,—

звучить рѣзкимъ диссонансомъ, какъ только онъ подступаетъ къ сложности трагедій духа.

Гораздо сильнѣе вторая драма Леонида Андреева—„Савва“. Въ ней выступаетъ непосредственная сила таланта, придающая большую выпуклость и смѣлость очерченнымъ фигурамъ и сталкивающимся силамъ. Но, по своему идейному замыслу, и эта драма обнаруживаетъ тоже коренное неумѣніе Л. Андреева справиться съ темой, навѣянной, съ одной стороны, кошмаромъ русской дѣйствительности, а съ другой—противорѣчивыми философскими идеями, которыя носятъ въ воздухѣ, и среди которыхъ онъ безпомощно путается. Его герой—анархистъ, проповѣдникъ „голой земли“ во имя грядущаго строительства. Но анархистъ онъ очень элементарный, слѣпой исполнитель такъ называемой „propagande par le fait“, не оправданной въ духѣ. Вся мысль анархизма, противопоставляющаго правоту свободного самоопредѣленія условному насилию закона, исчезаетъ въ риторикѣ голаго насилия надъ насилиемъ въ рѣчахъ Саввы, безсильныхъ при всей своей хвастливой смѣлости. Ему противопоставлена пламенная христіанка Липпа, его сестра, печальница горя человѣческаго,—тоже повторяющая съ безсильнымъ пафосомъ старыя слова о жалости. Вся идеологическая сторона ихъ спора риторична и не вноситъ никакого интуитивнаго пониманія въ противорѣчія души, гдѣ гнѣвъ и любовь отстаиваютъ свои права во имя правды и счастья. Но умѣнье Л. Андреева окутывать кошмаромъ дѣйствія и чувства людей и двигаться въ хаосъ стихійныхъ силъ—заслуживаетъ бѣдноты замысла. Въ драмѣ побѣждаетъ жалость—торжествуетъ Липпа, разрушающая анархическій подвигъ Саввы,—но жалость торжествуетъ въ такомъ бреду крови и злобы толпы, что идея драмы совершенно спутывается,—остается опять крикъ ужаса и боли, какъ во всемъ творествѣ Л. Андреева.

„Жизнь человѣка“, слѣдующая теперь за первыми двумя драмами Л. Андреева,—самая претенціозная изъ трехъ. Въ ней онъ берется за міровую тему, хочетъ обнять жизнь человѣка философской схемой и противопоставить ее судьбѣ. Метерлинкъ въ своихъ символическихъ драмахъ изображалъ „типичную“ душу, то, что скрыто подъ всѣми наслоеніями индивидуальности и живетъ своей жизнью за событиями. Эта тема взята и Л. Андреевымъ, причемъ и художественные приемы ея выполненія тоже обнаруживаютъ сильное вліяніе Метерлинка. Но это напрашивающееся само собой сопоставленіе съ Метерлинкомъ обнаруживаетъ и всю несостоятельность „Жизни человѣка“. У Метерлинка душа живетъ своей активной жизнью, и судьба, которая сокрушаетъ ее, вмѣстѣ съ тѣмъ выявляетъ всю ея самобытную цѣнность. Все прекрасное и глубокое, что она вноситъ въ гармонію міра. Получается трагическій поединокъ, но въ немъ не обезцвѣчиваются со-

кровища души, какъ не обезцѣнивались они въ глубокомъ трагизмѣ античной драмы рока; напротивъ того, въ душѣ загорается сознание міровой цѣли, превышающей судъ во имя осязательныхъ благополучій. Для того, чтобы судить о жизни и ея цѣляхъ, нужно знать, во имя чего судишь; справедливость міровыхъ судебъ не можетъ опредѣляться горемъ или радостью человѣка. Если судить судьбу, какъ это дѣлаетъ Л. Андреевъ, то, при его постановкѣ вопроса, человѣкъ — одна изъ тяжущихся сторонъ, — и нельзя произносить приговора отъ его имени. Выходить не судъ, не мысли о справедливости міра, а крикъ, неосмысленный крикъ; такова, дѣйствительно, „Жизнь человѣка“. Вотъ какъ поставленъ вопросъ въ драмѣ Л. Андреева: „Человѣкъ“ родился, онъ великолѣпенъ во всѣхъ отношеніяхъ, и, конечно, его удѣломъ должно быть благополучіе. Но за нимъ стоитъ „Нѣкто“ и играетъ съ нимъ злую игру. Онъ его дразнитъ радостями: молодостью, любовью, а затѣмъ все у него отнимаетъ и почему-то злорадно бьетъ его обухомъ по головѣ, пока не достучается на смерть. Это называется поединкомъ „Человѣка“ съ судьбой. Особенность поединка еще такова: „Нѣкто“, воплощающій судьбу, очень дѣятеленъ: онъ приноситъ блага, отнимаетъ ихъ, хитро выдумываетъ самыя жестокія бѣды, а „Человѣкъ“ только все претерпѣваетъ. Ему дана молодость, и онъ мечтаетъ, т.-е. опять-таки ничего не дѣлаетъ, а ждетъ, чтобы ему что-то принесли. Ему дано богатство, и онъ молчитъ, потому что ему нечего требовать отъ няньки-судьбы. Грозитъ несчастье — онъ молится, т.-е. выпрашиваетъ „по хорошему“ леденца у няньки. Несчастье свершилось, умеръ его сынъ, и онъ начинаетъ кричать и проклинать няньку, на которую взваливаетъ всѣ несчастія. Приходятъ болѣзни и старость и тянутъ его ко дну, отнявъ у него все дорогое въ жизни: онъ умираетъ подъ злобное хихиканье судьбы. Вотъ схема человѣческой жизни, какою она рисуется Л. Андрееву. Итогъ ея такой: человѣкъ прекрасенъ, судьба бессмысленна, жестока. Человѣкъ счастливъ, когда жизнь его — „пышная и богатая“, съ автомобилемъ, съ благоустроенной ванной. Но счастье скоротечно, потому что жизнь быстро смѣщается людьми. То, что человѣкъ сдѣлалъ сегодня, нравится людямъ и приноситъ успѣхъ; завтра это же самое уже перестаетъ нравиться, — и человѣкъ забытъ. Затѣмъ приходитъ старость, и онъ умираетъ, ибо человѣкъ — смертный. Вотъ рамки, которыя Л. Андреевъ ставитъ человѣку въ борьбѣ съ судьбой, и что онъ называетъ философіей жизни.

Основной недостатокъ этого замысла, — какъ и всего бредового творчества Андреева, — въ его отрицаніи творчества духа. Человѣческая душа — ничто, она только кричитъ отъ боли. Человѣкъ ничего не вноситъ въ жизнь, онъ зависитъ отъ судьбы, отъ успѣха, отъ всего, что внѣ его; онъ не творитъ жизни, а выкрикиваетъ слова. Л. Андреевъ

загипнотизированъ поверхностью вещей, не умѣетъ думать вглубь; и когда онъ берется за тему, доступную мистикѣ Метерлинку, — получается жалкій, беспомощный бредъ. „Жизнь Человѣка“ — не просто неудачное художественное произведеніе. Напротивъ того, въ немъ скрывается большой непосредственный талантъ, но такъ какъ онъ берется за совершенно ему недоступную тему, берется рѣшать смыслъ жизни, будучи скованъ позитивнымъ пониманіемъ благъ, чуждый трагизму духа, то — спутывается отношенія къ жизни, къ міру, своими неистовыми криками. Въ центральной сценѣ пьесы, въ третьемъ актѣ, „Человѣкъ“, у котораго умеръ сынъ, обращается съ проклятіями къ невидимо стоящему передъ нимъ „Нѣкто“ и кричитъ ему: „Ты женщину обидѣлъ!“ Безсмысліе этого восклицанія, какъ и всего длиннаго проклятія судьбы и дня рожденія — поражающее. Если „Человѣкъ“ питаетъ рыцарскія чувства къ женщинѣ, то вѣдь и это дано ему, какъ и его несчастіе, тѣмъ „Нѣкто“, котораго онъ проклинаяетъ. Но Л. Андреевъ не можетъ видѣть или чувствовать нити, связующія человѣка съ кажущейся несправедливостью страданій, съ незримой цѣлью міра, не слышитъ голоса, вызывающаго о гармоніи изъ глубины страданія (въ греческой трагедіи онъ мощно звучитъ): передъ его глазами — завѣса кроваваго бреда, и онъ не видитъ ничего другого.

По художественнымъ приемамъ „Жизнь Человѣка“ какъ будто бы очень нова: всѣ индивидуальныя переживанія „стилизованы“. Хоры родственниковъ „Человѣка“, его гостей, его враговъ, его друзей, спутниковъ его смерти, замѣняютъ обычные характеры съ индивидуальной психологіей. Но въ этомъ приемѣ — много подражанія, въ особенности заимствованій у Метерлинка. Злобно хихикающія старухи, служанки судьбы, присутствующія при рожденіи и смерти „Человѣка“, напоминаютъ служанокъ въ „Пелеасъ и Мелисандъ“; а семья, которая ведетъ будничныя разговоры въ роковой часъ рожденія „Человѣка“, — полное повтореніе Метерлинковской драмы „За стѣнами дома“. Но эти приемы символической драмы производятъ скорѣе впечатлѣніе диссонанса въ чисто-позитивномъ замыслѣ Л. Андреева. „Жизнь Человѣка“, повторяемъ, написана съ большимъ талантомъ — но тѣмъ хуже для нея. Она дѣйствуетъ на воображеніе, но спутываетъ кажущимся проникновеніемъ въ смыслъ жизни. На самомъ же дѣлѣ, она — сплошной животный крикъ, который не прибавляетъ ни капли мудрости въ сокровищницу человѣческихъ прозрѣній.

Кромѣ драмы Андреева, въ первой книжкѣ „Альманаховъ“ есть еще рассказъ Куприна, очень блѣдный, — драматично изложенный эпизодъ революціоннаго движенія въ рассказѣ Серафимовича „У обрыва“ и — талантливая повѣсть Сергѣева-Ценскаго. — З. В.

VI.

— Т. Г. Шевченко. „Кобзарь“ въ переводѣ русскихъ писателей. Редакція И. А. Бѣлоусова; изданіе 2-е Товарищества „Знаніе“. С.-Петербургъ 1906 г.

Потребность русской читающей публики имѣть произведенія украинскаго великаго поэта въ переводѣ и теперь еще оказывается значительною: собраніе его сочиненій на родномъ языкѣ появилось на-дняхъ въ тридцать-третьемъ изданіи, а переводовъ и изданій „Кобзаря“ на общерусскомъ литературномъ языкѣ извѣстно, по крайней мѣрѣ, до десяти. Самый краткій обзоръ этихъ прежнихъ изданій облегчитъ намъ оцѣнку послѣдняго изъ нихъ—подъ редакціей г. Бѣлоусова.

Первый болѣе или менѣе полный малорусскій „Кобзарь“ вышелъ въ послѣдній годъ жизни поэта; въ томъ же 1860-мъ г. появился „Кобзарь“ и въ переводѣ русскихъ поэтовъ, подъ редакціей Н. Гербеля, повторявшійся потомъ изданіемъ еще три раза (1869, 1876 и 1905 гг.). Лучшими, но не безусловно и не во всемъ удачными стихотвореніями въ этой книгѣ надо признать переводы Мей, Сурикова и Плещеева. Другіе переводы, хотя и уступали имъ, но были, однако, удовлетворительны. Впослѣдствіи появились новые переводчики: такъ, въ 1867 г., когда вышло образцовое на долгіе годы изданіе „Кобзаря“ Кожанчикова по-малорусски, изданъ былъ и переводъ на русскій О. А. Лепко, а въ 1874 г., въ изданіи Мамонтова, переводъ Чмырева, въ которомъ иногда встрѣчаются очень удачныя мѣста и строфы крупныхъ произведеній и переводы мелкихъ лирическихъ пьесъ (напр. „И широкую долину“... и др.); но изданіе это теперь основательно забыто. Года четыре тому назадъ, въ Вяткѣ С. Дремцовъ далъ первый выпускъ стихотворнаго перевода „Кобзаря“ подъ своеобразнымъ заглавіемъ: „Мотивы поэзіи Т. Шевченка“ 1902 г. Начало этого изданія заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Ограниченіе задачи переводчикомъ объясняетъ своеобразное заглавіе работы. С. Дремцовъ справедливо замѣчаетъ, что „переводить Шевченка не только трудно, но въ иныхъ случаяхъ почти невозможно, такъ какъ общелитературный языкъ не можетъ передать красотъ и глубины подлинника, его образнаго характера и душевнаго настроенія“ поэта. Поэтому переводчикъ поставилъ себѣ скромную цѣль: до нѣкоторой степени служить помощникомъ при чтеніи подлинника, преимущественно стремясь къ передачѣ настроеній. Въ этомъ смыслѣ работа С. Дремцова, при всѣхъ недостаткахъ, обладаетъ и положительными качествами.

Совершенно иначе отнесся къ переводу лучшихъ созданій украинской поэзіи И. А. Бѣлоусовъ. Еще въ 1900 г. изданъ былъ подъ его

редакціей „Кобзарь“ въ переводѣ русскихъ писателей, гдѣ, впрочемъ, почти половина пьесъ (47 изъ 98) принадлежали перу редактора. Уже тогда критика указывала на отсутствіе литературнаго дара у нѣкоторыхъ переводчиковъ и на рядъ нелѣпостей въ переводахъ съ малорусскаго, явно показывавшихъ, что И. А. Бѣлоусовъ не только не обладаетъ художественнымъ чутьемъ, не говоритъ—поэтическимъ талантомъ,—а просто не знаетъ языка, на которомъ созданъ подлинникъ „Кобзаря“. Онъ переводитъ, напримѣръ, слова,—„менеб не питали“ (спрашивали) словами—„меня бъ не мучили“ (пытали); выраженіе — „ти вже виросла, дівуєшь, с хлопцями гуляєшь“—передаетъ грубо и невѣрно: „не успѣла подрости, съ парнями уже блудить пошла“ и т. д.

На-дняхъ появилось второе изданіе „Кобзаря“ подъ той же редакціей. Несмотря на то, что въ книгѣ помѣщены переводы болѣе чѣмъ двухъ дюжинъ писателей (между ними встрѣчаются имена и очень почтенныхъ, болѣею частью уже покойныхъ, литераторовъ), передача малорусскаго подлинника, въ толкованіи И. А. Бѣлоусова, преобладаетъ надъ всѣми другими переводами (изъ 128 пьесъ 61, т.-е. почти половина, И. А. Б—ва). Насколько удачно справился со своей задачей, прежде всего, редакторъ-переводчикъ, а затѣмъ и нѣкоторые другіе его сотрудники, читатели могутъ убѣдиться изъ нѣсколькихъ, немногихъ изъ многихъ, примѣровъ при сличеніи самого текста и русской его передачи во вновь появившемся изданіи.

Мы остановимся на самыхъ популярныхъ и общеизвѣстныхъ произведеніяхъ Шевченка. Вотъ вполне невѣрный переводъ, совершенно извращающій мысль поэта. Въ „Посланіи до мертвыхъ и живыхъ земляківъ“ стоитъ:

У „Кобзаря“:

Не дуріте дітей вашихъ,
Що вони на світі
На те тільки, щоб панувать;
Бо невчѣне око
Загляне ім в саму душу
Глибоко, глибоко,
Дознаються небожата,
Чія на вас шкура,
Тай засудять, і премудрих
Немудрі одурять.

У г. Бѣлоусова:

Господами бытъ надъ нами (?)
Дѣтокъ не учите.
Будетъ время—Правда Божья
Въ душу имъ заглянетъ,
И суда, расправы грозной
День для нихъ (?) настанетъ.

Въ чудной элегіи „Минають дні“ мы читаемъ конецъ ея такъ:

У „Кобзаря“:

Страшно впасти у кайдани,
Умірати в неволі

У г. Бѣлоусова:

Страшно, тяжело жить въ неволі
Взаперти сидѣти;

А ще гірше—спати, спати,
 І спати на волі,
 І заснути на вік-віки,
 І сліду не кинуть
 Ніякого!... Однаково—
 Чи жив, чи загинув.
 Доле, де ти? доле, де ти?
 Нема ніякої!
 Коли доброї жаль, Боже,
 То дай злої, злої!..

Но страшнѣй на вольной волѣ
 Мертвецомъ глядѣть
 На борьбу, на трудъ упорный,
 Что кипить кругомъ!
 Жить—и слѣда не оставить
 По себѣ ни въ чемъ—
 Страшно! Доля, отзовися!
 Гдѣ твой слѣдъ пропалъ?
 Если доброй доли не далъ,
 Боже, злую бь далъ!

Больше всего, кажется, пришлось перенести отъ переводчика одному изъ самыхъ лучшихъ произведеній Шевченка, столь распространенному, особенно благодаря частому чтенію этой пьесы съ эстрады. Мы говоримъ о „Чернецѣ“, полуфантастической исторіи изъ послѣднихъ дней жизни народнаго героя конца XVII в., Семена Палія. Прежде всего, переводъ заглавія и дальнѣйшаго обозначенія Палія монахомъ совершенно невозможенъ: надо было оставить слово подлинника „Чернецъ“, которое небезызвѣстно и русской литературѣ (еще въ 1824 г. появилась знаменитая поэма Козлова того же наименованія). Какому только извращенію не подверглась эта пьеса, чего только не насочинялъ въ ней переводчикъ—нѣкто г. Пр. Б.!—Оказывается, что на „Кіевскомъ Подолѣ“—„всѣ довольны были долей“ (объ этомъ ничего нѣтъ въ текстѣ); да и какъ не быть довольными, когда „ни души нѣтъ безъ жупана“, продолжаетъ сочинять переводчикъ; слова о бурсакахъ „не ма голій школі волі, а то б догодила“—переданы совсѣмъ невѣрно: „жалъ, что нѣтъ имъ въ школѣ волі“.

У Шевченка:

Іде козак. Ох, літа, літа,
 Що ви творите!

У г. Бѣлоусова:

Запорожець ужъ въ лѣтахъ,
 Пляшетъ, припѣвая...

Пр. Б. сообщаетъ отъ себя, какъ этому „удивились козаки“, да и было отчего, такъ какъ и носки, и каблуки сапогъ стараго Палія „набралися злой тоски“. Запорожець — козарлюга, „кончившій монахомъ“ (это передача словъ поэта — „попрощався з світом“) превратился въ Межигорскомъ монастырѣ въ „старичка“, изъ „сйвого“ сталъ „лысымъ“, началъ вспоминать „годы дѣтства“—это свою козацкую-то жизнь, ссылку, а потомъ „въ кельѣ началъ онъ вздыхать“ (въ подлинникѣ—„пoтiм сiв i зажурився“). Отчасти, пожалуй, становится понятно, почему такъ ведетъ себя монахъ—Палій: Пр. Б. говоритъ, что сердце „мутило“ запорожца (вмѣсто „дурило“—обманывало), да и козакъ переводчика былъ „ляхомъ недобитый“, тогда какъ Палій Шевченка „лихомъ не добитый“. Прекрасный образъ поэта читается въ переводѣ такъ:

У Шевченка:

І тихнуть Божні слова...
І в келіі, неначе в Січі,
Братѣрство славне ожива,
А сивий гетьман, мов сова,
Ченцѣви зазирає в вічі.

У Пр. Б.

Обратилась келья въ Сѣчь;
Божье слово замираетъ;
Все бывшее оживаетъ
И ведетъ съ монахомъ рѣчь.
Передъ нимъ встаетъ и смотритъ
Старый гетманъ, какъ сова.

Въ „Чернеці“ стоитъ:

Приспи ж його (серце), і занехай
Свою Борзну и Хвастовщины ¹⁾
Загіне все, ти сам загинешъ
І не згадають, що б ти знав.

Въ „Монахъ“:

Свою гордыню забывай,
Что бъ и души не загубила!
Не то пропадъ ты, такъ и знай!

Иногда къ обезличенію подлинника переводомъ или къ невѣрной передачѣ мысли присоединяется передача элегическихъ стиховъ плясовымъ ритмомъ. Въ началѣ „Монаха“ читаемъ:

Я же буду, братъ мой милый,
Вспоминать про то, что было,
Буду ждать да поджидать,
Не вернется ли опять...

А вотъ слова Шевченка:

А я, брате,
Такъ буду сподіватись,
Такъ буду виглядати,
Серцю жалю завдавати.

Даже евангельскія слова переиначиваетъ И. А. Вѣлоусовъ: Шевченко въ „Молитвѣ“ говоритъ о „чистыхъ сердцемъ“, а въ переводѣ идетъ рѣчь о „кроткихъ сердцемъ“. Дальше уже идти некуда.—Ж—кій.

VII.

— И. Х. Озеровъ. Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги. Москва. 1907 г. Ц. 1 р.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ былъ отмѣченъ трудъ проф. московскаго университета И. Х. Озерова о политической политикѣ по рабочему вопросу, основанный на архивномъ матеріалѣ министерства торговли. Нынѣ тотъ же авторъ опубликовалъ факты, извлеченные тоже изъ архивовъ, но другого вѣдомства (государственнаго контроля), касающіеся злоупотребленій въ

¹⁾ Историч. мѣста.

области государственныхъ финансовъ. Сообщенія его, конечно, не имѣютъ и не могутъ имѣть исчерпывающаго характера. Государственный контроль поставленъ у насъ въ такое положеніе, что „боялся даже соваться въ такія дѣла, гдѣ пахнуло крупными суммами, и долженъ былъ ограничивать свою роль ловлей мелкой рыбешки, т.-е. контролемъ мелкихъ и ничтожныхъ суммъ“ (стр. 233). Поэтому и въ дѣлахъ государственнаго контроля авторъ находилъ по преимуществу данныя о мелкихъ злоупотребленіяхъ. Но значеніе сообщеній пр. Озерова заключается въ томъ, что они находятся въ полномъ согласіи съ общимъ мнѣніемъ о порядкахъ составленія и исполненія нашихъ финансовыхъ смѣтъ и служатъ документально установленными иллюстраціями этихъ порядковъ. „Государственное казначейство—такъ характеризуетъ г. Озеровъ эти порядки—напоминаетъ у насъ игорный клубъ, куда стекаются авантюристы со всего свѣта, съ самыми разнообразными приѣмами игры... Играютъ они на государственномъ банкѣ, и счастливицы получаютъ весьма крупныя субсидіи; играютъ на постройкахъ, вовлекая казну въ крупныя затраты; играютъ на поставкахъ и подрядахъ... Все это создало особую атмосферу въ Россіи, атмосферу азарта, игры и авантюры“. Такая атмосфера есть явленіе, сравнительно, новое; но почва, на которой она сгустилась, почва организованнаго, безотвѣтнаго казнокрадства и распоряженія государственными финансами вліятельныхъ лицъ, есть старая наша болязнь—плодъ народнаго безгласія и безправія...

Лучше всего себя чувствовали въ „атмосферѣ азарта, игры и авантюры“ промышленные спекулянты. Правительство поддерживало ихъ крупными заказами, когда они устраивали свои предпріятія и могли мечтать о блестящемъ будущемъ, и замѣнило заказы денежными ссудами послѣ того, какъ устроенное уже предпріятіе потеряло надежду на свѣтлое будущее и терпѣло убытки. Но такъ какъ по уставу государственнаго банка ссуды одному промышленному предпріятію не должны превышать половины милліона рублей, а аппетиты шатающихся фирмъ могли быть удовлетворены не иначе, какъ многомилліонными и, притомъ, повторными ссудами, то послѣднія стали выдаваться вопреки уставу, по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра финансовъ. Начата была эта политика для поддержанія, нужно полагать, болѣе или менѣе надежныхъ предпріятій, но въ атмосферѣ произвола и безгласія, которыми окутаны были эти операціи, ими пилились и предпріятія безнадежныя, но у которыхъ была сильная перспектива. Такъ, „совѣтъ государственнаго банка призналъ просьбу Паллена о выдачѣ ссуды не подлежащей удовлетворенію въ виду полнаго разстройства дѣлъ предпріятія“; самъ министръ финансовъ былъ противъ выдачи ссуды; но, „въ виду совершенно исключительныхъ

обстоятельствъ“, Паллизену были выданы многомилліонныя ссуды. Въ данномъ случаѣ „исключительныя обстоятельства“ чуть ли не истекали изъ того, что Паллизенъ былъ датскій консулъ. Но что это за „особыя“ уже обстоятельства, которыми мотивировалась выдача, вопреки постановленію совѣта государственнаго банка, одного милліона рублей Комаровскому обществу? Какого рода закулисныя вліянія такъ располагали министровъ финансовъ къ участію въ судьбѣ ленскаго золото-промышленнаго общества (съ 1896 г. работавшаго въ убытокъ), что въ 1902 г. за нимъ числился уже десятимилліонный долгъ государственному банку, и ссуда, тѣмъ не менѣе, была ему выдана въ 1905 г.?

„Представитель государственнаго контроля требовалъ внесенія въ одно изъ высшихъ государственныхъ установленій дѣла о ленскомъ золотопромышленномъ обществѣ; но министръ финансовъ предпочиталъ испрашивать дополнительныя ссуды путемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ“. Благодаря наличности этого торнаго пути, „затраты банка на операціи виѣуставнаго характера въ общей суммѣ далеко превышаютъ 100 милл. рублей“. Какими опасностями грозитъ такая политика государственному казначейству — видно изъ того, что съ 1899 по 1905 годъ *прибылями* государственнаго банка пришлось покрывать 33 милл. руб. виѣуставныхъ ссудъ; въ возмѣщеніе же этого расхода поступило лишь 3,2 милл. руб. „Донесенія представителя государственнаго контроля въ совѣтъ государственнаго банка—это вопль по поводу безконтрольнаго хозяйничанія средствами послѣдняго“.

Но если операціи государственнаго банка по выдачѣ виѣуставныхъ ссудъ укрыты отъ контроля соотвѣтствующаго государственнаго учрежденія, то не избѣжали министерскаго контроля субсидируемыя частныя предпріятія. Контроль этотъ, правда, не избавитъ государственнаго банка отъ необходимости, какъ мы видѣли, покрывать собственными прибылями ссуды, выданныя, но не возвращенныя частными предпріятіями. Но зато онъ служитъ источникомъ доходовъ чиновниковъ. Контроль этотъ заключается въ назначеніи въ члены правленія субсидируемыхъ предпріятій, за приличное, конечно, вознагражденіе, банковыхъ и другихъ чиновниковъ. И теперь „есть чины государственнаго банка, которые занимаютъ 2, 3, 4, 5 и даже 7 должностей въ разныхъ предпріятіяхъ“.

Сколько расхищено народныхъ денегъ при сооруженіи восточно-китайской желѣзной дороги, и какая часть почти четырехсотъ-милліонной затраты на это дѣло израсходована производительно — мы не знаемъ и врядъ-ли когда-либо будемъ знать. Мы можемъ лишь догадываться о грандіозности хищеній потому, что предпріятіе велось далеко, въ чужой и совершенно чуждой странѣ, и что министръ финансовъ не допускалъ, чтобы оно находилось подъ на-

блюденіемъ государственнаго контроля. „Въ то время, когда контроль производилъ начеты въ 20—30 к. на какого-нибудь мастерового за излишне-уплаченную ему сумму, колоссальныя затраты за счетъ русскаго казначейства по восточно-китайской дорогѣ оставались внѣ его вѣдѣнія“. Министръ финансовъ, впрочемъ, не отказывался совершенно отъ контроля надъ измышленнымъ имъ предпріятіемъ на Дальнемъ Востоке. Онъ имѣлъ смѣлость предложить, чтобы завѣдывающій контрольной частью избирался изъ наличнаго состава правленія дороги имъ, министромъ финансовъ, по соглашенію съ государственнымъ контролемъ; а главный контролеръ дороги назначался вышеназваннымъ правленіемъ съ утвержденія министра финансовъ. Онъ хотѣлъ, иначе говоря, чтобы дѣйствія учрежденія, подчиненнаго министру финансовъ, контролировались лицами, имъ самимъ назначаемыми. Государственный контролеръ отвѣчалъ, конечно, на это предложеніе отказомъ, напомнивъ первому сановнику Россійской Имперіи, что „сила и значеніе государственнаго контроля со времени преобразованія Татаринова заключаются въ независимости его дѣйствій отъ распорядительныхъ управленій“, а не въ подчиненіи „контроля тѣмъ органамъ распорядительнаго вѣдомства, дѣйствія которыхъ подлежатъ провѣркѣ“.

Не одинъ, впрочемъ, всесильный министръ финансовъ пренебрегалъ государственнымъ контролемъ и смѣялся надъ самой идеей послѣдняго. Всѣ учрежденія—отъ высшихъ до низшихъ—считаютъ себя вправѣ пренебрегать дѣлами и требованіями контроля. Съ одной стороны, правительствующій сенатъ по пяти—шести лѣтъ задерживаетъ рѣшенія по ревизіоннымъ дѣламъ, безъ котораго не могутъ быть выполнены начеты государственнаго контроля на чиновника, неправильно израсходовавшаго народныя деньги. Съ другой стороны, какое-нибудь строительное отдѣленіе курскаго губернскаго правленія имѣетъ дерзость шестнадцать и болѣе лѣтъ не отвѣчать на требованія контроля о доставленіи справочныхъ свѣдѣній; и министерство внутреннихъ дѣлъ, къ которому контроль неоднократно обращался съ указаніемъ на неисправность подвѣдомственнаго ему учрежденія, такъ и не настоялъ на доставленіи нужныхъ свѣдѣній, безъ которыхъ контроль не могъ совершить провѣрку нѣкоторыхъ расходовъ. Бываютъ случаи, когда начальствующія лица требуютъ даже удаленія отъ надзора за подвѣдомственнымъ имъ дѣломъ контрольнаго чиновника, потому что тотъ слишкомъ ревностно, относится къ своей обязанности по контролю и вызываетъ, конечно, неудовольствіе контролируемаго учрежденія.

Ограничимся сказаннымъ относительно новаго труда проф. Озерова и кончимъ замѣчаніемъ, что его книга явилась весьма кстати, и что бюджетная коммиссія Государственной Думы не замедлитъ, вѣроятно, использовать заключающійся въ ней матеріалъ.

VIII.

— Рене Штурмъ. Бюджетъ. Переводъ А. С. Изгоева. Съ приложеніемъ статьи доцента М. И. Фридмана: Наше законодательство о бюджетѣ. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Это капитальное сочиненіе извѣстнаго французскаго ученаго появилось весьма кстати въ русскомъ переводѣ въ тотъ именно моментъ, когда заключающіяся въ немъ поученія могутъ получить практическое примѣненіе. Мы имѣемъ здѣсь въ виду работу нынѣ засѣдающей Государственной Думы по разсмотрѣнію проекта росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Объемистый трудъ Штурма, о которомъ идетъ рѣчь, представляется весьма полезнымъ пособіемъ при обсужденіи нашими еще малоопытными депутатами проекта росписи и финансовыхъ смѣтъ, потому что авторъ разсматриваетъ въ немъ бюджетъ не со стороны содержанія, которое въ общихъ чертахъ извѣстно всякому, а въ конкретномъ выраженіи, и находится въ тѣсной зависимости отъ медленно измѣняющихся социальныхъ отношеній страны. Авторъ изучаетъ бюджетъ съ внѣшней, технической стороны, со стороны порядка его составленія въ министерствахъ, разсмотрѣнія въ законодательныхъ учрежденіяхъ, выполненія агентами правительства и контроля этихъ послѣднихъ. Эта программа, какъ видитъ читатель, обнимаетъ и тѣ функціи, которыя придется выполнять нашей Государственной Думѣ; а знакомство съ приемами старыхъ и новыхъ конституціонныхъ государствъ должно, конечно, составлять первый шагъ въ выполненіи депутатами трудной и отвѣтственной роли вотированія государственнаго бюджета. Знакомство съ этими приемами въ конституціонныхъ государствахъ представляетъ интересъ не для однихъ только членовъ парламента, а и для всякаго гражданина. Вотированіе и контроль бюджета совершаются въ такихъ государствахъ гласно; за дѣятельностью народныхъ представителей слѣдятъ и, такъ сказать, ее контролируетъ все общество; и знакомство послѣдняго съ общими началами и главнѣйшими приемами составленія, вотированія, выполненія и контроля бюджета не можетъ не представлять интереса для каждаго. Вотъ почему мы имѣемъ основаніе полагать, что объемистый трудъ Штурма о бюджетѣ, который, лѣтъ пять назадъ, обратился бы на себя вниманіе десятковъ специалистовъ, теперь сдѣлается у насъ настольной книгой каждаго образованнаго человѣка.

Вопросъ о technikѣ бюджетнаго дѣла пріобрѣтаетъ общій и болѣе важный интересъ въ странахъ, гдѣ бюджетъ подверженъ контролю народныхъ представителей. И хотя послѣдніе принимаютъ участіе лишь въ разсмотрѣніи уже составленнаго и въ контролѣ выполнен-

наго бюджета, но и порядокъ составленія бюджета въ министерствахъ, равно какъ и процедура его выполненія чиновниками, не остались безъ воздѣйствія парламента. Основой же этого воздѣйствія является такъ-называемое бюджетное право. А безъ уясненія этого права и исторія его происхожденія, „нельзя понять сущности большей части бюджетныхъ правилъ“. Соответственно сказанному, авторъ начинаетъ свой трудъ краткимъ историческимъ очеркомъ завоеванія народомъ бюджетнаго права въ главнѣйшихъ государствахъ.

Бюджетное право народа первоначально ограничивалось областью доходовъ государства, и даже не всѣхъ доходовъ, а лишь поступленій налогового характера. Въ Англіи, напр., правило — „каждый налогъ долженъ получить согласіе народа“ — было внесено въ самыя древнѣйшія хартіи. Это объясняется прежде всего тѣмъ, что лишь налоги непосредственно затрагиваютъ интересы населенія и обрекаютъ его на большія или меньшія жертвы. Это зависѣло затѣмъ оттого, что главную часть государственнаго бюджета составляли въ прежнія времена не налоги, а государственные домены, регалии и т. п., а къ налогамъ правительство прибѣгало въ случаѣ чрезвычайныхъ расходовъ или какъ къ дополнительному источнику государственныхъ ресурсовъ. Другимъ характернымъ признакомъ прежнихъ финансовыхъ системъ, затруднявшихъ правильнѣйшій ихъ контроль, было отсутствіе рѣзкаго раздѣленія лично-королевскихъ и чисто-государственныхъ доходовъ и расходовъ, разграниченія между королевскою кассой и государственнымъ казначействомъ. Поэтому и первыя попытки англійской палаты общинъ контролировать государственные расходы относились лишь къ расходамъ по тѣмъ статьямъ, на которыя королями испрашивались новыя субсидіи. Компетенція англійскаго парламента распространилась не только на налоги, но и на прочіе государственные доходы, равно какъ и на расходы правительства лишь послѣ призванія 1688 г. на англійскій престолъ Вильгельма Оранскаго; и первымъ шагомъ парламента въ этомъ направленіи было проведеніе разграничительной черты между личнымъ имуществомъ короля и государственной казною.

Бюджетное право народа во Франціи имѣетъ гораздо болѣе позднее происхожденіе. Правда, французскіе короли изстари обращались къ собранію генеральныхъ штатовъ для вотированія новыхъ налоговъ; но эти штаты созывались крайне рѣдко и неправильно, а послѣ 1614 г. перестали вовсе собираться. Это, однако, не мѣшало королямъ объявлять и взysкивать съ народа разнообразныя подати. Уплачивая по-лушно налоги, объявленные безъ его согласія, народъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ сохранять (или вырабатывать) идею о контролированіи этой функціи государства, а мѣстные указы генеральнымъ штатамъ

1789 г. единодушно требовали, чтобы никакой налогъ не могъ взиматься безъ разрѣшенія народа. Это общее настроеніе отразилось и на депутатахъ національнаго собранія, первымъ дѣломъ изданнаго законъ (17 іюня 1789 г.), передающій право вотированія *налоговъ* исключительно народнымъ представителямъ. Вопросъ о государственныхъ *расходахъ* не былъ разрѣшенъ такъ категорически. Въ періодъ прогрессивнаго развитія революціи и успѣшной борьбы народа съ королемъ, распоряженіе финансами, правда, фактически перешло въ руки народныхъ представителей; но послѣдними ничего не было сдѣлано для того, чтобы ясно формулировать соотвѣтствующее право народа, и не создано организацій для вотированія расходованія и контроля государственнаго бюджета. вмѣсто правильной организаціи цѣльной бюджетной системы со строгимъ раздѣленіемъ правъ и обязанностей законодательной и исполнительной власти, учредительное собраніе просто вмѣшалось въ область вѣдѣнія послѣдней, присвоило себѣ выдачу ордера и платежей и „довольствовалося вычитываніемъ расходовъ по мѣрѣ надобности, сначала срокомъ на годъ, затѣмъ на три мѣсяца, потомъ на одинъ, наконецъ со дня на день“. Поэтому-то, когда революція закончилась, настали и прошли времена Наполеоновскаго самовластиія (когда правительство мало считалось съ правами народа), а наступилъ періодъ подведенія итоговъ прожитому и формулированія прочныхъ началъ конституціоннаго строя, то — за отсутствіемъ опредѣленныхъ постановленій относительно участія народа въ регулированіи государственныхъ расходовъ и установившейся практики, въ которой проявлялось бы такое регулированіе — возникаетъ заново вопросъ о томъ, имѣютъ ли народные представители право вотировать государственные расходы. Къ принципиальному отвѣту на этотъ вопросъ парламентскіе дѣятели подходили выводнымъ путемъ. „Налоги и субсидіи устанавливаются только ради удовлетворенія потребностей государства и его неизбѣжныхъ нуждъ — говорилось, напр., въ докладѣ бюджетной комиссіи палаты депутатовъ въ 1817 г. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого принципа является то, что лицо, имѣющее право вотировать налогъ, неизбѣжно имѣетъ право и разбирать, точно ли налогъ требуется для нуждъ государства, провѣрять эти нужды... слѣдить за употребленіемъ средствъ и удостовѣриться, что оно не отклонилось отъ назначенія, для котораго средства были разрѣшены“. Практически эта идея была осуществлена постепенно. Сначала бюджетъ вотировался цѣликомъ; затѣмъ установлена была специализація расходовъ по министерствамъ, причемъ передвиженіе суммъ въ предѣлахъ министерскаго кредита вполне зависѣло отъ министра; съ 1827 г. парламентскому голосованію стали подвергаться смѣты расходовъ по 52-мъ крупнымъ отраслямъ вѣдомствъ, и лишь

послѣ революціи 1830 г. отдѣльно стала голосоваться каждая глава росписи государственныхъ расходовъ. „Только теперь парламентъ овладѣлъ всей полнотой своихъ правъ. Надо было, слѣдовательно, дожидаться начала іюльской монархіи, чтобы идея бюджетнаго права, заложеннаго въ 1789 г., получила свое полное развитіе“. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что развитіе этой идеи совершалось путемъ послѣдовательныхъ законовъ, такъ сказать, расчленявшихъ вотированіе палатою смѣты расходовъ; но ни одна статья закона не закрѣпляетъ за народными представителями самого права вотированія этихъ послѣднихъ. И Штурмъ заканчиваетъ главу о бюджетномъ правѣ словами одного изслѣдователя финансовой системы Франціи, что „никакой спеціальный законъ не устанавливалъ прямо общаго бюджета государства“.

Исторія Англіи и Франціи знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ развивалось самое понятіе и устанавливался объемъ содержанія бюджетнаго права народа. Болѣе молодые конституціонныя государства получили это понятіе вполне разработаннымъ, и бюджетныя права ихъ парламентовъ, въ опредѣленномъ выше смыслѣ, прямо вносились въ хартіи конституціи. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что въ данныхъ странахъ совершенно прекратилась всякая борьба парламента и правительства за фактическое осуществленіе этихъ правъ. Штурмъ останавливается на прусской конституціи 1850 г., „гарантировавшей точнымъ образомъ вотированіе народными представителями государственныхъ доходовъ и расходовъ“ и на „тяжкихъ испытаніяхъ“, которымъ подверглось затѣмъ это право. Палата депутатовъ отвергла въ 1862 г. кредиты на военную реформу. Бисмаркъ, занимавшій постъ предсѣдателя совѣта министровъ, не посмотрѣлъ на это отверженіе, и четыре бюджета подъ-рядъ были проведены лишь черезъ палату господъ. Но послѣ блестящей побѣды Пруссіи въ войнѣ 1866 г. съ Австріею, палата депутатовъ признала практическую цѣнность военной реформы и утвердила отвергавшіеся ранѣе кредиты. Это вызвало отвѣтныя покаянныя заявленія со стороны власти, и „тогда-то съ большимъ удивленіемъ увидали, съ какой скромной покорностью король и его министръ просили прощенія за беззаконіе, которое они считали необходимымъ совершить“. Видно, подлинная сила не боится того, что признаніемъ своихъ грѣховъ она можетъ, будто бы, уронить престижъ власти!

Какъ бы дополненіемъ къ книгѣ Штурма, излагающей порядки разсмотрѣнія бюджета въ различныхъ конституціонныхъ государствахъ, служить приложенная къ разсматриваемому изданію статья М. И. Фридмана о бюджетныхъ правахъ русскаго парламента. Здѣсь передъ нами фигурируетъ такимъ образомъ интересный примѣръ самой мо-

лодой и потому, казалось бы, наиболее совершенной конституции, статутомъ которой, однако, утверждаются не права, а бюджетное безправіе народныхъ представителей, не говоря о томъ, что правилами 8 марта 1906 г. изъ вѣдѣнія Государственной Думы изъемяются цѣликомъ статьи, обнимающія въ совокупности $\frac{1}{4}$ часть смѣты государственныхъ расходовъ. И въ той части послѣднихъ, которая подлежитъ компетенціи Думы, знаменитая 8-я статья этихъ правилъ запрещаетъ исключать и измѣнять такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ и даже росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ порядкѣ верховнаго управленія. А ст. 16-я правилъ 8-го марта разрѣшаетъ производить, по постановленію совѣта министровъ, даже такіе „неотложные“ расходы, которые не предусмотрены утвержденною Думою росписью. Русскому народу, завоевавшему основное конституціонное право—участіе въ законодательной дѣятельности государства,—предстоитъ, такимъ образомъ, вести еще борьбу за осуществленіе юридической возможности примѣненія этого права въ частномъ вопросѣ о бюджетѣ! Такая несообразность явилась послѣдствіемъ того факта, что правила 8-го марта, какъ и прочія узаконенія о Государственной Думѣ,—будучи выработаны послѣ признанія манифестомъ 17-го октября законодательныхъ правъ Думы—не были, согласно этому манифесту, представлены на утвержденіе народныхъ представителей. Сами эти правила поэтому лишены той юридической силы, во имя которой они ограничиваютъ компетенцію въ бюджетномъ дѣлѣ русскаго парламента. Но за ними стоитъ сила фактическая, и Государственная Дума поневолѣ признала все значеніе этого аргумента.

IX.

— М. Загряцковъ. Соціальная дѣятельность городского самоуправления на Западѣ. Выпускъ I. Проблемы муниципализаціи. Киевъ. 1906 г.

Господствующій въ цивилизованныхъ государствахъ хозяйственный строй носить названіе капиталистическаго. Этимъ наименованіемъ подчеркивается характерная черта строя, заключающаяся въ отдѣленіи матеріальныхъ факторовъ производства отъ труда и въ сосредоточеніи этихъ факторовъ въ рукахъ сравнительно небольшого класса лицъ, которыя, вслѣдствіе этого, сдѣлались распорядителями хозяйственной жизни страны. Вытекающее изъ указаннаго факта противорѣчіе между задачами хозяйственной дѣятельности населенія, имѣющими общественный характеръ, и руководствомъ ея, подчиняю-

щимся интересамъ небольшой, но могущественной категоріи лицъ, — привело къ массѣ социальныхъ неудобствъ, гибельно отражающихся на положеніи большинства населенія. Эти послѣдствія господствующаго порядка вещей вызвали естественную реакцію и стремленіе къ устраненію указаннаго противорѣчія и обращенію промышленной дѣятельности, назначенной для удовлетворенія потребностей всего населенія, въ акты, регулируемые обществомъ. Эта идея возникла первоначально въ умахъ теоретиковъ; но ее нельзя считать чистымъ продуктомъ фантазіи спекулятивнаго ума, потому что общественное регулированіе хозяйственной жизни до извѣстной степени осуществлялось въ городахъ среднихъ вѣковъ. „Въ англійскихъ городахъ XV в. — говоритъ авторъ названнаго въ заголовкѣ нашей замѣтки труда — мы встрѣчаемся съ рядомъ общественныхъ предприятий и значительной общественной собственностью, изъ которой масса гражданъ, особенно бѣднѣйшіе классы, извлекала немалую пользу. Средневѣковыя итальянскія республики, въ томъ числѣ Мантуя и Болонья, не считали возможнымъ обезпечить народное продовольствіе иначе, какъ сосредоточивая въ своихъ рукахъ монополію хлѣбной торговли. Закупаемый городской общиной хлѣбъ поступалъ въ общественные магазины и изъ нихъ отпускался, по установленной цѣнѣ, мельникамъ и булочникамъ“. Во Флоренціи, въ XIV вѣкѣ, особымъ чиновникамъ было поручаемо снабженіе республики не только хлѣбомъ, но и овощами, рисомъ, каштанами, птицею, яйцами, сыромъ, виномъ и оливковымъ масломъ. „Всѣ, торговавшіе продуктами этого рода, были поставлены подъ прямое начальство чиновниковъ. Производство хлѣба во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ подчинялось строгому наблюденію со стороны общественной власти“.

Городамъ, повидимому, предстоитъ сыграть видную роль въ подчиненіи общественному руководству хозяйственной дѣятельности, нынѣ состоящей въ распоряженіи капиталистовъ. Правда, государство забирало прежде и забираетъ въ свое вѣдѣніе и теперь нѣкоторыя отрасли хозяйственной дѣятельности. Но оно преслѣдуетъ при этомъ по преимуществу фискальныя цѣли и является слишкомъ неповоротливымъ механизмомъ для того, чтобы быстро развивать свою дѣятельность въ данномъ направленіи. Городъ представляется организаціей гораздо болѣе подвижной и легче поддающейся вліянію жителей; и муниципализація различныхъ хозяйственныхъ предприятий способна поэтому распространяться очень быстро. Вопросамъ этой муниципализаціи посвященъ первый выпускъ труда г. Загряцкова, изслѣдующаго социальную дѣятельность городского самоуправления на Западѣ.

Забирая въ свои руки нѣкоторыя отрасли хозяйственной дѣятельности, современный городъ, какъ и средневѣковой, преслѣдуетъ инте-

ресы не производителей, а потребителей, интересы всего населенія, имѣющаго общія нужды. Впервые, впрочемъ, города организовали хозяйственныя предпріятія не для лучшаго удовлетворенія открыто заявлявшагося со стороны населенія, а потому, что они сознали вредность нѣкоторыхъ сторонъ городского быта и рѣшились принять мѣры къ ихъ устраненію. Къ этому побудила ихъ ухудшающаяся гигиеническая обстановка городской жизни. Въ теченіе многихъ вѣковъ Парижъ, напр., „жилъ на обширной выгребной ямѣ, настоящемъ гниющемъ болотѣ“. Въ срединѣ XVII в. его улицы до того были покрыты нечистотами, что жители выходили изъ дому не иначе, какъ въ высокихъ сапогахъ. „Подземное загрязненіе колодцевъ и водной площади, вредныя инфильтраціи представляли постоянную опасность, неистощимый родникъ эпидемій и заразы, такъ часто опустошавшихъ городъ“. Въ подобномъ положеніи находились и другіе большіе города, и общимъ правиломъ было поэтому превышеніе въ нихъ числа смертей надъ рожденіями. Какъ ни равнодушно относились привыкшіе ко всему горожане къ такой обстановкѣ ихъ быта, но развитіе болѣзненности насильно, такъ сказать, обратило на себя вниманіе органовъ самоуправленія. „Холера 1831—32 гг. въ Англіи поставила ребромъ вопросъ объ очищеніи почвы, и около середины истекшаго столѣтія болѣе крупныя города одинъ за другимъ выступаютъ на путь оздоровленія условій городской жизни, издавая цѣлесообразныя обязательныя для жителей постановленія, съ одной стороны, и принимая различныя мѣры для удаленія нечистотъ—съ другой.

Въ данной области городъ имѣлъ дѣло съ задачей, не получавшей до него никакого разрѣшенія. Въ другой области городского хозяйства, получившей также весьма широкое распространеніе—снабженіе жителей водою,—городу пришлось замѣщать частныхъ предпринимателей, удовлетворявшихъ этой потребности. Вопреки довольно распространенному мнѣнію о томъ, что частныя предприниматели лучше удовлетворяютъ требованію потребителей, чѣмъ общественное предпріятіе,—муниципализація водоснабженія, снабженіе жителей газомъ, устройство трамваевъ, бань и т. п. были вызваны именно недостатками частно-предпринимательской дѣятельности этого рода. Пока предприниматели конкурировали между собою, данная общественная потребность удовлетворялась сколько-нибудь сносно. Понимая такое значеніе соперничества, англійскій парламентъ, наприимѣръ, „сознательно стремился вызвать конкуренцію между различными обществами, которымъ давались концессіи“. Но конкуренція въ этихъ дѣлахъ скорѣе прекращалась, сравнительно мелкія предпріятія соединялись въ немногія крупныя общества, входившія затѣмъ въ соглашенія не мѣшать другъ другу. Тогда начиналась эксплуатація населенія; пред

приниматели переставали заботиться о лучшемъ удовлетвореніи данной потребности, и дѣло застывало въ одномъ положеніи. „Частнымъ предпріятія—говорить, напримѣръ, итальянскій изслѣдователь,—не заботятся о снабженіи населенія чистою водою, и соблюденіе гигиеническихъ требованій оставляетъ желать очень многого“. Не имѣетъ монополюстѣ стимула хлопотать о расширеніи потребления. „Въ его дѣятельности скорѣе замѣчается тенденція ограничить, чѣмъ увеличить потребление, сдѣлавъ его доступнымъ“.

Такое положеніе дѣлъ привело къ движенію въ пользу обращенія въ завѣдываніе городовъ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, удовлетворяющихъ всеобщую потребность жителей и легко обращающихся въ монополюстѣ. Это движеніе получило особенно широкое распространеніе послѣ того, какъ, съ расширеніемъ избирательныхъ правъ, городскія управленія стали принимать выраженный демократическій характеръ. Въ руки городскихъ управленій наиболѣе полно перешло дѣло, удовлетворяющее наиболѣе важной потребности населенія—снабженію его водою. „Дѣло доставки воды почти всюду находится въ рукахъ самоуправленія“—говоритъ авторъ, но изъ его же данныхъ видно, что это утвержденіе требуетъ значительныхъ ограниченій. Въ Великобританіи, напримѣръ, капиталъ частныхъ предпріятій этого рода равняется 41 милл. фунт. ст., а общественныхъ—68 милл. фунт. ст.; во Франціи (по устарѣлымъ, впрочемъ, свѣдѣніямъ) больше $\frac{1}{3}$ городовъ, имѣющихъ водопроводы, пользуются услугами частныхъ предпринимателей; въ Германіи въ такомъ положеніи находятся до 30% крупныхъ городовъ. Меньшее распространеніе наблюдается въ дѣлѣ муниципализаціи газа и трамваевъ, составляющей вообще болѣе новое явленіе сравнительно съ муниципализаціей водоснабженія, но и здѣсь муниципализація предпріятій распространяется очень быстро. Въ Германіи, въ 1895 г., насчитывалось 254 частныхъ и 367 общественныхъ газовыхъ заводовъ, въ Англіи—454 частныхъ и 251 муниципальных. Во Франціи газовое дѣло находится въ рукахъ муниципалитетовъ только въ Парижѣ и Туркуа и друг. Муниципализація электричества распространена гораздо шире, благодаря тому обстоятельству, что утилизація электрической энергіи стала развиваться лишь въ новѣйшее время, когда мысль о пользѣ муниципализаціи предпріятій, удовлетворяющихъ всеобщую потребность городскихъ жителей и легко обращающихся въ монополюстѣ, получила всеобщее признаніе. Особенно быстрые успѣхи наблюдаются въ области муниципализаціи трамваевъ. Объясняется это тѣмъ, что организація способовъ передвиженія въ городахъ связана съ весьма важнымъ вопросомъ о разрѣженіи городского населенія и заселенія городскихъ окраинъ; и оставлять трамваи въ частныхъ рукахъ—значитъ крайне

ограничивать возможность разрѣшенія этой задачи въ интересахъ массы городского населенія.

Таковы наиболѣе распространенные виды муниципальных хозяйственныхъ предпріятій. Для составленія правильнаго понятія объ этой сторонѣ городского самоуправления не слѣдуетъ, однако, забывать, что предпріятія, о которыхъ идетъ рѣчь, являются не только средствомъ удовлетворенія общей потребности горожанъ, но и источникомъ городскихъ доходовъ, и въ качествѣ таковыхъ они могутъ ложиться болѣе или менѣе бременемъ на плечи населенія. Въ данномъ отношеніи дѣло въ значительной степени зависитъ отъ того, въ рукахъ какого социальнаго класса находится управленіе городскими дѣлами. И въ Германіи, напримѣръ, гдѣ мѣстное самоуправленіе находится въ рукахъ буржуазіи, муниципализація хозяйственныхъ предпріятій,—отвѣчая извѣстнымъ потребностямъ массы населенія, является вмѣстѣ съ тѣмъ „особой и очень тяжелой формой взиманія косвенныхъ налоговъ. Доходность муниципальных водопроводныхъ предпріятій представляется тамъ просто ростовщической“. Въ доказательство сказаннаго авторъ называетъ городъ съ чистымъ доходомъ отъ водопроводовъ въ 13 — 17% на затраченный капиталъ. Но что сказалъ бы авторъ о петербургскомъ муниципальномъ трамваѣ, приносящемъ (по разсчетамъ гласнаго М. П. Оедорова) 22% на капиталъ! Остается лишь признать, что этотъ фактъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ социальнымъ составомъ органовъ петербургскаго городского управленія, хозяйство котораго „давно уже держится на муниципализаціи 4—5 коммерческихъ предпріятій“.

Х.

— А. А. Кафодъ. Борьба съ черезполосицею въ Россіи и за границею. Спб. 1906. Ц. 1 руб.

Вопросу о черезполосицѣ земельныхъ владѣній—несмотря на его видимую узкую спеціальность—суждено сдѣлаться предметомъ, изъ-за котораго будетъ преломлено немало копій въ нашей литературѣ, въ ученыхъ обществахъ и въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Ожидать этого слѣдуетъ потому, что теченіе нашей общественной мысли, противное широкимъ аграрнымъ реформамъ, въ противовѣсъ имъ представляетъ задачу поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства. А рѣшить эту задачу, по мнѣнію лицъ даннаго направленія, можно надѣяться лишь послѣ того, какъ сведеніемъ воедино мелкихъ полосъ cadastralнаго владѣльца, нынѣ разбросанныхъ въ перемежку съ чужими полосами, и—еще лучше—перенесеніемъ на округленный такимъ обра-

зомъ участокъ усадьбы домохозяина, — послѣдній будетъ избавленъ отъ непроизводительной растраты времени, связанной съ необходимостью — при обработкѣ земли — переѣзжать съ одной полосы на другую, и въ своихъ агрикультурныхъ начинаніяхъ освободится отъ обязанности слѣдовать распорядамъ, нынѣ устанавливаемымъ по общему соглашенію совладѣльцевъ. Это направленіе общественной мысли получило въ послѣднее время сильную поддержку со стороны власти, ставшей на эту точку зрѣнія въ вопросѣ о средствахъ поднятія благосостоянія крестьянъ, и въ новѣйшихъ своихъ аграрныхъ указахъ объявляющей радъ мѣръ, имѣющихъ въ виду практическое осуществленіе формулированной выше задачи.

Этотъ вопросъ получаетъ особенно важное значеніе не только потому, что отъ того или иного его рѣшенія зависитъ, какъ полагаютъ, судьба нашей сельско-хозяйственной производительности. Уничтожить наши крупныя и мелкія селенія и деревни и рассадить десятки милліоновъ обитающихъ въ нихъ земледѣльцевъ отдѣльными хуторами — значитъ произвести огромный бытовой и культурный переворотъ, который долженъ такъ или иначе отразиться на многообразныхъ отношеніяхъ русской жизни. Общая наша политическая печать не можетъ поэтому уклоняться отъ дебатированія вопросовъ о чрезполосномъ и отрубномъ владѣніи, объ индивидуализаціи хозяйства и сохраненіи чертъ общественнаго его характера, и т. д. Даже болѣе — лишь при участіи общей печати и можетъ быть достигнуто всестороннее разсмотрѣніе поставленныхъ вопросовъ; тогда какъ въ узкихъ рамкахъ обсужденія специалистовъ они не могутъ не получить односторонняго освѣщенія.

Названный трудъ А. А. Кафода главной задачей имѣетъ сообщеніе свѣдѣній о борьбѣ съ чрезполосицей въ западно-европейскихъ государствахъ. Согласно господствующему въ нѣкоторыхъ кругахъ мнѣнію, лишь уничтоженіе чрезполосицы сдѣлало возможнымъ высокое состояніе хозяйства въ западно-европейскихъ государствахъ, и уже по этой причинѣ мѣры западныхъ правительствъ для уничтоженія чрезполосицы заслуживаютъ нашего подражанія. Съ этими мѣрами и знакомитъ книга г. Кафода. Но, несмотря на такую спеціальную задачу, рассматриваемый нами трудъ имѣетъ и болѣе общій интересъ, какъ потому, что изъ него мы узнаемъ, насколько въ дѣйствительности достигнута въ Западной Европѣ цѣль созданія отрубныхъ, совершенно свободныхъ въ своей дѣятельности мелкихъ хозяйствъ, такъ и по причинѣ того, что значительную часть книги авторъ посвятилъ разсмотрѣнію болѣе общихъ возраженій противъ защищаемой имъ системы индивидуализаціи хозяйства и территориальнаго, такъ сказать, разединенія хозяевъ. Но хотя книга Кафода даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о предметѣ, — ее нельзя признать

удовлетворительнымъ руководствомъ въ вопросѣ о мѣрахъ борьбы съ чрезполосицей на Западѣ и въ Россіи. Такъ, по отношенію къ послѣдней мы имѣемъ въ ней лишь пересказъ интересныхъ наблюденій автора о переходѣ къ хуторскому хозяйству крестьянъ въ западной полосѣ Россіи, болѣе подробно изложенныхъ въ другихъ произведеніяхъ г. Кафода, съ которыми въ свое время были ознакомлены читатели нашего журнала. Но, за исключеніемъ одной неполной странички текста, въ ней ничего не говорится о правительственныхъ мѣропріятіяхъ въ области размежеванія нашихъ земель и достигнутыхъ ими результатахъ, равно какъ и о средствахъ ослабленія чрезполосицы, практикуемой нашей общиной. Все это объясняется, повидимому, тѣмъ, что г. Кафодъ знакомъ съ вопросомъ преимущественно по личнымъ наблюденіямъ въ опредѣленномъ ограниченномъ районѣ и, конечно, не обращался къ той огромной мѣстной, преимущественно, земской литературѣ, въ которой можно почерпнуть богатый матеріалъ для освѣщенія вопроса о чрезполосицѣ въ Россіи. Но и часть его труда, посвященная Западной Европѣ, вслѣдствіе скудости матеріаловъ, мало удовлетворитъ читателя, сколько-нибудь интересующагося экономическими вопросами; и это кажется намъ тѣмъ менѣе понятнымъ, что авторъ совершилъ специальное путешествіе для собранія свѣдѣній на мѣстахъ. Достаточно, напримѣръ, сказать, что въ частной статьѣ А. И. Чупрова („Русск. Вѣд.“, 1907 г., № 7) вы найдете гораздо больше цифровыхъ свѣдѣній о результатахъ округленія земельныхъ владѣній въ Германіи, чѣмъ въ специальномъ изслѣдованіи А. А. Кафода.

Что касается существа содержанія разсматриваемаго изданія, то изъ него никоимъ образомъ не вытекаетъ заключенія о необходимости уничтоженія чрезполосицы и округленія отдѣльныхъ владѣній, какъ перваго шага къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Въ полной почти мѣрѣ достигнуто это округленіе въ Англіи, гдѣ зато отсутствуетъ чисто мелкое крестьянское хозяйство, въ маленькой Давніи, маленькой Финляндіи и Швеціи. Изъ другихъ государствъ наибольшихъ успѣховъ разверстаніе земельныхъ владѣній достигло въ Пруссіи, гдѣ правительство начало заботиться объ этомъ еще въ концѣ XVIII столѣтія. Но и здѣсь изъ 32 милл. гектаровъ, используемыхъ сельскимъ хозяйствомъ и лѣсоводствомъ, разверстано, по свѣдѣніямъ 1895 г., 18 милл. гект., или 56%. Принимая во вниманіе, что въ число разверстанныхъ владѣній входятъ, конечно, почти всѣ крупныя, можно, кажется, полагать, что, несмотря на энергичныя мѣры правительства, Пруссія не достигла разверстанія и половины ея крестьянскихъ земель. Еще меньше успѣхи этой операціи въ другихъ сѣверныхъ германскихъ государствахъ; что же касается южной Германіи

и Австріи, то успѣхи аррондированія въ нихъ земельныхъ владѣній можно считать ничтожными, а страна мельчайшаго крестьянскаго хозяйства, Франція, цѣликомъ покрыта дробно-черезполосными участками.

Авторъ приводитъ и нѣкоторыя, весьма скудныя впрочемъ, свѣдѣнія о препятствіяхъ къ болѣе широкому распространенію въ Пруссіи разверстанія крестьянскихъ владѣній. Лица, вѣдающія это дѣло, объясняли, что „хотя съ чисто сельско-хозяйственной точки зрѣнія хуторское распределеніе земли и считается наиболѣе совершенною формою землеустройства, но разбросанность дворовъ настолько затрудняетъ возникновеніе кооперативныхъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ, что этимъ съ лихвою уравниваются выгоды, получаемыя отъ болѣе удобнаго для веденія хозяйства распределенія земли. Кроме того, хуторское расселеніе вредно отозвалось бы на народномъ образованіи, затрудняя посѣщеніе школъ“ (стр. 33). Такія же мнѣнія о расселеніи хуторами „повторяются теперь учеными берлинцами, развѣждающими по Познани“ (стр. 97). Авторъ, въ прежнихъ изслѣдованіяхъ самъ указывавшій на пониженіе общественности и стремленія къ образованію дѣтей среди населенія Россіи, расселившагося хуторами, считаетъ это, однако, явленіемъ временнымъ, ссылаясь на примѣръ областей, гдѣ хуторское хозяйство введено давно. Но этимъ врядъ-ли ослабляется значеніе аргумента о неблагоприятномъ вліяніи хуторскаго расселенія земледѣльцевъ на культурное ихъ развитіе. Это ясно сознается самимъ населеніемъ болѣе культурныхъ странъ, и не только „учеными берлинцами“, но и такими крестьянами, которымъ предлагается расселиться. Главнымъ препятствіемъ успѣхамъ расселенія въ Пруссіи является то, что „съ повышеніемъ культуры въ нѣмецкомъ крестьянствѣ развилось столько городскихъ потребностей, что опъ не можетъ себѣ представить, какъ это добровольно промѣнать жизнь въ деревнѣ на жизнь въ уединенномъ хуторѣ“ (стр. 34). Успѣхъ новѣйшаго расселенія въ западной полосѣ Россіи самъ авторъ объясняетъ, между прочимъ, тѣмъ, что среди русскихъ крестьянъ „еще не развилась та потребность постоянного общенія съ сосѣдями, которая заставляетъ нѣмецкихъ крестьянъ смотрѣть на расселеніе, какъ на нѣчто совершенно немыслимое“ (стр. 111). Въ этомъ противорѣчій рекомендуемаго мѣропріятія общей тенденціи современной культуры къ сближенію и объединенію людей нельзя не видѣть слабой стороны даннаго средства леченія сельско-хозяйственныхъ недуговъ, выработаннаго еще во времена социальнаго быта, рѣзко отличающагося отъ теперешняго. И особенно мало умѣстнымъ было бы широкое примѣненіе этой мѣры въ Россіи, и безъ того страдающей слабымъ развитіемъ общественности и слабымъ распространеніемъ образованія. Хотя бы еще предлагаемое мѣропріятіе имѣло за себя тотъ аргу-

ментъ, что безъ его существованія невозможны сколько-нибудь крупныя успѣхи земледѣльской производительности! Вопросъ этотъ вполне заслуживаетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Къ сожалѣнью, въ книгѣ г. Кафода почти отсутствуютъ фактическія свѣдѣнія о сравнительномъ состояніи земледѣльской культуры на отрубныхъ и черезполосныхъ владѣніяхъ въ Западной Европѣ. А изъ отрывочныхъ данныхъ, встречающихся въ статьѣ г. Чупрова, видно, что въ районахъ черезполоснаго землевладѣнія хозяйство находится въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, а подчасъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ районахъ отрубныхъ владѣній. Это значитъ, что, помимо условія полной свободы индивидуальной дѣятельности, осуществляемой при образованіи хуторскихъ хозяйствъ, интенсификація земледѣлія можетъ прогрессировать и при другой комбинаціи обстоятельствъ. Факты же русской жизни (на которые въ книгѣ А. А. Кафода также не имѣется никакихъ указаній) гораздо болѣе выясняютъ этотъ вопросъ. Они показываютъ, во-первыхъ, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, полная свобода хозяйственной дѣятельности приводитъ къ развитію крайне хищническихъ системъ (какъ во многихъ отрубныхъ мелкихъ владѣніяхъ полтавской губерніи), а общественныя ограниченія этой свободы ставятъ предѣлы распространенію пріемовъ земледѣлія, совершенно истощающихъ почву (въ полтавской, курской губерніяхъ и др.); во-вторыхъ, что общественное руководство сельско-хозяйственной дѣятельностью является, при извѣстныхъ условіяхъ, факторомъ, сильно ускоряющимъ распространеніе рациональныхъ системъ полеводства (переходъ тысячъ общинъ въ московской, тверской, смоленской губерніяхъ и другихъ—къ травопольнымъ сѣвооборотамъ).

Что касается автора разсматриваемаго труда—его нельзя причислять къ слѣпымъ поклонникамъ хуторскаго хозяйства. Онъ, по крайней мѣрѣ, признаетъ, что для осуществленія послѣдняго необходимо извѣстное расположеніе къ тому сельскаго населенія, и полагаетъ, что „быстраго непосредственнаго успѣха распространенія хуторскаго населенія можно ожидать пока только на западѣ Россіи, гдѣ крестьяне уже знакомы съ хуторскимъ хозяйствомъ“.

XI.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1906 годъ. Часть первая. Москва. 1907 г.

Отмѣтить выходъ въ свѣтъ 23-го тома по такъ называемой текущей статистикѣ московскаго земства мы находимъ умѣстнымъ хотя бы потому, что въ отчетномъ году исполнилось тридцатилѣтіе плодотвор-

ной работы въ московскомъ губернскомъ земствѣ завѣдывающего его статистическимъ отдѣленіемъ, Н. А. Каблукова, болѣе двадцати лѣтъ состоящаго и редакторомъ изданія, названнаго въ заголовкѣ нашей замѣтки. Имя Н. А. Каблукова связано со всѣми главнѣйшими предпріятіями московскаго земскаго статистическаго отдѣла, начиная съ основного изслѣдованія крестьянскаго хозяйства, организованнаго еще въ семидесятыхъ годахъ покойнымъ Орловымъ, и кончая новѣйшимъ, гораздо болѣе обстоятельнымъ изслѣдованіемъ того же предмета, выполненнымъ въ 1898—1900 гг. Не осталась безъ вліянія Н. А. Каблукова и организація статистики въ другихъ губерніяхъ, потому что къ нему, какъ опытному статистику и образованному экономисту, обращались за совѣтомъ различныя земства. Немало труда и мысли положено Н. А. Каблуковымъ и въ дѣло регистраціи текущихъ явленій хозяйственной жизни населенія московской губерніи, отмѣчаемыхъ въ изданіи, подъ заголовкомъ, приведеннымъ выше,—изданіи, болѣе двадцати лѣтъ выходящемъ подъ редакціею Н. А. Каблукова, имѣвшаго въ этомъ дѣлѣ такихъ талантливыхъ и опытныхъ сотрудниковъ, какъ покойный Астыревъ, Боголѣповъ и др. Разсматриваемое изданіе является нынѣ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе выдержанныхъ предпріятій даннаго рода, изъ года въ годъ отмѣчающимъ (на основаніи сообщеній мѣстныхъ жителей) вотъ уже двадцать-три года явленіи текущей жизни преимущественно въ сферѣ сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ областей. Программа изданія, впрочемъ, расширялась, и въ „Ежегодникѣ“ по временамъ помѣщаются, кромѣ того, единовременныя изслѣдованія по предметамъ мѣстнаго быта или сообщенія корреспондентовъ статистическаго отдѣла по вопросамъ, не подлежащимъ правильной регистраціи. Въ разсматриваемомъ томѣ, напр., мы находимъ сообщеніе о нищенствѣ и распространеніи газетъ въ деревняхъ московской губерніи.

Изданія по текущей статистикѣ представляютъ интересъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что открываютъ возможность слѣдить за прогрессивными и регрессивными явленіями въ области народнаго хозяйства. Въ связи съ темой предыдущей нашей замѣтки (о книгѣ А. А. Кафода) въ московскомъ „Ежегодникѣ“ насъ особенно интересуютъ свѣдѣнія о прогрессивныхъ явленіяхъ въ области того самаго страдающаго отъ череполосицы и подчиненнаго, кромѣ того, общинной регламентаціи крестьянскаго хозяйства, для улучшенія котораго считается необходимымъ прежде всего освобожденіе отдѣльнаго хозяина отъ всякой зависимости отъ сосѣдей. Сообщенія корреспондентовъ статистическаго отдѣла объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства выражаются личныя впечатлѣнія наблюдателя. Но въ данномъ изданіи имѣются объективныя данныя, рисующія ходъ дѣла замѣны tradi-

пюннаго трехполья, считающагося какъ бы неразрывно сросшимся съ общинною формою владѣнія земель, многопольными сѣвооборотами и посѣвомъ кормовыхъ травъ, причемъ такое довольно радикальное преобразование въ области полеводства производится цѣлыми общинами, по постановленію сходовъ. Аналогичныя преобразованія совершаются въ широкихъ размѣрахъ во многихъ нечерноземныхъ губерніяхъ. Но въ московской губерніи они были рано подмѣнены и поддержаны земствомъ, и, благодаря, этому, стремленіе крестьянъ къ улучшенію своего хозяйства осуществляется при содѣйствіи образованныхъ агрономовъ, и успѣхи этого дѣла регистрируются изъ года въ годъ.

Такъ, изъ таблицы, находящейся въ „Статистическомъ Ежегодникѣ Московской губерніи за 1906 годъ“, мы узнаемъ, что, начиная съ 1892 по 1906 г., при содѣйствіи земства въ московской губерніи введены травопольные сѣвообороты на земляхъ 1.278 общинъ, площадью въ 404 тыс. десятинъ, что составляетъ 25% общей площади надѣльнаго землевладѣнія этой области. Если исключить четыре наиболѣе промышленныхъ уѣзда, гдѣ реформа крестьянскаго хозяйства только-что начинается, то площадь надѣльной земли въ общинахъ, перешедшихъ къ многопольнымъ сѣвооборотамъ, охватываетъ отъ 20 до 30% площади надѣльнаго землевладѣнія въ двухъ уѣздахъ московской губерніи, отъ 30 до 40% въ четырехъ уѣздахъ, отъ 40 до 50%—въ двухъ уѣздахъ и выше 50%—въ одномъ (волоколамскомъ) уѣздѣ. Чтобы судить о томъ,—изсякаетъ уже или развивается описываемое нами прогрессивное движеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ московской губерніи,—приведемъ свѣдѣнія о числѣ общинъ, перешедшихъ къ травосѣянію въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ. Въ теченіе первыхъ одиннадцати лѣтъ участія земства въ этомъ движеніи число общинъ, ежегодно оставлявшихъ трехполье, не достигало сотни. Въ 1903 г. травопольные сѣвообороты были введены въ 113 общинахъ, въ 1904 г.—въ 190 общинахъ, а въ два слѣдующіе года—въ 174 и 108 общинахъ.

Въ виду такихъ данныхъ относительно быстроты преобразованія крестьянскаго хозяйства, совершающагося общиннымъ путемъ,—сколько оторванными отъ жизни слѣдуетъ считать категорическія утвержденія, что первымъ шагомъ къ поднятію производительности нашего земледѣлія должна быть отмѣна общины и всевозможное содѣйствіе процессу индивидуализаціи крестьянскаго хозяйства. Что принесетъ намъ такое распыленіе хозяйствъ, нынѣ охваченныхъ общинными узами еще неизвѣстно; но что, дѣйствуя такимъ образомъ, мы обрываемъ быстро прогрессирующій процессъ поднятія интенсивности хозяйства на почвѣ общиннаго владѣнія земель—въ этомъ не можетъ быть, какъ жется, никакого сомнѣнія.—В. В.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Амертъ, Е. — Геологическая Карта Зейскаго Золотоноснаго района. Спб. 907.

Бодларъ, Шарль. — Дневникъ. Перев. Элизъ. М. 907. Ц. 50 к.

Боголюбовъ, М. — Финансовые, правительственные и общественные интересы. Спб. 907. Ц. 1 р.

Бонди, Влад. (Вальди). — Миражи. Новеллы. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлый, Я. М. — Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новг. 907.

Бѣляевскій, Н. — Домашняя прислуга во Франціи и въ Германіи. Юр. 907. Ц. 40 к.

Васманъ, Эр. — Итоги сравнительной психологіи. Ч. I: Инстинктъ и разумность въ царствѣ животныхъ. — Ч. II: Сравнительныя изслѣдованія душевной жизни муравьевъ и высшихъ животныхъ. Съ нѣм. В. Караваевъ, съ статьею переводчика: Зоопсихологическіе взгляды В. Вагнера, съ портр. автора. Кіевъ, 907. Ц. 2 р. 50 к.

Вазтеровъ, В. П. — Предметный методъ обученія. М. 907. Ц. 50 к.

—— Спорные вопросы образованія. М. 907. Ц. 25 к.

Вейнбергъ, Б. П. — Люди жизни, думайте о грядущихъ поколѣніяхъ. — Соціальныя задачи опытныхъ наукъ. М. 907. Ц. 10 к.

Веселовскій, Алексѣй. — Этюды и характеристики. 3-ье значит. дополн. изд. М. 907. Ц. 3 р. 25 к.

Водовозова, Е. Н. — Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей — отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. 6-е исправл. изданіе. Спб. 907. Ц. 2 р.

Вяткинъ, Д. — Стихотворенія. Томскъ. 907. Ц. 25 к.

Гере, П. — Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Очерки культурной и экономической жизни германскихъ рабочихъ. — Съ нѣм. М. Б. М. 907. Ц. 75 к.

Гошина, Е. — Необходимыя совѣты женщинѣ, готовящейся быть матерью. Спб. 907. Ц. 55 к.

Големисевъ-Кутузовъ, гр. А. — Даль зоветь. Изъ воспоминаній скитальца. Спб. 907.

Граціановъ, В. И. — Краткій очеркъ исторіи Имп. Русск. Общества Акклиматизація животныхъ и растений за 50 лѣтъ его существованія. 1857—1907 гг. М. 907.

Гриммъ, проф. Д. Д. — Лекціи по догмѣ римскаго права. Пособіе для слушателей. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. — Разсказы. Т. II. Спб. 907. Ц. 1 р.

Денисюкъ, Н. — Начало Политической Экономіи. Изд. 2-е. Книга для начинающихъ въ популярномъ изложеніи. М. 907. Ц. 1 р. 80 к.

Добрынинъ, П. И., д-ръ. — Полное руководство къ изученію повивальнаго искусства, съ приложеніемъ Краткихъ Правилъ ухода и пособія при женскихъ болѣзняхъ. 4-е изд. Спб. 907. Ц. 5 р.

Езерскій, Ѳ. — Нужды Государственнаго Контроля. Спб. 907.

—— Популяризація Счетнаго Устава и всего Свода законовъ. Спб. 905. Ц. 20 к.

Заурскій, Л. — Опытъ исторіи юридическаго факультета Имп. Харьковскаго Университета. Харьк. 906.

Кампфмейеръ, П. — Проституція, какъ общественно-классовое явленіе, и общественная борьба съ нею. Съ нѣм. П. Аванасьевъ, п. р. Б. Авилова. Спб. 907. Ц. 20 к.

Картевъ, Н. — Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Изд. 5-е Спб. 907. Ц. съ перес. 1 р. 35 к.

Кисляковъ, К. — Раздѣлъ общинныхъ земель въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Пск. 907.

Кокосовъ, В. — Разказы о карійской каторгѣ. Изъ воспоминаній врача. Спб. 907. Ц. 1 р.

Коровинъ, А. — Опытъ анализа главныхъ факторовъ личнаго алкоголизма. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Кропоткинъ, П. — Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англ. В. Батуриновскій. Спб. 907. Ц. 1 р.

Кузминъ, М. — Крылья. Пов. въ 3 ч. М. 907. Ц. 80 к.

Лазаревскій, Н. Н. — Законодательные Акты переходнаго времени. 1904—1906 гг. Изд. 2-е, пересмотр. и дополн. 1-го января 907.

Левитскій, В. — Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. Вып. I. Греція—Римъ—Средніе вѣка. Харьк. 907. Ц. 70 к.

Лозинскій, Евг. — Итоги парламентаризма. Что онъ далъ и можетъ ли онъ дать что-либо рабочимъ массамъ. Спб. 907. Ц. 35 к.

Лотоцкій, А. И. — На поворотѣ. Спб. 907.

Люблинскій, В. И. — Право амнистіи. Истор.-догматическое и политическое изслѣдованіе. Спб. 907. Ц. 2 р.

Мауренбрехеръ, М. — Задача социалистической культуры. Вып. X: Социализмъ и международныя отношенія Спб. 907. Ц. 15 к.

Морозовъ, Николай. — Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія Апокалипсиса. Съ 23 рис. Спб. 907.

Озеровъ, И. — Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги? Критика русскаго расходнаго бюджета и государственный контроль. По неизданнымъ документамъ. М. 907. Ц. 1 р.

Паульсенъ, Ф. — Шопенгауеръ, какъ человекъ, философъ и учитель. Перев. Т. Богданова. Кіевъ, 907. Ц. 25 к.

Песковская, Е. И. — Юридическіе женскіе курсы. 1906—07. Спб. 907.

Постниковъ, А. П. — Систематическій курсъ практическихъ работъ по общей химіи. Съ 18 чертеж. М. 907. Ц. 60 к.

Писецкій, Л. Я. — Алгебра для средн. учебн. заведеній. Ч. III: Степени и корни. Спб. 907. Ц. 35 к.

Разумовскій, проф. В. И. — Н. И. Пироговъ, его жизнь, научно-общественная дѣятельность и мировоззрѣніе. Спб. 907.

Рыльцевъ, К. Ѳ. — Полное собраніе сочиненій. Т. II. Портреты, статьи и матеріалы. Библиотека Декабристовъ, вып.—3, 1907 годъ. Ц. 80 к.

Ръзановъ, Б. И. — Памятники русской драматической литературы. „Школьные дѣйства“ XVII—XVIII вѣковъ. Приложение къ изслѣдованію „Изъ исторіи русской драмы“. Нѣжинъ. 907. Ц. 2 р.

Снарскій, А. Т. — Мои досуги. Путевые очерки и разказы. Спб. 907. I 2 р. 25 к.

Солотубъ, Ѳ. — Стихи. Книга шестая. Змій. Спб. 907. Ц. 40 к.

Сушкинъ, П., и Четвериковъ, С. — Лепидоптера Минусинскаго уѣзда западнаго Саяна и западной части Урянхайской степи. I. Спб. 907.

Тулуповъ, Н., и Шестаковъ, П. — Новая школа. Книга для обученія русскому

языку въ школѣ и дома, съ приложеніями Указателя книгъ для самостоятельнаго чтенія. Ч. II. М. 907. Ц. 50 к.

Уварова, М., врачъ, и Лалина, Л. — Охрана жизни и здоровья работающихъ Систематическое изложене профессиональной гигіены. М. 907. Ц. 3 р.

Хвольсонъ, О. Д. — Курсъ физики. Т. IV: Ученіе о магнитныхъ и электрическихъ явленіяхъ. Первая половина съ 336 рис. въ текстѣ. Спб. 907. Ц. 5 р.

Чернышевъ, В. — Школьникъ. Русская Учебная хрестоматія. Для 3-го и 4-го годовъ обученія. Спб. 907. Ц. 60 к.

Шелли. — Полное собраніе сочиненій, въ перев. К. Д. Бальмонта. Т. III. Спб. 907. Ц. 2 р.

Щепотьевъ, А. — Pterobranchia организація 1) Рибдоплевры и 2) Цефалодиски. Съ 30 таблицами. Спб. 907.

Ягмарева-Виленина. — Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Библиотека перваго драматическаго передвижнаго театра. За первый годъ его дѣятельности. Вып. 5. Спб. 907. Ц. 20 к.

— Библиотека „Свободная Россія“, п. р. С. Мельгунова и С. Шестакова: № 1. Германія въ 48-мъ году, состав. М. Андреевъ, ц. 20 к. № 2. О земствѣ, Е. Звягинцевъ, ц. 10 к. № 3. А. Титовъ, Крѣпостное право, ц. 15 к. № 4. А. Максимовъ, Одна или двѣ палаты, ц. 10 к. № 5. П. Милюковъ, Демократизмъ и вторая палата, ц. 10 к. № 6. И. Петровскій, Всеобщее избирательное право, ц. 10 к. № 8. В. Короленко, Трагедія генерала Ковалева, ц. 10 к. № 9. А. Пругавинъ, Вопиющее дѣло, ц. 10 к. № 10. И. Игнатовъ, Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи, ц. 10 к. № 11. М. Соболевъ, Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи, ц. 10 к. № 12. Д. Самойловъ, Революція 48-го года во Франціи, ц. 15 к. № 13. Къ исторіи декабристовъ, ц. 10 к. № 14. Бѣлоруссовъ, Изъ пережитого, ц. 20 к. № 15. Богословскій, Бытъ и нравы русск. дворян. въ первой полов. XVIII вѣка, ц. 15 к. № 16. Бѣлевскій, Земельный вопросъ и націонализація земли, ц. 20 к. № 17. В. Якушкинъ, Крестьянская реформа 1861 года, ц. 10 к. № 18. М. Богословскій, Конституціонное движеніе 1730 г., ц. 10 к. № 19. С. Фортунатовъ, Права гражданина въ Англіи и въ С.-Ам.-Штатахъ, ц. 6 к. № 20. Ю. Подвынскій, Конституція Ц. Польскаго и ея судьба, ц. 15 к. № 21. А. Чупровъ, Аграрная реформа, ц. 10 к. № 22. Его же, Мелкое земледѣліе въ Россіи, ц. 15 к. № 23. Его же, Реформа земледѣлія въ Италіи, ц. 15 к. № 24. В. Алексѣевъ, Начало и конецъ самодержавія въ Россіи, ц. 15 к. № 25. А. Дживилеговъ, Крестьяне въ революціяхъ 48-года, ц. 10 к. № 26. А. Чупровъ, Агрономическая помощь населенію въ Италіи, ц. 15 к. № 27. Его же, Къ вопросу объ аграрной реформѣ, ц. 15 к. № 29. Л. Родіоновъ, Правовое государство, ц. 35 к. № 30. В. Алексѣевъ, Первый русскій парламентъ, ц. 15 к. Изданіе Е. Коровниковой и Е. Коломійцевой. М. 906.

— Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. Вып. I. Изд. кн. П. Долгорукова и И. Петрункевича. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

— Обзоры текущей популярной литературы. Вып. I. Кіевъ. 907. Ц. 15.

— Отчеты санитарныхъ врачей. Спб. Губернскаго Земства за 1905 годъ. Спб. 906.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“ за 1907 годъ. Кн. XV. Спб. 907. Ц. 1 руб.

— Соціализація земли. Сборникъ статей. Вып. I. М. 907. Ц. 80 к.

Томъ III. — Май, 1907.

26

— С.-Петербургскія столичныя Судебныя мировыя установленія и Арестный Домъ въ 1906 году. Спб. 907.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1906 годъ. Ч. II. М. 907.

— Шестая книжка Педагогической психологін, п. р. А. Нечаева. Т. I. Спб. 907. Ц. 70 з.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1907 г.

Заграничные отзывы о русских дѣлахъ. — Защита Государственной Думы въ лондонскомъ „Times“. — Новая международная комбинація. — Тройственный союзъ и Италия. — Вопросъ о сокращеніи вооруженій. — Политическія дѣла въ Англіи и Германіи.

Интересъ къ „русскому кризису“ не только не ослабѣваетъ, но все болѣе усиливается въ заграничной печати за послѣднее время, въ виду постоянно возникающихъ тревожныхъ слуховъ о новыхъ агрессивныхъ планахъ нашей придворной камарилы. Большинство иностранныхъ газетъ, не исключая и консервативныхъ, высказываетъ свое недоумѣніе по поводу тѣхъ преувеличенныхъ и явно-несправедливыхъ требованій, которыя съ разныхъ сторонъ предъявляются у насъ къ Государственной Думѣ; особенно странными кажутся высокомерныя сужденія нашихъ бюрократовъ о недостаткахъ представительнаго собранія, созваннаго при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и отражающаго такъ или иначе чувства и интересы значительнѣйшей части русскаго народа. Казалось бы, что дѣятелямъ самовластной бюрократіи, доказавшей на дѣлѣ свою полную непригодность и вредъ для Россіи, всего менѣе подобаетъ брать на себя роль строгихъ судей народнаго представительства, и что послѣднему во всякомъ случаѣ долженъ быть данъ срокъ для приспособленія къ труднымъ обстоятельствамъ современнаго положенія. Иностранцы не понимаютъ, почему отъ нашей Думы ожидалась какая-то исключительная работоспособность, не свойственная ни одному изъ парламентовъ; напротивъ, они находятъ, что невозможно было рассчитывать на что-нибудь лучшее при общей печальной обстановкѣ нашихъ первыхъ шаговъ къ установленію прочнаго конституціоннаго строя.

Наиболѣе поучительнымъ въ этомъ смыслѣ представляется намъ мнѣніе, высказанное глубоко-консервативнымъ лондонскимъ „Times“ по поводу извѣстнаго письма г. Мартенса, о которомъ подробно говорится выше, во „Внутреннемъ Обзорѣніи“. Это письмо—замѣчаетъ „Times“ въ передовой статьѣ отъ 15 апрѣля — будетъ съ тяжелымъ чувствомъ тревоги прочитано всѣми, слѣдящими у насъ за ходомъ событій въ Россіи... Ни одно представительное собраніе не можетъ быть свободнымъ отъ недостатковъ, даже когда оно, подобно британскому парламенту, является плодомъ вѣковаго политическаго развитія.

Самъ г. Мартенсъ признаетъ, что правительство оказывало слишкомъ мало содѣйствія Думѣ; мы прибавили бы, что если составъ ея не пріятенъ для правительства, то это зависѣло отчасти отъ ошибочной политики, которая бойкотировала конституціонныхъ демократовъ и — конечно, безъ намѣренія — поощряла успѣхи крайнихъ партій въ ущербъ умѣреннымъ элементамъ... Если правительство не исполнило своихъ обязанностей относительно Думы, то почему одна только Дума должна быть осуждена и наказана? Не слѣдуетъ ли правительству, прежде чѣмъ думать о крайнихъ мѣрахъ, употребить дальнѣйшія усилія, чтобы направить дѣятельность Думы на болѣе цѣлесообразный путь? Предложенное измѣненіе основныхъ законовъ имперіи, независимо отъ вызываемыхъ имъ весьма важныхъ возраженій, едва-ли способно оказаться той панацеею, какую видитъ въ немъ г. Мартенсъ. Если не имѣть въ виду простого назначенія всѣхъ членовъ Думы правительствомъ, то мы не въ состояніи понять, какимъ образомъ можетъ правительство когда-нибудь надѣяться обезпечить себѣ парламентъ, вполне покорный его взглядамъ, какъ того, повидимому, желаетъ г. Мартенсъ. Въ дѣйствительности можно удивляться тому, что выдающійся знатокъ международнаго права, посвятившій свои силы активному участию въ заключеніи обязательныхъ трактатовъ между націями, проповѣдуетъ съ легкимъ сердцемъ нарушеніе недавно еще подписаннаго Государемъ обязательства относительно его народа.... Бѣдствія настоящаго времени, упоминаемыя г. Мартенсомъ, принадлежать къ числу тѣхъ, которыя всегда характеризуютъ переходные періоды, и ихъ особенная острота въ Россіи болѣе справедливо объясняется не недостатками избирательнаго закона, а слишкомъ долгимъ откладываніемъ политической эмансипаціи русскаго народа. Эти послѣдствія въ извѣстныхъ предѣлахъ неизбежны, и прибѣгать къ средствамъ, рекомендуемымъ г. Мартенсомъ, значило бы уподобиться неразумному врачу, который вмѣсто того, чтобы предоставить болѣзни идти естественнымъ ходомъ, старается быстро уничтожить ея симптомы при помощи сильныхъ лекарствъ, загоняющихъ болѣзнь внутрь и подвергающихъ пациента еще болѣе отчаяннымъ бѣдствіямъ. При всемъ уваженіи къ большому авторитету г. Мартенса, нужно сказать, что его совѣты—совѣты голаго отчаянія, которымъ, какъ мы надѣемся, не стануть слѣдовать русскіе правители“...

Рѣзкій отрицательный отзывъ „Times“ о нашихъ обвинителяхъ и противникахъ Государственной Думы имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что названная газета вѣритъ въ строго-конституціонный характеръ существующаго у насъ министерства и въ искренность его реформаторскихъ намѣреній. Иностранные публицисты никакъ не могутъ допустить, чтобы между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ

«Страны поддерживался упорный сознательный антагонизмъ, при которомъ даже необходимѣйшія реформы служатъ предметомъ и орудіемъ борьбы. Заграницей смотрятъ на наши внутреннія дѣла съ точки зрѣнія западно-европейской практики: наша Дума обнаруживаетъ не меньшую работоспособность и дѣйствуетъ не менѣе корректно и разсудительно, чѣмъ любой изъ иностранныхъ парламентовъ, и потому нѣтъ серьезныхъ причинъ къ возбужденію вопроса объ ея роспускѣ. Британская палата общинъ употребляетъ не мѣсяцы, а годы, для проведенія мало-мальски значительнаго законопроекта; часто масса времени тратится совершенно непроизводительно, и рассмотрѣнный уже билль откладывается опять въ сторону, какъ это было еще недавно со школьнымъ биллемъ; многіе изъ внесенныхъ проектовъ заранее признаются безнадежными и исключаются изъ программы парламентскихъ занятій,—и однако, несмотря на этотъ крайне медленный ходъ законодательной машины, никто не говоритъ о неработоспособности англійскаго парламента и не предлагаетъ отдать предпочтеніе быстрому канцелярскому творчеству бюрократическихъ учреждений. Австрійская палата депутатовъ прославилась своими хроническими внутренними раздорами и партійными столкновеніями, доходившими нерѣдко до скандальныхъ сценъ, какія даже немислимы въ нашей Государственной Думѣ; подобныя же сцены происходили иногда и во французской палатѣ: вспомнимъ, напр., инцидентъ, когда депутатъ-монархистъ Бодри д'Ассонъ внезапно подошелъ къ Комбу и покрылъ его голову добытою имъ откуда-то мѣдной кострюлей, или случай съ Сиветономъ, давшимъ пощечину одному изъ депутатовъ въ публичномъ засѣданіи. Такого рода инцидентовъ не бывало еще въ нашей Думѣ, хотя не разъ разгорались въ ней страсти подъ вліяніемъ вызывающихъ рѣчей и заявленій крайнихъ правыхъ и отчасти также крайнихъ лѣвыхъ; съ другой стороны, думское большинство пока еще не проявляло склонности принимать какія-нибудь рискованныя или опасныя рѣшенія, а скорѣе наоборотъ, старается избѣгать раздражающихъ и бесплодныхъ конфликтовъ, съ цѣлью по возможности сохранить народное представительство для полезной работы. Естественно поэтому, что слишкомъ юридичивое враждебное отношеніе нашихъ патріотовъ къ отечественному парламенту остается непонятнымъ для иностранной публики, такъ какъ мысль о государственномъ переворотѣ, направленномъ противъ Думы, совершенно не принимается въ расчетъ, въ виду установившихся заграничныхъ представленій о внѣшней корректности русскаго правительства. Эта вѣра въ формальную корректность и добросовѣстность нашихъ правящихъ сферъ лежитъ въ основѣ обычныхъ оптимистическихъ сужденій консервативной иностранной печати о русскихъ дѣлахъ. Само собою разумѣется, что и наши „сферы“ за-

интересованы въ сохраненіи этой доброжелательной заграничной репутаціи, настойчиво поддерживаемой такими вліятельными органами, какъ лондонскій „Times“ и парижскій „Temps“.

Въ области международныхъ отношеній замѣчается въ послѣднее время какое-то безпокойство, находящееся, повидимому, въ связи съ нѣкоторыми спорными задачами предстоящей Гаагской конференціи. Англія имѣетъ въ виду внести на обсужденіе конференціи вопросъ о сокращеніи военныхъ силъ и бюджетовъ путемъ взаимнаго добровольнаго соглашенія великихъ державъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она старается сблизиться не только съ Франціею и Испаніею, но и съ Италіею, имѣющею опредѣленные международныя обязательства относительно Германіи. Тройственный союзъ, придуманный и закрѣпленный Бисмаркомъ, въ сущности давно потерялъ прежнее практическое значеніе, но для берлинской дипломатіи, какъ и для огромнаго большинства нѣмецкаго народа, онъ все еще считается неприкосновеннымъ достоинствомъ германской національной политики, условіемъ прочнаго обезпеченія мира и внѣшней безопасности имперіи. Всякая попытка поколебать этотъ союзъ или вовлечь отдѣльныхъ его членовъ въ постороннія дипломатическія комбинаціи возбуждаетъ тревогу въ Берлинѣ. Австро-Венгрія, въ силу особенностей своего положенія, не подвергается подобнымъ соблазнамъ, ибо ничего, кромѣ выгодъ, она не имѣетъ отъ тройственнаго союза; зато Италія не скрываетъ своего тяготѣнія къ Франціи и Англіи, съ которыми ее связываютъ историческія традиціи и крупныя общіе интересы. Итальянцы очень дорожатъ близкою дружбою съ Германіею, но не могутъ чувствовать себя солидарными съ Австро-Венгріею и не отказываются отъ своего права вступать въ самостоятельныя соглашенія съ „посторонними“ государствами, которыя въ сущности гораздо болѣе родственны имъ по духу, чѣмъ австрійцы и германцы. Германская дипломатія вынуждена была примириться съ состоявшимся фактическимъ сближеніемъ Италіи съ Франціею; она должна также смотрѣть сквозь пальцы на неискоренимую популярность и авторитетъ Англіи среди итальянской націи. Руководители германской политики отъ времени до времени обновляютъ свои формальныя соглашенія съ Италіею, обмѣниваются дружескими заявленіями съ итальянскими министрами и имѣютъ, конечно, основаніе признавать достигнутые результаты вполне надежными съ точки зрѣнія интересовъ Германіи. Между тѣмъ эта увѣренность въ прочности союза внезапно слабѣетъ или даже какъ бы исчезаетъ, когда на горизонтѣ показываются признаки англо-итальянскаго сближенія: Англія — единственная держава, которую

нѣмцы дѣйствительно боятся и которой всегда готовы приписывать самые опасные и коварные замыслы. Насчетъ французовъ они перестали беспокоиться, убѣдившись въ органическомъ миролюбіи ихъ республики; въ миролюбіе англичанъ они не вѣрятъ и сами относятся къ нимъ съ враждебнымъ недоверіемъ. Неузависимая для Германіи, Англія даетъ ей постоянно чувствовать свое господство на моряхъ и ставить неодолимыя преграды дальнѣйшему развитію ея колоніальныхъ владѣній. Завѣтные мечтанія нѣмецкихъ патріотовъ о широкой міровой политикѣ не находятъ реальной почвы только потому, что встрѣчаютъ на своемъ пути суровый фактъ безспорнаго морского владычества англичанъ. Не имѣя возможности соперничать съ Англіею въ ея родной стихіи, Германія постоянно опасается ея посягательствъ на свое пріобрѣтенное политическое положеніе и должна считаться съ возрождающимся британскимъ вліяніемъ даже въ предѣлахъ тройственного союза.

Чтобы парализовать всякія непріязненныя вліянія въ Италіи и освѣжить узы германской дружбы съ ея правительствомъ, канцлеръ князь Бюловъ устроилъ въ концѣ марта свиданіе съ итальянскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Титтони и имѣлъ съ нимъ секретныя совѣщанія, которыми остался вполне доволенъ: по собственному выраженію канцлера, онъ былъ „восхищенъ“ установившимся идейнымъ единствомъ съ римскимъ коллегой. Двѣ недѣли спустя, король Эдуардъ VII прибылъ на кораблѣ въ Гаэту и имѣлъ дружеское свиданіе съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ, — и этотъ неожиданный для германской дипломатіи визитъ сразу лишилъ ее спокойствія и самообладанія, насколько можно судить по разсужденіямъ офиціозныхъ нѣмецкихъ газетъ. „Кельнская Газета“ напечатала рѣзкую статью, въ которой обвиняла Англію и ея короля въ желаніи непремѣнно изолировать Германію, отдѣлить отъ нея союзниковъ и друзей, добиться всеобщаго разрушенія и этимъ поставить другія державы въ зависимость отъ англичанъ. Германская печать заговорила и объ Италіи въ непріязненномъ обвинительномъ тонѣ, и съ обѣихъ сторонъ возникла полемика, далеко не свидѣтельствовавшая о внутреннихъ чувствахъ взаимнаго довѣрія и симпатіи; эти полемическія увлеченія, правда, отвергались и осуждались офиціально, но успѣли все-таки произвести достаточно сильное впечатлѣніе на итальянскую публику. Итальянцамъ казалось, что съ ними начинаютъ обращаться какъ съ вассалами, лишенными права дѣйствовать самостоятельно даже въ мелочахъ; ихъ возмутило предположеніе, что Италія находится какъ бы подъ опекою Германіи и обязана считаться съ ея желаніями, тогда какъ сама Германія сохраняетъ повсюду безусловную свободу дѣйствій. Оставаясь вѣрною тройственному союзу, Италія можетъ вступать и въ другія соглашенія,

не противорѣчающія его основной цѣли, а такъ какъ эта цѣль заключается въ обезпеченіи мира, то съ нею совмѣстима всякая новая комбинація, хотя бы и несогласная съ идеями и взглядами нѣмцевъ. При подобномъ пониманіи союзныхъ обязательствъ фактическое отпаденіе Италіи отъ прежней тройственной лиги становится лишь вопросомъ времени, ибо союзъ съ Германіей, осложненный отдѣльными соглашениями съ Англією и Францією, превратился бы самъ собою въ невинную, чисто-формальную фикцію. Къ этой системѣ всеобщихъ миролюбивыхъ соглашеній ведетъ все новѣйшее развитіе международного права, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подъ напоромъ этого движенія колеблются основы старыхъ искусственныхъ союзовъ, имѣвшихъ по существу военный характеръ и преслѣдовавшихъ болѣе или менѣе скрытыя военныя задачи.

Любопытно, что ближайшимъ поводомъ къ горячей англо-германской полемикѣ изъ-за Италіи послужилъ именно англійскій проектъ частичнаго или постепеннаго сокращенія вооруженій. Британское правительство ищетъ сближенія съ Италіей на этой благодарной почвѣ гуманности и здравой экономіи, и оно имѣетъ шансы заручиться если не прямымъ содѣйствіемъ, то по крайней мѣрѣ принципиальнымъ согласіемъ итальянской націи и ея правительства по этому важному вопросу. Италія слишкомъ бѣдна, чтобы переносить тяжелое бремя милитаризма, и она была бы счастлива, еслибы могла замѣнить это бремя болѣе легкими международными гарантіями, при помощи прочныхъ взаимныхъ соглашеній съ Англією и Францією. Представляя собою военное могущество, возведенное въ политическій принципъ, Германская имперія возстаетъ противъ теоріи всеобщаго разоруженія, но не отвергаетъ возможности мирнаго международного обсужденія англійскаго проекта. Берлинскіе офиціозы усматриваютъ въ этомъ проектѣ только ловкій враждебный маневръ или подвохъ со стороны Англіи, съ цѣлью вызвать расколъ между державами и отвлечь ихъ отъ союза или соглашенія съ Германією; они не предвидятъ серьезныхъ практическихъ результатовъ будущихъ международныхъ обсужденій и твердо стоятъ на почвѣ незыблемыхъ исконныхъ началъ милитаризма, но вынуждены поневолѣ подчиняться духу времени и дѣлать принципиальныя уступки, о которыхъ нельзя было еще и думать при созывѣ первой Гаагской конференціи.

Съ легкой руки либеральнаго британскаго кабинета, вопросъ о сокращеніи вооруженій пріобрѣтаетъ жизненный смыслъ и постепенно переходитъ въ область практической политики. Въ началѣ апрѣля собирався въ Нью-Йоркѣ американскій конгрессъ международного мира и третейскаго суда, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго миллиардера Андрю Карнеджи. При открытіи собранія было прочитано письмо

президента Рузвельта, выражающее его личные взгляды на основные задачи конгресса. Заявляя себя рѣшительнымъ сторонникомъ идей всеобщаго мира и арбитража, Рузвельтъ настойчиво совѣтуетъ избѣгать фантастическихъ требованій, способныхъ только отодвинуть и затруднить осуществленіе того, что достижимо при данныхъ условіяхъ. „Зло, а не благо было бы послѣдствіемъ реформы, еслибы самыя передовыя націи—тѣ, среди которыхъ наибольшая свобода отдѣльныхъ лицъ соединяется съ наиболѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ порядка и правосудія,—разоружились бы по добровольному соглашенію и поставили бы себя въ зависимость отъ доброй воли другихъ менѣе развитыхъ народовъ, находящихся еще на ступени военнаго варварства или военнаго деспотизма“. Рузвельтъ надѣется, что „общій договоръ о третейскомъ судѣ будетъ принятъ всѣми державами, что Гагская конференція значительно расширить свои полномочія и сдѣлается постояннымъ учрежденіемъ, и что постоянные, щедро оплачиваемые независимые судьи будутъ разрѣшать возникшіе споры между націями“. Послѣ непродолжительныхъ преній конгрессъ принялъ слѣдующія резолюціи: во-первыхъ, Гагская конференція должна сдѣлаться постояннымъ учрежденіемъ, открытымъ для всѣхъ націй; во-вторыхъ, Гагская конференція выработаетъ общій договоръ объ арбитражѣ и предложитъ его для ратификаціи всѣмъ державамъ, съ установленіемъ правила, что во всѣхъ международныхъ спорахъ, не могущихъ быть разрѣшенными дипломатическимъ путемъ, обязательно обращаться къ Гагскому трибуналу; въ-третьихъ, Соединенные Штаты побудятъ Гагскую конференцію обсудить мѣры въ видахъ ограниченія вооруженій; въ-четвертыхъ, постановленія Гагской конференціи должны быть направлены къ охранѣ частной собственности на морѣ и къ предупрежденію захватовъ частныхъ торговыхъ кораблей въ военное время. Противъ общаго направленія этихъ резолюцій возражалъ только нѣмецкій профессоръ Гарвардскаго университета, Гуго Мюнстербергъ, доказывавшій между прочимъ, что всеобщая воинская повинность не составляетъ бремени для Германіи, но предсѣдатель Карнеджи напомнилъ оппоненту, что ежегодно тысячи нѣмцевъ выселяются изъ Германіи въ Америку для избѣжанія воинской повинности и что значительнѣйшая часть всей нѣмецкой эмиграціи зависитъ именно отъ существованія этого бремени, отрицаемаго профессоромъ Мюнстербергомъ. Въ другомъ засѣданіи голландскій делегатъ Ванъ-Клеве считалъ нужнымъ поддерживать старый афоризмъ, что лучшимъ средствомъ обезпеченія мира служить готовность къ войнѣ, и вызвалъ этимъ шумные протесты и возгласы, причемъ многіе покинули собраніе; Ванъ-Клеве вынужденъ былъ прервать свою рѣчь и также вышелъ изъ зала. Эти отдѣльные инциденты только сильнѣе подчер-

живали общее, несомнѣнно господствовавшее настроеніе послѣдовательныхъ приверженцевъ мира, къ которымъ присоединился затѣмъ британскій генераль-губернаторъ Канады, графъ Грей. На одномъ изъ заключительныхъ банкетовъ, данныхъ въ честь конгресса, графъ Грей обратилъ вниманіе слушателей на принятый недавно канадскимъ парламентомъ законъ, который обязываетъ представителей капитала и труда въ случаѣ спора не прибѣгать къ стачкѣ или локауту безъ предварительнаго разслѣдованія дѣла третейскимъ судомъ или посреднической комиссіей. По мнѣнію лорда Грея, принципъ этого канадскаго акта, предупреждающій возникновеніе борьбы ранѣе мирнаго обоюднаго обсужденія, могъ бы быть примѣненъ и къ международнымъ конфликтамъ. Законодательныя собранія различныхъ государствъ, какъ полагаетъ Грей, должны были бы также объявить незаконнымъ участіе гражданъ въ устройствѣ военнаго займа для иностранной націи, не обращавшейся предварительно къ Гаагскому трибуналу.

Очевидно, практическіе способы достиженія поставленной цѣли связаны съ большими трудностями и будутъ неизбѣжно встрѣчать многочисленныя препятствія; но уже то обстоятельство, что вопросъ возбужденъ официально такими двумя державами, какъ Англія и Соединенные Штаты, и что остальные могущественныя государства не спорятъ противъ его включенія въ программу Гаагской конференціи, хотя и оставляютъ за собою право уклониться отъ его обсужденія, — представляетъ несомнѣнно очень крупный шагъ впередъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Конечно, о дѣйствительномъ разоруженіи и даже о частичномъ сокращеніи вооруженій и военныхъ бюджетовъ не можетъ быть и рѣчи, пока хоть одна первоклассная держава, напр. Германія, сохраняетъ свои военныя силы въ прежнемъ объемѣ: коренная реформа въ смыслѣ практическаго повсемѣстнаго отреченія отъ милитаризма предполагаетъ общее согласіе всѣхъ великихъ державъ, что, конечно, немыслимо при современномъ положеніи вещей, — какъ немыслимо и отреченіе Англіи отъ обладанія самымъ могущественнымъ военнымъ флотомъ, обеспечивающимъ ея господство на моряхъ. Въ этой формѣ вопросъ едва-ли можетъ серьезно разсматриваться на Гаагской конференціи, и разсмотрѣніе его, конечно, не приведетъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, намѣтивъ, быть можетъ, только задачи будущаго и условія ихъ успѣшнаго разрѣшенія; но способы предупрежденія войнъ путемъ обязательнаго третейскаго суда будутъ, вѣроятно, установлены съ надлежащею полнотою и категоричностью, — съ точнымъ указаніемъ случаевъ, допускающихъ или оправдывающихъ свободу дѣйствій отдѣльныхъ державъ. Что же касается сокращенія или ограниченія непотребнаго

роста военныхъ бюджетовъ, то желательныя преобразованія въ этой области должны завистъ главнымъ образомъ отъ болѣе цѣлесообразной постановки военного дѣла въ связи съ уменьшеніемъ численности постоянныхъ армій въ отдѣльныхъ странахъ, безъ ущерба для общаго состоянія вооруженныхъ силъ. Возможность такого рода реформы, какъ мы упоминали уже въ одномъ изъ прежнихъ обозрѣній, краснорѣчиво подтверждается примѣромъ Японіи.

Важнѣйшимъ событіемъ въ политической жизни Англіи за истекшій мѣсяцъ было открытіе въ Лондонѣ officialнаго сѣзда всѣхъ премьеровъ и колониальныхъ министровъ британскихъ колоній, подъ названіемъ „колониальной конференціи“. По этому случаю прибыли въ Англію первые министры Канады, Австраліи, Новой Зеландіи, Капской колоніи, Натали и Трансваали — сэръ Вильфридъ Лорье, Альфредъ Дикинъ, сэръ Уордъ, д-ръ Джемсонъ, Муръ, генералъ Лум Бота, а также колониальные министры Канады, Австраліи и Капской колоніи — сэръ Борденъ, сэръ Лайнъ и д-ръ Смартъ. Предсѣдательствовалъ британскій министръ колоній, лордъ Эльджинъ. Героемъ дня былъ съ самаго начала глава трансваальскаго правительства, генералъ Бота, котораго англичане повсюду встрѣчали съ особеннымъ почетомъ и сочувствіемъ. Въ засѣданіи 15 апрѣля (нов. ст.), по прочтеніи привѣтственной телеграммы короля, слово было предоставлено прежде всего британскому премьеру, какъ „первому между равными“. Сэръ Кембелль-Баннерманъ произнесъ весьма содержательную рѣчь, въ которой опредѣлили въ общихъ чертахъ характеръ отношеній между колоніями и метрополіею. Высказавъ нѣсколько лестныхъ словъ по адресу присутствовавшихъ премьеровъ и специально по адресу генерала Бота, ораторъ сослался на прежніе подобные сѣзды, начавъ съ 1887 года, и обѣщалъ со стороны британскаго правительства всевозможное содѣйствіе успѣшному и свободному выполненію обширной программы конференціи. „Мы стоимъ — замѣтилъ онъ — на почвѣ свободы и независимости: эти начала составляютъ сущность имперской британской связи, — свобода дѣйствій со стороны каждаго отдѣльнаго государства, свобода въ ихъ отношеніяхъ между собою и съ метрополіею. Все, что противодѣйствуетъ этому принципу, было бы несогласно съ духомъ нашей расы и съ нашими политическими идеалами и рано или поздно оказалось бы пагубнымъ“. Канадскій премьеръ, сэръ Лорье, отвѣчая британскому премьеру, подчеркнул, что данное собраніе „есть не сѣздъ первыхъ министровъ колоній при участіи колониальнаго министра Англіи, а конференція правительствъ, конференція между имперскимъ правительствомъ и прави-

тельствами самоуправляющихся колоній Англіи“, какъ это указалъ и сэръ Кемпбелль-Баннерманъ. „Въ чемъ мы всѣ согласны и чего мы всѣ должны держаться, — сказалъ въ заключеніе сэръ Лорье, — это именно то, что пока сохраняются основы единенія, связывающаго Британскую имперію, и пока будетъ признаваться и примѣняться принципъ, что каждая страна лучше всего знаетъ свои нужды и потребности, мы не можемъ дѣлать зло, и наши обсужденія должны быть плодотворны и будутъ неизбѣжно приносить пользу въ томъ или другомъ практическомъ дѣлѣ“. Затѣмъ говорили другіе премьеры, а послѣднимъ говорилъ генералъ Бота, „Веніаминъ этого братства“, какъ называлъ его сэръ Кемпбелль-Баннерманъ. Краткая рѣчь Боты, сказанная по-голландски и переданная слушателямъ черезъ переводчика, была выраженіемъ благодарности бурскаго народа за дарованную ему автономію и подтвержденіемъ искренней готовности буровъ дѣйствовать заодно съ англійскими согражданами для блага Трансваала и Британской имперіи. — На слѣдующій день колоніальные премьеры были гостями городской корпораціи Лондона и ея главы, лорда-мэра; всѣ они возведены въ почетное званіе лондонскихъ гражданъ, съ соблюденіемъ стариннаго церемоніала, и каждому переданъ соотвѣтственный дипломъ, въ золотой шкатулкѣ. На обычный тостъ лорда-мэра отвѣчалъ подробно канадскій премьеръ сэръ Лорье, затронувшій между прочимъ весьма щекотливую тему о покореніи Трансваала и присоединеніи его къ Англіи. „Кто бы могъ думать пять лѣтъ тому назадъ, когда мы обсуждали вопросъ о колоніальной конференціи, — что двумя членами этой конференціи будутъ теперь докторъ Джемсонъ и генералъ Бота, одинъ въ качествѣ премьера Капской колоніи, а другой въ качествѣ перваго министра Трансваала?.. Быть можетъ, на ближайшей конференціи мы будемъ имѣть въ составѣ Британской имперіи новую конфедерацію, — южно-африканскую, обнимающую Капъ, Наталь, Оранжевую колонію, Трансвааль, Родезію и другія владѣнія, которыя могутъ еще быть присоединены съ теченіемъ времени. Такова истинно имперская политика, — заключилъ свою рѣчь сэръ Лорье, — и я утверждаю, что пока Британская имперія будетъ держаться на этихъ началахъ, она имѣетъ подъ собою основанія болѣе крѣпкія, чѣмъ скала, и способныя противостоять дѣйствію вѣковъ“.

При этой системѣ, построенной на зыбкомъ, повидимому, фундаментѣ свободы, равноправности и самоуправленія, достигаются по истинѣ волшебные результаты: страны, отрѣзанныя океанами отъ метрополи и населенныя отчасти чуждыми ей народностями, не только не думаютъ избавиться отъ владычества имперіи, но напротивъ, сами стремятся въ ея составъ, добровольно укрѣпляютъ съ нею свои связи

и гордятся своею принадлежностью къ великому міровому государству, которое не боится давать свободу подвластнымъ и даже покореннымъ силою оружія народамъ. Въмѣсто неизбежнаго, какъ казалось бы, распада имперіи, мы видимъ ея прочное, прогрессивно развивающееся объединеніе. Отдѣльныя составныя ея части сближаются внутреннею силою сочувствія и политическаго сознанія, и это сближеніе получаетъ все болѣе реальный характеръ; теперь дѣло идетъ уже объ образованіи постоянного центральнаго „имперскаго совѣта“ изъ представителей всѣхъ колоній и объ организациіи совмѣстной имперской обороны для огражденія интересовъ имперіи отъ внѣшнихъ опасностей. Британская имперія перестаетъ быть простымъ географическимъ терминомъ и пріобрѣтаетъ черты могущественнаго цѣлаго, безъ всякихъ пріемовъ внѣшняго принужденія и насилія, или, вѣрнѣе сказать, она пріобрѣтаетъ эти черты могущественнаго цѣлаго именно потому, что свободна отъ элементовъ внѣшняго насилія и принужденія въ своемъ политическомъ строѣ.

Парламентскія пренія въ германскомъ имперскомъ сеймѣ, какъ и въ прусской палатѣ депутатовъ, представляли мало общаго интереса за послѣднее время; они тянулись вяло и безцѣтно, хотя и касались очень важныхъ вопросовъ государственнаго бюджета и связанной съ нимъ правительственной политики. Публичное обсужденіе одной только незначительной части имперскаго бюджета—смѣты вѣдомства внутреннихъ дѣлъ—заняло полныхъ девять засѣданій. Единственная рѣчь, которую можно назвать интересною и красиво сказанною, — это рѣчь извѣстнаго пастора Науманна, въ засѣданіи 11 апрѣля. Науманнъ изложилъ программу новой либеральной социальной политики и, какъ отмѣчено въ газетныхъ парламентскихъ отчетахъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на слушателей; возбужденіе въ палатѣ продолжалось еще долго послѣ того какъ на кафедрѣ вступилъ для отвѣта статсъ-секретарь графъ Посадовскій. Но въ сущности рѣчь Науманна имѣла довольно отдаленную связь съ бюджетными вопросами и затрагивала много крупныхъ общихъ задачъ, имѣющихъ отчасти, по справедливому замѣчанію Посадовскаго, теоретическій, философскій характеръ. Въ германскомъ сеймѣ, какъ и въ другихъ парламентахъ, часто выступаютъ ораторы, при первомъ появленіи которыхъ залъ начинаетъ пустѣть; къ числу этихъ злополучныхъ депутатовъ принадлежитъ, повидимому, социалистъ Гохъ, произнесшій въ томъ же засѣданіи передъ пустыми скамейками длинную рѣчь о социальной политикѣ. Почти на каждую рѣчь даетъ обстоятельныя объясненія имперскій статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ, графъ Посадовскій; иногда онъ высказываетъ мысли, которыя какъ-то странно и непривычно звучатъ въ устахъ

представителя администраціи. „Нужно быть осторожнымъ въ своихъ обѣщаніяхъ,—говорить онъ, напр., въ засѣданіи 16-го апрѣля,—но разъ правительство дало какое-нибудь обѣщаніе, оно обязано его выполнить; иначе оно теряетъ довѣріе народа и парламента“. Въ Германіи и Пруссіи признается общеизвѣстной аксіомою, что правительство нуждается въ довѣріи народа и парламента и не можетъ безъ такого довѣрія обойтись; никому тамъ не приходитъ въ голову утверждать наоборотъ, что народъ и парламентъ должны заслужить довѣріе министровъ и подлежать ихъ строгой критической оцѣнкѣ для рѣшенія вопроса о роспускѣ или сохраненіи народнаго представительства. Между тѣмъ въ Германіи и Пруссіи нѣтъ формальной отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ, какъ и у насъ,—хотя потребность въ общественномъ довѣріи и, слѣдовательно, чувство нравственной отвѣтственности передъ народомъ несомнѣнно существуютъ. Изъ дальнѣйшихъ бюджетныхъ преній можно упомянуть лишь о занимательномъ и отчасти забавномъ ораторскомъ турнирѣ между военнымъ министромъ фонъ-Эйнемомъ и его оппонентами, Бебелемъ и Мюллеромъ: послѣдній указывалъ на случай несправедливаго дисциплинарнаго наказанія резервиста-адвоката за то, что онъ чихнулъ при контрольномъ сборѣ резервистовъ передъ начальствомъ, и военный министръ очень дѣловито и обстоятельно объяснилъ, почему чиханіе въ строю безусловно недопустимо и составляетъ нарушеніе военной дисциплины. Эти своеобразныя объясненія отчасти развеселили палату, послѣ чего продолжались опять монотонныя скучныя рѣчи о скучныхъ предметахъ. И германскій парламентъ не блещетъ талантами,—и тѣмъ не менѣе онъ старательно исполняетъ свои обычныя функціи, не опасаясь никакихъ разговоровъ о роспускѣ...

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Maurice Maeterlinck. L'Intelligence des fleurs. Стр. 312. Paris, 1907.

Метерлинк — одинъ изъ рѣдкихъ — быть можетъ, даже единственный въ наше время мыслитель и поэтъ, обладающій какъ будто реальнымъ чутьемъ „непознаваемаго“. Для него духовный міръ человѣка, не опредѣляемый впечатлѣніями извнѣ, существуетъ такъ же несомнѣнно, какъ все, связанное съ чувственнымъ міромъ, и внѣсознательная область предчувствій, влеченій, бесполезныхъ для жизни и даже идущихъ въ разрѣзъ съ полезнымъ въ жизни, — для него несомнѣнная широкая дѣйствительность, логическіе законы и цѣли которой онъ пылливо старается угадать и возсоздать. Можно спорить съ нимъ, отрицать дѣйствительное существованіе міра, который онъ раскрываетъ, какъ пророкъ или какъ духовидецъ, но нельзя не признать за нимъ органическаго дара, того, что мы назвали бы мистической убѣжденностью. Она составляетъ силу его символическихъ драмъ, въ которыхъ душа не претерпѣваетъ событій, а какъ бы идетъ навстрѣчу имъ, исполняя свои собственные, не навязанные ей извнѣ законы. И такъ велика органическая сила Метерлинка въ его мистическихъ исканіяхъ, что она покоряетъ и тѣхъ, кому эта область чужда. Первые драмы Метерлинка, тѣ, которыя составили его славу, вошли въ мировую литературу, какъ ея неоспоримыя пріобрѣтенія. И то же самое относится къ самой мудрой изъ его книгъ, къ „Сокровищу смиренныхъ“, гдѣ онъ раскрылъ человѣчеству источники знаній, скрывающихся въ спящемъ сознаніи человѣка.

Но, открывъ то, что онъ самъ называетъ „Погребеннымъ храмомъ“ въ душѣ человѣка, онъ самъ предалъ его забвенію. Онъ, можно сказать, уѣхалъ изъ него на автомобилѣ. Увлечшись завоеваніями человѣка въ области положительныхъ знаній, увлекшись красотами и миражами культуры, онъ увидѣлъ благо человѣческой жизни только въ усиліяхъ воли, умножающей опытъ. Ему дано свободно и легко двигаться и вести за собой внимающихъ ему на самыя границы между познаваемымъ наукой и постигаемымъ таинственнымъ зрѣніемъ души. Было время — къ нему и относятся его первые драмы и мудрость его „Сокровища смиренныхъ“, — когда онъ какъ бы заглядывалъ за край бездны, у которой могъ стоять безъ головокруженія. А потомъ — сюда относится все, что онъ пишетъ за послѣдніе годы — онъ отвернулся отъ раскрывавшейся передъ нимъ

бездны и устремилъ взоръ на далекую равнину, разстилающуюся позади, залюбовался красотой мирныхъ полей и луговъ, на которые такъ твердо ступаетъ нога и которыхъ такъ много расходится во всѣ стороны. Въ одной изъ книгъ, самой странной и двойственной по настроенію, въ „Погребенномъ храмѣ“, Метерлинкъ, обнаруживая прежнюю вѣру въ мистическій міръ человѣка, которая у него даже не вѣра, а твердая осязательная близость къ нему, въ то же время отрывается отъ прежнихъ своихъ заглядываній въ бездну. Онъ говорить снисходительно о своихъ первыхъ драмахъ, какъ о заблужденіяхъ молодости. Въ нихъ онъ, по собственному опредѣленію, видѣлъ только большую и вѣчную тайну, окружающую минутную жизнь человѣка, видѣлъ все человѣческое только въ отношеніяхъ къ этой всевластной тайнѣ, и жизнь рисовалась ему въ атмосферѣ страха передъ враждебными силами судьбы, а люди—слабыми, нѣжными душами, вся красота и весь пафосъ которыхъ—въ угадываніи нитей, связующихъ ихъ бѣглый мигъ съ непостижимой вѣчностью. Отъ этого взгляда, отъ мыслей о вѣчности, опредѣляющихъ смыслъ жизни, онъ теперь отказался во имя воли и утѣшительныхъ истинъ, сосредоточенныхъ на томъ, что даетъ реальное существованіе. Зачѣмъ заглядывать въ бездну, когда можно гулять по лугамъ? Прежній Метерлинкъ отвѣтилъ бы, что для искателя важна сущность истины, а не то, пріятна ли она, или нѣтъ. Прежній Метерлинкъ сказалъ бы, что въ душу человѣческую вложена жажда познавать свои отношенія къ вѣчному, мѣрить свое мимолетное жаждой абсолютнаго, и что въ этомъ—вся трагическая истина человѣческаго бытія, источникъ его пафоса и его красоты. Но доказывать это значило бы защищать Метерлинка противъ Метерлинка. Фактъ тотъ, что онъ измѣнился. Высота кругозора стѣснила ему дыханіе въ груди, и онъ сталъ благоразуменъ. Онъ спустился въ долину и сталъ срывать цвѣты на лугахъ, восхищаясь ими, даже преувеличенно восхищаясь, стараясь убѣдить себя, что и тутъ красиво. Можно гулять во всѣ стороны, и даже человѣческимъ глазомъ не видать конца дороги, воображеніемъ не предугадать, сколько еще новыхъ цвѣтовъ встрѣтится на пути. Зачѣмъ же смотрѣть съ высотъ въ бездны только во имя истины? Истина тѣла не согрѣетъ, а человѣку „пока“ нужно главнымъ образомъ позаботиться о своемъ все болѣе и болѣе требовательномъ тѣлѣ. Метерлинкъ сталъ благоразуменъ, пересталъ смотрѣть на человѣка въ связи съ вѣчностью и сталъ изучать и изображать его въ его чувствахъ и страстяхъ, въ его желаніяхъ и въ его, такъ сказать, домашнемъ хозяйствѣ на землѣ—въ умѣннхъ приумножить комфортъ и нарядность жизни. Такъ написаны были „Монна Ванна“, „Двойной садъ“, „Жизнь пчелъ“, а теперь появилась новая книга въ томъ же

родѣ „Разумъ цѣлѣтъ“. Много прекраснаго, поэтичнаго и глубокаго сказано во всѣхъ этихъ книгахъ Метерлинка, но все это онъ говорить, отвернувшись отъ бездны и глядя на равнины безъ перспективы. А это жаль. Много есть зоркихъ наблюдателей жизни, ея непросвѣтлости и ея непрозрачности. А Метерлинокъ былъ однимъ изъ немногихъ, видѣвшихъ грани и смотрѣвшихъ на жизнь въ перспективѣ вѣчныхъ цѣлей.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что съ Метерлинкомъ произошла полная метаморфоза, которая была бы, конечно, непонятной въ художникѣ съ такимъ сильнымъ складомъ души и ума. Нельзя сказать, какъ и нельзя было бы предположить, что онъ свернулъ на новый путь, забывъ о пройденныхъ дорогахъ, что онъ, выражаясь теоретически, былъ идеалистомъ и сдѣлался позитивистомъ. Нѣтъ, его чутье художника и мыслителя нашло мость отъ прежней мудрости къ теперешнему благоразумію, отъ схемъ вѣчности—къ теперешней философіи комфорта для души и тѣла. И вотъ какова построенная имъ лѣсенка для спуска внизъ. Въ томъ же „Погребенномъ храмѣ“ есть очеркъ подъ заглавіемъ „Эволюція тайны“. Въ немъ Метерлинокъ направляетъ человѣческую мысль и волю на расширеніе границъ познаваемаго и на отвоевываніе у тайны ея владѣній. Онъ доказываетъ, что многіе страхи порождены не соприкосновеніемъ съ вѣчнымъ непознаваемымъ, а ограниченностью человѣческихъ знаній, что жизнь свѣтлѣетъ, что у человѣка является больше увѣренности теперь, по мѣрѣ раскрытія новыхъ областей знанія, новыхъ средствъ для борьбы противъ стихійнаго зла. Но, доказываетъ Метерлинокъ, этимъ связь съ тайной міра ничуть не уничтожается, а напротивъ того, дѣлается еще болѣе глубокой и безусловной, такъ какъ отпадаютъ призрачные страхи передъ кажущейся тайной судебъ—тамъ, гдѣ вполнѣ властна воля человѣческая, если она направлена на доброе. Ростъ опытнаго знанія не уничтожаетъ таинственность жизни, а напротивъ того, расширяетъ мистическое чувство, увлекая его все дальше, къ новымъ тайнамъ, отраженнымъ въ живомъ мірѣ. И больше всего соблазняетъ Метерлинка въ опытномъ знаніи возможность подсмотрѣть творческую работу природы. Такимъ образомъ, Метерлинокъ ищетъ идеалистическихъ основаній для своего увлеченія практической мудростью. Онъ смѣло говоритъ, что намъ важнѣе проживаемый нами мигъ, чѣмъ непостижимая идея вѣчности, не доступная нашему личному сознанію,—но все же оправдываетъ смыслъ опытнаго знанія стремленіемъ углубить мистическое сознаніе.

Опытъ жизни, по его же словамъ, тогда становится плодотворенъ и глубоокъ, когда онъ не сосредоточенъ на непосредственно близкихъ цѣляхъ полезности, а когда онъ озаренъ свѣтомъ духовныхъ желаній.

Слѣдуя по этому пути, Метерлинкъ, однако, все болѣе и болѣе тяготеетъ къ матеріальному содержанію жизни и роковымъ образомъ утрачиваетъ чувство связанности момента жизни съ закономъ вѣчности, т.-е. то, что составляло силу его прежняго творчества. Идейно онъ всегда напоминаетъ объ этой связи, но психологически чувство это въ немъ слабѣетъ, и все, что онъ пишетъ въ послѣднее время, производитъ впечатлѣніе ограниченного позитивизма, упоенія матеріальной культурою и ея успѣхами, которые застилаютъ передъ его взоромъ далекія перспективы. Это ясно видно въ его книгѣ „Двойной садъ“, гдѣ онъ умиляется побѣдами человѣческаго разума, дѣлающаго жизнь болѣе легкой и пріятной. Это замѣтно и въ его „Жизни пчелъ“, очень романтической книги, хотя и съ претензіями на трезвую научность. Въ этой книгѣ онъ устанавливаетъ новое отвлеченное начало, которымъ онъ мѣритъ и судитъ явленія внѣшняго міра. Прежде для него все опредѣлялось таинственной силой, передъ которой ничто человѣческая воля, и атмосфера его произведеній была преисполнена мистическимъ ужасомъ. Теперь онъ увидѣлъ сознательную силу въ природѣ, доступную пониманію человѣческаго разума. Это—начало совершенствованія, неустаннаго творчества, которое онъ подмѣчаетъ въ природѣ, и въ которомъ онъ видитъ залогъ неустаннаго восхожденія и для человѣка. Онъ изучаетъ природу, читая въ ней вѣчные уроки для человѣческаго творчества. Ему уже не кажется, что человѣкъ противопоставленъ слѣпой силѣ, потому что нѣтъ слѣпой силы, а есть только творческая работа, въ которой можетъ соучаствовать и человѣкъ. Разница та, что разумъ человѣка—индивидуальный, а въ природѣ дѣйствуетъ коллективный „геній рода“, совершенствующій каждую породу въ жизни вселенной. То, что человѣкъ придумываетъ, создавая прикладныя науки, можно наблюдать уже въ устройствѣ общежитій у разныхъ породъ животнаго и растительнаго царства. И мало того, при изученіи природы открывается, такъ сказать, подготовительная работа генія рода, его эксперименты, иногда неудачные, и потому остающіеся въ зачаточномъ состояніи, или же, напротивъ того, оставленные, когда найдены болѣе цѣлесообразныя пути. Словомъ, природа учитъ человѣка творческой культурной работѣ и, раскрывая внимательному взору свои секреты, уничтожаетъ слѣпой страхъ, отодвигаетъ границы тайны и открываетъ человѣку путь къ радостному и свѣтлому бытію. На этихъ урокахъ познаваемой природы Метерлинкъ и сосредоточился, и они замѣняютъ ему прежнія исканія таинственныхъ и вѣчно сокрытыхъ цѣлей.

Въ этомъ духѣ написана была его „Жизнь пчелъ“. Теперь къ его книгамъ о мудрости природы присоединилась новая, недавно вышедшая—„Разумъ цвѣтовъ“. Она обладаетъ и всѣми качествами, и

всѣми недостатками его новой позитивной философіи, не отрывающейся отъ органическаго стремленія проникать за явленія, познать ихъ душу. Для Метерлинка „душа міра“—не слово, а нѣчто какъ бы осязаемое, для него несомнѣнное. Но пока онъ говорилъ о ней, раскрывая ее въ переживаніяхъ внутренняго сознанія человѣка, въ трагедіяхъ человѣческой судьбы, его прозрѣнія умножали мудрость жизни;—теперь, когда онъ тѣмъ же или почти тѣмъ же языкомъ говоритъ о научныхъ фактахъ біологіи, получается полный романтизмъ, которымъ заражена въ значительной степени и его новая книга. Въ ней онъ изучаетъ жизнь цвѣтовъ и принципы, отражающіеся въ кажущейся безсознательности растительнаго царства, и доказываетъ несомнѣнность сознанія или разума у растений. Для него разница между сознаніемъ растительнаго царства и человѣческимъ разумомъ только та, что у человѣка разумъ индивидуальный, а у растений онъ коллективный и принадлежитъ исключительно „генію рода“. Тѣмъ самымъ онъ болѣе точенъ и безусловенъ. Человѣкъ можетъ быть неразуменъ и дѣйствовать не цѣлесообразно, а каждый цвѣтокъ одинаково разуменъ, и все въ немъ строго подчиняется закону сохраненія и совершенствованія рода. При этомъ, однако, геній рода не абсолютенъ въ своемъ разумѣ, а также занятъ исканіями, какъ разумъ человѣческій. Самая постановка вопроса—въ сущности романтическая и неубѣдительная. И человѣкъ, какъ біологическая особь, тоже подчиняется генію рода, и его животныя функціи столь же цѣлесообразны, какъ восхищающа Метерлинка мудрость растений. Когда мы говоримъ о разумѣ, то, очевидно, понимаемъ подъ этимъ индивидуальное начало, дѣйствующее въ болѣе высокой области, чѣмъ біологическій инстинктъ сохраненія и совершенствованія породы. Строеніе человѣческаго тѣла и всѣ его функціи, не зависящія отъ сознанія, во всякомъ случаѣ, не менѣе мудры и прекрасны, чѣмъ строеніе цвѣтка и сложные способы его размноженія. И человѣкъ гордится—если онъ гордится и мнитъ себя царемъ природы—не бессознательнымъ разумомъ своего тѣла, а своимъ свободнымъ и активнымъ духомъ. Въ своемъ увлеченіи отрывшимися ему біологическими истинами въ жизни растений, Метерлинка дѣлаетъ именно эту уничтожающую всѣ его доводы ошибку. Онъ видитъ урокъ для человѣческаго разума въ ухищреніяхъ „генія рода“, управляющаго растительнымъ царствомъ. Онъ мѣритъ критеріемъ разума, т. е. тѣмъ, что отдѣляетъ человѣка отъ животнаго начала, именно животное начало другой породы, и въ результатѣ получается поэтический романъ о жизни цвѣтовъ, не убѣждающій, однако, человѣка въ томъ, что ему нечего гордиться своимъ индивидуальнымъ началомъ разума. Такой же романъ можно было бы создать, при талантѣ Метерлинка, объ инстинктахъ человѣческаго тѣла, мудрыхъ и цѣлесообразныхъ,

когда они предоставлены своему естественному ходу въ благоприятныхъ условіяхъ.

Но Метерлинковскій романъ о цвѣтахъ—очень интересный и поэтический. Такъ какъ онъ не можетъ отрѣшиться отъ постоянныхъ сопоставленій съ человѣческими понятіями, то получаются любопытныя противоположенія. Онъ одухотворяетъ слѣпыя силы растительнаго царства, и онѣ получаютъ человѣческій романтический интересъ. Вотъ, напримѣръ, первое различіе между человѣкомъ и цвѣткомъ, опредѣляющее разницу ихъ жизненнаго паѳоса: первая опора въ жизни человѣка—его связь съ роднымъ очагомъ, съ родной семьей, охраняющей его безпомощное дѣтство, дающей ему кровь и пищу прежде, чѣмъ онъ въ состояніи самостоятельно устроить свою жизнь. Для цвѣтка связь съ родной почвой—величайшее проклятіе. „Если трудно раскрыть“,—говоритъ Метерлинкъ, — „среди великихъ законовъ, которые тяготеютъ надъ нами, тотъ, который наибольшей тяжестью ложится на насъ, то для растенія сомнѣнія нѣтъ: это—законъ, обрекающій его на неподвижность отъ рожденія до смерти. Поэтому оно знаетъ, лучше чѣмъ мы, разсѣивающіе свои усилія,—противъ чего оно должно прежде всего возстать. Энергія жизненной силы, которая поднимается изъ мрака корней и распускается гордымъ цвѣткомъ на высотѣ—зрѣлище несравненное. Растеніе все сосредоточено на единой цѣли: избѣгнуть на высотѣ власти рокового закона корней, побѣдить тяжелый и мрачный законъ, освободиться, разбить узость отведенной ему жизненной сферы, создать себѣ крылья, побѣдить пространство, въ которомъ его замкнула судьба, приблизиться къ другому царству, проникнуть въ міръ, гдѣ все живетъ и движется“. Это, конечно, очень красивое объясненіе жизни цвѣтка, разсѣивающаго по воздуху—путемъ различныхъ приспособленій—свою оплодотворяющую цвѣточную пыль; но такое толкованіе паѳоса растительной жизни—чисто человѣческое. Если судить о цвѣткѣ съ точки зрѣнія человѣческой потребности движенія, то, конечно, судьба его трагична. Но Метерлинкъ, осуждающій человѣческій разумъ за его гордость, самъ подпадаетъ подъ свое осужденіе, и вся его исторія жизни цвѣтка—очеловѣченная до послѣднихъ предѣловъ, и тѣмъ самымъ романтическая, при всѣхъ его притязаніяхъ на научность.

Весь очеркъ о „Разумѣ цвѣтовъ“ посвященъ способамъ размноженія у растений, поражающимъ Метерлинка своей сложностью и мудростью. Онъ рассказываетъ множество интересныхъ и живописныхъ подробностей о томъ, какъ цвѣты привлекаютъ насѣкомыхъ, служащихъ какъ бы посредниками ихъ браковъ,—о роли нектара, изготовляемаго для привлеченія насѣкомыхъ, о мудромъ расположеніи составныхъ частей цвѣтка, благодаря которому насѣкомое должно уно-

сить съ собой пыль и вносить ее въ чашечки другихъ цвѣтовъ. Все это онъ описываетъ очень образно и красиво, и во всемъ усматриваетъ мудрость природы, умножающей способы для достиженія своей цѣли. Въ особенности его увлекаютъ орхидеи необыкновенной сложностью способовъ воспроизведенія.

И все это, конечно, интересуетъ его во имя выводовъ, которые онъ дѣлаетъ. Ему важно постигнуть природу въ ея организаторской работѣ, увидѣть, какъ она пробуетъ разные способы, и понять такимъ образомъ, что человѣка окружаетъ не слѣпая сила, а живой разумъ, котораго ему нечего страшиться, что есть душа міра, живущая тѣми же законами, какъ и мы, и что человѣку слѣдуетъ поучаться на этомъ примѣрѣ и также бороться противъ стихійнаго зла, не гордиться своей обособленностью, а соучаствовать въ разумѣ міра. Выводы этой примирительной философіи очень поучительны, но, повторяемъ, неубѣдительны, потому что въ нихъ происходитъ смѣшеніе разума биологическаго, связаннаго съ гениемъ рода и общаго у человѣка со всей природой, — съ духомъ, устремленнымъ на то, чтобы разбить предѣлы животной и растительной скованности, и создавать новые міры, новыя духовныя цѣнности, которымъ нѣтъ примѣра ни въ бракѣ растений, ни въ трудолюбіи пчелъ, — и которыя такъ мудро раскрывалъ Метерлинкъ, когда вводилъ насъ въ „Погребенный храмъ“ души, когда соединялъ бытіе человѣка съ міромъ неосуществимаго въ своихъ символическихъ драмахъ.

Но Метерлинкъ не унываетъ въ своемъ желаніи раскрыть душу міра въ осязаемыхъ явленіяхъ и говорить о духовности природы. Въ книжкѣ его есть красивый очеркъ о запахахъ цвѣтовъ. Запахъ — нѣчто необъяснимое съ точки зрѣнія полезности, а между тѣмъ онъ составляетъ источникъ величайшихъ наслажденій. Чувство обонянія — единственная роскошь, данная намъ природой, — говоритъ онъ, — и тутъ онъ видитъ новую область неизвѣданнаго и направляетъ на нее свой пытливый умъ. Рѣшать онъ ничего не хочетъ, такъ какъ въ своемъ увлеченіи позитивизмомъ боится опять войти въ область таинственнаго. Но онъ рассказываетъ о томъ, какъ извлекаются запахи изъ цвѣтовъ, описываетъ различные способы фабрикацій духовъ на югѣ Франціи, и опять превращаетъ свой якобы научный очеркъ въ поэтическую сказку о томъ, какъ цвѣты сопротивляются усиліямъ человѣка извлечь изъ нихъ душу, такъ какъ запахъ — душа цвѣтка.

Кромѣ нѣсколькихъ другихъ очерковъ, въ книгѣ наиболѣе интересны два послѣднихъ: одинъ о нашемъ социальномъ долгѣ, — и его Метерлинкъ сводитъ къ обогащенію жизни новыми смѣлыми исканіями во имя будущихъ завоеваній опытнаго знанія. А въ послѣдней главѣ — „Безсмертіе“ — Метерлинкъ старается сочетать свой новый пози-

тивизмъ, признающій мѣрой всего. человѣческое сознаніе, которому ни тепло, ни холодно отъ признанія будущей жизни, чуждой всему, что составляетъ его теперешнее, живое „я“, — съ идеалистическимъ влеченіемъ къ невѣдомому, опредѣлить которое нельзя, не отрѣшившись отъ противоположнаго ему опытнаго знанія. Эта глава производитъ странное, двойственное впечатлѣніе именно своимъ на-мѣреннымъ оптимизмомъ, проповѣдью безперспективной жизни—проповѣдью, которой противорѣчитъ все оригинальное и свѣтлое въ самомъ Метерлинкѣ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1907.

Два мѣсяца подъ угрозой „разгона“. — Условія работы Думы. — Сужденія по законопроектѣ о контингентѣ новобранцевъ. — Инцидентъ, вызванный г. Зурабовымъ. — Положеніе предсѣдателя Думы. — Два слова о средней школѣ. — Новый приказъ генерала Думбадзе. — В. Ю. Скалонъ †.

„Нельзя работать спокойно,—говорилъ въ Думѣ 27-го марта, заканчивая рѣчь по поводу бюджета, представитель Петербурга, М. П. Оедоровъ,—когда вокругъ раздаются позорные клики о „разгонѣ“. Нельзя работать тогда, когда оскорбительное слово „разгонъ Думы“ сдѣлалось уже предметомъ повседневныхъ разговоровъ. Это слово стало обычнымъ въ нашемъ обиходѣ. Это оскорбленіе, наносимое народу и его представителямъ, раздается, какъ самое обыкновенное, заурядное слово. Нужно выбросить изъ народнаго лексикона, изъ народнаго клича, „разгонъ Думы“... „Эти вѣчные крики о разгонѣ Думы, вызываемые, можетъ быть, тѣмъ, что нервы министровъ не выдерживаютъ раздающихся здѣсь криковъ боли, или тѣмъ, что нѣкоторые партіи рассчитываютъ вернуться такимъ путемъ къ старому порядку,—эти позорныя слова должны быть выброшены изъ нашего обычнаго обиходнаго разговора“...

Глубоко вѣрныя мысли! И однако толки и крики о „разгонѣ“ ни въ первую, ни во вторую половины протекшихъ двухъ мѣсяцевъ ни на минуту не прекращались, и подъ гулъ ихъ члены Думы прервали свои занятія на пасхальные дни. Въ разговорахъ между собой рѣшительно обо всемъ—о предположеніяхъ касательно послѣдовательности разсмотрѣнія законопроектвъ, о назначеніи дней засѣданій комиссій, объ установленіи порядка обсужденія дѣлъ, объ отъѣздѣ или пріѣздѣ—члены Думы всегда неизмѣнно вставляли оговорку: „если до тѣхъ поръ насъ не разгонятъ“. Когда однажды собрались предсѣдатели комиссій для распредѣленія помѣщеній и составленія росписанія занятій, и одинъ изъ нихъ предложилъ сдѣлать распредѣленіе и составить росписаніе на двѣ недѣли, то такое „далекое“ загадываніе впередъ вызвало у присутствовавшихъ горькую усмѣшку, и смѣлый мечтатель сразу умолкъ. Въ стѣны Таврическаго дворца толки о разгонѣ приходили преимущественно извнѣ. Г. Пуришкевичъ раза два вызвалъ къ разгону съ думской каедръ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи онъ оставался одинокимъ. Ихъ

приносили газеты, русскія и иностранныя, письма изъ глухихъ деревень, полуслова и полунамеки „Россіи“ и „Освѣдомительнаго бюро“ и безчисленное множество мелочныхъ фактовъ, въ своей совокупности ярко показывавшихъ, что имущіе власть распустить Думу смотреть на нее только какъ на терпимое зло.

Но работать приходилось — и Дума работала, причѣмъ отсутствіе спокойствія и спокойной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, само собою разумѣется, не могло не класть своей печати. Дума торопилась — въ этомъ едва-ли не основная черта ея дѣятельности за первые два мѣсяца. Первая Дума тоже торопилась, но въ другомъ отношеніи и въ другомъ направленіи. Она торопилась разорвать съ прошлымъ и съ его реальнымъ выраженіемъ — съ министерствомъ И. Л. Горемыкина — и низвергнуть прошлое въ лицѣ министерства. Проникнутая вѣрою въ наступившее уже идейное торжество новыхъ началъ, она торопилась реализовать манифестъ 17-го октября, провѣшнить новый путь и сразу поставить на него жизнь государства. Вторая Дума торопилась сдѣлать хоть что-нибудь — хотя бы въ области удовлетворенія частичныхъ потребностей. Но въ этой области непочатой край того, что настойчиво требуетъ немедленнаго удовлетворенія. Естественно, что разъ она подѣ этимъ угломъ зрѣнія взглянула на свои задачи, то при отсутствіи возможности рассчитывать время болѣе, чѣмъ со дня на день, вторая Дума лишила свои занятія планомѣрной послѣдовательности. Могла ли она, однако, взглянуть иначе? Когда, по мѣткому рисунку сатирической каррикатуры, надъ куполомъ Таврическаго дворца висѣлъ на тонкой ниткѣ и день, и ночь, острый мечъ, готовый каждую секунду сорваться, можно ли было думать о планомѣрной, послѣдовательной работѣ? Мечъ разгона создалъ стремленіе хоть что-нибудь урвать для блага народа... Пятистамъ членамъ Думы, безконечно различнымъ по воззрѣніямъ и идеаламъ, къ тому же сгруппировавшимся по разнымъ объединяющимъ признакамъ — политическимъ, социальнымъ, національнымъ или территориальнымъ — благо народа не могло представляться въ одной обрисовкѣ. Тѣмъ менѣе могло быть среди нихъ согласія относительно сравнительной настоятельности того или другого мѣропріятія или средства устраненія зла и приближенія къ благу — при условіи, что данное мѣропріятіе возможно провести сегодня и едва-ли возможно будетъ — завтра, и что также только сегодня возможно примѣнить данное средство. Для однихъ такое мѣропріятіе — новый законъ и такое средство — дѣловое обсужденіе проекта. Для другихъ — запросъ и агитационныя пренія. Для третьихъ — изложеніе съ каеэдри партійнаго вѣроученія.

Изъ торопливости думской работы вытекала ея неустраняемая спутница — безпорядочность, въ смыслѣ нагроможденія предложеній, неиз-

бѣжно оставшихся безъ оконченнаго обсужденія и рѣшенія, далѣе—повышенная нервность и страстность во взаимныхъ отношеніяхъ партій и лихорадочная напряженность занятій. Думу упрекаютъ за то, что она въ послѣдній день передъ пасхальнымъ перерывомъ, 17-го апрѣля, рассмотрѣла и приняла два законопроекта, обсужденіе которыхъ не было поставлено на повѣстку: объ ассигнованіи 6 милліоновъ рублей на благотворительную помощь голодающимъ и объ отміну военнопольныхъ судовъ. Конечно, этимъ была допущена формальная неправильность, и этимъ былъ созданъ опасный и нежелательный парламентскій прецедентъ. Но конечно также, что эта неправильность не имѣла бы мѣста, еслибы не мечъ разгона. Какъ сообщалось въ газетахъ, въ бесѣдѣ, которая происходила 17-го апрѣля вечеромъ между Ѳ. А. Головинымъ и П. А. Столыпинымъ, премьеръ-министръ говорилъ, что „голосованіе Государственной Думы и принятіе ею законопроекта объ отміну военнопольныхъ судовъ при отсутствіи министровъ создаетъ поводъ для недоразумѣній“. Но развѣ не самъ г. Столыпинъ въ этомъ голосованіи болѣе, чѣмъ кто-либо, виноватъ? 17-го апрѣля въ Думу демонстративно не явился ни одинъ министръ. Наканунѣ вечеромъ изъ засѣданія бюджетной коммисіи внезапно и безъ всякаго повода, послѣ переговоровъ съ кѣмъ-то по телефону, удалились представители двухъ министерствъ. Наконецъ, несмотря на принятіе Думой законопроекта о контингентѣ новобранцевъ, г. Столыпинъ сообщил по телефону секретарю Думы, М. В. Челнокову, что правительство не считаетъ себя удовлетвореннымъ и инцидентъ съ г. Зубаровымъ поконченнымъ. При такихъ условіяхъ, могли ли, въ глазахъ большинства членовъ Думы, формальныя соображенія правильности веденія дѣлъ взять верхъ надъ тѣмъ, чтобы, пока возможно, сказать предрѣшенные слова: „военно-полевые суды отминыются“—и тѣмъ прекратить ихъ существованіе? Судя по тѣмъ же газетнымъ сообщеніямъ, П. А. Столыпинъ, на слова Ѳ. А. Головина: „Дума спѣшила рѣшить вопросъ о военнопольныхъ судахъ изъ-за тяжелыхъ слуховъ о роспускѣ“,—возразилъ, что никто не имѣлъ основанія сомнѣваться въ томъ, что законопроектъ о сохраненіи этихъ судовъ имъ внесенъ не будетъ, т.-е. что они 20-го апрѣля умрутъ своей смертью. Дума не вотировала министерству П. А. Столыпина недовѣрія. Но чтобы не сомнѣваться, нужно больше—нужно было имѣть довѣріе къ министерству. А какія основанія для того представило въ теченіе двухъ мѣсяцевъ министерство Государственной Думы? Ужъ не окрикъ ли: „не запугаете!“—долженъ былъ вселить довѣріе въ сердца народныхъ представителей? Или, быть можетъ, придиричивыя препирательства изъ-за экспертовъ? Или соглядатайство за членами Думы внутри Таврическаго дворца черезъ посредство жандармской охраны?..

Кромѣ торопливости подъ вѣчной угрозой роспуска, лихорадочное настроеніе вносило въ Думу и многое другое. Во-первыхъ, Думу въ высокой степени нервировали своимъ поведеніемъ и ежедневными выступленіями непримиримые: съ одного фланга—крайніе правые, съ другого—соціалъ-демократы. Первые — крикливо-безсодержательными рѣчами и репликами съ мѣсть, всегда отдававшими не то кивкомъ, не то доносомъ. Вторые — сектантски-упорнымъ нежеланіемъ видѣть и понимать дѣйствительность изъ-за своего партійнаго катехизиса. Во-вторыхъ—совершенно непосильная работа въ коммиссіяхъ, выпавшая на долю трехъ или четырехъ десятковъ подготовленныхъ къ дѣловой работѣ членовъ Думы. Непосильная работа вызывала утомленіе, а утомленіе—нервную возбужденность и у тѣхъ немногихъ, которые силою вещей поставлены были въ необходимость быть вѣчно на-сторожѣ, чтобы умѣрять экспансивность массъ, въ то же время тщательно скрывая свою руководящую роль. Мы не скоро поставили бы точку, еслибы задались истерпывающимъ перечнемъ всего, что было нервнующаго, ненормальнаго и тяжелаго въ условіяхъ двухмѣсячной дѣятельности Думы...

Какъ-то невольно, само собою, то, что мы написали, вылилось у насъ въ прошломъ времени. Вышла какъ будто отходная второй Государственной Думѣ. Неужели послѣ Пасхи ей не суждено будетъ возобновить свои занятія? Дай Богъ, чтобы этого не случилось! Неужели опять начнется кошмаръ междудумья?.. Дума необходима странѣ—необходима фактически и, что еще важнѣе, необходима психологически. Идея представительства еще жива въ народѣ. Благодаря роспуску первой Думы и всему послѣдовавшему, народъ извѣрился въ ея всемогущество. Но другого прибѣжища для мятущейся мысли у него нѣтъ. И онъ кричитъ своимъ представителямъ: „берегите Думу!“ Это—лозунгъ минуты. Кто наблюдаетъ жизнь въ петербургскихъ гостиницахъ или въ ресторанахъ, или на дворянскихъ сѣздахъ, или въ чайныхъ „союза русскаго народа“, тѣмъ явственнѣе слышится другой лозунгъ: „разгоните Думу!“ Но развѣ здѣсь находятъ свое дѣйствительное и вѣрное отраженіе жизнь, нужда, горе и желанія сто-тридцатимилліоннаго населенія?!

„Разогнать Думу“!.. А дальше что? Ужели можно на минуту сомнѣваться въ томъ, что Дума сословная, избранная по измѣненному, вопреки основнымъ законамъ, избирательному закону, не подмѣнить въ народномъ сознаніи идеи представительства? И кто будутъ представителями народа въ такой Думѣ? Неужели гг. Пуришкевичи, Крушеваны, Келеповскіе, Крупенскіе, Бобринскіе—не являютъ достаточныхъ доказательствъ, что и отъ гг. Дубровинныхъ, Булацелей, Дорреровъ нельзя ждать ни знаній, ни таланта, ни способностей для безконечно

трудной задачи побѣдить революцію эволюціей?.. Съ другой стороны, Дума - ширя, Дума - декорация, Дума - украшеніе — кому и зачѣмъ такая Дума нужна? Стыдно думать объ иностранныхъ банкирахъ, да ихъ и не обманеть Дума-декорация!.. Наконецъ, можно ли безнаказанно производить такіе эксперименты надъ народной мыслью, какъ рекомендуемое реакціонерами измѣненіе избирательнаго закона? Реально—государственное общеніе живетъ и держится правомъ съ его опорой на силѣ. Но идейно—оно живетъ и держится внутренней правдой, для которой совѣсть неизмѣримо выше силы. Отказаться отъ возвѣщеннаго или отнять дарованное—фактически всегда возможно. И подчинить себѣ, съ помощью милліона штыковъ, дѣйствія людей—тоже. Подчинить же штыками мысль и направить ее въ другое русло—никогда. Найти въ оправданіе подходящія красивыя слова нетрудно. Неизмѣримо труднѣе найти слова, которыя не только бы прозвучали, но проникли въ душу и мысль народа. Для этого они въ народной душѣ и въ народной мысли должны имѣть готовую почву для воспріятія. Чтò же, въ современномъ настроеніи народа готова почва для признанія, что лучшее для него представительство — дворянско-сословная Дума?!

„Берегите Думу“—говорили избиратели, посылая своихъ избранниковъ въ Петербургъ. „Берегите Думу“—не переставали все время затѣмъ писать крестьяне и въ письмахъ, и въ приговорахъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. И члены Думы въ лицѣ большинства вѣрно исполняли этотъ завѣтъ. Но чтобы его исполнить, имъ приходилось поступаться немалымъ. Поступались ли они достоинствомъ высшаго законодательнаго учрежденія страны? Лѣвая печать засыпала Думу градомъ упрековъ по поводу уступчивости наличнаго большинства Думы въ послѣднемъ конфликтѣ съ правительствомъ, вслѣдствіе словъ г. Зурабова, сказанныхъ 16 апрѣля. Въ частности, лѣвая печать засыпала упреками предсѣдателя Думы, Ѳ. А. Головина, за то, что, подъ давленіемъ угрозы роспуска, онъ лишилъ г. Зурабова права слова, сдѣлалъ ему замѣчаніе и потомъ былъ съ визитомъ у предсѣдателя совѣта министровъ и у военнаго министра, г. Редигера. Во-первыхъ, мы совершенно не понимаемъ, въ чемъ состояла и выразилась уступчивость со стороны большинства Думы, когда оно, по предложенію предсѣдателя, одобрило примѣненныя къ г. Зурабову мѣры цензуры. Мы полагаемъ, что и независимо отъ позиціи, которую заняло въ конфликтѣ министерство, большинство Думы голосовало бы такъ же точно. А во-вторыхъ, мы отнюдь не видимъ въ дѣйствіяхъ Ѳ. А. Головина чего-либо нарушающаго достоинство Думы. Правда, рептиліи поспѣшили всему эпизоду придать характеръ побѣды министерства, заставившаго Думу и ея предсѣдателя сдѣлать то, чтò было отъ нихъ

потребовано. Но на то онѣ и рептиліи, чтобы извращать факты или представлять въ своеобразномъ освѣщеніи. „Освѣдомительное бюро“ сначала умолчало о томъ, что гг. Редигеръ и Столыпинъ на актѣ вѣжливости г. Головина отвѣтили такой же вѣжливостью—отдали визиты. А когда „Рѣчь“ это отмѣтила, оно въ слѣдующихъ словахъ описало отвѣтный визитъ П. А. Столыпина Ѳ. А. Головину: „ему была отослана визитная карточка“. Если это вѣрно, если не нездоровье и не опасеніе покушенія на свою жизнь помѣшали П. А. Столыпину быть лично у г. Головина, то неужели эта невѣжливость роняетъ достоинство не того, кто ее сдѣлалъ, а того, кому она была сдѣлана? Намъ кажется, что какъ въ данномъ случаѣ, такъ и въ другихъ, народные представители не переходили еще черты, за которой во имя лозунга „беречь Думу“ начинается область дѣйствій, ведущихъ къ разрушенію ея внутренняго смысла при сохраненіи и даже утвержденіи виѣшняго облика. За эту черту ихъ толкають, толкають неустанно...

Нервное напряженіе Думы дошло до крайней степени 16 и 17-го апрѣля при обсужденіи законопроекта о контингентѣ новобранцевъ. Обсужденіе происходило въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Несмотря на это, почти все существенное уже проникло въ печать. Но проникло въ неизбѣжно неточномъ изложеніи и успѣло обрости легендами.

На основаніи 9-ой статьи устава о воинской повинности, „число людей, потребное для пополненія арміи и флота, опредѣляется ежегодно законодательнымъ порядкомъ“. 119-я же статья основныхъ законовъ гласитъ: „Если по заблаговременномъ внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребномъ для пополненія арміи и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ къ 1-му мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году“. Что разумѣютъ основные законы подъ словомъ „заблаговременно“, ближайшимъ образомъ не опредѣлено, и растолковано было министерствомъ это понятіе весьма условно. Законопроектъ поступилъ въ Думу 10 апрѣля, т.-е. тогда, когда до пасхальнаго перерыва оставалось всего семь присутственныхъ дней, въ теченіе которыхъ законопроектъ долженъ былъ пройти не только черезъ Думу, но и черезъ Государственный Совѣтъ.

При такихъ условіяхъ Думѣ предстояло экстренно изучить технически совершенно незнакомый почти всѣмъ ея членамъ вопросъ и въ кратчайшій срокъ принять чрезвычайно отвѣтственное рѣшеніе. Истинное назначеніе войска за послѣдніе два года затмилось и

сознаніи широкихъ слоевъ русскаго общества -- это фактъ безспорный. И затѣмилось не безъ основанія. Правительство, пользуясь своимъ несомнѣннымъ правомъ прибѣгать къ войску, какъ къ силѣ, для подавленія насильственныхъ революціонныхъ дѣйствій, сплошь этимъ правомъ злоупотребляло. На войско возлагались и продолжаютъ возлагаться карательныя функціи и обязанности по охранѣ частныхъ имущественныхъ интересовъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ. Словомъ, какъ будто нарочно, дѣлалось и дѣлается все, чтобы вселить въ сознаніе населенія одинъ изъ тезисовъ социаль-демократическаго катехизиса: въ современномъ классовомъ государствѣ войско существуетъ для подавленія труда въ его экономической борьбѣ съ капиталомъ и вообще для „внутренняго“, а не для „внѣшняго“ врага. Съ другой стороны, общественная мысль, всколыхнувшаяся въ значительной мѣрѣ вслѣдствіе неудачной войны, естественно остановилась на недостаткахъ нашей военной организаціи и естественно же, подъ влияніемъ революціоннаго настроенія, дошла до признанія, что въ боевомъ отношеніи эта организація состоитъ изъ однихъ недостатковъ. Далѣе, захватившіе общество идеалы свободы, права и равенства не могли не выдвинуть во всей ихъ ненормальности такіе институты, какъ денщицѣй, госпитальныхъ или интендантскихъ служителей и т. п. Въ глазахъ наиболѣе экспансивныхъ людей десятки тысячъ денщиковъ заслонили собой сотни тысячъ строевыхъ бойцовъ, обнаруженные войною недостатки организаціи арміи—ея необходимость, карательныя экспедиціи — боевыя задачи при столкновеніи съ внѣшнимъ врагомъ, защита частныхъ имущественныхъ интересовъ — защиту интересовъ, чести, достоинства и цѣлости государства.

Экспансивно-одностороннихъ людей въ Думѣ—пропорціонально—не меньше, а скорѣе даже больше, чѣмъ въ населеніи. Поэтому нельзя было и ожидать, что законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ не встрѣтитъ самыхъ энергичныхъ принципиальныхъ возраженій. Къ тому же на отказъ принять законопроектъ наталкивалъ самъ законъ. Онъ ясно говорилъ, что отказъ будетъ только демонстраціей, ибо новобранцы, все-таки, будутъ взяты. 119-я статья, обращаая въ данномъ вопросѣ рѣшающій голосъ Думы въ совѣщательный, даетъ такой удобный для людей слабой воли выходъ: умыть руки. „Ни одного солдата!“—аффектно прокричали крайнія лѣвыя газеты еще до того, какъ законопроектъ вышелъ изъ комиссіи. „Какъ поступить—писала въ своемъ первомъ номерѣ „Земля и Право“—та партія, которая главную задачу выборовъ въ нынѣшнюю Думу видѣла въ необходимости отвѣтить на роспускъ (первой) Думы возстановленіемъ стараго думскаго большинства, возвращеніемъ на старыя позиціи? Вѣдь старые депутаты, переѣхавъ изъ Петербурга въ Выборгъ, обратились къ

народу съ воззваніемъ: „не дайте правительству, — писали они, — ни солдатъ, ни денегъ!.. Ни копѣйки въ казну, ни одного солдата въ армію!“ „Новое Время“ подхватило ссылку на Выборгское воззваніе и оповѣстило своихъ читателей, что кадетамъ предстоитъ „экзаменъ“, изъ котораго имъ не вывернуться, такъ какъ тутъ „гельсингфорскій вывертъ“ не поможетъ.

Партія народной свободы оказалась, однако, на высотѣ пониманія государственныхъ задачъ и на высотѣ способности отрѣшиться отъ того ненормальнаго, чтò заслоняетъ необходимое. Въ № 89 „Рѣчи“ отвѣчалъ налѣво и направо И. И. Петрункевичъ: „Государственная Дума не можетъ отказать правительству ни въ бюджетѣ, ни въ войскѣ, потому только, что оно не пользуется ея довѣріемъ, такъ какъ въ денежныхъ средствахъ и въ существованіи арміи заинтересовано не только правительство, но и государство. Поступая иначе, Дума сама вступила бы въ коллизію со своими конституціонными обязанностями и развязала бы руки правительству. Партія народной свободы не можетъ поэтому слѣдовать по пути, на который ее приглашаютъ крайніе лѣвые и, мы не сомнѣваемся, изберетъ правильный конституціонный путь исключенія изъ бюджета непроизводительныхъ и излишнихъ расходовъ и уменьшенія контингента рекрутъ до предѣловъ безусловной необходимости. Такимъ образомъ, вотируя въ понедѣльникъ за законъ, партія народной свободы обнаружитъ твердость въ своихъ конституціонныхъ принципахъ и поддержитъ значеніе Государственной Думы, съ существованіемъ которой неразрывно связано закономѣрное управленіе страной. Мы будемъ глубоко сожалѣть, если голосованіемъ 16 апрѣля законъ о рекрутскомъ контингентѣ будетъ отвергнутъ, такъ какъ увѣрены, что это будетъ ударъ, который Дума нанесетъ самой себѣ“. Также на высотѣ положенія оказалось „польское коло“. Представитель его, г. Коницъ, въ рѣчи, сказанной 16 апрѣля, объявилъ, что поляки борются и будутъ бороться съ правительствомъ, но не съ русскимъ народомъ и не съ русскимъ государствомъ. Армія нужна народу и государству—и потому поляки подали голоса за законопроектъ.

Въ сущности поляки и рѣшили вопросъ. Кадеты, при окончательномъ голосованіи, имѣли на своей сторонѣ мусульманскую и казачью фракціи, а противъ — всѣ социалистическія и почти всѣхъ трудовиковъ. Еслибы поляки не присоединили своихъ голосовъ или просто воздержались отъ голосованія, то законопроектъ былъ бы отвергнутъ. Гдѣ же были слишкомъ сто представителей правыхъ группъ?.. Ихъ не было въ Думѣ... 16-го апрѣля на правыхъ скамьяхъ сидѣло человѣкъ тридцать, а 17-го—не болѣе двадцати. И они отсутствовали не намѣренно, не съ цѣлью провалить законопроектъ и тѣмъ добиться роспуска Думы. Нѣтъ! Они просто разѣхались по домамъ въ виду

предстоявшихъ праздниковъ. Ораторовъ, которые своей защитой законопроекта были всего опаснѣе для его судьбы,—они оставили. По счастью, своевременное прекращеніе преній лишило многихъ изъ нихъ слова—говорили только гг. Рейнъ и Лашкаревъ: первый—насчетъ коварства уклоняющихся отъ военной службы евреевъ, второй—что-то очень „черносотенное“, но чего никто не слыжалъ, а вслушивавшіеся не могли разобрать. Но голоса, казалось бы въ самый важный съ точки зрѣнія правыхъ моментъ, они увезли на отдыхъ... „Правые“ въ Государственной Думѣ оказались такими же, какими привыкла ихъ знати Россія въ земствѣ и въ городскихъ думахъ. Кричатъ противъ преній по общимъ вопросамъ и призывать къ дѣловой работѣ—они первые. А работать или хотя бы отложить на два дня отдыхъ для отвѣтственнаго голосованія—это выше ихъ силъ. А еще они же говорятъ о десятирублевыхъ суточныхъ и упрекаютъ членовъ Думы, получающихъ деньги изъ кошелька голоднаго народа!..

Комmissія, которой Дума поручила дать заключеніе по законопроекту, представила 16 апрѣля подробный мотивированный докладъ. Близжайшее ознакомленіе съ предметомъ убѣдило комиссію въ томъ, что могутъ быть только два исхода: принять, исчисленный военнымъ министерствомъ размѣръ контингента на 1907 г. или цѣликомъ отвергнуть. Уменьшеніе размѣра контингента, при данныхъ срокахъ службы, возможно исключительно за счетъ уменьшенія штатнаго состава арміи. А такъ какъ штатный составъ есть простой ариѳметическій итогъ длиннаго ряда слагаемыхъ—полковъ, батарей, командъ и т. п.,—изъ которыхъ каждое существуетъ на основаніи закона и иначе, какъ особымъ закономъ, не можетъ быть измѣнено, то, слѣдовательно, никакое сокращеніе контингента въ теченіе нѣсколькихъ дней невозможно. Взять хотя бы для примѣра денщиковъ. Не имѣя абсолютно никакого боевого значенія, денщики въ мирное время, конечно, могутъ быть упразднены однимъ росчеркомъ пера, безъ всякой опасности за ослабленіе боевой готовности арміи. Но вмѣсто даровой прислуги необходимо дать тѣмъ, кому она полагается, деньги, ибо оклады офицерскаго жалованья—далеко не щедрые—разсчитаны при условіи права офицеровъ имѣть даровую казенную прислугу. И деньги не малы: по самому скромному разсчету до 6 милліоновъ рублей въ годъ. Для новаго же денежнаго расхода нуженъ не только законъ, прошедшій черезъ двѣ инстанціи, нужно еще изыскать источники и ввести ассигнованіе въ роспись, т. е. нужно то, что можетъ быть сдѣлано ко времени опредѣленія количества новобранцевъ на слѣдующій годъ, но отнюдь не на текущій. Въ виду этого комиссія рѣшила предложить Думѣ изложить всѣ реформы, направленныя къ облегченію тягости для населенія натурального отправленія воинской повинности,

признаваемые Думою необходимыми и возможными, въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, съ указаніемъ въ ней на желательность проведенія реформъ законодательнымъ порядкомъ ко времени исчисленія величины контингента новобранцевъ въ призывъ 1908 г. По отношенію же къ призыву 1907 г. коммиссія предложила принять законопроектъ, такъ какъ наличная потребность государственной обороны, во всякомъ случаѣ, должна быть удовлетворена. Два члена коммиссіи остались при особомъ мнѣніи, заявивъ, что они не могутъ взять на себя отвѣтственности передъ своей совѣстью и народомъ предоставить въ распоряженіе правительства новобранцевъ, которые въ недалекомъ времени могутъ быть обращены противъ этого же самаго народа, — и потому предложили законопроектъ отвергнуть.

Пренія открылъ докладчикъ. Затѣмъ говорилъ военный министръ, затѣмъ — одинъ изъ двухъ членовъ коммиссіи, оставшихся при особомъ мнѣніи, затѣмъ стали выступать представители партій. Температура въ залѣ замѣтно поднялась во время рѣчи военного министра. По содержанію, его рѣчь не заключала въ себѣ рѣшительно ничего рѣзко-отличнаго отъ заключеній коммиссіи. Вотъ сущность ея въ довольно точной передачѣ „Новаго Времени“ (№ 11170): „А. Ф. Редигеръ указалъ, что военнымъ министерствомъ уже проектированы и частью постепенно проводятся въ жизнь тѣ мѣропріятія, на которыя указывалъ докладчикъ, какъ, напримѣръ, освобожденіе войскъ отъ исполненія хозяйственныхъ работъ, уменьшеніе числа нижнихъ чиновъ, назначаемыхъ прислугою, измѣненіе системы разверстки контингента новобранцевъ. Всѣ эти мѣропріятія имѣютъ цѣлью уменьшеніе состава арміи мирнаго времени широкимъ развитіемъ реформъ въ военномъ вѣдомствѣ, имѣющихъ быть проведенными законнымъ порядкомъ. Въ заключеніе своей рѣчи военный министръ сказалъ, что сейчасъ же, вдругъ, уничтожить кадры военной прислуги нельзя“. Но нѣкоторыя свои совѣты не рѣзкія мысли и не рѣзкія слова А. Ф. Редигеръ для чего-то счелъ нужнымъ облечь въ форму рѣзкихъ командныхъ окриковъ, что раза два вызывало грубыя реплики съ лѣвыхъ скамей: „вы не въ казармахъ!“ Поднявшаяся было температура, впрочемъ, скоро опустилась. Рѣшенія, принятія на партійныхъ собраніяхъ, уже были извѣстны, и потому ораторы говорили сравнительно вяло, напередъ зная, что переубѣдить противниковъ имъ не удастся, а слушающіе члены Думы гораздо болѣе интересовались подсчетомъ наличныхъ партійныхъ силъ, нежели тѣмъ, что раздавалось съ кафедръ.

Настроеніе круто повернулось уже къ вечеру, во время рѣчи г. Зурабова. Съ жаромъ правовѣрнаго фанатика-сектанта, г. Зурабовъ подошелъ къ вопросу съ точки зрѣнія незыблемыхъ истинъ социаль

демократической программы. Сначала изъ его устъ утомительно долго неслись прискучившія слова: „классовое государство“, „буржуазный строй“, „пролетаріатъ“, „товарищи-рабочіе и товарищи-крестьяне“, „самодержавное правительство“, „классовая борьба“ и т. д. Затѣмъ онъ привелъ столь же ходячія, сколь и неосновательныя, сужденія о преимуществахъ милиціонной военной системы, приче́мъ съ авторитетомъ отставного поручика объявилъ, что всѣ военные спеціалисты признають эти преимущества, предусмотрительно, впрочемъ, не сославшись на источникъ своего болѣе, чѣмъ смѣлаго, утвержденія. Потомъ произнесъ оскорбительную для арміи фразу, которая обошла всѣ газеты. Справа раздались крики, стукъ о столы и шумъ. То же раздалось слѣва. Произошелъ инцидентъ, описывать всѣмъ извѣстныя подробности котораго не стоитъ. Послѣ перерыва обсужденіе законопроекта не продолжалось. На слѣдующій день три-четверти времени заняли безконечно длинныя рѣчи двухъ социал-демократовъ: гг. Кириенко и Алексинскаго. Ничего новаго они не сказали, кромѣ того, что во всей Европѣ социал-демократы всегда голосуютъ противъ военного бюджета и противъ контингента новобранцевъ, и что потому ихъ партія будетъ голосовать противъ законопроекта. Но оба оратора настойчиво стремились выйти за предѣлы вопроса, и предсѣдатель многократно ихъ останавливалъ, а г. Алексинскаго, послѣ ряда напоминаній, лишилъ даже слова. Поставленное на голоса, предложеніе коммисіи получило большинство. Тѣмъ же большинствомъ была принята предложенная коммисіей формула перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Объ инцидентѣ г. Зурובהа еще не улеглись самыя противорѣчивыя толки въ печати и въ обществѣ. Что фраза, имъ произнесенная, и тонъ, которымъ она была произнесена, заключали въ себѣ элементы оскорбленія арміи — намъ кажется несомнѣннымъ. Но что подобнаго рода фразы и еще болѣе рѣзкимъ тономъ тысячи разъ произносились на митингахъ и приводились въ печати—этого никто не можетъ отрицать. Въ этомъ-то сопоставленіи и кроется, намъ думается, причина инцидента и противорѣчія въ его оцѣнкѣ. Г. Зуробовъ потомъ говорилъ какому-то интервьюеру, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду оскорблять армію. И едва-ли есть основаніе ему не вѣрить. Онъ навѣрное десятки разъ говорилъ то же самое на митингахъ, а можетъ быть и писалъ въ газетныхъ статьяхъ, не встрѣчая никакого протеста. А потому весьма вѣроятно, что какъ онъ самъ, такъ и его партійные единомышленники, совершенно искренно считали и, пожалуй, долго еще будутъ считать, что инцидентъ былъ искусственно созданъ правительствомъ въ цѣляхъ униженія достоинства Думы и искусственно же поддержанъ трусливыми кадетами, изъ

боязни „разгона“ готовыми идти на все. Не сразу можетъ быть усвоено думскими крайними, слѣва и справа, что Дума—не митингъ, и что слова члена Думы не равноцѣнны словамъ митинговаго оратора. До сихъ поръ отсутствіе пониманія этого различія особенно часто обнаруживали крайніе правые. 16-го и 17-го апрѣля его обнаружили социаль-демократы.

Социаль-демократы сблизились съ правыми въ эти печальные дни и въ другомъ еще отношеніи. Гг. Церетели, Алексинскій, Джапаридзе и др. позволили себѣ такія же грубыя выходки по адресу предсѣдателя, какія раньше позволяли дѣлать только гг. Пуришкевичъ, Келеповскій, гр. Бобринскій и Крупенскій. Закончили они инцидентъ внесеніемъ слѣдующаго „срочнаго виѣочереднаго“ письменнаго заявленія Думѣ: „Отношеніе предсѣдателя Государственной Думы къ ораторамъ въ теченіе послѣдняго времени и въ особенности за послѣдніе два дня убѣдило насъ въ томъ, что онъ систематически злоупотребляетъ своимъ правомъ вмѣшиваться въ пренія и лишать оратора слова и такимъ образомъ мѣшаетъ народнымъ представителямъ всесторонне обсуждать вопросъ. Такое поведеніе предсѣдателя естественно лишаетъ его нашего довѣрія и, какъ показалъ вчерашній инцидентъ, когда почти половина Думы покинула залъ засѣданій въ знакъ протеста противъ дѣйствій предсѣдателя,—это недоувѣріе къ предсѣдателю раздѣляется большинствомъ Думы, голосовавшимъ, какъ и мы, за нынѣшняго предсѣдателя. Въ виду всего этого, предлагаемъ немедленно поставить на обсужденіе Государственной Думы: 1) допустимо ли такое отношеніе къ ораторамъ, котораго придерживается въ настоящее время предсѣдатель; 2) можетъ ли оставаться предсѣдателемъ Государственной Думы лицо, не пользующееся уже довѣріемъ большинства членовъ Государственной Думы“¹⁾.

Это заявленіе, очевидно продиктованное тѣмъ же непониманіемъ въ связи съ партійной страстностью, г. Головинъ не только не поставилъ „немедленно“ на обсужденіе, но и отказалъ огласить, заявивъ, что оно будетъ приложено къ журналу. Правильно ли онъ поступилъ? Г. Пиленко, писавшій въ прошломъ году недурные отчеты о думскихъ засѣданіяхъ, затѣмъ во время междудумья составившій указатель къ стенографическимъ отчетамъ первой Думы и вѣроятно въ силу этого присвоившій себѣ роль ментора второй Думы,—съ недопускающей сомнѣній категоричностью объявилъ на страницахъ „Новаго Времени“ дѣйствія г. Головина нарушеніемъ элементарныхъ правилъ парламентской этики. Какъ бы въ подтвержденіе ему, телеграфъ принесъ 23 апрѣля слѣдующее извѣстіе изъ Берлина:

¹⁾ Заимствуемъ изъ „Рѣчи“, № 91.

„Второй вице-президентъ рейхстага Кемпфъ сложилъ съ себя свои полномочія въ виду того, что большинство рейхстага не одобрило третьяго призыва къ порядку, съ которымъ Кемпфъ обратился къ социалисту Ледебуру во время рѣчи послѣдняго“.

Намъ представляется болѣе, чѣмъ несомнѣннымъ, что еслибы г. Головинъ поддался своимъ желаніямъ, то поступилъ бы именно такъ, какъ рекомендуетъ г. Пиленко и какъ поступилъ г. Кемпфъ. Но конечно съ тѣмъ, чтобы сложить съ себя полномочія безповоротно. Нелегко было быть предсѣдателемъ первой Думы С. А. Муромцеву. Положеніе же предсѣдателя во второй Думѣ — сплошное мученичество. Обычаи и традиціи — сложиться не успѣли. Наказа—нѣтъ. Аудиторія — страстная и изнервничавшаяся. Министерство только и думаетъ, какъ бы бросить потолокъ палку въ колеса или уколоть. Канцелярія — не образовалась. Хозяинъ во дворцѣ — не подчиненный предсѣдателю военный полковникъ. Замѣнить себя на предсѣдательскомъ креслѣ хоть на день — не кѣмъ, такъ какъ при выборахъ вице-предсѣдателя руководящую роль играли не интересы дѣла, а партійныя честолюбія. А еще ко всему, какъ сообщали газеты, Ѳ. А. Головину приходится ежедневно принимать десятки просителей и получать сотни писемъ и телеграммъ, изъ которыхъ добрая половина навѣрное раздражаетъ душу. Съ другой стороны, что даетъ ему предсѣдательское званіе, кромѣ всеобщихъ неудовольствій, злобной критики и брани „въ сферахъ“ и менторскаго издѣвательства въ газетахъ?...

Но какой получился бы результатъ, если бы Ѳ. А. Головинъ поддался своимъ желаніямъ? Развѣ есть намѣченный ему замѣститель, который обладаетъ болѣею находчивостью и опытностью? Развѣ это не означало бы бросить Думу въ водоворотъ случайностей? Развѣ за первымъ удачнымъ „срывомъ“ предсѣдателя не послѣдовали бы второй, третій и т. д?.. Сегодня бы объявили предсѣдателя лишеннымъ довѣрія тридцать социаль-демократовъ. Завтра — тридцать „правыхъ“. Послѣ-завтра — столько же безпартійныхъ. И каждая группа объявляла бы, требуя немедленнаго вотума, тогда, когда она чувствовала бы за собой обезпеченное большинство, какъ это сдѣлали 17 апрѣля, къ стыду ихъ, социаль-демократы... Нѣтъ, искреннее спасибо должно сказать г. Головину за то, что онъ принесъ великую жертву и остался на своемъ тяжеломъ посту. Что приложимо въ условіяхъ сложившейся и нормально текущей парламентской жизни, то нельзя прилагать по отвлеченному шаблону тамъ, гдѣ эта жизнь только-что зародилась и течетъ такъ безобразно ненормально, какъ у насъ. Довольно сказать: въ глазахъ правящей власти Государственная Дума — только терпимое учрежденіе!.. Будемъ надѣяться, что за дни пасхальнаго отдыха страсти улягутся и социаль-демократы не возобновятъ своего требованія...

Въ послѣднее время средняя школа снова заставила заговорить о себѣ. Мужскія гимназіи—по поводу циркуляра министра народнаго просвѣщенія объ экзаменахъ. Женскіе институты—по поводу самоубійства въ Смольномъ институтѣ одной дѣвочки и покушенія на самоубійство—другой.

Циркуляръ объ экзаменахъ печать и громадное большинство родителейскихъ комитетовъ встрѣтили рѣзкимъ осужденіемъ. Но едва-ли правильно такое отношеніе къ циркуляру. Внезапность сдѣланнаго распоряженія, передъ самымъ концомъ учебнаго года, составляетъ его безспорно слабую сторону. Сами же по себѣ экзамены, въ приложеніи къ нынѣшнему положенію средней школы, врядъ-ли можно считать мѣрой недопустимой. Съ теоретической точки зрѣнія, отправляясь отъ нормально поставленной школы, конечно не можетъ быть объ экзаменахъ двухъ мнѣній: они не нужны и вредны; они наталкиваютъ и учащихся, и учащихся на ученье для показу; они нервируютъ дѣтей; они даютъ возможность въ теченіе года учиться спустя рукава. Но имѣемъ ли мы не только нормальную среднюю школу, а такую, въ которой было бы хоть что-нибудь, не быющее въ глаза своей ненормальностью? Изъ классической системы вырвано изученіе классическихъ языковъ, но безъ измѣненія системы. Пустое пространство частью заполнено случайными заплатами—въ младшихъ классахъ природовѣдѣніемъ, въ старшихъ психологіей и законовѣдѣніемъ,—частью осталось пустымъ. Преподавательскій персоналъ болѣе, чѣмъ далекъ отъ совершенства и несетъ въ стѣнахъ гимназій полицейскія обязанности. Въ классахъ сидитъ по сорока и даже по пятидесяти воспитанниковъ. Въ результатѣ—уровень знаній учащихся упалъ на самую низкую ступень. Прежнее дѣйствительное переутомленіе учениковъ смѣнилось противоположной крайностью. За время прохожденія средней школы дѣти и юноши не только не приучаются къ труду и упорной работѣ, а напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ концу гимназическаго курса, все болѣе и болѣе отучаются трудиться и работать. Неужели возможно при такомъ положеніи дѣла отказываться отъ тѣхъ палліативовъ, которые, будучи ненужными при нормальныхъ условіяхъ, хоть до нѣкоторой степени могутъ парализовать вліяніе тридцатилѣтнихъ безжалостныхъ экспериментовъ надъ средней школой? Въ смыслѣ вреда, экзамены все же менѣе вредны, чѣмъ привычка къ праздности, которая является столь характерной чертой современной молодежи, легко отдающей разговорамъ о трудѣ и очень туго—самому труду. Далѣе, зачѣмъ предполагать экзамены съ ихъ торжественной обстановкой, съ отвѣтами по вынужтому билету и съ математически рыночной расцѣнкой обнаруженныхъ знаній по правилу: за каждый невѣрный отвѣтъ скидывается по одному баллу? Обычный экзаменный

ритуаль отнюдь не необходимъ. А онъ-то въ сущности и вызываетъ главные протесты противъ повѣрки знаній, воспринимавшихся по данному предмету въ теченіе года въ перемежку и освѣженныхъ въ памяти въ нѣсколько дней въ одномъ стройномъ цѣломъ.

Печальное событіе въ Смольномъ институтѣ въ тысячный разъ вскрыло настойчивую необходимость въ корнѣ реформировать женскія закрытыя учебныя заведенія, остающіяся и теперь почти въ томъ же видѣ, въ какомъ они были созданы болѣе ста лѣтъ назадъ. Муштровку и нивелировку всѣхъ подъ одинъ уровень „благовоспитанной дѣвицы“ давно пора бросить. Развитіе жизни ушло въ другомъ направленіи, и слишкомъ тяжело стала отражаться институтская ломка на несчастныхъ дѣвочкахъ. Двѣ изъ нихъ не выдержали ломки. Чтò бѣдныя пережили прежде, чѣмъ рѣшиться покончить съ собой!.. Всего болѣе насъ поразило безсердечіе институтскаго начальства. Смертельно разбившуюся воспитанницу не оставили спокойно умереть въ своемъ лазаретѣ. Для хирургической помощи ее отвезли въ больницу. Неужели не могли привезти хирурга въ институтъ?.. На похоронахъ не было подругъ покойной, не было даже вѣнка отъ института. Начальница была при отпѣваніи, но до конца службы не осталась...

Въ прошломъ мѣсяцѣ, приведя нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, насколько все перепуталось въ переживаемое время всеобщаго хаоса, мы писали: „Всѣ факты и примѣры далеко, впрочемъ, оставляютъ за собой распоряженіе генерала Думбадзе сжечь домъ, изъ котораго на него было произведено покушеніе“. Могли ли мы думать тогда, что этотъ необъяснимый для человѣка въ здоровомъ умѣ и твердой памяти карательный эксцессъ обратится въ карательную норму, — что сжиганіе „виновныхъ“ домовъ сдѣлается въ Ялтѣ общимъ правиломъ? А между тѣмъ именно это и случилось.

Передъ нами приказъ ялтинскаго главноначальствующаго, генерала Думбадзе, одновременно появившійся въ нѣсколькихъ петербургскихъ газетахъ въ перепечаткѣ изъ „Крымскаго Курьера“. „Объявляя въ началѣ приказа о томъ, что „онъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ“, и выражая одобреніе ялтинской полиціи, г. Думбадзе дальше предписываетъ: „Установить строгій надзоръ на нѣкоторые дома, въ коихъ вожаки боевыхъ дружинъ и анархисты-террористы имѣютъ гостепріимство. Предупреждаю хозяевъ домовъ, что виновныхъ въ пріемъ кого-либо изъ числа злодѣевъ-враговъ порядка, желающихъ превратить этотъ курортъ въ гнѣздо разбоевъ, безпощадно буду наказывать, дома ихъ, служащіе жилищемъ и складомъ оружія и боевого запаса, на подобіе дома Новикова, уничтожатъ безъ остатка“.

Не лучше этотъ приказъ и въ дальнѣйшемъ, столь же малогра-

мотномъ изложеніи: „Совѣтую гг. „освободителямъ-товарищамъ“ сбросить съ себя широкіе пояса и особый костюмъ боевой дружины, въ которыхъ, оказывается, опять нѣкоторые изъ нихъ за время моей болѣзни начали щеголять и бравировать ихъ ноской. Мальчишекъ, шатающихся по улицамъ съ красными тряпками, на подобіе флаговъ, *драть за уши* и подъ росписку передавать ихъ родителямъ, при повтореніи брать подъ стражу“... Что все это такое? Вѣрно сказано: за дѣйствительностью не угоняться самой пылкой фантазіи...

Скончавшійся на дняхъ Василій Юрьевичъ Скалонъ оставилъ глубокий слѣдъ въ исторіи земства и литературы о земствѣ. Какъ многолѣтній предсѣдатель московской уѣздной земской управы и московскій губернскій гласный, онъ принималъ дѣйтельное участіе въ той работѣ, которая поставила московское земство впереди всѣхъ другихъ русскихъ земствъ; какъ редакторъ газеты „Земство“, какъ авторъ „Земскихъ вопросовъ“ и „Земскихъ взглядовъ на реформу земскаго управленія“, какъ сотрудникъ и редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей“, онъ пролилъ массу свѣта на сдѣланное земствомъ и на предстоящія ему задачи. Кульминаціоннымъ пунктомъ въ жизни В. Ю. Скалона были тѣ полтора года (1880—82), въ теченіе которыхъ выходило „Земство“. Основанное въ тотъ моментъ, когда начиналась, повидимому, новая эпоха великихъ реформъ, оно немногимъ пережило побѣду реакціи. Слишкомъ горячо и слишкомъ послѣдовательно оно провозглашало необходимость коренныхъ перемѣнъ, чтобы уцѣлѣть послѣ торжества режима гр. Д. А. Толстого. Говоря, въ свое время, о прекращеніи „Земства“, мы назвали его добровольнымъ — по формѣ, недобровольнымъ — на самомъ дѣлѣ ¹⁾. Редакція „Земства“, писали мы тогда, „вѣрится въ наступленіе лучшихъ обстоятельствъ — и мы убѣждены вмѣстѣ съ нею, что надежды на обновленіе нашего государственнаго и общественнаго быта должны рано или поздно осуществиться, законныя требованія общества должны получить удовлетвореніе“. Наше ожиданіе исполняется — но исполняется, къ несчастію, очень поздно: поздно для В. Ю. Скалона, которому суждено было увидѣть только начало переворота, — поздно и для всего русскаго народа, которому такъ дорого приходится платить за потерянное, не по его винѣ, время.

Въ нашемъ журналѣ В. Ю. Скалонъ помѣстилъ двѣ статьи: „Крестыянскія кредитныя учрежденія московской губерніи“ (1877, апрѣль) и „Народная школа подъ Москвою“ (1883, янв. и мартъ).

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ. въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., стр. 727—8.

ИЗВѢЩЕНІЯ

ПОЛОЖЕНІЕ О ПРЕМІИ ИМЕНИ ПОЧЕТНАГО АКАДЕМИКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ АНАТОЛІЯ ФЕОДОРОВИЧА КОНИ.

§ 1. Въ память исполнившагося 40-лѣтія государственной и общественной дѣятельности почетнаго члена и почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ, сенатора, тайнаго совѣтника Анатолія Феодоровича Кони однимъ изъ почитателей и бывшихъ сослуживцевъ его по министерству юстиціи внесенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 года въ Академію Наукъ капиталъ, для выдачи премій за сочиненія о жизни и дѣятельности лицъ, бывшихъ сотрудниками Императора Александра II въ его великихъ реформахъ или способствовавшихъ ихъ охраненію, правильному осуществленію и практическому развитію.

§ 2. Капиталъ этотъ заключается въ свидѣтельствахъ 4%-ной государственной ренты, на номинальную сумму три тысячи (3000) рублей, съ купонами съ іюня 1906 года. Капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ вслѣдствіе могущихъ быть причисленными къ нему части процентовъ, а также невыданныхъ премій.

§ 3. Премія имени Анатолія Феодоровича Кони состоитъ на первое время изъ пятисотъ (500) рублей и присуждается Академіею Наукъ чрезъ каждое пятилѣтіе изъ суммы процентовъ послѣднихъ пяти лѣтъ.

§ 4. Академія Наукъ присуждаетъ преміи за сочиненія, представленныя самими авторами ихъ; независимо отъ сего, она имѣетъ право присуждать преміи и за такія сочиненія, которыя не были представлены самими авторами къ соисканію. За сочиненіе, признанное вполне удовлетворительнымъ, Академія Наукъ присуждаетъ полную премію въ помянутомъ размѣрѣ; если же такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ двѣсти-пятьдесятъ (250) рублей каждая.

§ 5. Не присужденныя или почему-либо не выданныя преміи распределяются слѣдующимъ образомъ: а) половина ихъ причисляется къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго отъ причисленія къ нему части процентовъ и половины не присужденныхъ или не выданныхъ премій Академія Наукъ можетъ увеличить размѣръ и число премій, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ право для соисканія такихъ дополнительныхъ премій объявлять особыя задачи по исторіи реформъ царствованія императора Александра II, и б) вторая половина не присужденныхъ или не выданныхъ премій обращается въ особый, имени А. Ф. Кони, неприкосновенный капиталъ, и проценты съ этого капитала, по мѣрѣ увеличенія его, предоставляется расходовать, по постановленію Историко-Филологическаго Отдѣленія, на ученія предпріятія по изученію эпохи реформъ императора Александра II.

§ 6. Къ соисканію премій допускаются только сочиненія на русскомъ языкѣ, появившіяся въ печатномъ видѣ въ предшествовавшее конкурсу пятилѣтіе; сочиненія, уже премированны Академіею Наукъ или иными учеными учрежденіями, на конкурсъ не принимаются.

§ 7. Дѣйствительные члены и почетные академики Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

§ 8. Право на полученіе премій принадлежитъ только авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ премированныхъ сочиненій.

§ 9. Преміи присуждаетъ Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ, которому предоставляется право приглашать къ разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ сочиненій постороннихъ лицъ.

§ 10. Назначенныя на конкурсъ сочиненія доставляются въ указанное въ § 9 Отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе марта мѣсяца конкурснаго года.

§ 11. Конкурсъ на преміи Анатолія Θεодоровича Кони будетъ происходить въ 1911, 1916, 1921, 1926 гг. и т. д. За три мѣсяца до наступленія конкурснаго пятилѣтія Историко-Филологическое Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи премій.

§ 12. Отчетъ о присужденіи премій и объ ученыхъ предпріятіяхъ Академіи Наукъ на проценты съ неприкосновеннаго капитала имени А. Θ. Кони (см. § 5) читается въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года.

§ 13. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ употребляются проценты, оставшіеся отъ суммы, назначенной въ преміи.

§ 14. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской Академіи Наукъ. Объ измѣненіяхъ въ настоящихъ правилахъ сообщается, лишь для свѣдѣнія, учредителю премій.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Русские мастера XVIII и XIX столетий. Издание Веникина Елиза Николая Михайловича. Т. III, кн. 1. Спб. 1907. Ц. за каждый томъ по 4 коп.—50 рубль.

Постоянный выпускъ этого издания вступает во вторую годовую свою программу, такъ какъ оно должно состоять всего изъ четырехъ томовъ, т. е. изъ двухъ годовыхъ томовъ (1905—1906 гг.), продолжается оно съ такою же тщательностью въ отношении выполнения самыхъ портретовъ и критики, въ весьма обстоятельныхъ библиографическихъ очеркахъ на двухъ языкахъ, русскихъ и французскихъ. Кроме фамильныхъ портретовъ знаменитыхъ родовъ, какъ-то, Голицыныхъ, Шуваловыхъ, Перовскихъ и ин. др., въ этомъ выпускѣ встрѣчаются и портреты такихъ историческихъ лицъ, какъ М. М. Сперанскаго, М. И. Бутурова-Смоленскаго, Барклая-де-Толли, К. Н. Патыкова, Н. И. Вейкина и др.

Висковский, Александръ.—Отнош. и характеръ стиха. Третье, значит. дополн. изданіе. М. 1907. Ц. 3 р. 25 к.

Читателю уже извѣстно это собраніе весьма интереснаго этюдн. и замѣчательныхъ представлений въ языкахъ иностранной литературы, съ очутомъ изъясненіемъ авторомъ безспорно принадлежать и изъ авторъ, это изданіе показало уже въ третій разъ. Джордано Бруно, Мольеръ, Вольтеръ, Беранже, Байронъ, Додъ, Ибсенъ и др.—все это писано здесь для себя обстоятельную характеристику. Впрочемъ, и въ русской литературѣ встрѣчаются этюды, написанные Гребинину, Пугачеву, Гителю.

Источники въ исторіи реформации. Вып. II: „Писма толмачей людей“, перев. Н. Куца. п. р. Д. Егорова. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

„Писма толмачей людей“, въ оригинальн. знаменитое „Ермѣевъ объясненіемъ ермѣевъ“,— появились въ свѣтъ почти четыреста лѣтъ тому назадъ (1515—1517 гг.) въ эпоху борьбы гуманистовъ съ обскурантами, предшествовавшей реформации и, между прочимъ, также немало послужившей ей успѣхамъ. Это были весьма остроумный сатирическій памфлетъ, составленный, въ общедоступной формѣ, гуманистами, на языкъ бы отъ имени обскурантовъ, съ цѣлью жестоко осуждать послѣднихъ и показать все ничтожество средневѣковой схоластики и ея защитниковъ—этихъ же самыхъ обскурантовъ, людей тьмы и въ этомъ смыслѣ—„толмачей“. Предназначеніе переправы этихъ „писемъ“ извѣстны сообщаютъ читателю необходимы предварительныя свѣдѣнія изъ исторіи „Писемъ“, изъ предположеній автора и извѣстна на послѣдующую задачу реформации. Книжка по интересу этой сатиры не утратится до сихъ поръ, пока не прекратится борьба свѣта съ тьмою; до тѣхъ поръ всегда будетъ легко найти аналогию съ тѣмъ, что происходило и будетъ происходить при такой борьбѣ во всякое другое время.

Н. Митрофановъ.—Отроженіе въ гробѣ и бурѣ. Съ 62 рисунками и символами съ древнихъ астрономическихъ картъ Пудисковаго обсерваторіи. Стр. 1907. Ц. 1 р. 35 к.

Настоящій трудъ посвященъ исторіи космогоніи Апокалипсиса, причемъ авторъ старается

опредѣлить, какъ архаично это составленіе, такъ и лицо, которому слѣдуетъ приписать самое составленіе. По мнѣнію автора, основанному, какъ онъ говоритъ, на астрономическихъ вычисленіяхъ. Апокалипсисъ могъ быть составленъ въ концѣ IV-го вѣка нашей эры, а составитель его былъ знаменитый Іоаннъ Антиохійскій, называвшійся Христомомъ или Диатомомъ, епископъ—а впрочемъ его съ антиохійскими родственниками и политическимъ деспотизмомъ—на островахъ Патмосъ, гдѣ онъ жилъ „Отроженіемъ въ гробѣ и бурѣ“, послужившее основаниемъ Апокалипсису. Весь трудъ автора и направленный въ подтвержденіе того же мнѣнія о времени составленія Апокалипсиса и о лицѣ его составителя.

Н. Митрофановъ.—Политическая дѣятельность Іосифа II, съ сторонниками и съ врагами (1783—1790). Спб. 1907. Стр. 774. Ц. 3 р.

Обширная монографія г. Митрофанова является своимъ предметомъ самую интересную эпоху въ исторіи Австріи XVIII-го вѣка, какою было правленіе Іосифа II и его преобразовательная дѣятельность. Признанъ, однако, эту избранную имъ тему слишкомъ обширною, авторъ ограничилъ себя въ настоящемъ трудѣ одною стороною изучаемаго имъ предмета, а именно, весьма важною, а именно, исторію жестокой оппозиціи, какую вызвали реформы Іосифа II. Въ предисловіи къ своему труду авторъ подробно рассматриваетъ тѣ историческіе источники, которые легли въ основаніе его изслѣдованій. Самое же изслѣдованіе открывается очеркомъ жизни и вѣнствъ характеристическою Іосифа II, очертаніемъ историческаго значенія XVIII-го вѣка, выходящаго въ своемъ лицѣ самимъ энциклопедическимъ качествомъ и потому выходящаго изъ себя не менѣе противоположнымъ чувствомъ къ современникамъ. Но необязательно энергическая дѣятельность Іосифа II не принесла существенныхъ результатовъ, и самыя важныя его жизни были въ высшей степени печальны; вотъ почему и авторъ поставилъ себя прежде всего задачей выяснить причины такого явленія. Работая съ реформаторскою дѣятельностью Іосифа II, авторъ весьма подробно останавливается также на вѣнствѣ его политикѣ и отношеніяхъ къ Фридриху II и Екатеринѣ II.

Н. Давидовъ.—Начала политическаго землемѣрія, съ планетными примѣчаніями по исторіи политической экономіи. Изд. 2-ое. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ, явля въ виду, что до настоящаго времени землемѣріе съ началами такой науки, какъ политическая экономія, можетъ быть достигнуто только въ сферѣхъ высшего образованія, между тѣмъ какъ эти самыя начала должны были бы доступны себѣ доступъ и на менѣе высшихъ ступеняхъ образованности, поставилъ себя цѣлью популяризовать главныя основанія этой науки, особенно важной въ нашу эпоху, когда общество призвано къ самостоятельному участію въ законодательной дѣятельности. Результаты того и является настоящимъ изданіемъ, которое, дѣйствительно, какъ весьма лучшая отъчасти появившаяся потребностью въ подобнаго самонаблюденія.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1907 г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

Ежемесячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	По полугодіямъ		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Въ Петербургѣ, въ Конторѣ журнала	15 р. 60 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ —	9 „ —	8 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ границахъ, въ госуд. почт. совм.	19 „ —	10 „ —	9 „ —	6 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 60 к.

Примѣчаніе. — Вѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписана по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы; при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. И. Ослоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ П. Печнишевой, въ Петровскихъ лавкахъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Римшельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ наименованіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НВ) *допускается* указать журналотъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ данномъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемены адреса* должны быть сообщены Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностранство, должны заплатить 1 руб. — 3) *Жалобы* на несправильность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ книжно-показныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по полученію сдѣланной книги журнала. — 4) *Вслѣдствіе* на получение журнала высылается Конторою только тѣмъ изъ многогородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыхъ марокъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Галерная, 20.

Вас.-Остр., 5 л., 25.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Петербургская-Сторона, Бронновская ул., 24.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6.

ІЮНЬ, 1907.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1907.

777

I.—ЛАНСКИ С. М. СЛАВОВА.—Моя записка для лучшей работы, а для всего, в для лучшей —XVII-XIII.	141
II.—А. Н. РАДИЩЕВ ДО СМЕРТИ.—Биографический очерк. — I-III. — А. А. Гавриленко.	154
III.—«БЕЛЫЙ ОМ» — Письма. — Часть вторая. — Описание — Ю. Л. Леницкий. Павленко.	166
IV.—ПЬЕ ПЕРЕЖИТОГО.—И. Славян.—Описание. — П. Обручев.	168
V.—ПИРАТЫ.—Роман.—Gott le Forban*, Roman, par André Lichtenberguey.— XI-XVI.—Описание.—Ст. франц. О. Ч.	190
VI.—ПЬЕ ПЕРКИНСКИ ТЕРЕНА И ОГАРЕНА.—I.—Письма А. П. Гирцова на П. П. Огарева. — I-III.—Событ. Г. П. Георгиевский.	196
VII.—НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ.—Стук. А. М. Жемчужникова.	198
VIII.—ВЪ ДНО КОМЕТИ.—Pomies.—H. G. Wells. In the days of the Comet.— Пролог.—Книга I-ая: I-XIII.—Съ англ. Я. В.	198
IX.—СТЯХОВИЩЕНІЕ.—I. Соросах Дот-Калота.—II. Вь дотот.—III. Перодъ всего, в. Анат. Доброхотова.	216
X.—ХРОНИКА.—Паратовский съездъ въ Москва. — Письмо въ Редакцію.— Кв. П. А. Щетинина.	230
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНІЕ.—Проклестастическое сообщеніе 7-го мая в ре- волюціи Государственной Думы. — Московскій съездъ „объединеннаго рус- скаго народа“.—Ръкъ предвѣдѣла совѣта министровъ по аграрному во- просу. — Аграрные проекты трехъ думскихъ партій. — Годъ думскаго жизня. —Ошибки 15-го мая и ея послѣдствія. —Полъ ли бы възабавляюща жизнѣ, террористическаго актова, и обязательно ли убожно для того одна?	247
XII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНІЕ.—I. П. Кропоткинъ, Идеализмъ и действитель- ность въ русской литературѣ. Съ англ. В. Пашинскій. — II. Зависимъ П. Пущинъ о Пушкинѣ. — III. Евг. Бобровъ, проф., Тада и лѣтъ, сборникъ стихотв. — IV. Пис. Пашинскій. Писемъ нашихъ дней. — V. П. Романовъ. А. А. Пашинъ и значение его творчества. — VI. М. Чайковский, Катерина Смолова. — М. Г. — VII. Сервантесъ, верев. „Дот-Калота“ съ исп. М. В. Насоновъ. — Л. III. — VIII. Л. М. Бѣзидъ. Въ изданіи старинъ. — IX. А. Бороздинъ. Очеркъ анализа главныхъ факторовъ думскаго политическаго. — К. П. Дитеруловъ и П. Петрушевскій. Вопросы государственнаго защиты и бюджетнаго права. — XI. Статистика земледѣлія 1905 года. Пис. Мис. Ва. Дѣла. — В. В. — Новая книга и брошюры.	269
XIII.—ЗАМѢТКА.—По поводу новой книги А. П. Есенинко: „Исторія украин- скаго народа“.—Иван. Жатенцаго.	296
XIV.—ВНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНІЕ.—Парламентскія праша во Франціи. — Семі- дневскій ораторскій турниръ. — „Митингъ“ рѣшъ и ихъ значение. — Французскіе социаллисты въ роки государственнаго злобод. — Внутренній реформа въ Англіи. — Результаты всеобщаго голосованія въ Австріи.	310
XV.—НОВОСТИ ВНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Oscar Wilde. Trois Camé- lions. — II. Karl von Levetzow. Louise Michel (la vierge rouge). Essai Chavakine. — III. В.	320
XVI.—ЦЕДУРИ РУССКАГО НАРОДА И ИХЪ ПРИЧИНЫ.—Очерки с. — А. К.—ова.	342
XVII.—ПЬЕ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ХРОНИКЕР.—Парти и партійность въ Думѣ и въ Думѣ.—Учредительскій съездъ и общія характеристики думскихъ фракцій.— Думскія доминанты.—Трагическое заключеніе въ Думѣ приложеннаго со- общающаго.—Давантасія промѣстительныхъ законодательныхъ жѣръ.	353
XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Овъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. — II. Овъ Комитета Литературнаго Фонда.	369
XIX.—ЭНЦИКЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Жизнь и труды М. П. Погодина, книга XIII-а. П. Барсукова. — Ученіе и нравственное воспитаніе дѣтей, Г. Погодиной. — Учебная книга древней исторіи, П. П. Карпова. — Одѣла и слава Порук-Артура, Пис. Карпантъ, съ англ., п. р. Пашинъ. Хантинъ.	

ЗАПИСКИ С. М. СОЛОВЬЕВА

Мои записки для дѣтей моихъ,

а если можно, и для другихъ.

XVII *).

Первою неприятностью для насъ въ университетѣ была перемѣна ректора. Прежній ректоръ дослужилъ (въ 1847 г.) свой срокъ, и вотъ анти-Строгановская, черная партія, которая стала называть себя Уваровскою, начала выдвигать своего кандидата, Перевощикова, человѣка чернаго, грубаго... Строгановъ не терпѣлъ его за его черноту, но держалъ, какъ хорошаго профессора; видя нерасположеніе Строганова, Перевощикова, вмѣстѣ съ Давыдовымъ, Погодинымъ и Шевыревымъ, подлѣвъ въ Уварову; теперь онъ торжествовалъ съ выходомъ Строганова и стремился въ ректоры. Мы, разумѣется, противились избранію Перевощикова всѣми силами, но насъ было мало; мы опирались на то, что Перевощикова нельзя выбирать, ему остается до заслуженнаго профессора гораздо менѣе четырехъ лѣтъ, на которыя выбирается ректоръ; но большинство выбрало Перевощикова; относительно же незаконности выбора, написали въ протоколѣ, что совѣтъ просить министра утвердить избраннаго и мимо законности; но совѣтъ никогда не думалъ просить, и мы протестовали противъ этой статьи въ протоколѣ. Уваровъ утвердилъ

*) См. выше: май, стр. 5.

Перевощикова, какъ своего, но понятно, что въ новомъ ректорѣ мы получили злого врага, который сталъ хлопотать, какъ бы выжить молодыхъ Строгановскихъ, которые покрупнѣе, а другихъ скрутить. Онъ сталъ провозглашать, что мы—опасные либералы, что насъ нельзя терпѣть; дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ у Уварова, у новаго генераль-губернатора Закревскаго (какъ утверждали,—я самъ, разумѣется, не слыхалъ его докладовъ); мнѣ лично сдѣлалъ онъ гадость осенью же 1848 года, убѣдивъ Уварова взять назадъ данное мнѣ позволеніе читать публичныя лекціи. Это было мнѣ крайне тяжело въ томъ отношеніи, что я крайне тогда нуждался, женившись и обзаводясь хозяйствомъ въ тяжелый голодный годъ, когда все было очень дорого; потомъ, въ январѣ 1849 года, онъ уговорилъ Уварова взять назадъ утвержденіе мое ординарнымъ профессоромъ, придирался къ моимъ лекціямъ, сказалъ декану Шевыреву (выбранному вмѣсто Давыдова, перешедшаго въ директоры педагогическаго института), что я на первыхъ лекціяхъ, читая обзоръ русской исторической литературы, бранилъ всѣхъ писателей, бывшихъ до меня, и такимъ образомъ старался, будто бы, показать, что до меня не было сдѣлано ничего по русской исторіи. Справедливо ли это было, мнѣ не нужно говорить, ибо эти лекціи напечатаны въ „Архивѣ Калачова“,—всякій, слѣдовательно, можетъ видѣть, какъ обруганы мною Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ и Платонъ. Говорятъ, что нѣсколько разъ пытался онъ представить Уварову необходимость меня выжить, но Уваровъ всякій разъ отмалчивался: я уже выдавался впередъ, обо мнѣ много кричали, а придратъ было не къ чему; пострадалъ менѣе извѣстный, менѣе видный, Бодянский, какъ жертва гнуснаго мщенія Уварова Строганову. Въ „Обществѣ Исторіи и Древностей“, гдѣ Строгановъ остался предсѣдателемъ, а Бодянский секретаремъ, напечатали въ „Чтеніяхъ“ переводъ Флетчера. Уваровъ сдѣлалъ изъ этого исторію, донесъ царю, что это сочиненіе страшно антицензурное, и вотъ что дѣлаетъ Строгановъ! Я не знаю, какъ отписался Строгановъ, но Уваровъ спѣшилъ нанести ему самый чувствительный ударъ: онъ велѣлъ Бодянскаго перевести изъ Москвы въ Казань, а на его мѣсто—тамошняго профессора славянскихъ нарѣчій, Григоровича, въ Москву. Бодянский, поддержанный Строгановымъ, не поѣхалъ, вышелъ въ отставку, и какъ только Уваровъ вышелъ изъ министерства, Строгановъ настоялъ у новаго министра Ширинскаго-Шихмагова, чтобъ тотъ отмѣнилъ приговоръ предшественника своего; Бодянский опять получилъ свою каѳедру въ московскомъ университетѣ, а Григоровичъ былъ повороченъ назадъ въ Казань.

Въ это время, когда подъ прикрытіемъ правительственнаго направленія черная Уваровская партія въ университетѣ торжествовала надъ Строгановскою, мы представляли гонимую церковь; но и въ этомъ печальномъ состояніи было не безъ утѣшеній. Мы всѣ, молодые профессора, опредѣлили сблизиться тѣсно, ничего не дѣлать безъ взаимнаго совѣта, собираться у каждаго по очереди на вечера и толковать. Кто же составлялъ это общество? Катковъ, я, Шестаковъ и пріѣхавшіе изъ-за границы Бударцевъ, Леонтьевъ и Пеховскій; послѣ уже применилъ къ намъ Грановскій и еще нѣсколько молодыхъ. Грановскій не былъ отпущенъ министерствомъ въ отставку подъ предлогомъ, что еще не дослужилъ казеннаго срока, но Кавелинъ и Рѣдкинъ вышли. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о членахъ нашего кружка, о которыхъ еще не было рѣчи. Катковъ, какъ уже было упомянуто, былъ выбранъ въ одинъ день со мною въ профессора и получилъ каѳедру философіи. У этого человѣка была пристрастная природа. Это былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый, съ блестящимъ талантомъ публициста; талантъ его обнаруживался во время движенія, спора; чтобъ выжать у него этотъ талантъ, надобно было задѣть его колоссальное самолюбіе,—иначе этотъ человѣкъ предавался совершенному бездѣйствію, просиживалъ дни и ночи на диванѣ въ халатѣ, почесывая голую грудь, или расхаживая по комнатѣ. Онъ вступилъ въ университетъ по филологическому факультету, блистательно кончилъ курсъ, съѣздивъ за границу, прожилъ года два въ Берлинѣ, слушалъ Шеллинга, потомъ возвратился, написалъ прекрасную филологическую диссертацию и былъ выбранъ въ профессора философіи,—а почему, досихъ поръ остается это для меня темнымъ; вѣроятно все потому, что не было другой каѳедры свободной. Каѳедра была не по немъ, какъ и вообще всякая каѳедра была бы не по немъ. Какъ даровитый человѣкъ, разумѣется, онъ не могъ читать дурно; лекціи исторіи философіи возбуждали сочувствіе въ слушателяхъ, но лекціи логики и психологіи совершенно пропадали: ни одинъ студентъ ничего не понималъ въ нихъ, и вина была не на одной сторонѣ студентовъ. Эта обязанность читать предметъ, къ которому не имѣлъ большого сочувствія, предметъ, котораго не понимали слушатели, вообще противная природѣ его обязанность потрудиться срочно надъ составленіемъ лекцій, и лекцій неблагоприятныхъ, эта обязанность была страшно тяжела для Каткова; другіе имѣли блестящій успѣхъ, о другихъ кричали, другіе выставлялись на первый планъ, а онъ былъ въ тѣни, о немъ не говорили или отзывались неблагоприятно, какъ о человѣкѣ, не-

способномъ къ своему дѣлу, не приготовленномъ по крайней мѣрѣ. Каково же это было для такого громаднаго самолюбія! И вотъ Катковъ поникъ, изнемогъ, по цѣлымъ полугодіямъ скзывался больнымъ, и велъ ужасную жизнь, — сидѣлъ взаперти въ своей комнатѣ, ничего не дѣлая, и не будучи боленъ физически; напротивъ, у него была прекрасная натура, ибо кто другой могъ бы вынести такое положеніе, не разрушившись физически или не сойдя съ ума? Къ послѣднему, впрочемъ, онъ нѣкогда былъ близокъ: однажды вечеромъ ко мнѣ пріѣзжаетъ братъ его и съ встревоженнымъ видомъ просить, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ, поговорилъ, разговорилъ брата его Михайлу; я отправился, вашель философа въ сильной хандрѣ, говорилъ, что умѣлъ, въ такомъ затруднительномъ положеніи, но могъ ли я помочь ему! Помогла благодѣтельная судьба. Уваровъ, при всемъ своемъ лакействѣ, не могъ оставаться министромъ, при учащенныхъ ударахъ, наносимыхъ просвѣщенію, вышелъ въ отставку; министромъ былъ назначенъ товарищъ его князь Ширинскій-Шихматовъ. Много терпѣла древняя Россія, Московское государство, отъ нашествія татаръ, предводимыхъ его предками—князьями Ширинскими, самыми свирѣпыми изъ степныхъ наѣздниковъ; но память объ ихъ губительныхъ опустошеніяхъ исчезла; а вотъ во второй половинѣ XIX-го вѣка новый Тамерланъ наславъ степного витязя, достойнаго потомка Ширинскихъ князей, на русское просвѣщеніе. Человѣкъ ограмвченный, безъ образованія, писатель, т.-е. фразеръ, бездарный, Ширинскій славился своимъ благочестіемъ, набожностью. Дѣйствительно, онъ былъ исполненъ страха предъ Богомъ и предъ помазанникомъ Его, исполненъ страха предъ архіереями, особенно же исполненъ страха предъ діаволомъ и „аггелы“ его, исполненъ страха до того, что по ночамъ обкладывалъ себя дровами, дабы не стать добычею домового. Ставши министромъ просвѣщенія, онъ началъ прежде всего дѣйствовать противъ духа невѣрія: для этого представилъ императору о необходимости уничтожить каеодру философіи въ университетахъ, поручивъ чтеніе логики и психологіи священникамъ-профессорамъ богословія, не позаботясь прежде о томъ, чтобы эти профессора богословія были порядочные люди, могшіе прилично являться на кафедрѣ предъ слушателями, съ научнымъ образованіемъ, съ даровитостью и теплотою, быть проповѣдниками Евангелія, а не диктовальщиками сухихъ параграфовъ такъ называемаго догматическаго и нравственнаго богословія. И вотъ этимъ-то людямъ дали теперь еще читать философію. Нашъ бездарный, сухой, но умный и

добросовѣстный Терновскій со слезами отмаливался отъ новой кѣдры, выставялъ свою совершенную неприготовленность къ ней; ему выставили высочайшее повелѣніе, и старіеъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію. Катковъ такимъ образомъ потерялъ кѣдру философіи. Для вознагражденія этихъ профессоровъ философіи, потерявшихъ свои кѣдры, Ширинскій создалъ новую кѣдру педагогіи. Какъ будто люди, вредные на кѣдрѣ философіи, могли быть невредны, преподавая педагогію? Но Катковъ не получилъ и кѣдры педагогіи, какъ увидимъ впоследствии.

О Шестаковѣ (Сергѣй Дмитріевичъ) мнѣ сказать нечего, ибо я не знаю случая, въ которомъ бы онъ могъ рѣзко выставиться, и я съ нимъ тѣсно не сближался; считался онъ человѣкомъ умнымъ, хорошимъ, былъ образованъ, трудолюбивъ, но большихъ способностей не имѣлъ. Онъ былъ курсомъ старше меня, занимался древними языками, по окончаніи курса отличился, какъ учитель латинскаго языка, и былъ опредѣленъ преподавателемъ въ университетъ.

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ—высокій, худощавый, плѣшивый, съ болѣзненнымъ, грустнымъ, привлекательнымъ лицомъ, тихимъ пріятнымъ голосомъ; онъ былъ изъ числа даровитыхъ, съ высшими стремленіями людей, надорванныхъ нравственно семинаріею. Всѣ выходцы изъ духовныхъ училищъ въ свѣтскія дѣлились на три класса: одни, натуры спокойныя, не очень даровитыя, оставляли духовное поприще или случайно, или по расчету, выходили въ медици, служили по учебной, ученой, судебной и административной части, дослуживались, наживались, не относясь враждебно къ мѣстамъ прежняго своего воспитанія, къ духовнымъ училищамъ, а скорѣе съ сочувствіемъ, благодарностью; другіе, люди съ сильными и безпокойными натурами, вырывались изъ семинарій и академій, люди даровитые, но шумные, крикуны, относившіеся обыкновенно враждебно къ своему прошлому и отличавшіеся противоположными церковному стремленіями, впадавшіе въ другія крайности; наконецъ, третьи, натуры мягкія, впечатлительныя, они чувствовали сильнѣе другихъ всю черную сторону семинарщины, но скрадывали все это въ себѣ, и если имъ удавалось выбраться на просторъ въ свѣтское званіе, то они очень враждебно относились къ своему прошлому, но не высказывали этого, по крайней мѣрѣ очень рѣдко и не рѣзко: Кудрявцевъ принадлежалъ къ третьему изъ этихъ разрядовъ. Мягкая и болѣзненная его природа сильно оскорблена была грязью и жесткостью семинарскаго быта; онъ былъ сынъ мо-

сковскаго (кладбищенскаго) священника; это дало ему большія, сравнительно, удобства для того, чтобъ почаще выглядывать изъ оконъ своей темницы на широкій міръ; онъ почитывалъ, чувствовалъ въ себѣ дарованіе, началъ писать повѣсти, сблизился съ Бѣлинскимъ и, разумѣется, легко пошелъ по покатой дорогѣ отрицанія ненавистнаго прошлаго; но самая мягкость, вѣжливость и болѣзненность природы не допустили его до крайностей, или, по крайней мѣрѣ, до рѣзкаго выраженія этихъ крайностей. Кудрявцевъ перешелъ въ университетъ въ историко-филологическій факультетъ, гдѣ не могъ, разумѣется, не прильнуть къ самому симпатичному изъ профессоровъ, Грановскому; тотъ, въ свою очередь, не могъ не отмѣтить симпатичнаго, даровитаго и трудолюбиваго, начитаннаго Кудрявцева, и представилъ его къ отсылкѣ за границу по кафедрѣ исторіи. Въ университетѣ, во время студенчества, я видалъ Кудрявцева мелькомъ: онъ былъ курсами двумя старше меня, и сблизился съ нимъ только тогда, когда онъ возвратился изъ-за границы и поступилъ преподавателемъ въ университетъ. Я сказалъ, что Кудрявцевъ былъ даровитъ, но талантъ его былъ легкаго свойства; въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ онъ не отличался ни силою и самостоятельностью мысли, ни художественностью изложенія (какъ Грановскій); вялость, натянутость и обиліе иностранныхъ словъ бросались въ глаза; особенно непріятно поражало послѣднее и обличало отсутствіе силы, способности вполнѣ овладѣть предметомъ, сдѣлать его совершенно своимъ. Но какъ человѣкъ, какъ товарищъ, Кудрявцевъ былъ чрезвычайно привлекателенъ: въ немъ было что-то святое, и это святое было самаго мягкаго, снисходительнаго свойства, въ немъ видѣлось отсутствіе страстей, но безъ холодности, напротивъ—какая-то очень пріятная ласкающая теплота. Сильно привязывались всѣ къ Грановскому, но при немъ, какъ при человѣкѣ крупномъ, все же, несмотря на его гуманность, должны были держать руки по швамъ въ извѣстномъ отношеніи; при Кудрявцевѣ этого было не нужно, и его очень любили близкіе къ нему люди.

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ—маленькая, двугорбая фигура съ четверугольнымъ матово-блѣднымъ лицомъ, густыми русыми волосами, карими, холодными, не проникательными, но внимательными, старающимися проникнуть, и потому очень непріятными глазами. Первое, что поражало въ Леонтьевѣ внимательнаго человѣка, это—напряженное вниманіе, съ какимъ онъ обращался ко всему, желаніе проникнуть, изучить человѣка, дѣло, отношеніе. Все это было бы прекрасно въ человѣкѣ даровитомъ,

съ благородными, чистыми, свѣтлыми стремленіями; но въ Леонтьевѣ этого ничего не было. Онъ былъ способенъ заниматься пустяками безъ усталы, причемъ ему помогала необычайная медленность въ словахъ и дѣлѣ. Начнетъ говорить—тянетъ, тянетъ и утомляетъ слушателя, но самъ не утомляется; студенты смѣялись, что на лекціяхъ онъ дѣлалъ обыкновенно движенія руками, какъ бы загребалъ ими, помогая этимъ выходу словъ изъ рта, которые шли чрезвычайно медленно, съ крайнимъ затрудненіемъ. Заговорившись, т.-е. затянувшись, а не заболтавшись, онъ опаздывалъ со всѣмъ во всемъ: онъ постоянно опаздывалъ на лекціи, на желѣзныя дороги; во время экзаменовъ всегда нужно было посылать за нимъ солдата. Цѣпкость была отличительнымъ качествомъ Леонтьева: вцѣпится во что-нибудь — не отстанетъ; „собака“ (репейникъ) есть лучшее для него подобіе. Эта цѣпкость въ каждомъ дѣлѣ была драгоценнымъ его качествомъ для Каткова, когда они вмѣстѣ издавали журналъ, газету, завели лицей: нетерпѣливый, впечатлительный, Катковъ приходилъ въ отчаяніе отъ каждой неудачи, отъ каждой ошибки, отъ cadaго препятствія; но Леонтьевъ вцѣпился крѣпко въ дѣло, и ничѣмъ нельзя было его отцѣпить; всякую бѣду онъ надѣется переждать, всякое препятствіе преодолѣть, всякую ошибку поправить; онъ вездѣ ровень, выдержливъ; бѣшенный Катковъ опрокинется на него съ упреками; Леонтьевъ выдержитъ спокойно и успокоитъ. Та же цѣпкость—въ привязанности и во враждѣ. Хвалили его привязанность къ роднымъ; привязанность его къ Каткову и семейству послѣдняго была изумительна; и вовсе не нужно объяснять ее чѣмъ-нибудь корыстнымъ. Но, какъ сказано, Леонтьевъ былъ цѣпокъ во враждѣ, и здѣсь онъ былъ отвратителенъ по мелкости взгляда, по стремленію копать въ отхожихъ мѣстахъ натуры человѣческой, обходя мѣста чистыя,—это былъ художникъ клеветы; всякій совершенно случайный поступокъ непріятнаго ему человѣка онъ перетолковывалъ въ дурную сторону и тутъ не робѣлъ ни передъ чѣмъ; наглость, до какой онъ могъ доходить въ клеветѣ, ошеломляла; честный человѣкъ понижалъ, окончательно падалъ духомъ на первое время; тутъ Леонтьевъ являлся совершенно адскимъ существомъ, ибо заставлялъ вѣрить въ силу зла. Интрига—было первое и послѣднее слово Леонтьева; все, по его мнѣнію, интриговало, ничто не дѣлалось просто; каждое движеніе, каждое слово искусно подводилось подъ извѣстную интригу, каждый камешекъ искусно обтачивался и служилъ для мозаической работы. Но когда Леонтьевъ появился среди насъ, то эти качества его вовсе не высказывались; мы приняли его какъ

умнаго, честнаго и знающаго свое дѣло человѣка, видѣли въ немъ хорошаго товарища. Онъ жилъ вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ и Шестаковымъ; и тотъ и другой, какъ мы всѣ, имѣли объ немъ самое выгодное мнѣніе; только жена Кудрявцева, женщина очень умная и привлекательная (не наружно, потому что была дурна собою), позволяла себѣ въ дамскомъ обществѣ отзываться не очень хорошо о Леонтьевѣ по отношенію къ его не физическимъ, а нравственнымъ горбамъ. Острое чутье женскаго существа, живущаго болѣе чувствомъ, чѣмъ головою!..

Дружескій кружокъ и молодость, еще полная надеждъ, помогли намъ пережить то тяжелое время. Что мы были отданы подъ надзоръ полиціи—это насъ не беспокоило и не мѣшало нашимъ дружескимъ собраніямъ. Грановскій, тѣснѣе сблизившійся съ нами вслѣдствіе отъѣзда Герцена за границу, естественно по своему значенію, какъ общій учитель, сталъ душою кружка; къ нашему же кружку примыкалъ человѣкъ, о которомъ нельзя не отозваться съ благодарностью за тѣ минуты чистаго, молодого и трезваго веселья, которыми онъ насъ дарилъ въ нашихъ собраніяхъ,—минуты драгоцѣнныя особенно потому, что дарились въ тяжелое, безотрадное время: то былъ Сергѣй Петровичъ Полуденскій, старше меня курсомъ по университету. Несмотря на свои связи, которыя могли бы доставить ему сильное служебное движеніе, онъ взялъ скромное мѣсто университетскаго бібліотекаря; его тянуло въ высшимъ интересамъ, которыми жили лучшіе представители науки. Этотъ человѣкъ обладалъ неистощимымъ запасомъ веселости и остроумія; въ послѣднемъ онъ уступалъ развѣ Герцену, но зато у Полуденскаго не было Герценовской волючести, нетерпимости и односторонности; онъ былъ неподражаемъ въ придумываніи сценъ, въ которыхъ дѣйствовали очень знакомые всѣмъ люди, вносящіе каждый комическую сторону своего характера и быта. Кромѣ урочныхъ собраній, бывало, послѣ лекціи идешь въ бібліотеку, и тамъ въ отдаленной комнатѣ найдешь милаго бібліотекаря и съ нимъ одного или двоихъ изъ нашихъ: тутъ узнаешь всѣ новости, и отдохнешь въ умномъ, серьезномъ разговорѣ, и посмѣешься вдоволь отъ комическихъ разговоровъ и остротъ Полуденскаго. И этотъ человѣкъ, виновникъ нашей веселости, долженъ былъ готовиться къ скорой смерти: всѣ братья его одинъ за другимъ умирали чахоткою, и доходила уже очередь и до нашего Сергѣя Петровича. Нашъ кружокъ расширялся, благодаря Грановскому, который дѣлалъ иногда обѣды, вечера и, приглашая насъ, приглашалъ и людей изъ другого своего кружка, который чувствительно опустѣлъ, ли-

пившихся Герцена; приглашались и молодые подростки, будущие ученые дѣятели, профессора Бабстъ, Чичеринъ и другіе. Изъ этого кружка, сводимаго съ нашимъ у Грановскаго, виднѣе или собственно слышнѣе всѣхъ былъ Кетчеръ. Студентъ московской медико-хирургической академіи, Кетчеръ до глубокой старости сохранилъ студенческій образъ жизни; добрый малый, отличный товарищъ, готовый на услугу, кривунъ, буянъ, вовсе не пьяница, но, дорвавшись до шампанскаго, перепьетъ всѣхъ, неряшливый, беззаботный — вотъ Кетчеръ при поверхностномъ знакомствѣ. Будучи медикомъ и служа по медицинской части, онъ не былъ практическимъ врачомъ, и вмѣсто медицинской практики сталъ заниматься литературою, вслѣдствіе чего и сблизился съ литераторами и вообще съ людьми, имѣвшими сферу пошире; онъ былъ извѣстенъ какъ переводчикъ Шекспира, котораго, по его собственному, выраженію онъ не переводилъ, а *перепиралъ*; онъ слѣдилъ за легкою литературою, особенно за театромъ, и при тогдашнихъ небольшихъ требованіяхъ получилъ въ кружкѣ людей, занимавшихся литературою, почетное мѣсто и сильный голосъ, и какъ обыкновенно бываетъ въ слабомъ обществѣ, разступающемся передъ силою, сталъ мужикомъ-горланомъ. Я нашелъ Кетчера уже совершенно сформировавшимся. Собирается общество разсуждать о чемъ-нибудь, спорять тихо; вдругъ изъ передней раздается трескучій голосъ и является человекъ довольно высокаго роста, съ круглою, гладко обстриженною головою, очень некрасивымъ, но замѣчательнымъ лицомъ, въ истертомъ сюртукѣ, безъ бѣлья, лѣтомъ въ бѣлыхъ панталонахъ безъ подштанниковъ. „Что, о чемъ идетъ дѣло?“ Ему говорятъ — о чемъ. — „А, — кричитъ Кетчеръ, — это ты (тотъ или другой изъ собесѣдниковъ) все толкуешь объ этой дряни!“ (книга, пьеса или человекъ) — и дѣлается стремительное нападеніе, сопровождаемое насмѣшками и остротами, иногда порядочными, возбуждающими общій хохотъ, иногда тупыми; но насмѣшки пересыпались и безцеремонною бранью, на примѣръ: „вѣдь, это отъ того, что ты глупъ, ничего не понимаешь!“ или: „такъ говорятъ только такіе дураки, какъ ты!“ Обыкновенно Кетчеръ выбиралъ себѣ жертву, кого-нибудь изъ присутствующихъ, и цѣлый обѣдъ или вечеръ, по поводу какого-нибудь событія или слова, издѣвался надъ несчастнымъ, на потѣху публикѣ; я уже сказалъ, что было принято на Кетчера не сердиться, крикомъ и бранью его не оскорбляться. Увидѣвши разъ человека, Кетчеръ при другомъ свиданіи говорилъ уже ему *ты* и считалъ себя вправѣ выбирать его себѣ жертвою на обѣдъ или ужинъ.

XVIII.

Такъ мы проживали самое тяжелое время конца Николаевского царствованія. Бѣда, общій гнетъ—сближаютъ людей, и это сближеніе, соединеніе силъ даютъ имъ возможность легче переносить горе. Литературный интересъ былъ силенъ. Несмотря на то, что мысль была въ опалѣ, скована цензурою, книжки журналовъ ожидались съ нетерпѣніемъ и прочитывались съ жадностью; но мнѣ эти журналы часто приносили и горе. Съ самаго вступленія на кафедру я предался сильнѣе литературной дѣятельности по страсти къ предмету, по любопытству, съѣдавшему меня съ дѣтскихъ лѣтъ, по крайней необработанности предмета моего преподаванія. Разумѣется, я могъ бы ограничиться чтеніемъ, выписываніемъ, составленіемъ хорошихъ лекцій; но кромѣ общаго людямъ стремленія заявлять свою умственную дѣятельность, у меня были еще и другія побужденія печататься какъ можно скорѣе и какъ можно больше. Во-первыхъ, отличительною чертою моего характера была торопливость: я спѣшилъ во всемъ—скоро ѣлъ, скоро ходилъ, всегда являлся первый; называли это аккуратностью, но это была торопливость; мнѣ не сидѣлось дома, я не могъ ничѣмъ заняться, когда нужно было куда-нибудь ѣхать; понятно, что я точно такъ же торопился писать и издавать. Во-вторыхъ, и безъ этой врожденной торопливости я побуждался какъ можно больше и скорѣе издавать: я добылъ себѣ мѣсто съ бою и долженъ былъ его удерживать боемъ, долженъ былъ въ короткое время сдѣлать столько, чтобъ не смѣли сказать, что университетъ проигралъ, замѣнивши стараго профессора Погодина новымъ. Наконецъ, къ сильному труду побуждали меня семейныя обстоятельства: я женился въ началѣ 1848 года, и каждый годъ у меня пошли дѣти: профессорскаго жалованья было мало. Съ самаго начала моей литературной дѣятельности два первые журнала-соперника—„Современникъ“ и „Отечественныя Записки“ просили моего сотрудничества, и я сталъ участвовать въ нихъ обоихъ: въ „Современникъ“ сталъ давать статьи подписанныя: обзоръ смутнаго времени, царствованія Михаила Федоровича; въ „Отечественныя Записки“, кромѣ статей, подписанныхъ съ осени 1847 года, я взялся писать рецензій о книгахъ и изданіяхъ по русской исторіи, и эти статьи являлись безъ подписи. Помню, что съ особенною злостью я разбиралъ исторію русской церкви Филарета за его односторонне-славянофильскій и клерикальный

взглядъ. Но эта-то журнальная дѣятельность и причиняла мнѣ часто горе. Являлся номеръ журнала, гдѣ помѣщена моя статья; по моему расчету должно выйти столько-то печатныхъ листовъ — смотрю, выходитъ меньше: цензоръ вымаралъ! Оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что смолоду я обращался съ наукою уважительно, не позволялъ себѣ тенденціи, передавалъ факты, связывая и освѣщая ихъ; передавалъ факты, почерпая ихъ изъ источниковъ печатныхъ, самимъ же правительствомъ большею частію изданныхъ. И тутъ невѣжественный и желающій непремѣнно что-нибудь вычеркнуть цензоръ вычеркивалъ! Однажды онъ вычеркнулъ изъ моей статьи донесеніе Годуновскаго шпіона, что Филаретъ Никитичъ жилъ съ своимъ слугою душа въ душу, и поэтому отъ вѣрнаго слуги нельзя ничего вывѣдать. Я справился черезъ редакцію, зачѣмъ выключена такая прекрасная черта изъ жизни родоначальника Романовыхъ. Цензоръ объяснилъ, что вычеркнулъ изъ опасенія, чтобъ не подумали, будто между Филаретомъ и слугою была противоестественная связь. Съ 1848 года я началъ заниматься „Исторіею Россіи“. Дѣло сначала шло медленно, лекціи не были еще всѣ приготовлены, много надобно было писать постороннихъ статей изъ-за куска хлѣба; кромѣ того, задерживали нелюбимыя мною изслѣдованія о начальныхъ временахъ, такъ что первый томъ могъ выйти только въ августѣ 1851 года.

А между тѣмъ въ университетѣ произошли важныя перемѣны. На мѣсто Голохвастова, явившагося совершенно неспособнымъ къ управленію, вслѣдствіе своей медленности, нерѣшительности, привычки много говорить и не дѣлать, назначенъ былъ генералъ Назимовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императора и еще большимъ — наслѣдника. Назимовъ былъ человѣкъ добрый, простой, необразованный, со всѣми привычками тогдашняго *енарала*: при первомъ удобномъ случаѣ любилъ напумѣть, распечь подчиненнаго, но послѣдній не долженъ былъ этимъ оскорбляться, потому что его превосходительство, распеки, потомъ и обласкаетъ его. Самая дурная привычка въ немъ — это была привычка къ казнокрадству, которую оправдывали всегдашнею нуждою, бѣдностью. Но, несмотря на это, я, какъ всегда говорилъ, такъ и напишу, что назначеніе Назимова было благодѣяніемъ для университета въ то время гоненія. Его главное правило, общее генеральское правило, состояло въ томъ: „Будьте покойны, в. в., у меня все покойно и хорошо“. Его послали попечителемъ, чтобъ онъ по военному скрутилъ университетъ, согнулъ въ бараній рогъ профессоровъ, этихъ алонамѣренныхъ либераловъ,

бунтовщиковъ. Но вмѣсто бунтовщиковъ генераль нашелъ людей очень скромныхъ, почтительныхъ, робкихъ. Генераль изумился: „Все наврали,—сказалъ онъ, никакого бунта нѣтъ въ университетѣ!“ Тщетно ему внушали, чтобъ онъ не смотрѣлъ на наружность, что эти тихони содержатъ въ себѣ скрытый ядъ, обманываютъ начальство. „Что же это такое,—отвѣчалъ Назимовъ на эти внушенія:—все подлецы да подлецы, гдѣ же честные-то люди?“ Наша судьба, судьба опальныхъ профессоровъ, быстро перемѣнилась къ лучшему при Назимовѣ. Новый попечитель искалъ въ университетѣ человѣка, котораго совѣтами могъ бы пользоваться въ совершенно новой для него сферѣ. Этотъ довѣренный человѣкъ, разумѣется, не могъ быть изъ профессоровъ, какъ людей, съ которыми Назимову было все же неловко, какъ неловко бы было съ какимъ-нибудь иностраннымъ путешественникомъ; довѣренный человѣкъ долженъ былъ быть изъ своихъ, изъ военныхъ. Такого онъ нашелъ въ инспекторѣ студентовъ изъ моряковъ, Ив. Абр. Шпейеръ, человѣкъ очень ловкомъ, готовомъ служить добруму начальнику, даже насчетъ казеннаго имущества, особенно во время построекъ, къ которымъ Шпейеръ былъ большой охотникъ и считался знатокомъ, почему и носилъ названіе „Ивана Строителя“. Въ университетѣ былъ обычай, что инспектора студентовъ, зависѣвшіе, по старому уставу, прямо отъ попечителя, враждовали съ ректоромъ; по пословицѣ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, и дѣйствительно вина была на уставѣ, который сажалъ двоихъ медвѣдей въ одну берлогу. Шпейеръ сейчасъ же сталъ во враждебныя отношенія къ Перовщикову, и естественно сталъ ухаживать за нами, какъ находившимися въ оппозиціи ректору. Мы отвѣчали любезностью за любезность, ибо ничего не знали о строительныхъ наклонностяхъ Ивана Абрамовича, а видѣли въ немъ добраго, честнаго моряка, который сближается съ нами по сочувствію къ людямъ напрасно гонимымъ. Отсюда — дружба между молодыми профессорами и Шпейеромъ. Ко мнѣ онъ былъ особенно расположенъ по знакомству съ тестемъ моимъ, также морякомъ. Послѣ назначенія Назимова попечителемъ, я какъ-то сдѣлалъ визитъ генеральшѣ Тимофеевой, женѣ начальника военнаго корпуса, у котораго Назимовъ былъ начальникомъ штаба. Разговоръ пошелъ о назначеніи Назимова; генеральша говорила, что Назимовъ очень добрый человѣкъ, въ университетѣ будутъ имъ довольны; но, по совершенной неприготовленности къ дѣлу, попечитель нуждается въ человѣкѣ благонамѣренномъ, который бы познакомилъ его съ порядками новаго мѣста, далъ ему понятіе о людяхъ и проч.

Я отвѣчалъ, что такой человѣкъ есть, именно инспекторъ Шпейеръ. Мое указаніе принято было къ свѣдѣнію, и Шпейеръ сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Назимова. Благодаря ему, Назимовъ утвердился въ мысли, что все было наврано на молодыхъ профессоровъ, которые вовсе не бунтовщики, а ректоръ Перевощиковъ — негодяй, который гонитъ достойныхъ людей. Когда кто-то сказалъ ему про меня, что ходятъ слухи о моей неблагонамѣренности, то онъ отвѣчалъ: „Пустяки! я знаю его тестя, прекрасный человѣкъ!“ Въ этомъ отвѣтѣ Назимовъ высказался вполне; но дѣло извѣстное, что „*Dei providentia et hominum confusione Ruthenia ducitur*“, и мы были выведены изъ опаснаго и тяжелаго положенія „енараломъ“ Назимовымъ, вѣрнѣйшимъ слугою императора Николая. Императоръ, съ цѣлью подтянуть университетъ и держать въ рукахъ бунтовщиковъ-профессоровъ, уничтожилъ выборныхъ ректоровъ и сдѣлалъ коронныхъ; но это распоряженіе послужило, по крайней мѣрѣ нашему университету, во благо, ибо удалило Перевощикова: Назимовъ, предубѣжденный противъ него разказами Шпейера и находясь въ первое время подъ вліяніемъ Строганова, слышать не хотѣлъ о Перевощиковѣ, какъ постоянномъ коронномъ ректорѣ, и представилъ на это мѣсто прежняго ректора, Альфонскаго. Это было, разумѣется, наше торжество, ибо Перевощиковъ былъ нашъ врагъ, а за Альфонскаго мы стояли въ пользу его противъ Перевощикова. Альфонскій, дѣйствительно, оказался на это время прекраснымъ короннымъ ректоромъ: холодный, апатичный, любившій прежде всего спокойствіе и грань-пасьянсъ, онъ, чтобъ не нарушить собственнаго спокойствія, никогда не рѣшался нарушить спокойствіе другихъ, если только соблюдался внѣшній порядокъ, оказывалось внѣшнее уваженіе къ его превосходительству. „И прекрасно!“ — была его любимая фраза. Удаленіе Уварова изъ министерства, врага Строганова, покровителя Давыдова, Погодина, Перевощикова, Шевырева, не могло опечалить меня, равно какъ и всѣхъ Строгановскихъ. Но и преемникъ его Ширинскій не замедлилъ показать намъ свое татарство. Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ явился въ Москву и прежде всего, разумѣется, сталъ осматривать университетъ, ходить по лекціямъ. Пришелъ ко мнѣ; лекція была первая въ курсѣ; я говорилъ объ источникахъ русской исторіи, о лѣтописи, утверждалъ ея достоверность, опровергалъ скептиковъ, но закончилъ тѣмъ, что она дошла до насъ въ формѣ сборника, причемъ первоначальный текстъ, приписываемый Нестору, возстановить трудно. Что же? на другой день Ширинскій призываетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ

самый начальнический выговоръ за мое скептическое направленіе, что я слѣдую Каченовскому: „Правительство этого не хочет! правительство этого не хочет!“ — кричалъ разъяренный татаринъ, не слушая никакихъ объясненій съ моей стороны. Погодишь могъ радоваться выговору, полученному мною отъ министра; но радовался не долго: тотъ же Ширинскій выхлопоталъ высочайшее повелѣніе не подвергать критикѣ лѣтописнаго извѣстія о смерти Дмитрія-царевича, — слѣдовательно, волею-неволею нужно было утверждать, что Дмитрій убитъ Годуновымъ; точно также запрещено было подвергать критикѣ вопросъ о годѣ основанія русскаго государства, ибо-де 862-й годъ назначенъ *преподобнымъ* Несторомъ; запрещено произносить греческія слова по Эразму, ибо новогреческое произношеніе утверждено православною церковью введеніемъ въ духовныя училища. Понятно, какъ должна была вести себя цензура, подчиненная такому министру. Бывало, съ трепетомъ ждешь нумера журнала, гдѣ помѣщена моя статья: сколько-то выпущено цензурою? И всегда найдешь выпуски и недоумѣваешь, что могло бы заставить выпустить то или другое мѣсто, тотъ или другой отрывокъ изъ акта, уже напечатаннаго въ правительственномъ изданіи. Но какъ догадаться о побужденіяхъ невѣжды, который, спѣша играть въ карты, марааетъ, что ему угодно, ибо знаетъ, что за вымаранное не подвергается отвѣтственности. А у несчастнаго автора разстраивается здоровье отъ этого, ибо кромѣ разбойничьяго похищенія умственной собственности, искаженія литературнаго произведенія, отнималось и матеріальное имущество, отнимался кусокъ хлѣба у семейства.

Я уже упоминалъ объ уничтоженіи философскихъ кафедръ Ширинскимъ. Катковъ остался безъ кафедры; ему слѣдовало получить кафедру педагогіи; но въ это время подбился къ Назимову Шевыревъ и получилъ сильное вліяніе, какъ *преподаватель христіанскій*. Въ это время Шевыревъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на мѣсто Давыдова, переведеннаго Уваровымъ еще въ директоры педагогическаго института. Шевыреву возмнилось, что педагогія должна быть главнымъ руководящимъ предметомъ въ факультетѣ, и потому ее нельзя отдать какому-нибудь Каткову, надобно взять себѣ. Онъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Назимова, тотъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Ширинскаго, и кафедра педагогіи отдана была Шевыреву, который оставилъ за собою и кафедру словесности, самъ получилъ двѣ кафедры, а Катковъ остался безъ мѣста.

Эта продѣлка Шевырева возбудила къ нему страшную ненависть въ нашемъ кружѣ, и когда подошли деканскіе выборы,

то Шевыревъ былъ забаллотированъ, и въ деканы выбранъ Грановскій. Но Шевыревъ не хотѣлъ снести такого пораженія, и Назимовъ съ Шаринскимъ рѣшили, что Грановскій—человѣкъ подозрительный, либераль извѣстный, и потому не можетъ быть деканомъ, вслѣдствіе чего наши выборы были кассированы, и Шевыревъ былъ назначенъ отъ министра деканомъ. Ненависть къ *казенному* декану стала еще сильнѣе.

XIX.

Между тѣмъ я началъ „Исторію Россіи“. Давно, еще до полученія каѳедры, у меня возникла мысль написать исторію Россіи; послѣ полученія каѳедры дѣло представлялось возможнымъ и необходимымъ. Пособій не было; Карамзинъ устарѣлъ въ глазахъ всѣхъ; надобно было, для составленія хорошаго курса, заниматься по источникамъ; но почему же этотъ самый курсъ, обработанный по источникамъ, не можетъ быть переданъ публикѣ, жаждущей имѣть русскую исторію полную и написанную, какъ писались исторіи государствъ въ западной Европѣ? Сначала мнѣ казалось, что исторія Россіи будетъ обработанный университетскій курсъ; но когда я приступилъ къ дѣлу, то нашелъ, что хорошій курсъ можетъ быть только слѣдствіемъ подробной обработки, которой надобно посвятить всю жизнь. Я рѣшился на такой трудъ и началъ съ начала, ибо, какъ уже сказано, предшествовавшіе труды не удовлетворяли. Къ веснѣ 1851 года я приготовилъ первый томъ и отдалъ его въ цензуру. Когда вѣсть объ этомъ распространилась, попечитель Назимовъ, встрѣтивъ меня не помню гдѣ, спросилъ меня, почему я не хочу посвятить своей книги императору, а если не хочу посвятить императору, то посвятилъ бы наслѣднику. Я отвѣчалъ, что не имѣлъ бы ничего противъ посвященія императору, но не считаю себя вправѣ ходатайствовать объ этомъ, — дѣло трудное; притомъ же, пожалуй, отдадутъ мою книгу въ академію наукъ для оцѣнки, достойна ли она чести посвященія, академикъ же Устряловъ уже обнаружилъ ко мнѣ свое нерасположеніе, объявивъ, что моя докторская диссертация не стоитъ Демидовской преміи, на которую я ее представилъ; еслибъ я былъ увѣренъ, что дѣло обойдется безъ академіи?.. „Вы ординарный профессоръ университета, — сказалъ Назимовъ, — вы имѣете полное право просить о посвященіи; напишите мнѣ письмо, я ѣду въ Петербургъ и попрошу министра, чтобъ онъ прямо доложилъ государю“. Я поблагодарилъ доброго „енарала“ и написалъ ему письмо,

которое онъ и повезъ въ Петербургъ. Когда онъ возвратился, я отправился въ нему, и по лицу его сейчасъ увидалъ, что добрякъ не успѣлъ оказать мнѣ услугу. „Министръ,—сказалъ онъ,—никакъ не согласился доложить государю о посвященіи: нельзя, говоритъ онъ, посвящать первый томъ; неизвѣстно, успѣетъ ли онъ кончить; когда кончитъ сочиненіе, тогда я доложу. Послѣ не разъ со смѣхомъ вспоминалъ я объ этомъ обѣщаніи доложить: когда умеръ Ширинскій, умеръ Николай I-й, перемѣнилось много министровъ просвѣщенія,—а „Исторія Россіи“ все не оканчивалась, выходя каждый годъ. Съ радостью вспоминаю я и о томъ, что книга не была посвящена Николаю. Впрочемъ, дѣло этимъ не кончилось. Первый томъ оканчивался печатаніемъ въ августу 1851 года. Въ это время Москва находилась въ сильномъ движеніи; ждали приѣзда императора, который хотѣлъ въ первопрестольной столицѣ праздновать двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Назимовъ опять говоритъ мнѣ: „Хотя посвященіе и не дозволено, но приготовьте подносные экземпляры: я поднесу ихъ императору и всѣмъ членамъ царской фамиліи, которые приѣдутъ въ Москву“. Я приготовилъ экземпляры и отвезъ попечителю. Императоръ приѣзжаетъ, и скоро разносится слухъ, что онъ мраченъ, недоволенъ: онъ ждалъ болѣе торжественнаго приѣма, ждалъ поднесенія титуловъ за двадцатипятилѣтнее славное царствование, и ничего не было. Какое вліяніе это неудовольствіе монарха имѣло на судьбу моей книги, я не знаю; знаю, что Назимовъ передалъ мнѣ письменную благодарность наследника (впоследствии государя Александра II), устную благодарность другихъ членовъ фамиліи, а объ экземплярахъ для императора сказалъ, что ген.-губернаторъ гр. Закревскій взялъ его у него для поднесенія императору; но что случилось съ этимъ экземпляромъ—мнѣ неизвѣстно: побоялся ли Закревскій подносить профессорскую книгу, швырнулъ ли ее раздраженный царь—ничего не знаю; знаю одно, что Назимовъ въ присутствіи приближенныхъ людей горевалъ, что я не получилъ подарка за поднесенный экземпляръ.

Но дѣло и этимъ не кончилось. Весною 1852 года выходилъ изъ печати второй томъ „Исторіи Россіи“. Я спрашиваю Назимова, готовить ли подносные экземпляры; тотъ отвѣчаетъ, что готовить: „Я,—говоритъ онъ,—отшлю ихъ для поднесенія министру, съ увѣдомленіемъ, что первый томъ поднесенъ“. Экземпляры приготовлены, отправлены въ Петербургъ. Какія же слѣдствія? Не помню, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ меня требуютъ въ канцелярію попечителя, останавливаютъ у загородки, отдѣлившей столы чиновниковъ отъ мѣста, гдѣ должны были стоять

просители, и правитель канцеляріи читаетъ мнѣ бумагу министра, гласящую, чтобъ я не смѣлъ беспокоить его сіятельство присылкою подносныхъ экземпляровъ моей „Исторіи“, что они подносими быть не могутъ до окончанія сочиненія, присланные же экземпляры будутъ до этого времени храниться въ министерствѣ. Рѣшительно не понимаю, чтѣ заставило Назимова, котораго не перестану называть добрымъ человекомъ, сдѣлать мнѣ такой аффронтъ: развѣ онъ не могъ показать мнѣ бумагу у себя дома, или переслать ко мнѣ копію? Но среди такихъ любезностей одно мнѣ нѣсколько польстило. Изъ членовъ царской фамиліи въ 1851 году не было великаго князя Константина Николаевича. Вскорѣ послѣ отъѣзда царскаго изъ Москвы я получаю письмо отъ секретаря великаго князя, Головинина, въ которомъ онъ пишетъ, что ген. Муравьевъ указалъ великому князю на мою книгу, великій князь прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ и проситъ присылать къ нему слѣдующіе томы, даже за границу, куда великій князь отправляется.

До сихъ поръ написаніе русской исторіи считалось у насъ, какъ нѣкогда составленіе лѣтописи, дѣломъ государственнымъ. При изъясненіи намѣренія оказывались всевозможныя пособія. Карамзину данъ былъ титулъ исторіографа вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употреблялся на Западѣ, но данъ былъ для того, чтобъ написанію и древней русской исторіи дать значеніе труда государственнаго. Устряловъ точно также принялся за написаніе исторіи Петра Великаго съ богатыми субсидіями отъ правительства. Полевой сдѣлалъ свой наѣздъ на русскую исторію не на счетъ государства, а на счетъ общества. Я предпринялъ свой трудъ съ чисто-научною цѣлью выучиться самому, чтобъ быть въ состояніи читать сколько-нибудь достойный университета курсъ русской исторіи и дать средство другимъ знать основательно свою исторію, а не толковать вѣсь и вервь о ней, и чтобъ отнять занятіе у людей-охотниковъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Но при этомъ я не либеральничалъ, и когда правительственное лицо предложило мнѣ отдать мой трудъ подъ покровъ государя, посвятить императору, хотя и антипатичному мнѣ, я согласился. Посвященіе и даже поднесеніе книги было отвергнуто, государство отказалось отъ моего труда; какъ же отнеслось къ нему общество?

Сначала появленіе книги было принято очень радушно; 1.200 экземпляровъ перваго изданія разошлись быстро; книгопродавецъ Салаевъ купилъ у меня большинство экземпляровъ и послѣ самъ мнѣ признавался, что покупка была для него очень

выгодна. Но скоро ополчился легіонъ, съ тѣмъ, чтобъ стереть съ лица земли дерзкаго профессоршкѣ, осмѣливагося стать на высоту Карамзина. Это мое выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ будетъ понятно молодымъ поколѣніямъ. Въ литературахъ сильныхъ, развитыхъ, гдѣ много обширныхъ и важныхъ историческихъ сочиненій, начало обширнаго и важнаго историческаго труда встрѣчается сочувственно, не нарушая правъ другихъ знаменитостей, правъ законно приобрѣтенныхъ. Въ нашей литературной степи было не такъ. Послѣ ставшаго неудобоваримымъ Щербатова, внутренними и вѣшними средствами поднялась знаменитость — Карамзинъ. Явленіе не прошло безъ завистливыхъ протестовъ со стороны ученой братіи и со стороны шумливыхъ и невѣжественныхъ либераловъ, этой язвы нашего земскаго общества, убивающей въ немъ всякое правильное движеніе къ свободѣ. Карамзинъ свысока, аристократически равнодушно взглянулъ на чернорабочихъ копотуновъ, да и нельзя было иначе, когда они, выругавшись, протягивали къ нему руку за милостынею, какъ Ходаковский; но шумливый протестъ либераловъ затронулъ исторіографа, тѣмъ болѣе, что съ крикунами надобно было встрѣчаться въ великосвѣтскихъ салонахъ; чтобъ помирить ихъ съ своею исторіею, онъ бросилъ имъ искаженный, разсѣченный пополамъ трупъ Ивана Грознаго; но умиловительная жертва не помогла; либераламъ нужно было пожертвованіе не случайностью, не лицомъ, а принципомъ. Впрочемъ, Карамзинъ понапрасну тревожился, прикрытый щитами кружка, сильнаго дарованіями чиновъ, ихъ общественнымъ и государственнымъ положеніемъ, прикрытый и отношеніями въ императору. По смерти Карамзина, кружокъ сдѣлалъ изъ него полубога, и горе дерзкому, который бы осмѣлился поставить свой алтарь подлѣ божества. Неудавшаяся попытка Полевого еще болѣе утвердила кружокъ въ томъ мнѣніи, что идолъ его останется навсегда на недосягаемой высотѣ и блескомъ своихъ лучей будетъ освѣщать ихъ и давать имъ значеніе. Легко теперь понять, съ какимъ чувствомъ Блудовъ и Вяземскій встрѣтили появленіе перваго тома „Исторіи Россіи“, тѣмъ болѣе, что они имѣли основаніе опасаться успѣха: трудъ ученый, являющійся черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ Карамзина; авторъ могъ воспользоваться всѣми успѣхами исторической науки и далъ уже въ прежнихъ трудахъ своихъ задатокъ, что способенъ ими воспользоваться, способенъ удовлетворить настоящимъ потребностямъ образованныхъ русскихъ людей, — такой трудъ могъ отдалить „Исторію государства російскаго“ на второй планъ не по значенію его въ исторіи русской

литературы, а для настоящихъ потребностей публики, и этого опасенія уже было очень достаточно для жрецовъ Карамзина. Блудовъ, человѣкъ вообще очень привѣтливый, хорошаго тона, рѣшился сказать мнѣ въ лицо, что мое предпріятіе очень смѣло — писать русскую исторію послѣ Карамзина; другое дѣло, еслибъ я читалъ лекціи о русской исторіи, которыя я читаю въ университетѣ. Я отвѣчалъ, что заглавіе лекцій было бы странно для труда, который грозитъ быть очень обширнымъ, многотомнымъ. Это еще болѣе озлило Блудова, и онъ сказалъ нелѣпность, показавшую все его невѣжество. „Да,—сказалъ онъ,—и въ Англіи пробовали писать многотомныя исторіи, а до Юма-то не достигли“. Здѣсь встаетъ сказать нѣсколько словъ о Блудовѣ, ибо онъ представляетъ явленіе, возможное только въ русскомъ обществѣ второй половины XIX вѣка. Вездѣ такъ называемое счастье играетъ важную роль, но нигдѣ оно не играетъ такой громадной и такой безобразной роли, какъ у насъ на Руси (о, Русь! о, гиз!), и Блудовъ представляетъ баловня этого безобразнаго счастья. Небогатый, незнатный, непригожій, недаровитый, онъ достигъ высшей степени чести, до какой только можно достигнуть подданному; человѣкъ съ самымъ поверхностнымъ образованіемъ, которое въ послѣдствіи стерлось въ слѣдствіе общей нашимъ знатымъ людямъ привычки не читать, по недостатку времени, тратягося на множество пустяковъ, Блудовъ до самаго конца слылъ самымъ образованнымъ человѣкомъ, что объявлялось на весь свѣтъ въ императорскихъ рескриптахъ. Эта репутація происходила отъ того, что онъ сначала принадлежалъ къ литературному кружку, имѣвшему значеніе наверху, терся около Карамзина, Жуковского, Вяземскаго, Пушкина, и потомъ, поднявшись по служебной лѣстницѣ, сталъ меценатствовать. Но, какъ уже сказано, изъ этого покровительства исключался несчастный московскій профессоръ, осмѣлившійся писать „Исторію Россіи“. Блудовъ, который, конечно, не прочелъ ни одной страницы этой исторіи, пользовался своимъ значеніемъ, чтобы топтать ее, а легко понять, какое значеніе имѣли публичные презрительные отзывы о моей книгѣ въ устахъ государственнаго мужа и образованнѣйшаго человѣка. Другой жрецъ Карамзина, кн. Вяземскій, также счелъ своею обязанностью вооружиться за монополію своего культа: его отношенія ко мнѣ видны всего лучше изъ того, что когда, въ послѣдствіи, я былъ приглашенъ преподавать цесаревичу, то Вяземскій счелъ своею обязанностью протестовать у императрицы, выставивъ, что я буду держаться взглядовъ противоположныхъ Карамзину, взгляды котораго по русской

исторіи одни суть истинныя и достойныя внушенія царственному отроку. Строганову стоило труда настоять на своемъ; но затруднительное положеніе Строганова высказалось: съ необыкновеннымъ въ немъ волненіемъ началъ онъ мнѣ вдругъ говорить, чтобъ я ни подъ какимъ видомъ не говорилъ Наслѣднику ничего противъ Карамзина. Когда я посмотрѣлъ на него изумленными глазами, то онъ принялъ это изумленіе за несогласіе и съ новымъ жаромъ началъ настаивать; тогда я разсердился и сказалъ, что напрасно онъ такъ беспокоится, у меня нѣтъ никакого побужденія и нѣтъ времени занимать Наслѣдника критикою „Исторіи Государства Россійскаго“.

Легко понять, какъ эти жрецы полубога Карамзина обрадовались, когда увидали, что все, что претендовало на какое-нибудь занятіе русскою исторіею, съ ожесточеніемъ накинuloся на „Исторію Россіи“. Этимъ господамъ было легко до сихъ поръ: на безрыбьи всѣ раки были рыбы, привыкли въ равенству при отсутствіи авторитетовъ; мертвый Карамзинъ не стѣснялъ; живые Погодинъ и Устряловъ—также, ибо всякій мальчуганъ считалъ для себя дозволеннымъ пройти на ихъ счетъ съ насмѣшкою, при очень небольшомъ уваженіи въ нимъ въ обществѣ. Успѣхъ двухъ моихъ диссертаций смутилъ, покоробилъ; сильно обрадовались, когда Погодинъ началъ полемизировать противъ нихъ, но все не было дружнаго ожесточеннаго нападенія; молодой профессоръ написалъ двѣ диссертации пописываетъ въ журналахъ—этимъ пожалуй все и кончится, и вдругъ дерзкій выдаетъ „Исторію Россіи“—первый томъ, значитъ, будутъ и другіе томы,—дерзкій, которому исполнилось только тридцать лѣтъ, въ Карамзины лѣзетъ, хочетъ быть господствующимъ авторитетомъ! Это нельзя было перенести равнодушно. Но, разумѣется, прежде всѣхъ не могъ перенести этого равнодушно Погодинъ. Просидѣлъ двадцать слишкомъ лѣтъ на кафедрѣ, приобрѣлъ авторитетъ перваго знатока Русской Исторіи, и на повѣрку что сдѣлалъ?—написалъ двѣ диссертации о Варягахъ и Несторѣ. А этотъ молокососъ не только въ два года своего профессорства написалъ двѣ диссертации, и теперь приступилъ къ изданію обширной исторіи, хочетъ быть Карамзинымъ. Что же ему, Погодину, въ гробъ, что-ли, ложиться? Лучше въ гробъ, чѣмъ ступеваться предъ какимъ-нибудь Соловьевымъ. Одна надежда, что дерзкое предпріятіе рухнетъ, какъ рухнула „Исторія Русскаго народа“ Полевого; но надобно ускорить это паденіе, ополчиться и разнести по камешкамъ зданіе при самомъ его началѣ, разнести фундаментъ. Сотрудниковъ много. Съ шипѣніемъ, съ пѣною у

рта собирается около почтеннѣйшаго Михаила Петровича, ставшаго чрезвычайно популярнымъ, дружина, и походъ объявленъ. „Москвитининъ“ открылъ свои страницы ругательными статьями противъ меня. Выступилъ какой-то Мстиславцевъ — но кто его знаетъ и помнитъ? Выступилъ Бѣляевъ, которому я до тѣхъ поръ доставлялъ уроки, но который теперь нашелъ гораздо пріятнѣе и выгоднѣе для себя пристать къ кружку, могущему много сдѣлать для него, благодаря покровительству Блудова; Бѣляевъ, дѣйствительно, награжденъ былъ щедро по архиву юстиціи, гдѣ служилъ, и потомъ, по настоянію Погодина и Шевырева предъ Назимовымъ, попалъ въ профессора московскаго университета по кафедрѣ исторіи русскаго права. Бѣляевъ, по своей способности борзописанія, взялъ на себя задачу по косточкамъ разбирать „Исторію Россіи“, не оставить ни одной строки безъ возраженія. Камни возопили; Калачовъ написалъ къ что; Погодинъ и дружина его могли рассчитывать на успѣхъ: постояннымъ ругательствомъ, исходящимъ отъ людей, считающихся специалистами, ошеломить русскую зеленую публику, остановить успѣхъ книги, ходъ ея, раздражить и утомить автора, который, видя себя окруженнымъ врагами и не видя ни откуда помощи, откажется отъ бесполезной борьбы. Дѣйствительно, я пережилъ тяжелое время зимою 1851—52 года; я счелъ нужнымъ отчислиться и отъ Бѣлева, и отъ Калачова, — трудъ страшно непріятный; трудъ защиты и трудъ одинокій. Но сила Божія въ немощи совершается; никогда не приходила мнѣ въ голову мысль отказаться отъ своего труда, и въ это печальное для меня время я приготовилъ и напечаталъ 2-й томъ „Исторіи Россіи“, который вышелъ весною 1852 года. Какъ видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами исторіи, постоянно ежегодно выходившими; 3-й и 4-й томы не опоздали. Книга шла, несмотря на продолжавшуюся руготню въ „Москвитининѣ“. Своею твердостью — я выигрывалъ дѣло въ глазахъ публики, а Погодинъ проигрывалъ — усиленіемъ ругательствъ, такъ что пріятель его сочли нужнымъ внушить ему, чтобъ онъ остановилъ ругательства, сильно ему вредившія.

XX.

Въ 1853 году, раннею весною, я поѣхалъ въ Петербургъ въ первый разъ, для сбора матеріаловъ въ Публичной Библіотекѣ, и былъ очень доволенъ, особенно напавши на тверскую лѣто-

пись. По приѣздѣ, сдѣлалъ визитъ министру просвѣщенія; швейцаръ отвѣчалъ: „Князь у насъ очень боленъ, никого не принимаетъ“. Черезъ нѣсколько дней я узналъ о кончинѣ сего князя Ширинскаго. Передъ отъѣздомъ я отправился съ визитомъ къ его преемнику, Норову, отъ котораго пахнуло на меня сейчасъ же сильною оттепелью. Норовъ поразилъ меня своею противоположною покойному министру. Прекрасное, симпатичное лицо съ грустнымъ оттѣнкомъ, добродушная привѣтливость, отсутствіе всего казарменнаго и департаментскаго — вотъ черты, которыя пріятно поражали въ Норовѣ. Но съ первыхъ же словъ поразило меня въ Норовѣ и неумѣнье избѣгать крайностей, характеризующее всѣхъ нашихъ господъ, наверху стоящихъ, и въ Норовѣ, по мягкости его натуры, видное болѣе, чѣмъ въ комъ-либо. — „А, чай, какъ вы насъ, Сергѣй Михайловичъ, ругаете, ругаете!“ — обратился вдругъ ко мнѣ Абрамъ Сергѣевичъ. — „За что, в. п—ство?“ — спросилъ я съ удивленіемъ. — „Да за цензуру-то; но вѣдь вы не знаете, съ какими препятствіями мы должны бороться“, и проч. Удивительное дѣло! Защитники Николая толковали и толкуютъ, что цензурныя безобразія не отъ него происходили, что онъ не зналъ объ нихъ, и еслибъ зналъ, то не позволилъ бы. Но почему же императоръ объ нихъ не знаетъ? Почему люди близкіе къ нему и привязанные къ нему не дали ему знать объ нихъ, какъ о явленіяхъ противныхъ его славы и пользы народа, почему позабыли свою присягу? Дѣло въ томъ, что Николай стоялъ спиной къ литературѣ; это знали и подлаживались изъ подлости къ положенію господина, не имѣя никакого сочувствія къ литературѣ, — провались эта дрянь, а понадобится что-нибудь прочесть отъ скуки, прочтемъ и французскую книжку; а другіе, немногіе, которые не такъ смотрѣли на дѣло, не смѣли подступиться къ деспоту съ непріятными для него представленіями, изъ робости, — слѣдовательно, тоже изъ подлости. Но понятно, что эти люди, замерзѣлые въ подлости, привыкшіе преклоняться предъ силою, привыкшіе не смѣть своего сужденія имѣть, при перемѣнѣ правленія, при появленіи новыхъ силъ, будутъ не въ состояніи вести дѣло систематически, правильно, разумно, станутъ трусить и подличать предъ новою силою, и такъ какъ старая сила еще оставалась, то будутъ двувѣрниками, представлять явленіе постыднаго служенія и нашимъ и вашимъ, рабство во дворцѣ, исканіе всѣми средствами милости владыки и въ то же время либеральничанья, заискиванья у литературныхъ и всякихъ демагоговъ.

Время, въ которое должны были обнаружиться эти печаль-

ныя явленія, приближалось. Надвигалась страшная туча надъ Николаемъ и его дѣломъ, туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилѣтнюю ложь, тридцатилѣтнее давленіе всего живого, духовнаго, подавленіе народныхъ силъ, превращеніе русскихъ людей въ палки, за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего въ несчастію такъ мало приготовила наша исторія,—именно самостоятельности и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ самый гениальный и благонамѣренный остается безполезнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ: „Тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной, военной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны, Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся“. И это утѣшеніе было отнято въ доказательство, что духъ есть иже живить, плоть ничтоже пользуется, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство, что сила и матерія—не одно и то же.

Въ то самое время, какъ сталъ грохотать громъ надъ головою новаго Навуходоносора, когда Россія стала терпѣть непривычный позоръ военныхъ неудачъ, когда враги явились подъ Севастополемъ, мы находились въ тяжкомъ положеніи: съ одной стороны, наше патріотическое чувство было страшно оскорблено униженіемъ Россіи; съ другой, мы были убѣждены, что только бѣдствіе, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворотъ, остановить дальнѣйшее гненіе; мы были убѣждены, что успѣхъ войны затянулъ бы еще крѣпче наши узы, окончательно утвердилъ бы казарменную систему; мы терзались извѣстіями о неудачахъ, зная, что извѣстія противоположныя приводили бы насъ въ трепетъ. Въ массѣ народной замѣтно было равнодушіе; причина войны не была ясна, правительственнымъ извѣстіямъ не вѣрили, причины неудачи не понимали, жертвовали машинально, патріотическія писанія въ стихахъ и прозѣ отличались поддѣльнымъ чувствомъ, не производили впечатлѣнія, все отличалось казенностью, какъ и слѣдовало.

Я находилъ отвлеченіе отъ тяжелыхъ думъ въ трудахъ надъ пятымъ томомъ „Исторіи Россіи“; были и другія занятія. Университетъ готовился праздновать столѣтній юбилей 12-го января 1855 года. Была назначена коммиссія для приготовленія къ торжеству—изъ декановъ Шевырева и Баршева (декана юридическаго факультета) и изъ профессоровъ Морошкина, Грановскаго и меня. Исторію университета взялся написать Шевыревъ; но я долженъ былъ участвовать въ словаряхъ профессоровъ и замѣ-

чательныхъ воспитанниковъ университета; кромѣ того, долженъ былъ написать рѣчь на актъ о Шуваловѣ. Самодержецъ, умиченный бѣдою, явился благосклоннымъ къ университету, при чемъ не безъ вліянія былъ благодушный новый министръ просвѣщенія, Норовъ. Человѣкъ, потерявшій ногу при Бородинѣ, явился безпристрастнымъ и правдивымъ оцѣнщикомъ благонамѣренности русскихъ ученыхъ, болѣе безпристрастнымъ и правдивымъ, чѣмъ блестящій ученый и потому подозрительный Уваровъ и трепещущій подъячій Ширинскій. Норову удалось выхлопотать позволеніе представлять императору лучшія произведенія русскихъ ученыхъ и литераторовъ; моя „Исторія Россіи“ была представлена, вслѣдствіе чего я удостоился получить монаршее благоволеніе осенью 1854 года. Смягченіе Николая и вліяніе Норова высказались и на самомъ юбилей въ ласковомъ рескриптѣ, въ очень щедрыхъ по тому времени наградахъ; Норовъ сдѣлалъ такъ, что получили награды только выдающіеся по своимъ способностямъ и учено-литературнымъ заслугамъ профессора; Грановскій и я получили орденъ Анны 2-й степени, но потомъ Назимовъ, уже послѣ юбилея, представилъ гуртомъ почти всѣхъ ординарныхъ профессоровъ къ той же наградѣ и хвастался своимъ подвигомъ: „Когда это бывало въ университетахъ, чтобъ ордена профессорамъ ящиками возили?“ — не думая по своей простотѣ, что значеніе отличія уронено. Моя рѣчь о Шуваловѣ не была произнесена на актѣ. Шевыревъ истомилъ публику своею рѣчью, очень длинною; давка и духота были невыносимы; профессора должны были стоять около кафедры, сѣсть было негдѣ, а тутъ Норовъ безпрестанно вызываетъ меня къ себѣ, проситъ, чтобъ я что-нибудь сократилъ въ своей рѣчи. Я исчеркалъ весь свой экземпляръ карандашомъ, отмѣчая, что выкинуть; наконецъ, Норовъ вызываетъ меня и объявляетъ, что рѣчь вовсе не можетъ быть произнесена по недостатку времени и истомленію публики. Послѣ, когда рѣчь была напечатана, я былъ изумленъ отзывами, что она производитъ сильное впечатлѣніе своею смѣлостью и либеральностью. Я нарочно привожу это для того, чтобъ читатели поняли, что въ Николаевское время считалось смѣлымъ и либеральнымъ. Самаринъ, пресловутый либералъ и страдалецъ за смѣлость, встрѣтивъ меня гдѣ-то, поздравилъ съ успѣхомъ моей рѣчи между либералами и объявилъ, что самъ Чаадаевъ такъ восхитился ею, что переводить ее на французскій языкъ. Но переводъ не былъ оконченъ, и впечатлѣніе моей рѣчи исчезло: раздался свистокъ судьбы, декораціи перемѣнены, и я изъ либерала, нисколько не мѣняясь, сталъ консерваторомъ.

Послѣ 15-го февраля, стали ходить слухи, что императоръ боленъ. 19-ое число было воскресенье; я пошелъ къ обѣднѣ въ свой приходъ (Николы-на-Пескахъ на Арбатѣ), въ которомъ былъ прихожаниномъ также и Хомяковъ; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Теперь, должно быть, уже присягаютъ въ сенатѣ: умеръ!“ Эти перемены царствующихъ лицъ при нашей формѣ правленія производятъ особое какое-то, ошеломляющее и отупляющее вначалѣ впечатлѣніе. Конечно, я не былъ опечаленъ смертью Николая, но въ то же время чувствовалось не по себѣ, примѣшивалось безпокойство, опасеніе: что если еще хуже будетъ? Человека вывели изъ тюрьмы, хорошо, легко дышать свѣжимъ воздухомъ; но куда ведутъ?—можетъ быть, въ другую, еще худшую тюрьму? Хорошо, если выпустятъ на свободу. Возвратясь домой, я напелъ повѣстку—явиться въ мундирѣ въ университетскую церковь, для принесенія присяги. Пріѣхавши въ церковь, я встрѣтилъ на крыльцѣ Грановскаго; первое мое слово ему было: „умеръ!“ Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ умеръ; удивительно то, что мы съ вами живы“. То тревожное, ненормальное состояніе, въ какомъ мы тогда находились, располагаетъ къ суевѣрію. Такъ какъ это было воскресенье, то по обычаю я поѣхалъ обѣдать къ старику-отцу, и тутъ пришло извѣстіе, что во время звона на Ивановской колокольнѣ часть ея внутри обрушилась и задавила людей. Само по себѣ печальное событіе въ этотъ день произвело на всѣхъ особенно непріятное впечатлѣніе. Люди надѣются лучшаго, а тутъ въ первую же минуту черное предвѣщаніе! Но это впечатлѣніе, разумѣется, было непродолжительно, стали жить надеждою. Какъ-то я зашелъ къ Хомякову. Тотъ надѣялся по-своему: „Будетъ лучше,—говорилъ онъ;—замѣтьте, какъ идетъ родъ царей съ Петра,—за хорошимъ царствованіемъ идетъ дурное, а за дурнымъ—непремѣнно хорошее: за Петромъ I, Екатерина I—плохое царствованіе, за Екатериною I Петръ II—гораздо лучше; за Петромъ II Анна—скверное царствованіе; за Анною Елисавета—хорошее; за Елисаветою Петръ III—скверное; за Петромъ III Екатерина II—хорошее; за Екатериною II Павелъ—скверное; за Павломъ Александръ I—хорошее; за Александромъ I, Николай—скверное; теперь должно быть хорошее. Притомъ,—продолжалъ Хомяковъ,—нашъ теперешній государь страстный охотникъ, а охотники всегда хорошіе люди; вспомните царя Алексѣя Михайловича, Петра II“. Въ разговорахъ съ Хомяковымъ я обыкновенно улыбался и молчалъ; Хомяковъ точно также улыбался и трещалъ. „А вотъ,—продолжалъ онъ,—Чаадаевъ никогда со

мною не соглашается, говорить объ Александрѣ II:—развѣ можетъ быть какой-нибудь толкѣ отъ человѣка, у котораго такіе глаза!“—И Хомяковъ залился своимъ звонкимъ хохотомъ. Вотъ какъ главы двухъ противоположныхъ московскихъ кружковъ отзывались о новомъ главѣ Россіи!

Первое время новаго царствованія умы были заняты печальнымъ исходомъ восточной войны. Александръ II прежде всѣхъ другихъ распоряженій по громадному наслѣдству долженъ былъ заплатить страшный долгъ, заключить постыдный миръ, какого не заключали русскіе государи послѣ Прута. Новый императоръ чувствовалъ всю тяжесть этого дѣла, весь поворотъ его. Не знаю, оправдывалъ ли онъ себя внутренно, складывая всю вину на родителя, но историкъ, не оправдывая и не обвиняя, долженъ объяснить дѣло. Въ этомъ первомъ актѣ выразился характеръ новаго властителя и его положеніе, его окруженіе. Рожденный безъ выдающихся способностей, безъ энергій, онъ получилъ образованіе самое одностороннее и, при умственной лѣни, не подумалъ употребить долгое время наслѣдничества на пополненіе недостатковъ образованія чтеніемъ и обращеніемъ съ людьми живыми и знающими: послѣднее, впрочемъ, если и не невозможно, то крайне трудно для наслѣдниковъ русскаго престола. Кромѣ обычныхъ военныхъ упражненій, Николай поручилъ своему наслѣднику начальство надъ военно-учебными заведеніями, что могло имѣть одну пользу — закрѣпить въ памяти будущаго государя предметы общаго образованія по учебникамъ кадетскихъ корпусовъ, ибо наслѣдникъ усердно посѣщалъ экзамены. Въ римской имперіи императоры восходили на престолъ изъ разныхъ званій; въ Россійской имперіи Александръ II вошелъ на престолъ изъ начальниковъ военно-учебныхъ заведеній. При востествіи Александра II на престолъ, внѣшнія дѣла были вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобъ энергическому государю нельзя было выйти изъ войны съ сохраненіемъ достоинства и существенныхъ выгодъ. Внутри не было изнеможенія, крайней нужды; новый государь, котораго всѣ хотѣли любить какъ *новаго*, обратился къ этой любви и къ патріотизму, непремѣнно вызвалъ бы громадныя силы; война была тяжка для союзниковъ, они жаждали ея прекращенія, и рѣшительный тонъ русскаго государя, намѣреніе продолжать войну до честнаго мира непремѣнно заставили бы ихъ попытаться назадъ. Для отнятія предлога къ продолженію войны нужно было уступить Европѣ совокупное право распоряжаться турецкими дѣлами, но не уступать ничего болѣе — ни Дунайскаго устья, ни черноморскаго флота. Англичане одни не

могли вести войны, вся сила союза была у Франціи: нужно было прямо сблизиться съ Наполеономъ, что новому императору русскому было легко сдѣлать безъ всякаго униженія,—нужно было обѣщать Наполеону все относительно Италіи и Австріи. Пусть бы при содѣйствіи русскаго оружія Франція взяла Савойю и Ниццу, которыя взяла и безъ русскаго содѣйствія; но тогда французское пріобрѣтеніе уравновѣшивалось бы сохраненіемъ устьевъ Дуная, черноморскаго флота и пріобрѣтеніемъ Галиціи; ничто не могло быть популярнѣе войны съ Австріею,—Пруссія тогда не двинулась бы за Австрію, Пруссію можно было бы легко приманить. Но для этого, кромѣ широты взгляда, необходимы были смѣлость, способность къ почину дѣла, энергія. Ихъ не доставало у новаго императора, какъ у одного человѣка; ихъ бы достало у него, еслибы онъ былъ поддержанъ окруженіемъ, во около него не было ни одного человѣка силы умственной и нравственной. Его окружали тѣ же люди, съ которыми и Николай, изъ ложнаго страха воевать съ цѣлою Европою, стали пятиться назадъ и этимъ навязалъ себѣ на шею коалицію; и теперь раздавались одни возгласы: „Миръ, миръ, во что бы то ни стало!“—и миръ былъ заключенъ послѣ паденія Севастополя, тогда какъ Севастополь игралъ тутъ именно ту же роль, какую играла Москва въ 1812 году: тутъ-то, послѣ этой жертвы, и надобно было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, чтобъ именно заставить союзниковъ ее кончить. Несмотря на то, что новый императоръ исполнялъ свято сыновнія обязанности, относясь благоговѣнно къ памяти Николая, котораго всюду величалъ незабвеннымъ,—съ перваго же раза почувствовалась реакція, перегибаніе дуги. Самъ императоръ естественно желалъ быть популярнымъ, какъ добрый, хорошій человѣкъ; кромѣ того, внутренними популярными преобразованиями желалъ заставить забыть позоръ внѣшнихъ отношеній. Въ природѣ его не лежало столько твердости, чтобъ самому умѣрять эти два сильныя стремленія, и, главное, не доставало широты взгляда, а этотъ недостатокъ проистекалъ отъ незнанія Россіи, ея настоящаго и прошлаго, незнанія умоначертанія своего народа и положенія различныхъ общественныхъ слоевъ; онъ дѣйствовалъ въ потемкахъ, часто шелъ не туда, спотыкался, озадачивался и трусилъ тамъ, гдѣ нечего было бояться, и шелъ прямо, бодро туда, гдѣ была дѣйствительно опасность. Изъ окружающихъ не было никого, кто бы освѣтилъ для него эту тьму; все это были слѣпыя; нѣкоторые изъ нихъ могли не одобрять стремленій императора, желали остаться при старомъ, Нико-

лаевскомъ; нѣкоторые желали идти потише, поосторожнѣе, но они обнаруживали свое неодобреніе тайнымъ или явнымъ ворчаніемъ, и никто не смѣлъ, а главное, не умѣлъ, высказать свое мнѣніе предъ императоромъ: все это были лакеи, привыкшіе предъ господиномъ только льстить и поддаивать, говорить одно пріятное, для заискиванія добраго расположенія и ласки барина. Но, что хуже всего, эти господа, воспитанные въ Николаевскомъ рабствѣ, не имѣли никакого гражданскаго мужества; они привыкли преклоняться предъ всякою силою, и когда Александръ II, по своей внутренней слабости и отсутствію внѣшней поддержки, не могъ сдерживать реакціи, ослабилъ пружины власти и этимъ далъ просторъ такъ называемому отрицательному направленію, когда снизу раздались громкіе крики,—царская дворня, привыкшая только къ крикамъ команды, приняла и эти крики за крики команды, смутилась, не знала, что дѣлать, попавши между двухъ огней,—и началось постыдное двоедушіе, двулѣтіе, начали ставить свѣчи обоимъ богамъ, несмотря на ихъ противоположность; и кто чѣмъ болѣе подличалъ, льстилъ, заявлялъ свою преданность власти, тотъ всего сильнѣе подличалъ, льстилъ, заявлялъ свою преданность предъ представителями новой силы, всѣхъ больше либеральничалъ, и все это—въ одно и то же время.

У всѣхъ, начиная съ самого императора и его семейства, было стремленіе вырваться изъ Николаевской тюрьмы; но тюрьма не воспитываетъ для свободы, и потому легко себя представить, какъ будутъ куралесить люди, выпущенные изъ тюрьмы на свѣтъ, сколько будетъ обмороковъ у людей отъ непривычки къ свѣжему воздуху. Первымъ дѣломъ было бѣжать какъ можно дальше отъ тюрьмы, проклиная ее; слѣдовательно, первое проявленіе дѣятельности интеллигенціи должно было состоять въ ругательствѣ, отрицаніи, обличеніи, и все, что говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать; а гдѣ же созиданіе, что поставить вмѣсто разрушеннаго? На это не было отвѣта, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать, относиться критически къ явленію, сказать самимъ собой и другимъ: „Куда же мы бѣжимъ, гдѣ цѣль движенія, гдѣ остановка?“ Для подобныхъ вопросовъ требовалась твердость, гражданское мужество; но на эти качества давнымъ давно спроса не было, ихъ давно перестали поэтому предлагать, они вывелись; была мода—молчать и не думать; теперь пришла мода—кричать и отрицать, бранить все существующее; и желавшіе жить по модѣ принялись кричать, бранить, отрицать существующее. Въ концѣ-концовъ должны были придти къ одному рѣшенію: создать

мы не умѣемъ, насъ этому не учили, а существующее скверно, и потому надобно разрушить сплошь все—вотъ наше дѣло, а тамъ новое, лучшее, создастся само собою.

Хотя было мало, очень мало, но все же были люди съ авторитетомъ, люди науки, люди мысли и опыта, которымъ было не подѣ-стать бѣжать, какъ угорѣлымъ, невѣдомо куда, которые могли поднять голосъ противъ такого бѣгства, пригласить остановиться, подумать, поусумниться въ пользѣ и необходимости безцѣльной бѣготни. Такихъ людей было мало, и главное, для укрѣпленія ихъ авторитета не было почвы, ибо въ Николаевское время все стремилось уничтожить эту почву; человѣкъ мысли и знанія былъ гонимъ. Если онъ имѣлъ вліяніе въ небольшомъ кружкѣ, то вслѣд-ствие оппозиціи правительству, существующему порядку, вслѣд-ствие того, что онъ необходимо относился отрицательно къ существующему. Бѣда была въ томъ, что въ это несчастное время самый положительный человѣкъ былъ отрицателемъ, и своимъ авторитетомъ приучалъ къ отрицанію. Да и такихъ людей, повторяю, было очень мало, а большинство людей, стоящихъ на-верху и долженствующихъ быть авторитетами, было таково, что подрывало всякій авторитетъ: это были глупцы, или, по крайней мѣрѣ, невѣжды и некрасивые въ нравственномъ отношеніи; надъ ними смѣялись, ихъ презирали, предъ ними преклонялись только физически, служебно, съ ненавистью въ сердцахъ, съ проклятемъ на устахъ: гдѣ же тутъ могла быть привычка къ авторитету, нравственная дисциплина?

XXI.

Я сказалъ, что все, начиная съ самого верха, стремилось выйти изъ положенія, созданнаго Николаемъ. Прежде всѣхъ стремился императоръ, который хотѣлъ быть популярнымъ, хотѣлъ громкими дѣлами внутренняго преобразованія загладить позоръ Парижскаго мира. Миръ былъ заключенъ, чтобъ поскорѣ имѣть возможность заняться внутренними дѣлами, разстройству которыхъ приписывалась военная неудача; слѣдовательно, возстановленіе народныхъ силъ черезъ перемѣну системы посредствомъ внутреннихъ преобразованій дать возможность Россіи подняться опять и во внѣшнемъ значеніи, и утвердить его прочно. Этотъ естественный, правильный, необходимый выводъ повторялся всюду и долженъ былъ торопить государя. Но какъ, съ чего начать? Сначала ничего опредѣленнаго не было. Необходимость осво-

божденія крестьянъ вовсе не сознавалась, тѣмъ болѣе, что Александръ II былъ связанъ съ наслѣднической стариной: будучи наслѣдникомъ, онъ высказывался рѣшительно противъ освобожденія; вотъ почему, ставши императоромъ, изъ самолюбія, желая быть послѣдовательнымъ, онъ, въ обращеніи къ дворянству, также высказывался противъ освобожденія. При неизмѣннѣйшей системѣ, опредѣленныхъ цѣлей, какъ обыкновенно бываетъ, начали распускать, ослаблять вообще, пошла на это мода, началось либеральничанье. Но ясное дѣло, что какъ скоро почувствовали отсутствіе цѣлей, такъ начались движеніе и шумъ, странныя тѣлодвиженія съ цѣлью размять члены, дать крови правильное обращеніе, слышались разные рѣчи, которыхъ прежде не слышно было. Стали бранить прошедшее и настоящее, требовать лучшаго будущаго. Начались либеральныя рѣчи; было бы странно, еслибъ первымъ же главнымъ содержаніемъ этихъ рѣчей не стало освобожденіе крестьянъ. О какомъ другомъ освобожденіи можно было подумать, не вспомнивши, что въ Россіи огромное количество людей есть собственность другихъ людей (причемъ рабы одинаковаго происхожденія съ господами, а иногда и высшаго: крестьяне—славянскаго происхожденія, а господа—татарскаго, черемисскаго, мордовскаго, не говоря уже о нѣмцахъ). Какую либеральную рѣчь можно было повести, не вспомнивши объ этомъ пятнѣ, о позорѣ, лежавшемъ на Россіи, исключавшемъ ее изъ общества европейскихъ, цивилизованныхъ народовъ? Такимъ образомъ, при первомъ либеральномъ движеніи, при первомъ вѣяніи либеральнаго духа, крестьянскій вопросъ становился на очередь. Волею-неволею надобно было за него приниматься. Кромѣ указаннаго нравственнаго давленія, указывалась опасность для правительства: крестьяне не будутъ долго сносить своего положенія, станутъ сами отыскивать свободу, и тогда дѣло можетъ кончиться страшною революціею. Освобожденіе совершилось. Сто лѣтъ тому назадъ, Екатерина, спросившая Россію относительно освобожденія крестьянъ, услышала отвѣтъ рѣзко, рѣшительно отрицательный. Я въ „Исторіи Россіи“ изложилъ причины этого явленія. Александръ II не спрашивалъ объ этомъ у Россіи, и конечно, еслибъ вопросъ былъ подвергнутъ тайной всеобщей подачѣ голосовъ (исключая, разумѣется, крѣпостныхъ), то отвѣтъ, надобно полагать, вышелъ бы отрицательный. Въ экономическомъ отношеніи, особенно въ сѣверной Россіи, народонаселеніе въ сто лѣтъ не увеличилось до такой степени, чтобъ обязательный трудъ могъ быть замѣненъ вольнонаемнымъ; сѣверныя землевладѣльцы должны были пострадать и сильно пострадать. Но дѣло въ томъ, что въ сто лѣтъ западное

давленіе чрезвычайно усилилось; русскій человѣкъ, по отношеніямъ къ остальной Европѣ, сталъ похожъ на человѣка съ маленькими средствами, но случайно попавшаго въ высшее, богатѣйшее общество, и для поддержанія себя въ немъ онъ долженъ тянуться, жить не по средствамъ, долженъ отказывать себѣ во многомъ, лишь бы быть прилично одѣтымъ, не ударить лицомъ въ грязь въ этомъ блестящемъ, дорогомъ ему обществѣ. Голоса помѣщиковъ были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной въ столицахъ. Дѣло было произведено революціоннымъ образомъ: употребленъ былъ нравственный терроръ; человѣкъ, осмѣлившійся поднять голосъ за интересы помѣщиковъ, подвергался насмѣшкамъ, клеймился позорнымъ именемъ крѣпостника, — а развѣ у него была привычка поддерживать свое мнѣніе? Пошла мода на либеральничанье; люди, не сочувствовавшіе модѣ, видѣвшіе, что нарушаются ихъ самые близкіе интересы, пожимали плечами или втайнѣ яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смѣли и молчали. Какъ бы то ни было, переворотъ былъ совершенъ, съ обходомъ самаго труднаго дѣла — земельного. Крестьянъ надѣлили землею, заплативши за нее помѣщикамъ. Красные торжествовали: у прежнихъ землевладѣльцевъ отняли собственность и подѣлили между народомъ, замазавши дѣло выкупомъ, но выкупъ былъ насильственный! Глупые славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: имъ нужно было провести общинное землевладѣніе! Во многихъ мѣстахъ съ самаго начала уже крестьяне не были довольны надѣломъ, — что же будетъ съ увеличеніемъ народонаселенія? Для простого практическаго смысла крестьянъ естественное и необходимое рѣшеніе вопроса представлялось въ новомъ надѣлѣ, и они стали его дожидаться, какъ чего-то непременно долженствующаго послѣдовать. Стали дожидаться. Сначала дѣло обошлось спокойно, хотя наверху струсили, боялись народного возстанія; въ Петропавловской крѣпости приготовлены были средства къ защитѣ; положили обмануть ожиданіе: манифестъ былъ обнародованъ не 19-го числа февраля, а позднѣе, въ послѣднее воскресенье къ посту. Мѣры напрасныя, происходившія отъ незнанія состоянія народа вообще и русскаго въ то время въ особенности. Крестьяне приняли дѣло спокойно, хладнокровно, тупо, какъ принимается массою всякая мѣра, исходящая сверху и не касающаяся ближайшихъ интересовъ — Бога и хлѣба. Интеллигенція, по недостатку вниманія, изученія умоначертанія низшаго класса, изумлялась этому равнодушію, приписывала его или великимъ качествамъ народа, или его тупости,

кипятилась своимъ собственнымъ жаромъ, подзадоривая себя опьяняющимъ словомъ: „свобода“; а мужичокъ оставался спокойнымъ, не обращая вниманія на происходившее около него бѣснованіе. Простого человѣка свободою опьянить нельзя, ему надобно показать осязательно, что выгоды; но этого вдругъ показать было нельзя; цѣлаго установленія, сколько-нибудь сложнаго, онъ не пойметъ, онъ не приготовленъ къ этому привычкою обращенія мысли въ широкихъ сферахъ, школьнымъ и книжнымъ образованіемъ; онъ озадачитъ васъ вопросомъ, который покажется вамъ страннымъ и мелкимъ, но этотъ вопросъ его прежде всего занимаетъ, онъ объ немъ думалъ, а вы не думали и не хотите признать за мужикомъ права мысли, думанія, только не о тѣхъ предметахъ и отношеніяхъ, о какихъ вы думаете. У насъ, напримѣръ, толкуютъ о томъ, что англичане привязаны къ свободѣ, французъ къ равенству; но простой человѣкъ всегда привязанъ къ равенству, а не къ свободѣ, потому что свобода отвлеченіе равенства. Скажите простому человѣку: „ты свободенъ“, и онъ станетъ въ тупикъ; что онъ будетъ такой же, какъ его баринъ—это онъ пойметъ, но сейчасъ спроситъ: „а имѣніе-то какъ же? пополамъ, или все мнѣ?“—и тутъ не теоретическій коммунизмъ, котораго онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ: ему нѣтъ дѣла до барина; тотъ можетъ получить отъ царя (который, по мнѣнію мужика, можетъ все сдѣлать) богатѣйшее вознагражденіе; онъ ему завидовать не станетъ, ему нужно только обезпечить себя насчетъ ближайшихъ земельныхъ отношеній. Крестьянинъ зналъ, что и прежде его братья становились вольными, чрезъ выкупъ и отпускъ на волю; но тутъ главною была возможность жить хорошо на волѣ, средства человѣка; человѣкъ накопилъ денегъ и откупился, чтобы еще удобнѣе торговать и промышлять; когда самъ баринъ отпускалъ на волю, то первый вопросъ былъ: чѣмъ будетъ жить отпущенный? безъ денегъ воли не надобно. Чтобы крѣпостной крестьянинъ понялъ, въ чемъ дѣло, надобно было ему просто сказать: „ты будешь, какъ государственный крестьянинъ“. Крестьянинъ это понялъ бы, но почесалъ бы затылокъ, а не сталъ бы плясать отъ радости. Скажутъ: не могъ же крестьянинъ не обрадоваться, узнавъ, что онъ не будетъ болѣе зависѣть отъ произвола помѣщика, что его семейство и собственность будутъ безопасны. Отвѣчаю: тѣ крестьяне обрадовались, которыхъ семейство и собственность были въ опасности; но это были не всѣ крестьяне и не большинство. Злоупотребленія помѣщичьей власти продолжались до послѣдняго времени, иногда обнаруживались въ ужасномъ видѣ; но это было

иногда и преимущественно относительно дворни. *Иногда* крестьяне и убивали своих помѣщиковъ; крестьяне наиболѣе зажиточные, которые, по извѣстному закону, могли бы скорѣе и сильнѣе другихъ поднять вопль и голосъ противъ притѣсненій, ибо имѣли, что защищать, — такіе не имѣли побужденій тяготиться своею участью, потому что были наиболѣе обеспечены: это были оброчные крестьяне богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, гр. Шереметева и другихъ.

Какъ бы то ни было, дѣло первой важности было совершено, и совершено на первыхъ порахъ спокойно. Теперь должно было обратить вниманіе на слѣдствія переворота, на переходъ отъ обязательнаго труда къ вольному въ странѣ, гдѣ при этомъ должно было встрѣтиться сильнѣйшее препятствіе — недостатокъ рабочихъ рукъ. До сихъ поръ работникъ находился въ опеѣ; опекунъ принуждалъ его работать и, разумѣется, иногда принуждалъ болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало. Это зло опеки, зло крѣпостничества теперь уничтожилось; но надобно было имѣть въ виду другое зло, зло свободы, — когда человѣкъ, свободный отъ принужденія, станетъ работать меньше, чѣмъ сколько слѣдуетъ; предоставленный одному принужденію, идущему отъ стремленія поддержать свое благосостояніе. Но чтобы это стремленіе было сильно, надобно извѣстное развитіе, знакомство съ потребностями, которыя очень желательно удовлетворить, привычка къ свободному и правильному труду, нравственное вліяніе семейства и общества и т. д. Но въ какой степени всего этого можно было ожидать отъ русскаго крестьянина, вступившаго въ самое опасное положеніе, переходное положеніе изъ неволи къ свободѣ, когда является необходимое стремленіе воспользоваться отсутствіемъ принужденія и работать какъ можно меньше. Всего важнѣе было, чтобы при такомъ опасномъ положеніи, при возможности сдѣлать самыя дурныя привычки, крестьянинъ могъ сохранять въ дѣлности свои умственные, нравственные и физическія силы, чтобы онъ былъ трезвъ, — и тутъ, какъ нарочно, даютъ ему возможность пьянствовать. Съ полнымъ безсмысліемъ, при отсутствіи всякаго внимательнаго отношенія къ дѣлу, литература пошла въ походъ противъ откуповъ, съ требованіемъ удешевленія хорошей водки для народа, требуя легчайшей и дѣйствительнѣйшей отравы для него. Откупа представляли большія злоупотребленія; нужно было уничтожить злоупотребленія, уничтожить самое учрежденіе, за которое никто бы не сталъ заступаться, хотя легко было замѣтить, что въ основѣ яростныхъ нападокъ на откупа и откупщиковъ лежали зависть и ненависть къ

людямъ, необыкновенно быстро наживавшимъ огромныя состоянія. Нужно было уничтожить злоупотребленія; можно было уничтожить учрежденіе, замѣнивъ его лучшимъ, и при этомъ поддерживать значительно высокую цѣну водки, чтобъ не дать крестьянину быть пьянымъ очень часто, чтобъ попрежнему ограничить случаи пьянства особенными днями, праздниками. Въмѣсто того вдругъ удешевили водку, которая чрезъ это приобрѣла названіе скверной памяти въ исторіи русскаго общества, названіе *дешевки*. Тяжело сказать: появленіе дешѣвки было принято простымъ народомъ гораздо съ большею радостью, чѣмъ освобожденіе; интересъ былъ ближе; являлась возможность дешево добыть наслажденіе опьяненія и пользоваться имъ часто. И вотъ пьянство быстро распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ; человекъ, который для достойнаго пользованія свободою долженъ былъ явиться въ полнотѣ физическихъ и нравственныхъ силъ, явился пьяный. Хозяйство крестьянское получило страшный ущербъ, ибо пьянство неразлучно съ праздностью; стали увеличивать число праздниковъ, чтобъ больше имѣть предлоговъ предаваться пьянству; слова апостола: „не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ“, разумѣется, должны были оправдаться, и сифилисъ страшно распространился, уничтожая въ корнѣ физическія силы народонаселенія; но важны были безпорядки нравственные. Пьяный отецъ не могъ запретить пить своимъ сыновьямъ, женѣ, снохамъ и дочерямъ; начали пить молодые люди обоего пола, едва вышедшіе изъ дѣтства; стали пить женщины и забывать въ пьяномъ видѣ всякій стыдъ, всякое приличіе; къ чему привыкли въ пьянствѣ, отъ того не могли отстать и въ трезвомъ состояніи, и привыкли публично и громко ругаться такъ, что прежде и мужику было зазорно. Пьяному море по колено: пьянство приучило къ дерзости, къ забвенію всѣхъ нравственныхъ, священныхъ отношеній, къ уничтоженію семейной дисциплины; молодые перестали слушаться старшихъ, дѣти начали браниться, драться съ родителями, ни во что ихъ ставить, стремиться къ выдѣлу, къ освобожденію изъ узъ семейныхъ. Скоро послышались громкія жалобы на совершенное ослабленіе семейной дисциплины; всѣ крестьянскія общественныя отправленія, хозяйственныя распоряженія, судъ—подчинились господствующему стремленію къ пьянству; явилось взяточничество цѣлымъ міромъ, продажа правды за ведро вина.

Въ городахъ та же язва напала на рабочій классъ. Отличные работники и слуги, напивавшіеся прежде очень рѣдко, и потому сносно для хозяевъ, не устояли предъ искушеніемъ и бро-

сились на дешёвку; вовсе не стало сладу съ поварами, лакеями и кучерами; наниматели стали сидѣть безъ обѣда, какъ нарочно, въ самые большіе праздники, ибо повара лежали пьяные въ кухнѣ; стали трепетать за безопасность своихъ женъ и дѣтей, когда они куда-нибудь ѣхали съ кучеромъ и лакеемъ, напившимся въ то время, когда господа сидѣли въ гостяхъ. Кончилось тѣмъ, что люди средняго состоянія отказывались отъ порядочнаго стола, прогоняли поваровъ и нанимали кухарокъ, тѣмъ болѣе, что грабительство поваровъ, вслѣдствіе потребности постоянного опьяненія, достигло высшей степени; продавали лошадей и брали наемныхъ, что стоило гораздо дороже; требовали только отъ поставщиковъ лошадей, чтобы кучеръ былъ трезвый, хотя бы и не очень хорошій въ другихъ отношеніяхъ, неряшливый и т. п. Почти такъ же искали и лакея—какого-нибудь, только бы не пьяницу, или замѣняли лакея женскою прислугою. Но гораздо хуже было положеніе содержателей разныхъ ремесленныхъ заведеній, портныхъ, сапожниковъ, прачекъ и т. п. Работники пьянствовали, не стѣсняемые прежнею необходимостью платить оброкъ господину и надзоромъ послѣдняго, работа останавливалась, заказы не успѣвали ко времени; для отвращенія этихъ неудобствъ, хозяинъ долженъ былъ увеличивать издержки производства, искусный работникъ сталъ рѣдокъ и очень дорогъ, отсюда—необходимое увеличеніе цѣны на произведенія его труда, дороговизна, начавшая возрастать страшно. Хорошій рабочій, хорошій слуга сталъ требовать большой платы вслѣдствіе своей рѣкости; это подняло плату вообще всѣхъ мастеровыхъ, всей прислуги, ибо тутъ опредѣлить строго различіе между хорошими и дурными было нельзя. Большая плата уничтожила въ этомъ классѣ прежнюю бережливость и умѣренность въ пищѣ и одеждѣ, явилась небывалая роскошь; лакеи и горничныя стали одѣваться почти такъ же, какъ господа; горничныя стали носить шолкъ и шерсть, шляпы съ цвѣтами, зонтики; обувь покупали такую же дорогою цѣною, какъ и госпожи ихъ. Легко понять, какъ чрезъ такое увеличеніе потребителей увеличилась цѣнность потребляемаго, увеличилась дороговизна.

XXII.

Но сейчасъ же явилась и другая причина дороговизны въ странѣ, гдѣ относительно такъ мало было рабочихъ рукъ,—явилась судорожная промышленная дѣятельность, стремленіе къ осво-

боженію капиталовъ, къ приобрѣтенію на нихъ какъ можно большихъ барышей, процентовъ. До сихъ поръ сбереженія сохранялись въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ; съ нихъ получались очень умѣренные проценты, но при дешевизнѣ они были достаточны; съ другой стороны, эти учрежденія поддерживали сословіе землевладѣльцевъ, дворянъ, доставляя имъ возможность выгоднаго закладыванія имѣній. Теперь землевладѣльцы, въ самую критическую для нихъ минуту, потеряли поддержку знаменитаго опекунскаго совѣта, который былъ опекуномъ не сиротскимъ, а общедворянскимъ; капиталы были вытѣснены изъ государственныхъ кредитныхъ учреждений ничтожностью процента—надобно было, волею-неволею, помѣщать ихъ въ болѣе выгодныя предпріятія. Первое изъ такихъ предпріятій было построеніе желѣзныхъ дорогъ, предпріятіе необходимое для страны, гдѣ надобно искусственно противоборствовать вредному вліянію неизмѣримыхъ пространствъ, препятствующихъ страшно общественному развитію. Последняя война показала ясно необходимость желѣзныхъ дорогъ для защиты государства отъ внѣшняго врага. Слѣдовательно, противъ усиленнаго строенія желѣзныхъ дорогъ не могло быть возраженія. Но и здѣсь скоро перейдена была граница. Предпріятіе найдено выгоднымъ, посредствомъ него можно было легко обогатиться, и вотъ явилась манія желѣзнодорожная. Для приобрѣтенія концессій стали употребляться разныя неблаговидныя средства наверху. Стали проводиться желѣзныя дороги и тамъ, гдѣ были ненужны или гдѣ можно было съ ними пообождать: обогащеніе посредствомъ желѣзныхъ дорогъ замѣнило обогащеніе посредствомъ откуповъ; явились желѣзнодорожные тузы, возбудившіе своимъ богатствомъ сильную зависть и соревнованіе; матеріальный интересъ выдвинулся, горячка обогащенія начала овладѣвать; послѣ желѣзныхъ дорогъ пошли промышленныя предпріятія, явились банки, платившіе огромное жалованье служившимъ въ нихъ; началась биржевая игра, распалившая особенно страсть къ обогащенію, утвердившая господство матеріальнаго интереса. А тутъ еще два выигрышныхъ займа. Четыре раза въ годъ множество людей обоого пола—въ распаленномъ лихорадочномъ состояніи вслѣдствіе возможности обогатиться вдругъ, безъ всякаго труда, усилія съ своей стороны, по волѣ бессмысленной судьбы; страшный нравственный и даже физическій вредъ отъ нервнаго напряженія, отъ бессонныхъ ночей.

Крестьянинъ пьянствуетъ и терпитъ нужду, не имѣетъ, чѣмъ уплатить податей; онъ уже испыталъ правительственный или революціонный способъ дѣйствія для перемѣны своей судьбы, и

надѣется, что такимъ же способомъ произойдетъ и новая перемѣна: правительство, царь нарѣжетъ крестьянамъ еще земли. А между тѣмъ для многихъ изъ нихъ подъ руками—способъ кормиться: отовсюду требованія работника—на желѣзную дорогу, на фабрику, въ кабакъ; крестьянинъ, крестьянка—покидаютъ деревню, семью; но этого рода заработки не способствуютъ къ улучшенію нравственному крестьянина: возвращаясь въ деревню, если онъ и приноситъ нѣсколько денегъ, зато приноситъ и сильнѣйшую привычку къ пьянству, кутежу, разврату, приноситъ сифилисъ и распространяетъ его въ деревнѣ, гдѣ, по недостатку средствъ, народъ гнѣтъ отъ гнусной болѣзни; приноситъ роскошь: до сихъ поръ крестьяне носили то, что сами дешево приготавливали дома,—теперь пошли люди носить фабричныя произведенія. На фабрикѣ, въ заведеніи, на какихъ-нибудь постройкахъ крестьянинъ входитъ въ зависимость отъ хозяина или подрядчика, своего брата, разбогатѣвшаго всѣми неправдами и стремящагося всякими средствами выжать изъ работника лишнюю копейку. При злоупотребленіяхъ крѣпостного права, въ дурномъ помѣщикѣ крестьянинъ видѣлъ барина, человѣка, высоко надъ нимъ стоящаго, начальника, имѣющаго право управлять, владѣть крестьяниномъ; это была вѣйшая сила, гнетъ, который удручаетъ, но не озлобляетъ, развѣ въ крайнихъ случаяхъ. Но хозяинъ—это свой братъ мужикъ, богатый мужикъ, притѣсняющій бѣднаго мужика, притѣсняющій мелкими средствами; тутъ права никакого, кромѣ права сильного, и это право основано на деньгахъ. Такія отношенія могли возбуждать только озлобленіе, ненависть.

Землевладѣлецъ, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, разорился вслѣдствіе уничтоженія крѣпостного права. Ему оставалось или продать все имѣніе, или, по крайней мѣрѣ, лѣсъ. Охотниковъ покупать много, потому что дрова нужны на усиленную промышленность, особенно на желѣзныя дороги,—и вотъ началась страшная вырубка лѣсовъ, которая скоро возбудила вопли, вопли безполезные, ибо причину отстранить не могли.

Съ одной стороны—дороговизна, нужда въ деньгахъ, уменьшеніе доходовъ, неудобство положенія, даже разореніе людей, которые, въ какой бы то ни было степени, были представителями духовнаго развитія въ народѣ; съ другой—примѣры быстраго обогащенія людей, которые успѣли, обдуманно или случайно, употребить выгодно свои капиталы; съ третьей—шумъ, суетня преобразовательнаго движенія, крикъ печати,—все это должно было произвести страшную смуту между людьми нѣсколько неприготовленными, сжатыми въ своей дѣятельности царствованіемъ Николая,

или затянувшимися въ это царствованіе въ мелкихъ интересахъ, покорно повиновавшимися командѣ: „не разсуждать!“ — или между развитыми, разсуждавшими, но въ этихъ разсужденіяхъ развившими только отрицательное направленіе, отрицательное отношеніе къ дѣятельности нравственной; въ болтовнѣ, въ словопрепирательствахъ, они нисколько не приучили себя къ дѣятельности положительной, способность къ которой приобрѣтается не на словахъ, а на дѣлѣ. Къ тому же, вслѣдствіе привычки дрожать предъ Николаемъ и его орудіями, русскіе люди дрожали предъ каждою силою, предъ каждымъ окрикомъ, громкимъ словомъ, и потому не были способны мужественно высказывать свои убѣжденія, упираться; при видѣ начавшейся кутерьмы, многіе поняли опасность положенія и втихомолку сѣтовали на неправильность, революціонность движенія, но не могли громко заявить своего мнѣнія, чтобъ не прослыть ретроградами, жалѣющими о крѣпостномъ правѣ и т. п. Да и въ трудномъ положеніи они находились. Крайности—дѣло легкое; легко было завинчивать при Николайѣ, легко было взять противоположное направленіе и послѣшно-судорожно развинчивать при Александрѣ II; но тормазить экипажъ при этомъ послѣшномъ судорожномъ спускѣ было дѣло чрезвычайно трудное. Оно было бы легко при правительственной мудрости, но ея-то и не было. Преобразованія производятся успѣшно Петрами Великими; но бѣда, если за нихъ принимаются Людовики XVI-е и Александры II-е. Преобразователь, вродѣ Петра Великаго, при самомъ крутомъ спускѣ держитъ лошадей въ сильной рукѣ—и экипажъ безопасенъ; но преобразователи второго рода пустятъ лошадей во всю прыть съ горы, а силы сдерживать ихъ не имѣютъ, и потому экипажу предстоитъ гибель.

Сумятица, шумъ, возня въ обществѣ, нисколько не приготовленномъ къ повороту на новую дорогу, жившемъ долгое время одними желаніями перемѣны, но не опредѣлившемъ своихъ желаній, въ чемъ именно должна состоять перемѣна, при чемъ въ сферѣ, которой принадлежало руководство и которая упорно удерживала его въ своихъ рукахъ,—совершенная неспособность къ руководству, совершенное непониманіе самыхъ первыхъ вопросовъ: что, откуда и куда? Сильные энергіею, способностями, самостоятельностью люди были уничтожены системою Николая. Отыскать такихъ людей для новой дѣятельности былъ совершенно неспособенъ преемникъ Николая, по своей необразованности, лѣни, по страху предъ новыми людьми, по сознанію своего неумѣнья извлечь изъ нихъ пользу, обсудить ихъ мнѣнія, разобраться въ томъ разнообразномъ матеріалѣ, который бы они предложили,

откуда происходило стремленіе вращаться только въ привычномъ кружѣ людей издавна извѣстныхъ, посредственностей, не представлявшихъ никакой опасности для самолюбія, людей, передъ которыми не нужно было держать себя застегнутымъ, охарашиваться умственно и нравственно. Судьба не послала ему Рихельё или Бисмарка; но дѣло въ томъ, что онъ не былъ способенъ воспользоваться Рихельё или Бисмаркомъ; у него были претензіи, страхъ слабаго человѣка казаться слабымъ, несамостоятельнымъ;—подъ внушеніями этого страха онъ въ одно прекрасное утро прогналъ бы Рихельё или Бисмарка. Отсюда—страшная бездарность наверху, одинъ выборъ хуже другого; каждый выборъ возбуждалъ непріятные толки, насмѣшки; уваженіе ко власти рушилось въ самодержавномъ государствѣ: никакой системы, никакого общаго плана дѣйствія, каждый министр самодержествовалъ по-своему,—совершенная смута,—вмѣсто того, чтобъ править, судорожно задерживали, выводили изъ терпѣнія; но какъ же выражалось это нетерпѣніе? Для уясненія этого вопроса надобно обратиться къ воспитанію, которое стали получать новыя поколѣнія съ 1855 года.

XXIII.

При Николаѣ воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ было подорвано фальшивостью, двоедушіемъ. Съ низшихъ классовъ } дѣти привыкли различать науку казенную отъ настоящей, которая представлялась имъ въ видѣ запрещеннаго плода. Молодые учителя, если не всѣ, то нѣкоторые, желая облегчить для себя скуку, тяжесть преподаванія и приобрѣсти популярность, пользовались случаями заявить предъ воспитанниками объ этой quasi-настоящей и у насъ запрещенной наукѣ; отсутствіе всякихъ педагогическихъ правилъ, системы приготовленія всего больше содѣйствовало этому. Старый учитель былъ синонимомъ негоднаго учителя; тѣмъ моложе былъ учитель, тѣмъ болѣе цѣнился; онъ недавно еще слышалъ въ университетѣ новыя лекціи, последнее слово науки, и не было никому нужды, что онъ самъ еще ребенокъ, до такой степени неопытный, что предъ учениками гимназій готовъ былъ выкладывать эти университетскія лекціи, иногда дурно записанныя и все болѣе и болѣе забывающіяся. Вообще, у насъ такъ-называемое высшее образованіе играетъ жалкую роль. Молодой человѣкъ отлично кончитъ курсъ въ университетѣ, поступитъ на службу и перестаетъ читать,

такъ что, по прошествіи извѣстнаго времени, онъ выходитъ хуже невѣжды, ибо самъ считаетъ себя образованнымъ и другіе считаютъ его такимъ, а между тѣмъ изъ прежняго образованія, не обновляемаго и не развиваемаго чтеніемъ, у него остались только какія-то смутныя понятія; станетъ говорить о научныхъ предметахъ—говорить чепуху, клянется какими-то старыми богами, остались у него однѣ претензіи, не имѣющія никакого основанія; если онъ что-нибудь и прочтетъ, то выхватитъ на удачу, безъ связи, или увлечется, восхищается безъ толку, или вдругъ, не понявши, станетъ безъ толку же ругать прочитанное, и все съ видомъ знатока, особенно если успѣлъ попасть по службѣ въ большіе чины. Учителя не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Они поступали на службу; чтобъ получить больше удобствъ жизни, занимались уроками и были съ утра до ночи на урокахъ. Придетъ несчастный съ уроковъ совершенно истомленный, отупѣвшій — гдѣ же ему читать! Такимъ образомъ, выходитъ, что если у насъ всѣ люди съ высшимъ образованіемъ очень мало читаютъ и поэтому высшее образованіе является скоро у нихъ въ видѣ какихъ-то безобразныхъ развалинъ, то учителя читаютъ меньше всѣхъ. Въ будни некогда, откладываютъ на ваканцію; но тутъ, послѣ томительныхъ экзаменовъ, спѣшатъ физически отдохнуть и имѣютъ нужду въ отдыхѣ; идетъ день за днемъ въ обычныхъ развлеченіяхъ въ семействѣ или безъ семейства, и не видно, какъ ваканція приходитъ къ концу, и книга остается раскрытой на первой страницѣ. Такимъ образомъ, и молодой учитель скоро дѣлается старымъ задавателемъ и спрашивателемъ по учебнику; если же иному хотѣлось поддержать живость, интересъ преподаванія, поддержать расположеніе къ себѣ учениковъ, то пускался въ либеральничанье, позволялъ себѣ насмѣшки надъ казенными выраженіями учебника и подрывалъ довѣріе учениковъ къ источнику ихъ знанія: каково было ученику зубрить осмысленное, объявленное ложью! Или, прочтя урывкомъ какую-нибудь журнальную статью, учитель съ важнымъ видомъ возвѣщаетъ о новомъ взглядѣ на предметъ, тогда какъ этотъ новый взглядъ—сущій вздоръ. Всякій пойметъ, что я говорю преимущественно о преподаваніи исторіи; но исторія есть единственная политическая наука въ среднемъ образованіи, и потому ея преподаваніе—чрезвычайной важности: отъ направленія ея преподаванія зависитъ политическій складъ будущихъ гражданъ. При взглядѣ на такую трудность преподаванія исторіи, особенно у насъ въ Россіи, естественно приходитъ на умъ исключеніи исторіи изъ предметовъ общаго образованія; но, во-

первыхъ, что же это будетъ за общее образованіе безъ знанія исторіи; во-вторыхъ, гимназисты разойдутся по математическимъ, медицинскимъ и юридическимъ факультетамъ, гдѣ они никогда не услышатъ исторіи.

Легко понять послѣ этого, съ какими взбодораженными головами выходили ученики изъ среднихъ заведеній, пропитанные неуваженіемъ къ авторитетамъ, ибо книга, руководство—должны были являться для нихъ въ продолженіе всего курса высшимъ авторитетомъ, и этотъ авторитетъ былъ осмѣянъ, обвиненъ во лжи. Но авторитетъ подрывался еще другимъ способомъ, особенно въ военныхъ училищахъ, чрезъ назначеніе въ начальники людей необразованныхъ, глупыхъ, но отличавшихся выправкою, точнымъ исполненіемъ военно-служебныхъ обязанностей. Какъ ни неразвиты были старшіе воспитанники, все же они стояли выше подобныхъ начальниковъ, ибо все же они находились въ процессѣ какого-то развитія, тогда какъ почтенные начальники давно уже почли въ умственномъ отношеніи. Отсюда—смѣшныя выходки начальниковъ въ классахъ, на экзаменахъ, цѣлый рядъ разсказовъ о ихъ глупости и невѣжествѣ, подрывавшихъ всякое уваженіе къ нимъ, подрывавшихъ авторитетъ, нравственную дисциплину въ корню. Но стремленіе занять начальническія мѣста фельдфебелями въ генеральскихъ эполетахъ было ощутительно и въ гражданскомъ учебномъ вѣдомствѣ. Таковы были „енаралы“, назначавшіеся попечителями; таковъ былъ въ Москвѣ Назимовъ, о которомъ въ округѣ ходили удивительные разсказы: напримеръ, когда во время университетскаго юбилея Шевыревъ предлагалъ, чтобъ для обстановки пригласить девять актрисъ, которыя бы изображали девять музъ, то Назимовъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ же только девять?!—сколько угодно пригласимъ“. Или его помощникъ Муравьевъ требовалъ отъ университетской типографіи, чтобъ она соблюдала экономію, набирала старымъ, избитымъ шрифтомъ, а набѣло печатала хорошимъ, новымъ. Надобно было послушать, какъ эти господа объяснялись съ воспитанниками, студентами, чтобъ понять, какъ въ молодыхъ людяхъ подрывалась дисциплина.

Дисциплина въ школахъ поддерживалась уваженіемъ только къ товарищамъ болѣе способнымъ, усердно занимающимся и потому болѣе знающимъ, хотя и тутъ, по слабости общаго развитія, люди болѣе дерзкіе, болѣе способные къ словоистеченію, не разбиравшіе средствъ въ спорахъ при самомъ поверхностномъ знаніи, выхваченномъ изъ журналовъ или приобретенномъ по наслышкѣ, часто брали верхъ надъ людьми серьез-

ными, дѣйствительно что-нибудь знающими. Но вотъ съ 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свѣжій воздухъ производилъ головокруженіе у людей, къ нему непривыкшихъ, и въ то же время замерзшія нечистоты начали оттаивать, и понеслись міазмы. Въ то время какъ люди серьезные, мыслящіе, знающіе, внимательно вглядывались и вслушивались для уясненія себѣ положенія дѣлъ, усердно занимались важными вопросами преобразованія, — люди, которые знали, что неспособны выйти впередъ способностями, знаніями, тяжелыми, усердными занятіями, выступили въ походъ первые. У нихъ было огромное преимущество — смѣлость или дерзость, качества, которыя въ обществѣ благоустроенномъ ведутъ къ висѣлицѣ, но у насъ, въ описываемое время, могли повести только къ выгодамъ. Первому произнести громкое слово, обругать, проклясть прошлое, провозгласить, что спасеніе состоитъ въ движеніи къ новому, въ движеніи впередъ во что бы то ни стало, было очень выгодно; вниманіе обращалось на передового человѣка; онъ приобреталъ значеніе героя, человѣка, отличавшагося гражданскимъ мужествомъ, тогда какъ теперь никакого мужества въ этомъ не было; при Николаѣ его бы сослали куда Макаръ телятъ не гонялъ, да при Николаѣ онъ бы и не заговорилъ; онъ заговорилъ теперь, когда произошло неправильное поступательное движеніе по опредѣленному плану, руководимое сильною рукою при помощи многихъ другихъ сильныхъ рукъ. Началась смута, когда наверху люди ходили какъ шальные, ничего не понимая, не зная, что хочетъ самодержецъ, какъ ему угодить, и гдѣ сила, къ которой надобно забѣжать и поклониться. Теперь было безопасно говорить, обличать; заговорила, явилась цѣлая обличительная литература, слѣдствіемъ чего было усиленіе пагубной привычки къ отрицанію, дѣлу чрезвычайно легкому, приходившемуся какъ нельзя лучше по лѣнивой натурѣ неразвитаго народа и особенно Россійскаго благороднаго дворянства, привыкшаго жить чужимъ трудомъ, ничего не дѣлая. Людьми, способными къ труду, производились извѣстные преобразованія; но люди, неспособные къ такому положительному труду, пустились во всю прыть по легкой дорогѣ отрицанія, обличенія, и остановки имъ не было никакой. Безнравственная и глупая цензура очумѣла окончательно при новыхъ условіяхъ — рѣшительно не знала, что дѣлать, что запрещать и что пропускать; заправляли ею люди попрежнему неспособные и невѣжественные; въ ней господствовалъ полный произволъ: въ одно и то же время запрещалась вещь самая невинная, какой-нибудь историческій фактъ изъ временъ давнопрошедшихъ, и допускался явный при-

живъ къ возстанію низшихъ классовъ противъ высшихъ. Партіи не было, которыя бы выставили разныя знамена, вступили въ борьбу другъ съ другомъ и этою борьбою сдерживали другъ друга, сохраняли равновѣсіе и уясняли взглядъ общества на извѣстные вопросы. Для однихъ людей, идущихъ отрицательнымъ путемъ, трудъ былъ легкій и выгодный; толпа ихъ поэтому постоянно увеличивалась; они говорили по невѣжеству страшный сумбуръ, ругались другъ съ другомъ, но все же у нихъ было единство направленія, все же они имѣли одинъ общій цвѣтъ, тогда какъ люди противоположнаго направленія, люди серьезные и достаточно образованные, были разсѣяны, не составляли партіи съ опредѣленными уже давно принципами; каждый изъ нихъ занимался однимъ своимъ какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ и не могъ его оставить; самая серьезность ихъ не позволяла имъ быстро и дружно выступить противъ безумныхъ отрицаній всего; они привыкли обдумывать дѣло прежде начатія, приготовляться, спѣваться, тогда какъ ихъ противники въ этомъ вовсе не нуждались; они выступили налегкѣ, казаками (какъ и сами себя называли) и заняли мѣстность, утвердились на ней. Но, разумѣется, при всемъ своемъ невѣжествѣ, они инстинктивно понимали, что выступили въ походъ очень налегкѣ, что при первой встрѣчѣ съ „регулярнымъ“ войскомъ имъ можетъ быть очень плохо, и потому должны были принять мѣры. Мѣры эти естественно должны были состоять въ предупрежденіи враговъ и въ наступательности...

. 1).

1) Этими словами рукопись, происхождение которой мы объяснили при началѣ ея печатанія (см. мартъ, стр. 68 и 69), не кончается, а только прерывается на ея 132-й страницѣ. Къ сожалѣнію, въ семьѣ покойнаго Сергія Михайловича не нашлось продолженіе этихъ его „Записокъ“; но хорошо уже и то, что случайно уцѣлѣла хотя небольшая ея часть, по которой можно теперь судить о томъ, какъ много потеряно, вслѣдствіе утраты ея продолженія: дальнѣйшее должно было относиться къ новой, особенно интересной эпохѣ, открывавшейся 1855-мъ годомъ, когда, по словамъ автора „Записокъ“, „пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться“.—*Ред.*

А. Н. РАДИЩЕВЪ

ДО ССЫЛКИ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Родъ Радищевыхъ ведетъ свое начало отъ татарскихъ братьевъ-князьковъ Куная и Нагая, которые, при покореніи Казанскаго царства, добровольно подчинились Ивану Грозному, приняли православіе и были награждены многими землями. Дѣдъ Радищева—Аѳанасій Прокофьевичъ—былъ бѣдный калужскій дворянинъ. Онъ сначала былъ въ потѣшныхъ Петра Великаго, потомъ служилъ солдатомъ въ гвардіи и, дослужившись при Анніѣ Іоанновнѣ до чина полковника, уже довольно пожилымъ женился на молоденькой и богатой дѣвушкѣ, а потомъ долгое время былъ командиромъ одного изъ малороссійскихъ драгунскихъ полковъ. Своему сыну, Николаю Аѳанасьевичу, отцу Александра Николаевича, онъ далъ по тому времени хорошее образованіе. Николай Аѳанасьевичъ зналъ языки, въ томъ числѣ и латинскій, обладалъ нѣкоторыми познаніями по исторіи, но съ особеннымъ интересомъ углублялся онъ въ науки богословскія, и вообще былъ человѣкомъ очень религіознымъ, хотя, несмотря на всю свою образованность, онъ всю жизнь вѣрилъ въ разныя примѣты и предзнаменованія, и вообще далеко не чуждъ былъ всякихъ суевѣрій, широко распространенныхъ въ тогдашнемъ обществѣ, и въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не выделялся изъ общаго уровня помѣщичьей среды своего времени.

Но зато по отношенію къ крестьянамъ онъ представлялъ явленіе довольно рѣдкое въ то время. Относясь къ нимъ чрезвычайно гуманно, онъ, несмотря на свой вспыльчивый и неровный характеръ, пользовался ихъ безграничной любовью и слылъ добрымъ баринѣмъ. И впоследствии, во времена пугачевщины, когда многихъ помѣщиковъ постигла жестокая участь, Николая Аванасьевича спасли его крестьяне. Укрывъ его вмѣстѣ съ семьей въ лѣсу и забравъ къ себѣ его маленькихъ дѣтей, они готовы были съ оружіемъ въ рукахъ защищать добраго помѣщика, но мятежники удовольствовались тѣмъ, что, не найдя Радищева, разстрѣляли его портретъ и разгромили усадьбу. Николай Аванасьевичъ былъ женатъ на Ѳеклѣ Степановнѣ Аргамаковой, женщинѣ вротей и любящей. У нихъ было одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшимъ былъ Александръ Николаевичъ.

Онъ родился въ Москвѣ 20-го августа 1749 года. Раннее дѣтство А. Н. провелъ въ саратовской деревнѣ своего отца, окруженный нѣжною заботливостью матери, любимцемъ которой онъ былъ. Онъ рано научился читать, при чемъ первоначальное обученіе его грамотѣ не уклонялось отъ обычнаго тогда способа — читать учили его по часослову и псалтырю. Когда же Александру Николаевичу было шесть лѣтъ, къ нему выписали учителя француза. Это былъ типичный гувернеръ-иностранецъ того времени. Человѣкъ грубый и совершенно необразованный (впоследствии онъ оказался бѣглымъ солдатомъ), французъ немногому, конечно, могъ научить впечатлительнаго ребенка. Впрочемъ, руководствомъ этого француза Радищевъ пользовался недолго. Въ тотъ же годъ отецъ отвезъ его въ Москву, къ своему родственнику М. Ф. Аргамакову, человѣку очень умному и образованному, бывшему тогда кураторомъ московскаго университета. Здѣсь, въ семьѣ Аргамакова, Радищевъ росъ подъ наблюденіемъ неизбежнаго француза-гувернера, на этотъ разъ, впрочемъ, человѣка вполнѣ интеллигентнаго — раньше онъ былъ совѣтникомъ руанскаго парламента, но, вслѣдствіе преслѣдованій правительствомъ Людовика XV, долженъ былъ покинуть родину и искать пріюта въ Россіи. Вмѣстѣ съ дѣтьми Аргамакова, Радищевъ пользовался уроками профессоровъ молодого московскаго университета, такъ что и элементарное научное образованіе Радищева находилось въ надежныхъ рукахъ и было поставлено довольно хорошо. Въ этой интеллигентной и образованной семьѣ Радищевъ прожилъ до тринадцатилѣтняго возраста, когда рѣшено было отдать его въ пажескій корпусъ.

Во время коронаціи императрицы Екатерины, Аргамановъ записалъ Александра Николаевича въ пажи, и осенью онъ былъ отвезенъ въ Петербургъ, въ пажескій корпусъ. Въ то время программа преподаванія въ пажескомъ корпусѣ отличалась чрезвычайнымъ разнообразіемъ и обиліемъ предметовъ. Къ этому времени относится планъ преподаванія, составленный академикомъ Миллеромъ. Изъ него видно, что „для обученія пажей потребны“: 1) учитель математики, арифметики, геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи и механики; 2) учитель философіи, морали, естественнаго и народнаго права. При этомъ прибавлялось, что „для лучшаго упражненія можно сіе преподавать на латинскомъ языкѣ“. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, пажи изучали еще: 3) исторію, географію, генеалогію и геральдику; 4) юриспруденцію, гражданское и государственное право и церемоніалы; и, наконецъ, для обученія пажей еще требовался учитель русскаго языка, который „долженъ быть непременно русскою націи, и такой, который бы писалъ хорошею рукою, ибо онъ долженъ также учить русскаго каллиграфіи“¹⁾. Особенное вниманіе должно было обращаться на нравственное воспитаніе пажей, ибо „пажи обыкновенно вступаютъ на службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ и для того стараться должно съ самаго начала вкоренить въ нихъ истинную любовь къ добродѣтели и ненависть къ порокамъ“, а для этого рекомендовалось преподавать имъ правила жизни „въ примѣрахъ и притчахъ Соломона или Сираха. За столомъ небезполезно читать каждый день главу изъ какой-нибудь правоучительной книги, дабы чрезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ“. Не послѣднее мѣсто отводилось также сочиненію „короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ“, такъ какъ пажи несли при дворѣ императрицы нѣкоторую службу — они должны были прислуживать за царскимъ столомъ. Что касается до нравственнаго воспитанія, то, насаждаемое такимъ искусственнымъ и наивнымъ путемъ, оно, конечно, существовало только на бумагѣ. Обиліе же и разнообразіе предметовъ дѣлало программу настолько обширной и громоздкой, что и она выполнялась лишь на половину. И конечно, четырехлѣтнее пребываніе Радищева въ пажескомъ корпусѣ не только не дало ему законченнаго и цѣльнаго образованія, но и тѣ обрывки знанія, которые получилъ онъ, при такой постановкѣ преподаванія, не могли быть особенно цѣнными. Однако способностями своими

¹⁾ Сухомлиновъ, Исслѣдованія и статьи, т. I, 1889.

Радищевъ обратилъ на себя вниманіе. И когда въ 1766 году Екатерина задумала отправить двѣнадцать молодыхъ дворянъ въ заграничныя университеты, чтобы „получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ“ ¹⁾, то въ число шестерыхъ наиболее способныхъ пажей былъ выбранъ и Радищевъ.

Это былъ первый опытъ Екатерины отправлять молодыхъ людей за границу для дальнѣйшаго образованія, и потому съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась она къ составленію инструкціи, въ которой давалась не только детальная программа занятій, но и предусматривались всѣ подробности заграничной жизни молодыхъ людей. Содержаніе имъ было отпущено щедрое—800 руб. на каждаго, а это была въ то время сумма довольно значительная; впоследствии она и еще была увеличена до 1.000 рублей. Надзоръ за занятіями и поведеніемъ и всѣ хозяйственныя заботы были возложены на наставника или „гофмейстера“ паже-скаго корпуса, маіора Бокума. А чтобы молодые люди не остались безъ религіозно-нравственнаго вліянія, съ ними былъ отправленъ инокъ Павелъ.

На первыхъ же порахъ, однако, не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятностей. Дѣло въ томъ, что выборъ наставниковъ нельзя было назвать особенно удачнымъ. Что касается до инокъ Павла, то онъ не только не могъ оказать никакого воспитательнаго вліянія на своихъ питомцевъ, но не сумѣлъ даже внушить къ себѣ уваженія. Человѣкъ онъ былъ довольно добродушный, но недалекій, и отличался такой необыкновенной смѣшливостью, что съ первыхъ же шаговъ сдѣлался мишенью для всевозможныхъ остротъ и шутокъ. Радищевъ потомъ разсказывалъ ²⁾, что даже богослуженіе инокъ Павелъ совершалъ съ зажмуренными глазами, боясь увидѣть что-нибудь смѣшное и внезапно расхохотаться. Впрочемъ это былъ человѣкъ въ общемъ безобидный и скорѣе самъ являлся страдающимъ лицомъ. Зато другой „наставникъ“ — маіоръ Бокумъ — вызвалъ цѣлую исторію, которая дошла до Екатерины, и въ концѣ-концовъ его отставили. На всю эту заграничную командировку маіоръ Бокумъ смотрѣлъ, какъ на очень выгодную денежную операцію, и забиралъ себѣ большую часть денегъ, предназначенныхъ для студентовъ. Впрочемъ въ Лейпцигѣ, гдѣ они поселились, всѣ, кто только могъ, обирали русскихъ студентовъ, но большая часть денегъ все-таки уходила въ карманъ маіора Бокума. Всюду, гдѣ только было

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общ., т. X., стр. 116.

²⁾ Радищевъ, Житіе Фед. Вас. Ушакова.

можно, онъ соблюдалъ въ свою пользу экономію. Онъ нанялъ для студентовъ какую-то сырую и грязную квартиру, и кормилъ ихъ до того скверно, что этимъ привелъ въ негодованіе кабинетъ-курьера Яковлева, который въ своихъ донесеніяхъ изъ Лейпцига писалъ, что у студентовъ „во всякомъ кушаньи масло горькое, тожъ и мясо старое крѣпкое, да случалось и протухлое. А г. Радищевъ за болѣзнію къ столу ходить не могъ, и отпущалось ему кушанье на квартиру, и за отпускомъ ему худого кушанья прямой претерпѣваетъ голодъ“¹⁾. Но не въ этомъ, однако, крылась причина все обострившихся отношеній между Бокумомъ и студентами.

„Если кто изъ дворянъ—говорилось въ одномъ изъ параграфовъ инструкціи, данной Екатериной,—явится въ поступкахъ неисправнымъ или въ ученіи нерадивымъ, то надлежитъ увѣщевать прежде наединѣ. А послѣ того, если не исправится, выговаривать при всѣхъ дворянахъ; если же и симъ не удовольствуется, — объявлять профессору“. Наконецъ, еслибы и эта мѣра оказалась неэффективной, майоръ Бокумъ долженъ былъ обращаться къ русскому посланнику, и при первомъ же удобномъ случаѣ отправлять провинившагося студента въ Россію, „дабы втунѣ государственная казна не была на него трачена“²⁾. Этимъ ограничивались всѣ полномочія Бокума по отношенію къ провинившимся студентамъ, и никакихъ другихъ взысканій и наказаній онъ не могъ налагать на нихъ. Однако, несмотря на вполне опредѣленные указанія инструкціи, майоръ Бокумъ никакъ не могъ привыкнуть смотрѣть на вчерашнихъ школьниковъ, воспитанниковъ пажескаго корпуса—какъ на студентовъ, людей болѣе или менѣе полноправныхъ и взрослыхъ. Человѣкъ грубый и рѣзкій, онъ не только нисколько не стѣснялся въ обращеніи съ ними, но нерѣдко пускалъ въ ходъ даже и тѣлесныя наказанія; случалось даже—сѣкъ ихъ розгами. Первое время молодые студенты, попавъ изъ пажескаго корпуса прямо подъ начало майора Бокума, и сами не совсѣмъ еще перестали чувствовать себя школьниками, и потому такая жестокая воспитательная система вызвала среди нихъ лишь глухое недовольство. Съ своей стороны, они мстили своему „гофмейстеру“, какъ могли. И подмѣтивъ слабую струнку майора Бокума, который воображалъ себя необыкновеннымъ силачомъ, они устраивали надъ нимъ всевозможныя проказы. Подстрекая его самолюбіе, они заставляли его

¹⁾ Сухомлиновъ, Исслѣд. и статьи, т. 1.

²⁾ Сборникъ Р. Истор. О—ва, X, 107—111.

выпивать сразу по нѣсколькеу стакановъ воды, таскать всевозможныя тяжести, испытывали надъ нимъ силу электрической машины, или, призывавъ лакея, громаднаго и сильнаго мужчину, устраивали ихъ борьбу, въ которой Бокуму всегда сильно доставалось, при общемъ неудержимомъ хохотѣ студентовъ, нисколько даже не старавшихся скрыть насмѣшки. Однако, мало-по-малу, отношенія обострились, и дѣло приняло серьезный оборотъ. Дошло до того, что Бокумъ придумалъ для своихъ питомцевъ какое-то совсѣмъ ужъ инквизиторское наказаніе. Кабинетъ-курьеръ Яковлевъ доносилъ объ изобрѣтенной Бокумомъ клѣткѣ, „въ которую намѣренъ онъ былъ запираить и сажать дворянъ въ такомъ тѣсномъ и переломномъ и тѣмъ самымъ для здоровья ихъ опасномъ. весьма положеніи, что въ ней ни стоять, ни сидѣть на остроконечныхъ перекладинахъ прямо не можно. И чтобъ хитрому замыслу сему ничего не доставало, то похвалился его высокоблагородіе клѣтку сію и въ оной заключеннаго, поднимавъ на блокъ, держать чрезъ опредѣленное къ тому время подвѣшеннымъ на воздухѣ“¹⁾. Дѣло принимало, очевидно, серьезный оборотъ, и студентамъ становилось уже не до шутокъ. Пробовали они жаловаться, но и жалобы ихъ перехватывалъ Бокумъ, и положеніе ихъ ухудшалось еще болѣе. Наконецъ, ими овладѣла рѣшимость во что бы то ни стало избавиться отъ всего этого ужаснаго режима. Это была рѣшимость отчаянія. И разъ какъ-то, когда маіоръ Бокумъ, всплывъ, ударилъ по лицу студента Насакина, тотъ въ свою очередь далъ Бокуму пощечину, поддерживаемый общимъ негодованіемъ товарищей. Бокумъ растерялся. Въ первую минуту ему почудился бунтъ, покушеніе на его жизнь, и онъ всѣхъ студентовъ засадилъ подъ арестъ. Не видя впереди ничего хорошаго и ожидая самыхъ тяжелыхъ для себя послѣдствій, студенты рѣшили уже бѣжать изъ-подъ ареста и, отказавшись навсегда отъ мысли возвратиться на родину, покинуть Лейпцигъ и пробраться въ Америку. Но въ это дѣло вмѣшался русскій посланникъ въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскій, и, разобравъ всю эту исторію, освободилъ студентовъ изъ-подъ ареста, а Бокуму сдѣлалъ внушеніе. Послѣ этой исторіи Бокумъ совсѣмъ оставилъ въ повоѣ студентовъ, и заботился лишь о томъ, чтобы сохранить въ свою пользу какъ можно больше изъ денегъ, присылаемыхъ для студентовъ: „онъ рачилъ о своемъ карманѣ—вспоминалъ потомъ Радищевъ, — а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два“²⁾.

¹⁾ Сборникъ Русск. Ист. О—ва, X, 123.

²⁾ Сочиненія, т. V, 1806—11.

Однако, совѣмъ освободиться отъ маіора Бокума имъ удалось лишь въ концѣ своей лейпцигской жизни, когда старшіе студенты, въ томъ числѣ и Радищевъ, уже кончали курсъ.

Слухъ обо всѣхъ этихъ столкновенияхъ поздно дошелъ въ Россію. И только въ концѣ 1770 года императорскій кабинетъ получилъ свѣдѣнія объ обращеніи Бокума со студентами. Тотчасъ же было отправлено къ нему длинное посланіе, въ которомъ говорилось, что кабинетъ не только „съ несказаннымъ удивленіемъ, но и съ крайнимъ ужасомъ“ узналъ о его „неслыханномъ дерзновеніи неоднократно наказывать на тѣлѣ гг. Зиновьева и Олсуфьевыхъ“. Далѣе, посланіе заключало въ себѣ строгое внушеніе и заканчивалось категорическимъ требованіемъ вести дѣло воспитанія такъ, чтобы „всякая лютость въ нравахъ, неучтивость, свирѣпость и непристойность всемірно отъ глазъ и ушей дворянъ російскихъ оставались сокровенны“¹⁾. Неизвѣстно, однако, подѣйствовало ли это внушеніе на Бокума, но только быстро разнесшіеся по Петербургу слухи о его насиліяхъ и жалобы родителей вынудили, наконецъ, Екатерину отправить въ январѣ 1771 года кн. Бѣлосельскому порученіе провѣрить всѣ эти слухи. И произведенное слѣдствіе не только подтвердило слухи о всѣхъ жестокостяхъ и насиліяхъ Бокума, но и съ первыхъ же шаговъ обнаружило такое беззащитное его казнокрадство, что лишь только объ этомъ донесено было Екатеринѣ—Бокума немедленно отставили.

Такимъ образомъ, лейпцигскіе стипендіаты, хотя и слишкомъ поздно, но все-таки освободились отъ грубой и назойливой опеки своего гофмейстера, доставившаго имъ столько горькихъ минутъ, и, по словамъ Радищева, отчасти даже бывшего причиной того, что русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ упрекали въ нравственной распущенности.

„Должно признаться — писалъ потомъ Радищевъ, — что городъ Лейпцигъ—мѣсто соблазнительное, и что такихъ довольно здѣсь находится, кои, молодыхъ людей слабость видя, во всему склонить ихъ умѣютъ“... И при отсутствіи правильного надзора и руководства, прямо изъ школьной обстановки пажескаго корпуса, очутившись въ свободной атмосферѣ нѣмецкаго университета и, главное, нѣмецкихъ студентовъ, Радищевъ и его товарищи, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ оріентироваться въ своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ, на первыхъ порахъ легко втянулись въ веселую и разгульную жизнь нѣмецкой студенческой молодежи.

¹⁾ Сборникъ Русск. Ист. О—ва, X, 114—121.

„Во все время нашего пребыванія (въ Лейпцигѣ) — писалъ потомъ Радищевъ — кто имѣлъ свои деньги, тотъ употреблялъ ихъ не токмо на необходимыя нужды, какъ-то: на дрова, одежду, пищу, но даже и на ученіе, на покупку книгъ. Не утаю и того, что деньги, нами изъ домовъ получаемыя, послужили къ нашему въ любострастіи невоздержанію, но не они возрожденію въ насъ онаго были причиною или случаемъ. Нерадѣніе о насъ нашего начальника и малое за юношами въ развратномъ обществѣ смотрѣніе были онаго корень“¹⁾. И по нѣкоторымъ словамъ Радищева можно заключить, что ихъ кутежи и попойки доходили дѣйствительно до очень внушительныхъ размѣровъ, а для Радищева даже послужили причиною тяжелой болѣзни, отъ которой онъ долго лечился у лучшихъ лейпцигскихъ профессоровъ, но и потомъ это было несчастьемъ всей его жизни. Здоровый организмъ, однако, перенесъ это потрясеніе. Тѣмъ не менѣе, это обстоятельство хотя и не надолго удерживало Радищева въ сторонѣ отъ широкой жизни товарищей, но, конечно, не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на его воспріимчивую натуру. И можно думать, что именно подъ вліяніемъ своего личнаго несчастья — Радищевъ началъ интересоваться медициной, и въ концѣ концовъ за время своего пребыванія въ Лейпцигѣ онъ приобрѣлъ такіа обширныя познанія по медицинскимъ наукамъ, что смѣло могъ бы выдержать экзаменъ на врача.

Когда первыя впечатлѣнія лейпцигской жизни нѣсколько поулеглись, быстро пробудились и дремавшіе умственные интересы. Выроставшіе вопросы и сомнѣнія, стремленіе къ широкому знанію — все это искало себѣ выхода и находило его въ лекціяхъ профессоровъ, въ товарищескихъ бесѣдахъ и спорахъ. Мало-помалу среди нашихъ студентовъ организуется кружокъ съ самообразовательными цѣлями, инициаторомъ и душою котораго является Ѳ. В. Ушаковъ. Онъ былъ значительно старше своихъ товарищей. На родинѣ онъ уже занималъ видную должность при статсъ-секретарѣ Тепловѣ, а впереди передъ нимъ отърывалась блестящая служебная карьера. Но, какъ видно, это не особенно привлекало его, и когда онъ узналъ, что рѣшено послать молодыхъ дворянъ въ заграничныя университеты, то выхлопоталъ и для себя разрѣшеніе отправиться въ ихъ числѣ. Въ Лейпцигѣ среди своихъ товарищей Ушаковъ пользовался большимъ вліяніемъ, и въ своемъ кружкѣ онъ былъ главнымъ руководителемъ.

Первымъ толчкомъ, пробудившимъ у нашихъ студентовъ живой

¹⁾ Сочиненія, т. V, стр. 38—39, 1811.

интересъ къ знанію, была случайно попавшая къ нимъ книга Гельвеція „О Разумѣ“, съ которой ихъ познакомилъ какой-то русскій сановникъ, проѣзжавшій черезъ Лейпцигъ: „Онъ возбудилъ (въ насъ)—писалъ потомъ Радищевъ, вспоминая объ этомъ заѣздѣ русскомъ сановникѣ,—великое желаніе къ чтенію, давъ намъ книгу Гельвеціеву „О Разумѣ“. Мы читали его книгу, читали со вниманіемъ, и по ней мыслить научились“¹⁾. Какъ видно изъ этихъ словъ Радищева, книга Гельвеція, этого крайняго представителя философскаго радикализма, имѣла большой успѣхъ въ кружкѣ русскихъ студентовъ. И ею-то былъ данъ первый толчокъ къ ихъ самостоятельной умственной работѣ. Отъ Гельвеція Радищевъ и его товарищи переходили къ другимъ корифеямъ современной имъ философской мысли. Ихъ увлекаетъ своими блестящими и смѣлыми идеями Руссо, этотъ яркій представитель политическаго демократизма, влияние котораго на Радищева въ послѣдствіи сильно сказывалось. Сочиненіе Мабли: „*Droit public de l'Europe fondé sur les traités*“, производитъ на Радищева и его товарищей глубокое впечатлѣніе и кажется имъ настолько совершеннымъ, что нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Радищевъ, отказываются слушать объявленный профессоромъ Бѣме курсъ политическаго права европейскихъ державъ, такъ какъ образцовое сочиненіе Мабли содержитъ въ себѣ „несравненно болѣе поучительнаго, чѣмъ какія бы то ни было лекціи“²⁾. Занятія нашихъ студентовъ философіей не ограничивались однако знакомствомъ съ французской философской литературой. Въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ философіи велъ тогда Платнеръ, молодой, только-что начинавшій профессоръ, пользовавшійся среди студентовъ большою популярностію. Горячій послѣдователь Лейбница, Платнеръ въ своихъ живыхъ и увлекательныхъ лекціяхъ знакомилъ студентовъ съ системой знаменитаго нѣмецкаго философа. Лекціи его, не отличавшіяся большою послѣдовательностію и систематичностію, но всегда блестящія и содержательныя, неотразимо дѣйствовали на слушателей. И съ нихъ-то начинается знакомство Радищева съ философіей Лейбница, котораго онъ основательно протрудировалъ, и своими философскими познаніями даже обратилъ на себя вниманіе Платнера, который потомъ, двадцать лѣтъ спустя, при встрѣчѣ съ Карамзинымъ, отзывался о Радищевѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ способныхъ своихъ учениковъ³⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 60—61.

²⁾ Сухомлиновъ, Исслѣд. и статьи, т. I.

³⁾ Карамзинъ, Письма русскаго путешественника (Письмо изъ Дрездена, 16 июля 1789 г.).

Кромѣ философіи, Радищевъ много вниманія удѣлялъ и другимъ наукамъ. Въ инструкціи, данной Екатериной, программа занятій русскихъ студентовъ въ лейпцигскомъ университетѣ была предусмотрена въ общихъ чертахъ. Студентамъ предписывалось „обучаться латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкамъ; всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи праву“. Кромѣ этихъ обязательныхъ занятій, каждому студенту предоставлялось право заниматься и другими науками по собственному выбору. Тотчасъ по пріѣздѣ русскихъ студентовъ въ Лейпцигъ, профессорами лейпцигскаго университета была составлена соотвѣтственно инструкции программа занятій, и въ первые годы Радищевъ и его товарищи обучались логикѣ, естественному праву, народному праву, кромѣ того — „универсальной гисторіи, генеральному, политическому праву, исторіи всѣхъ государствъ и о состояніи оныхъ“¹⁾.

Занятія эти шли настолько успѣшно, что уже черезъ полтора года вн. Бѣлосельскій писалъ изъ Дрездена: „Всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ столь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются. Особенно же хвалятъ и находятъ отиѣнно искусными: во-первыхъ, старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превзошли чаянія своихъ учителей“²⁾.

Для послѣднихъ двухъ лѣтъ была выработана такими знаменитостями, какъ профессора Гоммель, Бѣме, новая программа, по которой дальнѣйшія занятія студентовъ распредѣлялись на четыре полугодія и заключались, главнымъ образомъ, въ изученіи юриспруденціи и философіи.

Отдавая много времени этимъ обязательнымъ наукамъ, Радищевъ въ то же время усердно изучалъ медицину и много занимался химіей. Вся обстановка университетскаго преподаванія, находившагося въ рукахъ выдающихся ученыхъ того времени, — много способствовала горячей любознательности молодого Радищева, и за время своей университетской жизни онъ приобрѣлъ дѣйствительно обширныя и разностороннія знанія.

Но не только въ смыслѣ научнаго образованія студенческие годы дали Радищеву такъ много, — умственное движеніе Запада

¹⁾ Сухомлиновъ, Исслѣд. и статьи, т. I.

²⁾ Ibid.

не могло не оказать сильнаго вліянія и на выработку его этическихъ идеаловъ. Увлекаясь французской литературой, Радищевъ воспринималъ идеи раціонализма. И подъ вліяніемъ этихъ идей складывалось его міросозерцаніе. „Помни, что въ жизни нужно имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что нужно быть твердымъ въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно“¹⁾. Это были послѣднія слова умирающаго Ушакова, и они нашли себѣ живой откликъ въ душѣ Радищева. Закрывая глаза умиравшему другу, Радищевъ далъ торжественное обѣщаніе свято помнить всю жизнь его завѣщаніе. И много лѣтъ спустя, вспоминая объ этомъ, Радищевъ писалъ: „Слезы и рыданія были ему въ отвѣтъ, но слова его громко раздались въ моей душѣ и неизгладимой чертой запечатлѣлись въ памяти. Поживуть они всецѣло, доколѣ дыханіе въ груди моей исчезнетъ и не охладѣетъ въ жилахъ кровь. Дажь небо, да мысль присутственна мнѣ будетъ въ преддверіи гроба и да возмогу важное сынѣмъ моимъ оставить наслѣдіе — послѣднее завѣщаніе умирающаго вождя моей юности“...

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ, Радищевъ уже вполне сложившимся человѣкомъ уѣзжалъ въ Россію. За время своей лейпцигской жизни онъ уже началъ нѣсколько забывать русскій языкъ, но Россію онъ не могъ забыть. Всей душой стремился онъ на родину, съ восторгомъ мечтая всю жизнь посвятить ей. Долго помнилъ онъ то восторженное чувство, которое охватило его, когда, наконецъ, онъ „узрѣлъ межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую“²⁾.

II.

Въ 1771 году Радищевъ возвратился въ Россію. На первыхъ порахъ онъ поступилъ, вмѣстѣ съ двумя своими товарищами, протоколистомъ въ сенатъ, и сразу попалъ въ душную атмосферу низкопоклонничества, всякаго крючкотворства и тѣхъ своеобразныхъ и узкихъ интересовъ, которые царили въ обществѣ приказныхъ средней руки. Начальство обращалось съ Радищевымъ и съ его товарищами ничуть не лучше, чѣмъ съ другими приказослужителями, и вообще все время Радищевъ рѣзко чувствовалъ, насколько вся эта обстановка не соотвѣтствовала его мечтамъ послужить родинѣ своими знаніями и своими си-

¹⁾ Соч., т. V, стр. 80.

²⁾ Ibid., стр. 51.

лами. Его близкій другъ и товарищъ по Лейпцигу — Кутузовъ, съ которымъ они вмѣстѣ поступили въ сенатъ, также быстро разочаровался въ такого рода дѣятельности, и первый вышелъ въ отставку и поступилъ въ гвардію. За нимъ и Радищевъ, прослуживъ около двухъ лѣтъ протоколистомъ, въ концѣ-концовъ бросилъ эту службу и перешелъ въ штатъ главнокомандующаго въ Петербургѣ, гр. Брюса, въ качествѣ оберъ-авдидора.

Служба эта сама по себѣ не могла, конечно, приносить Радищеву никакого нравственнаго удовлетворенія, но здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было той затхлої канцелярской обстановки, отъ которой бѣжалъ онъ изъ сената. Состоя при гр. Брюсѣ, Радищевъ вообще велъ жизнь свѣтскую и довольно безпорядочную. Человѣкъ широко образованный, Радищевъ былъ и хорошимъ собесѣдникомъ; при томъ же онъ недурно игралъ на скрипкѣ, обладалъ довольно красивой внѣшностью, — все это дѣлало его вездѣ желаннымъ гостемъ, и въ обществѣ Радищевъ пользовался большимъ успѣхомъ. Въ петербургскомъ обществѣ Радищевъ нашелъ то же увлеченіе западной литературой и наукой, то же поклоненіе энциклопедистамъ, какъ и въ своемъ студенческомъ кружкѣ, — и это какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его собственному настроенію. Сочиненіями энциклопедистовъ зачитывались, книги ихъ переводились на русскій языкъ и печатались не только на частныя средства, но и на средства правительства. Екатериной было образовано общество, задачей котораго было переводить и издавать на русскомъ языкѣ наиболѣе выдающіяся произведенія западной литературы. Къ участію въ работахъ этого общества были привлечены самые образованные люди того времени, въ томъ числѣ былъ приглашенъ и Радищевъ, которому досталось переводить сочиненіе Мабли: „*Observations sur l'histoire de la Grèce, ou des causes de la prospérité et des malheurs de la Grèce*“. Радищевъ съ увлеченіемъ принялся за переводъ, и скоро этотъ первый его литературный трудъ былъ оконченъ и напечатанъ. Въ 1773 году онъ вышелъ въ свѣтъ вмѣстѣ съ примѣчаніями, которыя сдѣлалъ къ нему Радищевъ. Въ этихъ примѣчаніяхъ Радищевъ является рѣшительнымъ сторонникомъ народнаго представительства и съ увлеченіемъ развиваетъ идеи естественнаго права. Интересное примѣчаніе дѣлаетъ онъ, поясняя слово „despotisme“, которое онъ перевелъ словомъ „самодержавство“. У Мабли, въ переводѣ Радищева, встрѣчается такое мѣсто: „Каково состояніе Македоніи ни было, но болѣзни ея не были неисцѣлимы... а какъ монархія не прешли еще въ самодержавство, отъемлющее у души всѣ

ея пружины, то гражданинъ соблюдалъ чувствованія добродѣтели и мужества“... Поясняя встрѣчающееся здѣсь слово „самодержавство“, Радищевъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: „Самодержавство есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не только не можемъ дать надъ собой неограниченной власти; но ниже законъ извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать должны и не можемъ; но для того, что мы находимъ въ ономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ нашея природныя власти, то дабы она употреблена была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, тоже и болѣе надъ нимъ права, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества“¹⁾.

Этотъ переводъ былъ первымъ литературнымъ трудомъ Радищева, увидѣвшимъ свѣтъ, но писать, собственно говоря, Радищевъ началъ гораздо раньше.

Человѣкъ чрезвычайно воспримчивый, Радищевъ обладалъ нѣкоторымъ творческимъ воображеніемъ, и у него всѣ впечатлѣнія жизни, складываясь въ опредѣленные образы и картины, тотчасъ же выливались на бумагѣ. И Радищевъ писалъ обо всемъ, что волновало его или производило на него нѣкоторое впечатлѣніе. Этимъ своимъ наброскамъ и отдѣльнымъ отрывочнымъ замѣткамъ, большая часть которыхъ по собственнымъ его словамъ была обращена на „нѣжные предметы“, Радищевъ не придавалъ никакого серьезнаго значенія. Нѣкоторую пользу, впрочемъ, онъ признавалъ за этими писаніями въ смыслѣ упражненія въ слогѣ и вообще въ умѣнн правильно и литературно выражать свои мысли. Послѣднему Радищевъ придавалъ большое значеніе, и съ этой же цѣлью „много читалъ книгъ церковныхъ, слѣдуя совѣту Ломоносова“, — „ибо, — писалъ онъ впоследствии — имѣя малое знаніе въ русскій языкъ, я старался приобрести достаточныя въ ономъ свѣдѣнія, дабы въ состояніи быть управлять перомъ“²⁾.

¹⁾ Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и упадка грековъ. Сочиненіе г. аббата де-Мабли. Переведено съ французскаго. Издѣніемъ общества старающагося о напечатаніи книгъ. Въ Санктъ Петербургѣ. При Имп. Академіи Наукъ. 1778 г. Стр. 125—127.

²⁾ Сухомлиновъ, Исслѣд. и статьи, т. I.

Среди этихъ занятій Радищевъ много читалъ и книгъ общедобразовательнаго характера; главнымъ образомъ читалъ онъ книги „до словесныхъ наукъ касающіяся“ ¹⁾.

Служа при гр. Брюсѣ, Радищевъ постоянно вращался въ обществѣ, заводилъ много знакомствъ и, между прочимъ, черезъ своего товарища по Лейпцигу, Рубановскаго, познакомился съ семьей его старшаго брата, Вас. Кир. Рубановскаго, бывшаго членомъ придворной конторы, и на его дочери, Аннѣ Васильевнѣ, женился. Но, прежде чѣмъ свадьба могла состояться, Радищеву большого труда стоило получить согласіе на бракъ родителей Анны Васильевны, которые, мечтая пристроить свою дочь за кого-нибудь изъ придворной знати, очень неблагосклонно относились къ ухаживаніямъ Радищева, незамѣтнаго чиновника, и притомъ человѣка очень небогатаго. Въ концѣ-концовъ, однако, свадьба была рѣшена, и въ 1775 г. Радищевъ, выйдя въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора, вмѣстѣ съ невѣстою и ея родными отправился въ Москву, къ своимъ родителямъ, гдѣ и состоялась его свадьба. Проживъ еще нѣкоторое время послѣ свадьбы въ Москвѣ у своихъ родителей, Радищевъ, однако, долженъ былъ снова возвратиться въ Петербургъ и искать тамъ службы, такъ какъ ни у него самого, ни у его жены, только что лишившейся отца, не было почти никакихъ средствъ.

Въ 1776 г., Радищевъ поступилъ ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію, во главѣ которой стоялъ тогда гр. А. Р. Воронцовъ, одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей того времени. Онъ неохотно принялъ къ себѣ Радищева, не рассчитывая найти въ немъ хорошаго работника и считая его не болѣе, какъ свѣтскимъ человѣкомъ, поверхностнымъ и легкомысленнымъ, поступающимъ въ службу исключительно подъ давленіемъ денежныхъ обстоятельствъ,—можетъ быть, прокутившись и запутавшись въ долгахъ.

Однако скоро онъ сталъ смотрѣть совсѣмъ иными глазами на молодого подчиненнаго.

Первое время Радищевъ ничѣмъ не проявлялъ себя, и только работалъ усердно и добросовѣстно. Но въ то же время онъ всѣ свободные отъ службы часы посвящалъ чтенію и разбору прежнихъ дѣлъ коммерцъ-коллегіи, разныхъ журналовъ и постановленій, много также читалъ книгъ по вопросу о промышленности и торговлѣ, и вообще къ новымъ своимъ обязанностямъ отнесся очень серьезно и старался, вникнувъ въ самую сущность дѣлъ

¹⁾ Тамъ же.

коммерцъ-коллегіи, усвоить себѣ правильный взглядъ на русскую торговлю. „Когда я опредѣленъ былъ въ коммерцъ-коллегію, — пишетъ объ этомъ Радищевъ, — то за долгъ мой почелъ приобрести знанія, до торговой части вообще касающіяся, и для того, сверхъ обыкновеннаго упражненія въ дѣлахъ, я читалъ книги, до коммерціи касающіяся... и старался приобрести знанія въ руссiйскомъ законоположеніи, до торгу вообще относящіяся“. Мало-по-малу въ коммерцъ-коллегіи стали смотрѣть на Радищева, какъ на не совсѣмъ обыкновеннаго чиновника. Не говоря уже о его обширныхъ познаніяхъ въ своей спеціальности, но и неподкупная его честность была для коммерцъ-коллегіи дѣломъ не совсѣмъ обычнымъ. Съ непоколебимою твердостью отстаивалъ Радищевъ дѣла правыя и нерѣдко рисковалъ быть уволеннымъ со службы за свое несогласіе съ начальствомъ.

Разъ какъ-то случилось, что онъ одинъ возсталъ противъ всѣхъ и даже противъ самого гр. Воронцова. Обвинялись въ какихъ-то упущеніяхъ по должности пеньковые браковщики, и всѣ члены коллегіи единогласно признали ихъ виновными и приговорили къ соотвѣтствующему наказанію. Президентъ коллегіи, гр. Воронцовъ, вполне раздѣлялъ общее мнѣніе, и одинъ только Радищевъ, который былъ тогда младшимъ членомъ коллегіи, остался при особомъ мнѣніи. Напрасно убѣждали его сослуживцы и даже самъ вице-директоръ, что, идя одинъ противъ всѣхъ и возставая противъ самого гр. Воронцова, Радищевъ, человекъ безъ всякихъ связей и протекцій, губить себя, — ничто не могло поколебать его твердости. Долго не рѣшались доложить президенту о неслыханномъ упорствѣ молодого чиновника. Наконецъ, вице-президентъ, считая Радищева окончательно погибшимъ, представилъ его особое мнѣніе гр. Воронцову. Подозрѣвая, что Радищевъ защищаетъ провинившихся браковщиковъ не совсѣмъ безкорыстно, гр. Воронцовъ былъ очень разсерженъ и приказалъ позвать къ себѣ Радищева. Разговоръ ихъ продолжался долго и окончился, къ удивленію всѣхъ, тѣмъ, что приговоръ былъ отмѣненъ, дѣло вновь пересмотрѣно, и пеньковые браковщики оправданы. Съ этихъ поръ гр. Воронцовъ сталъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ Радищеву, и послѣ этого случая Радищевъ мало-по-малу настолько сблизился съ гр. Воронцовымъ, что сдѣлался въ домѣ его своимъ человекомъ, и гр. Воронцовъ навсегда остался его близкимъ другомъ и покровителемъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда открылась петербургская губернія по новому образованію, — петербургская таможня и всѣ

таможенные дѣла отданы были въ вѣдѣніе совѣтника таможенныхъ дѣлъ, которымъ былъ назначенъ старикъ Даль, человекъ очень ученый и знающій, но совершенно не владѣвшій русскимъ языкомъ. Въ помощники къ нему былъ опредѣленъ Радищевъ. Постепенно, однако, Радищевъ сдѣлался фактическимъ управляющимъ таможни, тогда какъ постоянно болѣвшій старикъ Даль только разъ въ мѣсяцъ докладывалъ императрицѣ о таможенныхъ дѣлахъ. На Радищевѣ, такимъ образомъ, лежали большія и довольно сложныя обязанности, къ которымъ онъ относился, какъ и раньше, крайне добросовѣстно. Исключительно для того, чтобы лучше слѣдить за теченіемъ таможенныхъ дѣлъ и не быть въ нѣкоторой зависимости отъ переводчика, когда приходилось имѣть дѣло съ англійскими коммерсантами, Радищевъ въ свободное время прилежно занялся изученіемъ англійскаго языка, и скоро могъ уже обходиться безъ переводчика. Англійскимъ языкомъ онъ овладѣлъ настолько, что могъ въ подлинникѣ читать Милтона, Шекспира.

Черезъ нѣкоторое время дѣла у Радищева еще прибавилось. Когда была учреждена коммиссія для составленія новаго общаго тарифа, въ число членовъ ея былъ назначенъ и Даль. Радищевъ, хотя и не былъ членомъ коммиссіи, но большую часть работы по составленію тарифа выполнилъ онъ, помогая Далю. Когда тарифъ былъ выработанъ, всѣ официальные участники коммиссіи были щедро награждены. О Радищевѣ также доложили императрицѣ, и ему былъ пожалованъ перстень.

Въ 1773 году, на Радищева обрушилось тяжелое несчастье. Умерла его жена. Радищевъ былъ убитъ горемъ. Долго не могъ онъ снова войти въ свою колею и приняться попрежнему за свои книги и занятія. Цѣлые дни проводилъ онъ на службѣ, стараясь механической и непрерывной работой усыпить свое горе. Всѣ свои домашнія дѣла онъ оставилъ на попеченіе свояченицъ, которыя взялись и воспитывать его дѣтей, трехъ сыновей и дочь, оставшихся послѣ матери.

Около этого времени старикъ Даль вышелъ въ отставку, и вмѣсто него начальникомъ таможень петербургской губерніи былъ назначенъ Радищевъ. Здѣсь ему открывалась дѣятельность болѣе широкая и самостоятельная, но долго еще мысль о смерти жены не давала ему спокойно заниматься своимъ дѣломъ, и не раньше, какъ года черезъ два, горе его улеглось настолько, что онъ могъ съ прежнимъ рвеніемъ отдаться и служебнымъ своимъ обязанностямъ, и прерванному чтенію, и „упражненію въ словѣ“, какъ называлъ онъ свои первые литературные опыты.

Эти „упражненія въ слогѣ“, носившія характеръ случайныхъ набросковъ, по мѣрѣ того, какъ углублялся взглядъ Радищева на окружающее, все болѣе пріобрѣтали публицистическій оттѣнокъ. Однако выступить въ печати съ какимъ-нибудь законченнымъ произведеніемъ Радищевъ все это время, повидимому, не думалъ. Правда, существуетъ предположеніе, что онъ принималъ участіе въ Новиковскомъ „Живописцѣ“. Отрывки изъ „Путешествія въ ** и Т.“, напечатанные въ 1773 году въ „Живописцѣ“, приписывали-было одно время Радищеву, но это предположеніе, однако, никакими позднѣйшими данными не подтверждается. Первая мысль писать для печати явилась у Радищева, по собственнымъ его словамъ, гораздо позже. Поступивъ въ помощники къ Далю, Радищевъ съ особеннымъ усердіемъ погружился въ изученіе торговли и вопросовъ, съ нею связанныхъ, и случайно, между другими книгами, онъ пріобрѣлъ Рейналя „Философскую и политическую исторію колоній и торговли въ обѣихъ Индіяхъ“¹⁾. Энергическое обличеніе ужасовъ рабовладѣльчества, потрясающія картины насилій, совершаемыхъ европейцами въ Индіи, горячая проповѣдь освобожденія невольниковъ—все это было такъ понятно и близко Радищеву, въ которомъ крѣпостное право возбуждало всегда глубокое и искреннее негодованіе. И при чтеніи Рейналя у Радищева зародилась первая идея его будущаго „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Но это время совпало какъ-разъ съ тяжелымъ временемъ для Радищева, когда умерла его жена, и Рейналь, вмѣстѣ съ прочими книгами и занятіями, не относящимися къ службѣ, былъ отложенъ въ сторону. И только спустя нѣсколько лѣтъ, оправившись послѣ пережитого несчастья, Радищевъ опять взялся за свои забытыя книги, и въ томъ числѣ за Рейналя, котораго онъ снова перечиталъ. И снова всѣ ужасы крѣпостного права съ новой силой встали передъ нимъ, и подъ впечатлѣніемъ книги Рейналя Радищевъ началъ писать повѣсть о крестьянахъ, проданныхъ съ публичнаго торга, положивъ этою повѣстью начало своему будущему „Путешествію изъ Петербурга въ Москву“, въ число главъ котораго она потомъ и вошла. Впрочемъ, эту повѣсть Радищевъ писалъ, не помышляя еще о болѣе крупномъ и серьезномъ трудѣ, какимъ является это „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Планъ этого произведенія возникъ у Радищева нѣсколько позже. Да и вообще эту повѣсть онъ не готовилъ сначала для

¹⁾ G. Th. Raynal, „Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes“. Amsterdam. 1770. I—IV v.

печати и писалъ ее, какъ говоритъ онъ самъ, „для упражненія въ слогѣ“, точно такъ же, какъ въ слѣдующемъ году, подъ впечатлѣніемъ Гердера, онъ началъ повѣсть о цензурѣ. „Но все не было dokonчено“,—прибавляетъ Радищевъ, рассказывая впоследствии объ этихъ первыхъ зачаткахъ своего „Путешествія“.— „А какъ случилось мнѣ,—говоритъ онъ далѣе,—читать переводъ нѣмецкій Юрикова путешествія, то и мнѣ на мысль пришло ему послѣдовать“. Такимъ образомъ, мысль создать самостоятельное и крупное произведеніе зрѣла у Радищева постепенно, и сначала онъ самъ не предполагалъ объединить всѣ эти неоконченные отрывки, повѣсти, въ одно цѣлое. „Сентиментальное путешествіе“ Стерна дало ему окончательный толчокъ, указавъ ему такой способъ изложенія, при которомъ всѣ эти отдѣльные отрывки, не имѣя между собой никакой внѣшней связи, могли быть соединены вмѣстѣ и составить одно цѣлое. И „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Стерна. Та же форма отдѣльныхъ дорожныхъ очерковъ, составляющихъ главы, которыя озаглавлены названіями почтовыхъ станцій, лежащихъ на пути. Такая форма изложенія не требовала никакого единства между отдѣльными главами, и описанія дорожныхъ встрѣчъ и впечатлѣній у Радищева мирно уживаются съ философскими размышленіями, историческими очерками, воспоминаніями. Въ концѣ 1788 г. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ было окончательно написано и сдано для просмотра въ управу благочинія, а въ 1790 г. Радищевъ началъ печатать его въ своей домашней типографіи, которую онъ завелъ, воспользо-вавшись указомъ императрицы Екатерины о вольныхъ типографіяхъ.

Но нѣсколько раньше „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“, какъ будто предчувствуя, что скоро ему надолго придется прекратить всякую литературную дѣятельность, Радищевъ выпускаетъ въ свѣтъ одно за другимъ и еще два свои произведенія. Въ 1789 году онъ напечаталъ „Житіе О. В. Ушакова“, а въ слѣдующемъ году—„Письмо къ другу, жительствоющему въ Тобольскѣ“. Въ „Житіи О. В. Ушакова“, которое имѣетъ важное автобіографическое значеніе, Радищевъ подробно и правдиво описываетъ жизнь своего студенческаго кружка въ Лейпцигѣ, душою котораго былъ Ушаковъ. Рядомъ съ чисто біографическимъ повѣствованіемъ Радищевъ затрагиваетъ и общественныя темы, и здѣсь онъ все тотъ же горячій поклонникъ Руссо и просвѣтительной философіи, какимъ былъ и пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И даже самый тонъ его, смѣлый, мѣстами вызывающій и

рѣзкій, сильно напоминаетъ автора примѣчаній къ книгѣ Мабли. Заканчиваетъ „Житіе“ Радищевъ описаніемъ смерти Ушакова, который умиралъ въ страшныхъ мученіяхъ и умолялъ товарищей дать ему яду, чтобы смерть прекратила его страданія. Но товарищи отказали ему, и теперь Радищевъ находитъ это неправильнымъ и, обращаясь къ своему товарищу Кутузову, который тоже былъ тогда около умирающаго Ушакова, говорить: „Если еще услышишь голосъ стенищаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, любезнѣйшій мой: ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнью гнушающемуся и ее возненавидѣвшему“¹⁾.

Кромѣ этихъ двухъ произведеній, къ этому же времени относится и написанная Радищевымъ „Исторія Сената“, которую онъ впоследствии уничтожилъ, и о ней не сохранилось никакихъ свѣдѣній.

Вообще эти послѣдніе годы были для Радищева временемъ наиболѣе сильнаго подъема литературной дѣятельности. Работая надъ отдѣльными произведеніями и выпуская ихъ одно за другимъ въ свѣтъ, Радищевъ въ то же самое время принимаетъ довольно близкое участіе въ „Почтѣ Духовъ“, выходившей въ 1789 году подъ редакціей Крылова. Существовало даже мнѣніе (Массонъ)²⁾, приписывающее дѣликомъ все изданіе Радищеву. Однако, различіе въ стилѣ и въ содержаніи отдѣльных писемъ слишкомъ рѣзко, чтобы приписывать все изданіе перу одного автора. И позднѣйшими изслѣдованіями установлено съ достаточной ясностью, что въ этомъ сатирическомъ журналѣ, „самомъ философическомъ и самомъ ѣдкою изъ всѣхъ, какіе только когда-либо осмѣливались издавать въ Россіи“³⁾, Радищеву принадлежатъ лишь нѣкоторыя письма, и притомъ письма наиболѣе смѣлыя, отличающіяся серьезнымъ общественнымъ характеромъ сатиры. Къ такимъ письмамъ, носящимъ слишкомъ явные признаки и стили, и идей Радищева, принадлежатъ нѣкоторыя письма Астарота (V, XVIII) и письма сальфа Дальновиды.

¹⁾ Собр. соч., т. V, стр. 84.

²⁾ „Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin de règne de Catherine II et le commencement celui de Paul I“.

³⁾ Ibid.

III.

Впослѣдствіи самъ Радищевъ говорилъ, что будь его „Путешествіе“ издано нѣсколькими годами раньше, оно бы встрѣтило только самый лестный и милостивый пріемъ у Екатерины, и уже, конечно, не вызвало бы тѣхъ роковыхъ послѣдствій, которыя обрушились на Радищева. Но за послѣдніе годы произошли большія перемѣны. Между Екатериной-авторомъ „Наказа“ и Екатериной, читающей книгу Радищева, легла пропасть. Въ 1790 г. французская революція уже разгорѣлась, и зарево пожара, охватившаго Западную Европу, угрожающе стояло и передъ Екатериной, всецѣло отнесшей революцію на счетъ просвѣтительной философіи, яркой сторонницей которой она была прежде, и въ которой теперь она видѣла источникъ всѣхъ золъ, „отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена“. И не читателя-друга нашелъ въ Екатеринѣ Радищевъ.

Тотчасъ же, какъ только „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ появилось въ продажѣ, былъ арестованъ купецъ Зотовъ, въ лавку котораго Радищевъ отдалъ на пробу тридцать экземпляровъ, быстро раскупленныхъ и возбудившихъ оживленные толки въ обществѣ. Вслѣдъ за нимъ былъ подвергнутъ допросу таможенный надсмотрщикъ, носившій книгу въ цензуру. Хотя оба они и не назвали имени автора, однако Радищевъ сильно встревожился, и, ожидая каждую минуту ареста, собралъ и пожегъ почти всѣ бумаги, имѣвшія отношеніе къ „Путешествію“, и всѣ остававшіеся у него экземпляры, числомъ около шестисотъ.

Опасенія Радищева были ненапрасны. Однимъ изъ первыхъ читателей его книги оказалась сама императрица Екатерина. И съ первыхъ же страницъ она пришла въ сильнѣйшее негодованіе. Секретарь ея Храповицкій, 26 іюня 1790 г., записалъ въ своемъ дневникѣ: „Говорено о книгѣ: „Путешествіе отъ Петербурга до Москвы“. Тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣвымъ ¹⁾. Открывается подозрѣніе на Радищева“.

Прежде всего, конечно, у Екатерины явился вопросъ, кто авторъ этой книги? Съ самаго начала у нея возникло подозрѣніе на двухъ лицъ—на Радищева и на Челищева, такъ какъ

¹⁾ Оберъ-полиціймейстеръ, цензуровавшій книгу Радищева.

авторъ „Путешествія“ упоминаетъ вскользь о „знаніи, которое онъ, къ счастію своему, имѣлъ случай узнать“, а оба они, и Радищевъ, и Челищевъ, были въ лейпцигскомъ университетѣ, и къ тому же Евкатерина слышала, что и у того, и у другого имѣются домашнія типографіи. Но знакомство автора съ подробностями „купецкихъ обмановъ“ — „чего у таможи приглядѣться можно“ — окончательно утвердило подозрѣніе Евкатерины на Радищева, тѣмъ болѣе, что еще не такъ давно Радищевъ уже зарекомендовалъ себя съ невыгодной стороны, какъ авторъ „Письма къ другу, жительствоющему въ Tobolskъ“, и „Житія Ѳ. В. Ушакова“.

И въ одинъ прекрасный день—это было 30 іюня 1790 г.—къ Радищеву явился полицейскій офицеръ и, арестовавъ его, повезъ къ главнокомандующему гр. Брюсу. Но едва они вошли въ переднюю, какъ вслѣдъ за ними появился посланный отъ Шешковскаго. Услыхавъ это страшное имя, Радищевъ упалъ въ обморокъ.

Въ тотъ же день онъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, и слѣдствіе, порученное Шешковскому, началось.

А. А. Гавриленко.

„КУРСОВЫЕ“

ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ II *).

Окончаніе.

I.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней въ Желѣзноводскѣ, съ самаго ранняго утра, замѣтно было особенное оживленіе. О причинѣ его нетрудно было догадаться, взглянувъ на громадныя разноцвѣтныя афиши на стѣнкахъ курзала, домовъ и даже заборовъ. Афиши гласили о предстоящемъ любительскомъ концертѣ „съ благотворительною цѣлью“, а въ заключеніе — „маленькій конфетти-балъ“...

Въ этотъ день Ида Борисовна тоже суежилась и волновалась: она участвовала въ концертѣ, и ей предстояло исполнить дуэтъ съ молодымъ красавцемъ - сыномъ „безногаго калѣки“, Валеріаномъ Романовичемъ Примовымъ... Ежеминутно она, мелко надрѣзывая, вмѣстѣ съ молчаливой и сосредоточенной Ксеніей Владиміровной, пеструю бумагу для „конфетти“, то напѣвала какой-нибудь мотивъ изъ назначенной для концерта программы, то тревожно, торопливо закидывала Чудновскую вопросами.

— А что, тетя, какъ ты думаешь, не провалюсь ли я съ своимъ пѣніемъ? Вѣдь почти цѣлый годъ, со дня выхода изъ института, какъ я не пѣла... передъ публикой... А здѣсь такая масса народа, и, конечно, найдутся настоящіе, строгіе цѣнители...

*) См. выше: май, стр. 49.

— Богъ знаетъ, чего ты, Идочка, тревожишься: сойдетъ прекрасно... Вчера на репетиціи у васъ... съ этимъ Валеріаномъ Романовичемъ... дуэтъ выходилъ такъ хорошо, что тебѣ положительно нечего беспокоиться... Нужно, чтобы случилось что-нибудь особенное, помѣшавшее тебѣ пѣть хорошо... А безъ этого успѣхъ твой обезпеченъ... Вы хорошо спѣлись...

— Да, вотъ ты, тетя, меня поддерживаешь, успокаиваешь, даже хвалишь, а Рисковецъ вчера—вотъ мнѣ что сказалъ, когда я его спросила, какъ у насъ выходитъ дуэтъ: „То-есть, доложу вамъ, — сказалъ онъ мнѣ пресерьезно и по обыкновенію сильно жестикулируя:—еслибы, по повелѣнію Божію, на эстраду желѣзнодорожнаго курзала вывести „валаамскаго осла“, то и онъ бы лучше спѣлъ, чѣмъ этотъ вашъ длинноносый пѣвецъ!.. Да и вы, Ида Борисовна, тоже недалеко отъ него ушли“...

— Ну, охота тебѣ слушать Рисковца! Онъ вѣдь всегда всѣхъ и cadaго хулитъ.

— И какъ онъ чего-то не взлюбилъ Валеріана Романовича!—задумчиво произнесла Ида Борисовна.—Въ тотъ вечеръ, когда я познакомилась съ Приковымъ на репетиціи въ курзалѣ, докторъ Буяновъ рекомендовалъ мнѣ этого молодого инженера, какъ самаго милаго и воспитаннаго человѣка, — а Рисковецъ... Знаешь, что онъ сказалъ почти вслѣдъ уходящему Буянову?..

— Ну... что?..—глухимъ шопотомъ спросила Чудновская, не подымая глазъ на оживленное лицо дѣвушки.

— „Разсказывай! Знаю я этихъ „воспитанныхъ“ человѣковъ“!.. Какой-нибудь „бессарабскій помѣщикъ“—и больше ничего!“—Что вы подразумеваете,—спросила я его,—подъ этимъ эпитетомъ?.. — „Что? Это значить: — темная личность, перецъ, арапъ!“—ажитировался Рисковецъ.—Какой „арапъ“?—удивилась я.—„Вы не знаете, что такое „арапъ“? Не знаете, что такое—„пустить арапа“?..“—Нѣтъ, не знаю...—„Это значить:—занять деньги безъ отдачи!.. Теперь понимаете?..—кричалъ, выпучивъ глаза, Рисковецъ, и такъ громко, что на насъ стали обращать вниманіе.—Вотъ на что способны эти „воспитанные“ человѣки“!.. Я бы его съ эстрады спустилъ съ большимъ удовольствіемъ, угостилъ бы его „жандарскимъ“ ударомъ въ его жирную спину!..“ И Рисковецъ тогда такъ расходился, что Жоржъ еле-еле унялъ его...—съ сіяющей улыбкой и оживленіемъ, говорила Ида Борисовна.—И за что?.. За что онъ его такъ возненавидѣлъ?..

— Да это не ненависть, а ужъ просто такая привычка — все хулить; это скорѣе — зависть... Мнѣ кажется, что къ нему

выполнѣ примѣнима пословица: „ненависть смягчается, но зависть—никогда“, — задумчиво проговорила Чудновская, тревожно взглянувъ на раскраснѣвшееся красивое лицо дѣвушки.

— Теперь онъ... Валеріана Романовича постоянно называетъ,—свѣловъ тихій смѣхъ сказала Ида Борисовна,—то „пучеглазымъ“, то „подслѣповатымъ“... А Валеріанъ Романовичъ, на самомъ дѣлѣ, такой... милый, красивый, такой умница и даже... талантливый: чудно поетъ и прекрасно рисуетъ... Вчера онъ мнѣ показывалъ на репетиціи акварельный снимокъ своей работы: „Замокъ коварства и любви“, въ Кисловодскѣ... Прелесть что такое!.. И мнѣ, тетя, теперь такъ хочется поѣхать въ Кисловодскъ и посмотреть эту причудливую, но очаровательную скалу... Хорошо, тетя, поѣдемъ?.. Поѣдемъ туда всѣ... всей компаніей... съ Мусей и Валеріаномъ Романовичемъ... Хорошо, тетя?.. Какъ ты находишь ихъ... Мусю и ея брата?..

Ида Борисовна выжидательно, смущенно и взволнованно смотрѣла на Чудновскую, а та молча, дрожащей рукой торопливо наръзывала „конфетти“...

— Что же ты... не отвѣчаешь, тетя?..—еще больше краснѣя и смущаясь, дрогнувшимъ голосомъ спросила Ида Борисовна.—Развѣ они... не нравятся тебѣ?..

— Нѣтъ, я тоже нахожу Валеріана Романовича умнымъ и красивымъ... Муся мнѣ тоже нравится... Что-жъ, можно устроить прогулку... всей компаніей, въ Кисловодскъ, но... ты же уговаривалась съ Жоржемъ раньше поѣхать на Машукъ?

— Это—послѣ... Ну, вотъ и хорошо, тетя!—съ необычайнымъ оживленіемъ и радостью произнесла молодая дѣвушка.—Сначала мы всѣ поѣдемъ въ Пятигорскъ—осмотрѣть „Проваль“ и „Машукъ“, а затѣмъ—поѣдемъ въ Кисловодскъ... хорошо?..

— Хорошо... — очень тихо и задумчиво произнесла Ксенія Владиміровна, и ножницы выскользнули изъ ея дрогнувшей руки...

„Что же я больше могу сказать ей?—тревожно думала Чудновская: — имѣю ли я право разбивать ея молодыя, чистыя и свѣтлыя грѣзы?.. Могу ли я теперь, когда такъ радостно, восторженно она увлекается этимъ молодымъ человѣкомъ... могу ли я рассказывать ей о моемъ далекомъ и тяжеломъ прошломъ?.. Да и къ чему?.. Зачѣмъ омрачать ея настоящее, когда оно освѣщается глубокой, свѣтлой надеждой на что-то хорошее, прекрасное и безкорыстное?.. Да и имѣетъ ли мое прошлое какое-нибудь значеніе для Идочки?.. Отецъ—и сынъ!.. Вѣдь это лишь одинъ предразсудокъ, суевѣріе и осадокъ собственной эгоистичной... неудовлетворенности личнаго счастья, въ самомъ узкомъ

смыслѣ; осадокъ... жизненной неудачи... Не смѣшно ли предполагать въ сынѣ что-то дурное, недостойное, порочное?.. Не смѣшно ли сына заподозривать въ какихъ-то наслѣдственныхъ недостаткахъ, дурныхъ наклонностяхъ, переданныхъ ему отцомъ?.. Да и что такое былъ его отецъ?.. Развѣ могу я его осуждать, громить... презирать за то, что... что жизнь его сложилась... неудачно?.. что онъ былъ... человѣкъ минуты?.. что онъ случайно... неумышленно заставилъ страдать... меня и семью?.. Вѣдь и я виновата... Но при чемъ же здѣсь интересы, увлеченіе... и радости Идочки?.. Нѣтъ, нѣтъ, нужно отрѣшиться отъ предразсудковъ, побороть... неосновательную какую-то... осторожность, боязнь, какое-то выслѣживаніе!.. Нѣтъ, нужно смотрѣть на жизнь другихъ смѣлымъ, правильнымъ взглядомъ!.. Не мѣшать и не... подозревать"...

Концертъ начался очень рано, почти при дневномъ свѣтѣ. Первое отдѣленіе было небольшое и неинтересное: „дѣтское“, — какъ его называлъ главный инициаторъ и распорядитель концерта, докторъ Буяновъ. Во всемъ этомъ отдѣленіи произвели только эффектъ: прехорошенькая дѣвочка, дочь Буянова, пропѣвшая тоненькимъ голоскомъ „Восточную пѣсенку“, и симпатичный, напоминающій молодого, неоперившагося пѣтушка, — петербургскій гимназистъ „Поль Слѣпцовъ“, какъ гласила афиша, — прекрасно, выразительно продекламировавшій стихотвореніе „Идеаль“ — „неизвѣстнаго автора“.

— Это его собственное произведеніе! — слышалось довольно громко среди публики, послѣ чего аплодисменты стали еще громче, а „bis“ — еще искреннѣе и настойчивѣе...

Послѣ перваго отдѣленія, послѣдовалъ длинный антрактъ. Публика изъ зала поспѣшила въ паркъ, „на свѣжій воздухъ“, и, завидя двѣ большихъ урны съ мѣшечками, наполненными „конфетти“, какъ по мановенію волшебнаго жезла, окружила нарядныхъ „благотворительницъ“, щедро платя имъ за цвѣтныя бумажки...

— Но какъ удержать въ рукахъ мѣшечки завязанными? — громко прозвучалъ въ толпѣ чей-то мужской голосъ: — Неужели, придерживаясь программы, ждать танцевъ?..

— Къ чему?.. Зачѣмъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, можно сейчасъ развязать! — слышался въ отвѣтъ металлически-звонящій женскій голосъ. — Вечеръ такой чудный, лица такія оживленные, веселыя... такъ и хочется бросить цѣлую горсть въ того... кто милъ, кто дорогъ, кто... близокъ, кто, просто, нравится, или симпатичнѣе, пріятнѣе другихъ!.. Я дѣлаю начало...

— А я послѣдую вашему примѣру!..—произнесъ кто-то весело, громко заливаясь раскатыми, заразительнымъ смѣхомъ...

И фантастичный пестрый потокъ мелкихъ бумаженокъ, подъ звуки дразнящаго оркестра, мелькнулъ въ воздухѣ и разсыпался частымъ крупнымъ дождемъ надъ черными, бѣлокурыми волосами, ослѣпляя блестящіе глаза, розовыя, смѣющіяся лица, свѣтлые туалеты дамъ, модные сюртуки, папахи, бешметы, черкески, фуражки и кители мужчинъ...

— Идетъ, идетъ дѣло на ладъ!—радостно потирая руки, говорилъ докторъ Буяновъ другому распорядителю-„группному врачу“ Михайлову:—и сборъ хорошъ, и конфетти продаютъ прекрасно!.. Будетъ у насъ, въ Желѣзноводскѣ, на будущій годъ, Степанъ Марковичъ, публичная библіотека!.. Будетъ!.. Соберемъ, какъ мнѣ кажется, порядочно „д’аржановъ“!.. Пора, пора намъ имѣть свою собственную библіотеку для нашихъ больныхъ... Пока вѣдь на этотъ счетъ у насъ... „скудость“...

— Положимъ, библіотека, о которой мы съ вами, Павелъ Ивановичъ, ратуемъ—вещь хорошая и необходимая,—протяжно отвѣчалъ Михайловъ,—но, откровенно говоря, когда же больнымъ есть время читать?.. Да и не за этимъ они сюда пріѣзжаютъ... Они и такъ цѣлый день заняты:—бѣгаютъ, какъ угорѣлые, по докторамъ, по источникамъ, по ваннамъ, по паркамъ, да по горамъ... Когда же имъ читать-то?..

— Э! вы опять, опять свое затянули, Степанъ Марковичъ! Если такъ разсуждать, то не нужно двигаться впередъ ни на одинъ шагъ въ благоустройствѣ нашихъ кавказскихъ минеральныхъ водъ... А по моему—совсѣмъ не такъ... Находятъ же время больные пѣть, играть, танцовать, такъ найдутъ время и читать... Я не говорю о систематическомъ, серьезномъ чтеніи—Богъ съ нимъ!—ну, а слѣдить за текущими изданіями, журналами—всегда найдется время у нашихъ больныхъ... Вѣдь большинство изъ „курсовыхъ“—люди интеллигентные, интересующіеся литературой и текущей жизнью; такъ не возить же имъ съ собой цѣлый ворохъ книгъ!.. Нѣтъ, библіотека нужна; вотъ и устроимъ мы съ вами, Степанъ Марковичъ, при нашемъ курзалѣ собственную библіотеку! Хорошо будетъ... И многіе, многіе больные скажутъ за это „спасибо“!...

Третій звонокъ напомнилъ всѣмъ присутствующимъ о неоконченномъ концертѣ...

Ида Борисовна, сильно раскраснѣвшаяся, взволнованная, крѣпко пожала руку Ксеніи Владиміровны и, направляясь въ уборную, чуть слышно, дрогнувшимъ голосомъ, шепнула ей:

— Тетя, милая, дорогая, хорошая... помолись за меня...

Залъ снова наполнился публикой... Впереди всѣхъ, передъ первыми рядами, виднѣлось кресло „безногаго больного“ и стройная, красивая фигура его дочери, одѣтой въ бѣлое легкое платье, подколотое натуральными бѣлыми лиліями... Отецъ и дочь, составляющіе полный контрастъ, но удивительно напоминающіе одинъ другого своими красивыми блѣдными лицами, невольно обращали на себя вниманіе и приковывали взоры нарядной толпы.

Ксенія Владиміровна сидѣла такъ близко отъ кресла Романа Валеріановича, что могла слышать каждое его слово, обращенное къ Мусѣ.

...Онъ такъ нетерпѣливо ждалъ выхода сына, такъ хотѣлъ услышать, какъ у него выйдетъ дуэтъ!.. Онъ самъ когда-то давно, давно... пѣлъ этотъ дуэтъ „Горныя вершины“... только музыка была не Рубинштейна, а Варламова... Эти давно минувшіе дни онъ и теперь еще помнитъ. Онъ пѣлъ тогда этотъ дуэтъ съ одной прекрасной, идеальной дѣвушкой... въ одномъ имѣніи... профессора, знаменитаго профессора... когда онъ строилъ желѣзную дорогу...

Второе отдѣленіе концерта началось со струннаго квартета. Затѣмъ какой-то „джигивъ“ сыгралъ что-то... „восточное“... на флейтѣ и заслужилъ громкіе аплодисменты, — не за игру, конечно, потому что онъ игралъ очень плохо, — а за свой „смѣлый, жгучій взоръ и плѣнительный нарядъ“... Особенно „плѣнялись“ имъ дамы, жаждущія веселаго флирта во время „курортнаго“ отдыха... Когда смолкнули игривые приступы общаго снисходительнаго поощренія „плѣнительному джигину“, на эстрадѣ появилась Ида Борисовна подъ-руку съ Валеріаномъ Романовичемъ...

Ноты дрожали въ ея рукахъ, она была блѣднѣе обыкновеннаго, но стройная, высокая, въ легкомъ голубомъ платьѣ, съ вьющимися свѣтлыми волосами, съ большими черными глазами, она была такъ эффектна, такъ красива, что сразу со всѣхъ сторонъ послышался восторженный шопотъ...

Валеріанъ Романовичъ, повидимому, чувствовалъ себя совершенно спокойно, судя по его ровнымъ, увѣреннымъ движеніямъ и едва уловимой улыбкѣ, скользившей на его красивомъ, выразительномъ лицѣ...

— Какая красивая... подходящая пара! — произнесъ кто-то за спиной Ксеніи Владиміровны: — и, вѣрно, влюблены другъ въ друга, потому... бросаютъ такіе нѣжные взгляды одинъ на другого... Вѣрно, хорошо у нихъ выйдетъ дуэтъ...

Ксенія Владиміровна была сильно взволнована; она не могла

отдать себѣ отчета, что ее больше волнуетъ въ данный моментъ: близость ли Романа Валеріановича, говорящаго дочери о „давно минувшихъ дняхъ“?—онъ помнить о ней и вспоминаетъ, какъ о „прекрасной, идеальной дѣвушкѣ“!—или... или появленіе на эстрадѣ Иды Борисовны... рядомъ съ Валеріаномъ Романовичемъ?.. Какое странное совпаденіе!.. Какая капризная игра судьбы!..

Чудновская слушала пѣніе Иды Борисовны и Примова, но совершенно не понимала, что они и какъ поютъ?.. Она пристально, въ упоръ смотрѣла на ихъ молодые, красивыя лица, но не соображала, почему это они стоятъ на эстрадѣ рядомъ, такъ близко другъ подлѣ друга, и отчего они такъ долго не уходятъ отъ любопытныхъ чужихъ взоровъ веселящейся толпы?.. Только оглушительно-громкіе аплодисменты вывели ее изъ какого-то оцѣпенѣнія... Ксенія Владиміровна вся вздрогнула, безпокойно оглянулась кругомъ себя, а затѣмъ снова перевела задумчивый взоръ на эстраду...

Публика неистово кричала „bis“, и на эстрадѣ снова появились Ида Борисовна и Валеріанъ Романовичъ, снова послышалось ихъ пѣніе...

Ксенія Владиміровна силилась вслушаться въ мелодичные звуки стройнаго, увѣреннаго пѣнія, и на ея блѣдномъ, взволнованномъ лицѣ показалась, наконецъ, счастливая улыбка... Пѣніе незамѣтно для нея самой успокаивало ея непослушные нервы... Она искренно радовалась успѣху Иды Борисовны и... Валеріана Романовича... и почти безъ волненія, остраго, мучительнаго, взглянула на кресло „безногаго больного“...

Пѣніе на эстрадѣ замолкло, и снова раздались аплодисменты, вызовы, похвалы и восхищенія...

— Они хорошо спѣлись... Они спѣлись...—негромко произнесъ Романъ Валеріановичъ, обращаясь къ раскраснѣвшей Мусѣ, когда на эстрадѣ появились въ третій разъ Ида Борисовна и Примовъ.

Весь красный, пыхтя, какъ паровикъ, торопливо пробравшись среди многочисленной публики, докторъ Буяновъ преподнесъ Идѣ Борисовнѣ отъ лица всѣхъ распорядителей роскошный букетъ магнолій... И она, смущенная, но счастливая, прижимая вѣжные цвѣты къ высоко поднимающейся груди, кланялась какъ-то неумѣло, по-институтски, отыскивая глазами Ксенію Владиміровну, какъ бы желая сейчасъ же подѣлиться съ ней своимъ неожиданнымъ торжествомъ... Но, вмѣсто Ксеніи Владиміровны, глаза ея встрѣтили восторженный взоръ Валеріана Романовича, предлагавшаго ей свою руку, желая помочь молодой дѣвушкѣ сойти съ высокой эстрады.

— Поздравляю и... радуюсь за вашъ успѣхъ, Ида Борисовна!—просто и искренно произнесъ онъ, пожимая ея руку.

— Но... этимъ успѣхомъ—я обязана и вамъ, а потому я должна этотъ букетъ раздѣлить пополамъ!—краснѣя и улыбаясь, сказала Ида Борисовна, торопливо отдѣляя щедрой рукой часть магнолій и отдавая ихъ Валеріану Романовичу. — Возьмите... Эта половина—ваша...

Примовъ молча, серьезно взялъ цвѣты и, взглянувъ на ея раскраснѣвшееся, смущенное и счастливое лицо, чуть слышно задумчиво произнесъ:

— Благодарю... Но эти цвѣты—ваши; вы ихъ заслужили, а не я... Я принимаю ихъ отъ васъ не по своимъ заслугамъ тамъ... на эстрадѣ, а какъ... какъ что-то болѣе симпатичное и пріятное для меня...

— Концертъ вышелъ, какъ и нужно было ожидать,—Крыловскимъ „квartetомъ“!—громко говорилъ Рисковецъ, выходя изъ залы подъ руку съ Жоржемъ: — Еслибы не эта „бѣлая симфонія“ у кресла „безногаго“, успокаивающая своимъ античнымъ ликомъ мои нервы, — я способенъ былъ бы всѣхъ ихъ, кричащихъ и визжащихъ, — вымести метлой!... Не переносу всѣхъ этихъ доморощенныхъ талантовъ! Отъ нихъ я всегда бѣгу и затыкаю уши!... А не знаете, кто эта „бѣлая симфонія“ съ натуральными лиліями?—спросилъ онъ Жоржа много спокойнѣе и тише,—она сидѣла подлѣ кресла какого-то больного...

— Да это родная сестра „валаамскаго осла“, Марія Романовна Примова!—пресерьезно, съ неизмѣримымъ лукавствомъ, произнесъ негромко Жоржъ: — а что, она произвела на васъ пріятное впечатлѣніе?..

— А-а!... Вотъ какъ!.. Не ожидалъ!... Да, чортъ возьми, ужъ больно она изящна, точно.... Сикстинская мадонна!.. Жаль, если ее царапнетъ какой-нибудь нижегородскій набобъ, плѣвившійся ея цвѣтущимъ корпусомъ!... Въ ней меня болѣе всего поражаетъ какая-то особенность, чистота и молодость, не тронутая еще „жаломъ жизни“... Просто, настоящая мадонна!...

— Ну, кто же вамъ мѣшаетъ ее, эту „мадонну“—„царапать“?—съ прежнимъ лукавствомъ, спросилъ Жоржъ Рисковца. — Попробуйте!...

— Да,—попробуйте!.. Вѣрно, ей „папенька“ и „маменька“ съ самыхъ пеленокъ нашипѣли о презрѣнномъ металлѣ!... Посмотрите она на меня, у кого въ карманѣ... мѣдный грошъ, да и того иногда не бываетъ!...

— „Маменьки“, насколько мнѣ извѣстно, — у нея давно

нѣтъ, а „папенька“ — больной... видѣли? — совсѣмъ безъ ногъ... Право, попробуйте — „царапнуть“... и уяснить ей, что „деньги — великій преступникъ и виновникъ всего жестокаго и грязнаго“!.. Попробуйте!...

Рисковецъ неопредѣленно улынулся и, молодецкато покручивая растрепанные усы, — многозначительно прищурилъ глаза и сквозь зубы негромко процѣдилъ:

— Гм... Съ кѣмъ чортъ не шутить!...

Въ залѣ было теперь почти пусто, и нѣсколько лакеевъ суетливо двигали стулья и приводили въ порядокъ загрязненный полъ для предстоящихъ танцевъ. Романъ Валеріановичъ и Муся, дожидая прихода молодого Примова, тихо разговаривали, дѣлясь переживаемыми впечатлѣніями. Ксенія Владиміровна тоже была еще въ залѣ и молча слѣдила съ какой-то затаенной грустью за отцомъ и дочерью... Что-то властно приковывало ее теперь къ этому человѣку, и ей такъ хотѣлось заговорить съ нимъ, услышать изъ его устъ еще хотя нѣсколько словъ, обращенныхъ къ ней лично, и попрощаться навсегда съ тѣмъ, о чемъ случайность заставляла ее теперь думать и мучиться... И она, съ сильно бьющимся сердцемъ и раскраснѣвшимся лицомъ, рѣшительно подошла къ Мусѣ, подала ей руку и любезно проговорила:

— Позвольте мнѣ, Марія Романовна, замѣнить васъ на время... Я посижу здѣсь съ Романомъ Валеріановичемъ, а вы тѣмъ временемъ поспѣшите отыскать брата...

— Ахъ, благодарю васъ, хорошо!... Отца, дѣйствительно, пора уже отвезти домой...

Молодая дѣвушка легкой поступью направилась къ выходной двери, а Ксенія Владиміровна, теряясь и волнуясь, близко подошла къ больному.

— Романъ Валеріановичъ!... Господи, въ какомъ видѣ я встрѣчаю васъ, послѣ... послѣ двадцати лѣтъ!... — голосъ измѣнилъ ей, и она, опустившись на стулъ подлѣ его кресла и тяжело дыша, смотрѣла на него скорбнымъ, потухающимъ взоромъ. — Помните... Артиховку?.. Обрывъ?.. — какъ бы мучительно торопясь и волнуясь, заговорила она и опять замолчала, точно голосъ ея снова оборвался...

Онъ поднялъ голову и широко открытыми, недоумѣвающими глазами долго всматривался въ ея лицо, какъ будто сilesя припомнить что-то знакомое, далекое... и давно похороненное...

— Ксенія!... — вырвалось у него послѣ продолжительной паузы какимъ-то болѣзненнымъ глухимъ стономъ, и онъ, низко опустивъ голову, не проронилъ болѣе ни одного слова.

Казалось, онъ замеръ, уснулъ и совершенно забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ?... Но крупныя слезы, медленно катившіяся по его блѣднымъ, осунувшимся щекамъ, и нервное вздрагиваніе худого, немощнаго тѣла—говорили о его внутреннемъ тяжеломъ состояніи...

Ксенія Владиміровна, безъ кровинки въ лицѣ, съ сухими, воспаленными глазами, сидѣла подлѣ него, не шевелясь, и съ безпредѣльной жалостью и тоской смотрѣла на этотъ страдающій, жалкій остатокъ человѣческаго тѣла...

— Вы не спрашиваете меня...—заговорилъ онъ, наконецъ, глухо, овладѣвъ собой и подымая на нее затуманенные еще слезами, прекрасные, выразительные глаза:—что я пережилъ за эти... двадцать лѣтъ?... И вы правы... Къ чему?... Я весь передъ вами... Живой трупъ, безногій, больной... калѣка... Я — весь здѣсь... Вы спросите, что же было со мной... раньше, до моего изуродованія?... Первые пять лѣтъ, когда я... покинулъ „Артиховку“... прошли для меня въ сильныхъ нравственныхъ... мученіяхъ... Укоры совѣсти... исканіе васъ... заботы о дѣтихъ... Жена моя умерла черезъ годъ, послѣ... послѣ того, какъ я уѣхалъ... отъ васъ... Затѣмъ... какое-то отчаянное выданіе изъ стороны въ сторону... исканіе—забвенія въ дѣлѣ... Я началъ... строить невозможные заводы, началъ изобрѣтать... сумасшедшія машины... и... вотъ до чего я достигъ...

Онъ дрожащей рукой указалъ на то мѣсто своего тѣла, гдѣ долженствовало быть ногамъ.

— Судьба наказала какъ будто меня за то, что я... забылъ мудрое изреченіе: „сидись за жизненный пиръ, но... не облакачивайся“... Да, каждый долженъ получить отъ жизни лишь то, что ему... назначено... Но это „назначенное“ нужно умѣть взять... а я не сумѣлъ и... И вотъ, — пятнадцать лѣтъ... цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ!—мои физическія страданія—заглушаютъ... нравственные... И я теперь... живой трупъ... Всѣ мои душевныя страданія забываются подъ давленіемъ физическихъ и выражаются лишь... какъ у самыхъ малодушныхъ и беспомощныхъ людей... лишь слезами... А прежній Романъ Валеріановичъ — не существуетъ уже цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ... Я—жалкій, слабый, беспомощный и... плачущій... калѣка... Я не могу воспринимать внѣшнія впечатлѣнія... самъ по себѣ... я всегда завишу отъ своего искалѣченнаго тѣла... А потому... ничто меня не поражаетъ, не вдохновляетъ, не радуетъ, не печалитъ—когда я... чувствую острую боль въ жалкихъ остаткахъ моихъ... ногъ... Вотъ я теперь... какой... совсѣмъ лишній человѣкъ... въ мірѣ...

Онъ долго молчалъ, точно совсѣмъ забылъ, что подлѣ него, такъ близко, сидитъ та, которую онъ любилъ, искалъ долго и мучительно, и ради которой онъ превратился въ „безногаго калѣку“, желая найти „забвеніе въ дѣлѣ“...

Ксенія Владиміровна, блѣдная и неподвижная, всматривалась въ его страдальческое лицо съ такимъ скорбнымъ чувствомъ, съ какимъ смотрятъ на дорогого покойника... И все ея прошлое какъ будто само собой уходило теперь вмѣстѣ съ нимъ куда-то далеко, далеко, чтобы никогда болѣе не возвращаться...

— А вы, Ксенія?... Какъ вы... прожили вашу жизнь?... — точно изъ-подъ земли услышала она глухой, надорванный голосъ...

Она непріятно вздрогнула и, блѣднѣя еще больше, чуть слышно отвѣтила медленно, вдумчиво, точно ей было трудно собраться съ мыслями:

— Я?... Я отвѣчу вамъ коротко... Всю свою жизнь я старалась руководиться вотъ какимъ принципомъ: — жить для другихъ, и этимъ, хотя немногимъ, „другимъ“ — быть полезной.... Ну, а удавалось ли мнѣ это въ моей одинокой, обездоленной жизни—не мнѣ судить...

II.

Совершенно незамѣтно у Чудновской и Иды Борисовны образовался въ Желѣзноводскѣ довольно тѣсный кружокъ знакомыхъ: изъ дамъ — Муся, „сердобольная генеральша“, Магдалина Алексѣевна, и ея падчерица, веселая Надинъ; а изъ мужчинъ—неизмѣнный Жоржъ, Рисковецъ, чувствовавшій себя, какъ онъ думалъ, много лучше, Валеріанъ Романовичъ и Клеоникъ Ивановичъ Кирпотенко, дядя гимназиста,—Поля Слѣпцова. Вся эта компанія, вдоволь накупавшись въ желѣзной водѣ, устраивала теперь каждый день прогулки по окрестностямъ всѣхъ четырехъ курортовъ. Прежде всего они отправились на цѣлый день въ Пятигорскъ. Приѣхавъ туда съ утреннимъ поѣздомъ, всѣ они размѣстились попарно въ фаэтонахъ и направились съ вокзала по пыльной, немощеной улицѣ прямо въ городъ. При этомъ не обошлось безъ курьёза: каждый изъ присутствующихъ, какъ будто бы случайно, очутился въ фаэтонѣ рядомъ съ тѣмъ, съ кѣмъ ему было пріятно и интересно: Примовъ усѣлся съ Идой Борисовной, Жоржъ поспѣшилъ занять мѣсто подлѣ Муси, а Поля раньше другихъ уватилъ съ молоденькой Надинъ... Ксенія Владиміровна должна была сѣсть въ фаэтонъ со старикомъ Кирпотенко, а Рисковцу—досталась Магдалина Алексѣевна. Но

онъ, желая ѣхать только съ „бѣлой симфоніей“, такъ возмущился, разовлился и такъ громко кричалъ на всю улицу, что обращалъ на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ, а Чудновскую и свою отвергнутую даму, Магдалину Алексѣевну, поставилъ въ крайне неловкое положеніе...

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, распоряжаетесь мной! — кричалъ онъ оставшимся дамамъ: — Не поѣду я съ вами!.. У васъ, Ксенія Владиміровна, есть уже свой кавалеръ: Клеоникъ Ивановичъ; а генеральша пусть себѣ ѣдетъ со своей блошивой собачонкой!.. Не поѣду я съ вами!..

И онъ, быстро сплунувъ въ сторону и не смотря ни на кого, развалился одинъ въ фэтонъ и погнался за „бѣлой симфоніей“... Клеонику Ивановичу пришлось разыскивать четырехмѣстный фэтонъ для оставшихся двухъ дамъ.

— Ну, что же! — добродушно смѣясь, говорилъ онъ: — я хотя и старъ, но мнѣ достались двѣ дамы...

— И Мимишка въ придачу! — улыбаясь, замѣтила Магдалина Алексѣевна, глядя бѣлой рукой недоумѣвающую собачонку, недавно подобранную ею гдѣ-то въ паркѣ.

— И что же, вы довольны, Клеоникъ Ивановичъ, такимъ триумвиратомъ? — шутливо спросила Чудновская.

— Да я-то доволенъ, но вы — сомнѣваюсь! Охъ, плохой вамъ, mesdames, достался спутникъ! — со вздохомъ произнесъ Клеоникъ Ивановичъ, усаживаясь въ фэтонъ. — Старость — не радость!.. Врядъ ли даже Кавказъ способенъ породить во мнѣ запросы желаній чего-то хорошаго, ласково-нѣжнаго, какъ его прозрачный утренній воздухъ, буйнаго, какъ его горные потоки, опьяняющаго, какъ сама сила его чарующей страстной природы...

— О, да вы, Клеоникъ Ивановичъ, поэтъ! — оживленно замѣтила Ксенія Владиміровна, рассматривая румяное, молоджавое лицо добродушнаго и симпатичнаго старика.

— Былъ когда-то, а теперь — я давно отжилъ... свое!

И съ этими словами, раскрывъ серебряную табакерку, онъ началъ усердно набивать носъ нюхательнымъ табакомъ.

— И хорошо вы сдѣлали, Клеоникъ Ивановичъ, что запасили табачкомъ: противный сѣрный запахъ — уже даетъ себя знать! Я бы не могла жить въ Пятигорскѣ: какой тяжелый и пыльный воздухъ! — серьезно и недовольно произнесла Чудновская.

Проѣхавъ мимо бульвара, красиваго бьющаго фонтана и Ермоловскихъ ваннъ, они стали подыматься на красивую скалу — къ „Гроту Лермонтова“. Здѣсь поджидало ихъ все остальное общество.

Надинъ и Поль съ большими увлеченіемъ собирали красивые камешки у самого „Грота“ и, сортируя ихъ по цвѣту, дѣлали на нихъ какія-то надписи карандашомъ.

— Вотъ, смотрите, Поль, нѣкоторые камешки на солнцѣ совсѣмъ, совсѣмъ кажутся синими!.. Отчего бы это?—оживленно спрашивала его хорошенькая Надинъ.

— Да они и безъ солнца—синіе: это отъ сѣры... отъ сѣрнаго ила... Должно быть, они когда-нибудь лежали на днѣ сѣрнаго источника!—неувѣренно отвѣчалъ Поль.

— Чтѣ вы говорите! Я видала много вещицъ, пролежавшихъ нѣсколько дней въ сѣрномъ источникѣ, но онѣ покрыты не синимъ налетомъ, а бѣлымъ... Ну, какъ будто посыпаны сахаромъ...

— Лучше скажите, Надинъ, что эти вещицы напоминали вамъ тѣ конфеты-помадки, которыми вы постоянно себя угощаете... да?

— Ну, да!.. Ахъ, противный Поль, не перебивайте! Вотъ я и забыла, о чемъ еще хотѣла сказать... Только помѣшались!..

Остальные—Ида Борисовна, Муся, Жоржъ и Примовъ—сидѣли на камняхъ въ самомъ „Гротѣ“ и громко, перебивая другъ друга, прочитывали очень длинное стихотвореніе, написанное золотыми буквами на большой отвѣсной каменной плитѣ, занимавшей почти всю стѣнку противъ самаго входа въ „Гротъ“:

„Гроту Лермонтова“.

„Подъ сѣнію твоей Онъ часто находилъ
„Пріютъ для сладкаго мечтанья;
„И ты одинъ свидѣтель былъ
„Его сердечнаго страданья...
„Угрюмый видъ твоей скалы
„Служилъ душѣ Его отрадой...“ и т. д.

...„Доска, на которой написано это стихотвореніе, сооружена помѣщикомъ Тамбовской губерніи, Ильей Васильевичемъ Алексѣевымъ, въ 1870 г., іюля 20-го дня, во время его пользованія Пятигорскими минеральными водами“...—тихо прочла Ксенія Владиміровна и въ глубокой задумчивости опустила на камень въ самомъ „Гротѣ“... И здѣсь, живѣе, чѣмъ когда-либо, въ ея воображеніи рисовались одна картина за другой изъ жизни нашего безсмертнаго поэта...

Рисковецъ долго и молча бросалъ недовольные взгляды на всѣхъ присутствующихъ и наконецъ, презрительно махнувъ рукой, неожиданно для всѣхъ, быстро сошелъ со скалы, сѣлъ на свою

одноконку и укатилъ въ Пятигорскъ, не проговоривъ ни съ кѣмъ ни слова...

— Я думалъ, „Гротъ“ — что-нибудь очень поэтичное, красивое, а это совсѣмъ какъ мой маленькій погребокъ въ деревнѣ, гдѣ я храню драгоценнѣйшій напитокъ: наливку! — съ неподдѣльнымъ юморомъ бормоталъ Клеоникъ Ивановичъ, запыхавшись послѣ небольшого подъема къ „Гроту“ по широкой аллеѣ, огороженной невысокой изгородью. — Только и прелести въ этомъ „Гротѣ“, что не такъ какъ будто несеть... сѣрой...

— Ну и Клеоникъ Ивановичъ! Вы, какъ видно, только чувствительны къ этой одной сѣрѣ! — шутливо говорилъ Валеріанъ Романовичъ. — Вспомните, что здѣсь, гдѣ вы теперь стоите, — нашъ великій поэтъ находилъ отдыхъ отъ житейской суеты... Онъ вдохновлялся здѣсь!.. И этого уже для насъ довольно, чтобы видѣть въ этомъ „Гротѣ“, такъ капризно пріютившемся въ горѣ Машукѣ, — въ этомъ холодномъ, мрачномъ уголкѣ, окутанномъ ползучими растеніями и оберегаемомъ по сторонамъ листвою горныхъ деревьевъ, — чтобы видѣть въ немъ поэзію и красоту...

— А что мнѣ, хохлу, поэтъ Лермонтовъ!.. Вотъ, еслибы здѣсь вдохновлялся нашъ „любимый“ Тарасъ Шевченко... О, тогда бы и я сказалъ, что здѣсь и поэтично, и красиво, а то — что мнѣ вашъ Лермонтовъ! — лукаво улыбаясь, говорилъ Клеоникъ Ивановичъ.

— Ну, не ожидалъ! Какой же вы завзятый хохолъ!.. Но развѣ для людей интеллигентныхъ существуетъ „нашъ“ и „вашъ“ поэтъ? — горячо спросилъ его Примовъ.

И здѣсь между ними завязался довольно оживленный споръ, впрочемъ скоро и незамѣтно прекратившійся при поднятіи всей компаніи по крутой тропинкѣ къ бесѣдкѣ „Эолова Арфа“...

Подъемъ къ этой бесѣдкѣ былъ довольно крутой и продолжительный, но вся компанія за свою усталость была вознаграждена прекраснымъ видомъ. Съ одной стороны, у подошвы Машука и Горячей горы, раскинулся во всей своей красѣ городъ Пятигорскъ; а дальше, влѣво отъ „Грота“, видѣлась большая казачья станица, озера, дуга и опять какая-то небольшая гора и скалы...

— А что же въ этой бесѣдкѣ не слышно ни звука? — довольно тихо спросила Марія Романовна Жоржа, давно забывшаго не только хорошенькую „пермячку“, но и свою цвѣтущую „полтавскую“ невѣсту; онъ теперь усердно и неотступно ухаживалъ „за блѣдной петербургской институткой“...

— Очень просто, Марія Романовна: эта „Эолова Арфа“ —

безмолвна! — съ особеннымъ оживленіемъ отвѣчалъ Жоржъ: — волшебные звуки издаетъ лишь эссенцуская „Эолова Арфа“... А эта — дорогѣ намъ, какъ тоже одно изъ любимыхъ мѣстъ Лермонтова... Онъ даже упоминаетъ о ней гдѣ-то... кажется, въ „Героѣ нашего времени“...

— Да, да! — подхватилъ Поль: — я теперь изучаю Лермонтова... Вотъ смотрите, на страницѣ 65-ой!..

Поль быстро вынулъ изъ кармана очень измятую, безъ переплета книгу и, торопливо перелиставъ ее, бѣгло и громко прочелъ: — „На крутой горѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемый „Эоловой Арфой“, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ“...

— Вотъ такъ и видно, что вы, Поль, любите поэзію, что вы — поэтъ! Прекрасно вызубрили всего Лермонтова! — съ легкой ироніей въ голосъ, замѣтила Надинъ.

— Я, дѣйствительно, люблю поэзію и не расстаюсь съ Лермонтовымъ... А здѣсь, въ Пятигорскѣ, все такъ напоминаетъ о немъ, что невольно вспоминаешь каждое его слово! — полуобожженно, серьезно отвѣтилъ Поль и покраснѣлъ, какъ макъ въ цвѣтѣ.

— Ну что-жъ, господа, — телескопа у насъ нѣтъ, Эльборуса что-то не видно, такъ чего же мы здѣсь сидимъ?.. Годи! — сказала Клеоникъ Ивановичъ: — пойдемъ-ко дальше!

— Вотъ какъ мы расходились! — смѣясь, сказала Надинъ. — Право, Клеоникъ Ивановичъ, вы прекрасно сохранились: такой бодрый, подвижной!.. Въ ваши годы я, вѣрно...

— А вы почему знаете мои годы?.. Я еще, слава Богу, не старъ! — полуобожженно замѣтилъ онъ, пріосаниваясь.

— Сознайтесь, когда Николай I вступилъ на престолъ, то вы уже, вѣрно, хорошо бѣгали? — донимала его Надинъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите!.. Когда Александръ II началъ царствовать, то у меня тогда прорѣзался только первый зубокъ! — серьезно, но лукаво произнесъ Кирпотенко.

Всѣ искренно расхохотались, а Надинъ, держась за одну изъ колоннъ „Эоловой Арфы“, раскачивалась во всѣ стороны и громко напѣвала: — Нашъ Клеоникъ — молодой!.. Нашъ Клеоникъ — удалой!

Кирпотенко притворно сердился и, долго посматривая на нее исподлобья, наконецъ махнулъ рукой и быстро сталъ спускаться со скалы, пробираясь подъ густыми вѣтками винограда по узкой тропинкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ.

Налюбовавшись отсюда вдоволь чуднымъ ландшафтомъ и кра-

сивой бесѣдкой „Флагъ-Штокъ“, или, какъ ее здѣсь называютъ, „Грибокъ“, — возвышающейся на открытой площадѣ Горячей горы, все общество послѣдовало дальше, къ предполагаемому мѣсту дуэли Лермонтова. Но всѣхъ ихъ неприятно поразила запущенность этого отдаленнаго уголка на горѣ Машукъ. Ни цвѣтовъ, ни аллеекъ, ни малѣйшаго проблеска чьей-нибудь заботы о сохраненіи печальнаго памятника мѣста смерти великаго поэта... Одинъ простенькій камень, испещренный разными неумѣстными надписями праздныхъ посѣтителей, — и только...

Къ „Провалу“ вся небольшая компанія проѣхала по прекрасной экипажной дорогѣ по южному склону горы Машукъ, подъ аркой красивой большой Елизаветинской галереи, выстроенной въ стилѣ „Колизея“...

У „Провала“, подлѣ павильона-ресторана, четыре грузина въ національных костюмахъ играли и пѣли. Одинъ изъ нихъ, совершенно слѣпой, но очень красивый молодой и смуглый грузинъ, обладалъ прекраснымъ теноромъ. Пѣли они на грузинскомъ языкѣ, и пѣсня ихъ была такъ захватывающе-прекрасна, мелодична, то съ грустными замирающими переходами, то съ потрясающе-энергичными, звонкими нотами, что всѣ присутствующіе невольно заслушались и долго не двигались дальше... Мужская половина, умиленная чуднымъ пѣніемъ, щедро сыпала серебро въ деревянные національные кувшины грузинъ, напоминающіе „кувшины Тамары“ въ оперѣ „Демонъ“...

— Прекрасно, прекрасно поютъ... Этотъ слѣпой поетъ даже лучше нашего... лирика! — шутливо говорилъ Клеоніеъ Ивановичъ, бросая монету за монетой въ кувшинъ слѣпотаго грузина.

Даже Мимишка, выпавшаяся за все время на рукахъ Магдалины Алексѣевны, теперь совсѣмъ расчувствовалась: она подняла вверхъ свою некрасивую мордочку и жалобно, протяжно завывала...

— О комъ же вы такъ хорошо пѣли? — спросилъ Валеріанъ Романовичъ умоленувшихъ пѣвцовъ.

Грузины, какъ оказалось, плохо понимали русскій языкъ и кое-какъ объяснили ему, что они пѣли про царя Давида и про царицу Тамару.

— Да, да, это естественно... Понимаю! — вдумчиво замѣтилъ Валеріанъ Романовичъ.

— А что это за цари такіе? — съ большимъ интересомъ спросила Ида Борисовна. — Расскажите, пожалуйста...

— Если все общество не противъ этого, — съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ серьезно Примовъ, окинувъ всѣхъ присутствующихъ вопрошающимъ взглядомъ.

— Очень рады будемъ послушать вашъ рассказъ!—отвѣтила Ксенія Владиміровна, прочтя на лицахъ присутствующихъ полнѣйшую солидарность.

— Видите ли...—началъ довольно громко Примовъ:—послѣ того, какъ въ IV вѣкѣ Грузія понемногу утверждалась въ христіанствѣ, она, съ одной стороны, подпадала подъ вліяніе Византіи, съ другой стороны—подвергалась нападеніямъ персовъ и аравитянъ. Затѣмъ, ее безпощадно опустошали разные турки-сельджуки, сарацины и другіе. Грузія долго бѣдствовала, пока не явился царь Давидъ III въ XI-мъ вѣкѣ, а затѣмъ, въ XII-мъ в., царица Тамара: при нихъ, благодаря ихъ умѣнью править, ихъ гуманности и энергіи, Грузія заняла первое мѣсто въ западной Азіи... Это была для грузинъ самая свѣтлая эпоха. Вотъ отчего они до сихъ поръ воспѣваютъ царя Давида и царицу Тамару...

— Теперь знаю... благодарю,—тихо сказала Ида Борисовна, слушавшая Валеріана Романовича все время очень серьезно и не спускавшая съ его красиваго, умнаго лица блестящихъ, ласкающихъ глазъ...

— А какъ называется вашъ маленькій оркестръ? Музыка, музыка? Чтò это за инструменты... такіе странные?—продолжалъ Примовъ спрашивать грузинъ, стараясь объяснить имъ свои вопросы болѣе жестами, чѣмъ словами.

— Музыка — сазандари... нашъ музыка! — отвѣтилъ одинъ, сѣдѣющій, загорѣлый грузинъ: — мой музыка — дайра (бубенъ), братъ музыка — дудѣки (труба), другой музыка — зурна (тоже труба), слѣпой музыка — тимпеля, тимпали (тимпаны)...

За это объясненіе Валеріанъ Романовичъ опустилъ нѣсколько монетъ въ кувшинъ симпатичнаго грузина, и вся компанія, въ какомъ-то пріятно-безмолвномъ настроеніи, направилась къ воротамъ „Провала“... Но здѣсь, при входѣ въ „Провалъ“, на всѣхъ произвела непріятное впечатлѣніе надпись, какъ предостереженіе отъ падающихъ со стѣнъ камней въ самомъ „Провалѣ“... Боязливо и молча двигались всѣ гуськомъ по темному туннелю (около ста шаговъ) и... наткнулись на какую-то громадную спящую собаку; кто-то наступилъ на нее, споткнулся, вскрикнулъ и неожиданно произошло маленькое смятеніе, отразившееся даже на Мимишкѣ, залававшей визгливо, оглушительно-громко на весь туннель...

Пройдя, наконецъ, туннель, они очутились въ подземномъ гротѣ съ верхнимъ отверстіемъ... Чтò-то рѣдкое, новое, никогда неиспытанное охватило всѣхъ при видѣ голубого неба,

смотрящаго въ фантастическую небольшую пещеру (ширина пещеры семь сажень, длина — восемь сажень), съ причудливыми высокими стѣнами (двѣнадцать сажень вышины) изъ природныхъ пластовъ крѣпкаго наслоенія известняка и камней... Лучи солнца почти не проникали сюда. Свѣтъ былъ ровный, мягкій, пріятный... Наверху, по краямъ отверстія, вѣтерокъ колыхалъ вѣтки деревъ и кустарниковъ, и онѣ, трепеща своими зелеными листьями, осторожно заглядывали во внутрь пещеры... А зеленая травка, ползучія растенія и душистые горные цвѣты, какъ бахрома, какъ живой вѣнокъ, украшали оконечности стѣнъ, придавая имъ еще больше новизны и очарованія. Быть можетъ, здѣсь, послѣ дождя, гдѣ-нибудь сверху обрывался небольшой камень и, быстро скользя и прыгая по стѣнѣ этого подземнаго грота, спугивалъ заснувшихъ въ трещинахъ и ущельяхъ не одну семью летучихъ мышей. Но теперь кругомъ было все тихо, покойно и торжественно. Только изрѣдка, громко жужжа, вылетали изъ ущелій большія дикія пчелы и медленно, съ отдыхами, поднимались вверхъ, какъ бы слышавъ сильный ароматъ душистыхъ горныхъ цвѣтовъ... Прожужжать — и снова непробудная мертвая тишина...

Неподвижна поверхность сѣвернаго озера, пріютившагося въ сѣверо-западной части грота... Это небольшое озеро уходитъ куда-то въ глубину горы, къ трещинѣ, становясь здѣсь очень глубокимъ (четыре сажени). Маленькій мостикъ, перекинутый въ этой части озера, упираясь въ скалу, такъ манитъ пройти ближе къ трещинѣ, заглянуть въ глубь пещеры и провѣрить водомѣръ!..

Въ восточномъ углу грота, не доходя до „глазного“ сѣрнаго колодца, въ скалѣ виднѣлись два образа: Божіей Матери и очень большой образъ св. Пантелеймона-цѣлителя... Зажженная лампадка и нѣсколько мерцающихъ восковыхъ свѣчей, какъ яркія звѣздочки, освѣщали строгій ликъ святителя, навѣвая на вѣрующую душу тихое, мирное и благоговѣйное настроеніе. Здѣсь, въ „Провалѣ“, среди тишины этого величественнаго явленія природы, при видѣ скорбнаго лика Божіей Матери и св. Пантелеймона, слабо освѣщенныхъ мерцающимъ свѣтомъ лампы и свѣтъ, невольно хочется молиться... И всѣ присутствующіе здѣсь, искренно поддаваясь охватившему ихъ чувству, молча перекрестились. Только Магдалина Алексѣевна, съ Мимишкой на рукахъ, смущенная, покраснѣвшая, тихо отошла отъ образа и, крестясь на ходу, спѣшила отдать одному изъ извозчиковъ свою собачонку.

— Тетя, какъ ты думаешь: не подкрашена ли вода въ озерѣ? — тихо спросила Ида Борисовна Чудновскую: — вода вѣдь синяя, какъ синька...

Но этот тихий, смущенный вопрос все же долетѣлъ до слуха Валеріана Романовича, и онъ серьезно сказалъ:

— О, нѣтъ, Ида Борисовна! Это сѣрное озеро очень глубокое: въ узкой части его, подлѣ трещины въ скалѣ, болѣе четырехъ саженъ глубины. Избытокъ же іода въ источникѣ окрашиваетъ воду такимъ характернымъ синеватымъ цвѣтомъ. Поверхность всего бассейна,—присмотритесь!—подернута какъ бы пленкой... Это—муффъ, продуктъ разложенія въ немъ водород-слей... Бросьте въ озеро, Поль, этотъ камень, что у васъ въ рукахъ... Смотрите, сколько показалось на поверхности воды пузырьковъ!.. Это выходитъ сѣрнистый газъ, съ рѣзкимъ специфическимъ запахомъ, отъ котораго теперь бѣдный Клеоникъ Ивановичъ спасается своимъ нюхательнымъ табачкомъ...

— Какое! Запахъ сѣры, дѣйствительно, специфическій, и даже мой табакъ оказывается безсильнымъ! Просто—вонь!—говорилъ недовольно Клеоникъ Ивановичъ, закрывая носъ платкомъ.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности! — воскликнула громко Надинъ: — мы, „особы нѣжнаго и слабаго сложенія“, переносимъ этотъ запахъ, а вы, „нестарый“ мужчина, не можете! И совсѣмъ здѣсь нѣтъ никакого „специфическаго“ запаха сѣрнаго газа! Это Валеріанъ Романовичъ говоритъ вообще, а не о „Провалѣ“...

— Ну, и язычокъ! Что-то будетъ, какъ вы подростете! — добродушно замѣтилъ Клеоникъ Ивановичъ и, отъ щедрой порціи нюхательнаго табаку, чихнулъ на всю пещеру.

— Курить и нюхать табакъ здѣсь строго воспрещается: видите—иконы?—не унималась Надинъ.

Клеоникъ Ивановичъ молча и флегматично махнулъ рукой, но, замѣтивъ нѣсколько пчелъ на берегу озера, умиленно-ласково проговорилъ:

— Пчелочки, пчелочки!.. А что-то мои пчелочки!.. Какъ-то онѣ безъ меня на хуторѣ медокъ собираютъ...

— Пятигорскій муффъ еще мало разслѣдованъ,—между тѣмъ говорилъ Валеріанъ Романовичъ: — а вотъ заграницей, въ Ита-ліи, напримѣръ, тамъ уже специально лечатъ муффами...

— А не знаете ли, Валеріанъ Романовичъ, отчего этотъ сѣрный колодезь названъ „глазнымъ“? — спросила Ксенія Владиміровна замолѣнушаго Примова.

— А это народъ его такъ называетъ. Они увѣрены, что вода изъ этого колодца вылечиваетъ разныя глазныя болѣзни. Это мнѣніе укоренилось здѣсь еще, какъ я слыхалъ, со временъ Бата-

лина, нашего русскаго ученаго, который въ пятидесятихъ годахъ дѣлалъ здѣсь разныя геологическія и бальнеологическія изслѣдованія и, между прочимъ, нашелъ цѣлебныя свойства сѣрной воды... Народъ очень вѣритъ въ помощь источника при глазныхъ страданіяхъ...

И какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, молодая казачка, усердно до сихъ поръ молившаяся передъ образами, подошла къ колодцу и, зачерпнувъ кружкой теплою сѣрной воды, стала ею промывать свои красные, воспаленные глаза.

III.

День былъ жаркій и душный. Въ раскаленномъ пыльномъ воздухѣ особенно разило сѣрой. Вся небольшая компанія нашихъ „курсовыхъ“ расположилась въ открытомъ павильонѣ и пила холодное молоко. Здѣсь имъ всѣмъ нужно было хорошо отдохнуть, чтобы запастись силами для восхода на вершину горы Машукъ.

Магдалина Алексѣевна, стѣсненная Мимишкой, должна была уѣхать къ своимъ знакомымъ въ Пятигорскъ, а всѣ остальные, даже „нестарый“ Клеоникъ Ивановичъ, послѣ непродолжительнаго „конгресса“,—рѣшили подняться на Машукъ пѣшкомъ, а обратно—поѣхать въ экипажахъ, послѣдовавшихъ за ними на вершину по другой, экипажной, дорогѣ.

Гора Машукъ представляетъ собой исполинскій конусъ въ 1.696 футовъ высоты. Съ трудомъ вѣрилось, чтобы можно было всей компаніи, какъ предполагалось, подняться на самую вершину этой высокой горы въ какихъ-нибудь два-три часа... Всѣ они волновались, суетились и, неизвѣстно какъ, по чьему совѣту и настоянію, усѣлись каждый въ свой экипажъ и снова очутились въ знакомомъ уже имъ мѣстѣ, между „Елизаветинской галереей“ и „Гротомъ Лермонтова“... Почему необходимо было начать имъ восхожденіе на эту гору именно отсюда—никто изъ нихъ не могъ рѣшить: это случилось какъ-то само собой...

— Вотъ такъ всегда бываетъ, когда собирается много „распорядителей“ и „совѣтчиковъ“! — громко, недовольно говоритъ Клеоникъ Ивановичъ:—и чего это мы опять сюда явились?

— Да успокойтесь, дядя! Валеріанъ Романовичъ былъ уже на Машукѣ, онъ знаетъ дорогу! — замѣтилъ раскраснѣвшійся Польша. — Вотъ здѣсь, говорятъ, за „Михайловской галереей“, начинается тропа, по которой мы и пойдемъ...

— Ну васъ, съ вашей „тропой“! Жара страшная, а они сдѣлали такой кругъ! Думали прежде подняться гдѣ-то подлѣ „Провала“, а теперь полѣзай по какой-то тамъ „тропѣ“!

— Да чего вы раскричались!—улыбаясь, замѣтила Надия:— ноги—молодыя, выдержать...

— И выдержать! Ну и чтѣ же, полѣзу и я по „тропѣ“!— много спокойнѣе произнесъ Клеоникъ Ивановичъ, нюхая табакъ.—Ну, ищите, ищите дорогу...

И дѣйствительно, скоро „тропа“, была найдена, и они всѣ двинулись въ путь. Восхожденіе на Машукъ казалось имъ гораздо труднѣе, чѣмъ восхожденіе на Желѣзную гору, куда они подымались нѣсколько дней тому назадъ. Тамъ все приходилось идти въ прохладной тѣни сплошного лѣса, по довольно гладкой, ровной и широкой дорогѣ, лишь изрѣдка переходящей въ узкую тропинку, усыпанную щебнемъ. Лѣсомъ идти было, правда, скучнѣе, чѣмъ здѣсь, по совсѣмъ почти открытой, а потому жаркой дорогѣ, мѣстами очень щедро усѣянной природой скользкимъ, колючимъ камнемъ и пескомъ.

Они всѣ, утомленные жарой, молча, сосредоточенно и медленно двигались впередъ, отдыхая на каждой попутной скамейкѣ. Особенно плохо дѣйствовала жара на усталую Ксенію Владиміровну, ослабѣвшую послѣ большого пріема соленыхъ ваннъ и, вообще, послѣ серьезнаго курса леченія. Она какъ-то недовольно и даже боязливо посматривала по сторонамъ, и ей чудились со всѣхъ сторонъ змѣи, лягушки и ящерицы... Всѣхъ этихъ „гадовъ“ она очень боялась и при одной мысли о нихъ вздрагивала.

Общее пасмурно-молчаливое настроеніе продолжалось у всѣхъ недолго: чѣмъ выше они подымались, тѣмъ становились оживленнѣе, невольно восхищаясь причудливо-дикой, чудной природой и прекраснымъ видомъ окрестностей, отрывающихся передъ ихъ глазами на необозримо-далекомъ пространствѣ. Они теперь какъ-то сразу всѣ заговорили и, громко перебивая и спрашивая другъ друга, смотрѣли вдаль въ бинокли съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они, кромѣ Валеріана Романовича, первый разъ восходили на Машукъ... Весь Пятигорскъ, съ его длиннѣйшимъ бульваромъ, начинающимся у самой „Елизаветинской галереи“ и кончающимся недалеко отъ вокзала, съ красивымъ Николаевскимъ цвѣтникомъ, фонтаномъ, Казеннымъ садомъ, соборомъ, памятникомъ Лермонтова, „Гротомъ Діаны“ и массой домовъ, магазиновъ и гостинницъ—былъ теперь у нихъ какъ на ладони... Затѣмъ, дальше, видѣлась большая Горячеводская

казацья станица, живописно расположенная въ долинь рѣкъ Подкумокъ и утопающая въ зелени деревь... А тамъ, еще дальше, серебристой лентой вилась рѣка Юца, видѣлись озера, луга, безконечныя степи, возвышенности, скалы, цѣлый городъ Георгіевскъ и, наконецъ, бѣлоснѣжная длинная и причудливая цѣпь Кавказскаго хребта...

— Солнце жгетъ немилосердно, деревья кругомъ насъ такія зеленныя, надъ нами носятся орлы...—говорила съ неподдѣльнымъ восторгомъ Муся, крѣпко сжимая руку раскраснѣвшей Иды Борисовны, съ которой она за послѣднее время очень подружилась:—Ароматный, опьяняющій воздухъ знойнаго дня... кружить даже мнѣ голову... А тамъ, далеко, далеко, за какихъ-нибудь сто верстъ отъ насъ, возвышается снѣжная вершина, отдѣляя насъ отъ всего Закавказья!.. Это что-то... волшебное!..

— Да, да, Муся!.. Это и меня... поражаетъ!..—прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ произнесла Ида Борисовна. — Просто не вѣрится, что это дѣйствительность, а не сонъ... Волшебный, чудный сонъ!.. Въ такой жаркій день — вдругъ мы видимъ снѣгъ... Настоящій снѣгъ!.. И правда, Муся, какая разница въ ощущеніяхъ: читать описаніе этого и — самой все видѣть!.. Но это-то и есть самая вершина Машука?

— Ну, да! Куда же идти еще дальше?.. И такъ забрались подъ самое небо! А вотъ и хата какая-то... просто диво! Ей Богу, здѣсь лучше и краше, чѣмъ даже у меня въ полтавскомъ хуторѣ!..—говорилъ Клеоникъ Ивановичъ, опускаясь на большой камень скалы. — Вотъ только немного, какъ будто, ноги мои болятъ... Ой-ой!.. Не думалъ я, прости Господи, что здѣсь такъ хорошо!..

Остальная компанія, все еще съ биноклями въ рукахъ, не отрываясь, смотрѣла съ возрастающимъ восторгомъ на далекія, недоступныя горныя вершины снѣжнаго хребта, переливающимся на солнцѣ то радужными красками, то неуловимо-ослѣпительнымъ блескомъ безчисленныхъ крупныхъ брилліантовъ...

— Однако, что же это я: совсѣмъ забылъ, что сегодня моя очередь хозяйничать!.. Пойдемъ, Клеоникъ Ивановичъ, въ баракъ: тамъ удобнѣе вамъ будетъ отдохнуть... а я займусь приготовленіемъ чаю и закусокъ... Устрою импровизированный обѣдъ...

— Да и я такъ думаю, Валеріанъ Романовичъ! Давно бы пора чаю напиться, а то у меня совсѣмъ въ горлѣ пересохло...

Они направились къ довольно большому барaku шведской системы, красовавшемуся здѣсь на самой вершинѣ горы одиноко и гордо. Его-то и назвалъ пораженный и восхищенный Клеоникъ Ивановичъ „какой-то хатой“.

Пока вся молодежь все еще любовалась прекрасными видами, Чудновская, очень усталая, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно заинтересованная устройствомъ барака, тоже отправилась за ними. Здѣсь она нашла номера, устроенные въ небольшихъ комнатахъ, маленькій залъ и помѣщеніе сторожа, отставного унтеръ-офицера, живущаго здѣсь постоянно со своимъ небольшимъ сыномъ...

Скоро въ залѣ на столѣ зашипѣлъ самоваръ и появилась прекрасная, обильная закуска, присланная сюда по распоряженію Валеріана Романовича съ верховымъ горцемъ, за изрядную плату, изъ Пятигорска...

— И какъ это вамъ не страшно жить здѣсь одному только съ сыномъ?—спрашивала Чудновская сторожа:—развѣ здѣсь не опасно?

— Чего? Кому охота лазить такъ высоко, зная, что ему здѣсь нечѣмъ поживиться... что у меня ничего нѣту-ти!

— Что же вы здѣсь дѣлаете? Чѣмъ занимаетесь цѣлый день?

— Днемъ на солнышкѣ грѣмся... Грамотѣ сынишку учу, или сапоги шью, да господъ-гостей поджидаю; ну, а ночью, извѣстное дѣло: спимъ себѣ покойно!

— Какъ же вы сюда попали?

— Своей охотой! Начальство, значить, администрація водѣ, дало мнѣ вотъ этотъ баракъ въ пользованіе бесплатно. А сама администрація заплатила за него тыщу рублей... Онъ прежде стоялъ въ Желѣзноводскѣ, привезли его туда изъ Нижняго... Ну, а я его по частямъ свезъ на гору, сложилъ, какъ слѣдуетъ, въ 1897 году и, значить, содержусь на счетъ этого самаго барака...

— И что же—выгодно?

— Благодарить Господа! Мнѣ съ сыномъ не много нужно, да и въ нынѣшній сезонъ, слава Богу, любопытствующихъ „курсовиковъ“ такъ довольно посѣщаетъ Машутку... А въ прошломъ году, какъ поставилъ баракъ, такъ страсть сколько перебивало здѣсь господѣ! Новинка, значить, всякому антиресно посмотрѣть, какъ человекъ на горѣ промышляетъ и живетъ. Да и чайку, молочка можно всласть напиться... Вотъ и живемъ себѣ здѣсь помаленьку на вышкѣ, глазъ-на-глазъ съ самимъ Господомъ Богомъ... Потому намъ и не страшно!

— Ну, а змѣй здѣсь много?

— Змѣй? Не видать что-то. Сказывали, что раньше ихъ здѣсь было страсть какъ много, а теперь—не видать. Поутекали, должно быть, отъ людей! Ящерицъ, лягушекъ, извѣстное дѣло, много, жуковъ тамъ всякихъ, черныхъ и синихъ... большихъ,

ядовитыхъ... бабочекъ—множество; ну, а птицъ что-то малость... Орловъ ли онѣ боятся что-ли, Богъ ихъ вѣдаетъ!—или онѣ такъ высоко не летаютъ, только здѣсь почти нѣту-ти птичекъ... Ну, а змѣй—не видать.

— Да что змѣи! Ихъ не страшно, а вотъ злыхъ людей, такъ тѣхъ можно бояться! — философски, серьезно замѣтилъ Клеоникъ Ивановичъ, усаживаясь съ ногами на небольшую кушетку, поставленную въ самомъ углу залы.

— Нѣтъ, ваше благородіе, отъ злыхъ людей у меня есть хорошая штучка: всегда возлѣ себя держу съ зарядомъ! Еслибы, къ примѣру сказать, кто-нибудь только вздумалъ пошаливать здѣсь, грабить, такъ я бы ему прямо, безъ стѣсненія, пулю въ лобъ пустилъ!

— Ой ли?—протяжно, зѣвая, спросилъ Клеоникъ Ивановичъ.

— Именно, ваше благородіе!..

— Вы простите меня, Ксенія Владиміровна,—страшно спать хочется... На правахъ „странствующихъ и путешествующихъ“ — позвольте маленько... прикурнуть...

— Сдѣлайте одолженіе! — снисходительно улыбаясь, отвѣтила Чудновская.

Клеоникъ Ивановичъ, свернувшись „влубочкомъ“ и прижавъ свое усталое раскраснѣвшееся лицо къ маленькой подушкѣ, — скоро захрапѣлъ на весь баракъ... Онъ даже не проснулся и тогда, когда вся остальная компанія, веселая, оживленная, восторженно дѣлилась богатыми впечатлѣніями только-что видѣннаго Эльборуса и Казбека, и шумно, съ большимъ аппетитомъ принялась за чай и закуски...

Достаточно отдохнувъ и подерѣпивъ свои силы, — еще веселѣе и пріятнѣе стало всѣмъ на душѣ! Неудивительно, что на предложеніе сторожа записать свои имена и фамиліи въ книгу — вся молодежь начала вносить туда различную чепуху... Впрочемъ, въ этой толстой книгѣ и безъ этого было уже много курьезныхъ записей. Подъ храпъ Клеоника Ивановича, Жоржъ и Ида Борисовна громко прочитывали нѣкоторые записи и торопливо переписывали ихъ на клочкахъ бумаги...

— Охота вамъ это дѣлать! — замѣтила, улыбаясь, Чудновская.

— Нѣтъ, тетя, это очень интересно! — весело произнесла Ида Борисовна. — И создалось все это на самой вершинѣ Машука, въ разрѣженномъ воздухѣ, быть можетъ, въ цѣломъ морѣ облаковъ и тумана!.. А для того, чтобы достать эти строки — нужно...

— Во-первыхъ, пріѣхать на Кавказъ! — перебилъ ее оживленно Жоржъ: а во-вторыхъ — побывать на самой вершинѣ Машука!

— Какъ память, какъ воспоминаніе о Машукѣ—эти строки мнѣ дороги, тетя... Очень дороги!.. А я сама вотъ чтѣ напишу... изъ Лермонтова... Вѣдь лучше его, поэтичнѣе—никто не изобразить картину этого очаровательнаго Кавказа!..

...„Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день?
На западѣ—свѣтило видитъ взоръ,
А на востокѣ—близкой ночи тѣнь...
Внизу—туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ—все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури, облака стоятъ
И странные верхи въ лучахъ горятъ“...

— И все это такъ! Взгляните, Ида Борисовна, на небо, на горы, на облака! — восторженно воскликнулъ Поль, обожавшій Лермонтова.

— Да, дѣйствительно, картина нашимъ поэтомъ схвачена замѣчательно вѣрно и поэтично!—оживленно проговорила Муся, цѣлуя Иду Борисовну.—Вы удачно выбрали стихотвореніе.

— А я, Ида Борисовна, словами нашего дорогаго поэта, выражу свои ощущенія, переживаемыя мною сегодня здѣсь, на вершинѣ Машука, въ нашемъ симпатичномъ кружкѣ, вотъ какъ! — задумчиво, взволнованно и серьезно сказалъ Валеріанъ Романовичъ, близко подходя къ молодымъ дѣвушкамъ:

...„Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами,—каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданія или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ...“

Онъ замолчалъ, а затѣмъ тихо, но рѣшительно проговорилъ, не спуская ласковыхъ глазъ съ хорошенькаго смущеннаго личика Иды Борисовны:

— И дѣйствительно я, какъ будто здѣсь только, „близъ небесъ“, совершенно сознательно и ясно могу дать отчетъ въ своихъ чувствахъ, „въ своей судьбѣ“... И я покоряюсь ей, и думаю, почти увѣренъ, что она посылаетъ мнѣ безповоротно-счастливое будущее... Чтѣ вы скажете на это, Ида Борисовна?..

Онъ крѣпко пожалъ руку молодой дѣвушки и выжидательно, тревожно смотрѣлъ на нее; но она, смущенная, поблѣднѣвшая, низко опустила голову и, не проронивъ ни слова, дрожащей рукой перелистывала книгу.

— Да и мнѣ кажется, что ты, Валера, „близъ небесъ“ — сраженъ „земнымъ“, и думаю... не пожалѣешь объ этомъ!..—

тихо замѣтила Муся, ласково обнимая Иду Борисовну, оправившуюся теперь совершенно и улыбающуюся счастливой улыбкой.

— Да, Муся, вы очень наблюдательны и... очень любите своего брата...— чуть слышно произнесла она, цѣлуя Мусю.

Валеріанъ Романовичъ молча, окинувъ благодарнымъ взглядомъ сестру, пожалъ крѣпко руку Иды Борисовны и еще съ большей энергіей и торопливостью принялся за свое „хозяйственное дѣло“.

— Ну, теперь позвольте и мнѣ книгу!—весело сказалъ Поль, подходя къ Идѣ Борисовнѣ и не подозревая, какія она теперь переживала тревожно-счастливыя и важныя для нея минуты: — нужно и мнѣ что-нибудь записать!...

Мы на Машукъ взобрались
И, сидя здѣсь въ компаніи своей,
Не столько чуднымъ видомъ любовались,
Какъ милымъ изреченьемъ въ книгѣ сей...

— Погодите, Поль, и я что-нибудь напишу!—сказала очень повесѣлѣвшая Муся и, взявъ въ руку карандашъ, быстро написала:

Мнѣ говорили: „Шутки—
Добраться до Машутки!“
А я скажу: „Не даромъ—
Сижу за самоваромъ...“

— Хорошо, Марья Романовна, ей Богу хорошо!—говорилъ, смѣясь, Поль.

— Ну что-жъ, нужно и тебѣ удариться въ поэзію, хотя я не прочь скорѣе послѣдовать примѣру „дяди Клеоника“!—сказалъ Жоржъ.—Ну, такъ и быть, напишу что-нибудь...

Милая моя гора... Машурочка...
Былъ я здѣсь и болѣе—не буду!
Но никогда тебя не забуду.
Твой полусонный Жоржъ.

— Нѣтъ, не такъ!.. Не то!.. Погодите, я придумала!—быстро, громко заговорила Надинъ.—Давайте скорѣе карандашъ, а то уйдетъ мое вдохновеніе, улетитъ на холодный... холодный Эльбурсъ!.. Давайте скорѣе!..

Лысый Жоржикъ...
Съ сонными глазами
Сидитъ на Машукъ...
Съ распухшими ногами...

— Не нужно было вамъ такъ торопиться! У васъ не проявилось никакой способности писать стихи, даже „въ минуты вдохновенія“!.. И зачѣмъ вы въ этой книгѣ увѣковѣчили мою... лысину?.. Не слѣдовало вамъ этого дѣлать!

— Ну, запишите и за меня тамъ что-нибудь, Ида Борисовна! — сказалъ вдругъ, протирая глаза, хриплымъ голосомъ Клеоникъ Ивановичъ.

— Какъ, вы уже не спите? — спросила она ласково. — Ну что жъ такое написать?

— А вотъ що...—сказалъ онъ, зѣвая:

И я на Машукѣ былъ,—
Но... чаю ще не пилъ...
А какъ напьюся,
То и опять...

— Спать завалюся!.. Да?—подхватила Надинъ.

— Эхъ, подождите! А впрочемъ, пускай будетъ такъ!.. А теперь, дорогой хозяинъ, дайте мнѣ чайку! — обратился онъ къ Валеріану Романовичу. — А когда есть у васъ еще и ромъ, то... я совсѣмъ забуду, что я сегодня чортъ знаетъ куда залѣзъ!.. Ой-ой, теперь и ноги, и всѣ мои кости... болятъ!.. Ну и Машурочка—хай тобі бісъ!..

Молодость веселилась отъ души, отдыхая отъ утомительной прогулки,—шуткамъ и островамъ не было конца.

Валеріанъ Романовичъ всецѣло принялъ на себя всѣ хлопоты по угощенію и положительно отказывался отъ предлагаемой уже нѣсколько разъ помощи Чудновской „въ бабьемъ дѣлѣ“... Любезный, заботливый, милый и веселый, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ подходилъ къ Идѣ Борисовнѣ и, смотря на нее влюбленными, нѣжно-ласковыми глазами, оказывалъ ей столько вниманія!.. А Ида Борисовна, въ свою очередь, какъ будто случайно, обращалась съ вопросами только къ нему одному, краснѣла, когда ихъ взгляды встрѣчались, и, внимательно вслушиваясь въ его голосъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ съ большимъ интересомъ и съ плохо скрываемой симпатіей и лаской.

Все это не ускользало отъ наблюдательныхъ глазъ Чудновской, но она теперь была совершенно покойна. И часто довольная, счастливая улыбка освѣщала ея блѣдное, доброе лицо. Съ каждымъ днемъ этотъ серьезный молодой человѣкъ казался ей все симпатичнѣе и достойнѣе, и она теперь часто совсѣмъ забывала, что Валеріанъ Романовичъ—сынъ того человѣка, который разбилъ всю ея жизнь...

IV.

— Ахъ, вы представьте себѣ, Ксенія Владиміровна, какимъ оказался... жалкимъ этотъ бѣдный чиновникъ, Стефановъ, у патрона котораго я собиралась купить для Надины имѣніе!—взволнованно говорила Магдалина Алексѣевна, входя въ квартиру Чудновской, спустя нѣсколько дней послѣ ихъ поѣздки въ Пятигорскъ.

— Ну, а что?—спросила Ксенія Владиміровна, ясно припоминая плутовскую фізіономію чиновника, такъ униженно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нахально сумѣвшего у нихъ „угоститься“ чаемъ...

— А вотъ послушайте...

И „сердобольная генеральша“ въ самыхъ патетическихъ картинахъ изобразила положеніе вдовца-Стефанова, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ и существующаго на самыя скудныя средства.

— И этотъ бездушный его патронъ еще эксплуатируетъ его, чѣмъ можетъ!.. Бѣдный Стефановъ даже плакалъ... Онъ такое произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе, что я ему... дала на его необходимые расходы... такъ, бездѣлицу... И представьте себѣ, какой онъ благородный человекъ!.. Онъ даже не хотѣлъ брать отъ меня денегъ!.. Еле-еле уговорила его... Да, не хотѣлъ брать, а... а все плакалъ... Бѣдный! Я очень жалѣла, что не могла дать ему еще больше: очень я теперь израсходовалась здѣсь, на курортъ, но... я ему и его жалкимъ сиротамъ непременно помогу!.. Я позабочусь о нихъ, бѣдныхъ...

Магдалина Алексѣевна говорила прерывающимся голосомъ, со слезами на глазахъ, и производила теперь на Ксенію Владиміровну впечатлѣніе какой-то „блаженной“.

— Но... а какъ же насчетъ имѣнія?—смущенно спросила Чудновская:—вы его покупаете?..

— Нѣтъ! Представьте, какой Стефановъ хорошій, честный!.. Онъ сказалъ мнѣ откровенно, что это имѣніе—очень плохое: одинъ песокъ и болота... Спасибо ему, онъ предупредилъ меня въ-время, а то я непременно хотѣла купить для Дины это имѣніе...—произнесла протяжно Магдалина Алексѣевна, утирая набѣжавшія слезы.

— Но... этотъ же самый Стефановъ уговаривалъ васъ прежде купить это имѣніе и... расхваливалъ его?..

— Ахъ, это онъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ своего ужас-

наго патрона!.. Но, какъ человѣкъ честный, онъ сегодня сказалъ мнѣ откровенно, что это имѣніе очень, очень плохое... „одна грусть“!..

— Гм... А что, Магдалина Алексѣвна, если этого имѣнія вовсе не существуетъ?—вдругъ громко, какъ бы пораженная внезапно явившеюся мыслью, спросила Ксенія Владиміровна:—а что если этотъ Стефановъ—курортный шантажистъ?..

— Что вы, что вы, Ксенія Владиміровна!.. Развѣ можно такъ дурно думать о бѣдныхъ людяхъ!.. Стефановъ—такой честный, откровенный, но такой жалкій, несчастный!.. И его бѣдныя дѣтки... такіа жалкія!..

— Позвольте, Магдалина Алексѣвна!.. Мнѣ что-то помнится, что Стефановъ говорилъ намъ, что онъ не женатъ... и дѣтей у него... совсѣмъ нѣтъ...—припоминая весь разговоръ съ чиновникомъ, медленно произнесла Чудновская.—Нужно будетъ спросить Идочку, она, вѣрно, припомнитъ все... Мнѣ кажется, что Стефановъ, судя по его же словамъ, холостой...

— Не повѣрю этому, Ксенія Владиміровна!.. Право, не повѣрю!.. Онъ, бѣдный, обремененъ громаднымъ семействомъ... Кромѣ дѣтей, при немъ живетъ еще старуха-мать... совсѣмъ дряхлая и притомъ... калѣка!.. Нужно, нужно помочь этому бѣдному человѣку... Пойду, кстати, запишу его адресъ... Необходимо сейчасъ же написать въ имѣніе моему управляющему, чтобы онъ поспѣшилъ выслать мнѣ въ Желѣзноводскъ лишнюю сотню рублей...

Съ этими словами Магдалина Алексѣвна, съ прежнимъ волненіемъ и озабоченностью, утирая все еще набѣгающія слезы, быстро направилась къ дверямъ, но на порогѣ остановилась и, съ неподдѣльнымъ упрекомъ въ дрогнувшемъ голосѣ, произнесла:

— Вотъ вы какая, Ксенія Владиміровна, недовѣрчивая и... какъ вы... безразлично, хладнокровно относитесь къ чужому горю!.. Какъ вы мало сочувствуете... бѣднымъ, несчастнымъ людямъ!.. Такъ и видно, что вы сами не испытывали никакого горя... Жизнь ваша, вѣрно, течетъ счастливо и покойно... А все же нужно, Ксенія Владиміровна, помнить о бѣдныхъ людяхъ... Да, видно, что вамъ хорошо живется...

Чудновская молча, печально смотрѣла на Магдалину Алексѣвну, и когда за ней негромко захлопнулась дверь, она тихо сказала:

— Блаженная, но... она—хорошій человѣкъ... Она выше, лучше меня...

Въ глубокой задумчивости, низко опустивъ голову на блѣдныя руки, Чудновская смотрѣла на распатанныя перила балкона, и ея мысли уносили ее отсюда далеко, далеко... Богъ вѣсть, сколько времени она просидѣла бы въ полной неподвижности и мучительной задумчивости, еслибы не вошелъ быстро, шумно въ комнату веселый, оживленный Жоржъ съ цѣлымъ коробомъ новыхъ впечатлѣній.

— Вы одна, Ксенія Владиміровна? А гдѣ же Ида Борисовна? Здравствуйте!

— Она уѣхала съ Примовыми и Диной въ Кисловодскъ...— какъ бы очнувшись, тихо произнесла Чудновская.

— А вы чтѣ же не поѣхали съ ними?

— Я тоже предполагаю поѣхать въ Кисловодскъ сегодня, только—когда немного жара уменьшится: послѣ обѣда...

— Вотъ и хорошо, а то дѣйствительно сегодня очень жарко! Поѣдемъ вмѣстѣ...

Въ кисловодскомъ паркѣ играла музыка; чрезвычайно элегантная, нарядная публика наполняла всю площадь передъ галереей „Нарзана“ и густо помѣщалась на многочисленныхъ скамейкахъ у павильона, откуда неслись чудные звуки увертюры изъ „Демона“...

Чудновская и Жоржъ, не найдя Иды Борисовны и Примовыхъ въ гостинницѣ „Зипалова“, гдѣ они остановились, отправились разыскивать ихъ въ паркѣ; но, вмѣсто нихъ, они натолкнулись прямо на Рисковца, гуляющаго съ красивой брюнеткой, одѣтой чрезвычайно изящно и оригинально и окруженной массой оживленной и шумной молодежи... Съ тѣхъ поръ, какъ Рисковецъ „бѣжалъ“ изъ „Грота Лермонтова“ отъ „бѣлой симфоніи“, не обращавшей на него никакого вниманія, Ксенія Владиміровна не видала его, и очень удивилась, что онъ теперь, встрѣтившись съ нею и съ Жоржемъ, совершенно неожиданно покинулъ всю свою шумную компанію и подошелъ къ нимъ.

— Чтѣ, какова штучка!—довольно громко, махнувъ головой въ сторону брюнетки, хвастливо проговорилъ онъ. — Это—прекестная „черная симфонія“, вакханка, гурія, ради которой полѣзешь въ самый адъ!.. Чтѣ, одобряете, Георгій Аркадьевичъ?..

— Да, только... Вы-то, кажется, тамъ... пятая епица въ колесницѣ!..—шутливо замѣтилъ Жоржъ.

— Чтѣ, развѣ... развѣ я ступевываюсь?—заволновался Рисковецъ и какъ-то смущенно взглянулъ на свой несвѣжій сюртукъ, украшенный академическимъ значкомъ, и на загорѣлыя, безъ перчатокъ руки.

— Да, что-то незамѣтно, чтобы эта „черная симфонія“ плѣнялась вами!—произнесъ, саркастически улыбаясь, Жоржъ.

— Чортъ возьми, вы правы!.. отчасти правы!—сердито воскликнулъ Рисковецъ.—И виноваты всему эти вотъ „донъ-жуаны“, „оболтусы“, „альфонсы“ и разные глупые джигиты, не отстающіе отъ нея ни на минуту и отвлекающіе все ея вниманіе!.. Налетѣли сюда, въ Кисловодскъ, чортъ знаетъ откуда, какъ саранча, и не даютъ хода человѣку... человѣку порядочному, съ опредѣленными занятіями и... и съ положеніемъ!..

— И даже съ академическимъ значкомъ,—улыбаясь, замѣтила Чудновская.

— Но, можетъ быть, эта гурія прилетѣла вмѣстѣ съ этой „саранчой“? Почему вы знаете? Во всякомъ случаѣ, вся эта компанія одного пошиба... А вы какъ думаете, Александръ Николаевичъ?—спросилъ, иронизируя, Жоржъ.

— А чортъ ихъ знаетъ!.. Одно достовѣрно знаю, что они, эти „капульщики“, мѣшаютъ мнѣ!..

Съ этими словами Рисковецъ, сдѣлавъ въ воздухѣ какой-то неопредѣленный, но чрезвычайно энергичный взмахъ, быстро помчался за „черной симфоніей“.

— Вотъ чудакъ!—улыбаясь, тихо замѣтила Ксенія Владиміровна, смотря вслѣдъ уходившему Рисковцу, забывшему даже попрощаться съ ними.—Однако, какъ здѣсь много этихъ... „гурій“!..

— О, да! Кисловодскъ, по составу своихъ сезонныхъ обитателей и вообще по нравамъ,—передовой курортъ! Можно принять его за... за Парижъ... Вотъ посмотрите, Ксенія Владиміровна, на эту блондинку...—пониживъ голосъ, сказалъ Жоржъ, указывая на высокую, нарядную даму съ всклокоченными волосами и умѣло-нарумяненнымъ лицомъ.—Вотъ эта „гурія“ получила вторую премію за красоту. Собственно говоря, за черезчуръ откровенное décolleté... На прошломъ кисловодскомъ „балу-конфетти“ ее окружали все больше лысе, „пронарзанившіеся“ старички съ туго-набитыми карманами, которые, не стѣсняясь присутствіемъ остальной публики, сладострастно гладили ее обнаженные плечи, а она, заливаясь звонкимъ хохотомъ, похлопывала ихъ по лоснящейся лысинѣ и игриво подергивала за ихъ „ослиныя уши“... Какъ видите, Рисковецъ здѣсь не можетъ имѣть успѣха... Вы согласны со мной?..

— Ну, конечно!—протяжно отвѣтила Чудновская:—онъ совсѣмъ неинтересный „кавалеръ“ для такихъ дамъ; да и вообще, право... онъ... онъ совсѣмъ ненормальный человѣкъ!

— Это правда.

— Какъ Кисловодскъ рѣзко отличается во всемъ отъ всѣхъ остальныхъ группъ, это удивительно!—замѣтила Ксенія Владиміровна, рассматривая гуляющую публику.—Здѣсь все порхающее, ничѣмъ нестѣсненное, почти все здоровое и бьющее жизнью... Здѣсь всѣ подчиняются лишь однимъ желаніямъ—жить, веселиться и развлекаться, не разсуждая, не взвѣшивая!.. Такъ, прямо, — очертя голову!.. И курзалъ, и паркъ, и „Нарзана“, и наплывъ „гурій“ и „донъ-жуановъ“ — все здѣсь толкаетъ брать отъ жизни то, что она только можетъ дать!.. А здѣсь она можетъ почти каждому дать... хоть на часъ... хоть на одинъ мигъ—полное, опьяняющее и безумное забвеніе!.. Здѣсь все невольно „веселитъ душу“... А вотъ, напримѣръ, Пятигорскъ—наоборотъ: онъ потрясаетъ безотраднымъ видомъ своихъ больныхъ! Въ немъ дышется какъ-то тяжело... Сидящіе, лежащіе въ креслахъ и на носилкахъ больные, ихъ блѣдныя, измученныя лица, ихъ подавленные вздохи, стоны... несчастные парализованные на костыляхъ, съ вывороченными руками, висящими, какъ плети, съ непослушными, дрожащими, тяжелыми ногами—вся эта страшная картина человѣческихъ недуговъ, страданій и жизненныхъ драмъ—не можетъ не дѣйствовать удручающимъ образомъ!.. Да, въ Пятигорскѣ—слезы, а въ Кисловодскѣ—смѣхъ...

— Это вѣрно, Ксенія Владиміровна. А въ Желѣзноводскѣ, добавлю,—лишь непробудная монотонность и почти монастырски-строгий, серьезный режимъ леченія!—смѣясь, подхватилъ Жоржъ.

— Да. Теперь остается послѣднее слово за Ессентуками... Но что же можно сказать объ этомъ курортѣ?.. Страданій въ немъ—не замѣтно; веселость—не бьетъ въ глаза; а монотонность—замѣняется степенностью, выдержанностью и даже... если хотите, важностью... Ну, а въ общемъ—всѣ четыре кавказскіе курорта представляются мнѣ теперь смѣсью здоровья съ болѣзью, веселья съ страданіями, радости съ горемъ, смѣха съ плачемъ, молодости со старостью... И все это здѣсь незамѣтно переплетается и образуетъ одно общее цѣлое,—но такое серьезное, важное и грандіозное!

Въ это время они подходили къ очень красивому зданію мавританской архитектуры, съ галереей „Нарзана“, — занимающему самый центръ Кисловодска, между тѣнистой тополевою аллеей и роскошнымъ паркомъ. Съ этой стороны парка галерея „Нарзана“ заканчивается совершенно открытой стѣной, дающей возможность входящимъ въ галерею зрителямъ любоваться дивной естественной декорацией изъ могучихъ молодыхъ деревьевъ...

Здѣсь же, въ этомъ поэтическомъ уголкѣ, подъ стекляннымъ громаднымъ колпакомъ, уставленнымъ на высокомъ фундаментѣ и окруженнымъ живыми цвѣтами, точно причудливый круглый памятникъ, — находится и самъ „Нарзанъ“ — „богатырь-источникъ“... Справа и слѣва, у стѣнъ мраморнаго резервуара, стояло по двѣ источники, и каждая изъ своего крана наливала въ стаканы „студеную влагу“ желающимъ пить... Налѣво отъ „Нарзана“, у самаго входа въ галерею изъ парка, возвышается небольшой кіоскъ съ образами и слабо мерцающими лампадками и свѣчами... Многіе, подходя къ источнику, невольно осѣняютъ себя крестомъ, и часто здѣсь безпечно-веселыя лица, озаренныя еще улыбкой общаго довольства, — на мгновеніе становятся серьезными и вдумчивыми... Богъ вѣсть, какія мысли, ощущенія и чувства овладѣваютъ ими при видѣ кіоска и тутъ же — бьющаго, кипящаго, пѣнящагося и покрытаго безчисленной массой пузырьковъ бурнаго источника, заключеннаго, какъ узникъ, въ тѣсныя оковы!.. Что общаго между покойнымъ, неподвижнымъ ликомъ святыхъ и этимъ страстнымъ, непокорнымъ, бушующимъ узникомъ?..

Ксенія Владиміровна съ Жоржемъ спустились по небольшимъ каменнымъ ступенькамъ къ первому попавшемуся крану источника и неожиданно увидали, среди толпившихся посѣтителей, Кирпотенко, оживленно разговаривающаго съ молодой, хорошенькой источникомъ...

— Какъ, и вы здѣсь? — громко смѣясь, спросилъ Клеоника Ивановича Жоржъ.

— А то что же, по вашему, мнѣ уже нельзя наслаждаться „Нарзанчикомъ“... и... жизнью?.. О, я думаю, въ Кисловодскѣ сдѣлать еще большой запасъ для моей, быть можетъ, недолгой зимы!.. — задорно, съ большимъ воодушевленіемъ и съ напускной торжественностью, отвѣтилъ онъ, выпивая залпомъ прозрачную, пѣнящуюся воду. — Кругомъ все влюбленные парочки, обѣщаютъ въ укромныхъ уголкахъ, поцѣлуи... объясненія въ любви... Ну, а я что же, не человѣкъ, по вашему?.. Я, я тоже... еще могу влюбиться!..

— Ай да Клеоникъ Ивановичъ!.. Bravo!.. Помолодѣлъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на двадцать!.. Удивительный подъѣмъ духа!.. И что это на васъ такъ подѣйствовало: горный воздухъ, „Нарзанъ“... или окружающая, бьющая по нервамъ, кипучая жизнь?..

— Все вмѣстѣ, Георгій Аркадьевичъ, и плюсъ — моя сокрытая мощь, вырвавшаяся на свободу послѣ долгаго затворничества!.. Нѣтъ, не шутя, — здѣсь прекрасно!.. Дышешь полной

грудью, чуднымъ горнымъ воздухомъ, пьешь „Нарзанъ“, любишься оживленно-задорными лицами кисловодскихъ красавицъ, забавляешься ихъ беззаботно-пикантной болтовней, ихъ захватывающимъ весельемъ, невольно ловишь влюбленный шопотъ парочекъ и... и молодѣешь, ей Богу, молодѣешь!..

— А не встрѣтили вы, Клеоникъ Ивановичъ, здѣсь въ паркѣ нашихъ? — спросила, улыбаясь, Чудновская, немного удивленная излишней возбужденностью Клеоника Ивановича.

— Какъ не встрѣчалъ! Я вѣдь въ Кисловодскъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Идой Борисовной и Примовыми... Шустрая Надинъ тоже „увязалась“ къ намъ, а за ней уже, конечно, поскакалъ и Поль... Ну, а мнѣ чего сидѣть одиноко? Дай, думаю, и я „поскачу“ въ Кисловодскъ!.. Зачѣмъ терять удобный случай побывать лишній разъ въ атмосферѣ „коварства и любви“!.. Теперь они всѣ поѣхали любоваться окрестностями Кисловодска, а я остался въ паркѣ... Такъ вотъ цѣлехонькій день здѣсь и шатаюсь! Перехвачу въ павильонѣ чего-нибудь... растегая или форельку, пройдуся разокъ вдоль проказницы Ольховки и... къ „Нарзанчику“... Ахъ, что это за чудный напитокъ!.. Съ какимъ удовольствіемъ я пью его!..

— Ну, что въ немъ особеннаго?! — все равно, какъ сельтерская вода! — шутливо замѣтилъ Жоржъ.

— Какъ можно, Георгій Аркадьевичъ! Какъ двѣ, три, какъ десять сельтерскихъ водъ, взятыхъ вмѣстѣ!.. Я съ такимъ наслажденіемъ пью этотъ жизненный эликсиръ!.. Онъ такъ веселитъ мою душу и бодритъ тѣло! Просто, чувствуешь, что не ногами ходишь, а летаешь, точно на крыльяхъ!

— Однако, Клеоникъ Ивановичъ, будьте поосторожнѣе съ этимъ предательскимъ „богатыремъ“! Откажитесь отъ него! — серьезно замѣтила Чудновская. — Недавно въ Кисловодскѣ былъ случай съ однимъ старенькимъ отставнымъ генераломъ, который, какъ мнѣ рассказывали, здѣсь же, у источника, послѣ нѣсколькихъ стакановъ „Нарзана“, — отдалъ Богу душу...

— Да, да! это фактъ! Этотъ генералъ въ своемъ леченіи вообще очень пересаливалъ. Я его зналъ, — оживленно заговорилъ Жоржъ: — его даже съ трудомъ можно было выпроводить изъ кабинны „Скальковскихъ ваннъ“. Просидитъ свой опредѣленный часъ, затѣмъ занимаетъ слѣдующую очередь; и такъ безъ конца! Ужъ сколько его ни просили, ни уговаривали, что вредно долго сидѣть въ ваннѣ, а онъ все свое: „Чѣмъ дольше, тѣмъ крѣпче!.. Это-то и есть основательное леченіе“...

— И послѣ „основательнаго леченія“ отправился, такъ ска-

затъ, на тотъ свѣтъ?—съ нѣкоторымъ смущеніемъ спросилъ Кирпотенко:—и такъ скоро?..

— Ну, да! Кажется, послѣ пятого стакана „Нарзана“—умеръ отъ разрыва сердца, что-ли, здѣсь въ паркѣ, подъ звуки какого-то восточнаго марша...

— Гм... странно!—упавшимъ голосомъ произнесъ Клеоніеъ Ивановичъ, отдавая недопитый стаканъ „Нарзана“ прехорошенькой источницѣ:—Возьмите, душенька! что-то того... невкусно...

Чудновская и Жоржъ громко расхохотались, а сконфуженный Кирпотенко поспѣшно сталъ набивать носъ нюхательнымъ табакомъ, дѣлая уморительныя гримасы.

Въ это время какой-то фотографъ, уставивъ противъ галерей „Нарзана“ свой аппаратъ, направилъ его прямо на Клеоніеъ Ивановича... И тотъ, съ застывшей на лицѣ гримасой, и съ новой шепоткой табаку въ ружѣ, стоялъ нѣкоторое время не шевелясь, какъ бы позируя.

— Надоѣли мнѣ эти фотографщики!—замотавъ головой, протяжно сказалъ Кирпотенко.

— Ну, этого не видно! Вы такъ хорошо позировали!—замѣтила, смѣясь, Чудновская:—того и гляди, что попадете въ изящный альбомъ какой-нибудь красавицы: „Воспоминанія о Кавказѣ“...

— Не про меня то писано, Ксенія Владиміровна! Смѣйтесь себѣ... Эти фотографщики, какъ въ Желѣзноводскѣ, такъ и здѣсь: гдѣ ни сядешь, гдѣ ни станешь—сейчасъ тебѣ приставятъ прямо въ носу трубу!.. Ого, прости Господи, пакостный народъ! Такъ и таскается за собой свою бандуру...

Едва замолчалъ Клеоніеъ Ивановичъ, какъ къ нимъ шумно стали приближаться Ида Борисовна, Примовы и Надінъ подруку со своимъ кавалеромъ, Подемъ. Ихъ голоса звучали громко, оживленно, а лица были веселыя, улыбающіяся: видно было, что они всѣ очень остались довольны своей прогулкой...

— Тетя, тетя!—весело говорила Ида Борисовна. — Какая это чудная скала—„Замокъ коварства и любви“! Представь, я по канату взобралась на самый верхъ скалы, такъ что даже оба „барана“, поставленные на ея уступахъ, были удивлены!.. Сама скала—дикая, покрытая кустарниками и деревьями, и совершенно напоминаетъ собой какой-то фантастичный, очень-очень высокій замок!.. Особенно издали, когда къ ней подъѣзжаешь со стороны рѣки Алихановки, которую мы нѣсколько разъ перѣѣзжали вбродъ...

— А я какъ испугалась, когда нашъ экипажъ чуть не опрокинулся въ воду!—смѣясь, воскликнула Дина.

— Да, концертъ былъ потѣшный! — сквозь смѣхъ сказалъ Поль: — зато какой-то горный пастушокъ, любитель дикихъ звуковъ, бросилъ въ вашъ экипажъ букетъ полевыхъ цвѣтовъ... И такъ ловко, что этотъ букетъ какъ-разъ очутился у васъ на колѣняхъ!..

— Мы тоже получили букетъ, и не дававши концерта! — весело замѣтила Муся.

— А вотъ послушайте, Ксенія Владиміровна, какую поучительную легенду, давшую названіе этой скалѣ, разсказалъ Идѣ Борисовнѣ какой-то грузинъ! — оживленно сказалъ Примовъ.

— И эту легенду, Валеріанъ Романовичъ, навѣрно, выдумалъ мужчина, потому что изображаетъ женщину слишкомъ коварной! — полусерьезно возразила молодая дѣвушка. — Вотъ послушай, тетя, что онъ разсказывалъ... У одного богатаго купца была дочь, и она избрала себѣ въ женихи любимаго ею молодого бѣднаго красавца; а отецъ ея прочилъ ей другого жениха, старика, но богатаго... Тогда влюбленная парочка отправилась на скалу и рѣшила умереть вмѣстѣ... Они рѣшили броситься съ отвѣсной скалы въ глубокое ущелье, въ которомъ шумѣлъ бурный потокъ... Но здѣсь, по словамъ грузина, произошло что-то невѣроятное... Право, тетя, этого быть не можетъ, чтобы такъ коварно поступила женщина!..

— Ну, что же такое? — улыбаясь, спросила Чудновская.

— Будто бы женихъ первый бросился въ пропасть, — продолжала торопливо Ида Борисовна, — а невѣста, разсудивъ, что она еще очень молода и хороша для того, чтобы умирать, возвратилась и вышла замужъ... Такого коварства въ женщинѣ, а особенно въ любящей дѣвушкѣ — я не допускаю!..

— Что же, вы, вѣрно, склонны вѣрить больше другой легендѣ, разсказанной старой армянкой? — смѣясь, спросилъ Примовъ.

— Конечно, Валеріанъ Романовичъ! Эта легенда болѣе подходитъ къ дѣйствительной жизни! — горячо возразила Ида Борисовна.

— Въ чемъ же дѣло? — весело спросилъ Жоржъ.

— А вотъ что: армянка разсказала, — съ прежней горячностью говорила молодая дѣвушка, — что женихъ измѣнилъ своей невѣстѣ самымъ коварнымъ образомъ, а она, продолжая его безумно любить и горевать, съ отчаянія бросилась съ самаго высокого уступа скалы въ шумящій потокъ и тамъ погибла... Это болѣе жизненно и правдиво...

— Ни, то неправда! — комично воскликнулъ Клеоникъ Ива-

новичъ:—дивчина скрутить кому угодно голову, а соби—нѣ-ни!..
О, дивчата,—то хитрый и коварный народъ!..

V.

Кисловодскъ такъ понравился Идѣ Борисовнѣ, что Чудновская рѣшила переѣхать сюда изъ Желѣзноводска и тѣмъ закончить леченіе; впрочемъ, и докторъ Бунновъ совѣтовалъ имъ послѣ всѣхъ изнурительныхъ купаній—непремѣнно переѣхать въ этотъ чудный, жизнерадостный уголокъ.

За ними послѣдовали прежде всего Примовы и Жоржъ, а затѣмъ—Магдалина Алексѣевна съ Надинъ и Кирпотенко съ Полемъ. Такимъ образомъ, ихъ кружокъ курортныхъ знакомыхъ и здѣсь былъ тотъ же, что и въ Желѣзноводскѣ; отъ нихъ только совершенно отсталъ Рисковецъ, бѣгавшій весь день въ паркѣ, какъ угорѣлый, и ухаживавшій напропалую за кѣмъ попало...

Ида Борисовна была въ восторгѣ отъ парка, казавшагося ей много привѣтливѣе и многолюднѣе желѣзноводскаго,—а особенно она восторгалась кисловодскимъ курзаломъ, изящнымъ, красивымъ, съ роскошными залами для вечеровъ и театра, съ ослѣпительнымъ электрическимъ освѣщеніемъ, съ симфоническимъ оркестромъ и чрезвычайно интересной, изысканно-нарядной публикой...

Молодая дѣвушка часто забывала, что она на „дикомъ“ Кавказѣ, и воображала, что какая-то шаловливо-услужливая фея перенесла ее, какъ она нерѣдко выражалась: „въ самый волшебный уголокъ міра“.

Чудновская же, какъ женщина вполне практичная, немолодая и не увлекающаяся лишь „поэтической“ стороной Кисловодска,—называла его вполне благоустроеннымъ курортомъ, не только „бьющимъ по нервамъ“, эффектнымъ, элегантно-праздничнымъ, но и дающимъ всѣ жизненные удобства, на недостатокъ которыхъ не могъ бы пожаловаться даже самый взыскательный, избалованный больной или туристъ. Электричество, телефонъ, извозчики, магазины, опера—какъ въ любомъ губернскомъ городѣ; прелестныя отдѣльныя дачи, масса домовъ съ меблированными комнатами и гостинницъ съ роскошной обстановкой и со всѣми удобствами! Мало того: цѣны на квартиры—значительно ниже, чѣмъ въ Желѣзноводскѣ... Ксенія Владиміровна поражалась, что теперь, въ самый разгаръ лечебнаго се-

зона, въ центрѣ курорта, онѣ платили за прекрасную, свѣтлую комнату—тридцать рублей въ мѣсяцъ, а можно было, немного подалеже отъ парка, имѣть такую же комнату и за двадцать рублей. Продукты и обѣдъ — не дороже другихъ курортовъ, а между тѣмъ, куда ни посмотришь, всюду вѣетъ чѣмъ-то европейскимъ и роскошно-удобнымъ... Не говоря уже о томъ, что на всемъ и на всѣхъ живущихъ въ Кисловодскѣ лежитъ отпечатокъ какого-то общаго веселья и довольства, точно люди здѣсь совершенно забывали о мірскихъ невзгодахъ, о тяжкомъ людскомъ горѣ... Всюду, въ паркѣ, въ курзалѣ, на улицахъ, — лица ликующія, здоровыя...

То же самое Чудновская наблюдала и въ зданіи „Скальковскихъ ваннъ“: это небольшое деревянное зданіе, блестящее чистотой своихъ кабинъ и корридоровъ, съ молодой, здоровой и привѣтливой надзирательницей, съ жизнерадостными ванщиками и съ публикой, цвѣтущей здоровьемъ, — напоминало ей какой-то веселый клубъ, гдѣ менѣе всего думаютъ о серьезномъ леченіи.

„Да и „курсовыхъ“, больныхъ здѣсь что-то совсѣмъ мало“, — думала Чудновская, входя въ свѣтлое и привѣтливое зданіе: — такъ и видно, что здѣсь лишь освѣжаются въ прохладной ваннѣ „Нарзана“ въ жаркій лѣтній день, чтобы набраться бодрости для прогулокъ въ самомъ паркѣ, въ курзалѣ или въ окрестностяхъ Кисловодска... Не думаю, чтобы здѣсь кто избавлялся отъ „тяжкихъ недуговъ“!.. Эти „недуги“ оставлены уже на предыдущихъ курортахъ, или ихъ вовсе никогда не было“.

И невольно Ксеніи Владиміровнѣ снова представились картины страданія въ Пятигорскѣ и безкровныя лица желѣзноводскихъ больныхъ... Но среди массы недавно-видѣнныхъ ею страдальческихъ лицъ, въ ея воображеніи живо рисовался теперь, точно на первомъ планѣ, образъ симпатичной, изнуренной и блѣдной Аглаи Михайловны, надзирательницы „Островскихъ ваннъ“.

Эта немолодая, измученная непосильнымъ трудомъ женщина съ ужасомъ говорила какъ-то Чудновской о пяти тяжелыхъ годахъ, проведенныхъ ею въ Пятигорскѣ, въ „Николаевскихъ ваннахъ“, въ должности тоже надзирательницы... Весь сезонъ курорта Аглая Михайловна вставала въ пять часовъ утра, находилась безотлучно въ зданіи ваннъ до девяти часовъ вечера... Цѣлый день непрерывнаго метанія изъ стороны въ сторону по всѣмъ корридорамъ и кабинамъ, напряженное наблюденіе за обычными получасовыми сроками купающихся, часто непріятные переговоры съ посѣтителемъ, споры, жалобы и неосновательныя требованія.

— И все это было бы еще ничего, еслибы не приходилось дышать цѣлый день сѣрными парами!—со вздохомъ говорила Чудновской Аглая Михайловна, устало опустившись на мгновенье подлѣ нея на скамейку въ одномъ изъ корридоровъ „Островскихъ ваннъ“.—Эта сѣрная специфически-удушливая атмосфера ужасно вредно дѣйствуетъ на легкія!.. При сѣрныхъ ваннахъ я не выдержала болѣе пяти лѣтъ службы, потому что страшно начала каплять кровью... Всѣ думали, что я не поправлюсь... Но, какъ видите, поправилась! Только теперь—силы уже не тѣ... Страшно пошатнулось мое здоровье!.. Проболѣвъ болѣе года, я не могла больше жить безъ мѣста, такъ какъ у меня средствъ—никакихъ, а на моихъ рукахъ—старухамать... Нужно работать!.. А потому... пришлось хлопотать о приисканіи какихъ-нибудь занятій... И вотъ, слава Богу, опять назначили меня надзирательницей въ Желѣзноводскъ... И я очень рада, очень... теперь хорошо...

Но Аглая Михайловна не договорила: большой наплывъ купающихся увлекъ ее въ самый конецъ корридора. Поспѣшно, но несуетливо, она громко, толково давала приказанія ванщикамъ, провѣряла свободные часы въ кабинахъ и безъ всякой неумѣстной развязности или излишней слащавости,—ровнымъ, спокойнымъ голосомъ отвѣчала на разспросы и требованія „курсовыхъ“.

Чудновская не могла теперь точно припомнить цифру мѣсячнаго содержанія Аглаи Михайловны; ей казалось, что цифра эта колебалась между двадцатью-пятью и сорока рублями, но во всякомъ случаѣ—не больше. Жила Аглая Михайловна со своей матерью здѣсь же, въ зданіи, занимая очень маленькую комнату рядомъ съ двумя-тремя темными конурками, въ которыхъ ванщики хранили лечебную соль, щетки, швабры и прочіе атрибуты своего „дѣла“... Обѣдала она здѣсь же, „какъ попало“ и „когда попало“, ограничиваясь болѣе сухими и холодными закусками и яйцами, вареными въ самоварѣ, потому...

— Некого и некогда разсылать намъ за обѣдами:—дѣло—не стоять, а купающіеся—не ждуть!—отвѣчала какъ-то Аглая Михайловна на вопросъ Чудновской, гдѣ она съ матерью обѣдаетъ?—Старушка моя, какъ маленькій ребенокъ: яйцо въ смятку, да стаканъ чаю съ молокомъ—и сыта; она, моя родная... не прихотлива!.. Да и откуда намъ быть прихотливыми?—мы не избалованы... судьбой!..—задумчиво, грустно улыбнувшись, проговорила она и замолчала; а затѣмъ, какъ бы спохватившись, заторопилась и серьезно, громко сказала:—Однако, заговорила я

съ вами!.. Извините!.. Марія, у тебя купальщица очень засидѣлась въ кабинѣ: цѣлыхъ пять минутъ прошло лишнихъ... въ ущербъ другой очередной купальщицѣ! Иди, готовь ванну для слѣдующей!.. Дуня, а у тебя кто же это мылся съ мыломъ?.. Какъ же ты не усмотрѣла? Почему не предупредила, что здѣсь совсѣмъ нельзя употреблять мыла?.. Вамъ что угодно?.. Позвольте вашъ билетъ... Дуня, звонять въ 20-ой кабинетъ, иди скорѣе...

«...И такъ безъ конца!..—думала Чудновская.—Большая труженица эта Аглая Михайловна!.. Нельзя не сочувствовать такой незамѣтной, скромной, а между тѣмъ такой полезной и неутомимо-дѣятельной женщинѣ... Жаль только, что ея здоровье—очень плохое, слабое...»

Иногда Аглая Михайловна бывала такъ блѣдна, а ея глаза, походка и движенія говорили о такомъ сильномъ переутомленіи, что Чудновская боялась, какъ бы она не упала въ обморокъ, или совсѣмъ не слегла... Но она, дѣлая неимоверныя усилія, то присаживаясь на мгновеніе въ корридорѣ на попутную скамейку, то прикладывая холодные компрессы къ головѣ,—опять двигалась дальше, наблюдала и распоряжалась, точно здоровая и неутомленная.

«Господи! Ей бы самой нужно полечиться, отдохнуть, укрѣпить свои силы хорошимъ питаніемъ, чистымъ воздухомъ и этими же желѣзными ваннами, а здѣсь—такой непосильный трудъ!.. Хотя бы на недѣлю, на двѣ смѣнили ее кто-нибудь...—подумала Чудновская, съ большимъ сожалѣніемъ слѣдя за Аглаей Михайловной.

— Вы бы отдохнули немного, Аглая Михайловна!—обратилась она къ ней, помогая переменить компрессъ.—Ну, попросите кого-нибудь изъ знакомыхъ подежурить за васъ хотя немного...

— Ахъ, Ксенія Владиміровна, за это нужно заплатить, а лишиться мнѣ даже одного рубля—большая потеря!..—привнесла она съ горькой улыбкой.—Да и администрація вѣдь посмотритъ на это недружелюбно... И что жъ: она будетъ права!—не можешь работать, такъ уходи... Вѣдь имъ нужны—работницы, а не больныя, ни къ чему негодныя клячи!.. Нѣтъ, какъ-нибудь... обойдусь, поправлюсь, дасть Богъ... А отдыхать теперь нельзя... невозможно... Для этого зима наступить...

— А зимой вы на жалованьи, Аглая Михайловна?—спросила Чудновская.

— За что же администрація будетъ платить зимой-то?...—удивилась она.—Зимой вѣдь всѣ ванны заведенія закрыты; тогда имъ нужны сторожа, а не мы...

— Въ такомъ случаѣ, на какія же средства вы живете съ матерью зимою?

— Не живу, Ксенія Владиміровна, а маюсь!—съ глубокимъ вздохомъ, совсѣмъ тихо отвѣтила Аглая Михайловна.—На зиму обыкновенно мы переселяемся въ Ессентуки, къ нашимъ добрымъ знакомымъ. У нихъ я нанимаю крохотную комнатку, вотъ не больше моей, что здѣсь при ваннахъ... Хожу поденно шить на машинѣ, куда позовутъ; или, если случится, за какой-нибудь больной ухаживаю... Заработаю рубль-другой въ недѣлю—и слава Богу... А бываетъ, что и этого не заработаю... Тогда намъ съ матерью-старухой приходится... очень плохо...

Послѣднія слова Аглая Михайловна произнесла отрывочно, разсѣянно, смотря въ другой конецъ корридора. Затѣмъ она торопливо сбросила компрессъ съ головы и быстро, не проронивъ больше ни слова, направилась къ кассѣ, у которой стоялъ высокій пожилой офицеръ, завѣдывающій желѣзнодорожной группой.

Трудно было сказать, посмотрѣвъ теперь на Аглаю Михайловну, что это та же, за минуту разслабленная, удрученная, крайне-усталая женщина, съ тихимъ, упавшимъ голосомъ и близкая къ обмороку... Теперь стояла у кассы бодрая, энергичная, всей душой любящая и преданная своему дѣлу надзирательница и громкимъ, отчетливымъ голосомъ передавала завѣдывающему группой офицеру о состояніи своего ваннаго отдѣленія... И какъ она толково, дѣльно говорила!..

Чудновская съ глубокимъ уваженіемъ смотрѣла на эту скромную труженицу, способную часто, ради общественнаго интереса, забывать свои болѣзни, свое горе и самоотверженно отдавать свои послѣднія силы полезному дѣлу... Она, неказистая, блѣдная, худая и крайне бѣдно одѣтая, насколько она была выше и достойнѣе тѣхъ раздушенныхъ и шумящихъ шелками „курсовыхъ“ барынь, которыя часто считали для себя униженіемъ какой-то надзирательницѣ ваннаго заведенія не только подать руку, но и наградить ее хотя бы небрежнымъ мимолетнымъ кивкомъ головы!..

И вспомнила Ксенія Владиміровна съ большимъ удовольствіемъ, что не всѣ „курсовыя“ барыни были таковы... Почти въ послѣдніе дни пребыванія Чудновской въ Желѣзнодорожскѣ, устроилась нѣкоторыми дамами, купающимися въ „Островскихъ ваннахъ“, подписка въ пользу Аглаи Михайловны.

„Пусть этотъ скромный даръ будетъ хотя небольшой поддержкой, во время зимнихъ долгихъ мѣсяцевъ, этой неимущей, больной труженицѣ и ея „неприхотливой“ старухѣ-матери!“ —

думала Чудновская, отдавая и свою лепту въ пользу симпатичной, полезной, но жалкой, скромной женщины...

Аглая Михайловна, какъ узнала Ксенія Владиміровна, что-то ужъ очень давно служить надзирательницей при различныхъ ванныхъ заведеніяхъ: чуть ли не пятнадцать лѣтъ,—и она очень интересовалась однимъ изъ ванныхъ жизненныхъ вопросовъ: будетъ ли Аглаѣ Михайловнѣ выдана впослѣдствіи „за выслугу лѣтъ“, или за „усердную службу“, какая-нибудь субсидія или пенсія?—Но она такъ ничего и не добилась... Не было, говорятъ, какъ будто „этого“ до сихъ поръ!

„Что же ожидаетъ впереди Аглаю Михайловну и ея мать?.. Чѣмъ онѣ будутъ существовать, когда больная и слабая дочь не способна уже будетъ работать?.. Кто позаботится о ихъ „на-сущномъ“ хлѣбѣ?.. Кто поддержитъ ихъ матеріально въ трудныя, безысходныя минуты ихъ нищеты?.. А вѣдь эта скромная, невзрачная женщина неусыпно трудилась много лѣтъ, щедро отдавая, безъ расчета, свои силы и здоровье общественному дѣлу!.. И какъ она всегда умѣло, терпѣливо успокаивала капризно-раздражительныхъ больных!.. Съ какимъ тактомъ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ этого купающагося громаднаго курортнаго общества!.. Чѣмъ же это тысячное равнодушно-холодное общество вознаградитъ ее за непосильный тяжкій трудъ?.. Чѣмъ облегчитъ въ будущемъ ея тяжелое положеніе?..“

Эти размышленія Чудновской были прерваны громкимъ хохотомъ веселой Дины, устроившей, по обыкновенію, какую-то „шалость“ въ пріемной залѣ „Скальковскихъ ваннъ“...

VI.

Ида Борисовна очень рано вышла изъ дому и, пройдя часть тополевой аллеи, направилась прямо къ галереѣ „Нарзана“. Ее невольно тянуло въ паркъ, этотъ роскошный, тѣнистый, прохладный паркъ, могущій дѣйствительно служить украшеніемъ любого, даже заграничнаго курорта... Особенно ей нравилась рѣка Ольховка, дикая, бурная, шумная, протекающая черезъ весь паркъ... Эта горная капризная рѣка придавала ему чарующій красивый видъ и дѣлала воздухъ прохладнымъ и влажнымъ...

Шумитъ дикая рѣчонка день и ночь, точно негодуешь на всѣхъ людей, осмѣлившихся перекинуть черезъ нее мостики и переходить съ одной стороны ея берега на другую, не боясь ни

пѣнящихся волнъ, ни бурнаго журчанія, ни безсильнаго ропота оскорбленной, своенравной капризницы...

Ида Борисовна легкой, неторопливой поступью шла вдоль праваго берега Ольховки по широкой, тѣнистой липовой аллеѣ, начинающейся почти у самаго „Нарзана“. Она жадно вдыхала свѣжій воздухъ, улыбалась спокойно-довольной улыбкой, наслаждалась чуднымъ утромъ, и ловила себя на каждомъ шагу на неопредѣленно-счастливыхъ, свѣтлыхъ грѣзахъ... И эти грѣзы рисовали ей то милый образъ, то горячія рѣчи, намеки, то взгляды, полные нѣги, любви и ласки... То ей казалось, что она была наканунѣ чего-то роковаго, но такого пріятнаго и безконечно-счастливаго... Мысли ея летѣли быстро и незамѣтно уносили ее въ тихую семейную обстановку, гдѣ она была окружена ласковой заботой дорогаго ей любимаго человѣка... И тогда она, пріятно волнуясь, радуясь и улыбаясь, рисовала свое будущее въ такихъ заманчиво-розовыхъ рамкахъ, граничащихъ чуть не съ высшимъ идеаломъ человѣческаго счастья и довольства, что совершенно забыла о дѣйствительности, забывала даже, гдѣ она... И за этими далекими предѣлами дѣйствительности въ ея воображеніи начиналась для нея какая-то новая, счастливая и полная интереса жизньъ, рука-объ-руку съ любимымъ человекомъ...

Молодая дѣвушка бодро, съ сіяющимъ лицомъ, перешла красивый мостикъ и очутилась на лѣвомъ берегу Ольховки, подлѣ неказистой „Семиградусной“ купальни... Гуляющихъ здѣсь было довольно много, но она, занятая своими мыслями, не обращала на нихъ почти никакого вниманія, и все шла дальше неторопливо-плавной походкой.

У самой „Великокняжеской. липы“ она медленно опустилась на красивую круглую скамейку и, вынувъ изъ кармана небольшую книжку, стала разсѣянно перелистывать страницы давно начатаго ею романа: „Мимочка на водахъ“. Этотъ романъ, какъ ей казалось, особенно долженъ былъ заинтересовать ее здѣсь, въ Кисловодскѣ, но ея собственная жизньъ теперь „была ключомъ“, и она такъ мало имѣла общаго съ романомъ несчастной, свѣтской и пустой Мимочки!..

Ида Борисовна бѣгло просмотрѣла нѣсколько страницъ и, закрывъ быстро книгу, спрятала ее снова въ карманъ...

„Мнѣ даже становится страшно за эту... Мимочку!.. Но... А что, если и я—лишь игрушка въ глазахъ Валеріана Романовича?.. Нѣтъ, нѣтъ!“—подумала она тревожно и, нервно вздрогнувъ, поблѣднѣла и съ серьезнымъ лицомъ быстро встала со

скамейки и направилась къ „Стеклойной бесѣдѣ“. — „И съ чего это мнѣ вздумалось... подозрѣвать Валеріана Романовича... въ чемъ-то?.. Но въ чемъ же, въ чемъ?.. Онъ такъ откровененъ со мной, такъ ласковъ, что я не должна мучить себя сомнѣніями!.. Ну, а если?.. Если?..“

Молодая дѣвушка сжала свои дрогнувшія руки и близко подошла къ искусственному водопаду, устроенному такъ оригинально, точно онъ былъ неподвиженъ, ровенъ, но блестящъ и прозраченъ, какъ стекло.

„Нѣтъ... Онъ — правдивъ... Его дѣйствія — всѣ чисты и... прозрачны, какъ... какъ это стеклышко!.. А потому... моя будущая жизнь похожа на... этотъ чудный роскошный букетъ живыхъ цвѣтовъ“...

Ида Борисовна улыбнулась и съ особеннымъ интересомъ стала разсматривать букетъ свѣжихъ душистыхъ розъ, красующихся за этимъ миѳическимъ стеклышкомъ, за этимъ причудливымъ водопадомъ-игрушкой.

„Да, жизнь моя мнѣ кажется теперь такой чудной, прекрасной, какъ этотъ букетъ!.. И стоитъ только протянуть руку сквозь эту прозрачную струйку воды, — и я завладѣю любой изъ этихъ розъ!.. Нѣтъ, я возьму всѣ розы, и весь букетъ будетъ мой... мой... Вотъ какъ я близка теперь къ тому, что составляетъ всю мою жизнь... что радуетъ меня, оживляетъ и дѣлаетъ... счастливой... Да, еще одинъ шагъ, и... Валеріанъ Романовичъ... мой!.. Мой... навсегда!.. Но... Что я?.. Что я говорю?.. Какъ же это возможно?.. Почему?..“

И молодая дѣвушка глубоко задумалась.

...Вѣдь между ними ничего не произошло... Кромѣ намѣковъ, нѣжныхъ, ласковыхъ словъ, долгихъ влюбленныхъ взглядовъ, крѣпкихъ выразительныхъ рукопожатій — ничего не было... Вотъ все, чѣмъ они обмѣнивались за эти почти три мѣсяца... Всего три мѣсяца, а кажется, что они такъ давно, давно знакомы!.. Столько въ нихъ общаго, столько... обоюдно-интереснаго, пріятнаго, дорогаго!.. Безъ рѣшающаго слова, безъ объясненій, — она понимала его, цѣнила и вѣрила... Да, вѣрила, что ея встрѣча съ Валеріаномъ Романовичемъ не простая „курортная“ встрѣча, а серьезная, прочная, глубокая... Такъ, одними мимолетными, скоропроходящими пріятными впечатлѣніями — она не должна окончиться... Не должна...

Мысли Иды Борисовны неожиданно прервались и приняли совсѣмъ другой оборотъ... Она сильно покраснѣла и широко открытыми глазами смотрѣла теперь на небольшой мостикъ,

перекинутый через трещину оригинальной доломитовой скалы... На этомъ мостикѣ, какъ ей показалось, неподвижно стоялъ Валеріанъ Романовичъ и, немного наклонясь надъ перилами, смотрѣлъ куда-то вдаль... Затѣмъ, перейдя мостикъ, онъ быстро направился къ „Царской площадкѣ“, самой возвышенной части кисловодскаго парка, и здѣсь стоялъ долго, обмахивая лицо большой зеленой вѣткой и какъ бы смотря на большой каменный крестъ, поставленный на вершинѣ Крестовой горы, болѣе старѣть тому назадъ...

Ида Борисовна съ сильно бьющимся сердцемъ все двигалась впередъ и неотступно слѣдила за рослой фигурой молодого человѣка; и съ каждой минутой она убѣждалась, что это дѣйствительно былъ Валеріанъ Романовичъ. Но въ его походкѣ, движеніяхъ, жестахъ—ей теперь казалось столько необычайно-безпокойнаго, тревожнаго и нервнаго, что она, не разсуждая, ускоривъ шаги, торопливо направилась прямо къ скалѣ.

А Валеріанъ Романовичъ, между тѣмъ, какъ бы въ изнеможеніи, опустилсѣ на одинъ изъ камней доломитовой скалы, вынулъ изъ кармана какое-то письмо и весь погрузился въ чтеніе.

Блѣдный, встревоженный, онъ все еще сидѣлъ на камнѣ съ низко опущенной головой, точно подавленный какимъ-то неотразимымъ горемъ, и все еще перечитывалъ письмо, дрожавшее въ его рукѣ, когда Ида Борисовна, сильно волнуясь, близко подошла къ нему и молча, тревожно стала всматриваться въ это измѣнившееся, осунувшееся лицо.

Она сразу не рѣшалась окрикнуть его, не рѣшалась заговорить съ нимъ, боясь нарушить теченіе его мыслей, нарушить его мучительное душевное состояніе.

„Имѣю ли я право беспокоить его своимъ присутствіемъ... своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ, сочувствіемъ?..“ быстро мелькнуло въ ея головѣ и такъ же быстро смѣнилось другой мыслью: „Но... если я пришла сюда, къ нему... безъ зова, то должна ли... могу ли я молчать?.. Молчать и какъ бы подсматривать... подслушивать его... тихіе вздохи страданій?.. Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу... не могу молчать...“

Ида Борисовна очень близко подошла къ Валеріану Романовичу, низко наклонилась надъ его опущенной головой и, положивъ на его плечо дрожащую руку, почти шопотомъ заговорила быстро, всецѣло поддаваясь сильному волненію, охватывавшему ее все больше и больше...

— Простите меня!.. Я случайно замѣтила васъ, но... Я не

думала, не предполагала, что я помѣшаю вамъ... Простите, но я не могла больше смотрѣть... на ваши страданія...

Валеріанъ Романовичъ слегка вздрогнулъ отъ этихъ неожиданныхъ, задушевныхъ и искреннихъ словъ, вдумчиво посмотрѣлъ на прекрасное взволнованное лицо дѣвушки и, молча, крѣпко пожалъ ея руку.

— Благодарю... за участіе... наконецъ, тихо произнесъ онъ, какъ бы что-то обдумывая. — Садитесь, Ида Борисовна, подлѣ меня, вотъ здѣсь, на камнѣ...

Мрачная тѣнь попрежнему лежала на его блѣдномъ лицѣ, и онъ, все еще держа въ рукѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, исписанный крупнымъ неровнымъ почеркомъ, заговорилъ глухо, медленно, точно ему было очень трудно произносить даже отдѣльные слова:

— Ида Борисовна, я получилъ сегодня очень тяжелое... мучительное письмо, но... содержаніе его вы непременно должны знать, потому... потому что я не имѣю нравственнаго права скрывать отъ васъ дольше всю свою... интимную жизнь... Наше искреннее сближеніе, наши чувства должны или окончательно... окрѣпнуть, или... Или мы должны будемъ разойтись, если вы... осудите меня, не поймете... не простите...

Онъ все время говорилъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ, держа письмо въ рукѣ, и смотрѣлъ на нее тревожно-испытующимъ и выжидательнымъ взглядомъ.

— Я не знаю, что вы мнѣ хотите сказать... не знаю, что васъ беспокоитъ, мучитъ, но... Я хочу переживать съ вами, Валеріанъ Романовичъ, ваши страданія!.. — горячо, искренно произнесла Ида Борисовна. — Я хочу знать все, все, что тѣсно связано съ вами...

— И узнаете, Ида Борисовна... Не получивъ этого письма, я все равно рѣшилъ открыть вамъ все, но... тогда бы я васъ подготовилъ къ тому, что вы сейчасъ услышите, а теперь... вы дѣйствительно будете... страдать... Но что же дѣлать!.. Быть можетъ, вы совсѣмъ... совсѣмъ разочаруетесь во мнѣ, но... я вамъ все скажу... все...

— Нѣтъ, нѣтъ, Валеріанъ Романовичъ! — горячо, серьезно перебила его молодая дѣвушка: — я чувствую въ себѣ такую душевную бодрость, такую силу, что... ничто не можетъ пошатнуть ни моего нравственнаго строя, ни моего чувства къ вамъ!..

Онъ молча пожалъ ея руку, и горькая, грустная улыбка искривила его блѣдное красивое лицо.

— А если вы узнаете, что я, увлекая васъ, былъ... не сво-

бодень?.. Что я... связанъ?..—медленно, прерывающимся голосомъ спросилъ онъ, не подымая на нее глазъ.

— Вы?.. Вы... женаты?..—блѣднѣя, чуть слышно спросила Ида Борисовна.

— Нѣтъ, но... я — отецъ... Отецъ — незаконнаго ребенка...

Ида Борисовна медленно поднялась съ камня и, не глядя на Валеріана Романовича, молча, нервно вздрагивая, прошла какой-то заплетающейся походкой по доломитовой площадкѣ нѣсколько разъ, то измѣняя направленіе, то мучительно останавливаясь, какъ вкопанная, на одномъ мѣстѣ, точно ее что задерживало, не пускало двигаться дальше... Наконецъ, она, какъ бы овладѣвъ собой, неторопливо близко подошла къ Валеріану Романовичу, сидѣвшему неподвижно на камнѣ съ низко опущенной головой, и тихо, упавшимъ голосомъ спросила его:

— А кто же... его мать?..

— Мать...—въ глубокой задумчивости сказалъ Валеріанъ Романовичъ и, еще ниже опустивъ голову, тихо и глухо произнесъ:— Она — бѣдная дѣвушка, швея, но... нѣсколько дней тому назадъ... она умерла... отъ тифа... Вотъ письмо отъ ея подруги...

— Боже!.. А онъ... вашъ ребенокъ?.. Гдѣ же онъ?..—какимъ-то металлическимъ, измѣнившимся голосомъ спросила его Ида Борисовна.

— Онъ тоже... заболѣлъ тифомъ... въ больницѣ... И я... долженъ сегодня же поѣхать... въ Петербургъ...

— Господи!.. Поѣзжайте, какъ можно скорѣе... Поѣзжайте, Валеріанъ Романовичъ!.. Нельзя... медлить!.. Вы же — отецъ... отецъ его!.. — произнесла она прерывающимся, взволнованнымъ голосомъ, положивъ ему на плечи обѣ руки, и смотрѣла на него глубокимъ, скорбнымъ взоромъ.

Онъ весь вздрогнулъ отъ этихъ искреннихъ словъ, отъ ея дружески-ласковаго обращенія и, смотря на нее безконечно-благодарнымъ взглядомъ, тихо сказалъ:

— И ни слова упрека, ни слова о томъ, какъ... какъ все это произошло!.. Вы, Ида Борисовна, рѣдая, чудная дѣвушка... Вы...

Онъ не договорилъ и, крѣпко поцѣловавъ ея похолодѣвшія руки, отвернулся отъ нея, чтобы скрыть свое волненіе.

— Ахъ, до того ли теперь, Валеріанъ Романовичъ, когда вашъ бѣдный... ребенокъ остался одинъ... безъ матери!.. Что вы, Валеріанъ Романовичъ!.. Да и за что же упрекать?.. Нѣтъ, упрекать... я не могу, да и не имѣю права... Не думайте объ этомъ!.. Теперь вамъ нужно думать только... о вашемъ ребенкѣ!.. А мнѣ...

Ахъ, что же теперь мнѣ... остается?.. какъ-то растерянно, дрогнувшимъ голосомъ проговорила она и замолчала.

Но это продолжалось недолго, и она снова заговорила негромко и серьезно, съ какой-то нервной и неестественной торопливостью:

— Не знаю, Валеріанъ Романовичъ, что теперь будетъ дальше... Не знаю, что пошлеть мнѣ мое будущее, но... знайте, что я въ васъ не разочаровалась и вѣрю вамъ!.. Да, вѣрю... и... Но не время теперь... не время изливать свои чувства, свои... муки!.. Прощайте, Валеріанъ Романовичъ!..

И съ этими словами Ида Борисовна крѣпко пожала руку Валеріана Романовича и очень быстро направилась къ мостику.

А онъ, какъ ошеломленный, все сидѣлъ на камнѣ, всецѣло находясь подъ давленіемъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ и желаній, и съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣлъ вслѣдъ уходящей дѣвушкѣ, сдѣлавшейся ему теперь еще дороже, еще ближе прежняго...

— Ахъ, тетя, я теперь какъ въ чаду, какъ... въ туманѣ!.. Я...—крайне взволнованно начала Ида Борисовна, возвратившись изъ парка домой, но, не договоривъ, въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Что съ тобой, Идочка?—тревожно спросила Чудновская.

— Дай разобраться... Дай вспомнить... все... —задыхаясь, произнесла молодая дѣвушка, но, не выжидая, точно ее что-то неудержимо толкало на откровенное объясненіе, въ которомъ она могла бы излить всю свою душу, —съ неподдѣльной грустью торопливо продолжала дальше:

— Мнѣ здѣсь было такъ хорошо, такъ хорошо, что на меня иногда находилъ просто какой-то суевѣрный страхъ!.. Мнѣ все казалось, что послѣ этого чуднаго... „праздника веселья“ и... и счастья—наступитъ для меня „жизненный мракъ“... А я такъ страшилась этого!.. И это теперь случилось!.. О, какъ мнѣ теперь тяжело!.. Какъ невыносимо... тяжело...

Ида Борисовна замолчала и, прислонившись къ спинкѣ стула, опустила голову на руки и неудержимо зарыдала.

Чудновская, блѣдная, серьезная, близко подошла къ молодой дѣвушкѣ и, лаская ее своей заботливой, дрожащей рукой, молча, съ возрастающей нервностью смотрѣла на нее; когда же, наконецъ, рыданія смолкли, она негромко, возможно спокойнымъ голосомъ спросила Иду Борисовну:

— Но что же такое случилось, дитя мое?

— Ахъ, тетя... новаго, вѣрно, ничего не случилось... — сквозь слезы, задыхаясь, произнесла Ида Борисовна: — все это, конечно, старое... давно всѣмъ... извѣстное... но такое, чего я не могла примѣнить къ себѣ лично... Не могла этого допустить... Я совсѣмъ... совсѣмъ не ожидала!.. Почему-то я все думала, предполагала, что жизнь моя... меня балуетъ, ласкаетъ, какъ мама, или... какъ ты, моя дорогая... А здѣсь — такая горькая, непоправимая неожиданность!..

— Въ чемъ же дѣло, Идочка?.. — сильно блѣднѣя, дрогнувшимъ голосомъ спросила Чудновская.

— А въ томъ, что... сейчасъ, въ паркѣ, Валеріанъ Романовичъ мнѣ сказалъ, что онъ... отецъ... Отецъ... незаконнаго ребенка... — съ трудомъ произнесла она, вытирая поспѣшно набѣгавшія слезы. — Въ этомъ ничего нѣтъ новаго, но... это такъ тяжело переживать, когда любишь!.. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы любимый мной человекъ — былъ чистъ, непороченъ... И мнѣ казалось, что Валеріанъ Романовичъ вполне подходитъ... къ моему идеалу... А здѣсь, вдругъ, узнаешь, что многое уже имъ пережито... испытано и... быть можетъ, уже самое лучшее, дорогое... похоронено безвозвратно...

— Значить, у него есть привязанность? — растерянно спросила Чудновская: — и онъ ее любитъ?..

— Привязанность была — бѣдная дѣвушка... швее, но теперь ея нѣтъ... Она умерла... А любилъ ли онъ ее — я не знаю, не знаю!.. Онъ мнѣ ничего объ этомъ не говорилъ, и я его не спрашивала, но... Я вѣрю ему, тетя, а потому вѣрю, что теперь онъ любитъ... меня... Иначе... Ахъ, нѣтъ!.. Да развѣ можетъ такой человекъ, какъ Валеріанъ Романовичъ, обманывать, притворяться, лгать?.. Вспомни его благородное, открытое лицо, его честные глаза... вспомни всѣ его разговоры, его ласковый голосъ... Развѣ онъ можетъ обманывать?..

Молодая дѣвушка оживилась и, поднявшись съ мѣста, съ дрожжащими еще слезами на длинныхъ рѣсницахъ, говорила съ глубокой увѣренностью и со вспыхнувшей надеждой во взорѣ.

— Но что же будетъ дальше, Идочка?.. Тебѣ говорилъ что-нибудь Валеріанъ Романовичъ о своихъ планахъ? — осторожно спросила Чудновская, когда она замолчала.

— Нѣтъ, тетя, ничего... — смущенно отвѣтила дѣвушка, и слезы снова задрожали на ея рѣсницахъ. — Да и какіе планы могутъ теперь придти человеку въ голову, когда онъ сегодня долженъ ѣхать къ своему больному тифомъ ребенку?.. Да еслибы онъ мнѣ и сказалъ что-нибудь опредѣленное, то все равно те-

перь я слишкомъ подавлена... и я бы ему, тетя, ничего теперь не отвѣтила... Я не разочаровалась въ Валеріанѣ Романовичѣ и вполне понимаю, что винить его не въ чемъ, но... эти новыя обстоятельства явились для меня такъ неожиданно, что я... совсемъ ошеломлена!.. И какія только чувства во мнѣ борются, еслибы ты знала, моя дорогая!..

Ида Борисовна замолчала, присѣла подлѣ Чудновской на кушетку, обняла ее и снова заговорила прерывающимся шопотомъ:

— Я люблю его, тетя, и... ревную... Еслибы онъ теперь избралъ меня, то я не знаю... какой бы матерью я могла быть этому... ребенку... Ты знаешь, я люблю дѣтей, но... теперь я слишкомъ оскорблена, какъ женщина... Я люблю впервые и... другой любви не знала... А онъ!.. О, этого... ребенка я не могла бы теперь искренно ласкать!.. Какая-то горечь, ревность, обида заглушаютъ во мнѣ другія чувства... хорошія, добрыя...

Она замолчала и сидѣла неподвижно, опустивъ низко голову и не замѣчая, какія глубокія морщины страданія искажали теперь лицо Чудновской...

„Что это?—родъ Примовыхъ, или случайность?.. — думала Ксенія Владиміровна, быстро заходя въ по комнатѣ.—Примовы!.. Что сказали бы мнѣ мои старики, еслибы они были живы, узнавъ, что я допустила знакомство и сближеніе Идочки съ Валеріаномъ Романовичемъ?.. Отецъ вѣдь не простилъ Роману Валеріановичу его проступка!.. Какъ бы онъ отнесся теперь ко всему происшедшему?.. А Соня?.. Какъ я теперь посмотрю ей въ глаза!.. Вѣдь Идочка—ея первенецъ, ея любимица... а я не сумѣла оградить ее отъ такихъ страданій!.. Примовы!.. Соня помнитъ Романа Валеріановича хорошо и... съ какой враждой, негодованіемъ она его вспоминаетъ каждый разъ!.. Но какъ же быть теперь?.. Господи, да чѣмъ же все это кончится?..“

— Тетя...—тихо окликнула ее Ида Борисовна:—ты, бѣдная, волнуешься!.. И всему виновата я!.. Одна я!.. Ахъ, тетя, какъ мнѣ тяжело!.. Сегодня Валеріанъ Романовичъ уѣзжаетъ... А мы?.. Что мы сдѣлаемъ съ собой?.. Куда уѣдемъ?.. Зачѣмъ?.. Вѣдь все равно... и въ Кисловодскѣ, и въ Артиховкѣ, и... вездѣ, вездѣ, гдѣ бы мы ни очутились, мнѣ всюду будетъ мрачно и пусто... Здѣсь началась моя... жизнь... здѣсь и кончилась...

— Жизнь кончилась! Идочка, да развѣ это возможно?.. И ты, такая энергичная, стойкая, да вдругъ впадаешь въ такое отчаяніе!.. Богъ съ тобой, дитя мое!..

— Нѣтъ, тетя, я не отчаиваюсь, а ощущаю пустоту...—съ

глубокимъ вздохомъ произнесла дѣвушка.—Точно у меня было что-то опредѣленно-дорогое, извѣстное, и вдругъ все куда-то исчезло... все сразу рухнуло!.. Я сознаю, что я подавлена всѣмъ случившимся!.. Я потеряла идеаль человека, котораго я могла бы полюбить глубоко... О, теперь нужно много времени, чтобы я... примирилась или забыла все... что меня удручаетъ!.. Или нужно самой переродиться, передѣлать себя, или смотрѣть на все другими глазами...

Она теперь сидѣла блѣдная, серьезная и задумчиво-скорбнымъ взглядомъ смотрѣла въ окно; грудь ея высоко подымалась, а плечи изрѣдка нервно вздрагивали.

— Впрочемъ...—чуть слышно продолжала Ида Борисовна:—можетъ быть, мы больше никогда не увидимся съ Валеріаномъ Романовичемъ, да и къ чему?.. Я вѣдь ошиблась, считая его... чистымъ... Такъ могу же я ошибаться, предполагая, что онъ меня... любить...

Молодая дѣвушка снова замолчала, а Чудновская еще быстрѣе заходила по комнатѣ, мучительно сознавая полнѣйшее свое безсиліе помочь въ данный моментъ Идѣ Борисовнѣ. Пустыя фразы утѣшенія и разныя комбинаціи были бы неумѣстны; а существенное, вѣрное что-нибудь сказать она тоже не могла, не зная ни серьезныхъ жизненныхъ плановъ Валеріана Романовича, ни подкладовъ его прошлой любви,—или увлеченія,—ни глубины его чувства къ молодой дѣвушкѣ...

Было уже далеко за полночь, а Кисловодскъ еще не спалъ...

Ида Борисовна тихо, чтобы не разбудить недавно лишь уснувшую Чудновскую, поднялась съ кровати и, накинувъ легкій бѣлый пеньюаръ, сѣла у открытаго окна и глубоко задумалась... Молодая дѣвушка сама не могла отдать себѣ отчета, о чемъ она теперь думала, о чемъ жалѣла и грустила?.. Въ головѣ у нея была какая-то тяжесть, а въ сердцѣ ощущалась гнетущая тоска, не позволяющая ей ни на минуту забыться и отдохнуть...

Въ курзалѣ громко играла музыка, ясно долетавшая до ея слуха... Изъ парка изрѣдка вырывались съ легкимъ шипѣніемъ ракеты, разсыпаясь въ ночномъ прохладномъ воздухѣ мелкими разноцвѣтными звѣздочками... Мимо ихъ оконъ проносились, одиѣ за другими, веселыя шумныя кавалькады, возвращавшіяся послѣ пріятной прогулки по окрестностямъ Кисловодска... А въ садикѣ, подъ террасой ихъ квартиры, слышался сдержанный шопотъ любви, часто прерываемый страстными поцѣлуями...

Но Ида Борисовна ничего не замѣчала, что теперь такъ разнообразно отвѣчало властнымъ запросамъ жизни курорта. Она

была слишкомъ поглощена своими мыслями, становившимися съ каждой минутой все опредѣленнѣе и мучительнѣе.

„Господи! хотя бы еще одинъ часъ, одну минуту быть вмѣстѣ съ Валеріаномъ Романовичемъ и сказать ему... что... его ребенокъ... и мнѣ дорогъ, потому что я... люблю его!“

VII.

Утро было чрезвычайно сырое и туманное. Движенія на улицахъ Кисловодска почти не было никакого: здѣсь обыкновенно „курсовые“ спали долго, и только большіе любители природы вставали рано, чтобы послушать въ паркѣ музыку или полюбоваться чудными картинами самого курорта и его окрестностей.

Муся почти не спала всю ночь; она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала разсвѣта, чтобы какъ можно пораньше отправиться къ Идѣ Борисовнѣ и подѣлиться съ ней впечатлѣніями всего пережитого за вчерашній день.

Закутавшись плотно въ бѣлую бурку и накинувъ на голову платокъ, Муся быстро сбѣжала по ступенькамъ террасы, прилегающей къ занимаемой ими дачѣ и ведущей въ большой, прекрасный садъ. Не отыскивая ни дорожекъ, ни тропинокъ, она шибко, подобравъ развѣвавшіяся въ воздухѣ складки сѣраго платья, прямо пошла по росистой высокой травѣ.

„Лишь бы ближе и скорѣе!“ — думала она, пробираясь между высокихъ деревьевъ акации и кустарниковъ глода... Вчера она не могла вырваться изъ дому ни на одну минуту... А день выдался какой-то особенный, безпокойный... Валера вчера совсѣмъ сбилъ ее съ толку!.. Чтò такое случилось съ нимъ, что онъ такъ неожиданно уѣхалъ изъ Кисловодска?.. Возвратившись вчера откуда-то домой, крайне взволнованнымъ, онъ даже не поздоровался съ ней, чего никогда не бывало, — а прямо прошелъ въ комнату отца и тамъ долго, долго и взволнованно говорилъ съ нимъ о чемъ-то... должно быть, объ очень серьезномъ, потому что и Валера, и отецъ весь остальной день почти съ ней ни о чемъ не разговаривали... Только за три-четыре часа передъ отъѣздомъ Валеры, отецъ позвалъ ее къ себѣ и такъ загадочно, отрывисто спросилъ:

— Муся, ты желала бы... поѣхать въ Артиховку, погостить... къ Идѣ Борисовнѣ?..

— Ахъ, папа!.. Я вѣдь давно мечтала объ этомъ и просила тебя, но... помнишь? — каждый разъ ты наотрѣзъ отказывалъ мнѣ!.. Почему же теперь... именно сегодня ты меня объ

этомъ спрашиваешь?—взволнованно спросила дѣвушка, недоумѣвая, зачѣмъ отецъ снова заговорилъ о той поѣздкѣ, о которой она уже давно перестала думать.

— Проси... Ксенію Владиміровну... чтобы она взяла тебя съ собой... Я теперь ничего не имѣю противъ этой поѣздки... Въ Артиховку поѣдетъ и... Валеріанъ... — низко опустивъ голову, тихо и глухо произнесъ Романъ Валеріановичъ.

Муся широко открыла глаза и, поцѣловавъ отца, чуть слышно спросила:

— Зачѣмъ же онъ туда поѣдетъ?.. Быть можетъ, Валера... женится на Идочкѣ?

— Ахъ, дитя... почему я знаю!... Захочетъ ли еще сама Ида Борисовна... выйти за него?.. Да и вообще это... это—вопросъ всей жизни... Жизни!.. Это—такая жестокая, неизмѣримая сумма контрастовъ и случайностей!.. Это—безпрерывное, вѣчно-вертящееся колесо... И люди иногда сами не умѣютъ изъ этого колеса вырвать для себя самое дорогое... самое драгоценное... Вотъ я, Муся, въ ущербъ себѣ, взялъ изъ этого колеса лишь самое... печальное, самое безотрадное... Валеріанъ началъ тоже... плохо, но... Пусть его минетъ та чаша, что меня сгубила!.. Пусть онъ будетъ счастливъ съ Идочкой... если она пожелаетъ раздѣлить съ нимъ... его жизни!.. Да, съ Идочкой, съ племянницей... Ксенію Владиміровну... Хорошей, незабвенной... Ксенію...

Романъ Валеріановичъ говорилъ совсѣмъ упавшимъ, грустнымъ голосомъ и изрѣдка вытиралъ набѣгавшія слезы...

— Папочка, дорогой!.. Чего же ты такъ волнуешься?...—съ недоумѣніемъ смотря на отца и цѣлуя его дрожащія руки, участливо говорила Муся.—Что ты такое сказалъ?... Незабвенная... Ксенія!.. Развѣ ты раньше зналъ Ксенію Владиміровну?..

Романъ Валеріановичъ молча, въ сильномъ волненіи, замоталъ головой и сильно дрожащей рукой указалъ ей на дверь...

Безпрекословно, чтобы не раздражать своимъ присутствіемъ больного отца, Муся безшумно вышла изъ комнаты и, затворивъ за собой дверь, остановилась неподвижно у стѣнки, припоминая все, о чемъ только-что онъ говорилъ съ ней.

— Муся! — тихо окликнулъ ее Валеріанъ Романовичъ изъ сосѣдней комнаты.

Она медленно повернула къ нему голову, но не двигалась съ мѣста, все еще припоминая слово за словомъ...

— Что отецъ?...—такъ же тихо спросилъ онъ.

Какъ тѣнь, не спѣша, она прошла въ комнату брата и взволнованно сказала:

— Плачетъ...

— О чемъ же онъ говорилъ съ тобой?...

— Ахъ, Валера!.. я ничего не понимаю, что дѣлается... съ отцомъ и... съ тобою!.. Отецъ — говорить какими-то намеками, полусловами... Ты — какой-то странный... убитый... Господи, да что же это такое съ вами?.. Вы что-то оба скрываете отъ меня!...

Валеріанъ Романовичъ взволнованно заходилъ по комнатѣ и, ничего не возразивъ сестрѣ, протянулъ къ ней письмо.

— Муся, передай, прошу тебя, это письмо Идѣ Борисовнѣ... Я очень занятъ... не могу сегодня никакъ зайти къ нимъ... попрощаться...

— Какъ же такъ?.. — растерянно спросила она.

— Я видѣлъ уже сегодня... Иду Борисовну... говорилъ съ ней кое-о-чемъ. А теперь... я не могу, не успѣю... попрощаться... Вѣдь мнѣ нужно уже скоро ѣхать... Но мы еще, вѣрно, увидимся съ Идой Борисовной... въ Артиховеѣ. Ты, Мусикъ, хочешь туда поѣхать?... погостить?... — торопливо спрашивалъ Валеріанъ Романовичъ, разсѣянно перебирая на столѣ какія-то бумаги и стараясь не смотрѣть на сестру.

— Хочу ли?!.. Я такъ полюбила Идочку, такъ сошлась съ ней, а ты спрашиваешь, хочу ли! — со слабой улыбкой произнесла молодая дѣвушка и, замолчавъ на мгновенье, съ особенной серьезностью спросила:

— Валера, скажи, вѣдь и ты ее любишь?... Я не ошиблась?...

— Ахъ, Муся!... Ну, люблю!...

— Валера, да что съ тобой?... Что же ты говоришь съ такимъ раздраженіемъ? Развѣ я тебя этимъ хотѣла обидѣть или разсердить?... Вѣдь ты мнѣ такъ... дорогъ! Я такъ хочу видѣть тебя счастливымъ!... А Идочка можетъ дать тебѣ много, много счастья!... И она такъ любить тебя, Валера!...

Муся близко стояла подлѣ брата и, взявъ его за руку, съ сильнымъ волненіемъ и безпокойствомъ смотрѣла на его осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо.

— Муся... не мучь меня!.. — простоналъ онъ, закрывъ лицо руками; но, какъ бы опомнившись, онъ порывисто привлекъ къ себѣ встревоженную сестру и заговорилъ съ ней быстро, съ напускной веселостью, но все же избѣгая ея взгляда:

— Ну, Мусикъ, передай же письмо Идѣ Борисовнѣ и скажи ей и... Ксении Владиміровнѣ, что я прошу позволенія быть у нихъ въ Артиховеѣ!.. Поѣзжай, Мусикъ, съ ними, а н... заѣду за тобой... А теперь... живо готовь, дорогая, вмѣстѣ съ теткой все, что мнѣ нужно въ путь-дорогу!.. Будь, какъ всегда, молодцомъ

и не воображай никаких ужасов!.. Не беспокойся, Муся... Ну, живо за работу!.. Книги, конечно, я всё уже самъ собралъ, а ты съ тетей похлопочи тамъ... насчетъ разнаго тряпья...

Валеріанъ Романовичъ горячо поцѣловалъ сестру и торопливо, вмѣстѣ съ Мусей, понесъ какія-то вещи въ комнату тетки...

— Это я, Идочка!.. Отворите!.. — съ трудомъ переводя дыханіе отъ скорой ходьбы, громко произнесла Муся, нетерпѣливо надавливая пуговку электрическаго звонка въ передней квартиры Чудновской.

Вмѣсто Иды Борисовны, ее встрѣтила Ксенія Владиміровна, съ блѣднымъ, вытянутымъ лицомъ, и, приложивъ палецъ ко рту, молча указала на спящую дѣвушку.

— Должно быть, только недавно уснула!.. — тихимъ шопотомъ сказала Чудновская: — потому что на разсвѣтѣ, когда я проснулась, сидѣла вотъ здѣсь... у окна и... плакала... Еле-еле я уговорила ее лечь въ кровать...

Муся тихо, съ серьезнымъ и встревоженнымъ лицомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, пристально всматриваясь въ блѣдное лицо Иды Борисовны, и чуть слышно спросила:

— Что съ ней?.. Ужъ не больна ли?..

— Нѣтъ, но... очень много вчера... волновалась... Отъѣздъ Валеріана Романовича... и прочее... Вѣдь она такая воспримчивая... впечатлительная! Такъ все близко принимаетъ къ сердцу!..

Едва замолчала Чудновская, какъ Ида Борисовна, спавшая некрѣпкимъ, тревожнымъ сномъ, протяжно застонала и открыла глаза.

Въ комнатѣ было очень тихо и мрачно, такъ какъ солнце все еще пряталось за густымъ туманомъ. Молодая дѣвушка медленно приподнялась съ постели и усталымъ, недоумѣвающимъ взоромъ осмотрѣлась кругомъ.

— Муся... вы?.. здѣсь?.. — произнесла она дрогнувшимъ голосомъ, и неопредѣленная улыбка скользнула по ея поблѣднившему, измѣнившемуся лицу.

— Милая Идочка, да, я! Я здѣсь, съ вами!.. — радостно заговорила Муся, обнимая дѣвушку.

— А... Валеріанъ Романовичъ... гдѣ онъ?.. Уѣхалъ?.. — медленно, точно что-то припоминая и взвѣшивая, спросила Ида Борисовна.

— Да, Идочка, уѣхалъ, но... не надолго... — какъ бы поперхнувшись, сказала Муся; а затѣмъ, не давая ей очнуться, точно кто безпощадно торопилъ ее, быстро, оживленно заговорила:

— Я еще вчера такъ рвалась къ вамъ! — но весь день помогала Валерѣ укладывать его вещи, или такъ безъ толку суети-

лась... и такъ я устала, что еле-еле дотянула до вечера!.. Просто, съ ногъ валилась!.. Валера вчера же уѣхалъ въ Петербургъ... Затѣмъ, пришла Магдалина Алексѣевна... Я нахожу, что она здѣсь, въ Кисловодскѣ, очень поправилась, поздоровѣла... Вчера она была такая веселая, играла съ тетей моей въ дурачки и съ такимъ комичнымъ азартомъ, что даже папу развеселила... А затѣмъ, когда я проводила Валеру на вокзалъ, къ намъ явился раздуженный Жоржъ и... началъ, по обыкновенію, развлекать меня какими-то невозможно-скучными каламбурами... Но, видя, что меня совсѣмъ не интересуютъ эти каламбуры, и я почти его не слушаю — разобидѣлся и ушелъ отъ насъ очень надутымъ!.. Дина и Польша... тоже забѣгали къ намъ... Кажется, эта парочка очень влюблена другъ въ друга! Жаль только, что оба они—вѣдоросли... Да и скоро они должны уѣхать отсюда... Впрочемъ, вѣдь они оба живутъ въ Петербургѣ... значитъ, если захотятъ,—могутъ и тамъ видѣться... Еще забыла!.. Жоржъ очень досадовалъ, что вы его вмѣстѣ съ Рисковцомъ вчера не приняли... Онъ спрашивалъ: здоровы ли вы и Ксенія Владиміровна?.. Рисковецъ, кажется, приходилъ прощаться съ вами, потому что вчера же уѣхалъ изъ Кисловодска...

Муся совсѣмъ устала отъ своей собственной болтовни и, тревожно поглядывая на неподвижно лежащую, съ апатично-застывшимъ лицомъ, Иду Борисовну, ломала голову, когда же, наконецъ, наступитъ удобный моментъ вручить ей письмо и заговорить о своей поѣздкѣ въ Артиховку, вмѣстѣ съ ними...

...„А, Господи, да о чемъ же еще ей разсказать?!.. — думала Муся:—это все, о чемъ я ей говорила, совершенно не интересуетъ и не развлекаетъ Идочку... Можетъ быть, будетъ пріятнѣе заговорить съ ней прямо объ одномъ Валерѣ и отдать его письмо... А что, если это письмо встревожитъ ее еще больше вчерашняго?.. Если она... заболѣетъ?.. Можетъ быть, Валера пишетъ ей что-нибудь очень, очень непріятное... Онъ такъ вѣдь неопредѣленно и странно отвѣчалъ ей, при прощаніи на вокзалѣ, на всѣ ея вопросы... Говорилъ, напримѣръ, что еще и самъ не знаетъ, когда онъ прійдетъ въ Артиховку... что, можетъ быть, и совсѣмъ не прійдетъ... Затѣмъ, подумавъ, сказалъ очень грустно, что онъ предполагаетъ, что его могутъ и не принять въ Артиховкѣ... „Всего можно ожидать!..“ И много еще онъ говорилъ въ этомъ родѣ...”

...Господи, а Идочка все молчитъ!.. Даже ни разу не посмотрѣла въ ея сторону... Хотя бы выручила Ксенія Владиміровна... но она—сама такая растерянная, озабоченная... измученная. А

вѣдь нужно же, нужно непременно передать письмо!.. Ну, пусть будетъ, что будетъ!.. Довольно малодушничать и ждать чего-то, какого-то „удобнаго случая“...

И Муся, точно теперь только вспомнивъ о порученіи брата, быстро порылась въ карманѣ, вынула оттуда небольшое письмо и, торопливо, но рѣшительно отдавая его Идѣ Борисовнѣ, весело сказала:

— Ахъ, да, Идочка, я и забыла!.. Вотъ вамъ письмо... отъ Валеры...

Ида Борисовна поблѣднѣла еще больше прежняго и медленно стала распечатывать конвертъ, точно боялась, что въ немъ для нея приготовлено что-то очень непріятное и безповоротно-рѣшающее... Она даже на мгновеніе закрыла глаза и, сжавъ крѣпко маленький листокъ бумаги въ рукѣ, откинула на подушку голову и въ глубокой задумчивости смотрѣла въ окно, черезъ которое виднѣлись блгушія темныя тучи...

Такъ же медленно, не торопясь, она развернула письмо, погладила его съ глубокимъ вздохомъ рукой и стала тихо читать...

Чудновская, все время слѣдившая за Идой Борисовной съ затаеннымъ страхомъ, стояла теперь у ея изголовья и не спускала глазъ съ ея взволнованнаго лица...

— Тетя, читай... Громко прочти!...—вдругъ долетѣлъ до ея слуха тихій голосъ молодой дѣвушки, въ которомъ слышались ей какъ будто отрадныя нотки...

И дѣйствительно, Ида Борисовна немного повеселѣла и, вслушиваясь въ дрожащій голосъ Ксеніи Владиміровны, радостно ловила каждое дорогое для нея слово, закрывъ лицо руками, точно желала, чтобы внѣшнія впечатлѣнія не мѣшали ей всецѣло отдаться счастливому моменту...

„Тяжело мнѣ уѣзжать, Ида Борисовна, не повидавшись съ вами еще хотя нѣсколько минутъ...—читала, задыхаясь, Чудновская:—но теперь я такъ разстроена, что не могу... быть у васъ... А такъ бы хотѣлъ, передъ отъѣздомъ, еще хоть разъ взглянуть въ ваши глубокіе добрые глаза!.. Простите меня, Идочка, и разрѣшите пріѣхать въ Артиховку!.. Изъ Петербурга буду писать вамъ много и откровенно обо всемъ, что вы только пожелаете знать... Мой отецъ далъ мнѣ слово, что отпустить Мусю въ Артиховку... Просите добрую Ксенію Владиміровну принять ее... Это меня много поддержитъ нравственно и дастъ мнѣ надежду на что-то лучшее... для меня лично... Дорогая!—позвольте мнѣ такъ назвать васъ!—поймите меня—и простите... В. Прямовъ“.

Чудновская замолчала, а Ида Борисовна все еще лежала неподвижно, съ застывшей улыбкой на прекрасномъ блѣдномъ лицѣ, и задумчиво смотрѣла въ окно, откуда видѣлся темный, мрачный горизонтъ, озаренный едва пробивающимся сквозь тяжелья тучи первыми привѣтливими лучами солнца...

И казалось теперь молодой дѣвушкѣ, что эти чудные первые лучи — были предвѣстниками ея собственнаго свѣтлаго будущаго счастья...

Между тѣмъ, время приближалось къ отъѣзду Чудновской, Иды Борисовны и Муси изъ Кисловодска.

Ксенія Владиміровна давно уже чувствовала, какъ она утомлена курортной жизнью; особенно въ послѣднее время ей очень безпокойно жилось, благодаря постоянному волненію Иды Борисовны... И ее съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе тянуло въ Артиховку, тѣмъ болѣе, что Лидія Степановна, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ, призывала ее уже къ ихъ „общему дѣлу“...

Чудновская теперь рѣдко принимала участіе въ прогулкахъ по окрестностямъ, а больше просиживала въ паркѣ одна, или вмѣстѣ съ Магдалиной Алексѣевной.

Часто въ прогулкахъ по парку ей составлялъ компанію Клеоникъ Ивановичъ, все еще не рѣшающійся никакъ разстаться съ „Нарзанчикомъ“.

— Ото, знаете, Ксенія Владиміровна, — говорилъ онъ ей чуть не каждый день: — завтра уже я съ Полеми поиду къ своимъ пчелкамъ, а то я даже прокутився!.. Право!.. Какъ посчиталъ свои грѣши, то дай Богъ, чтобы осталась хотя бы „красненькая“ въ дорогѣ „на мелкіе расходы“... Когда я ѣхалъ на Кавказъ, то на всѣхъ вокзалахъ, особенно въ Таганрогѣ, покупалъ то икру, то осетринку... А теперь даже въ Таганрогѣ — не высуну носа изъ вагона!.. Развѣ подлѣ буфета третьяго класса увижу торговку съ жареной рыбой, то куплю себѣ и Полю судачокъ на пятнадцать копѣекъ, да гарбузикъ за пятачокъ — и только!.. А то иначе и не дойдемъ до хутора, ей Богу!..

— Отчего же вы, Клеоникъ Ивановичъ, такъ неэкономны въ своихъ расходахъ? — смѣясь, спросила Чудновская.

— Къ чему мнѣ экономничать?.. Развѣ я свои грѣши оставляю за границей, у нѣмцевъ, что-ли?.. Все равно, когда-нибудь опять вернутся мои грѣши, да въ мой же карманъ, потому отдавъ я ихъ своимъ, въ Россіи же! Вотъ что, Ксенія Владиміровна!.. Да еслибы и не вернулись назадъ мои гроши... то

и то мнѣ не жалко!.. Ужъ очень мнѣ понравился „Нарзанчикъ“ и „Чортово око“!..

— Какое „чортово око“? — удивилась Чудновская.

— А „Кольцо-гора“, забыли?.. Помните, когда въ это „кольцо“ при заходѣ заглянуло солнышко и остановилось... въ горѣ?.. Ну, совсѣмъ, какъ посмотрѣлъ я на ту гору — око, да и только!.. Такое красное, большое, да страшное, что даже я испугался и крикнулъ такъ, что всѣ совы проснулись, а летучія мыши такъ и запищали!.. Ну, совсѣмъ — „чортово око“!.. Волшебна, поразительно-красива эта „Кольцо-гора“ въ самый часъ захода солнца!..

Иногда Ксенія Владиміровна такъ бывала занята своими мыслями, что даже не слушала болтовни добродушнаго Клеоника Ивановича и ничего ему не отвѣчала... Тогда онъ сразу умолкалъ и тихонько, безъ всякой обиды и злобы, уходилъ къ своему любимому „Нарзанчику“...

Ида Борисовна, съ Мусей и Жоржемъ, какъ бы прощаясь съ Кисловодскомъ, каждый день предпринимали прогулки по его окрестностямъ. И это зачастую отвлекало молодую дѣвушку отъ ея безпокойныхъ мыслей о ея будущей жизни. Она теперь снова имѣла бодрый и здоровый видъ, но прежней веселости въ ней уже не было; озабоченное, вдумчиво-сосредоточенное выраженіе лица — незамѣтно преобразило ее изъ безпечнаго ребенка въ солидно-серьезную женщину...

Отъ Валеріана Романовича теперь она очень часто получала письма, посвѣщая характеръ искренней исповѣди въ его прошломъ... Но эти письма ее и радовали, и безпокойли, и часто подымали въ ея душѣ цѣлую бурю... ревности и острой обиды... Подчасъ, въ минуту тоскливыхъ размышленій, Ида Борисовна безконечно жалѣла молодую дѣвушку, труженицу, простенькую, забитую, какой Валеріанъ Романовичъ рисовалъ умершую мать своего ребенка въ своихъ письмахъ, — но искренно-любившую и страдавшую „отъ горькой женской доли“...

И тогда назойливые вопросы не давали ей покоя... За что такъ мучилась эта бѣдная, робкая дѣвушка?.. Зачѣмъ полюбила челоѣка, не подходившаго къ ней ни по положенію, ни по уму и развитію, ни по происхожденію?.. Она — благоговѣла передъ нимъ, своимъ властелиномъ, любила его безкорыстно, отдавалась безъ расчета, безъ размышленія... И что же получила она въ награду за все это?.. Онъ не могъ за „глубокое чувство“ поуграмотной, недалекой дикарки-Дуни, не понимавшей и даже подчасъ боявшейся его, какъ своего господина, платить такимъ же „глубокимъ чувствомъ“... Не могъ назвать ее „своей женой“

даже и послѣ рожденія сына... Онъ — „какъ это ни гадко, ни пошло“ — смотрѣлъ на нее, на эту неразвитую, забитую женщину и на связь съ нею — какъ на что-то... неизбежное, необходимое, но внушающее ему иногда даже гадливость...

Между тѣмъ сынъ его подрасталъ... Онъ привязывался къ нему всей душой...

Тогда, мало-по-малу, мысли его стали принимать другой оборотъ... Онъ часто сталъ призадумываться надъ дальнѣйшей судьбой Дуни, надъ ея развитіемъ... Мучился ея крайней неспособностью ко всему, что могло бы хотя немного приблизить ее къ нему и преобразить въ болѣе или менѣе „приличную и достойную подругу жизни“...

А здѣсь... встрѣча въ Желѣзноводскѣ... съ ней, съ Идой Борисовной...

И съ каждымъ днемъ обстоятельства принимали другой оборотъ, мысли о Дуни отодвигались куда-то далеко... а чувства къ молодой дѣвушкѣ, умной, прекрасной и милой, — крѣпли замѣтно и усложняли его душевные муки...

Что будетъ съ его сыномъ, если онъ оставитъ его, ради Иды Борисовны, когда его собственная жизнь улыбнется ему?.. Или... что будетъ съ Дуней, если онъ, разставшись съ ней навсегда, возьметъ къ себѣ сына и усыновитъ его?..

И подобные мучительные вопросы всегда оставались безъ отвѣта... На что онъ рѣшится?.. Чего достигнетъ?.. Онъ самъ не зналъ, что будетъ съ нимъ!

И вотъ неожиданная смерть Дуни разрѣшила сразу одну часть этихъ мучительныхъ вопросовъ... А другая, новая, очень сложная и теперь самая главная — осталась неразрѣшенной: простить ли ему Ида Борисовна его увлеченіе Дуней, примирится ли когда-нибудь съ этимъ скорбнымъ фактомъ и захочетъ ли стать его женой?.. Захочетъ ли, дѣля съ нимъ его „радости и печали“, назвать его сына — своимъ?.. Захочетъ ли замѣнить ему навсегда... любящую мать?..

Всѣ эти вопросы, задаваемые Валеріаномъ Романовичемъ въ каждомъ письмѣ къ Идѣ Борисовнѣ, мучили ее несказанно... И она всегда, долго просиживая надъ бѣлымъ, чистымъ листочкомъ почтовой бумаги, отвѣчала ему одной и той же неизмѣнной фразой: „Подождите, Валеріанъ Романовичъ... Дайте мнѣ вдуматься въ самое себя и взвѣсить, на что я способна... Что я могу дать вамъ и вашему сыну“...

Юлія Левицкая-Пащенко.

ИЗЪ ПЕРЕЖИТОГО

Окончаніе.

II.—Сибирь *).

Тобольская администрація, или, точнѣе, часть ея, прикосновенная къ ссылке, находилась въ то время (1862 г.) въ довольно непріятномъ, опасливомъ настроеніи. Зимой былъ провезенъ черезъ Тобольскъ Михайловъ, литераторъ, извѣстный тогда всей Россіи, беллетристъ, поэтъ, передовой борецъ за эмансипацію женщинъ, — и тобольское общество отнеслось къ нему съ сочувствіемъ, подъ вліяніемъ котораго мѣстныя власти допустили разныя поправки. Въ Петербургѣ это не понравилось; послѣдовалъ запросъ; заговорили о предстоящемъ разслѣдованіи. Въ этихъ обстоятельствахъ мой невольный пріѣздъ былъ въ высшей степени досаденъ. Какъ быть? Лично я не имѣлъ никакихъ правъ на вниманіе; но нѣкоторый шумъ вокругъ имени былъ; престижъ званія „политическаго ссыльнаго“, или даже того важнѣе — „государственнаго преступника“, все еще поддерживался; студенческихъ избіеній Россія еще не знала; охотнорядцы, положившіе имъ починъ, еще только нарождались или бѣжали безъ штановъ; порода людей, натасканныхъ на перегрызаніи горла, еще не возникала, и молодечествомъ въ подвигахъ этого рода еще не хвастались въ семейномъ кругу и не очаровывали барышень лучшаго общества. Вообще, совсѣмъ другое было время, и разрѣшеніе вопроса представлялось въ данныхъ обстоятельствахъ затруднительнымъ. Рецидивъ поправокъ былъ, конечно, страшенъ; но могли не похвалить и за излишнюю суровость. Реакція очевидна; но

*) См. выше: май, стр. 122.

кто ее знаетъ, не остановится ли? Не для реакціи же поѣхалъ въ Польшу ближайшій совѣтникъ и другъ государя, и великая княгиня одѣвается въ польскіе цвѣта.

Подъ вліяніемъ этихъ противорѣчивыхъ вѣяній меня продержали въ тобольскомъ острогѣ до поздней осени, по-сибирски можно даже сказать—до зимы; тогда какъ гораздо проще было тотчасъ сбыть съ рукъ и переотправить.

Меня помѣстили въ маленькомъ одноэтажномъ флигелѣ для привилегированныхъ, гдѣ было, кажется, всего 6—8 комнатокъ въ одно окно. Спали по-двое, на койкахъ первобытнаго устройства. Флигель выходилъ на дворикъ, гдѣ позволялось гулять. Противъ флигеля была стѣна, а поперечная сторона замыкалась амбаромъ, откуда бабамъ-арестанткамъ производилась какая-то выдача, такъ что ихъ тутъ мимо меня проходило довольно много. Никакихъ инцидентовъ, перебранокъ, расправъ, циническихъ выходовъ при этомъ на моемъ виду не случилось.

Обстоятельства моей жизни въ Тобольскѣ сохранились въ моей памяти чрезвычайно неравномѣрно. Безслѣдно исчезло многое, чтѣ, казалось бы, нельзя забыть. Свои кандалы подъ койкой помню, но не помню, какъ расковывали,—былъ ли въ кандалахъ, когда повели въ экспедицію о ссыльныхъ; былъ ли вновь закованъ, когда повезли въ Иркутскъ. Не помню совершенно, какъ продовольствовался, получалъ ли казенную ѣду, и какую именно, или разрѣшено было покупать свою, и кто ее приносилъ. Не помню, какъ получалъ и отправлялъ письма, которыя тогда имѣли для меня огромное значеніе, ожидались страстно и писались въ очень возбужденномъ состояніи. Съ большимъ трудомъ возстановилась въ памяти фигура смотрителя, который не принималъ со мной начальственнаго тона и рѣдко къ намъ показывался.

Отчетливо помню двухъ послѣдовательныхъ моихъ сожителей, которые отчасти мнѣ прислуживали. Первый былъ какой-то странный проходимецъ польскаго происхожденія, блондинъ, который иногда облакался въ чекмень желтаго цвѣта. По внѣшнимъ примѣтамъ онъ могъ казаться сожителемъ не безопаснымъ, нечистымъ на руку, опытнымъ въ шантажѣ; но мнѣ онъ не нанесъ никакого ущерба, былъ всегда веселъ, охотно факторствовалъ за скромное вознагражденіе, которое принималъ съ шляхетскимъ достоинствомъ, какъ вещь въ сущности совершенно ненужную. Потомъ его перевели въ другую комнату, а со мной помѣстили молодого скопца, съ красивымъ, благороднымъ лицомъ, умнаго, чиннаго, очень благочестиваго. Онъ былъ изъ сѣверныхъ губерній, оскотленъ уже въ юношескомъ возрастѣ, чтѣ,

конечно, было возмутительнымъ злодѣяніемъ. Въ немъ уже сказывались признаки перерожденія существа: лицо стало нѣжнѣе, волосы шелковистѣе, тазъ шире, походка не мужская. Но голосъ не измѣнился, и онъ очень хорошо говорилъ. Онъ ходилъ постоянно въ халатѣ изъ грубаго сукна, можетъ быть и въ арестантскомъ, только я не помню—туза. По вечерамъ мы иногда дружески разговаривали, и онъ относился ко мнѣ довѣрчиво.

Посѣтителей ко мнѣ являлось немного,—но человѣкъ десять, вѣроятно, было. Хорошее впечатлѣніе произвелъ докторъ Соколовъ, которому я обязанъ разными льготами и, между прочимъ, разрѣшеніемъ ходить гулять въ садъ, устроенный вокругъ памятника Ермака, въ сопровожденіи переодѣтаго жандарма. Затѣмъ я, можно сказать, подружился съ однимъ изъ караульныхъ офицеровъ, поручикомъ линейнаго батальона Каргопольцевымъ, который прямо полюбилъ меня и велъ со мной большіе разговоры. Очень внимательна ко мнѣ была дочь жандармскаго полковника Колина, замужемъ за докторомъ А. Въ первое время она появлялась довольно часто, то одна, то съ мужемъ; и хотя она была дама очень милая и добрая, но я долженъ сказать, что эти посѣщенія меня утомляли, вслѣдствіе необходимости быть на-сторожѣ и вслѣдствіе страха подать поводъ къ злостнымъ провинціальнымъ сплетнямъ. Еще болѣе тяготили меня, конечно, другіе посѣтители, такъ что я былъ радъ, когда пошли слухи о негодующемъ отношеніи начальства къ этимъ знакамъ вниманія, и меня почти совсѣмъ перестали посѣщать. Жандармскій полковникъ былъ у меня только однажды—и не въ самые первые дни, а вѣроятно по полученіи должныхъ указаній. Это былъ тишъ, всецѣло принадлежавшій прошлому. Такихъ людей нѣтъ больше. Ему было подъ-восемьдесятъ; но онъ все еще бодрился, носилъ корсетъ, красился, фабрился и руманился, какъ гр. В. Ф. Адлербергъ, о которомъ теперь, конечно, никто не помнитъ. Въ тѣ дни жандармамъ было предоставлено, въ видахъ менѣе замѣтнаго обращенія въ публикѣ, носить внѣ службы общекавалерійскую форму съ краснымъ воротникомъ и золотымъ прикладомъ. Въ этомъ видѣ полковникъ ко мнѣ и явился, въ парадной формѣ, завитой, раздушенный, блистательный. Въ тѣлодвиженіяхъ—живость поразительная: онъ, какъ вихрь, ворвался ко мнѣ, гремя саблей и шпорами, и порывисто меня обнялъ. Я былъ подготовленъ къ его внѣшности, но, признаюсь, онъ превзошелъ ожиданія. Серьезныхъ практическихъ результатовъ это эффектное свиданіе, къ сожалѣнію, не имѣло; но въ мелочахъ, немаловажныхъ для жизни, протекція, безъ сомнѣнія, сказалась, и жандармы,

съ которыми на пути въ Иркутскъ я дѣлился провизіей и двумя бутылками, полученными отъ полковницкой дочки, конечно чувствовали, что надо мной простерта властная рука, и вели себя соответственно.

Еще болѣе существенную услугу оказала мнѣ добрая полковницкая дочка по части дорожнаго моего снаряженія. Теплаго платья я не имѣлъ никакого, а деньги были очень небольшія; ѣхать же предстояло въ восточную Сибирь въ концѣ октября, т. е. въ такое время, когда морозы въ 10 — 20° считаются нормальными и пурги бывають жестоки. И вотъ, въ виду этихъ обстоятельствъ, сооружена была, по мысли и при дѣятельномъ участіи любезной докторши, шуба изъ заячьего мѣха, крытая темнозеленымъ сукномъ, подшитая легкимъ шолкомъ, съ большимъ воротникомъ длинношерстныхъ овчинъ. Къ сему—валенки, шапка и собственнаго вязанія длинный пестрый шарфъ. Благодаренъ за это снаряженіе тѣмъ болѣе, что собственнымъ умомъ едва-ли пошелъ бы дальше вонючаго, тяжелаго и вовсе не теплаго тулупа, который я потомъ бросилъ бы за безцѣнокъ, тогда какъ изъ верха и подкладки шубы я спилъ себѣ въ послѣдствіи нѣчто вродѣ подрясника, который и былъ моею домашней одеждою въ теченіе многихъ лѣтъ.

Не помню, гдѣ шили шубу, въ острогѣ или внѣ онаго; но несомнѣнно, что я неоднократно имѣлъ сношенія съ арестантомъ-портнымъ Мошкой, типичнымъ малорослымъ рыжимъ жидомъ, въ страшныхъ веснушкахъ, замѣчательно безобразнымъ, но умнымъ, съ несомнѣнно живою человѣческой душою. Я видѣлъ его въ минуту глубокаго возмущенія, послѣ нанесенной ему обиды. Онъ былъ страшенъ и въ изступленіи своихъ чувствъ повторилъ передо мной библейскій жестъ, схватился обѣими руками за воротникъ своей грязной сарпиневой рубахи и разорвалъ ее на себѣ. „И ятса Давидъ за ризы своя, и раздра я“...

Всего болѣе для меня интереснымъ было свиданіе съ Шелгуновыми, которые ѣхали на Нерчинскіе заводы для свиданія съ Михайловымъ. Они оба — и, конечно, въ особенности Любовь Петровна — отнеслись ко мнѣ самымъ дружескимъ образомъ, хотя ранѣе никогда меня не видали, и настояли на томъ, чтобы снабдить меня деньгами, говоря, что современемъ получатъ ихъ отъ сестры.

Продолжительность совершенно безцѣльной задержки моею въ Тобольскѣ, съ начала лѣта до поздней осени, можетъ быть объяснена, мнѣ кажется, единственно неопредѣленностью тогдашняго положенія вещей. Начальникъ экспедиціи о ссыльных Фри-

зель (впослѣдствіи томскій вице-губернаторъ, а еще позднѣе управляющій золотыми промыслами Хатимскаго) сказалъ мнѣ съ самаго начала, что меня въ западной Сибири не оставятъ, но, повидимому, далъ ходъ моему ходатайству и не вдругъ получилъ отвѣтъ, или самостоятельно нашелъ возможнымъ не спѣшить этимъ дѣломъ.

Въ умственномъ отношеніи пребываніе въ тобольскомъ острогѣ было главнымъ образомъ посвящено чтенію Шекспира и усовершенствованію въ англійскомъ языкѣ. Въ русскихъ и въ особенностяхъ во французскихъ переводахъ Шекспиръ не производилъ на меня глубокаго впечатлѣнія; а тутъ я былъ прямо восхищенъ, очарованъ...

Много чудныхъ часовъ провелъ я въ тобольскомъ острогѣ въ радостномъ, вдохновляющемъ общеніи съ образами Шекспировскаго міра — всего больше по вечерамъ, конечно, когда острожная жизнь затихала и сѣвозъ завываніе осенняго вѣтра и шумъ дождя изрѣдка доносились лишь далекіе оклики часовыхъ. Все мучительное и тягостное забывалось, тюремный сводъ исчезалъ, душа горѣла и умилялась, и надъ жалкимъ узникомъ стояли разверстыя небеса. Рано пошлѣють и тупѣють тѣ, кто въ молодые годы не зналъ подобныхъ чтеній. Только ихъ благодатной силой я и живъ до сихъ поръ.

Въ концѣ октября, сомнѣнія экспедиціи о ссыльныхъ, или жандармскаго управленія, относительно меня разсѣялись, и меня переотправили въ восточную Сибирь. Выѣхалъ я подъ вечеръ, такъ что уже совсѣмъ въ темнотѣ простился съ явившейся проводить меня полковницкой дочкой, г-жей А.

Выраженія сочувствія Михайлову и мнѣ не прошли безнаказанно для тобольской администраціи. По предварительномъ истязаніи запросами и волокитой, былъ присланъ въ Тобольскъ генералъ-адъютантъ Сколковъ, и по его докладу виновные подверглись општрафованію, — кажется, не весьма жестокому. Въ числѣ прочихъ нѣсколько пострадалъ и докторъ Соколовъ. Читатель уже знаетъ, что я лично не желалъ оказанныхъ мнѣ знаковъ вниманія, тяготился ими, и непріятная развязка тобольской исторіи окончательно меня убѣдила въ необходимости рѣшительнѣе уклоняться отъ сближенія съ любопытствующими сплетниками и даже съ самимъ начальствомъ. Пострадавъ случайно, вѣтъ всякой соразмѣрности съ заслугой, я твердо рѣшился избѣгать всего, что могло — и непременно должно было — отягчить мою участь и закрыть мнѣ возвратъ въ прежнія условія жизни. Всего пагубнѣе въ этомъ отношеніи были бы, конечно, сношенія съ другими по-

литическими ссыльными; но я ѣхалъ первымъ, и мнѣ почти не пришлось съ ними встрѣчаться. Въ Тобольскѣ ко мнѣ заходилъ побесѣдовать разжалованный поручикъ Каплинскій, едва-ли не первый изъ сосланныхъ изъ Царства Польскаго, стройный, щеголеватый молодой человекъ, блондинъ съ волнистыми волосами, который пошелъ въ походъ изъ Тобольска въ прежнемъ кепи, башлыкѣ, буркѣ и красивыхъ тѣсныхъ сапогахъ. А холода приближались. Впослѣдствіи, въ Петровскомъ заводѣ, когда пригнали туда поляковъ, я жилъ на свободѣ, а они содержались въ реставрированномъ для нихъ острогѣ декабристовъ, откуда выходили только партіями, подъ конвоемъ, на умѣренные работы, главнымъ образомъ, на битье щепенки. Письменнымъ путемъ мнѣ дважды выражено было сочувствіе, и я отвѣчалъ также теплымъ выраженіемъ сочувствія; но прибавилъ, что сношенія такого рода не считаю полезными, и просилъ меня извинить. Я не нуждался ни въ чьемъ сочувствіи, и своему доброжелательству не придавалъ никакой цѣны. Позднѣе, въ Иркутскѣ, для меня стала обязательна сугубая осторожность, такъ какъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ былъ мой близкій родственникъ, и я все время пребывалъ въ кругу его ближайшаго воздѣйствія.

На пути изъ Тобольска въ Иркутскъ, я встрѣчался на станціяхъ съ нервнымъ молодымъ человекомъ, который производилъ довольно странное впечатлѣніе. Онъ называлъ себя студентомъ, пострадавшимъ, обиженнымъ богатыми родственниками—все это несвязно и невѣроподобно. Тѣмъ не менѣе, онъ, очевидно, имѣлъ въ Томскѣ кое-какія связи, такъ какъ выхлопоталъ мнѣ позволеніе провести въ Томскѣ ночь на чьей-то частной квартирѣ—по всей вѣроятности, подвѣдомственной жандармскому управленію. Я никакого мундирнаго человека не видалъ; но вѣрно то, что когда молодой человекъ вернулся изъ города на почтовую станцію, гдѣ просилъ насъ подождать его, то мои жандармы согласились перевезти меня на сказанную квартиру, гдѣ мнѣ предоставлены были разныя желательныя путнику льготы. Съ разсвѣтомъ мы продолжали путь.

Всего болѣе тягостное впечатлѣніе на этомъ пути производить, конечно, арестантскіе этапы, за стѣнами которыхъ совершается столько ужасовъ, и партіи арестантовъ, въ кандалахъ и прикованныхъ къ пруту, въ безобразномъ рубищѣ, скрюченныхъ морозомъ, а сзади—повозки съ несчастными женщинами и дѣтьми. Обгоняешь, видишь ихъ недолго; но лязгъ цѣпей упорно стоитъ въ ушахъ и не скоро исчезаетъ.

Мы приѣхали въ Иркутскъ 11-го ноября (1862 г.),—кажется,

въ воскресенье, часу въ одиннадцатомъ утра. Повезли меня въ губернатору; но на пути встрѣтился жандармскій полковникъ, въ саночкахъ, запряженныхъ бойкой рыжей лошадкой. Онъ тотчасъ остановилъ свою команду, мы всѣ вышли изъ саней, онъ поздоровался, поговорилъ немного и отпустилъ насъ. У губернатора Щербатскаго мы постояли въ прихожей, или въ пріемной вродѣ прихожей; губернаторъ полюбопытствовалъ, взглянулъ на насъ, и мы прослѣдовали въ острогъ, гдѣ меня помѣстили въ камерѣ довольно большой, высокой, но весьма грязной и мрачной, съ маленькимъ рѣшетчатымъ отверстіемъ подъ самымъ потолкомъ, которое придавало моей темницѣ весьма оперный характеръ. Здѣсь меня въ тотъ же день посѣтило нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ казачій офицеръ Станюковичъ, — кажется, сынъ адмирала. Вечеромъ пріѣхалъ жандармскій полковникъ, сидѣлъ довольно долго, бесѣдовалъ по родственному и привезъ мнѣ чаю.

Не помню, сколько времени я просидѣлъ въ оперной темницѣ; вѣроятно, не болѣе двухъ-трехъ дней; но настроеніе духа было самое тоскливое. Потомъ я переѣхалъ на квартиру къ полковнику и вскорѣ былъ переправленъ на Александровскій винокуренный заводъ, верстахъ въ 50-ти отъ Иркутска. Тамъ я жилъ на квартирѣ у состоятельнаго крестьянина, занималъ отдѣльную избу и ходилъ заниматься въ заводскую канцелярію. Начальникомъ завода былъ совсѣмъ дряхлый старикъ, съ бѣлой головой и чрезвычайно глубокими морщинами, и жилъ онъ на покое, а всѣмъ дѣломъ заправлялъ чиновникъ по найму, бурятъ Денисъ Васильевичъ Гантимуровъ, отлично говорившій по-русски, умный и пріятный въ обхожденіи. Онъ отнесся ко мнѣ очень сочувственно, бывалъ у меня, приглашалъ къ себѣ обѣдать вдвоемъ, привозилъ фляги чудной воды съ привкусомъ вишневыхъ косточекъ. За все сіе онъ былъ въ послѣдствіи вознагражденъ, ибо лѣтъ черезъ двадцать-пять вполне неожиданно явился — очень мало постарѣвшій — ко мнѣ въ Петербургъ, и благодаря содѣйствію Плена (вице-директора д-та неокладныхъ сборовъ) мнѣ удалось устроить ему какой-то зачетъ, обезпечившій ему пенсіонныя права, безъ сомнѣнія вполне имъ заслуженныя. И по обѣденной части я также съ нимъ разсчитался.

Съ крестьянской семьей, въ которой я пристроился, я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Хозяйка кормила меня сытно; прислуживали племянницы, Надежда и Параня; былъ подростокъ-воспитанникъ, женившійся въ послѣдствіи на Паранькѣ; у племянницъ — подруги. Иногда эта компанія собиралась по вечерамъ у меня; затѣвались пѣсни, игры. Всего больше веселья было,

конечно, на святахъ и на масленицѣ, когда всѣ, старъ и младъ, предавались съ увлеченіемъ главному своему удовольствію, катанію по улицамъ. Выѣзжалъ кто только могъ и на чемъ могъ, но при малѣйшей возможности выѣзжалъ непременно. Себѣ я, однако, ни разу не позволилъ участвовать въ этихъ катаніяхъ и ограничивалъ публичную свою жизнь ежедневными пѣшими прогулками.

Тѣневую сторону существованія заводскихъ дѣвицъ составляло отбываніе ежедневной, весьма тягостной повинности: утромъ, до разсвѣта, и вечеромъ въ самую темень должно было запрячь бочку и ѣхать на заводъ за бардой въ кормъ скоту. Въ жестокую стужу, замотанная въ грязное тряпье, садилась дѣвушка на бочку въ позѣ египетскаго божества и ѣхала въ толпу такихъ же бочекъ, пререкалась и переругивалась тамъ достаточное время и затѣмъ, наполнивъ бочку, отвозила ее домой, послѣ чего стремительно врвалась въ избу, отогрѣться.

Въ Александровскомъ заводѣ жилъ въ то время Владиміръ Федосѣевичъ Раевскій, современникъ декабристовъ и всегда причислявшій себя къ нимъ, — онъ и былъ имъ. О немъ впослѣдствіи много было писано, и я полагаю, что ничего цѣннаго не могу къ этому прибавить. Для меня несомнѣнно, что въ немъ погибла личность, выдающаяся по уму, энергіи и если не поэтическому, то во всякомъ случаѣ стихотворному дарованію; но въ 1862 г. онъ, конечно, былъ уже опустившимся старикомъ, обойденнымъ жизнью, утратившимъ связи, которыя, говорятъ, когда-то были. Путанно, сбивчиво рассказывалъ онъ обстоятельства своей жизни и своихъ отношеній къ людямъ. Не получалось впечатлѣнія достовѣрности и не проявлялось ничего способнаго возбудить симпатію къ личности. Онъ жилъ въ собственномъ, довольно хорошемъ домѣ, держалъ лошадь; но на всемъ лежала печать обидѣнности и въ домашнемъ обиходѣ проглядывала скарденность. Не знаю его отношеній къ винному дѣлу и сохранялись ли они въ прежней значительности, но они еще существовали. Мы видѣлись нѣсколько разъ въ первое время, а потомъ свиданія прекратились, и я не умѣю сказать, почему и какъ это произошло. Небольшого роста, довольно плотный, онъ носилъ коротко остриженные волосы и бакенбарды, быть можетъ нѣсколько подкрашенные, но все еще черные. Русская рѣчь — отличная, своеобразная. Минутами, когда онъ читалъ стихи или рассказывалъ что-нибудь возбуждающее, къ нему возвращалась осанка человека властнаго, безстрашнаго. Стиховъ онъ мнѣ читалъ много, но я помню только двѣ строки о томъ, какъ въ Новѣгородѣ —

„...сокрушали всенародно
Князьямъ кичливымъ рамена“.

Всего интереснѣе были его рассказы о недавнемъ сибирскомъ проконсулѣ Муравьевѣ, о сочиненномъ имъ сибирскомъ сепаратизмѣ, его стремленіи унижить сибиряковъ, не давать имъ ходу, и весь составъ чиновниковъ прислать изъ Россіи. Образчики этого наѣзжаго чиновничества, любимцы Муравьевскіе, Беклемишевъ, Гурьевъ и другіе—оказались, однако, неудачными и возбудили общую къ себѣ ненависть. Дуэль Беклемишева съ Неклюдовымъ—или, какъ тогда говорили, убійство Неклюдова Беклемишевымъ—все еще было вопросомъ дня. Архіерей воздѣлвалъ руки горѣ и съ чувствомъ говорилъ: „Никогда себѣ не прощу, что самъ его не отпѣлъ“. Жандармскій полковникъ гордился тѣмъ, что несъ гробъ. Когда Муравьевъ возвратился въ Иркутскъ и узналъ объ обстоятельствахъ дуэли, онъ сказалъ Беклемишеву: „Ну, братъ, заварилъ ты такую кашу, что, пожалуй, и мнѣ не расхлебать“. И дѣйствительно не расхлебаль...

Не знаю, само ли иркутское начальство, подъ вліяніемъ командировки Сколкова, нашло, что Александровскій заводъ слишкомъ отъ Иркутска близокъ, или пребываніе мое тамъ признали неудобнымъ въ Петербургѣ, но во всякомъ случаѣ, послѣ маіиницы 1863 г., меня перевезли въ Петровскій заводъ. Мнѣ жаль было уѣзжать: я обжился, привыкъ; а главное, меня огорчало увеличеніе разстоянія отъ дома: въ лучшее время года на недѣлю, а въ распутицу—на двѣ недѣли и болѣе.

Многое изъ того, что касается моей личной жизни въ Петровскомъ заводѣ и позднѣе въ Иркутскѣ, уже рассказано мною въ двухъ очеркахъ: „Расчетъ“ и „Прикащикья внучка“, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (апрѣль 1880, іюнь и іюль 1882 г., подъ псевдонимомъ Петра Ветлугина и Ив. Бредихина). Но еще ранѣе, въ 1874 году, тотчасъ по пріѣздѣ въ Одессу, я написалъ „Очерки сибирской жизни“, которые ближайшія мнѣ лица отсоветовали мнѣ тогда отдавать въ печать. Часть рассказаннаго тамъ вошла въ упомянутые два очерка; а остальное я переработалъ въ концѣ 1883 года и послалъ въ „Отечественныя Записки“. Имѣю въ рукахъ записку М. Е. Салтыкова, который съ обычной добротой сообщилъ мнѣ, отъ 12-го декабря, что „Очерки“ будутъ напечатаны, но что онъ не можетъ опредѣлить, когда именно, въ виду большого наводненія матеріала. Напечатать, однако, не пришлось, такъ какъ журналъ былъ вскорѣ закрытъ, а рукопись затерялась, потому что я около этого времени поступилъ на службу по морскому вѣ

домству и не позаботился получить ее обратно. У меня остались лишь неполные черновые листки.—Но возвращаюсь къ разсказу.

Петровскій заводъ, съ большимъ прудомъ и двумя доменными печами, окруженный лѣсистыми холмами, всѣ тропинки которыхъ въ послѣдствіи были исхожены мною, открывается путнику, подъѣзжающему изъ Верхнеудинска, съ пригорка верстахъ въ двухъ или менѣе, и въ ясную погоду, какая была въ то утро, онъ достаточно живописенъ. На противоположномъ выѣздѣ и вправо отъ обывательскихъ строеній привлекаетъ вниманіе высокій потемнѣвшій частоколь острога декабристовъ; а прямо передъ глазами, на высокомъ безлѣсномъ холмѣ выдѣляется на ясномъ небѣ громадный бѣлый крестъ, вытесанный и поставленный руками Лунина, почему и холмъ называется „Луниной горой“.

Меня привезли къ дому начальника завода, горнаго инженера Н. Н. Дубровина, который принялъ меня вполнѣ официально, буркнулъ весьма немногія слова; но на вопросъ мой, что ему угодно будетъ приказать насчетъ моего помѣщенія, отвѣчалъ: „А это уже какъ вамъ самимъ угодно будетъ распорядиться“. Затѣмъ я представился помощнику начальника завода, тоже горному инженеру, А. Н. Таскину, и получилъ отъ него совѣтъ тотчасъ отправиться къ И. И. Горбачевскому, который мнѣ окажетъ всяческое содѣйствіе.

Скажу сразу все касающееся начальства, ибо это все заключается въ томъ единственно, что Н. Н. Дубровинъ держалъ себя относительно меня чрезвычайно умно. Я былъ увѣренъ въ его благосклонности; но во всю бытность мою на заводѣ я ни разу его не видѣлъ иначе, какъ на улицѣ, издали. Въ столярную мастерскую, гдѣ я работалъ, онъ при мнѣ не заходилъ; да, по чистой совѣсти, не на что было тамъ смотрѣть начальнику завода. Таскинъ обходилъ и эту мастерскую, и безмолвно кланялся. Только разъ въ годъ мы съ нимъ встрѣчались неофициально—во время весенняго крестнаго хода къ ветхой часовнѣ на одной изъ горъ. Тутъ мы разговаривали, весьма сдержанно, и пили чай вмѣстѣ съ знакомыми дѣвушками. Съ осени 1863 года, когда острогъ наполнился поляками, начальственный персоналъ дополнился третьимъ лицомъ, комендантомъ, казачьимъ офицеромъ, носившимъ громкую и страшную въ то время на Нерчинскихъ заводахъ фамилію Разгильдѣева. Въ другой обстановкѣ, можетъ быть, и онъ пошелъ бы по слѣдамъ брата; но у насъ онъ не свирѣпствовалъ; а мнѣ, тогда уже заводскому старожилу, съ установившейся репутаціей совершенной корректности,

онъ даже предложилъ, черезъ И. И. Горбачевского, давать ему уроки французскаго языка. Это былъ высокій, сильный брюнетъ съ изжелта-смуглымъ лицомъ монгольскаго типа, хотя и съ волнистыми, чрезвычайно густыми волосами. Онъ занимался старательно, къ урокамъ готовился, и тридцать рублей въ мѣсяцъ платилъ аккуратно. Ни однимъ постороннимъ словомъ мы за уроками не обмолвливались, и встрѣчались менѣе официально опять-таки только разъ въ годъ, во время крестнаго хода.

Съ подвластными коменданту ссыльными поляками я не имѣлъ сношеній. Острогъ декабристовъ я засталъ совершенно пустымъ и уже весьма ветхимъ; но вскорѣ его стали капитально ремонтировать, и затѣмъ онъ быстро наполнился. О размѣщеніи и содержаніи ссыльныхъ ничего не знаю. Во дворѣ былъ разведенъ большой огородъ. Письма доставлялись, конечно, просмотрѣнными комендантомъ. Заводскія дѣвушки не чрезмѣрно строгаго поведения, которыхъ къ нимъ пускали, называли ихъ „секретными“ и любили къ нимъ ходить. Собственныхъ денегъ имъ было позволено выдавать на руки не болѣе 25 р. въ мѣсяцъ. По вечерамъ оттуда часто слышалось хорошее хоровое пѣніе. При возвращеніи моемъ съ прогулки по ближайшимъ горамъ, эти звуки часто заставляли меня останавливаться и слушать. Иногда ссыльные пѣли пѣсни, отправляясь на работу или возвращаясь съ нея. Словъ я не могъ разслышать, и даже не въ состояніи былъ бы сказать, на какомъ языкѣ они пѣли. На работу ихъ посылали на настоящую, бить руду и т. п., во всякую погоду, но, впрочемъ, съ такимъ расчетомъ, который обезпечивалъ отдыхъ. Разъ въ столярную мастерскую, которую я посѣщалъ утромъ и послѣ обѣда, на короткое время, пришли точить инструменты четыре человѣка: одноглазый французъ Андреоли, австріецъ графъ Карольи и два поляка. Андреоли былъ въ общеустановленномъ арестантскомъ полушубкѣ, сверхъ арестантской рубахи, которая тоже не сходилась, такъ что широкая полоса груди была совершенно обнажена. Графъ Карольи, статный мужчина, съ подстриженными баками, былъ одѣтъ хорошо, въ венгерскѣ изъ темнаго крестьянскаго сукна и въ чтѣ ни на есть первый сортъ таежныхъ сапогахъ. Конечно, тутъ же конвойные со штыками,—все какъ слѣдуетъ. Я бы весьма предпочелъ не встрѣчаться; но разъ встрѣча произошла, попросилъ у нихъ позволенія помочь имъ и вступилъ въ бесѣду, имѣя прежде всего въ виду исполненіе своей обязанности какъ русскаго и, такъ сказать, хозяина дома по отношенію къ двумъ иностранцамъ. Бесѣдовалъ—о чемъ было прилично. На замѣчаніе мое о необходимости остерегаться си-

бирскихъ морозовъ, Андреоли отвѣчалъ: „Oh, moi, j'ai une santé de fer!“ По наружности этого нельзя бы было подумать; но онъ говорилъ бойко и вообще держался молодцомъ. Единственный глазъ дѣйтельно все оглядывалъ. Сибирскую передрагу онъ, дѣйствительно, выдержалъ благополучно и въ ноябрѣ 1866 года былъ провезенъ черезъ Иркутскъ, en route во Францію. Графъ Кароль, казавшійся несравненно его крѣпче, не дожидъ до этого времени и умеръ въ Петровскомъ заводѣ.

И. И. Горбачевскому Андреоли не разъ писалъ записки по разнымъ дѣламъ и получалъ отъ него книги. Чрезвычайно его возмутила слѣдующая штука. Въ заводѣ существовало форте-пиано, и Андреоли выпросилъ у проѣзжавшаго губернатора разрѣшеніе перевезти его въ острогъ; но комендантъ все-таки не позволилъ. Хотѣлось также ссыльнымъ выписать „Opinion Nationale“, что, повидимому, тоже не удалось. Свою первую записку къ И. И. Горбачевскому (а можетъ быть и не одну первую, не помню) Андреоли подписалъ: „Andréoli, journaliste, à Paris“.

Двухъ-этажный домъ, занимаемый начальствомъ, былъ нѣкогда домомъ Трубецкихъ. Простой, бревенчатый, онъ, однако, выдѣлялся изъ всѣхъ заводскихъ зданій стройностью и красотой размѣровъ. У одного изъ оконъ верхняго этажа, по словамъ И. И. Горбачевского, неизмѣнно сидѣла въ былые дни, съ какимъ-нибудь вязаньемъ на длинныхъ спицахъ, типичная большая барыня, вѣчно скучавшая княгиня Трубецкая, рожденная графиня Лаваль. Прежній начальственный домъ вообще пустовалъ; но нѣсколько мѣсяцевъ тамъ прожилъ при мнѣ вызванный изъ Нерчинска по какимъ-то неприяностямъ горный начальникъ Дейхманъ, — человекъ съ репутаціей ума и образованности, — и я давалъ уроки его дѣтямъ: барышнѣ Екатеринѣ Оскаровнѣ и мальчикамъ. Барышня тогда же вышла за Н. Н. Дубровина и впоследствии была причастна литературѣ. Не всѣ, однако, уроки оплачивались прилично. Былъ у меня одинъ ежедневный урокъ, по 1 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, сыну старшаго заводскаго чиновника; но я этимъ не тяготился, потому что мальчикъ былъ чистенькій, унаслѣдовавшій отъ матери ласковые бархатные глазки, и иногда приносилъ мнѣ отъ этой маменьки гостинцы, — то бутылку наливки, то какое-нибудь пирожное.

Домъ И. И. Горбачевского, куда я проѣхалъ послѣ представленія начальству, находился на главной улицѣ и представлялъ изъ себя простую избу, но избу большихъ размѣровъ, сложенную изъ чрезвычайно толстыхъ бревенъ — не знаю, какого

дерева—лиственницы или особенной сосны,—получающихъ отъ времени не нашъ обыкновенный сѣрый цвѣтъ, а искрасна-бурый, очень красивый. Хозяинъ былъ крупный человѣкъ и все у него было крупное. Передняя изба, съ тремя большими окнами, состояла изъ одной комнаты, безъ перегородки. Мебель самая простая — столъ передъ диваномъ, поставленнымъ спиной къ окнамъ, громадный. Книгъ довольно много. Печь голландская бѣлая. Соотвѣтственныхъ размѣровъ была и кухня въ задней половинѣ избы, гдѣ хозяйствовалъ старикъ поваръ-самоучка Калинка. Дворъ, обставленный хозяйственными постройками, былъ очень большой.

Ивану Ивановичу было въ то время шестьдесятъ-три года. Онъ былъ широкій мужчина, нѣсколько выше средняго роста, съ крупной, мало посѣдѣвшей головой, причесанной или растрепанной на манеръ генераловъ Александровыхъ дней, но при пушистыхъ усахъ и бакенбардахъ. По вѣншности онъ былъ бы на своемъ мѣстѣ только въ обстановкѣ корпуснаго командира. И говоръ у него былъ важныхъ старцевъ, барскій, густой, чисто русскій, безъ малѣйшаго слѣда хохлацкаго происхожденія или сибирскаго на-выка. Такой же барскій, всегда благосклонный, былъ у него и взглядъ. Во всемъ онъ былъ баринъ, и прежде всего въ щедрости. Онъ могъ не дать совѣтъ, когда не было—и тогда онъ конфузился, — но дать шепоткой, отсчитать онъ не могъ. Подъ львиною наружностью былъ онъ человѣкъ добрый и нѣжный до слабости, изысканно вѣжливый и деликатный. Въ школѣ, гдѣ онъ учился, воспитателями были іезуиты, и я его дразнилъ, что въ немъ все еще сохраняются разныя, къ обольщенію людей направленные ухищренія. Костюмъ всегда былъ одинъ: по утрамъ сѣрый халатъ на бѣлыхъ мерлушкахъ, рубашка красная, а затѣмъ суконная черная скюрточная пара, мѣстнаго мастерства, безъ притязанія на современность, двубортный жилетъ съ воротникомъ поверхъ высокаго галстука. Дневной обиходъ былъ неизмѣнно одинъ: утромъ — чай, трубка, хозяйство, почта, посѣтели—и въ числѣ ихъ всегда плутоватый машинистъ, причастный къ исполненію заказовъ, по которымъ Иванъ Ивановичъ коммиссіонерствовалъ. И всегда облака дыма. Затѣмъ, около полудня, надѣвъ картузь съ прямымъ козырькомъ и черное пальто, старикъ уѣзжалъ обѣдать къ начальству въ присланномъ за нимъ экипажѣ, который въ свое время и привозилъ его обратно. Часика два-три спустя, начальство неизмѣнно являлось къ нему бесѣдовать и читать газеты за вечернимъ чаемъ. Картъ не было. Къ этой компаніи иногда присоединялся сосѣдъ купецъ Бѣло-

зеровъ; бывали и нѣкоторыя другія лица. Читалъ онъ аккуратно „Петербургскія Вѣдомости“ и „Revue Britannique“. Имѣлъ также множество нумеровъ „Revue des deux Mondes“, которые ему присылалъ нашъ дипломатическій агентъ въ Пекинѣ, Бюцовъ. Любимой книгой, которую онъ всего чаще бралъ, ложась въ постель, были Ламартиновскіе „Жирондисты“, и французскія книги онъ вообще значительно предпочиталъ русскимъ. Но французской его рѣчи я не слыхалъ.

Меня онъ принялъ до крайности ласково и любовно, и тотчасъ распорядился помѣстить меня въ передней избѣ одной покровительствуемой имъ крестьянской, или точнѣе, заводской семьи. Эти добрыя отношенія, установленныя имъ въ первый день нашего знакомства, и съ благодарной отзывчивостью приняты мною, продолжались, безъ малѣйшаго облачка, до послѣдняго дня бытности моей въ заводѣ и поддерживались затѣмъ письменнымъ путемъ до послѣднихъ дней его жизни. Его послѣднее письмо ко мнѣ, написанное уже ослабѣвшей рукой, было отъ 12 декабря 1868 г., а умеръ онъ, послѣ почти двухлѣтней мучительной болѣзни, 9 января 1869 г.

Въ бытность мою въ заводѣ и никогда не вызывалъ его на разговоръ о далекомъ прошломъ; но, конечно, онъ не могъ не касаться этого, также какъ и о недавней Муравьевской эпохѣ. Показывалъ онъ мнѣ также собранные имъ портреты товарищей, вошедшіе въ изданіе Зензинова, и при этомъ, разумѣется, знакомилъ съ болѣе интересными личностями. Понятно, однако, что при частыхъ, почти ежедневныхъ сношеніяхъ, подобный архивный матеріалъ могъ имѣть вообще лишь весьма второстепенное значеніе. Горячую симпатію къ личности Ивана Ивановича, любовное уваженіе къ нему, внушали прежде всего его чрезвычайная доброта, живое, участливое отношеніе ко всѣмъ, отсутствіе всякой заботы о себѣ. Свой правильный, трезвый взглядъ на вещи онъ доказалъ тѣмъ, что не захотѣлъ возвратиться въ Россію. Ему было разрѣшено жить въ Петербургѣ, куда усиленно звала его сестра (въ супружествѣ Квистъ), причемъ ея сынъ, извѣстный профессоръ фортификаціи, поддерживалъ ея настоянія посулами, что они будутъ жить вмѣстѣ и разговаривать. Ничего другого, конечно, и нельзя было написать; но понятно, что это не прельстило старика, который привыкъ быть бариномъ въ своей избѣ и въ сношеніяхъ со всѣми окружающими, и близко сроднился съ хорошо ему знакомымъ, прекраснымъ и въ то время по-своему вольнымъ краемъ. Да, въ то безтелеграфное, безрельсовое время, въ глухихъ углахъ Забайкалья была своего

рода воля,—воля чистаго воздуха, на малыхъ хотя вершинахъ, воля простой жизни, вдали отъ ненужныхъ условностей и всего, что засоряетъ, гадитъ и принижаетъ душу. Даже въ условіяхъ ссылки и я могъ въ томъ краѣ извѣдать эту волю, и за это навсегда его полюбить.

Иванъ Ивановичъ постоянно читалъ мнѣ письма, которыя получалъ отъ другихъ декабристовъ, а также свои отвѣты. Всѣхъ чаще писалъ кн. Евг. Оболенскій—всегда очень длинныя письма въ елейно-религіозномъ духѣ; затѣмъ, тоже длинно, но о дѣлахъ земныхъ, писалъ Д. И. Завалишинъ. Довольно аккуратныя сношенія были съ Н. Д. Фонъ-Визинимъ и съ М. А. Бестужевымъ, тоже не пожелавшимъ покинуть свой Селенгинскъ. Однажды Ив. Ив. ѣздилъ съ нимъ повидаться и оттуда проѣхалъ въ Кяхту, къ пограничному комиссару Пфаффиусу. Очень заботливо снарядили и укутали старика, такъ какъ дѣло было уже въ морозную осеннюю пору. Онъ восхитился кяхтинскими огородами и привезъ оттуда удивительныхъ овощей, а также мороженныя яблоки и очень вкусную пастилу, вродѣ желе или нашей мокрой клюквенной пастилы, но изъ разныхъ хорошихъ ягодъ.

Главнымъ дѣловымъ корреспондентомъ и заказчикомъ Ивана Ивановича былъ золотопромышленникъ или управляющій пріисками горный инженеръ, кажется, отставной полковникъ, Ив. Францовичъ Буттоцъ, умный, образованный человѣкъ, который оказался моимъ истиннымъ благодѣтелемъ, такъ какъ онъ аккуратно присылалъ мнѣ (конные буряты привозили въ сумахъ) газету „The Mail“ и разныя хорошія англійскія книги, изъ которыхъ одну—„О свободѣ“, Милля—въ подарокъ, съ надписью. Нумера „Mail“ постоянно сопровождали меня въ моихъ дальнихъ поѣздкахъ и поддерживали во мнѣ живое общеніе съ міромъ, отъ научныхъ вопросовъ и парламентскихъ преній до туалетовъ высокопоставленныхъ дамъ вкючительно. Съ англійскими политическими дѣятелями я перезнакомился коротко. Разъ Буттоцъ пріѣзжалъ на заводъ, и мы втроемъ обѣдали и ужинали у Ивана Ивановича, при чемъ Буттоцъ угощалъ меня портеромъ, говоря, что и въ Петербургѣ вслѣдѣ пьютъ.

Иванъ Ивановичъ былъ склоненъ къ несправедливымъ пристрастіямъ, и я горячо возмущался этой слабостью по поводу двухъ слѣдующихъ проявленій. Въ семьѣ, гдѣ я жилъ, были два маленькіе мальчика, трехъ-двухъ-лѣтніе, и вотъ старшаго гораздо лучше одѣвали и каждодневно водили къ старику, гдѣ сажали на диванъ къ его столу и обильно кормили. Онъ никогда не говорилъ, не выражалъ никакихъ дѣтскихъ чувствъ, сидѣлъ не-

подвижно и только ѣлъ, упершись большимъ вдумчивымъ лбомъ въ пространство. А бѣдному младшему никогда не перепадало ни одной крохи. Одинокій, часто обижаемый, онъ бѣгалъ по двору въ затасканной рубашонкѣ, и однажды, поймавъ курицу, сталъ ее топить въ кадѣ, приговаривая: „Что, не любишь!“ — слова, которые онъ, безъ сомнѣнія, часто слыхивалъ самъ. Затѣмъ, была во дворѣ маленькая собачка, Мухка, и жила счастливо, пока не подарили ея хозяину борзого щенка, который выросъ въ нескладную, не чистыхъ статей, чрезвычайно трусливую собаку. Мухка сразу все потеряла, а любимцу покупали громадныя порціи мяса, которое бы годилось людямъ. Однажды недѣльная борзая вырыла передъ домомъ громадную яму. Я указалъ Ивану Ивановичу на это безобразіе; но онъ и тутъ нашелся: толкнулъ бѣдную Мухку ногой и сказалъ: „Это она его научила“.

За время бытности моей въ заводѣ, матеріальное положеніе Ивана Ивановича стало рѣзко клониться къ упадку. Заводъ работалъ плохо, какъ и должно все плохо идти при бѣдственныхъ привычкахъ сибирскихъ рабочихъ; заказы, исполняемые дурно, съ большими просрочками, стали сокращаться. Сократилась, а потомъ и вовсе прекратилась, поставка древеснаго угля на заводъ, которая также давала кое-что. Сначала типичныя угольныя поковки выѣзжали каждое утро со двора на нѣсколькихъ лошадяхъ, при двухъ-трехъ рабочихъ; а подъ-конецъ все это исчезло, и печать оскудѣнія легла на сдѣлавшихся ненужными хозяйственныхъ постройкахъ. Въ личномъ обиходѣ все оставалось попрежнему, только помаленьку ветшало, да меньше народа стало кормиться на кухнѣ.

Во все время бытности на заводѣ я боленъ не былъ, и личности заводскаго врача не помню. Говѣлъ всегда аккуратно петровскимъ постомъ, когда меньше народу, вслѣдствіе чего слышалъ при отпускѣ имена непривычныхъ святыхъ. Очень старый, одичалый священникъ неизмѣнно спрашивалъ меня, не занимаюсь ли ворожбой.

Подводя итогъ моей заводской жизни, я долженъ сказать, что добродѣтели въ ней было мало. Но въ заводѣ продолжались начатые въ крѣпости и тобольскомъ острогѣ старательныя, чуткія чтенія, по ночамъ въ избѣ, днемъ на горѣ, въ глухомъ уголку сибирскаго лѣса; тамъ впервые я извѣдалъ далекія прогулки съ мыслями, навѣяанными этими чтеніями, сознаніе продолжающейся живой связи съ міромъ, отъ котораго я былъ отдѣленъ, и теплое, вѣрующее отношеніе къ далекому дому и другимъ, всегда мнѣ дорогимъ лицамъ. Да, еще разъ и отъ всей

души помню я добромъ эти заводскіе годы, лучшіе безъ сравненія въ моей жизни. Если живу, такъ только крупинками и остатками того, что тогда сказалось душѣ. Еслибы въ глухомъ сибирскомъ заводѣ я жилъ такъ же благоправно, но и такъ же тупо, какъ жилъ впоследствии, я бы давно утратилъ человѣческое подобіе. Горячія думы, когда имъ нѣтъ исхода или диверсіи, тяжелая вещь. Отъ нихъ близко къ могилѣ или сумасшествію. Возможность потери умственныхъ силъ другимъ путемъ я понялъ гораздо позднѣе, — можетъ быть, слишкомъ поздно.

Но, помнявъ съ такимъ добрымъ, любящимъ чувствомъ мою заводскую жизнь, я долженъ, однако, прибавить, что мучительнѣйшій ужасъ ссылки заключается именно въ сознаніи, что всякое убогое благополучіе, какое себѣ устроишь, ежеминутно можетъ быть разрушено по презрѣнному извѣсту, по прихоти пьянаго или непьянаго негодяя, который знаетъ, что ему за это простятъ другія мерзости и его награждать. Это сознаніе меня не повидало и все больнѣе давало себя знать, по мѣрѣ того, какъ вѣсти съ запада становились мрачнѣе и „проклятый вопросъ“ озлоблялъ и приучалъ людей къ звѣрству — на вѣчную пагубу озлобляемыхъ и озвѣренныхъ.

Меня продержали на заводѣ дольше, чѣмъ бы по закону слѣдовало; конечно безъ намѣренія, а по общей административной неисправности. Въ силу закона, мои три года работъ должны бы были сократиться, при условіи добропорядочнаго поведенія, до двухъ лѣтъ восьми мѣсяцевъ (можетъ быть, даже до двухъ лѣтъ четырехъ мѣсяцевъ, не помню). Меня привезли на Александровскій заводъ въ половинѣ ноября 1862 г.; значить, слѣдовало бы перевести на поселеніе никакъ не позже половины іюля 1865 г.; а совершилось это лишь въ половинѣ сентября. Напомню по этому поводу о страшной неправдѣ, творившейся надъ всѣми, осужденными на каторгу, строчкой закона, въ силу которой всѣ терзанія многомѣсячнаго, нерѣдко годового и болѣе, этапнаго пути не зачитывались въ срокъ наказанія и претерпѣвались въ жестокую къ нему придачу.

Итакъ, 13 сентября, подъ-вечеръ, при возвращеніи съ двумя пріятелями съ большой прогулки — охоты со стороны Луниной горы, я нашелъ у себя на столѣ бумагу о переводѣ на поселеніе, съ высылкою въ Иркутскъ. Какъ ни привязанъ я былъ ко многому на заводѣ, но тѣмъ не менѣе безъ колебанія рѣшилъ выѣхать на слѣдующій же день, въ праздникъ, мнѣ съ тѣхъ поръ навсегда памятный. Хозяйки моментально принялись за бѣлье (вспоминаю хорошенькую хозяйскую дочь Сашу и ея

подругу Катеньку); раньше чѣмъ стемнѣло, я видѣлъ его уже развѣшеннымъ во дворѣ; а съ утра пошло глаженіе и стряпня дорожной провизіи. Со стороны благосклоннаго начальства препятствій не встрѣтилось, и провожатый казакъ былъ своевременно предоставленъ въ мое распоряженіе. Утромъ я простился со всѣми, съ кѣмъ слѣдовало, обошелъ и всѣ ближайшія любимыя мои мѣста, которыя на прощанье представились мнѣ въ полной красѣ, при чудной погодѣ. Много я тутъ говорилъ стиховъ и пѣлъ, вѣроятно, — возносился душой. Свободно дышала грудь, легки были тогда ноги. Излишне пояснять, что прощанье съ Иваномъ Ивановичемъ было проникнуто искреннѣйшимъ чувствомъ. Не могъ онъ, конечно, не имѣть при этомъ печальныхъ мыслей; но онъ объ нихъ не говорилъ, а только желалъ мнѣ счастья. Мы выѣхали, когда уже совсѣмъ стемнѣло, въ двухъ повозкахъ, такъ какъ оба сына ховяйки и еще одинъ близкій пріятель проводили меня до первой станціи, гдѣ мы дружески поужинали и переночевали. Утромъ, при той же чудной погодѣ, мы простились съ самыми горячими выраженіями чувствъ.

На этотъ разъ я переѣхалъ Байкалъ водою, на пароходѣ „Инновентій“. Изъ инцидентовъ пути помню только харюза, жаренаго на сковородѣ и облитаго яйцами, которымъ хозяйка постоялаго двора угостила меня въ Посольскѣ; возвращавшагося въ Иркутскъ католическаго священника съ Наполеоновскимъ лицомъ, въ нарядной пыжиковой малицѣ съ цвѣтной каймой; снѣгъ, который уже выпалъ въ хребтахъ, и чрезвычайно медленное, неумѣлое приставаніе парохода въ Лиственничномъ. Не помню, какія были мытарства въ Иркутскѣ и какъ я, наконецъ, простился съ своимъ казакомъ въ квартирѣ жандармскаго полковника, отсюда, въ скоромъ времени, уѣхалъ уже одинъ „на поселеніе“ въ селеніе Урикъ, въ двадцати съ чѣмъ-то верстахъ отъ города.

Ссылныхъ поляковъ въ Урикѣ было нѣсколько, но я познакомился только съ двумя сосланными по польскимъ дѣламъ французами, которые держали лавку. Мы бывали другъ у друга и артелью стряпали себѣ, разъ или два, *boeuf à la mode*, мастерствомъ въ изготовленіи котораго одинъ изъ нихъ хвасталъ. Помню фамилію только другого, m-r Cahel, съ которымъ сошелся ближе и до позднихъ пѣтуховъ рѣзался въ преферансъ по сороковой, съ должнымъ аккомпаниментомъ чая, деревенской бабьей стряпни и очищенной. Бесѣда наша была о Парижѣ, объ одной булочницѣ, *grie Dauphne*, объ Европейской Турціи, которой мѣст-

ность его восхитила, когда онъ тамъ былъ въ крымскую войну, и гдѣ одинъ турокъ сдѣлалъ ему оскорбительное предложеніе въ то время, какъ онъ купалъ артиллерійскихъ лошадей: „J'ai le corps très blanc, et il paraît qu'à cette époque je n'avais pas encore beaucoup de barbe. Et alors figurez-vous que cet animal...“ Политическаго, какъ видите, мало. При большихъ ремизахъ мы говорили другъ другу: „chiffre gare!“—и оба смѣялись легко. Разъ, по поводу надвигавшейся австро-прусской войны, побесѣдовали мы насчетъ вѣроятности вмѣшательства Франціи... „Oui, je veux espérer, j'espère... et cependant je tremble“... Эти слова, въ устахъ бывшаго солдата и человѣка вообще понятливаго, конечно, не безынтересны, такъ какъ мексиканская экспедиція еще не успѣла сказать своего послѣдняго слова, и престижъ императорской Франціи еще стоялъ высоко.

Нѣсколько разъ въ теченіе зимы я ѣздилъ на побывку въ Иркутскъ, гдѣ не видѣлъ никого, кромѣ жандармскаго полковника и его гостей; а весной 1866 г. мнѣ разрѣшено было поселиться въ Иркутскѣ, гдѣ я тогда нанялъ квартиру въ двухъ шагахъ отъ полковническаго дома, гдѣ обѣдалъ и проводилъ значительную часть дня, причемъ, конечно, занимался съ дѣтьми. Вообще же уроки политическимъ ссыльнымъ были воспрещены.

Все, что мнѣ казалось болѣе интереснымъ въ иркутской моей жизни, изображено мною, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, въ упомянутомъ уже очеркѣ „Прикащикъ внучка“. Тогда большая часть изображенныхъ была еще въ живыхъ, и потому я считалъ необходимымъ измѣнить имена и собственную личность подмѣнилъ — не безъ нѣкоторыхъ несообразностей — личностью якутскаго купческаго сына; подъ видомъ тетки его изображена очень точно моя квартирная хозяйка, вдова священника, Марія Федоровна Флоренсова. Здѣсь я расскажу немного, все-таки, по возможности, избѣгая именъ.

Не назову, между прочимъ, и самого жандармскаго полковника, имѣя въ виду существующихъ дѣтей, внуковъ и прочее родство. Онъ былъ мой настоящій двоюродный братъ, сынъ старшей и чрезвычайно уважаемой сестры моего отца. Онъ и два его брата въ свое время служили подъ начальствомъ отца и, разумеется, были приняты въ домъ съ самымъ полнымъ радушіемъ. Я помню ихъ въ дѣтскіе мои годы, помню дружескій тонъ обращенія съ ними. Можетъ быть, и въ Иркутскѣ не совершалось по отношенію ко мнѣ никакихъ формальныхъ злодѣйствъ, — кромѣ развѣ того, что онъ задерживалъ по нѣскольку дней мои письма въ ящикѣ своего стола и ловко меня обыгрывалъ при помощи

перемигиваній и переговоровъ съ хихикающей женой, еще болѣе жадной, чѣмъ онъ. Онъ отъ радости хохочетъ, закинувъ голову, а она хихикаетъ. Были, вѣроятно, какія-нибудь неблаговидныя урѣзки по части ѣды, хотя я специальныхъ случаевъ не помню, и склоненъ такъ думать только потому, что оба супруга не стыдились приходить къ утреннему чаю каждый съ своей порціей сухариковъ, булочекъ или пирожнаго, которыхъ не давали дѣтямъ. Французу, учителю гимназій, простодушному человѣку добрѣйшей души, который, на свое несчастіе, у нихъ поселился и пользовался столомъ и кушеткой въ проходной комнатѣ, взаимнѣ ежедневныхъ уроковъ съ троемъ дѣтьми, которымъ онъ, кромѣ того, дѣлалъ подарки во всѣ праздники и покупалъ гостинцы во время прогулокъ, они подливали въ водку одеколонъ, чтобы онъ какъ-нибудь не увлекся и не выпилъ второй рюмки. А въ карты его обрабатывали еще чище, нежели меня; такъ что онъ, наконецъ, не выдержалъ и сѣхалъ. За мой столъ платили, если не прямо деньгами — о чемъ не знаю, такъ какъ письма мнѣ не показывались, — то, во всякомъ случаѣ, подарками. Какъ бы ни было, фактъ тотъ, что въ продолженіе года съ небольшимъ, проведеннаго мною въ ближайшей ежедневной зависимости отъ этого человѣка, онъ мнѣ внушилъ такую ненависть, что я не только мучился отъ нея днемъ, но даже сталъ дурно спать. Какъ проснешься, такъ и забродятъ въ головѣ злыя мысли, и не можешь ихъ отогнать и опять заснуть. А между тѣмъ читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что я скорѣе склоненъ въ прекраснодушію, чѣмъ къ злобѣ. Былъ онъ взяточникъ большой руки. По издавна заведенному порядку, онъ получалъ съ каждаго рабочаго на прінскахъ, которые объѣзжалъ каждое лѣто, по два рубля, и, кромѣ того, возвращался, обремененный всякаго рода добычей, которой биткомъ былъ набитъ его тарантасъ. Все въ домѣ у нихъ было дареное, до фортепіано включительно. Припоминаю слѣдующую сцену. Однажды, на дачѣ, возвращался я съ прогулки и подходилъ къ дому. Вдругъ, вижу, съ задняго крыльца вылетаетъ вахмистръ, лицо отъ злобы перекосилось, и, какъ бѣшеный, вскакиваетъ на лошадь, ругаясь: „Деретъ съ живого и мертваго!“ И поскакалъ, даже не взглянувъ на меня.

Въ политическія бесѣды онъ вступалъ со мной дважды: въ первый разъ — по приказанію свыше, а во второй — по личному побужденію, быть можетъ, даже доброжелательному ко мнѣ. Въ Рождество 1866 года скончался мой отецъ, и вскорѣ затѣмъ матушка надумалась, что сжалится надъ ея одинокой старостью, и рѣшилась ѣхать въ Петербургъ — просить о моемъ возвраще-

ним или хотя о возможномъ облегченіи моей участи. Графъ Шуваловъ принялъ ее очень любезно, но на ея увѣренія, что я — „le meilleur garçon du monde“, отвѣчалъ: „Je le connais mieux que vous, madame: c'est un fanatique“. А вслѣдъ затѣмъ иркутскій жандармскій штабъ-офицеръ получилъ бумагу, за подписью самого графа, которою мнѣ предлагалось быть откровеннымъ, съ общаніемъ сохраненія тайны. Прибавлено было: „Обручевъ меня знаетъ“ — повѣрить. Полковникомъ расточено было, конечно, много цѣтовъ жандармскаго краснорѣчія, и я съ своей стороны изъ всѣхъ силъ старался не огорчить; но въ результатъ пришлось пробыть въ Сибири еще четыре года. Только недавно, совершенно для себя неожиданно, я нашелъ въ старой памятной книжкѣ, куда я заносилъ выписки изъ чтеній, стихи и т. п., письмо, отъ 6 августа 1868 года, которымъ я отвѣчалъ графу. Помѣщаю его здѣсь.

„Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Петръ Андреевичъ!

„Простите, что я осмѣливаюсь писать вамъ и позвольте мнѣ вѣритья вашему великодушію.

„На предложенные мнѣ полковникомъ *** вопросы я сказалъ ему, что по моему искреннему мнѣнію дѣло „Великорусса“ было явленіемъ случайнымъ, и далъ честное слово, что человѣкъ, передавшій мнѣ для распространенія въ публикѣ экземпляры этого листка, ни для кого уже не можетъ быть опасенъ. Свое убѣжденіе относительно внутренней пустоты „Великорусса“ и его совершенно декоративнаго характера я основываю на слѣдующемъ:

„Настроеніе публики въ 1861 году было далеко не похоже на теперешнее. Мысль разыграть у себя дома какой-нибудь революціонный фарсъ на иностранный ладъ тогда забавляла многихъ. Этимъ шутили. Въ продолженіе мѣсяца, прошедшаго между распространеніемъ мною листка и моимъ заарестованіемъ, я слышалъ не разъ сомнительные отзывы о томъ, что тамъ говорилось, въ особенности насмѣшки надъ мнимымъ комитетомъ; но за такими сомнѣніями и шутками все-таки не слѣдовало порицанія, а говорили: все равно, пускай гуляетъ—веселѣе. Инымъ казалось, что стоитъ только немного поиграть въ эту игру—и всякія революціонныя чудеса тотчасъ охватятъ всю Россію. Рѣшительный врагъ политическихъ агитацій, чуждаясь, по темпераменту, всякихъ уличныхъ героевъ, вѣря свято, что только строгая наука и искусство могутъ вести народъ къ прогрессу, и что даже удачныя революціонныя попытки кончаются кровавыми реакціями, я, однако, принялъ участіе въ пошлой исторіи воро-

ненка, запутавшагося въ шерсти своей мнимой добычи—исторія на такомъ поприщѣ беззаконной и преступной, потому что тутъ ставилось на карту счастье безсчетныхъ семействъ и даже общее благо народа. Но я тогда былъ начинающій человекъ, черно-рабочій въ литературной передней, и не смѣлъ выражать свое мнѣніе, боялся, что назовутъ трусомъ. Между тѣмъ никому какъ будто и не снилось, что комедія можетъ сдѣлаться трагедіей,— не снилось этого, конечно, не по геройству, а по нелѣпой, дѣтской несообразности. И въ публикѣ было такъ мало здравыхъ, протрезвляющихъ силъ, что ни разу, ни одного, мнѣ не пришлось услышать, съ чьей бы то ни было стороны, слова просвѣщеннаго осужденія всему, чтò тогда творилось. Тогда еще не было несчастій польскаго мятежа, ни нагляднаго ужаса 4 апрѣля, и можно сказать положительно, что есть неизмѣримая разница между настроеніемъ духа, котораго тогда было достаточно, чтобы впасть въ преступленіе, вродѣ сдѣланнаго мной, и тѣмъ, которое требуется для этого теперь. Если вашему сіятельству извѣстны факты, опровергающіе мое мнѣніе объ этомъ предметѣ, то, значить, я былъ слишкомъ обманутъ.

„Я знаю, что это показаніе, съ неловко цѣпляющимися за него, никому не нужными оправданіями, не можетъ имѣть въ глазахъ правительства никакой цѣны. Но умоляю васъ позволить мнѣ присоединить къ этому еще нѣсколько словъ — словъ такого рода, что только моя увѣренность въ вашемъ личномъ великодушіи даетъ мнѣ смѣлость ихъ высказать.

„Ваше сіятельство не считаете доказательствомъ раскаянія безукоризненность моего поведенія во все время ссылки, безукоризненность, о которой всего лучше свидѣтельствуетъ вполне незавидная репутація, которой я пользуюсь въ кругу ссыльныхъ. Ваше сіятельство не допускаете также, чтобы постигшее меня наказаніе могло, хотя отчасти, служить искупленіемъ моей вины. То, чего я лишился, общественное положеніе, семейство, свобода, молодость, все это, какъ и самая жизнь моя, безъ сомнѣнія, ничтожно—если смотрѣть сверху, вѣроятно даже смѣшно. Но *свое* каждому дорого; нельзя всего этого лишиться безъ глубокаго страданія; тяжело переживать заключеніе и ссылку, больно выносить въ теченіе долгихъ лѣтъ безсчетныя униженія, и во все это время, какъ всѣ ссыльные, каждый день ждать возвращенія свободы и каждый день обманываться. Но ваше сіятельство не допускаете, чтобы все это могло сколько-нибудь поколебать ту чашу вѣсовъ, гдѣ положено мое преступленіе. Мнѣ опять предлагаются тѣ же вопросы, которые такъ мучили

меня семь лѣтъ тому назадъ, и возможность прощенія представляется мнѣ въ такомъ видѣ, что я принужденъ вторично произнести приговоръ надъ собой и надъ бѣдной моей матерью, освѣжить въ вашей памяти чувство моей виновности и даже, вѣроятно, показаться вамъ тѣмъ болѣе виновнымъ, чѣмъ дольше и мучительнѣе было мое испытаніе. Простите, ваше сіятельство, но мнѣ кажется, что изъ cadaго честнаго простака можно сдѣлать большого преступника, если спрашивать его о томъ, на что честь не позволяетъ отвѣчать, даже въ виду законныхъ требованій правительства и обѣщанія безнаказанности виновнымъ; а если повторять вопросы эти періодически, то бѣдняга все вновь будетъ впадать въ свое преступленіе, съ каждымъ разомъ становясь виновнѣе.

„Я не могу себѣ представить, что я опасный или вредный человѣкъ. Мнѣ кажется, что такіе люди бывають непохожи на меня ни по характеру, ни по образу мыслей. Я не могу также думать, чтобы вѣчная справедливость требовала для меня вѣчнаго наказанія. Я бы солгалъ, еслибы сказалъ противное. Но мнѣ остается только преклонить голову передъ суровой необходимостью. Въ виду ея, просьбы мои о помилованіи, безъ сомнѣнія, будутъ отвергнуты съ еще гораздо большимъ презрѣніемъ, чѣмъ просьбы моихъ родителей; но я надѣюсь, что ваше сіятельство не отвергнете одной изъ нихъ: я умоляю васъ не ставить передъ моей матерью вопросъ о моемъ прощеніи въ зависимость отъ какаго бы то ни было моего дѣйствія. Скажите ей съ почтительною твердостью, что мнѣ не можетъ быть оказано пощады, но не поясняйте, что собственно отъ моей воли зависѣло себя спасти и ее утѣшить. Отказъ вашъ будетъ для нея ударомъ; но онъ покажется больнѣе, если она подумаетъ, что я его направилъ. А пользы отъ этой лишней боли ужъ никому не можетъ быть.

„А затѣмъ, ваше сіятельство, простите, если въ этомъ обращеніи къ вамъ я не сумѣлъ придать должную мягкость выраженію моихъ глубоко безотрадныхъ чувствъ. Я отвыкъ писать и пишу вамъ въ состояніи слишкомъ близкомъ къ отчаянію; будьте великодушны—простите.

„Съ глубочайшимъ уваженіемъ къ особѣ вашей, осмѣливаюсь назвать себя вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою—В(ладимір) Обручевъ“.

Въ записной книжкѣ, откуда я извлекаю это письмо, приведены затѣмъ заключительныя строки второго письма, писан-

наго въ декабрѣ 1868 года по особому желанію графа Шувалова и адресованнаго на его имя въ собственныя руки:

„Простите, если въ заключеніе я позволю себѣ упомянуть о глубокой моей благодарности за нѣкоторые милостивыя выраженія, которыхъ вы меня удостоиваете. Сомнѣніе въ томъ, что вы соизволяете обѣщать для меня, точно невозможно при воспоминаніи о дняхъ вашей блестящей молодости. Но именемъ этихъ дней я прошу васъ допустить, безъ удивленія и гнѣва, что и для самыхъ бѣдныхъ, ничтожныхъ людей требованія чести безусловны“.

Не помню съ точностью времени, когда произошла вторая моя политическая бесѣда съ жандармскимъ родственникомъ; но, вѣроятно, это случилось лѣтомъ 68-го или 69-го года, когда я сталъ бывать въ домѣ лишь очень изрѣдка, или даже вовсе прекратилъ сношенія. Меня пригласили къ полковнику, который провелъ меня въ кабинетъ, заперъ дверь и сказалъ: — „Сюда пріѣхала г-жа Чернышевская, которая ѣдетъ къ мужу. Прошу васъ, не выдайтесь съ ней; дайте мнѣ слово“. Какъ я ни старался объяснить ему, что я самъ неизмѣнно держусь правила избѣгать неудобныхъ сношеній, что я цѣню его заботливость обо мнѣ, но что я былъ такъ принятъ въ домѣ Чернышевскихъ, такъ много имъ обязанъ, что не повидаться съ Ольгой Сократовной въ данныхъ обстоятельствахъ мнѣ никакъ нельзя, что это будетъ неблаговидно, набросить на меня тѣнь... Онъ не уступилъ, и я былъ вынужденъ обѣщать, что не пойду, если она сама не дастъ мнѣ знать о своемъ пріѣздѣ. Мнѣ было ясно, что, въ случаѣ отказа, я не только очень поврежу себѣ, но что за мной будутъ слѣдить и, быть можетъ, даже у входа въ домъ задержатъ. Не сомнѣваюсь, что поступилъ благоразумно; но „тѣнь“ до сихъ поръ на себѣ чувствую, и мнѣ тяжело объ этомъ вспоминать.

Покушеніе 4-го апрѣля 1866 года произвело въ Иркутскѣ лишь слабое впечатлѣніе. Торопливая разсылка повѣстокъ, спѣшное облаченіе въ мундиры, устремленіе въ соборъ и въ разные собранія, наконецъ, пожертвованія съ неслышнымъ, но несомнѣннымъ скрежетомъ зубовымъ, — все это, конечно, было; но сигнализациа флагами не была еще организована какъ должно, а вечеромъ выраженіе чувствъ ограничилось зловоніемъ немногихъ шкаликовъ.

Постройка часовни была рѣшена въ нѣсколько мгновеній, въ собраніи нотаблей, преимущественно чиновниковъ, въ при-

сутствіи генераль-губернатора и архіерея. Въ неотразимости каждаго слова, произнесеннаго свыше при такихъ обстоятельствахъ, никто не усумнится: въ слѣдующія немногія минуты было подписано около 25.000 рублей, при чемъ первые четыре коммерческіе пера подписали 12 тысячъ. Вскорѣ оказалось, что мысль о часовнѣ идетъ въ разрѣзъ съ мыслью всей Россіи, такъ какъ патріотическимъ пожертвованіямъ вездѣ дано было благотворительное или народообразовательное направленіе; а позднѣе всѣмъ до тошноты опротивѣли безобразія, которыми сопровождалась безконечная постройка часовни (болѣе четырехъ лѣтъ), благодаря чему расходъ былъ доведенъ до 45.000 р., и оба инициатора дѣла, генераль-губернаторъ и архіерей, стали взваливать одинъ на друга неудачный начинъ. Но въ публикѣ неудовольствіе стало выражаться съ самыхъ первыхъ дней, и еслибы рѣшеніе вопроса сколько-нибудь отъ нея зависѣло, то деньгамъ дано бы было другое назначеніе. Описаніе петербургскихъ восторговъ читалось съ сдержаннымъ недоумѣніемъ; а портретъ „супруги спасителя“ вызвалъ откровенное зубоскальство.

Для меня лично, выстрѣлъ Каракозова былъ тяжкимъ ударомъ: онъ разрушалъ надежду на облегченіе участи въ ближайшемъ будущемъ. Да и кромѣ того, я все-таки стоялъ въ гораздо болѣе близкомъ душевномъ общеніи съ Петербургомъ, чѣмъ закорюзлый провинціальный міръ далекой въ то время окраины.

Я жилъ въ Восточной Сибири при двухъ генераль-губернаторахъ: Мих. Сем. Корсаковѣ и Ник. Петр. Синельниковѣ. Первый былъ ничтоженъ, и самое его назначеніе послѣдовало въ силу его ничтожества, по настоянію гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго, которому нужно было, чтобы заведенные имъ порядки не подвергались пересмотру—и тѣмъ болѣе пересмотру недоброжелательному. Дѣла и продолжали идти при немъ попрежнему, но безъ проблесковъ мысли, увлекающейся общегосударственными цѣлями, безъ воздѣйствія властной воли, безъ оторопи передъ возможностью грознаго окрика и расправы. Маленькій, блесоватый, гладко причесанный блондинчикъ, съ усиками, приближенный интимнаго Муравьевскаго круга, извѣстный прежде только лихой курьерской ѣздой и тѣмъ, что иногда удерживалъ Муравьева за фалды, сталъ въ новомъ служебномъ положеніи лишь охранителемъ Муравьевскаго прошлаго и высшей инстанціей для покрытія дѣяній бывшихъ сослуживцевъ и содѣятелей, коихъ подноготная была ему хорошо извѣстна. Эту роль ему было исполнять тѣмъ легче, что значительную часть своего генераль-

губернаторства онъ прожилъ въ Петербургѣ. Одна такая побывка затянулась на пятнадцать мѣсяцевъ, или даже болѣе.

Я склоненъ думать, что еслибы онъ могъ что-нибудь сдѣлать въ мою пользу, то сдѣлалъ бы. Во всякомъ случаѣ, я благодаренъ ему за разрѣшеніе перебраться изъ Иркутска, гдѣ я задыхался, въ особенности вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ жандармской семьѣ, въ дорогое мнѣ Забайкалье, закрытое для политическихъ ссыльныхъ, въ глухія, безначальственные старообрядческія общины, которыя плѣняли мою фантазію. На меня со всѣхъ сторонъ набросились за эту фантазію, и удержали меня; но я былъ принятъ вѣжливо и разрѣшеніе получилъ. М. С. Корсаковъ сохранилъ власть до конца и умеръ въ Петербургѣ еще молодымъ, отъ болѣзни, которую доктора, говорятъ, не поняли.

Назначеніе старика-генерала, сенатора Ник. Петр. Синельникова, сильно взволновало Иркутскъ. О немъ знали — и съ каждымъ днемъ стали узнавать все больше и больше, что онъ — опытный администраторъ, неподкупно честный, крутой до весьма опасной степени, пользовавшійся уваженіемъ высшихъ сферъ. Узнали также и то, что самое назначеніе его послѣдовало въ видахъ искорененія безобразій, и что принятіе должности было съ его стороны жертвой. Весь край сталъ ждать его напряженно, и уже на пути въ Иркутскъ прошенія, жалобы и доносы посыпались обильнымъ дождемъ. Донеслись слухи и о высокомерномъ, суровомъ обращеніи его съ мѣстными властями, и о доступности обывателямъ. Иркутскъ встрѣтилъ, конечно, хлѣбомъ-солью, но соотвѣтственно вѣяніямъ, на деревянномъ блюдѣ. Городской голова, Ив. Ст. Хаминовъ, просилъ позволенія прислать на первые дни свой экипажъ, и это было принято. Визитъ ему былъ сдѣланъ изъ числа самыхъ первыхъ, едва-ли не непосредственно послѣ архіерея. Окно нашей конторской комнаты приходилось прямо противъ хозяйскаго крыльца, и пока продолжался визитъ, мы, всѣ приказчики, конечно, столпились у этого окна и ждемъ. Вотъ молодежавый вучеръ Матюшка, нашъ товарищъ по игрѣ въ городки, лихо выпаливавшій ругательства при разныхъ случайностяхъ игры, подаетъ коляску, — лицо строгое, на насъ не смотритъ, видимо держитъ ухо востро, и сѣрыя стоятъ какъ вкопанныя. Отворяется дверь, и въ сопровожденіи хованна выходитъ въ шинели высокій, плотный генералъ, лицо съ покрупнѣвшими старчески чертами, еще багровое съ дороги; простившись съ Иваномъ Степанычемъ, онъ грузно поднимается въ коляску, причемъ я съ удовольствіемъ вижу давно невиданный богатый цвѣтъ

Александровской ленты и георгіевскій крестикъ. Вспомнился мнѣ этотъ самый Синельниковъ, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ корпусъ, къ сыну, моему товарищу, кажется, еще въ полковничьемъ чинѣ. Какъ онъ легко и бодро шелъ по корпусному корридору, какъ весело улыбался. Ахъ! старость, старость! Въ тотъ же день принципалъ спрашивалъ о моемъ впечатлѣніи. Я отвѣтилъ, что трудно ему будетъ развѣзжать, какъ въ Сибири привыкли. — Да, шестьдесятъ-пять лѣтъ. Онъ мало и развѣзжалъ.

Очень скоро онъ сталъ популяренъ въ Иркутскѣ, и обыватель освоился съ его высокой фигурой въ длинномъ пальто и фуражкѣ Николаевского фасона, съ большимъ козырькомъ, защищавшимъ отъ солнца и мороза ослабѣвшіе глаза. Держался онъ еще прямо, но выступалъ медленно, съ костылемъ, которымъ иногда замахивался, а случалось, что и дрался. Такъ онъ избилъ на пожарѣ какого-то городского пожарнаго человѣка за неисправные рукава, чѣмъ управскіе чины оскорбились. Еще неудачнѣе онъ ударилъ этимъ костылемъ ссыльнаго поляка, отличнаго, интеллигентнаго столяра, до крайности ретиваго, который отвѣтилъ.... Бѣдняга, конечно, недолго жилъ послѣ, — но этотъ случай былъ, конечно, прискорбенъ для честнаго старика не менѣе, чѣмъ для его жертвы. Едва-ли онъ не былъ и рѣшающей причиной преждевременнаго отозванія генерала Синельникова (декабрь, 1873), характерную фигуру котораго долго еще потомъ видѣли на улицахъ Петербурга. Не въ пользу ему послужило и то, что онъ привезъ съ собой сына въ полковничьемъ чинѣ, назначеннаго на должность по таможенной части. У насъ вѣдь вообще, если выдается ненарокомъ честный дѣятель, чуждый личныхъ цѣлей, то взрослые сыновья и племянники всего чаще вредятъ его репутаціи и принижаютъ его личность.

Циркуляры генерала Синельникова засвидѣтельствовали передъ всей Россіей низкій нравственный уровень восточно-сибирскаго чиновничества того времени, вліятельнѣйшую часть котораго составляли пріѣзжіе изъ Россіи добрые молодцы, домотавшіеся до того, что для нихъ двойные прогонны, годовой окладъ жалованья и необходимость отдѣлать себя нѣсколькими тысячами верстъ отъ разныхъ стѣснительныхъ личностей — составляютъ вопросъ жизни и смерти. Всѣ они наслышаны о золотѣ, соболяхъ, о безцеремонности сибирской взятки, о чинахъ и крестахъ, расточаемыхъ дюжинами за курьерскія поѣздки и т. п. Всѣ вѣдуютъ, что эти блага не минуютъ ихъ рукъ, и, конечно, эти вкляты принадлежать къ числу ненарушимѣйшихъ.

Всѣ состоятельные иркутскіе люди ублажали, конечно, по

мѣръ потребности, начальствующихъ лицъ, къ которымъ имѣли касательство; но прикармливали высшихъ чиновъ, до генералъ-губернатора включительно, только два дома: Трапезниковы и Ив. Ст. Хаминновъ.

Я послѣдовательно состоялъ на службѣ въ обѣихъ этихъ фирмахъ, но въ первой—всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Главу этого дома, Константина Петровича, при которомъ домъ главнымъ образомъ и разбогатѣлъ, я уже не засталъ. Будучи городскимъ головой и отстаивая интересы города (а можетъ быть только думскихъ воротилъ) противъ Муравьева, онъ былъ имъ посаженъ подъ арестъ, чѣмъ стяжалъ сугубое уваженіе согражданъ. Судя по портрету, это былъ почтенный, замѣчательно благообразный старикъ. Вдова его, Зинаида Ивановна, являлась главою дома только по части представительности; хотя путемъ прислуживанія черезъ нее иногда достигались и довольно серьезныя дѣловыя цѣли. Вообще же, дѣлами въ Иркутскѣ управлялъ старшій сынъ, Сергѣй, а представителемъ дома въ Москвѣ былъ второй сынъ, Ѳеодоръ, прошедшій, сколько помню, курсъ въ университетѣ, имѣвшій также собственныя свои самостоятельныя дѣла и пользовавшійся въ средѣ московскаго купечества значительнымъ уваженіемъ.

Незадолго до моего поступленія въ контору Трапезниковыхъ, Сергѣй Константиновичъ былъ вовлеченъ въ покупку Николаевскаго желѣзнодорожнаго завода за цѣну, въ нѣсколько разъ превышавшую его дѣйствительную стоимость и безъ всякаго соображенія съ громадными затратами, необходимыми для возобновленія дѣятельности завода, запущеннаго и обветшалаго. Выставили на видъ громадность заводской дачи, 50.000 кв. верстъ, цѣлое герцогство, гдѣ владѣлецъ—единственная власть, отличное качество руды, облагодѣтельствованіе края, обдѣствующаго безъ желѣза, и т. д. Самъ генералъ-губернаторъ Корсаковъ не побрезгалъ принять въ этомъ дѣлѣ личное участіе, пріѣзжалъ убѣждать неопытнаго юношу и его мать. Юноша прельстился; а вмѣстѣ съ тѣмъ положено было начало разстройству его дѣлъ. Расходы превзошли всѣ ожиданія, рабочихъ и мастеровъ пришлось выписывать изъ Россіи; сбытъ былъ ничтожный; доставка изъ-за двухсотъ, кажется, верстъ отъ большого тракта обходилась непомерно дорого, и единственное вознагражденіе за все это заключалось въ томъ, что въ конторѣ появились печатныя бланки Николаевскаго завода, и подъ всякими распоряженіями конторщики писали: „Заводовладѣлецъ“,—послѣ чего такъ пріятно было подмахнуть: „Сергѣй Трапезниковъ“. Заводовладѣльцу по-

счастливилось найти хорошаго управляющаго, Гектора Ив. Гуллета, англичанина, отлично говорившаго по-русски и очень популярнаго на Уралѣ, по техническимъ знаніямъ, опытности, умѣнью ладить съ людьми и пріятному характеру, не чуждому нѣкоторой, подкупающей лихости. Прекрасная, дружная семья облегчала ему пустынножителство въ глуши Николаевскаго завода, и онъ принялся за дѣло со всей свойственной ему энергіей. Но владѣлецъ завода подпалъ въ это время подъ вліяніе нелѣпаго петербургскаго слѣтка, пріѣхавшаго въ Иркутскъ искать счастья и сумѣвшаго очень для себя выгодно подладиться къ Трапезниковымъ, и это пагубно отразилось на положеніи дѣлъ въ заводѣ. Гуллетъ внушалъ владѣльцу, что необходимо сосредоточиться на выдѣлѣ желѣза возможно лучшаго качества и возможно дешеваго; а пріятель совѣтовалъ облагодѣтельствовать край столь необходимыми ему издѣліями. Для воздѣйствія на Гуллета и, конечно, негласнаго контроля надъ нимъ, пріятель былъ даже поселенъ на заводѣ, въ домѣ владѣльца и съ форменными обширнѣйшими полномочіями. Внѣшность и манеры его были изъ самыхъ дѣйствующихъ на нервы и испытывающихъ терпѣніе собесѣдника. Когда я, по ненависти къ моей тогдашней иркутской обстановкѣ, перепросился изъ конторы на заводъ, отношенія между Гуллетомъ и присланнымъ въ помѣху ему соглядатаемъ были уже крайне обострены. Меня же Гуллетъ сразу полюбилъ — часто звалъ обѣдать и проводить время въ его семьѣ, и не сдерживалъ при мнѣ своей досады на нелѣпое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ. Довольно скоро, не помню, черезъ сколько именно времени, онъ поручилъ мнѣ написать принципалу откровенное письмо по этому поводу. Ко мнѣ были добры въ домѣ Трапезниковыхъ, я зналъ тамошнія личныя симпатіи; такъ что мнѣ слѣдовало, если не вовсе отклонить порученіе, то во всякомъ случаѣ придерживаться изложенія возможно безличнаго и попросить, чтобы письмо было перебѣлено другой рукой, — напри- мѣръ, рукой дочери Гуллета, Дженни. Но я такъ сочувствовалъ Гуллету, что не остерегся, и письмо вышло слишкомъ горячее, такъ что двѣ строки Гуллетъ счелъ необходимымъ выскоблить, что и исполнилъ съ поразительнымъ искусствомъ собственнымъ своимъ ножичкомъ, и только затѣмъ подписалъ. Послѣдствія не заставили себя ждать, и я вскорѣ былъ уволенъ „отъ должности и вовсе отъ службы“. Когда я возвратился въ Иркутскъ и рассказалъ объ этомъ одному изъ немногихъ образованныхъ и порядочныхъ людей, пользовавшихся моимъ уваженіемъ, и въ чемъ домъ я былъ хорошо принятъ, онъ осудилъ меня: — „Хорошо, что вы

мнѣ это сказали; а то ужъ я хотѣлъ идти объясняться изъ-за васъ съ Трапезниковымъ".—Я еще тогда не пришелъ къ сознанию моей безтѣтности, и не захотѣлъ оправдываться; мы разстались холодно, и наши отношенія съ тѣхъ поръ измѣнились.

Гуллетъ недолго послѣ этого управлялъ заводомъ. У него объявился ракъ въ желудкѣ. Онъ прѣвзжалъ лѣтомъ посовѣтоваться съ докторами, причемъ я его видѣлъ въ постели, исхудалаго, измученнаго болѣзною. Онъ принялъ меня попрежнему, дружески, и хотя говорилъ медленно, съ видимымъ усиленіемъ, довѣрчиво разсказалъ мнѣ, какъ его угнетаетъ мысль о недостаточномъ обезпеченіи семьи. Вскорѣ послѣ возвращенія домой, онъ умеръ; а дѣла на заводѣ пошли такъ нехорошо, что черезъ шесть лѣтъ послѣ покупки и по затратѣ на него болѣе двухъ милліоновъ онъ былъ проданъ за сто тысячъ рублей, съ срочкою платежа на девять лѣтъ.

Я оставался безъ мѣста недолго, и 7-го марта 1867 года поступилъ на службу къ Ив. Ст. Хаминуву. Вообще онъ не принималъ ни лицъ привилегированныхъ сословій, ни ссыльных,—но сдѣлалъ въ данномъ случаѣ исключеніе въ мою пользу, быть можетъ, до извѣстной степени, въ пику С. К. Трапезникову.

Замѣчательная, очень характерная личность И. С. Хаминова изображена мною вполне точно въ очеркѣ „Прикащикъ Выучка“, подъ именемъ Ильи Егоровича Шарапова; тамъ же разсказана во всей подробности и моя у него служба, такъ что распространяться объ этомъ вторично не представляется надобности, и я могу прямо перейти къ моему отъѣзду изъ Иркутска.

Бумага объ этомъ пришла въ іюнѣ 1872 года. Принципалъ убѣждалъ меня остаться, доказывая, что я ничего отъ этого не проиграю, а могу только выиграть; но я отвѣчалъ, что дорожу каждымъ шагомъ, приближающимъ меня къ Россіи и къ родительскому дому. Тогда онъ любезно предложилъ мнѣ доѣхать до Екатеринбурга съ приказчиками, отправляемыми на нижегородскую ярмарку, милѣйшимъ М. В. Зазубриннымъ и однимъ изъ племянниковъ.

Когда я пришелъ проститься съ жандармскими родственниками,—къ которымъ очень уже давно не показывался,—полковникъ отвелъ меня въ кабинетъ и съ нѣкоторымъ волненіемъ сказалъ:—„Вы, можетъ быть, думаете, что я дѣйствовалъ противъ васъ; не думайте этого“.—Я отвѣчалъ, что ничего подобнаго не думаю, и простился съ нимъ и его семьей какъ съ посторонними.

Послѣ самыхъ любезныхъ проводовъ со стороны хозяина и исполнѣ товарищескаго прощанія съ сослуживцами, я выѣхалъ

изъ Иркутска 27-го іюня 1872 года. М. В. Зазубринъ былъ извѣстенъ какъ отличный ѣздокъ, и я съ удовольствіемъ скажу, что оказался на высотѣ обстоятельствъ и, такъ сказать, даже превзошелъ ихъ. Тарантасъ былъ широкій, такъ что сидѣть втроемъ было удобно; но я большую часть пути, днемъ и ночью, проѣхалъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, на облучкѣ, и при перепряжкахъ рѣдко отходилъ отъ лошадей. Погода вообще благопріятствовала, что довольно мучительно искупалось усиленіемъ пыли, которая не страшна при встрѣчномъ или даже боковомъ вѣтрѣ, но ужасна при вѣтрѣ вслѣдъ ѣдущимъ, особенно при тихой ѣздѣ на спускахъ и подъемахъ. На пятисотъ-верстномъ разстояніи, по обѣ стороны Нижнеудинска досаждала мошка, которая тутъ составляетъ истинный бичъ населенія. Она пробиралась въ дома сквозь запертыя окна; а на улицѣ, т.-е. повсемѣстно внѣ дома, невыносима. Сѣтка до такой степени не составляетъ прихоти изнѣженныхъ людей, что даже крестьяне въ полѣ работаютъ въ сѣткахъ, которыя продаются въ каждой сельской лавочкѣ. Онѣ состоятъ изъ чернаго волосяного наличника, къ которому пришить ситцевый колпакъ или чепчикъ, ниспадающій на грудь и плечи. Въ арестантскихъ партіяхъ на большей части людей были такія же сѣтки. Издали человѣкъ въ такой сѣтѣ — негръ. Женщины носятъ штаны, которые нужно тщательно приматывать къ обуви. Лошадямъ и скоту мажутъ чувствительныя мѣста какимъ-то составомъ, съ участіемъ въ немъ скипидара. А по возможности — и вовсе не выгоняютъ скотъ въ поле. На охоту съ несмазанной собакой нельзя идти. Верстъ за триста, не доѣзжая Иркутска, этотъ адъ кончается.

Еще тягостнѣе, чѣмъ на остальномъ пути, были на этой дистанціи встрѣчи съ арестантскими партіями, которыя тутъ идутъ въ черныхъ волосяныхъ сѣткахъ, издали — будто негры. Чутко, угнетающе отзывался въ моей душѣ знакомый звукъ кандаловъ. Попрежнему, съ отвращеніемъ смотрѣлъ я на ненавидимыя, мазанныя охрой, этапныя постройки.

Въ Екатеринбургѣ я простился съ спутниками, и поѣхалъ оттуда уже одинъ, къ югу, въ указанный мнѣ для жительства захудалый городокъ Верхнеуральскъ, куда и прибылъ подъ Ильинъ день, 19-го іюля 1872 года.

В. Обручевъ.

ПИРАТЪ

РОМАНЪ.

„Gorri le Forban“. Roman, par *André Lichtenberger*. Paris. Calmann-Lévy. 1906.

Окончаніе.

XI *).

Маркиза де-Люссэ влетѣла какъ вихрь.

— Я видѣла его! Я съ нимъ говорила!

Феллетанъ, поэтъ-философъ, котораго она прервала на половинѣ строфы, бросилъ на нее молніеносный взглядъ; помня о впечатлѣніи, произведенномъ его „Стансами къ Ирокезу“, онъ снова открылъ ротъ, оправляя рукою жабо. Но тутъ поднялись радостныя, похожія на птичье щебетаніе, восклицанія; дамы вскочили съ мѣстъ и заговорили всѣ заразъ:

— Вы видѣли его? Какъ вы счастливы!

И съ самыхъ хорошенькихъ губъ въ Парижѣ посыпались вопросы:

— Какъ вы нашли его? Благородный ли у него видъ? Правда ли, что онъ слегка косить? Умѣетъ ли онъ держаться? Говорить ли по-французски? Чтѣ онъ вамъ сказалъ? Гдѣ можно его встрѣтить?

Маркиза де-Люссэ, граціозно опустившись на бержерку, притворно затыкала уши, увѣряя, что ей не дадутъ сказать ни слова. На нее посыпался градъ поцѣлуевъ, просьбъ, ударовъ вѣеромъ.

Вдовствующая графиня де Клейрисъ, у которой были парализованы ноги, воскликнула изъ глубины своего кресла:

*) См. выше: май, стр. 220.

— Когда вы избавитесь отъ этихъ вертушекъ, моя милочка, сядьте возлѣ меня. Я тоже хочу слышать...

Оскорбленный поэтъ обмахивался манускриптомъ для того, чтобы напомнить о своемъ присутствіи. Наконецъ, онъ спросилъ:

— О комъ идетъ рѣчь?

Вдовствующая графиня съ презрѣніемъ посмотрѣла на него въ черепаховый лорнетъ съ длинною ручкой.

— О комъ же теперь можно говорить, какъ не о Горри, корсарѣ Горри?

Горри! Поэтъ меланхолически свернулъ свою рукопись: теперь онъ уже зналъ, что ему нечего больше ждать.

Это происходило въ самую мрачную эпоху семилѣтней войны, когда пораженія слѣдовали за пораженіями—на сушѣ и на морѣ, когда посрамленіе министровъ и военачальниковъ уже перестало утѣшать народъ въ катастрофахъ, и самыя злыя пѣсенки уже теряли свою остроту. Какъ разъ въ эту пору въ городѣ и при дворѣ распространился странный слухъ. Королевскій фрегатъ „Беллона“, предоставленный исключительно собственнымъ силамъ, совершенно уничтожилъ эскадру адмирала Уальдона, состоявшую изъ семи линейныхъ кораблей, трехъ тысячъ пятисотъ человекъ экипажа, шестисотъ пушекъ — общей стоимостью въ нѣсколько миллионѣвъ фунтовъ стерлинговъ.

„Беллона“ вернулась въ Брестъ наполовину разоруженная, потерявъ двѣ трети экипажа, но—съ призомъ и съ бумагами губернатора Канады.

Пронесшійся это казалось столь неправдоподобнымъ, что ему сначала отказывались вѣрить, но величайшимъ скептикамъ пришлось признать истину вслѣдствіе рапорта г. де Буабертело, опубликованнаго во „Французской газетѣ“.

Въ одно мгновеніе, начиная съ закоулковъ Парижа и кончая его будуарами,—всюду пронесся вихрь энтузіазма, и война сразу сдѣлалась модною темою. Восторгъ достигъ своего апогея, когда было удостовѣрено, что герой этого событія не былъ военнымъ по профессіи, но страннымъ существомъ, китоловомъ, баскомъ, плохо понимавшимъ по-французски, дикаремъ, словомъ — тѣмъ первобытнымъ человѣкомъ, котораго только-что открылъ Руссо. Даже философія была заинтересована въ его побѣдѣ. Къ чувству патріотизма и польщенной народной гордости — примѣшалась модная сентиментальность для того, чтобы возвести Манека Горри на пьедесталъ.

Подробности, лично его касавшіяся, переходили изъ устъ въ уста. М-ме Дартуа, „торговка модами“, выпустила изъ своей ма-

стерской поясъ à la корсаръ, имѣвшій громадный успѣхъ; Мордъ, парикмахеръ, нажилъ большія деньги изобрѣтеніемъ прически въ видѣ китоловной лодки. Привратникъ дома въ улицѣ St.-Honoré, завѣщаннаго маркизомъ де-Моннезэ m-lle Коризандѣ, наполнилъ три ящика письмами, драгоценностями, сувенирами всякаго рода, присылаемыми на имя Горри; онъ даже пополнилъ приданое своей дочери деньгами, вырученными отъ продажи нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Въ день вѣзда корсара съ актрисою въ Парижъ, на пути, по которому слѣдовала ихъ берлина, собрались такія массы народа, что пришлось прибѣгнуть къ объѣздной командѣ. Изъ оконъ высовывались головы, сыпались цвѣты... Когда берлина остановилась, на подножку ея вскочила одѣтая въ бѣлое, молоденькая дѣвушка, подавшая герою шарфъ, на которомъ было вышито золотомъ: *Горри, сыну природы — отъ чувствительныхъ дамскихъ сердецъ Франціи.*

Общественное любопытство страдало отъ того, что герой нигдѣ не показывался. Онъ не отвѣчалъ на письма, не выѣзжалъ, не посѣщалъ ни салоновъ, ни оперы. M-lle Коризанда соблюдала такую же сдержанность. Съ горя всѣ накиннулись на офицеровъ „Беллоны“, и гг. де-Сентъ-Ивъ и Тревиллю, уцѣлѣвшимъ отъ англійскаго огня, грозила гибель отъ несваренія желудка. Отцу Менисье пришлось разставить рясу послѣ объѣдовъ, на которые онъ былъ приглашаемъ, а m-lle Нанонъ — отказывать своимъ воздыхателямъ. Въ тотъ день, когда Горри ѣздилъ въ Версаль, народъ бѣжалъ за нимъ до Suresnes, привѣтствуя его кликами.

За исключеніемъ малаго числа людей, никто не могъ похвалиться знакомствомъ съ Горри; поэтому г-жѣ де-Люссэ позавидовали болѣе, чѣмъ еслибы король подарилъ ее своею благоклонностью.

Сознавая свое преимущество, она позволяла вытягивать изъ себя по словечку... Да, это человѣкъ, стоящій внѣ сравненія. У него—пламенный взглядъ, улыбка его—то строгая, то веселая... Онъ странно говорить. Ничто его не удивляетъ. Высокій строй его души ставить его выше возможности чему-либо изумляться.

Г-жа де-Люссэ не сказала только, что она лишь мелькомъ видѣла Горри у маркизы де Буабертело. Неожиданный случай вывелъ ее изъ затрудненія. Въ салонъ вошелъ широкоплечій, некрасивый человѣкъ, но лицо хозяйки просіяло, словно при видѣ ангела небеснаго.

— Monsieur Кидоржъ, милости просимъ!

Графиня де-Бранжъ поблѣднѣла отъ зависти. Она отплатитъ соперницѣ, залучивъ къ себѣ отца Менисье, „краснаго монаха“.

Хорошенькія дамы порхали вокругъ доктора, усаживали его въ кресло, и онъ, внутренно потѣшаясь, благосклонно принималъ ихъ любезности.

Въ теченіе пятнадцати лѣтъ докторъ Кидоржъ, вооруженный всѣми научными дипломами, совершилъ большее чудо, нежели всѣ чудеса его профессіи: онъ не умеръ съ голоду. Случай, сведшій его съ маркизомъ де-Моннеза, завѣщавшимъ его потомъ актрисѣ, положилъ начало его благосостоянію. Оно достигло апогея въ тотъ день, когда, провожая свою госпожу въ колдунѣ, онъ былъ похищенъ бандитомъ. Теперь, когда Горри сталъ героемъ, и Кидоржъ, его товарищъ по оружію—попалъ въ герои. Его разрывали на части, золото текло къ нему рѣкою: самые высокопоставленные желудки добивались его врачебныхъ услугъ, самыя хорошенькія ручки предоставляли ему право выслушивать ихъ пульсъ, въ надеждѣ, что, быть можетъ, онъ расскажетъ что-нибудь о своихъ отношеніяхъ къ корсару Горри.

Докторъ Кидоржъ отнесся къ благопріятному повороту въ своей судьбѣ такъ же философски, какъ онъ принималъ ранѣ незаслуженные ея удары. Теперь, наслаждаясь близостью очаровательныхъ женщинъ, вдыхая ароматы ихъ духовъ и отирая свой запачканный табакомъ носъ, онъ, снисходя къ ихъ просьбамъ, принялся въ сотый разъ рассказывать о представленіи Горри ко двору.

— Дѣйствительно, оно такъ и было. Двѣ недѣли тому назадъ, король выразилъ желаніе лично вручить ему почетную шпагу. Манека Горри сопровождали въ Версаль г. де-Буабертело и г. де-Вильморонъ, отъ которыхъ я знаю эти подробности. Они прибыли ровно въ одиннадцать часовъ.

— Пойдите!—воскликнула м-ше де-Жедръ, поднявъ палецъ:—правда ли, что Горри, въ отвѣтъ на извѣщеніе о томъ, что король даруетъ ему аудіенцію, отвѣтилъ: „Очень радъ, что король пожелалъ видѣть меня; я самъ съ удовольствіемъ увижу его“.

— Я не въ состояніи, графиня, поручиться за буквальную точность этихъ словъ, но они вполнѣ въ духѣ нашего корсара.

Поэтъ, принявшій къ сердцу забвеніе, постигшее его стансы, замѣтилъ желчно:

— Трудно не видѣть хвастовства въ этой аффектаціи презрѣнія.

Шопотъ неудовольствія пробѣжалъ среди дамъ, вызвавъ краску на желтое лицо поэта. Г-жа де-Жедръ воскликнула:

— Неужели вы не знаете, что всѣ первобытные, неиспор-

ченныя люди презирають установленныя людьми сословныя различія?

— Не смѣю утверждать, что Горри вполне олицетворяетъ созданный господиномъ Руссо идеалъ человѣка, но смѣло могу сказать, что мысль объ аудіенціи не испугала его по той причинѣ, что, будучи баскомъ, онъ считаетъ себя на равной ногѣ съ королемъ Франціи. Вырвавшіяся у него слова въ достаточной мѣрѣ опредѣляютъ его чувства. Въ то время какъ господа де-Буабертело и де-Вильморонъ выказывали всѣ признаки волненія, прохаживаясь по китайскому кабинету его величества, и тревожились болѣе чѣмъ подъ выстрѣлами вражеской батареи, Горри, заложивъ руки въ карманы, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ любовался невиданнымъ имъ громаднымъ простѣлочнымъ зеркаломъ. Когда г. де-Лестокъ, камергеръ короля, подошелъ къ нему съ вопросомъ: не боится ли онъ?—Горри ограничился отвѣтомъ: „Мой предокъ Жанъ де-Урбіета, баскскій рыцарь, не побоялся взять при Павіи шпагу Франциска I, его плѣнника. Почему же я побояюсь принять шпагу, которою Людовику XV-му угодно меня пожаловать?“

— Восхитительно!.. божественно!.. очаровательно!

— И все же тутъ есть рисовка, если только онъ дѣйствительно сказалъ эти самыя слова,—вставила ѣдкое замѣчаніе графиня де-Бранжъ, поддержавшая поэта;—обыкновенно всѣ такія словечки придумываются впоследствии.

— Это бываетъ,—согласился Кидоржъ:—быть можетъ, господа де-Буабертело и де-Вильморонъ кое-что прибавили, но тутъ важна не столько буквальная точность выраженій, сколько то, что они вполне дополняютъ обликъ Манека Горри—насколько я знаю его.

— Правда ли, что корсаръ отказался явиться къ королю въ парикъ и придворномъ костюмѣ?—освѣдомилась г-жа де-Клервей.

Цѣлый рядъ восклицаній избавилъ доктора отъ отвѣта. Какъ? развѣ она не знала? Горри заявилъ, что если его старый костюмъ годился для битвы, то онъ достаточно хорошъ и для приѣма. —Вѣдь это было такъ, monsieur Кидоржъ?

Докторъ отвѣтилъ, что онъ не рѣшится этого утверждать. Фактъ тотъ—что Горри представлялся королю въ національномъ костюмѣ басковъ. Во время аудіенціи, длившейся пять минутъ, онъ былъ удостоенъ самыми лестными знаками высочайшаго вниманія.

— Что же говорилъ Горри?

— До сихъ поръ историческія слова, имъ произнесенныя, еще неизвѣстны мнѣ. Г. де-Вильморонъ далъ понять, что при-

родный умъ и достоинство нашего корсара, въ связи съ крестьянскою смѣтливостью,—позволили ему съ честью выйти изъ испытанія. Быть можетъ, въ слѣдующій разъ мнѣ удастся передать вамъ тѣ сентенціи, которыми нашъ баскъ снискалъ уваженіе монарха и заткнулъ за поясъ философа Руссо...

Ропотъ негодованія и шутливые удары вѣромъ—были отбѣтомъ на иронію доктора. Но вопросы продолжались.

Правда ли, что король предлагалъ Горри командованіе линейнымъ кораблемъ или даже эскадрою? Какого мнѣнія корсаръ о Парижѣ? Сколько ему лѣтъ? Правда ли, что Латуръ пишетъ съ него портретъ? Гдѣ можно его встрѣтить? Все ли еще онъ влюбленъ въ свою актрису?

Докторъ, съ улыбкою отвѣчавшій на полсотню вопросовъ, отступилъ передъ послѣднимъ. Между тѣмъ, романъ Горри съ Коризандою былъ одною изъ главныхъ причинъ, возбуждавшихъ общественное любопытство. Разговоръ перешелъ на любовь. Г-жа де-Сальвиантъ, имѣвшая двухъ мужей и неограниченное число поклонниковъ, замѣтила, что трудно себѣ представить: какъ можетъ любить подобный человѣкъ? Г-жа де-Люссэ сказала, что у людей первобытныхъ любовь должна выливаться въ особую форму, по случаю чего г. де-Толозэ, натуралистъ, вспомнилъ о папуасахъ, настигающихъ женщинъ въ саваннахъ. Мужчина силою затаскиваетъ жертву въ свой вигвамъ, и она становится на всю жизнь его добычей.

Дамы вскрикнули отъ ужаса. По ихъ усѣяннымъ брилліантами корсажамъ пробѣжала дрожь, но въ глазахъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ засверкали искры.

— Побьемся объ закладъ, *mesdames*, что вы были бы не прочь очутиться въ положеніи папуасокъ?—лукаво предполагалъ Кидоржъ, вызвавъ этимъ бурю шутливаго негодованія.

Тѣмъ не менѣе, воображеніе нарядныхъ и раздушенныхъ куколокъ смущалъ образъ не дикаря, но человѣка пылкаго, искренняго, не тронутаго цивилизаціей. Мысль объ актрисѣ и ея возлюбленномъ смущала многихъ дамъ.

Маркиза де-Рессакъ упорно молчала. Это была брюнетка съ гибкой таліей; ея красныя, какъ кровь, губы и матовая кожа обличали полуиспанское ея происхожденіе. Она вдовѣла три года, и ей приписывали много романовъ, послѣдній изъ которыхъ имѣлъ трагическую развязку. Принцесса де-Лирузъ дерзко отбила у нея ея возлюбленнаго, г. де-Салленей, который, три дня спустя, былъ найденъ заколотымъ на улицѣ. Передъ смертью онъ описалъ примѣты своего убійцы: это былъ стройный, женствен-

ной наружности юноша, котораго онъ успѣлъ ранить въ лѣвую руку. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ полного уединенія, г-жа де-Рессакъ появилась въ обществѣ. Ея жгучіе глаза притягивали мужчинъ, но сердце ея оставалось покуда свободнымъ.

Она заговорила своимъ теплымъ, нѣсколько гортаннымъ голосомъ:

— Я на дняхъ обѣдала у президента де-Трэвъ съ этою актрисою и ея возлюбленнымъ. Въ теченіе вечера я за ними наблюдала, и вотъ мои выводы: она безумно въ него влюблена, а онъ ее не любитъ.

— Возможно ли это?

Всѣ оживились. Конечно, лишь страсть могла бросить корсара въ объятія актрисы, но страсть бываетъ непродолжительна. Актриса—притворщица по профессіи—можетъ ли имѣть власть надъ человекомъ, который—сама искренность? Навѣрное, онъ уже свучаетъ съ нею, тяготится ея цѣпями?

Дамы единодушно возмущались противъ безстыдной женщины, монополизировавшей героя. Г. де-Толозэ обратился съ поклономъ къ г-жѣ де-Рессакъ.

— Маркиза, удостойте этого человека вашимъ взглядомъ, и я убѣжденъ, что въ первый разъ въ жизни независимый станетъ рабомъ.

Дамы зашебетали отъ восторга, но г-жа де-Рессакъ отвѣтила съ искреннимъ пафосомъ:

— М-лле Коризанда—особа съ такими выдающимися достоинствами, что похитить у нея сердце героя—было бы недостойнымъ поступкомъ. Завоевать его силою—другое дѣло.

Она впила лѣвою рукою въ атласную обивку кресла. Рука была бѣлая, длинная, мускулистая и на ней краснѣлъ рубецъ отъ раны. Г-жи де-Трэвъ и де-Люссэ обмѣнялись взглядомъ, а разбитая параличомъ графиня де-Клейрисъ поглядѣла на нее въ лорнетъ, какъ смотрятъ ветераны на идущихъ въ огонь новобранцевъ.

Возвращаясь домой, докторъ обдумывалъ слышанный имъ въ салонѣ рѣчи, сторонясь въ то же время отъ брызгавшихъ грязью экипажей. На улицѣ Сентъ-Дени ему встрѣтилась толпа, окружавшая карету, въ которой докторъ немедленно узналъ экипажъ актрисы. Она и корсаръ сидѣли на задней скамейкѣ, въ глубинѣ.

Повернувъ къ Горри свое тонкое личико, слегка наклонясь въ его сторону, молодая женщина что-то ему говорила, и во всемъ—въ ея нѣжныхъ чертахъ, въ сіяющей улыбкѣ, въ обво-

накивающей граціи движеній—чувствовалась страсть, обожаніе, беззавѣтное принесеніе въ даръ всей себя. Но Горри молчалъ—неподвижный, съ застывшимъ лицомъ. Изрѣдка съ его губъ срывались короткія замѣчанія или онъ сухо усмѣхался. Онъ оставался сосредоточеннымъ, далекимъ, заменутымъ.

Но вдругъ взглядъ его загорѣлся, онъ остановился на чемъ-то, и на скулахъ корсара проступилъ мимолетный румянецъ. Онъ замѣтилъ въ нишѣ дома статую Пр. Дѣвы съ Младенцемъ на рукахъ. Рука его поднялась для того, чтобы сотворить крестное знаменіе, но затѣмъ корсаръ рѣзко отвернулся и лицо его снова окаменѣло.

Кидоржъ задумчиво вернулся домой.

XII.

Съ того утра, какъ, опьянѣвъ отъ крови и побѣды, Горри упалъ въ объятія актрисы, онъ жилъ въ какомъ-то кошмарѣ, не узнавая своей души. Переворотъ былъ слишкомъ рѣзокъ.

Горри былъ истиннымъ сыномъ своего народа—одновременно борцомъ и мистикомъ, рабомъ своихъ порывовъ; переходы отъ морскихъ опасностей къ пламенной молитвѣ у подножья алтаря, а оттуда на оргію дикаго разгула—были свойственны его природѣ. Могучая узда религіи одна бывала въ состояніи укротить его инстинкты, но стоило ей порваться—и звѣрь бралъ верхъ надъ человекомъ. Вчера онъ жилъ среди приготовленій къ смерти, онъ былъ близокъ къ гавани спасенія. Сегодня онъ снова погружился въ бурное море, въ водоворотъ соблазновъ и страстей; въ немъ сразу сказалась кровь дикарей, его предковъ. Онъ рубился въ опьяненіи страсти; въ томъ же опьяненіи онъ накинута на женщину, давшую ему счастье любви; онъ жадно вкушалъ всѣ земныя радости и продолжалъ наслаждаться ими до пресыщенія. Мысль о вѣчномъ проклятіи придавала имъ какую-то особую остроту. Онъ не виноватъ, онъ всѣми силами души стремился къ святости; Господь не допустилъ его, Онъ насильственно толкнулъ его на путь грѣха. Гибель, такъ гибель!

Любить ли онъ актрису, безстыдно его завлекшую? Возможно ли назвать однимъ и тѣмъ же словомъ чистое чувство его къ Хуанѣ и это теперешнее его безуміе? Нѣтъ, порою онъ готовъ ее возненавидѣть, но она приковываетъ его къ себѣ очарованіемъ страсти. Она словно опоила его волшебнымъ зельемъ; она олицетворяетъ собою всѣ соблазны, отъ которыхъ онъ желалъ бѣ-

жать, всю нечистоту грѣховную, отъ которой онъ хотѣлъ бы очиститься. Но стоитъ ей раскрыть ему объятія, какъ онъ все забываетъ, и бѣшенная страсть убиваетъ опасенія предстоящихъ ему адскихъ мукъ.

Къ чувственнымъ соблазнамъ присоединились еще соблазны гордыни. Всѣ баски благородны, но все же Горри не могъ не подивиться собственному возвышенію. Изъ преступника, заранѣе осужденнаго на смертную казнь, онъ превратился въ вождя. Его могучая рука спасла фрегатъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ оказалъ королю большія услуги, нежели его генералы и адмиралы. Когда онъ высадился въ Брестъ, начальствующія лица обнажили головы, народъ привѣтствовалъ его. Съ этой минуты гордость, полная презрѣнія, овладѣла его сердцемъ. Въ Сень-Жанъ-де-Люцъ найдутся два десятка людей, которые сдѣлали бы то же, что и онъ. Человѣчество, бѣгущее за нимъ вслѣдъ, осыпающее его похвалами, показалось ему мелкимъ, достойнымъ презрѣнія. И тѣмъ не менѣе, оиміямъ славы не могъ не опьянить его. Самъ король пожелалъ видѣть его—Горри, китолова, корсара, преступника.

Преступенъ ли онъ? Въ водоворотѣ ощущеній и мыслей, его закрутившихъ, у Горри явились странныя подозрѣнія. Для него, поднимавшагося на такую высоту—обязательны ли тѣ принципы религіи и морали, которымъ онъ ранѣе подчинялся? Для людей исключительныхъ не существуетъ ли право наслаждаться тѣмъ, что воспрещается людямъ обыкновеннымъ?

Изъ оконъ кареты, увозившей его съ актрисою въ Парижъ,—Горри знакомился съ новымъ міромъ. Въ городахъ, черезъ которые они проѣзжали, его встрѣчала не только невѣжественная толпа, но вельможи и сановники, поставленные надъ людьми королевскою или Божьей волей. Знатныя дамы, разодрѣтыя и полуобнаженныя, предлагали ему себя съ такимъ же безстыдствомъ, какъ продажныя женщины. Прелаты и епископы кланялись ему и цѣловали руку его возлюбленной.

Въ Реннѣ, гдѣ они пробыли два дня, архіепископъ пригласилъ его и m-ле Коризанду къ обѣду. Набожный прелатъ, о которомъ всѣ говорили какъ о столпѣ католической церкви, пухлый, съ бѣлыми руками, румянымъ лицомъ и плѣнительнымъ обращеніемъ, усадилъ его напротивъ себя, актрису же—рядомъ съ собою. За десертомъ монсеньюръ произнесъ рѣчь; онъ поздравилъ корсара, прославившаго Господа истребленіемъ враговъ, а m-ле Коризанду—съ тѣмъ, что она явилась очарова-

тельнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго Богу было угодно открыть Горри свою волю.

Опьяненный пиршествомъ, Горри почти отказался отъ своихъ крестьянскихъ предубѣждений, и, съ одобренія примаса, онъ выказалъ въ этотъ вечеръ m-lle Коризандѣ большую, чѣмъ обыкновенно, нѣжность, почти изъятую отъ горечи.

Бурная шумная жизнь Парижа и Версаля научила Горри утонченностямъ и изворотамъ чуждой ему цивилизаціи, но среди этого блеска онъ еще яснѣе посылалъ, что все—суета суетъ. Зрѣлище безумнаго честолюбія—заставило его сильнѣе познать равенство людей, и онъ принималъ сыпавшіяся на него почести такъ же невозмутимо, какъ выдерживалъ бурю и натискъ враговъ.

Поразительная смѣна противоположностей и событій столь различнаго характера развила въ немъ своеобразный, отчаянный и насмѣшливый фатализмъ. Человѣкъ является игрищемъ непостижимыхъ силъ: сегодня — преступникъ, завтра — герой, онъ безсиленъ передъ судьбою. Принципы, ученія, формулы — все это слова, на которыя ловятся простаки. „Христіаннѣйшій“ король имѣетъ любовницъ, которыми онъ дѣлится съ князьями церкви. Они, въ свою очередь, попираютъ ногами религію; вельможи злоупотребляютъ властью, смѣются надъ совѣстью и честью. Люди презираютъ долгъ, вѣрность, чистоту, нравственность. Они оскорбляютъ Бога, прикрываясь Его именемъ,—да и есть ли вообще Богъ?

Горри пересталъ ходить въ церковь, и, дойдя до такихъ выводовъ, онъ съ дикой страстью упивался ласками женщины, воплощавшей для него отравленную и мучительную чашу наслажденія.

Со своей стороны, m-lle Коризанда любила Горри со всѣмъ подъемомъ, на какой была способна ея восторженная душа. Когда, въ кровавое утро побѣды, она, обезсиленная ужасомъ и любовью, отдалась ему—великому и отвратительному въ одно и то же время, она захотѣла потомъ, въ порывѣ гордости, оттолкнуть его, но руки ея лишь крѣпче обвились вокругъ шеи побѣдителя. Съ этой минуты она сознала, что принадлежитъ навѣки и безповоротно человѣку, принесшему ей откровеніе любви. Въ объятіяхъ корсара m-lle Коризанда впервые познала божественную, всепоглощающую страсть. Какъ далеки показались ей печальныя воспоминанія первой ея молодости и та старческая нѣжность маркиза де-Моннеза, которою онъ пытался согрѣть ея сердце! Какъ блѣдны и искусственны были всѣ романы, баю-

кавшіе ея скуку! M-lle Коризанда поняла, что она начала жить лишь съ той минуты, какъ увидѣла Горри. До тѣхъ поръ она лишь ожидала его.

Вначалѣ она думала, что ненавидитъ его; она инстинктивно страшилась силы своего чувства, но она уже любила его. Въ немъ она нашла человѣка сильнаго, съ суровыми понятіями о долгѣ и чести, съ пылкими порывами чуждаго ухищреній цивилизаціи человѣка. Онъ—непобѣдимый герой, нѣсколько загадочный и суровый, онъ—тотъ, передъ кѣмъ должны радостно преклониться женская гордость, достоинство, чистота. Онъ—тотъ, передъ кѣмъ все должно пасть и ступеваться. Она родилась для того, чтобы принадлежать ему. Онъ—ея возлюбленный, ея господинъ, ея Богъ. Дни и ночи, проводимыя ею близъ него,—мучительный и сладостный экстазъ.

Съ перваго дня къ блаженству удовлетворенной любви при-мѣшалась смутная тревога.

Когда, упоенная счастьемъ, она обратилась къ нему съ вѣчнымъ вопросомъ:—„любишь ли ты меня?“—онъ промолчалъ, но его тонкія губы полураскрылись жестокою улыбкою. Онъ не отвѣтилъ и на вторичный молящій ея вопросъ, но только съ новою силою сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Такимъ онъ и остался. Глаза его загораются страстью при взглядѣ на нее, ласки его бурны и неистовы, но въ обыкновенное время онъ сдержанъ, молчаливъ, держитъ себя надменно, снисходительно. Онъ коротко отвѣчаетъ на ея разспросы о томъ, что онъ думаетъ, о его жизни. Никогда она не слышала отъ него нѣжныхъ словъ, онъ не допускаетъ ее въ тайники своей души, но, быть можетъ эта самая таинственность всего болѣе плѣняетъ ее. Онъ такъ непохожъ на остальныхъ мужчинъ, такъ рѣзокъ и загадоченъ, что она, какъ женщина, жаждущая подчиненія, сразу признала его своимъ властелиномъ; но именно то невѣдомое, что она чувствуетъ въ немъ, и порождаетъ въ ней глухое безпокойство.

Онъ любитъ ее, страстность его ласкъ служить тому доказательствомъ: притворяться онъ не умѣетъ. Но что это за любовь? Долго ли она продлится? Каждый разъ, входя съ нимъ въ салонъ, m-lle Коризанда страдала при видѣ безстыдныхъ улыбокъ женщинъ, слыша двусмысленные комплименты ихъ по адресу Горри. Его осыпаютъ раздушенными записочками. Иногда его овлаждаетъ желаніе выцарапать эти наглые глаза свѣтскихъ развратницъ, но, боясь раздражить Горри, она скрывала отъ него свои муки и сама убѣждала его посѣщать общество. Она смутно

чувствовала, что увлеченіе баска свѣтскою жизнью было все же въ ея интересахъ.

Съ тѣхъ поръ какъ тщеславіе проснулось въ немъ и онъ сталъ находить нѣкоторое удовольствіе въ блестящей разсѣянной жизни, нравъ его смягчился. Однажды, когда онъ дружески, почти нѣжно съ нею разговаривалъ, она въ увлеченіи любви предложила ему уѣхать, поселиться гдѣ-нибудь въ хижинѣ. Онъ иронически, но безъ злобы улыбнулся и пожалъ плечами.

— Но вѣдь еслибы вы женились на m-lle Мендіондо, вы стали бы вести такую жизнь?

Тогда онъ окинулъ ее такимъ жесткимъ, тяжелымъ, ледянымъ взглядомъ, что сердце у нея похолодѣло, и она замолчала. Она поняла разницу, которую онъ дѣлаетъ между нею и чистою дѣвушкою. Къ его страсти примѣшивается презрѣніе. Она удерживаетъ его путемъ чувственныхъ наслажденій и тщеславія. Не слѣдовало говорить ему объ уединеніи. Онъ соскучится съ нею и подпадетъ подъ власть прежнихъ своихъ мечтаній.

Съ яснымъ лицомъ m-lle Коризанда стала появляться вмѣстѣ съ Горри въ салонахъ, на прогулкахъ; она граціозно выслушивала отравленные любезности и коварные намеки. Она посѣщала съ нимъ домъ герцогини и умирала отъ ревности на ужинахъ, видя, какъ знатныя дамы и куртизанки задѣвали его своими платьями и прикасались къ нему обнаженными плечами. Чтобы возбудить въ немъ ревность, она вновь выступила на подмосткахъ.

Онъ видѣлъ, какъ она волновала зрителей ощущеніями жадности, восторга, желанія, появляясь передъ ними въ нескромной одеждѣ, и по возвращеніи изъ театра его собственное влеченіе къ ней разгоралось.

Съ величайшимъ терпѣніемъ и энергіей она пыталась, съ помощью всякихъ ухищреній, окончательно завоевать своего возлюбленнаго; быть можетъ, современемъ она убѣдитъ его, что ея великая любовь такъ же благородна, возвышенна и чиста, какъ любовь той простой дѣвушки, которую онъ еще не забылъ. М-lle Коризанда мечтала о героическихъ подвигахъ, о чудесахъ самоотверженія...

Однажды, за ужиномъ у герцога де-Витри, съ глазъ у нея упала повязка, и она пошатнулась, словно получивъ ударъ прямо въ сердце.

Горри сидѣлъ за столомъ между г-жею де-Жедръ и г-жею де-Рессакъ. Брюнетка съ огненными глазами не отпускала его отъ себя весь вечеръ. Ради нея онъ измѣнилъ обычному своему равнодушію; онъ рассказывалъ ей о своей родинѣ и даже смѣялся

тѣмъ дѣтскимъ смѣхомъ, который бывалъ такъ рѣдокъ у него. Въ теченіе слѣдующихъ дней m-lle Коризанда, упорно слѣдившая за нимъ, убѣдилась, что онъ не видѣлся съ маркизою. Она нѣсколько успокоилась, но пробужденіе было ужасно.

Давали „Жанну д'Аркъ“, сочиненіе г-на де-Сентъ-Ипполита, историческую трагедію, отчасти приноровленную, въ цѣлхъ патріотизма, къ тогдашней эпохѣ, и m-lle Коризанда съ удовольствіемъ взяла на себя роль Жанны. Воплощая образъ безхитростной и чистой крестьянской дѣвушки, она заставитъ Горри позабыть о своемъ прошедшемъ, и этимъ какъ бы станетъ ближе къ нему. Онъ увидитъ ее въ роли вдохновенной Господомъ героини, побѣдительницы англичанъ, увлекшей за собою цѣлый народъ. Лотарингская дѣвственница невольно сольется въ его представленіи съ его возлюбленною. Онъ станетъ лучше, чище любить ее...

Въ день перваго представленія самъ авторъ былъ изумленъ жаромъ и благоговѣніемъ, тѣмъ ангельскимъ вдохновеніемъ, съ какимъ одѣтая въ простой холстъ и грубую пряжу актриса произносила стихи, въ которыхъ пастушка изъ Домреми выражаетъ свои чувства.

M-lle Коризанда украдкою слѣдила за своимъ возлюбленнымъ, сидѣвшимъ во второмъ ряду креселъ. Она съ радостью увидѣла, какъ рѣзкія черты на лбу его разгладились, лицо смягчилось и просвѣтлѣло. Для его простой души жевщина, взывавшая къ Богу во имя истерзанной родины, была уже не та жевщина, которая засыпала каждую ночь у него на груди. Въ моментъ паденія занавѣса, подъ рукоплесканія партера, она, стоя на колѣняхъ, увидѣла, какъ Горри отиралъ слезу.

Во второмъ актѣ выходъ Жанны сразу поднялъ настроеніе. Когда, кинувшись къ ногамъ безпечнаго монарха, она принялась умолять его вооружиться, и затѣмъ звенящимъ отъ страсти голосомъ произнесла призывъ къ его чести, къ мужеству всего королевскаго двора—по залѣ пробѣжалъ трепетъ. Слова о народномъ позорѣ прозвучали страннымъ совпаденіемъ. Не тотъ ли самый врагъ угнеталъ Францію? Не та ли самая безпечность ослабляла сердца вельможь? Единственный славный подвигъ за всю кампанію былъ совершенъ человѣкомъ незнатнаго происхожденія, народнымъ героемъ. Жанна д'Аркъ была тоже дочерью народа, и публика невольно устанавливала связь между произносимыми актрисою со сцены словами и личностью корсара. Она объединяла ихъ въ выраженіяхъ сочувствія, и m-lle Коризанда, граціозно раскланиваясь, понимала, что ея возлюбленный раздѣ-

лялъ общее настроеніе. Она вдругъ стала ему ближе; увлеченный общимъ энтузіазмомъ, онъ апплодировалъ ей, и его пламенный взоръ проникалъ въ самую глубь ея существа.

Но въ слѣдующемъ актѣ, во время сцены поединка, для которой m-lle Коризанда взяла нѣсколько уроковъ у знаменитаго фехтовальщика, актриса, поднявъ глаза, увидѣла, что Горри не было на его мѣстѣ. Она замѣшкалась и едва не получила ударъ рапирю прямо въ лицо. Реплику свою она произнесла беззвучно и провалила сцену, на которую авторомъ и директоромъ возлагались большія надежды. Ея острый взоръ не замедлилъ найти Горри въ ложѣ г-жи де-Рессакъ, предоставлявшей ему любоваться ея алебастровыми плечами и сіяющей улыбкой. Манекъ, слегка нагнувшись къ ней, внимательно ее слушалъ.

Остатокъ вечера былъ для актрисы пыткой, а для автора — переходомъ отъ надежды къ отчаянію. Она играла неровно, порывисто; порою она старалась привлечь вниманіе Горри своею трагическою мимикою и силою паѳоса, но онъ оставался разсѣяннымъ, и тогда все путалось у нея въ головѣ, она теряла тонъ, дѣлала неловкости. Ропотъ неудовольствія заставилъ ее опомниться. Недоставало только, чтобы ее освистали на глазахъ у соперницы! Въ сценѣ допроса и суда m-lle Коризанда снова покорила себѣ публику. Голосъ ея звучалъ то гордостью, то страстью, то жалобой, и сердца публики сжимались отъ волненія, слезы навертывались на глазахъ. Весь театръ поднялся, тысячи устъ привѣтствовали актрису. У себя въ ложѣ г-жа де-Рессакъ небрежно апплодировала ей; рядомъ съ нею неподвижно стоялъ Горри съ нахмуреннымъ лбомъ; ногти его впились въ бархатную обивку.

Когда въ послѣднемъ актѣ Жанна д'Аркъ появилась въ цѣпяхъ, окруженная англійскими солдатами, и стала медленно подниматься на костеръ, она, казалось, дѣйствительно изнемогала подъ гнетомъ жестокой судьбы. И когда вокругъ нея поднялось пламя, черты ея выразили столь истинное, ужасающее, глубоко-человѣчное страданіе, что, по выраженію критика, г. Фрерона, она явилась въ этотъ мигъ болѣе женщиной, чѣмъ героиней. Въ ту минуту, когда Жанна умоляетъ небо о состраданіи, въ которомъ люди ей отказали, m-lle Коризанда, поднявъ глаза, увидѣла, что ложа г-жи де-Рессакъ опустѣла. Привязанная къ костру дѣва, покинутая своимъ королемъ, сомнѣвающаяся въ Богѣ, переносищая физическія и нравственныя муки, страдала не болѣе, чѣмъ брошенная актриса въ то время, какъ она съ улыбкою кланялась публикѣ подъ громъ апплодисментовъ.

Горри вернулся поздно ночью и не далъ ей никакого объясненія. Съ того дня онъ еще болѣе замкнулся въ себѣ, сдѣлался еще молчаливѣе. Она не посмѣла ни разспрашивать его, ни удерживать. Она боялась, чтобы онъ совсѣмъ не ушелъ отъ нея. Она предпочитала тревогу, стыдъ, весь ужасъ раздѣла — непоправимой, страшной возможности потерять его. Пытка казалась ей предпочтительнѣе смерти. Случайно ей попалась на глаза выпавшая у него изъ кармана бумажка, и едва лишь дверь заперлась за нимъ, какъ m-lle Коризанда кинулась къ ней, развернула ее... Отъ письма распространялся запахъ духовъ, оно было написано тонкимъ женскимъ почеркомъ.

„Monsieur Горри, не скрою отъ васъ, что ваши достоинства произвели на меня сильное впечатлѣніе. Еще ни одному мужчинѣ не удавалось тронуть такъ сильно мое сердце. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, это чувство нашло откликъ и въ васъ; поэтому гордость моя позволяетъ мнѣ писать вамъ эти строки, не боясь униженія. Если мы достойны другъ друга, если наши сердца одинаково благородны — вы не оскверните возвышенную страсть раздѣломъ или жалкимъ притворствомъ. Если это лицо, на которомъ съ удовольствіемъ останавливались ваши взоры, если эта фигура, казавшаяся вамъ совершенствомъ, если страстная любовь, славное имя и значительное богатство — не кажутся вамъ настолько ничтожными, что вы не пожелали бы обладать всѣмъ этимъ, дайте мнѣ доказательство вашей искренности, порвавъ недостойную связь. Спѣшите къ той, которая готовитъ вамъ блестящую, несомнѣнно предназначенную вамъ судьбою будущность.

„Ваша — когда вы этого пожелаете.

„Марія, маркиза де-Рессакъ“.

M-lle Коризанда читала и перечитывала эти строки; гнѣвъ и скорбь разрывали ея душу. Презрѣніе соперницы не произвело на нее впечатлѣнія, но если та рѣшается такъ безстыдно предлагать себя, значитъ она заранѣе увѣрена въ отвѣтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, актриса ощутила облегченіе, узнавъ, что до сихъ поръ она еще не была обманута. Ея возлюбленный еще вѣренъ ей. Надолго ли? Навсегда! Она не дозволитъ отнять его у себя, ея рѣшеніе принято.

M-lle Коризанда накинула плащъ, на голову — кружевную мантилью и поѣхала въ наемномъ экипажѣ къ маркизѣ. Сначала, при видѣ ея небрежнаго костюма, лакей не рѣшался впустить ее, но она повелительно сказала:

— Доложите сейчасъ же вашей госпожѣ, что ее спрашиваетъ отъ имени Горри m-lle Коризанда!

Эти имена служили ключомъ, открывающимъ всѣ двери; лакей, низко поклонившись, провелъ молодую женщину въ будуаръ.

Маркиза де-Рессакъ полу-лѣжала на бержерѣ. На ея матовомъ лицѣ кровавымъ пятномъ выдѣлялся красный ротъ, а сверкающіе глаза ея показались актрисѣ двумя кинжалами.

Маркиза граціозно приподнялась, пригласила ее сѣсть и заговорила своимъ низкимъ голосомъ:

— Я счастлива, *mademoiselle*, что ваше посѣщеніе даетъ мнѣ возможность высказать вамъ, какъ я восхищаюсь вашимъ талантомъ.

Этотъ любезный приѣмъ, самообладаніе маркизы, роскошь, ее окружающая,—смutilи на минуту *m-lle* Коризанду, но гордость и искусство актрисы помогли ей овладѣть собою. Она отвѣтила съ изящной скромностью, и покуда обѣ женщины обмѣнивались случайными фразами, взоры темныхъ и голубыхъ глазъ скрестились, какъ два меча. Наступила пауза; затѣмъ *m-lle* Коризанда, глядя прямо передъ собою, сказала твердо:

— Позвольте мнѣ, маркиза, объяснить цѣль моего посѣщенія. Женщина моей профессіи не явится, какъ вы сами понимаете, безъ важныхъ къ тому поводовъ, къ такой знатной дамѣ, какъ вы.

Г-жа де-Рессакъ поспѣшила протестовать. Талантъ и грація *m-lle* Коризанды дѣлаютъ ее равною аристократкамъ; притомъ эти предразсудки уже исчезаютъ. Любезность маркизы показалась актрисѣ ироніей. Она поклонилась и продолжала:

— Вамъ извѣстно, маркиза, что Манекъ Горри—мой любовникъ. Я люблю его всѣми силами души. Онъ—моя жизнь, онъ—все для меня. Меня увѣряютъ, что вы тоже его любите. Я пришла узнать: правда ли это?

Маркиза вздрогнула, она не ожидала такого прямого нападенія, но отвѣтила съ оскорбительною холодностью:

— *Mademoiselle*, другая женщина на моемъ мѣстѣ сочла бы это за обиду. Но я сама просила васъ забыть о разстояніи между мною и—актрисою или простымъ рыбакомъ. Поэтому я отвѣчу вамъ, что вы дурно освѣдомлены.

Въ ея словахъ звучало невыносимое высокомеріе; *m-lle* Коризанда почувствовала, что ея плебейская гордость возмутилась. Она отвѣтила рѣзкимъ тономъ и столь же высокомерно:

— Не притворяйтесь, маркиза, и взгляните на это письмо! Вы не станете отрицать, что вы писали его?

Маркиза вспыхнула, но оправилась и отвѣтила, играя перстнями на своей рукѣ:

— Такъ какъ переписка вашего возлюбленнаго вамъ извѣстна, я не стану отрицать, что исключительныя достоинства Манека Горри внушили мнѣ желаніе возвысить его до себя. Сейчасъ я изъ чувства жалости къ вамъ сказала неправду.

М-ле Коризанда поднялась, она вся дрожала.

— Я не хочу вашей жалости, я хочу сохранить его любовь. Я запрещаю вамъ отнимать его у меня.

Г-жа де-Рессакъ отвѣтила съ тѣмъ же спокойствіемъ:

— А по какому праву, желала бы я знать?

М-ле Коризанда сдѣлала надъ собою усиліе и сдержалась.

— Простите, маркиза, если я въ своемъ волненіи не взвѣсила своихъ словъ. У меня нѣтъ никакихъ правъ, за исключеніемъ правъ любви. Я пришла не съ тѣмъ, чтобы оскорблять васъ, но для того, чтобы, отерывъ вамъ всю глубину моей любви къ Горри, тронуть васъ, и заставить отказаться отъ прихоти, которая, доставивъ вамъ мимолетное удовольствіе, разбила бы то, что мнѣ дороже самой жизни.

Маркиза взглянула на актрису съ большимъ участіемъ, ея высокомеріе смягчилось. М-ле Коризанда это почувствовала и съ умоляющимъ видомъ сложила руки.

— Простите, маркиза, вы не знаете, какъ я люблю его!

Наступило молчаніе; г-жа де-Рессакъ провела рукою по глазамъ.

— Mademoiselle, повѣрьте мнѣ, я съ искреннимъ огорченіемъ отказываюсь подчиниться не приказанію вашему, но просьбѣ.

— Вы хотите отнять его у меня?

— М-ле Коризанда, ваша попытка и все, что я о васъ знаю — внушаютъ мнѣ уваженіе къ вамъ; поэтому, забывая о женской стыдливости и привилегіяхъ моего круга, я отвѣчу вамъ откровенно. Еслибы чувство, влекущее меня къ Манеку Горри, было прихотью, я съ радостью отказалась бы отъ него, но у такихъ женщинъ, какъ я, не бываетъ прихотей, а только страсти. Я, какъ и вы, люблю Горри.

— Вы его любите?

Актриса сдѣлала шагъ впередъ, словно готовясь кинуться на соперницу. Онѣ стояли лицомъ къ лицу, съ раздувающимися ноздрями, со сверкающими глазами, изливая въ упоръ свою ненависть другъ къ другу. Маркиза повторила тономъ вызова:

— Да, я люблю его — всѣми силами, всей душой. Для того, чтобы принадлежать ему, я забываю о пропасти, насъ раздѣляющей. Выѣ его для меня ничего нѣтъ. Онъ уже былъ бы моимъ, но гордость мѣшаетъ мнѣ дѣлать съ вами его лю-

бовь. Я хочу, чтобы онъ принадлежалъ мнѣ, мнѣ одной, слышите ли вы?

Передъ яростью соперницы m-lle Коризанда отступила, но кинула ей въ лицо слова:

— Любите его, но вы знаете, что онъ васъ не любитъ, если вы принуждены предлагать ему свою любовь.

Г-жа де-Рессакъ отвѣтила съ коварною улыбкой:

— Чтò же вы здѣсь дѣлаете, если вы увѣрены, что Горри меня не любитъ?

М-lle Коризанда поняла, что своимъ поступкомъ она обнаружила собственную слабость. Но все же она не сдалась.

— Все равно. Покуда я жива — Горри не будетъ вашимъ.

— Не вижу необходимости въ томъ, чтобы вы жили, — съ жестокостью отвѣтила маркиза.

Вихрь безумія пронесся въ мозгу актрисы. На консоли лежалъ испанскій кинжалъ съ дамасскою рукояткою. Она схватила его, но пальцы маркизы впились въ ея руку. Г-жа де-Рессакъ была выше ея и сильнѣе.

Актриса поблѣднѣла, слезы подступили къ ея глазамъ, она со стономъ выронила оружіе.

Г-жа де-Рессакъ самоувѣренно усмѣхнулась.

— Видите, вы бессильны противъ меня.

М-lle Коризанда удержала слезы, готовая хлынуть; гордость ея оказалась сильнѣе ея страданія.

Она повторила съ мрачною рѣшимостью:

— Покуда я жива, Горри будетъ моимъ. А я не убью себя.

Маркиза посмотрѣла на нее безъ ненависти, скорѣе — съ сожалѣніемъ, смѣшаннымъ съ ироніей.

— Слова... Пустыя слова! Вы бессильны. Чтò можете вы сдѣлать? Напоить моихъ слугъ? Подослать убійцъ? Жалкія средства! Одно мое слово начальнику полиціи — освободить меня отъ васъ.

Актриса заломила руки. Она отступала, какъ загнанный звѣрь, и, не находя другихъ словъ, отчаянно повторяла:

— Покуда я жива — Горри не будетъ принадлежать вамъ!

Маркиза молча глядѣла на нее. Натура у нея была неумолимая и безудержная, но не лишенная благородства. Упрямая гордость актрисы ей нравилась. Она презирала людей, способныхъ унижаться. Видя, что m-lle Коризанда уходитъ, она остановила ее:

— Mademoiselle, я нахожу, что одна изъ насъ — лишняя на землѣ. Я могла бы устранить васъ безъ всякаго риска для

себя, но подобный поступокъ недостойнъ чувствъ, которыя мы обѣ питаемъ къ Горри. На дняхъ господа де-Наваррѣ и де-Миолланъ дрались на дуэли изъ-за m-lle Флоримонды, оперной пѣвицы. Г. де-Наваррѣ былъ раненъ въ грудь, и г. де-Миолланъ добился любви красавицы. Я полагаю, что такъ называемая слабость нашего пола—одинъ изъ предразсудковъ. Восхищаясь вами въ роли Жанны д'Аркъ, я убѣдилась, что вы не чужды искусству владѣть шпагою; я сама не совѣмъ неопытна въ этомъ дѣлѣ (взоръ маркизы остановился на рубцѣ, перерѣзавшемъ ея лѣвую руку)... Отказавшись отъ мелкой, бесплодной борьбы, жалкихъ слезъ и угрозъ, къ которымъ прибѣгаютъ женщины обыкновенныя, не пожелаете ли вы рѣшить нашъ споръ съ оружіемъ въ рукахъ? Не сомнѣваюсь, что, тронутый этимъ необычнымъ доказательствомъ любви, Горри всецѣло отдастъ свое сердце женщинѣ, которая для того, чтобы завоевать его, откинула собственную ея полу слабость. Побѣжденной не придется влечить жалкое и ненужное существованіе.

М-lle Коризанда съ секунду колебалась. Бой будетъ неравнымъ, соперница ея—сильнѣе, и рука, поразившая г. де-Салле-ней, не пощадитъ ее. Но актриса помнила, что Горри ускользаетъ отъ нея. Это—единственная возможность удержать его. Она твердо отвѣтила:

— Маркиза, благодарю васъ за ваше предложеніе, я принимаю его.

Г-жа де-Рессакъ попросила ее сѣсть. Она позвонила лакею, который подаль десертъ, и обѣ онѣ, кушая лакомства на драгоценныхъ тарелочкахъ, стали сговариваться относительно условій поединка на жизнь и смерть.

XIII.

Было прелестное весеннее утро. Передъ отелемъ m-lle Коризанды остановилась карета, изъ которой вышли герцогиня де-Рейлль и m-lle Таиса, пѣвица итальянской оперы. Обѣ онѣ, въ качествѣ искреннихъ поклонницъ таланта и личности m-lle Коризанды, предложили ей свои услуги. На нихъ былъ подходящий къ случаю костюмъ. Герцогиня надѣла треуголку, длинный коричневый рединготъ и варшавскіе сапожки; m-lle Таиса драпировалась въ итальянскій плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлись бѣлые гатры.

М-lle Коризанда вышла къ нимъ въ плащѣ изъ сѣраго дро-

тета; онѣ усадили ее въ карету, которая тотчасъ же тронулась, и принялись нѣжно ее успокаивать. Хорошо ли она спала? Актриса поспѣшила отвѣтить, что она совершенно спокойна, хотя мало спала.

— Видите?—Она протянула имъ свои маленькія руки. Онѣ были холодны, но не дрожали.

Ея мужество привело обѣихъ дамъ въ восторгъ. По дорогѣ въ Булонскій лѣсъ *м-лле Коризанда* грустно улыбнулась. Она дорожила бы жизнью, еслибы Горри любилъ ее. Если она такъ равнодушна, то лишь потому, что внутренній голосъ говоритъ ей, что Горри потерялъ для нея.

Во время безсонной ночи она съ удивительной ясностью, шагъ за шагомъ, восстановила въ памяти событія послѣдняго времени. Съ каждымъ днемъ Горри какъ бы уходилъ отъ нея; онъ сталъ избѣгать ея присутствія, ея ласкъ, и на ея нѣжныя слова отвѣчалъ рѣзко, отрывисто, со сдержанною злобой. Еще вчера, въ эту послѣднюю ночь, онъ заменился въ зловѣщемъ молчаніи; глаза его были опущены, словно онъ боялся выдать ихъ тайну; когда она протянула ему губы для поцѣлуя — онъ почти грубо оттолкнулъ ее. Сейчасъ она на цыпочкахъ входила въ нему въ комнату. Онъ спалъ съ нахмуреннымъ лицомъ, и когда она наклонилась къ нему, онъ инстинктивно отстранилъ ее, словно и во снѣ она была ему ненавистна.

Итакъ, для нея лучше всего умереть. Какая прекрасная развязка для пятаго акта драмы—смерть въ лѣсу, опушенномъ молодую листвою, подъ пѣніе птицъ, въ лучахъ восходящей зари! Быть можетъ, у Горри найдется слеза для той, которая умретъ изъ-за него? Она уже видѣла себя распростертою на травѣ, окрашенной ея кровью, и готовила свой послѣдній монологъ.

Карета остановилась. Молодая женщина очнулась отъ своего забытья. Герцогиня шепнула ей на ухо:

— Онѣ уже пріѣхали.

Въ двадцати шагахъ онѣ увидѣли маркизу, окруженную блестящею группою. Г-жи де-Жедръ и де-Трасѣ служили ей секундантами, но кромѣ нихъ явились въ качествѣ публики нѣсколько титулованныхъ дамъ и „лѣсныхъ нимфъ“, старый принцъ де-Ферльѣ, герцоги де-Соргъ и де-Сентъ-Аррой, нѣсколько петиметровъ и сочинителей. Все это группировалось въ тѣни деревьевъ. *М-лле Коризанда*, въ виду публики, рѣшила превзойти себя.

Секунданты обмѣнялись поклонами. Принцъ де-Ферльѣ предложилъ имъ свои услуги относительно подробностей дуэли; мѣсто было отмѣрено, оружіе выбрано. Стальная рукоятъ показала

тяжелою для слабой руки актрисы. Но не все ли равно? Г-жа де-Рессакъ заняла указанное ей мѣсто и воткнула кончикъ шпаги въ землю, пробуя гибкость стали.

На ней былъ гусарскій ментикъ, буфчатая юбка и гэтри изъ оленьей кожи; вся ея фигура производила впечатлѣніе увѣренности, ловкости и силы. Она напомнила m-lle Коризандѣ пантеру, готовую прыгнуть. Актриса сбросила съ себя сѣрый плащъ; она казалась совсѣмъ миниатюрной въ своей мужской шолововой рубашкѣ, открывавшей шею, и въ бѣлыхъ бархатныхъ панталонахъ. Шопотъ сочувствія и удивленія встрѣтилъ ее. Рядомъ со своей высокой темноволосой соперницей она производила впечатлѣніе робкаго бѣлокурого мальчика.

М-лле Тайса, готовая лишиться чувствъ, что-то шептала на ухо пріятельницѣ; m-lle Коризанда соглашалась съ нею, но не слышала ея словъ. Все ея вниманіе было сосредоточено на маркизѣ, небрежно игравшей шпагою. По губамъ ея скользила спокойная улыбка,—по ея губамъ, которыя сегодня вечеромъ будетъ цѣловать Горри. М-лле Коризанда чувствовала себя осужденною, и дуэль представилась ей ненужною комедіей. Ей хотѣлось бросить шпагу и подставить грудь подъ ударъ: пусть соперница покончитъ съ нею разомъ, чтобы ей не пришлось слишкомъ страдать. Приготовленія были окончены, всѣ смолкли. Г-жа де-Жедръ, отступивъ на шагъ, сказала:

— Allez!

Словно во снѣ, m-lle Коризанда увидѣла, какъ ея соперница прыгнулась, готовясь напасть на нее; она инстинктивно сдѣлала движеніе, чтобы отразить ударъ. А впрочемъ—къ чему? Лучше—скорый конецъ. Она сама подалась навстрѣчу острію шпаги и, закрывъ глаза, протянула руку впередъ. Почти въ ту же минуту она выпустила оружіе, вскрикнула и—отшатнулась.

Маркиза, не шевелясь, стояла передъ нею. Губы ея все еще пытались улыбнуться, но вдругъ она пошатнулась, страшно поблѣдѣла, на губахъ ея проступила кровавая пѣна, и она тяжело повалилась на траву, проколота шпагою насквозь.

М-лле Коризанду окружили со всѣхъ сторонъ, осыпая ее поздравленіями. М-лле Тайса и герцогиня обняли ее и залились слезами. Она стояла—безчувственная и безмолвная, глядя вслѣдъ тѣлу соперницы, которое успѣли унести. Ей казалось, что она находится во власти тяжелаго кошмара, что она сейчасъ проснется. Не ей слѣдовало стать убійцею. Она готова была разрыдаться.

Но внезапно видъ крови напомнилъ ей трагическую минуту ея жизни, связавшую ея судьбу съ судьбою Горри. И вдругъ ея

овладѣла дикая радость. Кровь впервые соединила ихъ уста,— пусть же кровь закрѣпитъ ихъ любовь. Она убила для того, чтобы сохранить возлюбленного.

Краснорѣчіе крови убѣдительнѣе для Горри, чѣмъ краснорѣчіе нѣжныхъ словъ и ласкъ. Когда онъ узнаетъ о происшедшей изъ-за него борьбѣ, онъ оцѣнитъ ее по достоинству.

М-ле Коризанда съ расцвѣтшею душою сѣла въ экипажъ. Она съ наслажденіемъ вдыхала восхитительную свѣжесть утра. Солнце сіяло, розы распускались для нея одной... Но вотъ она уже миновала заставу de l'Etoile, потянулись отели. Нетерпѣніе охватило актрису, она высовывалась изъ кареты. Жажда увидѣть Горри, сказать ему, что она сдѣлала ради него—пожирала ее.

Въ это утро, проснувшись на зарѣ подъ бѣлымъ съ золотомъ потолкомъ, расписаннымъ нимфами и купидонами, Горри еще сильнѣе ощутилъ мрачную апатію, овладѣвшую имъ въ предъидущіе дни. Увы! какъ далеки были отъ него чудныя минуты пробужденія на морѣ, когда съ полузакрытыми глазами онъ ощущалъ бодрящее дуновеніе морского вѣтерка, когда шумъ волнъ напѣвалъ ему пѣсню и безграничный горизонтъ открывалъ взору и душѣ безбрежность вѣчности! Не было это похоже и на пробужденіе въ родномъ краю, среди влажныхъ перловъ росы, благоуханія свѣжескошеннаго сѣна, подъ звонкое пѣніе пѣтуховъ, призывающее людей къ святой молитвѣ и здоровому труду.

Здѣсь человѣкъ, просыпаясь отъ тяжелаго, тревожнаго сна, сразу чувствуетъ гнетъ сгущенной атмосферы,—уличный шумъ непріятно отдается у него въ ушахъ, и онъ чувствуетъ себя въ плѣну у громаднаго, кишашаго вокругъ него города, отравляющаго своими мiasмами его тѣло и душу. Здѣшний воздухъ не радуется сердцу.

Неужели Горри, участь котораго такъ завидна, нуждается въ утѣшеніи? Не окруженъ ли онъ всеобщимъ поклоненіемъ? Одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ Парижа — его любовница. А стоитъ ему захотѣть, и у него будетъ двадцать другихъ женщинъ. Великолѣпное созданіе, такъ безстыдно предложившее ему свою любовь во вчерашнемъ письмѣ, — это уже не актриса, не куртизанка; она — маркиза, одна изъ знатнѣйшихъ дамъ въ королевствѣ, дочь стариннаго рода. Ея смуглая красота опьяняетъ какъ вино. Стоитъ ему протянуть руку — и она будетъ ему принадлежать. При этой мысли корсаръ ощутилъ приливъ гордости, но радости не было въ его душѣ.

Къ чему обманывать себя? Онъ несчастливъ. Чаша наслажденія отравлена; онъ не можетъ забыться въ водоворотѣ наслажденій и просыпается съ тяжелымъ горькимъ чувствомъ. Онъ злится на самого себя; для того, чтобы забыться, онъ унижается до грязнаго разгула, но среди оргій голова у него остается свѣжею, и когда, разбитый тѣломъ и духомъ, онъ ищетъ успокоенія, грызущая мысль неотступно терзаетъ его, превращается въ пытку и вырываетъ у него стоны боли, — у него, которому завидуютъ всѣ люди.

Всѣ? Нѣтъ, не всѣ. Есть человѣкъ, который не позабывалъ бы ему, еслибы зналъ, какой образъ жизни онъ ведетъ.

Это — старый священникъ, кюрэ Эчепаръ, вкрестившій маленькаго Манека, преподававшій ему катехизисъ, старикъ, у котораго онъ впервые приобщался св. таинъ, передъ кѣмъ исповѣдывался въ юношескихъ грѣхахъ. Онъ покачалъ бы своею почтенной головою и сказалъ бы сокрушенно: „Нашъ Горри живетъ въ Парижѣ въ грѣхѣ и нечестіи. Помолимся за него“.

Морякъ вполголоса произнесъ эти слова, но затѣмъ пожалъ плечами. Чѣмъ жизнь его хуже, чѣмъ жизнь славнѣйшихъ людей въ королевствѣ? Не ласкаетъ ли король свою Помпадуръ, нѣтъ ли возлюбленныхъ у самихъ епископовъ? Почему же рыбакъ Горри долженъ служить для нихъ примѣромъ добродѣтели? Положимъ, другіе разсуждаютъ еще лучше. Если новые Содомъ и Гоморра безнаказанно существуютъ, значить Бога нѣтъ?

Еслибы онъ могъ быть въ этомъ увѣренъ! Но у него нѣтъ увѣренности. Горри пытался изгнать Бога изъ своей души, и не могъ. Богъ вездѣ. Даже въ этомъ нечестивомъ городѣ Его присутствіе всюду ощущается. Ему возведены громадныя храмы, въ которые Горри не осмѣливается войти; на улицахъ встрѣчаются священники въ рясахъ и монахини въ своихъ повязкахъ; въ нишахъ видѣются статуи Пресвятой Дѣвы съ Младенцемъ, словно предостерегающія прохожихъ. Даже здѣсь въ его комнатѣ стоитъ старинная кропильница, и по утрамъ, и по вечерамъ пальцы Горри машинально дѣлаютъ знаменіе креста. Да, Богъ существуетъ. Человѣкъ можетъ зажмурить глаза, чтобы не видѣть солнца, но онъ все же будетъ ощущать его теплоту.

Много разъ Горри хотѣлъ зайти въ исповѣдальню, но у него не хватало духа. И если онъ умретъ, онъ будетъ проклятъ. Чтò если онъ умретъ?

Горри съ ужасомъ посмотрѣлся въ зеркало, поддерживаемое серебрянымъ фавномъ. Морщины на лицѣ его рѣзче обозначи-

лись, виски его посѣдѣли, онъ похудѣлъ, постарѣлъ. Онъ сталъ ближе къ смерти...

При этой мысли зубы у него застучали. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, какъ онъ былъ приготовленъ къ смерти; теперь она можетъ застать его врасплохъ! Минута безумія кинула его въ объятія этой женщины, подстерегавшей его; она воспользовалась его мгновенной слабостью для того, чтобы навѣки погубить его. Теперь онъ видитъ ее въ настоящемъ свѣтѣ: она — развратница, обреченная съ дѣтства, пороку, воспитанная внѣ церкви; ремесло ея постыдно, она — воплощеніе нечистоты. Ея поцѣлуи отвратительны ему; не нужно ему и ничьихъ другихъ, даже любви этой маркизы съ бархатными вызывающими глазами. Звѣрь еще живетъ въ немъ, но онъ скоро укротитъ его. Еслибы кто-нибудь помогъ ему порвать эти узы, освободиться отъ этихъ чаръ! Да сжалится надъ нимъ Пресвятая Дѣва! Неужели Она не вспомнитъ маленькаго Манека, съ такимъ благоговѣніемъ украшавшаго Ея алтарь цвѣтами?

На столики изъ розоваго дерева лежали принесенныя слугою письма. Горри машинально сталъ перебирать ихъ.

Вотъ почеркъ г-жи де-Рессакъ. Въ глазахъ корсара блеснулъ огонекъ. Онъ пойдетъ къ ней; онъ не любитъ ее, но она, по крайней мѣрѣ, его освободитъ отъ негодяйки, укравшей у него душу, укравшей у него Бога. Прежде чѣмъ прочесть письмо, Горри взглянулъ на надписи. Простой конвертъ со многими марками — привлекъ его вниманіе: должно быть, письмо пришло издалека. Корсаръ распечаталъ его, но при первомъ же взглядѣ на исписанный листокъ онъ смертельно поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

„Сынъ мой! Господинъ кюрэ пишетъ тебѣ по моему порученію. Когда черезъ шесть мѣсяцевъ „Denak-Bat“ не вернулся въ Сень-Жанъ-де-Люцъ, мы подумали, что всѣ вы взяты въ плѣнъ или погибли. Я надѣла трауръ и ежедневно служила обѣдню о здравіи Манека Горри и его освобожденіи, или объ успокоеніи души его. Но вотъ вернулся Арриагъ и другіе съ нимъ, и я узнала отъ него, какъ ты прославился, и порадовалась тому. Но узнала я также, что ты живешь въ грѣхѣ, и горестъ моя была такъ велика, что я сожалѣю, что ты не умеръ, ибо жизнь вѣчная предпочтительнѣе той жизни, которую ты ведешь.

„Сынъ мой, мнѣ говорятъ, что ты опьяненъ сатанинскими журеніями и возненавидѣлъ свою родную страну и вѣру Господню; но все же я не могу повѣрить, что ты не слушаешь словъ матери, которая денно и нощно испускаетъ своею скорбью и

молитвами твои грѣхи. И вотъ что Господь внушилъ мнѣ сказать тебѣ. Я, Граціанна Горри, носившая и вскормившая тебя, приказываю тебѣ все бросить и вернуться въ отцовскій домъ. Если же ты ослушаешься моего приказа — я прокляну тебя, а человекъ, навлекшій на себя материнское проклятіе, не найдетъ прощенія ни въ этой, ни въ будущей жизни.

„Но ты послушаешь меня, Манекъ, дитя мое! Домъ твой ожидаетъ тебя, вернись въ него. Самъ Господь глаголетъ моими недостойными устами. Въ послѣдній разъ Онъ указываетъ тебѣ путь къ спасенію. Манекъ, милый мой Манекъ, твоя мать тебя призываетъ, твоя мать ждетъ тебя“.

Внизу было выведено каракулями: „Граціанна Горри“, а подъ этою подписью приписано рукою священника:

„Горри, дитя мое! Господь требуетъ тебя. Мы простираемъ къ тебѣ руки“.

У Горри что-то сжалось въ горлѣ, глаза его затуманились. Въ ту самую минуту, когда онъ взывалъ къ Небу о помощи, къ нему донеслись родные голоса; онъ увидѣлъ мысленно эти простертія къ нему руки, этихъ колѣнопреклоненныхъ, плачущихъ стариковъ, родной домъ, его ожидающій, зеленѣющія поля, яблони въ цвѣту... Онъ услышалъ веселые голоса земледѣльцевъ, рѣзкіе звуки флажолетовъ, передъ нимъ воскресъ родной край, и его неудержимо потянуло туда.

Горри, пошатываясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ. Въ ухахъ его гудѣли колокола, они призываютъ грѣшника къ спасенію. Ему улыбается божественный ликъ Дѣвы; Mater Dolorosa улыбается ему, недостойному, зоветъ его. Старинный храмъ, залитый сіяніемъ, поля благоухаютъ, море чуть колышется. Небо раскрывается ему, и въ немъ — окруженный безчисленными ратами херувимовъ и серафимовъ, — престолъ Господа славы...

Горри провелъ рукою по лбу. Дивное видѣніе исчезло. На стѣнѣ прямо противъ себя онъ увидѣлъ портретъ m-lle Кори-занды, писанный пастелью. Она улыбалась ему — бѣленькая, розовая, съ пушистыми волосами и полуобнаженной грудью. Горри дико уставился на нее и вдругъ у него вырвался крикъ ужаса, лицо его исказилось, кулаки сжались: *онъ увидѣлъ!*

Онъ увидѣлъ изъ-подъ красокъ и холста то, что скрывалось за живымъ лицомъ куртизанки, — это личина врага рода человѣческаго, злобно смѣющагося надъ грѣшникомъ, окутаннымъ его сѣтями. Глаза его горятъ адскимъ пламенемъ, отвратительная улыбка играетъ на его устахъ. Это — Сатана, князь тьмы, который хочетъ увлечь его въ геенну огненную...

Горри отскочилъ и, схвативъ бронзовую чернильницу, пустилъ ея съ размаха въ стѣну. Стекло зазвенѣло, чернила залили портретъ актрисы. Горри всунулъ въ карманъ нѣсколько выигранныхъ имъ въ фараонъ золотыхъ монетъ и кинулся вонъ изъ комнаты.

Во дворѣ слышался скрипъ колесъ по песку. Вотъ она — врагъ его. Онъ больше не увидится съ нею. Горри прошелъ заднимъ дворомъ, выбрался на улицу и, закутавшись въ плащъ, пустился бѣжать, какъ каторжникъ, которому грозитъ погоня.

М-лле Коризанда постучалась въ комнату Горри; не получая отвѣта, она пріотворила дверь. Прежде всего ей кинулся въ глаза ея разбитый, залитый чернилами портретъ, разбросанныя бумаги, распечатанный конвертъ съ выпавшимъ изъ него письмомъ. „Милое дитя мое“...

М-лле Коризанда прочла письмо, лицо ея измѣнилось, она жалобно воскликнула:

— Горри! Горри!

Отвѣта не было. Не можетъ быть, чтобы онъ ушелъ! Онъ не можетъ быть далеко. Нужно бѣжать за нимъ, догнать его... М-лле Коризанда сдѣлала нѣсколько шаговъ, спотыкаясь какъ слѣпанъ, натыкаясь на мебель, но вдругъ у нея вырвался отчаянный крикъ, и она замертво упала на полъ.

XIV.

Цѣлую недѣлю во всѣхъ салонахъ и на прогулкахъ темой разговоровъ служилъ поединокъ г-жи де-Рессакъ и м-лле Коризанды; о немъ писали въ газетахъ, на него сочиняли куплеты. Общество раздѣлилось на два лагеря: одни восхваляли героизмъ маркизы и радовались тому, что она останется въ живыхъ; другіе сожалѣли, наоборотъ, объ участи м-лле Коризанды, особенно — въ виду всѣхъ поразившаго и теперь уже несомнѣннаго исчезновенія Горри.

Что случилось съ Горри? Кто увѣрялъ, что его похитила знатная австрійская дама; кто говорилъ, что король отправилъ его куда-то съ тайнымъ порученіемъ. Нѣкоторые просто предполагали, что м-лле Коризанда прячетъ его у себя, и такъ какъ она нигде не показывалась, этотъ слухъ казался правдоподобнымъ. Болѣе чѣмъ когда-либо отецъ Менисье и докторъ Кидоржъ служили предметами общаго вниманія и ухода, но они не многое могли сообщить: Горри исчезъ, здоровье м-лле Ко-

ризанды очень плохо. Однако, недѣли черезъ двѣ общественное любопытство сильно притупилось. Къ чему стараться разгадать непроницаемую тайну! Притомъ поэтъ Феллетанъ только-что выпустилъ въ свѣтъ свою „Апологию порока“, г-жа де-Помпадуръ начала сильно прихварывать, и король подумывалъ о томъ, чтобы разстаться съ нею. Насъ снова побили въ Германіи, но мы утѣшились тѣмъ, что насъ побилъ великій философъ и монархъ Фридрихъ,—и продолжали сочинять эпиграммы и *bout-rimés*.

Черезъ мѣсяцъ Горри былъ забытъ; приливъ равнодушія поглотилъ невѣдомаго моряка-баска. Г-жа де-Рессакъ осчастливила своею любовью итальянскаго врача, ее вылечившаго, а м-лле Коризанда вернулась на сцену. Въ первый разъ, когда она выступила передъ публикою въ „Аріаднѣ“ г. де-Лафероньеры, ее встрѣтили сочувственно, публика сравнивала ея судьбу съ участію повинutoй героини; ея блѣдность, исхудалыя руки и глубоко искреннія интонаціи—тронули чувствительныя сердца. Но она не сумѣла подогрѣть интересъ къ своей личности; въ игрѣ ея замѣчалось утомленіе, говорившее объ упадкѣ таланта, и вскорѣ дебюты м-лле Фаншетты, которой покровительствовалъ герцогъ де-Рошбрюнъ,—отодвинули ее на второй планъ. Притомъ м-лле Коризанда сдѣлала ошибку, незамѣтно отклонивъ исканіе стараго принца де-Ферльё; она не показывалась въ модныхъ мѣстахъ, и публика къ ней охладѣла. Однажды она позабыла роль, и изъ партера слышались свистки; лишь немногіе завзятые театралы замѣчали, что она становится все тоньше, блѣднѣе, прозрачнѣе... Мало-по-малу ея роли перешли къ м-лле Фаншеттѣ, а м-лле Нанонъ, за которою сталъ ухаживать принцъ де-Ферльё—въ рядъ куртизанокъ.

Г-жа де-Жедръ какъ-то сказала своимъ гостямъ:

— Вы знаете, что м-лле Коризанда очень больна?

— Надо навѣстить ее,—сказалъ г. де-Толозэ.

Но онъ забылъ объ этомъ. Единственными собесѣдниками актрисы были отецъ Мениссье и докторъ Кидоржъ, всѣми силами пытавшіеся развлечь ее и вывести изъ состоянія глубокой апатіи. Она проводила цѣлыя дни на кушеткѣ, погруженная въ мучительно-сладостныя воспоминанія, перебирая въ памяти послѣдній годъ своей жизни. Врачъ сообщалъ ей послѣднія политическія и научныя новости, но онѣ мало интересовали ее: вѣдь все это не имѣло отношенія къ Горри. Разказы отца Мениссье, повѣствовавшего ей съ наивною вѣрою ребенка о чудесахъ святыхъ, о религіозныхъ процессіяхъ—какъ-то успокаивали ее и словно приближали ее къ Горри.

Третьимъ ея собесѣдникомъ былъ не кто иной, какъ вѣрный шевалье де-Тремиссанъ. Послѣ многихъ посѣщеній онъ добился, наконецъ, того, чтобы его приняли. Онъ вошелъ блѣдный, исхудалый.

Онъ лишился руки въ морскомъ сраженіи, и его пустой рукавъ производилъ грустное впечатлѣніе. М-ле Коризанда почувствовала въ немъ брата по страданію: то, что она выстрадала изъ-за Горри, шевалье выстрадалъ изъ-за нея. Она приподнялась, протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и прошептала:

— Вы мнѣ прощаете?

Шевалье проговорилъ дрожащими губами:

— Я обязанъ вамъ единственными радостями моей жизни. Мнѣ нечего вамъ прощать.

Это было точнымъ выраженіемъ ея собственныхъ чувствъ по отношенію къ Горри.

Съ тѣхъ поръ его посѣщенія стали дороги ей. Она благосклонно слушала его и время отъ времени отвѣчала ему нѣсколькими словами; присутствіе шевалье вызывало передъ нею образъ Горри. Она съ грустью думала, что большинство людей жить и умирать, не достигнувъ головокружительныхъ вершинъ страсти, доступныхъ лишь избраннымъ, но ревнивая судьба заставляетъ избранниковъ дорого платиться за отвоеванное у нея счастье. Притомъ, сравнивая свою участь съ участью шевалье, m-ле Коризанда сознавала, что она была счастливѣе его. Потому-то она и спрашивала его: „прощаете ли вы меня?“. И онъ каждый разъ отвѣчалъ утвердительно. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ онъ страдалъ вдали отъ нея; теперь ему доставляло невыразимую сладость страдать въ ея присутствіи. Она была съ нимъ, она улыбалась ему.

Однажды онъ нашелъ ее болѣе блѣдной, чѣмъ обыкновенно; она кашляла и казалась очень утомленной. Во время разговора она неожиданно сказала.

— Когда я умру, вы станете заботиться о моей могилѣ?

„Когда я умру!“ Шевалье вздрогнулъ. Онъ не подумалъ о томъ, что она можетъ умереть. Все должно было остаться такъ навсегда. Онъ станетъ приходить къ ней, сидѣть возлѣ ея кушетки, любоваться нѣжнымъ румянцемъ, игравшимъ порою на ея щекахъ. Это было почти счастье.

Шевалье пробылъ у m-ле Коризанды всего нѣсколько минутъ; отъ расстройства онъ не находилъ словъ и, наконецъ, отправился къ Кидоржу.

Отбросивъ философскія разсужденія, которыми изобиловала

рѣчь доктора, шевалье вывелъ заключеніе, что единственною причиною болѣзни обожаемаго существа является бѣгство этого Горри — да разразить его Господь!

На слѣдующій день, явись къ ней, онъ былъ очень разсѣянъ и нѣсколько разъ извинялся въ своей неловкости; она подшучивала надъ нимъ и, наконецъ, сказала:

— Я не сержусь на васъ, такъ какъ знаю причину вашего волненія.

Шевалье сталъ протестовать, увѣряя, что онъ ничуть не взволнованъ, но *m-lle Коризанда* граціозно погрозила ему пальчикомъ.

— Не лгите, шевалье, вы очень неискусны во лжи. Вы говорите, что я скоро умру, но — напрасно. Мнѣ сладостна мысль, что вы станете жалѣть обо мнѣ.

Она отвернула рукавъ и протянула свою ручку, тоненькую, какъ шея лебедя, испещренную синими жилками. Лицо ея казалось восковымъ, и *г. де-Тремиссану* показалось, что онъ видитъ почти безплотное существо, жизнь котораго держится на ниточкѣ... Подъ шелковистыми складками пеньюара и одѣяла онъ уже угадывалъ маленькій бѣлый скелетъ, въ который превратится это очаровательное тѣло.

Шевалье вздрогнулъ: онъ все-таки остался въ живыхъ, между тѣмъ какъ она умирала! И вдругъ, осмѣлѣвъ, онъ заговорилъ о лекарствѣ, которое должно излечить ее: ей необходимо рѣшительно объясниться съ человѣкомъ, ее покинувшимъ. Пусть гордость ея не возмущается. Въ любви нѣтъ мѣста гордости.

— Я самъ служу доказательствомъ тому. Другой человѣкъ отнялъ васъ у меня. Я люблю васъ и хочу вернуть васъ ему.

Въ голосѣ его слышалась такая скорбь, взоръ блисталъ такимъ благородствомъ, что *m-lle Коризанда* была потрясена до слезъ; она протянула ему свою худенькую ручку.

— Другъ мой... Другъ мой... Какъ жаль!

Она созналась, что написала бѣглецу не одно, а цѣлыхъ пять писемъ, умоляя его хотя написать ей словечко на прощаніе, но отвѣта не получила. Теперь она уже не любитъ, она не хочетъ любить его.

Шевалье не сталъ противорѣчить. Пусть она не любитъ Горри, но воспоминаніе о разрывѣ тяготѣетъ надъ нею, какъ кошмаръ. Надо провѣрить свои собственныя чувства для того, чтобы освободиться отъ него. Притомъ ей поможетъ морской воздухъ.

М-лле Коризанда спорила, даже сердилась, но она сразу какъ-то вся ожила. Такая поѣздка — безуміе, ей не слѣдуетъ согла-

шаться, напрасно онъ совѣтуетъ ей это. Однако, призванный на совѣщаніе Кидоржъ заявилъ, что, съ медицинской точки зрѣнія, онъ ничуть не считаетъ этого безуміемъ. Но... дорожная карета очень обветшала. Шевалье предложилъ осмотрѣть ее, и на другой же день объявилъ, что черезъ недѣлю она будетъ исправлена.

— Черезъ недѣлю! — покачала головою m-lle Коризанда.

Она сидѣла въ креслѣ, и при входѣ сама поднялась къ нему на встрѣчу. Щеки ея казались менѣе впалыми, подъ тонкою кожей переливалась кровь. За завтракомъ у нея появился аппетитъ; она вышла въ садъ и съ наслажденіемъ вдохнула въ себя свѣжій воздухъ.

— Какъ отрадно оживать! — замѣтила она.

Въ назначенный срокъ шевалье объявилъ, что экипажъ въ исправности; онъ нанялъ лишнюю пару лошадей. Кучеръ у нея вѣрный, слуги — тоже. Она можетъ выѣхать, когда ей будетъ угодно.

M-lle Коризанда съ оживленіемъ его поблагодарила. Какъ онъ добръ! Да, эта поѣздка принесетъ ей пользу. Быть можетъ, она даже и не доѣдетъ до Сень-Жанъ-де-Люцъ. Это — слишкомъ далеко... Но перемѣна воздуха окончательно ее излечитъ. Какъ она благодарна ему!

Шевалье съ отчаяніемъ глядѣлъ на нее. Она казалась расцвѣтшею, какъ бы помолодѣвшею, трогательно прелестною въ своей нѣжной красотѣ и — такою желанною.

Острая боль сжала его сердце, и онъ глухо прошепталъ:

— Неужели я не заслужилъ, чтобы вы не лгали мнѣ?

Онъ закрылъ лицо своею единственною рукою и разразился рыданіями.

Ея голосъ шепнулъ ему на ухо:

— Это правда, другъ мой, это правда. Простите, что я лгала, желая избавить васъ отъ страданія. Да, я люблю его и ѣду къ нему. Простите мнѣ; у васъ такая великая душа, что она лишь въ самой себѣ можетъ найти отраду. Простите мнѣ, мой другъ, и дозвольте мнѣ поблагодарить васъ...

Она взяла его руку и покрыла ее поцѣлуями. Онъ нашелъ въ себѣ силы улыбнуться ей и прошептать:

— Будьте счастливы. Прощайте.

XV.

Въ чистомъ воздухѣ раздается звонъ колоколовъ. Онѣ гудятъ надъ долиной, и къ ихъ призыву никто не остается глухъ; по улицамъ городка, по бѣлымъ, осѣненнымъ тополями, дорогамъ народъ, въ праздничной одеждѣ, стекается отовсюду къ церкви, съ которою у религіознаго и суевѣрнаго баска связаны не только главнѣйшіе моменты его жизни, но и ежедневныя мелочи его существованія. Онъ никогда не забываетъ исполнить извѣстные обряды, начиная съ омовенія пальцевъ въ святой водѣ и кончая исповѣдью, дарующей ему отпущеніе грѣховъ. Церковь—снисходительная мать, не отказывающаяся принимать на свое лоно появившихся блудныхъ сыновей.

Въ это утро старинный храмъ представлялъ особенно торжественный видъ. Окрестные жители собрались въ огромномъ количествѣ для того, чтобы присутствовать при церемоніи крещенія сына и наслѣдника славной семьи бароновъ д'Армандариксъ.

Самъ баронъ сидѣлъ въ первомъ ряду; рядомъ съ нимъ помѣщалась красавица Хуана, еще блѣдная отъ родовъ. Она только-что встала съ постели; но ни одна мать изъ земли басковъ не согласится, чтобы ея ребенка окрестили безъ нея. Крестный отецъ сиръ де-Отгюн, крестная мать г-жа Мендіондо—сидѣли по обѣимъ сторонамъ красивой кормилицы, державшей на рукахъ новорожденнаго. Баронъ д'Армандариксъ и его молодая жена обмѣнивались по временамъ нѣжными взглядами. Видно было, что они глубоко любятъ другъ друга.

Въ этотъ же день предстояло крещеніе ребенка одного изъ фермеровъ барона, и воспріемникомъ былъ старый Арріагъ—въ настоящее время уже капитанъ судна.

Перешептыванія стихли, обѣдня кончилась, и кюрэ Эчепаръ разоблачился. Обрядъ крещенія предстояло совершить не ему. Среди благоговѣйнаго молчанія, къ алтарю приблизился въ священническомъ облаченіи, весь проникнутый святостью этой минуты, новый викарій Сибурры—Манекъ Горри.

Онъ помазалъ новорожденнаго святымъ елеемъ, прочиталъ установленныя молитвы. Торжественно прозвучали его слова: „Крещу тебя во имя Отца и Сына и св. Духа!“ Сынъ Хуаны вступилъ въ лоно христіанской церкви. Г-жа д'Армандариксъ была глубоко взволнована; баронъ крѣпко пожалъ руку аббату

Горри и, передавая ему весьма значительное вознаграждение за совершение требы, напомнил ему, что они ожидают его въ замкѣ къ обѣду. Не пожелаетъ ли онъ сѣсть съ ними въ карету? Аббатъ Горри поблагодарилъ. Онъ предпочитаетъ пройти пѣшкомъ.

Прозодивъ отъѣзжающихъ, бросавшихъ въ толпу пригоршни сластей и серебряныхъ монетъ, онъ вернулся въ церковь для того, чтобы снять облачение и перерядиться въ сутану. Надѣвъ широкополую шляпу, взявъ требникъ и палку, онъ пустился въ путь. Мужчины и женщины, стоявшіе у дверей своихъ домовъ, кланялись ему, и онъ привѣтливо имъ улыбался, съ серьезностью, подобающей его сану. Солнце ярко свѣтило, но въ воздухѣ уже чувствовалась осенняя свѣжесть. Викарій проголодался и ускорилъ шагъ, думая не безъ удовольствія о хорошемъ обѣдѣ. Послѣ темноватой церкви небо казалось особенно свѣтлымъ и чаровало своими вѣжными тонами. Викарій наслаждался безоблачнымъ миромъ, исходившимъ изъ полнѣйшаго душевнаго спокойствія и прелести окружающей природы.

Передъ замкомъ д'Армандариксъ, въ тѣни желтѣющихъ платановъ, были накрыты длинные столы, за которыми размѣстились сосѣди барона, его фермеры и служащіе. Аббатъ Горри сѣлъ по лѣвую его сторону, кюрэ Эчепаръ—по правую. Согласно обычаю, г-жа д'Армандариксъ должна была появиться лишь за десертомъ. Оба священника прочитали молитву, головы обнажились, а затѣмъ приглашенные принялись за ѣду. Обѣдъ былъ очень обильный, состоявшій изъ любимыхъ мѣстныхъ блюдъ, орошаемыхъ лучшими мѣстными винами. Крестьяне быстро освоились съ присутствіемъ дворянства, на нихъ не тяготѣлъ вѣками гнетъ рабства, всѣ баски—знатные и простые—чувствовали себя всегда свободными людьми, равными другъ другу; между ними не было глубокой пропасти, вырытой классовыми различіями. Ихъ вѣжность и душа ихъ во многомъ были схожи.

Аббатъ Горри, бесѣдуя съ барономъ, дѣлалъ честь обѣду; по временамъ онъ задумывался, но размышленія его были отрадные: ему не въ чемъ упрекать себя: онъ покаялся и вступилъ на путь, ведущій его прямою дорогою въ рай. Съ тѣхъ поръ какъ старый кюрэ Эчепаръ принялъ его, рыдающаго и коленно-преклоненнаго, въ свои объятія, прошлое умерло для него. Воля Божія совершилась. И другіе чувствовали то же самое, что и онъ. Женщины съ полною вѣрою шли на исповѣдь къ бывшему корсару и любовнику m-ле Коризанды. Его бывшіе сотоварищи по „Denak-Bat“ не ощущали ни малѣйшей неловкости при бе-

сѣдахъ съ нимъ, они глубоко уважали его въ его новомъ званіи; даже мать его, Граціанна, благоговѣла передъ „господиномъ аббатомъ“.

Когда Хуана, держа на рукахъ своего сына, стала обходить столы, онъ не ощутилъ ни малѣйшей горечи. Прошедшее умерло. Любовь его къ Хуанѣ была такою же ошибкою, какъ и всѣ другія. Онъ самъ сталъ другимъ человекомъ—мягкимъ и привѣтливымъ.

Послѣ обѣда гости пошли полюбоваться игрою въ мячъ, а затѣмъ надо было отправляться къ вечернѣ. По дорогѣ аббатъ зашелъ къ матери; она сама устроила его въ священническомъ домѣ и навѣщала его по вечерамъ, причемъ онъ каждый разъ долженъ былъ упрасивать ее сѣсть въ его присутствіи. Онъ чуть не облизывался при мысли, что онъ самъ будетъ служить по ней заупокойныя обѣды: ужъ она-то не засидится въ чистилищѣ!

Манекъ поцѣловалъ мать и сталъ рассказывать ей о крестинахъ; она съ восхищеніемъ слушала его, но было уже поздно. Викарій простился и поспѣшилъ въ церковь. И едва вступилъ онъ подъ ея темные своды, едва ощутилъ запахъ ладана и свѣчей, какъ все земное исчезло для него на порогѣ алтаря. Остался лишь священникъ, посредникъ между Богомъ и людьми на землѣ. Существуетъ лишь одно божественное начало, все остальное — ложь и призракъ. И среди глубокаго молчанія Господь глаголетъ собравшемуся народу устами аббата Горри.

XVI.

Уже дня два, какъ это иногда случается осенью, стояла сильная жара; удушливая пыль клубилась въ воздухѣ, море глухо шумѣло, все предвѣщало позднюю грозу.

Аббатъ Горри совершалъ богослуженіе, испытывая, какъ всегда, глубокую, захватывающую радость. Онъ вкусилъ всѣ земныя утѣхи: опьяненіе страстью, войною, тщеславіемъ; онъ знавалъ дивныя минуты возвращенія къ жизни послѣ испытанной опасности, но никогда не знавалъ онъ такого полнаго безоблачнаго блаженства. Всѣ блага міра отравлены и таятъ въ себѣ горечь, но божественная воля, вознесшая его надъ толпою, дала ему власть вязать и разрѣшать. Здѣсь, въ этомъ уголкѣ родной земли, онъ—посолъ Божій, онъ будить уснувшую совѣсть, и какъ прежде, среди разъяренныхъ волнъ, люди обращали къ нему взоры, ища у него спасенія, такъ и теперь, среди болѣе гроз-

ныхъ житейскихъ бурь, они ждутъ отъ него словъ мира, ведущихъ къ свѣту вѣчному.

Служба окончилась, и Горри перешелъ въ исповѣдальню. Онъ не былъ суровымъ духовникомъ, но требовалъ полного признанія и сердечнаго покаянія. Впрочемъ, въ средѣ этихъ первобытныхъ людей мало встрѣчалось сердецъ истинно ожесточенныхъ. Пылкость нрава и горячая кровь многихъ вводили во грѣхъ, но раскаяніе вскорѣ слѣдовало за проступкомъ.

Отпустивъ исповѣдниковъ, аббатъ Горри прочелъ молитву и собирався уже удалиться, когда дверь снова отворилась. Женщина проскользнула въ исповѣдальню и преклонила колѣни. Горри сѣлъ, но она молчала. Онъ подумалъ, что она нуждается въ словѣ одобренія.

— Сестра моя, не смущайтесь. Вы—въ домѣ Отца небеснаго. Онъ слушаетъ васъ; обратитесь къ нему съ открытою душой.

Онъ замолчалъ и склонилъ голову. Но вдругъ онъ вздрогнулъ. Знакомый, тонкій, опьяняющій запахъ донесся до него—благоуханіе порока и сладострастія. Онъ поднялся, взоръ его пронизывалъ темноту, сердце забилося—учащенными ударами.

Тихій, дрожащій голосъ прошепталъ:

— Господинъ аббатъ, простите меня... Горри, сжальтесь надо мною... Манекъ!

Она! Отравленная волна грязи, приливъ отвращенія—поднялись изъ темной бездны, едва не поглотившей его! Онъ невольно стиснулъ зубы и сжалъ кулаки. До какой степени безстыдства дошла эта женщина, если она рѣшается преслѣдовать до самыхъ ступеней алтаря человѣка, котораго она привела на край гибели! Но священникъ обязанъ подавлять въ себѣ чувства возмущенія. Горри мысленно произнесъ молитву. Снова послышалась страстная жалоба.

— Простите, что я вернулась. Я чуть не умерла... Я должна была увидѣть васъ. И притомъ вѣдь я не знала, я ничего не знала... Мнѣ только-что сказали...

Строгий и безличный—священникъ отвѣтилъ ей черезъ рѣшетку:

— Сестра моя, вы находитесь въ исповѣдальнѣ: здѣсь не мѣсто для суетныхъ мыслей. Если вы явились сюда не для исповѣди, мой долгъ—удалиться отсюда.

Онъ поднялся, но пальцы ея судорожно уцѣпились за рѣшетку, полное отчаянія лицо прильнуло къ ней, и съ устъ ея снова полились жалобы:

— Манекъ... Господинъ аббатъ, простите... Я не была подготовлена... Я не знаю, какъ называть васъ... Выслушайте меня... Я должна васъ видѣть, съ вами говорить... Я не могу уйти, не могу...

Въ словахъ этой женщины слышалось такое безуміе, такое отчаяніе, что викарій побоялся скандала, который осквернилъ бы святость храма. И аббатъ Горри отвѣтилъ:

— Здѣсь не мѣсто для такого разговора. Притомъ я прямо говорю вамъ, что при вашемъ теперешнемъ настроеніи я не вижу, чтобы изъ него вышло что-нибудь хорошее. Тѣмъ не менѣе, долгъ священника и христіанина повелѣваетъ мнѣ выслушать васъ. Я буду васъ ждать въ священническомъ домѣ черезъ полчаса.

— Благодарю васъ, благодарю... Какъ вы добры!

Викарій закрылъ окошечко и вышелъ на улицу. По стемнѣвшему небу неслись тяжелыя облака, море громко ревѣло; у пристани рыбаки крѣпче привязывали лодки.

Приказавъ служанкѣ впустить даму, которая скоро придетъ, аббатъ вошелъ въ комнату—довольно большую, съ навощеннымъ поломъ и выбѣленными стѣнками. Большое Распятіе и картины священнаго содержанія составляли единственное ея украшеніе; мебель состояла изъ шкафа, стола и четырехъ простыхъ стульевъ.

Аббатъ Горри сталъ молиться. Только-что сейчасъ онъ возгордился, забывъ о той глубинѣ паденія, изъ которой извлекло его божественное милосердіе! Господь покаралъ его, явивъ ему воочию зрѣлище его грѣха. Это униженіе исходитъ отъ Господа, и онъ обязанъ покорно снести эту кару. Превжній человекъ умеръ въ немъ. Все, что дѣлается по волѣ Божіей, есть благо. И въ то же время Господь даетъ ему возможность выказать твердость его въ вѣрѣ. Раса и священническій санъ раздѣляютъ ихъ бездною болѣе глубокою, чѣмъ морская пучина. Быть можетъ, несчастная этого не понимаетъ, но она должна понять.

Онъ сдержалъ біеніе своего сердца и снова принялся молиться. Небо все болѣе и болѣе омрачалось; по временамъ раздавалось протяжное рыданіе вѣтра.

Собака залаяла и загремѣла цѣпью. Кто-то стукнулъ въ дверь; аббатъ Горри поднялся. Женщина въ черномъ быстро вошла въ комнату и, машинально протянувъ руки, остановилась. Онъ указалъ ей стулъ, она опустилась на него, и оба они молча глядѣли другъ на друга.

Это онъ, да, это онъ. М-ле Коризанда жадно разсматривала его лицо: онъ немного пополнѣлъ, складки на лицѣ сгладились,

взоръ его сталъ менѣе жестокимъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ духовная одежда дѣлала изъ него другого человѣка.

Въ свою очередь, аббатъ Горри глядѣлъ съ изумленіемъ и презрѣніемъ на это блѣдное, исхудалое, обезображенное лицо; накрашенные губы рѣзко выдѣлялись на мертвенной блѣдности кожи, глаза были окружены синеватыми кругами и жалобная улыбка походила на гримасу человѣка, подвергнутаго пыткѣ. Неужели ради этого презрѣннаго созданія, столь явно отмѣченнаго печатью порока и низкой профессіи, ради этой брэнной, отцвѣтшей плоти, онъ, Горри, могъ забыть свой долгъ и едва не погубилъ души своей?

Передъ безобразіемъ своего грѣха онъ ощутилъ отвращеніе, смѣшанное съ негодованіемъ, и удвоенную признательность къ Творцу за свое спасеніе. Любовникъ этой женщины умеръ. Она не должна оскорблять своимъ присутствіемъ духовное лицо. Онъ жестко спросилъ:

— Вы желали меня видѣть? Чего вы хотите?

М-ле Коризанда вздрогнула, словно пробужденная отъ сна. Чего она хочетъ? Какъ объяснить? Ей хотѣлось одного: его увидѣть. Ей казалось, что какъ только они увидятся, она кинется въ его объятія,—она и не подозрѣвала о томъ, какою преградой между ними явится эта черная одежда. Слова замерли на ея губахъ...

Онъ вторично обратился къ ней еще болѣе рѣзкимъ тономъ. Тогда прерывающимся голосомъ, словно моли о прощеніи, глухо и неловко, запинаясь на каждомъ словѣ, она заговорила.

Когда онъ уѣхалъ, она была въ отчаяніи и едва не умерла. Это было бы лучше, не правда ли? И затѣмъ, друзья подали ей мысль поѣхать сюда... Ей казалось, что произошло какое-то недоразумѣніе. Вѣдь она не сдѣлала ничего дурного своему, своему... она хочетъ сказать—г. аббату... Она хотѣла лишь увидѣть его, объясниться... Ради этого она предприняла подорвавшее ея силы тяжелое путешествіе. Когда она узнала, что онъ сдѣлался священникомъ, это нанесло ей страшный ударъ, но священникъ долженъ быть добръ и милосердъ... Тогда она пошла въ церковь, въ исповѣдальню... Быть можетъ, она была неправа, но пусть онъ проститъ ей. Она была какъ безумная.

Ея горестная улыбка молила его о состраданіи.

Аббатъ внимательно выслушалъ ее. Обычная исторія грѣшницъ, для которыхъ пришелъ часъ расплаты.

Онъ увѣренно отвѣтилъ:

— Примите поразившій васъ ударъ, разрушившій ваше

кажущееся счастье, — подъ которымъ таился ужаснѣйшій грѣхъ, — какъ предостереженіе Господне. Подумайте, что стало бы съ вашею душою, если бы вы умерли въ беззаконіи! Пусть примѣръ вашего бывшаго сообщника научитъ васъ цѣнить милосердіе Божіе, спасающее грѣшника. Откажитесь отъ профессіи, справедливо осужденной церковью. Бросьте развратную жизнь. Вложите весь пылъ вашей души, влекшій васъ къ грѣховнымъ наслажденіямъ, въ великое дѣло ея спасенія. Умоляйте Господа, — и посредствомъ молитвъ, поста и бдѣнія омойтесь отъ безчисленныхъ пятенъ грѣха и всякой скверны.

М-ле Коризанда слушала его съ широко раскрытыми глазами. Неужели губы, роняющія эти мрачныя ледяныя слова, — когда-то такъ безумно цѣловали ее? Возможно ли, чтобы за нѣсколько мѣсяцевъ человѣкъ, бывшій ея возлюбленнымъ, сдѣлался этимъ человѣкомъ? Что таится въ этой головѣ съ вдавленными висками, на которой бѣлѣетъ теперь печать церкви — тонзура?

Аббатъ продолжалъ. Единственный совѣтъ, который онъ можетъ дать ей, это — вступить въ обитель кающихся въ Ахетцѣ, настоятельница которой, мать Saint-Irénée, не откажетъ ей въ духовномъ руководствѣ. Въ стѣнахъ монастыря она искупитъ свои прегрѣшенія. Онъ будетъ ежедневно молиться о ея спасеніи.

„Ваши прегрѣшенія“ — вотъ какъ называетъ онъ чудные часы ихъ любви, единственные, ради которыхъ стоило жить на свѣтѣ! Она возмущалась, но не посмѣла возражать ему. Она сложила руки и прошептала:

— Простите... Но моя жизнь не подготовила меня къ суровой монастырской жизни. Я страшусь ея. И все же я желаю оказаться достойною вашего участія. Помогите мнѣ освоиться съ нею. Позвольте мнѣ приходить къ вамъ за совѣтомъ, откройте мнѣ свѣтъ истины, который озарилъ васъ...

Она встала и униженно склонилась передъ нимъ. Но онъ отстранилъ ее рѣшительнымъ движеніемъ.

— Это невозможно.

— Почему? То, въ чемъ вы не отказали бы первому встрѣчному, неужели вы откажете въ томъ женщинѣ, имѣющей нѣкоторыя права на ваше сожалѣніе и не могущей быть вамъ со всѣмъ чужою?

Молнія гнѣва сверкнула въ глазахъ священника. Передъ нимъ стояла женщина во всемъ ея нечестіи. Она имѣетъ права на его состраданіе? Какою развращенною надо быть для того, чтобы напоминать ему, съ цѣлью вызвать состраданіе, о самыхъ позорныхъ часахъ его жизни!

— Это невозможно.

Невозможно? Слово, которое должно было бы привести ~~ее~~ въ отчаяніе, зажгло въ несчастной искру надежды. Значить, ~~она~~ для него — не совсѣмъ чужая; онъ смотритъ на нее ~~другими~~ глазами, онъ выдѣляетъ ее изъ среды своихъ духовныхъ ~~дщерей~~. Значить, въ аббатѣ Горри еще живетъ другой Горри, онъ ~~вспоминать~~ все, какъ и она сама. Онъ надѣлъ маску равнодушія, но не потому ли, что боится впасть въ искушеніе? Онъ можетъ провинять, оскорблять ее, но она вошла въ его плоть и кровь, онъ еще носитъ ее въ своемъ сердцѣ... И m-lle Коризанда нѣжно прошептала:

— Манекъ, Манекъ! Неужели ты дѣйствительно не хочешь видѣть меня?

Священникъ отодвинулся и отвернулъ лицо; онъ отстранилъ ее рукою, но она схватила эту руку, и лихорадочно зашептала:

— Манекъ, невозможно, чтобы ты прогналъ меня! Вѣдь это я—Коризанда, твоя возлюбленная... Ты помнишь наши ласки, наши поцѣлуи... Ты меня любилъ, ты еще любишь меня... Бей меня, ты не можешь убить прошедшаго, оно живетъ въ насъ. Мы еще можемъ быть счастливы. Позволь мнѣ любить тебя... Я вернулась — твоя Коризанда, твоя возлюбленная, твоя раба.

Ея губы прильнули къ его рукѣ. Ея нѣжныя руки пытались обвить его шею, опьяняющій ароматъ ударилъ священнику въ голову. Онъ гнѣвно зарычалъ и такъ рѣзко оттолкнулъ ее, что она упала на колѣни на полъ. Невыносимое отвращеніе преисполнило его сердце. Въ какую глубину разврата впало это жалкое существо, если оно осмѣливается соблазнять служителя Господа? Тутъ снисхожденіе неумѣстно. Подобныя души—гниль.

Аббатъ пальцемъ указалъ ей на дверь.

— Ступайте вонъ!

Она продолжала рыдать, безсвязно молить его, заламывая руки. Она вступитъ въ монастырь, но не теперь, позднѣе... Только бы ей видѣть его время отъ времени хотя издали... Она будетъ лежать у дверей какъ собака... Пусть онъ не гонитъ ее.

Аббатъ подошелъ къ двери, открылъ ее и повторилъ еще рѣзче:

— Уходите!

Она вдругъ поднялась и уставилась на него горящими глазами.

— Чтобы я ушла отсюда! Вѣдь я не безумная, какъ ты. Развѣ я не знаю, что счастье—въ этой комнатѣ, а внѣ ея—мракъ и

пустота? Манекъ, не будь безумцемъ! Я нашла тебя, я остаюсь здѣсь. Сбрось эту одежду, измѣнившую тебя! Тебя обошли, тебѣ внушили эти дикія мысли... Манекъ, прозрѣй, приди въ себя... Богъ, котораго ты создалъ себѣ—чудовищный Богъ, требующій отреченія отъ счастья. Ты считаешь себя его служителемъ; нѣтъ, это я служу ему. Ты искалъ спасенія, я приношу его тебѣ. Оно—на моей груди. Пусть будетъ все попрежнему... Я люблю тебя, ты—мой, пойдемъ со мною...

Съ минуту аббатъ Горри смотрѣлъ на женщину. Это уже было не то хрупкое существо, жизнь котораго, казалось, висѣла на ниточкѣ. Въ сумракѣ ея черная фигура словно выросла до гигантскихъ размѣровъ, выдѣляясь на фонѣ окна, озаряемаго молніями. Глаза ея горѣли, изъ устъ вырывалось пламя, руки тянулись къ нему. Ея страстный голосъ заглушалъ раскаты грома и свистъ вѣтра, въ ней была таинственная сила...

Аббатъ Горри оцѣнилъ себя вкрестомъ: какъ тогда въ Парижѣ—онъ увидѣлъ. Передъ нимъ стояла не женщина, но вѣчный врагъ рода человѣческаго, князь тьмы, погубитель душъ, самъ Сатана, дѣлающій послѣднюю отчаянную попытку погубить его!

Но священникъ сумѣлъ защитить себя. Онъ пошелъ прямо на нее, схватилъ ее сильною рукой. Она сопротивлялась, цѣпляясь за его одежду, впиваясь ногтями въ полъ, ломая ихъ до крови. Она защищалась съ помощью Нечистаго, удесятярившаго ея силы, но онъ все тащилъ ее. Голова ея стучалась объ углы, подъ ногтями проступала кровь. Онъ проволочъ ее по полу до передней и отворилъ входную дверь.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, громъ гремѣлъ. Она жалобно простонала:

— О, Горри, въ такую пору!..

Онъ выбросилъ ее на улицу; она упала въ лужу, но все еще продолжала глядѣть на него съ нѣмою мольбой. Чтѣ нужно сдѣлать для того, чтобы она ушла? Собака зарычала и загремѣла цѣпью. Аббатъ проговорилъ:

— Если вы не уйдете, я спущу собаку. Она загрызла двухъ цыганокъ.

При свѣтѣ не угасающихъ молній лицо священника показалось ей страшнымъ, безжалостнымъ. Его исказившія черты выражали одну свирѣпую ненависть. Все человѣческое исчезло съ этого лица. Собака зарычала.

Съ раздирающимъ крикомъ актриса повернулась и исчезла во мракѣ.

Когда звукъ шаговъ ея замолкъ, аббатъ вернулся въ свой домъ и заперъ дверь. Наступила ночь. Свистъ вѣтра и громовые раскаты—сливались съ лаемъ собаки. Но въ душѣ чловѣка царилъ миръ. Онъ побѣдилъ Лукаваго, и ему казалось, что онъ погружается въ источникъ неизреченнаго свѣта.

Съ франц. О. Ч.

ИЗЪ П Е Р Е П И С К И

ГЕРЦЕНА и ОГАРЕВА

Внутренняя исторія Россіи, за вторую половину истекшаго XIX-го вѣка, должна будетъ удѣлить немалое мѣсто имени А. И. Герцена: онъ оказалъ большое вліяніе на своихъ современниковъ и въ особенности на молодыхъ поколѣнія. Съ именемъ Герцена было неразрывно связано направленіе мысли и общественныхъ движеній за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ такомъ именно значеніи Герцена были убѣждены и его современники. Одинъ изъ нихъ, сравнивая вліяніе императора Николая I съ вліяніемъ Герцена на ихъ современниковъ, находилъ послѣднее гораздо болѣе значительнымъ (см. ниже, письмо 28-ое).

Въ наше время, отдѣленное отъ Герцена цѣлымъ поколѣніемъ, о вліяніи его и значеніи существуютъ разныя мнѣнія. Главнымъ, при этомъ, основаніемъ всегда служатъ вообще собственныя дѣла, произведенія самого дѣятеля или писателя; но лучшимъ дополнительнымъ къ нимъ и весьма драгоценнымъ источникомъ для оцѣнки такого дѣятеля или писателя служить переписка его съ родными, друзьями и пріятелями. Все это вполне справедливо и въ отношеніи А. И. Герцена; а между тѣмъ только съ нынѣшняго года открылась возможность, для всесторонняго сужденія о Герценѣ, ознакомиться съ его перепиской, адресованной одному изъ самыхъ близкихъ къ нему лицъ.

Покойный Александръ Александровичъ Герценъ, профессоръ лозанскаго университета, передалъ Румянцовскому музею пере-

писку своего отца именно съ Н. П. Огаревымъ за послѣдніе годы жизни А. И. Герцена, для вѣчнаго храненія въ музеѣ, съ тѣмъ, чтобы съ 1907 года она сдѣлалась доступною для всѣхъ, согласно правиламъ, принятымъ въ музеѣ. Съ этого времени, можно сказать, является новый исходный пунктъ для документальнаго изученія цѣлой эпохи и для провѣрки установившихся взглядовъ на самого Герцена и на его отношенія литературныя и политическія. Вся переписка, веденная между двумя только лицами, состоитъ изъ 477 писемъ: 314 писемъ Герцена къ Огареву и 163—Огарева къ Герцену.

Герценъ и Огаревъ были не только дѣятелями одного общаго для нихъ дѣла и единомышленниками, но и великими друзьями, въ юности весьма близкими, и до старости неразлучными. Ихъ дружба была рѣдкая и почти безпримѣрная. У нихъ ничего не было сокрытаго другъ отъ друга, какъ то видно изъ писемъ; всѣ не только ихъ дѣйствія и намѣренія, но и сокровеннѣйшія мысли и мечты—все высказывалось ими съ полною откровенностью. Подъ конецъ жизни эта дружба Герцена съ Огаревымъ перешла въ неотразимую для нихъ обоихъ потребность, и бесѣда, если не устная, то письменная, вошла уже въ обиходъ каждаго дня послѣднихъ лѣтъ Герцена и Огарева. Отсюда—обиліе писемъ за эти годы, все-таки не въ полномъ числѣ дошедшихъ до насъ. Они сообщали другъ другу рѣшительно все, что приходилось переживать каждому въ отсутствіи друга, и ничего не принимали безъ предварительнаго совѣта и взаимнаго обмѣна мыслей,—не могли въ одиночествѣ переживать ни радостей, ни горечей.

Такимъ образомъ, переписка Герцена съ Огаревымъ, по содержанию своему, представляетъ собою послѣдовательную и подробную исторію какъ внѣшнихъ обстоятельствъ ихъ жизни, такъ и постепенной смѣны волновавшихъ ихъ думъ, настроеній и убѣжденій. Еслибы эти письма сохранились въ полномъ числѣ, то они, безъ сомнѣнія, были бы лучшей біографіей Герцена и Огарева ¹⁾.

Въ письмахъ прежде всего проходитъ предъ нами множество лицъ, съ которыми Герцену и Огареву, приходилось вступать въ тѣ или другія сношенія, и послѣдовательный рядъ тогдашнихъ событій изъ всѣхъ сферъ жизни, которыми въ особенности интересовались друзья. Значительное мѣсто въ перепискѣ

¹⁾ См. Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1906 годъ, по Отдѣленію рукописей.

удѣлено тому дѣлу, которому друзья посвятили всѣ свои силы и средства,—и прежде всего „Колоколу“ и его судьбѣ. При этомъ переписка сохранила и тѣ интимныя подробности, которыми дѣлились такіе друзья, какими были Герценъ и Огаревъ. Письма печатаются нами въ томъ порядкѣ времени, въ какомъ они слѣдовали другъ за другомъ, и установить такой порядокъ нерѣдко стоило большихъ усилій. Годы и числа мѣсяца писемъ, не выставленные самими корреспондентами, заключены въ скобки. Нѣкоторыя письма и части писемъ, исключительно интимнаго содержания и не имѣющія непосредственнаго литературнаго и историческаго интереса, опущены и обозначены точками. Тамъ, гдѣ было то необходимо, приведены нами краткія примѣчанія къ письмамъ. Форма и содержаніе перваго письма, помѣщаемаго во главѣ переписки, требуетъ болѣе подробнаго объясненія. Оно адресовано къ „сестрѣ Танѣ“ и подписано: „Твоя Emilie“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что авторомъ его былъ тотъ же Александръ Ивановичъ Герценъ. Въ этомъ убѣждаютъ два весьма рѣшительныхъ обстоятельства: 1) оно писано все собственноручно А. И. Герценомъ, и 2) включено самимъ А. А. Герценомъ-сыномъ въ серію писемъ его отца. Очевидно, до насъ дошло одно изъ тѣхъ писемъ, которыми Герценъ общивался со своими русскими корреспондентами, остававшимися и жившими въ Россіи, въ то время какъ самъ онъ сдѣлался эмигрантомъ; такія письма онъ подписывалъ вымышленными и условными именами, чтобы не навлечь разныхъ непріятностей на своихъ корреспондентовъ. „Эмилиа“, подпись подъ первымъ письмомъ, было однимъ изъ вымышленныхъ именъ Герцена.

Труднѣе опредѣлить корреспондента Герцена,—кому онъ писалъ это письмо. Повидимому, едва ли имъ былъ Огаревъ, который въ это время, т. е. во время написанія письма, самъ былъ уже эмигрантомъ и жилъ за границей. Едва ли для нихъ была какая-нибудь надобность переписываться подъ условными именами. Болѣе вѣроятна та догадка, что письмо было адресовано въ Россію. Тѣмъ болѣе, что и содержаніе письма указываетъ не на постояннаго корреспондента, какимъ былъ Огаревъ. Ключъ къ разгадкѣ этого письма, быть можетъ, слѣдуетъ искать въ другихъ письмахъ корреспондентовъ Герцена. Среди нихъ есть одно, которое заслуживаетъ полнаго вниманія. Оно адресовано къ Emilie и подписано весьма загадочными прописными буквами, очень похожими на Т. и П. Вотъ это письмо: ¹⁾

¹⁾ Письмо это хранится въ Румянцовскомъ музеѣ въ комнатѣ сороковыхъ го-

1858. Генвр. 9/20.

„Что у кого болить тотъ про то и говорить,—такъ гласить русская пословица. Вы, добрая, милая моя старушка Емилія, такъ меня утѣшили и порадовали своимъ отзывомъ о моей повѣсти, что я, право, этого и не ждала. Рискнула я печататься, да ужъ послѣ и сгоревалась,—сама я такъ мало училась всему, что себѣ плохо довѣряю въ этомъ дѣлѣ, а здѣсь мнѣ не съ кѣмъ посоветоваться. Я было попробовала сказать одной знакомой, по-видимому не глупой, а образованной женщиной, а она мнѣ начала читать проповѣдь (не читая еще моей повѣсти), что я страшную отвѣтственность беру на себя, что для этого надо быть Евг. Туръ, и пр., и пр., а когда прочла мое сочиненіе, то сказала, что оно безнравственно, и что воспитатели гораздо добрѣе, нравственнѣе и лучше самой воспитанницы. Ну, признаюсь, я этого не ожидала; я подумала, что, видно, у меня выходитъ вовсе не то, что я хочу высказать, и уже хотѣла отказаться отъ писанья, но братья настоятельно требуютъ, чтобы я продолжала писать, и я теперь, зажмура глаза и зажавши уши, начинаю переправлять свои статьи, которыхъ у меня набралось въ запасъ много. Что-то будетъ!

„Прошу васъ, моя добрая Емилія, будьте всегда такъ добры, удѣляйте время на прочтеніе моихъ статей, хотя передъ сномъ, на досугъ, и пишите мнѣ свое мнѣніе; да, пожалуйста, не такъ, какъ теперь, *деликатно*, а просто побраните меня подружески, скажите прямо, что, дескать, то и то скверно, пошло, и пр., а что хорошо, ну, хорошо. Ваши отзывы и ободрятъ, и научатъ меня. Другимъ я не повѣрю, всѣ вѣчно лгутъ, даже лгутъ въ журналахъ, печатно. Ну, напр., зачѣмъ это „Современникъ“ напечаталъ въ ноябрьской книжкѣ, что онъ рекомендуетъ свой журналъ главными статьями, изъ которыхъ, указывая на Щедрина, Толстого, Григоровича, поименовалъ и мою рубрику? Ну, развѣ не смѣшно вообразить, что я могу теперь же стать на одну доску съ этими господами? Конечно, это сдѣлано для того, чтобы заманить къ себѣ дарового писаку—вотъ и все. Мнѣ нѣкоторые господа-говорятъ, что моя повѣсть не хуже другихъ. Ну, что жъ изъ этого? Вѣдь эти похвалы хуже брани. Иногда печатаютъ такія пошлости, что Боже упаси! Ну, а я не могу

довъ, среди переписки Герцена и его близкихъ. За сообщеніе этого письма и за любезное отношеніе къ моимъ поискамъ я приношу глубокую благодарность А. И. Балишевскому, завѣдующему комнатой сороковыхъ годовъ.

себя считать такъ, что я могу написать пошлость,—во мнѣ есть въ себѣ нѣкоторое уваженіе.

„А вотъ что мнѣ кажется, что во мнѣ недостаетъ многихъ элементовъ. Вотъ вы говорите, что у меня плохи лирическія мѣста, ну, ужъ они должно быть всегда будутъ такіа: все, что касается чувства, мнѣ дается не легко, у меня сдѣляется лихорадка, головная боль, жаръ, я буду краснорѣчиво молчать, а если, по несчастію, меня заставятъ высказывать, непременно, въ это время, скажу глупость, все перепутаю, пересолою... Описывая кого или что-нибудь, у меня всегда вертится главная цѣль, а объ остановкѣ я почти вовсе забываю, такъ что должно быть я никогда не слажу съ романомъ, гдѣ бы мнѣ нужно было вывести пропасть лицъ на сцену и пр.

„Прочитавши ваше письмо, я послала на другой же день другую піесу, тоже въ „Соврем.“. Не знаю, напечатаютъ ли. Должно быть, да, потому что она тоже *даровая*. Я, однако, писала редактору, чтобы онъ потрудился защитить ее отъ пересмотра, въ противномъ случаѣ она потеряетъ все, и я тогда, пожалуй, закаюсъ брать перо въ руки. Вѣдь и 1-ю они угостили, выкинули два мѣста, которыя имѣли большой смыслъ. А вотъ можете себѣ представить, что мы не имѣемъ ничего какъ есть вашего. Ужасно обидно. Ну, такъ бы и впился, да нѣтъ, никакихъ средствъ нѣтъ... Вотъ какъ я не люблю людей, которые всю вѣчность все чего-то боятся. Скучно...

„Вы еще замѣтили, что героиня скучна. Да иначе и не могло быть, и оживить ее мнѣ кажется трудно. Ея жизнь до замужества вся была задушена, въ ней была жива только мимика, и то урывками, пугливая. Жизнь-то, правда, взяла свое, развилась, загорѣлась, но ужъ поздно и некстати. Она легла только тяжелымъ камнемъ на душу, вотъ и все. Вѣчно жизнь придавить все, вездѣ цѣпи, и нѣтъ никакихъ силъ порвать ихъ, все уносить обиденная жизнь. Знаете, мнѣ очень надоѣло ѣсть, пить, спать... Я бы желала это замѣнить инымъ, вѣдь жизнь пошла бы лучше?

„Ну, моя добрая старушка, я боюсь, что вы испортите себѣ глаза, читая мою болтовню,—да вѣдь, если правду сказать, она скучна должна быть для васъ,—но не будьте эгоистичны, все-таки прочтите и опять что-нибудь напишите мнѣ. Я вѣдь буду ждать съ нетерпѣніемъ. Однако, будетъ.

„Извиняюсь очень, что помѣщу не на мѣстѣ поздравленіе съ новымъ годомъ. Искреннее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ принесъ намъ всѣмъ болѣе отрадныхъ минутъ, болѣе

искренняго душевнаго перерожденія чловѣка, испепелилъ бы всякое фанфаронство...

„Прощайте! Жму крѣпко руку, крѣпко обнимаю. (NN—подпись).

„Сашу люблю, обнимаю и цѣлую крѣпко. Спасибо ему за писанье. Буду послѣ ему писать больше, теперь нѣтъ время, пора на почту.

„Письмо не пошло. Работа придаетъ много интересу жизни и облегчаетъ ея невзгоды, особливо если она приноситъ пользу, а отъ нея пользы (по слухамъ) много. Дай Богъ путь добрый!

„Обнимаю Огар. Ему-то бы надо взглянуть на насъ самому и съ Н. А. ¹⁾

„Помните ли вы, милая моя старушка, 12-е генваря, какъ оно шумно и весело было, и, увь! теперь оно скучно и чинно-родственно, и только.

„А „Дорритъ“ то я не читала, постараюсь достать“.

Письмо это адресовано было, какъ видно изъ содержанія, къ лицу близкому къ Николаю Платоновичу и Наталіи Алексѣевнѣ Огаревымъ. Адресатъ не былъ, конечно, ни Емилией, ни старушкой: такіа ласковыя обращенія не употребительны по отношенію къ лицамъ преклоннаго возраста. Упомянутое о Сашѣ и о томъ, что корреспондентъ не имѣетъ сочиненій адресата, заставляетъ полагать, что письмо было адресовано именно А. И. Герцену, у котораго былъ сынъ Александръ и сочиненія котораго, дѣйствительно, трудно было въ то время найти, такъ какъ въ Россіи боялись держать ихъ.

Разумѣется, имя Емилиі не случайно было выбрано Герценомъ. Имя это носило гувернантка и близкій другъ жены Герцена, Наталіи Александровны, Эмилиа Михайловна Аксбергъ. Весьма возможно, что русскіе корреспонденты Герцена пользовались не только ея именемъ, но и ея адресомъ.

Во всякомъ случаѣ, надо признать несомнѣннымъ, что первое изъ писемъ написано было самимъ Герценомъ. Адресатомъ этого письма, повидимому, какъ и авторомъ только-что приведеннаго, была двоюродная сестра Герцена, Татьяна Петровна Пассекъ.

Впрочемъ, вопросъ этотъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій. Пока же можно установить то лицо, которое укрылось подъ именемъ Емилиі, и рѣшеніе этой загадки въ пользу Герцена, думается, въ дальнѣйшемъ найдетъ лишь подтвержденіе.

Краткія наши объяснительныя примѣчанія къ тексту не по-

¹⁾ Наталія Алексѣевна, жена Огарева.

вторяются нами подъ каждымъ письмомъ, гдѣ встрѣчается сокращеніе именъ, но приводятся лишь подъ письмомъ, гдѣ впервые встрѣчается сокращенное имя или инициалы. Въ заключеніе, замѣтимъ, что для всесторонняго уясненія содержанія печатаемыхъ нами писемъ весьма полезны „Воспоминанія“ Т. П. Пассекъ и Н. А. Огаревой-Тучковой и особенно послѣднее изданіе сочиненій самого Герцена въ семи томахъ (1905 г.).

Часть переписки Герцена съ Огаревымъ напечатана Т. П. Пассекъ въ III томѣ ея „Воспоминаній“ — „Изъ дальнихъ лѣтъ“ (1889 г.). Эти письма также слѣдуетъ имѣть въ виду для полноты комментарій къ нынѣ публикуемымъ письмамъ Герцена къ Огареву.

Румянцовскій Музей
Апрѣль, 1907 г.

ГРИГОРІЙ ГЕОРГІЕВСКІЙ.

I.

Письма А. И. Герцена къ Н. П. Огареву.

1.

30 іюля 1855 г.

Сестра Таня ¹⁾, твою записочку я получила. Вѣсть о пожарѣ очень печальна. Еслибъ Natalie только хотѣла переѣхать въ нашу деревню, кромѣ путевыхъ издержекъ ничего не нужно — тамъ есть домъ и все хозяйство,.. „и вышли бы вмѣстѣ, какъ зошли“. Вотъ сестра Маша было хотѣла васъ навѣстить... да то то, то сѣ, у нея теперь маленькой есть и часто хвораетъ.

А твое письмо очень грустно... Ты поминаешь наши молодые годы; дорого, дорого заплатили мы за раскрытую душу.

Сестра пишетъ, чтобъ не вѣрить сплетнямъ... Моя вѣра незыблема и свята, вѣра въ сестру — одна уцѣлѣла изъ всего. И тѣмъ не меньше я очень дѣятельна, я люблю шумъ. Оно будто и лучше — близкаго никого, хоть шаромъ покати, людишки предранные... Дѣти цвѣтутъ.

И пусть у гробового входа
Младая станеть жизнь играть.

Прощай, другъ мой, пошли сестрѣ эту записочку. — Цалую тебя. — *Твоя Emilie.*

2.

(1858 г. ?) 30 сентября. Остенде.

Пять часовъ, all right! Саша ²⁾ спалъ всю дорогу. Сначала качало. Я, разумѣется, былъ здоровъ, какъ рыба, спалъ отчасти и ложусь теперь, съѣвши двѣ котлеты на таможенѣ.

Въ шестомъ часу вечера мы ѣдемъ въ Брюссель, теперь девять и мы уже выспались.

Думалъ я, думалъ я ночью на морѣ о тебѣ, о дѣтияхъ, о Лизѣ, о этой полной неразрывности... Какъ все готово для широкой жизни, но не половиннымъ уже опытомъ. Надѣюсь, я

¹⁾ *Таня* — Татьяна Петровна Пассекъ (?). *Natalie* — Наталія Алексѣевна Огарева. *Маша* — Марія Касперовна Рейхель.

²⁾ *Саша* — сынъ Герцена, Александръ Александровичъ. *Лиза* — дочь Н. А. Огаревой.

буду писать еще объ этомъ. Пиши Poste restante. Завтра я напишу изъ Брюсселя.

3.

(1858 г.?) 2 октября. Bruxelles.
Hôtel Belle Vue, ch. № 16.

Вчера я началъ писать къ тебѣ и вдругъ узналъ, что почти въ субботу въ Англію не бываетъ. Я разсердился и бросилъ письмо ¹⁾).

Пріѣхали мы спокойно и живемъ такъ себѣ. Я понимаю, что есть необходимость, очень важная при томъ для психической гігіены, dann und wann оставлять Англію, чтобъ больше уважать ее и больше получить къ ней отвращенія. Меня поражаетъ на каждомъ шагу громкій разговоръ, хохотъ, незнакомые говорятъ въ вагонахъ, курятъ, на станціяхъ вездѣ большіе буфеты, люди бѣгаютъ, ѣдятъ съ хохотомъ пирожки, пьютъ коньякъ, и только англичане также противно не люди, какъ и въ Англіи. Всѣ въ задумчивомъ столбнякѣ. Да, это большое несчастіе, что нельзя выѣхать (а, разумѣется, нельзя) изъ Англіи. Тумана я не видалъ сошедши съ корабля. Цѣны на всѣ—врядъ достигаютъ ли половины. Обѣдъ въ отелѣ стоитъ table d'hôte 4 фран., особо—5. Въ первый день, пріѣхавши голодные, мы спросили ужинать. Намъ дали за 8 фр., т.-е. за 7 ш.:

- 1) Бифштексъ, для двухъ.
- 2) Котлеты.
- 3) Лѣпомъ.
- 4) Утки съ трюфелями (превосх.).
- 5) Курицу жар. съ салат.
- 6) Сыръ.
- 7) Quatre mendiants.
- 8) Груши—удивительныя!

Сочти это на англ. счетъ, выйдетъ навѣрное 25 фр.

Но—но—„долгъ прежде всего“—будемъ жить въ Англіи.

Въ сущности и здѣсь гадко, щедушно, да и гдѣ же намъ будетъ хорошо?! Тѣмъ не меньше я думаю, что здравый смыслъ заставляетъ бѣжать изъ страны, въ которой за неудобную жизнь платится вдвое больше денегъ, и за то нѣтъ ни воздуха, ни чистой воды.

¹⁾ Письмо это назначалось для всѣхъ, оставшихся въ Лондонѣ, Герценовъ и Огаревыхъ. *Мар. Алек.* — Маркевичъ. *Тата* и *Олга*—Наталія и Ольга Александровны Герценъ.

Въ p. gest. справлялся, письма нѣтъ. Ну, что вы и какъ? Я думаю ѣхать съ середины на четвергъ. Если море будетъ покойно, отправлюсь прямо въ Темзу, если нѣтъ—по старому пути.

Ну, какъ же вы справляете большой обѣденный выходъ сегодня? Не пришелъ ли Миллеръ, узнавъ, что меня нѣтъ? Не пришелъ ли Грассъ, Абихтъ и полк. Верцинскій? Огаревъ en raterfamilias и хозяйкой дома: Natalie кормить Лизу весь обѣдъ. Огаревъ хочетъ говорить, Абихтъ говорить.

Серьезнаго писать не могу.

Да, въ Остенде мы провели нѣсколько часовъ съ Маріей Александровной. Съ какой радостью, съ какой русской теплотой она насъ встрѣтила—это удивительно. Она очень хорошая женщина. Они еще не уѣхали; можетъ, я застаю ихъ на обратномъ пути. Разумѣется, еслибъ они сына держали не вѣчно на глазахъ—было бы лучше. Онъ добрый, но совершенно дико-избалованный мальчикъ.

Ну, что, Лиза замѣтила мое отсутствіе, или нѣтъ? Я жду ее найти уже не млекопитающей, а отнятой отъ груди. Не правда ли, Natalie? О себѣ я не могу сказать ни хорошаго, ни дурного. Съ одной стороны, быстро несется, мѣняясь и развлекающая, панорама, съ другой—старыя боли и старыя упованія—выѣстъ это не весело.

Прощайте! П. не могу отыскать.

Татъ и Ольгъ сообщаю о томъ, какъ здѣсь говорятъ по-французски. Гарсонъ пришелъ доложить: „La soupe est prette“. А на улицѣ одинъ носильщикъ зацѣпилъ какого-то, а тотъ ему отвѣчалъ: „Vous êtes un bête“.

Тата, иди въ садъ и ходи часъ.

Ольга, сиди смирно и пей кофей, какъ онъ налить.

Саша кланяется.

4.

(1858 г.?) 3 октяб. Bruxelles.

Твое письмецо пришло. Ты сильнѣе m-me Sevigné въ эпистолярномъ искусствѣ. Письма m-me Sev. надобно было распечатывать и читать, чтобъ смѣяться, а твое заставило нераспечатаннымъ хохотать Сашу, меня и почтоваго чиновника. Съ какой цѣлью ты налѣпилъ на него 1 пенсъ? Quid significat hoc? А меня-то за разсѣянность изволите жучить, а сами горячку порете.

Пойду узнавать часы отправленія и разочту такъ, чтобы при-

ѣхать или въ четвергъ вечеромъ, или въ пятницу утромъ, можетъ, даже успѣю къ четв. утру. Если Марк. ¹⁾ прїѣдутъ сюда, они задержатъ.

Я не даромъ ѣздилъ: много насмотрѣлся, и все такъ плохо и скорбно, что бѣжалъ бы куда-нибудь въ степь. Какое великое дѣло монастыри! Можетъ, тѣ, которые сидятъ по тюрьмамъ или вдали, *exempli gratia*, наши декабристы лучше сохраняются, чѣмъ нашъ братъ.

Я Брюссель называлъ Недопарижъ и Переницца!

PS. Сигары здѣсь плохи, и обманываютъ ужасно.

Мы проводимъ время въ суетѣ. Жаль одного за васъ—что вы не видите этой превосходной, солнечной погоды. Бѣжать бы надо изъ помойнаго тумана, но здѣсь не житье намъ, я думаю. Постараюсь въ четвергъ прїѣхать.

Я привезу „La vie“—это вторая часть Жуванселя, чтò я читалъ—хорошо.

Дѣтямъ кланяюсь.

5.

(1859 г.) 14 июня. Ventnor.

Письмо твое изъ Cowes получилъ. Квартира возьмется, какъ сказано. Ѣдемъ въ понедѣльн. въ 11 часовъ. Можетъ, я во вторникъ прїѣду. Посылаю тебѣ письмо ко мнѣ Саши. Теперь я истинно готовъ съ колѣнопреклоненіемъ просить, чтобъ ты на первомъ планѣ занялся имъ не *entre mets*, а серьезно. Я ему писалъ первое письмо объ этомъ, и буду писать сто. Но именно, пользуясь моимъ отсутствіемъ, ты можешь поправить нашу общую вину.

Твое письмо дурно на меня подѣйствовало. Къ тому же я сначала распечаталъ Каткова отвѣтъ и расположился скорѣе хотать (онъ ругается и называетъ меня *выболтавшимся вонъ* остро-словомъ), а тутъ письмо Саши,—его жаль, больно, чувствуешь долю вины,—и потомъ твое письмо. Смотрю я впередъ не весело, — ты это знаешь, — жду и я отъ близкихъ (и это, Огаревъ, не новое чувство у меня, а наслѣдство, доставшееся отъ 1852 года), но того, чтò ты сказалъ, я тѣми словами не сказалъ бы.

Ну, а затѣмъ, если Солдатенковъ дастъ денегъ, скажи Кельсеву, чтобъ онъ переименовалъ его въ Прапорщеньковы.

¹⁾ Марк.—Маркевичи.

Князь-іезуитъ Гагаринъ прислалъ письмо съ большими симпатіями и пишетъ, что отправилъ ко мнѣ Чаадаева *избранныя* сочиненія. Это Жихаревскія бумаги, вѣроятно. Получилъ ли ты?

Есть ли что для будущаго „Колокола“ въ московскихъ бумагахъ?

Лиза вчера мнѣ говоритъ, и я не измѣняю ни іоты въ этой чисто-русской фразѣ:

„Ужъ какъ папа Ага ¹⁾ меня любитъ, какъ шеюятомъ угощаетъ, всегда угощаетъ!“

Минутами тоска, а то ничего. Погода подлая; вчера (въ пятницу) вечеромъ было такъ холодно, что я хотѣлъ-было пуншемъ утѣшиться, чего, однако, не сдѣлалъ.

Отъ Мейсенбургъ письмо. Она замѣчательно молода духомъ. Она не въ дѣвкахъ осталась, а въ дѣвочкахъ.

Неужели я такъ старъ, что Каткова ругательства производить во мнѣ одинъ смѣхъ, почти добродушный, или въ самомъ дѣлѣ я себя вообразилъ Цезаремъ?

6.

(1859 г.) 19 августа. Пятница.

Swiss Cottage. Ventnor.

Бѣды въ томъ нѣтъ, что ты написалъ М. Вовчѣ такъ, какъ написалъ, — но лучше было бы вдвое, еслибъ ты ей сказалъ (благо она спрашиваетъ), что ты мнѣ напишешь. Тогда я могъ бы окончательно пріѣхать съ Natalie и дѣтьми дня два послѣ. Въ воскресенье не найдешь train. Въ понедѣльникъ я выѣду съ первой каретой и, вѣроятно, стало, въ 7 вечера буду дома. Ты ее удержи. Она могла бы остановиться у насъ въ домѣ; а всего-то легче было бы ей пріѣхать въ Вентноръ прямо изъ Остенде. Если можно воскр. вечеромъ ѣхать, поѣду.

Ты все ждешь подробнаго письма. Неужели въ два дня можно окончательно что-нибудь сказать?...

Саша предлагаетъ Татѣ отправить съ ними, ... но, видишь ли, въ чемъ бѣда. Саша очень хорошо и благородно себя ведетъ, я вообще имъ доволенъ, — но онъ замѣтно перестаетъ быть русскимъ, и еслибъ не самолюбіе, что онъ мой сынъ, онъ отвернулся бы отъ всего русскаго. Живая традиція блѣднѣетъ. То же будетъ съ Татой. Но какъ же принять, чтобъ мои дѣти были

¹⁾ *Папа Ага*—такъ на дѣтскомъ языкѣ назывался Огаревъ. *Мейсенбургъ*—губернантка Ольги.

швейцарскими нѣмцами? Это ужъ значить мою натурализацію принять au sérieux.

А потому ты въ письмахъ и разговорахъ гораздо больше обрати вниманіе на это отношеніе, нежели на наши размолвки: ихъ будетъ меньше, и я истинно въ глубинѣ сердца чувствую столько сожалѣнія и желанія отереть каждую слезу и буравящую мысль, что все пойдетъ дружно и симпатично. Но полного покоя и свѣта не будетъ безъ рѣшенія того вопроса; отъ того я не такъ веселъ... Къ тому же тутъ есть и угрызеніе совѣсти: еслибъ всѣ силы мои не были употреблены на наше дѣло, я самъ могъ бы взять въ руки побольше воспитаніе.

Вотъ, другъ воробьевскихъ и вентнорскихъ горъ, все. Сегодня я всталъ спокойнѣе. Море ясно. Ольга даетъ обѣдъ въ Бокъ-Чёрчъ. Я расположилъ, чтобъ каждый день кто-нибудь давалъ обѣдъ. Мой былъ первый въ Эспланадѣ удаченъ. Вчера Мейзенб. въ Pelham house отличилась. Завтра Саша—въ Crabe... Natalie рассказывала о Норовѣ, вслѣдъ котораго ты не пошелъ въ это удивительное рыбное заведеніе.

Полагаю, что въ Swiss Cottage не слѣдуетъ больше писать, а адресовать въ Melbourne house на имя Nat. или Саши.

Пулскій нашелъ средство проѣхать такъ скоро, что въ три часа будетъ въ Лондонѣ. Сумлеваюсь.

Погода удивительная.—Прощай.

Лиза такъ и просится на руки ко (миѣ) и Сашѣ. Боткинъ въ синихъ очкахъ.

Если ты найдешь Марка Вовчку, т.-е. книгу, она въ шкапу у m-me Tassinari въ числѣ книгъ, оставленныхъ Мейзенбургъ, тогда пришли сюда *sous bande*. Это стоитъ 4 пенса.

(Адресъ:) N. Ogareff. Park house. Fulham. London.

7.

(1861 г.) Пятница, 30 августа.

Turquay. 1 Engadina.

Миѣ кажется, что всѣ мы немного спятили съ ума,—вотъ какъ подѣйствовалъ пріѣздъ Татьяны Петровны, съ которой, разумѣется, когда ее видишь, миришься.

Теперь разсуди, почему и какъ ты участвовалъ въ окончательномъ смѣшеніи. Я посылаю 3.000 Ротшильду. Она ихъ не дождалась. Ты пишешь: „Ротш. извѣщаетъ о полученіи 3.000“...

Я Т. П. о Ротш. деньгахъ ничего не говорилъ, а то она подниметъ тревогу. Добавляя, что я ни откуда не жду 3.000, — спрашивается, какъ было иначе понять? Не зная еще письма, я Т. П. перепугалъ, — она хотѣла телеграфировать. Но all is schlod.

Теперь скажи мнѣ, 1-ое, можно ли статью назвать „Зады“, вмѣсто: Repetitio est mater? 2-ое. Я написалъ десять страницъ о Марьѣ Львовнѣ (1840—41). Я глубоко увѣренъ, что ты ими будешь очень и очень доволенъ.

Если ты пойдешь въ понедѣльникъ, то навѣрное не будетъ тѣсно. Тат. Петр. ѣдетъ завтра ¹⁾).

8.

(1861 г.) 1 сентября. 1 Engadina Turquay.

Вѣроятно, это письмо еще застанетъ тебя, а потому bon voyage. Само собою разумѣется, что только и можно ѣхать по желѣзной дорогѣ...

Горе тебѣ, маловѣрный. Какъ же ты издали могъ думать, что я казнилъ Мар. Льв.? Развѣ ты не видалъ, что „Былое и Думы“ — вообще реабилитация, коли ничѣмъ другимъ, такъ артистическимъ силуэтомъ? Эти страницы свѣтлы и печальны, ты ихъ прочтешь въ корректурѣ.

Статьи Сер. Сол. ²⁾ я никакъ бы не напечаталъ. Напиши Чернецъ., чтобъ онъ ее прислалъ. Смотри, у меня есть инстинктъ, и до сихъ поръ всякій разъ я, уступая, дѣлалъ бѣду.

Письмо твое... пахнуло на меня печалью. Не вѣрю я въ личныя счастья, — пользуйся настоящимъ и въ даль не заглядывай. Я съ тобой рѣдко говорю объ этихъ отношеніяхъ, но думаю часто.

У насъ не ясно на небѣ.

Поживи здѣсь. Природа превосходная и окрестности тожъ.

Статьи въ „Колоколъ“ посланы („Зады“).

Прилагаемое письмо я отдалъ Тат. Петр. Она его забыла. Нельзя ли ей отослать?

Пусть Passinagі пришлетъ гуловой расходъ. Не плати ему ничего. Сочтемся послѣ. Передержекъ не было.

¹⁾ Тат. Петр. — Пассекъ. Марія Львовна — первая жена Огарева.

²⁾ Сер. Сол. — Серно-Соловьевичъ.

Что Тхужескій ¹⁾ (пора его писать правильно)?

О Вильнѣ попробую завтра.

Воскресенье, 6 часовъ, вечеръ.

9.

(1861 г.) 2 октяб. Engadina Turquay.

„Колоколъ“ получилъ. Все ладно, но „Мингрельское дѣло“, я именно писалъ Чернецъ. ²⁾, идетъ въ „Колоколъ“ и по содержанію, и потому что у насъ матеріала нѣтъ. Что будетъ въ будущемъ №? Въ „Смѣси“ есть такіе знаки препинанія, что ничего понять нельзя, *exempli gratia*, о Лихонинѣ.

Что же ты мнѣ прислалъ письмо какого-то дурака Молдав.? Развѣ не легче было ему послать сказать (я ему это написалъ), что онъ свотъ, и что мы денегъ за помѣщеніе статей не беремъ.

С.-Сол. не спасется переменной заглавія. Въ такихъ случаяхъ надобно или впередъ обдумывать, или идти до конца. Я статейку писать не стану, всѣ эти вещи дѣлаются сгоряча. Мнѣ подписать его всего дороже, — и онъ воображаетъ, что, разославши своимъ друзьямъ, III отдѣленіе не узнаетъ. Приглашай его сюда.

Но, *par le temps qui court*, слѣдуетъ сказать о деньгахъ. По теперичн. редакц. „Колок.“ и подъ судъ выходитъ расхода 300 фун., и продается до 450, въ силу чего можно было бы уступить 100 или 125 лив. за редакцію, т.-е. до 2.750 ф.

Мы ѣдемъ въ пятницу (если ничего не будетъ особеннаго) въ 11 ч. 25 м. Стало, въ 6 съ чѣмъ нибудь будемъ въ Paddias.

Еслибъ воля да больше характера и эгонзма, я потомъ уѣхалъ бы одинъ сюда на мѣсяцъ. Въ этой тревожной жизни я старѣюсь и теряю свою свѣтлость и даже талантъ.

А пророз, у тебя есть одна препротивная для меня метода выражаться, и ты ее употребляешь часто. Если тебѣ все равно, измѣни ее. „Вы хотѣли писать къ Аст.“. Когда же я хотѣлъ, или почему ты знаешь, что я хотѣлъ? „Вы рѣшили“. Тогда, когда я діаметрально противоположно рѣшаю все или почти все.

Чтожъ въ будущ. „Колоколъ“? Я очень недоволенъ „Мингрел. дѣломъ“. И почему Чернецъ мѣняетъ? Я ему именно писалъ.

Вели Жюлю сходить къ Тьери на Reg. Quadr. сказать, чтобъ

¹⁾ Тхужескій — Тхоржевскій.

²⁾ Чернецъ. — Чернецкій. — Аст. — Астраковъ.

«~~онъ~~ поскорѣе спилъ пару *точно такихъ* ботинокъ мнѣ, какъ ~~прежнія~~, а то мнѣ придется босикомъ бѣгать.

10.

(1861 г.) 3 октября. 1 Engadina Turquay.

Письмо твое какъ ни больно было мнѣ читать, но я потому не сержусь за него, что чувствую себя невиноватымъ. Мы а force пониманья другъ друга дошли до совершенныхъ непониманій въ частныхъ случаяхъ. Гдѣжь дальнѣйшій намекъ на *характеръ* твоихъ отношеній? Вольно выдумать чудовищность и разсердиться за нее.

Ты, Огаревъ, можешь одно сказать, и на это возраженія нѣтъ. Въ Turquay была душная скука. А что еслибъ здѣсь была человѣческая жизнь, то дѣйствительно я не понимаю, что человекъ не можетъ отлучиться на какой-нибудь мѣсяцъ, — да это хуже всякихъ матримоніальныхъ цѣпей. Помилуй, гдѣ же тѣнь справедливости въ твоихъ оскорбительныхъ объясненіяхъ? Тебѣ просто должно быть совѣстно. Я буду осторожнѣе выражаться. Но не могу отречься отъ того, что сказалъ. Да, саго тіо, я три раза Кел.¹⁾ повторилъ и онъ три раза меня не понялъ, что бракъ вообще самая легкая цѣпь, именно потому, что она виѣшняя. Есть тысячи иныхъ impuls'овъ ненужно-терзающихъ, или ненужно-связывающихъ. Фу, — глупъ человекъ, ваше превосходительство!

Отдай мнѣ Варааву на пропятіе, и не жалѣй. Подари мнѣ его — кого? Мельгунова. Его письма дѣлаются плантаторской клеветой русскаго народа. Можно быть дуракомъ, кривымъ, блудить... но мужика не тронь. Да еще говорить, „что въ Россіи такъ мало честь развита, что никто долговъ не платитъ“. Я его въ гробъ Е. М. Демосцена заколочу.

Устрой, чтобъ въ воскресенье не было всей толпы, по крайней мѣрѣ до 8 вечера, также и въ субботу. А то плохо будетъ.

¹⁾ Кел. — Кельсіеву. Въ концѣ говорится о собраніяхъ у Герцена по воскресеньямъ (см., напр., 153 стр. „Воспоминаній“ Н. А. Огаревой-Тучковой, М. 1903, и „Сочиненія А. И. Герцена“, томъ III, Спб., 1905, 449 стр.).

11.

(1863 г.) 31 янв. Orsetthouse Westb. Sew.

Новостей важныхъ нѣтъ, но инсуреція ¹⁾ держится. Nord говоритъ о *пушкахъ*, взятыхъ у инсургентовъ. Въ Петербургѣ Государственный Совѣтъ отвергъ законъ о свободѣ книгопечатанія.

Иду обѣдать къ Псевичу, который и тебя приглашаетъ.

12.

№ 3. (1863 г.) 3 февраля. Orsetthouse Westb. Sew.

Письмо твое 2-ое получилъ въ *два часа*, а не вечеромъ, да и какъ же ты могъ предположить, что почта изъ Сиденг. въ Падингтонъ ходитъ часовъ 12. Сейчасъ получилъ и 3-ье съ планомъ. Я помню статую дьявола на выставкѣ, превосходнѣйшую; не знаю, та ли.

О твоёмъ письмѣ мертвое молчаніе, ни юты. Письмо это я пошлю теперь, т.-е. въ 10 утра. Если что будетъ, напишу еще.

Лиза, разумѣется, была въ страшномъ восторгѣ и не могла до половины десятаго уснуть. Я ей совѣтовалъ послать часть игрушекъ Малужѣ, а она говоритъ: „Нѣтъ, ты ей лучше купи, а то съ игрушками можетъ болѣзнь пристать“. Это хоть бы Дрюинъ-де-Люсь.

Сегодня „Теймсъ“ помянулъ меня и Бакунина. Новости сбивчивы. Бак. рѣшительно хочетъ послать Жуе. Что тутъ дѣлать? А Ж. хитрый человекъ, онъ хочетъ ѣхать и потому отказывается. Впрочемъ, здѣсь его тоже не нужно.

Посылаю 2 „Сѣв. Пчелы“ и „Колоколъ“.

Вчера я ѣздилъ къ Ротш. получать деньги Мил. по подземному каналу. Мартыяновъ напоролъ дичь, — это и просто, и комфортабельно. Ротш. спрашивалъ меня о польскихъ дѣлахъ. Какъ они поразительно мало знаютъ и много получаютъ.

Хотѣлось бы „Колоколъ“ издать къ 10-му. Я напишу Чернецу, чтобъ онъ тебѣ прямо послалъ корректуру, а ты, не задерживая, пришли мнѣ. Обойдется и безъ Вѣча.

Ну, а потомъ слѣдуетъ отъ тебя статья.

Бьетъ 10. Addio.

¹⁾ Рѣчь идетъ о польскомъ возстаніи; тоже и въ слѣдующихъ письмахъ.

Моя статья о Европѣ скорѣе сблизить съ потентатами, чѣмъ разровнять, а Польшѣ не народы помогутъ. Объ этомъ послѣ.

13.

(1863 г.) 4 февр. Orsetthouse. Westb. Sew.

Мое письмо опоздаетъ сегодня потому, что я ждалъ отъ тебя, а до сихъ поръ нѣтъ.

Писать ли къ солдатамъ — мудреный вопросъ. Коли такой стихъ найдетъ, можно. Родъ этотъ опасенъ и долженъ быть страшно силенъ и поэтиченъ, чтобъ пройти.

Инсurreкція держится славно. Ужъ въ Литвѣ и Волини есть банды. Молодцы поляки. Фонтенъ пишетъ, что изъ Брюсселя уѣхали всѣ молодые поляки. „Constitutionnel“ насъ (русскихъ революціонеровъ и польскихъ) обругалъ; „Siecle“ защищаетъ. Я не читалъ ни того, ни другого, пойду къ Жозо, онъ одинъ держитъ „Const.“

Не забывай посмотрѣть домъ или два, три, разныхъ величинъ. Да только у тебя ничего не поймешь въ разстояніяхъ. Exempli gratia, ты пишешь, что твой домъ отъ желѣзной дороги на 5 или 10 мин. Но вѣдь 10 минутъ ровно вдвое; можно сказать часъ или часъ съ четвертью, но нельзя — часъ или два.

Я полагаю, что слѣдуетъ нанять квартиру фунта въ три въ Лондонѣ, да фунта въ 2¹/₂ на датѣ.

Впередъ я дальше лѣта не смотрю и считаю, что это умнѣе всѣхъ плановъ, которые никогда не удаются. Если инсurreкція будетъ подавлена, безъ малѣйшаго участія въ Россіи, и вся литература будетъ ругать Польшу à la Martianoŋoff и Авсаковъ, да и крестьяне пропустятъ желанный день, то не пора ли и намъ въ отставку. Лѣтомъ, если не будетъ большихъ препятствій, пойду въ Италію. Двѣ квартиры въ Англіи всего удобнѣе.

Не пиши на адресъ Paddington, это лишнее, потому что Westb. Sew. одна. А прогроз, на дняхъ пробовали перебрасывать пневматической машиной письма изъ угла въ уголъ — черезъ весь городъ. Опытъ удался. Кажется, изъ Сити до послѣдней станціи 5 секундъ. Чтò скажете?

Сегодня придетъ Давыд. и сынъ его Савичъ.

3 часа.

Лиза велѣла сказать, что цалуешь тебя. У ней насморкъ, можетъ, отъ перемены климата. Внизу что-то съ однимъ каминомъ свѣжо.

14.

(1863 г.) 5 февраля. Orsetthouse Westb. Sew.

Твое вчерашнее письмо дѣйствительно имѣло дѣйствіе пистолетнаго выстрѣла. Я въ ту же минуту послалъ къ Кливелю Саму. Вчера Іоганну хоронили; Ада точно также въ свирѣпѣйшей скарлатинѣ. Давно я не былъ ничѣмъ такъ зарѣзанъ, потрясенъ и испуганъ. Я рѣшительно всю ночь не спалъ. Тутъ же у Лизы насморкъ. Минутами засыпая, я просыпался съ холоднымъ потомъ на лбу. Несмотря на все на это, я къ Кливелю не пойду, считая эту демонстрацію даже не деликатной и совершенно нѣмецкой. Я ему напишу нѣсколько словъ. Саша говорить, что сбить съ ногъ,—какія же тутъ рукопожатыя.

О, жизнь! жизнь!

Я никогда не говорилъ, что „Кол.“ выдавать къ 20. Стало, торопиться некуда съ статьей. Насилу отыскалъ „Колок.“ и твою книгу,—пиши лучше поэму. Я чую время, въ которое тебѣ да и мнѣ слѣдуетъ перестать писать, мнѣ — смѣсь, а тебѣ — грузъ „Колокола“. Право, лучше звонить къ проклятію и похоронамъ.

Отъ Милов. письмо. До сихъ поръ, — пишетъ онъ, — ни одного русскаго солдата не перешло, ни одинъ офицеръ не отказался отъ команды противъ поляковъ. Меня обдастъ ужасомъ: это хуже разстрѣливанія. Ты помнишь, что я былъ дурнымъ пророкомъ въ дѣлѣ адресовъ. Хм., прощаясь, мнѣ сказалъ: „Пот., да, Пот. превосходнѣйшій человекъ, — да кромѣ-то его кто?“

Мадцини пишетъ, что пріѣдетъ завтра въ пять часовъ поговорить о пол. дѣлахъ. Тряхни-ка старинной.

Если все у насъ будетъ благополучно, въ субботу пріѣду, или въ воскресенье. Псевичъ собирался къ тебѣ, я оставилъ.

12 часовъ. Отправляю письмо. Лиза, кажется, ничего, однако, и не по обыкновенію весела. Погода давить теплой вьюгой. На душѣ такъ скверно, что посылаю второе письмо семинариста о мужеложствѣ.

О моемъ письмѣ—молчаніе.

Въ самомъ дѣлѣ, не пріѣдешь ли на Мадцини?

Бак. собирается, но тихо этого не сдѣлаетъ. Au reste онъ печальнѣе обыкновеннаго.—Прощай.

Отъ париж. Ротшильда пришелъ счетъ. Американскіе фонды почти сполна заплачены.

Почты заграничной нѣтъ,—видно, буря задержала.

Жуков., Кельсиева и какого-то Мат. Мат. вызываютъ въ „Теймсъ“.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ статья о книгѣ Чичерина.

Солдатенковы будто хотятъ погодить.

15.

(1863 г.) 15 февр. Orsetthouse.

Воскресенье.

Нашъ юнецъ, несмотря ни на что, хочетъ ѣхать и именно во вторникъ. Можетъ, это необходимо для очистки, для уясненія и для завоеванія денегъ. Но отъ этого я и не знаю, могу завтра пріѣхать или нѣтъ, и могу ли одинъ. Вечеромъ припишу.

Статья твоя хороша, но мнѣ не по сердцу слишкомъ частое поминанье нѣмцевъ. С. ждетъ вторую статью,—онъ тоже хочетъ ѣхать послѣ-завтра, а затѣмъ и П., хотя этого я всего меньше понимаю.

Польское дѣло, вопреки всему, держится и скорѣе идетъ въ гору. Его надобно проповѣдывать, и я совершенно былъ противъ твоего мнѣнія, что о глупой и отвратительной кондуктѣ ихъ слѣдовало печатать. Пусть П. приготовить для будущаго промеморію. Въ твоёмъ адресѣ къ солдатамъ слѣдуетъ прибавить варіантъ—для находящихся въ Польшѣ.

Съ твоими разсужденіями я тоже несогласенъ. Во-первыхъ, *voleo videre quomodo edificatis*. Пусть же они докажутъ, что *они сила*. Что мы съ ними и со всѣми, кто идетъ тѣмъ же путемъ,—это они знаютъ. Но, стоя на построенномъ нами фундаментѣ одиноко, пока не убѣдимся, что ихъ прощанье, мы не будемъ увлечены въ фiasco или нелѣпость. Служить имъ я буду, но прежде чѣмъ брать солидарную отвѣтственность, хочу видѣть ихъ журналъ, ихъ *profession de foi*. Вѣдь „Земля и Воля“ не все, и въ „Молодой Россіи“ тоже было. Кстати, Салиасъ въ письмѣ еще и еще повторяетъ, какой вредъ они надѣлали.

„Вдругъ въ 1863 г. оно составилось“. А развѣ въ 1848 году Сазоновъ не основалъ международный клубъ, развѣ не были правильныя засѣданія и пр.?

А поэтому я не знаю, чего именно ты хочешь отъ меня. Смѣшать 0 нашего фонда съ 0 ихъ? Можно. С. говоритъ, что мы можемъ распоряжаться, а С. пріѣдетъ да задастъ не такую гонку. Это даже Бак. не принимаетъ.

Писать они не умѣютъ. Я пишу и буду писать, ты тоже. Миросл. въ пятницу поѣхалъ.

16.

(1863 г.) 29 апрѣля. Orsetthouse.

Westb. on Sew.

Теперь къ общему. Больно мнѣ, но скажу, что ты неправъ относительно меня, и именно это мнѣ и мудро. Мы представляемъ, и въ этомъ я глубоко убѣжденъ, дѣятельный ферментъ русскаго движенія, и во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ нами сообщаемое движеніе одинаково. Гдѣ же различіе? Вѣря въ нашу силу, я не вѣрю, что можно произвести роды въ шесть мѣсяцевъ беременности. А мнѣ кажется, что Россія въ этомъ шестомъ мѣсяцѣ. Я увлекаюсь скорѣе тебя и трезвѣю скорѣе. Дай мнѣ не готовую силу, а дай ощупать *живой зародышъ*. Конечно, живой зародышъ носится въ общемъ состояніи, носится въ геніи народа, въ направленіи литературы, въ реформахъ и пр. Но гдѣ онъ до той степени сложился и обособился, какъ, *exempli gratia*, ты находишь въ „Землѣ и Волгѣ“? Я этого не вижу. Ты фанатически сосредоточилъ всѣ твои силы въ одинъ фокусъ; любовь къ дѣлу, мысль, что мало остается жить, даже одиночество мысли (тѣмъ болѣе полное, что ты почти не разсѣваешься и чтеніемъ чего-нибудь другого), все это вмѣстѣ развило въ тебѣ религіозную страсть, вродѣ Маццини. Ты страстно хочешь,—и не спрашиваешь, достаточно ли для творчества и созданія тѣхъ элементовъ, которые *verhanden*. Возбудить ты, я, ихъ можемъ, но уже самая организація изъ Лондона—вещь мудреная. Не думалъ ли ты о томъ, что послѣ всего, что было съ крымской войны, въ самомъ дѣлѣ Россіи всего нужнѣе опомниться, и для этого ей нужна покойная, глубокая, истинная *проповѣдь*. Ты на нее способенъ. Проповѣдь можетъ сдѣлать агитацію, но не есть агитація. Вотъ почему я иногда возражалъ на твои агитаціонныя статьи. Вотъ примѣръ: въ твоей послѣдней статьѣ въ „Об. В.“ ты говоришь: „Еслибы царь былъ земскій, *крестьянскій*, русскій“. Въ памфлетѣ это ничего. Въ проповѣди глубоко искреннее чувство тебѣ не позволило бы это сказать. Отрѣзать отъ народа всю часть некрестьянскую—демагогія. Признать нѣсколько человѣкъ очень малодаровитыхъ (представитель которыхъ отрекся отъ нихъ) за зародышъ я не могу. Вспомни,

Огаревъ, что съ начала до конца я васъ предостерегалъ отъ шума объ офицерахъ и солдатахъ, идущихъ на помощь Польшѣ. Ты мнѣ всегда говорилъ, что берешь это на себя. Какъ будто у насъ рѣчь могла быть объ отвѣтственности. Ты ли отвѣчаешь, или любезнѣйшій неспособникъ Бак., а дѣло это намъ повредило, лишило насъ силы. А сила наша только и зиждится на талантѣ да на довѣріи.

То же, что было съ „Землей и Волей“ и съ офицерами, ты испыталъ съ Печеринымъ. Я не виню тебя, что ты ему писалъ какъ бы ко мнѣ изъ Кунцова и попа іезуита пятидесяти-пяти лѣтъ принялъ за юношу, а спрашиваю: ну, еслибъ онъ тебѣ написалъ: „я уложилъ мое распятіе, куда надобно идти?“ — что же бы ты сдѣлалъ?

Я чувствую еще всю свою силу на проповѣдь, на судъ и осужденіе, на анаѹему. Я чувствую силу mit der Gemeinde носиться по морю взадъ и впередъ, продолжая свою рѣчь. Я готовъ „Колоколу“ дать этотъ характеръ. Такая проповѣдь не пропадетъ. Вѣдь въ свое время она много сдѣлала. Будемъ звать юношей, — въ этомъ я пойду съ тобой, какъ шелъ всю жизнь, пойду я и во всемъ остальномъ, но вѣры, чтобъ зародышъ былъ готовъ, что мы можемъ „сдѣлать возстаніе“, — у меня еще нѣтъ. А когда я смотрю на такія сильныя движенія, какъ польское, мною овладѣваетъ ужасъ передъ этими путями бесплоднаго кровостеченія.

17.

1 мая 1863. Orsetthouse Westb. Sew.

О главномъ предметѣ я скажу одно, что всѣми силами пойду той же дорогой. Но ты хочешь больше, ты хочешь — внутри моего убѣжденія чтобъ не было разномыслія. Думаю, и думаю честно, добросовѣстно, и не вижу, чтобъ мы или „Кол.“ становились сильнѣе. Если былъ какой-нибудь новый успѣхъ (т.-е. со времени освобожденія крестьянъ), то это Общее Вѣче. Переменни мое убѣжденіе, докажи противное, — развѣ я хочу отстаивать мнѣніе? Дѣйствительно, Броунъ насъ хотѣлъ какъ знамя, а не какъ дѣятелей. Это доказано тѣмъ, что Бутовс. и Лугин. читали и знаютъ, что ты и я проповѣдывали, а тѣ не знали. Мы должны были отдаться Смоленской Божіей Матери. Я готовъ жертвовать всѣмъ, даже честнымъ именемъ, но этой абсорбціи не понимаю.

Холить зародышъ (какъ ты говоришь) хорошо, когда онъ есть и притомъ въ матѣ, а вообразить себѣ его внѣ матери — значитъ отнять истинное холенье у истиннаго зародыша въ пользу какого-нибудь luthopedion'a. Мнеъ „З. и В.“ должно продолжать, потому же, что они сами повѣрятъ въ себя. Но что теперь „З. и В.“ нѣтъ еще—это ясно. Тебя сильно озадачилъ Броунъ своей исповѣдью Сашѣ. За что же нападки на меня? Ты не опѣнилъ мой скептицизмъ, предсказавшій тебѣ и Бак., что *da ist kein Stoff*.

Въ чемъ польза—оф. адреса—*перевѣшивающая* бѣды и нареканія? Вѣрь же, ради Бога, что одна ревниво удерживаемая, свирѣпая истина—страшная сила. Ею, замѣть, только ею я поставилъ Европу призадуматься о своемъ вопросѣ и о русскомъ. Я часто увлекался *über die Gränzen*, но и оставался въ безумномъ убѣжденіи, что я въ истинѣ. Это дѣйствуетъ рикошетомъ. Всѣ сношенія съ центр. ком. и пр. не имѣли для меня этого характера, я въ нихъ тотчасъ ослабъ. Бак. для меня *im Begriff* всего, чтѣ я бичевалъ въ революціонистахъ; мнѣ досадно, что я съ нимъ не вполне откровененъ. Смерть Потебни хороша въ очистку русскаго имени, а сближенія нѣтъ черезъ нее, да и черезъ Бак. нѣтъ. Внимни въ его послѣднее письмо и даже въ Франц., ты убѣдишься въ этомъ.

Моя статья о Польшѣ, даже *Плачъ*, который въ Италіи и Швейц. произвелъ фуроръ, совершенно ставятъ *Польскій* вопросъ *нужимъ* (какъ и ты его пост. въ статьѣ о Потебнѣ).

18.

(1863 г. іюня) 29, понедѣльникъ. 10 утра.

Читаю романъ Черныш. Господи, какъ гнусно написано, сколько кривлянья... что за слогъ! Какое дрянное поколѣнье, котораго эстетика этимъ удовлетворена. И ты, хвалившій—куртизанъ! Мысли есть прекрасныя, даже положенія,—и все полито изъ семинарски-петербургски-мѣщанскаго урыльника *à la Niederhuber*.

19.

(1863 г.) 17 іюля. Orsetthouse.

Вчера былъ Достоевскій. Онъ наивный, несовсѣмъ ясный, но

очень милый человекъ. Вѣрить съ энтузіазмомъ въ русскій народъ.

Теперь сплетни. Мартыновъ, избранный судьей по дѣлу новой статьи Бакунина, сказалъ мнѣ, что статья очень хороша, что ее напечатать слѣдуетъ, во-первыхъ, чтобъ защитить Бак. отъ нареканій, во-вторыхъ, — что онъ, наконецъ, имѣетъ право высказаться, какъ онъ хочетъ, безъ *посторонняго вліянія*. Предв. Бакунинъ меня извѣстилъ о семъ триумфѣ и, между прочимъ, запиской, написанной въ очень странномъ тонѣ. Говоря о какомъ-то полякѣ изъ Парижа, онъ добавляетъ: „высокомѣріе“, съ которымъ я принимаю, и „презрѣніе“ его рекомендаціей, лѣнь и пр. Я дѣйствительно не подалъ ему повода на такой тонъ, и потому отвѣчалъ ему просто, что, я думаю, тутъ ошибка, что мы вовсе не такъ близки, и что я никому и не навязываюсь. Все это было вчера, и онъ не былъ.

Пришелъ послѣдній *Современ.*, — ничего нѣтъ, — и *От. Зап.*, — ихъ не смотрѣлъ.

Въ газетахъ ничего. Только француз. газеты говорятъ, — Константинополь освободить Варшаву. *Ceci tuega cela. Магъ-Кл...* разбить. Теперь извѣстилъ всѣ подробности. Можетъ, придется мнѣ съѣздить самому за Море-Кіанъ.

20.

11 Nov. 1863. Firenze. Hôtel American. Via Vigna nuova.

Вчера я былъ у Долфи. Сегодня я буду у Mario (Whit). Долфи молодецъ, Чичеровекио заткнулъ за поясъ. Мужчина съ Бак. ростомъ, съ лицомъ античной статуи, выражающимъ несокрушимую волю и энергію. У него мускулы не повисли. Настоящій трибунъ и очень уменъ. Говорить трошу по французски, но больше по итальянски. Я понимаю хорошо. Отъ него я узналъ, что Мордини, проѣздомъ, во Флоренціи. Мордини принадлежитъ для меня къ воспоминаніямъ о 1852. (Это *bête noire* реакціи. бывшій продиктаторъ Сициліи). Мнѣ говорили, что онъ сталъ важнымъ человекомъ, — не знаю, almeno не со мной.

Я его засталъ за обѣдомъ и нарочно взошелъ безъ доклада. Онъ не имѣлъ понятія, что я въ Флоренціи, но тотчасъ узналъ и бросился меня цаловать. Это тоже сила. Италія богата людьми. „Мы съ вами встрѣчаемся, — сказалъ я ему, — какъ старые сол-

даты, оставшіеся вѣрными нашему знамени, а объ знакомыхъ страшно вспомнить“.

Гдѣ нашъ старецъ Ланжеронъ?
Гдѣ нашъ старецъ Беннигенъ?

(Собств. имена замѣни самъ.)

Сегодня обѣдъ, который русскіе мнѣ даютъ. Я откровенно долженъ сказать, что пріемъ здѣсь и отъ своихъ, и отъ итальянцевъ, далеко превзошелъ мои ожиданія... и чего-чего здѣсь вѣтъ: и E. Piggo Esq. изъ „Daily News“, и графъ Нессельродъ-аух perl.—и Конст. Ник. ждутъ; видно, хочетъ сдѣлаться артистомъ.

Одинъ Доманже не показывается.

А ргорос.—Dolfi-Fomaio сидитъ въ лавкѣ съ мукой и крупой и продаетъ ее, какъ нѣкогда великій Боткинъ продавалъ чай, и, продавая ее, онъ одинъ страшнѣе всей франц. оппозиціи правительству. Это самый популярный трибунъ въ Флоренціи.

12. Четвергъ.

Обѣдъ былъ очень приличенъ и очень скромнъ. На немъ былъ и Стюартъ. Онъ, безъ сомнѣнія, глупѣе и тяжеле всѣхъ бывшихъ. Травма эта здѣсь уже недѣли три, не знаетъ ни одного изъ русскихъ, не зналъ, что я здѣсь, и еслибъ Саша его не засталъ у проф. Шифа, а Фрин. не пригласилъ бы участвовать въ обѣдѣ, я его бы не видалъ. Съ такими заграничными Бруновыми недалеко уѣдешь. Я его нарочно столкнулъ съ Мечниковымъ, но онъ и тутъ мямлилъ и пр. Разумѣется, главный интересъ это Касатъ., его слова и дѣла. Я предложилъ два тоста, за тебя и за „З. и В.“. Саша—за память Потебни. На обѣдѣ былъ одинъ полякъ живописецъ.

О Катковѣ подумаю. Не лучше ли просто написать, что это ложь, т.-е. Огар. и Герц. объявляютъ. Но какъ же Бак. скажетъ, что это ложь, когда онъ все тоже говорилъ и даже въ Стоп... миной рѣчи? Пользу, которую онъ принесъ, еще не знаю, а вредъ на лицо. Повторяю, что я его видѣть не хочу.

21.

№ 3 изъ Женевы.

(1863 г.) 1 декабря. Genève.

Касатъ. и Черн. прислали телеграмму—они будутъ сегодня вечеромъ. Всѣ русскіе сегодня завтракаютъ у меня: Б., трое

тебѣ извѣстныхъ и молодой профессоръ, который мнѣ нравится. Обѣдаю я съ Б. у Фогта. Еслибы я здѣсь остался недѣлю, то пошло бы какъ въ Флоренціи. Даже содержатель Hôtel'я пришелъ въ такой восторгъ любви,—что я предпочелъ его Hôtel,—что произнесъ мнѣ рѣчь, въ которой упоминалъ, что онъ своей женѣ въ „Gartenlaube“ читалъ мою біографію, и за 14 фр. даетъ фенсервы и ананасы съ сардинками.

Но, Огаревъ, сдѣлалъ ли я что-нибудь въ смыслѣ примиренія? Мнѣ кажется, что Касатъ.—мелочной человѣкъ. Всѣхъ русскихъ, не исключая Фелина, я нашелъ лучше, чѣмъ ждалъ. Они страшно озлоблены противъ него. Одинъ работаетъ (Касп.) у переплетчика,—денегъ не хотѣлъ взять. Р. я черезъ Б. оставилъ 4 и Ф. 30 фр. Жукъ въ Бернѣ. Я оставилъ еще золотой Б. на случай нужды. Поговоривши съ Касат., я напишу.

Мое путешествіе сюда имѣетъ иную важность и снова подтверждаетъ, что Лондонъ скверное мѣсто. Путешествуя, я могу почти больше сдѣлать, чѣмъ статьями. Я разбудилъ и растолкалъ Ст., которымъ больше доволенъ при отъѣздѣ; Мечниковъ поѣхалъ въ Ливурну искать сбыта, и всѣ распевелились. Какъ съ одной стороны тебя не обрадуетъ это, такъ съ другой будетъ больно.

Ты хвалилъ мою наблюдательность въ Неаполѣ, она еще лучше въ собственныхъ дѣлахъ. Итакъ, повѣрь мнѣ, что рѣшительно никто (не исключая Б. и Ст.) не вѣритъ ни въ какой центръ, ни въ кого, и всѣ говорятъ то, что въ Парижѣ, два мѣсяца тому назадъ, гов. Хоецкій и поляки: центръ—„Колоколъ“, и нѣтъ центра развѣ его. На этомъ можно много построить, но для постройки надобно, чтобъ „Кол.“ былъ свободенъ, *совершенно свободенъ*. Онъ компрометировался, но благородно, ему это отпустить. Non bis in idem, и онъ, какъ его старшій братъ, московскій колоколъ, падеть. Каждое животное имѣетъ свой процессъ пониманія. Я долго и раг сассадѣ разбираю дѣло, а потомъ оно вдругъ становится ясно. Кризисъ во мнѣ прошелъ; боль, униженіе, состраданіе были святы, но я слушаюсь Берга и снимаю трауръ. Если ты объективно взглядишься и повѣришь мнѣ,—дѣло сдѣлано. Но тогда не привязывай гири, да и какія: самъ Раппо не стащилъ бы Бакун. Видно, кое-что надобно подвязывать въ сердце и жертвовать иногда лицами дѣлу. Я Бакун. считаю вреднымъ, и чего ты боишься, что Будб. узнаетъ о разладѣ? Лишь бы не мы говорили; а коли узнаетъ, то это только нулируетъ Бак., а не насъ. Тебѣ его жаль, да вѣдь и Ворцелю было жаль Жабицкаго.

22.

2 янв. 1864. Н. g. de la Poste.

Странно провелъ я новый годъ. Я былъ имъ какъ-то взволнованъ и оттого поправился. Часовъ въ 11 явился старецъ съ необыкновеннымъ, величаво энергическимъ видомъ. Мнѣ сердце сказало, что это кто-то изъ декабристовъ. Я посмотрѣлъ на него и, схвативъ за руки, сказалъ: „Я видѣлъ вашъ портретъ“. — Я Поджіо. — Этотъ сохранился еще энергичнѣе Волконскаго (который при смерти боленъ). Господи, что за кражъ людей. Иду сейчасъ къ нему. Но это еще не все. Вслѣдъ затѣмъ является молодой человекъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, черноволосый, красивый, съ умнымъ видомъ. — Сынъ Дм. Павл. Голохвостова. Живой, дѣльный, онъ самымъ теплымъ образомъ встрѣтился со мной. Женатъ на красавицѣ и пр. Итакъ, два прошедшихъ и двѣ тѣни ввели въ новый годъ, и отъ нихъ возвращаюсь опять къ нашимъ карликамъ. Шлюсь на Л., У., что я больше уступалъ возможнаго и справедливаго, но они все что-то хлопчутъ и интригуютъ.

Въ послѣдніе два дня я увидѣлъ, что, несмотря на Palazzo, пріисканное Касат., Женева невозможна, по крайней мѣрѣ, почти невозможна отъ этихъ праздныхъ интригантовъ. Можетъ, они и добрые люди, но самолюбіе все потемнило.

23.

(1864 г.) 4 янв. Н. g. de la Poste.

Здѣсь я покончилъ мирно. Молодые люди отказались (откровенно ли, или нѣтъ?) отъ своихъ требованій и общаются горы работъ и корреспонденцій къ 1 мая. Помощи по типогр. и пр. отъ нихъ ждать нечего. Скорѣе Кас. сдѣлаетъ что-нибудь. Мнѣ съ ними ужасно скучно, — все такъ узко, ясно, лично и ни одного интереса, ни научнаго, ни въ самомъ дѣлѣ политическаго, никто ничему не учится, ничего не читаетъ. У. хуже другихъ по безграничному самолюбію. Я до сихъ поръ не могу понять твоего паденія въ Cowes съ нимъ, твоихъ любовныхъ писемъ къ нему, и, грѣшный человекъ, отношу $\frac{3}{4}$ къ чарочкѣ. Вотъ тебѣ и ревность, о которой ты говорилъ, не говоря о К., — Л., У. смотреть хуже меня. Ков. гораздо лучше другихъ..

Послѣ всѣхъ переговоровъ, „засѣданій“ и пр., родилась слѣд.

программа, которую я тебѣ посылаю. Такую программу и подобную можно составить mille e tre въ день. Я на нее совершенно согласился. Что „Кол.“ издавать въ Лондонѣ при новомъ взмахѣ въ Россіи нельзя, это для меня ясно. Здѣсь перекрещиваются непрерывно идущіе изъ и въ Францію, изъ и въ Италію, здѣсь многіе живутъ и пр. Но что мы будемъ дѣлать съ милой оравой этой—я не знаю.

Гол. читалъ мнѣ актъ изъ своей драмы, составленной изъ былинъ о Добрынь Никитичѣ. Я у него видѣлъ томовъ десять книгъ, о которыхъ мы едва слышали, напр., Сборники Рыбникова. Вчера былъ у старика П.—Титаны!

24.

(1864 г.) 28 февр. Elmfieldhouse. Tedding.

Письмо пришло. Раньше 9 почты въ Вибл. не будетъ, да и то въ понедѣльникъ. Корректуру посылаю. Средній листъ, т.-е. цифры, Чернецкій свѣрилъ и даже нашелъ у тебя или въ тетради ошибки. Печататься будетъ въ понедѣльникъ; старайся какъ можно скорѣе доставить корректуру.

Процесса Мац. мы боялись напрасно; онъ, т.-е. процессъ, совершенно хлопнулся въ грязь. Даже судъ не судилъ Мац. Все это оказалось полицейской продѣлкой. Вчера видѣлъ новаго русскаго—шулеръ и плутъ.

Теперь возвращаюсь въ твоему письму. Разумѣется, и оно на меня, какъ всѣ почти твои письма послѣдняго времени, дѣйствуетъ грустно. Меня ты бранишь за самооправданіе, а самъ вводишь пьянство въ фатумъ и говоришь о немъ, какъ о несчастіи, противъ котораго нѣтъ апелляціи, и за которое вина падаетъ не на тебя. Ты даже придумалъ водяную болѣзнь въ оправданіе. Я ужаснулся этого.

Вотъ что я записалъ въ свою книжку 31 декабря 1863: „Съ 1851 я не переступалъ въ новый годъ съ такимъ ужасомъ. *Пора!* Этотъ голосъ меня преслѣдуетъ не всегда громко, но самое ничтожное обстоятельство будить всю его силу. Въ минуты тесueillement и въ минуты грусти я слышу: *пора!* Еще шагъ, и груша перезрѣетъ, будетъ невкусна. Въ новомъ году я предвижу 2 мая. Связи, длившіяся всю жизнь, подаются. *Мы понижаемся въ глазахъ другъ друга*,—старость, что-ли? Вѣны исчерпываютъ, остаются старыя лица съ притязаніемъ на молодость. Гармонія въ семейной жизни нѣтъ, задача сложна, эгоизмы раз-

виваются больше, и все рухнет на несовершеннотннхъ. Въ общемъ мракъ и ужасъ, мы комфортаивами натягиваемъ себя на призрчныя вѣры.

„Не предчувствіе ли это конца, примиреніе съ нимъ, гуманное *carpatio benevolentiae* со стороны смерти?“

Послѣднія строки приписаны 8 января.

Не буду длить этотъ разговоръ... Я шумлю, но дѣйствительно у меня радостей не много..... Тогда, когда и въ общемъ я вижу, что единственный человѣкъ, который съ 1826 шелъ въ унисонъ со мной, или я съ нимъ, теряетъ масштабы и переносить свои желанія на дѣйствительность, сердясь, что я вижу, что это желанія, а не дѣйствительность..... увѣрю тебя, Огаревъ, что есть отчего бѣжать изъ полку.

У Nat. мысль просить Государя съѣздить въ Россію, съ правомъ возвратиться. Я видѣлъ во снѣ, что Ал. Ал. просилъ послѣ смерти П. Ал. объ этомъ. Можетъ, это и возможно (окрестивши дѣтей). Подумай. Еслижъ нѣтъ, то, можетъ, тебѣ будетъ легче пожить совершенно одному въ Лондонѣ, т.-е. въ іюнѣ, а я всѣхъ устрою въ Амстердамѣ или въ Генуѣ (мы объ ней забыли). Я готовъ на все. Ты опять будешь толковать о гамлетовщинѣ,—разсуди самъ, во мнѣ ли дѣло. Еслибъ я могъ сказать: вотъ треть—въ одну сторону, вотъ треть—въ другую, съ остальной позвольте мнѣ ѣхать не знаю куда и прѣзжать разъ въ годъ въ гости,—я бы сдѣлалъ. А тутъ наша дѣятельность, „Колоколъ“... Итакъ, надобно тянуть ляжку. Я готовъ. И прощай. Если дашь руку на взаимную поддержку, тѣмъ лучше ¹⁾).

25.

(1864 г.) 1 марта. Elmfieldhouse Teddington.

Гончаровъ въ письмѣ пишетъ прямо, что онъ ждетъ отвѣта въ Кон. Пиши и пришли, а я отдамъ Пор.—Кн. Чартор. пріѣхалъ. Онъ говоритъ, что Стиглицъ былъ совершенно осмѣянъ въ Парижѣ за его отвѣтъ, и до того сконфузился, что боялся ходить по бульвару. Тургеневъ печатаетъ новый романъ у Достоевскаго—„Призраки“.

¹⁾ Nat.—Н. А. Огарева. А. А. и П. А.—Тучковы.

26.

(1864 г.) Пятница. 4 марта.

Жаль, что я не былъ вчера, но это къ лучшему: голова болѣть перестала (новое рѣ, никогда не проходить въ одинъ день), да и на душѣ лучше. А новости скверныя. Я получилъ отъ парижскаго Ротшильда отчетъ за 1863 годъ. Читаю, слышу, денегъ получено меньше: съ 17.000 долларовъ Virginia Stoch, вмѣсто 6%, ни гроша. Поѣхалъ я къ здѣшнему Ротшильду. Тамъ говорятъ, что они рѣшительно ничего не платятъ. Итакъ, тысячи 3 съ $1\frac{1}{2}$ франковъ изъ дохода вонъ. Рейхенбахъ на дѣла Америки смотритъ самымъ чернымъ взглядомъ. Онъ говоритъ, что мира не будетъ; что упорство южныхъ дошло до мании ¹⁾. Его совѣтъ ѣхать въ Америку и покупать у правительства земли, даже акціи желѣзн. дорогъ; онѣ тоже невѣрны, но все же вѣрнѣе правительственныхъ, а ихъ покупать потому, что тогда Un. St. пойдутъ въ американской цѣнѣ. Вотъ тутъ и живи себѣ птицей небесной. Нѣтъ, Огаревъ, вмѣсто замѣчаній на мое замѣчаніе благослови относительно свободу твою. Глупо потерялъ ты свое имѣніе, что же въ сущности за бѣда? Ты 6.000 фр. вытянешь...

11 часовъ.

Твое письмо пришло. Я самъ чувствую великую потребность скоронить споръ. Разойтись послѣ цѣлой жизни нельзя — и грѣхъ. Я глубоко увѣренъ, что ты моимъ письмамъ далъ смыслъ иной. И это я думаю оттого, что и ты, и я, не привыкли, чтобъ насъ судили; мы себя ставимъ всегда above уровня. Врядъ ли справедливо это. Les rois sont ce que nous sommes. Можетъ, даже то, что я писалъ тебѣ изъ замѣтки на новый годъ (мы понизились въ глазахъ другъ друга) — боязнь истины, вовсе не хорошее чувство съ моей стороны. Итакъ, серьезно, безъ излишнихъ надеждъ, но съ вѣрой пойдѣмъ по жесткому пути старости; я, между прочимъ, ищу средствъ матеріально спасти всѣхъ. Можетъ, для этого мнѣ и будетъ всего нужнѣе, чтобъ морально не было постоянного безпокойства.

Вотъ моя рука.

Теперь о „Колоколѣ“. И тутъ ты призови всю терпѣливость

¹⁾ А ты воображаешь, что главные вѣгиклы революціи — эконом. вопросы, и людей вообще — математика!

твою. Я съ Чернец. имѣлъ небольшую стычку. Онъ сдѣлалъ непростительную вещь. Въ 9 вечера прислалъ мнѣ послѣднюю стр. Я поправилъ и надписалъ, или сказалъ черезъ Жюля, чтобъ *mise en page* прислали. Вдругъ въ 11^{1/2} Жюль приносить полные (эвз.) „Колок.“. Ничего не понимая, я сталъ въ постели читать, нашелъ двѣ, три грубыя ошибки и въ 7^{1/2} утра послалъ Жюля съ поправкой. Онъ торжественно возвратился съ рапортомъ, что Егоровъ всю ночь печаталъ и отпечаталъ всѣ экземпляры. Я послалъ за Чернецъ. Чернец. оказывается столько же виноватымъ: 1-ое, *Воп à tiger* не было; 2-ое, въ 11 ушедши, онъ сказалъ Егорову, что если чтò неважное, то онъ поправилъ бы. Чернец. зналъ, что я дома. Чтожъ ему стоило зайти? И самъ говорить, что Егоровъ дуракъ. Онъ немного надулся. Но теперь надобно потерпѣть и въ слѣдующемъ листѣ *errata* сдѣлать; другого средства нѣтъ. Чернец. одно говорить — опоздали, опоздали тремя днями. Можеть, я и правъ былъ, что тебѣ бы прежде кончить, потомъ идти.

Можно еще одно сдѣлать — отпечатать поправку на листѣхъ и разослать книгопродавцамъ для вложенія въ № „Колокола“. Если это очень надобно, пиши: я сейчасъ распоряжусь...

27.

(1864 г.) 12 апрѣля. Cannes.

„Колоколь“ получилъ и пробѣжалъ, да зашнурлся за „энциклопедистику“ — вотъ штука-то! — и за „посланныя телеграфическія думы“. Катковъ насъ объявить спятившими.

Слѣдующія письма: 28, 29 и 30 — говорятъ объ одномъ крупномъ событіи въ лондонской жизни Герцена — свиданіи съ Ю. О. Самаринымъ. Подробнѣе объ этомъ случаѣ см. „Русь“, 1883 года, №№ 1 и 2: „Переписка Ю. О. Самарина съ А. И. Герценомъ въ 1864 году“.

28.

(1864 г.) 22 іюля, пятница. Royal Hôtel.
Blackfriar's bridge.

У меня все еще идетъ кругомъ въ головѣ отъ разговора, который длился отъ 6 до часу непрерывно. Десять разъ онъ

принималъ ту форму, послѣ которой слѣдовало бы прекратить и его, и знакомство. О сближеніи не можетъ быть и рѣчи, и при этомъ лично С. и уважаетъ, и любитъ меня. Я только вошелъ въ № и спросилъ объ немъ, какъ онъ явился самъ (онъ у человѣка записалъ мое имя, стало, не боится). Я протянулъ ему руку, но онъ бросился обнимать меня.

Вотъ главные тезисы. Что касается до правительства, оно не имѣетъ никакого направленія и идетъ зря; оно съ самаго начала искало руки ведущей, но ея не нашлось, и теперь ищетъ. Терроръ ему приказало общество, и этимъ С. доволенъ (противъ террора въ Петерб. Суворовъ, Валуевъ, Адлерб.). Было время, въ которое „Колоколъ“ могъ вліять громадно. Все потеряно колоссальной ложью въ польскомъ дѣлѣ. Онъ считаетъ теперешнюю дѣятельность окончательно пустой, потому что, кромѣ исключительнаго кружка, никто не хочетъ и не читаетъ „Колокола“. Всѣ увѣрены, что ложные манифесты шли отъ насъ, или по крайней мѣрѣ отъ Бак., и онъ такъ думалъ до разговора. Польшу, поляковъ онъ ненавидитъ, — вещи, имъ рассказанныя, дѣйствительно ужасны. Съ Милютинымъ онъ въ тѣсной дружбѣ, и, кажется, воротится на свое мѣсто послѣ леченія въ Рагацъ. (У него были два удара паралича, но легкаго; онъ отъ послѣдняго почти совсѣмъ окривѣлъ, но сохранилъ и прежнюю энергію, и удвоенный фанатизмъ, и необыкновенно изворотливый умъ, но за то — кромѣ немножко Бордо — пить не можетъ). Крестьянское дѣло въ Польшѣ онъ считаетъ великимъ, историческимъ дѣломъ. Твою статью винить онъ въ томъ, что ты, зная, что польскіе крестьяне не бунтовали, сказалъ, что они бунтовали, и что ты не оцѣнилъ, что уступленная поляками земля минимумъ за отрѣзками, сдѣланными съ 1807—1846 и въ послѣднее время.

По всему сказанному онъ ближе къ Каткову и Муравьеву, чѣмъ къ „Колок.“. „Современникъ“ ненавидитъ. Чернышевскаго тоже. О Мартыновѣ едва слышалъ.

Затѣмъ начинается другая часть: это детали, т.-е. картины, эпизоды и пр. И душу щемить, и смѣшно, и несмѣшно. Хаосъ, безумное, дурманное броженіе. Мысль, у него проявляющаяся или затаенная, та: „Всему этому и вы способствовали“ (онъ считаетъ вліяніе мое на поколѣніе, съ начала царствованія, самымъ главнымъ и сильнымъ, больше сильнымъ, чѣмъ вліяніе Николая Павловича! — Каково!?), — въ то время какъ надобно было всѣ силы, всѣ помышленія устремить на то, чтобъ двинуть машину впередъ.

Я пришелъ въ свою комнату усталый... Общее впечатлѣніе страшно грустное. Какой-то стихійный социальный переворотъ

идеть, давя колесами все, — и люди, какъ Самар., съ этимъ примы-
рились, и идутъ возлѣ и тянутъ эту барку по бичевнику, да еще
намъ говорятъ: „Да вѣдь вы хотѣли же соціального переворота;
ну, онъ и идетъ такъ, а не иначе“! — Прощай.

Сегодня я съ нимъ обѣдаю. „Можетъ, — сказалъ онъ на про-
щанье, — вы будете спокойнѣе“. Я не думаю.

Восемь часовъ — ѣду къ Гено де-Мюсси.

Не знаю, поѣду ли, т. - е., успѣю-ли выѣхать въ субботу-
Самар. ѣдетъ въ понедѣльникъ. Можетъ, и я останусь до понед-
и приѣду въ 1-ой train.

Вечеромъ напишу. Все что-то очень печально.

29.

(1864 г.) 28 июля, суббота. 10 часовъ.
Blackfriars. Royal Hôtel.

Вчерашняя бесѣда была еще тяжелѣе. Дошло даже до хо-
лодно-язвительныхъ замѣтокъ. Я боленъ Самаринимъ. Что же
это, наконецъ? Два человѣка, считающіе другъ друга честными
людьми, могутъ до такой степени расхотѣться. А онъ и его кругъ
пойдутъ впередъ. Онъ самъ говорить почти: „Теперь наше время“.
Тѣни издали ни малѣйшей на entente съ нимъ. Въ союзъ онъ
не вѣрится съ нѣмцами. Говорить свое, что изъ правительства
можно было сдѣлать и то, и сѣ, даже чтобы мы черезъ годъ или
два возвратились, или чтобы я могъ приѣхать на время, чего бы
онъ ужасно желалъ, потому что я не понимаю и не знаю со-
временной Россіи, и такъ далѣе...

Самар. придетъ ко мнѣ прощаться (не смѣшно ли, что мы
лично на самой лучшей ногѣ)! Я хочу ему поставить рѣзко во-
просъ: „Ну, для чего же мы говоримъ, и что же за результатъ
свиданья“? Я ему вчера сказалъ: — Что вы мнѣ постоянно тол-
куете о Польшѣ, когда я васъ спрашиваю: куда вы идете? Вы
просто отлыниваете.

Но онъ толкуетъ, что безъ „ла кестіонъ релижіюсъ и поло-
несъ“, — и трава не растетъ.

А проросъ, еще разъ, онъ говоритъ, что моя роль была — роль
Немезиды, пророчествующей, и что я пустилъ по міру (по ду-
ховному) все поколѣніе моей непослѣдовательностью, что жаръ
душевный и талантъ скрыли ядъ, а въ нихъ отравы осталась,
а полета нѣтъ...

30.

(1864 г. 24 июля) Воскресенье.

Письмо отъ Лизы и отъ Ольги получилъ.

Но затѣмъ писать бы не сталъ, а пишу, чтобъ вамъ сказать вещь хорошую послѣ всѣхъ мерзостей, которыя писалъ.

Передъ прощаньемъ у насъ шелъ крупный разговоръ и злой. Потомъ—что-то молчаливый. Потомъ—мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало грустно, да и ему. И тутъ я ему сказалъ: „Могу ли я, послѣ всего, что было, просить о личной услугѣ въ пользу несчастнаго челоуѣка?“

Его это покорило.—Что же вы хотите?

— Складку для Мартянова, и пошлите ему.

— Расскажите подробно, въ чемъ дѣло?

Я рассказалъ.

— Что же, вы возьметесь?

Онъ помолчалъ, прошелся, и говорить:—Нѣтъ, потому что это слишкомъ ничего не значить. Если хлопотать, такъ хлопотать о томъ, чтобъ его выписали изъ Сибири.

— И вы можете что-нибудь сдѣлать?

— Сдѣлаю, что могу. Пришлите его письмо въ Государю.

На этомъ мы поцаловались и разошлись. „Можетъ,—сказалъ я,—и это русское явленіе, что два противника такъ встрѣчаются“.

Онъ для спасенія Мартянова все сдѣлаетъ. Сейчасъ Тхоржевскій ему везетъ письмо.

Пишу изъ American Hôtel.

Самаринъ ѣдетъ завтра.

31.

(1864 г. 25 ноября) Пятница. Hôtel d'Espagne, rue Toitbon.

Письмо твое пришло. У меня съ самаго приѣзда и до сей минуты не перестаетъ головная боль. Должно быть, я распротудился на дорогѣ, да и погода здѣсь ужасная. . . .

У Н. была Панчулидзева, дочь Дебре, наконецъ Іоганисъ, который желаетъ очень меня видѣть. Гр. Салиасъ живетъ чортъ знаетъ гдѣ, и я не засталъ ни ее, ни сына; опять поѣду. Вчера былъ у Шар. Ед. Онъ требуетъ, просить корреспонденціи для

„Temps“ о русскихъ дѣлахъ. Польскій вопросъ исчезъ съ лица земли. Сегодня поѣду къ Бр. Скажи Тхорж., что Франковский прощенъ и выпущенъ. Отъ Таты премилое письмо.

У Ротшильда еще не былъ. Хочу поговорить о продажѣ дома въ Парижѣ. Это была бы добрая афера...

Вчера „дине“ у Левице съ Стадлеромъ. Закуска—икра паюс- и свѣжая, сморчки, рыжики и др. Пци, кулебяка съ рыбой и т. д. Малиновая и вишневая наливки. Квась.

Горчаковъ въ восхищеніи отъ моего: „Будь онъ военный, будь онъ статскій, но не Будбергъ“, и желаетъ имѣть въ свою коллекцію мой автографъ.

Стадлеръ ничего, довольно „бонпринсипенъ“.

До какой страшной степени мнѣ равнодушенъ Парижъ, ты не можешь себя представить. Я могу даже поселиться здѣсь, какъ въ Лиссабонѣ.

32.

(1864 г.) 29 нояб. (вчера я ошибся) Hôtel d'Espagne, г. Т.

Ливъ лучше—Леля ¹⁾ слегла.

Финансовая новость Ротшильда обдала меня тоже „sui generis“ морозомъ. Противъ случайностей нѣтъ оружія. Какое тяжелое занятіе—жизнь, и какъ страшно думать, что всегда au fond мы сами такъ глупо вели жизнь, такъ усложнили ее, что все-таки подъ-конецъ придется задохнуться въ пыли.

Какой лѣвой ногой сдѣланъ былъ этотъ отъѣздъ въ Парижъ. Ни секунды покоя...

Вчера я былъ у нотариуса, хочу продать домъ. На этомъ можно поправить Огіо и Виргинію; домъ стоилъ 135 т.; у Ротш. говорятъ, что теперь, можетъ, дадутъ до 200 т. Сегодня иду опять къ нотар. Онъ желаетъ имѣть мои бумаги о домѣ.

Ротшильды совѣтуютъ, если война продолжится, ѣхать въ 65-мъ году въ Нью-Йоркъ и тамъ купить домъ или землю.

30 декабря (sic).

У нотариуса я былъ. Онъ думаетъ, что пока bail не оконченъ (еще года два), домъ продать трудно. Теперь онъ дастъ 8.000 дол., а потомъ, думаетъ онъ, онъ можетъ давать до 13 и 14 т. по нынѣшнимъ цѣнамъ. Онъ совѣтуетъ взять подъ домъ

¹⁾ Леля—дочь Н. А. Огаревой, Елена, черезъ нѣсколько дней послѣ этого умершая отъ дифтерита, а вскорѣ за нею умеръ и братъ ея, близнецъ, Алексѣй. Ихъ смертью и похоронами полны письма и въ этомъ, и въ слѣдующемъ годахъ.—Огіо и Виргинія—железнодорожныя американскія акціи.

30 т., напр. на пять лѣтъ по 5⁰%, а черезъ два года продать, и тогда весь заемъ и проц. покроются возвышеніемъ цѣны. Поѣду совѣтоваться къ Ротшильду. Браницкій увѣренъ, что цѣна дому почти удвоилась...

33.

(1864 г.) 29 ноября. Hôtel d'Espagne, г. Toitbon.

...Теперь по части сплетней. В. Боткинъ отдѣлываетъ себя домъ въ Петербургѣ съ разными роскошами. Некрасовъ былъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Онъ бросалъ деньги, какъ слѣдуетъ разбогатѣвшему; возить съ собой француженку (П. онъ, говорятъ, оставилъ), брата и пр. Въ мѣсяцъ онъ здѣсь ухлопалъ до 50 т. фран. Нѣтъ, саго шю, „Современникъ“, во главѣ съ этими слезами о бѣдныхъ людяхъ Некрасова, бросающаго суммы и не платящаго порядкомъ сотрудникамъ,—не можетъ быть органомъ чистой и молодой Россіи, а только петербургскихъ судорожниковъ и желчевиковъ. Неужели не лежитъ на насъ обязанность втоптать въ грязь этого. . . ?

Потребность на хорошій русскій органъ снова сильна. „Колоколъ“, ты увидишь, двинется впередъ. Письмо къ Самар. сильно попало въ цѣль. Статья о Польшѣ сдѣлаетъ переворотъ. Она мирфически кстати. Стадлеръ не возвращается. Онъ работникъ, пишетъ здѣсь въ журналы и писалъ В. Коршу корреспонденцію.

Твоя записочка отъ 26 пришла 29, или ты ошибся числомъ?

Чтобъ не забыть: читаешь ли ты газеты? Мнѣ хотѣлось бы просто №№ и означеніе статей. Главное—leading'a „Моск. Вѣд.“ Также и о „Ревне“. Въ Женевѣ я все это пересмотрю у Касат. Но для этого ненадобно пропускать ни одного №. Нашли ли Манжажа, и отослалъ ли Тхоржевскій Долг—ву ¹⁾ его журналы?

Вчера вечеромъ былъ въ „Gynpaze“—это первый дебошъ. Погода ужасная, преступная.

Если ничего новаго не будетъ, то напишу слѣдующее письмо послѣ завтра. Жена Пав. Ал. Тучкова здѣсь. Левиц. дѣлаетъ копію съ его портрета. Фонтенъ здѣсь, и никто его не заткнетъ. Лизу Левиц. желаетъ сдѣлать, но нельзя. Онъ хочетъ мою карточку сдѣлать вновь. А дѣтскіе портр. не удались.—Прощай.

Finale tragico.

Сейчасъ отъ Ротшильда. Ohio заплатило ассигнац., курсъ

¹⁾ Долг. — Долгорукий.

2 фр... вмѣсто 5 ф. 40 сант. Это равняется снова потерѣ 4.000 фр. Я теперь *имѣ* долженъ 6.000. Даже сконфузился.

34.

(1864 г.) 1 декабря. Hôtel d'Espagne.

Кажется, всѣ твои письма доходятъ. Пишу наскоро. Лея очень больна. Сегодня я у нихъ провелъ всю ночь и не раздѣвался. Angine и дурного свойства. Блашъ былъ въ 7 утра и будетъ въ три. Ночью она страдала очень и при этомъ ужасно умна: принимаетъ рвотное и пр.

Припишу передъ отправленіемъ на почту. Лиза тоже не совсемъ. Докторъ говоритъ, что пуще всего мальчика надобно отдѣлить, потому что болѣзнь заразительна. Н., разумѣется, совсемъ потеряла голову. Такой каторги я не помню съ 1852 и съ Лизинвой скарлатины. *10 часовъ утра.*

Три часа. Повидимому, главная опасность миновала. Она легче дышитъ. Я въ 7 утра ходилъ за Блашемъ. Онъ находитъ значительное улучшение.

Насчетъ У. слухи здѣсь, что онъ half сумасшедшій и постоянно у дѣвокъ. Молодого грузина я видѣлъ на минуту, ѣздивши къ Шарьеру за машинкой ирригировать горло.

Еще разъ, кажется, Лея внѣ главной опасности. Завтра напишу.

Адресъ N.: 15 Rue du Colisée. Champs Elysées.

35.

(1864 г.) 2 декаб.

Ничего еще положительно сказать нельзя объ Лелѣ. Опасность огромная, развѣ здоровый организмъ побѣдитъ. Сверхъ Блаша, оказавшагося очень апатичнымъ, ѣздитъ его помощникъ и докторъ Левицкихъ, — онъ вчера въ ночь ей помогъ больше другихъ.

Никого не видалъ, нигдѣ не былъ и ничего не читалъ. Я только отлучался въ четвергъ къ Мишле обѣдать; тамъ былъ одинъ изъ редакт. „Прессы“, одинъ „Opin. Nation.“, одинъ изъ „С.“ и Генри Мартинъ. Объ этомъ послѣ. *9 утра.*

2 часа. Твое письмо прошло. Долго ходятъ письма. Лея въ

томъ же положеніи. Есть шансы спасти. Вотъ и все. Пиши мнѣ на адресъ Nat.: 15 Rue du Colisée.

5 вечера. Все тоже: Оба доктора были. Что не хуже, я считаю шагомъ впередъ.

О Бакун. я (кажется) писалъ десять разъ, что я его не засталъ.

До завтра.

36.

(1864 г.) 3 декабря.

Отъ тебя сегодня письма нѣтъ. У насъ бѣда надъ головой. Легъ хуже; крошечныя надежды тухнуть одна за одной. Два доктора бываютъ три раза. Сестра милосердія ходитъ за ней. Дѣлаемъ все, но надежда плоха. Пишу тебѣ съ судорожно-скрытымъ плачемъ. Nat. жаль. Какая страшная казнь! Послѣдніе четыре дня она вела себя съ страшнымъ самоотверженіемъ (за нее боится докторъ).

Часъ. — Будто лучше. Она не принимала пищи. Велѣли насильственно кормить, теперь стала. Въ 4 припишу.

Доктора боится за всѣхъ дѣтей. Я увожу Лизу въ другой этажъ.

Вотъ и Парижъ.

Никакой надежды нѣтъ. — Прощай.

5 часовъ. Сейчасъ Гер. дѣлалъ трахомію. Она жива, можетъ — спасена. Я держалъ голову.

37.

Трактиръ на улицѣ Кастильи.

Еще дрожатъ руки и внутренность. Я затерялъ письмо къ тебѣ и пишу другое, съѣздивши за докторомъ.

У Лели взрѣзали трахею. Я держалъ ея головку — и не смотрѣлъ. Потъ съ меня лилъ. На первую минуту она спасена — въ минуту агоніи. Но если останется живой — это чудо.

И Бой хвораетъ.

Сегодня явилась Салиасъ. Она пришла въ минуту, когда Леля отходила, и осталась во время операціи. Леля жива — вотъ и все.

Одно письмо получилъ твое отъ Левицкаго, другое не могу найти: я его нераспечатаннымъ потерялъ.

38.

(1864 г. 4 декабря.)

Огаревъ, пишу тебѣ страшную вѣсть. Леля скончалась въ 12 часовъ ночи съ 3-го на 4-е. Нат. въ ужасномъ положеніи. Тутъ была вся ея любовь. Писать не могу больше. Все смутно и нелѣпо. Лиза у Салиасъ.

39.

(1864 г.) 4 декабря ¹⁾.

Любезный Тхоржевскій.

Бѣдная Леля скончалась сегодня въ 12 часовъ ночи отъ дифтеріи. Передайте письмо Огареву. Я ему писалъ о ея безнадежномъ положеніи, но все же отдайте записку осторожно и напишите, какъ онъ принялъ вѣсть.

Сегодня занемогъ Бой—не говорите этого.

Вещи пришли. Прощайте.

Нат. Ал. ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни.

40.

(1864 г.) 5 декаб. 15 Rue du Colisée.

Я знаю, что ты будешь рваться *сюда, и понимаю это, и не знаю, что лучше. Мученій для тебя и тамъ, и не-тамъ (т.-е. на дорогѣ) много. Только обдумай, торопиться некуда: Бой спасенъ, у него уже начиналась дифтерія, но Каффъ его спасъ; Лиза у Салиасъ, Лели нѣтъ. Повѣсть ея смерти я опишу тебѣ и Татѣ послѣ. C'était un prodige. Съ минуты ея кончины началось раскаянье N. Она сдѣлала все, чтобъ умереть тою же болѣзью, и трудно сказать, что еще будетъ. Леля лежитъ въ цвѣтахъ съ серьезнымъ личикомъ, мраморнымъ, холоднымъ, насупившимся. Ее свеземъ въ caveau Montmartre—скаго кладбища, тамъ она будетъ стоять до отправленья въ Ниццу. Въ этомъ желаніи N. я не долженъ былъ отказать.

¹⁾ 39-е письмо адресовано Тхоржевскому, но печатается здѣсь, такъ какъ поминать ходъ событій.

Въ эту минуту солнце, котораго не видали недѣли, свѣтитъ на лицо Лели. Я тебѣ оставилъ ея волосъ, Левиц. ее фотографъ. Потеря эта безмѣрна, на меня находятъ минуты отупѣнія и минуты бѣшенства, потомъ безконечная тоска и тоска. Итакъ, вотъ ударъ, котораго ждала Н. Это ужасно.

Не ѣхать ли въ Лондонъ ей съ дѣтьми? или на югъ? Если ты ѣдешь, отчего же не съ Чернецкимъ?—8 утра.

11 часовъ. Принесли гробикъ алый бархатный съ свинцовымъ ящичкомъ, который герметически будетъ закрытъ для пути. Она играла бы этимъ ящичкомъ... Кругомъ рыданье...

41.

(1865 г.)-7 января. Montpellier.

Мы здѣсь. Приѣхали въ 7 утра. Лизу засталъ гораздо здоровѣе, чѣмъ думалъ. Были съ ней у моря. Nat. все въ томъ же положеніи.

Женевскіе щенята, въ послѣднюю минуту, отказались отъ всего (по приказу изъ Цюриха), да чортъ же съ ними, наконецъ...

Я ѣду въ Парижъ—черезъ недѣлю...

42.

8 января 1865. Hôtel Nevel. Montpellier.

Письмо твое отъ 4 янв. пришло. Я съ недѣлю пробуду здѣсь и поѣду въ Парижъ, оттуда, вѣроятно, въ Лондонъ, чтобъ готовиться къ переѣзду.

Наконецъ, страхъ передъ „мальчикомъ“ у меня прошелъ.

Послѣ ежедневныхъ преній и разговоровъ, въ которыхъ подъ скрытой симпатіей и уваженіемъ крылась мелкая оппозиція и желаніе захватить въ свои руки „Кол.“ и деньги Б. ¹⁾, послѣ программы, которую я послалъ тебѣ,—за часъ до моего отъѣзда является одинъ изъ нихъ съ заявленіемъ, что цюрихскіе г-да не согласны (С.-Сол.—главный противникъ нашъ, Якоби и Шелгунова), что они стоятъ на своемъ: „Колок.“ издавать по большинству голосовъ, или издавать свой журн. на Бах. деньги. Итакъ, то, что предвидѣлъ Л., что говорилъ К.—все оправда-

¹⁾ Бахметевы (см. „Изъ дальнихъ лѣтъ“. Воспом. Т. Пассекъ, т. III, стр. 139—144).

лось. Пора же, наконецъ, и тебѣ окончательно вразумиться на ихъ счетъ. У нихъ нѣтъ ни связей, ни таланта, ни образованія; одинъ Мечниковъ умѣетъ писать; имъ хочется играть роль, и они хотятъ насъ употребить пьедесталомъ.

Насчетъ Н. и его помѣщенія все, что узналъ, не очень удовлетворительно; жду письма отъ Жук. А то просятъ много денегъ, отъ 1.500 до 1.600 за пансионера. Фогтъ гов., что фр. за 800 найти можно, но всѣ спрашиваютъ: „во что готовятъ молодого человѣка?“ А этого-то я и не знаю. Я полагаю, что сперва надобно переѣхать тебѣ одному и потомъ прискивать.

Про типогр. на акціяхъ я писалъ,—это пойдетъ, но съ другимъ кругомъ. Чернец. не мѣшало бы думать о продажѣ станка. Какая досада, что у него его красавица. Въ домѣ можно бы было помѣстить и типографію, и его. Но съ ней я не могу, несмотря на то, что Nat. соглашается.

Саша ѣдетъ завтра въ ночь (въ часъ утромъ, послѣ завтра будетъ въ Ниццѣ).

Лечись и пиши статьи, я ничего не могу дѣлать.—Прощай.

Если пойдетъ дѣло на ладъ, Тхор. можетъ устроить съ нами *rapeterie* въ Женевѣ. Переплетчикъ идетъ.

Если будешь тотчасъ отвѣчать,—можетъ, письмо твое и застанетъ здѣсь.

43.

(1865 г.) 10 янв. Montpellier.

Новаго мало. Саша вчера уѣхалъ въ ночь черезъ Ниццу во Флоренцію. Физически здоровье Nat. не хуже, а Лизино просто хорошо...

Nat. окружена очень хорошими людьми. Вчера я познакомился съ физиологомъ Ligier или Logier. Онъ живетъ въ томъ же отелѣ; веселый французъ, пріѣхавшій изъ Парижа лечиться. Мы съ нимъ ходили къ Мартенсу, который мнѣ очень нравится. Гдѣ же въ другомъ мѣстѣ Франціи найдешь столько людей? Въ новый годъ проф. Дюпре, Пошилье и Март. прислали Лизѣ корнеты, конфеты и пр.

Жду твоего отвѣта на послѣднія новости о женевскихъ фрондерахъ. Работать не могу. А пророс, если хочешь читать что-нибудь очень милое и легкое, попроси у Тхорж. достать *Thérèse* (1793) и „*Les souvenirs d'un Consacr. de 1817*“—par *Eckmann et Chatrian*, —превосходныя вещи по простотѣ, вѣрности и пр.

Надѣюсь, что ты мнѣ отбираешь газеты и отмиѣчаешь *révues*.

Прощай. Кланяйся нашимъ.

Здѣсь іюнь мѣсяцъ, я хожу днемъ въ сюртукѣ безъ пальто, вечеромъ свѣжо. Ни одного облака.

НВ. Я никогда не могъ понять, отчего ты *не пришелъ* Хоеце. Мнѣ сдается, что онъ на меня сердится.

44.

12 янв. 1865. Montpellier.

Два письма черезъ К., два вмѣстѣ здѣсь и, наконецъ, одно сегодня (отъ 10-го по лондонскому тимбру) пришли.

Отчего же, говоря въ трехъ письмахъ о типогр. на акціяхъ и о типографіи съ разными шрифтами,—когда мы устроили, ты противъ? Кто тебѣ говорилъ, что Касат. хочетъ властвовать и повелѣвать? При всѣхъ своихъ капризахъ, онъ все-таки не мальчишествоуетъ, какъ утята, съ которыми время пришло покончить разъ навсегда. Пожалуста, ты ему не пиши противъ типогр. Кто хочетъ акціи, пусть беретъ у меня; кто хочетъ брать безъ имени, пусть беретъ безъ имени. Завѣдывать морально буду я, голландской сажой—Чернецкій. . . .¹⁾

О переплетной ты зналъ прежде. Она идетъ и пойдетъ *grâce* Лу. Я далъ 200 фр. и пошлю еще. Если типографія пойдеть, то заведется и *rapeteterie* съ книжной лавкой для пана Станисл.

Папочникову въ долгъ не печатай ни подъ какимъ видомъ. Деньги впередъ, да и только.

Ты правъ, говоря о моей нелюбви къ телеграммамъ. „Кол.“ выйдеть 1 февр., куда же торопиться? Я думаю, что анекдоты о цвѣтахъ и о исповѣди можно рассказать, прибавляя: „говорятъ, будто“; важности особой нѣтъ. О Пестер. я начинаю догадываться, можетъ, онъ и правъ (подробности расскажу при свиданьи); я связываю тутъ одинъ его промахъ съ твоей вѣстью о иркутскомъ жителѣ. All right. А только Саша въ Парижъ и не собирался; онъ теперь, вѣроятно, спокойно въѣзжаетъ въ городъ—во Флоренцію, стало, по парижскому адресу пойду я, а не онъ. Но когда, *that is the question?* И это заставляетъ поговорить о здѣшнихъ мракахъ. Многое, саго *plu*, меня глубоко огорчаетъ...

¹⁾ Этотъ проектъ—единственное средство, чтобъ не все пало на мои плечи.

45.

14 янв. 1865. H-1 Nevel.

Сама пишешь изъ Ниццы преобидную вещь: отеческое начальство велѣло срубить и вырвать всѣ деревья на кладбищѣ, и наши вырваны всѣ до одного. Это совершенно измѣняетъ дѣло, т.-е. видъ. Мѣсто для дѣтей есть; я писалъ сегодня къ мраморщику, чтобъ онъ купилъ еще пустое мѣсто возлѣ на твое имя (одной семьѣ не позволяютъ безъ платы 9.000 фр.). Кто первый придетъ, тотъ и ляжетъ.

Отчего ты не эксплуатируешь Долг. насчетъ газетныхъ от-мѣтокъ? Онъ все читаетъ и все отмѣчаетъ. Очень нужно повнимательнѣе устроить часть новостей. Я рѣшительно не могу ничѣмъ помочь въ этой тревогѣ и вовсе безъ книгъ и журналовъ. Хоец. снова предлагаетъ помѣщать два письма въ мѣсяцъ въ „Temps“, но только онъ требуетъ неминуемо присылать въ срокъ...

Я писалъ въ Сannes къ трактирщику; если онъ возьметъ за мѣсяцъ отъ 650 до 700 фр., то и съ Богомъ; я готовъ въ концѣ января ихъ проводить и потомъ устроить переѣздъ. Отъ Сannes до Ниццы часъ ѣзды, отъ Марсели до Сannes—пять часовъ. Въ Марс. можно ночевать...

Не хочешь ли ты въ „Кол.“ отъ 1-го марта объявить, что, по случаю перемѣщенія, „Колок.“ не будетъ выходить въ продолженіе *трехъ мѣсяцевъ*. При этомъ можно прибавить какую-нибудь фіоритуру.

NB. Если есть особенно важные М.№ газетъ по leading'амъ или по новостямъ, то, отобравши пачку, пришли sous bande.

За симъ—до твоего письма.

Письма ходятъ не 4 дня, а 2 отсюда до Лондона. Послед. почта идетъ въ 8 вечера, перв.—въ 10 утра.

Иду завтракать съ Nat. и Лизой въ ресторанъ. Погода великолѣпная. Вчера былъ дождь и туманъ, сегодня—синее небо и солнце.

Вечеръ. Суббота.

Твое письмо—непонятное для меня. Какъ же ты могъ не получить мое длинное посланіе, гдѣ я писалъ de rebus omnibus et de quibusdam aliis? Въ Парижъ до 1 февраля врядъ попаду ли я. Сама никогда не собирался туда, и я, вѣроятно, во снѣ писалъ, что онъ туда ѣдетъ. Всѣ здоровы, насколько возможно.

Прощай.

Бюльтень о твоёмъ здоровьѣ плохъ. Здѣшніе доктора говорятъ, что заволочка очень хороша. Фохтъ ужасно нападаетъ на дикое куреніе. Онъ считаетъ это наравнѣ съ виномъ.

46.

(1865 г.) 28 янв. Montpellier.

Сонъ въ руку, почтеннѣйшій ричмондоторецъ. Твой купецъ у Кас. былъ разъ, письма и статью отдалъ Утину, и этотъ милый господинъ оставилъ все у себя. Не мѣшало бы взмылить голову, если ты хочешь съ ними остаться знакомымъ. Я не хочу. Чтѣ ты писалъ въ письмѣ? Не было ли частныхъ дѣлъ? Касате. пишеть, что постарается, чтобъ онъ выслалъ все на адресъ Левицкаго. Ты замѣть, что я купцу писалъ, чтобъ онъ отдалъ Касаткину...

Говорять, что Катковъ хочетъ запереть лавочку. Здѣсь есть одинъ таможенный чиновникъ изъ Польши — услаждаетъ меня анекдотами. О, Русь!

Если не будетъ ничего особеннаго, то отсюда писать не буду.

47.

(1865 г.) 2 февр. Grand Hôtel, 170.

Boul. des Capucines.

Нелатонъ и Раѣе поѣхали чинить наслѣдника... Если ты не читалъ „Indép. Belge“ отъ 31 янв., то сейчасъ пошли за ней къ Долг. Жаль, что все это поздно для феврал. листа... № „Ind.“ оставъ до меня. Карты мѣшаются, пойдетъ новая талія. Вчера я долго писалъ письма, сегодня иду на работу и начинаю съ Геру. Я поправилъ два-три слова, да анекдотъ о барышнѣ, который у тебя вышелъ безъ смысла... Но ты опять долженъ взойти въ колею франц. жаргона. А, можетъ, писать теперь и полезно. Насчетъ квартиры у Ланге я боюсь, что она слишкомъ шумна. Я бы лучше часть времени остановился въ „Rose Cottage“, или вообще въ Ричмондѣ. Моя старая и вѣчная тема:—внѣшняя независимость жизни—великое дѣло, ich schwelge теперь въ ней. Знать, что никто тебя не ждетъ, что нельзя опоздать—даетъ страшную свободу мысли и покой. И за грѣхи наши не будетъ намъ этой жизни. Рвался ты осенью въ одиночество—болѣзнь связала. Думалъ и я иначе вздохнуть—два гробика стали на дорогѣ.

3 февраля.

Былъ у меня Соколовъ. Онъ въ Дрезденѣ подрался съ полицейскимъ и бѣжалъ оттуда. Здѣсь—безъ средствъ, началъ корреспонденцію для Ганеско („L'Europe“); работать хочетъ и, полагаю, можетъ. Самолюбіе его знаемъ. Я ему далъ изъ фонда 100 фр.

У Геру былъ, не засталъ и оставилъ записочку; былъ и у Шарль Ед. Не знаю, что дѣлать. Онъ, по моимъ словамъ, Неперу обѣщалъ корр. «Завтра, съ утра, поѣду (въ) Замоскворѣчье, къ Мишле, къ Салиасъ, и улажу какъ-нибудь. Е. Утину я откровенно скажу, что поведеніемъ женевскихъ жеребятъ не доволенъ...

Нелатонъ возвратился, но, говорятъ, молчить.

Вчера въ „Nord“ опять статья въ пользу Каткова.

Былъ на кладбищѣ, постоялъ на ихъ временной могилѣ. Видѣлъ, какъ хоронили какую-то даму, объ которой, à la lettre, плакали больше ста человекъ и совершенно откровенно. Поговорилъ съ тѣмъ жандармомъ, котораго и ты видѣлъ, и ушелъ съ какими-то внутренними слезами. На Champs Elysées въ ту улицу мнѣ страшно идти. Всѣ подробности живы. Nat. права. Смерть Лели была поэма, Лаокооновская поэма смерти, человѣческаго безсилія и стихійной дурн...

12 часовъ.

Письмо твое получилъ. „Колок.“ посылать не нужно еще разъ. Тотъ ли порядокъ статей, другой ли—не бѣда. И смѣсь оставь какъ есть. Я только прибавилъ бы одну строку къ статьѣ „Изъ могилы“, вродѣ: „Благодаря за присылку и вполне оцѣни статью, мы не можемъ сказать, чтобы соглашались съ авторомъ безусловно“.

48.

(1865 г.) 10 февр. Вечеръ.

Буря реветъ. Холодъ и морозъ невозможный. Ну, вотъ и уѣхалъ. Nat. пишетъ письмо съ упрекомъ, что я долго остаюсь въ Парижѣ... Странно, какъ всѣ немилосерды ко мнѣ. Я думаю, это оттого, что я слишкомъ здоровъ. Если завтра буря не уймется, я поѣду въ воскр. вечеромъ (на Victoria Staten буду въ понедѣл. утромъ въ 6^{1/2}); но если и завтра не будетъ лучше, поѣду въ понедѣльникъ. За десять часовъ извѣщу Тхоржевскаго. Вѣтеръ и холодъ раздражаютъ нервы.

Сегодня принесли рамку на большой Лелинъ портретъ.

...Что за красота въ смерти, и что за глупость въ жизни!

На всякой случай, если что нужно, пиши на Левицк. Онъ сегодня пріѣхалъ.

Прощай. Я давно не былъ такъ *lowsprited*. Ёду съ Ус. объѣзжать къ Салиасъ — далеко, неудобно и будетъ до безконечности скучно. Нѣтъ, она — „герой не моего романа“.

За симъ кланяюсь.

Сегодня у меня были Ревлю, Громоръ, Сарвиди, да я былъ у Бамбергера.

49.

(1865 г.) 16 марта. Hôtel des Deux Mondes.
Rue d'Antin.

Post peractam La Manche,
Post molestam Chemin de fer...

Я въ Парижѣ, поѣхалъ въ какой-то неизвѣстный отель, по рекомендаціи англичанина, и нашелъ, что цѣны тѣ же, что и въ Gr. Hôtel. Переправа была превосходная, но толпа на дорогѣ отъ Кале невѣроятная, и сидѣть душно и скверно. Это ты замѣть. Какъ пріѣдешь въ Кале, *прежде* чѣмъ заходить въ Гербери, займи мѣста, а такъ какъ ты и Жюль на это неспособны, то позови комиссіонера и дай ему 6 пенсовъ. Это рѣшительно необходимо. Ночью былъ снѣгъ.

Велѣлъ подать кофею и, не переодѣваясь, т.-е. не снимая сапогъ, ёду сейчасъ въ Монмартръ и во все прочее.

Пока прощай.

2 часа.

Пишу у Левицкаго.

Былъ на кладбищѣ. Велѣлъ раскрыть склепъ, видѣлъ красные бархатные гробики. Былъ у Ротшильда; онъ, кажется, дастъ рекоменд. письмо на желѣзную дорогу, для облегченія всего. Думаю, что могу ѣхать въ среду, но объ этомъ послѣ. Левицкій показывалъ письмо Горчакова къ нему, которому онъ послалъ альбомъ ницкихъ портретовъ. Онъ (т.-е. Горчаковъ) въ силѣ.

Ханыковъ говорилъ Левицкому, что Тургеневъ не узналъ меня, и стремится исправить дѣло. — За симъ, прощай.

50.

(1865 г.) 17 марта. Hôtel des Deux Mondes,
8 Rue d'Antin. Ch. № 6.

По очень дѣльному совѣту Тхорж., посылаю двѣ акціи тил.; передай ихъ кн. Долг. на всякій случай: можетъ, и подвернется кто. Письмо кн. Долг. я здѣсь получилъ. Очень важно, что почтамтъ кельнскій отказался отъ пересылки въ Женеву. Тебѣ, несчастному, опять урокъ. Какъ же можно подписываться на годъ, зная, что ѣдемъ. Отправь Тхорж. къ Трюбнеру уладить это дѣло. Надобно или писать въ Берлинъ, или назначить книгопродавца въ Кельнъ, которому поручить посылку.

Ханыковъ въ восхищеніи отъ моей статьи объ оспопрививаніи. Здѣсь кіевскій Аненковъ, Панинъ (котораго благолѣпный портретъ я тебѣ послалъ), Стюрлеръ (адъют. Конст. Никол., котораго выгнали изъ Англ. клуба за то, что онъ бранилъ Мур.), и все-то это рандевуится у Левиц. Онъ, разумѣется, вчера меня уже ублетворилъ игрой.

Отъ Ротш. досталъ рекомендательное письмо на желѣзную дорогу. Но мраморщика не засталъ. Жена его сказала, что онъ придетъ ко мнѣ между 8 и 10 часами. Теперь 11, а его нѣтъ. Это потеря досадная времени. Все же я думаю въ *середину* ѣхать съ обоими гробиками. Вчера я велѣлъ раскрыть сѣлепъ и видѣлъ бархатныя крышки, и весь страшный декабрь воскресъ...

Ник. Милютинъ помѣшалъ уничтоженію цензуры.

Жду вѣстей о твоёмъ здоровьи. Мнѣ кажется, что тебѣ было гораздо лучше послѣдні. 10 дней...

51.

(1865 г.) 17 марта. Передъ гряденіемъ на сонъ.

Прождалъ Усова въ Grand Café отъ половины 9 до 10 и, разумѣется, пошелъ возбѣшенный домой. А прогос, онъ чистѣйшій конституціоналистъ и „Колок.“ сильно ругаетъ. Ханыкова встрѣтилъ на улицѣ—медъ и млеко; идемъ завтра вмѣстѣ обѣдать. Утинъ въ Берлинѣ. Но съ Николадзе фатумъ: былъ на десяти квартирахъ въ Rue de la Seine отъ 30 до 40, нигдѣ не нашелъ. Впрочемъ, можешь же ты дѣло отдѣлать и на письмѣ. Устраивается все, кажется, легко, такъ что во вторникъ или среду не-

премѣнно поѣду въ Ниццу. Но что за грабители—это и вятскіе повѣтчики удивились бы, только все легально. Ротш. рекомендація облегчила относительно учтивости, но не относительно финансовъ.

Ты пишешь, саго тію, что мы не разговариваемъ сами съ собой даже, чтобъ не тревожиться, или, лучше, прибавлю я, чтобъ не бередить раны. Я такъ думаю, что простору нѣтъ въ нашей жизни (помнишь Gemacht! въ „Фіэско“ Шиллера) и полного покоя. Странное дѣло, я никогда не чувствую себя такъ собраннымъ, какъ когда я бываю совершенно заброшенъ одинъ, ех. гр., теперь. Ходишь по улицамъ, бродишь, а все какъ-то звонко, и память всего бывшаго такъ ясна, печально ясна. Надобенъ home, покой, и тогда работа,—другого выхода нѣтъ.

Головинъ писалъ Ханькову, что Милютинъ все остановилъ по дѣлу прессы. Объ этомъ строчку слѣдовало бы напечатать, разумѣется, ссылаясь на „Indépendance“ съ эпиграфомъ изъ Пушкина:

Настъ было двое, брать и я...

Конст. Ник. безъ всякой силы. Снятіе цензуры рекомендовалъ и на это настаивалъ М. Корфъ. Здѣшній Трубецкой, бельфонтанскій, совсѣмъ разорился, продалъ своихъ англичанъ и жорговъ, статуи и фермы, и поѣхалъ въ Россію.

2 часа. Суббота.

Пишу у Левицкаго. Браниц. уѣхалъ, Голынского не засталъ; остается еще Грушецкій, чтобы спросить объ Ильинскомъ. Николадзе рѣшительно не нашелъ. Вѣроятно, въ среду уѣду. Касаткину телеграфирую сейчасъ. . . .

52.

(1865 г.) 19 марта. Воскресенье. 8 R. d'Antin.
Hôtel d. Deux Mondes.

Всякій разъ, когда я бываю на континентѣ, я больше и больше убѣждаюсь въ необходимости (для дѣла) переѣзда и во вредѣ, что онъ не былъ сдѣланъ три года тому назадъ. Я въ Парижѣ и Женевѣ узнаю въ три дня больше новостей изъ Россіи, чѣмъ всѣ мы въ мѣсяцъ узнаемъ ихъ въ Лондонѣ. Мудрено ли, что въ самое бойкое время мы попадали не въ тонъ. Вчера я обѣдалъ у Вефура съ Хан. и просидѣлъ съ нимъ часа четыре. Отпнi casu онъ очень уменъ и очень много знаетъ. Уклончивъ, бережетъ свою позицію, но интересенъ. Онъ мнѣ показывалъ

письмо къ Юр. Сам. въ *десять листовъ* о московскомъ *сoup de constitution*. Всѣ подробности сценическія и закулисныя. Голохвастовъ, безъ сомнѣнія, выше всѣхъ прочихъ головой. (Чуть ли не онъ и составилъ подольскій адресъ). Онъ аристократъ, но скрываетъ это. Въ письмѣ сказано: „самообладаніе этого чело-вѣка 23-хъ лѣтъ удивительно, звонкій голосъ, плавная, увлекательная рѣчь“ (онъ говорилъ оба раза больше двухъ часовъ).— Вотъ куда Дм. Павл. выгнуло.

Половина первого.

Тургенева здѣсь нѣтъ.

Голицынск. здѣсь въ страшномъ загонѣ отъ меня за то, что не взялъ акціи,—я его со свирѣпостью тѣсню.

Иду слушать Дюма—Cauvergie, такъ и быть, заплачу 10 фр. Ус. взялъ акцію.

Въ Каннъ пиши: Grand Hôtel à Cannes (Alpes Maritimes). . .

Завтра узнаю, ѣду ли въ среду. Отъ префектуры получилъ дозволеніе *exhumation*. Это дѣлается при двухъ чиновникахъ, и . . . на все нужно время.

53.

(1865 г. 20 марта.)

Вчера былъ я на Conversation Дюма. Пошлѣе, глупѣе ничего себѣ нельзя представить. Это гаерство и риторство, доведенныя до чудовищныхъ размѣровъ. Идучи туда, я повстрѣчался съ какимъ-то старичкомъ, съ сѣдыми усами, который, проходя мимо меня, глухимъ голосомъ и не глядя на меня, сказалъ: „Отзвонилъ!“ Я взглянулъ, и что же? Самъ Иванъ Головинъ. Я посмотрѣлъ и тихо продолжалъ путь, тоже сдѣлалъ и онъ. . . .

Объ Ильинс. немного узналъ, потому что Бран. нѣтъ въ городѣ. . . .

Вчера обѣденный столъ держалъ съ Стад. у Левицк., сегодня держу съ Ус., съ которымъ идетъ перепалка. Саліасъ тоже моей статьей недоволенъ, но къ ней я не пойду. Сер. Л., съ чьихъ-то вліяній, безпрестанно говоритъ о болѣе мирномъ направленіи „Колок.“ въ сторону Ал. Ник. при томъ же социальномъ направленіи, какъ и прежде. „Всѣ жаждутъ обновленный „Кол.“ съ новыми, болѣе практическими статьями“. Кажется, того же мнѣнія и Хан. Почему онъ тебя называетъ „утопистомъ, поэтомъ въ политикѣ, пророкомъ, хватающимъ за 1.000 лѣтъ“, я не знаю, или почему онъ не такимъ же считаетъ меня?

Мораль всего этого та, что дѣйствительно намъ снова от-
крывается мѣсто. И слѣдственно, надобно сильно приняться за
работу. Надобно ошеломить, своихъ и не-своихъ, первой статьей
и снова рвануться въ ряды живыхъ. Для всего этого надобно
быть на мѣстѣ. Къ половинѣ апрѣля все должно успокоиться.

Затѣмъ прощай. Ъду опять на кладбище. Если префектъ
не задержитъ, я 22 въ 3 часа уѣду и 24 буду въ Ниццѣ. (На-
добно ѣхать съ train-omnibus, который вездѣ останавливается.
Вотъ тебѣ было бы счастье, напр., въ Тулонѣ 8 часовъ. Тогда
25 или 26 Nat. будетъ въ Ниццѣ, а потомъ буду ждать вѣстей
о твоёмъ отправленіи.

2 часа.

Завтракаю у Vefour'a.

Позволеніе exhumation пришло на кладбищѣ въ 8 утра, въ
среду. Слѣдов. въ среду я отправляюсь туда въ половинѣ 8-го
и съ чемоданомъ. Въ 3¼ отъѣздъ. Напишу еще.

У Николадзе былъ, не засталъ, назначилъ ему rendez-vous.
Щербанъ du Nord просилъ Хан. представить его, — я вѣжливо
уклонился. Вотъ еще!

54.

(1866 г. 21 марта.)

Ус. предлагаетъ тебѣ остановиться въ Hôtel Frejus; онъ
общаетъ хорошую комнату и прислугу, т.-е. внимательный
уходъ. Ему по какому-то таинственному дѣлу надобно отлучиться
дней на восемь въ концѣ марта, а поэтому онъ проситъ, чтобы
ты ему написалъ притаманно, когда пріѣдешь. Онъ къ 5 апрѣля
можетъ вернуться. Напиши ему. Безъ Ус. не стоитъ забиваться
въ такую нечестивую даль.

Изъ письма N. ты увидишь, какъ онъ легко доѣхали.

Писать мнѣ больше нечего. Завтра ѣду. Пожалуй, напишу
изъ Марсели или Тулона, если будетъ время.

Сегодня я у Левиц... съ Тютчевымъ. Горе ему, если онъ
станетъ говорить о „Колоколѣ“. Онъ просилъ Левиц. его по-
знакомиться. Экая каша!

Что у васъ? Здѣсь третій день крещенскіе морозы и вьюга.
Дѣйствительно, на моей памяти съ 1847 г. ничего подобного не
было. Ты не можешь чувствовать, — не зная, что такое ревма-
тизмъ, — той деморализации, въ которую повергаетъ этотъ не-
истовый холодъ. Кашель у меня удвоился. Еслибъ была честная

возможность, никогда не поднялся бы на сѣверъ дальше приморскихъ Альпъ, и думаю, что рано или поздно придется умереть тамъ.

Посмотри, чтò Nat. пишетъ о Каннѣ.

Отъ Мейзенб. письмо. Къ нимъ ходитъ Листъ, русскій генералъ *Шубертъ* и русская дѣвица *Штейнъ*.

Затѣмъ прощай. Жду твоего письма.

Выѣзжаю я завтра въ 3^{1/2} дня, утромъ въ четв., въ 7 ч. въ Лионѣ, вечеромъ въ Марсели, ночь въ Тулонѣ, въ 11 часовъ ^{3/4} пройду по Cannes и въ 12^{3/4} ночью буду въ Ниццѣ. Въ субботу утромъ тамъ все устрою и поѣду въ Cannes. Въ воскр. или понедѣльникъ похороны, во вторникъ въ Cannes.

Ты можешь, такимъ образомъ, знать, гдѣ я. Пиши въ Cannes.

Николадзе у меня. Онъ отъ тебя ничего не получалъ и желаетъ знать, какія именно подробности ты желаешь знать.— Прощай.

55.

(1865 г. 23 марта) Четвергъ. Тулонъ.

Приѣхалъ сюда послѣ 32 часовъ безъ отдыха. Завтра въ 6 утра долженъ вѣхать, теперь двѣнадцатый часъ. Съ мѣста напишу подробности: торжественное что-то и въ этихъ похоронахъ на тысячу верстъ, и въ самой exhumation, и много пыли и сору. Я только хотѣлъ тебѣ заявить, что живъ. Гробики вѣдутъ въ особомъ вагонѣ и не въ ящикахъ,—мнѣ этого хотѣлось.

Прощай. Какъ же ты хлопоталъ объ адресѣ. Да весь Cannes съ под-Ричмонда. Poste rest. довольно.

Пиши Grand Hôtel à Cannes (Dép. du Var).

Тютчевъ еще больше медъ и млеко...

Николадзе провожалъ.

56.

26 марта 1865. Nice. Hôtel des Deux Mondes.

Сегодня утромъ въ 10 часовъ похоронили малютку. Какъ они вмѣстѣ вошли въ жизнь, такъ вмѣстѣ ушли изъ нея. И положены въ одну могилу. Рокка убралъ оба гробика сплошь цвѣтами, солнце показалось часа на полтора. Они похоронены возлѣ самой Natalie, и мѣста есть еще на восемь человѣкъ. Лучше этой горы-кладбища въ мірѣ нѣтъ. Всю дорогу, дѣйствительно

утомительную, мнѣ было *въ тѣхъ хороши* (не упрекай же меня, какъ въ твоёмъ письмѣ въ Неаполь въ 1863, въ эпикуреизмѣ горести, тогда меня это сильно обидѣло).

Что значитъ высылка Жуковского или отсрочка — не понимаю. Не натурализоваться ли тебѣ? Чернецкій показалъ, что это дѣло простое. Во всякомъ случаѣ имѣй при себѣ старый паспортъ свой, это необходимо. Я спрашивалъ Касаткина. Когда же ты собираешься? И вообще, когда двигается Чернецкій и буквы? Жду подробностей.

На дорогѣ мнѣ много помогла книга, взятая въ Парижѣ и только-что вышедшая — Anacharsis Cloots. Въ послѣдній годъ явились чрезвычайно замѣчательныя вещи о революціи S..., Robesp., Мог. и Cloots — явленія совершенно въ особомъ направленіи.

Прощай. Дождь льетъ, и мнѣ что-то нездоровится, и усталъ физическая и нравственная.

27 марта. Понедѣльникъ.

Дождь продолжаетъ лить, такъ что я не знаю, вести ихъ сегодня въ Cannes, или оставить до завтра. Мы здѣсь помѣстились въ дальнемъ отелѣ.

57.

(1865 г.) 28 марта. Cannes (Dép. du Var) Grand Hôtel.

Здѣсь очень тихо, очень хорошо и не очень дорого. Море передъ моимъ окномъ; тотъ же видъ, какъ нѣкогда въ Ниццѣ. Кажется, здѣсь можно бы заниматься, и потому я сразу думаю, что двѣ недѣли проживемъ въ Каннѣ. Погода скверная и здѣсь, какъ во всей Европѣ, — *raison de plus* до половины апрѣля оттянуть Женеву, т.-е. подождать твоего пріѣзда и письма. Русскихъ здѣсь мало, зато есть д-ръ полякъ Бернацкій, который сегодня ко мнѣ явился. Меня приняли какъ стараго знакомаго. Гарсоны — все тѣ же помадные швейцаро-нѣмцы, которые служили у Кюна, въ Glob'ѣ, въ London и т. д. Они за мной ухаживаютъ и повѣствуютъ, что я — *illustre*. Всего замѣчательнѣе, что одинъ изъ нихъ узналъ Лизу и сказалъ Маріи, что эта барышня, молъ, въ Лондонѣ въ Orsetthouse жила, и у васъ былъ Жакъ.

Въ Ниццѣ *sans* мелкихъ вещей, все было грандіозно — печально-хорошо. Можетъ, осенью или зимой посѣтишь ты три могилы прошедшія и *n* будущія (для тебя *n* *matematisch*)...

Похороны и вся обстановка были изящны, почти безъ по-

стороннихъ; гробики оставили непокрытыми землей, а сдѣлали только сводъ; на сводѣ будутъ пока цвѣты, а потомъ мраморная доска неполированная, съ надписью en basse, но какую сдѣлать надпись — подумай.

Елена и Алексѣй

Огаревы

младенцы трехъ лѣтъ и близнецы.

29. Середа.

Недѣля, какъ я уѣхалъ изъ Парижа. Я тебѣ писалъ въ пятницу изъ Тулона, въ субботу изъ Cannes и въ понедѣльникъ изъ Ниццы. Ты хорошо сдѣлаешь, если пришьлешь особенно важные номера „Моск. Вѣд.“ и если есть еще больше важные письма. Твое письмо отъ субботы пришло; сегодня, вѣроятно, будетъ второе. Какъ-то планы отъѣзда? Отъ Касаткина жду съ нетерпѣніемъ.

12 часовъ. Буря, снѣгъ и стужа. Да чтò же это, наконецъ?

58.

(1865 г.) 30 марта. Cannes. Gr. Hôtel.

Письмо твое отъ 27 пришло. Помни мои инструкціи на дорожѣ, насчетъ Calais и тихаго train. Для другихъ безусловно надобно брать express и вторыя мѣста, они очень хороши во Франціи, и пусть всѣ ѣдущіе впередъ соображаютъ, что багажа *брать съ собой* можно мало, и приплачивать придется бездну. Надобно посылать все особо. Визировалъ ли Тхорж. паспортъ? Я все жду ключа о Жуковскомъ и вообще письма отъ Кас.

Деньги съ собой бери англійскимъ золотомъ, тутъ еще 4 су выгоды на фунтъ.

Вчера былъ у меня юный Мор. Это наши лучшіе и преданнѣйшіе друзья. Онъ кланяется тебѣ и Тхорж. Отъ твоихъ статей въ восхищеніи, онъ и его товарищи учатся по нимъ. Все требуютъ они общихъ статей, статей, такъ сказать, теоретико-практическихъ, leading'овъ, и я думаю — они правы. По спорамъ съ Ус. я считаю еще больше необходимыми уясненія. Я очень рекомендую потолковать съ ними, послѣ небесной механики, о земной. Тутъ снова растетъ огромная ошибка. Ус. уважаетъ насъ *лично* и tant soit peu любить, но онъ ни въ чемъ не согласенъ съ нами, кромѣ въ скептической закраинѣ. Народъ, страну онъ ненавидитъ. Ты можешь ему сказать, что я тебѣ это писалъ, если хочешь.

31 марта.

Вещи въ Женеву пришли, все хорошо. Стало, къ 15-му сборъ. Сегодня небо ясно и солнце блеститъ. Я встаю въ 6 часовъ утра и ложусь около 11. Кормятъ здѣсь порядочно, и цѣны такъ себѣ. Англія здѣсь царитъ. Pale Ale, Дикинсъ, мелочи — все на манеръ англійск. и Англии; въ самомъ дѣлѣ англичане на каждомъ шагу. Въ отелѣ цѣлая семья русскихъ купцовъ изъ Казани, они меня боятся.

Прощай. Кажется, больше нечего писать. До послѣ-завтра.

59.

15 апрѣля 1865. Ницца.

Сегодня въ 2 и $\frac{3}{4}$ ѣдемъ въ Марсель и приѣдемъ туда въ 9 — 20... Я подалъ голосъ ѣхать завтра 11 — 30 утра въ Лионъ и, приѣхавши туда, лечь спать, а въ 9 и 30 въ понедѣльникъ ѣхать въ Женеву и въ 3 быть у васъ. Если же Ал. Ал. захочетъ днемъ опоздать, то оппні сату во *вторникъ въ 3 часа*. Наконецъ, предвидится покой, и то еще издали. А и теперичная жизнь крѣпко надоѣла; слишкомъ бесплодно перевертываются послѣднія страницы жизни и въ дурной тревогѣ. Я поэзіи камня, т.-е. неподвижности браминской и твоей, не особенно люблю, но двигаться и недвигаться надобно съ моимъ внутри.

Что-то выйдетъ изъ посѣщенія Ал. Ал.? Вѣроятно, мы съ нимъ ни въ чемъ не будемъ согласны, кромѣ — въ воспоминаніяхъ.

Кладбище, т.-е. могила дѣтей, теперь усѣяно цвѣтами. (Жаль, что ты не отвѣчалъ насчетъ надписи, я бы при себѣ заказалъ).

...Съ М. простился вчера вечеромъ. Онъ славный малый. Старики Бернадкій такъ привязался къ намъ, что ѣздилъ провожать въ Ниццу.

Дворъ здѣсь притаился. Государыня уѣзжаетъ тихо, *sans adieux*. Сегодня уходитъ часть русской флотилии — не удалось! Говорятъ, что завтра будетъ въ Россіи указъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія литературы и о полюбовной ценсурѣ. Затѣмъ прощай и до свиданья.

Если хочешь, достань „La Presse“ отъ 13 апрѣля и прочти leading.

Кланяйся старцу и Виктору.

Вѣроятно въ Каниѣ найдемъ твое письмо. Насъ на станціи будутъ ждать Бернадкій и гарсонъ изъ отеля.

60.

(1865 г.) 15 іюня. Буасьеръ.

Бѣглець съ воинственной Жевевы. Не вѣрится мнѣ, чтобы ты дошелъ до Лозанны, да и не очень нужно. Но отъ этой неувѣренности писать трудно. Впрочемъ, все обстоитъ благополучно, кромѣ Турнерши, которая очень больна. У Таты и Ольги 24 часа болѣла голова. Лиза процвѣтаетъ. О Жиранъ, разумѣется, все было поронье горячки: онъ уѣхалъ въ понедѣльникъ, и я, скрѣпя сердце, послалъ глупый телеграмъ. Вчера вечеромъ былъ Эдгаръ Кине... „Колоколъ“ готовъ и полонъ (т.-е. новый 1 іюля), можетъ выйти 22 или 23. Статья твоя, стало, пойдетъ въ слѣдующій.

Грузинская статья очень хороша.

Да, саго шіо, вѣрю и знаю, что значить тишина и покой, и знаю, что они значать тебѣ. Но какъ ихъ согласовать съ болѣзнью? Этого я не знаю. Вѣроятно, ты въ своемъ *Ausfluge* не пьешь, какъ здѣсь въ послѣднее время, больше безвреднаго количества.

Сверхъ обычной тяжести нашей жизни, ее очень портитъ неизвѣстность въ будущемъ. Я думаю, что такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ, которые бы лѣтъ шесть въ ряду жили, не зная, что и какъ будетъ черезъ два мѣсяца.—Прощай.

Статья твоя можетъ занять полколокола, даже колонной больше.

61.

(1865 г.?) 25. Четвергъ, послѣ обѣда.

Писемъ не имѣю, стало, ничего и не знаю ни о дѣлѣ Чернецкаго, ни о чемъ другомъ. Подожду 5 часовъ.

„Голось“ рекомендуетъ продажу западныхъ земель раскольникамъ съ гарантіей вѣротерпимости и предлагаетъ звать русскихъ изъ Турціи и Пруссіи. Вотъ, какъ поляки узнають,—будетъ тебѣ трезвонъ. Какой-то дуракъ прислалъ мнѣ книгу о Польшѣ,—пустышнія декламаціи и ругательства à l'adresse Россіи, а мнѣ прислалъ! Дальше ты найдешь строки три для Смѣси. Я въ „Zukunft“ написалъ. А пожалуй, мы еще и будемъ въ Россіи. Кошутъ собирается въ Венгрію, и поговариваютъ, что Ос. Ив. ищетъ случая ѣхать въ Италію. Лишь бы безъ ранъ

на спинѣ и не частнымъ проходомъ, а общей дверью. Осиротѣетъ тогда кладбище въ Ниццѣ, а я иногда смотрю съ удовольствіемъ на наши мѣста и думаю: вотъ тутъ будетъ Ог., тутъ я,—все же замнутая исторія и даже *точка* будетъ общая . . .

Передъ будущимъ я съ трусостью закрываю глаза...

Прощай. Кланяйся своимъ.

НА СТРАСТНОЙ НЕДѢЛѢ

Намъ, русскимъ, не родны законность и свобода;
Мы попирали ихъ, предъ родиной грѣша;
Но мы неалобивы; у русскаго народа
Не черствая душа.

Онъ набоженъ; его духовный міръ не тѣсенъ;
Лишь волю разума сковала рабства цѣпь;
Но въ чувствахъ воленъ онъ, и ширь народныхъ пѣсенъ
Напоминаетъ степь.

На рядъ родныхъ картинъ его похожа дума—
На Волгу-матушку; на тихій синій Донъ;
На жуткую тоску лѣснаго въ бурю шума;
На мирный храма звонъ.

О, русскій человѣкъ! ты не былъ безучастнымъ
Къ людскимъ страданіямъ; ты мести не знавалъ
И, милосердья полнъ, преступнаго—несчастливымъ
Печально называлъ.

Такимъ ты мнѣ знакомъ по пѣснямъ, по былинамъ;
Такимъ въ твоёмъ быту тебя я знать привыкъ...
Зачѣмъ же исказилъ ты образомъ звѣринымъ
Свой человѣчный ликъ?

Покайся въ дни страстей! Съ молящимся собратомъ
Во храмъ войди и ты—грабитель и палачъ.
Христосъ тебя проститъ; а ты передъ распятымъ
Повергнись и заплачь!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Апрѣль 1907 г.
Тамбовъ.

ВЪ ДНИ КОМЕТЫ

ПОВѢСТЬ.

H. G. Wells. In the days of the Comet.

ПРОЛОГЪ.

Я увидѣлъ сѣдого, очень стараго человѣка; онъ сидѣлъ у стола и читалъ. Казалось, что комната, гдѣ онъ сидѣлъ, находилась гдѣ-то на высокой башнѣ; изъ высокаго окна налѣво видна была далекая полоса моря, очертанія горъ, и смутно сверкалъ, при свѣтѣ заходящаго солнца, далекій городъ. Все въ комнатѣ было аккуратно и красиво, и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ ново и странно для меня. Стиль мебели былъ совершенно незнакомый мнѣ, и простая одежда старика не напоминала никакой опредѣленной эпохи или страны.

Старикъ писалъ чѣмъ-то вродѣ стилографа, и всякая историческая перспектива отстранялась этой современной подробностью; онъ писалъ быстро и легко и каждую законченную страницу прибавлялъ къ нарастающей кнѣ листовъ, которая лежала на маленькомъ столикѣ подъ окномъ. Последніе листки были разбросаны и отчасти покрывали прежніе, аккуратно скрѣпленные и составлявшіе маленькія тетрадки.

Онъ, очевидно, не замѣчалъ моего присутствія, и я стоялъ, выжидая, чтобы онъ остановился. Несмотря на свою старость, онъ писалъ очень твердою рукой. Вдругъ я увидѣлъ, что высоко надъ его головой виситъ, покачиваясь, вогнутое зеркало. Взглянувъ въ него, я увидѣлъ въ искаженномъ, фантастическомъ, но яркомъ и прекрасномъ видѣ, дворцы, террасы и большую до-

рогу; по дорогѣ шло множество людей, имѣвшихъ невозможно каррикатурный видъ въ отраженіи качающагося зеркала. Я быстро повернулъ голову къ окну за моей спиной, но оно было слишкомъ высоко; я не могъ выглянуть изъ него, и черезъ минуту опять сталъ глядѣть въ зеркало, гдѣ все принимало искаженный видъ.

Старикъ откинулся въ своемъ креслѣ, отложилъ перо и вздохнулъ съ облегченіемъ, какъ человѣкъ, довольный сдѣланной имъ работой.

— Что это за мѣсто?—спросилъ я—и кто вы?

Онъ съ изумленіемъ оглянулся на меня.

— Что это за мѣсто?—повторилъ я—и кто вы?

Онъ твердо поглядѣлъ на меня изъ-подъ насушенныхъ бровей, и потомъ выраженіе его лица освѣтилось улыбкой. Онъ указалъ мнѣ на кресло подлѣ стола.

— Я пишу,—сказалъ онъ.

— О чемъ?

— О Переворотѣ.

Я сѣлъ. Кресло было очень удобное.

— Если хотите, прочтите,—сказалъ онъ.

Я указалъ на рукопись.

— Тутъ объясненіе?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—тутъ объясненіе.

Онъ взялъ новый листокъ бумаги, взглянувъ на меня. Я осмотрѣлся въ комнатѣ, потомъ снова посмотрѣлъ на маленький столикъ подъ окномъ. Взглядъ мой упалъ на тетрадку, съ крупной надписью „I.“ Я взялъ ее, улыбнулся, глядя въ ласковые глаза старика, усѣлся поудобнѣе, а онъ кивнулъ мнѣ головой и продолжалъ писать. Я сталъ читать съ большимъ любопытствомъ.

Вотъ то, что написалъ счастливый съ виду энергичный старикъ, сидѣвшій въ странной башнѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I.

Я сажусь писать исторію Великаго Переворота, насколько онъ коснулся моей жизни и жизни нѣсколькихъ людей, тѣсно связанной съ моей; я пишу главнымъ образомъ для собственнаго удовольствія.

Очень давно, въ моей жалкой, невѣжественной юности, я уже

мечталъ о томъ, чтобы написать книгу, и читалъ съ величайшимъ интересомъ все, что могло познакомить меня съ литературнымъ міромъ и съ жизнью писателей. Конечно, пріятно, даже среди теперешней счастливой жизни, осуществить хоть отчасти старую, казавшуюся безнадежной, мечту. Но я живу теперь въ мірѣ, до такой степени полномъ живого и возрастающаго интереса, гдѣ есть столько дѣла даже для старика, что это одно не заставило бы меня взяться за писаніе. Я пишу только потому, что воспоминаніе о прошломъ становится необходимымъ для моего душевнаго состоянія. Теченіе лѣтъ приводитъ человѣка наконецъ къ желанію оглянуться назадъ; въ семьдесятъ-два года человѣкъ вспоминаетъ о своей молодости гораздо чаще, чѣмъ въ сорокъ лѣтъ. А я совершенно отрѣзанъ отъ моей молодости. Старая жизнь кажется мнѣ совершенно чуждой и неразумной; иногда даже не вѣрится, что все это дѣйствительно существовало. Прошли навсегда тѣ времена, исчезли зданія и мѣста. Я недавно остановился во время прогулки тамъ, гдѣ прежде были грязныя предмѣстья города Сватингли, и подумалъ: „Неужели это здѣсь я когда-то прятался за кучами мусора, приготовивъ револьверъ для убійства? Неужели нѣчто подобное дѣйствительно произошло въ моей жизни? Неужели такія мысли и намѣренія могли зарождаться въ моей головѣ? Ужъ не кошмаръ ли припуталъ это мнимое воспоминаніе къ памяти о моей минувшей жизни“? Вѣроятно, многіе испытываютъ такое же замѣшательство. И я полагаю, что теперешнее подростающее поколѣніе, которое смѣнитъ насъ въ дѣлѣ великаго обновленія человѣчества, должно будетъ ознакомиться со многими повѣствованіями вродѣ моего, чтобы отчасти понять старый міръ, предшествовавшій нашему времени. Моя личная исторія типична для времени Переворота,—поэтому я и рассказываю ее. Я былъ захваченъ событіями среди душевной бури и по странной случайности очутился на время въ самомъ центрѣ новой жизни...

Память уноситъ меня за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ маленькую, плохо освѣщенную комнату, съ окномъ, открывающимся на звѣздное небо; и я тотчасъ же вспоминаю характерный запахъ той комнаты—запахъ плохо заправленной лампы, въ которой горѣлъ дешевый керосинъ. Электрическое освѣщеніе уже было тогда извѣстно, но большинство людей пользовалось еще керосиновыми лампами. Вся первая сцена связывается въ моей памяти съ запахомъ керосина. Это былъ вечерній запахъ комнаты, а днемъ въ ней чувствовался болѣе тонкій, слегка удушливый запахъ, напоминавшій запахъ пыли.

Я опишу вамъ въ подробностяхъ комнату. Она была величиной въ восемь футовъ и довольно высокая; потолокъ былъ выштукатуренный, но съ трещинами и пятнами отъ копоти; въ одномъ мѣстѣ были даже зеленоватые пятна сырости, просачивавшейся сверху. Стѣны были покрыты обоями съ красными узорами по сѣрому фону. Въ разныхъ мѣстахъ были большія раны въ стѣнахъ, нанесенныя тщетными попытками Парлода вбить гвозди въ стѣну, чтобы повѣсить на нихъ картину. Одинъ гвоздь попалъ между двухъ кирпичей и сидѣлъ твердо; на него повѣшаны были на веревкахъ книжныя поля, висѣвшія не совсѣмъ твердо. Все это имѣло крайне неустойчивый видъ. Подъ книжными полями стоялъ маленькій столъ, обитый краснымъ сукномъ съ разнообразнѣйшими узорами изъ чернильных пятенъ, а на столѣ стояла и распространяла зловоніе лампа. Лампа эта была изъ какой-то прозрачной массы, — не стекла и не фарфора, — и абажуръ былъ такой же; онъ совершенно не защищалъ глаза читавшаго при такомъ свѣтѣ. Неровный полъ въ комнатѣ былъ изразцовый, темно-коричневый, и только маленький островокъ среди него покрытъ былъ вылинявшимъ и запыленнымъ ковромъ.

Въ комнатѣ имѣлся маленькій каминъ; огня тамъ не было разведено и за рѣшеткой виднѣлись только клочки разорванной бумаги и поломанная глиняная трубка; въ углу стоялъ ящикъ для угля съ поломанной ручкой. Въ тѣ дни каждая комната отапливалась отдѣльнымъ каминомъ, отъ котораго въ комнатѣ было больше грязи, чѣмъ тепла; распатанное окно, маленький каминъ и плохо прикрывающаяся дверь считались достаточной вентиляціей для комнаты.

По одну сторону комнаты стояла кровать Парлода, а въ углу — его умывальникъ, самаго элементарнаго устройства. Большой комодъ съ двумя большими и двумя маленькими ящиками хранилъ запасъ платья Парлода, а на крючки надъ дверью онъ вѣшалъ свои двѣ шляпы. Такова была обычная обстановка „меблированныхъ комнатъ“ до Переворота. Я описалъ ее для того, чтобы вы могли представить себѣ обстановку, среди которой происходило описанное въ моихъ первыхъ главахъ. Но не думайте, что въ то время обстановка комнаты или запахъ лампы малѣйшимъ образомъ привлекали мое вниманіе... Мнѣ все это казалось тогда самымъ естественнымъ. Мысли мои заняты были болѣе важными и волнующими меня вопросами, и только теперь, въ далекой перспективѣ, эти подробности кажутся мнѣ интересными, какъ внѣшнее проявленіе внутренняго неустройства прежней жизни.

II.

Парлодъ стоялъ у открытаго окна съ биноклемъ въ рукахъ; онъ искалъ и находилъ, потомъ опять недоумѣвалъ, опять терялъ изъ виду новую комету, показавшуюся на небѣ. Мнѣ тогда было не до кометы, такъ какъ я пришелъ поговорить совсѣмъ о другомъ; но Парлодъ былъ всецѣло поглощенъ ею. У меня горѣла голова, въ сердцѣ кипѣло негодованіе, мнѣ хотѣлось открыть ему мое сердце, или, по крайней мѣрѣ, облегчить душу, рассказавъ о моихъ страданіяхъ, и я не обращалъ вниманія на то, что онъ мнѣ говорилъ. Я въ первый разъ слышалъ объ этомъ новомъ пятнѣ среди безчисленныхъ пятенъ на небѣ, и оно меня нисколько не интересовало.

Мы были почти сверстники; Парлоду было двадцать-два года, и онъ былъ на восемь мѣсяцевъ старше меня. Онъ былъ клеркомъ у мелкаго адвоката въ Оверкастлѣ, а я служилъ въ конторѣ Роудона въ Клейтонѣ. Мы встрѣтились въ „парламентѣ“, въ союзѣ христіанской молодежи въ Сватингли; оказалось, что мы посѣщали въ Оверкастлѣ одни и тѣ же классы, гдѣ онъ учился естественнымъ наукамъ, а я—стенографіи; мы стали вмѣстѣ возвращаться домой послѣ занятій, и такимъ образомъ между нами завязалась дружба; Сватингли, Клейтонъ и Оверкастль были сосѣдними городами. Мы признались другъ другу въ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ, признались въ общемъ интересѣ къ социализму; онъ дважды приходилъ ужинать къ моей матери, и я очень часто бывалъ у него. Онъ былъ въ то время высокій, свѣтловолосый, нѣсколько неуклюжій юноша, съ непропорціонально развитой шеей и кулаками, способный на сильныя увлеченія. Два раза въ недѣлю онъ ходилъ по вечерамъ на естественно-научныя лекціи въ Оверкастлѣ; его любимымъ предметомъ была фізіографія и больше всего его интересовала астрономія. Онъ раздобылъ старый бинокль у своего дяди фермера, купилъ дешевую небесную карту, и въ теченіе нѣкотораго времени дневные часы и лунныя ночи казались ему только досадными препятствіями, отвлекавшими его отъ единственно пріятнаго занятія—разглядыванія звѣздъ. Его привлекали безграничныя пространства и таинственныя возможности, скрывавшіяся въ невѣдомой безднѣ временъ. Цѣной упорнаго труда и съ помощью очень точныхъ указаній, вычитанныхъ имъ въ маленькомъ ежемѣсячномъ журнальчикѣ „Небо“, онъ наконецъ увидалъ

черезъ свой бинокль новую гостью изъ міровыхъ пространствъ. Онъ смотрѣлъ восхищенный на дрожащее маленькое пятно свѣта среди сверкающихъ звѣздочекъ, и не могъ оторвать глазъ. Ему было не до моихъ сердечныхъ волненій.

— Поразительно!—сказалъ онъ, задыхаясь отъ волненія, и повторилъ для бодшей убѣдительности еще разъ:—Поразительно!

Онъ повернулся ко мнѣ.

— Не хочешь ли посмотреть?—сказалъ онъ.

Мнѣ пришлось посмотреть въ бинокль, а потомъ выслушать цѣлую лекцію о томъ, какъ это едва видимое пятно превратится въ одну изъ самыхъ большихъ кометъ, какія видѣлъ міръ, какъ это произойдетъ, какъ комета приблизится къ землѣ, отъ которой ее отдѣляетъ теперь всего нѣсколько десятковъ милліоновъ миль—пустыни, по мнѣнію Парлода. Я узналъ, что спектроскопъ уже изучаетъ ея химическія тайны, что ее недавно сфотографировали въ моментъ развертыванія—въ необычномъ направленіи—хвоста, обращеннаго къ солнцу, и что теперь она его опять свертывала. А я, слушая все это, не переставалъ думать о Нетти Стюартъ, о старикѣ Роудонѣ, о его противномъ лицѣ. Я придумывалъ то отвѣты Нетти, то запоздалую отповѣдь моему хозяину, и затѣмъ опять всѣми моими мыслями овладѣла Нетти.

Нетти Стюартъ была дочь главнаго садовника богатой вдовы м-ссъ Вераль; когда мы съ ней обмѣнялись первымъ поцѣлуемъ и повѣялись любить другъ друга, и мнѣ, и ей не было еще полныхъ восемнадцати лѣтъ. Моя мать и ея мать были двоюродныя сестры, вмѣстѣ учились въ школѣ, и хотя моя мать рано овдовѣла, и ей пришлось сдавать въ наемъ комнаты (у насъ въ домѣ жилъ клейтонскій пасторъ), такъ что она занимала болѣе низкое общественное положеніе, чѣмъ м-ссъ Стюартъ, все же дружественныя отношенія съ кузиной не прерывались, и мать моя пріѣзжала отъ времени до времени въ гости къ м-ссъ Стюартъ, въ Чекшиль Тоуэрсъ. Обыкновенно она брала меня съ собой. И вотъ, въ ясный іюльскій вечеръ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, которые не то что уступаютъ мѣсто ночи, а вѣжливо допускаютъ появленіе мѣсяца и немногихъ звѣздъ,—я и Нетти обмѣнялись обѣтами любви у пруда съ золотыми рыбками. Я еще помню—при этомъ воспоминаніи у меня всегда пробуждается нѣжное чувство въ сердцѣ—трепетное волненіе этой минуты. Нетти была вся въ бѣломъ. Волосы ея ложились мягкими темными волнами надъ ея темными лучистыми глазами; на нѣжной шеѣ было ожерелье изъ жемчуга, со середины котораго спускалась маленькая золотая монетка. Я поцѣловалъ ея полусопро-

тивляющіяся губы, и цѣлыхъ три года послѣ того—мнѣ почти кажется, что и всю остальную мою жизнь—я готовъ былъ умереть за нее.

Вы должны понять—и съ каждымъ годомъ понять это становится все болѣе труднымъ,—до чего міръ былъ прежде совершенно инымъ, чѣмъ теперь. Жизнь была мрачная, полная устрашающихъ въ сущности неустойствъ, устранимыхъ болѣзней, устранимыхъ страданій, суровости и недѣльных, безсознательныхъ жестокостей. И все же, быть можетъ именно вслѣдствіе общей темноты, были минуты рѣдкой мимолетной красоты, которыя теперь мнѣ кажутся невозможными. Великій Переворотъ наступилъ навсегда, счастье и красота сдѣлались атмосферой нашей жизни, на землѣ царятъ покой и доброжелательство, никому бы не хотѣлось вернуться къ печалямъ прежнихъ временъ, и все же то горестное время пронизывалось такими напряженными радостями, такими острыми ощущеніями, какія, кажется, исчезли теперь навсегда. Не знаю, Переворотъ ли отнялъ у жизни крайности ощущеній, или, можетъ быть, дѣло только въ томъ, что меня покинула юность—и даже оставляетъ теперь сила среднего возраста—и что вмѣстѣ съ нею ушли и восторги, и острота страданій, а остались только разсудительность, чуткость и память о прошломъ? Не знаю. Нужно было бы быть молодымъ теперь, бывши тоже молодымъ въ то время, чтобы рѣшить это.

Можетъ быть, равнодушный наблюдатель, даже въ то время, не нашелъ бы въ насъ ничего красиваго. Передо мной теперь фотографическія карточки насъ обоихъ, и я вижу на нихъ себя неуклюжимъ юношей въ плохо скроенномъ, купленномъ готовымъ, платьѣ, а Нетти—Нетти тоже плохо одѣта и выраженіе лица слишкомъ напряженное. Но я вспоминаю, глядя на портретъ, какова она была въ дѣйствительности, и ея живость и частица ея тогдашняго очарованія снова воскресаютъ теперь для меня. Ея лицо какъ бы побуждаетъ фотографическій снимокъ,—въ противномъ случаѣ, я бы эту карточку давно выбросилъ.

Красоту, въ сущности, нельзя описать словами. Мнѣ жаль, что я не могу сдѣлать рисунка на поляхъ этой страницы, чтобы возсоздать ея обликъ. Въ глазахъ ея была какая-то особая серьезность, и легкая неправильность въ очертаніи верхней губы придавала особую прелесть ея нѣжной и въ то же время серьезной улыбкѣ.

Послѣ того какъ мы обмѣнялись поцѣлуями и рѣшили не говорить еще нѣсколько времени родителямъ о нашемъ безповоротномъ рѣшеніи принадлежать другъ другу, пришло время раз-

статься, робко попрощавшись въ присутствіи другихъ. Мы съ матерью пошли обратно черезъ паркъ, освѣщенный луннымъ свѣтомъ, на вокзалъ въ Чекшилѣ, а оттуда въ наше жалкое помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ нашего дома въ Клейтонѣ, и послѣ того я не видѣлъ Нетти около года, — только въ мечтахъ видѣлъ ее постоянно. При слѣдующемъ свиданіи мы рѣшили переписываться, причемъ предполагалось соблюдать величайшую тайну, такъ какъ Нетти не хотѣла, чтобы кто-либо, даже ея единственная сестра, узнала о нашей любви. Приходилось посылать письма запечатанными черезъ одну школьную подругу Нетти, жившую подъ Лондономъ. Я помню до сихъ поръ адресъ подруги, которой довѣрилась Нетти, и могъ бы обозначить домъ, улицу и названіе загородной мѣстности, хотя теперь всѣ эти мѣста исчезли: Переписка наша послужила причиной нашей размолвки, потому что впервые мы не только глядѣли другъ другу въ глаза, но и стали выражать свои мысли. Вы должны понять, что въ тѣ дни мышленіе было чрезвычайно запутано разными отжившими неудовлетворяющими мысль формулами, затруднялось разными предразсудками, недомолвками, условной ложью. Постороннія низменные соображенія мѣшали стремленію къ правдѣ. Мать воспитала меня въ странной, узкой вѣрѣ, навязавъ мнѣ опредѣленные религіозныя формулы, опредѣленные правила поведенія, извѣстнаго рода соціальныя и политическія понятія, не отвѣчающія дѣйствительнымъ потребностямъ современной жизни, старыя и ненужныя, — какъ отложенное въ ящикъ за ненадобностью и пересыпанное лавандой бѣлье. Религіозность моей матери тоже была какъ бы надушенная лавандой. По воскресеньямъ она отставляла все обыденное, убирала одежду и даже посуду, употреблявшуюся въ будни, прятала руки, натруженные работой, въ черныя, тщательно заштопанныя перчатки, надѣвала старое черное шоловое платье и шляпу, и водила меня, тоже необыкновенно чистенькаго и принаряженнаго, въ церковь. Тамъ мы пѣли, слушали, наклонивъ голову, звучныя молитвы, и поднимались съ облегченіемъ, когда пасторъ кончалъ свою краткую, довольно добродушную проповѣдь. Въ религіи моей матери существовалъ адъ — адъ съ красными языками пламени, съ дьяволомъ, который считался по долгу службы врагомъ британскаго короля, обличалась грѣховная плоть; намъ внушали, что большинство живущихъ въ нашемъ горестномъ мірѣ искупить здѣшнія заботы и горести еще вдобавокъ вѣчными муками въ загробной жизни, аминь. Все это уже впало отчасти въ забвеніе задолго до моего времени, и въ это уже мало кто вѣрилъ. Если я и боялся ада

въ дѣтствѣ, то забылъ объ этомъ потомъ и вспоминаю теперь о религіи лишь какъ о подходящемъ фонѣ для усталого, строгого лица матери.

Теперь я отношусь къ убѣжденіямъ моей матери съ терпимостью и любовью, но молодость отличается во всемъ страстностью, и такъ какъ я сначала принималъ въ серъезъ все это, и пламень ада, и месть Бога за всякую оплошность, считая все это вполне реальной дѣйствительностью, то я съ такой же твердостью и убѣжденностью выбросилъ все это изъ головы.

Пасторъ Габитасъ — нашъ жилецъ — интересовался мною и моею судьбой; онъ рекомендовалъ мнѣ книги для чтенія послѣ окончанія школы, и съ самыми лучшими намѣреніями на свѣтъ, только для того, чтобы предостеречь меня отъ мірской отравы, одолжилъ мнѣ „Отвѣтъ скептикамъ“ Бурбля и направилъ меня въ общественную бібліотеку въ Клейтонѣ, совѣтуя мнѣ брать книги оттуда.

Честный Бурбль оказалъ на меня неожиданно подавляющее вліяніе. Изъ его отвѣтовъ скептику явствовало, что все, принимаемое мною до того на вѣру, во что я вѣрилъ какъ въ сіяніе солнца, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Какъ бы нарочно для укрѣпленія во мнѣ сомнѣній, первой книгой, которую я досталъ изъ бібліотеки, было собраніе сочиненій Шелли. Я вскорѣ былъ близокъ къ полному атеизму. А въ союзъ христіанской молодежи я познакомился съ Парлодомъ, который сказалъ мнѣ, подѣ строжайшей тайной, что онъ „соціалистъ“. Онъ далъ мнѣ прочесть нѣсколько номеровъ періодическаго изданія, носившаго громкое названіе „Труба“; оно какъ разъ начинало тогда походъ противъ установленной религіи. Молодость всякаго бога или менѣ развитого человѣка открыта для сомнѣній, негодованій и новыхъ идей, и я все это пережилъ въ сильной степени. Это были даже не сомнѣнія, а удивленное отрицаніе возможности вѣры. „Неужели я въ это вѣрилъ?“ — говорилъ я себѣ. И какъ разъ въ это время началась у меня любовная переписка съ Нетти.

Теперь, когда Великій Переворотъ осуществился во многомъ, всѣ дѣйствуютъ съ мягкостью, ничуть не умаляющею нашей силы, и трудно понять воинственность, которую вносили въ свою интеллектуальную жизнь молодые люди моего времени. Размышлять объ извѣстныхъ вопросахъ уже считалось проявленіемъ мятежности. Всякая новая мысль должна была начинать съ битія стекла. Теперь трудно себѣ представить эту потребность бросать вызовъ всему установленному, которая была у насъ въ молодости. Я сталъ съ жадностью читать Карлэйла, Броунинга и

Гейне, и не только восхищался ими, но старался подражать имъ. Мои письма къ Нетти, послѣ нѣсколькихъ искреннихъ изліяній бурной нѣжности, стали наполняться страннымъ и неуклюжимъ изложеніемъ теологическихъ, соціологическихъ и космическихъ мыслей. Они ее, навѣрное, очень удивляли.

У меня сохранилась нѣжность и даже что-то вродѣ зависти къ моей минувшей юности, но я все-таки не смогъ бы оправдать себя; еслибы меня обвинили за мои письма къ Нетти въ глупой рисовкѣ и въ сентиментальности, въ томъ, что я былъ въ жизни совершенно такой, какъ на старой, выпѣвшей фотографической карточкѣ. Когда я стараюсь вспомнить, въ какомъ тонѣ я писалъ любимой дѣвушкѣ, я самъ содрогаюсь. А все-таки жаль, что всѣ эти письма погибли.

Ея письма ко мнѣ были довольно простыя, писанныя неумѣлымъ почеркомъ, искреннія. Въ первыхъ письмахъ обнаружилось стремленіе часто употреблять слово „милый“, но когда начали проявляться признаки моего умственного броженія, письма ея сдѣлались менѣе нѣжными.

Я не буду утомлять васъ рассказомъ о томъ, какъ мы поссорились письменно, какъ я въ слѣдующее воскресенье отправился безъ всякаго приглашенія въ Чекшиль и еще болѣе испортилъ наши отношенія, какъ потомъ я написалъ письмо, примирившее насъ. Не буду я также рассказывать вамъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ несогласій. Всегда я оказывался виноватымъ и просилъ прощенія—вплоть до послѣдней размолвки, которая начиналась теперь. Въ промежуткахъ у насъ были и нѣжныя примиренія. Я ее очень любилъ. Но, къ несчастію, бывало всегда такъ, что, оставаясь наединѣ, въ темнотѣ, я думалъ только о ней, о ея глазахъ, объ очарованіи всего ея существа, но когда садился писать, то думалъ только о Шелли, Бернсѣ и самомъ себѣ. Трудно сочетать любовь съ умственнымъ броженіемъ. Наши письма принимали обостренный тонъ. Потомъ вдругъ она написала мнѣ, что едва-ли можетъ любить соціалиста, не вѣрующаго въ церковь, и вслѣдъ за этимъ пришло совершенно неожиданное письмо: она писала, что мы, очевидно, не подходимъ другъ къ другу, что у насъ разные вкусы и мысли, и что она давно уже собирается освободить меня отъ моего слова. Словомъ, хотя я сразу былъ слишкомъ пораженъ, чтобы понять это, я получилъ полную отставку. Письмо пришло какъ-разъ въ то время, когда я вернулся домой послѣ того, какъ старіеъ Роудонъ довольно рѣзко отказался повысить мое жалованье. Въ тотъ вечеръ, о которомъ я пишу, я очутился лицомъ къ лицу съ двумя совершенно

ошеломившими меня фактами: оказалось, что во мнѣ не нуждаются ни Нетти, ни Роудонъ. А вдругъ мнѣ говорить о кометахъ...

Я такъ привыкъ считать Нетти своей неотъемлемой собственностью, — всѣ традиціонныя понятія о „вѣрной любви“ укрѣпляли меня въ этой вѣрѣ, — что меня глубоко поразила легкость, съ которой она заговорила о разрывѣ послѣ того, какъ мы обмѣнялись поцѣлуями и нѣжными увѣреніями. Старикъ Роудонъ тоже можетъ обойтись безъ меня. У меня было такое чувство, точно вся вселенная отвергла меня и угрожаетъ мнѣ полнымъ уничтоженіемъ, и я чувствовалъ, что необходимо прежде всего какъ-нибудь утвердить свою личность. Я не находилъ утѣшенія для моего оскорбленнаго самолюбія ни въ религіи, къ которой охлаждѣлъ, ни въ своемъ атеизмѣ, смѣнившемъ прежнюю вѣру.

Что дѣлать? Оставить сейчасъ же мѣсто у Роудона и поступить къ его конкуренту Пробишеру? Первая часть этого плана была легко исполнима. Не трудно было пойти къ Роудону и сказать: „вы еще услышите про меня!“ Но относительно Пробишера неизвѣстно было, возьметъ ли онъ меня. Но все это было теперь на второмъ планѣ; главное было рѣшить, какъ поступить съ Нетти. У меня въ головѣ носились обрывки мыслей и благородныхъ фразъ для отвѣтнаго письма ей. Презрѣніе, иронія, нѣжность — на чемъ остановиться?

— Ахъ, чортъ возьми! — вдругъ сказалъ Парлодъ.

— Что случилось? — спросилъ я.

— На литейномъ заводѣ у Бладона взрывъ, и дымъ засталъ нужную мнѣ часть неба.

Этотъ перерывъ въ астрономическихъ объясненіяхъ Парлода пришлось встать для меня; я могъ, наконецъ, поговорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ.

— Знаешь, Парлодъ, — сказалъ я, — мнѣ, кажется, придется уѣхать отсюда. Старикъ Роудонъ не хочетъ дать мнѣ прибавки, и уже разъ я ее попросилъ, то не могу остаться на прежнихъ условіяхъ. Придется уѣхать изъ Клейтона.

III.

Парлодъ положилъ бинокль на окно и посмотрѣлъ на меня.

— Теперь не подходящее время мѣнять мѣсто, — сказалъ онъ, помолчавъ. Роудонъ сказалъ въ сущности то же самое, только менѣе дружелюбнымъ тономъ.

Но въ присутствіи Парлода у меня всегда являлось желаніе выказывать геройство.

— Миѣ надоѣла будничная пошлость, — сказалъ я. — Пусть лучше голодаетъ плоть, чѣмъ томится душа.

— Ужъ не знаю, право, — медленно началъ Парлодъ, и у насъ завязался одинъ изъ нашихъ безконечныхъ споровъ на личные и общечеловѣческія темы, одинъ изъ споровъ, которые такъ любятъ молодые люди всѣхъ временъ. Переворотъ въ этомъ смыслѣ ничего не измѣнилъ. Я, конечно, не могу припомнить всего потока нашихъ рѣчей, даже не помню никакихъ словъ, хотя обстоятельства и общая атмосфера той бесѣды совершенно ясно запечатлѣлись въ моей памяти. Я, по своему обыкновенію, нѣсколько позировалъ и велъ себя навѣрное очень глупо, подъ влияніемъ задѣтаго эгоизма, а Парлодъ исполнялъ свою роль философа, занятаго глубинами бытія. Мы вышли изъ его дома, и еще болѣе увлеклись бесѣдой, выйдя на воздухъ въ теплый лѣтній вечеръ. Одно я помню изъ того, что говорилъ тогда.

— Миѣ иногда хочется, — сказалъ я съ жестомъ, направленнымъ къ небу, — чтобы эта твоя комета или что-нибудь подобное уничтожило міръ и стерло бы съ лица земли все, всѣхъ насъ, всѣ наши стачки, войны, волненія, любовь, ревность и все горе жизни.

— Нѣтъ, — сказалъ Парлодъ, помолчавъ: — столкновение съ кометой сдѣлало бы жизнь только еще болѣе тяжелой. Оно бы отодвинуло все назадъ, и жизнь немногихъ, уцѣлѣвшихъ отъ катастрофы, была бы еще болѣе дикой, чѣмъ теперь.

— Надѣюсь, что никто и ничто не уцѣлѣло бы, — сказалъ я въ отвѣтъ.

Таковъ, приблизительно, былъ характеръ нашего разговора, въ то время, какъ мы шли по узкой улицѣ и затѣмъ по поднимающейся вверхъ дорогѣ за городъ.

Но мои мысли такъ ушли въ прошлое, что я забылъ, до чего со времени Переворота все измѣнилось до неузнаваемости. Узкая улица и видъ съ клейтонскаго холма, и весь міръ, въ которомъ я родился и выросъ, все совершенно исчезло во времени и пространствѣ и даже въ воображеніи людей, смѣнившихъ насъ. Вы не можете себѣ представить, какъ себѣ представляю я, темную улицу между маленькими домами, освѣщенную тусклыми газовыми фонарями на углахъ, жесткую мостовую подъ ногами, тускло освѣщенные окна въ домахъ и тѣни на уродливыхъ спущенныхъ занавѣсахъ. Вы не представляете себѣ пивныхъ, освѣщенныхъ ярче, чѣмъ другіе дома, ужасный винный запахъ и ругатель-

ства, несущіяся изъ дверей, жалкихъ дѣтей, сидѣвшихъ на порогѣ.

Мы прошли по длинной улицѣ, по которой взбиралась вверхъ, пыхтя, оглушая своимъ шумомъ, паровая конка; по обѣимъ сторонамъ улицы сверкали окна магазиновъ, по тротуару непрерывно двигались люди. Вы не представляете себѣ вида этихъ большихъ улицъ и большихъ стѣнъ, разукрашенныхъ огромнѣйшими пестрыми афишами, возвѣщавшими о пользѣ всевозможныхъ пилюль, мылъ и консервовъ, пишущихъ и швейныхъ машинъ, о разнообразныхъ зрѣлищахъ, театрахъ и концертахъ. Дальше, за домами большой улицы, были пустыри съ огромными лужами стоячей воды, въ которыхъ отражались звѣзды. Наконецъ, пройдя еще мимо огородовъ, мы вышли на большую дорогу, которая поднималась вверхъ, мимо нѣсколькихъ домовъ и кабаковъ; сверху открывался видъ на долину, въ которой лежали прилегающіе одинъ къ другому четыре промышленныхъ городка. Съ наступленіемъ вечера и до зари—этого нельзя отрицать—все приобрѣтало величественный видъ. Все жалкое въ подробностяхъ было затуманено, не видать было самихъ домовъ, множества дымовыхъ трубъ, уродливыхъ пятенъ жалкой растительности, огороженной заборами; все преображалось ночью. Насыщенный пылью воздухъ, такой удушливый днемъ, превращался на зарѣ въ таинственную гармонію прозрачныхъ тоновъ, синяго и пурпурнаго, темно и ярко-краснаго, прозрачно-зеленаго и желтаго. Фабричныя трубы послѣ заката солнца надѣвали вѣнцы изъ пламени, темныя груды зола превращались въ живое пламя. День смѣнялся царствомъ пламенѣющаго угля. На дорогахъ, перерѣзывающихъ равнину, зажигались блѣдно-желтые газовые фонари; сквѣры и улицы озарялись холоднымъ сіяніемъ электрическаго свѣта. Перекрещивающіяся желѣзнодорожныя сѣти поднимали свѣтовые сигналы, красные и зеленые; поѣзда извивались какъ черныя змѣи, извергающія пламя... А надъ всѣмъ этимъ, какъ нѣчто недосягаемое и почти забытое, Парлодъ на-ново открылъ царство, не озаряемое ни солнцемъ, ни пламенѣющими фабричными трубами,—миръ звѣзд...

Таковъ былъ пейзажъ, среди котораго мы часто бесѣдовали вдвоемъ. Днемъ мы иногда переходили черезъ вершину холма, и смотрѣли на западъ, гдѣ виднѣлись фермы, парки и большіе дома, шпицъ далекой церкви, а иногда, въ ясную погоду, линіи далекихъ горъ. Тамъ, вдали, куда не доходилъ взоръ, былъ Чекшиль,—въ темнотѣ я яснѣе чувствовалъ это, чѣмъ днемъ. Чекшиль и Нетти...

И намъ обоемъ казалось, когда мы гуляли, разсуждая о

своихъ дѣлахъ, что передъ нами разстилается весь міръ. Тамъ, въ сгущающейся темнотѣ, вокругъ уродливыхъ фабрикъ и мастерскихъ тѣснились рабочіе, скученные, плохо одѣтые, плохо питающіеся, не увѣренные даже въ своемъ скудномъ дневномъ заработкѣ, и среди ихъ жалкихъ домовъ возвышались часовни, церкви и кабаки. А съ другой стороны, на широкомъ просторѣ жили, отвернувшись отъ тѣсныхъ жилищъ рабочаго населенія, хозяева, землевладѣльцы, собственники кабаковъ, фабрикъ, фермъ и рудниковъ. Вдали выступали изъ маленькой группы лавокъ дома священниковъ. Затѣмъ виднѣлись гостиницы захудалаго городка, который прежде былъ центральнымъ торговымъ мѣстомъ, и шпиль церкви въ Лочестерѣ. Намъ казалось тогда, что весь міръ устроенъ по этому плану.

Мы смотрѣли на все очень просто. У насъ были готовы рѣшенія на все, и тотъ, кто сталъ бы возражать противъ нихъ, казался бы намъ союзникомъ грабителей. Для насъ было ясно, что все это—грабительство: въ большихъ домахъ притаились хозяинъ и капиталистъ, два главныхъ разбойника со своимъ гнуснымъ сообщникомъ-адвокатомъ и другимъ союзникомъ, обманщикомъ-попомъ, а мы всѣ—жертвы ихъ преступленій. Они, навѣрное, смѣются, распивая дорогое вино въ обществѣ нарядныхъ порочныхъ женщинъ, и обдумываютъ новые способы ограбить бѣдняковъ. И среди жалкихъ условий, среди грубости невѣжества и пьянства страдаетъ жертва—рабочій. Мы, конечно, это знаемъ и нужно только съ достаточной силой и краснорѣчіемъ высказать все ясное для насъ, чтобы міръ измѣнился. Рабочіе поднимутся и образуютъ рабочую партію, выберутъ въ члены парламента такихъ людей, какъ я и Парлодъ, и отвоюютъ все, что имъ принадлежитъ. Разбойникамъ придется плохо, и все уладится наилучшимъ образомъ. Мы не сомнѣвались въ близкомъ торжествѣ нашихъ идей и возмущались только испорченностью и глупостью людей, которая мѣшаетъ столь простому способу возстановить въ мірѣ порядокъ и равновѣсіе. Насъ это возмущало до того, что мы готовы были идти на баррикады и совершать страшные акты насилія. Я былъ особенно озлобленъ въ тотъ вечеръ, о которомъ рассказываю; гидра капитализма и монополіи представлялась мнѣ улыбкой, напоминавшей точь въ точь улыбку старика Роудона, когда онъ отказался платить мнѣ болѣе чѣмъ двадцать шиллинговъ въ недѣлю. Я чувствовалъ, что долженъ, для огражденія своего достоинства, какъ-нибудь отомстить ему. Самое лучшее—это убить гидру и сказать Нетти: „Ну, что, каковъ я по-твоему?“ Этимъ разрѣшилась бы наша

ссора. Таковъ, приблизительно, былъ смыслъ того, что я думалъ тогда,—а вы ужъ сами представьте себѣ, какъ я жестикулировалъ и волновался, высказывая свои мысли Парлоду въ тотъ вечеръ. Представьте себѣ насъ въ видѣ двухъ невзрачныхъ черныхъ фигуръ среди вечерняго пейзажа, въ обстановкѣ чисто промышленной жизни, — вообразите себѣ меня возбужденнымъ, протестующимъ, размахивающимъ руками.

Всѣ эти представленія моей юности покажутся вамъ вздорными, въ особенности если вы принадлежите къ младшему поколѣнію, родившемуся уже послѣ Переворота. Теперь всѣ мыслятъ ясно, разумно, и вы не думаете даже, что возможно нѣчто иное. Я вамъ скажу, какъ перенести себя въ условія нашего прежняго существованія. Прежде всего—разстройте здоровье неразумными питьемъ и ѣдой, отсутствіемъ физическихъ упражненій, затѣмъ наполните свою жизнь множествомъ хлопотъ и непріятностей, поработайте дней пять по многу часовъ въ день безостановочно надъ чѣмъ-нибудь слишкомъ ничтожнымъ, чтобы возбуждать какой-либо интересъ, и слишкомъ сложнымъ, чтобы это можно было дѣлать механически,—надъ дѣломъ, не представляющимъ, къ тому же, никакого личнаго интереса для васъ самихъ. Послѣ того, пойдите въ непровѣтренную, душную комнату, тамъ сядьте и задумайтесь надъ какимъ-нибудь очень сложнымъ вопросомъ. Черезъ короткое время у васъ начнутъ путаться мысли, вы почувствуете раздраженіе, будете разсуждать наперекоръ очевидности, дѣлать самые случайные выводы. Попробуйте играть въ шахматы въ такихъ условіяхъ, и вы увидите, какъ глупо вы будете выходить изъ себя каждую минуту.

Такъ вотъ вся жизнь передъ Переворотомъ проходила въ такомъ лихорадочно возбужденномъ состояніи: всѣ были переутомлены, измучены задачами, которыхъ не могли разрѣшить, всѣ жили въ удушливой атмосферѣ, и никто почти не имѣлъ возможности спокойно и трезво обдумывать свои мысли. Все сводилось къ полу-правдѣ, къ поспѣшнымъ заключеніямъ, иллюзіямъ. Ничего другого не было.

Я знаю, что это кажется неправдоподобнымъ, что люди помоложе начинаютъ даже сомнѣваться въ томъ, что въ мірѣ произошелъ дѣйствительно большой переворотъ; но почитайте газеты того времени. Каждая эпоха, отошедшая въ прошлое, кажется болѣе свѣтлой и благородной на разстояніи. Нужно поэтому, чтобы люди, которые, какъ я, могутъ рассказать о минувшемъ, описывали дѣйствительную правду, развѣнчивающую чрезмѣрное обаяніе старины.

IV.

Въ разговорахъ съ Парлодомъ я всегда ораторствовалъ больше, чѣмъ онъ. Я теперь могу судить о себѣ въ прошломъ съ полнымъ безпристрастіемъ; все такъ измѣнилось, что я дѣйствительно сталъ другимъ человѣкомъ, не имѣющимъ почти ничего общаго съ хвастливымъ юношей, горести котораго я теперь рассказываю. Я вижу теперь этого юношу, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности,—эгоистичнымъ, неискреннимъ, и вовсе не желаю представить его симпатичнымъ въ силу моей невольной привязанности къ нему, созданной нашей непрерывной близостью. Такъ какъ я былъ самъ этимъ юношей, то могъ бы объяснить психологическія причины всего, что дѣлало его непривлекательнымъ для всякаго теперешняго читателя, но зачѣмъ мнѣ оправдывать его слабости и защищать его?

Итакъ, изъ насъ двоихъ больше ораторствовалъ я, и еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что я вовсе не выше моего собесѣдника, меня бы это крайне удивило. Парлодь былъ спокойный, сдержанный юноша, въ противоположность мнѣ, обладавшему драгоцѣннымъ въ глазахъ молодежи и демократическаго общества даромъ краснорѣчія. Парлода я втайнѣ считалъ нѣсколько ограниченнымъ, и мнѣ не нравилась его „научная осмотрительность“. Я не замѣчалъ, что мои руки годились только для ораторскихъ жестовъ, или для того, чтобы держать перо, въ то время, какъ руки Парлода были пригодны для самыхъ разнообразныхъ работъ, и я не думалъ, что ловкость рукъ связана съ выдающимися умственными способностями. Я постоянно хвасталъ своими литературными знаніями, тѣмъ, что я отличный стенографъ, что Роудонъ почти не можетъ обойтись безъ меня, а Парлодь почти не упоминалъ о своихъ занятіяхъ на естественно-научныхъ курсахъ. А между тѣмъ Парлодь теперь знаменитъ; его работа о пересѣкающихся радіусахъ имѣетъ большое научное значеніе, а я, который въ лучшемъ случаѣ—простой дровосѣкъ въ интеллектуальномъ мірѣ, могу только вспоминать съ улыбкой, какъ я возносился надъ нимъ въ тѣ далекія времена полной умственной слѣпоты.

Въ тотъ вечеръ мое краснорѣчіе превосходило всякія границы. Конечно, главной темой моихъ разглагольствованій былъ Роудонъ. Я говорилъ о „рабствѣ заработной платы“, о возмутительности условій, въ которыхъ мы принуждены жить. Но

отъ времени до времени я переходилъ къ другому. Мысли мои были заняты главнымъ образомъ Нетти и загадочностью ея поведенія со мной. Я гордился передъ Парлодомъ своей сердечной драмой, и драпировался въ тогу байронизма, говоря всякій вздоръ.

Я не буду утомлять васъ подробнымъ пересказомъ рѣчей безразсуднаго юноши, очень огорченнаго въ душѣ и искавшаго утѣшенія для своего оскорбленнаго самолюбія. Я даже не помню въ точности, что я говорилъ ему именно тогда, и что было сказано во время другихъ моихъ бесѣдъ съ Парлодомъ. Я забылъ, на примѣръ, тогда ли, или въ другой разъ, я какъ будто случайно намекнулъ на то, что употребляю наркотическія средства.

— Не дѣлай этого, — сказалъ мнѣ Парлодъ. — Это можетъ притупить умственные способности.

А мои умственные способности казались чѣмъ-то очень важнымъ для насъ обоихъ. Вѣдь предполагалось, что я долженъ играть видную роль въ грядущей соціальной революціи.

Одно я помню точно изъ нашей бесѣды въ тотъ вечеръ. Когда мы вышли изъ дому, я внутренне рѣшилъ не оставлять службы у Роудона. Мнѣ только хотѣлось выругать моего хозяина и облегчить этимъ душу. Но я договорился до того, что всѣ разумныя основанія, побуждавшія меня не бросать службы, улетучились, и приближаясь къ дому, я уже безповоротно рѣшилъ не мириться съ хозяиномъ.

— Я не могу остаться у Роудона, я его не выношу! — воскликнулъ я.

— Но вѣдь скоро наступитъ тяжелое время, — сказалъ Парлодъ.

— Да. Зимой трудно будетъ достать работу.

— Нѣтъ, еще раньше. Въ Америкѣ огромное перепроизводство во всѣхъ областяхъ промышленности, и будетъ большой застой въ дѣлахъ. Скоро наступитъ безработица. Ты бы лучше не уходилъ отъ Роудона—другого мѣста не достанешь.

— Ни за что не останусь у него, — отвѣтилъ я съ негодованіемъ.

— Но вѣдь будетъ хуже, если не достанешь работы.

— Не все ли равно? — отвѣтилъ я. — Пусть будетъ худо: все равно теперешній строй долженъ пойти къ чорту рано или поздно. Эти проклятые капиталисты съ ихъ трѣстами ускорять вризись. Зачѣмъ мнѣ торчать въ конторѣ у Роудона, какъ трусливой собаке, въ то время какъ по улицамъ будутъ ходить толпы голодныхъ? Голодъ — великая революціонная сила. Когда

приходить голодъ, нужно пойти ему на встрѣчу и привѣтствовать его. Я во всякомъ случаѣ такъ и сдѣлаю.

— Все это прекрасно,—началъ было Парлодъ.

— Мнѣ надѣла такая жизнь,—прервалъ я его. Я вступлю въ борьбу со всѣми Роудонами въ мірѣ. Когда я буду самъ голоденъ, я сумѣю сказать то, что слѣдуетъ, голоднымъ людямъ.

— А что же будетъ съ твоей матерью?—спросилъ Парлодъ со свойственнымъ ему благоразуміемъ.

Въ этомъ и заключалось главное препятствіе. Но я обошелъ его, отдѣлавшись риторической фразой.—Развѣ можно,—воскликнулъ я,—жертвовать будущимъ міра,—развѣ можно жертвовать своимъ будущимъ — во имя матери, лишенной всякаго воображенія?!

V.

Было уже поздно, когда я расстался съ Парлодомъ и пришелъ домой. Нашъ домъ стоялъ по близости клейтонской церкви, въ маленькомъ, довольно красивомъ сквэрѣ. М-ръ Габитасъ, приходскій пасторъ, занималъ нижній этажъ, а въ верхнемъ жила старая дама, миссъ Гольройдъ, которая занималась рисованіемъ цвѣтовъ по фарфору и содержала жившую вмѣстѣ съ ней слѣпую сестру; мы съ матерью жили въ подвальномъ этажѣ, а спали наверху, въ мансардѣ. Поднимаясь на крыльцо, я увидалъ въ окнѣ м-ра Габитаса, который печаталъ при свѣчкѣ фотографическіе снимки. Главнымъ развлеченіемъ въ его жизни было занятіе фотографіей. Онъ уѣзжалъ во время каникулъ со своимъ аппаратомъ и возвращался съ множествомъ туманныхъ снимковъ, сдѣланныхъ въ красивыхъ и живописныхъ мѣстахъ. Онъ давалъ проявлять ихъ по дешевой цѣнѣ, а потомъ весь годъ проводилъ вечера въ печатаніи фотографій, которыя потомъ дарилъ своимъ знакомымъ. Цѣлая коллекція его фотографическихъ снимковъ имѣется въ клейтонской національной школѣ. Въ этомъ занятіи заключалась его единственная радость въ жизни. Я различалъ, глядя въ окно, его острый маленькій носъ, его блѣдныя маленькіе глаза за очками и сжатые губы.

— Наемный лжецъ!—пробормоталъ я.—Вѣдь онъ тоже былъ участникомъ всего разбойничьяго строя, въ которомъ я и Парлодъ были „рабами заработной платы“; правда, его участіе въ грабительствахъ было очень небольшое, но не все ли это равно...

— Наемный лжецъ!—повторилъ я, стоя въ темнотѣ.

Мать открыла мнѣ дверь. Она посмотрѣла на меня и ни-

чего не сказала, чувствуя, что произошло что-то неладное, и зная, что напрасно спрашивать, въ чемъ дѣло.

— Спокойной ночи, мама, — сказалъ я, поцѣловаль ее не очень привѣтливо, потомъ зажегъ свѣчу и направился вверхъ по лѣстницѣ, не оглянувшись на нее.

— Я приготовила тебѣ ужинъ, милый.

— Я не хочу ужинать.

— Почему?..

— Спокойной ночи, — сказалъ я еще разъ, пошелъ наверхъ, закрылъ за собой дверь, легъ на постель, затушилъ свѣчу и долго лежалъ, не раздваясь. Это безмолвное умоляющее выраженіе на лицѣ матери временами раздражало меня до крайности. Въ тотъ вечеръ оно было мнѣ болѣе невыносимо, чѣмъ когда-либо. Я чувствовалъ, что долженъ бороться противъ него, что не могъ бы жить, еслибы уступилъ ея мольбамъ, и необходимость борьбы причиняла мнѣ невыносимое страданіе. Я сознавалъ совершенно ясно, что долженъ самъ для себя рѣшить всѣ религіозныя и соціальныя задачи, самъ рѣшать, какъ слѣдуетъ поступать, — что ея жалкая, простая вѣра не можетъ помочь мнѣ, — что она даже не понимаетъ меня. Она исповѣдывала общепринятую вѣру; ея соціальныя убѣжденія сводились къ слѣпому подчиненію существующему порядку — къ признанію законовъ, докторовъ, священниковъ, адвокатовъ, хозяевъ и всѣхъ почитаемыхъ свѣтомъ властей, — и вѣра сводилась у нея къ страху. Она чувствовала по тысячѣ признаковъ, — хотя я иногда все же ходилъ съ нею въ церковь, — что я отрекся отъ всѣхъ правилъ, управлявшихъ ея жизнью, и применилъ къ чему-то невѣдомому и страшному. Она чувствовала мою близость къ социализму, чувствовала мой протестъ противъ существующаго строя, чувствовала мое безсильное возмущеніе всѣмъ, что было свято въ ея глазахъ. И въ сущности она не столько отставала свои кумиры, какъ боялась за меня. Ей какъ бы хотѣлось сказать мнѣ: — Дорогой мой, я знаю, жизнь очень тяжела, — но еще тяжелѣе возставать противъ того, что есть. Не вступай въ борьбу, — не возстановляй противъ себя: тебѣ будетъ отъ этого только хуже.

Она покорилась, какъ большинство тогдашнихъ женщинъ, грубой силѣ существующаго и стала поклоняться тому, что поработило ее. Жизнь сломила ея силы, состарила ее, отняла у нея зрѣніе, такъ что въ пятьдесятъ-пять лѣтъ она лишь смутно различала мое лицо, глядя въ дешевые очки; она привыкла къ тревогамъ и заботамъ, и руки ея — о, эти бѣдныя руки!.. Теперь

не найдется нигдѣ на свѣтѣ женщины съ такими изможденными, загрубѣлыми отъ работы, натруженными руками... Одно только я могу сказать въ мое оправданіе, что озлобленіе противъ людей и судьбы вызвано было не только моими собственными, но и ея страданіями.

Въ тотъ вечеръ, однако, я обошелся съ ней неласково. Я рѣзко оборвалъ ее и ушелъ къ себѣ, захлопнувъ за собой дверь и оставивъ ее въ горестномъ недоумѣніи. И послѣ того я еще долго лежалъ и размышлялъ о жестокости жизни, о презрительномъ и грубомъ поведеніи со мной Роудона, о безсердечіи Нетти, о моемъ собственномъ безсиліи и ничтожествѣ, о невыносимыхъ обстоятельствахъ, о невозможности бороться съ несправедливостью. Голова у меня горѣла; я не могъ справиться съ нахлынувшими на меня горькими мыслями. Нетти... Роудонъ... Моя мать... Габита... Нетти...

Наконецъ, я обезсилѣлъ отъ наплыва чувствъ. Гдѣ-то пробило полночь. Но молодость взяла свое, — и одно душевное состояніе быстро смѣнялось другимъ. Я быстро всталъ, раздѣлся, не зажигая свѣчи, и не успѣлъ положить голову на подушку, какъ уже крѣпко заснулъ. Но какъ спалось въ ту ночь моей матери, я не знаю.

Страннымъ образомъ я не осуждаю себя за свою тогдашнюю рѣзкость съ матерью, но чувствую сильныя угрызения совѣсти за пренебрежительность къ Парлodu. Мнѣ больно вспоминать до сихъ поръ о томъ, что я причинялъ страданія матери въ тѣ времена, предшествовавшія Перевороту, но я вижу, что это было неизбежно въ прежнихъ условіяхъ жизни. Въ тѣ смутныя, темныя времена люди становились жертвами заботъ, непосильнаго труда и раздраженія, не имѣя предварительно хоть года времени для того, чтобы спокойно подумать и подготовиться къ жизни. Имъ сразу приходилось приступать къ исполненію какихъ-то непосредственныхъ опредѣленныхъ обязанностей, и всякое духовное развитіе прекращалось. Они застывали на своихъ узкихъ путяхъ. Рѣдкія женщины способны были созрѣть для новой мысли послѣ двадцати-пяти лѣтъ, рѣдкіе мужчины мѣнялись послѣ тридцати. Недовольство существующимъ считалось безнравственнымъ, хотя всѣ были недовольны. Но противъ тяготѣвшаго надъ всѣми зла возставала только жестокая въ своемъ увлеченіи молодежь. Суровый законъ тѣхъ временъ требовалъ, чтобы мы или подчинялись старшимъ и заглушали свои порывы, или же отстраняли ихъ, забывали ихъ, чтобы сдѣлать хоть маленькій шагъ впередъ по пути прогресса, прежде чѣмъ въ свою

очередь окаменѣть и становиться на пути смѣняющему насъ пологѣнію.

Мое поведеніе съ матерью въ тотъ вечеръ, — то, что я отстранилъ ее и ушелъ къ себѣ, чтобы предаться тамъ одинокимъ размышленіямъ, — было, какъ я вижу теперь, типичнымъ образцомъ тогдашнихъ отношеній между родителями и дѣтьми. Другого пути не было; этотъ постоянный разладъ былъ необходимымъ элементомъ прогресса. Мы тогда не представляли себѣ, что духъ можетъ созрѣвать, не становясь неподвижнымъ, или что дѣти могутъ почитать родителей и все же самостоятельно думать и дѣйствовать. Мы жили торопливо и злобно, потому что томились въ удушливой атмосферѣ. Сознательная живость ума, свойственная теперь всѣмъ людямъ, сила, соединенная съ благоразуміемъ, предпріимчивость и довѣріе въ другихъ, которые теперь царятъ всюду, были невѣдомы въ тогдашнемъ строѣ жизни.

На этомъ кончалась первая тетрадь. Я отложилъ ее и сталъ искать вторую.

— Ну что? — спросилъ старикъ, продолжая писать.

— Это выдуманно?

— Это исторія моей жизни!

— Но вы — окруженный красотой — неужели вы тотъ жалкій, несчастный юноша, о которомъ здѣсь говорится?

Онъ улыбнулся. — Вѣдь потомъ произошелъ Переворотъ, — сказалъ онъ. — Развѣ это не сказано?

Я хотѣлъ было предложить одинъ вопросъ, но въ это время увидѣлъ вторую тетрадь и принялся ее читать.

VI.

Я не могу припомнить (такъ начиналась вторая тетрадь), сколько времени прошло между тѣмъ вечеромъ, когда Парлодъ впервые показалъ мнѣ комету, — я, кажется, только представлялся, что дѣйствительно увидѣлъ ее, — и воскресеньемъ, проведеннымъ мною въ Чекшилѣ.

За это время я успѣлъ оставить мѣсто у Роудона, тщетно искалъ другой работы, наговорилъ много непріятностей матери и Парлоду и пережилъ много очень тяжелыхъ часовъ и дней. Была, кажется, очень бурная переписка съ Нетти, но подробности ея я уже забылъ. Помню только, что я написалъ ей очень гордое

прощальное письмо, гдѣ говорилъ, что расстаюсь съ нею навѣки; затѣмъ получилъ въ отвѣтъ раздраженную записку, въ которой она писала, что если даже все кончено между нами, то все же не слѣдуетъ писать дерзостей. На это я послалъ ей въ отвѣтъ нѣчто очень ироническое—и уже не получилъ никакого отвѣта. Въ промежуткѣ прошло, по всей вѣроятности, недѣли три или четыре, потому что комета, которую въ первый разъ, когда Парлодъ указалъ на нее, можно было видѣть только черезъ увеличительное стекло, превратилась теперь въ большое бѣлое пятно, болѣе яркое, чѣмъ Юпитеръ, и отбрасывающее собственную тѣнь. Теперь она заняла мѣсто въ мысляхъ всѣхъ людей, всѣ о ней говорили, всѣ высматривали ее послѣ захода солнца, всюду только и была рѣчь о ней,—въ газетахъ, въ кафешантанахъ, въ собраніяхъ.

Да, комета уже начинала властвовать въ мірѣ, прежде чѣмъ я пошелъ объясняться съ Нетти. Парлодъ истратилъ сорокъ шиллинговъ изъ своихъ сбереженій на покупку спектроскопа, для того, чтобы каждый вечеръ наблюдать самому за движеніемъ кометы. Уже не знаю, сколько разъ я смотрѣлъ на это дрожащее пятно, возвѣщавшее о наступленіи событій изъ невѣдомой бездны, но въ концѣ концовъ я возмутился и сталъ упрекать Парлода за то, что онъ теряетъ время на астрономическое дилеттанство.

— Подумай,—сказалъ я,—мы на порогѣ великаго кризиса въ исторіи нашей страны; приближаются голодъ и нужда, весь капиталистическій строй—точно воспаленная рана, а ты проводишь время, глядя на эту глупую полоску на небѣ.

Парлодъ растерянно взглянулъ на меня. — Да,—сказалъ онъ медленно, точно эта мысль впервые поразила его. — Почему я занимаюсь этимъ?

— Я хочу устроить митингъ рабочихъ.

— А ты думаешь, они будутъ слушать тебя?

— Теперь будутъ.

— А вѣдь прежде не слушали,—сказалъ Парлодъ, глядя на свой любимый инструментъ.

— Въ воскресенье была демонстрація безработныхъ въ Свэтингли.

Парлодъ молчалъ нѣсколько времени, а я продолжалъ ораторствовать. Онъ о чемъ-то задумался.

— А знаешь ли,—сказалъ онъ, взглянувъ въ сторону спектроскопа,—въ концѣ концовъ, это что-нибудь да означаетъ.

— Комета?

— Да.

— Что она может означать? Ужъ не думаешь ли ты, что я способенъ вѣрить въ астрологию? Что намъ за дѣло до огней на небѣ, когда люди голодаютъ на землѣ?

— Это касается науки.

— Науки! Намъ теперь нуженъ социализмъ, а не наука.

Ему все-таки, повидимому, не хотѣлось отказаться отъ кометы. — Конечно, социализмъ правъ, — сказалъ онъ, — но если эта штука столкнется съ землей, то ужъ намъ будетъ до этого дѣло.

— Наше дѣло только — люди.

— А что, если она смететъ всѣхъ людей?

— Глупости! — сказалъ я очень увѣренно.

— Ну, я не знаю, — сказалъ Парлодъ.

Онъ взглянулъ на комету. Я чувствовалъ, что онъ опять собирается прочесть мнѣ лекцію о близости путей земли и кометы и о томъ, къ чему это можетъ привести. Я поэтому прервалъ его словами, вычитанными у забытаго теперь писателя, по имени Рёскина, — его великолѣпными фразами и бессмысленными доводами, которые въ то время имѣли сильное вліяніе на молодыхъ людей. Помню, что я говорилъ что-то о ничтожномъ значеніи науки и о высокомъ значеніи жизни. Парлодъ слушалъ, наполовину обернувшись къ небу, держа кончики пальцевъ на спектроскопѣ. Онъ, видимо, пришелъ къ какому-то твердому выводу.

— Нѣтъ, я съ тобой не согласенъ, Лидфортъ, — сказалъ онъ. — Ты ничего не понимаешь въ естественныхъ наукахъ.

Парлодъ рѣдко говорилъ съ такой рѣшительностью. Я такъ привыкъ властвовать въ спорахъ, что его рѣзкое возраженіе подействовало на меня какъ ударъ. — Ты несогласенъ со мной? — повторилъ я.

— Нѣтъ, — сказалъ Парлодъ, — я считаю, что наука важнѣе социализма. Социализмъ — теорія, а наука — нѣчто большее.

Больше ничего онъ не сумѣлъ сказать. Начался одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ споровъ, которыми такъ увлекается молодежь. Наука или социализмъ? Конечно, это то же самое, какъ споръ о томъ: что хуже — быть лѣвшой или любить лукъ. Но я своимъ краснорѣчіемъ вывелъ изъ себя Парлода, а онъ, въ свою очередь, разсердилъ меня своимъ отрицаніемъ моихъ заключеній, такъ что споръ кончился крайне враждебно. — Ну, что жъ, — сказалъ я, — по крайней мѣрѣ я знаю, каковы теперь твои убѣжденія.

Я ушелъ, хлопнувъ за собой дверью, и быстро пошелъ по улицѣ, зная, что прежде еще, чѣмъ я заверну за уголъ, онъ уже

опять будетъ стоять у окна и высматривать свою полоску. А мнѣ нужно было пройти около часа, прежде чѣмъ я достаточно успокоился, чтобы вернуться домой.

Вотъ какъ говорилъ Парлодъ, — а вѣдь онъ первый обратилъ меня въ социализмъ! Вѣроотступникъ!... Самыя необычайныя мысли спутались у меня въ головѣ въ тѣ дни. Въ тотъ вечеръ, послѣ ссоры съ Парлодомъ, у меня возникали планы революціи по самымъ лучшимъ французскимъ образцамъ. Я воображалъ, что засѣдаю въ комитетѣ общественной безопасности и сузу отступниковъ. Среди нихъ находился Парлодъ, наибольшій отступникъ изъ всѣхъ, слишкомъ поздно сознавшій свою ошибку. Руки его закручены за спину, а изъ открытой двери слышится голосъ правосудія, суроваго народнаго правосудія. Мнѣ грустно, но я долженъ исполнить свой долгъ.

— Если мы судимъ каждаго изъ тѣхъ, которые хотѣли предать насъ монархамъ, — говорю я съ печальной рѣшимостью, — то тѣмъ болѣе мы должны карать тѣхъ, которые отказываются отъ служенія государству во имя бесполезнаго знанія. — Сказавъ это, я съ мрачнымъ торжествомъ веду вести его на гильотину.

— Ахъ, Парлодъ, Парлодъ! Затѣмъ ты не послушался меня?!

Но, все-таки, эта ссора очень огорчила меня. Парлодъ былъ моимъ единственнымъ пріятелемъ, и мнѣ было тяжело не видаться съ нимъ и проводить вечеръ за вечеромъ, не открывая никому свою душу.

Это время было для меня очень тяжелымъ, хотя еще не наступило самое печальное: мое послѣднее свиданіе съ Нетти. Тяжелые часы безъ работы тяготили меня. Я проводилъ весь день внѣ дома, отчасти для того, чтобы поддерживать иллюзію, будто я ищу мѣста, а отчасти для того, чтобы не видѣть постоянного безмолвнаго вопроса въ глазахъ матери: „Почему ты поссорился съ Роудономъ? Что ты сдѣлалъ? Почему ты ходишь съ злымъ лицомъ и вызывающимъ видомъ?“ Все утро я проводилъ въ зданіи общественной библіотеки и писалъ невозможныя письма съ просьбами принять меня на самыя неподходящія должности. Помню, напримѣръ, что я предложилъ свои услуги фирмѣ частныхъ сыщиковъ — этотъ родъ эксплуататоровъ низменной ревности теперь, къ счастью, исчезъ съ лица земли. Днемъ и вечеромъ я бродилъ по окрестностямъ и чувствовалъ ненависть ко всему существующему. Эти скитанія прекратились наконецъ, когда я замѣтилъ, что мои сапоги почти совсѣмъ износились отъ неустанной ходьбы...

Я самъ вижу, что былъ тогда капризнымъ, недобрымъ юно-

ней, преисполненнымъ ненависти ко всему, — но я долженъ сказать, что эта ненависть была до нѣкоторой степени объяснима...

Конечно, я былъ неправъ, питая ненависть къ людямъ и желая вымещать на нихъ злобу; но нельзя же было переносить все безъ протеста. Теперь я вижу ясно и спокойно то, что тогда представлялось мнѣ лишь смутно, — что условія моей жизни нестерпимы. Работа моя была скучная и трудная, и отнимала у меня чрезмѣрно много времени. Я былъ плохо одѣтъ, плохо питался, недостаточно образованъ; воля моя была задавлена; въ жизни не было ничего, удовлетворяющаго чувство собственнаго достоинства, и у меня была полная невозможность сдѣлать что-либо для исправленія окружающаго зла. То, что большинство людей вокругъ меня были не счастливыѣ, а многіе даже находились еще въ худшемъ состояніи, — это ничего не значило. Въ подобной жизни быть довольнымъ было бы позоромъ.

Если нѣкоторые дѣйствительно удовлетворялись своей участью, то ихъ можно было только пожалѣть за это. Конечно, я поступилъ безразсудно, отказавшись отъ мѣста, но все казалось такимъ очевидно-безцѣльнымъ и нелѣпымъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ, что я не упрекаю себя за это, — и мнѣ только непріятно, что я причинялъ столько огорченій матери.

Подумайте, какъ складывалась общественная жизнь все время. Это былъ годъ экономическаго разстройства во всемъ мірѣ. Трѣсть американскихъ желѣзопромышленниковъ — союзъ предприимчивыхъ, но неразвитыхъ собственниковъ фабрикъ и заводовъ, — предположилъ, что во всемъ свѣтѣ будетъ большій спросъ на желѣзо, чѣмъ въ дѣйствительности оказалось. Въ тѣ дни не умѣли опредѣлять заблаговременно размѣры спроса на какой-нибудь продуктъ. Изготавливали желѣзо, не справляясь у торговцевъ желѣзомъ въ другихъ странахъ. За время большого производства они привлекли къ дѣлу огромное количество рабочихъ и создали громадныя фабричныя поселенія. Совершенно справедливо, чтобы люди, поступающіе глупо, несли потомъ за это наказание, но въ старомъ мірѣ обыкновенно дѣйствительные виновники почти совершенно не терпѣли отъ послѣдствій своихъ ошибокъ. Никто не осуждалъ промышленниковъ, которые довели дѣло до перепроизводства въ изготовленіи какого-нибудь опредѣленнаго продукта, если они потомъ бросали дѣло и распускали рабочихъ, и ничѣмъ нельзя было предотвратить случайнаго искусственнаго пониженія цѣны на какой-нибудь товаръ со стороны фабриканта, желающаго уничтожить своего соперника. Это какъ разъ происходило въ то время, о которомъ я рассказываю, въ производствѣ

жельза. Американцы наводнили имъ англійскій рынокъ; англійскіе же капиталисты, конечно, старались выгадать свои потери на работахъ, пытались воздѣйствовать законодательнымъ путемъ противъ такого рода промышленныхъ тормазовъ, но не думали о томъ, чтобъ уничтожить причину перепроизводства и вызываемыхъ имъ кризисовъ, а старались только предотвратить послѣдствія; создалась цѣлая партія протекціонистовъ, занятыхъ не истребленіемъ зла, а разными финансовыми авантюрами, которыя только ухудшали дѣло. Главнымъ образомъ, понижалась при этомъ заработная плата и увеличивались толпы безработныхъ, неспособныхъ ни на что, кромѣ безпомощныхъ протестовъ. Вы не можете себѣ представить, какъ люди не умѣли тогда организовать трудъ. Было время, когда люди умирали въ Индіи отъ голода, между тѣмъ какъ въ Америкѣ сжигали пшеницу, которую некуда было дѣть. Это представляется какимъ-то безуміемъ, не правда ли? И дѣйствительно, это былъ кошмаръ, отъ котораго никто на землѣ не надѣялся проснуться.

Мы, молодые люди, никакъ не представляли себѣ, что всѣ эти стачки и локауты, перепроизводство и нужда, происходятъ главнымъ образомъ отъ невѣжества и недомыслія. Мы видѣли во всемъ болѣе глубокія причины, чѣмъ этотъ умственный туманъ. Мы вѣрили поэтому въ злую волю, въ заговоры противъ бѣднѣе. Вы можете судить о томъ, какъ все это намъ представлялось, если разсматривать въ какомъ-нибудь музеѣ каррикатуры на капиталъ и трудъ въ нѣмецкихъ и американскихъ социалистическихъ изданіяхъ того времени.

VII.

Я отрекся отъ Нетти въ краснорѣчивомъ письмѣ, и дѣйствительно считалъ, что все между нами кончено.—Я не желаю больше имѣть дѣло съ женщинами,—сказалъ я Парлоду, и послѣ этого цѣлую недѣлю не говорилъ ему ничего о Нетти... Но еще до конца этой недѣли я сталъ беспокоиться о томъ, что будетъ. Оказалось, что я неустанно думаю о Нетти, представляю себѣ иногда съ злорадствомъ, иногда съ сочувствіемъ къ ней, печальной и жалѣющей о разрывѣ. Въ глубинѣ сердца я, конечно, не вѣрилъ, что между нами все кончено—или можетъ кончиться. Вѣдь мы обмѣнялись поцѣлуями и объѣтами. Конечно, она была моя, и я принадлежалъ ей, и всякіе разрывы и ссоры

не могли измѣнить этого вѣчнаго факта. Такъ я, по крайней мѣрѣ, думалъ, что бы ни говорилъ и ни дѣлалъ.

Какъ только я отдавался воображенію, сейчасъ же мысли мои обращались къ ней, и я постоянно видѣлъ ее во снѣ. Въ субботу вечеромъ она приснилась мнѣ очень явственно. Лицо ея покраснѣло и было мокрымъ отъ слезъ, волосы были въ безпорядкѣ, и когда я хотѣлъ заговорить съ ней, она отвернулась. Этотъ сонъ преисполнилъ меня тревоги, и на утро мнѣ безумно захотѣлось повидать ее.

Въ это воскресенье мать моя очень просила меня, чтобы я пошелъ съ нею въ церковь. У нея была двойная причина желать этого: во-первыхъ, она думала, что это окажетъ благопріятное вліяніе на мои поиски занятій на слѣдующей недѣлѣ, а кромѣ того, м-ръ Габитасъ тайно обѣщалъ похлопотать за меня, и она хотѣла, чтобы онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Я уже было согласился, но желаніе повидаться съ Нетти такъ овладѣло мной, что я отказался пойти въ церковь съ матерью, и часовъ въ одиннадцать отправился пѣшкомъ въ Чекшиль, который былъ въ семнадцати верстахъ отъ насъ.

Идти было тѣмъ болѣе трудно, что у меня сейчасъ же порвалась подошва, и когда я отрѣзалъ оторвавшійся кусокъ, то выступилъ гвоздь, причинявшій мнѣ сильную боль. Но внѣшній видъ сапоговъ былъ приличный послѣ этой операціи. Я купилъ хлѣба и сыра въ маленькой харчевнѣ по дорогѣ и пришелъ въ Чекшиль около четырехъ часовъ. Но я не пошелъ по большой дорогѣ, а направился болѣе короткимъ путемъ, по дорожкѣ, которую Нетти звала своей дорожкой. Она вела въ маленькую рощу, гдѣ мы обыкновенно встрѣчались, и по которой можно было пройти въ садъ ихъ дома.

Я ясно помню, какъ я шелъ по парку и думалъ о томъ, какъ я съ ней встрѣчусь и что ей скажу. Я уже раньше спрашивалъ себя объ этомъ и не находилъ отвѣта. А теперь эти вопросы поднимались все настойчивѣе, и у меня не было на нихъ никакого отвѣта. Идя къ Нетти, я не понималъ, что отношусь къ ней эгоистически; она казалась мнѣ чѣмъ-то совершенно отдѣленнымъ отъ меня, чѣмъ-то таинственнымъ, какимъ-то сфинксомъ.

Мнѣ трудно описать понятнымъ для теперешнихъ читателей образомъ, какъ въ то время смотрѣли на любовь. Мы въ юности были совершенно неподготовлены къ пробужденію юныхъ чувствъ. Вокругъ подростковъ дѣтей составлялся какой-то заговоръ молчанія. Въ книгахъ говорилось условно объ идеальной сто-

ронѣ любви, по многое изъ реальныхъ сторонъ чувствъ тщательно скрывали. Все это мы читали въ дѣтствѣ, и, подростая, начинали испытывать странныя, тревожныя желанія; потребность самопожертвованія странно примѣшивалась къ эгоистическимъ чувствамъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Мы чувствовали желаніе выказывать рыцарскую преданность къ любимому существу, мы чего-то стыдились и чего-то желали.

Подъ вліяніемъ книгъ, которыя мы читали, подъ вліяніемъ всего, что мы слышали, мы считали, что любовь соединяетъ сердца на всю жизнь. Только потомъ оказывалось, что другое существо полно своихъ эгоистическихъ желаній, не совпадающихъ съ нашими. Такъ было со всѣми, такъ случилось и со мной. Когда я пошелъ къ Нетти въ то воскресенье, и увидѣлъ ее передъ собой, легкую, стройную, съ нѣжнымъ молодымъ лицомъ, выглядывавшимъ изъ-подъ полей соломенной шляпы, я твердо рѣшилъ въ душѣ, что она должна быть моею на всю жизнь.

Она стояла предо мной, идеально женственная, воплощающая мое земное счастье. Она держала въ рукахъ книгу, дѣлая видъ, что читаетъ ее. На самомъ дѣлѣ, она глядѣла въ сторону сѣрой стѣны и, повидимому, прислушивалась къ чему-то и улыбалась.

VIII.

Я ясно помню, какъ она вздрогнула, услышавъ шорохъ моихъ приближающихся шаговъ, и съ какимъ удивленіемъ и даже ужасомъ взглянула на меня. Я помню каждое слово, которое она произнесла во время нашей бесѣды, и помню все, что я ей сказалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, хотя я, можетъ быть, и ошибаюсь. Но я не передамъ этого. Мы оба не умѣли говорить искренно, выражали наши чувства банальными, общими фразами, и вы, привыкшіе говорить открыто, не поняли бы насъ. Я только передамъ наши первыя слова, потому что тогда я ихъ не понималъ, а потомъ они приобрѣли для меня большое значеніе.

— Это вы, Вилли?—сказала она.

— Я пришелъ,—отвѣтилъ я, сразу забывъ все, что намѣревался сказать ей замысловатаго:—мнѣ хотѣлось сдѣлать вамъ сюрпризъ и посмотреть...

Она посмотрѣла на меня съ непонятнымъ выраженіемъ лица, засмѣялась, почему-то поблѣднѣла, но потомъ опять оправилась.

— Что вы хотѣли посмотрѣть?—спросила она, слегка возвысивъ голосъ.

Я былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы заподозрить какой-нибудь особый смыслъ въ ея словахъ.

— Я собственно хотѣлъ сказать вамъ, что то письмо написано было такъ, не въ серъезъ.

Когда мнѣ и Нетти было по шестнадцать лѣтъ, мы были и съ виду дѣйствительно ровесниками. Но теперь намъ было около восемнадцати, и въ ней уже произошла полная метаморфоза, въ то время какъ я еще былъ почти мальчикомъ.

Она въ ту же минуту овладѣла положеніемъ и, слѣдуя своимъ скрытымъ соображеніямъ, сразу нашла подходящій тонъ.

— Какъ вы пришли сюда?—спросила она.

Я объяснилъ ей, что пришелъ пѣшкомъ.

— Пѣшкомъ?—Она тотчасъ же повела меня въ садъ, говоря, что я навѣрное усталъ, настаивая, чтобы я пошелъ въ нимъ въ домъ, что теперь время пить чай, и что всѣ будутъ такъ рады меня видѣть. Вѣдь подумать—пройти пѣшкомъ такое разстояніе!—Но, конечно,—говорила она, лѣтя моему самолюбію,—для мужчины семнадцать верстъ ничего не значить... И когда это вы вышли изъ дому?—спросила она.

Все это время она держала меня на разстояніи, даже не давая мнѣ дотронуться до ея руки.

— Нетти, я пришелъ поговорить съ вами.

— Прежде всего, напьемся чаю, дорогой мой мальчикъ. А кромѣ того вѣдь мы уже говоримъ.

„Дорогой мальчикъ“ прозвучало какъ-то странно и ново для меня. Она нѣсколько ускорила шагъ.

— Я хотѣлъ бы объяснить...—началъ я.

Но у меня не было возможности объяснить. Я что-то сталъ бормотать, на что она тоже отвѣтила какими-то звуками, а не словами.

Когда мы вышли изъ-за деревьевъ и пошли по аллеѣ въ саду, она слегка замедлила шаги и стала глядѣть мнѣ прямо въ лицо своими ясными, открытыми глазами. Можно было подумать, что она все время такъ на меня смотрѣла; но теперь я знаю, хотя тогда я этого не замѣчалъ, что она время отъ времени оглядывалась назадъ и все время о чемъ-то думала, говоря отрывистыя слова. Платье ея подчеркивало совершившійся переходъ отъ ребенка къ дѣвушкѣ. Я могу описать ея одежду, но, кажется, опишу не тѣми выраженіями, какія употребила бы женщина. Ея блестящіе каштановые волосы, которые прежде

спускались толстой косой, съ вплетенной въ нее красной лентой, теперь были подняты и ложились красивыми волнами вокруг ушей, щекъ и мягкихъ линій шеи. Бѣлое платье спускалось до полу, тонкая талія приобрѣла теперь гибкость. Годъ тому назадъ, она была хорошенькой дѣвочкой, носившейся на быстрыхъ ножкахъ въ коричневыхъ чулкахъ. Теперь плавно двигалась стройная женщина, и каждое движеніе было новымъ очарованіемъ для взора. Зеленый шарфъ изъ тонкой, какъ паутина, ткани охватывалъ извивающіяся линіи ея фигуры; концы его развѣвались по воздуху и касались моей руки, точно хотѣли нашептать мнѣ какую-то тайну.

Она отдернула сейчасъ же непокорную тканьъ.

Мы вошли черезъ зеленую калитку въ высокой стѣнѣ сада. Я открылъ калитку, чтобы пропустить ее, и она на минуту очутилась близко отъ меня. Такъ мы подошли къ цвѣточнымъ клумбамъ около домика главнаго садовника, затѣмъ прошли мимо пруда съ золотыми рыбками, у котораго мы обмѣнялись обѣтами вѣрности, и наконецъ подошли къ дому.

Дверь была широко раскрыта, и она вошла первая.

— Угадайте, кто пришелъ?—сказала она.

Отецъ ея отвѣтилъ что-то неясное изъ гостиной, и кресло его закрипѣло. Его, вѣроятно, потревожили среди послѣбѣденнаго сна.

— Мама! — позвала она звонкимъ молодымъ голосомъ. — Пусъ!

Пусъ была ея сестра.

Она имъ сказала, съ изумленіемъ въ голосѣ, что я пришелъ пѣшкомъ изъ Клейтона, и они всѣ собрались вокругъ меня и стали удивляться.

— Присядь, Вилли,—сказалъ ея отецъ,—разъ ты дѣйствительно пришелъ сюда. Какъ поживаетъ твоя мама?

Онъ взглянулъ на меня съ любопытствомъ.

Онъ былъ одѣтъ въ воскресное платье, но жилетъ былъ разстегнутъ для послѣбѣденнаго отдыха. У него были темно-русые волосы съ золотистымъ отливомъ, коренастая фигура и огромная борода и усы. Нетти унаслѣдовала отъ него все, что въ немъ было красиваго, его прекрасный цвѣтъ кожи, блестящіе каріе глаза, и соединяла это съ живостью своей матери. Мать ея, насколько я вспоминаю, была удивительно дѣятельная женщина. Она постоянно или приносила, или уносила бѣду, или дѣлала что-нибудь въ комнатѣ, и всегда очень радушно принимала меня съ матерью. Пусъ было лѣтъ четырнадцать. Всѣ они были

очень мило со мной и всё считали меня умнымъ, что мнѣ льстило.

Но теперь они были точно смущены моимъ присутствіемъ.

— Садись!—сказалъ ей отецъ.—Дай ему стулъ, Пусъ.

Разговоръ былъ нѣсколько натянутый, — они были, видимо, удивлены моимъ внезапнымъ появленіемъ, блѣднымъ, усталымъ лицомъ, запыленнымъ платьемъ, но Нетти не осталась, чтобы поддержать разговоръ.

— Ахъ!—воскликнула она вдругъ, какъ будто бы что-то ее встревожило. — Какъ это я забыла!.. — и она быстро выбѣжала изъ комнаты.

— Господи, что за дѣвушка!—сказала м-съ Стюартъ.—Не понимаю, что съ нею.

Нетти вернулась только черезъ полчаса; мнѣ отсутствіе ея показалось чрезвычайно долгимъ, но она, очевидно, бѣжала... Тѣмъ временемъ я упомянулъ, что отказался отъ мѣста у Роудона.

— Я могу найти болѣе подходящее занятіе,—сказалъ я.

— Я оставила книгу въ рощѣ,—сказала Нетти, задыхаясь.—

А чай готовъ?

Вотъ все, что она сказала въ свое оправданіе.

Прибытіе чая не возстановило уюта. Чай въ домѣ у садовника былъ серьезной ѣдой, съ множествомъ пирожныхъ, варений и фруктовъ. Меня тревожило что-то непонятное въ Нетти; я ничего не могъ говорить и имѣлъ какой-то растерянный видъ; все, что я готовился ей сказать, вылетѣло у меня изъ головы. Отецъ Нетти попробовалъ вызвать меня на разговоръ. Ему нравилось мое краснорѣчіе, и онъ любилъ слушать, когда я излагалъ свои взгляды. Я былъ даже болѣе разговорчивымъ въ ихъ домѣ, чѣмъ съ Парлодомъ, хотя вообще я былъ очень застѣнчивъ.

— Ты бы это написалъ въ газетѣ,—говорилъ онъ.—Непремѣнно напиши. Я никогда не слыхивалъ такой ерунды.

Или же онъ говорилъ:

— Да ты положительно обладаешь даромъ краснорѣчія. Нужно тебя сдѣлать адвокатомъ.

Но въ то воскресенье я былъ неразговорчивъ даже съ нимъ. Онъ сталъ говорить о томъ, какъ бы мнѣ прискать занятіе, но и это не развлекло меня.

IX.

Я уже думалъ, что придется вернуться въ Клейтонъ, не поговоривъ съ Нетти, до того она какъ будто и не подозрѣвала о моемъ желаніи остаться съ нею наединѣ. У меня мелькало даже безумное рѣшеніе сказать ей при всѣхъ, что пришелъ поговорить съ ней. Наконецъ, мать Нетти пожалѣла меня и послала насъ обоихъ съ какимъ-то порученіемъ въ одну изъ оранжерей. Не помню, что мы должны были сдѣлать тамъ,—можетъ быть, только закрыть дверь или открыть окно,—но, кажется, мы и этого не исполнили.

Нетти колебалась сначала, но все-таки поднялась и вышла со мной изъ комнаты. Она провела меня въ оранжерею. Мы шли по низкому проходу съ теплымъ, влажнымъ воздухомъ, съ кирпичнымъ поломъ. По обѣимъ сторонамъ стояли на подставкахъ горшки съ папоротниками, а за ними возвышались растенія съ большими листьями, образовавшія нишу изъ зелени. Когда мы подошли туда, она остановилась и обернулась ко мнѣ какъ бы съ нѣсколько виноватымъ видомъ.

— Правда, этотъ папоротникъ очень красивъ?—сказала она и поглядѣла на меня глазами, въ которыхъ я ясно прочелъ:— Ну, что же ты скажешь?

— Нетти,—началъ я,—я знаю, что сдѣлалъ глупость, написавъ вамъ въ такомъ тонѣ.

Я былъ пораженъ, увидавъ на лицѣ ея спокойное подтвержденіе моихъ словъ. Но она ничего не сказала и стояла, выжидая, что я скажу дальше.

— Нетти,—сказалъ я, собравшись съ духомъ,—я не могу жить безъ васъ. Я... я люблю васъ.

— Еслибы вы любили меня,—сказала она холодно, разглядывая свои тонкіе пальцы, перебирающіе зелень вьющихся по стѣнѣ растений,—какъ бы вы написали мнѣ такія письма?

— Да я вовсе не думаю всего того, что писалъ,—возразилъ я.—Во всякомъ случаѣ, не всегда это думаю.

Я былъ увѣренъ, что въ сущности письма были отличныя, очень умныя, и что Нетти глупа, если этого не понимаетъ,—но какъ бы я могъ доказать ей это?

— Однако, вы ихъ писали.

— Но я вѣдь прошелъ пѣшкомъ семнадцать верстъ, чтобы взять назадъ свои слова.

— А все-таки, можетъ быть, вы дѣйствительно такъ думаете, какъ писали.

Я совершенно не зналъ, что сказать, и повторилъ не совсѣмъ внятно: — Нѣтъ, не думаю.

— Вы думаете, что любите меня, Вилли. Но вы не любите.

— Люблю, Нетти. Вы сами это отлично знаете.

Она только покачала головой въ отвѣтъ.

Я готовъ былъ на все—лишь бы вернуть ея расположеніе.

— Нетти,—сказалъ я:—я предпочитаю отказаться отъ моихъ убѣжденій, чѣмъ отъ васъ.

Она все еще не могла высвободить своихъ рукъ изъ вѣтокъ зелени.

— Это вамъ только теперь кажется,—сказала она.

Я сталъ протестовать.

— Нѣтъ,—отрывисто сказала она.—Теперь все измѣнилось.

— Но что можетъ измѣниться отъ двухъ писемъ? — сказалъ я.

— Дѣло не только въ письмахъ. Все дѣйствительно перемѣнилось—навсегда.

Она запнулась на секунду при послѣднемъ словѣ, поглядѣла мнѣ въ глаза и сдѣлала легкое движеніе, какъ бы давая понять, что нашей бесѣдѣ наступилъ конецъ.

Но я вовсе не хотѣлъ покончить на этомъ.

— Навсегда?—сказалъ я.—Нетти... это невозможно. Вы хотите просто поугаать меня.

— Я говорю совершенно серьезно, — сказала она, опять взглянувъ на меня съ явнымъ намѣреніемъ положить конецъ разговору. Она какъ бы подготовилась къ взрыву негодованія, который долженъ былъ послѣдовать за этимъ съ моей стороны. Я, конечно, сталъ горячиться, но она умѣло защищалась и побивала меня. Я помню, что весь разговоръ свелся къ негнѣмому спору о томъ, влюбленъ ли я въ нее, или нѣтъ. И я стоялъ передъ нею совершенно растерянный, съ невыразимымъ отчаяніемъ въ душѣ, не понимая, какъ это она тутъ передо мною, болѣе очаровательная, чѣмъ когда-либо, и не хочетъ понять моихъ чувствъ и какимъ-то непонятнымъ образомъ сдѣлалась далекой, недоступной для меня. Прежде, когда мы оставались наединѣ, мы всегда были нѣжны другъ съ другомъ, всегда чувствовали невинное радостное волненіе,—а теперь вдругъ все измѣнилось. Я старался побѣдить то, что мнѣ казалось упрямствомъ Нетти. Я объяснялъ ей, что мои рѣзкія письма вытекали изъ желанія духовной близости съ нею. Я говорилъ въ нѣсколько преувели-

ченныхъ выраженіяхъ о томъ, какъ я тосковалъ вдали отъ нея, о томъ, какъ я теперь безгранично страдаю оттого, что она вдругъ сдѣлалась такой холодной и чужой. Она смотрѣла на меня съ сочувствіемъ, не раздѣляя, однако, моего волненія. Я говорилъ тогда убѣдительно и горячо, потому что дѣйствительно очень страдалъ. Я хотѣлъ убѣдить ее въ полной искренности моей любви, старался побѣдить ея равнодушіе, и это воодушевляло меня. Ея лицо медленно мѣнялось, озаряясь, какъ ясное небо на разсвѣтѣ. Я чувствовалъ, что тронулъ ее, что она смягчается, что ея намѣренная суровость слегка поколебалась. Привычка къ установившейся между нами нѣжности обращенія брала верхъ,—какъ мнѣ казалось. Но она все-таки отстранила меня, когда я приблизился къ ней.

— Нѣтъ,—сказала она и остановила меня, положивъ руку на плечо.

Голосъ ея вдругъ сдѣлался мягкимъ и добрымъ.

— Оставьте, Вилли,—сказала она.—Теперь все стало другимъ. Забудемъ о томъ, что было. Мы ошибались—мы были неразумными дѣтьми. Теперь все измѣнилось—навсегда.

Она отвернулась и пошла къ выходу.

— Нетти!—крикнулъ я и бросился за нею. Она не отвѣчала мнѣ, но я все-таки чувствовалъ, что она смягчается и не такъ рѣшительно отстраняетъ меня. Въ глазахъ ея, когда она поднимала ихъ на меня, слушая мои взволнованные объясненія, появилось новое выраженіе—какого-то удивленія; она точно сама поражена была своимъ неожиданно-теплымъ чувствомъ ко мнѣ. И все же она продолжала держаться оборонительно.

Когда мы вернулись домой, я могъ уже болѣе непринужденно разговаривать съ ея отцомъ о націонализаціи желѣзныхъ дорогъ. Я пріободрился, видя, что еще сохранилъ вліяніе на Нетти, и сталъ даже играть съ Пусъ. Но Нетти погрузилась въ какія-то невѣдомыя мнѣ глубины мыслей, ничего не говорила и черезъ короткое время вышла изъ комнаты.

Х.

Я, конечно, слишкомъ усталъ тогда, чтобы и обратно пойти пѣшкомъ въ Клейтонъ. У меня было немножко денегъ, и я могъ проѣхать часть дороги въ поѣздѣ, какъ я и рѣшилъ сдѣлать. Когда я собрался уходить, Нетти изумила меня необычайной заботливостью обо мнѣ. Она требовала, чтобы я пошелъ по боль-

шой дорогѣ, такъ какъ въ саду и въ роцѣ будетъ слишкомъ темно.

Я возразилъ на это, что теперь лунная ночь. — Да еще съ кометой на небѣ, — прибавилъ м-ръ Стюартъ.

— Нѣтъ, — настаивала она. — Идите непременно большой дорогой.

Я продолжалъ доказывать свое, но тогда она подошла ко мнѣ.

— Сдѣлайте это ради меня! — тихо проговорила она. Я не понималъ ея настойчивости.

Я бы уступилъ ей, еслибы она не прибавила:

— Въ роцѣ совершенно темно. И въ тому же тамъ собаки.

— Я не боюсь темноты, — сказалъ я, — и не боюсь собакъ.

— Но вѣдь эти собаки страшнѣе всякихъ другихъ. Что если хоть одна изъ нихъ спущена съ цѣпи?

Она говорила по-женски, и мнѣ пришлось объяснить ей, что страхъ подобаешь только дѣвушкамъ, а не молодымъ людямъ. Я вспомнилъ о дѣйствительно злющихъ собакахъ, о томъ, какой они поднимаютъ лай, слышавъ мои шаги, и тѣмъ болѣе не захотѣлъ уступить просьбѣ Нетти. Какъ многіе люди съ очень впечатлительной натурой, я былъ подверженъ страхамъ и всегда боролся противъ нихъ, такъ что ни за что не хотѣлъ отказаться отъ болѣе короткаго пути изъ-за подлужины собакъ, которыя въ тому же навѣрное были на цѣпи. Я поѣтому настоялъ на своемъ и ушелъ, радуясь, что выказалъ храбрость, но жалѣя, что огорчилъ Нетти отказомъ исполнить ея просьбу.

Легкое облачко застило луну, и дорога подъ деревьями была неясно видна въ темнотѣ. Я былъ не настолько поглощенъ моими сердечными горестями, чтобы не принять нужныхъ предосторожностей при путешествіи черезъ пустынный паркъ: я поднялъ довольно большой камень, завязалъ его въ платокъ, положилъ въ карманъ, и тогда только отправился въ путь. Вдругъ, выходя изъ-за деревьевъ въ концѣ рощи, я самымъ неожиданнымъ образомъ наткнулся на молодого человѣка, очень изящно одѣтаго, который курилъ сигару.

Я шелъ по травѣ, такъ что моихъ шаговъ не было слышно. Онъ стоялъ въ лунномъ свѣтѣ, сигара его свѣтилась какъ красная звѣздочка, и я не подумалъ о томъ, что приближаюсь къ нему невидимой тѣнью.

— Это кто? — крикнулъ онъ ласковымъ голосомъ. — Я пришелъ первый.

Я вышелъ въ полосу свѣта.

— Кому какое дѣло, пришли ли вы первымъ или нѣтъ? —

отвѣтилъ я. Я сразу придалъ его словамъ опредѣленный смыслъ. Я зналъ, что существовалъ постоянный споръ между обитателями дома, гдѣ жила Нетти, и деревенскимъ населеніемъ о правѣ пользоваться этой дорогой, и нѣтъ надобности объяснять, на чьей сторонѣ я былъ въ этомъ спорѣ.

— Что такое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— А вы думали, что я убѣгу,—сказалъ я и подошелъ къ нему ближе.

Вся моя ненависть къ высшему классу общества вспыхнула во мнѣ при видѣ его костюма, при звукахъ его голоса. Я сейчасъ же узналъ молодого человѣка. Это былъ Эдуардъ Вераль, сынъ умершаго собственника большихъ земель въ нашихъ мѣстахъ. Онъ былъ красивый юноша, и всѣ говорили, что онъ очень уменъ. Говорили, что его уже прочтѣ въ парламентъ, несмотря на его молодость. Онъ блестяще занимался въ университетѣ и пользовался теперь большой популярностью во всемъ околоткѣ. Онъ принималъ какъ должное счастливыя обстоятельства, за каждое изъ которыхъ я готовъ былъ выстрадать сколько угодно, а я считалъ себя выше его въ умственномъ отношеніи. Видѣ его поэтому вызывалъ во мнѣ недоброе чувство. Онъ однажды остановился противъ нашего дома, проѣзжая мимо въ автомобилѣ, и я помню, съ какимъ бѣшенствомъ я подмѣтилъ восхищенное выраженіе въ глазахъ матери, выглянувшей изъ-за опущенной занавѣски на него.

— Это молодой м-ръ Вераль,—сказала она.—Говорятъ, онъ очень уменъ.

— Ну и пусть говорятъ,—отвѣтилъ я.—Чортъ съ ними и съ нимъ!

Я вспомнилъ это, увидавъ его. Онъ, видимо, былъ крайне пораженъ встрѣчей съ незнакомымъ прохожимъ. Тонъ его голоса измѣнился.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ.—Кто вы такой?

Я отвѣтилъ тѣмъ, что дерзко повторилъ его вопросъ:

— А вы, чортъ возьми, кто такой?

— Ну, это что значить?

— Я пошелъ по этой дорогѣ, потому что хотѣлъ,—сказалъ я.—Поняли? Эта дорога—общая собственность, какъ и земля эта была общей собственностью. Вы похитили землю, вы и всѣ ваши, а теперь хотите отнять право ходить по этой дорогѣ. Вы скоро потребуете, чтобы мы совсѣмъ убрались съ лица земли, чтобы вамъ было просторнѣе. Я вамъ этого удовольствія не доставаю. Понимаете?

Я былъ ниже его ростомъ и, вѣроятно, года на два моложе, но у меня въ карманѣ былъ камень для обороны, и я готовъ былъ вступить съ нимъ въ бой. Но онъ отступилъ на шагъ, когда я подошелъ къ нему.

— Вы социалистъ, я полагаю, — сказалъ онъ спокойно, слегка шутливымъ тономъ.

— Да, одинъ изъ многихъ.

— Всѣ мы теперь социалисты, — замѣтилъ онъ съ философскимъ спокойствіемъ, — и у меня нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія оспаривать у васъ право идти по этой дорогѣ.

— Хорошо дѣлаете, что не оспариваете, — сказалъ я.

Онъ снова закурилъ сигару и заговорилъ: — Вы спѣшите на поѣздъ?

Было бы нелѣпо не отвѣтить. — Да, на поѣздъ, — сказалъ я.

Онъ сказалъ еще, что въ такой вечеръ пріятно пройти.

Я постоялъ еще съ минуту; онъ отступилъ въ сторону. Мнѣ оставалось только продолжать свой путь.

— Спокойной ночи, — сказалъ онъ, когда я пошелъ.

Я пробормоталъ сердито: — Спокойной ночи.

Мнѣ хотѣлось въ эту минуту разразиться ругательствами, до того я былъ взбѣшенъ. Въ нашей встрѣчѣ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ я.

XI.

Я съ полной ясностью помню, что вдругъ былъ пораженъ сразу двумя самыми противоположными мыслями.

Прежде всего, проходя по открытому луку по дорогѣ на вокзалъ, я увидалъ, что у меня двѣ тѣни.

Это меня поразило и на минуту остановило ходъ моихъ взволнованныхъ мыслей. Я быстро повернулся и посмотрѣлъ на луну и на большую бѣлую планету, которая въ эту минуту выплывала изъ-подъ облаковъ. Комета была въ разстояніи, можетъ быть, двадцати градусовъ отъ луны. Она казалась чѣмъ-то совершенно поразительнымъ, выступая блѣдно-зеленоватымъ видѣніемъ на темно-синемъ небѣ. Она казалась болѣе яркой, чѣмъ луна, потому что была меньше, но ея тѣнь, хотя и болѣе рѣзкая, была блѣднѣе, чѣмъ тѣнь луны. Я съ удивленіемъ глядѣлъ на мои двѣ тѣни, разстилавшіяся предо мной.

Я никакъ не могу дать отчета, какъ это собственно случилось, но вдругъ я совершенно забылъ о кометѣ, и меня потрясла

всего совершенно новая мысль. Можетъ быть, именно видъ двухъ тѣней—одной какъ будто болѣе женственной и блѣдной, чѣмъ другая—возбудилъ во мнѣ послѣдовавшій за этимъ ходъ мыслей. Но фактъ тотъ, что я въ эту минуту понялъ совершенно ясно, что привело молодого человѣка въ рощу.

Онъ пришелъ на свиданіе съ Нетти.

Какъ только эта мысль мелькнула во мнѣ, все остальное раскрылось само собой. Сразу найденъ былъ ключъ ко всѣмъ загадочнымъ происшествіямъ этого дня; я понялъ, что именно встало между мной и Нетти и чѣмъ объяснялась странная перемѣна въ ней.

Теперь я зналъ, почему у нея былъ такой виноватый видъ при моемъ появленіи, почему она очутилась въ рощѣ, почему она поспѣшно увлекла меня за собой въ домъ, за какой „книгой“ она убѣждала, почему она требовала, чтобы я пошелъ по большой дорогѣ, и почему ей стало жаль меня. Все вдругъ раскрылось. Вы должны представить себѣ меня маленькой черной фигуркой, остановившейся посреди дороги, а потомъ дѣлающей отчаянные жесты ужаса; двѣ маленькія тѣни на лугу какъ бы передразнивали меня; я стоялъ на большомъ лугу, освѣщенный луною, и надо мной разстилался спокойный сводъ вечерняго неба.

На минуту я окаменѣлъ и совершенно не могъ собрать мыслей. Я машинально пришелъ на станцію, купилъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ, и пришелъ въ себя, уже очутившись одинъ въ грязномъ вагонѣ третьяго класса. Тогда я вскочилъ съ мѣста, какъ бѣшеный звѣрь, и крѣпко ударилъ кулакомъ о деревянную дверцу. Не знаю, какъ это подѣйствовало на мое настроеніе, но помню, что черезъ нѣсколько минутъ я стоялъ у раскрывшейся двери вагона, думая о томъ, не выпрыгнуть ли изъ поѣзда. Я рѣшилъ было моментально побѣжать къ ней, обличить ее, убѣждалъ себя, что это нужно сдѣлать,—но почему-то все-таки не рѣшился.

Когда поѣздъ остановился у слѣдующей станціи, я оставилъ всякую мысль о возвращеніи къ Нетти. Я сидѣлъ въ углу вагона, сжавъ другой рукой кисть правой руки, сильно разбитую ударомъ въ дверь. Но я почти не чувствовалъ боли, думая только объ одномъ: какъ излить овладѣвшее мною негодованіе.

XII.

— Эта комета задѣнетъ землю.

Такъ сказалъ одинъ изъ двухъ людей, сѣвшихъ въ мой вагонъ послѣ остановки.

— Да неужели?—сказалъ другой.

— Говорять, что комета состоитъ вся изъ газовъ. Надѣюсь, что мы не взлетимъ на воздухъ?

Что мнѣ было за дѣло до всего этого?

Я думалъ только о мести — о мести за нарушеніе моихъ правъ. Я думалъ о Нетти и ея возлюбленномъ, и твердо рѣшилъ, что она ему не достанется, хотя бы мнѣ пришлось убить обонихъ для предотвращенія этого. Мнѣ было все равно, что бы ни случилось потомъ, лишь бы только эта цѣль была достигнута. Поруганное чувство любви породило во мнѣ безразсудное бѣшенство. Я бы согласился тогда тотчасъ же переносить вѣчныя муки за увѣренность въ томъ, что месть удался. Сотни всякихъ возможностей, сотня бурныхъ замысловъ носились въ моемъ взволнованномъ мозгу. Я могъ успокоиться только на мысли о жестокой мести.

А Нетти? Я любилъ ее попрежнему, но къ моей любви примѣшивались ревность, оскорбленное самолюбіе и горечь неудовлетворенной страсти.

XIII.

Когда я спускался съ холма, — на мой шиллингъ я могъ проѣхать только часть пути, а потомъ пришлось идти пѣшкомъ, — я услышалъ рѣзкій, тонкій голосъ маленькаго человѣка, который проповѣдывалъ, обращаясь къ толпѣ гуляющихъ. Онъ былъ низкаго роста, лысый, съ свѣтло-курчавой бородой, съ свѣтлыми водянистыми глазами, и доказывалъ близость конца міра.

Я слышалъ тогда въ первый разъ, что появленіе кометы связываютъ съ концомъ міра. Проповѣдникъ впутывалъ въ свою проповѣдь намеки на современную международную политику и пророчества изъ пророка Даніила.

Я остановился, чтобы послушать его, или, вѣрнѣе, мнѣ пришлось остановиться, потому что трудно было пробраться сквозь толпу, и его странный видъ, дикое выраженіе лица, падець, поднятый кверху, все это остановило мое вниманіе.

— Вотъ въ чему привели ваши грѣхи и пороки!—кричалъ онъ.—Вотъ, вотъ звѣзда суда Господня! Всѣмъ суждено умереть, всѣ умрутъ,—его голосъ перешелъ въ какой-то странный напѣвъ,— а послѣ смерти наступить судъ.

Я протолкался наконецъ черезъ толпу и продолжалъ свой путь, но звуки его голоса преслѣдовали меня. Я продолжалъ думать о томъ, что занимало меня до того,—о томъ, гдѣ купить револьверъ, какъ научиться пользоваться имъ, и я, вѣроятно, забылъ бы про старика, еслибы онъ не приснился мнѣ подъ утро въ ужасномъ снѣ, когда я наконецъ заснулъ послѣ долгой безсонницы, съ мучительными мыслями о Нетти и ея возлюбленномъ.

Послѣ этого наступили три странныхъ дня, въ теченіе которыхъ я думалъ только объ одномъ — о томъ, гдѣ купить револьверъ. Я принялъ твердое рѣшеніе — или возстановить свое прежнее обаяніе въ глазахъ Нетти какимъ-нибудь необычайнымъ геройскимъ поступкомъ, или убить ее. Я ни за что не отступался отъ этого рѣшенія, считая, что иначе навсегда опозорю себя.

Но не легко было купить револьверъ.

Я боялся минуты, когда придется говорить съ продавцомъ оружія, и придумывалъ, что ему отвѣтить, если онъ вздумаетъ спросить меня, на что мнѣ понадобился револьверъ. Я рѣшилъ сказать, что отправляюсь въ Техасъ; тамъ, очевидно, нужно имѣть при себѣ оружіе. Такъ какъ я не имѣлъ никакого представленія о калибрахъ, то нуженъ былъ также предлогъ, чтобы спросить съ невозмутимымъ лицомъ, на какомъ разстояніи можно убить человѣка тѣмъ оружіемъ, которое мнѣ предложить купить. Я довольно хладнокровно обсуждалъ практическую сторону дѣла. Трудно было найти что-нибудь подходящее. Въ Клейтонѣ можно было достать охотничье ружье, но тѣ револьверы, которые тамъ продавались, были совершенно игрушечные. Наконецъ я увидѣлъ нѣчто подходящее въ окнѣ одной кассы ссудъ; револьверъ былъ довольно большой, и къ нему прицѣплена была надпись, гласившая: „по образцу револьверовъ американской арміи“.

Я взялъ изъ сберегательной кассы всѣ свои сбереженія — болѣе чѣмъ два фунта стерлинговъ, купилъ револьверъ, что оказалось болѣе легкимъ, чѣмъ я предполагалъ. Продавецъ сказалъ мнѣ, гдѣ купить пули, и я вернулся домой вооруженнымъ.

Покупка револьвера была главнымъ моимъ занятіемъ въ эти дни, но все-таки я не былъ безучастенъ къ тому, что происходило на улицахъ, когда я проходилъ по нимъ. Обычное теченіе жизни было нарушено. Люди стояли на улицѣ маленькими и

большими группами. У женщинъ былъ встревоженный видъ. Рабочіе въ желѣзномъ промышлѣ отказались работать по предложенной имъ уменьшенной платѣ, и начинался локаутъ. Усилія предупредить разрывъ между хозяевами и рабочими оказались тщетными; молодой лордъ Редкаръ, самый видный изъ нашихъ собственниковъ угольныхъ копей, и которому принадлежали весь Сватингли и половина Клейтона, дѣйствовалъ такимъ вызывающимъ образомъ, что разрывъ сталъ неизбеженъ. Онъ былъ красивый молодой человекъ, очень смѣлый, и гордость его возмущалась при мысли, что рабочіе будутъ предписывать ему, какъ поступать съ ними; онъ рѣшилъ постоять за себя. Жизнь давала ему всѣ преимущества съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Доходы огромнаго состоянія шли на его воспитаніе; у него развивали изысканные дорогіе вкусы и потребности. Въ Оксфордѣ онъ отличался презрительнымъ отношеніемъ къ демократіи. Его враждебность къ толпѣ могла даже показаться красивой для любителей живописныхъ контрастовъ: съ одной стороны, блестящій молодой аристократъ, совершенно одинокій; съ другой—уродливая толпа, неряшливо одѣтая, невоспитанная, голодная, завистливая, съ низменными инстинктами, безнравственная въ своемъ желаніи уклониться отъ работы и овладѣть благами, недоступными для нея... Тѣ, которые любовались этимъ красивымъ контрастомъ, не думали объ одной подробности—о полицейскихъ, защищающихъ лорда, и, быть можетъ, не знали того, что лордъ Редкаръ могъ непосредственно и законно лишить рабочихъ пріюта и хлѣба, а что рабочіе могли воснудиться его, лишь нарушая этимъ законъ.

Онъ жилъ въ Лоучестеръ-Гаузѣ, въ пяти миляхъ отъ Честера. Но чтобы показать, до чего онъ не боится своихъ противниковъ, и главнымъ образомъ для того, чтобы непосредственно слѣдить за длившимися еще переговорами, онъ каждый день появлялся въ чертѣ четырехъ городовъ, на своемъ автомобилѣ, который дѣлалъ по шестидесяти верстъ въ часъ.

Темная, молчаливая толпа, которая росла съ каждымъ днемъ и состояла наполовину изъ женщинъ, собиралась на площади около клейтонской ратуши, гдѣ происходило совѣщаніе.

Я смотрѣлъ на автомобиль лорда Редкара съ особой враждебностью, вызванной тѣмъ, что у насъ протекала крыша. Мы снимали нашъ домикъ въ аренду; собственникъ его былъ скупой старикъ Петигрю, который жилъ въ Оверкастлѣ, въ виллѣ, разукрашенной гипсовыми фигурами собакъ и ковъ; несмотря на ясно выраженное въ контрактѣ условіе, онъ не соглашался ни

на какой ремонтъ въ домѣ. Онъ пользовался робкимъ характеромъ моей матери. Когда-то давно она не могла заплатить вовремя платы, и онъ согласился подождать больше чѣмъ мѣсяць. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась его рабой, изъ боязни, что опять придется зависѣть отъ его доброй воли. Она даже не рѣшалась просить его исправить крышу, изъ боязни его разсердить. Но разъ ночью дождь сталъ лить въ ея постель, и она сильно простудилась. Тогда она заставила меня написать чрезвычайно вѣжливое письмо старику Петигрю, прося его, какъ одолженія, чтобы онъ исполнилъ свои обязательства. Въ то время бѣдные люди не довѣряли сами своимъ законнымъ правамъ и не надѣялись на справедливость. Старикъ пришелъ, сталъ говорить матери о своихъ всяческихъ немоганняхъ, осмотрѣлъ крышу и сказалъ, что она въ полномъ порядкѣ. Это случилось въ мое отсутствіе, и когда я объ этомъ узналъ, то возгорѣлъ негодованіемъ и написалъ письмо, требуя исправленія крыши, по условію, и прибавляя, что, въ противномъ случаѣ, мы примемъ законныя мѣры. Я не сказалъ матери объ этомъ письмѣ. Когда старикъ Петигрю пришелъ къ ней, сильно возбужденный, съ моимъ письмомъ въ рукахъ, она взволновалась не менѣе его.

— Какъ ты могъ написать ему такое письмо?—спрашивала она.

Я сказалъ ей, что старикъ Петигрю—безсовѣстный негодяй, и, кажется, наговорилъ ей дерзостей, когда она сказала, что уладила дѣло съ нимъ, и просила меня только больше не вмѣшиваться.

Я не общалъ ей, а напротивъ того, сейчасъ же помчался къ старику, съ тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ какъ слѣдуетъ. Но онъ увидалъ меня изъ окна и велѣлъ служанкѣ сказать мнѣ, что онъ не желаетъ меня видѣть. Пришлось дѣйствовать перомъ.

Я въ сущности не зналъ, что слѣдовало предпринять, и у меня явилась блестящая мысль обратиться къ лорду Редкару, какъ къ собственнику земли и какъ бы нашему феодальному владѣльцу—и объяснить ему, что его собственность обезцѣнивается въ рукахъ старика Петигрю. Я, кстати, прибавилъ нѣсколько общихъ замѣчаній о поземельной рентѣ и частной собственности на землю. Лордъ Редкаръ былъ страшный врагъ демократіи и всегда обращался со своими подчиненными крайне презрительно; онъ вызвалъ во мнѣ ненависть на всю жизнь тѣмъ, что въ отвѣтномъ письмѣ, написанномъ секретаремъ, попросилъ меня, чтобы я занимался своими собственными дѣлами и не мѣ-

шался въ его дѣла. Я былъ такъ взбѣшенъ этимъ письмомъ въ нѣсколько строкъ, что разорвалъ его на маленькіе кусочки и разбросалъ по комнатѣ; — потомъ пришлось собирать кусочки, чтобы не причинять лишней работы матери.

Я все еще обдумывалъ, какъ наилучшимъ образомъ бороться противъ всей аристократіи, противъ ея экономическихъ и политическихъ преступленій. Но въ это время исторія съ Нетти за-слонила всѣ другія, меньшія тревоженія — не на столько, впрочемъ, чтобы я не взбѣсился при видѣ автомобиля, промчавшагося мимо меня, когда я шелъ покупать оружіе...

На улицахъ волненіе все болѣе росло; люди толпились, шушукаясь, лица полисменовъ становились угрожающими, мѣстные газеты отражали общее возбужденное состояніе. Но все это я замѣчалъ лишь урывками, только какъ фонъ для моего главного душевнаго состоянія. Я занятъ былъ выполненіемъ наиболѣе важной для меня цѣли.

Когда я ходилъ по темнѣющимъ улицамъ, среди угрюмой толпы, то мысль о Нетти, о моей Нетти и ея аристократическомъ возлюбленномъ, жгла мой мозгъ.

Съ англ. З. В.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Серенада Донъ-Кихота.

Ароматная ночь опустилась кругомъ
На могучіе замки Гренады—
Я стою предъ твоимъ распахнутымъ окномъ
И слагаю тебѣ серенады.
О любви говорить молодой выпарись,
И стыдливо внимаетъ лилея;
Прозвучалъ поцѣлуй зеленѣющихъ тиссъ...
Дульцинея моя, Дульцинея!

Всѣ наивнымъ безумцемъ считаютъ меня...
Мѣсяцъ страстно ласкаетъ мимозы...
Ахъ, въ усталой груди, мелодично звеня,
Расцвѣтаютъ уснувшія грѣзы:
Я лечу на высокомъ, орлиномъ конѣ
Противъ страшнаго, грознаго змѣя,
И глаза бирюзовые свѣтятся мнѣ...
Дульцинея моя, Дульцинея!

Я тоскую глубоко и ночи, и дни
Съ одинокою думой печальной,
И картоннымъ мечомъ называютъ они
Мой сверкающій мечъ идеальный,
Эти трезвые люди съ холодной душой...
Луннымъ свѣтомъ облита аллея;
Сальпиглоссисъ мечтаетъ—цвѣтокъ голубой...
Дульцинея моя, Дульцинея!

О, покинь этотъ скучный, нерадостный край,
 Выглянь смѣло изъ замка въ оконце—
 Мы съ тобою умчимся въ чарующій рай,
 Гдѣ сияетъ великое солнце,
 Гдѣ о счастья поетъ голубая волна,
 Гдѣ моя торжествуетъ идея...
 Но на страстный призывъ ты, какъ ледъ, холодна,
 Дульцинея моя, Дульцинея!

II.

Въ дорогѣ.

Быстро мелькаютъ вагоны тяжелые,
 Дружно колеса стучать...
 Къ югу летятъ мои думы веселыя,
 Къ морю—чертогу наядь.
 Осень дождливая, осень холодная—
 Тамъ, далеко позади...
 Море лазурное, море свободное,
 Горы, цвѣты—впереди.
 Вотъ остановка. Шаги торопливые.
 Дѣвушка входитъ въ вагонъ—
 Черные глазки... коса горделивая...
 И на груди медальонъ...
 Тонкая цѣпь ожерелья жемчужнаго...
 Яркія розы ланить...
 Слышу мелодію говора южнаго,
 Смѣхъ серебристый харить...
 Станція. Насъ покидаетъ красавица.
 Грустно сизу одинокъ:
 Все мнѣ въ плѣнительной спутницѣ нравится...
 Дрогнулъ послѣдній звонокъ.
 Въ небѣ глубокомъ мечтательно свѣтится
 Нѣжнаго юга звѣзда...
 Съ милою спутницей снова не встрѣтятся
 Намъ никогда, никогда!
 Въ душу мнѣ счастье весеннее просится;
 Въ сердцѣ немолчно поетъ...
 Поѣздъ нашъ сѣрою лентой уносится
 Къ свѣтлому югу впередъ.

III.

Передъ окномъ моимъ...

Передъ окномъ моимъ цвѣтущая сирень
Стоитъ, одѣтая въ нарядѣ бѣлоснѣжномъ,
И днемъ томительнымъ мнѣ посылаетъ тѣнь,
А вечеромъ даритъ благоуханьемъ нѣжнымъ.
Какъ приемы радуютъ, воздушны и легки,
Какъ грудь моя полна побѣднымъ чувствомъ гордымъ!
Сирень бросаетъ мнѣ игриво лепестки,
И пѣснь моя звучитъ чарующимъ аккордомъ...
...А тамъ, вдали всю ночь, какъ улей пчелъ, гудитъ,
Весной разбуженный, веселый городъ шумный,
И море бьетъ волной безтрепетный гранитъ,
И мчатся тамъ валы на смертный бой безумный.
Задумались и спать подъ звѣздною фатой
Тавриды радостной ласкающія горы,
И грезитъ Аюдагъ плѣнительной весной
О ласкахъ розовыхъ мечтательной Авроры.
...Въ синѣющую даль летитъ моя душа,
А ночь глядитъ въ окно безумно хороша...

Анатолій Доброхотовъ.

ПИРОГОВСКІЙ СЪѢЗДЪ

ВЪ

М О С К В Ъ

Письмо въ Редакцію.

Состоявшееся въ Москвѣ, 25-го апрѣля, торжественное открытіе X-го съѣзда членовъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова представляло собой зрѣлище не совсѣмъ обыкновенное. Уже самая внѣшняя обстановка, въ которой съѣзду пришлось дебютировать на этотъ разъ, обращала на себя вниманіе своей исключительностью. Такъ, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи представители медицинской науки, оказывается, нигдѣ не могли найти себѣ болѣе „приличнаго“ помѣщенія, чѣмъ театр „Буффъ“ кафешантаннаго увеселителя Омона, хотя въ то же самое время въ большой залъ Дворянскаго Собранія съ полнымъ удобствомъ и комфортомъ подвизались „господа монархисты“, безпрепятственно учиняя открытый заговоръ противъ царскаго манифеста...

Но такова иронія судьбы! На тѣхъ самыхъ подмосткахъ, на которыхъ еще недавно исполнялся разухабистый „матчишъ“ и пѣлись порнографическіе куплеты, теперь возвышались декорированная лавровыми деревьями кафедра и утонувшій въ зелени бюстъ великаго русскаго гражданина и ученаго, даваго Обществу русскихъ врачей свое безсмертное имя; тамъ, гдѣ еще чудились нескромныя тѣлодвиженія полунагихъ шансонетныхъ дивъ и гдѣ, казалось, еще не смолкъ безстыдный гимнъ человѣческому сладострастью,—за длиннымъ зеленымъ столомъ размѣстились серьезные общественные дѣятели и люди науки.

Партеръ, амфитеатръ, ложи бель-этажа и верхняго яруса — все это было переполнено членами съѣзда и публикой, главный контингентъ которой составляла учащаяся молодежь обоюго пола. Настроеніе въ зрительномъ залѣ чувствовалось приподнятое. Всѣ ожидали отъ этого съѣзда чего-то особеннаго, чего-то еще небывалаго, какъ потому, что онъ являлся нѣкоторымъ образомъ юбилейнымъ (десятымъ по счету), такъ и по той еще причинѣ, что это былъ первый съѣздъ русскихъ врачей въ конституціонной Россіи.

Всѣмъ памятна судьба предпоследняго, IX-го съѣзда, созданнаго въ Петербургѣ года три или четыре тому назадъ: неожиданно закрытый по распоряженію мѣстной администраціи, онъ не успѣлъ сдѣлать почти никакихъ постановленій. Между тѣмъ, по своему составу это былъ необыкновенно многочисленный съѣздъ, а по настроенію чрезвычайно бурный. Участники его были преисполнены жажды дѣятельности, и плодотворная работа на пользу родины могла бы закипѣть, но... безсильно опускались руки. Мысль, что при старомъ бюрократическомъ режимѣ никакая продуктивная дѣятельность въ области общественной медицины невозможна, тогда же получила общее признаніе, и въ этомъ смыслѣ съѣздомъ была принята резолюція, явившаяся отзвукомъ оппозиціоннаго настроенія всей страны. Увы, съѣзду пришлось прекратить свое существованіе до „лучшихъ дней“.

Казалось, что эти дни наступили, и X-му Пироговскому съѣзду, повидимому, предстояло работать при измѣнившихся условіяхъ новаго политическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ справедливо замѣтилъ въ своей рѣчи проф. С. С. Салазкинъ, мы имѣемъ теперь въ Государственной Думѣ трибуну для широкаго свободнаго слова, раздающагося по всей Россіи и всему міру, то нашимъ съѣздамъ, въ томъ числѣ и Пироговскому, уже незачѣмъ играть роль форточки, черезъ которую, бывало, только и могли проникать въ русское общество смѣлыя мысли. Слѣдовательно, почти невозможно было сомнѣваться, что настоящій съѣздъ будетъ имѣть чисто дѣловой характеръ, и плодотворная научная работа его представлялась обезпеченной. Однако нельзя не признать, что, утративъ исключительное значеніе народной трибуны и потерявъ, такимъ образомъ, свою прежнюю остроту, X-ый Пироговскій съѣздъ вышелъ довольно таки блѣднымъ. Ораторы и докладчики, за рѣдкими исключеніями, говорили утомительно-вяло и расплывчато, нерѣдко отдѣлываясь общими мѣстами и избитыми положеніями, и, разумѣется, не могли захватить аудиторіи. Обиліе докладовъ, часто на одну и ту же тему, навѣвало удручающую скуку. Когда всходилъ на кафедру какой-нибудь рядовой докладчикъ и, любезно оговорившись, что онъ будетъ кратко, принимался выпаливать одну фразу за другой, безпрестанно повторяясь и путаясь въ

лабиринтъ ненужныхъ, лишнихъ словъ, совершенно затемняющихъ трактуемый предметъ, аудиторія раздражалась нетерпѣливыми возгласами: „Кончайте же скорѣй!“—„Говорите ваши положенія!“—и смущенный ораторъ, скомкавъ свою рѣчь или, въ худшемъ случаѣ, окончательно запутавшись, начиналъ скороговоркой бормотать свои „положенія“.

Но стоило въ любомъ, даже ничтожномъ по содержанію докладѣ, прозвучать какому-нибудь политическому мотиву, какъ аудиторія тотчасъ же оживлялась. Достаточно было, напримѣръ, оратору лишь слегка коснуться вопроса о врачахъ, пострадавшихъ отъ административныхъ преслѣдованій, какъ его рѣчь немедленно покрывалась дружными рукоплесканіями. Когда предсѣдатель правленія Общества русскихъ врачей, проф. Ф. А. Рейнъ, въ своей вступительной рѣчи предложилъ, между прочимъ, выразить отсутствующимъ „по независящимъ обстоятельствамъ“ товарищамъ глубокое соболѣзнованіе и сердечный привѣтъ, въ залѣ поднялась такая буря рукоплесканій, какой ни разу, можетъ быть, еще не слышалъ ни одинъ театр...

Кстати сказать, по имѣющимся въ правленіи Пироговскаго Общества статистическимъ даннымъ, за послѣдніе два года болѣе 1.300 врачей подверглось административной карѣ,—цифра весьма внушительная! Нѣтъ уѣзда, гдѣ бы не пострадалъ кто-либо изъ медицинскаго персонала за свои политическія убѣжденія. А есть и такія мѣста, гдѣ нѣтъ ни врачей, ни фельдшеровъ,—всѣ они унесены потокомъ реакціи: одни высланы, другіе арестованы. Такимъ образомъ, событіями послѣднихъ двухъ лѣтъ врачебно-санитарному дѣлу въ Россіи нанесенъ рѣшительный ударъ. И это печальное обстоятельство въ рѣчахъ большинства ораторовъ звучало, какъ лейтъ-мотивъ.

Интересно замѣтить, между прочимъ, какъ въ нѣкоторыхъ, наиболѣе выдающихся докладахъ отразилось современное политическое положеніе нашей родины. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ докладъ извѣстнаго психіатра В. И. Яковенко по вопросу о здоровыхъ и болѣзненныхъ проявленіяхъ психики современнаго русскаго общества въ періодъ послѣдняго освободительнаго движенія.

Прежде, въ до-революционную эпоху, по словамъ г. Яковенко, русское общество и личная жизнь введены были въ тѣсныя рамки бюрократическаго режима, яркими чертами котораго являются полное отсутствіе свободы слова, печати, научнаго преподаванія, всевозможныя ограниченія общественной самостоятельности, жестокія, безчеловѣчныя преслѣдованія тѣхъ, кто пытался выйти изъ этого мертваго круга. Но въ глубинѣ общества таились силы, которыя при первомъ внѣшнемъ толчкѣ должны были съ неудержимой энергіей вырваться наружу. Такимъ толчкомъ послужила развязка дальневосточной авантюры, пре-

вратившей въ бурное море дотолѣ спокойную русскую жизнь, выдвинувшей такой запасъ силъ, на который съ удивленіемъ смотрѣла вся Европа. Общество сразу было охвачено новымъ кругомъ идей; вопросы политическіе, правовые и социальныя получили доминирующее значеніе. Идеи конституціонализма, избирательнаго права и т. п. проникли даже въ деревню, гдѣ за божницей вмѣсто святцевъ и псалтыри стали храниться брошюры о социализмѣ, гдѣ разныя модныя слова и выраженія, какъ напримѣръ: „митингъ“, „бойкотъ“, „политическая партія“, „аграрный вопросъ“, сдѣлались ходячими. Разговоры о политикѣ слышатся на базарахъ, въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ, — всюду. И въ то же время замѣчается почти полное отсутствіе идей религіи, преобладаетъ религіозный индифферентизмъ, вытѣснившій религіозное чувство. Старыя идеи самодержавія, деспотической власти вынуждены отчаянно бороться за свое существованіе съ новыми идеями о народномъ представительствѣ, народоправствѣ, демократической республикѣ. Нѣтъ недостатка даже въ идеяхъ анархизма. Этотъ новый ураганъ идей появился изъ глубины народной жизни.

Но чѣмъ же, собственно, объясняется такой исключительный интересъ къ социально-политическимъ вопросамъ, пробудившійся въ русскомъ обществѣ послѣ войны? По мнѣнію г. Яковенко, явленіе это объясняется чувствомъ самосохраненія, одинаково присущимъ какъ отдѣльному человѣку, такъ и обществу. Несчастная война съ Японіей возбудила въ народной массѣ вопросъ о несостоятельности нашего государственнаго строя и привела къ убѣжденію, что въ политической и социальной жизни нашей имѣются весьма крупныя дефекты, благодаря чему существованіе общества и народа является далеко не обезпеченнымъ, что странѣ угрожаетъ опасность разложенія, которая всѣми мѣрами должна быть предотвращена. Отсюда явились порывы альтруизма, героизма, и идея общественнаго блага была поставлена выше личнаго существованія. Чувство социальнаго равенства и справедливости столкнулось съ эгоистическимъ чувствомъ сохраненія тѣхъ благъ, которыя предоставляетъ отдѣльнымъ лицамъ и классамъ старый государственный строй. Завязалась жестокая борьба между сторонниками стараго и новаго государственнаго порядка.

Интересенъ дальнѣйшій ходъ мыслей оратора. Онъ утверждаетъ, что въ борьбѣ за измѣненіе существующаго режима на сторонѣ новаторовъ замѣчаются признаки здороваго проявленія психики, а на сторонѣ защитниковъ стараго порядка — болѣзненные психическія явленія. Болѣзненный организмъ реагируетъ на событія отчаяніемъ, бессмысленнымъ разрушеніемъ, отсутствіемъ руководящихъ принциповъ. Ничего подобнаго не было въ бурномъ порывѣ современнаго освободительнаго движенія, гдѣ энергичная борьба за общее счастье смѣня-

лась великодушiемъ и переходила къ спокойной работѣ съ яснымъ сознанiемъ трудности предстоящаго пути. Если бывали случаи самоуправства, убiйства, грабежа, воровства, то они происходили подъ влiянiемъ лицъ неуравновѣшенныхъ, неврастениковъ, дегенератовъ. лицъ съ болѣзненными психическими задатками, которые развиваются съ особенною силою во время общественныхъ потрясенiй. Это лица ненормальныя и являются обыкновенно кандидатами въ психiатрическiя больницы. Со стороны защитниковъ стараго режима, консерваторовъ, наблюдаются также всѣ признаки болѣзненной психики, выражающiеся въ умственной слабости, жестокости, стремленii отстоять во что бы то ни стало отжившее старое. Развѣ не болѣзненныя явленiя представляютъ распоряженiя объ уничтоженii домовъ, откуда были брошены бомбы, карательныя экспедицiи, заставляющiя населенiе стоять на колѣняхъ по цѣлымъ часамъ въ снѣгу послѣ принесенiя повинной, разстрѣлы ни въ чемъ неповинныхъ людей и всѣ прочiе ужасы варварства? Необходимо допустить, что среди лицъ, дѣлавшихъ эти жестокия распоряженiя, много помѣшанныхъ, страдающихъ прогрессивнымъ параличомъ. Сами министры признавали, что нѣкоторыя распоряженiя властей сдѣланы были въ состоянii невмѣняемости. Ораторъ закончилъ свой докладъ пожеланiемъ, чтобы русская жизнь скорѣе вошла въ нормальное русло, и чтобы исполнительная власть была передана въ руки лицъ, умѣющихъ бережно обходиться со всякимъ организмомъ.

Рѣчь В. И. Яковенко имѣла такой выдающiйся, шумный успѣхъ, какой не выпалъ на долю ни одного изъ послѣдующихъ ораторовъ, хотя среди нихъ, по отдѣльнымъ секцiямъ, все же попадались довольно интересные докладчики. Взять хотя бы Д. И. Орлова, затронувшаго въ своей рѣчи одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ фабричной медицины, стоящей, какъ извѣстно, на очень низкой ступени и требующей коренной реорганизацiи. По мнѣнiю оратора, современныя условiя жизни и труда рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ весьма вредно отражаются на ихъ здоровьи и ведутъ къ вырожденiю. Смертность дѣтей фабричныхъ на первомъ мѣсяцѣ жизни значительно больше смертности въ деревнѣ; развитiе между дѣтьми золотушныхъ и рахитическихъ страданiй также больше на фабрикахъ, нежели среди крестьянскихъ дѣтей; туберкулезъ легкиихъ развитъ среди фабричныхъ рабочихъ вдвое и даже втрое болѣе, нежели среди крестьянъ, особенно среди мужчинъ. Смертность взрослого населенiя въ фабричныхъ волостяхъ, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ, значительно выше, нежели въ земледѣльческихъ. Фабрика не только разрушаетъ тѣло, но и деморализуетъ душу. Среди фабрично-заводскихъ рабочихъ чрезвычайно распространено пьянство, спутникомъ котораго

является развратъ, ведущій къ развитію венерическихъ болѣзней. Всѣ три страшныхъ бича—туберкулезъ, сифилисъ, алкоголизмъ—особенно благоприятную почву находятъ въ условіяхъ фабрично-заводской жизни, гдѣ царитъ еще полное невѣжество, съ которыми прежде всего необходимо бороться въ цѣляхъ оздоровленія рабочаго класса. Въ просвѣтительной дѣятельности среди фабричнаго населенія врачъ долженъ принимать самое близкое участіе, а для этого требуется, во-первыхъ, независимое отъ фабриканта положеніе врача; во-вторыхъ, уничтоженіе административно-полицейской опеки надъ просвѣщеніемъ; въ-третьихъ, гарантированіе конституціонныхъ свободъ со стороны закона. Широкое просвѣщеніе и санитарное законодательство, которое возлагало бы на фабриканта обязанности по доставленію рабочимъ здоровыхъ условій жизни и работы,—вотъ, по мнѣнію оратора, тѣ рычаги, которые способны оздоровить фабрично-заводскую среду и создать условія, благоприятствующія гармоническому развитію физическихъ и духовныхъ силъ народа.

Другой докладчикъ, д-ръ В. В. Экъ, яркими штрихами обрисовалъ тяжелое матеріальное положеніе, въ которомъ находятся фабричные врачи. Жалованье ихъ столь мизерно, что врачи стыдятся о немъ говорить. И за это жалкое вознагражденіе предприниматель покупаетъ не только работу фабричнаго врача, но и его душу. Фабричный врачъ находится въ полной зависимости отъ своихъ „хозяевъ“, которые не позволяютъ ему вмѣшиваться въ санитарное состояніе фабрикъ подъ страхомъ увольненія; за всякое желаніе способствовать, по мѣрѣ силъ, улучшенію условій жизни рабочаго класса онъ рискуетъ потерять мѣсто. Докладчикъ закончилъ свою рѣчь требованіемъ, чтобы фабричный врачъ ни отъ кого не зависѣлъ въ своей дѣятельности, кромѣ общественныхъ учреждений, реформированныхъ на демократическихъ началахъ.

Интересно, между прочимъ, положеніе фабричной медицины въ шлиссельбургскомъ уѣздѣ, какъ оно выяснилось во время преній по докладу д-ра Эка. Тамъ врачи не столько находятся въ рукахъ фабриканта, сколько въ рукахъ полиціи, которая даже выдаетъ имъ жалованье. Все дѣло завѣдыванія медициною сосредоточено въ рукахъ урядниковъ и становыхъ приставовъ. Больницами служатъ полуразвалившіеся сараи и т. п.

Пироговскій съѣздъ, какъ водится, не обошелся безъ крупнаго скандала, который произошелъ на другой день послѣ открытія, на засѣданіи секціи земской и городской медицины, въ богословской аудиторіи университета. Сначала все шло спокойно; было тихо и смирно. Предсѣдатель секціи, Н. И. Тезяковъ, произнесъ нѣсколько скорбныхъ словъ по поводу того, что въ настоящее время „реакціонными зем-

ствами занесенъ мечъ надъ головой санитарныхъ организацій": въ Курскѣ уничтожено санитарное бюро, воронежское земство устранило отъ службы всѣхъ санитарныхъ врачей и т. д. Рѣчь была ультра-мишорная. Вслѣдъ затѣмъ, на кафедрѣ появляется извѣстный врачъ Д. Н. Жбановъ и, встрѣченный дружными рукоплесканіями, дѣлаетъ сообщеніе о борьбѣ съ голодомъ по матеріаламъ московскаго комитета общественной помощи голодающимъ. Вся суть его рѣчи сводится къ восхваленію дѣятельности комитета, который еще больше сдѣлалъ бы, еслибъ на его пути не стояла администрація. Приходилось работать, по словамъ оратора, „въ атмосферѣ полицейскаго сыска": въ столовыхъ систематически производились обыски, аресты и ихъ закрывали одну за другой. Случалось, что исправники своей властью закрывали рядъ столовыхъ и учиняли при посредствѣ отрядовъ стражниковъ форменную облаву на завѣдующихъ. Полиція въ нижегородской губ. проверяетъ „политическую благонадежность" даже стряпухъ и беретъ подъ подозрѣніе священника, оказывающаго помощь голодающимъ. Казанскій губернаторъ официально запрещаетъ членамъ мусульманскаго комитета помощи голодающимъ побѣдку въ охваченныхъ голодомъ деревни и издаетъ приказъ по полиціи, въ случаѣ ихъ „самовольнаго" выѣзда, принять „соотвѣтствующія мѣры", и т. д., и т. д.

Административныя стѣсненія въ дѣлѣ организаціи помощи голодающимъ настолько велики, что общественнымъ организаціямъ ничего не остается дѣлать. Ораторъ видитъ только одинъ выходъ изъ этого тяжелаго положенія: надо, чтобы Государственная Дума взяла упорядоченіе продовольственнаго дѣла въ свои руки. При этомъ онъ сообщаетъ, что комитетомъ уже собранъ весь матеріалъ по продовольственному дѣлу, который и будетъ представленъ въ Думу.

Начинаются оживленныя пренія. Кто-то горячо доказываетъ, что въ Думу обращаться бесполезно, что она ничего не можетъ сдѣлать, такъ какъ сама находится подъ постоянной угрозой роспуска. Можно только принять резолюцію, выражающую глубокое негодованіе по поводу дѣятельности правительства въ настоящей продовольственной кампаніи. Раздаются бурные аплодисменты и крики: „браво"! Вдругъ на кафедре всходитъ д-ръ Мицкевичъ и категорически высказывается противъ обращенія въ Думу въ той формѣ, въ какой это предполагалось сдѣлать. „Въ Думѣ, — заявляетъ онъ, — образовалось прочное кадетско-черносотенное большинство..."

Не успѣлъ ораторъ произнести послѣднихъ словъ, какъ въ залѣ поднялся невообразимый шумъ: одни рукоплескали, другіе шикали, третьи стучали ногами и двигали стульями. Напрасно г. Мицкевичъ пытался выговорить еще разъ, крича что „есть силы: „Это кадетско-черносотенное большинство..." Увы, его голоса почти уже невоз-

можно было слышать. Шумъ и гамъ все усиливались. Многіе повскакали со своихъ мѣстъ и съ угрожающими жестами бросились къ оратору. Энергичный звонокъ предсѣдателя не въ силахъ водворить порядка: стихія человѣческихъ страстей слишкомъ разбушевалась...

— Не хотимъ слушать! Вонъ! Долой!—вопить одна половина залы, и, кажется, болѣе многочисленная.

— Просимъ, просимъ! Продолжайте!—старается перекрычать соперницу другая половина.

— Bravo, bravo! Подлецы-кадеты! Такъ ихъ и нужно... Такая же черная сотня!—кричитъ юноша въ студенческой тужуркѣ; какой-то визгливый женскій голосъ его поддерживаетъ, и тужурка,—очевидно, „соціалъ-демократическая“,—отъ крика уже начинаетъ хрипѣть.

Кое-какъ предсѣдателю удается водворить нѣкоторое подобіе порядка, и тогда онъ ставитъ на баллотировку вопросъ: желаетъ ли собраніе слушать оратора или нѣтъ? Не желающіе слушать должны поднять руки.

— Поднявшихъ руки очевидное большинство!—громко, отчеканивая каждое слово, заявляетъ предсѣдатель.—Собраніе рѣшило не слушать оратора.

Снова поднимается шумъ.

— Неправильно! Неправильно!—раздаются протестующіе голоса.—Произведите новое голосованіе... Надо было сосчитать число поднятыхъ рукъ!

Опять гудитъ аудитория, опять бушуютъ страсти... Не зная, что предпринять, предсѣдатель безпомощно разводитъ руками. Но вотъ его осыпала счастливая мысль:

— Объявляю перерывъ на десять минутъ!

— Bravo!—раздается чей-то комическій возгласъ изъ заднихъ рядовъ, и взволнованная аудитория успокаивается...

Каковы же итоги X-го Пироговскаго сѣзда? Близкое будущее покажетъ, каковы они, насколько они значительны. Пока же выяснилось съ полной очевидностью, что для этихъ сѣздовъ не настало еще время спокойной, научной работы; что они все еще играютъ роль трибуны или „форточки“, черезъ которую проникаетъ въ общество живое, протестующее слово. Когда окрѣпнетъ у насъ народное представительство, когда оно станетъ голымъ, непререкаемымъ фактомъ нашей политической жизни, тогда, конечно, „агитационное“ значеніе Пироговскихъ и всякихъ другихъ сѣздовъ будетъ простымъ анахронизмомъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1907.

Правительственное сообщеніе 7-го мая и резолюція Государственной Думы. — Московскій сѣздъ „объединеннаго русскаго народа“. — Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ по аграрному вопросу. — Аграрные проекты трехъ думскихъ партій. — Роль думскаго центра. — Ошибка 15-го мая и ея послѣдствія. — Было ли бы цѣлесообразно преслѣдованіе террористическихъ актовъ, и окончательно ли упущено для того время?

Въ засѣданіи Государственной Думы 7-го мая предсѣдателемъ совѣта министровъ, въ отвѣтъ на запросъ, внесенный тридцатью-тремя депутатами, прочитано было слѣдующее сообщеніе:

„Въ февралѣ текущаго года отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности въ Петербургѣ получило свѣдѣнія о томъ, что въ столицѣ образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшею цѣлью своей дѣятельности совершеніе ряда террористическихъ актовъ.

„Установленное въ цѣлихъ повѣрки полученныхъ свѣдѣній продолжительное и обставленное большими трудностями наблюденіе обнаружило кругъ лицъ, какъ вошедшихъ въ составъ указаннаго сообщества, такъ и имѣвшихъ съ членами его непосредственныя сношенія. Сношенія, какъ выяснилось, происходили между нѣкоторыми изъ членовъ сообщества на конспиративныхъ квартирахъ, постоянно мѣнявшихся, при условіяхъ строгой тайнственности, и были обставлены паролями и условными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія были письменныя.

„Установленный* наблюденіемъ кругъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступному сообществу, въ числѣ 28 человекъ, былъ 31-го марта подвергнутъ задержанію.

„Вслѣдъ за этимъ, отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка

и безопасности 4-го апрѣля донесло прокурору с.-петербургской судебной палаты о данныхъ, послужившихъ къ задержанію 28 лицъ. Съ своей стороны прокуроръ судебной палаты, усмотрѣвъ въ этихъ данныхъ указанія на признаки составленія преступнаго сообщества, поставившаго своею цѣлью насильственные посягательства на измѣненіе въ Россіи образа правленія (ст. 102 угол. улож.), того же 4-го апрѣля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ приступить къ производству предварительнаго слѣдствія, которое было начато немедленно, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора с.-петербургской судебной палаты, и производится безъ малѣйшаго промедленія.

„Въ настоящее время предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что изъ числа задержанныхъ лицъ значительное число изобличается въ томъ, что они вступили въ образовавшееся въ составѣ партіи социалистовъ-революціонеровъ сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности посягательство на Священную Особу Государя Императора и совершеніе террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ великаго князя Николая Николаевича и предсѣдателя совѣта министровъ, при чемъ членами этого сообщества предприняты были попытки къ изысканію способовъ проникнуть во дворецъ, въ коемъ имѣетъ пребываніе Государь Императоръ, но попытки эти успѣха не имѣли“.

Государственная Дума отозвалась на это сообщеніе принятіемъ, безъ преувѣній, слѣдующей резолюціи: „Охваченная чувствомъ живѣйшей радости по поводу счастливо избѣгнутой опасности, грозившей Его Императорскому Величеству, и относясь съ глубокимъ негодованіемъ къ обнаруженному преступному замыслу, Государственная Дума переходить къ очереднымъ дѣламъ“.

„Они хотятъ абсолютнаго монарха, единой господствующей религіи, проникнутаго нетерпимостью духовенства, опирающагося на родословныя дворянства, невѣжественнаго и безправнаго народа, безотвѣстныхъ министровъ, а вмѣсто свободы печати—субсидируемыхъ газетъ, восхваляющихъ темное дѣло. Ихъ орудія—чрезвычайные суды, произвольное лишеніе свободы, извращенные выборы, расправа, производимая фанатизированной чернью... А между тѣмъ, не старымъ ли режимомъ, восстановленіе котораго составляетъ цѣль ихъ усилій, созданы народныя пороки? Ужасами революціи измѣряются недостатки вызвавшихъ ее учреждений. За нравственное состояніе націи отвѣчаетъ правительство, въ рукахъ котораго долго находилась ея судьба“.

Читая эти слова, можно подумать, что они сказаны сегодня или вчера, подъ влияніемъ событій, совершающихся на нашихъ глазахъ. На самомъ дѣлѣ имъ скоро исполнится сто лѣтъ: ихъ написала madame де-Сталь, въ эпоху „бѣлаго террора“, свирѣпствовавшего во Франціи послѣ второй реставраціи Бурбоновъ. Участница надеждъ и разочарованій, ознаменовавшихъ конецъ XVIII-го вѣка, она выступила, въ своихъ „*Considérations sur la révolution française*“, въ защиту всего великаго, къ чему стремилась и чего отчасти достигла революція. Враждебная насилію во всѣхъ его видахъ, чуждая крайностей, отрѣшившаяся отъ увлеченій, она одна изъ первыхъ сумѣла безпристрастно отнестись къ недавнему прошлому и вывести изъ него заключенія, бросающія свѣтъ на будущее. Справедливая оцѣнка до-революціонныхъ порядковъ заставила ее ополчиться, со всею силой убѣжденія и таланта, противъ фальшивой идеализаціи стараго режима, а слѣдовательно—и противъ реакціонныхъ попятновѣній. Это была ея лебединая пѣснь: она умерла въ 1817-мъ году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ названной выше книги. По ея завѣтамъ — и отчасти ея ближайшими друзьями—была сдѣлана попытка соглашенія между монархіей и свободой. Къ чему привела неудача этой попытки, чѣмъ завершилось новое торжество ультра-роялистовъ, сначала въ лицѣ Виллеля, затѣмъ, послѣ короткаго антракта, въ лицѣ Полиньяка—это слишкомъ хорошо извѣстно. Взглядъ прозорливой писательницы нашелъ подтвержденіе въ историческомъ опытѣ.

Неумѣнье или нежеланіе видѣть очевидное—черта, общая реакціонерамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Наши „*virī obscuri*“ идутъ по стопамъ французскихъ ультра-роялистовъ, превосходя ихъ злобою и тупостью. Они желали бы воскресить все то, что привело Россію на край гибели. Чрезвычайно характерны, съ этой точки зрѣнія, постановленія недавно засѣдавшего въ Москвѣ четвертаго „всероссійскаго съѣзда объединеннаго русскаго народа“. Съѣздъ высказывается за неограниченность царской власти, какъ будто бы эта власть была ограниченою въ то время, когда слагались причины бѣдствій, теперь переживаемыхъ государствомъ. Онъ рекомендуетъ повсемѣстное учрежденіе *безотчетныхъ* генераль-губернаторовъ, повсемѣстное введеніе военнаго положенія, какъ будто бы отъ недостатка, а не отъ избытка произвола страдалъ и страдаетъ русскій народъ. Онъ настаиваетъ на возстановленіи военно-полевыхъ судовъ, какъ будто бы полугодовымъ опытомъ не доказана ихъ полнѣйшая бесплодность. Онъ требуетъ для православной церкви не только господства вообще, но и „соотвѣствующаго внѣшняго выраженія“ на окраинахъ имперіи, какъ будто бы наружный блескъ и матеріальная сила могли служить источникомъ и опорой духовнаго вліянія. Изъ „законосовѣщательнаго“ собранія,

которымъ сѣздъ хотѣлъ бы замѣнить Государственную Думу, онъ устраиваетъ людей политически неблагонадежныхъ (т.-е. „несогласно-мыслящихъ“), какъ будто бы Россія недостаточно еще испытала вредъ-вынужденнаго молчанія и кажущагося единодушія. Выспую никому онъ обрекаетъ на возвращеніе въ прежнія условія, какъ будто бы не при нихъ и не благодаря имъ началась эпоха студенческихъ волненій. Окраинная политика, по мнѣнію сѣзда, должна быть „неизмѣнно направлена къ объединенію окраинъ съ центромъ Россіи въ географическомъ (?), политическомъ и культурномъ отношеніяхъ“, какъ будто бы все еще не была доказана тцета обрусительныхъ тенденцій.

Реставрированіемъ наиболѣе мрачныхъ сторонъ стараго режима не исчерпывается программа московскаго сѣзда: въ ней есть и нововведенія, оставляющія за собою даже ея излюбленные образцы. Въ самый разгаръ контръ-реформъ у насъ уцѣлѣла земская и городская народная школа: ее предлагается упразднить, сосредоточивъ начальное обученіе въ рукахъ правительства и церкви. Уцѣлѣли, кое-гдѣ, выборные мировые судьи: московскій сѣздъ подаетъ голоса за совершенное уничтоженіе этого института ¹⁾, такъ какъ въ его средѣ встрѣчается „немало тайныхъ агентовъ революціонныхъ партій“. „Обузданіе“ революціонной (т.-е. оппозиціонной) печати, требуемое сѣздомъ, практиковалось всегда, практикуется, новыми способами, и теперь: сѣздъ прибавляетъ къ нему обязанность правительства „озаботиться созданіемъ органовъ печати, распространяющихъ въ народѣ національныя, патріотическія чувства и понятія“. Евреямъ, исповѣдующимъ іудейскую вѣру, издавна закрыть доступъ на государственную службу и долго былъ затрудненъ доступъ въ присяжную адвокатуру: сѣздъ настаиваетъ на обращеніи факта въ законъ, съ расширеніемъ его и на *крещеныхъ* евреяхъ, и рекомендуетъ не только запрещеніе евреямъ содержать банки, банкирскія конторы и ссудныя кассы, приобрѣтать и арендовать землю въ селеніяхъ и *иородахъ*, но и *всемирное ограниченіе* ихъ во *всѣхъ* отрасляхъ промышленности и торговли. Короче и проще было бы предложить евреямъ выселиться изъ Россіи, подѣ опасеніемъ голодной смерти... Церковнымъ братствамъ, до сихъ поръ только случайно служившимъ орудіемъ преслѣдованія и притѣсненія, сѣздъ хочетъ дать *религіозно-государственный характеръ*, а *всѣхъ* вообще „насадителей русскаго дѣла“ на окраинахъ—поставить подѣ охрану центральнаго учрежденія, на обязанности котораго лежала бы „защита интересовъ русской государственности и *вѣрныхъ служъ ея*“

¹⁾ Логически изъ уничтоженія выборныхъ судей вытекаетъ упраздненіе издавна ненавистнаго нашимъ реакціонерамъ „суда улицы“, т.-е. суда присяжныхъ.

(т.-е. расточеніе послѣднимъ великихъ и богатыхъ милостей). Заботу о созданіи такого учрежденія съѣздъ возлагаетъ на русское собраніе, надѣясь, очевидно, оказать рѣшающее вліяніе на составъ его и устройство.

Стремленіе съѣзда создать для своихъ единомышленниковъ воинствующее и мощное положеніе въ государствѣ выразилось съ особенною ясностью въ цѣломъ рядѣ постановленій, касающихся „союза русскаго народа“ и другихъ подобныхъ ему „патріотическихъ“ организаций. Охранныя (вооруженныя) ихъ дружины должны быть легализованы. „Губернскимъ управамъ“ союза представляется руководство всѣми отдѣлами, находящимися въ предѣлахъ губерніи. Губернскими управами руководить „главный совѣтъ союза“, сообщающій свои рѣшенія къ исполненію не только управамъ, но и непосредственно отдѣламъ. Чайныя, читальни и народные дома попечительства о народной трезвости должны быть переданы, *вмѣстѣ съ ассигнуемыми на ихъ содержаніе средствами*, въ завѣдываніе „патріотическихъ“ организаций или лицъ „завѣдомо-благонадежныхъ“. Итакъ, и оружіе, и денежные средства, и централизація власти—все должно обезпечить за „союзниками“ совершенно исключительную роль, какую иногда приобрѣтали, путемъ долгихъ усилій и ухищреній, тайныя сообщества въ родѣ сицилійской мафіи, но какой никогда, кажется, не признавала за кѣмъ бы то ни было, кромѣ самой себя, правительственная власть. А какъ воспользовались бы „союзники“ своими чрезвычайными привилегіями—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по статьѣ одного изъ нихъ, напечатанной въ лейбъ-органѣ „союза“ ¹⁾. „Какъ бы мужественно“—читаемъ мы здѣсь—*„диктатура посредственностей“* ни защищала конституціонную хартію, правые должны терпѣливо ждать, готовиться къ рѣшающимъ событіямъ осенью и, обернувшись налѣво, сказать: *не перебѣте*, а къ правительству: *не переубѣдите*. Власть умѣла слушаться въ 1904 г. самозванной шайки земцевъ и не посадила ихъ въ тюрьму; *пусть слушаетъ теперь правыхъ*. Земцы заставили власть дать конституцію по проекту Струве. Мы заставляли не намѣрены дать диктатуру, мы *пока* просимъ ея, и давно просимъ и совѣтуемъ, и сдѣлаемъ свое дѣло и выполнимъ свой долгъ тогда, *когда наступитъ пора... Совети нѣтъ у правительства*, у общества; будемъ еще ждать, мучительно ждать, есть ли, проснется ли совѣсть народная“.

Таковы „страшныя слова“, выкликаемыя наиболѣе беззабѣчными изъ числа „союзныхъ“ публицистовъ. Стремленіе, въ нихъ выразившееся, широко распространено среди „патріотическихъ“ организаций“. Ихъ общая цѣль — кого-то напугать, кому-то импонировать

¹⁾ См. статью: „Опытъ“ въ № 104 „Московскихъ Вѣдомостей“.

представленіемъ о необыкновенно грозной силѣ, идущей справа. Не даромъ же онѣ присваиваютъ себѣ громкое имя „объединеннаго русскаго народа“. Почти вездѣ потерпѣвъ поражение на выборахъ, проведи въ Думу, несмотря на властную поддержку, лишь небольшую горсть своихъ единомышленниковъ, своеобразные „патріоты“ говорятъ такимъ языкомъ, какъ будто бы за ними стоятъ несмѣтныя народныя массы. Если не всѣ „союзники“, то во всякомъ случаѣ ихъ вожди очень хорошо сознаютъ свое реальное безсиліе. Долголѣтній опытъ приучилъ ихъ всегда и вездѣ рассчитывать на помощь сверху—и на нее, въ сущности, они и теперь возлагаютъ всѣ свои надежды. Широко пользуясь ею, они хотятъ все большаго и большаго—и для того, чтобы достигнуть цѣли, прибѣгаютъ не только къ общаніямъ, но и къ угрозамъ. Невелики, однако, шансы выигрыша ихъ въ этой игрѣ. Не нужно большого усилія, чтобы раскрыть ихъ карты. Страшилища, выдвигаемыя „союзниками“, слишкомъ похожи на тѣхъ намалеванныхъ драконовъ, которыми китайцы нѣкогда пытались возбудить ужасъ въ непріятельскихъ войскахъ.

Авторитетъ политической партіи обусловливается, въ значительной степени, авторитетомъ людей, которыхъ она ставитъ у себя на первое мѣсто. Кого же признаетъ своими вождями „объединенный русскій народъ“? Объ этомъ даетъ понятіе составъ учрежденнаго московскимъ съѣздомъ „правленія всероссійскаго національнаго фонда“. Членами правленія избраны кн. Щербатовъ, протоіерей Восторговъ и гг. Дубровинъ, Пуришкевичъ, Крушеванъ и Грингмутъ. Кн. Щербатовъ хорошо извѣстенъ по своей дѣятельности въ качествѣ предсѣдателя московскаго общества сельскаго хозяйства; г. Дубровинъ—по своимъ рѣчамъ въ михайловскомъ манежѣ; гг. Крушеванъ и Грингмутъ—по своимъ подвигамъ въ печати; г. Пуришкевичъ—по своему поведенію въ Думѣ. Менѣе знакомо широкой публикѣ имя протоіерея Восторгова, сравнительно недавно выступившаго на политическую сцену; но вотъ что мы узнаемъ изъ статьи г. Н. Дурново, свидѣтельство котораго, какъ бывшаго сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей“, можетъ считаться, въ данномъ случаѣ, особенно достовѣрнымъ ¹⁾. Если въ крестныхъ ходахъ, устроенныхъ московскимъ съѣздомъ, принимали участіе—кромя епископовъ и архимандритовъ—не болѣе пяти или шести священниковъ, то это объясняется, по словамъ г. Дурново, не чѣмъ инымъ, какъ нежеланіемъ московскаго духовенства дѣйствовать вмѣстѣ съ о. Восторговымъ. „Отцу Восторгову“—пишетъ г. Дурново—„въ Москвѣ не мѣсто, и владыка московскій долженъ это знать ²⁾...“

¹⁾ См. № 102 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

²⁾ Митрополитъ московскій Владиміръ былъ прежде экзархомъ Грузіи, а духовенству этой епархіи принадлежалъ въ то время о. Восторговъ.

Московское духовенство сильно смущено тѣмъ высокомѣріемъ и тою властью, которую проявляетъ надъ нимъ о. Восторговъ; его близость къ кнрю-Владиміру заставляетъ духовенство сторониться любимца московскаго архипастыря и устраниваться отъ общенія съ монархическими кружками "... Какова бы ни была, впрочемъ, репутація протоіерея Восторгова, для характеристики „союза русскаго народа“ достаточна роль, которую играетъ въ немъ г. Грингмутъ. Она исключаетъ возможность утверждать, что „монархисты“—враги бюрократіи: въ эпоху своего всевластія она не имѣла болѣе усерднаго слуги, болѣе горячаго хвалителя, чѣмъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“...

Шумятъ „союзники“ на московскомъ съѣздѣ, шумятъ и въ Думѣ, прерывая ораторовъ, нарушая порядокъ, вступая въ пререканія съ предсѣдателемъ. „Шумите вы—и только“, можно было бы сказать имъ словами Чацкаго, еслибы не было основанія предполагать, что параллельно съ открытыми выступленіями идетъ закулисная работа. Въ думскихъ коммиссіяхъ „правые“ блистаютъ своимъ отсутствіемъ; законодательной инициативой они не пользуются, сколько-нибудь дѣловыя рѣчи, ими произнесенныя, насчитываются единицами. Не потому ли, что они рассчитываютъ на скорое вмѣшательство „превосходящей непреодолимой силы“? Если, въ настоящую минуту, съ ними не вполнѣ солидарно министерство, то въ ихъ рядахъ оказываются нерѣдко мѣстные представители власти, свѣтской и духовной. Чтò это—недоразумѣніе, случайность или, по англійскому выраженію, „тѣнь грядущихъ событій“? Можно ли спокойно смотрѣть впередъ, пока приведенныя нами слова падае де-Сталь примѣнимы не только къ „добровольцамъ“, увивающимся около источниковъ силы, но и къ тѣмъ, кому они предлагаютъ свои услуги? „Чрезвычайные суды, произвольное лишеніе свободы, извращенные выборы, безответственность министровъ, субсидируемая пресса“—вѣдь это не только предметы реакціонныхъ вождельній, но и реальные, слишкомъ реальные черты современной дѣйствительности. „Союзъ русскаго народа“ дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы сохранить и обострить эти черты—но не имъ однимъ онѣ держатся, не въ немъ находятъ свою главную опору. Передъ напоромъ новыхъ стремленій и новыхъ силъ прошлое отступаетъ медленно и неохотно—и между его поклонниками естественно возникаетъ желаніе воспользоваться уцѣлѣвшими позиціями, чтобы вновь занять всѣ остальные.

Въ безконечныя и давно прискучившія Думѣ пренія по земельному вопросу внесено было нѣкоторое оживленіе рѣчью, произнесенною, 10-го мая, предсѣдателемъ совѣта министровъ. Всего важнѣе и

интереснѣе въ ней то, что касается принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Безсознательно наивная или намеренно упрощенная аргументація противниковъ коренной аграрной реформы не идетъ, обыкновенно, дальше ссылки на первые слова ст. 77-ой закон. основн.: *собственность неприкосновенна*; бѣдность доводовъ восполняется обиліемъ рѣзкихъ выраженій („всеобщее разграбленіе“, „ограбный порядок“, „грандіозное преступленіе“ и т. п.). П. А. Столыпинъ избралъ другой, болѣе сложный способъ разсужденій—и вызвалъ этимъ неодобрительное замѣчаніе прямолинейныхъ сторонниковъ *statu quo*. Въ нынѣшней Думѣ, съ ихъ точки зрѣнія, неумѣстны „корректныя деклараціи“: „съ нею слѣдуетъ говорить инымъ языкомъ, болѣе рѣшительнымъ, краткимъ и энергичнымъ“¹⁾. За критикою формы чувствуется здѣсь неудовольствіе содержаніемъ рѣчи—и для него, какъ мы сейчасъ увидимъ, „союзники“ имѣютъ нѣкоторый поводъ.

„Обязательное отчужденіе“—сказалъ П. А. Столыпинъ—„можетъ явиться необходимымъ, но въ видѣ исключенія, а не общаго правила. Оно можетъ быть не количественнаго характера, а только качественнаго. Оно должно примѣняться, главнымъ образомъ, тогда, когда крестьянъ можно устроить на мѣстахъ, для улучшенія способовъ пользованія ими землей; оно представляется возможнымъ тогда, когда необходимо, при переходѣ къ лучшему способу хозяйства, устроить водопой, выгонъ, пастбища, дороги, наконецъ—избавиться отъ вредной черезполосицы“. Сопоставимъ слова г. Столыпина со второю частью ст. 77-ой зак. основн. (заимствованною изъ ст. 575 т. X ч. I св. зак. гражд.): „принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе“. Чтобы возвести это постановленіе на степень юридической преграды, устраняющей принудительное отчужденіе изъ числа средствъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, нужно толковать его въ наиболѣе рестриктивномъ смыслѣ: нужно утверждать, что земля можетъ подлежать принудительному отчужденію только въ тѣхъ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда этого настоятельно требуетъ государственный или общественный (т.-е. *общій*) интересъ, и земля, послѣ отчужденія, поступаетъ въ собственность государства или общественнаго учрежденія (напр. желѣзной дороги). Предсѣдатель совѣта министровъ усвоилъ себѣ, очевидно, болѣе широкое пониманіе ст. 77-ой: онъ призналъ, что она допускаетъ принудительное отчужденіе въ пользу *отдѣльныхъ лицъ*. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этимъ самымъ значительно сужено по-

¹⁾ См. передовую статью въ № 109 „Московскихъ Вѣдомостей“.

нiе о неприкосновенности собственности. Правомѣрность принудительнаго отчужденiя не зависитъ отъ его размѣровъ. Если можно, не нарушая права и правды, примѣнить его къ нѣсколькимъ десятинамъ, предназначаемымъ для улучшенiя быта одного крестьянскаго двора или одной крестьянской общины, то юридически столь же допустимо распространенiе его на миллионы десятинъ, въ видахъ обезпеченiя миллионнаго населенiя. Можно спорить о *цѣлесообразности* такой мѣры, о ея практической осуществимости и государственной необходимости — но нельзя отрицать ея легальность, ея юридическую корректность. Мы далеки отъ мысли, чтобы председатель совѣта министровъ *хотѣлъ* пойти на встрѣчу конституционно-демократической партiи, хотѣлъ сдѣлать ей серьезную уступку; но онъ безспорно сошелъ съ той позицiи, на которой можно *принципиально* отвергать принудительное отчужденiе. Онъ устранилъ, фактически, безусловную „*fin de non recevoir*“, за которую цѣплялись, полвѣка тому назадъ, противники освобожденiя крестьянъ съ землею и цѣплются до сихъ поръ прямолинейные защитники крупнаго землевладѣнiя. Въ 1861-мъ году принудительное отчужденiе помѣщичьей земли было произведено въ размѣрахъ, далеко превосходящихъ обычную *expropriation pour cause d'utilité publique*, и на основанiяхъ, существенно отъ нея отличныхъ. Въ такихъ же — или еще большихъ — размѣрахъ, на такихъ же основанiяхъ и съ такимъ же правомъ оно можетъ быть повторено и въ настоящее время. Съ юридической почвы вопросъ долженъ быть всецѣло перенесенъ на почву политическую и экономическую.

Становясь на эту почву, председатель совѣта министровъ возстаетъ съ одинаковой энергiей и противъ аграрнаго проекта, внесеннаго въ Государственную Думу партiей к.-д., и противъ проектовъ, идущихъ отъ болѣе лѣвыхъ партiй. Примыкая, въ существенномъ и главномъ, къ первому изъ этихъ проектовъ ¹⁾, мы остановимся преимущественно на возраженiяхъ, противъ него направленныхъ. „Разъ признанъ принципъ отчуждаемости земли“ — воскликнулъ П. А. Столыпинъ, — „кто же повѣритъ тому, что, если со временемъ понадобится отчудить земли крестьянъ, онѣ не будутъ отчуждены?.. Если признавать возможность отчужденiя земли у того, у кого ея много, чтобы дать тому, у кого ея мало, то въ конечномъ выводѣ это приведетъ къ націонализации земли. Вѣдь если теперь, въ 1907 г., у владѣльца, скажемъ, трехъ тысячъ десятинъ будетъ отнято двѣ тысячи пятьсотъ и за нимъ оста-

¹⁾ Основныя положенiя этого проекта очень близко подходятъ къ тѣмъ, которыя еще раньше были развиты въ программѣ партiи демократическихъ реформъ, наиболѣе симпатичной нашему журналу.

нется пятьсотъ десятинъ культурныхъ, то съ измѣненіемъ понятія о культурности и съ ростомъ населенія онъ несомнѣнно подвергнется риску отнятія остальныхъ пятисотъ десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселиться куда-то вдаль, въ виду того только, что его сосѣдь не разоренъ, а имѣетъ, по нашимъ понятіямъ, культурное хозяйство".—Законы пишутся и издаются въ виду ближайшаго, а не отдаленнаго будущаго. Если настоятельная крестьянская нужда можетъ быть удовлетворена принудительнымъ отчужденіемъ значительной доли частновладѣльческихъ земель, то противъ этой мѣры нельзя возражать указаніемъ на вѣроятную или хотя бы неизбѣжную недостаточность ея въ послѣдствіи времени. Съ измѣненіемъ условій измѣняются и потребности, и способы удовлетворенія потребностей. Улучшеніе сельскаго хозяйства, въ связи съ общимъ поднятіемъ культуры, неизбѣжно должно увеличить производительность земли и приурочить тотъ же или еще болѣйшій доходъ къ гораздо меньшему земельному участку. Неминуемо, притомъ, должны возникнуть новыя и широко раздвинутыя существующія отрасли народнаго труда. Нѣтъ надобности, поэтому, жертвовать реальными интересами живущихъ ради предполагаемыхъ интересовъ еще не родившихся поколѣній... Пользу сохраненія культурныхъ хозяйствъ — если только они дѣйствительно достойны этого имени — безъ труда поймутъ сосѣди-крестьяне, находящіе въ нихъ и работу, и образцы для подражанія.

Предсѣдатель совѣта министровъ кажется, что проектомъ партіи народной свободы „отмѣняется право собственности на землю: она изымается изъ области купли и продажи. Никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены". Въ примѣненіи къ тѣмъ землямъ, которыхъ, въ силу проекта партіи народной свободы, не должно коснуться принудительное отчужденіе, право собственности не отмѣняется и даже не ограничивается ¹⁾. Что касается до земель отчуждаемыхъ, то ихъ предполагается отдать земледѣльческому населенію въ *постоянное пользованіе*. Это юридическое отношеніе исключаетъ, правда, возможность отчужденія земли, но вполне обезпечиваетъ за владѣльцемъ плоды его трудовъ, допуская даже наслѣдственный переходъ земли. Во всякомъ случаѣ постоянное пользованіе даетъ земледѣльцу несравненно больше, чѣмъ срочная — и въ особенности *краткосрочная* — аренда, столь распространенная въ настоящее время. Допустить сво-

¹⁾ Предсѣдатель совѣта министровъ упустилъ изъ виду, что *ограниченіе права собственности не равносильно его отмѣнѣ*. Право собственности можетъ быть полнымъ или неполнымъ. Владѣлецъ заповѣднаго имѣнія, напримѣръ, не можетъ ни продать, ни заложить его — и тѣмъ не менѣе является его собственникомъ.

бодную продажу земли, полученной путем принудительнаго отчужденія, значило бы идти прямо въ разрѣзъ съ его цѣлью и рисковать уничтоженіемъ его результатовъ... Другое недоумѣніе П. А. Столыпина касается проектируемаго „кадетами“ распредѣленія расходовъ, сопряженныхъ съ принудительнымъ отчужденіемъ, между населеніемъ, имѣющимъ получить землю, и государствомъ. „Если признать принудительное отчужденіе“ — спрашиваетъ министр, — „то какъ же наряду съ этимъ признать необходимость для всего государства, для всѣхъ классовъ населенія прийти на помощь самой нуждающейся его части“? Мы думаемъ, наоборотъ, что одно прямо вытекаетъ изъ другого. Помощь наиболѣе нуждающейся части населенія была бы неполна — а иногда даже фиктивна, — еслибы на самихъ нуждающихся была возложена всецѣло обязанность вознаградить владѣльцевъ отчуждаемыхъ земель. Интересы всего государства требуютъ принудительнаго отчужденія; на все государство должно, слѣдовательно, пасть, въ той или другой мѣрѣ, обуславливаемое принудительнымъ отчужденіемъ бремя.

Доказано ли, однако, что принудительное отчужденіе необходимо въ интересахъ всего государства, всего народа? Въ этомъ заключается, очевидно, центръ тяжести вопроса. Мы думаемъ, что утвердительный отвѣтъ подсказывается всѣмъ прошлымъ Россіи и всѣмъ ея настоящимъ. Нигдѣ нѣтъ такой тяги къ землѣ, какъ у насъ; нигдѣ не пустила такихъ глубокихъ и широко разросшихся корней мысль о правѣ на землю, тѣсно связанномъ съ работой надъ землею. Нигдѣ масса земледѣльческаго населенія не доходила до такого обѣднѣнія, близко граничащаго съ обнищаніемъ. Въ теченіе многихъ десятилѣтій самостоятельность крестьянъ парализовалась близоруккой и неумѣлой опекой, а помощь со стороны государства оказывалась имъ только по временамъ и въ недостаточныхъ размѣрахъ. Отсюда крайнее разстройство крестьянскаго хозяйства, требующее не паллиативовъ, а рѣшительныхъ мѣропріятій. Ожидать переменъ къ лучшему исключительно отъ подъема сельско-хозяйственной культуры пришлось бы слишкомъ долго: нужно *немедленное* облегченіе, а оно можетъ быть достигнуто только расширеніемъ площади землевладѣнія. Отчасти это сознаетъ и самъ предсѣдатель совѣта министровъ. „Придется“ — читаемъ мы въ его рѣчи — „всѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, живущимъ земледѣліемъ, дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельного запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо, на льготныхъ условіяхъ“. Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи г. Столыпинъ присоединяетъ къ малоземельнымъ крестьянамъ и тѣхъ, которые нуждаются въ землѣ „для улучшенія формы теперешняго землепользованія“. Съ еще большимъ правомъ слѣдовало бы отнести сюда же крестьянъ безземельныхъ, не ра-

зорвавшихъ связи съ земледѣлемъ; но если и остановиться на двухъ категоріяхъ, намѣченныхъ г. Столыпинымъ, то можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что для нихъ хватитъ земли, приобретаемой въ земельный запасъ по добровольному соглашенію съ землевладѣльцами? Гдѣ основаніе думать, что поступать на рынокъ частновладѣльческая земля будетъ именно тамъ, гдѣ въ ней особенно велика надобность? Гдѣ основаніе думать, что не будетъ чрезмѣрно поднимается цѣна на землю? „При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу“ — говоритъ г. Столыпинъ, — „цѣны на нихъ не возросли бы“; а если число предложений пойдетъ на убыль? Если въ одной мѣстности земельный запасъ будетъ достаточно великъ, а въ другой, сосѣдней — несоразмѣрно малъ, что скажутъ крестьяне, остающіеся, за отсутствіемъ предложеній земли со стороны крупныхъ владѣльцевъ, при своихъ скудныхъ надѣлахъ?.. Много лѣтъ тому назадъ, при всеобщей тишинѣ, при слабомъ развитіи народнаго сознанія, средство, рекомендуемое г. Столыпинымъ, оказалось бы, можетъ быть, до извѣстной степени дѣйствительнымъ; но успокоить ли оно теперь голодную и взволнованную массу? Отказываясь вступить на средній путь, указываемый партіей народной свободы, не увеличиваетъ ли г. Столыпинъ шансы успѣха крайнихъ лѣвыхъ партій?

Что въ пользу послѣднихъ обращаются всѣ задержки въ движеніи аграрнаго вопроса, всѣ встрѣчаемыя имъ преграды — это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго характернаго факта. 6-го марта, группа трудовиковъ внесла въ Государственную Думу проектъ основныхъ положеній земельного закона, подписанный 99-ю депутатами. Два мѣсяца спустя, 3-го мая, въ Думу внесенъ другой проектъ, составленный группой социаль-революціонеровъ и подписанный 104-мя депутатами, изъ числа которыхъ *сорока тремъ* раньше былъ подписанъ проектъ трудовиковъ. А между тѣмъ разница между обоими проектами весьма значительна. Проектъ трудовиковъ устанавливаетъ, какъ общее правило, уплату вознагражденія за земли, принудительно отчуждаемыя и добровольно уступаемыя въ общенародный земельный фондъ. Проектъ социаль-революціонеровъ, предоставляя каждому владѣльцу удержать за собою количество земли, не превышающее принятой для данной мѣстности трудовой нормы, всю остальную землю признаетъ подлежащею отчужденію безъ выкупа, т.-е. безъ всякаго вознагражденія. По мысли трудовиковъ, земельное законодательство *должно стремиться къ установленію такихъ порядковъ, при которыхъ вся земля принадлежала бы всему народу*. Первый пунктъ проекта социаль-революціонеровъ гласитъ: „всякая собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства *отнынѣ и навсегда отменяется*“. По проекту трудовиковъ земли, поступившія въ надѣлъ изъ общенароднаго фонда и превы-

шающія потребительную норму, подлежатъ особому земельному налогу; по проекту социаль-революціонеровъ за отводъ общественной земли въ частно-трудовое пользованіе не можетъ быть взимаемо никакой платы, ни въ видѣ поземельнаго налога, ни въ видѣ аренды. По проекту трудовиковъ надѣльныя земли остаются за нынѣшними ихъ владѣльцами всецѣло, по проекту социаль-революціонеровъ — только въ размѣрѣ, не превышающемъ трудовой нормы. При всемъ своемъ радикализмѣ, трудовики идутъ, слѣдовательно, не такъ далеко, какъ социаль-революціонеры; перемѣны, проектируемыя первыми, оказываются и менѣе порывистыми, и менѣе глубокими. Допуская вознагражденіе за отчуждаемыя изъ частнаго владѣнія земли, трудовики отвергаютъ, тѣмъ самымъ, внезапную, крутую ломку экономическихъ отношеній, отвергаютъ рѣзкое нарушеніе пріобрѣтенныхъ правъ, опрокидывающее всѣ понятія о справедливости и грозящее безконечными усложненіями въ будущемъ.

Оба проекта лѣвыхъ партій несвободны отъ яркихъ противорѣчій. Признавая, что земля, послѣ перехода ея къ народу, можетъ быть предоставляема въ пользованіе только тѣмъ, кто будетъ ее обрабатывать своимъ трудомъ, трудовики объявляютъ, что на такое пользованіе должны имѣть равное право всѣ граждане. Правда, въ очереди надѣленія землею преимущество отдается мѣстному населенію передъ пришлымъ, земледѣльческому — передъ неземледѣльческимъ; но *во всякомъ случаѣ* каждый трудящійся имѣетъ право на усадѣбную осѣдлость въ той мѣстности, въ которой онъ живетъ. Еще категоричнѣе выражаются социаль-революціонеры: по ихъ проекту „вся земля объявляется достояніемъ всего населенія русскаго государства, и на пользованіе этимъ достояніемъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право“. Очередь надѣленія устанавливается, однако, и этимъ проектомъ: провозглашенное въ одномъ пунктѣ равенство правъ ограничивается въ другомъ пунктѣ весьма существенно. Къ какимъ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ можетъ подать поводъ такая двойственность — это понять нетрудно. Кто *во всякомъ случаѣ* можетъ требовать для себя кусокъ земли, и притомъ — именно въ данной мѣстности, тотъ не легко примирится съ отказомъ, мотивированнымъ ссылкой на ненаступленіе очереди. Какъ ни расходятся между собою мнѣнія о количествѣ земли, могущей войти въ составъ государственнаго земельного фонда, несомнѣнно одно: далеко не вездѣ ея хватитъ даже для того, чтобы довести хотя бы до потребительной нормы земельный надѣлъ всего мѣстнаго земледѣльческаго населенія. Какимъ же образомъ можно общать ее всѣмъ и каждому?.. Право на землю, въ томъ видѣ, въ какомъ его декретируютъ проекты крайнихъ лѣвыхъ партій, кто-то сравнилъ съ правомъ всѣхъ петербуржцевъ на мѣсто на дум-

скихъ хорахъ. Опровергнуть это остроумное сравненіе пытался депутатъ, ознакомившій Думу, въ засѣданіи 3-го мая, съ аграрнымъ проектомъ социалистовъ-революціонеровъ. Онъ спросилъ, какой же выводъ дѣлается изъ вышеприведеннаго сравненія? „Тотъ ли, что мѣста на думскихъ хорахъ должны продаваться и доступъ къ нимъ долженъ быть открытъ тѣмъ, кто больше за нихъ заплатитъ? Теперь землю получаетъ тотъ, кто дастъ за нее большую цѣну, покупную или арендную — а по мнѣнію социалистовъ-революціонеровъ доступъ къ землѣ, *какъ бы мало ея ни было*, долженъ быть открытъ всѣмъ, долженъ быть свободный, подобно доступу на думскіе хоры!“. Намъ кажется, что ораторъ говорилъ не по вопросу, а подлѣ вопроса. Сравненіе, ему не понравившееся, вовсе не касалось способа приобрѣтенія — возмезднаго или безвозмезднаго — участка земли или мѣста на думскихъ хорахъ. Остріе сравненія заключалось въ томъ, что дать всѣмъ жаждущимъ земли земельный надѣлъ — столь же невозможно, какъ впустить на думскіе хоры всѣхъ желающихъ послушать думскія пренія. Еслибы двери думскихъ хоръ были всегда открыты для всѣхъ и каждаго, то въ дни особенно важныхъ засѣданій появлялись бы массы публики и мѣста брались бы чуть не съ бою, къ явной невыгодѣ для болѣе слабыхъ или менѣе энергичныхъ. Отсюда необходимость опредѣлить максимальное число лицъ, допускаемыхъ на хоры, и установить правила, регулирующія ихъ допускъ. Столь же необходимо регламентировать раздачу земли, разъ что ея не хватаетъ для всѣхъ желающихъ. Но здѣсь оканчивается аналогія. Попасть на думскіе хоры ни для кого не составляетъ насущной, жизненной потребности: не такъ ужъ трудно вовсе отказаться отъ посѣщенія Думы, еще легче примириться съ большими промежутками между посѣщеніями. Никому не придетъ въ голову говорить: такъ какъ входъ на думскіе хоры для всѣхъ свободенъ, то я хочу и могу пойти туда именно сегодня, хочу и могу ходить туда каждый день. Совсѣмъ не то — однажды провозглашенное право на землю: кому оно дано на бумагѣ, тотъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, потребуетъ немедленнаго осуществленія его на самомъ дѣлѣ, и ужъ конечно не согласится пользоваться имъ по очереди съ другими. Возбуждать, въ этой области, несбыточныя надежды, значило бы идти въ разрѣзъ съ самою простою осторожностью и самымъ элементарнымъ политическимъ смысломъ. .

Единственный серьезный противовѣсъ земельнымъ проектамъ крайнихъ лѣвыхъ партій мы видимъ въ проектѣ партіи народной свободы. Конечно, онъ не свободенъ отъ недостатковъ — но они легко могутъ быть исправлены при детальной его разработкѣ. Радикально измѣняя распределение земельныхъ владѣній, онъ не игнорируетъ ничьихъ правъ, не

разрушаетъ культурныхъ центровъ, не вырываетъ съ корнемъ цѣлый общественный классъ, много сдѣлавшій и много еще могущій сдѣлать на общую пользу, не зоветъ на землю тѣхъ, кто до сихъ поръ оставался ей чуждымъ, не даетъ неисполнимыхъ обѣщаній. Мы видимъ въ немъ путь къ мирному разрѣшенію вопроса, отъ котораго всего больше зависитъ будущее Россіи. Время не терпитъ: каждый день увеличиваетъ опасность, которою грозитъ съ одной стороны упорство правительства, съ другой—нетерпѣніе народной массы.

Въ политической области положеніе дѣлъ обострено не меньше, чѣмъ въ социальной. И здѣсь сталкиваются между собою крайности: на правомъ флангѣ стоятъ ультра-монархисты, на лѣвомъ — анти-монархисты. Приверженцамъ конституціонной монархіи—конституціонной не только по имени, но и въ дѣйствительности—приходится бороться и съ тѣми, и съ другими. При всей своей трудности, эта борьба ведется не безъ успѣха. Думскому центру, на долю котораго она преимущественно упадаетъ и въ которомъ главное мѣсто принадлежитъ конституціонно-демократической партіи, удалось достигнуть сравнительно многого. Онъ настоялъ на приступѣ къ обсужденію бюджета, на утвержденіи контингента, на широкомъ развитіи дѣятельности комиссій, на установленіи предѣловъ для общихъ, слишкомъ часто безпредметныхъ и безцѣльныхъ преній, на ограниченіи времени, посвящаемого запросамъ. Онъ провелъ наказъ, въ значительной мѣрѣ обеспечивающій производительность и быстроту думской работы. Совершенно несправедливо обвиняють „кадетовъ“ въ „виляніи“ то туда, то сюда, въ угодливости передъ крайней лѣвой. Ихъ ораторы много разъ вступали въ открытую и весьма упорную борьбу съ лѣвыми всѣхъ оттѣнковъ: достаточно припомнить засѣданіе 11-го мая, въ которомъ думскому центру удалось, послѣ большихъ усилій, отстоять законопроектъ о добавочномъ ассигнованіи 17½ милліоновъ рублей на удовлетвореніе продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія. Депутатъ Родичевъ, въ отвѣтъ на негодующіе возгласы слѣва, воскликнулъ, обращаясь къ своимъ противникамъ: „если мнѣ не удастся васъ убѣдить, я затрону вашу совѣсть... Станьте передъ своею совѣстью, станьте передъ исторіей, которой не боится правительство, но должны бояться вы. Отбросьте тѣ рѣшенія, которыя вы заготовили дома, отбросьте рѣшенія, которыя заготовлены изъ-за самолюбія. Станьте не на партійную точку зрѣнія, а на національную“ ¹⁾. Такимъ языкомъ не говорить

¹⁾ Намъ кажется, что это послѣднее слово сорвалось у Ѳ. И. Родичева, въ пылу импровизаціи, вмѣсто другого, болѣе отвѣчающаго его мысли. Въ такомъ во-

представитель партіи, желающей ладить съ воинствующими сосѣдами.

Въ пассивѣ партіи народной свободы мы должны поставить отношеніе ея къ вопросу о порицаніи террористическихъ актовъ. Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, о формальныхъ препятствіяхъ, которыя постоянно встрѣчало обсужденіе этого вопроса. Когда, въ засѣданіи 7-го мая, Думѣ предстояло выслушать заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ по поводу обнаруженія замысла на жизнь Государя Императора, въ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, составленную партіей народной свободы, какъ нельзя болѣе умѣстно было бы включить общее осужденіе политическихъ убійствъ. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, мысль объ этомъ возникла въ средѣ партіи и вызвала сочувствіе многихъ ея членовъ, но не была приведена въ исполненіе вслѣдствіе настойчивыхъ возраженій меньшинства. Пожалѣть объ этомъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе, что при томъ составѣ, въ которомъ открылось засѣданіе 7-го мая, формула перехода къ очереднымъ дѣламъ несомнѣнно была бы принята безъ преній и въ такомъ случаѣ, еслибы она обнимала собою всѣ террористическіе акты. Въ засѣданіи 15-го мая на очереди стояло назначеніе дня, когда долженъ быть рассмотрѣнъ внесенный еще въ мартѣ мѣсяцѣ проектъ резолюціи, направленной противъ террора. Одинъ изъ лѣвыхъ депутатовъ предложилъ оставить этотъ проектъ безъ обсужденія. Согласно наказу, двумъ ораторамъ было дано слово за предложеніе, двумъ—противъ него. За рассмотрѣніе проекта подано было 146 голосовъ (правые, социаль-демократы, социаль-революціонеры, народныя социалисты), противъ—215 (центр—за немногими исключеніями ¹⁾)—и трудовая группа; затѣмъ представители партій были допущены къ объясненію мотивовъ своего голосованія. І. В. Гессенъ, отъ имени конституціоналистовъ-демократовъ, ограничился заявленіемъ, что его партія руководствовалась, главнымъ образомъ „доводами дѣлового свойства“. Судя по словамъ органа партіи („Рѣчь“, № 113), эти доводы заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что вопросъ потерялъ свою остроту; всѣ фракціи его обсуждали, Дума выразила уже свое отношеніе къ одному изъ проявленій террора; возвращаться къ исчерпанной темѣ—значило бы класть камень на пути къ настоящимъ цѣлямъ Думы. Констатируя миролюбивое настроеніе партій въ слѣ-

просѣ, какъ продовольственный, можетъ идти рѣчь не о *національной*, а о *народной* точкѣ зрѣнія.

¹⁾ Отдѣлились отъ центра, на этотъ разъ, не только представитель партіи демократическихъ реформъ—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, но и конституціоналисты-демократы П. Б. Струве и С. Н. Булгаковъ.

дующемъ засѣданіи Думы (16-го мая), „Рѣчь“ продолжала радоваться благополучному устраненію „камня“, утверждая, что вопросъ, возбудившій такую тревогу, „выцвѣлъ“ и уже не привлекаетъ къ себѣ „обостреннаго интереса“.

Ожиданія газеты не оправдались; въ засѣданіи 17-го мая роковой вопросъ опять выдвинулся на сцену, съ прежнею остротою. На другой день сама „Рѣчь“ вынуждена была признать, что „предпочла бы случайнымъ и жалкимъ обрывкамъ полемики правильное обсужденіе вопроса о террорѣ, при которомъ всѣ стороны могли бы развить всю свою аргументацію“. Случилось вотъ что. Отвѣчая на запросъ объ истязаніи арестантовъ въ тюрьмахъ Прибалтійскаго края, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ нарисовалъ картину террористическихъ актовъ, имѣвшихъ мѣсто въ Лифляндіи и Курляндіи. Депутатъ города Риги противопоставилъ ей картину насилій, совершенныхъ помѣщиками и карательными отрядами. Во время дальнѣйшихъ преній возбужденіе съ обѣихъ сторонъ расло все больше и больше. „Ваше нежеланіе слышать истину“ — сказалъ одинъ изъ правыхъ — „равносильно вашему нежеланію осудить политическія убійства; вамъ нравится кровь“. Епископъ Платонъ выразилъ опасеніе, что актъ 15-го мая (т.-е. отказъ обсудить заявленіе, порицающее терроръ) будетъ понятъ „какъ общее благословеніе политическимъ убійствамъ“. „Если будетъ продолжаться терроръ“ — воскликнулъ депутатъ, всегда усиливавшійся разжечь страсти, — „если мы не выразимъ ему порицаніе, то будутъ массовые погромы и никому не будетъ пощады. Дай Богъ, чтобы этого не было, но если будетъ, то кровь падетъ на позорное засѣданіе 15-го мая“. Само собою разумѣется, что въ приподнятомъ тонѣ говорили и ораторы крайней лѣвой. Съ разныхъ сторонъ, однако, сдѣланы были попытки пополнить пробѣлъ, оставленный засѣданіемъ 15-го мая. Не только въ формулу октябристовъ, предложенную депутатомъ Капустинымъ, но и въ формулу польскаго коло, и въ формулу конституціонно-демократической партіи включено было осужденіе террористическихъ актовъ. „Признавая“ — гласила послѣдняя изъ этихъ формулъ, — „что объясненія, данныя товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, окончательно устанавливаютъ незаконныя дѣйствія полицейской власти въ Прибалтійскомъ краѣ, часть коихъ составляетъ предметъ судебного разслѣдованія, что совершавшіяся въ этомъ краѣ многочисленныя убійства и другія возмутительныя преступленія не должны быть терпимы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ служить поводомъ для должностныхъ лицъ совершать нарушенія закона, — Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. Оказалось, къ сожалѣнію, что не одно и то же — сдѣлать осужденіе террора предметомъ особой самостоятельной резолюціи или включить его, какъ

составную часть, въ формулу, главнымъ предметомъ которой является оцѣнка образа дѣйствій тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ. Совершенно понятно, что при голосованіи 17-го мая имѣлась въ виду, больше всего, именно эта оцѣнка. Формуль перехода къ очереднымъ дѣламъ было предложено восемь. Ни одна изъ нихъ не получила большинства голосовъ. Когда, послѣ перерыва засѣданія, предложено было продолжать пренія и вотировать вновь внесенную формулу, правые, умѣренные и центръ совершенно правильно усмотрѣли въ этомъ нарушеніе парламентскихъ порядковъ и воздержались отъ голосованія. Формула, принятая, затѣмъ, лѣвыми партіями, ограничивалась признаніемъ незаконности дѣйствій властей въ Прибалтійскомъ краѣ.

Возвратимся теперь къ засѣданію 15-го мая и посмотримъ, что помѣшало тогда приступить къ обсужденію вопроса о террористическихъ актахъ. Ораторы, возстававшіе противъ обсужденія, разсуждаютъ такъ: вопросъ въ принципиальномъ смыслѣ еще не выясненъ; предлагается выразить порицаніе лицамъ, которыхъ Дума не знаетъ, можетъ быть лицамъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ; такое порицаніе имѣло бы чисто митинговый характеръ. Если правительство, располагающее войскомъ и жандармами, не можетъ справиться съ ненормальнымъ явленіемъ русской жизни, то что же могутъ сдѣлать пятьсотъ народныхъ представителей, находящихся подъ опекой начальника думской охраны? Нелогично обращеніе къ авторитету Думы со стороны тѣхъ, кто ежедневно втоптываетъ его въ грязь. Развѣ они считаютъ думскую кафедру тѣмъ мѣстомъ, съ котораго достаточно сдѣлать заявленіе, чтобы положить конецъ террористическимъ актамъ? Сама Дума чувствуетъ ли въ себѣ нравственную мощь, способную остановить то или другое террористическое дѣйствіе? Еслибы постановленіе, котораго отъ нея ожидаютъ, и состоялось, то убійства должностныхъ лицъ продолжались бы по прежнему, потому что они вызываются правительственными репрессіями, которыя Дума прекратить не въ силахъ. Предложеніе осудить терроръ слѣдуетъ отклонить уже потому, что оно исходитъ изъ праваго лагеря... Печать, съ своей стороны, старалась доказать, что идти на обсужденіе вопроса, поднятаго съ явною цѣлью дискредитировать народное представительство, значило бы унижить достоинство Думы. „Своимъ отказомъ разговаривать съ обвинителями“—по словамъ „Рѣчи“—„Дума достойно отвѣтила на гнусную попытку заставить ее сдѣлать выборъ между революціей и реакціей. Ни революціи, ни реакціи: таковъ смыслъ гордаго отвѣта Думы“.

Убѣдительность всѣхъ этихъ аргументовъ кажется намъ крайне слабой. Слишкомъ велико значеніе, отводимое ими происхожденію вопроса. Что онъ былъ поднятъ съ цѣлью возстановить правительство

противъ Думы и подготовить ея распушеніе—это безспорно. Говоря, два мѣсяца тому назадъ, о первоначальномъ проектѣ резолюціи, предложенномъ крайней правой, мы назвали его ловушкой, неумѣлой, но коварной; мы нашли совершенно естественнымъ отказъ Думы тогда же сказать вымогаемое отъ нея слово, къ навязываемой редакціи — но вмѣстѣ съ тѣмъ мы выразили надежду, что Дума съумѣетъ, рано или поздно, найти надлежащую формулу отвѣта, столь же мало „митинговую“, какъ и другія мотивированныя резолюціи о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ. Рѣшенія Думы ожидали не одни только провокаторы, не одни только противники новыхъ порядковъ, новаго государственнаго строя: его ждали широкіе общественные круги, ждала народная масса. Терроръ, такъ долго тяготѣющій надъ Россіей, не принадлежитъ къ числу явленій, мимо которыхъ молча можетъ пройти народное представительство. Оно должно возвысить свой голосъ, возвысить его въ ту минуту и по тому поводу, которые найдетъ удобными. „Принципіальный смыслъ“ вопроса о террорѣ установить не трудно: онъ одинаково ясенъ и совѣсти, и уму. Дѣло не въ лицахъ, а именно въ принципахъ. Болѣе чѣмъ странно было бы выражать порицаніе тѣмъ, кто уже навсегда сошелъ со сцены или ожидаетъ судебного приговора. Нужно только провозгласить во всеуслышанье, что терроръ, понижая цѣнность человѣческой жизни, заглушая нравственное чувство, приучая разсчитывать на грубое насилие, не приводитъ къ цѣли, даже не приближаетъ къ ней, и скорѣе укрѣпляетъ, чѣмъ ослабляетъ то зло, въ борьбѣ съ которымъ онъ видитъ свое оправданіе. Утверждать, что осужденіе террора, произнесенное Думой, оказалось бы бесплоднымъ, значить относиться къ Думѣ съ такимъ скептицизмомъ, который былъ бы болѣе къ лицу ея противникамъ. Не нужно имѣть реальной власти, чтобы обладать нравственною мощью. Чтò не по силамъ войску и жандармамъ, то можетъ быть достигнуто Думой, которой довѣряетъ народъ. Пускай ее стараются унижить систематическіе ея враги; старанія ихъ останутся тщетными, разъ что она сама вѣритъ въ свое призваніе. Какъ бы бессмысленна и докучлива ни была охрана, удручающая депутатовъ, свобода слова остается за Думой всецѣло... Еслибы даже резолюція, осуждающая терроръ, и прошла безслѣдно, авторитетъ Думы отъ этого бы не пострадалъ: его укрѣпило бы сознаніе исполненнаго долга.

Сомнѣніе въ цѣлесообразности подробнаго обсужденія вопроса о террорѣ можетъ возникнуть въ виду того, что за обсужденіе голосовали, 15-го мая, съ одной стороны—крайніе правые, съ другой—крайніе лѣвые. Какъ тѣ, такъ и другіе конечно не внесли бы въ дебаты примирительнаго, спокойнаго настроенія. Выходки правыхъ могли бы

оказаться слишкомъ тяжкимъ испытаніемъ терпѣнія лѣвыхъ; рѣзкости лѣвыхъ могли бы подлить немало воды на мельницу правыхъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что, кромѣ извѣстныхъ уже намъ мотивовъ, центръ и трудовики руководились еще другими, прямо невысказанными, но достаточно вѣскими? Къ такому заключенію можно было бы придти развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы роковой вопросъ, послѣ засѣданія 15-го мая, остался навсегда забытымъ и снятымъ съ очереди; но вѣдь мы уже знаемъ, что не дальше, какъ два дня спустя, онъ опять выступилъ на сцену, увеличивая, какъ всегда, сумму взаимнаго раздраженія. Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что болѣе онъ не возникнетъ. Мы думаемъ, поэтому, что лучше было бы покончить съ нимъ разъ навсегда. Что большинствомъ голосовъ ему было бы дано правильное, желанное рѣшеніе—въ этомъ убѣждаетъ насъ, прежде всего, резолюція, принятая Думою 7-го мая. И раньше уже въ Думѣ слышались, не на одной только правой сторонѣ, голоса, враждебные террору ¹⁾. Еще больше ихъ раздавалось въ засѣданіи 17-го мая—и они встрѣчали сочувственный, иногда восторженный откликъ. „Мы всѣ слишкомъ захвачены политикой“,—сказалъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ:—„я призываю васъ отдаться непосредственно своему чувству. Ни среди максималистовъ, ни среди крайнихъ членовъ союза русскаго народа нѣтъ людей, жаждущихъ жестокости ради жестокости. У нихъ мысль затуманена. Надо имъ сказать, что человѣческая жизнь должна цѣниться. Каждый изъ насъ долженъ отозваться велѣнію своего сердца. Пусть каждый скажетъ громко: долой насиліе, долой терроръ! Да здравствуетъ спокойствіе въ нашемъ отечествѣ!“ На эти слова Дума отвѣтила шумными и продолжительными рукоплесканіями. Въ томъ же духѣ говорилъ С. Н. Булгаковъ, членъ партіи народной свободы. „Мы живемъ“—воскликнулъ онъ—„въ ужасѣ, и нервы наши и чувства до того притупились, что мы его уже не замѣчаемъ. Выходъ долженъ быть найденъ не въ гибели той и другой стороны, а въ примиреніи. Мы должны вывести страву изъ того ужаса и кошмара, въ которомъ она находится. Долженъ вырваться единственный крикъ и стонъ—перестаньте, остановитесь!.. Можетъ быть, это только очистка передъ совѣстью, но мы должны это сдѣлать“. Даже графъ Бобринскій заявилъ, что осуждаетъ терроръ какъ слѣва, такъ и справа. Мы думаемъ, поэтому, что упущенное 15-го и 17-го мая можетъ еще быть сдѣлано Думой. Удобный для того моментъ наступитъ, напримѣръ, тогда, когда на очередь будетъ поставленъ вопросъ о смертной казни. Осуждая правительственный терроръ, Дума вправѣ выразить порицаніе террору революціонному. Никому не придется въ голову утвер-

¹⁾ См. Внутр. Обзоръ. въ № 4 „Вѣстника Европы“, стр. 760.

ждать, что она уступаетъ, при этомъ, давленію правыхъ: вѣдь не отъ нихъ же, конечно, будетъ исходить резолюція, порицающая, съ одинаковою силой, *все* виды кровавой расправы... Недостаточно воскликнуть: „ни революціи, ни реакціи“! Необходимо наметить дорогу, ведущую между ними; необходимо показать, что угрожающій ее тяжелый камень—не вопросъ о террорѣ, а самый терроръ, въ какой бы цвѣтъ онъ ни былъ окрашенъ: бѣлый, черный или красный.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1907.

I.

- П. Кропоткинъ, Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англійскаго. Переводъ В. Батурянскаго, подъ редакціей автора. Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Изданіе тов. „Знаніе“. 1907. Стр. 367.

Въ оглавленіи на первомъ мѣстѣ, указано „Предисловіе къ русскому изданію“, но этого предисловія не оказалось ни въ одномъ изъ двухъ экземпляровъ книги, которые были у насъ въ рукахъ. Между тѣмъ книга г. Кропоткина безусловно нуждалась въ такомъ предисловіи; иначе, безъ помощи автора, невозможно понять ея цѣль и назначеніе.

Въ 1901 году г. Кропоткинъ прочиталъ въ Бостонѣ восемь лекцій по исторіи русской литературы, затѣмъ онъ обработалъ свой курсъ для печати и выпустилъ его въ 1905 году подъ заглавіемъ: *Russian literature* ¹⁾; теперь эту свою англійскую книгу авторъ, „пересмотрѣвъ и дополнивъ“ ее, предлагаетъ вниманію русскихъ читателей. „Пересмотрѣвъ“ въ этомъ случаѣ должно было значить—переработать, потому что русской публикѣ очевидно нельзя рассказывать о ея писателяхъ того же, что можно и нужно сообщать о нихъ англичанамъ. Но на протяженіи всей книги мы замѣтили только четыре строки, гдѣ дѣйствительно обнаружилась забота автора о *русскомъ* читателѣ; это—совершенно лишнее примѣчаніе на стр. 88-й,—объясненіе всѣмъ намъ извѣстнаго слова „джинго“. Во всемъ остальномъ книга рѣшительно игнорируетъ нужды, интересъ и—смѣемъ сказать—терпѣніе русскихъ читателей.

¹⁾ См. отзывъ о ней въ „Научномъ Словѣ“ 1906, кн. X.

Вполнѣ естественно, что, знакомя иностранцевъ съ русской литературой XIX столѣтія, г. Кропоткинъ треть своей книги удѣлилъ біографіямъ и пересказу содержанія главныхъ произведеній нашихъ писателей; но какой смыслъ имѣло сохранить все это въ русскомъ переводѣ? Вотъ на трехъ страницахъ изложеніе содержанія „Онягина“. „...Вслѣдствіе различныхъ причинъ ему приходится провести лѣто въ собственномъ имѣніи, гдѣ въ близкомъ сосѣдствѣ живетъ молодой поэтъ, Ленскій, получившій образованіе въ Германіи и полный германскаго романтизма. Они дѣлаются большими друзьями и заводятъ знакомство съ семьей помѣщика, живущей по сосѣдству“, — и т. д., въ томъ же тонѣ, съ выдержками (рѣчь Татьяны)! И такимъ же образомъ, точно въ учебникѣ для младшихъ классовъ, излагаются „Мцыри“, „Герой нашего времени“, „Ссора Ив. Ив. съ Ив. Никиф.“ (подробно, 1½ стр., съ цитатами), „Ревизоръ“ (съ предварительнымъ поясненіемъ, что „ревизоромъ въ Россіи называютъ обыкновенно какого-нибудь важнаго чиновника, посылаемаго“ и т. д.), „Мертвыя души“, „Горе отъ ума“ и т. д. Для русскаго читателя все это, разумѣется, чрезвычайно скучно, а главное, совсѣмъ не нужно. Очевидно, все осталось „по-англійски“; и по-англійски же остались нерѣдкія указанія на англійскій переводъ того или другого произведенія, подробное поясненіе русскихъ цензурныхъ условій, извѣстныхъ каждому русскому гимназисту, и т. п. Авторъ не позаботился даже исправить въ русскомъ переводѣ свои многочисленныя ошибки и невѣрныя утвержденія, которыя и въ англійской книгѣ предосудительны, а въ русской книгѣ о русской литературѣ представляютъ непростительную небрежность. Пушкинъ ухалъ съ Раевскими не изъ Кишинева. (стр. 47), онъ былъ убитъ не тридцати-пяти лѣтъ отъ роду (стр. 48), Лермонтовъ не былъ исключенъ изъ Московскаго университета за Маловскую исторію (стр. 58), Гоголь дебютировалъ рассказами изъ малороссійской жизни не въ 1829 году (стр. 74), дѣйствіе „Тараса Бульбы“ происходитъ не въ XV вѣкѣ (стр. 78), и т. д., и т. д.; нельзя сказать, что „Пушкинъ началъ свою карьеру пересказомъ въ стихахъ сказокъ своей старой няни, которыя онъ любилъ слушать въ долгіе зимніе вечера“ (здѣсь *все* невѣрно); нельзя сказать, по поводу пожалованія камеръ-юнкерства Пушкину: „Вѣдному Пушкину, такимъ образомъ, приходилось вести жизнь мелкаго чиновника при Зимнемъ дворцѣ“, и т. д.

Не меньшее удивленіе вызываетъ и планъ книги. Если у насъ вообще смѣшиваютъ исторію художественной литературы и исторію умственныхъ движеній общества, достигая тѣмъ обычно лишь безнадѣжной путаницы, то г. Кропоткинъ въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Его цѣль, казалось бы, представить анализъ русской художественной литературы; между тѣмъ у него

нѣтъ и намека на эволюцію художественныхъ формъ, и съ другой стороны, онъ вводитъ въ свое изложеніе рѣшительно всю область русскаго печатнаго слова — исторію, публицистику, этнографическія изслѣдованія и т. п. Въ результатѣ не оказывается ни исторіи поэтическаго творчества, ни исторіи общественной мысли, а большой ворохъ перемѣшанныхъ кусковъ той и другой, съ механическими добавленіями „для полноты“ на придачу. Этой бессистемности соответствуетъ, конечно, и распредѣленіе матеріала. Почему Далю удѣлена цѣлая страница, Эртелю 2½, Хвощинской 3, — а Баратынскому и Тютчеву *амтъ* столько же, сколько Козлову или Панаеву (а именно ½ стр.), Марлинскому столько же, сколько Шевченкѣ, и обонимъ меньше, чѣмъ Мемъ? Почему отведено по нѣскольку строкъ даже Гербелю, Минаеву, Нарѣжному и т. п., а Слѣпцовъ только одинъ разъ *упомянутъ*, и притомъ такъ глубоко-невѣрно, что пріятнѣе было бы совсѣмъ не встрѣтить его въ книгѣ? Вотъ эта плачевная фраза: „Попытка воспользоваться народомъ лишь какъ матеріаломъ для смѣхотворныхъ разсказовъ, сдѣланная Николаемъ Успенскимъ и В. А. Слѣпцовымъ, имѣла лишь кратковременный успѣхъ“; и больше о Слѣпцовѣ ни слова.

Самое изложеніе отличается тою же бессистемностью и отнюдь не блещетъ ни глубиною, ни оригинальностью взглядовъ. За немногими исключеніями, авторъ даетъ лишь то, что давно стало у насъ историко-литературнымъ шаблономъ: старыя несложныя (и въ сущности совершенно невѣрныя) оцѣнки, обобщенія въ духѣ А. М. Скабичевскаго, примитивныя эстетическія сужденія. Вы напрасно стали бы искать цѣльныхъ психологическихъ портретовъ или характеристики міровоззрѣній нашихъ корифеевъ. Невозможно неряшливѣе, и потому безсодержательнѣе, характеризовать писателя, чѣмъ это сдѣлано съ Бѣлинскимъ на стр. 317-ой разбираемой книги; то, что сказано о Д. С. Мережковскомъ на стр. 339—340, представляетъ собою поистинѣ Геркулесовы столпы незнанія или непониманія, а оцѣнка глубокой и удивительной поэзіи Тютчева такова, что становится грустно. Какова вообще степень философски-психологической глубины анализа въ книгѣ г. Кропоткина, можно видѣть хотя бы на его отзывѣ о Тургеневскихъ „Довольно“ и „Призраки“. Въ этихъ потрясающихъ страницахъ, гдѣ человекъ стоитъ лицомъ къ лицу предъ грозной тайной бытія, предъ вѣчными загадками собственнаго духа, нашъ авторъ видитъ не что иное, какъ результатъ „отчаянія въ будущности Россіи“, вызваннаго крушеніемъ тѣхъ надеждъ, „которыя Тургеневъ и его лучшіе друзья возлагали на представителей реформаціоннаго движенія въ 1859—1863 годахъ“; и онъ прибавляетъ, что отъ „этого тягостнаго чувства“, которымъ были порождены „Призраки“ и „До-

вольно“, Тургеневъ освободился „лишь тогда, когда увидѣлъ зарожденіе въ Россіи новаго движенія — „въ народъ“, — начавшагося среди молодежи въ началѣ семидесятыхъ годовъ“! Какъ просто рѣшаются загадки вѣчныхъ судебъ, какъ легко заполняются бездны и провалы человѣческаго духа!

Надо однако замѣтить, что у г. Кропоткина есть вѣрная и значительная идея о характерѣ русской литературы. Главнымъ ея отличіемъ онъ считаетъ своеобразное соединеніе реализма съ идеализмомъ, „реалистическое описаніе характеровъ и событій, подчиненное идеалистическимъ цѣлямъ“. Онъ справедливо противопоставляетъ ее западному реализму, который, довольствуясь только бездушнымъ воспроизведеніемъ существующаго, да и то не въ полномъ его объемѣ, а лишь въ его худшей, наиболѣе низменной части, совершенно искажаетъ картину дѣйствительности: истинный реализмъ воспроизводитъ всю жизнь въ цѣломъ, какъ сплетеніе низменнаго съ высокимъ, освѣщая ее сосредоточеннымъ свѣтомъ идеала; и таковъ именно реализмъ русскаго искусства.

Эту вѣрную мысль авторъ (судя по заглавію, которое онъ далъ русскому переводу своей книги) очевидно хотѣлъ положить въ основу всего своего изложенія. Къ сожалѣнію, онъ этого не сдѣлалъ: онъ нѣсколько разъ излагаетъ свой взглядъ теоретически, но почти нигдѣ не проводитъ его въ анализѣ произведеній нашей изящной словесности, а если и проводитъ, то чисто словесно (напримѣръ, въ главѣ о народникахъ). Въ единственномъ же случаѣ, гдѣ онъ попытался вплотную примѣнить свою мысль объ „идеалистическомъ реализмѣ“, — въ главѣ о Горькомъ, — получилось своего рода недоразумѣніе. Горькій, по мнѣнію г. Кропоткина, „наконецъ нашелъ то счастливое соединеніе реализма съ идеализмомъ, за которымъ русскіе беллетристы-народники гнались столько лѣтъ“; но развѣ та нарочитая идеализація, которую сдѣлалъ своей привычкой Горькій, имѣетъ что-нибудь общее съ внутреннимъ свѣтомъ идеала, озаряющимъ и просвѣтляющимъ дѣйствительность интуитивно, почти безъ сознанія поэта? Вѣдь это такая же разница, какъ между *тенденціей* какого-нибудь романа Шеллера и *идеей* „Гамлета“ или „Донъ-Кихота“.

Въ общемъ намъ кажется, что г. Кропоткинъ сдѣлалъ серьезную ошибку, взявшись за несвойственное ему дѣло; онъ далъ книгу въ высокой степени безпорядочную и неряшливую, не вредную, но и не нужную, гдѣ новаго слишкомъ мало, а старое чересчуръ старо. Истинно-русская книга, возможная только у насъ; издай французъ въ Парижѣ такую книгу о французской литературѣ или нѣмецъ въ Германіи о нѣмецкой, печать осыпала бы ее насмѣшками.

Но само собою разумѣется, что глубоко-симпатичная личность

П. Кропоткина не могла не отразиться и въ этой неудачной книгѣ. Дѣйствительно, въ ней есть нѣсколько очаровательныхъ страницъ: это тѣ, гдѣ его перомъ водило его чуткое, нѣжное, сострадающее сердце. Какъ хороши, напримѣръ, слѣдующія строки о Толстовскомъ „Люцернѣ“: „Чувства Нехлюдова вполне справедливы, но, читая повѣсть, страдаешь за бѣднаго музыканта и испытываешь чувство негодования противъ русскаго дворянина, который пользуется музыкантомъ въ качествѣ розги для наказанія туристовъ, совершенно не замѣчая при этомъ, какъ страдаетъ бѣдный музыкантъ во время этого нагляднаго урока морали“. Трогательна своей теплотой и искренностью самая любовь г. Кропоткина къ нѣкоторымъ писателямъ,—къ Тургеневу, Хвощинской и др., какъ и причины его нелюбви къ другимъ. Онъ не любитъ Салтыкова за то, что его сатира только отпугивала людей отъ пошлости, но не вліяла положительно, не увлекала „въ станъ погибающихъ за великое дѣло любви“, „а тѣмъ болѣе — побѣждающихъ во имя этой любви“. Достоевскаго онъ совершенно не понимаетъ, и однако страницы, посвященныя Достоевскому, на нашъ взглядъ — лучшія въ его книгѣ. Многие претитъ ему въ Достоевскомъ; изложивъ содержаніе „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, онъ замѣчаетъ: „Все это вполне возможно; подобныя положенія встрѣчаются въ дѣйствительной жизни, и все это рассказано Достоевскимъ такимъ образомъ, что читатель чувствуетъ глубочайшее состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; но даже въ этомъ романѣ удовольствіе, которое авторъ находитъ въ изображеніи безграничнаго униженія и рабства героевъ романа и наслажденія, которое они испытываютъ отъ причиненныхъ имъ страданій и униженій,—дѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ на всякаго, обладающаго здоровымъ, неизвращеннымъ умомъ“. Еще рѣзче его отзывъ о „Братьяхъ Карамазовыхъ“, въ которыхъ онъ не видитъ ничего, кромѣ искусственныхъ эффектовъ моралистическаго или психо-патологическаго свойства, и вообще въ Достоевскомъ онъ цѣнитъ только одно: его великую любовь къ человѣку на самомъ днѣ паденія и реализмъ въ изображеніи нужды и горя; „его будутъ читать,—говоритъ онъ,—не ради художественной законченности, которая отсутствуетъ въ его произведеніяхъ, а ради разлитой въ нихъ доброты, ради реальнаго воспроизведенія жизни бѣдныхъ кварталовъ большихъ городовъ и ради той безконечной симпатіи, которую внушаютъ читателю такія существа, какъ Соня Мармеладова“. Въ этой оцѣнкѣ совсѣмъ нѣтъ Достоевскаго, потому что нѣтъ и намека на главное въ немъ — на его страстные религіозныя исканія, — но зато въ ней вполне отразился П. Кропоткинъ съ его любящей душою, и тѣмъ-то она хороша.

II.

— Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ.—С.-Петербургъ. 1907. Стр. 96.

„Записки“ Пущина, написанныя имъ частью еще въ Сибири, частью по возвращеніи оттуда, въ концѣ 50-хъ годовъ, давно извѣстны: еще въ 1859 году Е. И. Якушинъ, для котораго онѣ и писаны, напечатавъ значительную часть ихъ въ „Атеней“, затѣмъ Герценъ въ „Полярной Звѣздѣ“ сообщилъ дополненія, и наконецъ въ 1899 г. Л. Н. Майковъ въ своей книгѣ о Пушкинѣ далъ, казалось, полный текстъ „Записокъ“. Оказывается, однако, что и онъ принужденъ былъ опустить послѣднія страницы, и вотъ, только теперь передъ нами первое полное изданіе „Записокъ“ съ подлинной рукописи.

Какъ извѣстно, Пущинъ былъ товарищемъ и ближайшимъ другомъ Пушкина въ лицей; въ „Запискахъ“ Пущина и заключено самое цѣнное, что мы знаемъ о лицейской жизни Пушкина. Драгоценно въ нихъ даже не столько обиліе фактическихъ данныхъ, хотя и въ этомъ отношеніи онѣ далеко превосходятъ всѣ остальные наши матеріалы: всего важнѣе ихъ тонъ и манера изложенія. Если въ мемуарахъ надо дорожить больше всего вѣрностью изображенія прошлаго, то „Записки“ Пущина—классическій образецъ воспоминаній. Какъ прибрежныя деревья и тающія облака отражаются въ тихой водѣ передъ закатомъ въ лѣтній день, такъ вѣрно и невозмутимо воспроизводитъ ясная душа Пущина далекіе лицейскіе годы. Горькій жизненный опытъ, тридцатилѣтняя сибирская ссылка не исказили его души; только еще глубже и яснѣе стали умъ и чувство, мягче стойкость убѣжденій, возвышеннѣйшая строгая и вмѣстѣ младенческая честность всего существа; такую удивительную простоту, такое совершенное отсутствіе тщеславія, фразы, рисовки даже среди его сверстниковъ рѣдко можно встрѣтить, — а то поколѣніе было богато кристальными характерами. И оттого все, о чемъ онъ рассказываетъ, встаетъ передъ нами такъ просто и осязательно и освѣщено такимъ ровнымъ яснымъ свѣтомъ, что незамѣтно вы переноситесь въ ту обстановку и видите жизнь, какою она была. Это—не художественное возсозданіе правды, но это не хуже его; даже можно сказать, что это и есть кратчайшій путь къ правдѣ.

И между тѣмъ — какой теплый колоритъ лежитъ на этихъ „Запискахъ“! Пущинъ свято хранить память о чудесныхъ лицейскихъ годахъ и о дружбѣ Пушкина. Онъ знаетъ величіе Пушкина, и однако въ немъ нѣтъ и тѣни идолопоклонства или тщеславія по поводу

блеска, который эта дружба бросает на него самого. Онъ просто любить Пушкина за него самого и за совмѣстную юность, любить нѣжно и любитъ его гениемъ, какъ старшій братъ. Такой любовью безъ зависти и корысти дышать еще письма Нащокина къ Пушкину. Описывая свой знаменитый прїѣздъ къ Пушкину въ Михайловское въ 1825 году и рассказавъ, какъ Пушкинъ выскочилъ къ нему нагишомъ на морозъ и какъ они горячо обнялись, онъ говоритъ: „Наконецъ пробила слеза,—она и теперь“,—прибавляетъ онъ,—„черезъ тридцать три года, мѣшаешь писать въ очкахъ“. Но онъ знаетъ разницу между нимъ и собой и заднимъ числомъ преклоняется передъ неисповѣданными судьбами избраннаго. Когда Пушкинъ, послѣ курса лицея, увивался вокругъ аристократовъ—Орлова, Чернышева и др., которые съ покровительственной улыбкой выслушивали его остроты, честный Пушкинъ страдалъ за него и старался образумить; но теперь онъ съ трогательнымъ смиреніемъ пишетъ объ этомъ: „Видно, впрочемъ, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая намъ слѣпыми глаза“.

„Записки“ Пушкина цѣнны вдвойнѣ—ради Пушкина и Пушкина, и потому мы радушно привѣтствуемъ это первое полное и первое отдѣльное изданіе ихъ, которое отнынѣ легко доступно всѣмъ. Къ „Запискамъ“ приложены двѣ замѣтки Е. И. Якушкина о Пушкинѣ и неизданный прекрасный портретъ Пушкина на акварели, рисованной Н. А. Бестужевымъ.

III.

— Проф. Евгений Бобровъ. Дѣла и люди. Сборникъ статей. Юрьевъ, 1907. Стр. 209.

Въ книгѣ проф. Боброва два десятка статей, между которыми нѣтъ ничего общаго, кромѣ общей имъ всѣмъ, за немногими исключеніями, ненужности, случайности и скуки. Преобладаютъ по числу „переложенія“, гдѣ случайныя статьи, неизвѣстно зачѣмъ, излагаются по-ученически. Излагается статья одного краковскаго профессора „о значеніи восточной философіи“; тутъ же даѣе г. Бобровъ излагаетъ содержаніе „Путешествія“ Москотильникова изъ Казани въ Москву, напечатаннаго въ подлинникѣ имъ самимъ въ одномъ изъ предыдущихъ его сборниковъ (у г. Боброва множество сборниковъ, совершенно сходныхъ съ разбираемымъ); затѣмъ излагаются „Матеріалы“ г. Отто о гр. Аракчеевѣ; еще дальше излагаются безъ всякой внутренней связи всевозможныя чужія статьи о Л. Н. Толстомъ—Брандеса, Козлова, Гижицкаго и т. п. и сообщаются мысли самого г. Боброва объ этикѣ Толстого. Затѣмъ нѣсколько „статей“ представляютъ собою

отзывы о студенческих работах на соисканіе медалей, представленныя г. Бобровымъ въ факультетъ,—о философіи Парменида, о философскихъ взглядахъ Бѣлинскаго, и пр.; еще дальше—совершенно безсодержательныя воспоминанія г. Боброва о Л. Е. Баратынскомъ, сынѣ поэта, гдѣ меньше всего говорится о поэтѣ, мелочи о Полежаевѣ (подъ заглавіемъ: „Полежаевіана“), и т. д.

Среди тогохлама, которымъ г. Бобровъ обычно наполняетъ свои многочисленныя сборники, въ прежніе годы попадались иногда и полезныя вещи,—напримѣръ, сводка всѣхъ печатныхъ свѣдѣній объ извѣстномъ іезуитѣ Печеринѣ, матеріалы о Полежаевѣ, и проч. На этотъ разъ любопытнаго мало, но кое-что все-таки слѣдуетъ отиѣтить. Любопытенъ совершенно забытый эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого, воспроизводимый г. Бобровымъ на основаніи современныхъ газетныхъ сообщеній. Въ іюлѣ 1866 года ротный писарь 65-го московскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго по деревнямъ въ тульской губерніи, рядовой Шабунинъ въ пьяномъ видѣ пришелъ въ ротную канцелярію; вскорѣ затѣмъ сюда явился ротный командиръ, котораго онъ давно ненавидѣлъ за жестокость. Убѣдившись, что Шабунинъ пьянъ, ротный велѣлъ посадить его въ карцеръ и приготовить для него розогъ. Когда ротный вышелъ, Шабунинъ пошелъ за нимъ и сказалъ: „За что же меня въ карцеръ, поляцкая морда? вотъ я тебѣ дамъ!“ и сильно ударилъ ротнаго въ лицо, такъ что потекла кровь. На слѣдствіи Шабунинъ сначала показалъ, что былъ пьянъ и ничего не помнить, но потомъ онъ далъ второе, письменное показаніе, писанное его собственной рукою, гдѣ изложилъ все, какъ было: „онъ писалъ, что оскорбилъ офицера съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ, и объяснилъ свой поступокъ жестокимъ обращеніемъ съ нимъ поляка—ротнаго командира. Ожидающую его участь онъ, разумѣется, зналъ, и хотѣлъ только облегчить свою совѣсть. Шабунинъ добавилъ, что распоряженія насчетъ розогъ онъ не слышалъ“.—Черезъ десять дней надъ Шабунинимъ въ Тулѣ былъ наряженъ военно-полевой судъ; разбирательство было гласное, и защиту Шабунина принялъ на себя Л. Н. Толстой. Въ виду полного признанія подсудимаго защитникъ могъ просить только о смягченіи наказанія. Л. Н. Толстой въ своей защитительной рѣчи не отрицалъ тяжести вины Шабунина, но онъ пытался доказать, во-первыхъ, что Шабунинъ — душевно-больной, „лишенный одной изъ главныхъ способностей человѣка, способности соображать послѣдствія своихъ поступковъ“; во-вторыхъ, онъ указывалъ на общій духъ нашего уголовнаго законодательства, всегда склоняющій вѣсы правосудія на сторону милосердія. Успѣха Толстой, конечно, не достигъ: судъ приговорилъ Шабунина къ разстрѣлянью, и въ началѣ августа приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Самое цѣнное, что есть въ книгѣ г. Боброва, это—воспроизведенный по матеріаламъ университетскаго архива эпизодъ изъ жизни казанскихъ студентовъ 1815 года: дѣло „о шалости“ студента Бабановскаго, по бытовой живописности, можетъ выдержать сравненіе съ извѣстными описаніями жизни и подвиговъ средневѣковаго бродячаго студенчества, а сами дѣйствующія лица такъ и просятся на полотно по своей удивительной русской типичности. „Дѣло“ состояло въ томъ, что студентъ Бабановскій, подлинный Митрофанушка, высѣкъ крапивою по голому тѣлу 11-ти-лѣтнюю дочь сторожа при университетской обсерваторіи будто бы за то, что она крада въ университетскомъ саду крыжовникъ. На ея крикъ выбѣжалъ ея отецъ, и между нимъ и студентомъ завязался такой діалогъ. Сторожъ заявилъ, что пойдетъ жаловаться ректору; на это студентъ отвѣтилъ:

— Сидѣшь ты со мною, съ благороднымъ, говорить!

— Всегда смѣю съ вами говорить объ дочери моей.

— Ты за это сквозъ строй пройдешь!

— За свою дочь сквозъ строй пройду. Но, пожалуйста, пойдите къ Ивану Осиповичу (ректору)!

— Я самъ не хуже Ивана Осиповича! Я самъ благородный, а отецъ у меня полковникъ.

Это одна типичная фигура, а вотъ и другая: профессоръ-иностранецъ, директоръ обсерваторіи Литтровъ. Ему первому обиженный сторожъ принесъ жалобу, какъ своему непосредственному начальству. Литтровъ горячо принялъ къ сердцу его обиду и вступилъ въ переписку съ ректоромъ (натурально, по-нѣмецки); самъ же онъ, чрезъ того же сторожа, собралъ и справки о Бабановскомъ. Оказалось, что ему 15 лѣтъ, онъ изъ Тобольска, ходитъ въ зеленомъ камзолѣ, пропадаетъ цѣлыми днями и очень любитъ водку; болѣе подробныхъ свѣдѣній сторожу получить не удалось, такъ какъ питомцы музъ (die Musensöhne) выпроводили его изъ казеннаго общежитія палками. — Пока шло слѣдствіе, Бабановскій съ товарищами не дремали. Прежде всего они надѣлали дерзостей Литтрову, а затѣмъ, изловивъ несчастнаго сторожа, принялись нещадно бить его кулаками; напрасно онъ умолялъ отпустить его, ссылаясь на свои служебныя обязанности („теперь не время — звѣзды взошли“, — дѣло было къ вечеру); наконецъ, онъ принялся кричать „нездоровымъ матомъ“. Услыхавъ его крикъ, Литтровъ выглянулъ въ окно обсерваторіи и „по-своему“ сказалъ: „подите сюда“. При его появленіи часть студентовъ разбѣжалась, а нѣсколько человѣкъ съ самимъ Бабановскимъ погнались вслѣдъ за сторожемъ, ворвались въ обсерваторію и, встрѣченные Литтровымъ, вступили съ нимъ въ крупную перебранку на иностранномъ нарѣчій; сторожъ показывалъ потомъ, что-де „господа студенты съ профессо-

ромъ чуть *бойко* не поступили“. По дѣлу наряжено было форменное слѣдствіе, въ торжественной обстановкѣ, съ занесеніемъ показаній въ протоколъ и съ подписями допрашиваемыхъ подъ протоколомъ. Баба-новскій съ товарищами изображали угнетенную невинность, всячески выпутывались и беззапѣтливо лгали. Въ концѣ концовъ судъ (ректоръ, инспекторъ и пять профессоровъ) постарался смягчить вину озорниковъ: онъ нашелъ, что „дѣло, повидимому, не такъ позорно, какъ показалось сначала“, и приговорилъ Бабановскаго къ заключенію въ карцеръ на три дня, а двухъ другихъ студентовъ отпустилъ „съ увѣщаніемъ и выговоромъ“. Свои три дня Бабановскій просидѣлъ на хлѣбѣ и водѣ за принудительнымъ переводомъ съ латинскаго на русскій языкъ.

IV.

— Ник. Поярковъ. Поэты нашихъ дней (Критическіе этюды). Москва, 1907. Стр. 151.

Молодостью, одушевленіемъ и свободой вѣетъ отъ этой милой легкомысленной книги. Отъ нея не надо требовать большаго, чѣмъ она даетъ: авторъ заранѣе предупреждаетъ, что она—только бѣглый конспектъ; но какова она есть, она имѣетъ полное право на существованіе. Не все же философствовать „напрягши умъ, наморщивши чело“; живая легкая бесѣда не менѣе законна, а въ данномъ случаѣ, гдѣ рѣчь идетъ о стихахъ и поэтахъ, талантливый эскизъ уже конечно надо предпочесть обстоятельному изслѣдованію, хотя бы потому, что послѣднія рѣдко бываютъ талантливы.

Въ 16-ти коротенькихъ главахъ г. Поярковъ обозрѣваетъ весь путь новой русской поэзіи, начиная съ первыхъ декадентскихъ сборниковъ („Русскіе символисты“, 1894—95 гг.) и кончая послѣдними книгами стиховъ, вышедшими почти на-дняхъ. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ дѣйствительно носятъ конспективный характеръ, но большею частью они представляютъ какъ бы портреты-эскизы, быстрыя, непринужденныя, импрессионистскія характеристики отдѣльных поэтовъ. Не ищите у г. Пояркова ни широкихъ обобщающихъ идей, ни глубокихъ прозрѣній въ творчество того или другого художника; его сужденія не идутъ дальше формальной и чувственной эстетики. Но зато въ этой области онъ обнаруживаетъ незаурядную чуткость; у него вѣрный взглядъ, прямая и тонкая воспримчивость и бездна вкуса; онъ такъ молодъ и искренно-одушевленъ, такъ любитъ красоту и красивые стихи, что его увлеченіе, переданное притомъ живою и гибкою рѣчью, часто образной, но всегда простое, увлекаетъ читателя, заражаетъ свѣтлымъ лирическимъ чувствомъ. Немножко досадно,

когда онъ съ разбѣга парой строкъ задѣнетъ вопросы объ исваніяхъ Бога, о мистическихъ безднахъ: это ему не къ лицу и не нужно; ему сродна не трагическая лирика, а лирика-игра, не лирика жизни, а лирика образовъ и словъ.

Книжка г. Пояркова—своего рода итогъ. Нѣтъ сомнѣнія, наше такъ называемое „декадентское“ движеніе завершило свой циклъ, расцвѣло и оформилось. Давно ли Д. С. Мережковский писалъ:

Дерзновенн наши рѣчи,
Но на смерть осуждени
Слишкомъ ранніе предтечи
Слишкомъ медленной весны, —

а теперь онъ же рассказываетъ о кружкѣ *матросовъ*, жадно слушающихъ эти дерзновенныя рѣчи! Скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, новая русская поэзія завоевала себѣ мѣсто и въ печати, и въ обществѣ. И вотъ уже на смѣну ей поднимаются новые всходы, за Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Сологубомъ выступаетъ новое поколѣніе, съ другими дерзновеніями и другими пѣснями. Пора оглянуться и уяснить себѣ, что достигнуто.

Недавно Андрей Бѣлый, принадлежащій къ обѣимъ группамъ и потому видящій далеко, какъ человѣкъ, который стоитъ на хребтѣ двухъ склоновъ, Андрей Бѣлый высказалъ недавно такую мысль. Каждая эпоха имѣетъ свою особенную физіономію: наука, искусство, бытъ, общественныя отношенія — все носитъ особый отпечатокъ, особую коллективную окраску. На границѣ такихъ двухъ эпохъ, когда одна уже проходитъ, а вторая еще не успѣла выработать своихъ определенныхъ признаковъ, часто развивается индивидуализмъ въ собственномъ смыслѣ: „Такъ возникаетъ бунтъ личности. Индивидуализмъ — только способъ оттолкнуться отъ стараго. Слѣдующая эпоха есть эпоха, когда въ глубинѣ индивидуальности открывается сверхъ-индивидуальное начало“. Такой переходной ступенью, по мнѣнію А. Бѣлаго, и была наша поэзія послѣднихъ лѣтъ. „Только что мы пережили эпоху индивидуализма въ искусствѣ. Теперь всюду въ сферѣ искусства возникаютъ школы, корни которыхъ убагаются въ индивидуализмъ, но которые призваны начать новую эпоху“.

Еслибы г. Поярковъ могъ предпослать своей книгѣ эти строки, вѣрнѣе и глубже которыхъ у насъ ничего не было написано о новомъ искусствѣ, онъ далъ бы своимъ читателямъ Ариаднину нить, недостающую теперь въ его книгѣ. Это опредѣленіе далеко не исчерпываетъ вопроса, но оно вдругъ освѣщаетъ цѣлую важную сторону дѣла, и именно ту, которая такъ важна для г. Пояркова, — формально-эстетическую. Въ этой области дѣйствительно пышно расцвѣлъ субъек-

тивизмъ, и историка ждетъ благодарная задача—показать все богатое разнообразіе индивидуальных особенностей въ нашей новой поэзіи и опредѣлить специфическое каждаго изъ этихъ дарованій. Но самый этотъ субъективизмъ, о которомъ говоритъ Андрей Бѣлый, разумѣется, уже и составляетъ коллективное отличіе эпохи, и не только въ своемъ отрицательномъ значеніи, какъ „способъ оттолкнуться отъ стараго“, но и въ положительномъ, потому что въ концѣ концовъ онъ все-таки былъ однороденъ, всѣ эти отдѣльные ручьи текли съ одного склона, въ одномъ и томъ же направленіи. И тутъ встаетъ вторая задача изслѣдованія: проникнуть глубоко въ міроотношеніе каждаго изъ этихъ поэтовъ и затѣмъ вскрыть то общее, что лежитъ въ основѣ ихъ мировоззрѣній и что, очевидно, и обусловило ихъ крайній субъективизмъ. Г. Поярковъ, повторяемъ, не рѣшилъ ни того, ни другого вопроса, да и не задавался ими. Онъ просто хотѣлъ дать „бѣглый конспектъ, въ которомъ можно найти общія замѣчанія о наиболѣе интересныхъ представителяхъ современной русской поэзіи“, и онъ далъ больше, чѣмъ обѣщаетъ, потому что инныя его главы, какъ, напр., о Бальмонтѣ, по тонкости, изяществу и пылкому одушевленію далеко оставляютъ за собою уровень и рамки бѣглого обзора. Его книга тѣмъ цѣннѣе, что она представляетъ собою первый опытъ обозрѣнія всей нашей новой поэзіи. Именно потому, что она пока—единственная въ своемъ родѣ, было бы желательно, чтобы въ новомъ изданіи, если оно потребуется, авторъ прибавилъ главу чисто-фактическаго содержанія—внѣшнюю исторію движенія—для библиографическихъ и хронологическихъ справокъ.

V.

У — Н. Романовъ. Александръ Андреевичъ Ивановъ и значеніе его творчества. Съ портретомъ и 5 рисунками. Москва. 1907.

Есть нѣчто странно-общее въ судьбѣ Гоголя и Иванова, непосредственно видное всякому, но еще не изслѣдованное. Сверстники, художники оба и люди близкіе въ жизни, они оба на половинѣ жизненнаго пути заболѣли тяжелымъ духовнымъ недугомъ, и этотъ нравственный переломъ наложилъ рѣзкій отпечатокъ на художественное творчество каждаго изъ нихъ. Въ этомъ общемъ заболѣваніи сказалось, разумѣется, и родство натуръ обоихъ художниковъ, и дѣйствіе на обоихъ одной общей силы—духа времени, въ которое они жили. Мы еще очень далеки отъ того, чтобы понять это общее имъ. Нравственный кризисъ, пережитый Гоголемъ, только въ послѣднее время сдѣлался предметомъ изслѣдованія и еще отнюдь не можетъ считаться выясненнымъ; достаточно сказать, что еще никто не далъ себѣ труда

пристально изучить богатый матеріалъ Гоголевскихъ писемъ, тогда какъ только они одни и представляютъ твердую почву для воспроизведенія картины его внутренней жизни. Еще меньше сдѣлано по отношенію къ Иванову. Какъ и вообще историки русской мысли до нашихъ дней почти преднамѣренно игнорировали нравственно-философскій элементъ, такъ и біографы Иванова безъ вниманія проходили мимо тяжелаго моральнаго кризиса, перевернувшаго его мышленіе и жизнь. Они всё ограничивались сухимъ установленіемъ факта, всё приводили одні и тѣ же безъ мысли сопоставленныя цитаты, но никто не дѣлалъ попытки разобраться въ этихъ свидѣтельствахъ и дать цѣльную психологическую картину. Первой такой попыткой является книжка прив.-доц. Н. Романова, и потому, даже не соглашаясь съ его выводами, мы должны ее привѣтствовать.

Начало душевнаго кризиса, пережитаго Ивановымъ, г. Романовъ совершенно справедливо ведетъ отъ революціи 1848 года: видя крушеніе старыхъ формъ общественной и религіозно-нравственной жизни, Ивановъ постепенно сталъ подвергать критическому пересмотру и собственныя старозавѣтные взгляды и вѣрованія. Онъ увидалъ ихъ несоотвѣтствіе съ обновляющейся жизнью. Этотъ пересмотръ былъ труденъ и мучителенъ; при глубокой серьезности и искренности, которыя отличаютъ Иванова, эта переоцѣнка неминуемо должна была тотчасъ захватить то, что составляло смыслъ его жизни, что было почти тождественно съ нею, — вопросъ о цѣли и направленіи искусства. Въ 1851 г. онъ пишетъ Гоголю: „Все, что вы разумѣли о моихъ страданіяхъ, написавъ статью обо мнѣ, составляетъ, можетъ быть, четвертую долю того, что случилось послѣ, — такъ что, выражаясь языкомъ переходнаго человѣка, я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность, — и можетъ ли что быть этого справедливѣе? Вѣдь мы уже подходимъ мало-по-малу къ послѣднему вопросу: быть ли живописи, или не быть“.

Быть ли живописи или не быть, это значило — что замѣнить въ новомъ мірѣ ту силу религіознаго чувства, которая до сихъ поръ являлась душой искусства? есть ли вообще въ этомъ новомъ мірѣ, у его творцовъ и пророковъ, такая могучая нравственная идея, способная властвовать надъ умами и одушевлять искусство, — и если есть, то какова она? Потому что для Иванова было одинаково ясно и то, что безъ такой всевластной идеи искусство существовать не можетъ, и то, что вдохновляющая идея, которою искусство жило до сихъ поръ, — именно, религіозная идея — утратила свою власть надъ умами.

Извѣстно, что Ивановъ долго и упорно искалъ отвѣта на свой вопросъ, ѣздилъ за этимъ и къ Штраусу, чья книга о жизни Христа

произвела на него сильное впечатлѣніе, и къ Герцену въ Лондонъ. Удалось ли ему рѣшить задачу? Г. Романовъ думаетъ, что да, и рѣшеніе это видить въ тѣхъ знаменитыхъ рисункахъ къ Библии, которые относятся къ послѣднимъ десяти годамъ жизни Иванова. Онъ полагаетъ, что религіозная вѣра не умерла въ душѣ Иванова, но только углубилась и нашла себѣ новыя, болѣе объективныя формы художественнаго выраженія. „Эскизы Иванова къ Библии,—говоритъ онъ,—были естественнымъ и побѣдоноснымъ завершеніемъ долгаго и полнаго страданій пути, которымъ шелъ Ивановъ, какъ художникъ. Въ нихъ-то, наконецъ, его освободившейся отъ старыхъ путъ душѣ удалось въ свободномъ творческомъ порывѣ создать ту самобытную и отвѣчающую духу времени школу, къ выясненію которой онъ стремился съ самаго начала своей художественной дѣятельности“.

Дѣло едва-ли обстоитъ такъ благополучно, какъ изображаетъ его г. Романовъ; напротивъ, все заставляетъ думать, что отвѣта на свой вопросъ Ивановъ не нашелъ и только смертью былъ избавленъ отъ мукъ незнанія, отъ ужаса предъ пустотою, готовой безвозвратно поглотить искусство. Г. Романовъ слишкомъ легко отдѣлался отъ показанія Герцена, которое не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Довольно уже и того, что Ивановъ въ концѣ 1857 года ѣдетъ къ Герцену; въ это время уже были готовы всѣ его эскизы къ Библии, дошедшіе до насъ: очевидно, Ивановъ не нашелъ въ нихъ успокоенія, если онъ предпринимаетъ трудное для него путешествіе въ надеждѣ „зачерпнуть разъясненіе мыслей своихъ“, а по словамъ Герцена, Ивановъ прямо заявилъ ему, что утратилъ религіозную вѣру. У насъ есть еще одно показаніе (оно осталось неизвѣстнымъ г. Романову, какъ раньше Боткину, Новицкому и другимъ биографамъ Иванова): статья Н. П. Огарева „Памяти художника“ въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1859 г. (кн. V, стр. 238—261). Огаревъ такъ формулируетъ вопросъ, съ которымъ пріѣхалъ въ Лондонъ Ивановъ: „Дайте мнѣ живую мысль, дайте мнѣ живую вѣру, дайте мнѣ живую тему для картины,—или скажите: что—искусство погибло въ наше время? погибло безвозвратно отъ недостатка жизни въ современномъ человѣчествѣ, или отъ того, что жизнь не нуждается въ искусствѣ и всѣ интересы дѣятельности движутся внѣ художественнаго міра?“—На этотъ запросъ,—говоритъ Огаревъ,—отвѣчать было нелегко; а запросъ былъ страшно искрененъ, въ немъ слышался крикъ сердечной боли, дѣйствительнаго, глубокаго отчаянія. И какъ всѣ безвыходные страдалцы, художникъ сталъ искать себѣ маленькую лазейку, въ которую толкался съ упорствомъ больного. Эта лазейка была *усовершенствованная* историческая живопись“. Очевидно, Ивановъ говорилъ Герцену и Огареву о своихъ реалистическихъ рисункахъ къ Ветхому и Новому Заветамъ. Это была

если и не лазейка, какъ думалъ Огаревъ, то во всякомъ случаѣ и не выходъ; выхода Ивановъ вообще не нашель.

Остановившись на эскизахъ, какъ на найденномъ рѣшеніи, г. Романовъ этимъ чрезвычайно сгузилъ горизонтъ Иванова. Исканія Иванова были гораздо шире и гораздо сложнѣе. Было бы въ высшей степени любопытно собрать его мысли о новомъ искусствѣ, объ искусствѣ будущаго, разсѣяныя по его письмамъ пятидесятихъ годовъ и по воспоминаніямъ о немъ. Наравнѣ съ техникой онъ требовалъ отъ художника широкой образованности; художникъ, по его мнѣнію, долженъ пропитаться идеями своей эпохи и быть выразителемъ ихъ, и когда это будетъ достигнуто, тогда искусство, говорилъ онъ, вернетъ себѣ бывшее значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей; у него явятся враги, которыхъ оно теперь не имѣетъ, такъ какъ оно будетъ содѣйствовать преобразованію жизни и будетъ подкапываться подъ преданія и предрасудки ¹⁾.

Въ этихъ исканіяхъ Иванова, повидимому, большую роль играли идеи социализма. Это видно уже изъ того, что со своими сомнѣніями онъ рѣшилъ обратиться именно къ Герцену. Вообще, въ мысляхъ Иванова теперь на первый планъ выступила общественная роль искусства. Его рисунки къ Библии стояли въ связи съ грандіознымъ планомъ, сложившимся въ его головѣ: по нимъ онъ предполагалъ исполнить рядъ эскизовъ изъ жизни Христа, которые должны были украсить стѣны особаго, посвященнаго этой цѣли зданія. Онъ смутно усвоилъ идею славянофиловъ о всемірно-историческомъ предназначеніи Россіи: она-де призвана „силой божественныхъ откровеній установить вѣчный миръ на землѣ“; и вотъ, ничѣмъ она не можетъ успѣшнѣе содѣйствовать нравственному просвѣтленію людей, какъ устроеніемъ такого христіанскаго пантеона, гдѣ были бы наглядно воспроизведены въ изящныхъ формахъ всѣ книги откровенія. Г. Романовъ приводитъ другой проектъ Иванова, еще болѣе трогательный и нелѣпый: онъ, художникъ, долженъ быть приближенъ къ царю; въ часъ, когда царь грустенъ или разгнѣванъ, художникъ рассказываетъ ему какой-нибудь „эпохическій“ фактъ изъ Библии и подъ конецъ показываетъ окончанный эскизъ, который до этого держалъ въ величайшемъ секретѣ; художникъ живетъ подаваемъ — для этого у него въ домѣ стоитъ кружка, и царь можетъ только быть однимъ изъ милостиво-дательскъ; художникъ носитъ бороду и одѣвается въ кафтанъ, чтобы самой вышностью своей служить посредникомъ между царемъ и народомъ. „Та-

¹⁾ См. М. П. Боткинъ, А. А. Ивановъ, его жизнь и переписка, 1880, стр. XXXI—XXXIV.

кимъ образомъ смягчается нравъ царя посредствомъ искусства живописи и располагаетъ его къ благотвореніямъ для своего народа". Тутъ все есть: и славянофильское представленіе о царѣ-отцѣ народа, и мечты Платона о философѣ, какъ руководителѣ тирана, и жажда вмѣшаться въ жизнь, и пламенная вѣра въ просвѣтляющую силу искусства. Эта послѣдняя черта всего поразительнѣе, и она болѣе всего сближаетъ Иванова съ Гоголемъ; оба они подъ конецъ почувствовали себя и призванными, и способными на нравственное руководство именно въ качествѣ художниковъ. Въ этомъ отношеніи они безпримѣрны не только въ исторіи западнаго искусства, но и у насъ, гдѣ понятіе художника болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приближается къ понятію учителя жизни, *vates*. Такого органическаго самосознанія всемогущей *дѣйственной*, реальной силы искусства, какъ у Гоголя и Иванова, мы не встрѣтимъ ни у Гёте, ни у Достоевскаго или Толстого.

Поэтому г. Романовъ совершенно правъ, когда одной изъ главныхъ заслугъ Иванова признаетъ то, что онъ первый выдвинулъ вопросъ о цѣнности идей, выражаемыхъ искусствомъ. Какъ разъ эта его вѣра въ могучее жизненное дѣйствіе искусства, о которой сейчасъ была рѣчь, заставляла его, какъ и Гоголя, предъявлять чрезвычайныя требованія къ душѣ самого художника. Онъ долженъ помнить, что въ его рукахъ—могучее, но вмѣстѣ и опасное оружіе; онъ можетъ и губить, и животворить человѣческія души, — и для того, чтобы его вліяніе было благотворно, ему надлежитъ самому подняться на высшую ступень нравственности и пониманія, напитать свою собственную душу передовыми идеями своего времени. Такое же самое требованіе предъявлялъ къ художнику (и по этой же причинѣ) и Гоголь, и надо признать, что это установленіе глубокаго и единственно-правильнаго взгляда на художника является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ завоеваній русскаго духа. Ни Гоголь, ни Ивановъ изъ пережитого ими нравственнаго кризиса не вышли побѣдителями, не вынесли новыхъ, совершенныхъ формъ творчества; но оба цѣною тяжелыхъ страданій выработали новый идеаль художника и указали, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать этихъ формъ. Ивановъ, какъ и Гоголь, прекрасно сознавалъ это; за три мѣсяца до смерти онъ писалъ брату: „Еслибы мнѣ даже не удалось пробить или наметнуть на высокій и новый путь, — стремленіе къ нему все-таки показало, что онъ существуетъ впереди, и это уже много, и даже все, что можетъ дать въ настоящую минуту живописецъ“. Эти строки, кстати, могли бы и однѣ, даже безъ свидѣтельства Герцена и Огарева, служить достаточнымъ опроверженіемъ мысли г. Романова, будто рисунки къ Библии были для Иванова рѣшеніемъ его задачи.

Исторія душевнаго кризиса, наполнившаго послѣднія десять лѣтъ

жизни Иванова, принадлежить къ интереснѣйшимъ страницамъ въ нравственной исторіи нашего общества. Ничего не можетъ быть увлекательнѣе и нужнѣе, какъ видѣть и изучить процессъ образованія хотя бы одного творческаго міровоззрѣнія, процессъ, какинъ и былъ этотъ кризисъ Иванова. Попытка г. Романова разобраться въ этомъ эпизодѣ цѣнна уже тѣмъ, что она поставила вопросъ въ полномъ объемѣ; разумѣется, она не будетъ послѣдней.

VI.

— Модестъ Чайковскій. Катерина Сіенская. Мистерія. Москва. 1907.

Въ этой „мистеріи“ есть одна хорошая страница—именно та, гдѣ самая мистерія еще не начиналась: посвященіе „непорочной памяти М. Е. Фоссъ и Е. В. Давыдовой“; его стоить привести.

Я никогда бы не поспѣлъ
Коснуться дерзостно святини;
Но я васъ зналъ. Мой духъ созрѣлъ
Подъ сѣнью вашей благостини
И святость видѣлъ. Какъ Гома,
Не вѣрой я постигъ—но знаньемъ,
Что къ намъ на землю иногда
Есть доступъ ангельскимъ сіяньемъ.
Вы путеводною звѣздой
Вели меня на кручъ стремнины
И, укрѣпляя духъ больной
Въ пути намѣченной вершины,
Сливали свѣтъ вашъ предо мной
Въ лучи сіянья Катерины.

Это, конечно, не поэзія, но здѣсь есть, по крайней мѣрѣ, подкупающая задушевность и благоговѣніе передъ горней красотой. Въ „мистеріи“ нѣтъ ни того, ни другого; вся она—одно добросовѣстное, но, увы, безуспѣшное усиліе.

Ея внѣшняя фабула, какъ и подобаетъ мистеріи, ничтожна. Въ Сіену пріѣзжаетъ девятнадцатилѣтній, жезнерадостный, преданный земной красотѣ дворянинъ изъ Перуджіи, Тульдо; на пирушкѣ онъ оскорбляетъ правителей Сіены и ранитъ одного изъ ихъ слугъ, и вотъ онъ въ тюрьмѣ, его ждетъ казнь. Монаховъ, которые приходятъ къ нему съ Распятіемъ и словами вѣры, онъ гонитъ вонъ; объ этомъ узнаетъ Екатерина, сіенская святая; она идетъ къ нему въ тюрьму и силою своей всевластной любви покоряетъ, преображаетъ его; онъ отрывается отъ гордости, его душа наполняется смиреніемъ и чистой радостью, земныя страсти и утѣхи померкли въ его глазахъ предъ

яркимъ свѣтомъ духовной красоты. Это первая побѣда — надъ страстями; для полного преобразенія остается одержать еще вторую — надъ самой жизнью; и вотъ Тульдо приводитъ на казнь; Катерина стоитъ на колѣняхъ передъ плахомъ, на которую онъ кладетъ голову, чтобы принять смертельный ударъ, — и тутъ въ послѣднюю минуту совершается въ немъ окончательное преобразование — онъ радостно и добровольно принимаетъ смерть.

Какъ видѣть читатель, здѣсь есть матеріалъ для настоящей мистеріи. Безплодно спорить о возможности такихъ преобразеній: они — вопросъ факта; никто не можетъ отрицать, что огромное напряженіе духа, всецѣло сосредоточенное въ любви и состраданіи, *способно* вызывать въ другомъ человѣкѣ нравственный переломъ; такіе люди, какъ Францискъ Ассизскій, Бернардъ Клервосскій, Екатерина Сиенская, безъ сомнѣнія оказывали могущественное и именно бурное вліяніе на людей, съ которыми сталкивались. Утвердительно надо отвѣтить и на другой встающій здѣсь вопросъ: изобразимо ли такое превращеніе средствами драмы? Конечно, да, — и это съ успѣхомъ дѣлалось неоднократно. Но при этомъ должно быть соблюдено одно условіе, вытекающее изъ самой сущности драмы. Того, что дѣлается въ душѣ человѣческой, драма, какъ таковая, непосредственно изобразить не можетъ (это — дѣло музыки и лирики); драма изображаетъ только поступки человѣка, въ которыхъ отражается душевный процессъ. Противъ этого-то условія погрѣшилъ г. Чайковскій, и тѣмъ свелъ свою мистерію къ нулю: въ ней нравственный переломъ, переживаемый героемъ, ничѣмъ не проявляется и не можетъ проявиться во-внѣ, кромѣ какъ словами, по той простой причинѣ, что герой — Тульдо — силою вещей (какъ заключенный въ тюрьмѣ) обреченъ исключительно на пассивное положеніе. И вотъ, обѣ побѣды, которыя духъ одерживаетъ въ немъ надъ плотью, остаются по-неволѣ чисто психическими, и слѣдовательно лежатъ внѣ компетенціи драмы. Изобразить ихъ могъ бы только лирическій поэтъ — и, прибавимъ, только большой, а г. Чайковскому это оказалось, разумѣется, не подъ силу. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли сдѣлать для насъ осязательнымъ бурный переворотъ, совершившійся въ Тульдо подъ вліяніемъ встрѣчи съ Катериной, такіа блѣдныя, гладкія строки:

Ничто и никогда, ни даже
Восторги созерцанья красоты,
На эту вѣсь меня не возносили!
Все, чѣмъ я жилъ, что страстно такъ любилъ,
Чѣмъ дорожилъ, какъ лучшимъ даромъ жизни,—
Ты, свѣтлая, въ мгновеніе затемнила
И мнѣ дала такой великій свѣтъ,
Передъ которымъ все, что зналъ я,—тьма.

И точно также второй, конечный переворотъ, на плахѣ, авторъ думаетъ изобразить словами, да, вѣроятно, еще мимической игрой актера: „Катерина обходитъ плаху и становится противъ Тульдо. Палачи схватываютъ его и хотятъ заставить встать на колѣни. Тульдо, кротоко отстраняя ихъ: „Я самъ“. Становится на колѣни, не отрывая глазъ съ Катерины и Распятія, которое держитъ Фра Гульельмо. „Исусъ... Катерина...“ Катерина опускается противъ него на колѣни. „Исусъ! Катерина! Исусъ! Катерина!“ Восторженно: „Хочу!“ Опускаетъ голову на плаху“.—И все; въ этомъ „хочу“ долженъ быть выраженъ весь переворотъ—отъ страха смерти къ радостному принятію ея, переворотъ, почти равный чуду.

Коренная ошибка замысла лишила бы драму г. Чайковского художественной цѣнности даже въ томъ случаѣ, еслибы она была художественна въ деталяхъ. Но и этого нѣтъ; въ ней нѣтъ ни живыхъ лицъ, ни живыхъ чувствъ, ни живого языка; ея діалоги и въ особенности безконечные монологи въ приемахъ банальны и некрасивы, стихи прозаичны до крайности, приемованныя вирши ужасны. А главное—авторъ не сумѣлъ даже въ самой слабой степени дать почувствовать то, что составляетъ ядро его „мистеріи“, — мистическую мощь этой чистой сосредоточенной духовной силы, которая воплощена въ св. Екатерину Сиенской, реальность „ангельскихъ сіяній“, такъ тепло воспытавъ имъ во вступительномъ советѣ.—М. Г.

VII.

— Сервантесъ. Остроумно-изобрѣтательный идальго Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Ч. I и II. Полный переводъ съ испанскаго М. В. Ватсонъ. Изд. Ф. Павленкова. 1907. Рисунки Рикардо Балага.

Мы уже имѣли случай представить характеристику главнѣйшихъ переводовъ „Донъ-Кихота“ на русскій языкъ (см. книгу: „Донъ-Кихотъ“, Сервантеса. Спб. 1903). Въ общемъ, полная неудовлетворительность почти всѣхъ переводовъ, особенно же распространеннаго перевода Басанина, намъ кажется вполне доказанной. Въ виду указанного, любитель литературы можетъ привѣтствовать появленіе новаго перевода М. В. Ватсонъ.

Уже по предисловію можно судить о степени компетентности переводчицы; ей извѣстно положеніе литературы о Сервантесѣ, и въ основу своего перевода она кладетъ текстъ Фицмориса-Келли, близкій къ критическому. Небольшая біографія составлена съ знаніемъ дѣла.

Что касается до основныхъ приемовъ переводчицы, то, не въ примѣръ своимъ предшественникамъ, она относится вполне сознательно

къ своей задачѣ. Главнымъ условіемъ хорошаго перевода она основательно считаетъ *точность* передачи текста, и этого принципа придерживается весьма послѣдовательно. Первая часть романа представляетъ сравнительно гораздо менѣ техническихъ трудностей, нежели вторая. Обиліе въ послѣдней многочисленныхъ пословицъ, поговорокъ, специально испанскихъ оборотовъ рѣчи часто ставитъ переводчика въ затрудненіе. Въ общемъ, переводъ вполне хорошо выполнилъ свою задачу, и хотя иногда можно предложить разночтенія, лучшія, на нашъ взглядъ, по литературной формѣ, но ни въ одномъ нельзя указать на ошибки или невѣрное пониманіе текста.

Примѣчанія составлены тщательно и поясняютъ темныя намеки испанскаго текста.

Иллюстраціи исполнены хорошо. Вѣѣшность изданія приличная. Нельзя не привѣтствовать этотъ солидный вкладъ въ нашу переводную литературу. — Л. III.

VIII.

— Я. М. Бѣлый. Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новгородъ. 1907. Ц. 75 к.

Послѣдніе два года наша литература изобилуетъ воспоминаніями о недавнемъ прошломъ, стараясь какъ бы наверстать утерянное время вынужденнаго молчанія о весьма важномъ въ исторіи нашего общественнаго развитія движеніи семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Эти воспоминанія представляютъ тѣмъ болѣе важный матеріалъ для характеристики указанныхъ движеній, что, по причинѣ лихорадочной и вѣѣстѣ съ тѣмъ конспиративной работы того времени, отъ него не могло сохраниться сколько-нибудь значительнаго документальнаго матеріала, въ видѣ дневниковъ, записокъ, переписки и т. п.: всякія такія вѣѣшнія выраженія кипучей жизни и работы безпощадно истреблялись, чтобы они не попадали въ руки врага и не наводили его на слѣды преслѣдуемой имъ дѣятельности. Между тѣмъ, изученіе этого періода представляетъ большой интересъ, такъ какъ семидесятые годы являются очень важнымъ моментомъ въ развитіи политическаго самосознанія нашего общества. Какіе бы упреки ни раздавались по адресу первой половины семидесятыхъ годовъ за игнорированіе, будто бы, политической стороны общественнаго движенія, нельзя, тѣмъ не менѣе, не признать, что осуществленіе основной тактической идеи движенія того времени — развитія политическаго сознанія и организаціи народныхъ массъ — представило бы самое надежное основаніе для политическихъ преобразованій; и если, несмотря на

весь разгулъ въ переживаемое нами время административнаго произвола и беззаконія, никто не сомнѣвается въ томъ, что старый политическій строй погибъ безвозвратно, то эта увѣренность покоится главнымъ образомъ на фактѣ пробужденія политическаго сознанія въ широкихъ массахъ населенія. А лозунгъ семидесятыхъ годовъ— „въ народъ“—и былъ выраженіемъ созрѣвающаго сознанія того, что безъ участія народныхъ массъ нельзя теперь ожидать осуществленія широкихъ общественно-политическихъ преобразованій.

Лозунгъ „въ народъ“, для пропаганды, выражаетъ одну струю теченія семидесятыхъ годовъ. Другую его струю можно выразить словами: „для народа“. Двѣ эти струи являются выраженіемъ одного и того же строя мысли и чувства, центральнымъ пунктомъ которыхъ служить идея народа, почему онъ и получилъ наименованіе „народничества“. Кто считалъ, что реформа общественнаго быта въ интересахъ массы населенія полнѣе всего осуществится, когда самъ народъ выступитъ въ качествѣ активной стороны, тотъ шелъ *въ народъ* въ качествѣ пропагандиста, агитатора, „бунтаря“ и т. д. Кто хотѣлъ сдѣлать что-нибудь сейчасъ же для народа, тотъ шелъ *къ народу* врачомъ, учителемъ, земскимъ гласнымъ и т. п.

Книга, составляющая предметъ настоящей замѣтки, есть воспоминанія врача, пошедшаго *къ народу* для того, чтобы служить ему своими спеціальными знаніями.

„Подъ народомъ, которому мы собирались служить, *отдавать дань*, какъ любили тогда выражаться, разумѣли всю трудящуюся массу населенія, неустанному труду которой мы обязаны своимъ образованіемъ и развитіемъ. Мы знали, что на Западѣ существуетъ рабочее движеніе среди городскихъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но у насъ, въ провинціи, по крайней мѣрѣ, никакихъ фабрикъ не было. Такимъ образомъ, выходило, естественно, что подъ трудящейся массой мы могли разумѣть почти исключительно деревенскій людъ. Подъ служеніемъ ему мы понимали обезпеченіе всякихъ его нуждъ... Мы считали, что всѣ заботы интеллигенціи должны быть направлены на просвѣщеніе народа, поднятіе его личности, облегченіе его матеріальныхъ нуждъ, леченіе физическихъ недуговъ и т. д.“. Осуществленіе этого началось еще на университетской скамьѣ. Студенты сходились съ городскими ремесленниками и артелями пришлыхъ рабочихъ, обучали ихъ грамотѣ, читали вслухъ дозволенныя книги и т. д. „Такимъ образомъ, окончивая университетъ, мы знали, куда намъ идти и что дѣлать. Никакихъ колебаній и сомнѣній на этотъ счетъ не было“.

„Громадное число врачей того времени, — говоритъ г. Бѣлый въ другомъ мѣстѣ своей книги,—шло въ деревню не по матеріальнымъ соображеніямъ, такъ какъ въ Россіи тогда было не много врачей, и

спросъ на нихъ въ городахъ, при лучшихъ условіяхъ личной жизни, былъ немалый. Деревня же, и теперь бѣдная и только-что начинающая тянуться къ свѣту, въ то время, едва освободившаяся отъ крѣпостной зависимости, была еще темнѣе и забитѣе. И, не смотря на это, въ нее шло все, въ комъ жива была душа, и, мало того, для работы выбирались наиболѣе глухіе уголки. Станнымъ покажется теперь, что городскія земскія больницы, напр., въ которыхъ лечились тѣ же крестьяне, никто изъ молодежи не бралъ, и больницы эти, находясь въ заведываніи старыхъ врачей, влчили жалкое дореформенное существованіе“.

Въ воспоминаніяхъ г. Бѣлаго, касающихся и его частной жизни въ деревнѣ, и его общественной дѣятельности, встрѣчаются указанія на многихъ лицъ, съ кѣмъ его сталкивала судьба, бросившихъ городъ ради работы въ деревнѣ. Вотъ сельскій учитель Я., окончившій семь классовъ гимназій, но выпедшій изъ нея, не дождавшись аттестата зрѣлости, потому что „хотѣлъ поскорѣе поселиться въ деревнѣ и посвятить себя просвѣщенію простого деревенскаго люда“. Вотъ ученикъ послѣдняго класса гимназій, вотъ студентъ-технологъ, студенты университета, ушедшіе въ сельскіе учителя „по идейному влеченію“. Учительница Надежда Петровна С. могла бы получать деньги отъ своей семьи, но изъ принципа ограничивается скуднымъ жалованьемъ въ десять рублей, причѣмъ умудряется еще выписывать книги и газету. Хожденіе молодежи семидесятыхъ годовъ къ народу не имѣло значенія лишь нравственнаго, такъ сказать, самоудовлетворенія. Деревня тогда крайне нуждалась въ культурныхъ работникахъ всякаго рода, а заведеній для подготовки таковыхъ было очень мало. Учащаяся въ гимназіяхъ и университетахъ молодежь старалась нѣ-скоро познакомиться съ новѣйшими приѣмами преподаванія и занимала мѣста сельскихъ учителей, вполнѣ сознавая недостаточность такой подготовки. Необходимо открыть учительскія семинаріи, разсуждаетъ, напр., одинъ изъ такихъ встрѣченныхъ авторомъ студентовъ-учителей, „безъ чего дѣло народнаго образованія будетъ развиваться медленно, какъ ни сочувствуетъ этому молодежь, учащаяся въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ; на одну молодежь въ такомъ громадномъ дѣлѣ расчитывать нельзя“.

Главный интересъ воспоминаній д-ра Бѣлаго заключается, впрочемъ, не въ этихъ краткихъ замѣткахъ о встрѣчахъ съ народнической молодежью. Мы знакомимся въ этихъ воспоминаніяхъ съ первыми шагами земской медицины и процессомъ ея прогрессивнаго развитія. Въ этомъ процессѣ огромную роль сыграли тѣ же народолюбивыя тенденціи земскихъ работниковъ,—въ томъ числѣ врачей,—на которыхъ лежало, съ одной стороны, привлеченіе къ научной медицинѣ насе-

ленія, съ другой—побужденіе земскихъ собраній къ затратѣ средствъ на расширеніе и опредѣленную организацію медицинскаго дѣла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, авторъ находился въ особенно счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ районъ его дѣятельности (ч-ская губернія) выдѣлялся въ это время прогрессивнымъ характеромъ земства. Нѣкоторыхъ тогдашнихъ земскихъ дѣятелей этой губерніи онъ называетъ полными именами (Карпинскій, Константиновичъ, Линдфорсъ), другихъ (напр., Ивана Ильича П—ича) нетрудно послѣ того узнать, несмотря на накиннутый на нихъ флёръ. При такихъ руководителяхъ земскимъ дѣломъ можно было бодро и съ большой надеждой на успѣхъ трудиться для организаціи земской медицины, и врачи, напр., бор—скаго уѣзда настолько связали свое личное дѣло съ общественнымъ, что предложили урѣзку своего жалованья, чтобы имѣть средства для скорѣйшаго осуществленія желательной организаціи медицины, и осудили гонорары за леченіе, чтобы „у врачей не явилось соблазна отдавать предпочтеніе дворянамъ и другимъ зажиточнымъ людямъ“.

При такомъ интересѣ къ общественному дѣлу земскимъ врачамъ не представляло большого труда разрушить народное предубѣжденіе противъ официальной медицины, хотя это предубѣжденіе и доставляло имъ немало горькихъ минутъ. Дѣйствительно, автору воспоминаній пришлось начать медицинскую дѣятельность при условіяхъ, когда населеніе не знало даже наименованія „докторъ“, и называло послѣдняго „старшимъ фершаломъ“, когда больные стыдились передъ сосѣдями идти за совѣтомъ къ врачу, и дѣлали это тайкомъ, и преимущественно послѣ того, какъ искусство мѣстныхъ знахарей и знахарокъ оказалось безсильнымъ излечить ихъ недуги; когда врача призывали одновременно съ знахаремъ: перваго—для того, чтобы опредѣлить, будетъ ли больной жить, втораго—чтобы оказывать ему медицинское пособіе. Соотвѣтственно такому отношенію къ медицинѣ населенія, и оборудованіе медицинскихъ пунктовъ было самое первобытное. Лекарствъ было очень немного, хирургическихъ инструментовъ у фельдшеровъ не было, пріемныхъ покоевъ—тоже, акушерки отсутствовали. Даже пути сообщенія врача съ его пациентами гармонировали съ указанными условіями, и временами бывала такая грязь, что къ больному, въ предѣлахъ даже селенія, можно было добраться лишь въ сапогахъ по волѣни или верхомъ на лошади.

Много работалъ и много сдѣлалъ для земскаго дѣла д-ръ Бѣлый, его товарищи и сотрудники; но описываемый имъ періодъ земской жизни закончился событіями, достойными того времени. Прогрессивная часть земскихъ дѣятелей потерпѣла полный разгромъ. Первымъ отправился въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя выдающійся земецъ

Иванъ Ильичъ П—ичъ „за вредную дѣятельность въ земствѣ, за неполученный адресъ Че—скаго губернскаго земства въ отвѣтъ на призывъ правительства помогать въ борьбѣ съ крамолой“. Второй жертвой реакціи былъ самъ д-ръ Вѣлый; послѣдующаго разгула произвола автору воспоминаній наблюдать не пришлось. Какъ относилось населеніе къ разгрому силъ, радѣвшихъ о его интересахъ? Авторъ приводитъ по этому предмету два характерныхъ факта. Арестъ Ивана Ильича, мѣстнаго помѣщика, — вѣроятно, мало извѣстнаго населенію, потому что онъ стоялъ вдалекѣ отъ него, въ центрѣ, гдѣ игралъ руководящую роль, — вызвалъ толки такого рода: „паны, недовольные на императора Александра II за освобожденіе крестьянъ, подкупили Соловьева убить царя, за что дали ему „мишокъ грошей“. Въ числѣ подкупавшихъ былъ и Иванъ Ильичъ. Объ учителѣ же Франжоли, жившемъ среди самого народа, арестованномъ, впрочемъ, ранѣе по обвиненію въ пропагандѣ, школьный сторожъ рассказывалъ автору, „что когда онъ съ нѣсколькими односельчанами были вызваны въ Петербургъ свидѣтелями по дѣлу Франжоли, то на вопросы суда о личности послѣдняго давали единодушный отвѣтъ, что Франжоли былъ человѣкъ святой жизни!“.

IX.

— А. Коровинъ. Опытъ анализа главныхъ факторовъ личнаго алкоголизма. Москва. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Въ послѣднее время общественное вниманіе цивилизованнаго міра болѣе и болѣе обращается на вопросъ о пагубномъ вліяніи алкоголизма, какъ фактора социальнаго быта, и вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется убѣжденіе, что борьба съ развившимися формами алкоголизма малопроизводительна, и что для возможнаго ослабленія вліянія этого вредоноснаго элемента центръ борьбы долженъ быть перенесенъ „со взрослыхъ, заржавѣвшихъ въ алкоголизмъ, на молодое поколѣніе“. Для научнаго обоснованія этого рѣшенія, нужно имѣть доказательства того, что алкоголизмъ создается или подготавливается условіями дѣтской и юношеской жизни; и авторъ книги, составляющей предметъ настоящей замѣтки, полагаетъ, что въ изданномъ имъ трудѣ имѣются такіе доказательства и что онъ можетъ дать, поэтому, „реальное обоснованіе вышеуказанному теоретическому выводу“.

Работа автора — чисто статистическая: на протяженіи 90 страницъ его книги помѣщено сто таблицъ, не всегда правильно истолковываемыхъ, но представляющихъ весьма тщательную разработку матеріаловъ о 67-ми больныхъ алкоголикахъ (мужчинахъ, принадлежащихъ къ среднимъ классамъ общества), находившихся подъ близкимъ наблю-

деніемъ автора (врача-директора лечебницы для алкоголиковъ), и о ихъ роднѣхъ,—общимъ числомъ болѣе тысячи лицъ. Матеріалы заключаются въ свѣдѣніяхъ, полученныхъ докторомъ Коровинымъ отъ своихъ пациентовъ о состояніи здоровья ихъ родныхъ, живыхъ и мертвыхъ, до дѣдовъ и бабокъ включительно, и о плодовитости ихъ семей. Различными комбинаціями этихъ данныхъ авторъ пытается болѣе точно установить значеніе наслѣдственности въ дѣлѣ происхожденія алкоголизма, роль отцовскаго и материнскаго элементовъ въ передачѣ предрасположенія къ этой болѣзни и другія биологическія условія развитія послѣдней. Авторъ производитъ очень детальное расчлененіе своего матеріала, а такъ какъ количественно послѣдній ограниченъ, то образованными имъ элементарныя группы состоятъ въ большинствѣ даже не изъ десятковъ, а изъ простыхъ единицъ, и тому, что называется „случаемъ“, открыть широкій доступъ въ его таблицы. Поэтому, выводы автора далеко нельзя считать достаточно обоснованными; ихъ слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ принимать лишь за первоначальныя развѣдки въ области, еще нуждающейся въ изслѣдованіи. Дальнѣйшія наблюденія автора, безъ сомнѣнія, позволяютъ и ему самому принять участіе въ подтвержденіи или измѣненіи его настоящихъ предположеній.

Въ особенности требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія весьма важное, въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ, заключеніе автора о томъ, что, въ противоположность отцовскому (мужскому) организму, служащему главнымъ передатчикомъ патологической наслѣдственности—материнскій (женскій) организмъ обладаетъ свойствами, „заключающимися, съ одной стороны, въ защитѣ и оздоровленіи зародыша отъ патологической наслѣдственности отца, съ другой—въ стремленіи парализовать собственную свою патологическую наслѣдственность (т.-е. материнскаго рода)“. Это предположеніе, впрочемъ, находится въ нѣкоторомъ согласіи съ выводами другихъ авторовъ о томъ, что патологическая наслѣдственность со стороны отца передается легче, чѣмъ со стороны матери. Очень важно заключеніе автора, что рѣшающая роль въ дѣлѣ развитія алкоголизма принадлежитъ не наслѣдственности, а внѣшнимъ условіямъ, окружающимъ ребенка, юношу и взрослого человѣка, и этихъ условій слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ обстановкѣ жизни мужской части населенія. Дѣйствительно, характернымъ слѣдуетъ признать фактъ, что, не считая даже больныхъ врача самого Коровина (принадлежащихъ, какъ мы видѣли, къ мужскому полу), изъ ста ихъ братьевъ алкоголизмомъ страдали 38⁰%, а изъ 123 сестеръ—всего 2,4⁰%. Если принять въ расчетъ и пациентовъ доктора Коровина, то процентъ алкоголиковъ среди братьевъ подымется до 62. Причины этого различія авторъ видитъ въ томъ, что взрослый, юноша, а иногда и мальчикъ культурнаго общества

находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ для развитія разнаго рода эксцессовъ, въ томъ числѣ и употребленія спиртныхъ напитковъ, чѣмъ особы женскаго пола. Подтвержденіемъ сказаннаго служить фактъ гораздо болѣе развитаго алкоголизма среди женщинъ рабочихъ классовъ, „гдѣ условія воспитанія и среды, въ силу экономическихъ требованій, уравниваютъ въ социальныя отношенія женщину съ мужчиной; гдѣ, слѣдовательно выдвигаются на сцену женской жизни моменты, играющіе такую важную роль въ бытѣ мужчинъ-работниковъ“. На основаніи показаній своихъ пациентовъ, г. Коровинъ пытается даже измѣрить значеніе различныхъ моментовъ въ дѣлѣ возникновенія алкоголизма въ обезпеченномъ классѣ общества, причемъ на долю вліянія домашней жизни приходится, будто бы, 15% алкоголиковъ, школьной жизни—44%, и общественной—37%. Цифры эти, конечно, совершенно случайны. Тѣмъ не менѣе, нельзя не присоединиться къ заключенію автора, что профилактическія мѣры противъ личнаго алкоголизма обезпеченныхъ классовъ заключаются между прочимъ „въ оздоровленіи главнымъ образомъ мужской молодежи въ ея домашней, школьной жизни и отчасти общественной“. По отношенію домашней жизни можно замѣтить, что родителямъ (и дѣтскимъ врачамъ?) слѣдовало бы быть болѣе осторожными въ томъ, что касается употребленія ихъ дѣтьми спиртныхъ напитковъ, потому что на почвѣ создаваемаго такимъ образомъ обыкновенія употреблять вино или веуса къ нему—нерѣдко при неблагоприятныхъ условіяхъ школьной жизни—развивается настоящій алкоголизмъ.

Х.

— Изданіе кн. П. П. Долгорукова и И. И. Петрункевича. Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. Выпускъ 1-й. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Новый періодъ исторіи русскаго государства, — начало котораго можно вести съ 17-го октября 1905 г., когда было объявлено объ упраздненіи неограниченной монархіи и призваніи народа къ участию въ законодательной дѣятельности,—характеризуется, между прочимъ, большимъ оживленіемъ интереса къ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, обусловленнымъ всѣми сознаваемой необходимостью крупныхъ преобразованій въ области соответствующихъ явленій нашей жизни. „На Государственной Думѣ лежитъ тяжелая задача реформировать экономическій и финансовый строй великой страны и дать новое направленіе ея государственному хозяйству“, говорится по этому вопросу въ книгѣ, названной въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Преобразование различныхъ сторонъ государственнаго строя можетъ про-

исходить съ большей или меньшей быстротой и рѣшительностью; и тогда какъ, напримѣръ, земельные законы, вслѣдствіе сравнительной простоты и самостоятельности соответствующихъ отношеній, могутъ быть выработаны въ опредѣленный, короткій срокъ,—финансы страны и государственное хозяйство могутъ быть приведены въ благоустроенное состояніе лишь постепенно, и не иначе, какъ послѣ предварительныхъ многочисленныхъ изслѣдованій. Именно къ области государственнаго хозяйства прежде всего и приложима высказанная редакторомъ разсматриваемаго нами изданія, И. И. Петрункевичемъ, мысль, что задача реформы можетъ быть выполнена лишь „при дѣятельномъ и постоянномъ сотрудничествѣ всѣхъ общественныхъ силъ“.

„Чтобы положить начало такому сотрудничеству, задумана организація общества финансовыхъ реформъ, въ задачу котораго входило бы, во-первыхъ, изученіе финансовыхъ вопросовъ, имѣющихъ по преимуществу прямое отношеніе къ государственному хозяйству; во-вторыхъ, возможно полное и подробное изслѣдованіе государственныхъ росписей доходовъ и расходовъ и смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ; въ-третьихъ, изслѣдованіе хозяйства и смѣтъ мѣстныхъ самоуправленій, и въ-четвертыхъ, распространеніе этого рода свѣдѣній въ широкихъ кругахъ населенія, путемъ печати, публичныхъ чтеній и т. п. способовъ“. Изданіе, названное въ заголовкѣ нашей замѣтки, находится въ связи съ образованіемъ указаннаго общества и составляетъ первый выпускъ матеріаловъ по финансовымъ вопросамъ. Первой статьёй этого выпуска является статья М. И. Фридмана о нашемъ бюджетномъ законодательствѣ, а послѣдней—замѣтка П. Б. Струве, по этому же предмету. Статья г. Фридмана составляетъ перепечатку его статьи, помѣщенной въ видѣ приложенія къ книгѣ Штурма „Бюджетъ“, о которой въ нашемъ журналѣ уже была рѣчь. Мы ограничимся поэтому лишь изложеніемъ мнѣнія автора о ст. 116 основныхъ законовъ, согласно которой „если государственная роспись не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись“. На основаніи этой статьи, въ 1907 г., впредь до утвержденія бюджета Государственной Думой, примѣняется роспись 1906 года. Между тѣмъ, въ мотивахъ изданія этой статьи не имѣется указаній на ея примѣненіе въ случаяхъ невнесенія въ свое время проекта росписи на разсмотрѣніе народныхъ представителей. Примѣненіе указаннаго въ немъ порядка „по примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ“ предполагается въ случаяхъ *„такого замедленія въ ходѣ разсмотрѣнія росписи, при которомъ окажется немыслимымъ представить ее на Высочайшее утвержденіе ранѣ наступленія смѣтнаго періода“*. Распустивъ первую Думу и положивъ созвать новую лишь въ 1907 году,

правительство, тѣмъ самымъ, лишало себя средствъ для выполненія государственныхъ расходовъ въ первые мѣсяцы текущаго года, такъ какъ законъ не давалъ ему права примѣнять старыя смѣты въ случаяхъ *непредвидѣннаго* въ узаконенный срокъ росписи въ Государственную Думу. Но правительство не остановилось передъ этимъ затрудненіемъ и, не отрицая разъясненнаго выше назначенія, по мысли законодателя, 116-ой статьи, — рѣшило, что такъ какъ она помѣщена нынѣ въ сводѣ основныхъ законовъ, то ей слѣдуетъ дать самое широкое толкованіе.

Вопросы современнаго бюджета служатъ прямымъ предметомъ двухъ статей разсматриваемаго сборника: А. В. Васильева: „Военный бюджетъ и реорганизація армій“, и А. Н. Рутцена: „Винная монополія“. Первая статья начинается приведеніемъ мнѣнія Л. Штейна, оправдывающаго крупные военные бюджеты тѣмъ, что „самый большой военный бюджетъ обходится дешевле войны“. Рядомъ съ этимъ мнѣніемъ авторъ приводитъ и мнѣніе Р. Кауфмана, согласно которому, если цѣль военныхъ расходовъ — самосохраненіе государства и побѣда въ войнѣ — „не удовлетворена вполне, то все, что израсходовано на военныя цѣли, растрчено понапрасну“. Такими напрасными тратами являются огромные военные расходы русскаго правительства. „Около тридцати лѣтъ со времени послѣдней турецкой кампаніи приводили мы наши армію и флотъ въ боевую готовность, ничего для этого не щадя и не жалѣя, а японская война съ поразительной очевидностью доказала, что вся наша боевая готовность была чисто бумажнымъ дѣломъ, что народныя средства были растрчены съ непростительной легкостью, граничащей съ преступленіемъ“. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Россія нуждается въ полномъ преобразованіи ея боевыхъ силъ, но, конечно, не путемъ увеличенія расходовъ, такъ какъ и нынѣшній бюджетъ непосиленъ для народа. Но преобразование и не требуетъ увеличенія расходовъ, такъ какъ, согласно мнѣнію французской бюджетной парламентской коммисіи, даже французская армія „страдаетъ отъ избытка организмовъ прежде живыхъ, но нынѣ недействующихъ, не приносящихъ никакой пользы“. Поэтому, „если желаютъ путемъ значительныхъ сокращеній изыскать средства на неотложныя нужды армій, слѣдуетъ кореннымъ образомъ пересмотрѣть весь организмъ послѣдней“. Сказанное о французскомъ военномъ бюджетѣ тѣмъ болѣе примѣнимо къ бюджету русскому, создаваемому „въ канцелярскихъ тайникахъ и основанному не на фактическихъ данныхъ, а на штатахъ, табеляхъ, положеніяхъ и т. п.“ и допускавшему „полную безконтрольность въ производствѣ военныхъ расходовъ“.

Разсмотрѣніе расходныхъ статей винной монополіи приводитъ г. Рут-

цена къ заключенію, что увеличеніе питейнаго дохода послѣ введенія казенной продажи питей обязано своимъ происхожденіемъ не выгодамъ торговой операціи, какъ таковой, а возвышенію цѣны вина, продаваемого казною: обращеніе въ казну прибылей торговцевъ, на что рассчитывали при введеніи винной монополіи, не могло осуществиться уже потому, что „значительные барыши частныхъ торговцевъ и кабатчиковъ зависѣли главнымъ образомъ отъ отпуска потребителямъ вина, подмѣшаннаго водою, спайванія потребителей и т. п. приѣмовъ“.

Статья проф. Мигулина „Русскій государственный долгъ“ даетъ краткую исторію нарастанія послѣдняго, отъ времени Екатерины II до 1-го января 1907 г. Она составляетъ какъ бы резюме пятаго выпуска третьяго тома обширнаго изслѣдованія автора о государственномъ долгѣ Россіи. Статья Л. Н. Яснопольскаго „Государственный банкъ“, разсматривающая дѣятельность этого учрежденія въ историческомъ порядкѣ, показываетъ, какимъ образомъ нашъ государственный банкъ, основанный „для оживленія торговыхъ оборотовъ и упроченія кредитной денежной системы“, не могъ удовлетворительно выполнять ни того, ни другого назначенія, ибо, находясь въ распоряженіи министра финансовъ, постоянно отвлекался отъ прямыхъ своихъ задачъ къ служенію тѣмъ или другимъ цѣлямъ государственнаго казначейства и финансовой политики. Кредитные билеты выпускались имъ, главнымъ образомъ, для военныхъ и другихъ надобностей, а не для нуждъ торговли; его капиталы отвлекались отъ естественныхъ коммерческихъ операцій на нужды же государственнаго казначейства, на укрѣпленіе металлической валюты, а съ наступленіемъ (въ 1899 г.) промышленнаго кризиса—послѣ вздутаго министромъ финансовъ промышленнаго оживленія—на поддержаніе, вопреки уставу, падающихъ промышленныхъ предпріятій, принесшее уже банку многомилліонныя потери. Къ статьѣ приложена не опубликованная до сихъ поръ вѣдомость о движеніи выдаваемыхъ такимъ образомъ ссудъ въ 1905 году.

Статья М. П. Федорова: „Пути сообщенія въ Россіи“, касается, между прочимъ, и вопроса о финансовой сторонѣ желѣзныхъ дорогъ. Хотя въ послѣдніе годы желѣзныя дороги приносятъ казнѣ убытокъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, но, кромѣ доходовъ эксплоатации, казна извлекаетъ изъ желѣзныхъ дорогъ дополнительные доходы, въ видѣ сборовъ съ пассажирскихъ билетовъ и грузовъ большой скорости, сбереженій по перевозкѣ войскъ, арестантовъ и т. п., бесплатной перевозки почты и т. д., и сумма этихъ доходовъ и сбереженій достигаетъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей. Но значеніе желѣзныхъ дорогъ болѣе, чѣмъ финансовыми результатами ихъ эксплоатации, опредѣляется общимъ ихъ вліяніемъ на экономическую жизнь; и дальнѣйшее ихъ сооруженіе можетъ быть поэтому про-

должаемо, несмотря на видимые финансовые убытки казны. Но это сооруженіе должно производиться осторожно и планомерно, причемъ особенное вниманіе должно быть обращено на развитіе дорогъ мѣстнаго значенія. Что же касается современныхъ правительственныхъ предположеній о новыхъ затратахъ на желѣзнодорожное дѣло, при чемъ одни только расходы на усиленіе пропускной и провозной способности казенныхъ дорогъ исчислены въ 832 мил. руб., то рѣшенію этого вопроса, по мнѣнію г. Федорова, должно предшествовать „общее обследованіе желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи черезъ особую комиссію Государственной Думы“. Особенную важность въ постановкѣ желѣзнодорожнаго дѣла авторъ приписываетъ желѣзнодорожной политикѣ нашего правительства, обращавашаго желѣзныя дороги, какъ и все прочее, на служеніе своимъ экономическимъ и финансовымъ предположеніямъ. Въ этой политикѣ рѣзко проявляется покровительство крупному капиталу, крупному отправителю и вывозному сообщенію въ ущербъ мелкой промышленности, мелкой торговлѣ и внутреннему потребителю. Такая односторонняя политика должна рѣзко измѣниться. „Совокупность разнообразныхъ и сложныхъ интересовъ, замѣшанныхъ въ эксплуатаціи существующей сѣти и въ дальнѣйшемъ развитіи послѣдней, требуетъ планомерной желѣзнодорожной политики, согласованной съ общей программой правительства, экономической, административной и международной“.

XI.

— Центральный Статистическій Комитетъ М. В. Дѣлъ. Статистика землевладѣнія 1905 г. Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи. Спб. 1907.

Нѣсколько времени тому назадъ, мы сообщали о выходѣ въ свѣтъ — отдѣльными выпусками — новаго изданія центрального статистическаго комитета, подъ общимъ заголовкомъ, указаннымъ въ началѣ этой записки, и высказали нѣсколько замѣчаній о системѣ разработки матеріаловъ предпринятаго комитетомъ изслѣдованія. Теперь это изданіе закончено и, кромѣ пятидесяти выпусковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ Европейской Россіи, явился въ свѣтъ сводный томъ. Этотъ томъ повторяетъ ошибки отдѣльныхъ выпусковъ, и поэтому, казалось бы, нѣтъ основаній возвращаться къ данному изданію. Мы тѣмъ не менѣе считаемъ себя обязанными посвятить ему нѣсколько словъ, потому что именно своднымъ томомъ, а не отдѣльными выпусками, будутъ пользоваться большинство лицъ, интересующихся аграрнымъ вопросомъ, и что данное изданіе уже успѣло ввести въ заблужденіе даже такихъ писателей, которые сами занимаются статистикой на-

шего землевладѣнія. Мы здѣсь обратимъ вниманіе на одинъ отдѣлъ: „Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ“, на надѣльное землевладѣніе, и лишь на ту его часть, гдѣ разсматривается вопросъ о степени обезпеченія крестьянъ надѣльной землей. Данные объ этомъ сгруппированы въ таблицѣ IV, въ приложеніи № 24; и хотя въ обѣихъ таблицахъ идетъ рѣчь о совершенно одномъ и томъ же предметѣ,—количествѣ земли на крестьянскій дворъ,—и таблицы различаются лишь степенью детализаціи цифръ, но заголовки ихъ неодинаковы: въ таблицѣ № 24 рѣчь идетъ, будто бы, о „среднемъ размѣрѣ надѣльной земли на дворъ“, а въ таблицѣ IV—просто о „количествѣ земли на дворъ“. О томъ, что въ послѣдней таблицѣ рѣчь идетъ также о среднемъ надѣлѣ, можно, впрочемъ, догадаться потому, что противъ заголовка: „1 дес. на дворъ“, „2 дес. на дворъ“ и т. д. стоитъ прежде всего отвѣтъ: „столько-то общинъ“. Такъ какъ не можетъ же цѣлая община состоять изъ домохозяевъ съ совершенно одинаковымъ количествомъ земли, то нетрудно догадаться, что въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь объ общинахъ съ той или съ другой средней площадью надѣльной земли, приходящейся на одинъ дворъ. Еще труднѣе опредѣлить предметъ рѣчи по заголовкамъ таблицы № 24, въ которой отсутствуютъ указанія, косвенно наводящія на истину. Здѣсь вы имѣете заголовокъ: „число дворовъ, имѣющихъ въ *среднемъ* на дворъ до 5 дес., отъ 5 до 10 дес., свыше 10 дес.“. Заголовокъ этотъ ни съ чѣмъ несообразенъ, потому что если рѣчь идетъ о среднемъ надѣлѣ на дворъ, то нужно указать единицу, состоящую изъ нѣсколькихъ дворовъ, къ которой это среднее относится. Чтобы сдѣлать эту несообразность болѣе ясной для читателя-неспеціалиста,—предположимъ, что при переписи г. Петербурга читатель получилъ листокъ съ заголовкомъ: „число дѣтей, имѣющихъ въ *среднемъ* до 5 лѣтъ, отъ 5 до 10 лѣтъ и свыше 10 лѣтъ“. Въ какія группы долженъ онъ помѣстить своихъ дѣтей въ возрастѣ 2 лѣтъ, 8 и 14 лѣтъ? Размѣстить ихъ по всѣмъ тремъ группамъ нельзя, хотя они и находятся въ возрастѣ до 5 лѣтъ, отъ 5 до 10 лѣтъ и выше 10 лѣтъ, потому что въ вопросномъ листкѣ идетъ рѣчь не о *дѣйствительномъ*, а о *среднемъ* возрастѣ вашихъ дѣтей. Вы станете строить догадки, что означаетъ предложенный вамъ вопросъ, и остановитесь на единственно подходящемъ предположеніи, что таблица интересуется вопросомъ о томъ, какое число дѣтей находится въ семьяхъ со среднимъ дѣтскимъ возрастомъ въ 5 лѣтъ, 5—10 лѣтъ и выше 10 лѣтъ; и такъ какъ средній возрастъ вашихъ дѣтей—8 лѣтъ, то всѣхъ ихъ вы помѣстите во вторую группу. Но вы съ полнымъ основаніемъ выразите претензію на то, что васъ заставляютъ напрасно ломать голову, и зададите вопросъ: почему въ заголовкѣ не указана та сложная единица, — будь то семья, школа

или что другое, — къ которой относится средній возрастъ, интересующій перепись; почему, если эта единица — семья, — заголовокъ не получилъ такой видъ: „число дѣтей въ семьяхъ со среднимъ дѣтскимъ возрастомъ до 5 лѣтъ, отъ 5 до 10 лѣтъ, выше 10 лѣтъ“? Вопросъ о томъ, къ какой единицѣ относятся данныя таблицы 24-ой разсматриваемаго нами изданія о „числѣ дворовъ, имѣющихъ въ среднемъ на дворъ до 5 дес.“ и т. д., мы можемъ разрѣшить, руководствуясь таблицей IV, указывающей, что эта единица есть община, пользующаяся надѣльной землей. Послѣ этого въ своемъ экземплярѣ „Сводъ данныхъ по 50 губерніямъ“ мы замѣнимъ заголовокъ въ таблицѣ № 24 слѣдующимъ: „Число дворовъ въ общинахъ, имѣющихъ въ среднемъ на дворъ: до 5 дес., отъ 5 до 10 дес., выше 10 дес.“, и обратимся къ центральному статистическому комитету съ вопросомъ: почему онъ самъ не далъ точнаго заголовка въ таблицѣ и вынуждаетъ читателя строить на этотъ счетъ различныя догадки?

Кромѣ двухъ вышеназванныхъ таблицъ, о степени обезпеченія населенія надѣльной землей говорится еще въ текстѣ на стр. 175 и слѣдующихъ. И хотя рѣчь идетъ здѣсь о томъ же самомъ предметѣ, но терминологія, а съ нею и смыслъ цифровыхъ данныхъ представляются совершенно въ иномъ значеніи. Здѣсь нѣтъ уже термина „средній“, а говорится просто о „надѣлѣ“; не упоминается и объ общинахъ, къ которымъ въ сущности относятся разрабатываемые въ данномъ отдѣлѣ матеріалы; и кто будетъ понимать читаемое такъ, какъ оно написано, тотъ вынесетъ изъ даннаго труда представленіе, что „изъ всего числа 11.998.705 дворовъ“ (въ 50-ти губерніяхъ) „свыше $\frac{2}{3}$ числа крестьянъ, владѣющихъ надѣльной землей, имѣютъ ее отъ 5 до 10 дес. на дворъ, около $\frac{1}{4}$ имѣютъ менѣе 5 дес. — и $\frac{1}{3}$ имѣютъ свыше 10 дес. на дворъ“. Такое представленіе вынесли, повторяемъ, даже лица, специально пишущіе объ аграрномъ вопросѣ. А представленіе это, прямо вытекающее изъ текста разсматриваемой книги, имѣющаго задачей языкъ цифръ перевести на языкъ словъ, совершенно извращаетъ смыслъ собранныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ матеріаловъ и реальную дѣйствительность. Оно извращаетъ смыслъ собраннаго матеріала, потому что подворнаго опроса относительно размѣровъ землевладѣнія отдѣльныхъ дворовъ никѣмъ не производилось, и доставленные комитету свѣдѣнія относились къ площади владѣнія цѣлаго селенія. И насколько ошибочно было бы считать всѣхъ вашихъ, читатель, дѣтей, занесенныхъ въ группу *средняго* возраста выше 10 лѣтъ, находящимися именно въ этомъ возрастѣ, настолько неправильно производить аналогичную операцію со средними надѣлами крестьянскихъ дворовъ. Насколько такая операція приводитъ къ заключеніямъ, расходящимся съ дѣйстви-

тельностью—видно изъ газетной замѣтки земскаго статистика г. Севрюгина, согласно которой дворы крестьянъ кievской губерніи, имѣющіе надѣлы выше 5 дес., составляютъ не 44,5 % общаго числа надѣльныхъ дворовъ, какъ это значитъ въ разсматриваемомъ изданіи, обратившемъ фиктивные, средніе надѣлы въ реальные, а 4,6 %. И эти-то фиктивные цифры принимаются за основаніе для опредѣленія степени нужды крестьянъ въ землѣ. Немудрено, что пользующіеся такими официальными данными наши правители отрицаютъ высокую степень развитія крестьянскаго малоземелья и считаютъ возможнымъ побѣдить послѣднее при помощи казенныхъ, удѣльныхъ и добровольно отчуждаемыхъ частныхъ владѣній. Но правильныя свѣдѣнія о земле-владѣніи представляютъ огромную важность не только для бюрократіи, но и для общества, для молодого нашего „парламента“. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно другихъ данныхъ, собраніе и разработка которыхъ лежатъ на обязанности центрального статистическаго комитета. И пусть новѣйшая работа этого комитета послужитъ толчкомъ къ тому, чтобы въ Государственной Думѣ поднять былъ вопросъ о полномъ преобразованіи этого важнаго государственнаго учрежденія. Безъ сколько-нибудь правильныхъ и правильно разработанныхъ статистическихъ свѣдѣній по различнымъ предметамъ народнаго хозяйства невозможна цѣлесообразная, планомѣрная работа государственныхъ учреждений, имѣющая въ виду удовлетвореніе потребностей народнаго быта.—В. В.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александръ, А. С. проф.—Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства. М. 907. Ц. 20 к.

Барсуковъ, Николай.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга XXI. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Бартлеттъ, Элисъ.—Осада и сдача Портъ-Артура. Съ англ., п. р. и съ примѣч. полковн. Хвостова. Спб. 907. Ц. 3 р.

Башкинъ, Б.—Стихотворенія: Гражданскіе мотивы—Лирика. Спб. 907. Ц. 50 к.

Бентовинъ, д-ръ. Б.—Торгующія тѣломъ. Очерки современной проституціи. М. 907. Ц. 80 к.

Берлинъ, П. А.—Политическія партіи на Западѣ, ихъ доктрины, организація и дѣятельность. Спб. 907. Ц. 1 р. 25 к.

Бирманъ.—Коммунизмъ и анархизмъ. Съ нѣм. Спб. 907. Ц. 40 к.

Блументаль, О.—„Стекланный домъ“. Ком. въ 3 д. Съ нѣм. П. Кузминскій. Спб. 907. Ц. 40 к.

Бородкинъ, М.—Современныя бесѣды. I. О революціи. Спб. 907.

Бюхеръ, Карлъ.—Возникновеніе народнаго хозяйства. Публичныя лекціи и очерки. Перев. съ 5-го изд., п. р. І. Кулишера. Вып. 1. Спб. 907. Ц. 1 р.

Бѣлый, Я.—Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новг. 907. Ц. 75 к.

Бычковъ, К.—Государственные расходы на народное образованіе въ 1886—1906 гг. М. 907.

Врангель, бар. Ф. Ф.—Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи. Спб. 907.

Гемда.—Соціальная исторія Англіи. Пер. П. Шутякова, вып. 1. Спб. 907. Ц. 50 к.

Генингъ, Ив.—Зарницы. Рига. 907. Ц. 45 к.

Герасимовъ, А.—Геологическая карта Ленскаго золотоноснаго района. Съ 2 табл. Спб. 907.

Гинцбургъ, В.—Къ разъясненію загадокъ въ цусимскомъ бою. Спб. 907. Ц. 50 к.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е.—Описаніе путешествія въ Западный Китай. Т. III. Спб. 907.

Данчакова, Вѣра.—Къ вопросу о нейрофибрилярномъ аппаратѣ нервныхъ клетокъ и его измѣненіяхъ при бѣшенствѣ. Диссерт. на степ. д-ра медицины. Спб. 907.

Дилевская, Н.—Черноморскія степи. М. 907. Ц. 40 к.

Диллестантъ.—Попытка сказать правдивое слово о земельномъ вопросѣ. М. 907.

Дингенъ, Іос.—Сущность головной работы человѣка. Новая критика чистаго и практическаго разума. Съ биогр. очерк. автора, Евгени Дингенъ, съ предисловіемъ Паннекука, перев. съ нѣм. Б. Вейнберга, п. р. П. Дауге. М. 907. Ц. 80 к.

Добрыниъ и Бялунитъ.—Прикаспійскія степи. М. 907. Ц. 40 к.

Дунинъ-Герковичъ, А. А.—Необходимость открытія порто-франко въ устьяхъ рѣкъ Оби и Енисея. Тобольскъ. 907.

Евздинъ, П.—Бюджетный контроль и Система государственной отчетности при конституціонномъ образѣ правленія. Спб. 907. Ц. 1 р.

Елпатьевскій, К. В.—Подробный конспектъ учебнаго курса русской исторіи. Пособіе для учащихся. 2-е изд. Спб. 907. Ц. 50 к.

Ильменскій, А.—Статистическій очеркъ о глухонѣмыхъ въ Россіи. Спб. 906.

Исаакянъ, Автикъ.—Пѣсни.—М. 907. Вып. 1.

Картезъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. IV. Первая треть XIX-го вѣка. Консульство, Имперія, Реставрація. Изд. 3-ье. Спб. 907. Ц. 3 р. 50 к.

— Теорія личности П. Л. Лаврова. Съ фототипич. портретомъ Лаврова. Стр. 64. (Библиот. „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907. Ц. 30 к.

Крашенинниковъ, И.—Угасающая Башкирія. М. 907. Книгоизд. „Новое Слово“. Съ иллюстраціями. Стр. 134. Ц. 1 р.

Бречетовъ, С.—Алая книга. Стихотворенія. М. 907. Ц. 60 к.

Лагардель, Г.—Всеобщая стачка и социализмъ. Съ франц. Г. Оленевъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Левинъ, А.—Финляндія. М. 907. Ц. 45 к.

Ломтжевичъ, Е.—Таганрогская Коммерческая гимназія. Къ ея столѣтнему юбилею. Таганр. 906. Ц. 50 к.

Маклецова, Н. (Дегаева).—Предатель. Повѣсть изъ жизни „Народной воли“. Спб. 907. Ц. 75 к.

Метерлинкъ.—Переводъ Л. Вилькиной, съ иллюстраціями. Т. II. Спб. 907. Ц. 2 р.

Митулъ, П. — Настоящее и будущее русскихъ финансовъ. Харьк. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Миклашевскій, Ал. — Земельная реформа и организація труда. Юрьевъ-Дерптъ. 906. Ц. 40 к.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н., проф.—Гоголь, 2-ое дополн. изд. Съ фототипич. портретомъ Гоголя. (Библіотека „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907. Стр. 231. Ц. 1 р.

——— Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. М. 907. Ц. 75 к.

Павловскій, Е. — Къ анатоміи половыхъ органовъ. Съ таблицами. Спб. 907.

Петрушевскій, Дм. — Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. М. 907. Ц. 1 р. 70 к.

Пироговъ, Н. И. — Севастопольскія письма. 1854—55 гг. Ц. р. и съ прилгъ. Н. Г. Малиса. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Подвинскій, Ю. — Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. Составлено Б. Лимановскому, Л. Кульчиздему и др. М. 907. Ц. 1 р.

Пушкинъ. — Собраніе сочиненій. Вып. II. (Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова). Стр. 161—320. Съ иллюстраціями. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 907.

Пясецкій, Л. Я. — Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. IV: Рѣшеніе уравненій. — Мнимыя величины; комплексныя количества. — Извлеченіе кубическаго корня. — Арифметическая и геометрическая прогрессія. — Логарифмы. Спб. 907. Ц. 35 к.

Пытинъ, А. Н. — Исторія русской литературы. Т. I; Древняя письменность. Изд. 3-ье. Спб. 907. Ц. 3 р. (Четыре тома—10 р.).

Рейтшардтъ, Н. В. — Радикальный переворотъ въ русскомъ госуд. строѣ мирнымъ путемъ. Изд. Д. Чичинадзе. Стр. 42. Спб. 907. Ц. 25 к.

Роничъ, Н. — Ночь слезъ. Черноморская быль. Од. 907. Ц. 15 к.

Солоубъ, Ѳ. — Истѣвующія личины. Книга разсказовъ. М. 907. Ц. 1 р.

Сибиряковъ, А. — О путяхъ сообщенія Сибири и морскихъ сношеніяхъ ея съ другими странами. Спб. 907. Ц. 90 к.

Спекторскій, Е. — Очерки философіи общественныхъ наукъ. Вып. 1: Общественныя науки и теоретическая философія. Варш. 907. Ц. 1 р. 75 к.

Степнякъ-Кравчинскій, С. М. — Собраніе сочиненій. Ч. I. Штундистъ Павелъ Руденко. Дополнено по рукописи. Съ написанными для этого изданія воспоминаніями П. А. Кропоткина и фототипич. портретомъ Степняка. Единственное разрѣш. вдовою автора изданіе. (Библіот. „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907. Стр. XXX+224. Ц. 1 р.

Субботинъ, И. — Тактика трудовой группы. Роспускъ Государственной Думы. Спб. 907. Ц. 10 к.

Супорскій, Н. Н. — Въ туманахъ сѣдой старины. Къ варяжскому вопросу. Англо-русская связь въ давніе вѣка. Спб. 907.

Талелай, А. — Таблицы дѣйствительной доходности всѣхъ процентныхъ бумагъ. 100 таблицъ и 36 статей текста. Руководство для болѣе вѣрнаго и выгоднаго помѣщенія капиталовъ. М. 907. Ц. 5 р.

Тардье. — Скука. Психологическое изслѣдованіе. Спб. 907. Ц. 75 к.

Теннисъ, Л. — Изъ архива генераль-майора и кавалера И. Ѳ. Дитятина 2-го. Мемуары и переписка. Спб. 907. Ц. 75 к.

Филипповъ, Ю. Д. — Стадіи экономической эволюціи. Спб. 907.

Франческо-Рачиотти.—Госуд. устройство свободныхъ державъ. Съ приложеніемъ сравнительной таблицы конституцій. Перев. съ итальянскаго. Доп. и ред. Н. В. Рейнгартда. Спб. 906. Стр. 175. Ц. 40 к.

Хитрово, Т. Д.—Уралъ. М. 907. Ц. 40 к.

Ходскій, проф. Л. В.—Государственное хозяйство. Курсъ финансовой науки. Изд. 3-ье, пересмотр. и дополн. Вып. 1. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Цебрикова, М. К.—Письмо къ Александру III. Съ приложеніемъ написанныхъ для этого изданія воспоминаній автора. Стр. 48. — Каторга и ссыла. Стр. 48. — Ц. по 20 к. (Библиотека „Свѣточа“ подъ ред. С. А. Венгерова). Спб. 907.

Чайковский, Мод.—Катерина Сиенская. Мистерія. М. 907.

Чернышев, Н., *Лясицкій*, А., П. *Масловъ*.—Крестьянское право и община предъ Государственной Думой. Къ ликвидаціи законодательства по 37 статьѣ. Спб. 907. Ц. 25 к.

Чуковский, Б.—Поэтъ-анархистъ Уотъ-Уитманъ. Переводъ въ стихахъ и характеристика. Спб. 907. Ц. 50 к.

Шмелевъ, Г.—Акты царствованія Екатерины II: Учрежденія для управленія губерній и Жалованныя грамоты дворянству и городамъ. М. 907. Ц. 50 к.

Шницлеръ, Арт.—Диалоги: 1. Анатолий. 2. Хороводъ. Съ нѣм. Спб. 907. Ц. 1 р.

Штирнеръ, Максъ.—Единственный и его собственность. Съ нѣм. Г. Фелдъ. Спб. 907. Ц. 80 к.

Garski, Stanislaw.—System Filozofii. Tom. I. Warszawa. 1907.

— Библиотека „Просвѣщеніе“: 1) Интернаціональ. Международи. Общ. рабочихъ. Соч. Г. Іекка. Ц. 80 к. 2) Соціальная реформа или революція? Соч. Розы Люксембургъ. Ц. 30 к. 3) Восемнадцатое Брюмера Наполеона III, соч. К. Маркса. Ц. 30 к. 4) Антидюринизъ, соч. Энгельса. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Ежегодникъ вѣтшкольнаго образованія. Вып. 1. П. р. В. Чернолуцкого. М. 907. Ц. 1 р.

— Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русск. Археологическаго Общества. Т. IV.

— Изданія Ф. Павленкова: 1) Н. Николина. Древнѣйшіе жители Европы, ц. 20 к. 2) Его же, Древній Римъ, ц. 40 к. 3) Его же, Древняя Греція, ц. 40 к. 4) Г. Гауптманъ, Ткачи, драма, съ нѣм., ц. 25 к. 5) Искандеръ (А. И. Герценъ), Кто виноватъ? ц. 50 к. 6) Его же, Съ того берега, ц. 40 к. 7) Л. Бухъ, Краткій курсъ политической экономіи, ц. 70 к. 8) А. Уоллеса, Научныя и соціальныя изсѣдованія, т. II, съ англ. Л. Лакіеръ, ц. 80 к. 9) А. Герценъ, Книгиня Ев. Ром. Дашкова, ц. 20 к. 10) Его же, Русскій народъ и социализмъ, ц. 10 к. 11) Его же, Робертъ Оуэнъ, ц. 12 к. 12) Его же, Крещеная собственность, ц. 8 к. 13) Его же, Старый міръ и Россія, ц. 10 к. Спб. 906.

— Изъ Мюссе и Верлена. Пер. Зинанды Ц. Спб. 907. Ц. 75 к.

— Изданія Товарищества „Знаніе“: 1) Сборникъ, за 1907 г., кн. XVI, ц. 1 р. 2) К. Каутскій, Эрфуртская программа, ц. 30 к. 3) С. Юшкевичъ, Человѣкъ, ц. 30 к. 4) Шелли, Ченчи, траг. 5) С. Гуревичъ, Радикальная буржуазія и профессиональные союзы, ц. 20 к. 6) И. Штернъ, Государство будущаго. Социализмъ, его сущность, осуществимость и цѣлесообразность. Съ нѣм. перев. А. Ратнеръ. Спб. 907. Ц. 8 к.

— Источники по исторіи реформациі. Вып. II: „Письма темныхъ людей“,

перев. Н. Куна, п. р. Д. Егорова. Изд. Высшихъ женск. курсовъ. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской Городской Управы за 1906 годъ. Рига, 907.

— Отчетъ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассъ за 1905 годъ. Спб. 907.

— Сборникъ стихотвореній и разсказовъ для дѣтей младшаго возраста (отъ 9 до 14 л.). Кіевъ. 907. Ц. 75 к.

— Труды перваго всероссійскаго Сѣзда фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушеровъ съ 20 по 25 января 1907 г. въ г. Москвѣ. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАМѢТКА

По поводу новой книги А. Я. Ефименко: „Исторія украинскаго народа“. Спб. 906.

Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ издана была компилятивная и даже для своего времени устарѣлая, но все же связанная и цѣльная „Исторія Малороссіи“ Н. Мѣркевича (1842—1843 гг.). За послѣдующее время появился цѣлый рядъ изслѣдованій, множество отдѣльныхъ монографій, опубликовано огромное количество новыхъ матеріаловъ, совершенно измѣнилось пониманіе историческихъ судебъ малорусскаго народа, рѣшительно по всѣмъ вопросамъ южнорусской исторіи высказаны новыя точки зрѣнія и обозначены, при пособіи новыхъ и дѣйствительно научныхъ методовъ, новыя перспективы, указаны новыя объясненія темныхъ и загадочныхъ историческихъ фактовъ. А въ то же время приходилось для удовлетворенія законной любознательности читателей перепечатывать связанный очеркъ „Исторіи Малой Россіи“ Карамзинскаго типа, появившійся еще въ 1822 году, т.-е. до самаго ранняго періода критически-научной разработки русской исторіи: мы говоримъ о сочиненіи Бантыша-Каменскаго, переизданномъ года четыре тому назадъ. По данному вопросу ощущался такой недостатокъ и такая потребность, что даже негодное историческое старье имѣло успѣхъ и распространеніе среди читающей публики. Но за послѣдніе два года необыкновенно посчастливилось южнорусской исторіи: въ концѣ 1904-го года появилось первое изданіе полнаго и цѣльнаго „Очерка исторіи Украинскаго народа“ проф. М. Грушевскаго (см. „Вѣстникъ Европы“ 1905 г., № 3), а въ концѣ прошлаго года—систематическая „Исторія украинскаго народа“, А. Я. Ефименко.

Авторъ этой исторіи—довольно извѣстная писательница въ области изслѣдованій о правовыхъ и культурныхъ вопросахъ, не лишенная идеализаціи всего того, что создано народомъ, что имѣетъ къ нему какое-нибудь близкое отношеніе,—но въ этомъ и сила, и слабость ея историческихъ и этнографическихъ работъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна: „Трудовое начало въ русскомъ народномъ правѣ“. Сочиненія А. Ефименко часто бываютъ болѣе цѣнны не своей научною обоснованностью и объективностью, а тѣмъ, что вызываютъ хорошія и бодрыя настроенія, возбуждаютъ любовь ко всему, что соприкасается съ на-

роднымъ творчествомъ въ соціологически-правовыхъ движеніяхъ и видоизмѣненіяхъ, въ культурныхъ и экономическихъ отношеніяхъ. Специально исторіи южной Руси посвящены авторомъ довольно многочисленныя очерки и статьи, собранныя въ двухтомномъ сборникѣ „Южная Русь“, изданномъ въ 1905 году.

Новый трудъ г-жи Ефименко, разсматриваемый въ настоящей за-мѣткѣ, имѣетъ и общую, и частную, объединенныя между собою, задачи. Общая задача мотивируется ненормальнымъ положеніемъ до сихъ поръ вопроса объ исторіи „двухъ русскихъ народностей“. А. Я. Ефименко справедливо указываетъ, что „въ русской научной литературѣ принято понимать (мы не могли бы, впрочемъ, сказать этого такъ ужъ безусловно и категорично) подъ выраженіемъ „русская исторія“ лишь исторію сѣверо-восточной ея половины; все это производитъ такую односторонность историческаго пониманія, которая граничитъ въ иныхъ случаяхъ съ фальсификаціей общественнаго самосознанія, хотя въ большинствѣ случаевъ невольной и бессознательной“. Исслѣдовательница судебъ украинскаго народа болѣе имѣетъ цѣлью представить результаты изученія другой, южной половины Руси, чѣмъ установить болѣе правильное пониманіе русской исторіи и „истинныхъ національных особенностей, коренящихся не въ однихъ лишь относительно позднихъ условіяхъ и особенностяхъ исторіи Руси сѣверо-восточной“. Болѣе частная задача автора обусловливается, во-первыхъ, программой *научно-популярной* „Исторіи Южной Руси“, предложенной редакціей историческаго украинскаго журнала „Кіевская Старина“ (мы не имѣемъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, почему эта работа не выполнена и не была издана, какъ предполагала редакція); во-вторыхъ, опредѣляется индивидуальными чертами, характеризующими общественныя и научныя воззрѣнія А. Ефименко и соотвѣтствующими отношеніями ея къ историческимъ вопросамъ. Авторъ говоритъ, что не оставилъ въ пренебреженіи фактовъ исторіи внѣшней, политической, но отводитъ имъ относительно скромное мѣсто по сравненію съ фактами исторіи внутренней; по отношенію къ внутренней жизни южнорусскаго народа, авторъ менѣе останавливался на описаніи отдѣльныхъ явленій этой жизни, чѣмъ на уясненіи того соціально-историческаго процесса, которымъ обусловливаются эти явленія.

Съ точки зрѣнія данныхъ задачъ мы и сдѣлаемъ самый краткій обзоръ новой работы А. Ефименко, попутно указывая на достоинства труда, его недостатки и нѣкоторые промахи.

Изъ восьми главъ двѣ первыя затрагиваютъ вопросы о доисторической эпохѣ, народахъ, обитавшихъ въ южной Руси въ древности, до-исторической Руси и славянахъ, о первыхъ русскихъ князьяхъ. А. Ефименко, къ сожалѣнію, придерживается своеобразной норманской

теоріи. Для нея „ясно, что Русь первой половины IX в. жила не за моремъ Варяжскимъ, а гдѣ-то на берегахъ Чернаго моря“; этотъ народъ— „несомнѣнно жилъ около Чернаго моря“. Гдѣ же находилось его мѣсто жительства? „Невольно напрашивается въ отвѣтъ“, что это— „Таманскій полуостровъ, Фанагорія, пресловутая Тмутаракань“. Эти „русы“, живя въ X в. уже среди славянъ, „еще говорили своимъ собственнымъ языкомъ, т.-е. германскимъ“ (стр. 13). Далѣе мы слышимъ оговорку въ словахъ: „Загадочная Русь, пришла ли она съ береговъ Чернаго моря,—какъ полагаемъ мы,—или съ береговъ моря Балтійскаго, по принятой гипотезѣ“ и т. д. (стр. 23). Теорія эта, собственно говоря, автору не принадлежитъ; она была высказана еще проф. Голубинскимъ, поддержана проф. Будиловичемъ и Васильевскимъ, но и толкованіе житій Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго не внесло достаточной убѣдительности въ черноморское происхожденіе норманской руси. А. Я. Ефименко ничего новаго доказательнаго не даетъ въ своемъ утвержденіи; въ книгѣ же, подобной ея очерку, рассчитанному на широкую публику, субъективныя утвержденія не должны имѣть мѣста. Автору слѣдовало бы лучше остаться при „принятой“ и достаточно обоснованной „гипотезѣ“, которая такъ ясно и обстоятельно изложена въ новой, наиболѣе убѣдительной редакціи проф. Ключевскаго.

Домонгольскій періодъ русской исторіи изложенъ А. Ефименко въ третьей главѣ— „Удѣльная смута и степные кочевники“. Это—очень хорошо написанный общій, краткій обзоръ событій за два вѣка въ которомъ выдѣлены изъ безчисленнаго множества мелкихъ происшествій, столкновеній и неурядицъ важнѣйшіе и существенные факты исторіи южныхъ земель, достаточное мѣсто удѣлено вопросамъ внутреннего быта, выдвинута формація Галицко-Владимирскаго княжества и разсказаны судьбы его до половины XIV в.

Мы только не можемъ согласиться съ нѣкоторыми малообоснованными положеніями автора въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, впрочемъ второстепенныхъ, вопросахъ. Такъ, по мнѣнію А. Ефименко, „за р. Десной, южной границей Черниговской земли, уже начиналась степь“, а „Переяславльское княжество даже трудно и назвать областью или землею; это скорѣе сторожевая линія“. О томъ, что это не такъ, что и граница Черниговскаго княжества несовсѣмъ вѣрна, и о лѣсныхъ мѣстностяхъ на юго-востокъ отъ Черниговщины, и о судьбахъ Переяславльскаго княжества авторъ могъ бы все нужное найти въ книгѣ В. Ласкоронскаго („Ист. Переяславльскаго княжества до половины XIII в.“, 2-е изд. 1903 г.), книгѣ, помѣщенной въ библиографическихъ примѣчаніяхъ, какъ одинъ изъ „главныхъ источниковъ, но, очевидно, авторомъ не использованной. — До крайности узкимъ кажется намъ

такое, напимѣръ, толкованіе А. Ефименко: „причина (того, что Чернигово-Сѣверскому князевству не удалось сложиться въ сильный и самостоятельный политическій организм)—въ томъ же, повидимому, въ чемъ заключается причина исчезновенія съ политическаго горизонта Туровской земли: въ *большомъ размноженіи княжескаго рода* (стр. 62). Весьма сомнительно также существованіе въ Кіевской землѣ особаго Трипольскаго удѣла. Всѣ извѣстныя по первоисточнику данныя говорить за то, что Триполье или входило въ область Поросья (временами Торческій удѣлъ), или было придаткомъ къ другимъ удѣламъ и переходило изъ рукъ въ руки и т. п.

Очеркъ исторіи южной Руси въ составѣ Литовскаго государства—одна изъ наиболѣе обширныхъ главъ книги А. Ефименко. Въ этомъ очеркѣ сразу бросаются въ глаза два недостатка. Передъ нами лежитъ книга, опредѣленно озаглавленная—„Исторія украинскаго народа“. Старое заглавіе: еще со времени Н. Полевого мы знаемъ эти „исторіи народа“. Украинскій народъ не создалъ государственности, и авторъ правильно озаглавилъ свою книгу, но, къ сожалѣнію, у него—нѣтъ-нѣтъ—да и появится помимо воли какой-то совсѣмъ иной мотивъ, что-то какъ будто изъ иной „исторіи“. На первыхъ страницахъ указаннаго очерка можно прочесть, что „въ XIV в. мы какъ бы заново присутствуемъ при началѣ русской исторіи, вторично наблюдаемъ процессъ созиданія русской государственности... Историческая жизнь снова начинается (для самоуправляющихся городскихъ общинъ на кіевской территоріи) только тогда, когда ходъ событій опять затягиваетъ ихъ въ государственную связь... Области южной Руси какъ бы ждали лишь сильной руки, чтобы высвободиться изъ-подъ вліянія татаръ и посредствомъ новой государственной связи втянуться въ общее культурное движеніе.—Другое, что вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе при чтеніи данной главы (иногда и въ другихъ отдѣлахъ), это—излишнее подчеркиваніе роли „историческихъ случайностей“ въ народныхъ судьбахъ: „не будь брака Ядвиги и Ягелло, — не было бы уніи Литовско-русскаго государства съ Польшей“,—говоритъ А. Ефименко. Такое же „стеченіе обстоятельствъ“ (смерть королей польскихъ Владислава III и Яна-Альбрехта болѣе ранняя, чѣмъ ихъ братьевъ, литовскихъ великихъ князей Казимира и Александра) подчеркнута и при вопросѣ о полномъ политическомъ сліяніи Литвы и Польши въ послѣдующее время.

Кромѣ этихъ общихъ указаній, мы должны отмѣтить въ четвертой главѣ и нѣкоторыя фактическія неточности. Надо сказать, что А. Ефименко обладаетъ очень значительными и солидными фактическими знаніями по исторіи литовской и южно-русской, но они, очевидно, не всегда и не вездѣ вполне достаточны для трудной работы изложенія

въ общедоступной и сравнительно краткой формѣ исторіи Украины за все истекшее тысячелѣтіе. При такой работѣ авторъ долженъ, обладая глубокимъ обобщающимъ талантомъ, имѣть самую обширную фактическую эрудицію вплоть до знанія мельчайшихъ фактовъ историческаго прошлаго, чтобы изъ „многаго“ выбрать „немногое“ необходимое и существенное. Г-жа А. Ефименко иногда не бываетъ полнымъ хозяиномъ тѣхъ историческихъ данныхъ, надъ которыми работаетъ—отсюда рядъ, хотя и не крупныхъ, но досадныхъ фактическихъ неточностей. Такъ, напримѣръ, она утверждаетъ (стр. 90); что на извѣстномъ сѣздѣ 1429-го года въ Луцкѣ у Витовта были „германскій императоръ Сигизмундъ, польскій король Ягелло, вел. кн. московскій Василий II Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ“ и т. д. Ни въ главномъ источникѣ о сѣздѣ, въ письмѣ очевидца Яна Штейнекелера, ни у Długosz'a, ни въ „Ostat. lata Witolda“ Prochaska о присутствіи въ Луцкѣ Василя Васильевича свѣдѣній нѣтъ. Правдоподобно, что авторъ смѣшалъ луцкій сѣздъ съ приготовленіями къ коронаціи передъ смертью Витовта, когда, дѣйствительно, пятнадцатилѣтній московскій князь, вмѣстѣ съ другими князьями и митрополитомъ Фотіемъ, былъ въ Вильнѣ и Трокахъ. Это событіе относится къ концу лѣта 1430 г.—Упоминая о Таваньскомъ перевозѣ на нижнемъ Днѣстрѣ, А. Ефименко называетъ тамъ крѣпость-городокъ Инкерманъ (стр. 103), въ дѣйствительности расположенный на югѣ Крымскаго полуострова. Таваньскій перевозъ находился приблизительно на полпути между нынѣшними городами Бериславомъ и Херсономъ, противъ с. Тяганки, гдѣ въ давнія времена была крѣпостца „Исламово городище“, разрушенная въ 1700 г., возстановленная вскорѣ и окончательно уничтоженная въ 1720 г., и т. д.

„Южная Русь подъ польскимъ владычествомъ“ (со времени Люблинской Уніи до возстанія Б. Хмельницкаго), пожалуй, самая удачная глава по изложенію и группировкѣ матеріала въ книгѣ А. Ефименко, если не считать нѣскольکو блѣднаго разсказа о происхожденіи украинскаго козачества. Авторъ съ достаточнымъ вниманіемъ и выразительностью слѣдитъ за обоими типами жизни въ южной Руси со второй половины XVI-го вѣка. Съ одной стороны, это была жизнь земель стараго заселенія, старой культуры, гдѣ всѣ общественныя отношенія уже пришли въ извѣстное равновѣсіе,—съ другой стороны, жизнь земель, заселяющихся заново, гдѣ общественный строй еще не успѣлъ окристаллизироваться въ опредѣленныя формы, гдѣ все находится въ хаотическомъ броженіи. Первый типъ представляетъ собою Волинь, Кіевское Полѣсье и западное, поднѣстровское Подолье; во второму относится вся та масса земель съ неопредѣленными, уходящими къ югу, въ дикія поля, границами, которымъ подъ именемъ

Украины пришлось сдѣлаться кровавой ареной такой ужасающей исторической драмы (стр. 150—151). Въ этой драмѣ видную роль сыграло козачество, окончательно сьорганизовавшееся, въ первой четверти XVII-го в., въ гетманство Сагайдачнаго. Выдающееся значеніе для украинско-польскихъ отношеній сыграло „смутное время“ въ Московскомъ государствѣ и вмѣшательство въ дѣла сѣверной Руси и поляковъ, и южноруссовъ. Правда, вопросъ этотъ малорусскими историками разработанъ мало, и ему не всегда удѣляютъ достаточно вниманія, но отношеніе къ нему нашего автора прямо незаслуженно пренебрежительное. Вотъ все, что мы нашли о данномъ вопросѣ въ „Исторіи украинскаго народа“: „какъ низовцы водили господарчиковъ-самозванцевъ въ Молдавію, такъ (!) повели польскіе паны, съ Мнишками во главѣ, царевича-самозванца въ Московское царство. Конечно, при этомъ былъ кликнуть кличъ на охотниковъ, и украинскому своеволію открыто было новое русло еще до того, пока въ войну вмѣшалось государство, и гетманъ самъ повелъ козаковъ на православный сѣверъ. Достаточно извѣстно (кому?), какъ показали здѣсь себя украинцы, и какая доля участія въ тяжелой эпопее „Смутнаго времени“ относится на счетъ низового козачества? Подобные, брошенные вскользь, намеки, прежде всего, полагаемъ, недопустимы въ систематическомъ, полномъ и популярномъ очеркѣ исторіи.

„Хмельницина и Руина“, заканчивающіяся борьбой Петра I съ украинской автономіей послѣ „Мазепинской авантюры“, представляютъ въ книгѣ А. Ефименко довольно вѣрную оцѣнку историческихъ событій, и если знать фактическую исторію, то можно съ большимъ интересомъ прочесть данную главу. Особенно это надо сказать про время Хмельницины. Однако, странными звучатъ слова автора о томъ, какъ „все, что происходитъ послѣ смерти Хмельницкаго на политической сценѣ Украинской земли, имѣетъ видъ какой-то безпорядочной и бессмысленной игры случайностей“. Имѣло ли это „все“ только *видъ*, или такъ было въ дѣйствительности, авторъ не даетъ на это прямого отвѣта, но, по всему замѣтно, склоняется къ тому мнѣнію, что дѣйствительно исторія украинскаго народа вслѣдъ за Хмельнициною представляетъ „безпорядочную и бессмысленную игру случайностей“. Не успѣвъ появиться, по словамъ автора, какой-нибудь фактъ и выяснить свое содержаніе, какъ исчезаетъ подъ напоромъ иныхъ фактовъ, также, въ свою очередь, быстро исчезающихъ. Смѣнающіе другъ друга гетманы, возникающія и исчезающія партіи, перекрещивающіяся вліянія, походы, битвы и миры, политическіе договоры и компромиссы—мелькаютъ передъ нами, какъ въ калейдоскопѣ (стр. 247). Съ этими словами мы рѣшительно не можемъ согласиться.

Нельзя признать вѣрной и характеристику Мазепы, и оцѣнку его дѣятельности въ работѣ А. Ефименко. Далеки мы отъ мысли идеализировать Мазепу, какъ это дѣлаетъ авторитетный составитель „Бесід про часи козацькі на Україні“ (Галицкое изд. 1897 г.), видящій въ немъ самаго талантливаго дѣятеля, особенно великаго политика, Украины. Это тотъ самый Мазепа, который наибольшую ставку въ своей дѣятельности проигралъ именно потому, что возлагалъ всѣ надежды, создавая планъ украинской автономіи, на обласканную и одаренную имъ козацкую старшину, проглядывши единственную силу, на каковую могъ опираться въ вопросахъ о борьбѣ съ московской централизацией, такъ какъ онъ „цѣлком не вважав на демократичні идеали маси народньої, не дбав про прихильність еї“ (стр. 108). При всемъ этомъ невозможно согласиться съ тѣмъ приниженіемъ Мазепы, какое мы находимъ въ рассматриваемой книгѣ, его личности и талантовъ, о которыхъ характерно высказался самъ народъ въ присловьѣ: „отъ Богдана (Хмельницкаго) до Ивана (Мазепы) не було гетьмана“. Авторъ же „Исторіи украинскаго народа“ говоритъ, что „популярность Мазепы—заимствованная: она опредѣляется главнымъ образомъ тою связью, какой историческая личность Мазепы связана съ личностью Петра...; въ его исторической роли, включая и послѣдній ея актъ—измѣну со всей ея якобы (?) неожиданностью, странностью, загадочностью,—все-таки нѣтъ ничего оригинальнаго, отмѣченнаго печатью высшей индивидуальности“.

Надо обратить вниманіе на одну особенность въ изложеніи А. Ефименко. Пишетъ она „исторію украинскаго народа“, очевидно, полагая, что это исторія южнорусской народности отъ Карпатъ до Слобожанщины, однако исторію Галицкой Руси всегда выдѣляетъ въ особія рубрики и подзаголовки и ведетъ о ней рѣчь отдѣльно отъ изложенія украинской ¹⁾ исторіи. Положимъ, исторія Галицкой земли въ старину и въ новѣйшее время (съ 1772 г.) требуетъ выдѣленія ея изъ общей украинской исторіи, но этого мы не можемъ сказать о другихъ періодахъ, особенно о XVII вѣкѣ. Въ главѣ же о Хмельницкихъ и Руинѣ—Галиція почти позабыта авторомъ.

Еще одно замѣчаніе: и въ данной главѣ (до извѣстной степени и во всей книгѣ) авторъ очень немногое сообщаетъ о роли духовенства и литературы въ общемъ ходѣ историческихъ судьбъ украинскаго народа. Вскользь упоминается о Сильв. Коссовѣ (стр. 242), о выбо-

¹⁾ Терминами „малорусскій“, „южнорусскій“, „украинскій“ мы пользуемся въ данной замѣткѣ безразлично, но имѣемъ особое мнѣніе объ этихъ терминахъ, особенно послѣднемъ, заключающемъ въ себѣ, несомнѣнно, болѣе публицистическое и политическое значеніе, чѣмъ научное и историческое. Но объ этомъ—въ свое время ж не въ настоящей рецензій.

рахъ священниковъ народомъ (стр. 270), объ участіи духовныхъ лицъ въ „кіевскихъ пунктахъ“ (глава 7-я)—вотъ и все почти изъ долгой исторіи борьбы малорусскаго духовенства за свою самостоятельность, выборное начало и автономію края со времени Хмельницкаго до второй половины XVIII в., борьбы, далеко не лишенной и драматическихъ моментовъ, и историческаго значенія. Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло съ вопросами литературы и просвѣщенія въ XVI—XVII вв.,—о нихъ мы находимъ въ книгѣ объ исторіи украинскаго народа такія бѣглыя замѣчанія въ нѣсколько строкъ, какія могутъ вызвать скорѣе недоумѣніе читателя, чѣмъ удовлетворить его справедливую любознательность.

Отчасти въ пренебреженіи къ нѣкоторымъ важнымъ культурнымъ и идейнымъ вопросамъ исторіи украинскаго народа, отчасти благодаря непланомѣрному распредѣленію историческаго матеріала и преобладанію въ изложеніи архаическихъ вопросовъ передъ обстоятельнымъ выясненіемъ болѣе новыхъ соціально-историческихъ процессовъ и объясняются самые существенные недостатки послѣднихъ двухъ главъ книги А. Ефименко, гдѣ на сотнѣ страницъ разсказывается о судьбахъ Украины въ XVIII и XIX вѣкахъ. А между тѣмъ читатель въ правѣ предъявить самое рѣшительное желаніе, чтобы въ популярной „Исторіи украинскаго народа“ были наиболѣе сильно освѣщены послѣдніе три вѣка народной борьбы, сословной группировки и національной трансформации, а вся предыдущая историческая перспектива была сжата и изложена, какъ введеніе въ эту исторію народа. Авторъ поступилъ обратно: онъ, напримѣръ, особое вниманіе удѣлилъ литовскому періоду южнорусской исторіи. Это понятно, потому что авторъ „много пота утеръ“ въ своихъ предшествующихъ изслѣдованіяхъ надъ вопросами литовско-русской исторіи XIV—XVI вв., но не понятно въ научно-популярной украинской исторіи. Благодаря такой постановкѣ дѣла сужены рамки и интересы исторіи новой, бѣглое, отрывочное и неполное изложеніе которой вызываетъ невольную досаду на автора, предпочитающаго мелочное и отдаленное важному и близкому. Ну, зачѣмъ, скажемъ для примѣра, понадобилось перечисленіе всѣхъ этихъ терминовъ, часто не поясненныхъ въ изложеніи, зачѣмъ вся эта утомительная „эрудиція“ обыкновенному читателю или любителю украинской исторіи: „князья, попы, земляне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги, мѣстичи, люди черные, волостные, тяглые, данники, вотчичи, путники, бобровники и непохожіе, закладни“... Зачѣмъ перечень всѣхъ этихъ названій, когда самъ авторъ говоритъ, что за ними не скрывается разнообразія ни формъ, ни понятій (стр. 109)? Чтò мнѣ, если я не историкъ по специальности, до того, знаю ли я, или не знаю въ подробностяхъ „дворичную“ систему

„до живота“ или „до двухъ животовъ“, какое различіе между „похожими“ и „непохожими“ людьми, или какъ „слободичи“ дѣлались людьми „засѣлыми“, какія подати назывались „дякло“, какія — „мезлево“, какіе „гнала слѣды“ „горячая копа“ и какова была компетенція „великой копы“ въ XV и XVI вѣкахъ, что мнѣ до всего этого, когда я послѣ прочтенія книги „Исторія украинскаго народа“ не могу отчетливо представить того, какой историческій процессъ пережила моя родина отъ Хмельницкаго до послѣдняго времени, какъ это — „була колись Украина, та стала Россія“? Что мнѣ до всего этого, когда я не могу дать яснаго отвѣта на вопросы, откуда же взялось національное возрожденіе послѣдняго вѣка на Украинѣ, какъ шель параллельно — одинъ процессъ нивелировки, а другой процессъ такого идейнаго развитія, какой нынѣ вызываетъ уже широкій интересъ къ украинскимъ вопросамъ на той же Украинѣ, какой оправдываетъ появленіе и успѣхъ хотя бы и данной книги „Исторія украинскаго народа“ нашего автора? И А. Ефименко не можетъ сказать, что это не должно входить въ задачи ея работы, что здѣсь уже выступаютъ „непріемлемые“ вопросы, что автору надо поставить точку, такъ какъ „передъ волнующимся океаномъ современности, надъ которымъ рѣютъ неясныя тѣни будущаго, прекращается дѣло историка“. Нѣтъ... Самъ авторъ ставитъ вопросы, о которыхъ мы говоримъ, ставить, даетъ намеки, но не рисуетъ опредѣленной перспективы, не представляетъ достаточныхъ и полныхъ объясненій. „Дѣлу спасенія украинской народности, ея выведенія на широкую арену общечеловѣческой дѣятельности, общечеловѣческой мысли, общечеловѣческихъ идеаловъ, послужило то же самое просвѣщеніе, которое было для нея въ извѣстномъ отношеніи столь губительно въ силу своего односторонняго и искусственнаго направленія“ (стр. 371). Но — какъ? По поводу славянофильства сѣверянъ и южанъ и дѣятельности Максимовича, какъ автора „Букваря“ и „Книги Наума о Божьемъ мірѣ“, А. Ефименко говоритъ: „само положеніе украинской народности подсказывало южнорусскимъ дѣтелямъ кое-что такое, до чего сѣвнорусскимъ надо было доходить длиннымъ путемъ накопленія мысли и историческаго опыта“. Но — почему? И тщетно будетъ ждать отъ автора обстоятельнаго отвѣта на эти и многіе подобные имъ вопросы пытливый, неудовлетворенный читатель...

Таковъ общій характеръ новой книги по малорусской исторіи. Къ достоинствамъ ея надо отнести хорошее, вполне литературное изложеніе, языкъ — легкій и простой, умѣнье автора заинтересовать читателя тѣми сторонами историческаго прошлаго, которыми интересуется и самъ авторъ. На ряду съ книгой проф. Грушевскаго, трудъ А. Ефименко составляетъ довольно цѣнный вкладъ въ украинскую исторію-

графію, и мы не можемъ не пожелать новой работѣ почтенной писательницы самаго широкаго распространенія среди читателей не только украинцевъ, но и вообще всѣхъ интересующихся русской исторіей не въ однихъ предѣлахъ прошлой жизни сѣвернорусской народности.

Игн. Житецкій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1907 г.

Парламентскія пренія во Франціи. — Семидневный ораторскій турниръ. — „Митинговки“ рѣчи и ихъ значеніе. — Французскіе социалисты въ роли государственныхъ людей. — Внутреннія реформы въ Англіи. — Результаты всеобщаго голосованія въ Австріи.

Французская палата депутатовъ посвятила значительную часть прошлаго мѣсяца обсужденію запросовъ объ „общей политикѣ правительства“: министры, съ Клемансо во главѣ, подверглись весьма обстоятельной систематической атакѣ крайнихъ лѣвыхъ и должны были упорно защищаться отъ нападеній и обличеній своихъ недавнихъ единомышленниковъ и союзниковъ, руководимыхъ Жоресомъ. Правая сторона палаты обыкновенно воздерживается отъ участія въ этихъ ораторскихъ турнирахъ между различными элементами республиканскихъ группъ, такъ какъ малѣйшее активное вмѣшательство клерикаловъ и націоналистовъ могло бы сразу измѣнить настроеніе большинства и направить удары обѣихъ борющихся сторонъ противъ скрытыхъ или явныхъ враговъ республики. Правыя партіи благоразумно молчатъ и стараются какъ будто заставить всѣхъ забыть о своемъ существованіи, пока происходитъ эта утѣшительная для нихъ внутренняя борьба между передовыми республиканцами.

Перестрѣлка начата была въ засѣданіи 7 мая умѣренно-либеральнымъ депутатомъ Готье, указавшимъ на бесплодность всей дѣятельности министерства. „Пятнадцать мѣсяцевъ находитесь вы у власти, — говорилъ Готье, — и мы имѣемъ право спросить васъ, какими проектами, какими реформами ознаменовали вы свое господство. Правда, внесены законопроекты о подоходномъ налогѣ, о страхованіи рабочихъ, объ упраздненіи военныхъ судовъ, но эти мѣры вызываютъ много принципиальныхъ споровъ и не скоро еще дождутся своего практическаго осуществленія. Религіозныя распри обострились, общественный миръ нарушается волненіями рабочихъ, чиновники участвуютъ въ рабочихъ синдикатахъ и угрожаютъ государству забастовкою, и публика поневолѣ теряетъ довѣріе къ правительству. Министры должны сдѣлать выборъ — или идти заодно съ крайними лѣвыми, съ приверженцами насилій и анархіи, или рѣшительно отречься отъ нихъ“. Пренія сосредоточились затѣмъ на вопросѣ о синдикатахъ и объ участіи въ нихъ должностныхъ лицъ, особенно преподавателей учебныхъ заведеній.

Депутатъ Брюссонъ горячо упрекалъ правительство за увольненіе нѣкоторыхъ учителей, присоединившихся къ „конфедераціи рабочихъ“ и высказывавшихся публично въ оппозиціонномъ духѣ. Извѣстный Поль Дешанэль, академикъ и бывшій президентъ палаты, отмѣтилъ одну характерную черту рабочихъ организацій—подчиненіе ихъ немногимъ самозваннымъ вождямъ и агитаторамъ, которые вовсе не принимаютъ въ расчетъ интересовъ и желаній большинства самихъ рабочихъ. Эти проповѣдники анархическаго социализма отвергаютъ понятіе отечества и существованіе постоянной арміи; они создаютъ опасность для республики, и всякое правительство должно бороться съ ними. Соціалистъ Вальянъ, напротивъ, думаетъ, что министры не имѣютъ права вмѣшиваться въ рабочее движеніе и ограничивать свободу гражданъ. Кабинетъ Клемансо „превратился въ правительство полиціи; самъ онъ называлъ себя первымъ изъ городскихъ“;—нужно отдѣлаться отъ этого министерства, ведущаго борьбу противъ синдикальной свободы рабочаго класса. Правительственныя мѣры осуждаются и депутатами Стегомъ и Массабюд. Старый соціалистъ Аллеманъ протестуетъ противъ „разрушенія всѣхъ свободъ“ министрами, которые вчера еще выступали на защиту слабыхъ и угнетенныхъ; его бывшій другъ, Бріанъ, измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и сталъ преслѣдовать тѣхъ, кого защищалъ еще недавно; „одна рука его одѣта въ желѣзную перчатку, чтобы наносить удары скромнымъ труженикамъ, а другая покрыта шолкомъ для воздѣйствія на священниковъ“.

Три засѣданія палаты были заняты этими обличительными рѣчами, большею частью безцвѣтными и малосодержательными; наконецъ, 10 мая, вступилъ на трибуну Жоресъ и произнесъ одну изъ своихъ самыхъ продолжительныхъ рѣчей: онъ закончилъ ее только на слѣдующій день, въ засѣданіи 11 мая. Это была обширная, красиво сказанная, но утомительная въ чтеніи публичная лекція о социальныхъ задачахъ республики, о безусловномъ правѣ чиновниковъ участвовать въ общей эволюціи труда и въ возможныхъ будущихъ забастовкахъ, о благотворномъ значеніи „всеобщей конфедераціи рабочихъ“, объединяющей крупныя массы французскаго пролетаріата, и о важныхъ принципиальныхъ погрѣшностяхъ и ошибкахъ министерства Клемансо. Французскіе рабочіе впервые организуются вполнѣ самостоятельно, безъ участія политическихъ дѣятелей, связывая между собою разнородныя направленія, доктрины и тенденціи; они идутъ впередъ охуно, увлекаются общими идеями и нерѣдко поддаются вліянію заманчивыхъ утопій, но ставить имъ это въ вину значило бы забывать основныя свойства французскаго генія. „Зачѣмъ же — спрашиваетъ Жоресъ — придирается къ случайнымъ, переходящимъ формуламъ, болѣе

или менѣе крайнимъ? Можно ли серьезно предполагать, что французскіе пролетаріи въ глубинѣ своей совѣсти готовы предать отечество и отказаться отъ участія въ національной оборонѣ? Пропаганда дезертирства кажется мнѣ настолько же отвратительною, насколько она, къ счастью, бесплодна. Дезертиръ отрекается отъ выполнения существеннаго долга каждаго гражданина защищать неприкосновенную свободу націи отъ вѣшняго нападенія; онъ отказывается дѣйствовать какъ гражданинъ въ социальномъ обществѣ, гдѣ онъ можетъ пользоваться реальнымъ вліяніемъ, и, гордясь своимъ космополитизмомъ, онъ становится лишь ничтожной пылинкой на пыльной дорогѣ. Рабочій счужаетъ самъ предохранить себя отъ этой пропаганды, безъ помощи репрессивныхъ мѣръ. Репрессія притомъ невозможна, ибо вы не посмѣете преслѣдовать въ книгахъ то, что вы преслѣдуете иногда въ газетахъ и брошюрахъ,—вы не пойдете такъ далеко въ нарушеніи свободы печати, а между тѣмъ призывы къ дезертирству достойны порицанія не только въ брошюрахъ извѣстнаго рода, но и въ книгахъ Толстого, восхваляемыхъ Клемансо. Нѣтъ, рабочіе не собираются бросить отечество на произволъ судьбы; напротивъ, изъ глубинъ пролетаріата выйдутъ неисчислимыя силы для защиты страны. Франція, тяжело раненая въ 1870 году, не можетъ безъ опасности для себя допустить приближеніе меча къ своему сердцу; но какъ бы мрачно ни смотрѣли мы на міръ, люди никогда не увидятъ этого чудовишнаго зрѣлища—смерти Франціи. По мнѣнію Жореса, нападки на отечество представляютъ опасность не для отечества, а для пролетаріата, скрывая и отдаляя отъ него отвѣтственные насущныя задачи. Въ бурѣ будущихъ войнъ выдвинется одинъ только вопросъ: какое направленіе приметъ національная независимость — олигархическое и буржуазное, или социалистическое и революціонное? „Имѣя за собою численность, пролетаріатъ обладаетъ законнымъ средствомъ расширить свои права и вольности; онъ можетъ сдѣлать изъ отечества свое отечество, а для этого онъ долженъ приступить къ его завоеванію“.

Перейдя къ обсужденію практикуемыхъ рабочими способовъ борьбы съ капиталистами, Жоресъ остановился на теоріи саботажа или умышленной порчи товара; этотъ способъ — говоритъ онъ — противенъ французскому рабочему, привыкшему дорожить своимъ техническимъ искусствомъ и своей репутацией, и примѣняется чаще всего хозяевами съ цѣлью уменьшенія издержекъ производства: вспомнимъ фальсификацію винъ, поддѣлку удобреній, примѣси къ хлѣбному зерну, и т. п. Такая постоянная порча товара капиталистами не обращаетъ на себя вниманія печати, а сколько шума поднято было газетами по поводу случаевъ находженія камешковъ въ печеномъ

хлѣбъ во время недавней стачки булочниковъ! Къ „саботажу“ прибѣгаютъ и рабочіе-повара: они рѣшились приготовить хорошія кушанья, тогда какъ большіе рестораны славятся своею плохю, неопрятною кухней; „въ подаваемыхъ блюдахъ столь же мало искренности, какъ и въ политическихъ программахъ“, и чтобы повредить хозяевамъ, соединившіеся работники поварского дѣла стали заботиться о доброкачественности продуктовъ, что и составляетъ порчу съ точки зрѣнія интересовъ крупныхъ рестораторовъ. „Конфедерація рабочихъ“, объединяя различные рабочіе синдикаты, неизбежно смягчаетъ способы борьбы на практикѣ, хотя и обостряетъ ихъ въ теоріи; синдикаты собираютъ взносы съ участниковъ, и если центральная касса обильно снабжена деньгами, то стачка или забастовка рабочихъ проходитъ спокойно, безъ излишнихъ волненій, тогда какъ при бѣдности отдѣльныхъ синдикатовъ рабочіе, побуждаемые нуждою и страхомъ голода, легко доходятъ до преступныхъ насилій. Такимъ образомъ общая организація рабочаго движенія выгодна для всего общества, и репрессивныя мѣры противъ „конфедераціи“ были бы совершенно неумѣстны. Чѣмъ больше разнородныхъ синдикатовъ войдетъ въ составъ конфедераціи, тѣмъ правильнѣе и увѣреннѣе будетъ ея дальнѣйшее развитіе, и въ этомъ отношеніи было бы особенно полезно участіе интеллигентныхъ синдикатовъ должностныхъ лицъ, по примѣру Англіи и Соединенныхъ штатовъ. Республиканское правительство могло бы отнестись къ французскимъ рабочимъ и чиновникамъ съ такимъ же довѣріемъ, какое обнаруживаетъ монархическое англійское правительство относительно своихъ чиновниковъ и рабочихъ. „Послѣ суровыхъ мѣропріятій противъ церкви и буржуазіи, Клемансо берется теперь за организованный рабочій классъ. Если продолжать эту очистительную работу надъ Франціею, то что же останется въ ней? Останется Клемансо. Это, конечно, много, но все-таки это недостаточно“. Политика репрессій могла быть предпринята какимъ угодно министерствомъ, но не настоящимъ: нынѣшніе министры не имѣли на нее никакого нравственнаго права. Клемансо возмущается открытымъ письмомъ, адресованнымъ къ нему чиновниками; онъ негодуетъ во имя авторитета власти, — но онъ самъ былъ увлекающимся журналистомъ, и теперь еще онъ употребляетъ свои министерскіе досуги на писаніе отличныхъ газетныхъ статей; какъ глава правительства, онъ не перестаетъ вести полемику и даетъ этимъ соблазнительный примѣръ своимъ подчиненнымъ. Клемансо въ свое время блистательно защищалъ и примѣнялъ широкое право протеста противъ авторитета власти, а теперь онъ не допускаетъ критики, направленной противъ него лично. Если Клемансо и нѣкоторые изъ его коллегъ поступали въ этомъ смыслѣ несправедливо и несогласно съ своею прошлою дѣятельностью, то пра-

мая обязанность удержать ихъ отъ ложнаго шага лежала на двухъ министрахъ, связанныхъ съ социалистической партіей и участвовавшихъ нѣкогда въ ея борьбѣ,—это была естественная роль Бріана и Вивіани. Оба они въ свое время принадлежали къ синдикальному движенію, оба признавали право должностныхъ лицъ образовать синдикаты и присоединяться къ общей конфедераціи труда; Вивіани даже назначилъ начальникомъ своей канцеляріи главного проповѣдника синдикализма, Поля Бонкура. Бріанъ былъ краснорѣчивымъ сторонникомъ всеобщей забастовки; онъ объяснялъ рабочимъ ея силу и значеніе, а теперь, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, онъ увольняетъ чиновниковъ, которые прониклись его идеями. Вся заключительная часть рѣчи Жореса была жестокимъ обвинительнымъ актомъ противъ его „бывшаго друга“, Бріана.

Въ теченіе всего засѣданія 11 мая говорилъ одинъ Жоресъ, съ небольшимъ перерывомъ; пренія возобновились въ понедѣльникъ, 13 мая, когда Бріанъ отвѣчалъ своимъ противникамъ. Бріанъ говорилъ также очень долго и подробно, также блестяще и остроумно, быть можетъ, даже болѣе содержательно, и имѣлъ въ палатѣ шумный успѣхъ; онъ не спорилъ противъ того, что положеніе министра существенно отличается отъ положенія свободнаго оппозиціоннаго дѣятеля и что чувство ответственности предъ страной заставляетъ его поступать иначе, чѣмъ онъ предполагалъ въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ; онъ остался вѣренъ своимъ руководящимъ принципамъ и будетъ проводить ихъ по мѣрѣ возможности, считаясь съ фактическими обстоятельствами и условіями, надъ которыми не властно никакое министерство. Разумѣется, было бы несравненно проще и удобнѣе выйти въ отставку при первомъ серьезномъ затрудненіи, чтобы сохранить чистоту своей репутаціи; но это не было бы доказательствомъ мужества. Онъ желаетъ, чтобы его судили не по его прошлымъ рѣчамъ, а по его дѣйствіямъ; онъ не могъ допустить, чтобы чиновники и въ частности преподаватели относились къ государству, какъ рабочіе—къ своимъ случайнымъ хозяевамъ-капиталистамъ, эксплуатирующимъ рабочую силу для цѣлей наживы,—и онъ увѣренъ, что такъ же точно поступить на его мѣстѣ и Жоресъ, когда онъ будетъ министромъ. Извѣстная эволюція идей, въ смыслѣ приспособленія ихъ къ реальной обстановкѣ государственной жизни, не можетъ быть избѣгнута, и она вовсе не означаетъ измѣны личнымъ убѣжденіямъ. Для успѣшнаго развитія и процвѣтанія рабочихъ синдикатовъ безусловно необходимо, чтобы они избѣгали всякихъ эксцессовъ и правонарушеній; въ противномъ случаѣ они вызовутъ реакцію, которая можетъ оказаться опасною для всего рабочаго класса. Бріанъ говорилъ какъ практическій государственный человѣкъ, и этотъ тонъ его

министерскихъ рѣчей возбуждаетъ наибольшее сочувствіе въ умѣренной французской печати. Въ засѣданіи 14 мая высказался авторитетный вождь либераловъ, извѣстный ораторъ стараго декламаторскаго стиля, Рибо; онъ въ общемъ одобрилъ заявленія Бріана и выразилъ готовность поддерживать политику правительства. Соціалистъ Самба пытался уличить Бріана въ логическихъ противорѣчій и въ непоследовательности; еще разъ говорилъ Жоресъ, и наконецъ самъ Клемансо закончилъ немногими словами этотъ семидневный ораторскій турниръ. Было предложено шестнадцать формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ; отъ результата голосованія зависѣла судьба всего кабинета, и какъ и слѣдовало ожидать, значительное большинство палаты приняло формулу, на которую заранѣе согласилось правительство.

Стенографическіе газетные отчеты объ этихъ любопытныхъ засѣданіяхъ дадутъ намъ чрезвычайно интересную и поучительную картину французскихъ парламентскихъ преній, — особенно поучительную для обычныхъ строгихъ критиковъ нашего юнаго русскаго парламента. Прежде всего мы видимъ здѣсь полное отсутствіе какихъ бы то ни было ограниченій или стѣсненій для отдѣльныхъ ораторовъ и для ихъ слушателей; каждый говорить все, что находитъ нужнымъ, и занимаетъ трибуну столько времени, сколько хочетъ и можетъ; ораторы постоянно прерываютъ разными возгласами, фразами и краткими возраженіями, на которыя тутъ же получается отвѣтъ, и нѣкоторыя рѣчи имѣютъ даже видъ быстрой остроумной бесѣды съ оппонентами; никто не держится опредѣленной темы, и подъ флагомъ запроса объ общей политикѣ подробно обсуждаются факты, касающіеся прошлой дѣятельности министровъ и не имѣющіе ничего общаго съ политическими вопросами и задачами даннаго момента. Предсѣдатель палаты ограничивается только чисто формальною ролью и совершенно не вмѣшивается въ ходъ преній; онъ никого не останавливаетъ, никому не дѣлаетъ замѣчаній и предоставляетъ депутатамъ вступать даже въ личныя пререканія, насколько послѣдніе не нарушаютъ свободы слова оратора, занимающаго каеэдру. Только одинъ разъ президентъ Бриссонъ далъ знать о своемъ присутствіи, — когда Жоресъ, замѣтивъ вызванное его словами движеніе среди слушателей, обратился къ палатѣ съ просьбою удѣлить ему свое вниманіе: Бриссонъ сказалъ тогда, что именно это движеніе показываетъ, съ какимъ интересомъ палата слѣдитъ за рѣчью Жореса. Благодаря давнишнимъ парламентскимъ привычкамъ и традиціямъ, регулируются сами собою тѣ живыя проявленія общественнаго темперамента, которыя въ другомъ мѣстѣ казались бы безпорядкомъ или считались бы несовмѣстимыми съ правильнымъ ходомъ засѣданій; оттого во французской палатѣ активное участіе президента становится какъ бы ненужнымъ и

малозамѣтнымъ, причѣмъ общій порядокъ преній не терпитъ, однако, никакого ущерба.

По существу произнесенныя рѣчи не имѣютъ никакой связи съ текущими законодательными работами и носятъ именно тотъ характеръ, который принято у насъ называть „митинговымъ“; самое обсужденіе спорныхъ вопросовъ о синдикатахъ не могло привести ни къ какому положительному результату, съ одной стороны потому, что никакого новаго законопроекта по этому предмету не предполагалось, а съ другой — потому, что заранѣе было извѣстно существованіе прочнаго обеспеченнаго республиканскаго большинства въ пользу Клемансо-Бріана. Тѣмъ не менѣе, никому во Франціи не приходится въ голову жаловаться на то, что палата напрасно тратитъ такъ много времени на ненужныя и длинныя рѣчи; напротивъ, подобныя парламентскія засѣданія признаются весьма важными и цѣнными; они привлекаютъ общій интересъ, дѣятельно обсуждаются въ газетахъ и даютъ матеріалъ для полезныхъ разсужденій и выводовъ среди представителей различныхъ классовъ населенія. То, что у насъ пренебрежительно относятся къ области безцѣльной и безплодной агитаціи, составляетъ обычную принадлежность всякаго западно-европейскаго парламента и входитъ въ программу дѣйствій каждой политической партіи; эта агитаціонная сторона парламентаризма образуетъ ту живую силу, которая связываетъ народное представительство съ общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ и подготавливаетъ разумное пониманіе и рѣшеніе стоящихъ на очереди трудныхъ и сложныхъ вопросовъ. Двухдневная рѣчь Жореса заключаетъ въ себѣ не только обстоятельное разъясненіе роли рабочихъ синдикатовъ и ихъ централизаціи съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, но и практическую программу будущаго въ этой области; многочисленные остальныя рѣчи выдвигаютъ другія важныя черты и особенности того же вопроса, а рѣчь Бріана ярко и убѣдительно отмѣняетъ обязательное отношеніе всякаго республиканскаго правительства къ способамъ дѣйствій рабочаго класса; вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко подчеркивается особое положеніе должностныхъ лицъ — хотя бы социалистовъ по убѣжденіямъ — въ такомъ централизованномъ государствѣ, какъ Франція. Далеко не бесполезны также замѣчанія Жореса и другихъ ораторовъ по поводу пропаганды идей, отрицающихъ отечество и милитаризмъ въ примѣненіи къ какой-нибудь опредѣленной странѣ, безъ соотвѣтственныхъ реформъ въ другихъ могущественныхъ государствахъ. Такого рода руководящія и исчерпывающія для даннаго времени практическія указанія могутъ быть даваемы только парламентомъ или черезъ его посредство, и въ этомъ выражается, между прочимъ, великая воспитательная роль народнаго представительства.

Французскія парламентскія пренія 7—14 мая представляютъ общій интересъ, еще и съ другой стороны: въ нихъ наглядно обрисовывается обычная судьба крайнихъ направленій, получающихъ свободный доступъ къ реальной государственной практикѣ. Въ былое время французская буржуазія приходила въ ужасъ отъ одной мысли о переходѣ власти въ руки социалистовъ; она готова была проливать потоки крови для предотвращенія подобной катастрофы, и „красный призракъ“ служилъ пугаломъ для зажиточныхъ классовъ французскаго населенія въ теченіе многихъ десятилѣтій. Современные французы знаютъ уже по опыту, что можно смѣло предоставить социалистамъ управлять государствомъ, безъ малѣйшаго риска для существующаго экономического строя и связанныхъ съ нимъ интересовъ; министры-социалисты даютъ только лишнюю гарантію прочности социальнаго мира, такъ какъ они сдерживаютъ рабочій классъ силою внутренняго убѣжденія и перспективою будущихъ широкихъ реформъ, что было бы немислимо при министрахъ-консерваторахъ. Клемансо былъ и остается передовымъ радикаломъ-социалистомъ, а какъ глава кабинета онъ лучше охраняетъ внѣшній порядокъ и безопасность, чѣмъ любой реакціонный министръ, считающій единственной задачею управленія строгую охрану правительственнаго авторитета. Социалисты Брианъ и Вивіани, допускавшіе прежде и всеобщую забастовку и синдикаты чиновниковъ, являются теперь ревностными популярными защитниками интересовъ государства, и въ ихъ рукахъ эта защита оказывается гораздо болѣе цѣлесообразною и дѣйствительною, чѣмъ при господствѣ савоиниковъ, возбуждавшихъ къ себѣ общее недовѣріе и раздраженіе. Каждый оппозиціонный дѣятель невольно становится консервативнымъ, когда ему приходится примѣнять свои взгляды въ сложной области государственныхъ отношеній, и для буржуазіи нѣтъ болѣе вѣрнаго способа обезвредить проповѣдниковъ социализма, какъ сдѣлать ихъ министрами. Само собою разумѣется, что искренняя убѣжденность такихъ людей, какъ Брианъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и эта безупречность мотивовъ придаетъ особую цѣну талантамъ новыхъ государственныхъ дѣятелей, прошедшихъ школу свободного идейнаго социализма. Французскіе социалисты имѣютъ въ этомъ отношеніи огромное преимущество предъ германскими: они дѣйствительно сохраняютъ свободный умъ и не чувствуютъ себя рабами узкой книжной доктрины, налагающей отпечатокъ какой-то схоластической тупости на социаль-демократію нѣмецкаго типа.

Въ Англіи предпринимаются серьезныя попытки внутреннихъ политическихъ реформъ, но пока безъ большого успѣха. Щекотливый вопросъ о преобразованіи палаты лордовъ, составляющій одинъ изъ

существенныхъ пунктовъ либеральной программы, не выходить еще изъ области теоретическихъ обсужденій, и консерваторы надѣются обойти его или разрѣшить его по-своему, взявъ на себя инициативу реформы. Лордъ Ньютонъ внесъ въ палату лордовъ выработанный имъ проектъ частичнаго преобразованія этой палаты и изложилъ его главные черты въ засѣданіи 6 мая: во-первыхъ, наслѣдственный элементъ въ палатѣ долженъ быть ограниченъ привлеченіемъ только тѣхъ пэровъ, которые удовлетворяютъ извѣстнымъ специальнымъ условіямъ или же будутъ избраны для этого въ качествѣ представителей на срокъ парламентскихъ полномочій; во-вторыхъ, коронѣ предоставляется право назначать пожизненныхъ пэровъ въ числѣ не болѣе ста, а число епископовъ въ палатѣ должно быть сокращено соотвѣтственно уменьшенію числа наслѣдственныхъ пэровъ; въ - третьихъ, способъ избранія ирландскихъ и шотландскихъ представительныхъ пэровъ будетъ такой же, какъ и при выборѣ англійскихъ пэровъ; и въ-четвертыхъ, наслѣдственные пэры, не желающіе сдѣлаться представителями въ верхней палатѣ или засѣдать въ ней, могутъ выступать кандидатами на выборахъ въ палату общинъ. Лордъ Ньютонъ предлагалъ передать этотъ билль на разсмотрѣніе выборнаго комитета палаты; лордъ Каудоръ находилъ нужнымъ придумать средства для возвышенія законодательной работоспособности верхней палаты, причемъ совѣтовалъ дѣйствовать съ большою осторожностью; лордъ Кру высказалъ мнѣніе, что прежде всего слѣдовало бы выяснить предѣлы полномочій палаты и характеръ ея отношеній къ нижней палатѣ; другіе лорды критиковали билль по существу, какъ слишкомъ неясный и поверхностный: партійный составъ можетъ остаться прежнимъ, и принадлежность большинства палаты къ одной консервативной партіи не предупреждается ни выборомъ представителей изъ среды самихъ пэровъ, ни назначеніемъ пожизненныхъ пэровъ по выбору короны при разныхъ партійныхъ кабинетахъ. Въ сущности палата лордовъ — такое дряхлое учрежденіе, что преобразовать ее на разумныхъ началахъ представляется почти невозможнымъ; это наслѣдіе далекой старины распадется при первомъ прикосновеніи къ нему реформаторской руки, а такъ какъ англичане не любятъ колебать или передѣлывать свои старинные національные институты безъ крайней необходимости, то они, вѣроятно, ограничатся болѣе точнымъ опредѣленіемъ функций верхней палаты относительно поступающихъ изъ нижней палаты законопроектовъ. По этому вопросу либеральный кабинетъ сэра Кемпбелль-Баннермана не выработалъ еще предполагаемаго проекта реформы, и для палаты лордовъ было бы преждевременно принимать какія-либо опредѣленные рѣшенія; въ засѣданіи 7 мая, послѣ оживленныхъ преній, палата согласилась съ предложеніемъ лорда Кау-

дора о передачѣ возбужденнаго вопроса въ выборный комитетъ, причемъ лордъ Ньютонъ взялъ свой проектъ обратно.

Въ палатѣ общинъ, въ тотъ же день 7 мая, министръ по дѣламъ Ирландіи Биррель представилъ обширный законопроектъ о новомъ ирландскомъ самоуправленіи. Въ своей вступительной рѣчи министръ объяснилъ, что дѣло идетъ не объ автономіи и не о предоставленіи мѣстнымъ выборнымъ законодательной власти, а объ учрежденіи высшаго административнаго совѣта для завѣдыванія чисто - ирландскими дѣлами. Управление черезъ посредство Дублинскаго замка должно быть признано неудачнымъ; оно отдаляло народъ отъ короны, создавало атмосферу взаимнаго недовѣрія и натуности и дѣлало скрытою и недоступною для метрополіи національную жизнь Ирландіи, съ ея мѣстными интересами и желаніями. Въ странѣ существовало, подъ общимъ руководствомъ и надзоромъ намѣстника, сорокъ пять различныхъ административныхъ учреждений, и изъ нихъ восемь главныхъ предполагено теперь подчинить контролю центральнаго представительнаго совѣта изъ 82 выборныхъ и 24 назначенныхъ членовъ. Выборные члены избираются лицами, обладающими избирательными правами при выборахъ мѣстныхъ органовъ самоуправления; назначенные члены выбираются на первый разъ короною, а впослѣдствіи намѣстникомъ, причемъ имѣется въ виду обезпечить такимъ способомъ права меньшинства. Предсѣдатель совѣта выбирается членами изъ ихъ среды; главный секретарь по дѣламъ Ирландіи можетъ присутствовать въ засѣданіяхъ совѣта и давать объясненія въ случаѣ надобности. Совѣту предоставлено полное право контроля по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ компетенціи упомянутыхъ пяти административныхъ вѣдомствъ; этотъ контроль осуществляется путемъ постановленій, обязательныхъ для администраціи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда лордъ-лейтенантъ останавливаетъ ихъ для вторичнаго разсмотрѣнія или для отміны; такое вмѣшательство намѣстника входитъ въ кругъ общей правительственной политики и можетъ быть оспариваемо въ парламентѣ. Совѣтъ получаетъ въ свое распоряженіе довольно крупныя финансовыя средства—около 6½ милл. рублей въ годъ на наши деньги. Весь законопроектъ производитъ впечатлѣніе крупной прогрессивной мѣры, могущей послужить первымъ шагомъ на пути къ ирландской автономіи; такъ былъ понятъ и встрѣченъ этотъ билль въ палатѣ вождемъ ирландскихъ патріотовъ, Джономъ Редмондомъ. Двѣ недѣли спустя, общее собраніе делегатовъ отъ ирландскихъ націоналистовъ въ Дублинѣ, 21 мая, рѣшительно отвергло проектъ Бирреля и подтвердило традиціонныя стремленія ирландцевъ къ дѣйствительному и полному самоуправленію,—и это единодушное рѣшеніе состоялось по формальной инициативѣ самого

Редмонда. Настроение въ Ирландіи было таково, что о сочувствіи къ попыткѣ либеральнаго кабинета не могло быть и рѣчи и что Редмонду пришлось оправдывать предъ ирландцами свою ошибочную тактику въ парламентѣ. Ирландцы предпочитаютъ остаться при старомъ режимѣ и довольствоваться частичными реформами, въ ожиданіи лучшихъ временъ,—такъ что министерскій законопроектъ, возбуждавшій столько смѣлыхъ надеждъ, сразу потерялъ практическое значеніе.

Въ Австріи состоялись первые парламентскіе выборы по новому избирательному закону, основанному на принципѣ всеобщаго народнаго голосованія: съ 13 по 23 мая различныя австрійскія области переживали сильнѣйшее политическое волненіе, такъ какъ исходъ избирательной кампаніи никѣмъ не могъ быть предусмотрѣнъ даже приблизительно, а между тѣмъ отъ результата выборовъ зависѣла судьба многочисленныхъ національных группъ, входившихъ въ составъ стараго рейхсрата. Можно было предвидѣть заранѣе, что прежняя группировка партій по народностямъ подвергнется значительнымъ измѣненіямъ или уступить мѣсто новымъ комбинаціямъ въ демократическомъ духѣ; но даже ближайшіе участники выборной агитаціи, кажется, не предвидѣли того крушенія, которое постигло прежнія австрійскія партіи. Значительныя группы нѣмецкихъ либераловъ, германскихъ централистовъ, младочеховъ и аграріевъ совершенно потонули въ новомъ движеніи, и вмѣсто нихъ выступили на первый планъ социаль-демократы, получившіе 85 мѣстъ въ парламентѣ; затѣмъ либеральные прогрессисты, христіанскіе социалисты или антисемиты, клерикалы и свободомыслящіе. Подъ этими рубриками смѣшаны представители различныхъ національностей, и дѣйствительный составъ парламента выяснится только впоследствии. Любопытно, что передовые либералы при соперничествѣ съ клерикалами и антисемитами дѣйствовали заодно съ социаль-демократами, несмотря на всѣ старанія правительства достигнуть соглашенія буржуазныхъ партій для совместныхъ дѣйствій противъ социалистовъ;—очевидно, угрожающее господство „черныхъ“ представляло для свободомыслящей буржуазіи болѣе близкую и чувствительную опасность, чѣмъ появленіе въ австрійскомъ парламентѣ многочисленной партіи представителей доктринерскаго социализма по германскому образцу. Во всякомъ случаѣ, политическій опытъ, произведенный теперь въ Австріи, долженъ дать новый толчокъ политическому развитію и оживленію монархіи на новыхъ демократическихъ началахъ, и можно сказать, что для австрійскихъ народностей начинается нынѣ новая историческая эпоха, полная глубокаго интереса...

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Oscar Wilde. Trois Comédies. Стр. 424. Paris, 1906. Dujarric édit.

Оскаръ Уайльдъ извѣстенъ у насъ своими смѣлыми, парадоксальными произведеніями, въ которыхъ онъ замѣнялъ эстетическими критеріями требованія общественной и личной морали. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ онъ скандализировалъ англійское общество своими насмѣшками и парадоксами. Съ тѣхъ поръ въ жизнь вошла проповѣдь Ницше и видоизмѣнила во многомъ прежнее представленіе о морали. Ницшеанство тоже теперь утратило исключительную власть надъ умами, но все же его критика условной нравственности сдѣлала свое, и есть сужденія, къ которымъ уже теперь не возвращаются. Поэтому Оскаръ Уайльдъ менѣе поражаетъ теперь своей парадоксальностью,—но тѣмъ болѣе его цѣнятъ какъ поэта и какъ эстетика съ острымъ, вѣрнымъ чутьемъ. Его „Портретъ Доріана Грэй“, его драма „Саломея“ и его обаятельная по уму, смѣлости, по высказаннымъ въ ней впервые эстетическимъ истинамъ, книга „Намѣренія“ (*Intentions*) остались въ числѣ несомнѣнныхъ приобрѣтеній въ новѣйшей литературѣ и послѣ того какъ Оскаръ Уайльдъ пересталъ быть только моднымъ писателемъ.

Литературная судьба Оскара Уайльда—не обыкновенная уже потому, что онъ долго былъ подѣ запретомъ, въ виду трагическихъ обстоятельствъ его личной жизни. Послѣ того какъ онъ приговоренъ былъ къ тяжкому тюремному заключенію, вся Англія отвернулась отъ него, забывъ въ осужденномъ большого поэта, и то, что тяжесть англійскаго тюремнаго режима убила его, что онъ умеръ черезъ годъ послѣ освобожденія, все же не казалось достаточнымъ искупленіемъ въ глазахъ строгаго общества, которое не прощаетъ никогда оглашенную вину. И послѣ смерти Уайльда сочиненія его не доходили до публики, не издавались, и только въ самое послѣднее время они понемногу снова появляются въ печати, и выходятъ въ свѣтъ также книги о немъ біографическаго и критическаго содержанія. И все же съ его сочиненіями приходится знакомиться часто по иностраннымъ изданіямъ. Такъ, его поразительная „Исповѣдь“, написанная въ тюрьмѣ, появилась впервые по-нѣмецки. И до сихъ поръ продолжаютъ по-

являться его неизданныя произведенія или перепечатки и переводы его прежнихъ забытыхъ въ Англіи книгъ.

Передъ нами теперь французскій переводъ трехъ комедій Оскара Уайльда: „Вверхъ“, „Незначительная женщина“ и „Идеальный мужъ“. Первые двѣ болѣе извѣстны и въ англійскихъ изданіяхъ, а третья— „Идеальный мужъ“,—хотя и шла въ свое время въ Лондонѣ, но съ тѣхъ поръ забыта. Ее въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ играли въ Германіи, и она представляетъ интересъ для общей характеристики блестящаго и смѣлаго ума автора. Комедіи этого рода, въ которыхъ Оскаръ Уайльдъ главнымъ образомъ выпучиваетъ чопорность и лицемеріе высшаго англійскаго общества, отдавая въ то же время дань его умственнымъ качествамъ, его изящному скептицизму, очень своеобразны. Въ нихъ доведена до крайности ироническая манера Оскара Уайльда. По фабулѣ и, главное, по нравоучительнымъ, совершенно въ духѣ условной англійской морали, развязкамъ, эти комедіи, казалось бы, ничѣмъ не напоминаютъ парадоксальнаго автора „Intentions“. Въ нихъ прегрѣшенія противъ свѣтскихъ приличій возводятся въ дѣйствительную вину, и дѣйствіе построено главнымъ образомъ на подозрѣніяхъ въ „безнравственномъ поведеніи“, на козняхъ зловредныхъ интриганокъ,—причемъ въ концѣ торжествуетъ мораль, которая удовлетворила бы самую чопорную англійскую даму изъ общества и самого строгаго англійскаго пастора. Но фабула и мораль для Оскара Уайльда—только удобная маска, за прикрытіемъ которой онъ съ блестящимъ остроуміемъ кидаетъ въ лицо своимъ добродѣтельнымъ соотечественникамъ самыя дерзкія насмѣшки, самыя беспощадныя истины. На діалогъ сосредоточивается весь интересъ его сатирическихъ комедій съ добродѣтельной развязкой.

Самая интересная изъ трехъ комедій во французскомъ изданіи— „Идеальный мужъ“. Въ ней замыселъ достоинъ аналитической мысли Оскара Уайльда, а по выполненію—это одинъ изъ блестящихъ образцовъ легкаго комедійнаго жанра по остроумію и по сценической выдумкѣ. Комедія касается въ игривомъ тонѣ самыхъ болѣзненныхъ вопросовъ жизненной морали,—вопроса о лжи и правдѣ въ жизни, объ ответственности за совершенную вину, о столкновеніяхъ живого чувства съ отвлеченными, сухими требованіями долга. До нѣкоторой степени замыселъ „Идеальнаго мужа“ напоминаетъ „Нору“ Ибсена. У Ибсена мужъ узнаетъ о нечестномъ поступкѣ жены и, отказываясь вникать въ мотивы, руководившіе ею, судитъ и осуждаетъ ее—пока измѣнившіяся обстоятельства не уничтожаютъ послѣдствій ея вины и не смягчаютъ тѣмъ самымъ корыстной строгости лицемернаго челоувѣческаго суда. Приблизительно таково же исходное положеніе въ комедіи Оскара Уайльда, причемъ виновнымъ является мужъ. Жена

считаетъ его образцомъ благородства и честности, преклоняется передъ нимъ, не зная, что на его совѣсти—нечестный поступокъ, совершенный въ молодости, и въ которомъ онъ ей не признался. Онъ, когда-то, будучи секретаремъ министра, продалъ государственную тайну крупному биржевику, который нажилъ этимъ милліоны и въ свою очередь заплатилъ цѣлое состояніе за сообщенную ему тайну. Тогдашній секретарь министра, Робертъ Чильтернъ, составилъ на этомъ свою дальнейшую блестящую карьеру. Онъ теперь колоссально богатъ, видный членъ парламента и пользуется безупречной репутаціей, оправдываемой и его общественной дѣятельностью, и его личной жизнью. Изъ-за совершеннаго имъ въ молодости предательства никто не пострадалъ; деньги, полученные имъ тогда, онъ вдвое вернулъ въ суммахъ, данныхъ на благотворительныя дѣла, и самъ уже забылъ о грѣхѣ молодости. Жена его не знаетъ объ источникѣ его богатства и его карьеры,—онъ не рѣшался признаться ей, зная ея пуританскую строгость и слишкомъ любя ее, чтобы рисковать потерей ея взаимности. Въ томъ, что важнѣе,—нравственный ли судъ, совершенно отвлеченный, поскольку онъ относится къ забытому прошлому, или же любовь, связанная со всѣмъ смысломъ жизни въ настоящемъ и дальнѣйшемъ ея теченіи,—и заключается вопросъ, который ставитъ Уайльдъ въ своей комедіи. Развѣтѣмъ событій управляетъ введенная въ дѣйствіе коварная интриганка, м-съ Шевли. Она—наименѣе живое лицо въ комедіи, и авторъ представляетъ ее скорѣе условнымъ сценическимъ типомъ. Во всѣхъ его пьесахъ встрѣчаются такія интриганки, нужныя ему какъ сценическое средство для проявленія другихъ характеровъ, достаточно жизненныхъ и правдивыхъ, чтобы возмѣстить условность одной фигуры, приводящей въ дѣйствіе всю интригу. И въ этой комедіи еще больше, чѣмъ въ другихъ, главный интересъ сосредоточенъ на блестящемъ діалогѣ, въ которомъ попутно высмѣивается свѣтская мораль, пустота жизни и высказываются блестящія парадоксальныя истины.

М-съ Шевли—авантюристка изъ высшаго общества. Она пріѣзжаетъ въ Лондонъ среди сезона, не для того, чтобы легкомысленно веселиться, какъ другія свѣтскія дамы, а для того, чтобы провести интересное ея дѣло. Она давно не была въ Лондонѣ, живя постоянно въ Вѣнѣ, гдѣ у нея большія дипломатическія связи, и пріѣздъ ея менѣе всего радуетъ тѣхъ, кто знаетъ ее. Она встрѣчается со своими бывшими поклонниками, увлеченными въ свое время ея красотой и умомъ, въ томъ числѣ съ молодымъ лордомъ Горингомъ, которому встрѣча съ ней непріятна. Онъ прежде сильно увлекался ею и даже собирался жениться на ней, но потомъ понялъ, что она простая авантюристка, и очень недоволенъ ея появленіемъ. Къ тому же, онъ

сильно увлеченъ сестрой своего друга, Чильтерна, остроумной, хорошенькой Мабель, и тѣмъ болѣе недоволенъ присутствіемъ интриганки, могущей напомнить ему о прежнихъ своихъ правахъ и повредить ему въ глазахъ молодой дѣвушки. Но м-ссъ Шевли не думаетъ пока о своемъ прежнемъ поклонникѣ. Она пріѣхала не для него, а для сэра Роберта Чильтерна. Въ его салонѣ она появляется, попавъ туда черезъ общую знакомую, причеиъ всѣ встрѣчаютъ ее съ обычной свѣтской учтивостью и равнодушной любезностью, за исключеніемъ хозяйки дома, леди Чильтернъ. Она узнаетъ въ м-ссъ Шевли свою пансіонскую подругу, изгнанную изъ заведенія за кражу. Выставляя интриганку къ тому же еще вульгарной воровкой, Оскаръ Уайльдъ иронически показываетъ, что всякое прошлое возможно въ посѣтителяхъ и посѣтительницахъ лондонскихъ аристократическихъ салоновъ. Оставшись наединѣ съ хозяиномъ дома, м-ссъ Шевли излагаетъ свое дѣло. Она рассказываетъ, что заинтересована въ предпріятіи, которое должно обсуждаться на дняхъ въ парламентѣ, въ постройкѣ аргентинскаго канала. И такъ какъ докладъ объ этомъ въ парламентѣ долженъ сдѣлать именно сэръ Робертъ Чильтернъ, то она проситъ его сдѣлать докладъ въ благоприятномъ для компаніи свѣтѣ. Сэръ Робертъ пораженъ этой просьбой и отказывается, говоря, что намѣренъ, напротивъ того, показать, что это—мошенническая спекуляція. Тогда м-ссъ Шевли открываетъ свои козыри. У нея въ рукахъ письмо Чильтерна, раскрывающее проступокъ его молодости—продажу за деньги государственной тайны. Тотъ, кому онъ ее продалъ, былъ другомъ м-ссъ Шевли, завѣщалъ ей, умирая, свое состояніе, и у нея же письмо Чильтерна. Такимъ образомъ, Чильтернъ уже не имѣетъ права читать ей мораль,—его жизнь ничѣмъ не выше ея. Мало того, онъ не можетъ отказать ей въ содѣйствіи, потому что иначе она предастъ гласности его письмо и погубитъ всю его карьеру. Въ этомъ конфликтѣ ярко отражена вся прозрачность устоевъ, которыми гордится и держится общественная мораль. Сэръ Робертъ—образецъ благородства, м-ссъ Шевли—интриганка, авантюристка, и, какъ выясняется въ дальнѣйшемъ дѣйствіи, продолжаетъ быть воровкой; къ ней всѣ относятся съ презрѣніемъ, а между тѣмъ и его жизнь построена на безчестномъ поступкѣ: этимъ онъ связанъ съ нею. И еще знаменательнѣе, что жизнь требуетъ отъ него, чтобы онъ оставался во лжи и былъ сообщникомъ м-ссъ Шевли; правда окончательно погубила бы его. Пусть откроется его забытое прошлое, никому не причинившее вреда,—и все его настоящее, какъ бы прекрасно и благотворно оно ни было, пойдетъ на смарку. Общество жаждетъ прежде всего комфорта для души, какъ и для тѣла. Откровенная правда нарушаетъ комфортъ, заставляетъ разбираться въ сущности поступковъ, вмѣсто того, чтобы обходиться удобными про-

писями. Поэтому отъ человѣка требуется только, чтобы онъ скрывалъ все, что можетъ быть темнаго въ его жизни, чтобы показная сторона его дѣйствій была корректна. Общество создаетъ ложь, вынуждая къ ней во всѣхъ сложныхъ положеніяхъ жизни; эту общественную ложь и обличаетъ Оскаръ Уайльдъ въ своей сатирѣ. Сэръ Робертъ принужденъ стать сообщникомъ авантюристки; онъ былъ бы героемъ, еслибы этого не сдѣлалъ, а общество признаетъ героевъ только на полѣ битвы или въ какихъ-нибудь эффектныхъ условіяхъ для подвига. Сэръ Робертъ обѣщаетъ сдѣлать благоприятный для предпріятія докладъ въ палатѣ, съ тѣмъ, чтобы получить послѣ засѣданія обратно позорное для него письмо, и на этомъ обѣщаніи бесѣда кончается. Но планы сэра Роберта разрушаетъ его жена. М-ссъ Шельви, которую она очень не любила, когда она еще была ея подругой по пансіону, теперь еще болѣе непріятна ей своимъ фамиліярнымъ обращеніемъ. Послѣ разговора съ сэромъ Робертомъ, м-ссъ Шевли успѣваетъ еще передъ уходомъ рассказать лэди Чилтернъ, что сэръ Робертъ будетъ поддерживать интересующій ее проектъ аргентинскаго кавала, но что это пока секретъ между нею и сэромъ Робертомъ. Лэди Чилтернъ совершенно теряется отъ ея словъ. Она знаетъ, что предпріятіе считается мошенническимъ, и увѣрена, что ея мужъ не можетъ поддерживать его, а фамиліярный тонъ ненавистной ей интриганки о ея мужѣ оскорбляетъ ее. Проводивъ гостей, она спрашиваетъ у мужа объясненій; онъ старается отгѣчать уклончиво, говорить о силѣ обстоятельствъ, но она настаиваетъ, спрашиваетъ о причинахъ, могущихъ побудить его на безчестный поступокъ—такимъ она считаетъ содѣйствіе завѣдомо мошенническому предпріятію—и требуетъ, чтобы онъ открылъ ей позорную тайну его жизни, если таковая есть. „Тогда я уйду отъ тебя“, прибавляетъ она. Этими словами она останавливаетъ всякую попытку откровенности со стороны мужа. Это объясненіе проведено въ комедіи съ тонкимъ ироническимъ отношеніемъ къ людямъ, укрѣпившимся въ своей категорической морали и творящимъ судъ надъ другими, не вдумываясь въ ихъ души. Подъ давленіемъ жены сэръ Чилтернъ пишетъ письмо къ м-ссъ Шевли съ отказомъ отъ ея предложенія. Онъ знаетъ, что этимъ губить себя, что м-ссъ Шевли будетъ мстить, но онъ не можетъ рисковать любовью жены даже для спасенія своей карьеры.

Чилтернъ прибѣгаетъ къ совѣту своего друга, лорда Горинга, аффектирующаго легкомысліе въ жизни, и рассказываетъ ему о своемъ прошломъ. Его соблазнилъ тогда его тогдашній знакомый, предлагавшій ему сдѣлку съ совѣстью, говоря ему о власти, которую дастъ большое богатство. Въ этомъ разговорѣ Оскаръ Уайльдъ блестяще раскрываетъ условность и ложь англійскаго свѣтскаго общества.

Устами Чильтерна онъ повторяетъ софизмы, принятые въ обществѣ. Чильтернъ говоритъ, что онъ не продалъ себя за деньги, а только купилъ успѣхъ дорогой цѣной, что люди преклоняются только передъ деньгами, что нужно, во что бы то ни стало, имѣть деньги, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ поддаться соблазну—признать не слабости, а смѣлости и т. д. Горингъ, который носитъ только маску свѣтскаго равнодушія ко всему въ жизни, понимаетъ, что легко было бы осудить друга, но гораздо труднѣе помочь ему; онъ избираетъ трудное и поддерживаетъ въ немъ бодрость духа, берется помочь ему, поговоривъ съ его женой. Чильтернъ, однако, правъ, не вѣря въ возможность подѣйствовать на пуританскую строгость его жены. Съ первыхъ же словъ Горингъ убѣждается, что она не допускаетъ возможности компрометирующихъ обстоятельствъ въ жизни мужа, не понимаетъ проповѣди Горинга о томъ, что нужно понимать слабости людей, что практическая жизнь иногда требуетъ компромиссовъ и т. д. Она не понимаетъ никакихъ намековъ. Ихъ бесѣду прерываетъ появленіе Мабель, увлекающей Горинга на турниръ остроумія, въ которомъ оба подъ масками равнодушія ко всему серьезному въ жизни скрываютъ искреннее взаимное чувство; выдать его—значило бы рисковать репутаціей свѣтскости съ ея атрибутами скептицизма и даже душевнаго цинизма. Появленіе новаго лица прерываетъ бесѣду Горинга съ двумя дамами—докладываютъ о приходѣ м-ссъ Шевли, не неожиданномъ для лэди Чильтернъ. Оказывается, что она захлала вмѣстѣ со своей пріятельницей, которая уѣзжаетъ куда-то по нужному благотворительному дѣлу и оставляетъ м-ссъ Шевли, до своего возвращенія, у лэди Чильтернъ. Последняя довольна тѣмъ, что случай далъ ей возможность поговорить наединѣ съ своей бывшей подругой, и заявляетъ ей, что не желаетъ принимать ее у себя въ домѣ, узнавъ, что она такая же безчестная, какъ и прежде. Разговоръ между ними, какъ и предшествующій между сэромъ Робертомъ и его другомъ, изобилуетъ опредѣленіями общественныхъ добродѣтелей и сужденій. М-ссъ Шевли говоритъ, что равнодушна къ порицаніямъ лэди Чильтернъ. „Мораль,—говоритъ она,—это наше отношеніе къ людямъ, которыхъ не любимъ“; она рада, когда лэди Чильтернъ, въ своей жизненной слѣпотѣ, заявляетъ, что человѣкъ, совершившій разъ нѣчто безчестное, погибъ навсегда. М-ссъ Шевли пользуется этой фразой и заявляетъ своей подругѣ дѣтства, что ея мужъ именно въ такомъ положеніи, которое равняетъ его съ нею; она рассказываетъ о происхожденіи его богатства. Сэръ Робертъ входитъ среди ея объясненій, молчитъ въ отвѣтъ на вопросы жены и, призвавъ слугу, говоритъ ему, чтобы онъ проводилъ м-ссъ Шевли. Прогнавъ такимъ образомъ интриганку изъ своего дома, онъ заявляетъ женѣ, что все, что она ска-

зала,— правда. Лэди Чильтернъ говоритъ все, что полагается въ такихъ случаяхъ, выражая свое отчаяніе, свое разочарованіе въ немъ, считаетъ, что все между ними порвано. Сэръ Робертъ, давая волю горькому чувству въ душѣ, говоритъ ей о слѣпотѣ любви, предъявляющей опредѣленные требованія и мѣрящей чувства предполагаемыми въ человѣкѣ качествами. „Зачѣмъ вы, женщины, ставите насъ на такой пьедесталъ недосыгаемыхъ добродѣтелей,—спрашиваетъ онъ,—вмѣсто того, чтобы любить, какъ мы любимъ васъ со всеми вашими слабостями, недостатками, безуміями? Любовь нужна именно, когда человѣкъ раненъ, хотя бы по своей винѣ, но больно раненъ другими и ищетъ опоры въ близкомъ, любимомъ существѣ. Любовь должна прощать всѣ грѣхи, кромѣ грѣха противъ себя самой“. Онъ объясняетъ женѣ, что своимъ отношеніемъ она удержала его отъ признанія правды, и теперь погубила его, предоставивъ его мести злой женщины. Когда онъ уходитъ, его жена остается смущенной,—ей открылась какая-то болѣе широкая правда.

Добрый гениемъ, восстанавливающимъ благополучіе Чильтерна и его жены, становится легкомысленный Горингъ. Къ нему рѣшается обратиться лэди Чильтернъ въ своемъ отчаяніи и пишетъ ему письмо, предупреждая о своемъ приходѣ. Горингъ ждетъ ее, и такъ какъ въ это же время приходитъ его отецъ, велитъ слугѣ провести даму, которая придетъ, въ сосѣднюю комнату. Но приходитъ м-съ Шелли, у которой явилась мысль отдать компрометирующее сэра Роберта письмо Горингу, если онъ согласится жениться на ней. Съ этимъ предложеніемъ она явилась, и по словамъ слуги поняла, что Горингъ ждетъ какую-нибудь другую женщину. Она все-таки остается, и, увидавъ на столѣ письмо лэди Чильтернъ, беретъ его съ собой, рѣшивъ, что письмо можно эксплуатировать, какъ доказательство интимности Горинга и лэди Чильтернъ. Услышавъ голоса изъ другой комнаты, она проходитъ въ сосѣдній салонъ. Входитъ Горингъ съ сэромъ Робертомъ, неожиданно явившимся къ нему, и котораго Горингъ хотѣлъ спровадить, увѣренный, что въ сосѣдней комнатѣ его жена. Чильтернъ говоритъ о своемъ безвыходномъ положеніи, но, по смущенію Горинга, подозреваетъ, что кто-нибудь ихъ подслушиваетъ. Вопреки запрету Горинга, онъ бѣжитъ туда и возвращается возмущенный, говорить съ презрѣніемъ о находящейся тамъ женщинѣ—его женѣ, какъ полагаетъ Горингъ, а въ дѣйствительности о м-съ Шелли. Дѣйствіе комедіи въ этомъ актѣ очень живое, соединяющее сценическую выдумку съ содержательнымъ діалогомъ. Чильтернъ уходитъ возмущенный; является м-съ Шелли со своимъ предложеніемъ. Но Горингъ имѣетъ теперь другое оружіе противъ нея. Она наканунѣ обронила брошь у Чильтерновъ; Горингъ нашелъ ее и увидаль, что это—пода-

рокъ, который онъ нѣкогда сдѣлалъ одной знакомой дамѣ ко дню ея свадьбы. Происхожденіе этой драгоценной броши у м-ссы Шевли—ясное: она украла ее. Но она не знаетъ, что брошь раздвигается въ браслетъ, и теперь Горингъ надѣваетъ на нее браслетъ; снять она его не можетъ, не зная потайной пружины украденной вещи,—и Горингъ грозитъ выдать ее полиціи. Во избѣжаніе скандала, она отдаетъ ему письмо сэра Роберта, которое онъ тутъ же сжигаетъ. М-ссы Шевли дѣлаетъ еще одну попытку мести—отсылаетъ письмо лэди Чильтернъ къ Горингу сэру Роберту, чтобы вызвать въ немъ подозрѣнія относительно вѣрности жены. Но, получивъ письмо уже тогда, когда уладились всѣ волненія, сэръ Робертъ увѣренъ, что жена написала то письмо ему (обращенія въ письмѣ нѣтъ), вызывая къ его помощи послѣ ихъ бурной сцены. Въ концѣ разъясняется и это послѣднее недоразумѣніе, и все кончается благополучно. Лэди Чильтернъ требовала отъ мужа, чтобы онъ ушелъ и отказался отъ всей своей общественной дѣятельности, чтобы искупить вину прошлаго, но Горингъ отговариваетъ ее отъ этого требованія, доказывая, что горизонты дѣятельности человѣка шире всего эмоциональнаго въ жизни. Самъ Горингъ благополучно женится на Мабель, не обѣщая, впрочемъ, быть идеальнымъ мужемъ, какъ требуетъ его отецъ. И невѣста его тоже говоритъ, что боится всего идеальнаго и слишкомъ совершеннаго.

II.

Karl von Levetsow. Louise Michel (la vierge rouge). Eine Charakterskizze.
Стр. 100 (Leipzig, Verl. Rothbarth).

Въ 1905 году, въ Марселѣ, умерла отъ случайной болѣзни женщина, имя которой имѣло громкую, мировую извѣстность—Луиза Мишель. Ей было шестьдесятъ-пять лѣтъ, но она была еще полна силъ и энергіи, и смерть застала ее среди работы: она объѣзжала югъ Франціи, читая лекціи по рабочему вопросу, проповѣдуя обновленіе жизни, проникнутая фанатической вѣрой въ добрую природу человѣка, которая восторжествуетъ и преобразитъ жизнь,—когда исчезнетъ извращающая злая сила—власть. Луиза Мишель пользовалась громкой извѣстностью и далеко за предѣлами своей родины, Франціи,—но въ сущности о ней распространены лишь пристрастныя партійныя сужденія; безпристрастнаго представленія о ея духовной личности почти никто не давалъ. Она была долго пугаломъ буржуазной Франціи, пресловутой „красной дѣвой“ (*vierge rouge*), а среди единомышленниковъ ее или слѣпо прославляли, какъ героиню революціи, или, какъ

нѣкоторые историографы коммуны, относились къ ней скорѣе снисходительно, отрицали значительность ея роли при коммунѣ и видѣли въ ней фанатичку, подвиги которой разрослись въ народной фантазій до легендарнаго мученичества. Существовало о ней также довольно распространенное мнѣніе, что она „добрая, но сумасбродная женщина“ (*une bonne fille, mais toquée*). Но все это мнѣнія, которыя высказывались непосредственно по поводу ея участія въ разныхъ событіяхъ,—и такъ какъ она до самой смерти, въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ возвращенія изъ ссылки въ Новую Каледонію, не переставала дѣятельно проявлять свои теоріи и чувства, то только теперь, когда ея жизнь и дѣятельность отошли въ историческое прошлое, возможно составить себѣ вѣрное и безпристрастное представленіе о Луизѣ Мишель. И теперь образъ ея вырисовывается во всей ея психологической полнотѣ и со всѣмъ его обаяніемъ. Луиза Мишель по своему душевному складу принадлежитъ къ тѣмъ чистымъ натурамъ, которыя встрѣчаются среди теоретиковъ анархизма. Въ нихъ сочетаются два, казалось бы, непримиримыхъ, но на самомъ дѣлѣ родственныхъ начала—безграничное любвеобиліе и стихійное чувство мнѣжа во имя вѣры въ человѣка. Это сочетаніе даетъ очень разныя комбинаціи—преобладаніе той или другой силы ведетъ иногда къ крайне печальнымъ явленіямъ фанатическаго духа разрушенія, а иногда къ чрезмѣрному увлеченію непротивленіемъ злу; но въ гармоніи этихъ двухъ началъ большое обаяніе—и, можетъ быть, большая правда. Психологически, т.-е. въ натурѣ, а не въ дѣйствіяхъ, такая гармонія противорѣчивыхъ силъ осуществлялась въ отдѣльныхъ людяхъ. Она составляетъ привлекательность одного изъ самыхъ крупныхъ представителей современнаго теоретическаго анархизма, Петра Кропоткина. Она же проявилась въ Луизѣ Мишель, которую нельзя сравнить съ Петромъ Кропоткинымъ по идейной значительности, но которая по духу очень близка ему.

Недавно появившаяся небольшая нѣмецкая книжка о Луизѣ Мишель, Карла фонъ-Левецова представляетъ собой интересный очеркъ ея жизни и характеристику „красной дѣвы“ въ сочувственномъ къ ней тонѣ; очеркъ Левецова имѣетъ психологическій характеръ—что и составляетъ его преимущество передъ партійными агитаціонными характеристиками Луизы Мишель. Левецовъ пользуется въ значительной степени автобіографическимъ матеріаломъ, содержащимся въ запискахъ Луизы Мишель, дополняя его фактическими данными изъ другихъ источниковъ. Самые факты настолько краснорѣчивы, и психологія Луизы Мишель такъ прозрачно выражается въ ея простыхъ, безхитростныхъ мемуарахъ, что получается—независимо отъ большей или меньшей значительности ея активной революціонной роли—образъ исключительно чистой, сильной личности, какъ-то особенно легко, безъ ко-

лебаній, безъ личныхъ бурь идущей къ своей цѣли. Всюду, гдѣ появляется „красная дѣва“, на баррикадахъ, въ странѣ изгнанія, на улицахъ и площадяхъ, на сборищахъ, гдѣ она просто и вразумительно говоритъ о нуждахъ и правахъ каждаго человѣка,—всюду за ней шествуетъ любовь, и—такова горькая участь активно любящихъ людей—всюду слова любви сплетаются съ призывами къ мятежу.

Луиза Мишель родилась въ 1830 году, въ Вронкурѣ, и біографъ отмѣчаетъ съ особымъ вниманіемъ смѣшанное происхожденіе. Она была незаконной дочерью матери крестьянки и аристократа отца, по всей вѣроятности владѣльца вронкурскаго замка; по ея мемуарамъ видно, что отецъ ея принадлежалъ къ старинному феодальному роду. „Исторія анархизма“—говоритъ по этому поводу Левецовъ—„указываетъ на то, что нужна по крайней мѣрѣ значительная примѣсь деспотической крови для того, чтобы создать истиннаго анархиста“. Этотъ афоризмъ дѣйствительно оправдывается и на примѣрахъ русскихъ творцовъ анархизма. Въ характерѣ Луизы Мишель ея біографъ видитъ упрямство „рыцарей - грабителей“, предковъ отца, усугубленное „мужичкинымъ упрямствомъ“ со стороны матери,—и это свойство она проявила въ борьбѣ за права обездоленныхъ и отверженныхъ, съ которыми чувствовала глубокую связь до самой смерти.

Наслѣдственность и среда, въ которой она выросла, имѣли большое вліяніе на развитіе Луизы Мишель. Домъ ея матери, жившей у своихъ родителей, былъ скорѣе помѣщичьимъ, нежели крестьянскимъ. Вся семья была очень интеллигентная, много читавшая, и будущая революціонерка, одаренная съ дѣтства исключительнымъ умственнымъ развитіемъ, жадно прислушивалась къ разговорамъ старшихъ. Дѣдъ ея былъ вольтеріанецъ, убѣжденный революціонеръ и республиканецъ, сестра матери—пламенная католичка, и Луиза Мишель говоритъ въ своихъ запискахъ о странномъ взаимодействіи этихъ противорѣчивыхъ вліяній, воспитавшихъ въ ней революціонный духъ. Въ семьѣ матери было много оригиналовъ. Такъ, отецъ ея дѣда, по странному для крестьянина капризу, купилъ огромную библіотеку „на вѣсь“, и эта библіотека повліяла на судьбу всего его потомства. Луиза помнила братьевъ своего дѣда, удивительно сохранившихся стариковъ, поражавшихъ своими знаніями и умѣньемъ обо всемъ толково и интересно разсуждать; вся семья отличалась умственнымъ развитіемъ, хотя всѣ въ ней были самоучками, такъ какъ ни у кого не было средствъ для приобрѣтенія правильнаго образованія. Библіотека прадѣда стала источникомъ гуманитарныхъ и чисто научныхъ знаній многихъ членовъ семьи, и въ нѣкоторыхъ своихъ старшихъ родственникахъ Луиза Мишель отмѣчаетъ безсознательно анархическій складъ мыслей; она увѣрена сама, что зародыши ея позднѣйшихъ идей и дѣйствій лежали

въ традиціяхъ ея семьи. Родители ея матери, кромѣ того, отличались художественными наклонностями, вели поэтическіе дневники, такъ что и литературное дарованіе Луизы Мишель, сказавшееся въ ея стихахъ и драмахъ, тоже наслѣдственное. Еще одна черта Луизы Мишель, ея сентиментальная любовь къ животнымъ, которая часто служила предметомъ насмѣшекъ ея недоброжелателей, укрѣпилась у нея съ дѣтства. Домъ ея матери служилъ всегда кровомъ для безчисленныхъ кошекъ и собакъ, подбираемыхъ изъ жалости. Впослѣдствіи „красная дѣва“, жившая всегда въ крайней бѣдности, тоже окружена была кошками и собаками, всегда самыми жалкими и несчастными.

Эту черту ея біографъ считаетъ единственнымъ проявленіемъ женской чувствительности у Луизы Мишель, такъ какъ въ остальномъ она была лишена всякой женственности. Она съ дѣтства и потомъ въ молодости была не только чужда женскаго кокетства, но тяготилась всякими заботами о своей наружности; она очень рано сдѣлалась противницей замужества, какъ цѣли женской жизни, и сначала инстинктивно, а потомъ сознательно боролась за эмансипацію женщинъ. Можетъ быть, это связано было съ природнымъ преобладаніемъ въ ней мужскихъ чертъ, съ ея непривлекательной въ смыслѣ женственности наружностью; ея біографъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве, но о немъ свидѣлствуютъ всѣ знавшіе ее молодой, а тѣмъ болѣе въ позднѣйшіе годы. И на портретахъ ея лицо кажется очень одухотвореннымъ, но не женственнымъ, некрасивымъ. Оно соответствовало ея натурѣ, не знавшей женскихъ привязанностей. Въ своихъ мемуарахъ Луиза Мишель рассказываетъ, какъ ее возмутили первые два человека, просившіе ея руки въ ранней молодости. Оба они хотѣли приобрести примѣрную жену, которая была бы для нихъ „жизненнымъ удобствомъ“, и обоимъ она отвѣтила цитатами изъ Мольера, высмѣивая ихъ и пугая грядущими разочарованіями въ своей „примѣрности“. И съ тѣхъ поръ ее началъ возмущать институтъ брака, не связываемый въ буржуазной Франціи съ вопросомъ о любви. „Je ne veux pas être le potage de l'homme“, говоритъ она фразой изъ Мольера, объясняя свой протестъ противъ обычной женской судьбы. Она съ молодыхъ лѣтъ возмущалась тѣмъ, что французскимъ молодымъ дѣвушкамъ навязываютъ замужество изъ практическихъ цѣлей, и стала ярой защитницей женской эмансипаціи. Про себя она говоритъ, что всегда питала только дружескія и товарищескія чувства къ своимъ сверстникамъ или единомышленникамъ, и не переживала никогда романтическихъ увлеченій. Эта особенность ея натуры объясняетъ въ значительной степени ея стойкую преданность дѣлу, отъ котораго ее никогда не отвлекали осложненія личной жизни. Общечеловѣческія черты преобладали въ ней надъ чисто женскими.

Луиза Мишель вступила въ дѣйствительную жизнь послѣ смерти родителей ея матери; пришлось заботиться о пропитаніи себя и матери. Ее влекло къ научнымъ занятіямъ, ей хотѣлось ѣхать учиться въ Парижъ, но природная доброта и активное чувство любви заставили ее принести уже въ молодости—ей было тогда двадцать-три года—первую тяжелую жертву. Она отказалась—по крайней мѣрѣ на время—отъ дальнѣйшихъ научныхъ занятій и приняла мѣсто младшей учительницы въ *Ecole libre* въ Оделонкурѣ, вблизи Вронкура, гдѣ продолжала жить въ своемъ домѣ ея мать—единственная ея сердечная привязанность въ жизни. Должность учительницы была первымъ шагомъ Луизы Мишель на общественномъ поприщѣ; съ этого началась ея революціонная дѣятельность, къ которой ее подготовили и ея индивидуальность, и вліянія, среди которыхъ она выросла. Она начала съ того, что внесла революціонный духъ въ свою школу. Общеніе съ дѣтьми, воспитаніе дѣтей въ духѣ своихъ убѣжденій, было дѣломъ близкимъ ея душѣ, въ которое она внесла всю свойственную ей любовь и энергію; впоследствии она вела за собой толпу такъ же убѣжденно и твердо, какъ подчиняла своему обаянію школьныхъ дѣтей, будучи молодой дѣвушкой. Какъ тогда дѣти, такъ потомъ вѣрившая ей толпа чувствовала въ ней преданную себя и страдающую ея страданіями защитницу. Луиза Мишель не скрывала въ школѣ своихъ политическихъ убѣжденій, своего презрѣнія ко второй имперіи, къ Наполеону III, котораго не называла иначе, чѣмъ „Бадингѣ“, и ея школьное начальство сразу отнеслось недоброжелательно къ неблагонамѣренной учительницѣ, которая, къ тому же, говорила открыто о своемъ стремленіи въ Парижъ, гдѣ уже началось революціонное броженіе. Вскорѣ стали обнаруживаться явные признаки ея революціонности. Возмущаясь тѣмъ, что дѣтямъ старались привить въ школѣ лояльныя чувства и заглушить въ нихъ естественное влеченіе къ свободѣ, она стала учить ихъ марсельезѣ, внушать имъ любовь къ свободѣ, а однажды, когда въ церкви, послѣ окончанія службы, началась молитва за благоденствіе императора Наполеона, всѣ дѣти *école libre*, по ея знаку, шумно вышли изъ церкви. Кромѣ того, она писала зажигательныя статьи въ мѣстной газетѣ; за одну изъ нихъ, въ которой проводилась прозрачная параллель между царствованіемъ римскаго императора Домиціана, покровителя преторіанцевъ и гонителя философовъ и ученыхъ, котораго обожали, пока его не убили, и правленіемъ Наполеона III, ее обвинили въ оскорбленіи величества. Она рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ въ своихъ запискахъ, прибавляя, что обвиненіе было вполнѣ основательнымъ. Ее призвали къ префекту, который заявилъ, что она оскорбила императора сравненіемъ съ Домиціаномъ, и что не будь она такъ молода, ее за это слѣдовало

бы сослать въ Кайенну. Она отвѣтила, что тѣ, которые усматриваютъ въ ея портретѣ Домиціана сходство съ господиномъ Бонапартомъ, очевидно сами его оскорбляютъ, но что она лично ничего не имѣетъ противъ ссылки въ Кайенну. Она съ удовольствіемъ устроила бы тамъ школу, но не имѣетъ средствъ, чтобы туда поѣхать; правительство, поэтому, окажетъ ей только услугу, взявъ путевые расходы на себя. Дѣлу не было дано дальнѣйшаго хода, но оставаться въ Оделонкурѣ она послѣ этого не могла, и уѣхала—въ 1855 году—въ Парижъ. Тамъ она получила мѣсто учительницы въ одной школѣ на Монмартрѣ, и съ этихъ поръ вошла въ близкія сношенія съ революціонными кружками. Первое время она, помимо своихъ профессиональных занятій, слушала вечерніе курсы по философіи и естественнымъ наукамъ, занималась математикой, а также писала романы, публицистическіе этюды и занималась, сверхъ того, музыкой, такъ какъ обладала выдающимися музыкальными способностями и даже написала оперу. Жизнь ея въ Парижѣ была поразительной по разнообразію; она умѣла сочетать художественную продуктивность не только съ педагогической дѣятельностью, но и съ усиленной политической, организаціонной работой, причемъ она жила въ крайней бѣдности, и еще ухитралась помогать своимъ еще болѣе нуждающимся друзьямъ. Но вскорѣ она поняла, что ея истинное призваніе—служить страждущему человечеству, и рѣшила посвятить всѣ свои силы революціи, пожертвовавъ для этого своими художественными влеченіями. Она рассказываетъ въ своихъ запискахъ объ этомъ поворотномъ пунктѣ своей жизни, въ связи съ тѣмъ, какъ одна старая дама услышала исполненныя ею въ школѣ отрывки своей оперы, „Le rêve des sabbats“; она ужаснулась „чудовищности“ бурныхъ эффектовъ, но прибавила: „самое печальное—что въ этомъ есть задатки чего-то настоящаго“. На это Луиза Мишель со свойственнымъ ей задоромъ отвѣтила: „Еслибы въ этомъ ничего не было, неужели бы я была столь глупа, что занималась бы своей музыкой“. Благожелательная дама стала ей тогда доказывать, что для выработки таланта нужно посвятить себя ему, и Луиза Мишель серьезно объяснила ей, что она это знаетъ, и потому занимается только своими школьными занятіями, и не работаетъ надъ оперой, которая останется мечтой,—какъ многое другое, отъ чего она тоже отказалась. „Ну, а ваше сердце, куда вы его бросили?“—спросила дама. „Я его отдала революціи“,—отвѣтила Луиза Мишель.

Въ такомъ душевномъ состояніи застали ее событія 1870—71 года, и съ самаго начала коммуны она стала въ центрѣ движенія. Ссылаясь на свидѣтельства авторитетныхъ историковъ коммуны и иллюстрируя отдѣльные эпизоды собственными воспоминаніями Луизы Мишель, ея нѣмецкій біографъ показываетъ, въ чемъ заключалось активное уча-

стие Луизы Мишель въ коммуны. Она проявила пламенную энергію, поддерживая единомышленниковъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ — своимъ присутствіемъ вездѣ, гдѣ замѣчался упадокъ духа у членовъ партіи, а также своимъ безстрашіемъ, тѣмъ, что она подъ градомъ пуль поддерживала духъ сражающихся на баррикадахъ, оставаясь до самой послѣдней минуты среди сражающихся. Послѣ пораженія Наполеона, она, во главѣ народа, ворвалась въ палату депутатовъ и провозгласила республику; она поддерживала духъ сопротивленія въ парижскомъ населеніи, убѣждая сражаться до послѣдней капли крови противъ версальскаго правительства. Послѣ того, какъ 17 марта на сторону коммуны перешла національная гвардія и часть арміи, и началась открытая междоусобная война, Луиза Мишель примкнула къ 61-му батальону уже не какъ сестра милосердія въ организованномъ ею санитарномъ отрядѣ, а какъ воинъ, и обнаруживала исключительное безстрашіе. Въ ея запискахъ разсказаны разные эпизоды этихъ дней, въ томъ числѣ сцена, какъ она, вмѣстѣ съ однимъ русскимъ студентомъ, примкнувшимъ къ движенію, пила кофе на баррикадѣ, разговаривая о Бодлерѣ и не замѣчая въ увлеченіи споровъ, что вокругъ нихъ лопаются разрывные снаряды. Они ушли только послѣ сердитыхъ окриковъ товарищей, спрятавшихся въ защищенные мѣста, и едва только они ушли, какъ упала бомба прямо въ оставленные ими чашки кофе. Разсказывая объ этой и другихъ подобныхъ сценахъ, Луиза Мишель говоритъ въ своихъ запискахъ: „Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что никто не заслуживаетъ похвалы за свои дѣйствія, ибо всякій поступаетъ по своему усмотрѣнію. Героизма не существуетъ, ибо человѣка увлекаетъ всегда только величіе дѣла, которое онъ долженъ совершить, и всегда остаешься ниже своей задачи... Меня считали смѣлой, но смѣлость моя вызывалась только тѣмъ, что обстановка опасности увлекала мое художественное чутіе. Величественныя картины захватывали мою душу. И такъ какъ величіе идеи такъ сильно дѣйствуетъ на меня, то нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны въ томъ, что я презираю опасность. Она для меня не существуетъ. Меня увлекаетъ общая картина, я смотрю и запоминаю“...

Послѣ вступленія версальскихъ войскъ въ Парижъ и занятія предмѣстій, Луиза Мишель организовала защиту внутренняго города, сооруженіе баррикадъ, и сражалась на нихъ. Въ ея запискахъ описаны взятіе баррикадъ, трогательная сцена ея послѣдней встрѣчи съ генераломъ коммуны, Домбровскимъ, котораго она поддерживала своимъ мужествомъ послѣ пораженія, а также ея участіе въ столкновеніи на Пьеръ-Лашезѣ. Она разсказываетъ также о томъ, какъ ее захватили, и ея біографъ приводитъ этотъ характерный во всѣхъ отношеніяхъ

для Луизы Мишель разсказать. Она давно не видѣла свою мать и была въ сильной тревогѣ за нее, въ виду продолжавшагося кровопролитія на Монмартрѣ. Взявъ у одного изъ товарищей сѣрую шинель—ея одежда была вся разорвана на куски пулями,—она незамѣтно пробралась на улицу, гдѣ жила ея мать, но, придя въ зданіе школы, она застала полное опустошеніе — и матери не было. Консьержка долго уклонялась отъ ея разспросовъ и наконецъ сказала ей, что мать ея увели, чтобы разстрѣлять. Постъ регулярной арміи находился въ кафе напротивъ, и она побѣжала туда и стала спрашивать, гдѣ мать, которую, очевидно, забрали вмѣсто нея. Ей холодно отвѣтили, что ее сейчасъ разстрѣляютъ и что она находится среди другихъ захваченныхъ въ плѣнъ въ 37-мъ бастионѣ. Она бѣжитъ туда, и тамъ требуетъ отъ коменданта освобожденія матери, въ виду того, что она пришла сама сдаться въ плѣнъ. Мать наконецъ отпустили, причѣмъ та долго отказывалась уйти и оставить дочь; наконецъ она согласилась послѣ просьбъ дочери и успокаивающихъ словъ товарищей, которые пришли на помощь Луизѣ, причѣмъ послѣдней позволено было сопровождать мать часть дороги. По дорогѣ Луиза Мишель постаралась убѣдить мать, что женщинъ не разстрѣливаютъ, что ей грозитъ только нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы и т. д., а затѣмъ вернулась и заняла мѣсто среди плѣнныхъ. Ее не разстрѣляли, но она испытала на себѣ жестокость побѣдителей при перевозѣ въ Версаль и во все дальнѣйшее время вплоть до суда и до высылки въ Новую Каледонію.

Десять лѣтъ, проведенныхъ въ ссылкѣ въ странѣ людей, имѣли сильное вліяніе на дальнѣйшее идейное развитіе Луизы Мишель. До того она была по своимъ убѣжденіямъ социаль-революционеркой, тамъ она сдѣлалась анархисткой. Всѣ пережитые ею ужасы укрѣпили въ ней увѣренность въ разрушительномъ вліяніи государственной власти. Она вѣрила въ природную доброту человѣка, и, видя жестокость главнымъ образомъ на сторонѣ торжествующей силы, пришла къ твердому убѣжденію, что власть и есть тотъ ядъ, который извращаетъ природно добрую натуру человѣка. Эта мысль сдѣлалась исходнымъ пунктомъ ея дальнѣйшихъ теорій и дѣйствій, сопровождавшихся всегда вѣрой въ возможность исхода, въ возможность преображенія жизни въ духѣ безначалія. Въ Новой Каледоніи она не утратила своей энергіи, несмотря на ужасныя условія жизни, и занялась обученіемъ туземцевъ, устроила школы и полюбила дикарей-канаковъ, которые въ свою очередь такъ привязались къ ней, что послѣ амнистіи и отбѣга Луизы Мишель на родину, провожали ее тысячной толпой на берегъ и съ плачемъ разставались съ ней. Ея власть надъ толпой, создаваемая

исключительно ея безграничной любовью ко всѣмъ живымъ существамъ, покорила ей и сердца дикарей.

Послѣ возвращенія во Францію, Луиза Мишель снова вернулась къ революціонной дѣятельности. Она участвовала въ манифестаціи Бланки въ 1882 году и поплатилась за это короткимъ тюремнымъ заключеніемъ. Въ 1883 году она была участницей манифестаціи на Эспланадѣ Инвалидовъ и подняла черное знамя—знамя голода, идя во главѣ стачечниковъ. Такъ какъ при этомъ произошло разгромленіе нѣсколькихъ булочныхъ, то участниковъ—въ томъ числѣ и Луизу Мишель—предали суду. Она была приговорена къ шести годамъ тюремнаго заключенія, и мать ея умерла отъ горя два года спустя; это было наиболѣе тяжкимъ горемъ въ жизни Луизы Мишель.

По выходѣ изъ тюрьмы, она продолжала работать съ неустанной энергіей, выступая на собраніяхъ, читая лекціи, пропагандируя свое ученіе. На одной изъ лекцій, въ Гаврѣ, въ нее выстрѣлили какой-то фанатикъ реакціи. Она была довольно тяжело ранена, но не потеряла присутствія духа, спокойно подверглась операціи, а потомъ главнымъ образомъ хлопотала о томъ, чтобы избавить отъ суда стрѣлявшаго въ нее. Безстрашная до конца, она только разъ спаслась отъ опасности, уѣхавъ въ Англію, когда ее хотѣли признать сумасшедшей и запрятать въ психіатрическую лечебницу. Только уже въ послѣдніе годы жизни она снова вернулась на родину, когда доктора убѣдили ее поѣхать на югъ Франціи для поправки здоровья, распатаннаго наконецъ всѣми лишеніями, тюрьмой и ссылкой. Но и тамъ она не отдыхала, а стала ѣздить изъ города въ городъ, читая лекціи. Во время одной изъ этихъ поѣздокъ она и умерла въ Марселѣ, 21-го февраля 1905 года.

Нѣмецкій біографъ Луизы Мишель говоритъ также о ея литературномъ талантѣ, который не расцвѣлъ—романы, драмы и стихи Луизы Мишель очень посредственны—только благодаря ея исключительной преданности дѣлу свободы.—З. В.

НЕДУГИ РУССКАГО НАРОДА И ИХЪ ПРИЧИНЫ

ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ.

I.

На пути исторической жизни русскаго народа выпала на его долю такая масса разнообразныхъ невзгодъ и недуговъ, что надо прямо удивляться и его безропотному терпѣнію, и его живучести.

Какъ живетъ народъ, какъ онъ болѣетъ, умираетъ и почему, — все это—вопросы капитальной важности, но они остаются для большинства „terra incognita“! Между тѣмъ, при поверхностномъ даже ознакомленіи съ этими вопросами, отвѣтъ на нихъ получается и серьезный, по своему значенію, и грустный—по содержанію. Свѣтлаго и отраднаго въ жизни нашего народа очень мало; онъ часто только влечитъ свое существованіе, гдѣ голодъ, болѣзни и усиленная смертность являются неотъемлемыми атрибутами.

Какъ показываетъ статистика, ежегодно болѣетъ и умираетъ у насъ такое огромное число людей, что нѣтъ другой страны въ Европѣ, гдѣ бы ‰ заболѣваемости и смертности населенія былъ равенъ нашему.

Если болѣзни и смерть составляютъ, помимо всего прочаго, и матеріальную потерю для общества и государства, то на долю русскаго народа выпадаетъ такимъ образомъ огромная доза такихъ потерь. Сумму послѣднихъ можно приблизительно опредѣлить на основаніи санитарной статистики. Предположимъ, что въ С.-Петербургѣ, при полутора-милліонномъ его населеніи, смертность понизилась на 1‰, т.-е., что ежегодно стало умирать на 15.000 человекъ меньше, чѣмъ прежде. Съ пониженіемъ смертности уменьшится и число заболѣваній. Изъ многочисленныхъ статистическихъ изслѣдованій получается такой выводъ, что на одинъ случай смерти падаетъ, въ среднемъ, 34 случая заболѣваній, слѣдовательно, число послѣднихъ, при пониженіи смертности на 1‰, уменьшится на 510.000. Хотя различныя болѣзни имѣютъ, какъ извѣстно, различную продолжительность и различный періодъ выздоровленія, но статистика устанавливаетъ и въ этомъ отношеніи среднія цифры, показывая, что потеря работоспособности вслѣдствіе болѣзни продолжается, въ среднемъ, 20 дней. Въ нашемъ примѣрѣ получится, значить, ежегодно уменьшеніе потери рабочихъ дней на $510.000 \times 20 = 10.200.000$. Остается теперь выразить потерю рабочаго дня въ деньгахъ. Если взять самую минимальную оцѣнку

отсутствія заработка и стоимости леченія, хотя бы одинъ рубль въ день, то и тогда окончательный подсчетъ покажетъ, что, при пониженіи смертности въ Петербургѣ только на 1%, наступающее при этомъ пониженіе заболѣваемости сэкономитъ ежегодно капиталъ, равный $10.200.000 \times 1 \text{ р.} = 10.200.000 \text{ р.}$

Зная цифры заболѣваемости и смертности въ Россіи, возможно положительно утверждать, безъ математическихъ вычисленій, что мы каждый годъ совершенно непроизводительно теряемъ огромный капиталъ.

Печальное прошлое въ жизни нашего народа и грустное настоящее не являются, понятно, прирожденными его особенностями, а лишь результатомъ неправильно сложившихся для него условій жизни, благодаря которымъ онъ всегда былъ нищъ и душевно, и тѣлесно. Проходили вѣка, мѣнялись событія, росла культура, прогрессъ, увеличивались научныя знанія и блага жизни для „избранныхъ“, но народъ стоялъ внѣ этихъ благотѣльныхъ вліяній, и какъ прежде, такъ и теперь, онъ постоянно не доѣдаетъ, очень нерѣдко голодаетъ и вѣрять въ „нечистаго“ и „домового“... Едва-ли нужно много мудрствовать, чтобы выяснить, какими причинами обусловливается настоящее состояніе народнаго здоровья въ Россіи. Причины эти, по моему, ясны и просты: первая—*отсутствіе образованія и воспитанія у народа*; вторая—*экономическая его нищета*. На почвѣ указываемыхъ „недуговъ“ и расцвѣтають прочіе народныя „тѣлесныя и душевныя“ недуги.

Что это такъ, доказывается фактами, которые я беру изъ оффиціальнаго источника — „Отчета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1903 годъ“.

Цифры министерскаго отчета наглядно доказываютъ прямую зависимость заболѣваемости и смертности населенія отъ бытовыхъ и жизненныхъ условій его существованія. Въ отчетѣ говорится, напр., что и въ 1903 году всѣхъ заболѣваній органовъ пищеваренія было 9.806.393, и первое мѣсто среди этой группы болѣзней принадлежитъ желудочно-кишечному каналу, т.-е. болѣзни, происходящей отъ неправильнаго питанія. Крайне интересно и слѣдующее обстоятельство, констатируемое отчетомъ: цифра заболѣваній органовъ пищеваренія въ 1903 году увеличилась на 19% по сравненію съ 1902 годомъ. Смертность отъ указываемой болѣзни—587,2 на 100.000.

Едва-ли гдѣ-нибудь въ Западной Европѣ можно найти подобную цифру смертности: тамъ она вовсе немыслима, и является нашимъ преимуществомъ. Какая разница въ % смертности отъ желудочно-кишечнаго катарра въ Россіи и Западной Европѣ—показываютъ слѣдующія цифры:

- а) въ теченіе года въ С.-Петербургѣ умерло на
100.000 жителей 327,4 челов.

б) въ Москвѣ на 100.000 жителей	459,2	"
в) въ Одессѣ на 100.000 жителей	294,6	"
г) въ Лондонѣ на 100.000 жителей	83,4	"
д) въ Парижѣ на 100.000 жителей	84	"
е) въ Берлинѣ на 100.000 жителей	186,2	"

Приводимыя свѣдѣнія не могутъ быть безусловно точными, такъ какъ статистика наша, какъ извѣстно, далеко еще не находится на высотѣ своего призванія. Надо полагать, что при болѣе точномъ и всестороннемъ обследованіи жизни русскаго народа картина ея обрисуетъ еще печальнѣе.

Рѣзкимъ доказательствомъ „голоднаго, холоднаго и грязнаго“ прозябанія нашего населенія, приносящаго за подобное „счастливое“ существованіе на землѣ огромныя жертвы, служить слѣдующій, достойный глубокаго вниманія, фактъ. Есть болѣзнь, называемая цингой или скорбутомъ. Происходитъ она отъ хроническаго голоданія, когда люди становятся вынужденными, за неимѣніемъ нормальной пищи, питаться лебедой или дубовой корой. Казалось бы, что въ XX-мъ столѣтіи, столь богатомъ культурой и вообще прогрессомъ, не могли бы тысячи людей страдать отъ голода, а между тѣмъ цинга у насъ есть и была... Въ 1902 году такихъ больныхъ было зарегистрировано 100.992 чел.; а въ 1903 г. — 60.000 чел. Въ Западной Европѣ об этой болѣзни забыли и она тамъ почти не встрѣчается, а мы разстаться съ ней не сумѣли до сихъ поръ.

Едва-ли необходимы, помимо указанныхъ цифровыхъ данныхъ, еще другія доказательства той понятной истины, что до тѣхъ поръ, пока русскій народъ не выйдетъ изъ экономической нищеты и не перестанетъ голодать, $\%$ заболѣваемости и смертности его отъ болѣзней, стоящихъ въ зависимости отъ неправильнаго питанія, не понизится.

Въ тѣсной связи съ матеріальною бѣдностью нашего населенія находится и низкая степень его культуры, что, въ свою очередь, служитъ также серьезнымъ факторомъ и въ поясненіи, и въ распространеніи болѣзней.

О степени культуры народа и общемъ его благосостояніи можно судить по количеству острозаразныхъ болѣзней, ежегодно наблюдаемыхъ въ странѣ, и не будетъ несправедливо сказать, что народное благосостояніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ этого слова, обратно пропорціонально $\%$ заболѣваемости и смертности отъ заразныхъ болѣзней. Цифры министерскаго отчета за 1903 годъ показываютъ слѣдующее: въ теченіе указаннаго года изъ 80.000.000 жителей Европейской Россіи (только относительно этой цифры имѣются статистическія свѣдѣнія) умерло отъ главныхъ (?) острозаразныхъ болѣзней 449.762 чело-

вѣка, т.-е. болѣе 50 pro mille! Ничего подобнаго нигдѣ въ Западной Европѣ нѣтъ!

Развѣ же указываемый фактъ не служитъ доказательствомъ непоправимаго убожества нашего народа? Лишенный средствъ для самостоятельной борьбы съ житейскими невзгодами, народъ мало, къ сожалѣнію, ощущалъ на себѣ и пользу со стороны тѣхъ лицъ и учреждений, которыя de jure обязаны были „пещись о немъ“.

Становится и обидно, и совѣстно, когда посмотришь на жизнь культурныхъ людей на Западѣ и сравнишь ее съ нашей: тамъ народъ живетъ сознательной жизнью, а у насъ... влечить существованіе.

Къ характеристикѣ „россійской жизни“ нельзя не добавить и слѣдующаго факта: Западные европейцы, опѣнивъ давно уже по достоинству значеніе общенароднаго здоровья, сдѣлали повести борьбу и принять всѣ научныя мѣры противъ заразныхъ болѣзней, благодаря чему они почти совсѣмъ изгнали отъ себя такія болѣзни, какъ сыпной и возвратный тифы, и если онѣ встрѣчаются въ Западной Европѣ, то изрѣдка и въ видѣ заносныхъ случаевъ. Въ Россіи же въ 1903 году заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ было 70.402 человека, а возвратнымъ 17.015, и при этомъ слѣдуетъ еще добавить, что „заболѣванія сыпнымъ тифомъ“, по словамъ отчета, „*рѣзко повышаются*“. Постоянно наблюдаясь среди населенія и варьируя лишь годъ отъ года въ количествѣ и качествѣ, сыпной и возвратный тифы служатъ лучшими показателями народной нищеты.

Насколько тѣсна связь между бытовыми условіями жизни народа и его болѣзнями—показываютъ и слѣдующіе факты. Есть болѣзни—*чесотка* и брюшной тифъ. И та, и другая—заразные и широко распространены среди нашего населенія; причемъ *чесотка*, давая огромныя цифры заболѣваній, безусловно зависитъ отъ бѣдности, грязи и некультурности народа. Въ Западной Европѣ этой болѣзни нѣтъ; у насъ же не только она существуетъ, но годъ отъ года число заболѣвающихъ ею увеличивается. Въ 1903 году было, напр., больныхъ чесоткой 3.600.781, на 300.000 больше, чѣмъ въ 1902 году. Что касается брюшного тифа, то я позволю себѣ привести изъ отчета министерства внутреннихъ дѣлъ лишь таблицу сравнительной смертности отъ этой болѣзни въ нѣсколькихъ европейскихъ городахъ. Въ 1903 году въ Берлинѣ на 100.000 жителей умерло отъ брюшного тифа 3,3 чел.; въ Лондонѣ—8,6; въ Парижѣ—11,2; въ Петербургѣ же—51,6!

Рекордъ такимъ образомъ побить нами, и столичное общественное самоуправленіе имѣетъ полное право на „grand prix“.

Резюмируя сказанное, получимъ такой выводъ: вслѣдствіе тяжелыхъ и неправильныхъ условій всего уклада жизни русскаго государства, населеніе его, обездоленное матеріально и духовно, не можетъ

противодѣйствовать жизненнымъ невзгодамъ, а потому и болѣетъ, и умираетъ въ такомъ количествѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ. Хроническое же голоданіе народа и отсутствіе его образованія и воспитанія являются главными и непосредственными причинами появленія и распространенія болѣзней.

Вопросъ о томъ, какъ устранить или измѣнить къ лучшему указываемыя причины, не входитъ въ рамки настоящей статьи, имѣющей иную цѣль. Нельзя не высказать лишь искренняго пожеланія, чтобы люди, призванные для переустройства нашей общественной жизни, отнеслись съ полнымъ вниманіемъ къ „недугамъ“ населенія и—*sine ira et studio*—изыскали пути и средства къ ихъ устраненію. Не слѣдуетъ, по моему, служить только предстоящую задачу и искать спасенія въ разрѣшеніи одного какого-нибудь вопроса, хотя бы аграрнаго.

Насколько бы послѣдній ни былъ серьезенъ, имъ не исчерпываются, однако, причины, приведшія народъ къ настоящему его состоянію, и благопріятное даже разрѣшеніе этого вопроса едва-ли внесетъ быстрое и замѣтное улучшеніе въ народную жизнь. Послѣдняя оцѣплена, выражаясь фигурально, крѣпко скованною цѣпью, причѣмъ каждое звено ея составляетъ само по себѣ уже „препону“ на пути дѣйствительнаго прогресса народной жизни, и до тѣхъ поръ, пока эта цѣпь не будетъ порвана, едва-ли улучшится благосостояніе народа.

II.

Вполнѣ естественно, что неблагопріятныя условія, при которыхъ сложилась жизнь русскаго государства, не могли не вліять и на характеръ дѣятельности тѣхъ у насъ установленій, которыя призваны заботиться о народномъ благѣ. Десятки уже лѣтъ мы пользуемся, напр., преимуществами земскихъ и городскихъ самоуправленій; несемъ въ общественный сундукъ опредѣленную дань и ежегодно отдаемъ въ распоряженіе нашихъ „*patres conscripti*“ немалыя суммы на устраненіе „нашихъ нуждишекъ и проторей“, а въ результатъ — тотъ же минусъ и все тѣ же поразительныя черты нищеты и косности... Несмотря такимъ образомъ на кажущееся „самоуправленіе“, все въ укладѣ нашей жизни идетъ какъ-то странно, уродливо, и разумныя народныя требованія или остаются совсѣмъ безъ отвѣта, или удовлетворяются нелѣпостями. Грѣшно было бы сказать, что Господь разгнѣвался на Россію и отнялъ разумъ у ея сыновъ, — нѣтъ: умные люди и были, и есть на Руси, и они могли бы серьезно и плодотворно работать на общую пользу, но, къ сожалѣнію, не пришло еще время для ихъ дѣятельности.

Существует ли у нас на самомъ дѣлѣ „общественное здравоохраненіе“, или мы забавляемся игрой въ санитарію? Судя по даннымъ заболѣваемости и смертности въ Россіи, указаннымъ въ началѣ настоящей статьи, невольно приходится сказать, что правильно организованнаго у насъ „общественнаго здравоохраненія“ нѣтъ.

Для отдѣльнаго частнаго лица, какъ извѣстно, далеко не всегда представляется возможнымъ оградить себя отъ заболѣваній и поставить свой организмъ въ условія, способствующія благопріятному развитію его. Конечно, это лицо можетъ позаботиться, напр., объ одеждѣ, чтобы она защищала его отъ вредныхъ вліяній, о пищѣ, чтобы послѣдняя была безвредна и достаточна для питанія, но оно не въ состояніи помѣшать тому, чтобы воздуха, которымъ всѣ дышатъ, не загрязняли другіе, чтобы вода, которую пьютъ, не была испорчена его сосѣдомъ,—словомъ, отдѣльный индивидуумъ не можетъ предотвратить опасностей, возникающихъ въ громадномъ числѣ какъ для всего общества, такъ и для него самого, благодаря скученію людей. Вотъ эта въ высокой степени серьезная и отвѣтственная задача и должна выполняться „общественнымъ здравоохраненіемъ“, котораго у насъ нѣтъ, но которое существовало въ глубокой уже древности. Интересъ къ общественному здравоохраненію у древнѣйшихъ культурныхъ народовъ (индусовъ и египтянъ) былъ развитъ очень сильно. Они прекрасно сознавали значеніе надлежащаго устройства открытыхъ, богатыхъ воздухомъ улицъ и жилищъ; обращали вниманіе на чистоту тѣла, жилья и окружающей среды и знали, что для сохраненія здоровья необходима чистая, прозрачная вода и неиспорченные пищевые продукты. У древнихъ римлянъ общественная гигиена стояла тоже очень высоко. Сохранившіеся и донинѣ остатки санитарныхъ установленій, возникшихъ во времена царей, а также и въ послѣдующую эпоху республики и имперіи, достойны и теперь глубокаго вниманія.

Устройство канализаціи Рима начато было въ VI-мъ в. до Р. Хр. Уже въ IV-мъ вѣкѣ до Р. Хр., Римъ позаботился о проведеніи чистой, прозрачной воды, запасъ которой достигалъ громадныхъ размѣровъ и, помимо питанія колодцевъ, очищенія улицъ, каналовъ, расходовался въ обильномъ количествѣ на снабженіе многочисленныхъ и прекрасно устроенныхъ бань. Съ теченіемъ времени устроены были различные водопроводы, доставлявшіе въ городъ горную воду и снабжавшіе его въ такомъ изобиліи, что на долю каждаго человѣка приходилось до 1.000 литровъ воды. Чтò же сдѣлали мы и наши самоуправленія для общественнаго здоровья? Гдѣ и въ чемъ видна забота о народномъ благосостояніи? Подумали ли у насъ о чистой, прозрачной водѣ для питья; о жилищахъ, богатыхъ воздухомъ и свѣтомъ; о без-

вредности пищевыхъ продуктовъ, о прекрасно устроенныхъ баняхъ, о канализаци, — словомъ, о томъ, что даетъ силу и крѣпость народную и что прекрасно понимали и о чемъ заботились люди глубокой древности? Ничего путнаго и полезнаго мы, къ сожалѣнiю, не сдѣлали...

Каждое явленiе имѣетъ, конечно, свои причины... Убожество и нищета, царящiя въ нашемъ общественномъ санитарномъ состоянiи, объясняются тѣмъ непробуднымъ сномъ, въ который Россiя погружена была за послѣднiе десятки лѣтъ, и когда спали мы не только крѣпко, но намъ было запрещено и говорить во снѣ. Подобное состоянiе не могло благоприятствовать, конечно, общественной работѣ, и если дѣлалось что-нибудь на общую пользу, то все это выходило какъ-то неуклюже, мало-цѣлесообразно, а нерѣдко и бесполезно. Въ замѣнѣ настойчиваго и послѣдовательнаго проведенiя въ жизнь требованiй общественной гигиены и надлежащей заботы о воспитанiи и развитiи народныхъ массъ, у насъ и средства на нужды очень нерѣдко расходуются не только на паллиативныя, но и мало полезныя мѣры. Одной рукой мы какъ будто хотимъ „спасать народъ“, а другой — его же топимъ. Стараемся, словомъ, изобразить изъ себя „двуликаго Януса“. Примѣровъ такихъ у насъ немало — и вотъ одинъ такой. Безшабашное пьянство растетъ, какъ извѣстно, у насъ изъ года въ годъ, и министерство финансовъ, широко идя навстрѣчу народной потребности, ежегодно увеличиваетъ количество вырабатываемаго спирта. А такъ какъ пьянство есть страшный недугъ, влекущiй за собой не только нищету, болѣзни, но и вырожденiе населенiя, то и министерство не осталось глухимъ къ „народному недугу“. Собирая миллионы „пьяныхъ доходовъ“ и пропагандируя „монополю“, оно въ то же время устроило и даетъ средства на „попечительства о народной трезвости“, приказавъ этимъ учрежденiямъ — *sui generis* — „увеселять“ народъ и воздерживать его такимъ лекарствомъ отъ „зловреднаго порока — пьянства“. Что же вышло? — Да ничего! Попечительства существуютъ, тратятъ деньги на увеселенiя народа, а послѣднiй усиленно пьетъ. Вотъ реальная польза хитроумнаго изобрѣтенiя, выдуманнаго въ тиши кабинета и внѣ яснаго представленiя о сущности дѣла. Между тѣмъ, вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ поистинѣ насущный, животрепещущiй и требуетъ серьезнаго вниманiя, но до тѣхъ поръ, пока само общество не завладѣетъ этимъ вопросомъ и средствами для его разрѣшенiя, онъ навѣрное останется или въ настоящемъ своемъ положенiи, или еще болѣе ухудшится.

Нѣтъ ли „нѣкоей странности“ и въ слѣдующихъ фактахъ? На Васильевскомъ-Островѣ — въ С.-Петербургѣ — красуется богатѣйшее зданiе — Повивальный институтъ, постройка и оборудованiе котораго обошлись болѣе двухъ миллионновъ рублей. Все въ этомъ учрежденiи

богато и роскошно, начиная съ обширной квартиры директора и кончая помѣщеніемъ для очень ограниченного числа больныхъ и при томъ самыхъ избранныхъ, обладающихъ большими средствами, которыя и открываютъ двери института. Войдя въ институтскій залъ, вы можете слушать чудныя музыкальныя мелодіи, разыгрываемыя на превосходномъ органѣ, поставленномъ въ институтѣ съ „спеціальною лечебною цѣлью“. Подъ звуки этого органа, къ которому изъ комнаты больныхъ проведены телефоны, и появляются на свѣтъ Божій младенцы мужского и женскаго пола. Первые, говорятъ, выходятъ изъ материнскаго чрева подъ звуки Вагнера, подъ увертюру изъ „Тангейзера“, а вторые — подъ чарующіе звуки Шопена. Понистинѣ — умилительно! Жаль только одно, что тутъ же въ Петербургѣ, рядомъ съ зданіемъ для „избранныхъ“, бѣдныя женщины рожаютъ въ подвалахъ, на чердакахъ и рожаютъ не только безъ музыки, но и безъ всякой рациональной помощи. Найти эту помощь въ городскихъ родильныхъ пріютахъ, напр., далеко не всегда удастся, такъ какъ пріютовъ очень мало и мѣста въ нихъ берутся съ бою. Вслѣдствіе этого бывали и бывають случаи, когда, за невозможностью попасть въ пріютъ, роды совершались на улицѣ и городской являлся въ роли акушера.

Такіе факты происходятъ въ столицѣ. Чтò же дѣлается въ селахъ и деревняхъ? Подъ какую музыку тамъ рожаютъ? Очень можетъ быть, что я ошибаюсь, относясь критически къ затратамъ изъ государственной казны миллионновъ рублей на устройство больничнаго учрежденія, не имѣющаго характера общедоступнаго: мнѣ могутъ говорить о „великомъ значеніи института“ въ научномъ смыслѣ и рисовать его, какъ „священный храмъ науки“, для котораго нельзя жалѣть матеріальныхъ затратъ. На такое возраженіе можно отвѣтить изреченіемъ à la Кузьма Прутковъ: „не чепи языка твоего напрасно“ и „оставь науку въ покоѣ“... Затрачивая миллионъ народныхъ денегъ, да изъ тощей его казны, надо было, мнѣ думается, имѣть въ виду благо нарѣда, а не что-либо иное... ●

Имѣются еще и такіе контрасты въ нашей столицѣ. На Выборгской-Сторонѣ находится клиника для душевно-больныхъ, преимущественно для лицъ военнаго вѣдомства. Построена она нѣсколько лѣтъ тому назадъ и, конечно, согласно „последнему слову науки“, причемъ каждая кровать обошлась при постройкѣ чуть ли, если я не ошибаюсь, не около 10-ти тысячъ руб. Затѣмъ, при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ есть зданіе, прекрасно оборудованное и дорого стоящее, также для психическихъ больныхъ военнаго вѣдомства. Какъ въ клиникѣ, такъ и въ зданіи при госпиталѣ, повсюду виденъ образцовый порядокъ, чистота, обиліе свѣта, воздуха; паркетные полы, залы, мраморъ, зеркала, билліарды, музыкальные инструменты, и пр., и пр...

Но въ томъ же Петербургѣ, на р. Пряжкѣ, стоитъ сѣрое, промозглое и убогое зданіе—городская больница св. Николая Чудотворца, предназначенная тоже для душевно-больныхъ. Въ этой больницѣ есть все: и грязь, и скученность, и плачь, и скрежетъ зубовъ, но нѣтъ лишь мѣстъ для больныхъ, свѣта и воздуха. Миѣ думается, что только горькая нужда заставляетъ пользоваться этой негодной общественной больницей. Если же мы выйдемъ только за черту Петербурга, въ предѣлы уѣзда, то натолкнемся на еще болѣе поразительный фактъ: на полное отсутствіе какой бы то ни было больницы для жителей петербургской губерніи, заболѣвшихъ душевною болѣзью. Тутъ вступаютъ уже въ права: цѣпь, веревка, погребъ и т. д.

Сопоставляя, съ одной стороны, миллионныя затраты на постройку больничныхъ зданій, предназначенныхъ для десятковъ и тысячъ сотенъ больныхъ, а—съ другой—огромный недостатокъ у насъ вообще больницъ и специальныхъ въ особенности, — невольно подумаешь: да не слѣдуетъ ли, въ интересахъ общенародной пользы, умѣрить пылъ къ возведенію „дворцовъ“ и „каменныхъ палатъ“ и строить просто больницы, удовлетворяющія разумнымъ требованіямъ? Не есть ли, на самомъ дѣлѣ, злая иронія, когда больной, пробывши нѣкоторое время въ богато обставленныхъ больницахъ столицы (понятно, не общественныхъ, а, напр., въ клиникѣ или въ отдѣленіи Николаевскаго госпиталя) и будучи уволенъ, по неизлечимой болѣзни, въ отставку, попадаетъ затѣмъ въ деревню, гдѣ не только нѣтъ никакихъ больницъ, но и всякаго мало-мальски сноснаго ухода?—Строить больницы обязательно нужно; но увлекаться роскошью постройки и грандіозностью—преступно. Народныя деньги должны идти на пользу народа, а отъ мрамора, бронзы, зеркальныхъ стеколъ и органоу ничего путнаго для народа не выйдетъ.

Больницы — не дворцы и не музеи, а общественныя учрежденія и должны разсматриваться лишь съ утилитарной точки зрѣнія. Предназначаемыя для широкаго ихъ использованія населеніемъ и преимущественно бѣднымъ, онѣ должны давать послѣднему все, что требуется для больного, т.-е. тепло, свѣтъ, воздухъ, пищу, чистоту, правильное леченіе и сердечно-разумный уходъ. Чтобы выполнить подобныя требованія, не увлекаясь желаніемъ „удивить Европу“, совсѣмъ не слѣдуетъ затрачивать на постройку больницъ такихъ, напр., суммъ, какія ухитрилась употребить столичная дума на постройку дѣтской больницы.

Сваливать всѣ затѣи, роскошь и другія „благотупости“, когда строить общественныя больницы, на требованія науки — прямо непозволительно. Наукѣ, право, не нужны мраморныя лѣстницы, стеклянные стѣны и потолки, дорогіе изразцы и мудро-лукавыя системы отопленія и вентиляціи. Наука требуетъ для больного гигиеническаго

помѣщенія, разумнаго леченія и ухода, а для выполненія этихъ требованій совсѣмъ не нужны „дворцы“ и „каменные палаты“.

Приведенные примѣры,—которыхъ, при желаніи, можно было бы набрать и еще немало,—вполнѣ, мнѣ кажется, подтверждаютъ высказанное выше мнѣніе, что, при неправильно сложившемся строѣ общественной жизни, народное благосостояніе не увеличивается даже и при большой затратѣ государственныхъ суммъ на „якобы“ полезныя учрежденія.

III.

Безъ вѣры въ лучшее будущее жизнь теряетъ свой интересъ, пропадаетъ энергія и охота къ труду, а потому и слѣдуетъ быть оптимистомъ—въ извѣстной дозѣ—и вѣрить, что, путемъ эволюціи, русскій народъ обязательно достигнетъ иныхъ, лучшихъ условій своей жизни. Исчезнуть „препоны“, сгладятся „неровности“, и каждый гражданинъ земли руссійской будетъ дѣятельнымъ членомъ огромной государственной семьи, тѣсно сплоченной и основанной на принципѣ — *viribus unitis*. Но это желанное будущее само, конечно, къ намъ не придетъ, а его нужно добывать и притомъ энергичной и упорной работой. Надѣяться же на благотѣльные результаты работы возможно только при условіи—свободной и широко поставленной общественной самодѣятельности, когда для каждаго члена общества откроется широко поле труда, а оцѣнкой послѣдняго станетъ общественный контроль. При такомъ укладѣ жизни исчезнуть, путемъ постепенности, тѣ причины, которыми вызываются теперь народные недуги: онѣ будутъ побѣждены не „усмотрѣніемъ“ и „опекой“ начальства, а самимъ обществомъ, знающимъ, гдѣ и въ чемъ, дѣйствительно, коренится зло и какъ его устранить. Съ измѣненіемъ строя теперешней нашей жизни, видоизмѣнится и организація медицинскаго дѣла. Прежде всего уничтожится, надо полагать, дробленіе медицины, существующее теперь, когда мы имѣемъ медицину правительственную, городскую, земскую, фабричную и т. д., и когда, несмотря на видимое ея богатство,—полезнаго на дѣлѣ все-таки мало. Взамѣнъ этого разнообразія, должна быть одна „общественная медицина“ и „общественное здравоохраненіе“, во главѣ котораго станутъ люди ума, знаній и опыта. Работы предстоитъ немало въ реорганизаціи медицинскаго и санитарнаго дѣла, но ея плодотворность послужитъ импульсомъ для проявленія энергіи и любви къ дѣлу со стороны людей, которые будутъ призваны довѣріемъ общества заботиться о народномъ благосостояніи. Основой будущей общественной медицины должна быть взаимная помощь, т.-е. чтобы каждый членъ общества, принимая участіе въ охраненіи общественнаго здо-

ровья, сознательно относился къ требованіямъ санитаріи и понималъ, что благосостояніе его сочленовъ служить источникомъ и его личнаго благосостоянія. Близкое будущее измѣнить, вѣроятно, и наши теперешнія понятія о взаимныхъ вообще людскихъ отношеніяхъ, а въ силу этого и вопросъ о заболѣваемости и смертности населенія получить свою настоящую оцѣнку.

Наблюдаемый въ настоящее время индифферентизмъ къ народнымъ недугамъ долженъ исчезнуть и замѣниться яснымъ представленіемъ о нихъ, какъ о крупномъ злѣ, разрушающемъ государственное наше благосостояніе и требующемъ, слѣдовательно, настойчивой съ нимъ борьбы.

Какъ только значеніе народнаго здоровья для государства будетъ понято и оцѣнено по его достоинству, такъ сейчасъ же должны исчезнуть всѣ соображенія, благодаря которымъ мы или ничего не дѣлаемъ для оздоровленія Россіи, или затыкаемъ дыры тамъ, гдѣ слѣдуетъ потратить большія суммы. Какъ бы ни были велики затраты на сбереженіе народнаго здоровья, онѣ всегда окупятся сторицею, а потому надо надѣяться, что будущая общественная медицина не убоится затратъ и выполнить *large sum* предъявляемыя къ ней два кардинальныя требованія: *первое* — предупрежденіе болѣзней и *второе* — широкое, доступное и разумное леченіе заболѣвшихъ. Провода строго и послѣдовательно указываемыя требованія, несомнѣнно получатся и желанный результатъ, т.-е. общее оздоровленіе Россіи и крѣпкое, здоровое ея населеніе, у котораго „in corpore sano“ будетъ и „mens sana“.

Рисуемыя блага будущаго — совсѣмъ не утопія, а они вполне естественны и подтверждаются общественнымъ закономъ, по которому все, живущее на землѣ, растетъ, крѣпнетъ и множится лишь при благоприятныхъ условіяхъ его жизни. Русскій народъ, обладая большимъ запасомъ жизненныхъ силъ, находится, какъ мы видѣли, въ положеніи, лишающемъ его ингридіентовъ, столь необходимыхъ для его жизни, роста и крѣпости. Измѣните это положеніе къ лучшему — и вы получите племя Голиафовъ.

Время экспериментовъ съ народомъ прошло, и прямое его участіе въ устроеніи своей судьбы дастъ иные результаты.

Разрѣшая самъ вопросы о насущныхъ своихъ нуждахъ, народъ не потребуетъ для себя прежде всего открытія новыхъ университетовъ и преподаванія ему высшей математики. Едва-ли способны будутъ заинтересовать его и разнообразныя политическія системы государственнаго устройства. Все это — въ будущемъ; теперь же народу нужно быть сытымъ, здоровымъ и пользоваться *всѣми правами человека*.

А. К—овъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1907.

Партіи и партійность внѣ Думы и въ Думѣ.—Численный составъ и общаа характеристика думскихъ фракцій.—Думскія коммисіи.—Трагическое положеніе въ Думѣ православныхъ священниковъ.—Ликвідація чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ.

Гонимая событіями, смѣна общественныхъ явленій происходила въ послѣднее время и происходить до сихъ поръ съ такой быстротой, что когда оглядываешься назадъ, то не вѣрится, что корни того или другого явленія, кажущагося прочно сложившимся, идутъ вглубь прошлаго всего на какихъ-нибудь годъ или самое большее—два. Въ ряду этихъ явленій одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ политическая партійность.

И двухъ лѣтъ не минуло съ тѣхъ поръ, когда понятіе политической партіи у насъ совпадало съ понятіемъ преступнаго сообщества. Получившее 17 октября 1905 г. право начать новую жизнь, общество немедленно, съ лихорадочной энергіей, стало формироваться въ партіи. Это было первымъ слѣдствіемъ манифеста. За активными слоями, не отставая, шли тогда пассивные—не пробудившіеся, а пробужденные. Сонные обыватели губернскихъ и глухихъ уѣздныхъ городовъ, никогда не думавшіе о политикѣ и коротавшіе вѣкъ въ спокойномъ сознаніи, что за нихъ обязано думать попечительно бдительное и всемогущее „начальство“—и они бросили карты и сплетни, и у нихъ заработала мысль. Вопросъ: къ какой партіи примкнуть?—ихъ мучилъ, и они жадно искали на него отвѣта, ибо примкнуть къ партіи значило успокоиться: получить возможность не думать и спокойно спать за спиной партійнаго начальства. Крестьянской деревнѣ тогда не приходилось искать отвѣта на политическіе запросы. Надъ ней сразу началась усиленная агитаціонная работа. Отражая наиболѣе интенсивное вліяніе крайнихъ полюсовъ, деревня заговорила прямо противоположными, но одинаково искусственными приговорами и резолюціями. То—составленными по стародавнему „истинно-русскому“ рецепту, то—воспроизводившими соціалистическія программы со ссылками на „политическую конъюнктуру“, съ требованіемъ упразднить „институтъ“ земскихъ начальниковъ, ввести „прогрессивный подоходный налогъ“ и т. д. Какъ вырвавшаяся изъ береговъ стихія, деревня кое-гдѣ сметала и сжигала помѣщичьи усадьбы, рѣзала скотъ, увозила и уничтожала запасы зерна и корма. Въ другихъ мѣстахъ—такъ же стихійно-дико рас-

правлялась съ подстрекавшими ее на грабежъ и насилія. Непосредственно же и самостоятельно деревня въ первое время обнаружила себя въ одномъ дѣйствіи, точнѣе—бездѣйствіи: перестала платить деньги—въ казну, въ земство и за арендныя земли.

Параллельно съ политической группировкой, шла одновременно возникшая группировка профессиональная. Первая выѣдрялась во вторую, вторая—въ первую. Съ обѣими переплетались классовые союзы, національные или образованные по какому-либо одному социальному или политическому признаку,—напр., союз равноправія женщинъ. Въ результатъ естественно получился хаосъ, разобраться въ которомъ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе и труднѣе. Безконечно длинныя, недоговоренныя въ главномъ и мелочно-детализированныя во второстепенномъ, партійныя программы, стремившіяся обнять вмѣстѣ съ ближайшими практическими задачами отвлеченные идеалы далекаго будущаго, излагавшія рядомъ съ основными формулами государственнаго и социальнаго строя техническія поправки дѣйствующаго законодательства,—не только не помогали дѣлу, но вносили еще болѣшую путаницу. Въ общемъ, все тянулось влѣво. Конституціонныя программы, рѣшительно отграничиваясь отъ реакціонныхъ и одна отъ другой, почти полностью воспроизводили конкретныя требованія социалистическихъ. Скрыто-реакціонныя—во главу угла ставили заявленія о вѣрности манифесту 17 октября. Стоить вспомнить одни названія погибшихъ теперь гораздо болѣе правыхъ, нежели лѣвыхъ по духу и по составу членовъ, партій: „правовой порядокъ“,—которая флагомъ права покрывала черту еврейской осѣдлости и сохраненіе системы русификаціи Польши; или „прогрессивно-экономическая“,—которая подъ экономическимъ прогрессомъ разумѣла покровительство крупной промышленности. „Свобода и порядокъ“—писала на своемъ знамени партія, предвосхитившая идеалы нынѣшнихъ союзовъ „русскаго народа“ и „активной борьбы съ революціей“.

Подъ ударами правительственныхъ репрессій, профессиональныя и классовыя организациі скоро прекратили свое существованіе. Въ политическихъ же партіяхъ процессъ дифференціаціи развивался непрерывно до момента выборовъ въ первую Государственную Думу. Новыя партіи появлялись, какъ грибы послѣ дождя. Не успѣвалъ выйти въ свѣтъ одинъ „полный“ сборникъ программъ партій, какъ онъ уже оказывался далеко не полнымъ, и издателямъ приходилось прибѣгать къ новому изданію. Всего труднѣе было ориентироваться въ новыхъ условіяхъ и на чемъ-либо остановиться умѣренно-консервативнымъ элементамъ общества. И потому естественно среди нихъ было наиболѣе сильное дробленіе. Имъ приходилось найти либеральныя формулы, дабы влить въ нихъ реакціонныя симпатіи и изыскать хорошія слова для

оправданія своекорыстныхъ вождельнѣй. Передъ нами сейчасъ сборникъ программъ А. Е. Богдановскаго, изданный въ январѣ 1906 г. Заимствуемъ изъ него любопытный списокъ безслѣдно исчезнувшихъ партій: „умѣренно-прогрессивная“, „торгово-промышленная“, „всероссійскій торгово-промышленный союзъ“, „прогрессивно-экономическая“, „прогрессивная русскихъ промышленниковъ и торговцевъ“, „демократическій союзъ конституціоналистовъ“. Такъ же безслѣдно исчезли партіи: „свободомыслящихъ“, „радикальная“, „крестьянская“—всѣхъ не перечестъ.

Партійную дробность погубили выборы. Испытаніе выборовъ выдержали только двѣ организованныя партіи: конституціоналистовъ-демократовъ, переименовавшаяся затѣмъ въ партію народной свободы, и октябристовъ. Отъ остальныхъ прошли въ первую Думу единицы. Соціалистическія партіи, какъ извѣстно, въ выборахъ не участвовали. Но кромѣ партійныхъ представителей народъ послалъ въ первую Думу многіе десятки депутатовъ, политически неопредѣленной окраски съ совершенно опредѣленнымъ, однако, общимъ настроеніемъ — преимущественно крестьянъ. Это были представители труда—тяжелого физическаго труда деревенскаго мужика, въ глазахъ котораго фабричный рабочій—„котлетникъ“, и не менѣе тяжелого и столь же малоблагодарнаго полу-физическаго и полу-интеллектуальнаго труда народнаго учителя, мелкаго земскаго служащаго, провинціальнаго газетнаго корреспондента или сельскаго священника. Они быстро объединились и весьма удачно назвали себя трудовой группой. Отсутствіе политической программы и политическаго пониманія, грубые приемы парламентской борьбы, рѣзкій тонъ, духъ протеста голоднаго желудка и усталыхъ мозолистыхъ рукъ и стадность въ повиновеніи вожакамъ—составляли характерныя черты трудовиковъ въ первой Думѣ. Съ теченіемъ времени изъ нихъ могла образоваться партія въ истинномъ смыслѣ слова, притомъ партія своеобразно-русская, компактная и сильная, но роспускъ Думы положилъ конецъ ея формированію.

Періодъ междудумья былъ временемъ расцвѣта революціонно-черносотенныхъ организацій, съ одной стороны, и концентрации оппозиціонныхъ элементовъ—съ другой. Число партій уменьшилось. Передъ самыми вторыми выборами оно опять начало было расти, но послѣ выборовъ осталась изъ вновь образовавшихся только одна партія—народныхъ соціалистовъ. Какъ ни развита политическая жизнь въ странѣ, съ окончаніемъ выборовъ она естественно замираетъ. Выборы — это конкретная цѣль, и разъ они закончены, партійная страстность въ обществѣ понижается, и борьба партій сосредоточивается въ парламентѣ. У насъ наблюдаемому сейчасъ паденію тона политической жизни общества къ тому же способствовали всѣ дѣйствующіе цирку-

ляры, разъясненія и охраны, фактически упразднившіе возглашенныя свободы — слова, печати и собраний. Единственно гдѣ стало возможнымъ видѣть партійную группировку и партійную жизнь — Государственная Дума.

По списку, составленному распорядительной комиссіей Думы и датированному 13 апрѣля, депутаты дѣлятся на одиннадцать группъ, не считая партіи демократическихъ реформъ, которая имѣетъ всего двухъ представителей и изъ нихъ одинъ входитъ въ составъ казачьей группы. Въ порядкѣ списка, группы членовъ Думы суть: социаль-демократы — 65 членовъ, социалисты-революціонеры—36, народные социалисты — 15, трудовики — 101, польское коло—46, мусульманская фракція—28, партія народной свободы—91, казачья группа—17, безпартійные—50, октябристы и умѣренные — 43, правые и монархисты—12. Послѣ составленія списка переходы депутатовъ изъ группъ въ группы были, но единичные. Кромѣ того, нѣкоторыя группы нѣсколько увеличились за счетъ вновь прибывшихъ представителей Сибири.

Такимъ образомъ, члены Думы, оказывается, объединились далеко не по однимъ политическимъ различіямъ. Сорокъ-шесть поляковъ — по національному признаку; двадцать-восемь мусульманъ — по вѣроисповѣдному; семнадцать казаковъ — по бытовому. Готовится еще образование сибирской группы. И, какъ показываютъ наблюденія, эта группировка не только не слабѣе политической, а напротивъ, наиболѣе прочная въ Думѣ. Едва-ли это можно считать загадочнымъ. Политическіе и социальныя идеалы отвлеченны. Національныя же нужды лишенныхъ полноправія народностей, равно мѣстныя нужды далекихъ окраинъ, а также вѣроисповѣдныя и обособленные бытовые интересы — реальны. Чтобы люди могли подняться надъ ними, нужно предварительное ихъ удовлетвореніе, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяются нужды, потребности и интересы полноправныхъ народностей, центральныхъ областей и господствующаго религіознаго единенія. Цѣлое столѣтіе подготовляло то, что полякъ въ русской Государственной Думѣ не можетъ быть правымъ или лѣвымъ, индивидуалистомъ или социалистомъ, консерваторомъ или либераломъ, а долженъ быть полякомъ. На что велика рознь между татарами и армянами въ Закавказьѣ—въ Думѣ же эта рознь ничѣмъ не проявляется. Татаринъ ли, армянинъ ли говорить съ трибуны — слышится одинаково представитель растерзанной и разоренной междоусобіемъ страны. Еслибы въ Думѣ были не единицами представлены евреи, латыши, литовцы — они навѣрное тоже не принадлежали бы къ политическимъ фракціямъ, а образовали бы самостоятельныя группы.

Мусульмане слабы интеллектуальными силами—среди нихъ немало едва знающихъ русскій языкъ. Поэтому они замѣтной роли въ Думѣ не играютъ. Голосуютъ почти всегда съ кадетами. Польское же коло, наоборотъ, чрезвычайно сильное разносторонними знаніями своихъ сочленовъ и располагающее талантливыми ораторами, при полной своей солидарности, голосуетъ всегда самостоятельно и отъ него нерѣдко зависятъ рѣшенія Думы. Такъ было въ вопросѣ о контингентѣ новобранцевъ и повторилось 17 мая, когда расколъ между кадетами и поляками привелъ къ ряду нарушенийъ наказа и къ принятію уже разъ отвергнутой подавляющимъ большинствомъ голосовъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Представители польскаго кола энергично работаютъ въ коммиссіяхъ, не допуская и тамъ разнорѣчія между собой. Еще характерная черта: поляки—одни изъ наиболѣе аккуратныхъ участниковъ думскихъ засѣданій, они почти всегда въ полномъ составѣ на-лицо.

Вся главная отвѣтственная работа въ Думѣ лежитъ на кадетахъ. За исключеніемъ двухъ или трехъ коммиссій, во всѣхъ остальныхъ предсѣдатели принадлежать къ партіи народной свободы. Кадеты—неизмѣнные докладчики и дѣловые ораторы. Когда по тому или другому вопросу кадеты не выступаютъ и состязаніе ведется безъ нихъ, съ трибуны несутся бойкія слова, но сильнаго впечатлѣнія не остается. Помнимъ, по поводу одного запроса намъ пришлось слышать въ кулуарахъ, какъ лѣвые тщетно просили кадетскихъ лидеров, чтобы они поддержали запросъ. Въ тотъ разъ запросъ былъ внесенъ социаль-демократами, которые, несмотря на явно несостоятельную его формулировку, добились немедленнаго его обсужденія. Кадеты раздѣляли требованія запроса по существу, но справедливо находили, что ему необходимо ранѣе придать въ коммиссіи юридически-грамотную форму. Ихъ предложеніе было отвергнуто, и они своимъ молчаніемъ жестоко отомстили авторамъ запроса. Была шумиха рѣзкихъ словъ—и только.

Въ общемъ, положеніе партіи народной свободы во второй Думѣ чрезвычайно тяжелое. Ей приходится расчитываться за ту тактику, которой она держалась въ первой Думѣ и которую теперь, по ея примѣру, усвоили социалистическія группы и трудовики. Въ основѣ этой тактики лежатъ партійный субъективизмъ и стремленіе къ партійной диктатурѣ, опирающееся на предварительно принимаемыя внѣ-парламентскія рѣшенія. Въ прошломъ году заявленіе конституціоналистовъ-демократовъ: „мы рѣшили во фракціи“—было безапелляционнымъ. И такъ какъ въ прошломъ году имъ принадлежало обезпеченное большинство, то въ сущности главнѣйшіе вопросы рѣшались не столько въ Таврическомъ дворцѣ, сколько въ клубѣ на Сергіевской.

На всѣ возраженія кадеты неизмѣнно отвѣчали: „только при этихъ условіяхъ возможна правильная и планомѣрная парламентская дѣятельность“. Теперь, въ засѣданіи Думы 11 мая, О. И. Родичевъ, послѣ оглашенія лѣвыми фракціями принятаго ими рѣшенія отказать въ ассигнованіи денегъ на расплату за поставленный въ голодающія губерніи хлѣбъ, съ обычнымъ ему пафосомъ говорилъ: „Станьте передъ своей совѣстью, станьте передъ той исторіей, которой, яко бы, боится правительство, и которой должны бояться вы. *Отбросьте тѣ рѣшенія, которыя заготовлены дома*, отбросьте тѣ рѣшенія, которыя заготовлены самолюбіемъ. Станьте не на партійную точку зрѣнія, а на національную. И если вамъ совѣсть скажетъ: не даемъ денегъ за доставленный хлѣбъ, не даемъ денегъ на ассигновку земствамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, — на насъ за это отвѣтъ, — если сердце и совѣсть вамъ это скажутъ—дѣйствуйте такъ! Я передъ вами умолкну“... По свидѣтельству стенографическаго отчета, слова оратора вызвали „сильные аплодисменты центра и правыхъ“. Да, онъ сказалъ безспорную истину! Онъ призывалъ къ тому, чтобы члены Думы голосовали по совѣсти, а не во исполненіе партійнаго рѣшенія, чтобы представитель народа стоялъ въ ихъ глазахъ выше члена партіи... Но кто повиненъ въ томъ, что къ этому нужно призывать?!...

Воочію увидѣли кадеты плоды своей тактики и въ рядѣ другихъ вопросовъ. Въ прошломъ году нигдѣ не было болѣе рѣзкаго и крупнаго нарушенія положенія о выборахъ, чѣмъ въ Харьковѣ. Избранный членомъ Думы, г. Гредескулъ не значился въ спискѣ выборщиковъ. Правда, онъ неправильно былъ исключенъ изъ списка. Но не въ этомъ заключался вопросъ. Въ моментъ выборовъ имени его въ спискѣ не стояло, притомъ по рѣшенію авторитетной власти. Слѣдовательно, председатель избирательнаго собранія не имѣлъ права допускать его до баллотировки. А потому избраніе несомнѣнно подлежало отміну. Но кадеты взглянули на дѣло иначе. Подробно докладывавшій заключеніе отдѣла по выборному производству по г. Харькову, г. Шершеневичъ откровенно сошелъ съ юридической почвы на политическую. Онъ доказывалъ, что Дума должна „смотреть въ корень“ и что выборы должны быть утверждены, такъ какъ избраніе г. Гредескула, хотя формально и грубо неправильное, вполне соответствовало волѣ избирателей. Потомъ намъ случилось говорить по этому поводу съ однимъ изъ главныхъ руководителей партіи, и отъ него мы услышали принципиальное оправданіе системы смотрѣнія въ корень. Думалъ ли онъ, что черезъ годъ ему придется считаться съ системой въ прямой ущербъ интересамъ своей партіи? Первымъ изъ спорныхъ выборовъ производствъ по выборамъ во вторую Думу разсматривалось производство по тамбовской губерніи. Нарушенія при выборахъ

были допущены очевидныя, и жалобы ясно доказывали, что эти нарушенія отразились на результатѣ. Докладчикъ и предсѣдатель отдѣла—кадеты—требовали отмѣны выборовъ. Имъ возражали тамбовскіе депутаты—трудовики и социалисты,—что формальности—дѣло пустое, а главное—то, что именно ихъ и желало видѣть население своими избранниками. И Дума признала выборы произведенными правильно, ибо—разсуждало большинство—тамбовскіе депутаты „наши“. То же большинство едва не отмѣнило выборовъ по полтавской губерніи, произведенныхъ при аналогично противозаконныхъ условіяхъ—для требуемаго закономъ большинства двухъ третей не хватило всего семи голосовъ. Мотивомъ же въ глазахъ баллотировавшихъ за отмѣну служило: полтавскіе депутаты—правые, „не наши“. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что въ данномъ случаѣ кадеты—или нѣкоторые изъ нихъ—голосовали противъ отмѣны. По крайней мѣрѣ, А. А. Стаховичъ прямо заявилъ, что, въ виду утвержденія выборовъ по тамбовской губерніи, онъ не можетъ подать голосъ за отмѣну по полтавской.

Изъ социалистическихъ партій самая большая по числу членовъ—партія социаль-демократовъ. Считающіе себя представителями всемірной социаль-демократіи, думскіе члены партіи, повидимому, всего болѣе опасаются, какъ бы не позабыть чего изъ всемірнаго партійнаго катехизиса. Голосуя противъ контингента новобранцевъ, они особенно подчеркивали, что социаль-демократы во всѣхъ парламентахъ міра всегда подаютъ голоса противъ закона о новобранцахъ и противъ военнаго бюджета. Въ одномъ случаѣ бѣдные позабыли тактику всемірной социаль-демократіи и попали въ просакъ. При примѣненіи въ первый разъ къ г. Пуришкевичу и затѣмъ къ г. Шульгину 38 статьи учрежденія Думы, они не только голосовали „за“, но, если не ошибаемся, были даже инициаторами удаленія скандалившихъ депутатовъ. Когда же баллотировалось вторичное удаленіе г. Пуришкевича и совместно съ нимъ гг. Келеповскаго и Созоновича, ихъ представитель торжественно заявилъ: „социаль-демократическая фракція воздерживается отъ голосованія“. Недоумѣвавшимъ членамъ другихъ партій онъ объяснилъ: „въ парламентахъ всего міра социаль-демократы никогда не подаютъ голосовъ за удаленіе депутатовъ“. Въ этой вѣрности партійнымъ правиламъ есть много свѣжаго, молодого и подкупающаго,—какъ подкупаютъ прямолинейная стойкость и фанатическая вѣра въ религіозныхъ сектантахъ. Но какъ съ сектантами-фанатиками невозможно вести общаго дѣла людямъ другихъ убѣжденій, такъ трудна и совмѣстная съ социаль-демократами дѣятельность въ Думѣ рѣшительно для всѣхъ партій. Они всегда сами по себѣ, ни въ какія соглашенія не входятъ и по каждому вопросу непремѣнно говорятъ длинныя и скучныя програмныя рѣчи.

Соціалисты-революціонеры наміренны именовать себя не фракціей, а группой, подчеркивая этимъ отсутствіе органической связи членовъ партіи въ Думѣ съ членами ея внѣ Думы. Въ отличіе отъ соціаль-демократовъ, соціалисты-революціонеры не обособляются и въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ группы энергично участвуютъ въ общей работѣ. Народнымъ соціалистамъ передъ созывомъ Думы многіе предвѣщали широкій успѣхъ. Дѣйствительно, было основаніе ожидать, что съ ними сольются трудовики и что они явятся руководителями крестьянъ. Ожиданія не оправдались. Трудовики во второй Думѣ отнюдь не проявляютъ склонности съ кѣмъ бы то ни было сливаться и кого бы то ни было возводить въ свои руководители. Отъ трудовиковъ въ первой Думѣ они отличаются сдержанностью и внѣшней выдержкой. Отражая на себѣ господствующее въ данную минуту настроеніе крестьянства, они не экспансивны, ни въ одномъ вопросѣ не идутъ на проломъ и, если хотите, нѣсколько трусливы. Въ то же время они подозрительны. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ чувствуется сознаніе своей силы и стремленіе не принимать условія, а самимъ ихъ диктовать. Трудовики-крестьяне принесли съ собою въ Думу то, что такъ характерно отличало роль крестьянъ-избирателей при вторыхъ выборахъ отъ ихъ роли при первыхъ. На выборахъ чувствовалось, что они поняли возможность рѣшать судьбу избранія по своему усмотрѣнію. Такъ точно и въ Думѣ они стремятся подчинять своему усмотрѣнію другихъ, а отнюдь не слѣдовать слѣпо за этими другими, кадетами ли, соціалистами ли — все равно. Но для торжества такого стремленія у нихъ, конечно, не хватаетъ ни знаній, ни опытности, ни умѣнья находиться въ создаваемыхъ партійностью и вообще парламентской жизнью осложненіяхъ. Въ результатѣ получается неопредѣленность дѣйствій, нерѣдко переходящая въ противорѣчивость. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи одною изъ причинъ является отсутствіе среди трудовиковъ энергичныхъ и талантливыхъ вожаковъ. Но можетъ быть — и это, пожалуй, вѣрнѣе — у нихъ именно потому и нѣтъ вожаковъ, что при общемъ ихъ настроеніи приобрести авторитетъ среди нихъ чрезвычайно трудно, почти невозможно. Для этого самому вожаку надо стоять на томъ же уровнѣ мало-культурнаго отношенія къ задачамъ соціального и государственнаго переустройства и, въ частности, къ задачамъ представительства. А кто стоитъ на этомъ уровнѣ, тотъ органически лишень возможности быть идейнымъ или дѣловымъ вожакомъ.

Трудовики боятся соціалистовъ, опасаясь изъ-за нихъ разгона Думы. Кадетамъ — не довѣряютъ, какъ „господамъ“. Въ правыхъ видятъ провокаторовъ, наміренны ставящихъ ихъ въ затрудненіе. Къ послѣднимъ и ко всему идущему справа они всегда относятся безусловно отрицательно. Въ Думѣ создалось такое положеніе, что не

только инициатива справа по какому бы то ни было вопросу заранее обрекаетъ вопросъ на гибель, но и защита правыми любого законопроекта, хотя бы пришедшаго слѣва, заставляетъ сомнѣваться въ успѣхѣхъ голосованія. Истинная внутренняя причина, почему 7-го мая трудовики не были въ залѣ засѣданій въ то время, когда П. А. Столыпинъ читалъ сообщеніе по поводу слуховъ о раскрытомъ заговорѣ на цареубійство, именно въ томъ и заключалась, что обращеніе къ предсѣдателю совѣта министровъ исходило отъ правыхъ депутатовъ и что рѣчь долженъ былъ сказать графъ Бобринскій. Это отнюдь не была демонстрація противъ монархической идеи—трудовики не республиканцы,—а только протестъ противъ провокаціи, какъ они сами говорили. И еслибы графъ Бобринскій отказался отъ слова и вмѣсто него говорилъ кто-либо изъ кадетовъ, трудовики навѣрное были бы въ залѣ. Они опасались услышать изъ устъ графа Бобринскаго: „ага, испугались!“ — ибо считали, что это былъ бы намѣренный возгласъ, дабы ихъ вызвать на рѣзкую отвѣдь. По тому же мотиву они всячески противодействовали обсужденію заявленія правыхъ о террорѣ и насиліяхъ и вмѣстѣ съ кадетами добились, противъ правыхъ и социалистовъ, того, что заявленіе было снято съ очереди.

Октябристы, они же умѣренные, и монархисты, они же правые, составляютъ едва отличимыя одна отъ другой группы. Среди первыхъ —г. Балло, гр. Бобринскій, Ветчининъ, Ключевъ, Крупенскій, Созоновичъ и т. д., ничѣмъ не отдѣляющіе себя отъ г. Шульгина, кн. Святополкъ-Мирскаго и Крушевана. Одинъ М. Я. Капустинъ не можетъ быть по ошибкѣ принятъ за члена союза русскаго народа. Обѣ группы вмѣстѣ сидятъ, вмѣстѣ вносятъ заявленія и вмѣстѣ голосуютъ. Къ этой же общей неопредѣленной группѣ правыхъ принадлежатъ и нѣкоторые изъ беспартийныхъ. Уже намъ случалось отмѣчать кое-какія характерныя ихъ черты: склонность къ нарушенію порядка, небрежное посѣщеніе засѣданій, бездарность рѣчей, неспособность къ органической законодательной работѣ и нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Слѣдуетъ прибавить стремленіе всегда, во что бы то ни стало, поддерживать аплодисментами рѣчи министровъ и выступать съ защитой этихъ рѣчей,—съ защитой, отъ которой защищаемые навѣрное предпочитали бы отказываться. Правые больше всѣхъ говорятъ въ Думѣ и чаще всѣхъ требуютъ, чтобы разговоровъ было какъ можно меньше. Въ послѣднее время ихъ ораторскіе порывы сильно сократилъ наказъ и вошедшая въ обычай гильотина преній, которою трудовики и особенно кадеты не только широко пользуются, но нерѣдко злоупотребляютъ.

Набросанная общая характеристика думскихъ партій и группъ можетъ, пожалуй, оказаться на руку врагамъ Государственной Думы—вообще и даннаго ея состава въ особенности. Можно, пожалуй, сдѣ-

лать выводъ, что отъ такого представительства нельзя ожидать какъ общей законодательной работоспособности, такъ и разрѣшенія сѣзидавна накопившихся и мучительно повисшихъ надъ страной соціально-политическихъ проблемъ. Мы считали бы такой выводъ глубоко ошибочнымъ. Развѣ возможно, чтобы въ странѣ, никогда не жившей политической жизнью, къ тому же въ революціонную эпоху и при явно недоброжелательномъ отношеніи къ кореннымъ реформамъ со стороны правящей власти, скоро—въ какихъ-нибудь три мѣсяца—наладился и сталъ на правильный ходъ сложный законодательный механизмъ представительнаго правленія? Парламентъ долженъ отражать, какъ въ зеркалѣ, народъ. Въ этомъ—задача выборовъ. И чѣмъ онъ вѣрнѣе отражаетъ психологію народныхъ массъ, тѣмъ, значитъ, правильнѣе избирательная система. Хаосъ въ мысляхъ, рознь, всеобщее недоувѣріе, классовое и партійное обособленіе, стремленіе къ неосуществимому и къ конкретно неопредѣленнымъ идеаламъ составляютъ основныя черты настроенія русскаго народа въ настоящую минуту. Можно ли было мечтать, что посланные народомъ представители не принесутъ съ собою въ Думу этихъ отрицательныхъ чертъ?

Если съ такой точки зрѣнія взглянуть на вторую Думу, то скорѣе можно удивляться не тому, что она не проявила еще полной работоспособности, а тому, что въ три мѣсяца она уже успѣла кое-что сдѣлать. Для близко стоящаго къ думской дѣятельности совершенно очевидны признаки, на основаніи которыхъ можно утверждать, что Дума, какъ говорятъ крестьяне, „образуется“,—конечно, если ей не суждено быть распушенной ранѣе, напримѣръ, года. Главный изъ этихъ признаковъ—работа въ комиссіяхъ. Кромѣ комиссіи аграрной, тамъ она уже наладилась, несмотря на исключительно неблагоприятныя условія: поразительно малое число депутатовъ, технически подготовленныхъ къ разсмотрѣнію законопроектовъ, отсутствіе канцеляріи, свободнаго времени и даже комнатъ, гдѣ можно было бы съ удобствомъ вести занятія. Аграрной комиссіи, какъ по жгучести порученнаго ей вопроса, по его необъятной широтѣ, такъ и по ея составу изъ ста человекъ, еще предстоитъ пережить митинговый періодъ. Друдія же комиссіи его пережили. Въ нихъ уже не говорятъ програмныхъ рѣчей, и если дѣлаютъ отвлеченно-програмныя заявленія, то только соціалъ-демократы. Въ комиссіяхъ партійность уже сгладилась. Тамъ ва мѣстѣ слагаются рѣшенія и туда рѣшеній изъ дома не приносятъ. Это, во всякомъ случаѣ, крупный фактъ. Другой признакъ—вечернія засѣданія, которыя происходятъ два раза въ недѣлю и посвящаются специально дѣловымъ вопросамъ. Только бы угроза роспуска исчезла—вотъ чтѣ всего болѣе препятствуетъ тому, чтобы Дума окончательно обратилась въ парламентъ западнаго образца...

Эпизодъ 7 мая неожиданно создалъ чрезвычайно тяжелый конфликтъ для состоящихъ членами Думы православныхъ священниковъ и поставилъ ихъ въ безвыходное положеніе.

Черезъ недѣлю послѣ того въ газетахъ появился слѣдующій указъ синода:

„Святѣйшій правительствующій синодъ 12-го мая имѣлъ сужденіе по поводу того обстоятельства, что нѣкоторые священники, состоящіе членами Государственной Думы и принадлежащіе къ крайнимъ революціоннымъ партіямъ, дозволили себѣ показно отсутствовать въ засѣданіи 7 мая при обсужденіи запроса по поводу заговора, угрожавшаго жизни Государя Императора, и этимъ дѣйствіемъ явно уклонились отъ порицанія замысловъ царевубійства.

„Святѣйшій синодъ, исходя изъ положенія, что по существу пастьерскаго служенія со священнымъ саномъ неразрывно связано уваженіе къ существующей государственной власти и государственному строю, а тѣмъ болѣе уваженіе и неличебная преданность Государю Императору, какъ помазаннику Божію, на вѣрность которому священнослужители не только присягаютъ сами, но и обязаны приводить другихъ къ присягѣ, напелъ недопустимую принадлежность священниковъ къ политическимъ партіямъ, забывшимъ долгъ присяги и стремящимся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя и даже Царской власти. А потому опредѣлили: поручить высокопреосвященнѣйшему Антонію, митрополиту с.-петербургскому, по вызовѣ священниковъ, причисляющихъ себя къ названнымъ партіямъ Думы, объявить имъ: 1) что они должны дать объясненіе своего отсутствія въ упомянутомъ засѣданіи Думы и немедленно оставить тѣ партіи, къ которымъ они себя причисляютъ, причемъ, если они согласны на сіе, то должны сдѣлать объ этомъ заявленіе публично; 2) въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе, они должны добровольно сложить съ себя священный санъ, какъ рѣшительно несовмѣстный съ революціонными взглядами и разрушительною дѣятельностью тѣхъ партій, и 3) что въ случаѣ неисполненія ими сего предложенія, сужденіе объ ихъ поступкѣ будетъ передано на усмотрѣніе ихъ епархіальныхъ начальствъ, изъ подчиненія которымъ они, какъ продолжающіе быть священниками, не освобождены и въ ихъ положеніи членовъ Государственной Думы“.

Объявляя этотъ указъ вызваннымъ имъ священникамъ, митрополитъ Антоній разъяснилъ, что они обязаны въ теченіе трехъ дней „по совѣсти“ переимѣнить убѣжденія и „встать на сторону или правыхъ монархистовъ, но не лѣвыхъ октябристовъ, или же применить къ правымъ безпартійнымъ“, и что одинъ формальный выходъ изъ лѣвыхъ фракцій „будетъ зачтенъ въ большую вину, какъ лицемеріе“

(заимствуемъ изъ напечатанныхъ въ газетахъ объясненій свящ. Тихвинскаго).

Такимъ образомъ, передъ священниками членами Думы оказалась альтернатива: или перемѣнить убѣжденія, или сложить санъ, съ угрозою при неисполненіи быть лишенными сана и вслѣдствіе того подвергнутыя правоограниченіямъ. Синодъ сталъ на каноническую точку зрѣнія: имѣющій священный санъ, въ какомъ бы званіи онъ сверхъ того ни состоялъ, есть священникъ. Но вѣдь съ одинаковымъ правомъ можно стать и на другую: членъ Государственной Думы, въ какомъ бы званіи онъ сверхъ того ни состоялъ, есть членъ Думы, т.-е. лицо, избранное народнымъ представителемъ именно вслѣдствіе своихъ убѣжденій и формально огражденное закономъ отъ всякаго сторонняго воздѣйствія на свободу его сужденій и мнѣній. Законъ считаетъ, что этой свободѣ противорѣчить, напримѣръ, состояніе на дѣйствительной военной службѣ и потому устраняетъ военнослужащихъ отъ всякаго участія въ выборахъ. Противъ такой постановки вопроса можно спорить или нѣтъ, но она, во всякомъ случаѣ, послѣдовательна и логична. Законъ не можетъ допускать абсурда, чтобы человѣку предъявлялись два діаметрально противоположныхъ и одинаково авторитетныхъ требованія. Если священнослужители не устранены отъ участія въ выборахъ и могутъ состоять членами Думы, то, значить, они могутъ и осуществлять обязанности этого своего званія на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими представителями.

Синодъ покрываетъ свое рѣшеніе предложеніемъ добровольно снять священный санъ и тѣмъ показываетъ, что онъ далекъ отъ мысли насиловать убѣжденія. Но, во-первыхъ, и добровольное сложеніе священнаго сана влечетъ за собой правоограниченія. А во-вторыхъ, насколько это не безразлично для священника по призванію, ярко показываютъ объясненія о. Тихвинскаго: „Не могу перемѣнить своихъ убѣжденій, не могу и сана священническаго сложить съ себя, для сего нужно перестать быть въ душѣ священникомъ. Предстоятъ престолу Божію если я скажу, что это доставляетъ мнѣ радость и утѣшеніе, этого будетъ мало: оно составляетъ мою жизнь. Отказаться отъ сана—значить отказаться отъ жизни“.

Не споримъ, что намѣренное уклоненіе православнаго священника, по чину церковнаго служенія молящагося за царя и приводящаго къ присягѣ на вѣрное подданство, отъ порицанія замысловъ царевубійства служить достаточнымъ свидѣтельствомъ того, что въ душѣ такого священника наступилъ разладъ. Но въ-томъ то и дѣло, что въ данномъ случаѣ былъ внѣшній фактъ отсутствія священниковъ въ засѣданіи Думы 7 мая и отнюдь не было намѣренной демонстраціи противъ порицанія замысловъ царевубійства. Тотъ же священникъ

Тихвинскій пишетъ: „Парламентская фракція трудовой группы и крестьянскаго союза, къ которымъ я принадлежу, постановила: на засѣданіе 7 мая, когда будетъ обсуждаться заявленіе правыхъ, не ходить, такъ какъ заявленіе правыхъ не обосновано никакими фактическими данными, а построено лишь только на слухахъ, неясныхъ, неопредѣленныхъ и настолько разнорѣчивыхъ, что самый фактъ покушенія подвергался весьма большому сомнѣнію и даже отрицался. Фракція была убѣждена, что заявленіе правыми внесено было съ провокаціонной цѣлью, чтобы устроить только скандалъ, вызвать страсти, дискредитировать Государственную Думу въ глазахъ населенія, чѣмъ правые обыкновенно и заявляютъ себя въ Думѣ. Не желая быть участникомъ скандала и не находя въ рѣшеніи фракціи ничего, что было бы противно моей совѣсти или свидѣтельствовало бы о неуваженіи къ Монарху, а тѣмъ болѣе о сочувствіи къ террору, я согласился съ рѣшеніемъ фракціи и весь день 7 мая на засѣданіи Государственной Думы не былъ“.

23 мая, синодъ отказалъ въ признаніи объясненій священниковъ Архипова, Колокольникова и Тихвинскаго уважительными, а потому опредѣлилъ ихъ, равно не представившаго объясненій священника Бриллиантова, предать суду епархіальныхъ начальствъ.

Какъ видно изъ списка, который былъ опубликованъ въ „собраніи узаконеній“ 20-го апрѣля, всего въ теченіе междудумскаго періода было издано въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ 60 чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ. Изъ нихъ дѣйствіе семи мѣръ 20-го апрѣля прекратилось само собою, за невнесеніемъ въ Государственную Думу соотвѣствующихъ имъ законопроектовъ. А дѣйствіе остальныхъ пятидесяти-трехъ — было, путемъ внесенія законопроектовъ въ двухмѣсячный срокъ съ открытія Думы, продолжено, впредь до отклоненія этихъ законопроектовъ законодательными учрежденіями или до обращенія ихъ въ постоянныя правовыя нормы.

Въ засѣданіяхъ 18-го, 21-го и 22-го мая Государственная Дума рассмотрѣла пять такого рода законопроектовъ и одинъ приняла, а четыре отклонила. Принята отмѣна правилъ о взысканіяхъ за тайное обученіе въ губерніяхъ Западнаго края и Царства Польскаго. Отклонены: объ установленіи уголовной отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи или печати, о мѣрахъ предупрежденія побѣговъ арестантовъ внѣ тюремныхъ зданій, о дополненіи устава о воинской повинности правилами о порядкѣ исполненія повинности лицами, привлеченными къ дознаніямъ по государственнымъ преступлениямъ, а равно подвергнутыми гласному надзору полиціи, и объ

усиленіи отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, съ передачею дѣлъ въ вѣдомство военныхъ судовъ.

Всѣ отклоненные законопроекты буквально воспроизводили мѣропріятія, которыя въ свое время, при введеніи въ дѣйствіе, были встрѣчены единодушнымъ осужденіемъ. Каждымъ предлагалось внести въ законодательство нормы, рѣзко неудовлетворительныя, какъ въ принципиальномъ, такъ и въ техническомъ отношеніи. Въмѣсто того, чтобы придать силу дѣйствующаго закона 133 статьѣ уголовного уложенія, воспреещающей подъ угрозой ареста восхваленіе наиболѣе тяжкихъ правонарушеній, совѣтъ министровъ, закономъ 24-го декабря 1906 г., создалъ наказуемость восхваленія всякаго рода преступныхъ дѣяній и назначилъ за него, какъ высшее наказаніе — заключеніе въ тюрьмѣ до 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, подъ угрозой уголовной кары, съ правомъ суда подвергнуть виновнаго тюремному заключенію, оказалось восхваленіе самыхъ мелочныхъ проступковъ, совершеніе которыхъ не можетъ влечь болѣшаго наказанія, чѣмъ ничтожный денежный штрафъ. Этотъ явный недостатокъ проекта во время преній призналъ и министръ юстиціи. Онъ предлагалъ Думѣ проектъ измѣнить, какъ въ опредѣлительной части закона, такъ и въ карательной. Дума на это не согласилась, ибо въ такомъ случаѣ, впредь до прохожденія измѣненнаго проекта черезъ Государственный Совѣтъ и полученія имъ санкціи, законъ 24-го декабря оставался бы въ силѣ. Дума предпочла воспользоваться своимъ правомъ его отмѣны, не закрывая тѣмъ министру юстиціи возможности войти на общемъ основаніи съ новымъ представленіемъ по данному предмету.

По дѣйствующему закону, мѣрами предупрежденія побѣговъ арестантовъ внѣ тюремныхъ зданій служатъ оковы, которыя отнесены къ категоріи тѣлесныхъ наказаній и которыя потому не могутъ быть налагаемы ни на женщинъ, ни на лицъ привилегированныхъ сословій, ни на задерживаемыхъ по одному подозрѣнію. Министерство 30-го сентября, взамѣнъ оковъ, установило наложеніе предупредительныхъ связокъ на всѣхъ препровождаемыхъ и по ничѣмъ неограниченному усмотрѣнію конвоирующихъ, т.-е. низшихъ служителей власти. Министръ юстиціи доказывалъ, что „легкіе браслеты“ и „цѣпочки“ не имѣютъ ничего общаго съ „наручниками“ и „кандалными цѣпами“ и что оцѣнивать первые, какъ простое техническое усовершенствованіе вторыхъ, нельзя. Но Дума его доводами не убѣдилась. Что касается нововведеній, предлагавшихся для дополненія устава о воинской повинности, то Дума не сочла возможнымъ нарушать одно изъ коренныхъ началъ существующей системы комплектованія арміи: поступленіе на военную службу есть не только обязанность, но и право, ограниченіе котораго допустимо исключительно

въ судебномъ порядкѣ, т.-е. или въ силу судебного приговора, или въ силу привлеченія лица къ слѣдствію, но отнюдь не къ дознанію. Въ отношеніи отклоненія послѣдняго законопроекта, необходимо помнить, что вопросъ касался не установленія отвѣтственности за пропаганду въ войскахъ, а только ея усиленія—отъ ссылки на поселеніе и отдачи въ исправительный домъ до обязательнаго назначенія каторги. Въ случаѣ принятія законопроекта, получилось бы, что преступная агитація въ войскахъ, хотя бы не имѣвшая послѣдствій, карается суровѣе шпіонства въ мирное время и даже захвата орудейнаго или оружейнаго завода, укрѣпленнаго мѣста, военнаго судна и т. п. Едва-ли можно оправдать карательную систему, при которой подготовительная дѣятельность къ мятежу наказывается строже, чѣмъ самъ мятежъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — ОТЬ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЕНІЯ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

ВОЗЗВАНІЕ СОЕДИНЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ ДЛЯ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльных мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ нищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы ни топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавашагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организаций. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организация С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копейка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низацин будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организациа избрала *Исполнительный Комитетъ*: председатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровский и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организацин С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Спанаго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (здание Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ вѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Кошуненная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

II. — Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

Переживаемая страной за послѣднее время тяжелыя событія отразились очень сильно и на дѣятельности Литературнаго Фонда: сперва война, а потомъ глубокія потрясенія нашей внутренней жизни неблагоприятно повліяли на притокъ пожертвованій и другія случайныя поступленія въ Фондъ; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились затрудненія по устройству предпріятій Фонда—лекцій, литературныхъ вечеровъ, спектаклей и т. д., дававшихъ всегда довольно значительный доходъ.

Тѣ же обстоятельства, которыя вызвали весьма значительное уменьшеніе поступленій въ Фондъ, настойчиво требовали увеличенія выдачъ изъ него. Война заставила журналы и почти всѣ газеты сократить многіе отдѣлы литературнаго и научнаго характера и тѣмъ повлекла пониженіе и даже прекращеніе заработка очень многихъ литераторовъ; война тоже сильно уменьшила сбытъ произведеній печати. Далѣе, множество литературныхъ дѣятелей приняло участіе въ движеніи, такъ глубоко охватившемъ всю Россію, и тяжкія репрессіи, которымъ подверглись эти лица, еще болѣе расширили кругъ писа-

телей, нуждавшихся въ помощи Фонда. Такое стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ повлекло за собою уже въ 1905 году крупное превышеніе расходовъ надъ доходами, и Литературный Фондъ имѣлъ на 1 января сего года *по расходному капиталу—изъ котораго, по Уставу, только и можетъ быть производима большая часть выдачъ Фонда*—дефицитъ въ 7.800 руб. Въ текущемъ году не только не оказалось возможнымъ покрыть этотъ дефицитъ, но напротивъ, даже самое умѣренное удовлетвореніе потребностей обращающихся въ Фондъ за пособіемъ просителей вновь повлекло за собою превышеніе расходовъ надъ поступлениями. Еслибы Фондъ прекратилъ совершенно выдачу одновременныхъ пособій, производя, однако, полностью уплату назначенныхъ пенсій и продолжительныхъ пособій, то дефицитъ составитъ уже теперь около 2.000 руб.

Такое положеніе дѣла побудило Комитетъ Фонда принять экстренныя мѣры къ уменьшенію нарастанія дефицита и съ этой цѣлью прежде всего сократить, до улучшенія финансоваго положенія Фонда, выдачи, ограничивъ ихъ только безусловно крайними случаями острой нужды; считая долгомъ поставить общество въ извѣстность относительно всего вышеизложеннаго, Комитетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обращается къ лицамъ, сочувствующимъ задачамъ Литературнаго Фонда, съ усердной просьбой приходить ему на помощь посильными пожертвованіями, устройствомъ предпріятій, могущихъ увеличивать расходный капиталъ (каковы спектакли, литературные вечера, публичныя лекціи), привлеченіемъ новыхъ членовъ общества и т. п. мѣрами. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что членами Литературнаго Фонда могутъ быть не только литераторы и ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май — Іюнь, 1907.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Записки С. М. Соловьева. — Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. — XI-XVI	5
„Курсовые“. — Повѣсть. — Часть первая: І-Х. ЮЛ. ЛЕВИЦКОЙ-ПАЩЕНКО	49
Изъ пережитого. — І. Пѣтербургъ. — В. ОБРУЧЕВА	122
Передъ окномъ. — Стих. АЛЕКСѢЯ ЖЕМЧУЖНИКОВА	156
Въ монастырѣ. — Навроски вѣншаго послушника. — І-XII. — А. ГУСАКОВА	157
Адамъ Мицкевичъ и Жоржъ-Зандъ. — ВЛАД. КАРЕНИНА	192
Пиратъ. — Романъ. — Gorri le Forban, roman, par André Lichtenberger. — VI-X. — Съ франц. О. Ч.	220
Наши „монархисты“ и ихъ программы. — Очеркъ. — Л. З. СЛОНИМСКАГО.	255
Шесть стихотвореній Н. П. Огарева. — Сообщ. Г. П. ГЕОРГИЕВСКИМЪ	278
Вечернія тѣни. — Эскизъ по роману Э. Роде. — „L'ombre s'étend sur la montagne“. — Часть первая: І-IV. — Часть вторая: І-IV. — Часть третья: І-VII. — Съ франц. З. В.	277
Стихотворенія. — І. Китти. Изъ Гейне. — II. Къ вѣснѣ 1849 года. Изъ Петфи. — III. Изъ Мицкевича: Могилы гарема. — IV. Ай-Тодорскій маякъ. Изъ Крымскаго Альбома. — АНАТ. ДОВРОХОВО	332
Хроника. — Внутреннее Овозрѣніе. — Государственный Совѣтъ и Сенатъ. — Высшее дисциплинарное присутствіе и партія. — Письмо проф. Мартенса въ газету „Times“, съ упреками по адресу Государственной Думы. — Личный составъ Думы. — Опасные совѣты. — Свѣдущіе люди и думскія коммиссіи. — Временное устраниеніе членовъ Государственной Думы. — Большой вопросъ. — Э. В. Фришъ †	336
Литературное Овозрѣніе. — І. Полное собраніе писемъ М. И. Глинки, т. І. — II. Н. А. Лейкинъ, въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. — III. П. Хельчинскій, Свѣтъ вѣрнъ, съ чешскаго Ю. Анненковъ. — IV. Галерея швейцарскихъ узниковъ. — М. Г. — V. Литературно-художественныя Альманахи, изд. „Шиповникъ“, кн. 1-я. — З. В. — VI. Т. Шевченко, „Кобзарь“, русск. перев. п. р. И. Вѣмусова. — Ж-кій. — VII. И. Озеровъ, Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги. — VIII. Реме Штурмъ, Бюджетъ, перев. А. Изгоева. — IX. М. Загряцковъ, Соціальная дѣятельность городск. самоуправл. на Западѣ, вып. 1. — X. А. Кафодъ, Борьба съ чернополосицею въ Россіи и за-границею. — XI. — Статистическій ежегодникъ Москов. губ. за 1906. Часть І. — В. В. — Новыя книги и брошюры.	356
Иностранное Овозрѣніе. — Заграничныя отзывы о русскихъ дѣлахъ. — Защита Государственной Думы въ лондонскомъ „Times“. — Новая международная комбинація. — Тройственный союзъ и Италія. — Вопросъ о сокращеніи вооруженій. — Политическія дѣла въ Англіи и Германіи	403
Новости Иностранной Литературы. — Maurice Maeterlinck. L'Intelligence des fleurs. — З. В.	415
Изъ Овещественной Хроники. — Два мѣсяца подъ угрозой „разгона“. — Условія работы Думы. — Сужденія по законопроекту о контингентѣ новобранцевъ. — Инцидентъ, вызванный г. Зурабовымъ. — Положеніе председателя Думы. — Два слова о средней школѣ — Новый приказъ ген. Думбадзе. — В. Ю. Скалонъ †	423
Извѣщенія. — Положеніе о преміи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Феодоровича Кони.	439
Библиографическій Листокъ. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Изд. Великаго Князя Николая Михайловича, т. III, вып. І. — Ал. Веселовскій, Этюды и характеристики. — „Письма темныхъ людей“, перев. И. Куна, п. р. Д. Егорова. — Морозовъ, Н., Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. — Митрофановъ, П., Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги. — Денисюкъ, Н., Начала политической экономіи.	

Книга шестая.—Июнь.

	стр.
Записки С. М. Соловьева. — Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ. — XVII—XXIII.	441
А. Н. Радищевъ до ссылки. — Биографическій очеркъ. — I—III. — А. А. ГАВРИЛЕНКО.	484
„Курсовые“. — Повѣсть. — Часть вторая. — Окончаніе. — Ю. И. ЛЕВИЦКОЙ-ПАЩЕНКО	505
Изъ пережитого. — II. Сибирь. — Окончаніе. — В. ОБРУЧЕВА	565
Пиратъ. — Романъ. — „Gogri le Forban“. Roman, par André Lichtenberger. — XI—XVI. — Окончаніе. — Съ франц. О. Ч.	596
Изъ переписки Герцена и Огарева. — I. — Письма А. И. Герцена къ Н. П. Огареву. — 1—61. — Сообщ. Г. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ.	636
На Страстной недѣлѣ. — Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	692
Въ дни кометы. — Повѣсть. — Н. G. Wells. In the days of the Comet. — Прологъ. — Книга 1-ая: I—XIII. — Съ англ. З. В.	693
Стихотворенія. — I. Серенада Донъ-Кихота. — II. Въ дорогѣ. — III. Передъ окномъ моихъ. — АНАТ. ДОБРОХОТОВА.	736
Хроника. — Пироговскій сѣздъ въ Москвѣ. — Письмо въ Редацію. — Кн. Б. А. ЦЕТИНИНА.	739
Внутреннее Овозрѣніе. — Правительственное сообщеніе 7-го мая и резолюція Государственной Думы. — Московскій сѣздъ „объединеннаго русскаго народа“. — Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ по аграрному вопросу. — Аграрные проекты трехъ думскихъ партій. — Роль думскаго центра. — Ошибка 15-го мая и ея послѣдствія. — Было ли бы кѣлесообразно порицаніе террористическихъ актовъ, и окончательно ли упущено для того время?	747
Литературное Овозрѣніе. — I. П. Кропоткинъ. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Съ англ. В. Батуринскій. — II. Записки И. Пущина о Пушкинѣ. — III. Евг. Бобровъ, проф., Дѣла и люди, сборникъ статей. — IV. Ник. Полярковъ. Поэты нашихъ дней. — V. Н. Романовъ. А. А. Ивановъ и значеніе его творчества. — VI. М. Чайковскій. Катерина Сіенская. — Ж. Г. — VII. Сервантесъ, перев. „Донъ-Кихота“ съ исп. М. В. Ватсонъ. — Л. III. — VIII. Я. М. Бѣлый. Изъ недавней старини. — IX. А. Коровинъ. Опытъ анализа главныхъ факторовъ личнаго алкоголизма. — X. Кн. П. Долгоруковъ и И. Петрункевичъ. Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права. — XI. Статистика земледѣнія 1906 года. Изд. Мин. Вн. Дѣл. — В. В. — Новые книги и брошюры	768
Замѣтка. — По поводу новой книги А. Я. Ефименко: „Исторія украинскаго народа“. — ИГН. ЖИТЕЦКАГО	806
Иностранное Овозрѣніе. — Парламентскія пренія во Франціи. — Семидневный ораторскій турниръ. — „Митинговья“ рѣчи и ихъ значеніе. — Французскіе социалисты въ роли государственныхъ людей. — Внутреннія реформы въ Англіи. — Результаты всеобщаго голосованія въ Австріи	815
Новости Иностранной Литературы. — I. Oscar Wilde. Trois Comédies. — II. Karl von Levetzow. Louise Michel (la vierge rouge). Eine Charakterskizze. — З. В.	826
Недуги русскаго народа и ихъ причины. — Очерки и замѣтки. — А. К.—овъ.	842
Изъ Овощивенной Хроники. — Партія и партійность внѣ Думы и въ Думѣ. — Численный составъ и общая характеристика думскихъ фракцій. — Думскія коммиссіи. — Трагическое положеніе въ Думѣ православныхъ священниковъ. — Ликвидация чрезвычайныхъ законодательныхъ мѣръ.	853
Извѣщенія. — I. Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. — II. Отъ Комитета Литературнаго Фонда	
Библиографическій Листокъ. — Жизнь и труды М. П. Погодина, книга XXI-ая, Н. Барсукова. — Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей, Е. Водовозовой. — Учебная книга древней исторіи, Н. И. Карѣева. — Осада и сдача Портъ-Артура, Эл. Бартлеттъ. Съ англ., п. р. полковника Хвостова.	

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсукова. Книга XXI-я, съ двумя портретами. Сиб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Постоянным вивисектом этого, по петлях, популяризатора науки, закончилось, къ великому сожалѣнью, не только самое изданіе, но и жизнь этого потрудившагося надъ нимъ автора: двадцать-шестилѣтняя жизнь, приготовленная имъ изъ рукописи, была назначена печатаніемъ и вышла въ свѣтъ уже послѣ смерти автора, въ концѣ прошедшаго года. Благодаря тому обстоятельству, что Погодинъ, въ качествѣ историка и дѣятельнаго публициста, являлся повсюду или съявлялся, или какъ противникъ того или другого факта изъ современной ему исторіи, — и описаніе его жизни само собой превратилось у Н. Барсукова въ нашу общественную исторію. Остатки жизни съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ собиралъ изъ одно послѣдующее изданіе все, что такъ или иначе касалось жизни Погодина. Такъ и истинная жизнь, всплывшая 1863 и 1864 годовъ, открываетъ подробнѣйшимъ описаніемъ путешествія въ Россію покойнаго Цесаревича Николая Александровича, вслѣдъ за окончаніемъ его учебнаго курса въ 1863 году; введено же это описаніе въ книгу о жизни и трудахъ Погодина только потому, что въ его „Запискахъ“ сообщается объ этомъ путешествіи. Въ томъ же 1863 году была открыта въ Москвѣ первая всеобщая Дума, а Погодинъ избранъ въ нее членомъ; благодаря послѣднему обстоятельству, мы изучили въ книгѣ, посвященной жизни Погодина, весьма интересное описаніе дѣятельности этой первой Думы. Такимъ образомъ, читатель имѣетъ постоянно предъ собою подробную и чрезвычайно впечатлѣтельную хроникъ не столько самой жизни Погодина, сколько того времени, которое она переживала, принимая иногда дѣтельное участіе въ совершавшихся при немъ событіяхъ.

Полозовова, Е. Н. — Умственное и нравственное воспитаніе дѣтей, отъ перваго произведенія сознания до физическаго возраста. 6-е исправленное изданіе. Сиб. 907. Ц. 2 р.

Авторъ называетъ свой трудъ „книгою для воспитателей“, — а не можно, по справедливости, назвать настоящею для нихъ книгою, — и не только для нихъ, но еще болѣе для родителей, такъ какъ авторъ весьма основательно настаиваетъ, что должное воспитаніе должно начинаться съ „перваго произведенія свѣтила“ въ ребенкѣ. Дошкольное воспитаніе обуславливаетъ и самое умелое воспитывающаго дѣтей воспитанія въ школѣ. „Идеальное воспитаніе — говоритъ авторъ — состоитъ изъ двоякаго элемента съ твердою волею, съ свѣдѣніемъ и сознательнымъ характеромъ, умственно и нравственно развитого“; — но забота объ осуществленіи такого идеала въ будущемъ должны начинаться съ самыхъ первыхъ шаговъ ребенка, какъ забота и растенія должны прививаться къ волю съ молодости его перваго ростка. Авторъ предпосылъ своему труду историческій обзоръ различныхъ воспитательныхъ системъ, начиная съ XVI и XVII столѣтій и даже, въ XVIII-мъ столѣтіи, первой половины XIX-го вѣка, и такъимъ

образомъ вводитъ до истиннонаучнаго года въ современнаго читателя о воспитаніи. Онъ свѣтъ, разсматривая условія, въ которыхъ должны существовать воспитаніе ребенка въ дошкольномъ его возрастѣ, а именно: съ психическимъ, нервною, авторъ останавливается на разсматриваніи практическихъ приемовъ воспитанія и умственнаго воспитанія. Въ заключеніе предлагается весьма подробно воспитательная система Фребеля по тремъ періодамъ дѣтскаго дошкольнаго возраста. Послѣднія главы посвящены плану дѣтскихъ подвижныхъ игръ и общему развѣдыванію ребенка свѣтлѣ и работѣ.

Барзиль, П. — Учебная книга древней исторіи. Съ историческими картами. Изд. 5-ое. Сиб. 907. Ц. 1 р. 35 к.

Учебная древней исторіи составляетъ на нѣмцонскихъ основаніяхъ съ учебниками по среднѣйшей и высшей исторіи, на которую мы ждемъ уже случая указать. И въ настоящемъ выпускѣ авторъ отмѣчаетъ въ учебникѣ въ его части, которая предназначена для представленія въ классѣ съ разсматриваніемъ и объясненіемъ ихъ содержанія. И этотъ выпускъ также снабженъ приложениями, куда вошли образцы содержанія учебника, и историческими картами. Пользуясь новыми изданіемъ учебника, авторъ въ предисловіи къ нему сообщаетъ, что оно выходитъ безъ существенныхъ перемѣнъ, въ силу того, что уже послѣ изданія перваго изданія имъ были изданы, какъ бы въ дополненіе этого учебника, двѣ книги, посвященныя съ нимъ въ тѣсной связи, а именно: „Государство-торговля античнаго міра“ и „Монархія древняго Востока и греко-римскаго міра“.

— Ослава и осада Порты-Артура, Изданіе Амвеля Барзильетти. Съ карт., и. р. и съ примѣк. Генеральнаго Штаба полковника Хлюстова. Сиб. 907. Ц. 3 р.

По изданію опытного и поистинѣ дѣла редактора русскаго перевода, трудъ Гл. Барзильетти составляетъ „одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій о Портѣ-Артурѣ, вышедшихъ въ свѣтъ до настоящаго времени не только въ Россіи, но даже и у насъ въ Россіи“. Авторъ состоялъ при японской арміи, осаждавшей Портъ-Артуръ вождъ командоу ген. Ногимъ, съ самаго начала осады, въ августѣ 1904 года и до паденія крепости, 4-го января 1905 года — и такимъ образомъ, онъ является ближайшимъ очевидцемъ всего, совершавшагося въ теченіи всей анти-японской осады. По изданію редактора русскаго перевода, книга вышла безъ пропусковъ, что, конечно, увеличиваетъ ее интересъ и значеніе. По всему заглавію въ этой книгѣ то, что и по признанію редактора перевода авторъ старался быть самымъ справедливымъ и беспристрастнымъ, и въ болѣе или менѣе случаевъ отдавалъ должное не своимъ японцамъ, но и намъ, русскимъ. Означительное изданіе автора о Сусо-сѣ и о русско-японской войнѣ: „Нелѣпый дру-гой генералъ, разсчитавшій войскамъ, которые могли и желали биться, какъ бились русская армія на Вислой горѣ, удерживали бы японцевъ, пока не сдѣлали воспитаній сахара и не вынуждена послѣдняя пуля“.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1907 г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходить въ перерывъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Павла	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой . . .	16 „ —	8 „ —	8 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ —	9 „ —	9 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —	4 „ —
За утѣшитель, въ госуд. почтой, союзн. . .	19 „ —	10 „ —	9 „ —	5 „ —	5 „ —	4 „ —	4 „ —

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Платить разсрочку годовою подпискою на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюль и въ октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

въ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

въ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печенковой, въ Петровскихъ линіяхъ.

въ СІБІРЬ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатики, 55.

въ ОДЕСѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевскій, 12.

въ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать не только имя, отчество, фамилію, съ точности обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ напечатаніемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (№) *допускается* указать журналъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемена адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прошлаго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходятъ въ мѣстожитіе, означивъ сумму 1 руб. — 3) *Жилы* на иностранности доставлять посылкою исключительно въ Редацію журнала, если подписка была сдѣлана въ иностранномъ мѣстожитіи и, означивъ обозначеніе отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть въ подлинно сдѣланной копіи журнала. — 4) *Должны* на получение журнала означаться Конторою только тѣмъ изъ иностранныхъ или иностранныхъ мѣстожитіи, которые признавать за почтовой суммой 14 коп. почтовыми марками.

Издателъ и единственный редакторъ Н. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Пас.-Остр., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Петербургская-Остр., Кронверкскій ул., 21.

